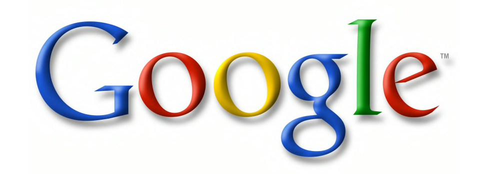
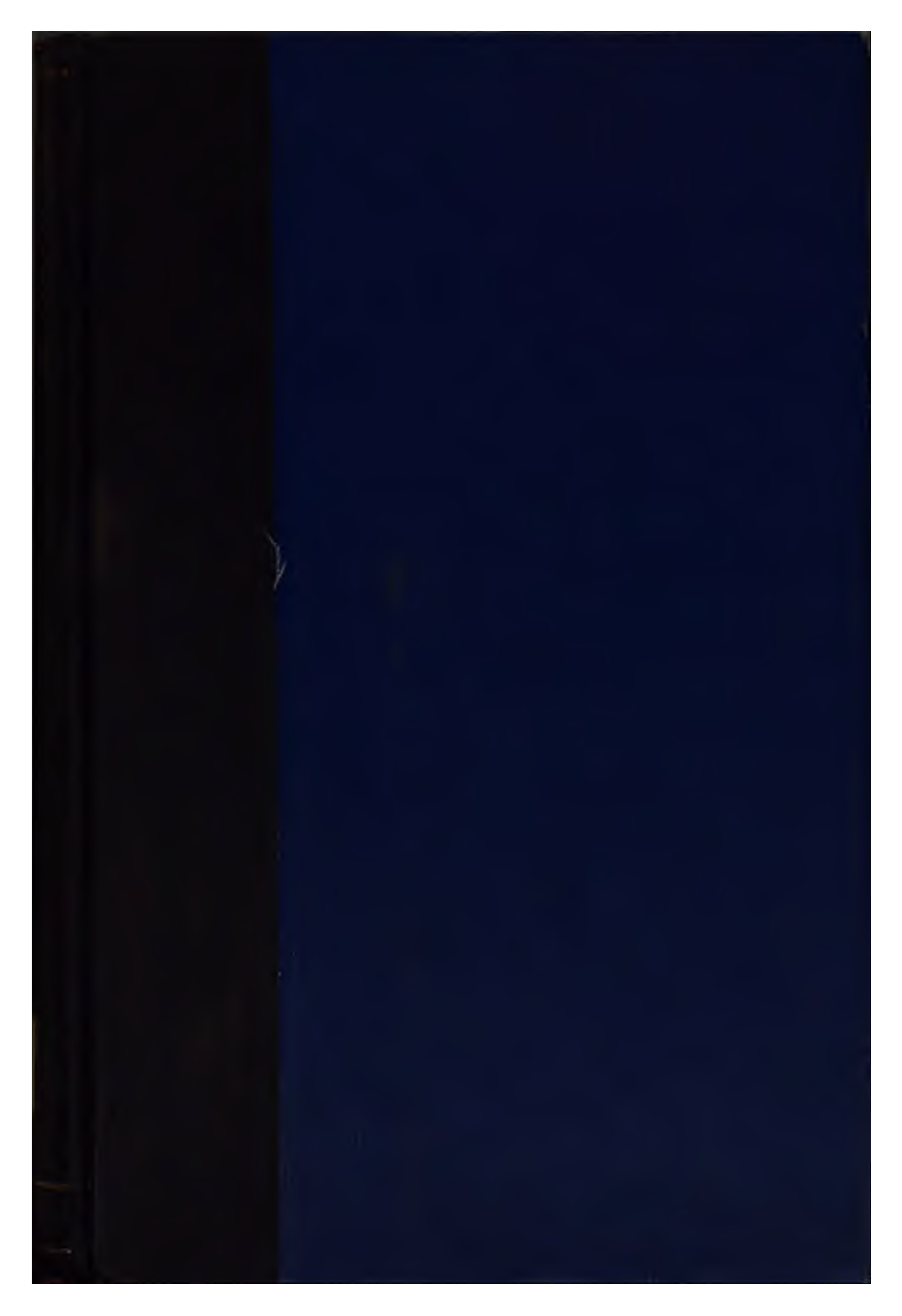
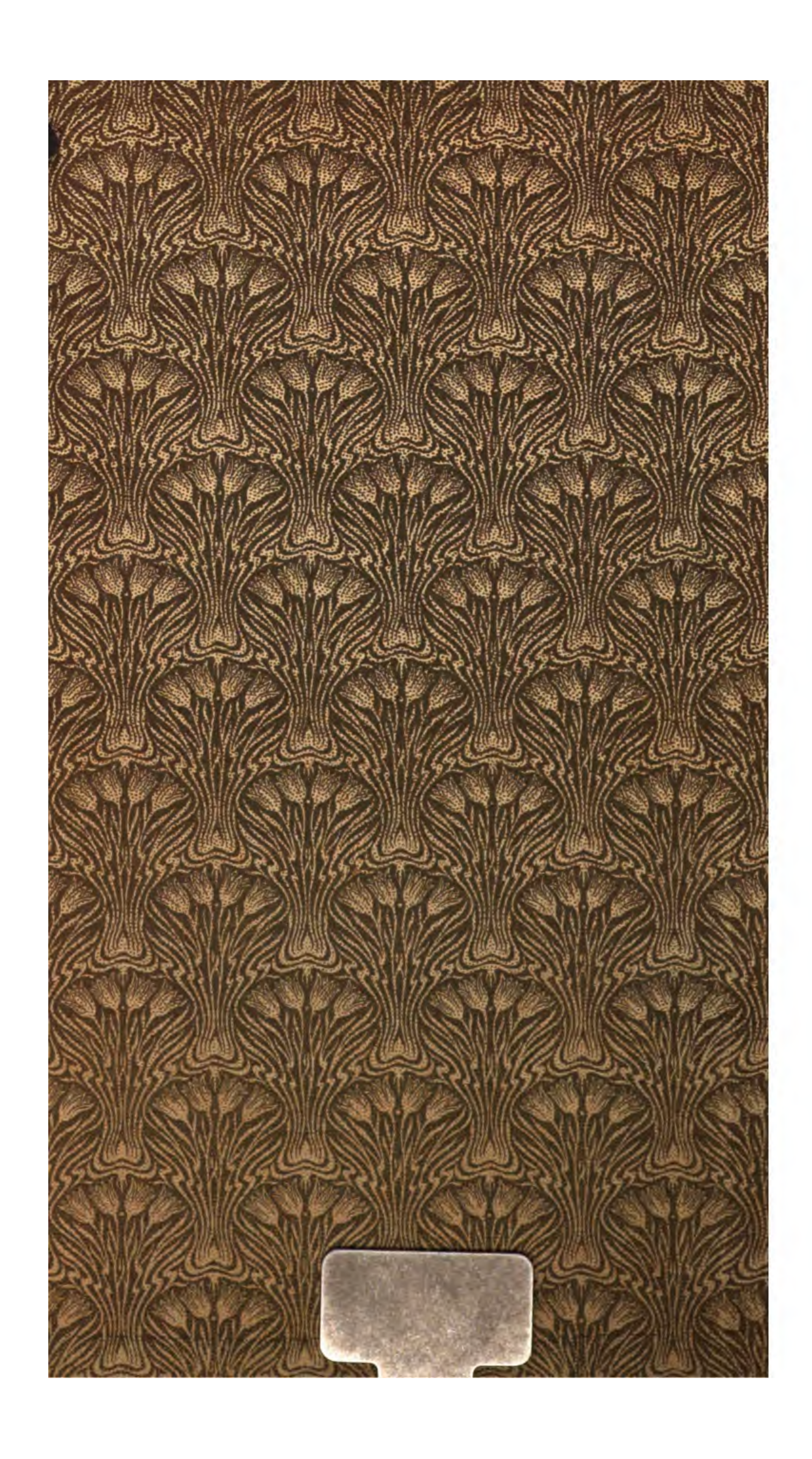
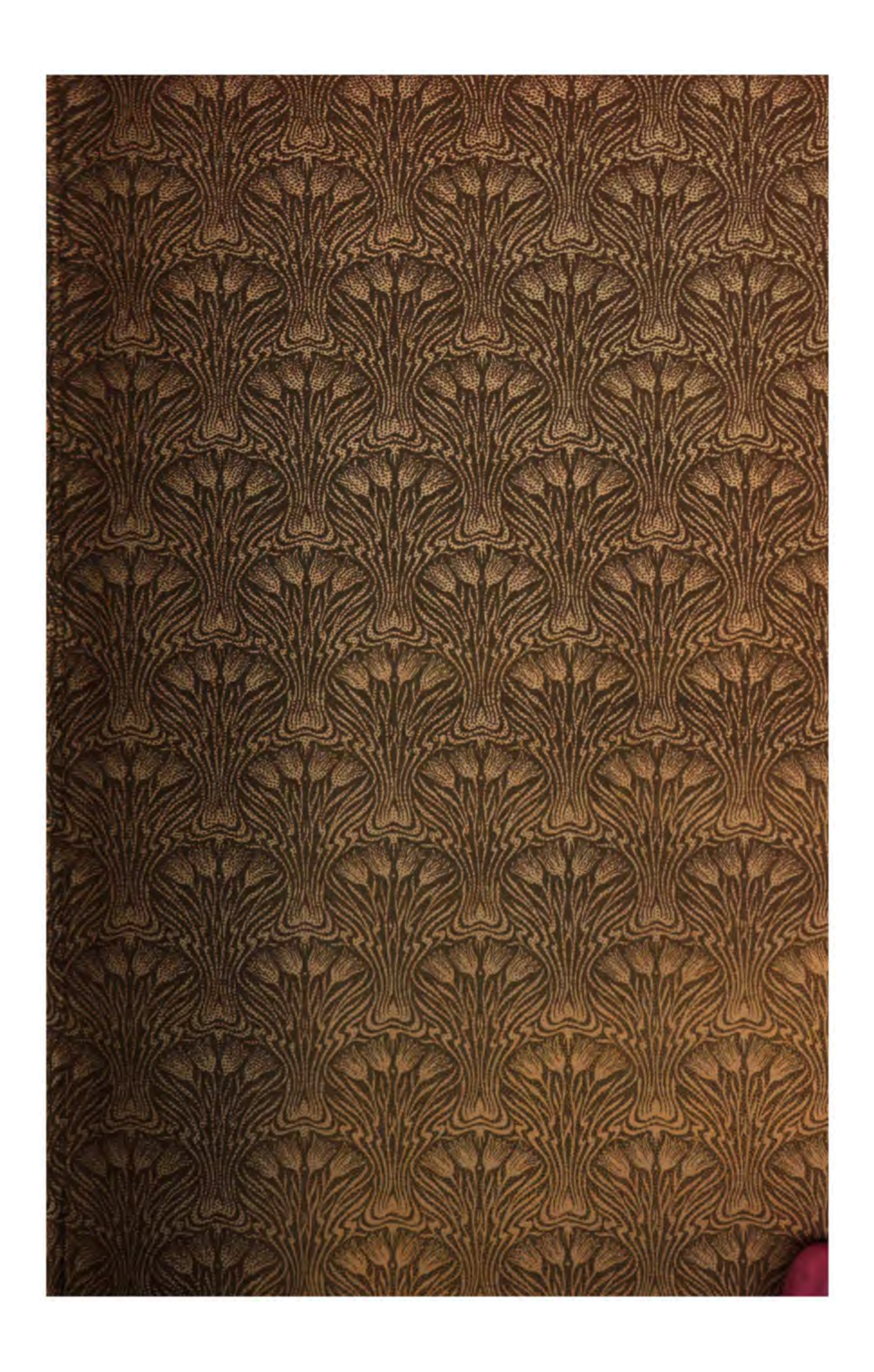
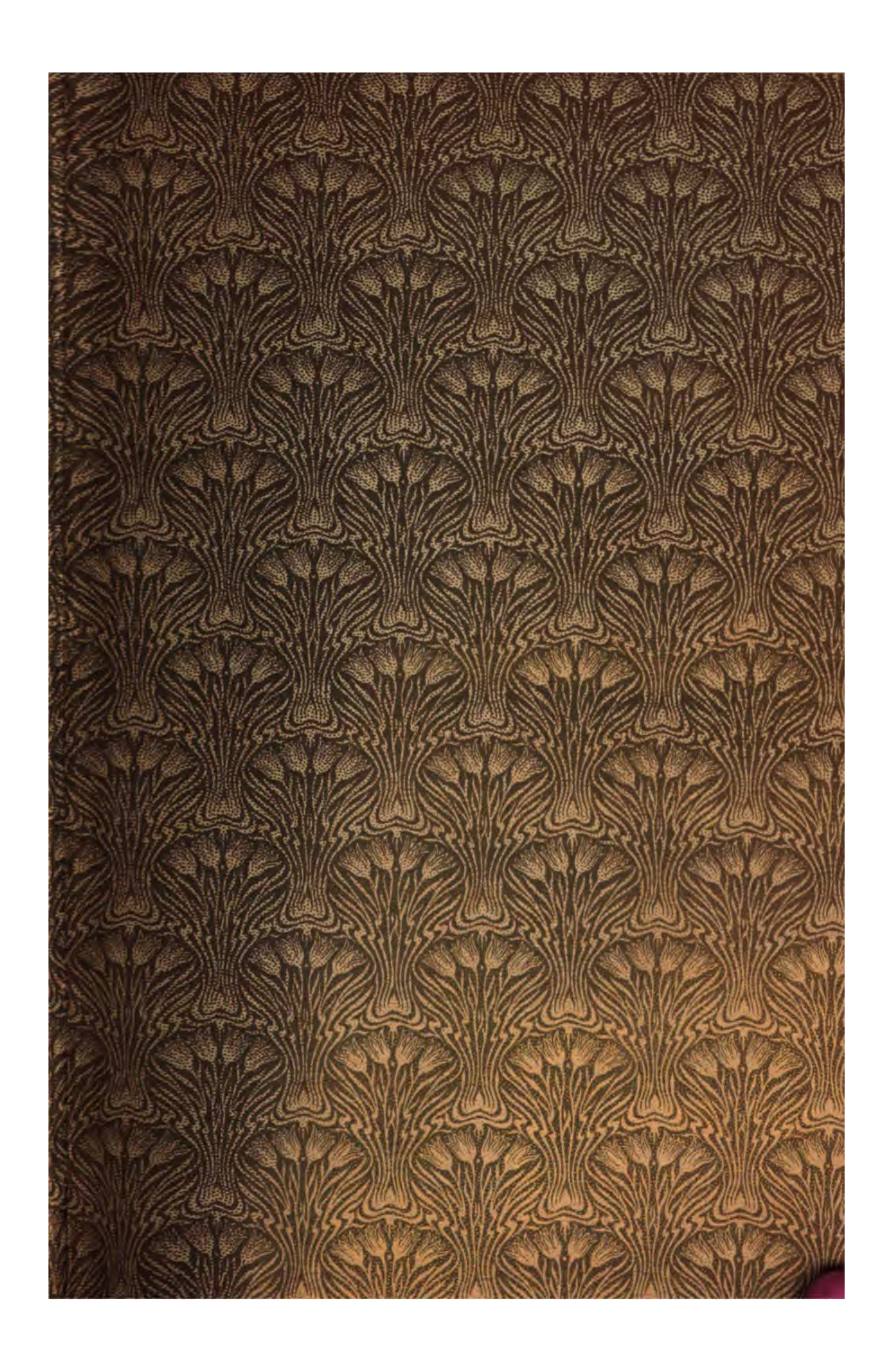

КУРСЪ

РУССКАГО

УГОЛОВНАГО ПРАВА

СОЧИНЕНІЕ

АЛЕКСАНДРА ЛОХВИЦКАГО,

ДОКТОРА ПРАВЪ.

In legibus salus.

ВТОРОЕ ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНІЕ, СВЕДЕННОЕ СЪ КАССАЦІОННЫМИ РѢШЕНІЯМИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

СКОРОПЕЧАТНЯ Ю. О. ШРЕЙЕРА (МИЛЛІОННАЯ, 7).

1871.

Потребность во второмъ изданіи, которая обнаружилась чрезъ годъ послѣ выпуска перваго, показываетъ, что курсъ нашъ, при всѣхъ его недостаткахъ, приноситъ пользу. Мы надѣемся, что настоящее изданіе будетъ болѣе достойно вниманія учащихся и практикующихъ юристовъ.

А. Лохвицкій.

С. Петербургъ,
26-го іюля, 1871 года.

Дополненіе.

1871 г. 21 мая, когда была уже напечатана XX глава нашего курса, вышелъ законъ, которымъ существенно измѣнена 1583 ст. Улож. а именно, выраженіе „жестокое обращеніе" вовсе уничтожено, и постановлено, что за нанесеніе супругу увѣчья, ранъ, истязаній и другихъ тѣлесныхъ поврежденій, виновный супругъ подвергается наказанію двумя степенями выше, противъ нормальнаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ прибавлено, что такого рода дѣла начинаются лишь по жалобѣ потерпѣвшаго супруга или его родителей, за исключеніемъ лишь того случая, когда насиліе имѣло слѣдствіемъ лишеніе жизни, разсудка, языка, слуха, зрѣнія или одного изъ членовъ тѣла.

АББРЕВІАТУРЫ.

Кассац. ... г. № = Сборникъ рѣшеній уголовнаго кассаціоннаго департамента Правительствующаго Сената ... года № ...

Улож. = Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, изд. 1866 г.

(Цифра) = Статьи Уложенія.

Миров. Уст. = Уставъ о наказаніяхъ налагаемыхъ мировыми судьями.

ГЛАВА I.

УГОЛОВНЫЙ ЗАКОНЪ.

(Улож. ст. 169—175).

Общій уголовный законъ Имперіи: Уложеніе и Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ Мировыми Судьями. — Наказательная власть родителей, мужа. — Церковный уголовный законъ; дѣйствіе его на всѣхъ гражданъ, предѣлы; дѣйствіе его надъ духовенствомъ; Уставъ Консисторій и другіе церковные законы; дѣйствіе церковно-уголовныхъ законовъ католическаго, армянскаго, лютеранскаго надъ духовенствомъ.—Военно-уголовный законъ и случаи его общаго дѣйствія.

Основный характеръ уголовнаго законодательства: оно есть общее для всѣхъ мѣстъ и для всѣхъ гражданъ Имперіи. Изъятія изъ этого положенія: 1) для различныхъ инородческихъ племенъ; 2) для крестьянъ; 3) для каторжныхъ и ссыльныхъ. Изъятіе полное отъ дѣйствія Уложенія относительно дипломатическихъ агентовъ и нѣкоторыхъ другихъ иностранцевъ; относительно иностранныхъ кораблей. Распространеніе дѣйствія Уложенія на преступленія, совершенныя внѣ предѣловъ Имперіи.

Законы естественные вѣчны, непреложны, исполняются всѣми не произвольно, не могутъ быть нарушаемы. Но законы, управляющіе человѣческими обществами, хотя и извлекаются изъ ихъ природы, требуютъ для своего выполненія сознанія, а потому и могутъ быть нарушаемы. Отсюда слѣдуетъ, что каждый общественный законъ долженъ быть обезпеченъ отъ нарушенія, иначе онъ будетъ мертвой буквой. Охраненіе общественнаго закона отъ нарушенія обезпечивается, во первыхъ, мѣрами полицейскими, т. е. такими установленіями, которыя предупреждаютъ это нарушеніе, а когда оно состоялось, то всегда и вездѣ является другой родъ мѣръ—наказаніе. Систематическое собраніе законовъ о наказаніяхъ и о тѣхъ нарушеніяхъ, за которыя онѣ налагаются называется уголовнымъ сводомъ или кодексомъ, а у насъ въ настоящее время *Уложеніемъ о наказаніяхъ уголов-*

ныхъ и исправительныхъ *). Кромѣ Уложенія есть другой уголовный кодексъ, составляющій дополненіе къ первому, — *Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ Мировыми Судьями.* (Изд. 1864 г. 20 ноября). Эти два кодекса составляютъ общій дѣйствующій уголовный законъ Имперіи. **)

Право издавать уголовные законы, т. е. опредѣлять какія дѣянія именно составляютъ преступленія и какія за нихъ слѣдуютъ наказанія, принадлежитъ только верховной законодательной власти. Никакой сановникъ, министръ или генералъ-губернаторъ не можетъ издать подобнаго постановленія. Министерскія распоряженія могутъ касаться только способовъ наблюденія за исполненіемъ закона. Право наказывать есть право государственное; только спеціально назначенные государствомъ органы (судебныя власти) могутъ судить и прилагать къ лицамъ уголовный законъ ***). Въ древнія времена, кромѣ государства, семейныя и церковныя власти пользовались обширнымъ правомъ наказанія. У насъ еще по Уложенію царя Алексѣя Михайловича дѣти наказывались кнутомъ за жалобу на ро-

---

*) Для краткости мы будемъ при ссылкахъ называть его—*Уложеніемъ.* Цитовать Уложеніе мы будемъ по изданію 1866 г., при чемъ вездѣ, гдѣ будетъ стоять одна цифра статьи, это будетъ означать статью Уложенія. До изданія Уложенія дѣйствовалъ Сводъ Законовъ о преступленіяхъ и наказаніяхъ, составлявшій, какъ и впослѣдствіи Уложеніе, первую часть XV т. общаго Свода Законовъ Россійской Имперіи. Этотъ уголовный кодексъ мы будемъ обозначать словомъ *Сводъ* съ присоединеніемъ года изданія.

**) Законы уголовнаго судопроизводства изложены въ двухъ кодексахъ: Уставъ Уголовнаго Судопроизводства 20 ноября 1864 г. и 2-я часть XV т. Св. Законовъ; послѣдній дѣйствуетъ еще до времени въ тѣхъ губерніяхъ, въ которыхъ не введена судебная реформа. Мы будемъ имѣть дѣло только съ первымъ кодексомъ.

***) Но уклоненія отъ этого начала бывали нерѣдки въ прежнее время; онѣ случаются иногда и теперь; такъ напр. въ 1870 годъ министръ просвѣщенія графъ Толстой предписалъ взимать денежный штрафъ съ крестьянъ прибалтійскихъ губерній за неотправленіе дѣтей въ народныя школы. Мало того, у насъ попадались даже случаи, что частныя лица присвоивали себѣ право суда и наказанія, вовсе того не скрывая. Такъ, въ газетахъ очень часто публиковали владѣльцы петербургскихъ дачъ, что они будутъ отымать ружья и собакъ у тѣхъ, кто будетъ охотиться на ихъ землѣ. Любопытно, что эти объявленія помѣщались съ разрѣшенія оберъ-полиціймейстера съ 1860 г., когда нами было указано на эти безобразія.

Въ правилахъ, изданныхъ совѣтомъ петербургскаго университета предоставлено университетскому суду право подвергать студентовъ аресту, т. е. срочному лишенію свободы, между тѣмъ какъ новымъ Уставомъ Университетовъ вовсе не дано имъ такой власти. Это замѣчательный примѣръ слабости пониманія юридическихъ началъ, выраженный ученою корпораціей, въ составѣ которой находится юридическій факультетъ.

дителей; родители за убійство дѣтей подвергались только годичному тюремному заключенію, — отсюда прямо слѣдуетъ, что государство предоставляло родителямъ всѣ права наказанія надъ дѣтьми, кромѣ смертной казни. Впослѣдствіи это право родителей было ограничено, и въ настоящее время они могутъ безъ суда только отдавать дѣтей въ смирительный домъ (ст. 1592). Право родителей на наказаніе дѣтей не подлежитъ никакому сомнѣнію, хотя оно прямо и не высказано закономъ; но оно ограничено лишь такъ называемыми мѣрами домашняго исправленія: тяжкіе, подвергающіе опасности жизнь, побои и вообще жестокое обращеніе составляетъ преступленіе *). Такими же родительскими правами наказанія пользуются казенныя школы, — здѣсь это право дано въ извѣстномъ размѣрѣ государствомъ въ Уставахъ этихъ заведеній; далѣе частныя школы и мастера — не иначе, какъ съ согласія родителей. **)

(*) См. Зак. Гражд. ст. 168; Кассац. 1868 г. № 160. Подробности изложены въ отдѣлѣ Курса о прест. противъ правъ семейственныхъ.

**) Новый Университетскій Уставъ (1863 г.) ввелъ судебное установленіе для суда надъ проступками студентовъ въ стѣнахъ университета—университетскій судъ. Университетскія наказанія имѣютъ высшимъ предѣломъ—исключеніе изъ заведенія. Въ уставахъ гимназическомъ и различныхъ казенныхъ учебныхъ заведеній подробно обозначена наказательная власть начальства ихъ. Клубы и другія утвержденныя начальствомъ общества имѣютъ право, на основаніи своихъ уставовъ, подвергать членовъ—исключенію, записыванію на доску (наказаніе опозоривающее). У насъ были примѣры, что частныя общества исключали своихъ членовъ съ опубликованіемъ въ отчетахъ,—такъ поступило въ 1862 г. Московское Общество Исторіи и Древностей, хотя въ уставѣ ему не дано этого права. Въ этомъ случаѣ, по нашему мнѣнію, основанному на примѣрахъ западной практики, обиженное лицо имѣетъ право вчинать искъ въ судахъ.

Права нянекъ, гувернантокъ, содержателей частныхъ школъ на мѣру наказаній ввѣренныхъ ихъ попеченію дѣтей, разумѣется, не могутъ быть больше тѣхъ, которыя имѣютъ родители; власть этихъ лицъ установляется порученіемъ родителей и обычаемъ; если родители отдали ребенка въ такую школу, гдѣ существуетъ наказаніе розгами, оставленіе безъ обѣда и т. п., не сдѣлавши оговорки, то, разумѣется, не могутъ обвинять содержателя школы въ оскорбленіи ихъ ребенка. Намъ извѣстенъ случай преслѣдованія родителями содержательницы пансіона, высѣкшей ихъ 12-лѣтнюю дочь, какъ за истязаніе. По народному обычаю школьные учителя имѣютъ широкое право наказанія; родители часто обращаются къ нимъ для наказанія дѣтей за проступки, учиненные внѣ школы. Еще недавно въ нашихъ казенныхъ училищахъ въ особенности военныхъ и духовныхъ, существовали жестокія тѣлесныя наказанія. Опекуны имѣютъ также родительское право наказанія, хотя объ этомъ не сказано прямо въ законѣ, но такъ слѣдуетъ изъ смысла опекунской власти по опредѣленію ст. 263 Зак. Гражд. Но безсудное право отдавать дѣтей въ смирительный домъ принадлежитъ, по нашему мнѣнію,

Право наказанія мужа надъ женой, столь сильное въ древней Россіи, въ настоящее время по закону не существуетъ вовсе. Безсудная власть гражданскаго начальства надъ чиновниками распространяется до ареста на 7 дней (ст. 69). Предсѣдатель суда имѣетъ безсудное право подвергнуть аресту на 24 часа всякаго нарушающаго тишину во время судебнаго засѣданія. Въ древности несостоятельный должникъ дѣлался рабомъ кредитора. Въ настоящее время сохранился еще слѣдъ власти кредиторовъ: „Кто изъ лицъ торговаго званія будетъ признанъ банкротомъ неосторожнымъ, тотъ по требованію и усмотрѣнію заимодавцевъ заключается въ тюрьму на время отъ 8 мѣзяцевъ до 1 года и 4 мѣсяцевъ". (Улож. ст. 1165).

Церковь до Петра Великаго имѣла обширное право наказанія и свой уголовный кодексъ. Духовенство подлежало церковному суду во всѣхъ преступленіяхъ, даже въ разбоѣ и смертоубійствѣ. Такъ было постановлено на соборѣ 1666 г. Впослѣдствіи хотя и постановлено было, что духовные за важныя преступленія предаются общему суду и судятся по общимъ уголовнымъ законамъ, но утвержденіе слѣдствія и преданія суду принадлежало только архіерею. Кромѣ того граждане во многихъ преступленіяхъ подлежали церковному суду и дѣйствію церковныхъ уголовныхъ законовъ за всѣ преступленія противъ вѣры и нравственности, считавшіяся въ то время по наказаніямъ самыми важными уголовными. Со времени Петра этотъ порядокъ дѣлъ, противный идеѣ государственной власти, совершенно измѣнился. Но и теперь еще существуютъ остатки уголовной церковной власти. Ст. 169 говоритъ: „Дѣйствіе постановленій сего Уложенія не распространяется на дѣла подлежащія суду по законамъ церковнымъ".

только родителямъ и не можетъ быть ими передаваемо. Впрочемъ, по особому законодательному распоряженію, это право предоставлено начальству гатчинскаго института.

При существованіи крѣпостнаго права помѣщики имѣли обширное право наказанія надъ крестьянами: наказаніе розгами до 40 ударовъ, отдача въ смирительный домъ, ссылка на водвореніе въ Сибирь. Часть этихъ правъ они передавали мастерамъ, которымъ отдавали въ выучку малолѣтнихъ крѣпостныхъ; поэтому и мастеръ въ прежнее (еще недавнее) время былъ однимъ изъ грозныхъ проявленій безправія. Теперь мастерамъ предоставлены надъ малолѣтними ремесленниками мѣры домашняго исправленія, въ томъ числѣ и наказаніе розгами до 6 ударовъ (ст. 1377).

Въ древности несостоятельный должникъ дѣлался рабомъ кредитора. Въ настоящее время сохранился еще слѣдъ власти кредиторовъ: «кто изъ лицъ торговаго званія будетъ признанъ банкротомъ несостоятельнымъ, тотъ, по требованію заимодавцевъ, заключается въ тюрьму на время отъ 8 мѣсяцевъ до 1 года и 4 мѣсяцевъ» (Улож. ст. 1165).

По закону (т. е. по Уложенію и Уст. Угол. Судопроизв.) церковному суду подлежатъ тѣ дѣла, за которыя постановлено только церковное покаяніе или отсылка въ распоряженіе духовнаго начальства (Уст. Уг. Судопр. ст. 1002, 1003), а если сверхъ того постановлено и другое наказаніе, то судитъ гражданскій судъ, но о наложеніи церковнаго покаянія обращается къ духовному начальству. Церковное покаяніе, какъ единственное наказаніе, опредѣляется за нѣкоторыя нарушенія церковныхъ постановленій, за неподаніе помощи погибающему, и т. п.; а какъ дополнительное—за всѣ преступленія, которыя соединены съ нарушеніемъ узъ крови, неосторожное убійство, противоестественные пороки. Законъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ говоритъ прямо о церковномъ покаяніи, въ другихъ же — о „внушеніи отъ духовнаго начальства" (напр. 209 ст.) или неопредѣленно: объ отсылкѣ „къ духовному начальству для вразумленія ихъ (виновныхъ) и поступленія по церковнымъ правиламъ" (ст. 207) или какъ напр. за уклоненіе православныхъ отъ исповѣди и причастія: „церковнымъ наказаніямъ по усмотрѣнію и распоряженію духовнаго начальства" (ст. 188, 208). Родъ и срокъ продолженія церковнаго покаянія не опредѣленъ Уложеніемъ. Можетъ ли духовное начальство отослать напр. въ монастырь на 5—10 лѣтъ? Въ 208 ст. Улож. положено ограниченіе только для служащихъ и крестьянъ, — чтобы они не были надолго отвлекаемы одни отъ службы, другіе — отъ домовъ и работъ своихъ. Очевидно, что церковное покаяніе, не ограниченное закономъ, можетъ обратиться въ долговременное заключеніе въ монастырѣ, т. е. особеннаго рода тюрьмѣ. Оно можетъ быть даже вѣчнымъ, въ случаѣ, если отступившій отъ православія или христіанской вѣры будетъ упорствовать въ отступленіи (ст. 185, 188). Въ этомъ случаѣ судьба его, его свобода, совершенно зависятъ отъ духовнаго начальства, т. е. оно одно судитъ, искренно или не искренно было раскаяніе и намѣреніе возсоединиться.

Но во всѣхъ этихъ случаяхъ церковное начальство не имѣетъ иниціативы преслѣдованія: его право наказанія обнаруживается только по представленіи ему виновнаго гражданскою властью. Изъ этого исключаются дѣла о небытіи на исповѣди: наблюденіе представляется здѣсь духовному начальству, и ему же принадлежитъ иниціатива преслѣдованія (Св. Зак. т. XIV, Уст. о пред. преступ. ст. 23—27). Далѣе, духовная власть можетъ по собственному усмотрѣнію налагать публичную эпитимью и дѣлать внушенія (тамъ же, ст. 27). Что касается до права проклятія, то Духовнымъ Регламентомъ оно отнято у архіереевъ и предоставлено только Св. Синоду. По законамъ Петра В. проклятые сравнивались съ *шельмами*, т. е. каждый могъ ихъ безнаказанно бить и грабить. Какъ извѣстно изъ исторіи, оно налагалось Синодомъ не иначе, какъ по требованію государственной власти. Отлученіе отъ церкви, какъ видно изъ нѣкоторыхъ ста-

тей закона, признается за духовной властью, и такъ какъ это наказаніе нигдѣ не опредѣлено въ Уложеніи, то слѣдуетъ заключить, что духовная власть употребляетъ его самостоятельно и независимо. Это наказаніе имѣетъ извѣстныя юридическія послѣдствія (Уст. Угол. Суд. ст. 95).

Лица духовнаго вѣдомства подлежатъ сверхъ того дѣйствію церковныхъ законовъ за проступки противъ церковной дисциплины и благочинія. Размѣръ наказанія не опредѣленъ Уложеніемъ. Такъ какъ каждое лицо бѣлаго и чернаго духовенства имѣетъ право свободнаго выхода изъ этого сословія (Св. Зак. т. IX, ст. 253, 276), то, казалось бы, что всякое дисциплинарное наказаніе условливается согласіемъ наказуемаго; если онъ объявитъ желаніе выдти изъ духовнаго званія, то тѣмъ самымъ онъ подчиняется дѣйствію общихъ законовъ, съ общими правами свободнаго человѣка. Но у насъ вопросъ этотъп оставленъ иначе: церковный судъ является не отдѣльнымъ отъ государственнаго, а вѣтвью его, потому что уставъ его утвержденъ государствомъ, государство имѣетъ своихъ прокуроровъ при церковныхъ судахъ. Впрочемъ, мы полагаемъ, что нѣкоторыя наказанія, имѣющія характеръ испытанія, напр. отдача священнослужителей въ причетники, на эпитимью въ монастырь и т. п. должны прекращаться съ объявленіемъ объ увольненіи изъ духовнаго званія.

Кромѣ того законъ (Улож. ст. 86) опредѣляетъ, что священнослужители и монашествующіе, которые осуждаются на заключеніе безъ потери духовнаго сана, т. е. на арестъ, тюремное заключеніе и заключеніе въ смирительномъ домѣ и крѣпости, „отсылаются не въ мѣста заключенія, а къ ихъ эпархіальному начальству *для исполненія приговора по его распоряженію*“. Что же должно сдѣлать эпархіальное начальство? Куда и на какой срокъ, — на тотъ-ли который означенъ въ приговорѣ гражданскаго суда, или другой,—оно должно отправить виновныхъ—это въ Уложеніи не опредѣлено вовсе.

Безъ сомнѣнія, церковь должна имѣть, болѣе всякаго другаго общества, право извѣстной власти надъ своими служителями и членами. Но это право не должно переходить въ наказаніе, въ томъ смыслѣ, какъ оно существуетъ въ государствѣ. Церковь можетъ налагать эпитиміи, отлучать—но право на наказаніе въ собственномъ смыслѣ очевидно принадлежитъ не ей, а государству. Нѣкоторыя законодательства, напр. французское, даже ограничиваютъ право духовныхъ властей на чисто духовныя наказанія, когда видятъ, что чрезъ это можетъ быть взволнована совѣсть народа, слѣдовательно могутъ произойти явленія, несогласныя съ общественнымъ порядкомъ и спокойствіемъ.

Въ отношеніи духовенства нашъ законъ признаетъ дѣйствія церковныхъ постановленій всѣхъ христіанскихъ исповѣданій, признанныхъ въ Россіи.

Православные священно и церковнослужители подсудны духовному суду и подвергаются церковнымъ наказаніямъ: 1) во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда въ Уложеніи опредѣлено одно церковное покаяніе или предоставленіе въ распоряженіе духовнаго начальства (Уст. Уг. Суд. ст. 1002); 2) въ случаѣ нарушенія своихъ духовныхъ обязанностей, дисциплинарныхъ проступковъ. Эти нарушенія подробно исчислены во II гл. Уст. Духов. Консисторій: совершеніе богослуженія въ нетрезвомъ видѣ, допущеніе по нерадѣнію смерти младенца безъ крещенія или взрослаго безъ причастія, незаконное вымогательство за исполненіе требъ *), нетрезвая жизнь, вѣнчаніе лицъ, не имѣющихъ опредѣленнаго закономъ возраста, или лицъ, обязанныхъ супружествомъ, если это произошло безъ умысла, а только по непринятію законныхъ предосторожностей, и т. под.; кромѣ того за нѣкоторыя маловажныя преступленія духовное лицо подлежитъ сверхъ гражданскаго и и церковному наказанію: такъ, священнослужитель, который въ церкви во время священнослуженія ударитъ кого либо, подвергается, сверхъ того наказанія, которое слѣдуетъ по Уложенію, низверженію въ причетники; за оскорбленіе словами внѣ церкви — или тому же наказанію или денежной пенѣ въ пользу сиротъ духовнаго званія; за обиды, нанесенныя ими лицамъ свѣтскимъ **).

Духовный судъ можетъ подвергать духовныхъ лицъ слѣдующимъ наказаніямъ: 1) лишенію священнослужителей сана, а священномонашествующихъ—сана и монашества, съ исключеніемъ изъ духовнаго званія. Званіе священнослужителя имѣетъ у насъ двоякій характеръ. Оно есть во первыхъ духовный санъ, дающій право совершать таинства, священнодѣйствовать, а во вторыхъ—оно есть сословіе, т. е. лицо, получившее это званіе, помимо своего происхожденія, получаетъ сословныя преимущества для себя и для своихъ дѣтей такія же, и даже нѣсколько большія, какія имѣютъ почетные граждане. Правъ состоянія лица гражданскаго вѣдомства лишаются только за такія уголовныя преступленія, за которыя слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, ссылка на житье. Духовныя лица подлежатъ тому же за общія преступленія. Если же они добровольно слагаютъ священнослужительское званіе, то лишаются правъ пріобрѣтенныхъ чрезъ него, но сохраняютъ тѣ, которыя имѣютъ по рожденію или по образованію. Надобно было бы ожидать, что лишеніе сана за одно церковное преступленіе и по одному церковному суду, означаетъ только лишеніе права священнодѣйствовать, но не лишеніе сословныхъ правъ, которыя они имѣютъ по

---

*) Подъ вымогательствомъ надобно разумѣть требованіе платы сверхъ той, которая утверждена Императоромъ Александромъ I въ 1801 г.

**) Прав. Сенатъ разъяснилъ, что сюда относятся и оскорбленія дѣйствіемъ и клевета (Кассац. 1867 г. №№ 181 и 284).

рожденію, или тѣхъ, которыя имѣютъ по образованію. Не такъ однако разрѣшенъ этотъ вопросъ въ Уставѣ консисторій. Изъ примѣчанія къ 187 ст. видно, что лишеніе священнослужительскаго сана бываетъ съ оставленіемъ въ духовномъ званіи и съ исключеніемъ изъ него; въ последнемъ случаѣ священнослужители обращаются въ податное званіе, — слѣд. здѣсь происходитъ лишеніе сословныхъ правъ такое, какое бываетъ за важныя уголовныя преступленія, судимыя не иначе, какъ съ присяжными засѣдателями; въ первомъ случаѣ надобно также заключить, что священнослужитель лишается своихъ сословныхъ правъ, хотя этого прямо и не сказано, — но, повторяемъ, можно заключить изъ того, что въ такомъ случаѣ предписано объ имѣющихъ ордена и другіе знаки отличія представлять установленнымъ порядкомъ для снятія ихъ,—а лишеніе орденовъ, по общему правилу, бываетъ только при осужденіи на наказаніе, сопряженное съ потерею сословныхъ правъ.

Другія наказанія за церковныя преступленія по духовному суду суть слѣдующія: временное запрещеніе въ священнослуженіи съ опредѣленіемъ въ причетники, запрещенія съ епитимьею въ монастырѣ, временное испытаніе въ архіерейскомъ домѣ или въ монастырѣ, отрѣшеніе отъ мѣста, пеня и денежное взысканіе, и другія низшія наказанія.

Таково обширное дѣйствіе церковнаго закона и суда надъ бѣлымъ духовенствомъ. Къ монашествующему духовенству прилагаются сверхъ наказаній, исчисленныхъ въ Уставѣ Духовныхъ Консисторій, и другія. „Они подвергаются, говоритъ 207 ст. Уст. Консисторій, и другимъ мѣрамъ взысканія, кои изложены въ завѣщаніяхъ инока, переданныхъ св. Василіемъ Великимъ, во 2 части Кормчей книги, въ Номаканонѣ и въ Духовномъ Регламентѣ".

Церковныя дисциплинарныя наказанія, налагаемыя римско-католическимъ судомъ на духовныхъ лицъ этого исповѣданія, не могутъ превышать отрѣшенія отъ должности (Св. Зак. т. XI, ч. I ст. 63). Духовные суды лютеранской церкви могутъ за проступки противъ должности опредѣлять проповѣднику и лишеніе сана (тамъ-же, ст. 367), при чемъ если онъ не имѣлъ по рожденію дворянскихъ правъ, то обязанъ избрать родъ жизни. Сила дѣйствія церковнаго армяно-грегоріанскаго закона вовсе не опредѣлена: въ 940 ст. I ч. XIV т. сказано глухо, что эчміадзиненскій синодъ вмѣстѣ съ патріархомъ рѣшаетъ окончательно дѣла „о тѣхъ преступленіяхъ духовныхъ, кои не подлежатъ уголовному суду". Надобно полагать, что власть его не можетъ идти далѣе лишенія сана.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ граждане подлежатъ дѣйствію военно-уголовныхъ законовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ военному суду. Въ новомъ Уст. Угол. Суд. постановлено, что дѣйствію военно-уголовныхъ законовъ граждане подлежатъ только въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя будутъ объявлены

состоящими на военномъ положенiи и только за тѣ преступленiя, которыя будутъ поименованы въ указѣ. Между тѣмъ какъ въ прежнее время существовали цѣлые разряды преступленiй, за которыя граждане подчинялись дѣйствiю военнаго закона, и вообще было въ обычаѣ отдавать подъ военный судъ всякое выходящее по чему либо изъ ряда дѣло *).

Наконецъ, въ одномъ случаѣ, о которомъ будетъ сказано ниже, могутъ имѣть нѣкоторое дополнительное дѣйствiе и иностранные уголовные кодексы (ст. 174).

Разсмотрѣвши вопросъ о тѣхъ уголовныхъ законахъ, которымъ подчинены русскiе граждане вообще,—переходимъ къ другому: къ изъятiю изъ дѣйствiя общихъ уголовныхъ законовъ, относительно разныхъ лицъ.

Отличительный характеръ новыхъ государствъ въ сравненiи съ средневѣковыми состоитъ въ томъ, что законы имѣютъ общiй, земскiй характеръ, пишутся для всего народа, тогда какъ въ среднiе вѣка каждая область, часто даже каждый городъ, каждое сословiе имѣло свои административные, гражданскiе и уголовные законы. Единство государства и твердость нацiональнаго чувства необходимо условливаютъ для своего бытiя единство законовъ. У насъ существуютъ еще области, имѣющiя отдѣльные административные и гражданскiе законы, но законы уголовные, т. е. Уложенiе о наказанiяхъ, имѣетъ одинаковую силу во всей Имперiи. Далѣе, всѣ сословiя подчиняются дѣйствiю тѣхъ же уголовныхъ законовъ, кромѣ нѣкоторыхъ незначительныхъ различiй для привилегированныхъ классовъ въ наказанiяхъ (именно—они не подвергаются заключенiю въ арестантскiя роты и рабочiй домъ, а вмѣсто этого ссылаются на житье въ Сибирь или отдаленныя губернiи Европейской Россiи). Россiя впрочемъ никогда не имѣла отдѣльныхъ уголовныхъ законовъ для различныхъ сословiй, потому что у насъ не было ни феодализма, ни римскихъ муниципалитетовъ—„судъ былъ ровный всѣмъ людямъ Московскаго государства".

Изъ этого общаго принципа существуютъ однако значительныя исключенiя, условливаемыя отчасти историческими причинами, отчасти политическими и наконецъ международными законами. 1) Нѣкоторые народы Россiи изъяты отчасти отъ дѣйствiя Уложенiя (нѣкоторыя инородческiя племена; ст. 168 и прилож. къ ней). Причины этаго изъятiя заключаются отчасти въ дикости этихъ племенъ,—такъ что законъ прямо указываетъ на свою мысль, что съ усиленiемъ гражданственности онѣ должны будутъ

---

*) Для сухопутной армiи изданъ 5 мая 1868 г. новый *Воинскiй Уставъ о наказанiяхъ*. Для флота существуетъ отдѣльный уголовный кодексъ, который впрочемъ никогда не прилагается къ лицамъ гражданскаго вѣдомства. Законы военнаго судопроизводства изложены въ *Военно-Судебномъ Уставѣ* и Военно-Морскомъ *Судебномъ Уставѣ*, изд. 15 мая 1867 г.

подчиниться вполнѣ дѣйствію Уложенія, что изъятія допущены до тѣхъ поръ, „пока дикіе нравы ихъ образованіемъ не смягчатся",—а отчасти и въ томъ, что нѣкоторыя изъ нихъ не принадлежатъ еще къ числу „прочныхъ подданныхъ Имперіи". Поэтому и размѣръ изъятія различенъ, смотря по степени цивилизаціи и прочности подданства. За преступленія, изъятыя отъ дѣйствія Уложенія, инородцы судятся и наказываются по ихъ племеннымъ законамъ собственными родовыми властями.

Наибольшимъ изъятіемъ пользуются чукчи и „другіе инородцы" Сибирскіе, не совершенно подчиненные мѣстной гражданской власти. Кто эти другіе инородцы? Это не киргизы и не якуты, ибо объ этихъ существуетъ особое правило. Надобно полагать, что здѣсь законъ имѣетъ въ виду разныя монгольскія племена, которыя даже и не живутъ постоянно въ предѣлахъ Имперіи. Чукчи, населяющіе сѣверо-восточный уголъ Сибири, очень мало даже извѣстны намъ. Эти инородцы подлежатъ дѣйствію Уложенія и русскому суду только въ случаѣ убійства, насилій или корчемства, да и то тогда когда эти преступленія совершены внѣ предѣловъ обитаемыхъ ими земель. Второй разрядъ составляютъ другіе сибирскіе кочевые и бродячіе инородцы и сибирскіе киргизы, а также и самоѣды Мезенскаго уѣзда. Они подлежатъ дѣйствію Уложенія въ случаѣ важныхъ преступленій: возмущенія, измѣны, убійства, разбоя, насилія, фальшивой монеты, поджога. Третій разрядъ составляетъ якуты, кочующіе инородцы Ставропольской губерніи (туркменцы), калмыки, киргизы внутренней и малой орды: они изъяты отъ дѣйствія Уложенія только за маловажныя преступленія—кражу, мошенничество и т. под.

Эти изъятія имѣютъ вмѣстѣ и личный и территоріальный характеръ. личный—потому что они относятся только къ инородцамъ, а не къ другимъ русскимъ подданнымъ, живущимъ среди ихъ; территоріальный—п. ч. инородцы пользуются ими только въ предѣлахъ своихъ земель, а не въ русскихъ городахъ и селеніяхъ: за преступленія, совершенныя въ послѣднихъ мѣстахъ, они подлежатъ дѣйствію Уложенія.

Другую категорію лицъ изъятыхъ отъ дѣйствія Уложенія составляютъ военнослужащіе. Они подлежатъ дѣйствію особаго Военно-Уголовнаго кодекса и вмѣстѣ съ тѣмъ особенному военному суду. Это вооруженная масса въ средѣ которой развивается по преимуществу чувство силы, имѣетъ надобность въ законахъ, во многомъ отличныхъ отъ общихъ уголовныхъ. Даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда военный подлежитъ суду гражданскому, вслѣдствіе участія съ нимъ въ одномъ преступленіи лица гражданскаго, онъ подлежитъ дѣйствію военно-уголовныхъ законовъ (Уст. Угол. Судопр. ст. 223). Но въ настоящее время не всѣ военныя лица, т. е. носящія военный мундиръ, подчинены военно-уголовному или морскому уголовному кодексамъ а только тѣ изъ нихъ, которыя находятся на дѣйствительной

военной службѣ, находящіеся въ безсрочномъ отпуску, а также принадлежащія къ корпусамъ, не составляющимъ боевой силы, а только по мундиру и чинамъ уподобленнымъ войску, какъ-то корпусамъ: лѣсному, горному, путей сообщенія, равно какъ и тѣ офицеры, которые занимаютъ гражданскія должности,—подлежатъ гражданскому суду и дѣйствію Уложенія, *) кромѣ преступленій противъ военной дисциплины. Военноплѣнные и шпіоны подлежатъ дѣйствію военнаго закона и суда.

---

*) Первое приложеніе 221 ст. Уст. Уг. Суд. было сдѣлано Московскимъ Окружнымъ Судомъ, мнѣніе котораго совершенно противоположно высказанному нами положенію. Поэтому мы необходимо должны войти въ разборъ этого мнѣнія. Генералъ З.. состоящій по запаснымъ войскамъ, былъ преданъ суду Московскаго Окружнаго Суда за оскорбленіе судебнаго слѣдователя. Судъ приговорилъ его къ наказанію по Военно-Уголовному Своду. Московскій прокуроръ объяснялъ это постановленіями другихъ статей Уст. Уг. Суд., гдѣ сказано, что въ случаѣ, когда лица гражданскаго вѣдомства будутъ преданы военно-уголовному суду или военныя лица общему уголовному суду, по соучастію въ преступленіяхъ лицъ, подсудныхъ тому или другому изъ этихъ судовъ, то къ нимъ прилагаются законы ихъ званія, т. е. къ первымъ — Уложеніе, ко вторымъ — Военно-Уголовный Сводъ. Но эта аналогія нисколько ни говоритъ въ пользу мнѣнія московскаго прокурора. Имъ взятъ не тотъ исходный пунктъ для рѣшенія вопроса, который, по нашему мнѣнію, единственно истинный въ этомъ случаѣ.

До изданія Уст. Угол. Суд. 1864 г. всѣ военныя лица, т. е. носящія военный мундиръ и имѣющія военные чины, подчинены были военному суду и военно-уголовнымъ законамъ. Въ числѣ этихъ лицъ были цѣлые корпуса чисто техническіе, не имѣющіе никакого отношенія къ боевой силѣ, словомъ, гражданскіе, но которымъ дана была военная организація и военный мундиръ, таковы: инженеры горные путей сообщенія, офицеры лѣснаго корпуса, — они даже и не были подчинены военному министерству. Далѣе, множество военныхъ офицеровъ, переходя въ гражданскую службу, получали дозволеніе сохранить военный мундиръ и числиться въ кадрахъ арміи; въ особенности ихъ было много по полицейскому вѣдомству.

Уст. Уг. Судопр. рѣшилъ покончить съ этой аномаліей — съ тѣмъ, что лица находящіяся на службѣ въ гражданскомъ вѣдомствѣ или въ такихъ технических установленіяхъ, которыя не имѣютъ ничего военнаго, слѣдовательно принадлежащія къ числу мирныхъ гражданъ, судились бы военнымъ судомъ и по военнымъ законамъ. Военные законы всегда строже общихъ уголовныхъ по той причинѣ, что вооруженную массу, въ которой развивается чувство силы, надобно держать въ порядкѣ усиленною строгостію. Всякое преступленіе, всякое нарушеніе закона и порядка, грозитъ большой опасностью для общества, когда оно исходитъ отъ лицъ принадлежащихъ къ вооруженной силѣ. Этого обстоятельства именно и не существуетъ въ отношеніи офицеровъ горныхъ, лѣсныхъ, путей сообщенія и проч., а также въ отношеніи тѣхъ офицеровъ, которые занимаютъ гражданскія должности. Вслѣдствіе этого и состоялось постановленіе, что всѣ такіе офице-

Каторжные и ссыльные на поселеніе въ Сибирь подлежатъ дѣйствію особеннаго уголовнаго кодекса, помѣщеннаго въ XVI т. Св. Зак. *), но только относительно рода наказаній. Но сосланные на житье въ Сибирь или на водвореніе подлежатъ дѣйствію Уложенія, кромѣ бродягъ.

Государственные крестьяне за различные неважные проступки подлежатъ дѣйствію особыхъ законовъ Уст. Сельс. Суд. для госуд. крест.— и особымъ своимъ судомъ (сельская и волостная расправы), впрочемъ только тогда, когда эти дѣянія учинены ими не на городской или помѣщичьей землѣ; въ послѣднемъ случаѣ, впрочемъ, предоставляется право помѣщикамъ или потерпѣвшимъ обращаться не къ крестьянскому суду (Уст. Сельск. Суд. ст. 545). Проступки, подвѣдомственные крестьянскому суду суть: кража и мошенничество, когда цѣна похищеннаго не превышаетъ 30 руб. и когда онѣ совершены, въ первый или второй разъ и безъ увеличивающихъ вину обстоятельствъ, за разнаго рода обманы и растраты приказчиками имущества, ввѣреннаго хозяиномъ, за всѣ тѣ проступки, которые облагаются въ Уложеніи (о Миров. Уставѣ) арестомъ, не свыше 7 дней или 3 рублями пени и не болѣе 30 ударовъ, личныя оскорбленія, нарушеніе благочинія и сельско-хозяйственныхъ постановленій, какъ общихъ, такъ и исключительно до крестьянъ касающихся. Крестьянскіе суды могутъ подвергать виновныхъ денежному штрафу, простому аресту, аресту на хлѣбѣ и водѣ, отдачѣ въ работы, наказанію розгами и наконецъ—высылкѣ изъ общества. Лица крестьянскаго общественнаго управленія, головы, засѣдатели, добросовѣстные, старосты, старшины, пи-

---

ры и нижніе чины, а также и тѣ, которые состоятъ по запаснымъ войскамъ, подсудны общимъ уголовнымъ судамъ. Если бы ст. 224 имѣла въ виду одну подсудность, то въ ней непремѣнно должно было быть прибавлено: «наказанія имъ полагаются на основаніи военно-уголовныхъ законовъ». Но этого нѣтъ. Наконецъ, тогда нельзя было бы понять значеніе 224 ст. Въ самомъ дѣлѣ, если всѣ исчисленныя лица за преступленія, не относящіяся до нарушенія военной дисциплины, подлежали бы наказанію по военно-уголовнымъ законамъ, — то какая была причина изъять ихъ отъ вѣдомства военныхъ судовъ?

Различныя выраженія комментаріевъ къ ст. 219 и 224 подтверждаютъ нашу мысль (*Суд. Уставы. съ изложеніемъ разсужденій проч.*, ч. II.). Въ нихъ говорится о *гражданскомъ характерѣ* упомянутыхъ частей, о безполезности подчиненія военно-уголовнымъ законамъ лицъ, не составляющихъ войско. Далѣе, всѣ статьи о подсудности, взятыя въ ихъ общности, показываютъ несомнѣнно главную мысль законодателя, — ограничить дѣйствіе военно-уголовнаго суда и военно-уголовныхъ законовъ (См. Судеб. Вѣст. 1866 г. № 60).

*) Кодексъ этотъ составляетъ часть, именно *ст.* 797 — 868, Устава о ссыльныхъ.

саря и церковные старосты, отставные нижніе чины, имѣющіе знаки отличія военнаго ордена и ордена св. Анны или серебрянные темляки, не подлежатъ крестьянскому суду и дѣйствію Сельск. Суд. Устава, а крестьяне, имѣющіе медали или почетные кафтаны, не подлежатъ его дѣйствію только въ проступкахъ, влекущихъ тѣлесное наказаніе. Если проступокъ учиненъ государственными крестьянами при участіи лицъ, подсудныхъ общимъ судамъ, то и первые изъемлются изъ дѣйствія крестьянскихъ судовъ.

Сельскій Суд. Уст. заключаетъ нѣкоторыя разъясненія общихъ уголовныхъ положеній, напр. о состояніи пьянства, необходимой оборонѣ, недонесеніи, оскорбленіяхъ и проч., которыя полезно принять въ соображеніе при изученіи различныхъ статей Уложенія, что и будетъ нами сдѣлано.

Практика уголовнаго кассаціоннаго департамента Прав. Сената поставила сельскій судебный Уставъ и приговоры сельскаго суда, какъ чисто спеціальные, домашніе, неимѣющіе значенія въ общихъ судахъ. По началу выраженному въ 147 ст. Улож. если окружной судъ разбираетъ извѣстное дѣяніе, которое на судѣ, за устраненіемъ различныхъ отягчающихъ обстоятельствъ, окажется подсуднымъ мировымъ учрежденіямъ, то къ виновному прилагаются постановленія Уст. о Наказ.; такое начало наблюдается если лицо, которое по правамъ своего состоянія должно быть судимо за извѣстное дѣяніе мировымъ судомъ или военнымъ, было судимо окружнымъ, единственно потому, что оно оказалось сообщникомъ лица подсуднаго этому послѣднему. Но въ отношеніи сельскаго судебнаго Устава принято другое начало. Крестьянинъ преданъ былъ сужденію окружнаго суда по обвиненію въ кражѣ у крестьянина же посредствомъ краденнаго ключа. Присяжные признали его виновнымъ лишь въ простой кражѣ. Товарищъ прокурора по лагалъ, чт въ этомъ случаѣ судъ долженъ былъ положить виновному наказаніе на основаніи Сельскаго Суд. Уст. Но Сенатъ высказалъ другое начало. . . . 1) Волостная расправа и данный ей въ руководство Сельскій Уставъ, какъ составляющіе исключеніе изъ общаго порядка судопроизводства, не допускаютъ распространительнаго примѣненія ихъ къ случаямъ, въ законѣ имъ именно не подчиненнымъ; 2) Сел. Суд. Уст. можетъ, слѣдовательно, быть примѣняемъ исключительно волостными, а не общими судами; 3) о примѣненіи къ разсматриваемымъ общими судебными мѣстами дѣламъ о проступкахъ, предусмотрѣнныхъ Уст. о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, взысканій этимъ Уставомъ опредѣленныхъ, есть особое въ Уложеніи постановленіе (прим. къ ст. 147), тогда какъ въ отношеніи означенныхъ въ Сельс. Суд. Уст. карательныхъ мѣръ подобнаго распоряженія въ законахъ не встрѣчается; 4) указываемая товарищемъ прокурора случайность, отъ которой будетъ зависѣть участь подсудимыхъ, смотря потому, будутъ ли они судимы волостными или окружнымъ судомъ, на основаніи 207 ст. Уст. Угол. Суд. повторяется и въ случаѣ соверше-

нія крестьяниномъ противъ крестьянина при участіи лица другаго званія напр. мѣщанина, маловажнаго проступка, причемъ крестьянинъ будетъ подсуденъ высшему суду и подвергается, слѣдовательно, болѣе строгой уголовной отвѣтственности." (Рѣш. Уг. кас. деп. 1869 г. № 595).

Положеніемъ о крестьянахъ вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости ст. 101, 102) и на нихъ распространено дѣйствіе этого закона.

Колонисты подлежатъ вполнѣ дѣйствію Уложенія; въ нѣкоторыхъ маловажныхъ проступкахъ они подсудны своимъ сельскимъ судамъ и окружнымъ приказамъ. Отдача на короткій срокъ на общественныя работы и денежные штрафы, налагаются ихъ судомъ за нерадѣніе по хозяйству, ссоры, буйства и проч. въ размѣрѣ постановленномъ въ Уст. о колон. (Св. Зак. Т. XII, ч. II, Уст. о кол. разд. VII).

До сихъ поръ мы разсматривали различныя категоріи лицъ, которыя изъяты отъ дѣйствія Уложенія вполнѣ или отчасти; но они не изъяты отъ дѣйствій русскихъ уголовныхъ законовъ вообще, а подчинены спеціальнымъ уголовнымъ кодексамъ. Переходимъ теперь къ категоріямъ лицъ, вовсе изъятыхъ отъ дѣйствія Уложенія и вообще не подчиненныхъ русскимъ уголовнымъ законамъ, хотя они и живутъ на русской территоріи.

Иностранцы, относительно которыхъ заключены особенные трактаты. „Иностранцы, въ Россіи жительствующіе или временнопребывающіе, подлежатъ дѣйствію законовъ о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ на томъ же основаніи, какъ и россійскіе подданные, если о комъ либо изъ нихъ не сдѣлано особенныхъ постановленій въ договорѣ съ тою иностранною державою, у коей они находятся въ подданствѣ" (ст. 170). Это правило общее. Иностранецъ, совершая преступленіе на нашей территоріи, нарушилъ нашъ законъ; вступая на нашу территорію онъ этимъ самымъ фактомъ даетъ молча согласіе подчиняться нашимъ законамъ; выдать иностранца его отечеству для суда и наказанія за преступленіе, учиненное на нашей землѣ,—это значило бы отдать свое спокойствіе и безопасность на благоусмотрѣніе другой державы, перестать быть независимымъ государствомъ.

Это общее правило однако существуетъ съ нѣкоторыми ограниченіями:

1) Статья 170 говоритъ объ одномъ изъ исключеній, вслѣдствіе трактатовъ. Такіе трактаты заключены нами только съ Китаемъ: китайцы, совершившіе преступленія въ Россіи, выдаются на судъ китайскому правительству, и обратно также поступается съ Русскими въ Китаѣ (прим. къ ст. 142). Впрочемъ, прежніе трактаты, кажется, имѣли въ виду только преступленія учиненныя на границахъ, или вблизи ихъ, ибо не предполагалось, чтобы китайцы пріѣзжали внутрь Имперіи.

2) Служащіе въ иностранныхъ вспомогательныхъ войскахъ въ Имперіи подлежатъ дѣйствію законовъ своего отечества (ст. 175, пр. 1). Со вре-

менъ Петра Великаго, не было примѣра, чтобы иностранныя вспомогательныя войска находились на русской почвѣ.

3) Дипломатическіе агенты. „Въ случаѣ преступленій содѣянныхъ въ Россіи, принадлежащими къ обыкновеннымъ или чрезвычайнымъ посольствамъ и миссіямъ державъ иностранныхъ, о семъ производится, установленнымъ для того порядкомъ, надлежащее дипломатическое сношеніе съ ихъ правительствомъ (ст. 171). Изъятія пословъ, посланниковъ и другихъ дипломатическихъ агентовъ отъ дѣйствія уголовныхъ законовъ страны, при правительствѣ которой они аккредитованы, принадлежатъ къ числу всеобще признанныхъ съ незапамятныхъ временъ постановленій международнаго права, безъ существованія котораго эти агенты не могли бы отправлять свободно своей высокой должности. Законъ нашъ называетъ не однихъ дипломатическихъ агентовъ, а вообще „принадлежащихъ къ посольствамъ". По обычаямъ международнаго права кромѣ собственно дипломатическихъ агентовъ считаются изъятыми отъ дѣйствія уголовныхъ законовъ страны: совѣтники и секретари посольства, потому что иначе министръ былъ бы лишенъ возможности отправлять свою обязанность; далѣе—свита посланника, курьеры, его семейство также считаются изъятыми, хотя это и не составляетъ вполнѣ признаннаго закона, да едвали и можно доказать необходимость и пользу его, исключая впрочемъ курьеровъ, когда они ѣдутъ съ депешами. Что касается до прислуги, то хотя по мнѣнію знаменитѣйшихъ публицистовъ, она также должна пользоваться изъятіемъ, но намъ кажется, что при настоящемъ состояніи общества едвали можно защищать пользу такой привиллегіи. Уложеніе (изд. 1857 г. ст. 187) положительно исключало прислугу дипломатическаго агента изъ разряда изъятыхъ лицъ,—оно говорило только, что требованіе ихъ къ суду производится чрезъ посредство Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Въ изданіи Уложенія 1866 г. эта статья выпущена, но она явилась въ исправленномъ видѣ въ Уст. угол. судопр. (ст. 230).

„Дѣла о преступленіяхъ или проступкахъ лицъ, находящихся въ услуженіи пословъ, посланниковъ и другихъ дипломатическихъ агентовъ, подлежатъ уголовному суду на общемъ основаніи, если въ отношеніи къ нимъ не сдѣлано никакихъ изъятій въ трактатахъ съ иностранными державами". Но подобныхъ трактатовъ не существуетъ. Точно также не существуетъ трактатовъ относительно изъятія (экстерриторіальности) семейства дипломатическаго агента и свиты его. Нашъ законъ, очевидно, не желалъ поименовать лицъ посольства, пользующихся изъятіемъ; — онъ говоритъ глухо: „принадлежащіе къ посольствамъ", — предоставляя точное опредѣленіе обычаямъ и въ особенности началу взаимности. Консульскіе агенты (вице-консулы, консулы, генеральные консулы) не считаются дипломатическими; только архивъ ихъ остается неприкосновеннымъ для суда и слѣдствія.

4) Лица, принадлежащія къ экипажамъ иностранныхъ купеческихъ, а въ особенности военныхъ кораблей, за маловажныя преступленія, совершенныя на берегу, по международнымъ обычаямъ, отсылаются для суда и взысканія къ капитанамъ кораблей, если означенныя преступленія совершены ими однимъ надъ другимъ, а не надъ мѣстными жителями.

Хотя за исчисленными исключеніями иностранцы пребывающіе на территоріи подлежатъ дѣйствію Уложенія, но тѣмъ не менѣе, такъ какъ они сохраняютъ свое качество иностранцевъ, то относительно ихъ прямо и косвенно существуютъ нѣкоторыя изъятія:

1) Естественно, что иностранецъ не можетъ быть субъектомъ нѣкоторыхъ спеціальныхъ преступленій, вытекающихъ изъ долга подданства. Такъ, возбужденіе къ войнѣ съ Россіей иностранной державы и сообщеніе съ этимъ намѣреніемъ иностранному правительству государственныхъ тайнъ, (ст. 253 п. 2), сообщеніе плановъ крѣпостей иностранному правительству, также переписка во вредъ Россіи (256, 258) — составляютъ преступленія только для *россійскаго подданнаго.*

Хотя въ преступленіи бунта и возстанія противъ властей и другихъ политическихъ преступниковъ для иностранца Уложеніе не полагаетъ изъятія, но очень часто государство въ такихъ случаяхъ, въ особенности среди разгара политическихъ страстей, довольствуется относительно участниковъ иностранцевъ одними изгнаніями. Причина этого заключается въ томъ, что иностранецъ, какъ не дававшій присяги подданства, не знающій государственныхъ законовъ страны, можетъ. среди междоусобій, не распознать ясно законнаго правительства.

2) Нѣкоторыя наказанія не могутъ быть прилагаемы къ иностранцамъ, именно такія, которыя несовмѣстны съ ихъ качествомъ подданныхъ другой державы. Въ числѣ наказаній есть по нашему Уложенію одно такое, — именно, отдача въ солдаты въ замѣнъ ссылки на житье въ Сибирь и другія отдаленныя губерніи. Иностранца нельзя отдать въ солдаты: это значило бы принудить его дать присягу на вѣрность службы, служить чужой державѣ противъ союзниковъ своего отечества, а даже можетъ случиться — и прямо противъ своего отечества. А между тѣмъ 140 ст. прямо говоритъ, что иностранные дворяне подлежатъ отдачѣ въ солдаты. Мы полагаемъ, что здѣсь подразумѣвается ихъ согласіе, иначе 140 ст. невозможно согласить съ началами международнаго права.

3) Хотя законъ нашъ прямо освобождаетъ отъ тѣлесныхъ наказаній только иностранныхъ дворянъ, а отчасти и тѣхъ не дворянъ, которые занимаютъ должности дядекъ, конторщиковъ, частныхъ секретарей и т. под.; но мы сомнѣваемся въ существованіи случаевъ до 17 апр. 1863 г. — наказанія плетьми иностранцевъ и даже розгами въ настоящее время. Въ мѣстахъ заключенія всѣ иностранцы содержаться въ отдѣленіи,

назначенномъ для арестантовъ изъ высшихъ классовъ (Уст. о сод. подъ стр. ст. 99, Свод. Зак. т. XIV).

4) Иностранцы изъятые отъ тѣлесныхъ наказаній, вмѣсто ссылки на житье въ отдаленныя губерніи, высылаются за границу (ст. 75).

5) Наказанія, налагаемыя не по суду, а административнымъ порядкомъ, не могутъ имѣть мѣста относительно иностранцевъ. По началамъ международнаго права представители иностранной державы не вмѣшиваются въ уголовную юстицію страны, за исключеніемъ одного случая — отказа въ судѣ (deni de justice, Justizverweigerung), т. е. когда ихъ соотечественнику отказываютъ дать удовлетвореніе по закону, или подвергаютъ наказанію безъ соблюденія судебныхъ формъ и гарантій.

6) Мы полагаемъ, что судомъ, въ особенности присяжными засѣдателями, всегда будетъ принято благосклонно то обстоятельство, что преступленіе, въ которомъ обвиняется иностранецъ, въ его отечествѣ или вовсе не существуетъ, или наказывается гораздо легче, чѣмъ по русскимъ законамъ.

Особа государя во всѣхъ странахъ изъята отъ дѣйствія уголовныхъ законовъ; но члены королевскихъ фамилій подлежатъ имъ. Наши Основные Законы не содержатъ постановленій на этотъ предметъ; въ нихъ постановлено только (ст. 196) о подсудности ихъ въ дѣлахъ гражданскихъ общимъ законамъ; далѣе по ст. 202 Осн. Зак. царствующій Императоръ имѣетъ власть отрѣшать неповинующагося члена Императорскаго дома отъ предоставленныхъ ему по рожденію правъ „и поступать съ нимъ яко прислушнымъ волѣ Монаршей;“ члены императорскаго дома также суть подданные Государя Императора. Исторія наша знаетъ одинъ примѣръ суда надъ членомъ царствующаго дома — царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ.

Переходимъ къ вопросу о дѣйствіи уголовнаго закона относительно пространства.

Уголовный законъ дѣйствуетъ, какъ мы упоминали, на пространствѣ всего государства, и далѣе предѣловъ государства не дѣйствуетъ, потому что далѣе предѣловъ не распространяется власть государства.

Изъ этого общаго правила существуютъ исключенія и въ ту, и въ другую сторону, — т. е. уголовный законъ страны (Уложеніе): 1) не дѣйствуетъ на нѣкоторыхъ частяхъ територіи, 2) а съ другой стороны иногда распрострар ъ свое дѣйствіе и за предѣлы територіи.

Къ первому роду исключеній относятся: a) нѣкоторыя части Имперіи; b) дома дипломатическихъ агентовъ; c) иностранные военные и купеческіе корабли на русскихъ водахъ и гаваняхъ.

Ко второму роду исключеній относятся: a) морскіе разбойники; b) русскіе, совершившіе преступленія въ Турціи, Персіи, Китаѣ, Японіи; c) ли-

ца находящіяся на русскихъ корабляхъ въ открытомъ морѣ и въ иностранныхъ гаваняхъ; d) лица, совершившія преступленія за границей, и потомъ прибывшія въ Россію.

Мы видѣли, что земли, населенныя нѣкоторыми инородческими племенами, изъяты въ нѣкоторыхъ случахъ отъ дѣйствія Уложенія, и что въ этихъ случаяхъ дѣйствуютъ инородческіе обычаи.

Дома, занимаемые дипломатическими агентами, пользуются правомъ *экстериторіальности*, т. е. какъ бы считаются находящимися не на територіи того государства, въ которомъ построены, а того, къ которому принадлежитъ посланникъ. Мы говорили объ изъятіяхъ дипломатическихъ агентовъ и ихъ свиты отъ дѣйствія уголовныхъ законовъ страны. Эти изъятія существуютъ и тогда, когда преступленія означенныхъ лицъ совершены внѣ дома посольства. Въ своемъ домѣ посланникъ пользуется особенными привилегіями. Въ прежнее время экстериторіальность дома посланника понималась такъ буквально, что мѣстная власть ни въ какомъ случаѣ не могла войти въ него, преступники находили въ немъ убѣжище какъ на иностранной землѣ, посланникъ отправлялъ въ немъ судъ и расправу надъ лицами своей свиты, имѣлъ темницы въ немъ, даже казнилъ смертью по законамъ своего отчества. Въ настоящее время эти преимущества посольскаго дома по обычаю не существуютъ въ прежнемъ видѣ. Но однако не отрицается у посланника право разбирать мелкіе проступки между лицами свиты, подвергать ихъ наказанію, высылать въ отечество, если эти проступки совершены въ домѣ посольства. Но если они совершены хотя въ домѣ посольства и даже соотечественникомъ посланника, но лицемъ не принадлежащимъ къ составу посольства, то судъ принадлежитъ мѣстной власти. Словомъ экстериторіальность дома посланника есть фикція, имѣющая въ настоящее время самое ограниченное значеніе.

Военный корабли считается вполнѣ частію територіи своего государства. Этотъ характеръ онъ сохраняетъ, находясь въ гаваняхъ и вообще на морской територіи иностраннаго государства. Вслѣдствіе этого всякое преступленіе совершенное на бордѣ военнаго корабля, какъ людьми принадлежащими къ составу экипажа, такъ и непринадлежащими, даже подданными того государства, на водахъ котораго онъ находится, подлежитъ дѣйствію законовъ государства, которому принадлежитъ корабль. Словомъ, военный корабль пользуется вполнѣ экстериторіальностью.

Далеко не такъ всеобще признано положеніе купеческаго корабля въ иностранной гавани. Французская система предоставляетъ капитану иностраннаго купеческаго корабля во французской гавани полное право суда надъ экипажемъ даже въ случаѣ совершенія на бордѣ убійства и другихъ важныхъ преступленій, — но если преступленіе совершено на бордѣ надъ лицомъ или лицомъ не принадлежащимъ, къ экипажу, или хо-

та бы и принадлежащимъ но такое, которое нарушило бы спокойствіе въ гавани, то виновные судятся мѣстными властями по мѣстнымъ законамъ. Наше законодательство не имѣетъ на этотъ предметъ положительныхъ правилъ. Въ 1844 г. въ рижской гавани матросъ одного англійскаго корабля убилъ на бордѣ другаго. Мѣстная полиція взошла на корабль и арестовала виновнаго. Англійское правительство протестовало противъ такого акта, но когда наше объявило готовность выдать виновнаго съ тѣмъ, чтобы и англичане наблюдали подобную взаимность относительно русскихъ купеческихъ кораблей, то англійское правительство отвѣтило отказомъ; такъ какъ вообще въ вопросахъ международнаго права спорные пункты опредѣляются началомъ взаимности, основанномъ на трактатахъ или обычаѣ, то можно вывести общее правило, согласное съ заявленіемъ нашего правительства по дѣлу 1844 года, — что преступленія совершенныя на бордѣ французскаго купеческаго корябля въ нашей гавани, или кораблей тѣхъ націй, которыя держатся французскаго закона, не подлежатъ дѣйствію нашего Уложенія; относительно же другихъ слѣдователь и судъ долженъ сообразоваться съ тѣми свѣдѣніями объ образѣ дѣйствія ихъ національныхъ властей, которыя будутъ сообщены Министерствами Морскимъ, Финансовъ и Иностранныхъ Дѣлъ. Но во всякомъ случаѣ вездѣ принято, что преступленія менѣе важныя (delits) совершенныя на бордѣ купеческаго корабля, а въ особенности нарушеніе матросами дисциплины и повиновенія, подлежатъ суду корабельныхъ властей. Нашъ Консульскій Уставъ даетъ нашимъ консуламъ особенныя права въ этомъ случаѣ, а слѣдовательно мы должны признавать такія же права и за иностранными консулами въ нашихъ гаваняхъ. Далѣе по общему обычаю, выраженному и въ нашемъ Уставѣ о консулахъ, камандиръ иностраннаго военнаго корабля въ гавани имѣетъ право полиціи и вообще власти надъ купеческими кораблями своей націи *).

Съ соблюденіемъ сказанныхъ исключеній, юрисдикція государства, слѣдовательно и дѣйствіе уголовнаго уложенія, распространяется не только на сухопутную, но и на морскую територію государства, т. е. на его гавани, заливы, входъ въ которые менѣе разстоянія двухъ пушечныхъ выстрѣловъ, на части моря (съ разстояніемъ на пушечный выстрѣлъ отъ берега) и наконецъ на всѣ такъ называемыя територіальныя моря, т. е. такія открытыя моря, которыя признаются однако собственностью извѣстнаго государства. Къ такимъ русскимъ морямъ принадлежитъ: Бѣлое, Камчатское, Каспійское, Финскій и Рижскій заливы.

---

*) Побробности см. въ III гл. нашего перевода сочиненія Ортолана *«Морское международное право»*.

Уголовная юрисдикція государства, а слѣдовательно и дѣйствіе Уложенія, простирается далѣе его сухопутной и морской територіи въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) Всѣ преступленія совершенныя на русскомъ военномъ кораблѣ въ открытомъ морѣ или въ иностранныхъ гаваняхъ.

2) Всѣ преступленія, совершенныя на русскомъ купеческомъ кораблѣ въ открытомъ морѣ, а также нѣкоторыя, совершенныя на стоянкѣ въ иностранной гавани, подлежатъ дѣйствію нашего Уложенія. Мы уже объясняли причины этого положенія.

3) Морскіе разбойники, хотя бы они совершали преступленія въ открытомъ морѣ, хотя бы они не были русскими подданными, даже еслибъ они и не нападали на русскія суда и русскихъ подданныхъ, будучи захвачены нашими кораблями, подлежатъ дѣйствію русскихъ законовъ. Это общее постановленіе международнаго права.

4) На основаніи трактатовъ русскіе, совершившіе преступленія въ Китаѣ, Японіи, Турціи и Персіи, подлежатъ дѣйствію русскихъ законовъ, а не тамошнихъ мѣстныхъ. Европейскіе народы силою вытребовали у Турціи и Персіи отказъ отъ права, принадлежащаго каждому независимому государству, наказывать иностранцевъ, совершившихъ преступленія на его територіи. Въ Персіи и Турціи, покрайней мѣрѣ до послѣдняго времени, не было правильной юстиціи, уголовные законы были варварскіе, при мусульманскомъ фанатизмѣ европеецъ не былъ ничѣмъ обезпеченъ, поэтому Россія и вытребовала по трактатамъ съ этими державами право судить русскихъ подданныхъ за преступленія совершенныя на ихъ територіи своимъ судомъ и по своимъ законамъ. Если преступленіе маловажно, т. е. наказаніе не превышаетъ тюремнаго заключенія, то русскій судится посланникомъ или консуломъ своей державы, по Уложенію, а если болѣе важное, то препровождается для суда въ Россію, слѣдовательно русскій, находясь въ Турціи и Персіи, въ отношеніи уголовныхъ законовъ какъ бы не оставлялъ территоріи своего государства. Само собою разумѣется, что это изъятіе распространяется и на русскихъ, совершившихъ приступленія въ Египтѣ, Молдавіи, Валахіи, Сербіи, такъ какъ трактаты, заключаемые Портой, обязательны для этихъ вассальныхъ земель (ст. 175). Россія не обязалась взаимностью относительно уголовныхъ преступниковъ турокъ и персіянъ.

Тою же экстериторіальностью пользуются русскіе подданные, совершившіе преступленія въ Китаѣ: они выдаются для суда въ Россію (ст. 175, пр. 2). Русскіе, совершившіе преступленія въ Японіи, хотя и не отсылаются въ Россію, но судятся русскимъ консуломъ вмѣстѣ съ японскими властями и подлежатъ наказанію по Уложенію, а не по японскимъ законамъ (ст. 175, пр. 3). Относительно Китая и Японіи, установлена взаимность по вопросу о дѣйствіи уголовныхъ законовъ.

5) Наконецъ наше Уложеніе распространяетъ свое дѣйствіе на преступленія, совершенныя во всѣхъ другихъ странахъ русскими или иностранцами, когда виновные какимъ бы то ни было образомъ прибудутъ на русскую територію.

Этотъ вопросъ принадлежитъ къ числу спорныхъ въ наукѣ уголовнаго права, трудныхъ на практикѣ и различно разрѣшаемыхъ законодательствами европейскихъ пародовъ *).

Англійская система выходитъ изъ того принципа, что законодательство и уголовный судъ устроены верховною властью страны, слѣдовательно они не могутъ имѣть никакого значенія на то, что происходитъ внѣ ея предѣловъ,—что уголовный законъ назначенъ для защиты спокойствія и безопасности своей страны, а вовсе не чужихъ государствъ, которыя сами должны заботится объ этомъ. Далѣе, приводятъ въ защиту этой системы, т. е. въ пользу ненаказуемости лицъ, совершившихъ преступленіе въ чужой странѣ,—что каждое государство имѣетъ свои уголовные законы, часто различные до того, что тѣ факты, которые въ одномъ составляютъ важное преступленіе, въ другомъ наказываются легко и даже вовсе не наказываются, и что поэтому нельзя прилагать къ этимъ лицамъ правила: „никто не можетъ отговариваться незнаніемъ закона", ибо они дѣйствительно могли не знать о его существованіи. Очевидно, что такая система не имѣетъ твердаго основанія покрайней мѣрѣ въ своихъ крайнихъ предѣлахъ.

Преступленіе есть фактъ противный общечеловѣческой нравственности; немного найдется строго наказуемыхъ дѣяній, которыя составляютъ исключительное достояніе какого либо одного уголовнаго законодательства; къ этимъ послѣднимъ дѣйствительно слѣдуетъ прилагать начало територіальности. Его также можно приложить и къ нарушеніямъ полицейскихъ постановленій, весьма различныхъ въ разныхъ государствахъ, и при томъ безразличнымъ для нашей совѣсти;—и къ маловажнымъ преступленіямъ, п. ч. трудность процеса о фактѣ совершенномъ въ далекой странѣ не выкупается нравственными выгодами. Но если преступленіе значительно, дѣло принимаетъ другой оборотъ. Преступникъ совершившій убійство въ Швейцаріи, находится среди насъ; не только наше нравственное чувство будетъ возмущено, но мы чувствуемъ, что и безопасность наша требуетъ его наказанія. Въ самомъ дѣлѣ, присутствіе этого злодѣя въ нашей странѣ не возбуждаетъ ли общей тревоги, опасенія за свою жизнь? Далѣе,

---

*) Самый полный разборъ литературы и положительныхъ законовъ по этому вопросу R. Mohl: «die völkerrechtliche Lehre vom Asile», въ 1 томѣ его *Staatsrecht, Völkerrecht und Politik.*

безнаказанность преступленій совершенныхъ за границей ведетъ прямо къ тому, что всякое иностранное государство будетъ для преступника священнымъ убѣжищемъ. Если такое обстоятельство не могло имѣть большаго значенія въ прежнее время, когда сношенія мужду народами были рѣдки, пути сообщенія трудны, въѣздъ въ чужое государство сопряженъ былъ со множествомъ затрудненій, то теперь совсѣмъ не то: пароходы и желѣзныя дороги сблизили народы до крайности, полицейскія формальности почти исчезли, такъ что ежедневно сотни и тысячи людей переѣзжаютъ въ нѣсколько часовъ изъ средины Англіи во Францію, изъ глубины Россіи въ Пруссію. Чтоже произведетъ безнаказанность преступленія за границей? То, что и у насъ много преступленій будутъ совершаться безнаказанно: преступнику стоитъ перебраться за границу, чтобы быть въ полной безопасности.

И такъ, государство, подвергая наказаніямъ преступленія, совершенныя за границей, дѣйствуетъ не для защиты интересовъ чуждой страны, а *защищаетъ свои собственные интересы*, защищаетъ безопасность и спокойствіе своихъ гражданъ, слѣдственно нисколько не выходитъ изъ предѣловъ своихъ обязанностей; напротивъ того, дѣйствуя иначе, оно нарушало бы обязанности къ своимъ гражданамъ.

Этихъ именно принциповъ держится наше законодательство.

Вопросъ о наказуемости преступленій, совершенныхъ за границей, представляется нѣсколько въ различномъ видѣ, смотря потому: 1) совершено ли преступленіе за границей противъ нашего государства, русскимъ или иностранцемъ, 2) или противъ иностранца, или противъ иностраннаго правительства и притомъ иностранцемъ, напр. французъ убилъ въ Парижѣ француза же или англичанина и потомъ бѣжалъ Петербургъ; французъ убилъ въ Парижѣ русскаго и пойманъ въ Россіи.

Двѣ системы дѣйствія наблюдаются въ этихъ случаяхъ: 1) выдача приступника тому государству, въ предѣлахъ котораго онъ совершилъ преступленіе, 2) наказаніе его въ той странѣ, гдѣ онъ пойманъ, и по ея законамъ.

Подданный никогда не выдается. Въ случаѣ совершенія преступленія за границей нѣкоторыя законодательства, такъ-то: англійское и французское, строго различаютъ, было ли преступленіе совершено противъ своего согражданина или противъ иностранца;—въ первомъ случаѣ наказываютъ, но притомъ только тогда, когда было преступленіе значительно (crime), во второмъ случаѣ нѣтъ суда и наказанія *). Это отступленіе отъ на-

---

*) Въ 1866 году изданъ во Франціи по этому предмету новый законъ, сходный съ нашимъ.

чала територіальности уголовнаго закона оправдывается ими тѣмъ, что правительство обязано защищать интересы своихъ подданныхъ и за предѣлами государства *). Такое положеніе противно началамъ нравственности и собственной безопасности. Нашъ законъ признаетъ своего подданнаго одинаково подлежащимъ суду и наказанію, совершилъ ли онъ преступленіе за границей противъ своего соотечественника или противъ иностранца, и притомъ важное или маловажное. Ст. 173: „Россійскіе подданные, находящіеся внѣ предѣловъ государства и тамъ или прежде отбытія за границу учинившіе преступленіе противъ правъ державной власти своего отечества или цѣлости, безопасности или благосостоянія Россіи, или же въ нарушеніе правъ одного или нѣсколькихъ соотечественниковъ своихъ, подлежатъ дѣйствію постановленій сего Уложенія"; ст. 174: „Если россійскій подданный, учинившій въ какомъ либо иностранномъ государствѣ преступленіе противъ верховной власти того государства или же противъ одного или нѣсколькихъ подданныхъ оного или другой иностранной державы, будетъ тамошнимъ правительствомъ для сужденія препровожденъ въ Россію, или же, по добровольномъ возвращеніи его въ отечество, на него поступятъ жалобы или обвиненія, то и онъ подлежитъ суду на основаніи постановленій сего Уложенія. Только въ случаѣ, когда бы по законамъ того края, гдѣ имъ учинено преступленіе, онъ долженствовалъ подвергнуться наказанію менѣе противъ опредѣляемаго въ семъ Уложеніи строгому, наказаніе его по соразмѣрности съ тѣмъ смягчается". Изъ текста обѣихъ статей, кромѣ наказуемости преступленія, совершеннаго за границей, еще слѣдуетъ, что разница преступленія совершеннаго за границей русскимъ противъ русскаго отъ совершеннаго имъ противъ иностранца состоитъ въ томъ: 1) что въ первомъ случаѣ должна дѣйствовать русская обвинительная власть на общемъ основаніи—будетъ ли частная жалоба, или нѣтъ, а во второмъ случаѣ — только тогда, когда поступитъ частная жалоба или обвиненіе со стороны иностраннаго правительства; 2] въ первомъ случаѣ русскій наказывается по Уложенію независимо отъ того, составляетъ ли дѣяніе имъ совершенное преступленіе по законамъ того государства, гдѣ оно совершено, или наказывается легче, чѣмъ по нашимъ; а во второмъ случаѣ—наказаніе ему не можетъ быть болѣе тяжкое, чѣмъ то, которое слѣдовало бы по законамъ иностраннаго государства,—и само собою разумѣется, наказанія вовсе не будетъ, если

*) Докторъ Бернаръ, сообщникъ Орсини по покушенію на жизнь императора Наполеона (1857 г.), былъ преданъ въ Англіи уголовному суду единственно на томъ основаніи, что бомбами брошенными Орсини и его соучастниками въ Парижѣ, было убито двое англичанъ.

дѣяніе не составляетъ преступленія по законамъ иностраннаго государства, ибо въ такомъ случаѣ не можетъ быть жалобы или обвиненія.

Но если русскій подданный, учинившій за границей преступленіе противъ соотечественника, былъ судимъ и наказанъ по законамъ того иностраннаго государства, то разумѣется онъ не можетъ быть вновь судимъ за такое дѣяніе по возвращеніи въ Россію на основаніи кореннаго начала non bis in idem. Мы полагаемъ, что новый судъ равно невозможенъ и въ томъ случаѣ, когда таковое лицо было оправдано иностраннымъ судомъ; но еслибы открылись новыя обстоятельства, не бывшія въ виду иностраннаго суда, тогда не можетъ быть препятствія къ новому суду, примѣняясь къ ст. 934 Уст. Уг. Суд.

Не лишенъ значенія вопросъ о послѣдствіяхъ въ Россіи для русскаго подданнаго, осужденнаго иностраннымъ судомъ. Русскій дворянинъ, который бывъ осужденъ за кражу напр. французскимъ судомъ и отбывши наказаніе возвратится въ Россію, — сохраняетъ ли права дворянства,—или вообще русскій подданный, который за тяжкое преступленіе былъ осужденъ въ каторжную работу, сохраняетъ ли общія гражданскія права? Въ уголовныхъ законахъ несодержится никакихъ указаній на этотъ предметъ. Законы суд. гражд. признаютъ авторитетъ судебныхъ рѣшеній иностранныхъ государствъ даже и при несуществованіи конвенцій о взаимности (Уст. Суд. Гр. ст. 1273—81); но въ Уст. Уг. Суд. несодержится подобнаго положенія. Конечно, нелегко допустить, чтобы русскій вышедшій изъ французской каторжной работы пользовался бы въ отечествѣ по возвращеніи полными гражданскими правами; правильный судъ, хотя бы и иностранный, имѣетъ нравственный авторитетъ. Но съ другой стороны нельзя допустить и того, чтобы иностранный судъ имѣлъ въ Россіи тотъ же юридическій авторитетъ, какъ отечественный, — тѣмъ болѣе, что законы иностраннаго государства могутъ не представлять тѣхъ судебныхъ гарантій, какъ русскіе, наказанія за извѣстныя преступныя дѣянія тамъ могутъ быть сильнѣе, чѣмъ у насъ и т. д. Даже и въ гражданской сферѣ рѣшенія иностранныхъ судовъ неимѣютъ значенія относительно недвижимыхъ имуществъ въ Россіи. Новый уголовный кодексъ сѣверо-германскаго союза предписываетъ въ томъ случаѣ, когда германецъ былъ осужденъ иностраннымъ судомъ къ наказанію, сопряженному съ лишеніемъ правъ производить по его возвращеніи на родину процесъ, или если онъ признанъ будетъ виновнымъ отечественнымъ судомъ то подвергать его тѣмъ послѣдствіямъ въ отношеніи правъ, которыя постановлены, иностраннымъ судебнымъ рѣшеніемъ (Strafgesetzbuch für den Norddeustchen Bund, § 37).

Подлежитъ ли дѣйствію Уложенія приготовленіе къ такому преступному дѣянію, осуществленіе котораго назначено на иностранной территоріи? Представимъ нѣсколько примѣровъ. Въ Россіи составленъ заговоръ между эми-

грантами какой либо слѣдственной державы противъ цѣлости послѣдней или существующаго въ ней образа правленія, — какъ это случилось въ 20-хъ годахъ текущаго столѣтія, когда существовало у насъ тайное общество гетеристовъ, впослѣдствіи подъ предводительствомъ Ипсиланти и дѣйствительно напавшее на владѣнія Порты. Случай составленія политическаго заговора противъ иностраннаго правительства не предусмотрѣнъ нашими законами. Наука и согласно съ нею международная практика считаютъ, что здѣсь не можетъ быть вопроса о наказаніяхъ по законамъ того государства, въ которомъ открыто такое общество, такъ какъ эти лица не дѣйствовали во вредъ его,—но угрожаемое правительство можетъ просить о принятіи малыхъ охранительныхъ мѣръ. Другой примѣръ:

Составленіе таковыхъ бумагъ составляетъ положительное преступленіе; но наши суды не могутъ его вѣдать; оно должно было осуществиться въ иной странѣ, гдѣ за него положены иныя наказанія; до насъ оно вовсе не касается. Конечно, нравственное начало здѣсь нарушается, нельзя терпѣть подобнаго занятія; но тутъ могутъ имѣть мѣсто только полицейскія мѣры, а не уголовныя наказанія, кромѣ того случая, когда бы въ трактатахъ было сдѣлано постановленіе на этотъ предметъ. Поддѣлка иностранной монеты спеціально предусмотрѣна нашимъ закономъ (также какъ и другими уголовными кодексами), но потому что такая монета имѣетъ ходъ и у насъ французскіе суды подвергали наказанію поддѣлывателей нашихъ кредитныхъ бумагъ, но потому что эти бумаги имѣютъ законный ходъ и во Франціи.

Въ Россіи поддѣланы промессы иностранныхъ государственныхъ лотерей. Обращеніе таковыхъ бумагъ — воспрещено въ Россіи, — слѣд. поддѣланныя назначены только для обращенія за границей; тоже самое — если подѣлывается въ Россіи документъ на права состоянія, имущественныя, семейственныя иностранца, вовсе въ ней не живущаго. Здѣсь также не можетъ быть приложенія Уложенія. Поддѣлка иностранной монеты наказуемв, потому что онс имѣетъ ходъ въ Россіи, какъ товаръ.

Мы видѣли, что обѣ приведенныя статьи говорятъ о наказуемости русскаго не только за преступленія противъ частныхъ лицъ, но и за преступленія противъ верховной власти иностраннаго государства.

Нашъ законъ положительно дѣлаетъ для русскаго наказуемымъ преступленіе совершенное за границей противъ *верховной власти* иностраннаго государства, не опредѣляя ея характера, т. е. будетъ ли эта власть монархическая или республиканская, фактическая только, или такая, которая признана законною русскимъ правительствомъ. При буквальномъ исполненіи этой статьи могутъ случиться важныя затрудненія. Такъ напр. русскій, который участвовалъ бы въ движеніи кандіотовъ, бывшемъ въ 1866 году, или въ движеніи ясскомъ противъ временнаго правительства, свергшаго князя Кузу, или въ какомъ либо волненіи противъ

бухарскаго эмира, долженъ быть по возвращеніи въ Россію казненъ — а между тѣмъ его дѣйствія могутъ совпадать вполнѣ съ интересами отечества, вытекать изъ чувства патріотизма.

Что касается до иностранца совершившаго преступленіе за границей и потомъ бѣжавшаго въ Россію, то нашъ законъ (ст. 172) подвергаетъ его наказанію только въ такомъ случаѣ, когда жертвой его преступленія былъ русскій подданный, или когда онъ посягалъ на право державной власти въ Россіи. Что разумѣть подъ выраженіе „право державной власти въ Россіи?“ Кажется, слѣдуетъ разумѣть участіе въ заговорѣ или въ преступленіи, направленномъ противъ особы Государя Императора и его власти. Болѣе широкаго значенія придавать этому выраженію нельзя,—иначе каждый напр. англійскій журналистъ или членъ парламента, который выражаетъ мнѣнія враждебныя для власти русскаго Государя, подлежалъ бы въ Россіи отвѣтственности, какъ за государственное преступленіе.

Законъ нашъ ничего не говоритъ о преступленіи иностранца совершенномъ въ чужомъ государствѣ противъ иностранца или иностраннаго правительства.

Общее начало, наблюдаемое въ этомъ случаѣ европейскими государствами, состоитъ: или въ высылкѣ такого иностранца, или въ выдачѣ его тому правительству, на землѣ котораго онъ совершилъ преступленіе.

Выдача преступниковъ опредѣляется трактатами; при несуществованіи трактатовъ она зависитъ отъ характера отношеній двухъ державъ, и обыкновенно въ ней не отказываютъ безъ важныхъ причинъ. Впрочемъ, не смотря на трактаты, выдача идетъ весьма медленно; причиной этого—различіе законовъ относительно преданія суду въ разныхъ государствахъ. Такъ, не смотря на трактатъ между Англіей и Франціей, о выдачѣ преступниковъ, въ теченіе 10 лѣтъ (1830 — 40 года) Англія выдала только *одного* француза изъ нѣсколькихъ сотенъ. Англійскіе судьи находили недостаточными протоколы французскихъ слѣдственныхъ судей, ибо въ нихъ показанія свидѣтелей не подписаны самими дающими показанія, — что непремѣнно требуется по англійскому закону. Англичане боялись, что французскіе слѣдователи, зависимые отъ правительства, будутъ представлять показанія своего сочиненія, для того, чтобы захватить въ Англіи подъ видомъ обыкновенныхъ уголовныхъ преступниковъ,—политическихъ. Въ нынѣшнемъ (1866) году этотъ вопросъ разрѣшенъ новымъ трактатомъ, по которому англійскіе судьи будутъ считать законной французскую форму. Такъ же трудно и по тѣмъ же причинамъ получить выдачу преступника изъ Сѣверной Америки.

Россія заключила въ послѣднее время трактаты о взаимной выдачѣ преступниковъ съ Швеціей, Даніей, Баваріей, Турціей; существовавшіе съ Пруссіей и Австріей трактаты, по окончаніи срока ихъ не были возобно-

влены, но она не отказывала въ выдачѣ и другимъ государствамъ, напр. Англіи и Франціи. При введеніи въ дѣйствіе новыхъ судебныхъ уставовъ выдача иностранца можетъ быть произведена не иначе, какъ послѣ разсмотрѣнія нашею судебною слѣдственною властью правильности акта. Въ трактатахъ съ Турціей постановлено важное исключеніе: не выдаются тѣ бѣжавшіе въ Россію турецкіе преступники—мусульманѣ, которые примутъ въ Россіи христіанскую вѣру,—и на оборотъ—Турція не выдаетъ принявшихъ магометанство. Дѣйствіе трактата съ Швеціей (1860 г.) ограничено Имперіей и Финляндіей, съ исключеніемъ Царства Польскаго, на которое распространяются всѣ другіе трактаты, заключаемые Россіей.

Изъ постановленій о выдачѣ иностранцевъ-преступниковъ обыкновенно исключаются политическіе преступники. Но государство, дающее убѣжище, обязано слѣдить, чтобъ эти лица не предпринимали чего либо враждебнаго противъ правительства своего отечества, даже не дозволять имъ жить въ мѣстахъ пограничныхъ съ ихъ отечествомъ, гдѣ они удобно могли бы имѣть сношенія съ единомышленниками. Неисполненіе этихъ условій можетъ повести къ охлажденію международныхъ отношеній. Швейцаріи приходилось нѣсколько разъ испытывать затрудненія вслѣдствіе пребыванія въ ней политическихъ бѣглецовъ Франціи. Россія давала убѣжище эмигрантамъ французскимъ, греческимъ, сербскимъ *).

Особенныя постановленія существуютъ относительно: 1) купеческихъ матросовъ, 2) военныхъ дезертировъ. Эти лица всегда выдаются,—первые и безъ трактатовъ, вторые по трактатамъ.

Если матросъ купеческаго корабля бѣжалъ во время стоянки его въ иностранной гавани, то по международному обычаю, мѣстныя власти по требованію консула должны отыскать и выдать его. Консулъ въ этомъ случаѣ имѣетъ чрезвычайное право, въ случаѣ ухода корабля, посадить бѣглеца въ тюрьму и отправить его въ отечество съ первымъ отходящимъ кораблемъ **). Это постановленіе оправдывается существенными интересами морской торговли. Выдача военныхъ дезертировъ основывается только на трактатахъ. Подобнаго рода трактаты заключены Россіей съ Швеціей, Пруссіей, Австріей ***).

Дѣйствіе уголовнаго закона во времени. „Законъ дѣйствуетъ только на будущее время. Никакой законъ не имѣетъ обратнаго дѣйствія и

---

*) Въ трактатѣ 1857 г. 27 іюля (8 авг.) съ Пруссіей не дѣлалось изъятія для политическихъ преступниковъ, и онъ былъ истолковываемъ въ смыслѣ выдачи ихъ.

**) Морское международное право, гл. IX.

***) Св. Зак. Т. XIV. Уст. о пасп. и бѣглыхъ.

сила онаго не распространяется на дѣянія, совершившіяся прежде его обнародованія“ (Осн. Зак. ст. 60). Это—коренное положеніе въ особенности для уголовнаго права, ибо въ государственномъ правѣ законы очень часто имѣютъ обратное дѣйствіе, такъ напр. законъ объ отмѣнѣ крѣпостнаго состоянія по существу своему касается не одного будущаго времени; таковы всѣ законы объ уничтоженіи привилегій. Ст. 60 Осн. Зак. редактирована съ особеннымъ удареніемъ на уголовную сферу. Въ самомъ дѣлѣ, практическое опредѣленіе преступленія—„всякое дѣяніе запрещенное закономъ подъ страхомъ наказанія“—имѣетъ глубокое значеніе. Безъ этого точнаго опредѣленія была бы величайшая опасность для гражданской свободы. Гражданинъ долженъ знать, какія именно дѣянія законодатель считаетъ и безнравственными и вредными для общества, иначе будетъ совершенно стѣсненъ въ своей дѣятельности. Изъ этого основнаго положенія прямо слѣдуетъ, что наказывать за дѣяніе, совершенное до изданія закона запрещающаго его или наказывающаго сильнѣе чѣмъ прежде, — значитъ противорѣчить самому себѣ, наказывать за то, что законъ не считалъ преступнымъ. Изъ этого общаго и неизмѣннаго правила можно указать только на немногія исключенія, которыя впрочемъ нисколько не касаются существа дѣла. Два такихъ исключенія установлены 61 ст. Основ. Зак., а именно: 1) Законы *истолковательные,* 2) Когда въ самомъ законѣ сказано, что сила его распространяется и на времена, предшествовавшія его обнародованію. Истолковательный законъ прекращаетъ только неправильное пониманіе извѣстнаго закона; такъ напр. если на практикѣ похищеніе вещей добытыхъ преступленіемъ всегда считались кражей, а впослѣдствіе было бы истолковано, что такое дѣяніе составляетъ укрывательство преступленія, то судъ, который будетъ прилагать законъ къ такому преступленію послѣ изданія истолкованія, долженъ будетъ положить за него наказаніе какъ за укрывательство, хотя бы фактъ былъ совершенъ тогда, когда на практикѣ господствовало иное пониманіе. Примѣры законовъ которымъ законодатель присвоивалъ обратное дѣйствіе, встрѣчаются только въ пользу подсудимаго, т. е. тогда, когда новое законоположеніе устанавливаетъ болѣе мягкія наказанія; такъ напр. болѣе мягкія постановленія Уложенія (сравнительно съ Сводомъ) получили обратное дѣйствіе. Но помимо положительнаго опредѣленія законодателемъ обратнаго дѣствія болѣе мягкаго закона, практика судовъ всѣхъ странъ слѣдовала тому началу, что легчайшій законъ имѣетъ обратное дѣйствіе. Въ самомъ дѣлѣ, если законодатель понижаетъ наказаніе за извѣстное дѣяніе, то къ таковому измѣненію онъ приводится сознаніемъ, неправильности закона или политическими соображеніями; какимъ же образомъ судъ можетъ прилагать законъ, который законодателемъ объявленъ жестокимъ и несправедливымъ? Не значило ли бы это уничтожить нравствен-

ное значеніе наказанія, идти даже противъ духа законодателя *)? Еще болѣе сильнымъ оказывается этотъ аргументъ, когда наказаніе вовсе отмѣняется за извѣстное дѣяніе, напр., въ 1845 г. покушеніе на самоубійство, за которое до того времени слѣдовала ссылка на поселеніе, перестало быть наказуемымъ (осталось одно церковное покаяніе),—наказывать

---

*) Въ 1868 г. новгородскій окружной судъ разсматривалъ дѣло нѣкоего Ильи Прохорова, который въ 1853 году былъ осужденъ за кражу по дѣйствовавшимъ тогда законамъ на 15-лѣтнее заключеніе въ рабочемъ домѣ, чрезъ полгода бѣжалъ и былъ пойманъ только въ 1868 г., и долженъ былъ по закону вновь заключенъ въ рабочій домъ на тотъ же 15-лѣтній срокъ,— между тѣмъ какъ въ 1863 г. высшимъ срокомъ заключенія назначено 4 года Новгородскій судъ поколебался приложить прежній законъ.

«Выслушавъ настоящее дѣло и заключеніе по оному товарища прокурора новгородскій окружной судъ находитъ, что подсудимый Илья Прохоровъ, 57 лѣтъ, по собственному его сознанію, согласному съ обстоятельствами дѣла, оказывается виновнымъ въ побѣгѣ изъ новгородскаго рабочаго дома прежде истеченія опредѣленнаго ему рѣшеніемъ новгородской уголовной палаты срока заключенія, безъ всякаго, впрочемъ, противъ стражи насилія. Поэтому и на основаніи ст. 312 Улож. о наказ. (изд. 1866 г.), Илья Прохоровъ подлежитъ вновь заключенію въ рабочій домъ согласно рѣшенію новгородской уголовной палаты, а за уничтоженіемъ въ новгородской губерніи рабочаго дома — въ тюрьму на опредѣленный прежнимъ рѣшеніемъ срокъ 15-лѣтній, съ тѣмъ, чтобы время заключенія его, Прохорова, считалось уже со дня доставленія его снова въ мѣсто заключенія, чтобы были приняты особыя, болѣе или менѣе строгія, закономъ дозволенныя мѣры предосторожности для препятствованія ему бѣжать снова, и чтобы, по освобожденіи отъ заключенія, онъ былъ отданъ на 4 года подъ особый надзоръ мѣстной полиціи.—Но, присудивъ подсудимаго Прохорова къ наказанію, слѣдующему ему по силѣ закона, окружной судъ не можетъ не обратить вниманія на особыя обстоятельства, обнаруживающіяся въ настоящемъ дѣлѣ. Приговоръ новгородской уголовной палаты о Прохоровѣ состоялся въ 1853 г., при дѣйствіи существовавшихъ въ то время законовъ, и присужденное тѣмъ приговоромъ первоначальное наказаніе — отдача въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства на 10 лѣтъ — соотвѣтствовало 1-й степени этого исправительнаго наказанія, тогда какъ по законамъ, дѣйствующимъ съ 17-го апрѣля 1863 г., срокъ содержанія въ арестантскихъ ротахъ по той же самой степени ограничивается четырьмя годами. Очевидно, что Илья Прохоровъ за то дѣяніе, за которое онъ былъ приговоренъ въ 1853 г. къ отдачѣ въ арестантскія роты на 10 лѣтъ, подлежалъ бы теперь наказанію, которое не превышало бы заключенія въ арестантскихъ ротахъ на 4 года. Такъ какъ сущность наказанія за побѣгъ осужденнаго изъ мѣста заключенія до срока опредѣленнаго ему содержанія, при неучиненіи имъ другаго, кромѣ побѣга, преступленія, состоитъ, какъ видно изъ вышеприведенной статьи 312, въ томъ, что побѣгъ уничтожаетъ дѣйствительность понесеннаго уже въ исполненіе прежняго приговора наказанія,

кого либо ссылкой въ Сибирь за таковое покушеніе послѣ введенія въ дѣйствіе закона 1845 г., значило бы объявлять уголовнымъ преступленіемъ дѣянія, которое законодатель объявилъ только грѣхомъ.

Какъ поступать въ томъ случаѣ, когда послѣ отмѣны наказанія за извѣстное дѣяніе прежній законъ вновь возстанавливается. Такъ напр.

и прежній приговоръ, по поимкѣ осужденнаго, долженъ начинаться исполненіемъ снова, по крайней мѣрѣ въ отношеніи заключенія и дальнѣйшихъ его послѣдствій, — то суду, разсматривающему дѣло о побѣгѣ чрезъ значительный промежутокъ времени послѣ событія, приходится постановлять рѣшеніе о возстановленіи силы прежняго приговора, между тѣмъ, какъ опредѣленное этимъ приговоромъ наказаніе можетъ оказаться, и въ настоящемъ дѣлѣ дѣйствительно оказывается, строже того, которое по современнымъ законамъ слѣдовало бы за первоначальную вину осужденнаго. Хотя, по ст. 60. Основн. Госуд. Закон., никакой законъ не имѣетъ обратнаго дѣйствія и сила онаго не распространяется на дѣянія, совершившіяся прежде его обнародованія, но изъ этого общаго правила въ дѣйствительности допускается исключеніе тогда, когда издается новый уголовный законъ, смягчающій наказаніе за извѣстное преступленіе; въ такомъ случаѣ новый законъ обыкновенно распространяется и на тѣ изъ преступленій, которыя были совершены при дѣйствіи прежняго закона, но судъ за которыя производится послѣ изданія новаго. Въ подтвержденіе постояннаго у насъ примѣненія болѣе мягкаго новаго уголовнаго закона можно привести нерѣдкіе примѣры. Такъ, въ указѣ 27-го марта 1846 г. касательно примѣненія Уложен. о наказ. 1845 года къ постановленію и исполненію судебныхъ приговоровъ по тѣмъ дѣламъ, кои возникли при дѣйствіи существовавшихъ дотолѣ законовъ уголовныхъ, было повелѣно: съ 1,го мая 1846 г. постановленія новаго Уложенія прилагать ко всѣмъ дѣламъ, неполучившимъ до того числа окончательнаго рѣшенія, не распространяя лишь сего на тѣ немногіе случаи, гдѣ опредѣляемыя Уложеніемъ наказанія строже назначенныхъ дѣйствовавшими дотолѣ законами; подобнымъ образомъ, Высочайшій указъ 17-го апрѣля 1863 г., о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ существовавшей до того системѣ наказаній уголовныхъ и исправительныхъ, былъ примѣняемъ къ уголовнымъ дѣламъ, возникшимъ до дня состоянія сего указа; наконецъ, со введеніемъ въ дѣйствіе новыхъ Судебныхъ Уставовъ, сила Устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, распространяется на старыя дѣла о проступкахъ, обложенныхъ по Уставу болѣе мягкими наказаніями сравнительно съ прежними узаконеніями.—Въ дѣлѣ о побѣгѣ Ильи Прохорова изъ рабочаго дома, при отсутствіи отягчающихъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ побѣгъ, приговоръ суда о Прохоровѣ долженъ бы ограничиться постановленіемъ объ исполненіи надъ нимъ присужденнаго ему наказанія за первоначальное преступленіе, за которое онъ былъ отданъ въ рабочій домъ. Но, принимая во вниманіе, что приложеніе опредѣленныхъ прежними законами наказаній, хотя бы и къ дѣяніямъ, предшествовавшимъ изданію новыхъ постановленій, было бы несогласно съ началами справедливости, какъ скоро верховная власть уже признала, что наказанія, опредѣленныя прежними законами,

переплавъ монеты наказывались по Уложенію ссылкой на поселеніе; въ 1854 году наказаніе это вовсе отмѣнено, т. е. переплавъ (кромѣ старой мѣдной монеты) признанъ дозволеннымъ; а въ 1861 г. прежній законъ возстановленъ. Если извѣстное лицо переплавило монету въ 1853 г. а дѣяніе это открыто только въ 1862 году подлежитъ ли оно уголовной карѣ?

оказываются по состоянію общежитія слишкомъ строгими и что поддержаніе общественнаго порядка возможно безъ примѣненія ихъ въ прежней силѣ, окружной судъ находитъ, что въ дѣлѣ Ильи Прохорова представляются особыя уваженія къ облегченію участи подсудимаго, служащія для суда основаніемъ ходатайствовать предъ Его Императорскимъ Величествомъ, въ порядкѣ, опредѣленномъ ст. 774, 798 и 945 п. 2 Уст. Угол. Суд.- о смягченіи Прохорову наказанія въ размѣрѣ, выходящемъ изъ предѣловъ судебной власти. Въ отношеніи же мѣры предполагаемаго смягченія наказанія Прохорову, имѣя въ виду, что, по силѣ ст. 312 Улож. о наказ., Прохоровъ подлежитъ заключенію по прежнему, уже послѣдовавшему о немъ приговору новгородской уголовной палаты; что приговоромъ этимъ онъ былъ присужденъ къ лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ ему, правъ и премуществъ, къ наказанію при полиціи розгами ста ударами и къ отдачѣ въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства на 10 лѣтъ, т. е. по 1-й степени этого наказанія, съ послѣдствіями онаго, опредѣленными въ законѣ; что при исполненіи этого приговора, Прохоровъ, по освидѣтельствованіи въ рекрутскомъ присутствіи былъ признанъ по состоянію здоровья неспособнымъ къ работамъ въ арестантскихъ ротахъ; что, по ст. 77 Улож., тѣ, которые, по старости, дряхлости или инымъ причинамъ, къ работамъ въ арестантскихъ ротахъ неспособны, нынѣ присуждаются вмѣсто того къ отдачѣ въ рабочіе домы, не увеличивая сроковъ заключенія; что, по ст. 78 Улож., тамъ, гдѣ нѣтъ рабочихъ домовъ, присужденные къ заключенію въ оныхъ содержатся въ особомъ отдѣленіи городской тюрьмы и употребляются здѣсь на самыя тяжкія изъ установленныхъ въ семъ мѣстѣ заключенія, работы, — окружной судъ полагаетъ, что наказаніе Прохорову слѣдовало бы ограничить отдачею его въ арестантскія роты, но лишь на 4-лѣтній срокъ, опредѣленный для 1-й степени этого наказанія въ Уложеніи изданія 1866 г., а по неспособности Прохорова къ работамъ въ арестантскихъ ротахъ и за уничтоженіемъ въ новгородской губерніи рабочаго дома, заключить Прохорова въ тюрьму на тотъ же 4-лѣтній срокъ, причемъ, руководствуясь ст. 993, 999 Уст. Угол. Суд., обратить на Прохорова судебныя издержки по дѣлу, которыя только при несостоятельности его къ платежу оныхъ принять окончательно на счетъ казны.

По всѣмъ симъ соображеніямъ, новгородскій окружной судъ опредѣляетъ: ходатайствовать предъ Его Императорскимъ Величествомъ, чрезъ г. министра юстиціи, о томъ, чтобы наказаніе подсудимому Прохорову ограничить исполненіемъ надъ нимъ приговора бывшей новгородской уголовной палаты въ срокахъ заключенія, соотвѣтствующихъ нынѣшнимъ постановленіямъ Уложенія, вслѣдствіе чего надлежало бы выдержать Прохорова въ

Отвѣтъ долженъ быть отрицательный: Преступленіе 1853 года было погашено отмѣной закона, а возстановленіе закона, какъ новый законъ должно имѣть дѣйствіе только на факты, совершенные послѣ его изданія.

Существуетъ, впрочемъ, одинъ видъ обратнаго дѣйствія закона, даже и во вредъ подсудимому,—именно, когда извѣстный родъ наказанія вовсе уничтоженъ и замѣненъ другимъ; напр. если уничтожается ссылка на житье и вмѣсто ея вводится заключеніе на долгіе годы. До 1860 года лица, изъятыя отъ тѣлесныхъ наказаній, вмѣсто ссылки въ Сибирь на поселеніе подвергались отдачѣ въ солдаты безъ выслуги; или въ 1867 году прекращена отдача несовершеннолѣтнихъ привилегированныхъ классовъ вмѣсто ссылки на житье отдавались въ военную службу съ выслугою за политическіе проступки. Судья не можетъ приложить этихъ законовъ къ означеннымъ лицамъ за дѣянія, совершенныя ими при дѣйствіи ихъ, а долженъ подвергнуть ихъ болѣе суровому новому закону потому что отдача въ солдаты безъ выслуги отмѣнена вовсе, а отдача съ выслугой за политическіе проступки признана вредной для духа арміи.

Наконецъ существуютъ законы, которые имѣютъ по природѣ своей обратное дѣйствіе, и притомъ только обратное дѣйствіе, таковы постановленія мирныхъ трактатовъ опрощеніи и забвеніи извѣстныхъ преступленій.

Законы уголовнаго судоустройства и судопроизводства считаются имѣющими обратную силу въ дѣйствіи, — а слѣд. и тѣ ихъ постанвленія, которыми измѣняется что либо изъ постановленій о преступленіяхъ и наказаніяхъ. Само собою разумѣется, что въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ предшествовавшихъ, обратное дѣйствіе закона только тогда можетъ быть допущено, когда онъ заключаетъ облегченіе, а не отягченіе.

Постановленія о дѣйствіи уголовнаго закона только на будущее время прилагаются вполнѣ и къ тому случаю, когда не новый а спеціальный законъ, существующій для одного класса жителей, временно получаетъ значеніе для другихъ. Такъ, военно-уголовное Уложеніе дѣйствующее только относительно арміи и флота, дѣлается общимъ закономъ для всей мѣстности объявленной на военномъ положеніи. Если послѣ этого объявленія

тюрьмѣ четыре года, обративъ на него судебныя выдержки по дѣлу; по освобожденіи же изъ тюрьмы, отдать его на 4 года подъ особый надзоръ мѣстной полиціи.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу приговора новгородскаго окружнаго суда, 16 ноября 1867 г. состоявшагося, по дѣлу о бывшемъ дворовомъ человѣкѣ Ильѣ Прохоровѣ, въ 23 день января сего года, Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ: ограничить наказаніе Прохорова — заключеніемъ его въ особое отдѣленіе городской тюрьмы на два года.

пришлось бы судить преступленія, совершенныя до объявленія о военномъ положеніи, то къ нему можетъ быть прилагаемъ военно-уголовный законъ, покрайней мѣрѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда наказанія его строже положенныхъ Уложеніемъ.

Постановленія о пространствѣ дѣйствія уголовнаго закона, которыя мы разбирали, находятся только въ Уложеніи,—заглавіе ихъ: *о пространствѣ дѣйствія постановленій сего Уложенія.* Но съ 1866 г. у насъ явился, кромѣ Уложенія, и другой уголовный законъ: *Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями.* Относятся ли и къ нему означенныя постановленія?—этого не сказано въ Уставѣ. Такой пропускъ объясняется тѣмъ, что Уставъ составляетъ часть наказуемыхъ дѣяній, заключавшуюся прежде въ Уложеніи. Было бы противно здравому смыслу утверждать, что иностранцы, жительствующіе въ Россіи не подлежатъ дѣйствію Устава, т. е. могутъ безнаказанно красть, наносить обиды, клеветать, нарушать полицейскія постановленія. Но другой вопросъ относительно приложенія наказанія за нарушеніе полицейскихъ постановленій, совершенное русскимъ за границей. Эти нарушенія составляютъ значительную часть Устава, но, впрочемъ, заключаются не въ немъ одномъ; ихъ много и въ Уложеніи. Мы говорили, что общіе полицейскіе проступки, совершенные въ другомъ государствѣ, не наказуемы и почему не наказуемы. Законъ нашъ даетъ намъ право положительно заключать о ненаказуемости таковыхъ проступковъ; когда онъ говоритъ о наказуемости дѣяній, совершенныхъ за границей русскимъ или иностранцемъ, онъ употребляетъ (ст. 172, 173, 174, 175) выраженія.... „учинившія тамъ преступленіе противъ *правъ* Верховной власти или же противъ *правъ* россійскихъ подданныхъ, или иностранцевъ....“; слѣдственно, прямо исключаются полицейскіе проступки, которые состоятъ не въ нарушеніи правъ, а въ нарушеніи мѣръ, принимаемыхъ для огражденія правъ.

ГЛАВА II.

РАЗДѢЛЕНІЕ И СУЩЕСТВО НАКАЗУЕМЫХЪ ДѢЯНІЙ.

Дѣленіе западныхъ кодексовъ. — Дѣленіе древняго русскаго права. — Злодѣяніе, преступленіе и проступокъ по законамъ Петра I. — Преступленіе и проступокъ по Своду 1832 и 1842 г., по Уложенію 1845 и 1857 г., по Уложенію 1866 г., Мировому Уставу и Уставу Уголовнаго Судопроизводства.

Наказуемыя дѣянія безконечно разнообразны по степени безнравственности и по опасности для общества, а потому и по наказаніямъ: между словесной обидой или выкидываніемъ сора на мостовую и убійствомъ—неизмѣримая разница, такая же, какая между арестомъ и каторжной работой. Поэтому умъ нашъ не можетъ подводить подъ одно слово все это разнообразіе; законъ также чувствуетъ практическую потребность, кромѣ общаго отвлеченнаго названія для всей совокупности наказуемыхъ дѣяній, ввести нѣсколько другихъ, соотвѣтствующихъ ихъ важнѣйшимъ качественнымъ различіямъ.

Французскій законъ, и по примѣру его другіе западные, установилъ слѣдующія группы наказуемыхъ дѣяній: 1) crimes, 2) delits, 3) contraventions,—чему во многихъ нѣмецкихъ кодексахъ соотвѣтствуетъ дѣленіе на: Verbrechen, Vergehen, Polizei-übertretung. Основаніемъ этого дѣленія служитъ видъ наказанія: crimes—такія дѣянія, за которыя слѣдуетъ наказаніе, по нашему, уголовное, delits — когда слѣдуетъ наказаніе исправительное, contraventions—дѣянія, наказуемыя денежнымъ штрафомъ или легкимъ арестомъ. Это дѣленіе еще имѣетъ ту практическую выгоду, что оно соотвѣтствуетъ тремъ видамъ уголовной юстиціи: crimes судятся въ уголовныхъ судахъ съ присутствіемъ присяжныхъ засѣдателей, delits — безъ присяжныхъ, contraventions—мировыми судьями. Если это дѣленіе лишено всякаго теоретическаго достоинства—ибо оно раздѣляетъ преступныя дѣянія не по ихъ внутреннему значенію, т. е. степени безнравственности, — за то оно имѣетъ большое практическое значеніе, чтó и долженъ имѣть преимущественно въ виду законодатель.

Наше право долго не знало общихъ терминовъ для наказуемыхъ дѣяній. Въ Русской Правдѣ „обида“ имѣла широкое значеніе, но не общее для всѣхъ нарушеній. Впослѣдствіи встрѣчается съ болѣе или менѣе об-

щимъ значеніемъ: „головщина“ (отсюда *уголовное* дѣло), „лихое дѣло“, „вина“ (напр. въ Уложеніи царя Алексѣя: указъ за какія *вины* чинить смертную казнь и за какія не чинить), въ особенности „воровство“ („воръ“) означало нарушеніе важное, напр. бунтъ (бунтовщики назывались „воры“— „Тушинскій воръ“, дѣланіе фальшивой монеты, убійство и т. под. Хотя впослѣдствіи слово „воровство“ стало синонимомъ кражи, но легально за нимъ сохранялось отчасти прежнее значеніе: ссылаемыхъ въ каторжную работу клеймили до 1845 г. буквами: В. О. Р.—При Петрѣ Великомъ въ законахъ вошли въ употребленіе слова „преступленіе“, „проступокъ„, безъ точнаго между ними разграниченія. Оба эти слова одного и того же корня (ступать, переступать за черту положенную закономъ), даже того же состава, такъ что филологически онѣ означаютъ почти одно и тоже, — и во всякомъ случаѣ не заключаютъ качественнаго различія. Слѣдственно различіе между ними должно быть основано только на ясномъ опредѣленіи закона. Мы сказали, что въ Петровское время эти слова употреблялись безразлично; впрочемъ они не обозначали всѣхъ правонарушеній. Тогдашняя судебная практика требовала техническаго обозначенія такихъ дѣяній, по обвиненію въ которыхъ обвиняемый подвергался пыткѣ съ уничтоженіемъ судебныхъ гарантій, установленныхъ процесами Петра В. для уголовнаго судопроизводства. Такимъ терминомъ явилось *злодѣйство*. Понятіе о злодѣйствѣ было чрезвычайно расширено указомъ Екатерины I (1725 г. 3 мая). Подъ нимъ велѣно разумѣть: 1) богохульство и церковный мятежъ, какъ эти дѣянія обозначены въ Уложеніи царя Алексѣя, 2) „слова противныя“ на Государя и его фамилію, 3) смертоубійство, разбой, кражу съ поличнымъ. „Злодѣяніе“, какъ терминъ означающій самыя важныя нарушенія закона, удерживалось почти до послѣдняго времени въ военныхъ законахъ.

Уголовный Сводъ 1832 и 1842 г. вводилъ классификацію сходную съ французской. Онъ раздѣлялъ всѣ наказуемыя дѣянія на два класса: 1) преступленія — тѣ дѣянія, за которыя слѣдовало тяжкое наказаніе, 2) проступки — „дѣянія запрещенныя подъ страхомъ легкаго тѣлеснаго или исправительнаго наказанія“.

Эта терминологія къ которой привыкло общество, была совершенно измѣнена уголовнымъ Уложеніемъ 1845 г. Раздѣленіе на преступленія и проступки удержано, но словамъ этимъ дано другое значеніе: „Всякое нарушеніе закона, чрезъ которое посягается на неприкосновенность правъ верховной власти и установленныхъ ею властей, или же на права или безопасность общества или частныхъ лицъ, есть преступленіе“. (ст. 1). „Нарушеніе правилъ, предписанныхъ для охраненія опредѣленныхъ законами правъ и общественной или же личной безопасности или пользы, именуется проступкомъ“.

Это дѣленіе имѣетъ большое значеніе, но только теоретическое. Дѣянія запрещаемыя закономъ бываютъ, по отношенію къ нравственности нашему сознанію, двухъ родовъ: одни — такія которыя запрещаются чув ствомъ справедливости, совѣстью; другія, — которыя безразличны для нашего внутренняго чувства, но которыя государство наказываетъ потому, что считаетъ ихъ вредными для общей безопасности и спокойствія, напр. нарушеніе правилъ о паспортахъ, о карантинахъ, о предосторожности отъ огня и т. под. Это-то внутреннее начало и взято было Уложеніемъ для раздѣленія наказуемыхъ дѣяній на два разряда. Величина наказанія не имѣетъ здѣсь значенія: въ разрядѣ преступленій существуютъ такія дѣянія, которыя наказываются легкимъ арестомъ или денежнымъ штрафомъ, напр. словесныя обиды, и наоборотъ, существуютъ проступки за которые полагается каторжная работа и даже смертная казнь, напр. за нѣкоторыя карантинныя преступленія. Неудобство этого дѣленія заключается въ его непрактичности. Факты безконечно различные по нравственному значенію и по наказаніямъ, каковы напр. словесная обида и убійство называются однимъ словомъ „*преступленіе*“—что противно требованіямъ не только юридическаго, но и житейскаго языка. Далѣе, оно не соотвѣтствуетъ Уложенію, т. е. не обнимаетъ всѣхъ наказуемыхъ случаевъ: куда отнести напр. совращеніе, разрытіе могилъ, мужеложство?

Эта терминологія была поколеблена *Уставомъ о наказаніяхъ налагаемыхъ мировыми судьями*. Въ первой статьѣ его сказано: „За *проступки*, означенные въ семъ Уставѣ“... За тѣмъ, въ другихъ статьяхъ этого Устава постоянно употребляется одинъ терминъ — „проступокъ“, напр. ст. 9, 10, 15, 16, 17, 18, 20 и пр. (см. также Уст. угол. судопр. 33 ст.). Но такъ какъ по этому Уставу мировымъ судьямъ подсудны между прочимъ обиды, клевета, нѣкоторыя виды кражи и мошенничества *), т. е. „преступленія“ по смыслу Уложенія, то выходитъ, что законодатель принимаетъ французскую терминологію, т. е. вводитъ раздѣленіе наказуемыхъ дѣяній по важности слѣдуемаго за нихъ наказанія, называя „проступками“ всѣ такія нарушенія, которыя не превышаютъ годичнаго тюремнаго заключенія. Но чтобы эта терминологія получила твердое значеніе, естественно слѣдовало-бы измѣнить 1-ю и 2-ю статьи Уложенія, изд. 1857 г., тѣмъ болѣе, что множество нарушеній, за которыя наказаніе не превышаетъ годичнаго тюремнаго заключенія, не подсудны мировой юстиціи, и потому не вошли въ мировой Уставъ, напр. нарушенія постановленій

---

*) Ст. 18: «*Проступки* противъ чести и правъ частныхъ лицъ»... Ст. 20: «Проступки, означенные въ ст. 18 и 19»... А въ 19 ст. говорится о кражѣ: слѣдовательно, это правонарушеніе прямо названо проступкомъ.

о прессѣ. Въ указѣ 27 декабря 1865 г., *о согласованіи Уложенія о наказаніяхъ съ Высочайше утвержденнымъ 20 ноября 1864 года Уставомъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями,* не было ничего измѣнено въ 1-й и 2-й ст. Уложенія. Но въ вышедшемъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ (1866 г.) новомъ изданіи Уложенія 1-я и 2-я статьи прежняго изданія были вовсе выпущены; 4-я—обращена въ первую, третья—во вторую, такъ что теперь Уложеніе начинается прямо съ опредѣленія того, что называется вмѣстѣ и преступленіемъ и проступкомъ, безъ разъясненія — что въ частности называется преступленіе и что проступкомъ: „Преступленіемъ или проступкомъ признается, какъ самое противозаконное дѣяніе, такъ и неисполненіе того, что подъ страхомъ наказанія закономъ предписано". Это, какъ мы сказали, бывшая 4-я статья съ опущеніемъ двухъ прилагательныхъ предъ словомъ „наказанія",—именно: „уголовнаго или исправительнаго", дѣйствительно излишнихъ, ибо въ слѣдующей статьѣ (бывшей 3-й, а теперь 2-й) говорится, что наказанія, бываютъ уголовныя и исправительныя. Въ дальнѣйшихъ статьяхъ Уложенія мы также не найдемъ положенія о различіи между преступленіями и проступками.

Отсутствіе въ Уложеніи разграниченія преступленія отъ проступка имѣетъ весьма важныя практическія слѣдствія. Существуетъ много общихъ положеній Уложенія, которыя оно объявляетъ приложимыми только къ преступленіямъ. Такъ всѣ постановленія объ участіи въ преступныхъ дѣйствіяхъ (ст. 11—15,117—128) относятся къ преступленію. Уложеніе говоритъ объ участникахъ, зачинщикахъ, сообщникахъ, подговорщикахъ и проч. въ *преступленіи*, о вознагражденіи за убытки и вредъ, происшедшіе отъ *преступленія* (ст. 59), о приготовленіи и покушеніи на *преступленіе* (ст. 91, 111—116), о рецидивѣ въ *преступленіяхъ* (131, 132), о совершеніи по неосторожности *преступленій* несовершеннолѣтними (ст. 144). Всѣ эти постановленія буквально не приложимы къ проступкамъ. Мы можемъ найти для нѣкоторыхъ изъ нихъ удовлетворительныя объясненія, напр. для рецидива въ преступленіяхъ, а не въ проступкахъ, или для покушенія; для другихъ мы не найдемъ основаній, напр. для вознагражденія за ущербъ отъ преступленія, а не отъ проступка,—но это даетъ намъ право только критиковать законъ, но не можетъ имѣть никакого вліянія на уменьшеніе или расширеніе его буквальнаго прямаго смысла.

Законодатель, раздѣляя наказуемыя дѣянія на нѣсколько группъ по ихъ значенію, чувствуетъ необходимость, во избѣжаніе исчисленія всякій разъ названій этихъ дѣленій, въ одномъ общемъ названіи для всѣхъ наказуемыхъ дѣяній. У французовъ такимъ общимъ названіемъ служитъ слово délit, которое такимъ образомъ имѣетъ и частное и общее значеніе. Разумѣется, что общее значеніе извѣстнаго слова должно быть установле-

но закономъ. У насъ законъ не устанавливаетъ общаго генерическаго названія для преступленій и наказаній. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ (такъ въ ст. 152) законъ употребляетъ, какъ генерическое названіе, другія слова, но всегда различныя; имъ употребляются выраженія: „законопротивныя дѣянія“, „дѣянія подлежащія наказаніямъ“; въ ст. 151: „преступное дѣяніе“; въ ст. 100: „противозаконное дѣяніе“. Въ Уст. Угол. Судопроизв. употребляются выраженія: „преступное дѣяніе“, „уголовное дѣло“. Но въ другихъ случаяхъ законодатель ихъ не употребляетъ, а говоритъ „преступленія“ и „проступки“, когда желаетъ обозначить всѣ наказуемыя дѣянія. Однако при внимательномъ разсмотрѣніи Уложенія нельзя не видѣть, что во многихъ случаяхъ законодатель употребляетъ слово „преступленіе“, какъ генерическое выраженіе для преступленій и проступковъ, подобно тому, какъ употребляетъ французскій законъ слово délit.

Эта путаница прекращена толкованіемъ Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента, даннымъ по дѣлу Ефимова (Сбор. Кас. 1868 г. № 10). Сенатъ высказалъ: „что въ Улож. о наказ. изд. 1866 года слово преступленіе не противополагается слову проступокъ. Тѣмъ и другимъ словомъ по ст. 1 Улож. означается какъ самое преступное дѣяніе, такъ и неисполненіе того, что предписано подъ страхомъ наказанія, а посему общія правила Уложенія должны быть примѣняемы во всѣхъ случаяхъ, когда преступленія или проступки надлежитъ наказывать на основаніи сего Уложенія.“ Желательно было бы, чтобы при новомъ изданіи Уложенія исчезла эта двойственность обозначенія преступныхъ дѣяній. Теперь послѣ толкованія уголовнаго кассаціоннаго департамента слова „преступленіе“ и „проступокъ“ безразличны. Но, конечно, по установившемуся въ языкѣ смыслу, никто не назоветъ убійство проступкомъ или словесной обиды преступленіемъ *).

Первая статья Уложенія говоритъ не только о раздѣленіи наказуемыхъ дѣяній на преступленія и проступки, но и даетъ общее обозначеніе ихъ содержанію: преступленіемъ или проступкомъ признается какъ самое противозаконное дѣяніе, такъ и неисполненіе того, что подъ страхомъ наказанія закономъ предписано.

---

*) Воинскій Уставъ о Наказ. изд. 1868 удерживаетъ двоякое названіе законопротивныхъ дѣяній—«преступленіе» и «проступокъ» безъ опредѣленія ихъ различія.

И такъ преступленіями и проступками бываютъ: 1) положительныя дѣянія, т. е. когда человѣкъ совершилъ то, что запрещено закономъ, 2) отрицательныя дѣянія,—когда онъ не сдѣлалъ того, что предписано закономъ.

Все уголовное законодательство имѣетъ характеръ отрицательный; оно выходитъ изъ основнаго начала свободы гражданина. Человѣкъ свободенъ, онъ имѣетъ право дѣлать все кромѣ того, что́ именно, точно, опредѣлительно воспрещено закономъ подъ страхомъ наказанія. Законъ же подъ страхомъ наказанія вообще воспрещаетъ дѣянія, соединяющія два признака: безнравственность, т. е. несогласіе дѣянія съ тѣми началами правды и справедливости, которыя существуютъ у народа въ данное время, и во вторыхъ—опасность для дѣйствія общества. Мало одной безнравственности, чтобы дѣяніе было наказуемо. Государство не церковь, общество не семейство и не школа; государство имѣетъ свои существенныя цѣли — охраненіе общества признаваемаго всѣми за единственную форму жизни, при которой человѣкъ можетъ жить и развиваться. Оставляя не нарушимой личную свободу, государство ограничиваетъ ее только немногими условіями, оно требуетъ отъ человѣка отказа отъ такихъ дѣяній, которыя вредятъ правамъ другихъ, слѣдственно ведутъ къ анархіи, распаденію общества.

Изъ этого общаго начала существуетъ нѣсколько исключеній, т. е. иногда законъ требуетъ подъ страхомъ наказанія извѣстныхъ дѣйствій. Въ этомъ смыслѣ въ ст. 1 и сказано, что преступленіемъ, или проступкомъ называется также „и не исполненіе того, что подъ страхомъ наказанія закономъ предписано". Сюда относится: 1) значительная часть преступленій чиновниковъ по службѣ, 2) не доносъ о преступленіи или преступникѣ, 3) отказъ въ свидѣтельствѣ, 4) отказъ въ содержаніи родителямъ, 5) неисполненіе различныхъ дѣйствій христіанской практики, 6) неисполненіе законныхъ требованій властей и различныхъ полицейскихъ постановленій.

Далѣе, существуютъ исключенія изъ общаго принципа, что преступленіе, т. е. наказуемое дѣяніе, должно заключать два элемента—быть дѣяніемъ безнравственнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ опаснымъ для спокойствія общества. Въ нашемъ уголовномъ законѣ мы встрѣтимъ много дѣяній наказуемыхъ, хотя они нисколько не колеблятъ спокойствія общества, а только—или безнравственны вообще или въ частности противны христіанской морали; таковы преступленія: противоестественные пороки, кровосмѣшеніе, незаконное сожитіе неженатаго съ незамужней, покушеніе на самоубійство, неисполненіе постановленій церкви и нѣкоторыя другія. Еще больше тѣхъ преступленій, которыя заключаютъ въ себѣ опасность для общества, хотя

въ нравственномъ отношеніи они безразличны, напр. нарушеніе карантинныхъ постановленій, паспортнаго устава, постановленій горныхъ и проч.

Что считать дѣяніемъ противнымъ нравственности и вмѣстѣ противнымъ безопасности общества? Естественно, что вопросъ этотъ разрѣшается нравственнымъ, общественнымъ и политическимъ ростомъ народа, и находится въ такой неразрывной связи съ его государственнымъ устройствомъ, что уголовное право долго и не имѣло самостоятельнаго существованія, а считалось частью государственнаго. Но понятіе о нравственности, какъ обще-человѣческое, утверждается не на одномъ пониманіи извѣстнаго народа; оно зиждется на общихъ началахъ христіанской цивилизаціи, на суммѣ идей и чувствованій, ставшихъ достояніемъ человѣчества въ данную эпоху. Эти начала состоятъ въ признаніи личной свободы человѣка, какъ главнаго двигателя нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія; поэтому всякое поглощеніе и униженіе человѣческой личности не соотвѣтствуетъ цѣлямъ государства, а слѣдственно и нравственности. Эта свобода личности заключается: 1) въ свободѣ совѣсти, — т. е. въ правѣ на свободу вѣроисповѣданія и общественнаго культа; 2) въ свободѣ труда и занятія; 3) въ свободѣ движенія на всемъ земномъ шарѣ; 4) въ свободѣ мысли, т. е. слова и печати; 5) въ свободѣ пріобрѣтенія имуществъ и распоряженія ими; 6) въ свободѣ брака и самостоятельности семейной жизни. Всякое ограниченіе этихъ правъ должно быть основано только на существенныхъ требованіяхъ государственной жизни, и никогда не должно идти до пораженія ихъ существа; всякій законъ, которымъ подъ страхомъ наказанія, ограничивалась бы, напримѣръ, свобода совѣсти будетъ закономъ, противнымъ христіанской цивилизаціи, благу народа, слѣдственно несправедливымъ и безнравственнымъ. Критика уголовнаго законодательства должна состоять именно въ оцѣнкѣ сообразности запрещенія извѣстнаго дѣянія съ началами нравственности, то есть христіанской цивилизаціи на этихъ началахъ должно основываться и судебное истолкованіе закона.

Субъектомъ преступленія, то есть лицомъ, могущимъ творить преступленіе и быть наказуемымъ можетъ быть только человѣкъ. Преступленіе должно заключать въ себѣ непремѣнно *злую волю, умыселъ* (ст. 3, 6, 7, 9), а волею и разумомъ обладаетъ только человѣкъ, въ нормальномъ смыслѣ этого слова. Животное можетъ дѣлать великій вредъ, но не можетъ творить преступленія его уничтожаютъ, но не судятъ. Лицо юридическое (городъ, сословіе и прочіе) также не можетъ творить преступленія; творятъ его отдѣльныя лица, его составляющія; даже, если эти лица суть его законные представители (напримѣръ члены думы, депутаты), то они лично отвѣчаютъ за дѣянія, ими учиненныя, а не представляемое ими общество, такъ какъ они избраны и уполномочены только на дѣйствія законныя. Это простое начало одно, не долго не было созна-

ваемо. Наша исторія показываетъ какъ неоднократно раззорялись цѣлые города, за преступленіе, учиненное нѣсколькими гражданами; въ особенности на сельскія общества возлагалась круговая порука въ имущественной отвѣтственности за преступленіе, учиненное однимъ изъ ихъ членовъ. Нѣкоторые слѣды этого начала мы встрѣчаемъ и въ Уложеніи, напримѣръ по 515 ст. денежному штрафу подвергается цѣлое сельское общество, за невзносъ слѣдующихъ въ казну денегъ при представленіи рекрута. Мысль объ отвѣтственности цѣлаго общества, за преступленіе одного изъ членовъ была у насъ такъ сильна, что Екатерина II сочла нужнымъ сказать въ жалованной грамотѣ дворянству, что личное преступленіе дворянина не взыскивается на дворянскомъ обществѣ (Свод. Зак. т. IX, ст. 132). Впрочемъ, общество, если не отвѣтитъ предъ судомъ за преступленія своихъ членовъ, но все-таки нерѣдко несетъ за это тягости: такъ при усмиреніи возстанія въ западныхъ губерніяхъ (въ 1863 г.) наложена была контрибуція на дворянъ-землевладѣльцевъ, въ томъ числѣ и на тѣхъ, которые не участвовали въ мятежѣ; за безпорядки закрываются учебныя заведенія,—и при этомъ страдаютъ и неучаствовавшіе въ ихъ произведеніи; привиллегіи отымаются иногда отъ корпорацій, которыя оказались неблагонадежными въ лицѣ многихъ своихъ членовъ.

ГЛАВА III.

НАКАЗАНІЯ.

Значеніе и цѣль наказанія. — Современная система наказаній. — Пораженіе свободы.—Необходимость различныхъ ступеней въ наказаніи.—Участіе трехъ элементовъ въ произведеніи различныхъ ступеней наказанія (свобода въ тѣсномъ смыслѣ, правà, работа). — Лѣстница наказаній по Уложенію.— Равномѣрность наказанія.—Отношеніе наказаній къ преступленіямъ.—Статистика наказаній.

Мы говорили въ I гл. объ абсолютной необходимости наказанія, какъ траданія за преступленіе. Государство конечно должно заботиться о томъ, чтобы воспитаніе было распространено самымъ широкимъ образомъ въ массахъ, чтобы каждый могъ трудиться, чтобы невѣжество и нищета, главные источники преступленій, были послѣдствіемъ только собственной лѣности. Но оно должно давать эти блага до преступленія, — а дѣйствовать такъ, что отказывая въ нихъ честнымъ людямъ, давать тѣмъ, которые совершатъ преступленіе,—значило бы сдѣлать изъ преступленія ворота къ къ благополучію, т. е. ниспровергнуть весь общественный и нравственный порядокъ.

Но налагая страданіе за преступленіе, законъ не долженъ терять изъ виду исправленіе виновнаго, въ томъ смыслѣ, чтобы невѣжду образовать, пріучить его къ труду, дать ему нравственное развитіе. Тогда оно спокойно возвратитъ его въ общество. Но это исправленіе не должно ослаблять главной цѣли наказанія—страданія. При томъ же наказаніе и само по себѣ заключаетъ исправленіе: человѣкъ безнравственный научается цѣнить свободу, когда попробовалъ невыгоду ея лишенія.

Верховное право наказанія, какъ и всякое другое право государства, ограничивается разумомъ и нравственными началами, на которыхъ основана цивилизація народа. Такъ всякое мученіе безполезное, т. е. ничего не прибавляющее для безопасности государства, все гнусное и безнравственное должно быть изгнано изъ уголовнаго кодекса.

Какая цѣль и значеніе наказаній? Оно должно быть: 1) примѣромъ:— люди шаткіе должны видѣть, какія невыгоды влечетъ преступленіе, 2) оно

должно быть для преступника примиреніемъ съ совѣстью:—только послѣ наказанія человѣкъ возстановляется въ своихъ собственныхъ глазахъ; 3) оно должно обезопасить общество отъ преступника.

Два великихъ вопроса представляются для законодателя при установленіи наказаній: первый—въ чемъ должно состоять наказаніе, то страданіе, которое дается за преступленіе? второй, — какое именно положить наказаніе за то, или другое преступленіе? Первый вопросъ въ разрѣшеніи зависитъ отъ общаго хода развитія человѣчества. Страданіе есть лишеніе или ограниченіе какого либо блага. Во времена варварства люди знали только одно благо,—жизнь, матеріальныя удовольствія. Вслѣдствіе этаго взгляда всѣ наказанія были обращены на тѣло: битье розгами, палками, кнутомъ, изуродованіе, ослѣпленіе, отрубленіе членовъ, лишеніе жизни съ большимъ или меньшимъ мученіемъ. Впослѣдствіе, когда частная собственность вошла въ жизнь народовъ, стала благомъ, наказанія обращались на нее. Были періоды въ исторіи народовъ когда всѣ наказанія состояли только въ вирахъ т. е. денежныхъ пеняхъ. Когда народы достигаютъ полноты развитія, тогда свобода, т. е. сумма правъ личныхъ и политическихъ, дѣлается величайшимъ благомъ. Въ тѣ времена, когда личныя гражданскія права ничтожны, когда при господствѣ деспотизма политической свободы не существуетъ, не можетъ быть и рѣчи о наказаніи лишеніемъ или ограниченіемъ свободы.

Въ наше время во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ, въ томъ числѣ и въ Россіи, существуетъ только одна система наказаній—направленныхъ на лишеніе или ограниченіе свободы. Эти наказанія соотвѣтствуютъ вполнѣ требованіямъ общественной безопасности, вырывая навсегда или на извѣстное время изъ общества людей преступныхъ, т. е. ставятъ ихъ въ невозможность совершать преступленія, даютъ возможность исправлять порочныхъ,—слѣдовательно соотвѣтствуютъ требованіямъ человѣколюбія и интересамъ преступника: онѣ не губятъ его нравственно, подобно тѣлеснымъ наказаніямъ; наконецъ онѣ болѣе всѣхъ другихъ равномѣрны. Изъ прежнихъ системъ наказаній остались нѣкоторыя, но онѣ или существуютъ для исключительныхъ случаевъ, или въ самой незначительной степени. Такъ у насъ существуютъ два вида наказаній физическихъ: 1) смертная казнь—для преступленій весьма рѣдкихъ, именно: важнѣйшихъ видовъ политическихъ преступленій и нарушеній карантинныхъ правилъ во время чумы; 2) тѣлесныя наказанія, которыя послѣ 17 апр. 1863 г. могутъ прилагаться только къ нѣкоторымъ классамъ населенія, при томъ мужскаго, а главное, онѣ оставлены только до времени—до устройства тюремныхъ помѣщеній въ должномъ размѣрѣ, слѣдовательно въ принципѣ ихъ можно считать отмѣненными. Наказанія обращенныя на имущество также еще существуютъ, но главное изъ нихъ—конфискація—

осталась не какъ наказаніе напередъ опредѣленное, а какъ мѣра, употребленіе которой правительство оставило за собою въ случаѣ чрезвычайныхъ политическихъ обстоятельствъ; денежныя штрафы—существуютъ въ весьма ограниченномъ количествѣ за разныя маловажныя правонарушенія. Наконецъ, существуютъ еще въ нашемъ правѣ нѣкоторые остатки системы церковныхъ наказаній: эпитимія, церковное покаяніе (публичное и не публичное), отлученіе отъ церкви, заключеніе временное въ монастырѣ.

Преступленія бываютъ безконечно различны по своему значенію: между обидой словомъ и убійствомъ, между кражей платка изъ кармана и разбоемъ на большой дорогѣ, разница—въ отношеніи нарушенія закона справедливости и въ отношеніи общественнаго спокойствія — чрезвычайная. Естественно поэтому, что и наказаніе, оборотная сторона медали для преступленія, должно быть различно по количеству и качеству страданія; должно быть столько же видовъ наказаній, сколько признается видовъ преступленій. Иначе пришлось бы за преступленія весьма различныя по степени безнравственности и по степени опасности для общества давать одно и тоже наказаніе. А это значило бы нарушать верховный законъ справедливости и дѣлать важное зло для общества, не удерживая злую волю на низшихъ ступеняхъ преступленія, но какъ бы толкая ее на высшія.

Мы сказали, что въ нашемъ Уложеніи, за немногими исключеніями, принята одна система наказанія, направленная на свободу. Какія же могутъ быть виды этого наказанія?

Свобода заключается, во первыхъ, въ правѣ располагат своими силами и дѣйствіями по своему усмотрѣнію, т. е. въ правѣ двигаться, заниматься тѣмъ или другимъ промысломъ, или ничѣмъ не заниматься, жить на томъ или другомъ мѣстѣ; — далѣе, въ правѣ пріобрѣтать имущество, располагать имъ по своему усмотрѣнію, т. е. пропивать его, дарить, мѣнять и проч. въ правѣ на вступленіе въ бракъ законный, на отеческую власть,—наконецъ, свобода существуетъ въ формѣ правъ политическихъ; у насъ онѣ бываютъ двухъ родовъ: общія всѣмъ гражданамъ и особенныя, т. е. сословныя привилегіи.

Всѣ эти виды лишенія свободы раздѣляются на двѣ части, именно, по терминологіи принятой Уложеніемъ: лишеніе права располагать своими дѣйствіями, двигаться, словомъ, права физической свободы, называется вездѣ исключительно „лишеніемъ свободы“, заключеніемъ, отправленіемъ „на работы“; а лишеніе болѣе или менѣе общее другихъ видовъ свободы называется „лишеніемъ правъ“, и притомъ: а) „лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія“—что означаетъ лишеніе всѣхъ политическихъ и гражданскихъ правъ, в) „лишеніемъ всѣхъ лично и по состоянію присвоенныхъ *особен-*

нихъ правъ"—е) „ограниченіемъ правъ". Слѣдуя терминологіи Уложенія, мы постоянно будемъ называть лишеніемъ свободы только заключеніе.

Слѣдственно для наказанія открывается обширное поле: можно лишать человѣка или всѣхъ исчисленныхъ правъ, или нѣкоторыхъ изъ нихъ, или одного какого либо.

Далѣе,—лишеніе свободы можетъ быть вѣчное и срочное; послѣдняго можетъ быть сколько угодно степеней — отъ одного дня до 20 лѣтъ и болѣе.

Къ этимъ началамъ присоединяется еще одно начало, какъ побочное, вспомогательное:—принудительная работа большей или меньшей тяжести, а для высшихъ наказаній и публичная выставка.

Законъ нашъ раздѣляетъ наказанія на группы. Большая часть изъ нихъ соединяетъ всѣ три начала наказанія, т. е. лишеніе свободы въ тѣсномъ смыслѣ слова, лишеніе или только ограниченіе правъ, принудительныя работы;—а иногда только два начала, иногда только одно. Впрочемъ законъ не дѣлаетъ всѣхъ алгебраическихъ комбинацій, которыя могли бы произойти отъ этихъ началъ взятыхъ въ разныхъ видахъ. Онъ слѣдуетъ той системѣ, что низшіе виды наказаній заключаютъ въ себѣ одно лишеніе свободы на краткое время; а за тѣмъ съ повышеніемъ срока лишенія свободы присоединяется ограниченіе правъ и принудительныя работы, и такъ далѣе: т. е. чѣмъ выше терминъ лишенія свободы, тѣмъ и сильнѣе лишеніе правъ, тѣмъ и сильнѣе тяжесть работы, — такъ что самое высшее наказаніе заключаетъ въ себѣ лишеніе свободы безъ срока (вѣчное), лишеніе всѣхъ правъ не только политическихъ но и гражданскихъ, и работы самыя тяжкія (въ рудникахъ).

Лишеніе свободы бываетъ, какъ мы сказали, весьма различно, по времени. Законъ устанавливаетъ много ступеней этого лишенія. Но пораженія правъ существуетъ только три вида: 1) лишеніе всѣхъ правъ состоянія (т. е. всѣхъ политическихъ правъ и всѣхъ гражданскихъ — семейныхъ, имущественныхъ) или гражданская смерть; 2) лишеніе сословныхъ преимуществъ и политичесхихъ общихъ правъ; законъ нашъ называетъ это „лишеніе всѣхъ особенныхъ и лично по состоянію присвоенныхъ правъ"; 3) ограниченіе правъ, т. е. отнятіе нѣкоторыхъ политическихъ преимуществъ, напр. права вступать въ государственную и общественную службу.

Такъ какъ число разрядовъ пораженія правъ гораздо меньше числа разрядовъ лишенія свободы, то отсюда слѣдуетъ, что каждый изъ перваго рода разрядовъ прилагается къ нѣсколькимъ втораго рода разрядовъ, а къ нѣкоторымъ низшимъ разрядамъ лишенія свободы вовсе не прилагается какъ какое либо ограниченіе правъ.

Виды принудительныхъ работъ по числу своему меньше числа разрядовъ пораженія правъ. Именно ихъ всего—шесть или семь, слѣд., каждый

разрядъ принудительныхъ работъ прилагается къ нѣсколькимъ разрядамъ лишенія свободы.

Наказаніе получаетъ свое названіе не отъ главныхъ факторовъ—т. е. срока лишенія свободы и степени пораженія правъ,—а отъ формы работъ или—что тоже-самое мѣста заключенія, напр. каторжная работа (при томъ: каторжная работа напр. въ рудникахъ), смирительный домъ и пр. Время лишенія свободы приводится въ названіи наказанія на второмъ планѣ.

Въ этой общей системѣ наказанія производитъ дисгармонію—ссылка. Это тоже лишеніе свободы, но другого рода чѣмъ то, какое бываетъ въ другихъ наказаніяхъ—именно: здѣсь человѣкъ сохраняетъ за собою право занятія, право располагать своими силами; но право движенія его ограничено или однимъ городомъ или губерніей, или цѣлой Сибирью, — но не дальше. Слѣд., для движенія все-таки представляется обширное поле. Въ отношеніи пораженія свободы ссылка конечно легче всякаго другаго наказанія, напр. тюремнаго заключенія. Но за то по продолжительности этого ограниченія оно самое тяжкое наказаніе, т. е. вѣчное. По степени пораженія права оно бываетъ двухъ видовъ: 1) соединенная съ лишеніемъ всѣхъ правъ (ссылка на поселеніе), 2) съ лишеніемъ сословныхъ и политическихъ правъ (ссылка на житье). Такимъ образомъ это наказаніе представляетъ соединеніе—одного элемента наказанія, въ его меньшей степени, съ другимъ въ самой высшей степени.

Внѣ круга общей системы наказанія, какъ мы уже сказали, стоятъ: съ одной стороны, — смертная казнь, съ другой—денежныя и церковныя наказанія.

Изъ соединенія различныхъ видовъ всѣхъ трехъ элементовъ наказанія или двухъ изъ нихъ, Уложеніе составляетъ лѣствицу въ 43, а съ параллельными наказаніями—въ 52 ступени. Эту массу наказаній оно для практическаго удобства соединяетъ въ группы, а группы разбиваетъ на второстепенныя дѣленія. Именно,—оно всѣ наказанія соединяетъ въ два главныя разряда: 1) наказанія *уголовныя*,—всѣ тѣ, при которыхъ бываетъ лишеніе всѣхъ правъ состоянія, 2) наказанія *исправительныя* — всѣ остальныя, т. е. какъ тѣ, при которыхъ бываетъ лишеніе сословныхъ правъ, такъ и тѣ, гдѣ бываетъ только ограниченіе въ пользованіи нѣкоторыми правами, такъ и тѣ, гдѣ вовсе нѣтъ никакого ограниченія правъ. Для этого дѣленія законъ одинъ разъ употребилъ слово *разрядъ* (ст. 16), но не какъ терминъ; законъ не устанавливаетъ термина. Дальнѣйшее дѣленіе имѣетъ терминъ „родъ“;—какъ уголовныя такъ и исправительныя наказанія имѣютъ нѣсколько родовъ. Каждый родъ раздѣляется на нѣсколько *степеней* (кромѣ конечно смертной казни, которая не имѣетъ

степени). Наконецъ въ каждой степени есть *мѣра* „высшая“ (maximum) и „низшая“ (minimum). *)

Такой длинной вереницы наказаній не представляетъ никакой другой кодексъ. Цѣль законодателя въ этомъ случаѣ была — ограничить произволъ судьи въ наложеніи наказаній. При прежнемъ порядкѣ нашего судебнаго устройства такое стремленіе было необходимо. Но вообще система безконечнаго дробленія наказанія и постановленія судьи въ самые узкіе предѣлы, имѣетъ много недостатковъ. Вопросъ этотъ будетъ нами разсмотрѣнъ въ главахъ о власти судей въ наложеніи наказанія и о смягчающихъ обстоятельствахъ.

Представляемъ полную таблицу нашихъ наказаній, за исключеніемъ паралельныхъ (ссылки на житье) и денежныхъ.

А. НАКАЗАНІЯ УГОЛОВНЫЯ.

Число.	Родъ наказанія,		Пораженіе правъ.	Число лѣтъ лишенія свободы.		Тяжесть работъ.	
1	1. Смертная казань.	—	Всѣхъ правъ состоянія.	—		—	Публичная экзекуція.
2	2. Каторжныя работы.	ст. 1		Безъ	срока.	Въ рудникахъ.	
3		— 2		отъ 15	до 20	—	
4	—	— 3		— 12	— 15	—	
5	—	— 4		— 10	— 12	Въ крѣпостяхъ	
6	—	— 5		— 8	— 10	—	
7	—	— 6		— 6	— 8	На заводахъ.	
8	—	— 7		— 4	— 6	—	
	3. Ссылка на поселеніе.						
9	Въ болѣе отдаленныя мѣста Сибири.	— 1	Всѣхъ правъ состоянія.	×		×	
10	Въ менѣе отдаленныя.	— 2		×		×	

---

*) Слово «мѣра» употребляется Уложеніемъ также и въ общемъ значеніи размѣра наказаній, т. е. какъ родовое понятіе для рода, степени, мѣры. Такъ, второе отдѣленіе третьей главыноситъ названіе: «о мѣрѣ наказаній», а въ немъ между прочимъ говорится о размѣрѣ наказанія за приготовленіе и покушеніе, за недоносъ, когда наказаніе, положенное за преступленіе не только уменьшается въ степени, въ родѣ, но иногда и вовсе отмѣняется.

Число.	Родъ наказанія.		Пораженіе правъ.	Число лѣтъ лишенія свободы.	Тяжесть работъ.
	В. Наказанія исправительныя.				
11	4. Арестантскія роты:	ст. 1	Всѣхъ сословныхъ и политическихъ правъ.	отъ $3\frac{1}{2}$ до 4	Принудительныя публичныя работы.
12	—	— 2		— 3 — $3\frac{1}{2}$	
13	—	— 3		— $2\frac{1}{2}$ — 3	
14	—	— 4		— $1\frac{1}{2}$ — $2\frac{1}{2}$	
15	—	— 5		— 1 — $1\frac{1}{3}$	
16	5. Рабочі домъ.	— 1		— $1\frac{1}{3}$ — 2	Принудительныя внутреннія работы.
17	—	— 2		— $\frac{2}{3}$ — $1\frac{1}{3}$	
18	—	— 3		— $\frac{1}{3}$ — $\frac{2}{3}$	
19	—	— 4		— $\frac{1}{6}$ — $\frac{1}{3}$	
20	6. Заключеніе въ крѣпости.	— 1	Ограниченіе нѣкоторыхъ особенныхъ правъ.	— $2\frac{2}{3}$ — 4	Безъ принудительныхъ работъ.
21	—	— 2		— $1\frac{1}{3}$ — $2\frac{2}{3}$	
22	—	— 3	(1) Безъ ограниченія правъ.	— $\frac{2}{3}$ — $1\frac{1}{3}$	
23	—	— 4	(2)	— $\frac{1}{3}$ — $\frac{2}{3}$	
24	—	— 5	(3)	— 4 нед. — $\frac{1}{3}$	
25	7. Смирительный домъ.	— 1	Ограниченіе правъ.	— $1\frac{1}{3}$ — 2 г.	Рвботы болѣе легкія, чѣмъ въ рабочемъ домѣ, а для лицъ высшихъ классовъ нѣтъ принудительныхъ работъ.
26	—	— 2		— $\frac{2}{3}$ — $1\frac{1}{3}$	
27	—	— 3	(1) Безъ ограниченія.	— $\frac{1}{3}$ — $\frac{2}{3}$	
28	—	— 4	(2)	— $\frac{1}{6}$ — $\frac{1}{3}$	
29	8. Тюрьма	— 1	—	— $\frac{2}{3}$ — $1\frac{1}{3}$	Для лицъ высшихъ классовъ нѣтъ принудительныхъ работъ, — для другихъ работы по внутреннему хозяйству.
30	—	— 2	—	— $\frac{1}{3}$ — $\frac{2}{3}$	
40	—	— 3	—	— $\frac{1}{6}$ — $\frac{1}{3}$	
41	9. Арестъ.	— 1	—	— 3 нед. — $\frac{1}{4}$ г.	Безъ принудительныхъ работъ.
42	—	— 2	—	— 1 — — 3 нед.	
43	—	— 3	—	— 3 дня — 1 —	
44	—	— 4	—	— 1 день — 3 дн.	

Мы видимъ изъ этой таблицы: 1) что одно наказаніе,—именно ссылка на поселеніе—составляетъ исключеніе изъ общей системы;—сюда же относится и ссылка на житье, не внесенная нами въ таблицу, п. ч. она не есть общее наказаніе; 2) что при расположеніи іерархирическомъ на-

ъазаній не всегда соблюдается принципъ повышенія всѣхъ трехъ элементовъ наказанія, принятыхъ нашимъ закономъ,—именно, срокъ лишенія свободы часто бываетъ въ наказаніяхъ высшей категоріи—т. е. поставленныхъ за таковыя закономъ и налагаемыя за преступленія большей важности,—меньше чѣмъ въ наказаніяхъ низшей категоріи, напр. 5 степень арестантскихъ ротъ меньше не только высшихъ степеней рабочаго дома, смирительнаго дома, но даже и простого тюремнаго заключенія; низшая степень смирительнаго дома менѣе продолжительна, чѣмъ высшая степень тюремнаго заключенія, и т. д. Изъ этого ясно видно, что законодатель считаетъ большую или меньшую степень пораженія правъ и тяжести заключенія болѣе важными элементами, чѣмъ продолжительность заключенія. Но, по крайней-мѣрѣ, въ большей части случаевъ, съ этимъ согласиться нельзя, и на то указываетъ намъ практика. Внѣ всякаго спора этотъ вопросъ въ томъ случаѣ, когда положеніе правъ остается тоже, напр. при заключеніи въ рабочій домъ и арестанскія роты, при тюрьмѣ и низшихъ степеняхъ смирительнаго дома. Здѣсь дается, значитъ, главное наказательное значеніе одному элементу—тяжести заключенія работъ. Между тѣмъ, какъ срокъ лишенія свободы для большинства есть самый важный элементъ въ наказаніи. Самъ законодатель въ одномъ случаѣ сознаетъ это, слѣд. противорѣчитъ своей собственной системѣ въ лѣстницѣ наказаній,—именно, въ случаѣ когда, по смягчающимъ обстоятельствамъ, надобно понизить опредѣленное въ законѣ наказаніе, то при несуществованіи низшей степени въ томъ родѣ наказанія, судья можетъ переходить къ высшей степени слѣдующаго низшаго рода, но съ тѣмъ что если въ низшей степени высшій срокъ лишенія свободы менѣе продолжителенъ, чѣмъ въ высшей степени низшаго рода, то срокъ оставлять первый, напр. если за преступленіе слѣдовало заключеніе въ смирительномъ домѣ отъ 2 до 4 мѣсяцевъ (ст. 4), то въ въ случаѣ смягченія на одну степень опредѣляется тюремное заключеніе не на срокъ отъ 8 мѣсяцевъ до $1^1/_3$ года (ст. 1 тюрем. заключеній), а на тѣже 2 — 4 мѣсяца; 3) сроки заключенія въ разныхъ родахъ наказанія иногда одни и тѣже, напр. 2, 3, 4 степени тюремнаго заключенія; 4 степень заключенія въ крѣпости таже, что 3 степень рабочаго дома; всѣ 4 степени рабочаго дома равны соотвѣтствующимъ степенямъ смирительнаго дома. Иногда сроки заключенія въ разныхъ родахъ сходны въ minimum'ѣ и слегка различаются въ maximum'ѣ, напр. ст. 1 рабочаго дома и ст. 2 крѣпости ($1^1/_3$—2 г. и $1^1/_3$—$2^2/_3$ года), а иногда на оборотъ, т. е. одинъ maximum и нѣсколько разные minimum'ы, напр. 1 степень арестантскихъ ротъ и 1 степень крѣпости ($3^1/_2$ — 4 и $2^2/_3$—4 года). Наконецъ иногда minimum одного наказанія больше, а maximum меньше чѣмъ другаго, напр. 2-я ст. арест. ротъ

($3-3\frac{1}{2}$) и 1 ст. кѣпости ($2\frac{2}{3}-4$). Если взять только срски исправительныхъ наказаній, то число степеней всѣхъ ихъ анчительно сократится:

	Срокъ	Степени
1)	Срокъ $3\frac{1}{2}-4$ лѣтъ — $2\frac{2}{3}-4$ —	1 ст. арест. ротъ; 1 ст. крѣпоси.
2)	— $3-3\frac{1}{2}$ —	2 ст. арест. ротъ.
3)	— $2\frac{1}{2}-3$ —	3 ст. арест. ротъ.
4)	— $1\frac{1}{3}-2\frac{2}{3}$ —	2 ст. крѣпости.
5)	— $1\frac{1}{2}-2\frac{1}{2}$ —	4 ст. арест. ротъ.
6)	— $1\frac{1}{3}-2$ —	1 ст. рабоч. дома, 1 ст. смир. д.
7)	— $1-1\frac{1}{2}$ —	5 ст. арест. ротъ.
8)	— $\frac{2}{3}-1\frac{1}{3}$ —	2 ст. рабоч. дома, 3 ст. крѣпости. 2 ст. смир. 1 ст. тюрьмы.
9)	— $\frac{1}{3}-\frac{1}{4}$ —	3 ст. рабоч. д., 4 ст. крѣпости. 3 ст. смир. д., 2 ст. тюрьмы.
10)	— $\frac{1}{6}$ и $\frac{1}{12}$ 3 недѣли } $-\frac{1}{3}$ —	4 ст. рабоч. д., 4 ст. крѣпости. 3 ст. смир. д., 3 ст. тюрьмы. 1 ст. ареста.
11)	— 1 нед. — 3 нед.	2 ст. ареста.
12)	— 3 дня — 1 нед.	3 ст. ареста.
13)	— 1 день — 3 дня	4 ст. ареста.

Сроки заключенія по Уст. Миров. нѣсколько различны, а именно арестъ: не свыше: а) 7 дней, в) 15 дней, с) 1 мѣс., d) 2 мѣс. е) 3 мѣсяцевъ; тюрьма: а) отъ 2 недѣль до 3 мѣсяц., в) отъ 1 мѣс. до 3 с) отъ 3 до 6 мѣс.

Существенное свойство наказаній по отношенію къ лицу преступника заключается въ томъ, что онѣ должны быть равны для всѣхъ. Въ нашемъ отечествѣ, вслѣдствіе не существованія феодализма, всегда было равенство наказаній для всѣхъ сословій;—„судъ всѣмъ людямъ московскаг посударства равенъ", гласило Уложеніе царя Алѣксѣя. Неравенство начинается со временъ Екатерины II, когда жалованной грамотой дворянству оно было освобождено отъ тѣлеснаго наказанія. Впрочемъ за исключеніемъ того, что высшіе классы были освобождены отъ наказанія плетьми при ссылко на каторжныя работы и на поселеніе, другихъ неравенствъ не было. Это послѣднее неравенство исчезло съ 17 апрѣля 1863 г., когда наказаніе плетьми было уничтожено. Было еще *размичіе* въ наказаніяхъ, которое осталось до сихъ поръ, именно: за тѣже преступленія, за которыя лица высшихъ классовъ подвергаются ссылкѣ на житье, лица другихъ классовъ отдаются въ арестантскія роты и рабочій домъ. Но въ этомъ случаѣ скорѣе высшіе классы наказываются строже, чѣмъ низшіе. Къ этому еще надобно присоединить, что для

низшихъ классовъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, исправительныя наказанія, кромѣ арестантскихъ ротъ, могутъ быть замѣнены наказаніемъ розгами. За этими уклоненіями наказанія уголовныя общи для всѣхъ классовъ населенія.

Опредѣленіе наказанія за извѣстное преступленіе. Мы видѣли лѣстницу наказаній отъ смертной казни и каторжной работы до денежнаго штрафа и ареста. Чѣмъ руководствуется законодатель при назначеніи, за извѣстное преступленіе, того или другаго наказанія?

Идеалъ наказанія, въ качественномъ отношеніи, за извѣстное преступленіе, состоитъ въ соединеніи двухъ началъ, тѣхъ самыхъ, которыхъ соблюденіе требуется при сужденіи о преступленіи отъ присяжныхъ и судей,— т. е. интереса преступника и интереса общества. Въ интересѣ преступника наказаніе должно быть мягкое, чѣмъ мягче, тѣмъ лучше для него, тѣмъ меньше страданій и лишеній; но интересъ общества противится одностороннему началу мягкости; взятое односторонне, оно дѣлается слабостью, мало того—преступленіемъ противъ общества. Общественный интересъ требуетъ наказанія на столько строгаго, чтобы оно заставляло злую волю отступать предъ преступленіемъ. Но, разумѣется, законодатель не можетъ опредѣлить, такъ сказать, точный вѣсъ каждаго преступленія, найти ему въ наказаніи совершенно соотвѣтствующую величину. Эта величина опредѣляется въ законодательствѣ такимъ образомъ: въ каждой группѣ преступленій берется наибольшее, къ нему пріурочивается наказаніе, или самое высшее изъ находящихся въ принятой законодателемъ лѣстницѣ наказаній, или другое, если высшее преступленіе взятаго разряда менѣе по безнравственности и по опасности для общества; а затѣмъ,—наказанія за низшіе виды того же рода преступленій устанавливаются сами собою по ступенямъ лѣстницы наказанія: нельзя назначить одно и тоже наказаніе за такіе виды извѣстнаго преступленія, которые различны, и по степени безнравственности, и по степени опасности для общества. Такъ напр. возьмемъ разрядъ преступленій противъ физическаго бытія человѣка. Высшее изъ нихъ—убійство, высшій видъ убійства—отцеубійство. За него полагаетъ законодатель безсрочную каторжную работу. Затѣмъ устанавливаются дальнѣйшія ступени преступленія убійства: убійство съ особенными отягчающими обстоятельствами, простое предумышленное убійство, убійство безъ предумышленія, совершеніе преступнаго дѣйствія послѣдствіемъ котораго была смерть лица, хотя безъ прямаго намѣренія на его убійство, убійство плода, убійство неосторожное, убійство случайное. Установивши эту послѣдовательно спускающуюся лѣстницу преступленія убійства, законодатель спускается послѣдовательно и по лѣстницѣ наказаній. Затѣмъ опредѣляется высшій видъ тѣлесныхъ поврежденій—изувѣченіе первой важности, и для него пріискиваются наказанія, которыхъ

не трудно найдти, потому что изувѣченіе, даже съ обдуманнымъ намѣреніемъ, все-таки гораздо меньшее зло, чѣмъ убійство безъ обдуманнаго намѣренія; послѣ этого устанавливается длинная лѣстница другихъ поврежденій до легкихъ побоевъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ каждому изъ нихъ пріискивается соотвѣтствующая степень наказанія, по лѣстницѣ наказаній отъ каторжной работы на заводахъ и ссылки на поселеніе до ареста на 3 мѣсяца или, даже, только на три недѣли.

И такъ, творческій пріемъ требуется почти исключительно при опредѣленіи наказанія за высшую степень извѣстной группы преступленія, а затѣмъ дѣйствуетъ уже сила вещей. Но, конечно, и въ этихъ предѣлахъ роль законодателя вовсе не механическая: расположить послѣдовательно по ихъ важности виды извѣстнаго преступленія нельзя по какой либо одной только отвлеченной системѣ,—а сообразно духу народа и всѣмъ условіямъ его жизни. Дѣло научнаго изложенія русскаго уголовнаго права состоитъ, между прочимъ, и въ томъ, чтобы раскрыть причины, по которымъ такой то видъ преступленія поставленъ выше или ниже другаго.

Если наказаніе означаетъ формулу убѣжденія законодателя въ степени безнравственности и въ степени общественной опасности извѣстнаго вида того или другаго преступленія,—то весьма поучительно разсмотрѣть разнородныя преступленія, подводимыя подъ одно и тоже наказаніе, напр. подъ ссылку на поселеніе. Если окажется, что степень ихъ безнравственности и степень общественной опасности отъ нихъ далеко не одинаковы, тогда ясно, что въ одномъ случаѣ наказаніе слишкомъ строго или мягко. Однимъ словомъ, наказанія не должны быть поставляемы случайно, размѣръ наказанія за извѣстный видъ каждой группы преступленій устанавливается сообразно исходному пункту,—т. е. тому наказанію, которое положено за самый высшій видъ этой группы. А это послѣднее опять опредѣляется не случайно, а по соображенію съ наказаніями, установленными за самые высшіе виды другихъ группъ, — причемъ одна изъ группъ избирается обыкновенно за главный исходный пунктъ. Такъ, преступленія противъ жизни считаются важнѣйшими изъ всѣхъ общихъ (т. е. всѣхъ, кромѣ политическихъ),—слѣд. если за высшую степень убійства положена каторжная работа безъ срока, то за высшую степень преступленій противъ собственности (разбой), противъ нравственности (изнасилованіе) должна быть положена срочная каторжная работа. Такимъ образомъ, въ этой обширной массѣ наказаній за разные виды различныхъ группъ преступныхъ дѣяній все находится въ связи. Если бы законодатель за высшую степень убійства рѣшился понизить или повысить существующее теперь наказаніе, тогда необходимымъ послѣдствіемъ должно было быть повышеніе или пониженіе существующихъ наказаній, не только за другіе виды и убійства, но и за всѣ другія преступленія.

Разсмотримъ случаи употребленія различныхъ наказаній Уложеніемъ.

Смертная казнь употребляется только въ четырехъ преступленіяхъ: въ злоумышленіи противъ жизни, здравія или чести Государя Императора и членовъ Императорскаго дома, а равно и противъ правъ Государя Императора (ст. 241. 244), въ бунтѣ, государственной измѣнѣ, и за нѣкоторыя нарушенія карантинныхъ правилъ во время чумы (ст. 831, 832, 833, 834, 835).

Безсрочная каторжная работа также употребляется чрезвычайно рѣдко, именно всего: 1) въ четырехъ случаяхъ убійства—отцеубійствѣ (ст. 1449), вторичномъ убійствѣ (1450), убійствѣ близкихъ родственниковъ (1451), убійствѣ священника при совершеніи богослуженія (212); 2) за оскорбленіе святыни дѣйствіемъ (ст. 210); 3) за составленіе подложныхъ Именныхъ указовъ (ст. 291); 4) за одинъ видъ поджога и потопленія (1608, 1618); 5) за разбой въ церкви (1628).

Каторжная срочная работа полагается закономъ въ 92 случаяхъ преступленій: 1) богохульства, отвлеченія отъ вѣры христіанской, насильственнаго распространенія ереси (ст. 176, 178, 184, 200, 201), за нѣкоторые виды оскорбленія святыни (ст. 210, 212), святотатства (ст. 220, 221, 222, 223, 225), за разрытіе могилъ для ограбленія мертвыхъ или для поруганія (ст. 234), за одинъ видъ лжеприсяги (237); 2) въ преступленіяхъ государственныхъ—за оскорбленіе въ печати, письмѣ или въ заочно произносимыхъ словахъ Государя Императора и членовъ Императорскаго дома (ст. 245, 246, 248), за самозванство (1415), за нѣкоторые виды бунта (250, 251, 252), за вооруженное нарушеніе международныхъ отношеній (259), за нѣкоторые виды сопротивленія законнымъ властямъ и составленіе подложныхъ указовъ (263. 264, 265, 268, 274, 298, 1143), за взломъ тюрьмы (308, 309, 310, 311), за нѣкоторые случаи неисполненія Высочайшихъ указовъ и важнѣйшія преступленія по должности административной и судебной (329, 345, 362. 367. 378. 458); 3) за поддѣлку монеты, кредитныхъ билетовъ и гербовой бумаги и нѣкоторыя преступленія противъ горнаго устава (556. 557, 558, 563, 564, 571, 579, 598, 603, 608, 1150); 4) за нѣкоторые виды нарушенія карантинныхъ правилъ (835, 836); 5) за составленіе шаекъ съ особенно вредной цѣлью (924); 6) за нѣкоторые виды противоестественныхъ преступленій (996); 7) за похищеніе младенцевъ съ намѣреніемъ скрыть ихъ состояніе (1407), за продажу въ рабство и торгъ неграми (1410, 1411); 8) за убійство (1452—1458, 1461, 1081), за важнѣйшіе виды изувѣченія (1477, 1484), за изнасилованіе (1523—1527), за одинъ видъ угрозъ (1545), за насильственный бракъ (1550); 9) за зажигательство и потопленіе обитаемыхъ строеній и рудниковъ (1606—1608, 1618, 1619), за разбой (1627—1636, 1687), грабежъ, кромѣ одного случая—грабежа безъ насилія (1637—1642, 1203, 1204).

Ссылка въ Сибирь и на Кавказъ на поселеніе употребляется также въ 92 случаяхъ. Именно, она служитъ или спеціальнымъ, т. е. единственнымъ наказаніемъ за преступленія, или наказаніемъ за низшіе роды тѣхъ преступленій, за высшіе роды которыхъ положена каторжная работа, или, наконецъ, высшимъ наказаніемъ за нѣкоторыя преступленія, гдѣ низшимъ бываютъ исправительныя наказанія. Какъ высшее наказаніе, ссылка на поселеніе назначается: за укрывательство бѣглыхъ преступниковъ (316), за оскорбленіе присутственныхъ мѣстъ (276, 282), за ложные доносы (940), за оставленіе корабельщикомъ судна въ опасности (1225), составленіе подложныхъ актовъ состоянія (1412), нанесеніе тяжелыхъ ранъ (1481), за важнѣйшіе виды убійства на поединкѣ (1504, 1569), многобрачіе (1554), насильственное завладѣніе (1601), за составленіе подложныхъ актовъ (1690).

Какъ низшее или среднее наказаніе, ссылка слѣдуетъ за нѣкоторые виды богохульства, совращенія (ст. 177, 181, 183, 186, 187, 197, 198, 199, 201, 202, 203), религіознаго самозванства (938), оскорбленія святыни (211), святотатства (224, 225, 226, 231), разрытія могилъ (234), лжеприсяги (236), измѣны (256, 260), сопротивленія властямъ (274), поддѣлки указовъ и актовъ (291, 292, 294, 36), взлома тюремъ (309), составленія злонамѣренныхъ шаекъ (318, 319), нѣкоторые виды неправосудія (366, 367), за важнѣйшій видъ оскорбленія начальника (395), за нѣкоторые виды вымогательства (378, 437) и другихъ преступленій по должнлсти (438, 458, 464, 332, 344, 362), поддѣлки монеты (577), нарушенія горныхъ уставовъ (591), таможенныхъ уставовъ (750), карантинныхъ уставовъ (832, 835, 836, 846, 850), составленія шаекъ (924), изувѣченья (1477), угрозъ (1546), насильственнаго вступленія въ бракъ (1551). поджоговъ и потопленія менѣе важныхъ (1608, 1609, 1613, 1614, 1617, 1621), грабежа (1642, 1643, 1686), кражи и мошенничества (1645, 1647, 1649, 1651, 1652, 1653, 1657, 1673, 303).

Какъ спеціальное наказаніе ссылка полагается: за вступленіе безъ дозволенія въ подданство или службу иностранной державы (325), за подговоръ къ побѣгу за границу военнослужащихъ (328), за переплавку монеты (561), за скотоложство (997), составленіе фальшиваго векселя (1160), злостное банкротство (1163), похищеніе актовъ состоянія (1405), изгнаніе плода (1462).

Въ разрядѣ исправительныхъ наказаній замѣчательно особенное значеніе ссылки на житье въ губерніи европейской Россіи и равное ему — отдача въ рабочій домъ. Это наказаніе сравнительно употребляется чрезвычайно рѣдко, именно всего въ 13 случаяхъ, тогда какъ ссылка на житье въ Сибирь и соотвѣтствующее ему—отдача въ арестантскія роты, составляющее только высшій разрядъ наказанія одной и той же категоріи съ ссылкой на житье въ губерніи не сибирскія, употребляется въ 121

случаѣ. Законодатель такъ усиленно избѣгаетъ ссылки на житье въ не сибирскія губерніи (или рабочій домъ), что безпрерывно — полагая за извѣстное преступленіе арестантскія роты — при смягчающемъ обстоятельствѣ переходитъ прямо къ смирительному дому, минуя рабочій (и ссылку въ не сибирскія губерніи). Только этимъ способомъ и объясняется, почему рабочій домъ и ссылка въ не сибирскія губерніи встрѣчается почти въ 10 разъ рѣже, чѣмъ арестантскія роты. При существованіи краткихъ сроковъ арестантскихъ ротъ, и съ другой стороны смирительныхъ домовъ рабочіе дома являются излишествомъ.

Существованіе ихъ, какъ осбеннаго наказанія объясняется только необходимостью назначить для простолюдиновъ эквивалентъ ссылкѣ на житье въ губерніи не сибирскія, назначаемыя для классовъ привилегированныхъ. Такъ, съ изданіемъ мироваго Устава наказаніе за простую кражу, состоявшее прежде въ заключеніи въ рабочій домъ, замѣнено для простолюдиновъ просто тюрьмой, а для лицъ привилегированныхъ классовъ вмѣсто сссылки на житье въ губерніи европейской Россіи назначено тоже самое тюремное заключеніе — съ лишеніемъ правъ. Можетъ быть, впослѣдствіи, эта система пойдетъ далѣе, т. е. и во всѣхъ другихъ случаяхъ, произойдетъ таже замѣна рабочаго дома и ссылки на житье въ губерніи европейской Россіи—тюрьмой или смирительнымъ домомъ, съ лишеніемъ правъ.

Ссылка на житье въ губерніи европейской Россіи и рабочій домъ полагается: a) за похищеніе документовъ, служащихъ основаніемъ правъ, у частныхъ лицъ или изъ присутственныхъ мѣстъ—въ первомъ случаѣ какъ высшее, во второмъ какъ низшее наказаніе (303, 1657, 1658); b) въ нѣкоторыхъ важныхъ случаяхъ таможенныхъ и акцизныхъ преступленій, именно, за провозъ скопищемъ съ сопротивленіемъ незаконно добытой соли, питей, контробанды (633, 686, 688, 755); c) за недонесеніе о преступной шайкѣ (925); d) за передачу писемъ почтовымъ чиновникомъ или служителемъ по уговору не тому лицу, къ которому онѣ адресованы (939); f) за изданіе подъ своимъ именемъ чужихъ сочиненій (1683); g) за мошенничество въ картахъ (1679); i) за умышленное поврежденіе гидротехническихъ работъ (1086).

Заключеніе въ крѣпости полагается всего въ 20 случаяхъ преступленій: a) за дуэль (ст. 1500, 1503, 1504, 1507); въ этомъ преступленіи заключеніе въ крѣпости есть почти исключительное наказаніе; b) за нѣкоторые виды политическихъ преступленій: за составленіе сочиненій и изображеній, оскорбительныхъ для особъ Императорскаго дома (245, 248) или заключающихъ воззваніе къ бунту (251, 252), за тайную переписку съ подданными непріязненныхъ государствъ (258), за оскорбленіе дипломатическаго агента (261), въ нѣкоторыхъ случаяхъ за участіе въ тайныхъ

обществахъ (319, 320), за нѣкоторые виды превышенія власти (34, 344) и другія нарушенія долга службы (396, 425). Во всѣхъ этихъ случаяхъ понятно употребленіе заключенія въ крѣпости, — здѣсь выражается желаніе законодателя отдѣлить людей, увлеченныхъ чувствомъ чести (въ дуэли) или властью, или, наконецъ, совершившихъ менѣе важныя политическія преступленія, отъ обыкновенныхъ преступниковъ. Но невозможно объяснить, почему стоитъ заключеніе въ крѣпости, а не въ смирительномъ или рабочемъ домѣ, за проповѣдь или сочиненіе съ цѣлью совратить православныхъ въ иное христіанское исповѣданіе (ст. 189), — за принятіе шкиперомъ на корабль преступника (317), за контрабанду у береговъ Чернаго моря (802) и за недозволенную фабрикацію оружія (986).

На Западѣ заключеніе въ крѣпости всегда употреблялось для преступниковъ высшихъ классовъ, и притомъ не за общія преступленія; и теперь оно (detention) во Франціи стоитъ, какъ спеціальное наказаніе только за преступленія политическія или по службѣ; этотъ характеръ наказанія для знатныхъ людей она сохраняла долго и у насъ. Теперь заключеніе въ крѣпости есть общее наказаніе,—но большая часть преступленій, за которыя она полагается, такого рода, что онѣ могутъ быть совершаемы почти исключительно людьми высшихъ классовъ. Замѣтимъ, что съ заключеніемъ въ крѣпости не соединяются принудительныя работы даже для лицъ непривилегированныхъ классовъ, и даже въ тѣхъ высшихъ степеняхъ, когда слѣдуетъ ограниченіе правъ.

Замѣтимъ еще одну особенность. При исчисленіи наказаній Уложеніе (ст. 34) говоритъ, что первая (высшая) степень заключенія въ крѣпости— отъ $2^2/_3$ до 4 лѣтъ. А между тѣмъ въ двухъ случаяхъ преступленія дуэли, означенныхъ въ 1504 и 1509 ст., полагается заключеніе въ крѣпости отъ $6^2/_3$ до 10 лѣтъ.

Арестантскія роты (и замѣна ихъ—ссылка на житье въ Сибирь) составляютъ наказаніе, употребляемое болѣе чѣмъ въ 120 случаяхъ, и притомъ почти во всѣхъ родахъ преступленій. Смирительный домъ, тюрьма, арестъ—имѣютъ вполнѣ общій характеръ.

Мы разсматривали количество случаевъ каждаго наказанія, разумѣя подъ количествомъ случаевъ: число видовъ различныхъ преступленій, за которыя слѣдуетъ то или другое наказаніе. Другой вопросъ, — каково число людей, подвергающихся ежегодно тому или другому наказанію, — не всегда находится въ связи съ первымъ: — извѣстное наказаніе можетъ полагаться въ законѣ рѣдко, т. е. за весьма небольшое число преступленій; а случаевъ совершенія этого преступленія бываетъ много. Слѣд. дѣйствительное, жизненное значеніе извѣстнаго наказанія можно узнать только изъ сравненія данныхъ обоихъ родовъ: количества видовъ преступленій, за которыя оно полагается, и количество осужденій на него.

По свѣдѣніямъ, обнародованнымъ въ „Статист. Временникѣ“ (ч. 1, 1866 г.) оказывается, что въ 1863 г. общими уголовными судами Имперіи было приговорено:

Къ каторжной работѣ	1232
Къ ссылкѣ на поселеніе и водвореніе (и на житье?)	4642
Въ арестантскія роты	7398
Къ заключенію (крѣпость, рабочій домъ, смирительный домъ, тюрьма)	15499
Къ другимъ наказаніямъ	59967
Итого	88738

Денежные штрафы и другія имущественныя наказанія употребляются весьма часто и какъ самостоятельное наказаніе, притомъ исключительное или наряду съ другими, и какъ дополнительное. Далѣе, денежные штрафы бываютъ: a) опредѣленные въ количествѣ: до 10 руб., до 50 р., до 100 и т. д. и b) неопредѣленные напередъ, напр. съ чиновника, принявшаго подарокъ за дѣйствіе по службѣ — вдвое противъ цѣны подарка, за тайную разработку золота, серебра и платины—сверхъ конфискаціи добычи —взысканіе равное цѣнѣ тайной добытыхъ металловъ. Изъ опредѣленныхъ штрафовъ самые высшіе: за принесеніе жалобы послѣ двукратнаго отказа Коммиссіи прошеній, за противозаконное открытіе фабричнаго заведенія—500 р., за сокрытіе шкиперомъ преступника — не свыше 1000 р., за открытіе заведеній для запрещенной игры—до 3000 р.

Денежные штрафы полагаются: 1) за разнаго рода нарушенія финансовыхъ постановленій — объ употребленіи гербовой бумаги, правилъ горныхъ, о добычѣ соли, акцизныхъ постановленій (вино, табакъ), таможенныхъ, почтовыхъ, кредитныхъ, о торговомъ мореплаваніи, биржевыхъ, маклерскихъ, устава о заводской и фабричной промышленности, устава о земскихъ повинностяхъ. Такъ какъ нарушенія состоятъ здѣсь преимущественно въ дѣйствіяхъ, имѣющихъ цѣлью обойти установленные въ пользу казны сборы, — то денежные штрафы являются лучшимъ наказаніемъ: желаніе сохранить въ свою пользу нѣсколько денегъ лучше всего парализируется перспективой усиленнаго платежа въ случаѣ открытія; для казны это также лучшее наказаніе, потому что, при нерѣдкомъ уклоненіи отъ платежа пошлинъ, система штрафовъ можетъ вознаградить убытки отъ неоткрытыхъ нарушеній; 2) штрафы полагаются за маловажныя нарушенія уставовъ врачебныхъ, о воспитаніи юношества, за составленіе обществъ бесъ дозволенія, за открытіе игорныхъ домовъ и вообще полицейскихъ постановленій, гдѣ заключеніе въ тюрьму было бы слишкомъ строгимъ наказаніемъ, или гдѣ сильные денежные штрафы, какъ напр. въ 3000 р. за открытіе заведеній для запрещенной игры, лучше ареста и тюремнаго

заключенія можетъ обуздать вредное для общественной нравственности корыстолюбіе; 3) наконецъ штрафы полагаются и за такія дѣянія, которыя составляютъ нарушеніе личныхъ или общественныхъ правъ, но такихъ которыя признаются закономъ не заслуживающими и кратковременнаго лишенія свободы; сюда относятся: а) нарушенія нѣкоторыхъ постановленій о печати, — здѣсь обыкновенно денежные штрафы полагаются вмѣстѣ съ тюремнымъ заключеніемъ или арестомъ, такъ что судья можетъ присудить виновнаго разомъ къ обоимъ наказаніямъ, или только къ одному изъ нихъ; b) присвоеніе безъ составленія фальшивыхъ документовъ титула, чина, ордена; с) за нѣкоторые виды присвоенія власти (ст. 289, 290) и за нѣкоторые проступки чиновниковъ преимущественно вѣдомства межеваго, таможеннаго, горнаго, — проступковъ, состоящихъ въ нерадѣніи о казенномъ интересѣ; d) за принесеніе жалобы въ Коммисію прошеній послѣ двукратнаго отказа; е) за нарушеніе правилъ о выборахъ, за личныя обиды безъ отягчающихъ обстоятельствъ и за простыя угрозы, — наряду съ арестомъ.

Вообще нельзя не замѣтить, что высота или низкость денежныхъ штрафовъ указываютъ на ихъ двоякое значеніе: когда они не велики, тогда означаютъ положительную мысль законодателя, что извѣстное нарушеніе маловажнѣе тѣхъ, за которыя полагается арестъ. Когда они высоки — 3000 р., 1000 р., 500 р., 200 р., — то это скорѣе означаетъ, что извѣстное дѣяніе не ниже тѣхъ, за которыя полагается арестъ, но по особенному характеру преступленія денежная пеня представляется наиболѣе цѣлесообразнымъ наказаніемъ.

Принципъ общности и однообразія наказаній для всѣхъ классовъ удовлетворяетъ ли идеѣ справедливости и цѣли наказанія?

Въ защиту положенія, что наказанія должны быть различны, смотря, по сословіямъ, или смотря по степени образованія, достатка, характера, физическаго сложенія, можно привести много съ перваго раза убѣдительныхъ доводовъ. Можно сказать, что равенство наказаній есть равенство грубое, ариѳметическое, которое въ сущности есть глубокое неравенство,— подобно тому какъ ариѳметическое равенство налога — есть вопіющее неравенство. Въ самомъ дѣлѣ: возьмемъ два лица различныхъ общественныхъ разрядовъ—зажиточнаго помѣщика и крестьянина. Для перваго каторжная работа ужасное наказаніе: онъ отрывается отъ того образованнаго круга среди котораго выросъ, отъ всѣхъ благъ цивилизаціи, осуждается на суровую механическую работу, къ которой не имѣетъ навыка; самая пища, одежда, помѣщеніе, обиходъ, обращеніе—все для него длинная цѣпь страданій и униженій. Между тѣмъ какъ для бѣднаго крестьянина работа на каторгѣ не представляетъ ничего чрезвычайнаго—онъ и на волѣ бываетъ землекопомъ, тянетъ лямку бурлака, пищу онъ получаетъ на каторгѣ часто

такую, которую не имѣлъ на волѣ, общество находитъ свое. Разумѣется и для него каторга не весела,—лишеніе свободы ничѣмъ невознаградимо даже для самаго задавленнаго судьбою существа.

Но если въ этомъ случаѣ будетъ неравенство въ пользу лица низшаго класса,—то въ другихъ наказаніяхъ дѣло далеко не таково, т. е. иногда наказаніе будетъ легче для лица низшаго класса, а иногда для лица высшаго. Такъ, напр. относительно ссылки на поселеніе обыкновенно думали, что она подобно каторгѣ легче для простолюдина. А между тѣмъ лица оффиціальныя, близко знакомыя съ дѣломъ, заявляли, что она часто гораздо легче для человѣка достаточнаго, чѣмъ бѣднаго: первый имѣетъ денежныя средства и можетъ обзавестись хорошимъ хозяйствомъ, — второй осужденъ на бѣдственное батрачество. Относительно тюремнаго заключенія,—опять нельзя сказать, чтобъ оно всегда было тяжелѣе для образованнаго и достаточнаго, чѣмъ для лица низшаго класса: первый, правда, лишается тѣхъ удобствъ, среди которыхъ привыкъ жить, его положеніе общественное часто навсегда потеряно, — второй въ хорошо устроенной тюрьмѣ сытъ, одѣтъ, сидитъ въ теплѣ, его общественное положеніе мало страдаетъ. Но за то первый можетъ въ тюрьмѣ имѣть на свои деньги удобства, недоступныя другому; семейство достаточнаго человѣка очень часто нисколько не страдаетъ въ матеріальномъ отношеніи, когда глава его въ тюрьмѣ,—не то бываетъ съ семействомъ работника, мастероваго, конечно, не всегда, но часто.

Слѣдственно, если искать въ наказаніи равенства высшаго, — тогда придется устроивать различныя наказанія не по сословіямъ, а по тысячамъ разныхъ условій общественной и семейной жизни преступника, степени его достатка, образованія и пр. Мало того, надобно взять въ расчетъ для высшаго равенства характеръ человѣка, его физическое состояніе, его личныя чувства и склонности, его временныя отношенія. Такъ, нельзя не видѣть что для человѣка здороваго, полнаго свѣжихъ силъ, привыкшаго къ дѣятельности, тѣсное заключеніе убійственно, — для лѣниваго, стараго и хвораго—оно гораздо легче. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одинъ здоровый молодецъ, судившійся за кражу во Франціи, взвелъ на себя отягчающее обстоятельство съ одною цѣлью, чтобъ его отправили въ каторжную работу въ Кайену, на поля, на открытый воздухъ, а не въ смирительный домъ.

Слѣдственно, если требовать отъ наказанія высшаго равенства, то пришлось бы для каждаго преступника составлять особенную систему наказанія. Во первыхъ, это сверхъ силъ человѣческаго суда—заниматься изслѣдованіемъ самымъ подробнымъ положенія, характера, привычекъ и пр. каждаго преступника. Во вторыхъ, еслибъ это было и возможно,—то все-таки тогда для достиженія цѣли надобно было бы судьѣ предоставить

безграничный произволъ въ назначеніи наказанія и даже предоставить ему право сочинять наказанія. Мы увидимъ при разборѣ вопроса и власти суда въ опредѣленіи наказанія, что ограниченіе судейскаго произвола составляетъ одну изъ важнѣйшихъ гарантій свободы и порядка.

Замѣтимъ при этомъ, что часто ариѳметическое равенство заключаетъ въ себѣ и внутреннее равенство; если для человѣка образованнаго и достаточнаго каторга гораздо тяжелѣе, чѣмъ для простолюдина,—то этимъ и достигается высшее равенство: онъ и долженъ быть строже наказанъ, потому что образованіе и общественное положеніе должны были удерживать отъ преступленія, тогда какъ невѣжество и нищета наталкиваютъ на преступленіе.

Впрочемъ мы не хотимъ сказать, что ариѳметическое равенство наказаній не представляло бы иногда слишкомъ яркихъ неудобствъ. Но эта система единственно годная въ практическомъ смыслѣ. Поправить невыгоды ариѳметическаго неравенства можно при выполненіи наказанія. Вполнѣ законно требованіе, чтобъ напр. тюремныя помѣщенія были устроены такъ, чтобы бѣднякъ, работая въ нихъ, могъ поддерживать свою семью, чтобы образованному доставлялась возможность къ приличному занятію и т. под.

Адвокату необходимо разсмотрѣть внимательно всѣ стороны своего кліента: его общественное положеніе, семейныя обстоятельства, образованіе, характеръ и пр. Онъ можетъ употребить съ большою пользою добытые результаты вообще для побужденія судей къ смягченію наказанія, показавши, что для подсудимаго такое-то наказаніе имѣетъ такія вредныя послѣдствія, какихъ не существуетъ для другихъ, и которыхъ законъ, можетъ быть, и не имѣлъ въ виду, а въ частности въ тѣхъ случаяхъ, когда законъ назначаетъ за извѣстное преступленіе нѣсколько разнородныхъ наказаній, къ выбору того изъ нихъ, которое менѣе невыгодно для кліента.

Въ заключеніе замѣтимъ, что законодатель долженъ избѣгать тѣхъ наказаній, которыя имѣютъ при ариѳметическомъ равенствѣ слишкомъ яркое внутреннее неравенство. Одинъ изъ главныхъ вопросовъ при критическомъ разсмотрѣніи каждаго отдѣльнаго наказанія долженъ состоять въ томъ, не заключаетъ ли оно въ приложеніи слишкомъ большаго неравенства.

Замѣна наказаній. Наказанія, опредѣленныя закономъ за преступленія, не могутъ иногда быть выполнены или по причинамъ, заключающимся въ самомъ преступникѣ, т. е. въ его полѣ, возрастѣ, состоятельности, званіи, или по причинамъ неимѣнія въ достаточномъ количествѣ различныхъ видовъ мѣстъ заключенія.

Такъ, для достигшихъ 70 лѣтъ каторжная работа замѣняется ссыл-

кой на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири (ст. 74). Лица этихъ лѣтъ вообще не способны къ работамъ; а по Уст. о ссыл. всѣ дряхлые каторжные освобождаются отъ работъ, и вмѣсто того содержатся въ тюрьмахъ. Какой же смыслъ имѣетъ 74 статья? Тотъ, что семидесятилѣтнимъ *по суду* замѣняется каторжная работа ссылкой на поселеніе, слѣдовательно они являются въ Сибирь не какъ каторжные, а какъ ссыльно-поселенцы, и поэтому, если имѣютъ средства, могутъ водвориться въ городахъ или селеніяхъ, обзавестись своимъ хозяйствомъ, пріобрѣсть недвижимое имущество, а если не имѣютъ средствъ, то, какъ дряхлые ссыльно-поселенцы, отдаются въ богадѣльни, а не въ тюрьмы.

Женщины не подвергаются каторжнымъ работамъ въ рудникахъ и въ крѣпостяхъ, какъ не свойственныхъ ихъ полу, а въ замѣнъ этого отправляются на заводы, на то число лѣтъ, которое имъ слѣдовало по закону пробыть въ рудникахъ или крѣпостяхъ (ст. 73). На этомъ же основаніи арестантскія роты замѣняются для женщинъ рабочимъ домомъ (77). Работы въ рудникахъ могутъ быть замѣняемы работами въ крѣпостяхъ, безъ увеличенія и безъ уменьшенія числа лѣтъ (72).

Ссылку на житье можно разсматривать также, какъ замѣну арестантскихъ ротъ и рабочаго дома по званію осужденныхъ.

Кромѣ того существуютъ и другія замѣны по званію: 1) иностранцы, изъятые отъ тѣлесныхъ наказаній, вмѣсто ссылки на житье въ отдаленныя губерніи европейской Россіи, высылаются за границу съ воспрещеніемъ обратнаго въѣзда. По международному праву государство имѣетъ право не впустить къ себѣ иностранца, хотя бы и подданнаго дружественной націи, если находитъ, что его образъ мыслей и поведеніе могутъ быть опасны для спокойствія страны,—оно также сохраняетъ безусловное право высылки иностранцевъ, если ихъ поведеніе будетъ несогласно съ видами правительства и общественной тишиной, а тѣмъ болѣе, если они совершатъ какое либо преступленіе. Вообще въ европейскихъ государствахъ принято, иностранцевъ, совершившихъ неважныя политическія преступленія, а также вообще неблагонадежныхъ, не имѣющихъ законныхъ средствъ существованія, высылать за границу. Нашъ законъ, какъ мы видѣли, назначаетъ высылку только для иностранцевъ высшаго разряда, но притомъ не за маловажныя нарушенія закона, а за довольно значительныя, за которыя для русскаго назначена ссылка на житье во внутреннія губерніи съ потерею правъ; 2) священнослужители и монашествующіе, вмѣсто заключенія, когда оно не соединено съ потерею духовнаго сана,—слѣдовательно вмѣсто ареста, тюрьмы и низшихъ степеней заключенія въ крѣпость и смирительный домъ, отсылаются къ ихъ епархіальному начальству для исполненія приговора по его назначенію (ст. 86); 3) вмѣсто исключенія изъ службы, лица, не изъятыя отъ тѣлесныхъ наказаній, могутъ быть принуж-

даемы къ заключенію въ смирительномъ домѣ отъ 8 мѣсяцевъ до 2 лѣтъ. Это положеніе получаетъ большое практическое значеніе въ настоящее время, когда для лицъ податнаго званія постепенно открывается доступъ въ гражданскую службу,—напр. въ судебные пристава, нотаріусы, по акцизу на классныя мѣста.

По недостатку тюремныхъ заведеній извѣстной категоріи, заключеніе въ нихъ можетъ быть замѣняемо заключеніемъ на тотъ же срокъ въ заведеніяхъ низшаго разряда. Такъ, заключеніе въ рабочемъ или смирительномъ домѣ и въ крѣпости замѣняется заключеніемъ въ тюрьмѣ. Но арестантскія роты только двухъ низшихъ степеней (4-й и 5-й) можно замѣнять рабочимъ домомъ, и притомъ съ увеличеніемъ срока на половину. Наоборотъ, арестантскія роты могутъ быть замѣняемы болѣе суровымъ наказаніемъ, существующимъ по военно-уголовному своду,—арестантскими ротами инженернаго вѣдомства, такъ называемыми „крѣпостными", но съ уменьшеніемъ срока на одну шестую.

Но самая важная замѣна,—это замѣна заключенія въ рабочемъ домѣ, смирительномъ домѣ, въ тюрьмѣ и подъ арестомъ, — наказаніемъ розгами.

Замѣна эта примѣняется только къ лицамъ, не изъятымъ отъ тѣлесныхъ наказаній. Указомъ 17 апр. 1863 г. кругъ этихъ лицъ значительно расширенъ: кромѣ дворянъ, почетныхъ гражданъ, купцовъ, священнослужителей, лицъ, кончившихъ курсъ въ среднихъ заведеніяхъ, это изъятіе распространено на всѣхъ женщинъ, на церковнослужителей, на окончившихъ курсъ въ уѣздныхъ и другихъ подобныхъ училищахъ, на крестьянъ, занимавшихъ извѣстное число лѣтъ выборныя должности и проч. Подробный списокъ всѣхъ этихъ лицъ помѣщенъ въ первомъ приложеніи къ Уложенію. Далѣе, крестьяне, занимающіе выборныя должности, а также всѣ мѣщане могутъ быть подвергнуты тѣлесному наказанію, только въ замѣнъ рабочаго дома, смирительнаго дома тѣхъ степеней, гдѣ бываетъ ограниченіе правъ, но не въ замѣнъ низшихъ степеней смирительнаго дома, тюрьмы или ареста.

Замѣна эта состоитъ въ опредѣленномъ числѣ ударовъ розгами, смотря по продолжительности замѣняемаго заключенія, начиная отъ 3 до 100 ударовъ (ст. 78—82), напр. заключеніе въ рабочемъ домѣ до 2 лѣтъ замѣняется 80—100 ударами, заключеніе въ смирительномъ домѣ отъ 4 до 8 мѣсяцевъ—50—60 ударами, заключеніе въ тюрьмѣ на этотъ же срокъ—40—50 ударами, и т. д.

Тѣлесныя наказанія употреблялись у насъ въ самомъ разнообразномъ видѣ и во множествѣ случаевъ. Онѣ существовали какъ добавочныя къ уголовнымъ-каторжной работѣ и ссылкѣ, до изданія Уложенія—въ видѣ кнута и клейменія (рѣзаніе ноздрей было отмѣнено при Александрѣ I),

съ изданіемъ Уложенія въ видѣ плетей и клейменія; къ высшему исправительному наказанію—арестантскимъ ротамъ—присоединилось наказаніе розгами. Далѣе, наказаніе розгами употреблялось какъ замѣна всѣхъ исправительныхъ наказаній, за исключеніемъ арестантскихъ ротъ; наконецъ за нѣкоторыя правонарушенія розги употреблялись, какъ самостоятельное наказаніе. Замѣна заключенія розгами условливалась недостаткомъ тюремныхъ помѣщеній, такъ, что временными правилами 1853 г. она предписана судамъ, какъ обязательная.

Тѣлесныя наказанія имѣли въ нашей исторіи важное политическое значеніе. До временъ Петра III имъ подвергались одинаково всѣ сословія. Жалованная грамота дворянству положеніемъ: „тѣлесное наказаніе да не коснется благороднаго“—освободила отъ него дворянство. Затѣмъ постепенно стали освобождаться отъ него и другіе высшіе классы: монашествующіе, священнослужители, купцы первыхъ двухъ гильдій, почетные граждане, и, наконецъ, лица другихъ классовъ, получившія образованіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и спеціальныхъ школахъ. До послѣдняго времени всѣ наши сословія раздѣлялись на двѣ группы—изъятыхъ и не изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній; это было самое существенное различіе въ правоспособности, съ нимъ связывалось множество различій въ общественномъ положеніи.

Эти главные раздѣлы дѣлились еще на виды. Не изъятые отъ тѣлесныхъ наказаній раздѣлялись на двѣ группы: тѣ, которые могли бы быть подвергнуты тѣлесному наказанію только по суду за преступленіе, и тѣ, которые могли быть ему подвергнуты администраціей. Къ первымъ относились мѣщане и нѣкоторые разряды сельскихъ обывателей, напр. однодворцы, малороссійскіе казаки. Классы, которые могли быть подвергаемы тѣлесному наказанію по усмотрѣнію полиціи, составляли низшую массу.

Далѣе, изъ числа не изъятыхъ, нѣкоторые именно, купцы 3-й гильдіи, могли подвергаться тѣлесному наказанію только за тѣ преступленія, за которыя полагается лишеніе всѣхъ правъ состояніе. Съ упраздненіемъ 3-й гильдіи это постановленіе потеряло значеніе. Изъятые отъ тѣлесныхъ наказаній раздѣляются на двѣ категоріи: изъятые по правамъ состоянія и изъятые по особымъ постановленіямъ: послѣдніе сравниваются съ простолюдинами въ томъ отношеніи, что подвергаются отдачѣ въ арестантскія роты и рабочій домъ.

Любопытно, что въ постановленіяхъ Уложенія принято называть *изъятыми* отъ тѣлесныхъ наказаній только тѣ разряды, которые изъяты по правамъ состоянія, — а подъ *неизъятыми* разумѣются, какъ тѣ, которые дѣйствительно не изъяты, такъ и тѣ, которые изъяты по особымъ постановленіямъ.

Манифестъ 17 апр. 1863 г. составляетъ великую эпоху въ развитіи

Россія: плети и клейменіе отмѣнены, наказаніе розгами, какъ добавочное (при отдачѣ въ арестантскія роты) и какъ самостоятельное также отмѣнено.

Но законодатель оставилъ его *на время*, именно до устройства достаточнаго числа тюремныхъ помѣщеній, какъ замѣну рабочаго дома, смирительнаго дома, тюрьмы и ареста для низшихъ классовъ, причемъ множество разрядовъ лицъ низшихъ классовъ и всѣ женщины изъяты отъ этихъ наказаній. Въ Уставѣ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями (20 ноябр. 1864 г.), о тѣлесныхъ наказаніяхъ вовсе не упоминается для всѣхъ безъ изъятія классовъ населенія. Указомъ о введеніи въ дѣйствіе новыхъ Судебныхъ Уставовъ постановлено, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не введены еще мировыя учрежденія, общія судебныя мѣста, при постановленіи наказаній за преступленія, означенныя въ мировомъ Уставѣ, руководствуются этимъ Уставомъ, т. е. не замѣняютъ тюремныхъ наказаній тѣлесными (Улож. ст. 147, примѣч.). Такимъ образомъ тѣлесныя наказанія на фактѣ остались сравнительно съ прежнимъ временемъ въ весьма немногихъ случаяхъ, а въ принципѣ ихъ надобно считать отмѣненными. Законодатель, какъ мы видѣли, постепенно проводитъ свою великую идею о полной отмѣнѣ этихъ наказаній; онѣ почти изгнаны даже изъ арміи,— остались только для штрафныхъ и по полевому суду. Надобно полагать, что не военные, въ томъ случаѣ, когда подвергаются полевому суду, не могутъ быть подвергаемы тѣлеснымъ наказаніямъ (шпицрутенами), хотя бы принадлежали къ классамъ не изъятымъ отъ тѣлесныхъ наказаній.

Притомъ замѣна тюремныхъ наказаній розгами въ настоящее время вовсе не вмѣнена въ обязанность судамъ, какъ это было по временнымъ правиламъ 1853 г.; имъ дано только право и притомъ съ большимъ ограниченіемъ: „Въ случаѣ *явной невозможности* назначить опредѣленное въ семъ Уложеніи заключеніе въ тюрьмахъ, оно *можетъ быть* замѣняемо для лицъ, не изъятыхъ отъ наказаній тѣлесныхъ наказаніемъ розгами . . . , если токмо не препятствуютъ тому старость или болѣзненное состояніе осужденнаго, или же иныя, указанныя въ законѣ, причины“ . . . . (Улож. прилож. II, § 1; ст. 80, 81, 82).

Послѣ этого узаконенія еще болѣе дѣлается неудовлетворительнымъ терминъ „изъятыя“ и „неизъятыя“ отъ тѣлесныхъ наказаній лица; его слѣдуетъ замѣнить выраженіемъ „привилегированные“ и „непривилегированные классы“, а въ ст. 89 выразить, что изъ непривилегированнаго класса, такимъ то разрядамъ могутъ быть замѣняемы наказанія, состоящія въ заключеніи, тѣлесными. Да притомъ, кажется, возможно исключить вовсе тѣлесныя наказанія, такъ какъ фактически суды не присуждаютъ къ тѣлесному наказанію, и притомъ со времени указа 1863 г. прошло 8 лѣтъ,

т. е. вполнѣ достаточный срокъ для устройства необходимыхъ тюремныхъ помѣщеній.

Замѣтимъ, что на практикѣ возбуждались сомнѣнія, какіе разряды считать изъятыми отъ тѣлесныхъ наказаній по правамъ состоянія, и какіе по особымъ постановленіямъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ приложеніи къ ст. 30 вовсе не употреблены термины: „изъятыя по правамъ состоянія“, „изъятыя по особымъ постановленіямъ“. Тамъ послѣ статьи, гдѣ сказано, что женщины освобождаются отъ тѣлесныхъ наказаній, слѣдующая начинается словами: „отъ наказаній тѣлесныхъ изъяты также“—и слѣдуетъ перечисленіе сословій привилегированныхъ; затѣмъ 5-я статья начинается словами: „независимо отъ сего изъяты отъ тѣлесныхъ наказаній,“—и слѣдуетъ перечисленіе лицъ, изъятыхъ преимущественно по образованію. Что значитъ „независимо отъ сего?“ Замѣтимъ при этомъ, что въ 5-ой статьѣ исчисляются и сословія, такъ напр. бессарабскіе бояринаши, нѣжинскіе греки, послѣдніе по Свод. 1842 г. (т. XV, ст. 97) положительно названы изъятыми по правиламъ состоянія. Правительствующій сенатъ призналъ, что церковнослужители изъяты отъ тѣлесныхъ наказаній по правамъ состоянія, между тѣмъ какъ въ настоящее время сословный характеръ духовенства упраздненъ *). Далѣе, лица окончившія курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ помѣщены въ классѣ избавленныхъ по образованію (слѣд. такихъ, которыя подвергаются заключенію въ арестантскія роты и рабочіе дома), между тѣмъ какъ (Св. Зак. т. IX, ст. 577) лица податныхъ классовъ, окончившія курсъ со степенью кандидата или дѣйствительнаго студента пользуются правами личнаго почетнаго гражданства, а личные почетные граждане составляютъ сословіе и помѣщены въ 3-ей статьѣ Приложенія.

Мѣщане, крестьяне, имѣющіе почетные знаки или занимающіе должности, а также иностранцы не-дворяне (иностранные дворяне освобождены отъ тѣлесныхъ наказаній вовсе наравнѣ съ русскими), занимающіе высшія служительскія должности, купеческіе приказчики, владѣльцы заводовъ, управляющіе имѣніями и фабриками, отставные нижніе чины могутъ подвергаться наказанію розгами, какъ замѣняющему, только при осужденіи на низшія степени арестантскихъ ротъ.

---

*) Кас. 1868 г. №№ 154, 538. Дочь пономаря Борисоглѣбская была присуждена вмѣсто отдачи въ рабочій домъ къ ссылкѣ на житье; Сенатъ отвергъ ея кассаціонную жалобу, и при этомъ высказалъ, что хотя исключенныя изъ духовнаго званія подвергаются зачисленію въ одно изъ податныхъ званій, но при этомъ не теряютъ освобожденія отъ тѣлеснаго наказанія по правамъ состоянія, то есть не подвергаются арестантскимъ ротамъ и рабочему дому. (Кас. 1868 г. № 169).

Мир. Уст. ввелъ замѣшательство въ понятіе о привилегированныхъ классахъ; по Уставу только (ст. 181) дворяне, священнослужители, монашествующіе и почетные граждане признаются лицами неподсудными мировымъ судамъ за кражу и мошенничество. Купцы напр., которые по Улож. стоятъ въ одномъ разрядѣ съ дворянами, за простую кражу подсудны мировымъ судамъ и подвергаются наравнѣ съ простолюдинами тюремному заключенію безъ лишенія правъ; въ общихъ же судахъ купцы подвергаются наказаніямъ наравнѣ съ дворянами, т. е. ссылкѣ на житье, а не арестантскимъ ротамъ и рабочему дому. Въ такомъ же положеніи поставлены и шесть другихъ разрядовъ изъ числа избавленныхъ отъ тѣлесныхъ наказаній по правамъ состоянія.

Тѣлесныя наказанія признаны всѣми вредными и притомъ совершенно не удовлетворяющими цѣлямъ уголовнаго правосудія. Онѣ унижаютъ человѣка до степени животнаго, физическое терзаніе возбуждаетъ только состраданіе къ жертвѣ, онѣ укореняютъ въ массахъ чувство физической силы, онѣ въ высшей степени неравномѣрны и въ нравственномъ и въ физическомъ отношеніи. Въ нравственномъ—потому что для человѣка, у котораго не погасло чувство чести, онѣ ужасны, такъ что бывали случаи самоубійства для избѣжанія ихъ, и всегда они производили или ожесточеніе или полное нравственное паденіе,—а для человѣка неразвитаго онѣ не имѣли другаго значенія, кромѣ боли; въ физическомъ отношеніи—для человѣка сильнаго, привыкшаго съ дѣтства къ битью, въ особенности наказаніе розгами не имѣло большаго значенія, — а для другаго оно грозило смертью или полнымъ разстройствомъ здоровья. По большей части эти два различія сливались, — т. е. люди неразвитые были вмѣстѣ съ тѣмъ и закалены въ тѣлесныхъ наказаніяхъ. Нѣкоторые представляли выгодныя стороны исправительныхъ тѣлесныхъ наказаній для простолюдиновъ въ замѣнъ тюремъ, именно въ томъ, что онѣ не раззоряютъ, такъ какъ тюрьма. Для рабочаго человѣка время—единственный ресурсъ существованія; если, говорили, нашего крестьянина въ рабочую пору подвергнуть заключенію, то не значитъ ли это раззорить его? Притомъ же, замѣчали защитники тѣлесныхъ наказаній, арестъ падаетъ большей частью на невинныхъ—жену и дѣтей осужденнаго работника, тогда какъ послѣ тѣлеснаго наказанія онъ немедленно можетъ приняться за работу. Но не говоря о томъ, что воръ или мошенникъ плохой кормилецъ семьи, даже часто только бремя для нея, изъ словъ защитниковъ выходитъ, что тѣлесныя наказанія для извѣстнаго разряда людей чрезвычайно легки. Но законъ вовсе не долженъ имѣть въ виду легкости и удобства наказаній, а ихъ соразмѣрность съ преступленіемъ. Никакъ нельзя сказать, чтобы бѣдный терялъ вообще отъ тюремнаго заключенія болѣе чѣмъ достаточный. Онъ во всякомъ случаѣ имѣетъ въ тюрьмѣ казенную пищу и помѣщеніе, а его промыселъ и работа на волѣ

не много даютъ ему излишка за покрытіемъ расходовъ содержанія; притомъ же въ хорошо устроенной тюрьмѣ, гдѣ введены работы, заключенному выдаются заработанныя деньги за вычетомъ расходовъ содержанія. Отмѣна тѣлесныхъ наказаній имѣла притомъ несомнѣнно политическій характеръ, она знаменуетъ вступленіе народа въ классъ свободный.

Мы видѣли, что до времени наказаніе розгами оставлено еще, какъ замѣна заключенія въ тюремныя заведенія для нѣкоторыхъ лицъ. Эта замѣна именно и указываетъ на несоотвѣтственность тѣлесныхъ наказаній съ цѣлью уголовнаго закона: человѣкъ, совершившій значительное преступленіе, за которое полагается отдача въ рабочій домъ до 2-хъ лѣтъ и лишеніе особенныхъ правъ, вмѣсто этого подвергается наказанію розгами до 100 ударовъ, — что для многихъ не представляетъ ничего особенно тяжкаго, и послѣ нѣсколькихъ минутъ сѣченія—опять возвращается въ общество.

Наказаніе розгами осталось еще какъ прибавочное въ одномъ случаѣ: именно ему подвергаются бродяги за ложныя показанія (ст. 952). Кромѣ того оно осталось какъ самостоятельное за нѣкоторые проступки учениковъ противъ ихъ хозяевъ—мастеровъ (ст. 1377); здѣсь оно имѣетъ характеръ отеческаго наказанія. Наконецъ въ одномъ случаѣ встрѣчаемъ наказаніе хлыстомъ до 5 ударовъ не по суду (1261), за неповиновеніе корабельныхъ служителей во время пути.

Отвращеніе отъ тѣлеснаго наказанія такъ велико, что новые суды никогда, сколько намъ извѣстно, не прибѣгали къ замѣнѣ ими заключенія *). Для ссыльныхъ и каторжныхъ (Уст. о ссыл. ст. 808) осталось наказаніе плетьми за побѣгъ; къ этому наказанію они по закону присуждаются тѣмъ судомъ, въ округѣ котораго пойманы; это единственный случай, когда новые суды опредѣляютъ тѣлесное наказаніе, единственный случай, напоминающій народу о прошломъ времени.

Хотя тѣлесныя наказанія исчезли или почти исчезли изъ уголовнаго кодекса, но Уложеніе вездѣ сохранило при опредѣленіи рода наказаній выраженія: „лица изъятыя отъ тѣлесныхъ наказаній", „лица неизъятыя отъ тѣлесныхъ наказаній", вмѣсто того, чтобы говорить, соотвѣтственно современности, „лица высшихъ классовъ", „лица низшихъ классовъ".

Но крестьянскими судами тѣлесныя наказанія еще употребляются на основаніи Сельск. Суд. Устава.

Денежныя взысканія въ случаѣ несостоятельности осужденныхъ замѣняются арестомъ: до 3 дней, когда онѣ не превышаютъ 15 руб.; до 3 мѣ-

*) Былъ одинъ случай, когда крестьянинъ, осужденный окружнымъ судомъ за кражу на тюремное заключеніе, просилъ сенатъ о замѣнѣ ему этого наказанія розгами (Кассац. 1867 г. № 186).

сяцевъ—когда онѣ не превышаютъ 300 р.; если же сумма ихъ выше 300 р., то осужденный заключается въ тюрьму на сроки, положенные для неисправныхъ должниковъ (Улож. ст. 84. Мир. Уст. ст. 7). Это относится только къ тѣмъ денежнымъ взысканіямъ, которыя налагаются, какъ наказаніе. Несостоятельные къ уплатѣ тѣхъ, которыя опредѣлены на вознагражденіе потерпѣвшаго отъ преступленія за вредъ и убытки, подвергаются участи неисправныхъ должниковъ (ст. 62).

При этомъ надобно замѣтить, что 62 статья не говоритъ, что присужденные къ взысканію свыше 300 р. подвергаются *личному задержанію* на сроки, положенные для неисправныхъ должниковъ, а „*заключенію въ тюрьмѣ*“ на эти сроки. Разница здѣсь въ томъ, что личное задержаніе за долги хотя фактически бываетъ въ тюрьмѣ (отдѣльныя мѣста заключенія для неисправныхъ должниковъ существуютъ только въ столицахъ), но никакихъ юридическихъ послѣдствій это для нихъ не имѣетъ, между тѣмъ при предписаніи закона *заключить въ тюрьму* — очевидно — это заключеніе есть уголовное наказаніе со всѣми его послѣдствіями, напр. такое лицо не можетъ быть мировымъ судьей, присяжнымъ.

Несостоятельные мѣщане и крестьяне могутъ быть отдаваемы въ заработки (Ул. 85, Мир. Уст. 8), когда взысканіе имѣетъ характеръ наказанія.

Въ разрядѣ замѣняющихъ наказаній помѣщена въ Уложеніи *политическая смерть*: (ст. 71) „Смертная казнь по особому Высочайшему соизволенію въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣняется возведеніемъ преступника на эшафотъ, положеніемъ на плаху, или поставленіемъ подъ висѣлицей на публичной площади; причемъ, если онъ принадлежалъ къ дворянскому состоянію, надъ нимъ переламывается шпага. Сія казнь знаменуетъ смерть и за оную слѣдуетъ ссылка въ каторжныя работы безъ срока или на опредѣленный срокъ“. Очевидно, что это не замѣна, а смягченіе по Высочайшему соизволенію смертной казни на низшій родъ наказаній — каторжную работу, отъ которой политическая смерть теперь ничѣмъ не отличается, кромѣ нѣкоторыхъ подробностей экзекуціи,—поставленіемъ подъ висѣлицей и положеніемъ на плаху. Если за ней осталось названіе „замѣны“, то это объясняется исторіей: Императрица Елисавета объявила не уничтоженіе смертной казни, а замѣну политической смертью.

При наказаніи арестантскими ротами существуетъ особенная добавка, состоящая въ томъ, что, по отбытіи этого наказанія, они отдаются подъ надзоръ полиціи или обществъ на 4 года, и въ продолженіи этого времени не вправѣ перемѣнять мѣстожительства безъ дозволенія полиціи или общества. Нѣкоторые суды, при замѣнѣ арестантскихъ ротъ рабочимъ домомъ, не полагали этого добавочнаго наказанія, на томъ основаніи, что

въ положеніи о замѣнѣ объ этомъ ничего не сказано. Но такое мнѣніе совершенно ошибочно. Когда происходитъ замѣна, то всѣ юридическія послѣдствія замѣняемаго наказанія остаются: не потому виновный отдается подъ надзоръ полиціи и ему воспрещается въѣздъ въ столицы, что онъ былъ въ арестантскихъ ротахъ, а потому что онъ совершилъ преступленіе на столько тяжкое, что безопасность общества, а въ особенности столицъ требуетъ за нимъ надзора и по отбытіи наказанія,—а эти преступленія и обозначаются: тѣ, за которыя подсудимый присуждается къ наказанію арестантскими ротами. Вообще замѣтимъ, что у насъ различные виды заключенія имѣютъ только отвлеченное значеніе. Такъ рабочихъ домовъ нѣтъ вовсе, смирительныхъ также; въ Петербургѣ существуетъ исправительное заведеніе, соединяющее и рабочій и смирительный домъ; въ другихъ городахъ существуетъ единственно тюрьма, въ которую отправляютъ присужденнаго и къ рабочему и къ смирительному дому, и къ тюрьмѣ, и къ аресту, и, даже, къ заключенію въ домъ неисправныхъ должниковъ. Но все-таки присужденный къ рабочему дому, отбывая это наказаніе въ тюрьмѣ, несетъ всѣ послѣдствія, сопряженныя съ ними (потерю правъ), и на оборотъ—присужденный къ аресту, чрезъ фактическое отбытіе наказанія въ тюрьмѣ, не несетъ юридическихъ послѣдствій, сопряженныхъ съ нимъ.

Указомъ 31 марта 1870 г. повелѣно преобразовать арестантскія роты въ исправительныя заведенія и ввести въ нихъ гражданское управленіе и вольнонаемную прислугу. По настоящее время преобразовано уже 20 ротъ, а вскорѣ, вѣроятно, и остальныя будутъ преобразованы. Такимъ образомъ вскорѣ у насъ арестантскія роты, рабочій домъ, смирительный домъ будутъ только условными понятіями, — то есть будутъ означать отачу въ исправительное заведеніе съ большими или меньшими юридическими послѣдствіями относительно правъ.

ГЛАВА IV.

О НѢКОТОРЫХЪ НАКАЗАНІЯХЪ ВЪ ЧАСТНОСТИ.

Каторжная работа. Въ средніе вѣка ввелось обыкновеніе менѣе тяжкихъ преступниковъ не казнить, а отсылать на галеры на вѣчную работу: здѣсь они гребли, прикованные къ кораблю. У насъ при Петрѣ Великомъ съ введеніемъ флота, стали также посылать преступниковъ въ Рогервикъ для постройки кораблей:—это и назвалось каторжной работой; каторгами назывались у насъ въ концѣ XVII в. турецкія гребныя суда. (См. Зап. Гордона); впослѣдствіе стали преступниковъ посылать на тяжкія работы въ сибирскихъ рудникахъ, когда со времени Петра завелось горное дѣло. Правительство думало даже извлечь такимъ образомъ выгоду — не платя денегъ вольнымъ рабочимъ. Далѣе, въ Сибири были открыты казенные соловаренные заводы, желѣзодѣлательные, литейные, монетныя и гранильныя фабрики,—туда также стали ссылать преступниковъ, хотя работа здѣсь была легче, чѣмъ въ рудникахъ; наконецъ съ тою же экономической цѣлью стали отправлять преступниковъ строить крѣпости. До изданія уголовнаго Уложенія (1845 г.) виды каторги не различались; преступники сортировались на тотъ или другой родъ работъ, по мѣрѣ надобности, лѣта работы также не были опредѣлены. Вообще законъ признавалъ только просто каторжную работу безъ видовъ и степеней. Уложеніе уголовное справедливо разграничило ихъ, поставивши на 1-ю степень каторжную работу въ рудникахъ, какъ самую трудную и притомъ опасную (лишиться жизни здѣсь очень легко),—затѣмъ работы въ крѣпостяхъ, и, наконецъ, на заводахъ. Замѣтимъ впрочемъ, что на практикѣ оказывается, что преступники считаютъ работу въ крѣпостяхъ самою тяжелою.

Каждый родъ этихъ работъ продолжается послѣдовательно меньшее время, — такъ что и тяжесть работы и продолжительность заключенія увеличивается одновременно. Законодательство считало (до 17 апрѣля 1863 г.) что годъ работы въ крѣпостяхъ равняется по тяжести своей 1½ года работы на заводахъ. Вѣчная каторжная работа не одобряется

криминалистами, ибо она отнимаетъ у преступника всякую надежду, убиваетъ его нравственно, мѣшаетъ его исправленію. Какъ бы ни былъ продолжителенъ срокъ, на который осужденъ преступникъ, онъ все таки питается надеждой, что доживетъ до конца его. Но существованіе этого наказанія необходимо, какъ переходная ступень отъ смертной казни. Иначе наказанія будутъ одинаковы, т. е. таже срочная каторга, за преступленія весьма различныя по степени безнравственности. Нашъ законъ умѣлъ мудро сочетать оба эти требованія. Имъ введена не вѣчная, а *безсрочная* каторжная работа. Различіе послѣдней отъ вѣчной состоитъ въ томъ, что преступники при хорошемъ поведеніи переводятся въ разрядъ срочныхъ, именно оставляются на каторгѣ 25 лѣтъ. *Въ общей объяснительной запискѣ къ проэкту Уложенія* сказано: „Работы вѣчныя или на всю жизнь, конечно, несообразны съ понятіями о милосердіи и человѣколюбіи правительства, на коихъ основывается наше уголовное законодательство; но подъ словомъ *безсрочныя* разумѣется только, что прекращеніе работъ безъ опредѣляемаго заранѣе, по важности вины, срока, будетъ зависѣть отъ нравственнаго исправленія преступниковъ, засвидѣтельствованнаго непосредственнымъ надъ ними начальствомъ.“ Впрочемъ, въ одномъ случаѣ, именно за убійство отца и матери, существуетъ дѣйствительно вѣчная каторжная работа, потому что преступникъ не переводится въ разрядъ исправляющихся, и никогда не освобождается отъ каторги (ст. 1449).

Каторжная работа у насъ необходимо связывается съ ссылкой въ Сибирь на поселеніе: отработавши свои годы, преступникъ не возвращается къ прежней жизни, но остается на всегда въ Сибири на поселеніи. Во Франціи до 1851 года каторжные, по истеченіи срока работы, возвращались; но такой быстрый переходъ имѣлъ вредныя слѣдствія: многіе изъ нихъ опять совершали преступленія. Поэтому теперь постановлено, что каторжные (обыкновеннымъ мѣстомъ для нихъ служитъ Гвіана) послѣ окончанія срока работы должны еще пробыть въ колоніи нѣсколько лѣтъ, и если подали совершенную увѣренность въ исправленіи, то послѣ этого вторичнаго срока получаютъ позволеніе возвратиться во Францію.

Кромѣ самой тяжести работъ для каторжныхъ существуетъ еще другое отягощеніе—работа въ оковахъ. Безсрочные содержатся въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ, даже и женщины; прочіе — только въ ручныхъ. Оковы считаются такой существенной мѣрой, что снятіе ихъ дозволяется только тогда, когда свойство работъ этого требуетъ, и то не иначе, какъ съ разрѣшенія высшаго мѣстнаго начальства.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ законъ принимаетъ всѣ возможныя мѣры къ исправленію каторжныхъ. Каторга не есть безвыходное состояніе;—для каторжнаго существуетъ перспектива жизни относительно—свободной. Мѣры

эти состоятъ главнымъ образомъ въ тѣхъ облегченіяхъ, которыя даются каторжнымъ за хорошее поведеніе.

Всѣ каторжные раздѣляются на двѣ категоріи: 1) испытуемыхъ, 2) исправляющихся. Во вторую категорію зачисляются тѣ изъ испытуемыхъ, которые подали надежду исправленія хорошимъ поведеніемъ. Срокъ испытанія назначается для безсрочныхъ 8 лѣтъ, для прочихъ отъ 1 года до 4 лѣтъ, смотря по сроку, на который они осуждены. Положеніе исправляющихся льготнѣе. Эти льготы состоятъ: 1) въ увеличеніи дней отдыха. Законъ освобождаетъ отъ работъ каторжныхъ: перваго разряда въ теченіи 10 дней, третьяго—21 день въ году,—въ дни важнѣйшихъ церковныхъ и гражданскихъ праздниковъ. Но исправляющимся увеличивается это число—перваго разряда 9-ю, третьяго 4-мя днями; 2) въ снятіи оковъ,—это допускается еще во время пребыванія въ разрядѣ испытуемыхъ за хорошее поведеніе; 3) каторжные пріучаются къ трудолюбію и для этого необходимо, чтобы они видѣли въ работѣ и свою непосредственную пользу. Это начало весьма гуманно приложено къ каторжнымъ. Во первыхъ,—существуетъ точное и подробное положеніе объ урочныхъ работахъ, изданное въ 1856 г.: слѣдственно, каторжный въ налагаемой на него работѣ видитъ не произволъ мѣстнаго начальства, а дѣйствіе закона. За каждый рабочій день каторжному, находящемуся въ разрядѣ исправляющихся, записывается извѣстная плата. Заработныя деньги, за вычетомъ слѣдуемыхъ на расходы по содержанію, отдаются каторжнымъ, когда они получаютъ дозволеніе обзавестись своимъ хозяйствомъ; 4) каторжные 1 разряда чрезъ 3 года, а третьяго чрезъ годъ по поступленіи въ разрядъ исправляющихся, могутъ получать дозволеніе жить не въ острогѣ, а въ комнатахъ мастеровыхъ, или построить себѣ домъ на заводской землѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ получаютъ право вступить въ бракъ. Имъ выдается на обзаведеніе часть изъ заработныхъ денегъ, возвращаются тѣ деньги, которыя они принесли съ собою, дается даромъ лѣсъ для постройки, и наконецъ можетъ быть даровано облегченіе урочныхъ работъ; 5) наконецъ, за хорошее поведеніе, сокращается срокъ назначеннаго по суду времени пребыванія на каторгѣ, на одну шестую. Безсрочнымъ исправившимся полагается срокъ пребыванія на каторгѣ не менѣе 20 лѣтъ. По освобожденіи отъ работъ каторжные переходятъ въ разрядъ ссыльно-поселенцевъ. Дряхлые и неспособные къ работамъ переводятся въ этотъ разрядъ независимо отъ срока, но въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, не болѣе 3-хъ, содержатся закованными въ острогѣ. Иначе не было бы разницы между ними и тѣми, которые совершили преступленіе менѣе важное (Уст. о ссыльн. ст. 553—605). Впрочемъ для семидесятилѣтнихъ каторжная работа прямо замѣняется ссылкой на поселеніе (ст. 74).

Трудно сдѣлать что либо больше для каторжныхъ того, что постанов-

ляетъ нашъ законъ. Иначе можетъ быть ослаблено значеніе каторжныхъ работъ,—которыя составляютъ у насъ за общія преступленія наивысшее наказаніе.

Ссылка на поселеніе. Наказаніе это состоитъ въ томъ, что преступника ссылаютъ въ колонію или другую отдаленную и пустынную часть государства, гдѣ онъ поселяется на вѣчно. У насъ, какъ мы видѣли, каторжная работа есть также ссылка, но съ прибавленіемъ нѣсколькихъ лѣтъ работы въ рудникахъ, или заводахъ.

Ссылка весьма древнее наказаніе; греки и римляне употребляли ее. Въ новое время, послѣ открытія Америки и заведенія обширныхъ колоній, это наказаніе сдѣлалось весьма распространеннымъ, его считали наилучшимъ и для пользы преступника и для общества. Но въ настоящее время къ нему значительно охладѣли.

Выгоды ссылки заключаются въ слѣдующемъ: а) общество посредствомъ ее также обезпечивается отъ преступника, какъ посредствомъ смертной казни. Преступникъ, отосланный далеко за море въ другой свѣтъ, откуда никогда не воротится, все равно что умеръ для общества; б) ею достигается хорошее *исправленіе* преступника. Преступникъ обыкновенно чувствуетъ отвращеніе отъ мѣста, гдѣ онъ жилъ,—все напоминаетъ ему его преступленіе, онъ чувствуетъ презрѣніе къ себѣ согражданъ. Новый міръ обновляетъ его,—онъ съ жаромъ принимается создавать себѣ новую жизнь; с) это наказаніе считалось выгоднымъ и для государства: пустынныя колоніи, по которымъ бродили дикари, населялись европейцами, слѣд. укрѣплялось обладаніе ими. Но впослѣдствіи увидѣли и невыгоды ссылки: а) она слишкомъ *неравномѣрна*: бѣдняку, бродягѣ, особенно въ странѣ приморской, представляется даже привлекательнымъ отправленіе въ новую страну, гдѣ онъ надѣется сдѣлаться богатымъ, а въ случаѣ неудачи убѣжать; b) оно слишкомъ *дорого* стоитъ: перевозъ преступника моремъ стоитъ много денегъ, а еще болѣе у насъ сухимъ путемъ: надобно устроивать этапы, содержать многочисленный конвой, давать ссылаемымъ теплое платье, кормить часто въ теченіи цѣлаго года (путь изъ южной губ. въ Восточную Сибирь пѣшкомъ не менѣе года). У насъ эти расходы составляютъ громадную сумму. По бюджету 1866 г. государственное казначейство издерживаетъ на препровожденіе арестантовъ 1.112,000 руб.—это еще незначительная часть всѣхъ расходовъ по ссылкѣ. Устройство и содержаніе этапныхъ домовъ лежитъ на земствѣ. Далѣе, содержаніе 8,000 постоянной этапной стражи (пѣшей и конной), къ которой надобно прибавлять временно командируемыя казачьи и другія войска,—вѣроятно, обходится не менѣе 2 милліоновъ. Всѣ расходы пересылки преступниковъ едва ли менѣе пяти миліоновъ, что составляетъ на 6000 ссылаемыхъ, болѣе 800 руб. на человѣка; с) наконецъ—самое

худшее—ссылка отбрасываетъ всѣхъ преступниковъ на одну часть государства, чѣмъ дѣлаетъ невыносимою жизнь честныхъ обитателей этой страны. Изъ ссыльныхъ многіе будутъ продолжать преступленія. По этому напр. жители Мыса Доброй Надежды вытребовали, чтобы болѣе не присылали къ нимъ преступниковъ; въ другихъ мѣстахъ надобно было опасаться бунта при продолженіи ссылки. А если страна, куда ссылаютъ пустынная, то рождается другая опасность: что выйдетъ изъ этой страны, гдѣ все населеніе будетъ состоять изъ преступниковъ и потомковъ преступниковъ? Въ послѣднее время и у насъ постоянный наплывъ ссыльныхъ въ Сибирь возбуждаетъ жалобы тамошнихъ жителей.

Вотъ почему въ настоящее время на Западѣ ссылка производится рѣдко.

Въ древней Россіи мѣстомъ ссылки преимущественно служила южная граница; Грозный ссылалъ въ Сѣверную землю; въ XVII вѣкѣ ссылали на Бѣлгородскую линію, впослѣдствіи въ Новороссійскія губерніи; въ Сибирь ссылали, по большей части, раскольниковъ; указомъ 1812 г. 12-го іюня ссылка въ Новороссію прекращена и Сибирь сдѣлалась исключительнымъ ея мѣстомъ.

Положеніе ссыльныхъ на поселеніе въ Сибирь („ссыльно-поселенцы"—терминъ) опредѣлено подробно въ Уставѣ о ссыльныхъ, значительно измѣненномъ закономъ 19 іюня 1849 г. Существуетъ значительное различіе между ссыльными, принадлежащими до осужденія къ привиллегированнымъ классамъ (изъятымъ отъ тѣлесныхъ наказаній) и остальными. Первые прямо отправляются на *водвореніе* въ Восточную Сибирь, а послѣдніе сначала опредѣляются на четыре года на работы на казенныхъ заводахъ и содержатся тамъ наравнѣ съ исправляющимися каторжными, или назначаются главнымъ начальствомъ края на другія общеполезныя работы или въ казенныя ремесленныя заведенія. По истеченіи срока работы и ссыльные этого разряда отправляются въ Восточную Сибирь на водвореніе. По этимъ постановленіямъ ссылка на поселеніе для людей простаго званія очень мало отличается отъ каторжной работы низшей степени. Кромѣ того, различіе между двумя разрядами ссылки на поселеніе въ болѣе отдаленныя мѣста Сибири также почти сгладилось. Ссыльные, по пробытіи 10 лѣтъ въ Сибири, могутъ записываться въ государственные крестьяне и тогда пользуются всѣми правами свободныхъ людей,—они не могутъ только никогда оставлять Сибири, — но переселяться изъ одной ея области въ другую имъ разрѣшено на общемъ основаніи. Записываться въ городскія званія, даже низшія, имъ воспрещено. Но тѣмъ изъ нихъ, которые неспособны къ сельскимъ работамъ, дозволяется жить въ городахъ, оставаясь юридически въ крестьянскомъ званіи. Впрочемъ и по истеченія 10 лѣтъ пребыванія въ Сибири ссыльные, по поступленіи на водвореніе, мо-

гутъ пріобрѣтать недвижимыя имущества, сельскія и городскія; такъ какъ лишенные правъ состоянія не могутъ заключать договоровъ (Т. X, ст. 770), то по Уст. о ссыл. эти покупки совершались на имя Тобольскаго приказа о ссыльныхъ,—но съ 1859 г. онѣ совершаются на имя самихъ ссыльныхъ только не крѣпостнымъ, а домашнимъ порядкомъ.

Только кровосмѣсители не могутъ быть перечисляемы въ состояніе государственныхъ крестьянъ и вѣчно остаются въ разрядѣ ссыльныхъ-скопцы также состоятъ подъ постояннымъ надзоромъ, самымъ строгимъ, мѣстнаго начальства, поселяются отдѣльно отъ другихъ.

Правительство всячески старается облегчить ссыльнымъ обзаведеніе. Оно даетъ старожиламъ, принявшимъ ссыльнаго въ батраки, преміи, ссыльный который женится на ссыльной получаетъ 30 руб. на обзаведеніе хозяйствомъ; свободная женщина, вышедшая за ссыльнаго, получаетъ 50 руб.; деньги, которыя ссыльный принесъ съ собою, выдаются ему немедленно по поступленіи на водвореніе.

Ссылка на Кавказъ существенно различается отъ ссылки въ Сибирь на поселеніе; такъ какъ она составляетъ наказаніе спеціальное, только за нѣкоторыя преступленія по расколу, то о ней мы скажемъ при разборѣ религіозныхъ преступленій.

Третій видъ ссылки составляетъ *ссылка на житье.* Она двухъ видовъ: въ Сибирь и въ отдаленныя мѣста Европейской Россіи, списокъ которыхъ сообщается ежегодно судамъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ; — обыкновенно это — города Вятской, Архангельской, Олонецкой губерній.

Ссылка на житье назначается только лицамъ высшихъ классовъ; это единственное исключеніе изъ основнаго начала — одинаковости наказаній для всѣхъ сословій. Именно, ссылка на житье въ Сибирь назначается лицамъ высшихъ классовъ вмѣсто отдачи въ арестантскія роты, а ссылка на житье въ отдаленныя мѣста Европейской Россіи соотвѣтствуетъ отдачѣ въ рабочій домъ.

Эти высшіе классы составляютъ: дворянство потомственное и личное, почетные граждане (слѣд. и чиновники, неличные дворяне), священнослужители, монахи, купцы (прилож. къ ст. 30.), т. е. лица, изъятыя отъ тѣлесныхъ наказаній по *правамъ состоянія*; другой же разрядъ—изъятыя отъ тѣлесныхъ наказаній *по особымъ объ нихъ положеніямъ*, напр. женщины низшихъ классовъ, окончившіе курсъ въ учебныхъ заведеніяхъ низшаго и средняго разряда и проч., подвергаются арестантскимъ ротамъ и рабочему дому, наравнѣ съ неизъятыми отъ тѣлесныхъ наказаній.

Ссылка на житье до изданія Уложенія была временной, хотя сроки не были опредѣлены въ законѣ; такой временный характеръ желали оставить за ней и составители проекта Уложенія, для соблюденія равенства

съ арестантскими ротами и рабочимъ домомъ. Но это мнѣніе не было принято, и въ Уложеніи она явилась наказаніемъ вѣчнымъ. Этимъ однако не ограничилось различіе ея отъ наказанія для непривилегированныхъ классовъ. Уложеніе прибавило еще къ ней заключеніе въ острогѣ по прибытіи на мѣсто заключенія (Св. Зак. т. XIV, Уст. о ссыльн. ст. 877) на срокъ, который до 17 апрѣля 1863 г. былъ вдвое меньше соотвѣтственныхъ степеней заключенія въ арестантскихъ ротахъ и рабочемъ домѣ, но съ этого времени вслѣдствіе уменьшенія времени заключенія въ послѣднихъ мѣстахъ, почти одинаковъ. Именно:

Ссылка въ Сибирь на житье:

Время заключенія:		Мѣста ссылки:
Ст. 1. Отъ 3 до 4 лѣтъ.	}	Иркутская или Енисейская губерніи.
Ст. 2. — 2 — 3 —		
Ст. 3. — 2 — 3 —	}	Томская или Тобольская губ.
Ст. 4. — 1 — 2 —		
Ст. 5. Безъ заключенія.		

Ссылка въ губерніи Европейской Россіи:

Ст. 1. отъ 1 до 2 лѣтъ
Ст. 2. — $^2/_3$ — $1^1/_3$ —
Ст. 3. — $^1/_4$ — $^1/_2$ —
Ст. 4. Безъ заключенія.

Трудно сказать, кто при этой системѣ наказывался строже — лица высшихъ классовъ или низшихъ. Для послѣднихъ заключеніе, т. е. лишеніе свободы, было вдвое продолжительнѣе, за то первые несли вѣчное изгнаніе изъ Европейской Россіи; далѣе, лишеніе сословныхъ правъ имѣло дѣйствительное значеніе только для лицъ высшихъ классовъ, такъ что съ перваго взгляда лица высшихъ классовъ наказывались строже. Но на дѣлѣ выходило скорѣе обратное: арестантскія роты въ прежнее время составляли самое суровое наказаніе; трудныя работы, жизнь въ душныхъ тюрьмахъ, подчиненіе самой строгой военной дисциплинѣ, — все это дѣлало ихъ такимъ наказаніемъ, что преступники предпочитали ссылку на поселеніе и даже въ каторжную работу, въ низшихъ степеняхъ которой сроки были вдвое менѣе, чѣмъ въ высшихъ арестантскихъ ротахъ. Кромѣ того, тогда существовало правило объ отсылкѣ въ Сибирь *на водвореніе* административнымъ порядкомъ тѣхъ изъ окончившихъ сроки въ арестантскихъ ротахъ, которыхъ ихъ общества (сельскія, мѣщанскія) или, при крѣпостномъ правѣ, помѣщики, не согласятся принять (Уст. о содерж. подъ страж. ст. 1083, Уст. о ссыл. ст. 11, пунктъ 4); а это водвореніе было тоже самое, что и ссылка на житье. Что касается до того, что лишеніе сословныхъ правъ не имѣетъ особеннаго значенія для простолю-

дина,—то неравенство въ этомъ случаѣ есть естественное фактическое послѣдствіе преступленія для лица высшаго класса.

Временными правилами, изданными 23 ноября 1853 г., помѣщенными въ приложеніяхъ къ XV т. Св. зак. изд. 1857 г. постановлено было еще менѣе равномѣрности въ наказаніяхъ для высшихъ и низшихъ классовъ. Именно, заключеніе въ острогѣ на мѣстѣ ссылки замѣнено безвыѣзднымъ пребываніемъ въ опредѣленномъ мѣстѣ на то число лѣтъ, которое имъ слѣдовало бы провести въ заключеніи; а людей низшихъ классовъ по пробытіи въ арестантскихъ ротахъ краткаго срока (обыкновенно 1/5 или 1/3) повелѣно отсылать въ Сибирь на водвореніе. Но водвореніе въ этомъ случаѣ совершенно отлично по послѣдствіямъ отъ водворенія административнымъ порядкомъ, именно: тѣ, которые отсылались въ Сибирь на водвореніе въ замѣнъ оставшихся годовъ въ арестантскихъ ротахъ поступали въ разрядъ *водворяемыхъ—рабочихъ*, положеніе которыхъ было нелучше положенія ссыльныхъ на поселеніе (Уст. о ссыл. ст. 882 и слѣд.). Вслѣдствіе этого постановленія неравенство въ наказаніяхъ для простолюдиновъ сдѣлалось, можетъ быть, еще болѣе ощутительнымъ, по крайней мѣрѣ, стало нагляднѣе.

Послѣ уменьшенія сроковъ отдачи въ арестантскія роты болѣе чѣмъ на половину указомъ 17 апрѣля 1863, отсылка въ Сибирь на водвореніе, на основаніи временныхъ правилъ, явилась еще болѣе тягостной,—и измѣненіе постановленія сдѣлалось необходимымъ. Дѣйствительно, въ изданіи 1866 г. Уложенія о наказаніяхъ онѣ измѣнены: отправка на водвореніе оставлена только для бродягъ (Врем. Прав. § V). Не только уменьшены сроки пребыванія въ арестантскихъ ротахъ, но и самое положеніе въ нихъ значительно улучшено; теперь онѣ изъяты изъ военнаго завѣдыванія и отданы въ управленіе губернаторамъ и губернскимъ правленіямъ. Далѣе, 15 іюня 1859 г., постановлено, выбывшихъ изъ арестантскихъ ротъ, которыхъ общества отказываются принять, водворять на казенныхъ земляхъ Европейской Россіи или же приписывать къ городскимъ обществамъ въ отдаленныхъ мѣстахъ и—только въ случаѣ затрудненія—отсылать въ Сибирь на водвореніе, но не въ качествѣ рабочихъ, а съ правомъ немедленной приписки къ городскимъ и сельскимъ обществамъ.

Наказанія обращенныя *на права* имѣютъ много видовъ: 1) лишеніе всѣхъ правъ состоянія, 2) лишеніе всѣхъ *особенныхъ* лично и по состоянію принадлежащихъ правъ, 3) ограниченіе правъ, 4) лишеніе одного какого либо политическаго или гражданскаго права, какъ то: быть судьей, быть присяжнымъ засѣдателемъ, права вступать въ бракъ, права заниматься извѣстнымъ промысломъ и проч. Эти наказанія бываютъ послѣдствіемъ, дополненіемъ другихъ, впрочемъ низшіе изъ нихъ иногда встрѣчаются, какъ самостоятельныя.

Лишеніе всѣхъ правъ состоянія извѣстно на Западѣ подъ именемъ гражданской смерти. У насъ оно въ первый разъ было опредѣлено при Императрицѣ Елисаветѣ въ замѣнъ смертной казни и названо „политической смертью"; теперь „политическая смерть" имѣетъ спеціальное значеніе, но въ сущности она ничѣмъ не отличается отъ каторжной работы съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія; лишеніе всѣхъ правъ состоянія названо гражданской смертію въ 541 ст. II кн. XV т. Св. Зак. (изд. 1857 г.)—Военно-угол. Сводѣ (ст. 24). Идея гражданской смерти состоитъ въ томъ, что человѣку, совершившему важное преступленіе оставляется только физическая жизнь, всѣ же права, кромѣ права на жизнь, какъ то политическія, имущественныя, семейныя отнимаются отъ него. Законъ Петра В. о *шельмахъ* выражалъ въ страшной послѣдовательности эту идею: *шельму* всякій могъ безнаказанно бить и грабить. Естественно, что гражданская смерть, во всѣхъ своихъ послѣдствіяхъ, не можетъ быть прилагаема по духу нашего вѣка; мало того, она несовмѣстима съ существующими у насъ уголовными наказаніями, за исключеніемъ развѣ вѣчной каторжной работы.

Она употребляется при ссылкѣ на поселеніе и каторжной работѣ. Но ссылка имѣетъ въ виду не уничтоженіе человѣка, а предоставленіе ему возможности начать новую жизнь вдали отъ родины. Но развѣ возможна какая нибудь жизнь, хотя при самой ограниченной свободѣ, безъ права собственности, не только въ смыслѣ римскаго peculium; но и въ смыслѣ хотя ограниченнаго права владѣнія и пользованія недвижимостью и произведеніями труда,—безъ права вступленія въ бракъ. При каторжной работѣ, конечно, совмѣстимо понятіе о лишеніи всякаго имущественнаго права и права на бракъ. Но такъ какъ срочная каторжная работа ведетъ по истеченіи опредѣленныхъ лѣтъ къ ссылкѣ, то и здѣсь, стало быть, возможно полное лишеніе всѣхъ правъ, только во время продолженія работъ. Но и въ послѣднемъ случаѣ, какъ мы увидимъ, законъ, имѣя въ виду достиженіе нравственнаго исправленія каторжныхъ, допускаетъ для каторжныхъ вступленіе въ бракъ по прошествіи извѣстнаго срока, а также пользованіе заработными деньгами.

Лишеніе всѣхъ правъ состоянія слѣдуетъ разсматривать съ двухъ сторонъ: 1) какихъ правъ лишается осужденный, и 2) можетъ ли онъ впослѣдствіи пріобрѣтать вновь права?

Лишеніе правъ простирается: на права политическія, на права имущественныя, на права семейныя.

Въ 22 ст. говорится относительно правъ перваго рода, что осужденный лишается всѣхъ ихъ, какъ-то: дворянинъ—дворянства, духовное лицо—правъ церковныхъ (изверженіе изъ духовнаго сана и званія) и сословныхъ, почетные граждане и лица всѣхъ другихъ классовъ—потери зва-

нія и сословныхъ правъ. Въ прежнее время только крѣпостной человѣкъ въ этомъ отношеніи ничего не лишался, ибо нечего было отнять у него, кромѣ добраго имени. Онъ даже, можно сказать, нѣчто выигрывалъ, п. ч. крѣпостное состояніе его прекращалось. Но теперь и крестьяне и мѣщане теряютъ многое, п. ч. всѣ сословія призваны къ участію въ выборахъ сельскихъ, земскихъ, всѣмъ дано великое право быть присяжными засѣдателями. Вслѣдствіе этого лишенія, каторжные дѣлаются какъ бы государственными рабами, а ссыльные—государственными крѣпостными.

Лишеніе правъ политическихъ есть вѣчное. Но не можетъ ли осужденный вновь пріобрѣсти нѣкоторыя изъ нихъ? Ссыльный, по истеченіи 10 лѣтъ, обращается въ сословіе государственныхъ поселянъ (Уст. о ссыл. ст. 682), но безъ права оставлять Сибирь. Въ это же состояніе поступаютъ и каторжные, когда по миновавіи срока работъ, вступивъ въ ссыльные, пробудутъ въ послѣднемъ званіи 10 лѣтъ. Но получаютъ ли ссыльные съ запиской въ государственные крестьяне всѣ права этого сословія? Законъ говоритъ, что они не могутъ переходить даже въ низшія городскія званія — цеховыхъ и мѣщанъ (тамъ же, ст. 735). Но до 12 іюля 1840 года они могли записываться даже въ высшія городскія сословія (купцевъ). О другихъ ограниченіяхъ законъ умалчиваетъ, какъ то, о правѣ участвовать въ выборахъ, быть избираемыми въ сельскія должности и проч. Но такъ какъ эти права и другія общія гражданскія быть опекуномъ, повѣреннымъ и пр.) положительно отняты навсегда у ссыльныхъ на житье, то на этомъ основаніи, а также по разнымъ намекамъ другихъ статей, надобно полагать, что они ихъ пе имѣютъ, переходя въ государственные крестьяне. Слѣдственно полученіе общихъ правъ свободнаго русскаго не доступно только для отцеубійцъ (Улож. ст. 1449) и для кровосмѣсителей первой степени (Уст. о ссыльн. ст. 731 примѣч. Улож. ст. 1593).

Осужденный на каторгу или поселеніе лишается всей своей собственности. Въ этомъ случаѣ фикція смерти вполнѣ осуществляется. Имущество его (ст. 28) со дня окончательнаго приговора „постунаетъ къ его законнымъ наслѣдникамъ, точно также, какъ поступило бы вслѣдствіе естественной смерти“. Надобно полагать, что при несуществованіи законныхъ наслѣдниковъ оно, по общему правилу, какъ выморочное, поступаетъ въ казну. Французскій кодексъ не знаетъ потери имущественныхъ правъ даже для ссыльныхъ на вѣчную каторжную работу. Французскій законодатель опасается нарушенія правъ собственности даже и въ отношеніи преступниковъ. Притомъ же лишеніе собственности представляется неудобнымъ при прощеніи или при открытіи судебной ошибки.

Хотя законъ говоритъ положительно о прекращеніи права осужденнаго на *все* его имущестго, но косвенно допускаетъ исключенія. Именно

Уст. о ссыльн. допускаетъ положеніе, что у каторжныхъ и ссыльныхъ на поселеніе могутъ быть деньги, которыя на время у нихъ отбираются, но при обзаведеніи хозяйствомъ возвращаются имъ. Какія это деньги? Тѣ ли только, которыя осужденнымъ дали ихъ родственники, друзья, сострадательные люди, или и тѣ, которыя они имѣли при себѣ, когда ихъ взяли подъ стражу? Если допустить послѣднее, то ссыльный можетъ унесть съ собой въ Сибирь весь свой капиталъ, ничего не оставивши наслѣдникамъ (если недвижимости у него нѣтъ), наконецъ количество этихъ денегъ вовсе не опредѣлено закономъ. Съ потерею правъ собственности связывается и потеря права вступать въ договоры и обязательства; это слѣдуетъ и изъ ст. 1553 X т. Св. зак.: „Съ лишеніемъ по суду всѣхъ правъ состоянія, всѣ личныя обязательства осужденнаго прекращаются; но обязательства его по имуществамъ переходятъ на его наслѣдниковъ соразмѣрно полученному наслѣдству, если они отъ онаго вовсе не отказались.“

Право пріобрѣтать собственность ссыльный вновь получаетъ по прошествіи 10 лѣтъ, т. е. съ перечисленіемъ въ государственные крестьяне, или и раньше этого, на имя приказа о ссыльныхъ, какъ объ этомъ было нами сказано. Вмѣстѣ съ тѣмъ возстанавливается само собою и право вступленія въ договоры и обязательства.

Потеря правъ семейственныхъ (ст. 27) состоитъ, во первыхъ, въ прекращеніи правъ супружескихъ. Но это не есть непремѣнное условіе: если невиновный супругъ захочетъ слѣдовать въ Сибирь за виновнымъ, или оставшись, не заявитъ желанія расторгнуть бракъ, то супружество продолжается. Это вполнѣ согласно съ идеей христіанскаго брака, какъ союза неразрывнаго и притомъ такого, сила котораго именно должна проявляться въ несчастіи, а преступленіе есть величайшее несчастіе. Притомъ же, такъ какъ у насъ признанъ только бракъ церковный, то для лицъ тѣхъ исповѣданій, которыя не признаютъ расторженія брака ни въ какомъ случаѣ, напр. римско-католическаго, не можетъ быть расторженія и въ этомъ случаѣ. Если бракъ былъ расторгнутъ, то ссыльные и даже каторжные могутъ вновь вступить въ бракъ, послѣдніе—только съ такими же каторжными. Родительская власть также прекращается, если дѣти не послѣдовали въ ссылку; это вовсе не составляетъ нарушенія естественнаго права: всякая власть требуетъ, чтобы обладающій ею имѣлъ нравственныя качества: нельзя подчинить человѣка власти того, кого законъ призналъ важнымъ преступникомъ. Далѣе, всѣ прочія права, основанныя на союзѣ родства или свойства, также прекращаются. Вслѣдствіе этого ссыльный не можетъ получить наслѣдства по закону, а въ его имѣніи, пріобрѣтенномъ въ Сибири, наслѣдуютъ преждерожденныя дѣти и жена, когда находятся съ нимъ въ Сибири. Но можетъ ли получать ссыльный наслѣдства по завѣщанію? Мы полагаемъ, что для этого нѣтъ

законнаго препятствія съ того времени, какъ ссыльныйпоступилъ въ званіе государственныхъ крестьянъ.

Изъ сказаннаго видно, что гражданская смерть есть только фикція; въ дѣйствительности ея не бываетъ.

Второй видъ пораженія правъ есть: „потеря всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, какъ лично, такъ и по состоянію осужденнаго ему присвоенныхъ". Это лишеніе составляетъ прибавочное наказаніе при ссылкѣ на житье въ Сибирь или отдаленныя мѣста Европейской Россіи и при соотвѣтствующихъ имъ наказаніяхъ—арестантскихъ ротахъ и рабочемъ домѣ. Но не смотря на опредѣленіе закона въ безусловной формѣ, что рабочій домъ соединяется съ лишеніемъ правъ, мы встрѣчаемъ одинъ случай, когда это наказаніе налагается безъ всякаго ограниченія въ правахъ; именно за причиненіе вреда судну лоцманомъ (1088). Эта потеря состоитъ въ томъ, что за лицомъ оставляются только имущественныя и семейственныя права. Затѣмъ онъ лишается не только правъ сословныхъ, напр. дворянства, чиновъ, титуловъ и проч., но и не имѣетъ тѣхъ общихъ присвоенныхъ простолюдинамъ правъ, которыя предполагаютъ нравственныя достоинства, именно (ст. 43): 1) права вступать въ государственную и общественную службу; 2) записываться въ гильдіи и получать свидѣтельства на торговлю. Купцы пользуются различными почетными правами, они послѣ пробытія извѣстнаго числа лѣтъ въ гильдіи возводятся въ потомственное почетное гражданство, самыя торговыя дѣла предполагаютъ въ лицѣ ихъ ведущихъ честность и нравственное достоинство,—все это несовмѣстно съ положеніемъ преступника; 3) быть свидѣтелемъ при договорахъ и давать въ гражданскихъ дѣлахъ свидѣтельскія показанія подъ присягою, за исключеніемъ случаевъ, когда судомъ будетъ признано необходимымъ потребовать такія показанія. Въ дѣлахъ уголовныхъ они могутъ быть допущены къ свидѣтельству подъ присягой, когда ни одна изъ сторонъ не представила объ отводѣ (Уст. Уг. Судопроиз. ст. 707): 4) быть избираемыми въ третейскіе судьи, быть опекунами, попечителями, повѣренными. Къ этому надобно присоединить, что они не могутъ также участвовать и въ выборахъ (сельскихъ, городскихъ, земскихъ), потому что это положительно запрещено закономъ даже при ограниченіи правъ (ст. 50), то есть наказаніи низшемъ, чѣмъ лишеніе правъ.

При этомъ возникаетъ вопросъ: могутъ ли эти лица продолжать различныя занятія, на которыя пріобрѣли право по образованію. Напримѣръ, врачъ домашній учитель, могутъ ли продолжать по лишеніи правъ: первый—лѣчить, второй—учить? Первый вопросъ разрѣшается весьма просто: у насъ званіе врача дается по диплому, этимъ дипломомъ предоставляется врачу, не только право на практику, но и сословныя права,—(на чинъ или личное почетное гражданство). Естественно, что съ лишеніемъ всѣхъ

особенныхъ правъ уничтожается и тотъ документъ, который ихъ даетъ, а слѣдовательно вмѣстѣ съ тѣмъ и право на практику. Тоже самое слѣдуетъ сказать о домашнихъ учителяхъ и другихъ либеральныхъ профессіяхъ. Къ этому надо присоединить и то соображеніе, что званія врача. учителя и т. под. даются не только за выдержаніе экзамена, но когда вмѣстѣ съ тѣмъ лицо удовлетворяетъ нравственнымъ требованіямъ. Иначэ и не можетъ быть при занятіяхъ, которыя требуютъ отъ паціентовъ и учащихся полнаго довѣрія и покорности. *) Впрочемъ, замѣтимъ, что Уложеніе только при лишеніи всѣхъ правъ состоянія говоритъ объ отобраніи грамотъ, дипломовъ, патентовъ и аттестаттовъ — (ст. 23); при лишеніи же особенныхъ правъ этого не говорится; Уст. Уголов. Судопроизв. дополнилъ молчаніе Уложенія; въ ст. 961 постановлено, что отъ осужденныхъ къ лишенію особенныхъ правъ отбираются ордена, знаки отличія, дипломы и грамоты.

Въ законахъ нашихъ находится одно исключеніе изъ общей системы о послѣдствіяхъ лишеніяхъ правъ, такое важное. что оно рѣшительно не можетъ быть соглашено съ общими началами. Именно въ 104 ст. Уст. Врачеб. (Св. Зак. т. XIII) сказано:

„Въ Сибирскихъ губерніяхъ по недостатку лекарей позволяется опредѣлять на службу *сосланныхъ туда на поселеніе врачей*". Хотя такое опредѣленіе ограничено испрошеніемъ всякій разъ Высочайшаго разрѣшенія и эти врачи не могутъ быть употребляемы при такихъ медицинскихъ свидѣтельствахъ и въ такихъ дѣлахъ, гдѣ должно основываться на ихъ показаніяхъ, тѣмъ не менѣе допущеніе не только къ врачебной практикѣ. но и ко вступленію въ государственую службу лицъ, лишенныхъ всѣхъ правъ состоянія, совершенно измѣняетъ понятіе о послѣдствіяхъ уголовнаго наказанія. Естественно, что врачи, лишенные только особенныхъ правъ состоянія (сословныхъ) должны находиться въ болѣе льготномъ положеніи. чѣмъ лишенные всѣхъ правъ состоянія,—но законъ не говоритъ о нихъ.

---

*) Вопросъ этотъ затронутъ практикой въ послѣднее время. Множество сосланныхъ на житье въ Сибирскія и другія губерніи поляковъ стали заниматься обученіемъ. Тобольскій губернаторъ (1865 г.) издалъ по этому поводу приказъ, въ которомъ предписываетъ полиціи не допускать такихъ лицъ, къ преподаванію, угрожая подвергнуть послѣднихъ штрафу въ 75 руб. Законъ дѣйствительно опредѣляетъ этотъ штрафъ, но только тѣмъ лицамъ, «которорыя опредѣлятся въ частный домъ или частное училище или пансіонъ для обученія дѣтей, не получивъ надлежащихъ по закону свидѣтельствъ» (ст. 1051). Выраженіе, «опредѣляются въ частный домъ» означаетъ поступленіе въ домъ на жительство. Но даваніе уроковъ по часамъ отличается отъ опредѣленія въ домъ.

Лишеніе всѣхъ особенныхъ правъ существуетъ и при заключеніи въ тюрьму, но только за преступленія кражи (1656) и мошенничества (1667) и при томъ только для дворянъ, священнослужителей, монашествующихъ и почетныхъ гражданъ. Причины этого исключительнаго положенія мы разсмотримъ при изложеніи преступленія кражи.

Третій видъ наказаній, обращенныхъ на права, составляетъ *потеря нѣкоторыхъ личныхъ правъ и преимуществъ,* (ст. 50), называемая также *ограниченіемъ правъ составленія* (Уст. угол. суд. ст. 201) *). Человѣкъ не лишается здѣсь не только правъ имущественныхъ и семейственныхъ, но и сохраняетъ свое сословное званіе, чины ордена и пр. Онъ лишается лично (но не потомство его) нѣкоторыхъ правъ предоставленныхъ разнымъ сословіямъ, которыя требуютъ нравственныхъ достоинствъ. Чѣмъ выше сословіе къ которому принадлежитъ осужденный, тѣмъ сильнѣе лишеніе, потому что высшія сословія имѣютъ болѣе почетныхъ правъ, чѣмъ низшія. Оно состоитъ для лицъ всѣхъ сословій: въ лишеніи участія въ выборахъ и права быть избранныхъ въ почетныя и соединенныя съ властію должности. Замѣтимъ очевидный пропускъ въ законѣ: о почетныхъ гражданахъ и купцахъ законъ выражается, что они лишаются права участвовать „въ городскихъ выборахъ" и быть избираемыми „въ городскія должности", — а о правѣ участвовать въ земскихъ выборахъ умалчиваетъ. Это недосмотръ — при изданіи Уложенія 1866 г. Здѣсь помѣщена статья о лишеніи нѣкоторыхъ правъ въ томъ видѣ, въ какомъ она была въ изданіи 1857 года, но позабыто вышедшее въ промежуткѣ положеніе о земскихъ учрежденіяхъ **). Дворяне сверхъ того

---

*) Въ Уложеніи существуетъ только первое названіе для этого вида наказанія. Въ Уст. Уг. Суд. ст. 201 сказано: «Дѣла о преступленіяхъ или проступкахъ, за которыя въ законѣ положены наказянія, соединенныя *съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ состоянія*, вѣдаются окружнымъ судомъ съ присяжными засѣдателями.» Такъ какъ выраженіе «лишеніе правъ состоянія»—естественно заключаетъ въ себѣ два первыя вида пораженія правъ т. е. лишеніе *всѣхъ* правъ состоянія и лишеніе всѣхъ *особенныхъ* правъ лично и по состоянію присвоенныхъ», то «ограниченіе правъ» не можетъ обозначать ничего, кромѣ «потери нѣкоторыхъ личныхъ правъ и преимуществъ». Во всякомъ случаѣ нельзя не пожалѣть о такой двойной терминологіи, могущей затемнить дѣло.

**) Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 1 ян. 1854 г. не даетъ права участвовать въ выборяхъ не только подвергшимся значительнымъ наказаніямъ, но и всѣмъ «опороченнымъ по суду или общественному приговору» Что разумѣть подъ выраженіемъ «опороченний»: всякое наказаніе, паложенное уголовнымъ судомъ, напр. даже арестъ, денежный штрафъ, или только начиная съ тюремнаго заключенія? Если первое, — тогда слишкомъ много достойныхъ лицъ будетъ поражено вѣчнымъ интердиктомъ (Полож. ст. 17).

подвергаются запрещенію вступать въ государственную службу. Болѣе всѣхъ тягостно это наказаніе для лицъ бѣлаго духовенства: священнослужители теряютъ свой санъ, церковнослужители исключаются изъ духовнаго званія. О монашествующихъ ни чего не говорится. Конечно, по строгимъ правиламъ православной церкви, они будутъ извержены; но законъ прямо этаго не предписываетъ.

Лишеніе нѣкоторыхъ правъ бываетъ при среднихъ исправительныхъ наказаніяхъ, а именно, при двухъ высшихъ степеняхъ заключенія въ крѣпость (ст. 34) и при двухъ высшихъ степеняхъ смирительнаго дома ст. 36).

Хотя законъ категорически говоритъ въ ст. 34 и 36, что заключеніе въ крѣпости отъ $2^3/_4$ до 4 лѣтъ и отъ $1^1/_3$ года до $2^3/_4$ всегда сопряжено съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ, — но мы встрѣчаемъ исключенія, необозначенныя въ этихъ статьяхъ. Именно, за дуэль, заключеніе въ крѣпость и высшихъ степеней не соединяется съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ (1503, 1504) и слѣд.).

Кромѣ того, по ст. 652. Уст. Угол. Судопр. присяжный засѣдатель за неявку въ третій разъ къ судебному засѣданію подвергается, сверхъ денежнаго штрафа, лишенію права участвовать въ выборахъ и быть избираемымъ въ должности, требующія общественнаго довѣрія Наказаніе это прилагается къ тому, который въ одну и туже сессію не явился три раза, или только за неявку къ засѣданію въ три сессіи? Вопросъ этотъ точно не разрѣшенъ закономъ, и практика наша до сихъ поръ рѣшала его различно. Мы держимся мнѣнія, что означенное пораженіе правъ слѣдуетъ только за неявку на три сессіи, или и на одну, но только въ томъ случаѣ, когда надъ неисправнымъ засѣдателемъ выполнены были наказанія за первую и вторую неявку и когда ему вновь была послана повѣстка. Иначе онъ подвергается немаловажному наказанію, какъ рецидивистъ, тогда какъ первое наказаніе не было выполнено, что противно общему началу о рецидивѣ".

Здѣсь останавливается лѣстница ограниченія правъ, вводимая Уложеніемъ для различныхъ разрядовъ наказаній. Но Судебные Уставы 20 ноября ввели и для тюремнаго заключенія одинъ видъ ограниченія правъ, именно, воспрещеніе быть мировымъ судьею, присяжнымъ засѣдателемъ, присяжнымъ повѣреннымъ (Суд. учр. ст. 21, 82, 355). Кромѣ того мы встрѣчаемъ еще ограниченія своеобразныя, касающіяся одного какого либо права, вводимыя Уложеніемъ за извѣстное преступленіе, независимо отъ степени наказанія. Таковы наказанія для чиновниковъ за преступленія по службѣ: 1) исключеніе изъ службы; послѣдствія его: лишеніе права вступать снова въ государственную службу, участвовать въ выбо-

рахъ и быть избираемымъ въ должности по назначенію дворянства, городовъ, селеній (ст. 66); далѣе: эти лица не могутъ быть избираемы въ мировые судьи, присяжные засѣдатели, и вступать въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ (Учрежд. судеб. установ, ст. 21, 82, 355), 2) отрѣшеніе отъ должности; послѣдствія его: лишеніе права вступать въ службу государственную и общественную въ теченіе трехъ лѣтъ. (Ст. 67). Но Судебные Уставы не препятствуютъ отрѣшенному безъ суда быть мировымъ судьей, присяжнымъ засѣдателемъ и присяжнымъ повѣреннымъ *). 3) Лишеніе права вступать въ новый бракъ по разрушеніи прежняго вслѣдствіе прелюбодѣянія — виновной сторонѣ (Св. Зак. т. x, ст. 37, 40, 45) — составляетъ церковное наказаніе и налагается церковнымъ судомъ. 4) Лишеніе права торговли для неосторожныхъ банкротовъ (ст. 1165) и сверхъ того банкротъ не можетъ быть принятъ ни въ государственную службу, ни въ общественныя должности.

Такимъ образомъ наказанія обращенныя на права представляютъ стройную систему, наралельную съ главной системой. Это вполнѣ согласно съ понятіемъ о правахъ гражданина. Тамъ гдѣ говорится право, тамъ подразумѣвается и обязанность; поэтому чѣмъ большее преступленіе совершилъ человѣкъ, тѣмъ менѣе онъ способенъ пользоваться гражданскими и политическими правами безъ вреда для общества. Но въ способѣ пораженія правъ по нашему закону нельзя не замѣтить одной крайности: всякое ограниченіе правъ *вѣчно*, на всю жизнь. При исправительныхъ наказаніяхъ, въ особенности низшихъ, такое вѣчное лишеніе хотя бы нѣкоторыхъ политическихъ правъ представляется вреднымъ какъ въ отношеніи обвиненнаго, такъ и для общества. Человѣкъ осужденъ на тюремное заключеніе напр. за бытіе секундантомъ на дуэли, за проступокъ по книгопечатанію, и т. под., самое зиключеніе продолжается всего нѣсколько мѣсяцевъ, — а лишеніе права быть избраннымъ въ мировые судьи, присяжные, наконецъ быть присяжнымъ засѣдателемъ лежитъ на немъ вѣчно; никакіе годы безукоризненной жизни не возстановляютъ полноты его правъ. Для нашего общества это тѣмъ болѣе невыгодно, что число лицъ могущихъ по образованію участвовать въ общественной жизни весьма огра-

---

*) Въ Судеб. Уст. вовсе не говорится объ отрѣшеніи отъ должности, а только объ «исключенныхъ *изъ службы по суду*». Но такъ какъ исключеніе изъ службы можетъ быть произведено только по суду (Улож. примѣч. къ ст. 69), точно также какъ и отрѣшеніе отъ должности, то остается заключить, что подъ выраженіемъ «исключенные изъ службы по суду» надобно разумѣть и отрѣшенныхъ отъ должности, и *удаленныхъ* отъ должности по суду. Послѣднее наказаніе (удаленіе) можетъ быть произведено и по суду и безъ суда начальствомъ. За удаленіемъ не слѣдуетъ по Улож. никакого ограниченія.

ничено. Намъ кажется. что система тѣхъ законодательствъ, которые опредѣляютъ при исправительныхъ наказаніяхъ потерю нѣкоторыхъ политическихъ правъ на опредѣленный срокъ—1, 2, 3 года,—болѣе соотвѣтствуетъ справедливости. Человѣкъ совершившій неважное нарушеніе закона не держится, при этой системѣ, всю жизнь подъ своего рода отлученіемъ. Срокъ, болѣе или менѣе продолжительный, сообразно прродолжительности заключеній, достаточно успокоиваетъ общество; къ этому можно было бы присоединить предварительное одобреніе общества. Правда, существуютъ преступленія, за которыя наказанія невелики, не превышаютъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ тюремнаго заключенія, напр. простая кража, но которыя кладутъ пятно безчестія. Въ этомъ случаѣ вѣчное недопущеніе къ участію въ важнѣйшихъ сторонахъ общественной дѣятельности, каково напр. бытіе присяжныхъ засѣдателемъ или членомъ земскаго собранія, можетъ быть вполнѣ оправдано.

Публичная экзекуція. Въ старое время всѣ наканія производились публично, потому что не было другаго средства заявить народу о послѣдствіяхъ преступленія и тѣмъ достигнуть одной изъ важныхъ цѣлей наказанія—примѣра для другихъ. Но когда суды дѣлаются публичными, когда существуетъ печатная гласность, а главное—убѣжденіе народа, что приговоръ непремѣнно будетъ исполненъ во всей силѣ, тогда не предстоитъ надобности въ объявленіи его на площади. Это объявленіе при стеченіи массы народа съ торжественной обстановкой составляетъ само по себѣ тяжкое наказаніе, — и при томъ весьма не равномѣрное: зачерствѣлый злодѣй равнодушенъ къ нему и даже считаетъ его чуть ли не торжествомъ для себя, но для человѣка, у котораго не погасло чувство чести, такое наказаніе составляетъ ужасную муку. По этимъ причинамъ, —т. е. по отсутствію необходимости и по сильной неравномѣрности, публичная экзекуція (публичная выставка, exposiiton) уничтожена на Западѣ. Она оставлена тамъ только при смертной казни; здѣсь безъ нея невозможно обойтись, потому что казнь въ темничной комнатѣ, безъ присутствія публики, походила бы на тайное убійство.

У насъ публичная экзекуція употребляется при всѣхъ уголовныхъ наказаніяхъ, т. е. при осужденіи на каторжную работу и ссылку на поселеніе. Она съ изданіемъ Уложенія 1845 г. совершается съ торжественной обстановкой. Впрочемъ, редакторы Уложенія были противъ введенія торжественной обстановки. „Мы осмѣливаемся думать, говорили они въ общей объяснительной запискѣ, что въ весьма полезномъ дѣйствіи сихъ обрядовъ на простолюдиновъ, мало размышляющихъ, можно сомнѣваться. Они современемъ, если будутъ нерѣдко повторяемы, вѣроятно обратятся въ родъ театральнаго зрѣлища, какъ обратилась и самая смертная казнь, тамъ гдѣ къ ней привыкли". Тогдашній министръ юстиціи не согласился

съ этимъ заключеніемъ, и его мнѣніе было принято. Обрядъ этотъ вполнѣ сохраненъ и въ новомъ Уст. Угол. Судопр., ст. 963. Онъ состоитъ въ томъ, что преступника везутъ до мѣста объявленія приговора на высокихъ черныхъ дрогахъ, окруженнаго воинской стражей, въ арестантскомъ платьѣ; на груди его доска, на которой написана его вина, а если онъ обвиненъ въ убійствѣ отца или матери, то и съ чернымъ покрываломъ на лицѣ; на площади устраивается эшафотъ и при немъ столбъ; преступнику объявляется приговоръ на эшафотѣ, и за тѣмъ привязываютъ его на десять минутъ къ позорному столбу. Если онъ осужденъ къ смертной казни, то она тутъ же и исполняется.

Выставка мучительна: это мученіе увеличивается, чѣмъ длиннѣе разстояніе отъ тюрьмы до мѣста объявленія приговора. Мука эта такъ велика, что въ Парижѣ перемѣняли мѣсто исполненія смертной казни; вмѣсто Гревской площади перенесли его на другую, ближайшую къ тюрьмѣ.

Мы полагаемъ, что по крайней мѣрѣ при ссылкѣ на поселеніе, желательна была бы отмѣна этого сильнаго прибавочнаго наказанія.

Обрядъ этотъ извѣстенъ и въ законѣ и въ народѣ подъ именемъ казни.

Денежныя наказанія по Уложенію бываютъ различныхъ видовъ: 1) въ формѣ пени, цифра которой, или по крайней мѣрѣ высшій предѣлъ ея точно опредѣленъ закономъ, 2) въ формѣ взысканія, величина котораго напередъ не опредѣлена въ цифрѣ, а зависитъ отъ индивидуальнаго факта, качество котораго или качество лица служитъ единицей для размѣра взысканія,—напр. купецъ, подавшій въ таможню объявленіе на лицо, неимѣющее права заграничнаго торга, подвергается денежному взысканію не свыше платимой имъ гильдейской пошлины; торгующіе за нарушеніе обязанности вести торговыя книги подвергаются денежному взысканію не свыше платимой ими по торговому званію подати; за различныя нарушенія таможенныхъ постановленій—взысканію по стоимости товара: одной десятой этой стоимости, всей стоимости, двойной стоимости и проч.; за употребленіе нотаріусами ненадлежащей гербовой бумаги—впятеро противъ цѣны той бумаги, которую они долженствовали употребить; владѣльцы горныхъ заводовъ подвергаются въ нѣкоторыхъ случаяхъ—платежу въ теченіи года двойной подати съ обработываемыхъ металовъ; чиновники за проступки по службѣ—вычету жалованья за одинъ мѣсяцъ и болѣе; 3) какъ конфискація и секвестръ; 4) въ видѣ лишенія разныхъ финансовыхъ льготъ: напр. кто построитъ и пуститъ въ ходъ горный заводъ безъ предувѣдомленія горнаго правленія — лишается льготныхъ годовъ, т. е. того облегченія въ податяхъ, которымъ пользуются по закону устроители новыхъ заводовъ; 5) какъ вознагражденіе за вредъ, понесенный отъ преступленія; 6) какъ судебные расходы.

Система денежныхъ наказаній нѣкогда была сильно распространена. По Русской правдѣ она почти единственное наказаніе. Въ Судебникахъ и въ Уложеніи царя Алексѣя она также довольно сильна. Но въ дѣйствующемъ законодательствѣ, также какъ и въ иностранныхъ кодексахъ, она имѣетъ ничтожное уголовное значеніе. Эта система очень заманчива для правительства во времена грубыя, потому что увеличиваетъ доходы казны (у насъ въ старое время вира была важнѣйшимъ доходомъ князя) и не требуетъ расходовъ на тюрьмы. Но недостатки ея такъ велики, что цивилизованныя законодательства мало по малу почти вовсе ее оставили.

Денежныя наказанія существуютъ или въ формѣ пеней, т. е. опредѣленнаго штрафа, или въ видѣ консфискаціи, какъ общей такъ и специальной.

Недостатки пеней главнымъ образомъ заключаются въ томъ, что это наказаніе въ высшей степени неравномѣрно. Во времена патріархальныя, когда не было рѣзкаго различія между имуществомъ людей, этотъ недостатокъ не чувствовался. Но съ развитіемъ цивилизаціи имущественное различіе чрезвычайно увеличивается. Слѣдовательно если бы теперь законодатель слѣдовалъ примѣру Русской Правды и опредѣлилъ бы таксу пени за извѣстныя преступленія, то главная цѣль наказанія не была бы достигнута: для богачей, пени напр. въ 50—100 рублей, были бы смѣшными, для бѣдняковъ напротивъ того были бы полнымъ раззореніемъ. Этотъ недостатокъ денежныхъ наказаній побуждалъ и законодателей и ученыхъ придумывать разныя средства исправленія. Такъ, придумывали такую систему денежныхъ пеней, по которой онѣ были бы пропорціальны состоянію, подобно налогу. Въ Великой Хартіи Англіи сказано, что „денежное взысканіе должно быть пропорціонально средствамъ виновнаго, что оно никогда не должно доходить до того, чтобы землевладѣдѣлецъ бросилъ поле, купецъ торговлю, чтобы работникъ купилъ инструменты". Этотъ принципъ пропорціональности пени съ состояніемъ, слѣд. неопредѣленности ея количества въ законѣ, принятъ въ бразильскомъ и австрійскомъ кодексахъ. Нѣкоторые ученые предлагали опредѣлить maximum пени извѣстной долей состоянія виновнаго,—напримѣръ, за такое то преступленіе законъ долженъ опредѣлить пеню равную десятой, двадцатой и т. д. части годоваго дохода. Но эта система представляетъ непреоборимыя трудности на практикѣ: трудно знать дѣйствительное состояніе или доходы. При томъ же и въ этомъ видѣ она будетъ не вполнѣ равномѣрна, какъ и всякій пропорціональный налогъ. Наконецъ, предлагаютъ опредѣлять только высшую мѣру денежной пени въ такомъ количествѣ, чтобы она могла быть чувствительной и для богатаго, напримѣръ въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ рублей, предоставляя судьѣ понижать ее соразмѣрно состоянію виновнаго до самой ничтожной суммы. Но при такомъ распорядкѣ судьѣ

дается слишкомъ много произвола; часто ли будутъ у него подъ рукою вѣрныя данныя?

Нашъ законъ принимаетъ различныя системы штрафовъ,—то есть такихъ гдѣ опредѣлена только высшая мѣра, и такихъ, гдѣ опредѣлена и низшая и высшая мѣра. Высшая мѣра соразмѣряется не съ состояніемъ виновнаго, а съ важностью правонарушенія, или съ количествомъ той прибыли, которую виновный думалъ себѣ незаконно доставить. Денежныя штрафы поступаютъ:—тѣ, которые взыскиваются общими судами, въ государственное казначейство (ст. 42), кромѣ весьма немногихъ случаевъ, когда они назначены въ пользу дворянской казны за нарушеніе порядка при дворянскихъ выборахъ и въ дворянскихъ собраніяхъ; въ ремесленную казну—за нарушеніе мастерами нѣкоторыхъ ремесленныхъ постановленій (1360, 1366, 1368, 1371—76 и друг.); въ городскую казну за нѣкоторыя нарушенія правилъ о торговлѣ; денежныя пени съ браковщиковъ поступаютъ въ капиталъ на вспомоществованія ихъ собратьямъ (1296); за нѣкоторыя нарушенія купцами правилъ о бракованіи—въ капиталъ петербургской биржи для пособія бѣднымъ (1297, 1598), а взыскиваемые мировой юстиціей—въ земскій капиталъ на устройство тюремныхъ помѣщеній (мир. уст. ст. 27). Послѣднее положеніе вполнѣ справедливо, потому что мировая юстиція содержится на счетъ земскихъ сборовъ.

Денежныя взысканія (пени) бываютъ опредѣляемы: 1) или въ видѣ одной цифры, 2) или въ предѣлахъ меньшемъ и большемъ; 3) или въ одномъ большемъ. Всего рѣже встрѣчается первый способъ, не болѣе шести разъ, въ слѣдующихъ размѣрахъ: 4 руб. 5, 10, 50, 100, 200 р. за нарушеніе различныхъ постановленій по акцизу и ремесленному уставу.

Второй способъ встрѣчается чаще; а третій—господствующій. Цифры высшей мѣры чрезвычайно разнообразны — отъ 20 коп. до 3,000 руб., именно 20 коп., 50 к., $1^1/_2$ р. 2, 3, 5, 6, $7^1/_2$, 10, 15, 20, 25, 30, 50, 60, 75, 100, 150, 200, 250, 300, 500, 600, 1,000, 1,200, 3,000 р, За преступленія подсудныя мировой юстиціи высшей размѣръ денежной пени 300 руб.

Эти пени налагаются за слѣдующія проступки и преступленія:

1) до 3,000 р. За открытіе игорнаго дома (990).
2) „ 1,200 „ „ одинъ видъ укрывательства бѣглаго рекрута (529).
3) „ 1,000 „ „ укрювательство преступника шкиперомъ (317).
4) „ 600 „ „ укрывательство бѣглаго солдата (528).
5) „ 500 „ „ принесеніе жалобы въ Коммисію прошеній послѣ отказа (284), отправленіе должности послѣ увольненія (384) нарушеніе нѣкоторыхъ постановленій по акцизу съ питей; нарушеніе правилъ для постройки христіанскихъ-

церквей нѣкоторыя нарушенія постановленій торговыхъ, фабричныхъ; истребленіе межевыхъ граней, за одинъ видъ нарушенія постановленій, объ аптекахъ; за одинъ видъ нарушенія постановленій о печати.

6) до 300 р. За одинъ видъ нарушенія постановленій о рекрутской повинности (518), постановленій объ акцизѣ съ питей; постановленій объ аптекахъ, тайную типографію, за диффамацію и нѣкоторые другіе виды нарушенія постановленій о печати; нарушеніе правилъ о постройкѣ христіанскихъ церквей, за нарушеніе нѣкоторыхъ постановленій маклерами, нѣкоторыя нарушенія постановленій о торговлѣ и фабрикахъ; за драки и буйства съ отягчающими обстоятельствами (Мир. уст. ст. 38), за самовольное оставленіе мѣста, назначеннаго для жителаства по суду или по распоряженію правительства (Мир. уст. ст. 63), за нѣкоторыя виды нарушенія устава путей сообщенія (Мир. уст. ст. 86) и устава пожарнаго (тамъ же, ст. 93), за незаконное врачеваніе въ случаѣ послѣдовавшаго вреда. (Тамъ же, ст. 104).

7) „ 250 „ „ Только въ одномъ случаѣ, именно—книгопродавцы за храненіе или продажу запрещенныхъ книгъ (1019).

8) „ 200 „ „ одинъ видъ нарушенія уставовъ о соли; за разные виды нарушенія постановленій объ акцизѣ о содержаніи аптекъ, по книжной торговлѣ, по цензурѣ, за одинъ видъ возбужденія къ незаконнымъ тяжбамъ, за открытіе безъ дозволенія частнаго учебнаго заведенія, заразличныя нарушенія уставовъ строительнаго, фабричнаго, ремесленнаьо; по Уст. миров.: за устройство безъ разрѣшенія лотереи, за одинъ видъ угрозъ.

9) „ 150 „ „ незаконную отдачу въ рекртты и нѣкоторыя другія нарушенія рекрутскаго устава, за притѣсненія соляным приставомъ при продажи соли, за нѣкоторыя проступки по должности маклеровъ и диспашеровъ, содержателей типографій, нѣкоторые проступки по дворянскимъ выборамъ.

10) „ 100 „ „ Этотъ штрафъ случается всего чаще по дѣламъ, подсуднымъ мировой юстиціи. Онъ налагается по Улож. за личныя обиды при отягчающихъ обстоятельствахъ, за учрежденія обществъ съ безвредной цѣлью, но безъ дозволенія правительства, за незаконную выдачу паспорта состоящему на рекрутской очереди, за нѣкото-

рыя нарушенія постановленій акцизныхъ, торговыхъ, фабричныхъ, объ аптекахъ, о врачеваніи, цензурныхъ. По мировому Уст. онъ полагается за личныя обиды съ отягчающими обстоятельствами, за нарушеніе благоговѣнія въ церкви, драку съ отягчающими обстоятельствами, безстыдныя дѣйствія въ публичномъ мѣстѣ, укрывательство лицъ, обвиняемыхъ предъ мировымъ судьей или присужденныхъ къ аресту или тюрьмѣ, нѣкоторые виды угрозы, за убой и изувѣченье чужихъ животныхъ, и за различныя нарушенія уставовъ строительнаго, пожарнаго, проступковъ противъ народнаго здравія, личной безопасности, неисполненія распоряженій правительства, не представляющихъ большей важности.

Уплата *судебныхъ расходовъ* составляетъ также одно изъ денежныхъ послѣдствій преступленія.

Специальная конфискація состоитъ въ томъ, что обращается въ казну сполна извѣстный родъ имущества, какъ-то незаконно-привезенный товаръ помимо таможни, незаконно-добытый металъ, взятка, орудія преступленія, вещи, произведенныя преступно, напр. фальшивая монета, издѣлія изъ композицій съ фальшивымъ клеймомъ.

Конфискація въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. обращеніе въ казну всего родоваго и благопріобрѣтеннаго имущества виновнаго существуетъ у насъ только за нѣкоторыя государственныя преступленія, и то не какъ непремѣнное правило, а какъ мѣра, которую государственная власть предоставила себѣ употребить въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ.

Секвестръ имущества состоитъ въ лишеніи права пользоваться доходами съ него и распоряжаться имъ. Этотъ родъ наказанія также специальный; онъ употребляется въ случаѣ, предусмотрѣнномъ ст. 327 (пребываніе за границей долѣе опредѣленнаго времени).

Взятіе имѣнія въ опеку состоитъ только въ запрещеніи управленія имъ; пользованіе доходами остается. Это наказаніе налагается за отступленіе христіанина въ нехристіанское исповѣданіе (185); а при отступленіи православнаго въ другое христіанское исповѣданіе опека налагается только на имѣнія, населенныя православными (ст. 188).

Вознагражденіе за убытки и вредъ. (Ст. 59—64). Преступленіе долгое время носило частный характеръ. Кровавую месть смѣнила система виръ и частныхъ сдѣлокъ. За кражу, нанесеніе ранъ, изнасилованіе, виновный платилъ виру обиженной сторонѣ, къ этому присоединялась иногда и плата въ пользу князя, какъ блюстителя мира, судьи и взыскателя частнаго вознагражденія. Убійство также оплачивалось деньгами—род-

преступленія, за которыя слѣдуетъ ссылка на житье (арестантскія роты и рабочій домъ).—За тѣ же преступленія, за которыя опредѣлены закономъ низшія исправительныя наказанія, онъ отдается родителямъ для домашняго исправленія. Въ этомъ случаѣ система Уложенія человѣколюбивѣе Свода.

4) Съ 14—21 года. Съ 14 лѣтъ, какъ мы говорили, не ставится вопроса о разумѣніи. Но наказаніе дается нѣсколько смягченное, а именно: а) срокъ каторжной работы уменьшается на одну треть, а безсрочная замѣняется срочной — на 20 лѣтъ; в) ссылка на поселеніе — единственное наказаніе, которое остается для нихъ безъ смягченія, — всѣ прочія (исправительныя) уменьшаются на одну или двѣ степени, и притомъ безъ лишенія особенныхъ правъ состоянія. Кромѣ того арестантскія роты всегда для нихъ замѣняются рабочимъ домомъ. Далѣе, вмѣсто ссылки на житье, можетъ быть опредѣлена отдача въ солдаты съ выслугою, если они не учинили кражи, мошенничества и другихъ преступленій, обнаруживающихъ полную безнравственность *). Если терминъ 14 лѣтъ слишкомъ ранній для того, чтобы съ него предполагать непремѣнное существованіе разумѣнія, то отнесеніе наложенія полнаго наказанія съ 17 лѣтъ (система Свода) къ 21-му году нѣсколько преувеличено. Оно не оправдывается природой. Замѣтимъ, что у насъ съ 16 лѣтъ можно вступать въ государственную службу; не рѣдки примѣры, что молодые люди, въ особенности вышедшіе изъ привилегированныхъ заведеній, занимали въ 19 лѣтъ мѣста товарищей предсѣдателей въ судебныхъ установленіяхъ, прокуроровъ.—то есть судили другихъ въ томъ возрастѣ, который законъ уголовный признаетъ состояніемъ незрѣлости. Въ 1866 г., въ Рязанской губерніи, былъ 19-лѣтній уѣздный исправникъ, которому за совершенныя имъ преступленія, по молодости лѣтъ, уменьшено наказаніе. Кажется, что едва ли согласна съ достоинствомъ государственной службы такая льгота. Вообще, поставленіе на одну доску 14 лѣтъ и 20 лѣтъ съ мѣсяцами—трудно понять:—между этими двумя терминами разница слишкомъ велика; четырнадцатилѣтній — это еще подростокъ, 19, 20-лѣтній — это полный человѣкъ: въ этомъ возрастѣ часто оканчиваютъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Посмотримъ теперь на тѣ недоразумѣнія, которыя вытекаютъ изъ системы наказаній, установленной Уложеніемъ для несовершеннолѣтнихъ:

1) Законъ говоритъ въ обоихъ періодахъ несовершеннолѣтія (съ 10—

---

*) Преступленія эти исчислены во 2 пунктѣ 140 статьи: подлогъ, лживые доносы, обманъ, грабежъ, кража, мошенничество, присвоеніе чужаго имущества, отданнаго на сохраненіе, контрабанда и тайный провозъ незаконно добытыхъ питей и соли, приготовленіе и покушеніе на зажигательство, предумышленное поврежденіе здоровья.

14 и 14—21 г.) о смягченіи наказаній, начиная съ каторжной работы, а о замѣнѣ смертной казни — хранитъ молчаніе, такъ что мальчикъ 10 или 11 лѣтъ подвергнется смертной казни, наравнѣ съ взрослымъ за тѣ государственныя или карантинныя преступленія, за которыя она положена въ законѣ. Такого примѣра у насъ никогда не было *),—мы убѣждены что никогда и не будетъ; но тѣмъ не менѣе законъ остается неизмѣненнымъ. Молчаніе законодателя въ этомъ случаѣ ничѣмъ нельзя дополнить: если несовершеннолѣтнихъ не казнить смертью, — то чѣмъ же замѣнить это наказаніе? Такъ какъ о замѣнѣ ничего не сказано, то выходитъ, что еслибъ судъ принялъ, что имъ не слѣдуетъ налагать смертной казни, то онъ не можетъ постановить также никакого другаго наказанія. Наконецъ таже форма, то есть умолчаніе о замѣнѣ смертной казни, употребляется и относительно имѣющихъ отъ 14 до 21 года, — но здѣсь, по крайней мѣрѣ, въ возрастѣ съ 17 лѣтъ смертная казнь не представляетъ ничего особенно выходящаго изъ ряду. Св. Зак. обоихъ изданій и Уложеніе умалчивали о замѣнѣ смертной казни для малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ. Но въ Св. Воен. угол. Законовъ въ ст. 104, прямо сказано, что смертная казнь и наказанія ее замѣняющія не прилагаются къ имѣющимъ менѣе 14 лѣтъ. Эта 114 ст. Воен. угол. Свода составляетъ перепечатку 2-го пункта ст. 138 первой части XV т. Св. зак. изд. 1842 г. Для насъ это важно въ томъ отношеніи, что отсутствіе постановленія о замѣнѣ смертной казни для имѣющихъ отъ 10 до 14 лѣтъ нельзя объяснить одной забывчивостью редакторовъ: военно-уголовный сводъ долженъ былъ имъ напомнить объ этомъ вопросѣ. Какъ объяснить это, когда обыкновенно военный законъ строже гражданскаго? Это объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что военное министерство составляетъ совершенно отдѣльную часть безъ связи съ другими, такъ что военно-уголовные законы даже не проходятъ черезъ Государственный Совѣтъ. Очень часто встрѣчалось, что важный законъ, выражающій новый принципъ, вводился въ общемъ уголовномъ кодексѣ и оставался невѣдомымъ въ теченіи многихъ лѣтъ военно-уголовному кодексу, и наоборотъ.

Обратимся теперь къ самому способу выраженія главныхъ положеній о наказаніи малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ для разрѣшенія вопроса о смертной казни. Ст. 138: „наказанія имѣющимъ отъ 10 до 14 лѣтъ отъ роду и учинившимъ преступленія съ разумѣніемъ, смягчаются на слѣдующемъ основаніи....“ Эта форма выраженія заключаетъ въ себѣ мысль:

---

*) Сынъ Марины Мнишекъ и Тушинскаго вора, трехлѣтній Иванъ, былъ повѣшенъ при царѣ Михаилѣ. Но эта казнь не представляетъ собою случай правильнаго суда.

что имѣющимъ отъ 10 до 14 лѣтъ наказаніе должно быть смягчаемо. Слѣдовательно можно объяснять законъ болѣе за неприложеніе смертной казни къ малолѣтнимъ, чѣмъ за приложеніе. Другое дѣло относительно несовершеннолѣтнихъ, т. е. имѣющихъ отъ 14 до 21 года. Ст. 139 говоритъ: „несовершеннолѣтніе, имѣющіе отъ роду болѣе 14 лѣтъ, но менѣе 21 года, за учиненіе преступленій, которыя влекутъ за собою *лишеніе всѣхъ правъ состоянія подвергаются тѣмъ же наказаніямъ, какъ и совершеннолѣтніе,* съ тою разницею, что время работъ сокращается...“ Смертная казнь принадлежитъ къ числу наказаній, за которыя слѣдуетъ лишеніе всѣхъ правъ состоянія, слѣдовательно лица, имѣющія отъ 14—21 года ей подвергаются наравнѣ съ совершеннолѣтними. Относительно имѣющихъ отъ 14—21 законодатель выражаетъ въ принципѣ равенство наказанія, а относительно имѣющихъ 10—14 въ принципѣ умаленіе наказанія. Верховный уголовный судъ, учрежденный въ 1866 году по дѣлу государственнаго преступника Каракозова, хотя и назначилъ нѣкоторымъ изъ его сообщниковъ, имѣвшимъ менѣе 21 года, вмѣсто смертной казни каторжную работу, но только на основаніи власти, предоставленной судамъ новыми Судебными Уставами, смягчать наказанія на одну или двѣ степени, причемъ молодость лѣтъ была приведена, какъ одинъ изъ мотивовъ смягченія,—а вовсе не въ силу закона о несовершеннолѣтнихъ.

2) Законъ постановляетъ, что несовершеннолѣтніе отъ 14—21 г. при ссылкѣ на житье или при соотвѣтствующихъ этому наказаніяхъ — отдачѣ въ арестантскія роты или рабочій домъ,—не подвергаются лишенію правъ. Отсюда, казалось, слѣдуетъ, что для нихъ существуетъ измѣненіе въ порядкѣ суда, именно: они за тѣ преступленія, за которыя слѣдуютъ означенныя наказанія, будутъ судиться окружнымъ судомъ безъ присяжныхъ засѣдателей. Замѣтимъ, что и французскій законъ прямо освобождаетъ несовершеннолѣтнихъ отъ суда въ ассизахъ въ большей части случаевъ, находя, что эта торжественная форма вредно можетъ подѣйствовать на нихъ. Но практика наша приняла другое начало.

У насъ, кромѣ лишенія особенныхъ (сословныхъ) правъ, существуетъ еще низшая степень умаленія гражданской личности—*ограниченіе* правъ, полагаемое при высшихъ степеняхъ заключенія въ крѣпость и смирительный домъ. Несовершеннолѣтніе *не освобождены* отъ ограниченія правъ: въ 5 пунктѣ 140 ст. сказано: „За всѣ прочія менѣе важныя преступленія и проступки, то есть за тѣ, за которыя идетъ наказаніе ниже ссылки на житье, несовершеннолѣтніе, имѣющіе болѣе 14 и менѣе 21 года, приговариваются *къ опредѣленнымъ въ законѣ наказаніямъ*, также одною или по обстоятельствамъ дѣла и двумя степенями ниже“. Объ освобожденіи ихъ отъ ограниченія правъ ничего не сказано, слѣдовательно оно должно имѣть мѣсто. Но тогда выходитъ, что несовершеннолѣтній, учинившій

менѣе важное преступленіе, потерпитъ нарушеніе гражданскаго полноправія, а учинившій болѣе важное—не потерпитъ: первый—будетъ наказанъ строже втораго.

3) По закону 25 декабря 1865 г. явилось новое наказаніе: тюремное заключеніе съ лишеніемъ всѣхъ сословныхъ правъ. Оно назначено за нѣкоторые болѣе легкіе виды кражи и мошенничества лицамъ привилегированныхъ классовъ, вмѣсто полагавшейся до того времени, ссылки на житье съ таковымъ же лишеніемъ правъ. Между тѣмъ въ 4-мъ пунктѣ 140 ст. сказано прямо, какъ мы видѣли, что несовершеннолѣтніе за тѣ преступленія, за которыя не слѣдуетъ (изъ исправительныхъ наказаній) ссылки на житье или арестантскихъ ротъ и рабочаго дома, приговариваются къ тѣмъ же наказаніямъ какъ и совершеннолѣтніе, слѣдовательно выходитъ, что для нихъ кража влечетъ лишеніе правъ. Это подтверждается и тѣмъ, что въ 1-мъ пунктѣ той же статьи говорится о нелишеніи ихъ правъ при ссылкѣ на житье, и не прибавлено ничего о тюрьмѣ съ лишеніемъ правъ. Здѣсь очевиденъ недосмотръ редакціи Улож. изд. 1866. Она оставила 140 статью въ томъ видѣ, какъ она была въ изданіи 1857 года. Постановленіе 25 декабря введено въ различныя статьи объ отдѣльныхъ преступленіяхъ, а въ первомъ раздѣлѣ оно вошло въ видѣ примѣчанія въ 30 статьѣ,—при 140 статьѣ оно упущено изъ виду. Мнѣніе о недосмотрѣ мы основываемъ на томъ, что введеніе за кражу и мошенничество наказанія—тюремнаго заключенія съ лишеніемъ правъ — вмѣсто бывшей по прежнему закону ссылки на житье съ лишеніемъ правъ, составляетъ важное облегченіе для лицъ привилегированныхъ классовъ. Какимъ же образомъ можно предположить, что законодатель хотѣлъ однимъ и тѣмъ же закономъ облегчить совершеннолѣтнихъ и отягчить несовершеннолѣтнихъ, потому что послѣдніе по прежнему закону за тѣ же преступленія не лишались сословныхъ правъ. Но каковы бы ни были наши мнѣнія и соображенія, онѣ не могутъ имѣть никакого значенія для буквальнаго приложенія закона.

4) Мы видѣли, что несовершеннолѣтніе съ 14—21 года подвергаются уголовнымъ наказаніямъ наравнѣ съ совершеннолѣтними, а малолѣтніе (съ 10—14 лѣтъ) также подвергаются одному изъ нихъ—ссылкѣ на поселеніе. При этомъ не только для несовершеннолѣтнихъ, но и для малолѣтнихъ въ Улож. не было положено изъятія отъ обряда—публичнаго исполненія приговора съ выставкой у позорнаго столба. Это прибавочное наказаніе особенно губительно для малолѣтнихъ,—да къ тому же едва ли сообразно съ цѣлями закона подвергнуть такой грозной процедурѣ ребенка 11 или 12 лѣтъ. Этотъ видъ можетъ произвести въ массѣ впечатлѣніе неблагопріятное для юстиціи; поэтому, въ Уст. Угол. Суд. (ст. 963,

примѣч.) постановлено, что недостигшіе 21 года и престарѣлые, достигшіе 70 лѣтъ, обряду публичной казни не подвергаются.

До сихъ поръ мы разсматривали вопросъ о возрастѣ, какъ онъ изложенъ въ Уложеніи, за однимъ исключеніемъ—именно, за исключеніемъ второй части 137 статьи.

Эта вторая часть составляетъ произведеніе новаго Уст. Угол. Судопроизводства.

Мы видѣли, что Уложеніе отбросило значеніе 17 лѣтняго возраста. Уставъ Угол. Суд. вновь его ввелъ: „О подсудимомъ, имѣвшемъ во время совершенія преступленія менѣе *семнадцати лѣтъ*, во всякомъ случаѣ постановляется вопросъ: дѣйствовалъ ли онъ съ полнымъ разумѣніемъ". (ст. 759).

Въ Уложеніи изданія 1866 г. всѣ прежнія постановленія о возрастѣ остались неизмѣненными,—новое же начало, выраженное въ Уст. Угол. Суд., произвело слѣдующую вставку къ 137 ст. „Если же преступленіе совершено несовершеннолѣтнимъ, имѣвшимъ болѣе 14, но менѣе 17 лѣтъ, и судомъ будетъ признано, что онъ дѣйствовалъ *безъ полнаго разумѣнія*, то виновный подвергается: или наказаніямъ на основаніи 138 ст. (то есть такъ же какъ имѣющій отъ 10—14, когда совершаетъ преступленіе съ разумѣніемъ), или же, по усмотрѣнію суда, отдачѣ въ исправительные пріюты, гдѣ таковые будутъ устроены, а гдѣ ихъ нѣтъ—заключенію въ тюрьмѣ на время не свыше одного года и четырехъ мѣсяцевъ"...

Въ чемъ заключается нововведеніе 759 статьи? Ею вводится новый терминъ, неизвѣстный Уложенію, и новая степень нравственнаго сознанія. Уложеніе знало и знаетъ только терминъ: „съ разумѣніемъ и безъ разумѣнія"; а 759 ст. Уст. Уг. Суд. вводитъ: „съ *полнымъ* разумѣніемъ и *безъ полнаго* разумѣнія. Прилагательное „полный" введено недаромъ. Въ самомъ дѣлѣ, если мы говоримъ, что N совершилъ преступленіе безъ *полнаго* разумѣнія,—это еще не означаетъ, что онъ совершилъ его вовсе „безъ разумѣнія"; это есть нѣчто среднее между совершеніемъ съ разумѣніемъ и совершеніемъ безъ разумѣнія. Такъ понятъ этотъ терминъ при редакціи послѣдняго (1866 г.) изданія Уложенія. Терминъ „съ разумѣніемъ и безъ разумѣнія" оставленъ имъ по прежнему для возраста съ 10 до 14 лѣтъ; а для возраста съ 14 до 17 лѣтъ приложенъ новый: „съ полнымъ разумѣніемъ, безъ полнаго разумѣнія",—то есть къ такому возрасту, гдѣ по смыслу Уложенія не можетъ быть рѣчи о „безъ разумѣнія". Этому термину именно дано въ новомъ изданіи Уложенія, то среднее значеніе, о которомъ мы говорили: въ случаѣ совершенія лицомъ 14—17 лѣтъ преступленія безъ полнаго разумѣнія оно не оставляется ненаказуемымъ,—чѣмъ до очевидности показывается, что „безъ полнаго разумѣнія", не значитъ „безъ разумѣнія", ибо иначе должна была бы быть ненаказуе-

мость,—но наказаніе полагается меньшее, именно то, которое слѣдуетъ 10—14 лѣтнему совершившему преступленіе съ разумѣніемъ, или и того меньше, но во всякомъ случаѣ наказаніе только тогда имѣетъ мѣсто, когда есть *вина,* то есть разумѣніе сдѣланнаго зла. Другими словами: „безъ полнаго разумѣнія“ 14—17 лѣтняго равно „съ разумѣніемъ“ 10—14 лѣтняго. Та̀кова система Уложенія. Но дѣйствительно ли она согласна съ Уст. Угол. Судопроизводства?

Прежде всего замѣтимъ, что съ принятіемъ того толкованія термина „безъ полнаго разумѣнія“, какое выражено въ Уложеніи, слѣдовало бы помѣстить его не какъ вставку въ 137 ст., а какъ самостоятельную, измѣнивши 139 — 140 статьи. Именно: вслѣдъ за возрастомъ 10—14 лѣтъ поставить, какъ самостоятельный, возрастъ 14 — 17 лѣтъ, и обозначить его значеніе для вмѣненія, а статьи 138—140 измѣнить слѣдующимъ образомъ: вмѣсто выраженія: „несовершеннолѣтній отъ 14—21 года“ . . . поставить: „несовершеннолѣтній отъ 14—17 лѣтъ за преступленія, совершенныя съ полнымъ разумѣніемъ, и несовершеннолѣтній отъ 17—21 года подвергаются“ . . . Тогда мысль Уложенія была бы выражена ясно.

Переходимъ къ разрѣшенію постановленнаго вопроса. Мы видѣли, какое понятіе дало Уложеніе выраженію „безъ полнаго разумѣнія“, и видѣли, что оно прилагаетъ его только къ возрасту 14—17 лѣтъ, оставляя для 10—17 лѣтъ прежнее выраженіе „безъ разумѣнія“, имѣющее другое значеніе. Но въ ст. 759 Уст. Угол. Суд. вопросъ, совершено ли преступленіе „съ полнымъ разумѣніемъ или безъ полнаго разумѣнія“ постановлено прилагать вообще ко всѣмъ подсудимымъ, имѣющимъ менѣе 17 лѣтъ—слѣд., также точно къ имѣющимъ отъ 14—17 лѣтъ: въ другой формѣ не можетъ быть постановленъ вопросъ. Если теперь подсудимому будетъ напримѣръ 12 лѣтъ, и на вопросъ предсѣдателя: *совершено ли имъ* преступленіе *съ полнымъ разумѣніемъ?* судъ или присяжные отвѣтятъ отрицательно, то есть скажутъ, что оно совершено безъ полнаго разумѣнія, то такое лицо, стало быть, не подлежитъ вовсе наказанію, потому что 138 ст. говоритъ о наказаніи имѣющихъ отъ 10—14 лѣтъ только въ томъ случаѣ, когда они совершили преступленіе *съ разумѣніемъ.* Подъ отвѣтомъ: „безъ полнаго разумѣнія“ *можетъ* заключаться точно также „съ разумѣніемъ, но не полнымъ, нѣкоторымъ, какъ и выраженія „безъ разумѣнія“,—вовсе безъ разумѣнія“. Но судъ не вправѣ взять для него именно первое, а не послѣднее толкованіе,—отъ возможности къ дѣйствительности заключать въ уголовномъ правѣ, когда дѣло идетъ о судьбѣ человѣка, нельзя. Протестъ защитника, по нашему мнѣнію, будетъ имѣть непреложный успѣхъ.

Все это происходитъ отъ того, что Уст. Угол. Судопр. знаетъ только

одинъ терминъ: „съ полнымъ разумѣніемъ и безъ полнаго разумѣнія“, а Уложеніе два: „съ *полнымъ* разумѣніемъ“ и „съ разумѣніемъ“, которымъ оно придаетъ различное значеніе. Мы полагаемъ, что это несогласіе произошло единственно отъ того, что редакція послѣдняго изданія Уложенія была произведена II Отдѣленіемъ, а редакція Суд. Уст. Государственной Канцеляріей,—двумя различными учрежденіями. Изъ коментарія на 759 ст. ясно видно, что Уставъ Уг. Суд. выраженіе „безъ полнаго разумѣнія“ принималъ за совершенно равное съ выраженіемъ „безъ разумѣнія“, не клалъ между ними различія. Этотъ взглядъ, какъ нельзя лучше, доказывается введеніемъ для всѣхъ несовершеннолѣтнихъ до 17 лѣтъ одного только вопроса: „совершено ли преступленіе съ полнымъ разумѣніемъ“. Мы полагаемъ, что измѣненіе формулы Уложенія введеніемъ прилагательнаго „полный“, не было нужно. Въ самомъ дѣлѣ, Уложеніе подвергаетъ наказанію малолѣтнихъ отъ 10—14 лѣтъ, когда преступленіе сдѣлано ими „съ разумѣніемъ“—но какому наказанію? Уменьшенному, но не только въ родѣ, но и въ разрядѣ. Почему? Очевидно не изъ уваженія къ одной физической слабости, а къ тому, что разумѣніе ихъ все таки не такое, какъ у взрослаго, что когда оно и есть, все таки оно неполное. Первое вполнѣ подтверждается 146 ст., по которой малолѣтніе и несовершеннолѣтніе за повтореніе преступленія наказываются одинаково съ совершеннолѣтними. — II-е Отдѣленіе при редакціи Уложенія 1866 г. приняло терминъ „съ полнымъ разумѣніемъ“, какъ нѣчто особенное, отличное отъ „съ разумѣніемъ“, и приложило его къ возрасту отъ 14—17 лѣтъ, оставляя для 10—14 лѣтняго возраста прежній терминъ „съ разумѣніемъ“. Но II-е Отдѣленіе какъ бы упустило изъ виду, что Уст. Угол. Суд. устанавливаетъ одинъ вопросъ: „совершено ли съ *полнымъ* разумѣніемъ“ для всѣхъ лицъ до 17 лѣтъ, а не два, соотвѣтственные двумъ принятымъ имъ терминамъ.

Устраненіе несогласія между Уст. Угол. Суд. и Уложеніемъ возможно или съ исключеніемъ въ Уложеніи термина „безъ разумѣнія“, или,—что было бы гораздо лучше—съ замѣной въ Уставѣ термина „безъ полнаго разумѣнія“ терминомъ Уложенія „безъ разумѣнія. Въ послѣднемъ случаѣ слѣдовало бы въ статьѣ 138 вмѣсто „имѣющихъ отъ 10 до 14 лѣтъ“ поставить: „имѣющихъ отъ 10 до 17 лѣтъ“, а въ ст. 139 вмѣсто: „имѣющіе отъ роду болѣе 14 лѣтъ, но менѣе 21 года“, поставить: „имѣющіе отъ 17 лѣтъ до 21 года.“

Мы упоминали, что смягченіе наказанія по началу возраста условливается не одной физической незрѣлостью лица, но и незрѣлостью его разумѣнія, даже тогда когда разумѣніе признано. Вслѣдствіе этого наше право признаетъ начало *maltia supplet aetatem,* и опредѣляетъ случай, когда не только несовершеннолѣтній, но и малолѣтній будетъ наказанъ, совершен-

но одинакого съ совершеннолѣтнимъ; Ст. 146: „Малолѣтніе отъ 10 до 14 лѣтъ и несовершеннолѣтніе, которые послѣ суда и наказанія за преступленіе будутъ изобличены вторично въ томъ самомъ, или въ равномъ или же болѣе тяжкомъ преступленіи, подвергаются за сіе новое преступленіе одинаковому съ совершеннолѣтними опредѣленному наказанію". Если малолѣтній или несовершеннолѣтній совершитъ вторично преступленіе, то предполагается ли онъ непремѣнно дѣйствовавшимъ съ разумѣніемъ, то есть его равенство съ совершеннолѣтнимъ есть полное или неполное, простирающееся только на наказаніе въ случаѣ разумѣнія? Изъ текста 146 ст. трудно вывести положительныя заключенія; кажется, что она скорѣе допускаетъ первое, чѣмъ послѣднее толкованіе. Но послѣднее толкованіе, то есть признаніе виновнымъ малолѣтняго и несовершеннолѣтняго до 17 лѣтъ только въ случаѣ разумѣнія положительно разрѣшается ст. 759 Уст. Угол. Суд., по которой вопросъ о разумѣніи предписано ставить абсолютно и для рецидива не положено изъятій. Это толкованіе признано Угол. Кас. Департаментомъ *). Другой вопросъ: если малолѣтній, признанный въ пер-

---

*) Двѣнадцатилѣтній сынъ мѣщанина былъ признанъ присяжными виновнымъ въ покушеніи на кражу, но дѣйствовавшимъ безъ полнаго разумѣнія; онъ предъ этимъ былъ два раза подъ судомъ, и во второй разъ подвергнутъ мировымъ судьей аресту, т. е. былъ признанъ дѣйствовавшимъ съ разумѣніемъ. Тверской окружной судъ приговорилъ его къ наказанію, положенному въ законѣ для совершеннолѣтнихъ. Правительствующій сенатъ отмѣнилъ (касс. 1869 г. № 319) это рѣшеніе по слѣдующимъ соображеніямъ: Хотя въ 137 ст. Улож. и не содержится никакого указанія на то, что она могла быть примѣняема и къ случаямъ повторенія преступленій малолѣтними, дѣйствовавшими безъ полнаго разумѣнія, а въ ст. 146 не сдѣлано никакого различія при опредѣленіи наказанія за повтореніе преступленій малолѣтними, дѣйствовавшими съ разумѣніемъ, или безъ разумѣнія; тѣмъ не менѣе это не можетъ служить основаніемъ къ признанію, что за совершеніе третьей кражи малолѣтній, независимо отъ признанія присяжными засѣдателями отсутствія полнаго разумѣнія, долженъ быть, на основ. 146 ст. уложенія, подвергнутъ такому же наказанію, какъ и совершеннолѣтній. Статья 759 уст. уг. суд., предписывая суду оставить особый вопросъ о томъ, дѣйствовалъ ли несовершеннолѣтній обвиняемый съ полнымъ разумѣніемъ, требуетъ постановки его во всякомъ случаѣ, т. е. независимо отъ того, обвиняется ли подсудимый въ первый разъ въ преступленіи, или онъ былъ уже прежде сего подвергаемъ отвѣтственности за подобное же преступленіе; приговоръ же суда долженъ быть во всякомъ случаѣ основанъ на признанныхъ присяжными засѣдателями данныхъ, вслѣдствіе чего имъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть оставлено безъ вниманія и признаніе подсудимаго дѣйствовавшимъ безъ разумѣнія. Изъ соображенія этихъ постановленій видно, что законъ. не дѣлая никакихъ исключеній изъ 759 ст. уст. угол. суд., имѣлъ въ виду, что отсутствіе разумѣнія имѣетъ одинаковыя по-

вый разъ дѣйствовавшимъ безъ разумѣнія и слѣдственно не подвергшійся наказанію (отдачи родителямъ для исправленія не есть наказаніе судебное) во второй разъ будетъ признанъ дѣйствовавшимъ съ разумѣніемъ, то наказывается ли онъ, какъ совершеннолѣтній, или какъ бы учинилъ вину въ 1 разъ? Этотъ вопросъ вполнѣ разрѣшается ст. 146. Въ ней говорится о равенствѣ съ совершеннолѣтними тѣхъ малолѣтнихъ, которые „послѣ суда и *наказанія* за первое преступленіе будутъ изобличены во второмъ; а наказаніе имъ полагается только тогда, когда они дѣйствовали съ разумѣніемъ. Слѣдственно преступленіе уголовное безъ разумѣнія не существуетъ, и въ счетъ берутся только дѣйствительныя преступленія, то есть уголовныя съ разумѣніемъ.

Нельзя видѣть противорѣчія въ томъ, что обвиняемый малолѣтній въ первый разъ былъ признанъ совершившимъ напр. кражу съ разумѣніемъ, а во второй совершившимъ тоже самое преступленіе безъ разумѣнія. Каждый случай преступленія имѣетъ свою индивидуальность, свою обстановку; въ первый разъ она была таковою, что малолѣтній могъ быть признанъ дѣйствовавшимъ съ разумѣніемъ, а во второй разъ иною, тѣмъ яснѣе это начало въ томъ случаѣ, когда малолѣтній во второй разъ совершилъ иного рода преступленіе, чѣмъ въ первый. Разумѣется, что существуетъ большой трудъ для защитника доказать дѣйствованія безъ разумѣнія такого малолѣтняго, котораго первое наказаніе должно было вразумить и наставить. Но это вопросъ фактическій.

Статья 146-я слишкомъ жестка для малолѣтнихъ, объ этомъ будемъ говорить при разборѣ ученія о рецидивѣ.

Кромѣ возраста до совершеннолѣтія, законъ признаетъ еще особенное значеніе 70 лѣтняго возраста. Старость не можетъ служить началомъ

слѣдствія для несовершеннолѣтнихъ до 17 лѣтъ, хотя бы они были признаны виновными въ совершеніи преступленія и не въ первый разъ, и что, слѣдовательно, 146 ст. улож. можетъ быть примѣняема къ такимъ несовершеннолѣтнимъ преступникамъ, которые дѣйствовали съ полнымъ сознаніемъ преступности своего дѣянія, такъ какъ только въ этомъ случаѣ можетъ быть признано общее основаніе возвышенія наказанія за повтореніе преступленій, т. е. большая степень безнравственности подсудимаго. Выводъ этотъ подтверждается еще тѣмъ, что изъ приведенныхъ двухъ статей улож.—437 и 146, послѣдняя принадлежитъ къ числу самыхъ строгихъ постановленій нашего уголовнаго уложенія, и, слѣдовательно, расширять случаи его примѣненія и вообще давать ему распространительное толкованіе, было бы несогласно какъ съ началами уголовнаго права, такъ и съ правилами установленными судебной практикой.

смягченія; напротивъ того она должна отягчать наказанія: у старика всѣ страсти успокоиваются, онъ пріобрѣлъ, или долженъ былъ пріобрѣсти привычку къ соблюденію закона. Тѣмъ не менѣе ст. 74 дѣлаетъ одно смягченіе для семидесятилѣтнихъ: каторжная работа для нихъ замѣняется ссылкой на поселеніе. По Своду они избавлялись только отъ наказанія кнутомъ или плетьми, конечно потому, что въ этомъ возрастѣ такое наказаніе было бы смертельнымъ. Кромѣ того законъ признаетъ полную невмѣняемость для стариковъ, „потерявшихъ умственныя способности и разсудокъ отъ старости или дряхлости" (ст. 97). Но это условіе относится не къ возрасту: оно не пріурочивается непремѣнно къ извѣстнымъ старческимъ годамъ, а есть видъ сумасшествія.

Судебное значеніе возраста тѣмъ отличается отъ другихъ условій невмѣненія или смягченія, что онъ доказывается не судебнымъ порядкомъ, а документально. Состояніе необходимой обороны, принужденіе и тому подобное не можетъ рѣшить слѣдствіе, а только судъ,—возрастъ же есть условіе физическое: какъ только слѣдователь видитъ, что лице, совершившее преступное дѣяніе, напримѣръ, въ такомъ возрастѣ, когда нѣтъ вмѣненія, то прекращаетъ преслѣдованіе.

Поэтому, какъ для уголовнаго процесса, такъ и для приложенія одинаково важно знать возрастъ лица, совершившаго преступленіе, а изъ этого слѣдуетъ, что необходимо существованіе твердыхъ мѣръ для засвидѣтельствованія возраста. У насъ возрастъ доказывается метрическими книгами. Но надобно замѣтить, что въ метрическихъ книгахъ прежняго времени не всегда обозначался день рожденія, а день крещенія, а между этими двумя терминами проходитъ часто нѣсколько недѣль, и случается даже въ мѣстахъ отдаленныхъ, въ особенности въ Сибири, и нѣсколько мѣсяцевъ. Это обстоятельство не безъ значенія для приложенія. Мы знаемъ, что часто отъ одной недѣли зависитъ уменьшеніе срока каторжной работы на цѣлую треть, зависитъ родъ наказанія и прочее. Но назначеніе это существуетъ для обвинителя, а для обвиняемаго эта неточность составляетъ льготу, потому что вслѣдствіе ея возрастъ показывается меньшимъ противъ дѣйствительнаго, а не большимъ. Впрочемъ въ томъ случаѣ, когда вопросъ о возрастѣ прилагается къ жертвѣ преступленія, для обвиняемаго неточность можетъ имѣть громадныя невыгодныя послѣдствія, напримѣръ связь съ дѣвицей имѣющей менѣе 14 лѣтъ, хотя бы и безъ насилія наказывается каторжной работой, а при тѣхъ же условіяхъ съ имѣющей болѣе 14 лѣтъ не подлежитъ вовсе наказанію. Несомнѣнно, что въ этомъ случаѣ судъ не можетъ отказать въ представленіи доказательствъ, исправляющихъ показаніе метрическаго свидѣтельства.

Могутъ быть случаи, когда не существуетъ законнаго удостовѣренія о возрастѣ. Напримѣръ метрическое свидѣтельство не было взято, а кни-

ги метрическія сгорѣли, или въ случаѣ обвиненія въ бродяжничествѣ, когда именно и не бываетъ никакого документа у подсудимаго, въ особенности у такъ называемыхъ „непомнящихъ родства", или послѣдователи нѣкоторыхъ раскольничьихъ толковъ вовсе не ведутъ метрическихъ книгъ. Какъ поступать въ такомъ случаѣ? Мы легко можемъ видѣть, что ребенокъ не имѣетъ 10 лѣтъ, когда онъ находится въ возвратѣ 5, 6, 7, 8 лѣтъ. Но отмѣтить имѣющаго 9 лѣтъ и 10 мѣсяцемъ отъ имѣющаго 10 лѣтъ съ мѣсяцемъ—невозможно; точно тоже относительно возраста 13 лѣтъ съ мѣсяцемъ или 16 и 20 лѣтъ съ мѣсяцевъ сравнительно съ имѣющимъ 14, 17, 21 годъ. Во всякомъ случаѣ мы полагаемъ, что такое сомнѣніе не можетъ быть разрѣшено слѣдователемъ, а только судомъ. Способъ установленный ст. 1356 Уст. Гражд. Суд. для удостовѣренія въ законности рожденія въ случаѣ невозможности получить метрическое свидѣтельство, то есть чрезъ исповѣдныя росписи, формулярные списки, ревизскія сказки, показанія свидѣтелей, безъ сомнѣнія можетъ имѣть полное значеніе и въ Угол. Судопроизводствѣ. Въ Сводѣ изд. 1832 и 1842 г. при положеніи о возрастѣ невмѣненія и смягченія прибавлялось: „сей возрастъ долженъ быть удостовѣренъ метрическими или ревизскими книгами." (Св. 3, т. XV, изд. 1832 г., ст. 125, изд. 1842 ст. 137).

По Мир. Уст. принята другая система совершеннолѣтія, именно, совершеннолѣтіе считается съ 17 лѣтъ; возрастъ не вмѣненія—до 10 лѣтъ; имѣющіе отъ 10 до 17 лѣтъ подвергаются половинному наказанію, причемъ судьѣ предоставлено право имѣющихъ менѣе 14 лѣтъ, не подвергая наказанію, отсылать родителямъ для домашняго исправленія. (Уст. Мир. ст. 10, 11). Отсюда слѣдуетъ заключить, что по Мир. Уст. съ 14 лѣтъ предполагается непремѣнно разумѣніе.

Значеніе возраста при давности, а также значеніе его въ приложеніи къ лицу, какъ жертвѣ преступленія, будетъ изложено при разборѣ вопросовъ о давности и о жертвѣ преступленія. Возрастъ имѣетъ также значеніе и въ процессѣ относительно свидѣтелей.

Мы видѣли, что существуетъ возрастъ, когда вслѣдствіе отсутствія разумѣнія преступленіе абсолютно не вмѣняется—до 10 лѣтъ, или когда невмѣненіе можетъ быть: 10—14 лѣтъ. Хотя невмѣненіе въ этомъ возрастѣ справедливо, но не будетъ ли опасно для общества непринятіе какихъ либо мѣръ предосторожности противъ ребенка, обнаружившаго злыя наклонности. Если законъ принимаетъ мѣры противъ сумасшедшаго, то тѣмъ болѣе долженъ принять ихъ противъ малолѣтняго. Ребенокъ 6, 7, 8, 9 лѣтъ имѣетъ злыя наклонности, родители или воспитатели слабо за нимъ смотрятъ, онъ поджигаетъ домъ, чтобъ посмотрѣть на зарево, онъ пускаетъ камнемъ въ прохожаго, или товарища по играмъ, убиваетъ его, вышибетъ глазъ, — и юстиція не трогаетъ его: ему менѣе 10 или даже

менѣе 7 лѣтъ. Но онъ опять повторитъ тоже самое во второй, третій разъ, все будетъ сходить ему безнаказанно; онъ можетъ сдѣлаться грозой для околотка. Французское законодательство мудро предусмотрѣло это обстоятельство и постановило, что судъ имѣетъ право малолѣтняго, хотя и совершившаго преступленіе безъ разумѣнія, отправить на срокъ, даже до 21 года, въ исправительное заведеніе. Это не наказаніе въ строгомъ смыслѣ слова, а мѣра предосторожности въ интересахъ общества, мѣра благодѣтельная для самого малолѣтняго, потому что государство, замѣняя для него слабыхъ или безнравственныхъ родителей и воспитателей, не допускаетъ вырости ему злодѣемъ. Французскій законъ впрочемъ имѣетъ важный недостатокъ: онъ слишкомъ далеко простираетъ государственную опеку — даже до 21 года! Случаи этого рода не рѣдки во Франціи. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мальчикъ 9 лѣтъ былъ представленъ въ судъ по слѣдующему обвиненію: онъ положилъ нѣсколько камней на рельсы желѣзной дороги въ участкѣ, пролегавшемъ чрезъ мостъ надъ рвомъ. На вопросъ суда, съ какой цѣлью онъ это сдѣлалъ, мальчикъ съ самымъ злымъ видомъ отвѣчалъ: я хотѣлъ посмотрѣть какъ пасажиры полетятъ внизъ головой. Судъ въ негодованіи приговорилъ его къ отдачѣ въ исправительное заведеніе до 21 года. И такъ лучшіе годы, вся юность его, пройдетъ въ исправительномъ заведеніи! Кажется достаточно было бы ограничить срокъ отдачи въ исправительное заведеніе до исполненія 14 или 16 лѣтъ.

Наше законодательство не знаетъ этого постановленія. Нѣтъ сомнѣнія, что потребность въ немъ скажется громко съ развитіемъ новыхъ судовъ. Замѣтимъ, что безнаказанность дѣтей усиливаетъ страшное зло—употребленія ихъ родителями, какъ орудій совершенія преступленій, въ особенности кражи.

II. Отсутствіе разума, какъ причина невмѣненія. *Сумасшествіе* и безуміе. Отвѣтственность за преступленія, совершенныя въ свѣтломъ промежуткѣ. Наказаніе въ случаѣ сумасшествія, послѣдовавшаго послѣ преступленія. Мѣры охраны отъ сумасшедшихъ. *Болѣзни,* производящія безпамятство и изступленія. *Лунатизмъ. Маніи.*—Относится ли пьянство къ условіямъ невмѣненія?—Ошибка; различные виды ея. — Отсутствіе свободной воли: *принужденіе.* Условія принужденія по нашему закону. Сила принуждающая есть ли только внѣшняя, или и въ насъ заключающаяся? Состояніе крайности внѣ общественныхъ условій. *Приказаніе.*

I. Отсутствіе разума составляетъ безусловную причину невмѣненія, безъ разума нѣтъ человѣка, есть только существо, не могущее дать себѣ

отчета въ дѣйствіяхъ, не понимающее ихъ нравственной стороны. Общество можетъ, конечно, принять мѣры предосторожности противъ такихъ несчастныхъ, но о вмѣненіи не можетъ быть рѣчи. Нашъ законъ признаетъ четыре вида совершенія дѣйствія безъ разума: 1) состояніе безумія, 2) сумасшествіе, 3) болѣзнь, сопряженная съ безпамятствомъ или умоизступленіемъ, 4) лунатизмъ.

Безуміе отличается отъ сумасшествія тѣмъ, что оно состояніе прирожденное, — это тогда, какъ сумашествіе происходитъ отъ болѣзни или нравственныхъ потрясеній; далѣе, безуміе есть состояніе постоянное, а сумасшествіе можетъ быть перемежающееся, можетъ быть даже частное.

Ст. 95 говоритъ: „Преступленіе или проступокъ, учиненныя безумнымъ отъ рожденія или сумасшедшимъ, не вмѣняются имъ въ вину, когда нѣтъ сомнѣнія, что безумный или сумасшедшій, по состоянію своему въ то время, не могъ имѣть понятія о противозаконности и о самомъ свойствѣ своего дѣянія". Изъ этого текста слѣдуетъ, что сумасшедшему можетъ быть вмѣненіе, когда во время совершенія преступленія онъ могъ имѣть понятіе о свойствѣ и противозаконности дѣянія. Мы говорили, что сумасшествіе можетъ быть перемежающимся. Какъ въ болѣзняхъ тѣла, напримѣръ лихорадкѣ, такъ и въ болѣзняхъ мозга, во время этихъ свѣтлыхъ промежутковъ, сумасшедшій очень часто дѣйствуетъ, какъ нормальный человѣкъ; люди, незнающіе его, даже и не догадываются о его сумасшествіи Законъ нашъ, какъ мы видѣли, признаетъ вмѣняемость сумасшедшихъ въ свѣтлыхъ промежуткахъ. Но такое положеніе, во первыхъ, въ принципѣ съ трудомъ можетъ быть допущено, а во вторыхъ, въ практическомъ примѣненіи чрезвычайно трудно. Тоже должно сказать и о страждущихъ, такъ называемымъ, частнымъ помѣшательствомъ (на одномъ пунктѣ), потому что они тоже сумасшедшіе.

Уложеніе наравнѣ съ сумасшедшими дѣлаетъ и безумныхъ отвѣтственными въ томъ случаѣ, когда они во время совершенія преступленія могли имѣть понятіе о свойствѣ и противозаконности дѣянія. Но возможность такого состоянія не мыслима при томъ опредѣленіи безумія, какое дано самимъ Уложеніемъ: какимъ образомъ человѣкъ, не имѣющій разсудка отъ рожденія, можетъ получить его на нѣкоторое время?

Ст. 96: „. . Не вмѣняются въ вину преступленія и проступки, учиненные больнымъ въ точно доказанномъ припадкѣ умоизступленія, или совершеннаго безпамятства". Горячка обыкновенно производитъ совершенно умоизступленіе, падучая болѣзнь—часто производитъ совершенное безпамятство и послѣ припадка. Ясно, что въ этихъ случаяхъ больной тотъ же сумасшедшій. Впрочемъ, законъ принимаетъ мѣры охраны отъ сумасшедшихъ и больныхъ. Тѣхъ изъ сумасшедшихъ, которые совершили смертоубійство, зажигательство, или покусились на эти преступленія или само-

убійство, предписано отдавать въ домъ умалишенныхъ, а не родственникамъ; они получаютъ свободу только по прошествіи двухъ лѣтъ отъ совершеннаго выздоровленія. О возможности вознагражденія за ущербы, причиненные преступленіемъ сумашедшаго, было сказано въ IV главѣ. Больные отдаются родственникамъ подъ надзоръ, или помѣщаются въ больницу.

Лунатикамъ (снозодцамъ) точно также не вмѣняется преступленіе, сдѣланное во время ихъ болѣзненнаго состоянія. (ст. 96). Вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли вмѣнять лунатику преступленіе, когда онъ во время бодрствованія выразилъ намѣреніе совершить его, принадлежитъ къ числу тѣхъ праздныхъ споровъ, которыми такъ полны изслѣдованія объ уголовномъ правѣ: человѣкъ наказывается не за желаніе совершить преступленіе, а за свободное совершеніе его.

Состояніе сумасшествія ведетъ къ вопросу о мономаніяхъ, о которыхъ вовсе не упоминается въ нашемъ законодательствѣ.

Мономаніей стали называть въ послѣднее время, вслѣдствіе нѣсколькихъ казусовъ, внезапное *моментальное* сумасшествіе. Самая страшная изъ мономаній—мономанія убійства; далѣе, мономанія поджога (пиромaнія), мономанія кражи и пр.

Отъ этихъ маній надобно отличать родъ исключительнаго бѣшенства. Ему, по наблюденію спеціалистовъ, предшествуютъ ясные признаки. Такъ, большая часть такого рода больныхъ кажутся чѣмъ-то очень занятыми, дѣлаются неспособными къ своимъ обыкновеннымъ занятіямъ; они забываютъ самыхъ близкихъ людей, или говорятъ о нихъ съ недовѣріемъ и обвиняютъ ихъ въ несправедливости. Другіе находятся подъ вліяніемъ какого то необъяснимаго ужаса, воображаютъ себя жертвою преслѣдованія, или демоническихъ силъ. Напримѣръ, одинъ молодой крестьянинъ—католикъ западныхъ губерній постоянно чувствовалъ преслѣдованія дьявола, и однажды ночью, послѣ молитвы на кладбищѣ, задушилъ мальчика, который, укравши яблоко въ сосѣднемъ саду, бѣжалъ:—онъ принялъ его за своего дьявола—мучителя. Но всѣ эти факты составляютъ дѣйствительное сумасшествіе, которое только тѣмъ отличается отъ общаго, что его труднѣе распознать и доказать.

Еще болѣе затрудненія на практикѣ можетъ представить болѣзнь. Мы видѣли, что законъ объявляетъ невмѣняемыми дѣйствія, совершенныя больнымъ въ припадкѣ умоизступленія. Но въ этихъ болѣзняхъ существуютъ степени затемненія ума: полное изступленіе, бредъ, безпамятство,— и болѣе или менѣе не полное. Чрезвычайно трудно измѣрить, въ какомъ градусѣ была болѣзнь; уничтожала ли она разумѣніе и свободу воли, или нѣтъ. Сумасшедшихъ мы знаемъ до преступленія и, во всякомъ случаѣ, послѣ преступленія,—но больной чрезъ нѣсколько времени является предъ нами безъ всякихъ слѣдовъ прежнихъ моральнаго и физическаго состоянія.

роль, искать второстепенной,—произойдутъ раздоры, упреки, и очень часто сборища будутъ разстроиваться. Стараніе разстроить преступленіе должно всегда всего болѣе занимать законодателя. Поэтому всѣ извѣстныя законодательства, исключая французскаго, дѣлятъ участниковъ на нѣсколько группъ. Такъ напримѣръ, англійское дѣлитъ ихъ на главныхъ и побочныхъ (principals and accessories); главныхъ раздѣляетъ оно на первостепенныхъ или исполнителей (in the first degree) и второстепенныхъ (in the second degree). Австрійскій и прусскій кодексы раздѣляютъ ихъ на прямыхъ и косвенныхъ, непосредственныхъ и посредственныхъ. Далѣе, ученые различаютъ еще участниковъ матеріальныхъ (т. е. тѣхъ, которые матерьяльно совершили преступленіе) и моральныхъ (напр. кто далъ совѣтъ совершить преступленіе). Но всѣ эти и тому подобныя дѣленія слишкомъ отвлечены, непрактичны, потому что не могутъ служить формулой для суда и наказанія. Что такое, напр. моральный участникъ, къ какой категоріи его отнести по наказаніямъ, къ высшей или низшей? Отвѣтъ будетъ: сообразно тому, какого рода было это участіе (подкупъ, угроза или простой совѣтъ) и какое оно имѣло дѣйствительное значеніе въ каждомъ данномъ фактѣ. Болѣе практично раздѣленіе участія на: *до* преступленія, *во время* преступленія, *послѣ* преступленія (напримѣръ укрывательство). Это дѣленіе отчасти усвоено и нашимъ законодательствомъ.

Какое бы дѣленіе ни усвоивало законодательство, какого бы взгляда оно ни было на важность того или другаго рода участія, оно прямо или косвенно признаетъ два вида участвующихъ въ преступленіи лицъ: тѣ которые *дѣйствительно совершили* его (тѣ которые напримѣръ зарѣзали, подожгли, ограбили)—и тѣ, которые морально въ немъ участвовали или и матерьяльно, но играли второстепенную роль. Это различіе важно въ отношеніи наказанія: наказаніе полагается тому, кто дѣйствительно, матерьяльно совершилъ преступленіе; — прочимъ лицамъ можетъ быть и меньшее, и большее, и равное наказаніе, — но все-таки ихъ наказаніе имѣетъ своимъ исходнымъ пунктомъ то наказаніе, которому подлежитъ прямой виновникъ, т. е. совершитель преступленія.

Постановленія о участіи въ преступленіи заключаются въ двухъ разныхъ мѣстахъ Уложенія: 1) въ статьяхъ 11—15 изложено только опредѣленіе различныхъ видовъ участія; 2) въ статьяхъ 117—128 изложены наказанія за различные виды участія. Уложеніе знаетъ два рода участія: 1) безъ предварительнаго соглашенія и 2) по предварительному соглашенію. Въ каждомъ родѣ рѣзко отличаются: 1) лица участвовавшія въ самомъ совершеніи преступленія,—(или *до* преступленія, во второмъ родѣ участія) 2) участвовавшія *послѣ* преступленія. Перваго рода лица называются: въ участіи безъ предварительнаго согласія—главными виновными

и участниками; въ преступленіи, совершенномъ по предварительному сог, лашенію—зачинщиками, сообщниками, подговорщиками, подстрекателями. пособниками. Втораго рода лица и въ томъ и въ другомъ родѣ участія носятъ одинаковое названіе: попустителей, укрывателей, недоносителей.

Первый разрядъ участвующихъ лицъ, какъ мы сказали, составляютъ тѣ, которые совершили преступленіе *безъ предварительнаго согласія.* Конечно можетъ случиться, что нѣсколько лицъ произвели одно и тоже преступленіе, безъ предварительнаго согласія, напримѣръ сопротивленіе власти. Но тогда каждый изъ нихъ составляетъ отдѣльнаго преступника безъ всякаго соотношенія къ другимъ. Не объ этомъ явленіи говоритъ 12-я статья. Въ ней сказано слѣдующее: „Въ преступленіи, учиненномъ нѣсколькими лицами безъ предварительнаго ихъ на то согласія, признаются изъ участвовавшихъ въ ономъ *главными виновниками*, во первыхъ, распоряжавшіеся или управлявшіе дѣйствіями другихъ; во вторыхъ, приступившіе или къ дѣйствіямъ прежде другихъ при самомъ началѣ оныхъ или же непосредственно совершившіе преступленіе; *участниками*: во первыхъ, тѣ которые непосредственно помогали главнымъ виновнымъ въ содѣяніи преступленія, во вторыхъ, тѣ, которые доставляли средства для содѣянія преступленія, или же старались устранить препятствія". Но спрашивается, какимъ образомъ можетъ выдти, что человѣкъ распоряжается дѣйствіями другихъ, а другіе слѣдовательно слушаются его, какимъ образомъ можно доставлять средства, устранять препятствія, — все это безъ предварительнаго, то есть предшествовавшаго преступленію уговора? Можно допустить развѣ какой нибудь чрезвычайный случай: одинъ человѣкъ нападаетъ на своего врага, бьетъ его; другой, который также желалъ его гибели, видя это подбѣгаетъ и помогаетъ ему доколачивать; третій, также случайно явившійся, подаетъ имъ ножъ, и два послѣдніе повинуются первому.

Главнымъ виновнымъ полагается высшая мѣра наказанія за преступленіе положеннаго. Замѣтимъ, что если за преступленіе положено на усмотрѣніе судьи назначить одно изъ нѣсколькихъ различныхъ наказаній, то не значитъ, что судья долженъ приговорить къ высшей мѣрѣ наиболѣе тяжкаго изъ нихъ: онъ можетъ выбрать и легчайшее, но назначить его въ высшей мѣрѣ,—объ этомъ обстоятельствѣ будетъ подробное разъясненіе въ другомъ мѣстѣ. *Участники* наказываются одною или двумя степенями ниже того наказанія, „коему подвергаются главные виновные", по мѣрѣ оказаннаго ими участія.

Преступленіе, совершенное по предварительному согласію нѣсколькихъ лицъ, надобно отличать отъ совершеннаго шайкою. Шайка вообще есть общество, составившееся не для одного преступленія, а для цѣлаго ряда ихъ, — что будетъ разъяснено въ разборѣ преступленія составленія шайки. Конечно, въ тѣхъ случаяхъ, когда законъ не назначаетъ особен-

наго рода наказанія за учиненіе преступленія шайкою, — лица, ее составляющіе, наказываются по правиламъ о совершеніи преступленія нѣсколькими лицами по предварительному соглашенію, потому что шайка есть только высшая степень такого соединенія лицъ.

Въ преступленіяхъ, совершенныхъ по предварительному соглашенію, на первомъ планѣ стоятъ: a) зачинщики, b) подговорщики или подстрекатели. Зачинщиками наказываются: a) тѣ, „которые, умысливъ содѣянное преступленіе, согласили на оное другихъ", слѣдственно организаторы; b) тѣ, „которые управляли дѣйствіями при совершеніи преступленія, или покушенія на оное"—признакъ тождественный съ тѣмъ, который означенъ при главныхъ виновныхъ, то есть вожакахъ; c) „тѣ, которые первые приступили къ оному". Послѣднее положеніе раздвигаетъ понятіе о зачинщикахъ гораздо шире той нормы, которая дана предшествовавшими опредѣленіями и буквальнымъ смысломъ слова: къ зачинщикамъ относятся и старѣйшіе по времени преступленія сообщники. Разсматривая съ другой стороны зачинщиковъ, мы видимъ, что дѣятельность ихъ можетъ быть и физическая и моральная: зачинщикъ остается зачинщикомъ, хотя бы какъ говоритъ 118 ст., онъ самъ и не былъ при совершеніи преступленія: онъ душа преступленія; хотя онъ и не присутствуетъ при совершеніи, но присутствуетъ его воля, онъ машинистъ, пустившій въ ходъ машину. Про *главныхъ виновныхъ* (употребляемъ здѣсь это слово, какъ техническое) нѣтъ этого добавленія—„хотя бы они и не находились при совершеніи преступленія", ибо главные виновные существуютъ тогда, когда связь между лицами, составляющими преступное общество, не составлена предварительно, а состоялась во время самаго совершенія преступленія;— здѣсь нѣтъ интервала: составленіе общества для совершенія преступленія и самое совершеніе, сливаются въ одно неразрывное цѣлое. Зачинщикамъ, также какъ и главнымъ виновнымъ, полагается высшая мѣра наказанія за преступленіе положеннаго. Зачинщикъ можетъ и быть и не быть при совершеніи преступленія. А подговорщики и подстрекатели всегда предполагаются неучаствующими въ матерьяльномъ совершеніи преступленія: они принадлежатъ къ категоріи участвующихъ только *до* преступленія: „Подговорщиками и подстрекателями признаются — говоритъ нашъ законъ— „тѣ, которые, не участвуя сами въ совершеніи преступленія, употребляли просьбы, убѣжденія, или подкупъ и обѣщаніе выгодъ, или обольщенія и обманы, или же принужденіе и угрозы, дабы склонить къ оному другихъ" (ст. 13). Если такое лицо также участвовало и въ самомъ совершеніи преступленія, тогда оно будетъ называться зачинщикомъ. Наказаніе подговорщикамъ и подстрекателямъ полагается тоже самое, что и зачинщикамъ, т. е. высшая мѣра наказанія слѣдующаго за совершенное преступленіе. Такимъ образомъ, подстрекатели и подговорщики—это тѣже зачинщики,

даже и дѣйствія ихъ отчасти совпадаютъ: зачинщики, умысливъ преступленіе, *соглашаютъ на него другихъ*; подстрекатели употребляютъ разныя средства для *склоненія на него другихъ*. Разница въ томъ, какъ мы сказали, что зачинщики могутъ быть и не быть при совершеніи преступленія,—но во всякомъ случаѣ они приглашали дѣйствовать другихъ вмѣстѣ, они принимали на себя ту же роль исполненія, какую предлагали другимъ; а подстрекатель не бываетъ при совершеніи преступленія: онъ съ самаго начала показываетъ, *что не будетъ участвовать матерьяльно* въ преступленіи. Это различіе имѣетъ нѣкоторое значеніе, о которомъ мы сейчасъ скажемъ, но такъ какъ нашъ законъ сравниваетъ по наказаніямъ подстрекательство съ зачинствомъ, то онъ весьма удобно могъ бы обойтись безъ того, чтобы составлять изъ подстрекателей новый разрядъ, а могъ бы дѣйствія характеризующія подстрекательство, присоединить, какъ другой членъ, къ понятію о зачинщикахъ.

Въ практическомъ отношеніи нѣтъ различія между зачинщикомъ и подстрекателемъ. Но какъ мы сказали, существуетъ нѣкоторое нравственное различіе, а во вторыхъ, черты зачинщика весьма ясны, тогда какъ черты подстрекателя требуютъ точнаго изученія, и на практикѣ представляется множество трудностей для слѣдователя собрать и взвѣсить признаки подстрекателя, именно потому, что его никогда нѣтъ при дѣйствительномъ совершеніи преступленія.

Мы сказали, что по закону подстрекателя никогда нѣтъ при совершеніи преступленія (иначе онъ будетъ зачинщикъ); можно его назвать—пожалуй—зачинщикомъ, но который никогда не бываетъ при совершеніи преступленія и прямо говоритъ, что не будетъ:—онъ только убѣждаетъ другихъ совершить преступленіе. Въ чемъ же состоятъ его дѣйствія, какъ можно его распознать?

Эти дѣйствія по закону слѣдующія: 1) *Просьба*. Какимъ образомъ можетъ произойдти, что одинъ человѣкъ сдѣлаетъ преступленіе, напримѣръ убійство, по просьбѣ другаго, — этого представить себѣ почти невозможно. Люди убиваютъ, грабятъ, жгутъ для удовлетворенія какой-нибудь страсти, изъ мщенія, корыстолюбія, вслѣдствіе подкупа и такъ далѣе, — но чтобы они дѣлали преступленія, накликали на себя уголовную кару, рисковали бы жизнью (оборона жертвы), единственно изъ за просьбы, нельзя себѣ представить. Если бы мы встрѣтили дѣйствительно такого убійцу,—это можетъ случиться: чего не бываетъ въ мірѣ преступленій!—тогда мы имѣемъ дѣло съ животнымъ, съ злодѣемъ, достигшимъ крайняго предѣла. Но слѣдуетъ ли считать главнымъ дѣятелемъ преступленія того кто употребилъ просьбу? Просьба безъ обѣщанія выгодъ, не составляетъ ли простое выраженіе накипѣвшаго сердца, могъ ли такой человѣкъ ожидать, что другой изъ любезности кинется на преступленіе? Вотъ важные

вопросы. Въ другихъ кодексахъ мы не находимъ, что просьба дѣлаетъ человѣка главнымъ виновникомъ преступленія. Нашъ кодексъ ввелъ это положеніе,—поэтому остается только обусловить просьбу такими обстоятельствами, чтобы она не была противна кореннымъ началамъ права. Именно: лицо, которое проситъ, тогда только виновно, когда оно знаетъ, что просьба его должна произвести дѣйствіе, мало того—тогда, когда оно знаетъ, что эта просьба произвела полное дѣйствіе, что тотъ, кого просили, далъ обѣщаніе исполнить преступленіе. Внѣ этихъ условій подстрекательство невозможно: просьба безнравственна,—это такъ, но можетъ ли она дѣлать злодѣемъ просителя? 2) *Убѣжденіе.* Безъ сомнѣнія тотъ, кто укрѣпляетъ шаткую волю другаго на преступленіе, разсѣеваетъ его сомнѣнія, его опасенія, убѣждаетъ его въ выгодахъ преступленія, въ его необходимости, такой человѣкъ дѣлаетъ много: безъ него можетъ быть и не состоялось бы преступленіе. Но и здѣсь надобно многое взять въ разсчетъ: отъ кого идетъ убѣжденіе и на кого оно направлено. Если напримѣръ мать убѣждаетъ дочь, что вытравить плодъ нѣтъ ничего безнравственнаго, если духовникъ убѣждаетъ на исповѣди, что сдѣлать такое-то законно-преступное дѣяніе—дѣло богоугодное и разрѣшаетъ напередъ отъ грѣха, мы видимъ, что въ этихъ случаяхъ, убѣждавшіе дѣйствительно главные виновники: ихъ положеніе, авторитетъ, которымъ они пользуются, все это показываетъ, что они вкладываютъ душу въ преступленіе, въ особенности, если эти убѣжденія направлены на малолѣтняго или слабоумнаго. Но если мы увидимъ равенство и независимость лицъ убѣждающаго и убѣжденнаго, — что насъ можетъ привести къ заключенію, что именно убѣжденія одного опредѣлили преступленіе другаго?—Можетъ, послѣдній давно уже рѣшился на преступленіе и убѣжденія не имѣли никакого вліянія на его рѣшимость. Для виновности, при томъ такой, которая дѣлаетъ человѣка главнымъ виновнымъ, надобно, по крайней мѣрѣ, доказать дѣйствительную связь убѣжденія съ послѣдовавшимъ преступленіемъ. Но легко ли вскрыть эту связь (кромѣ случаевъ вышеприведенныхъ, когда убѣждающій пользуется властью и значеніемъ надъ убѣждаемымъ)? Развѣ мы не знаемъ, что въ обыкновенныхъ житейскихъ дѣлахъ, часто убѣжденія самыя вѣскія мало дѣйствуютъ на человѣка,—а вдругъ какая-нибудь мелочь, случайность измѣняетъ его колебанія въ твердую рѣшимость. Кажется, что однимъ изъ вѣрныхъ признаковъ этой связи долженъ быть непосредственный переходъ къ преступленію послѣ убѣжденій, чтобы интервалъ былъ незначительный: значительность интервала показываетъ, что убѣжденія не подѣйствовали сильно, что въ промежуткѣ могли случиться другія обстоятельства, которыя рѣшили преступленіе.

3) *Подкупъ и обѣщаніе выгодъ.* Этотъ признакъ вполнѣ ясенъ, потому что онъ матерьяльный, осязаемый: человѣкъ подкупаетъ другаго со-

вершить преступленіе или — что тоже — вмѣсто денегъ обѣщаетъ другія выгоды: напримѣръ, какъ нерѣдко случалось,—скрыть то его преступленіе, о которомъ производится слѣдствіе, дать мѣсто или выгодную должность и тому подобное. Человѣкъ, который даетъ деньги или другую выгоду, показываетъ, что его просьба или убѣжденіе—не праздныя слова, не шутка (кто не знаетъ, что часто нѣкоторые люди шутятъ этимъ), а серьезное желаніе; онъ даетъ деньги — этимъ покупаютъ руку убійцы. Время итальянскихъ брави конечно прошло въ смыслѣ общественнаго явленія, но кто не знаетъ, что и теперь за деньги можно отыскать людей, готовыхъ на любое злодѣйство.

4) *Обольщенія и обманы.* Обольщеніе есть подкупъ нематеріальный: напримѣръ замужняя женщина подстрекаетъ любовника убить мужа, обѣщая за это выдти за него замужъ. Нельзя останавливаться на абсолютномъ значеніи средства обольщенія; достаточно чтобы обольститель зналъ, что обольщеніе важно для обольщаемаго.

Обманъ также осязаемое обстоятельство.

5) *Принужденія и угрозы.* Эти обстоятельства еще яснѣе обольщенія, обмана, подкупа. Принужденіе не только дѣлаетъ главнымъ виновнымъ принудителя, но иногда освобождаетъ отъ отвѣтственности совершителя преступленія. Само собою разумѣется, что *приказъ* начальника подчиненному совершить преступленіе, если бы даже онъ и не освобождалъ отъ наказанія совершителя, дѣлаетъ этого начальника главнымъ виновникомъ.

Относительно всѣхъ различныхъ видовъ подстрекательства необходимо сдѣлать слѣдующія замѣчанія: 1) Всякаго рода подстрекательство должно непремѣнно состоять въ прямомъ наведеніи на преступленіе. Предположимъ такой случай: ревнивому мужу негодяй, врагъ его жены, подаетъ фальшивыя письма, по которымъ тотъ заключаетъ о невѣрности жены; мужъ ее убиваетъ. Составитель фальшивыхъ писемъ будетъ ли наказанъ какъ главный виновникъ убійства, какъ подстрекатель? Нѣтъ, — если онъ ограничился только составленіемъ и подачей письма, ничего не говоря мужу объ убійствѣ. Если же, напротивъ, подавая письмо, онъ бы прибавилъ ему, что такую жену слѣдуетъ убить, тогда онъ подстрекатель. Это слѣдуетъ изъ прямыхъ словъ закона: подстрекатель тотъ, кто склоняетъ на преступленіе—извѣстное, опредѣленное; подстрекателю по 120 ст. назначается высшая мѣра наказаія, „опредѣленнаго *за то преступленіе*, къ коему онъ подстрекалъ:“ ясно, что для бытія подстрекателемъ, въ легальномъ смыслѣ слова, надобно склонить другаго на опредѣленное преступленіе. Какъ ни гнусно дѣйствіе нами представленное — составленіе фальшиваго письма и присылка его мужу, оно не можетъ составить другаго преступленія, кромѣ клеветы, оскорбленія. Составитель можетъ сказать, что онъ желалъ только произвести раздоръ между супругами и тому подобное, что

доко", т. е. съ знаніемъ цѣли этихъ людей, съ точнымъ знаніемъ преступленія, для котораго они собрались. Но неужели при другихъ средствахъ пособничества не требуется знаніе цѣли, „завѣдомо"? Если лицо вовсе не знало о преступныхъ цѣляхъ тѣхъ, которымъ оно сообщало разныя свѣдѣнія, весьма облегчавшія совершеніе преступленія, то, естественно, не можетъ быть и рѣчи о вмѣненіи на основаніи кореннаго начала права: гдѣ нѣтъ умысла, тамъ нѣтъ и вины. Такъ, напримѣръ, нѣсколько лицъ задумали ограбить домъ; имъ чрезвычайно важно знать, когда хозяинъ не бываетъ дома, когда слуги расходятся, гдѣ хранятся деньги хозяина, сколько ихъ, нѣтъ ли у хозяина оружія, имъ нужно знать входы, выходы и вообще обычаи живущихъ въ домѣ. Одинъ изъ нихъ сближается съ кухаркой, успѣваетъ ловко сдѣланными вопросами разузнать все что нужно, такъ что она ничего не подозрѣваетъ, проситъ ее назначить ему любовное свиданіе,—и затѣмъ легко производитъ кражу или грабежъ. Прислуга вообще отличается страстью разсказывать всѣмъ встрѣчнымъ и объ обычаяхъ дома, гдѣ она живетъ, и о состояніи господъ си тому подобное; желающему легко разузнать отъ нея обо всемъ нужномъ Конечно такіе факты не составляютъ пособничества, они заставляютъ подозрѣвать въ немъ, дѣлаютъ необходимымъ строгое разслѣдованіе не было ли здѣсь знанія цѣли, не „завѣдомо" ли они произведены, — но не болѣе. Мы взяли примѣръ полнаго невѣденія цѣли со стороны помогавшаго. Возмемъ другой примѣръ, когда помогавшій знаетъ, что оказываетъ пособіе для цѣли преступной, но не знаетъ въ точности этой цѣли, или ошибается въ степени преступленія: напримѣръ одинъ беретъ у другаго палку, сказывая, что хочетъ побить такого то, и не только бьетъ, но и убиваетъ его; или: перевозчикъ согласился свести къ баркѣ подозрительныхъ людей за хорошее вознагражденіе, видя ясно, что они намѣрены произвести что то не доброе, они проказались ему даже, но въ общихъ выраженіяхъ. Мнѣніе его о цѣли ихъ не шло дальше грабежа, а они произвели убійство. Во всѣхъ этихъ и подобныхъ случаяхъ эти лица не могутъ считаться пособниками на то преступленіе, о которомъ они не думали. Законъ даетъ намъ въ этомъ случаѣ твердое основаніе. Что такое пособники? Это лица, помогавшіе главнымъ преступникамъ. Но они принадлежатъ все таки къ разряду лицъ, участвовавшихъ въ преступленіи такъ, или иначе, *по предварительному соглашенію*. Идея предварительнаго соглашенія непремѣнно условливаетъ точное и опредѣлительное обозначеніе цѣли: убійство, разбой, кража. Мы увидимъ ниже, что и совершители преступленія не отвѣчаютъ за то преступленіе, учиненное однимъ изъ нихъ, о совершеніи котораго они не условливались. Солидарность между преступниками не идетъ далѣе предварительно—условленнаго преступленія.

Законъ обусловливаетъ пособничество извѣстными исчисленными дѣйствіями. Мало того, онъ эти дѣйствія обусловливаетъ еще извѣстными цѣлями: „Тѣ, которые . . . . . изъ *корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ* помогали . . .“ А если они помогали безъ корыстныхъ или другихъ личныхъ видовъ, а, напримѣръ, по дружбѣ къ одному изъ сообщниковъ? Мы думаемъ, что эти выраженія затемняютъ дѣло.

По наказаніямъ пособники раздѣляются на двѣ категоріи: тѣ, пособіе которыхъ было необходимо, наказываются также какъ и учинившіе преступленіе (сообщники), а прочіе—одною степенью ниже. Подведеніе пособниковъ подъ ту или другую категорію не условливается внѣшними признаками, а зависитъ отъ суда.

Теперь намъ предстоитъ разрѣшить два важные вопроса относительно наказанія лицъ участвующихъ въ преступленіи. Мы видѣли, что нашъ законъ ставитъ и въ числѣ первостепенныхъ виновныхъ (то есть такихъ, которымъ полагается наибольшее наказаніе) и въ числѣ второстепенныхъ такія лица, которыя не присутствуютъ на мѣстѣ преступленія, по самому характеру ихъ роли: каковы подстрекатели и пособники. Ихъ дѣло оканчивается *до* совершенія преступленія. Вопросъ въ томъ: подлежатъ ли эти лица опредѣленному за преступленіе наказанію только въ такомъ случаѣ, когда преступленіе было совершено, или когда произошло наказуемое покушеніе, или же и тогда, когда преступленія не произошло. Человѣкъ подкупилъ другаго совершить убійство; но подкупленный, по чувству ли совѣсти, или по какимъ бы то ни было другимъ причинамъ, открылъ дѣло власти или угрожаемому лицу; или: слуга входитъ въ соглашеніе съ грабителями отпереть имъ двери дома, но рѣшившіеся на грабежъ были захвачены прежде покушенія. Въ этихъ случаяхъ взявшіе деньги, или сговорившіеся ограбить не наказываются, потому что они добровольно остановились передъ совершеніемъ преступленія, или были остановлены до покушенія. Но какъ поступитъ съ подкупившимъ или слугой? Разсуждая абстрактно, мы должны придти къ тому, что они должны быть наказаны, какъ будто бы преступленіе, на которое они подговорили, или успѣху котораго взялись помогать, дѣйствительно было совершено, они свое дѣло кончили, не отъ нихъ зависѣло, что подкупленный убійца раскаялся, что шедшіе грабить были арестованы. А между тѣмъ всѣ криминалисты того мнѣнія, что такія лица наказываются только тогда, когда преступленіе было совершено тѣми, которыхъ они уговорили, подкупили, направили и проч.,—словомъ, что эти моральные участники могутъ быть обнаруживаемы, когда есть преступленіе, они причина и пособіе дѣла: но чтобы взвѣшивать причину и пособія надобно имѣть въ рукахъ дѣло,—иначе мы впадемъ въ чистый спиритуализмъ. Въ самомъ дѣлѣ, за что наказывается человѣкъ: за волю, намѣреніе сдѣлать зло, или

за приведеніе этой воли въ дѣйствительность, за нарушеніе права? Воля сама по себѣ не наказывается, приготовленіе также, покушеніе остановленное по собственной волѣ также; наказывается выполненіе преступленія и сравниваемое съ нимъ покушеніе, остановленное не по собственной волѣ. Подстрекатель, пособникъ—они сливаются волей съ совершителемъ преступленія, они солидарны съ нимъ; онъ дѣлаетъ, они также виновны; но когда онъ не сдѣлалъ преступленія, то наказывать ихъ значитъ разрушать солидарность, класть наказаніе за одну волю.

Текстъ нашего закона о подстрекателяхъ, какъ будто дѣлаетъ виновными въ преступленіи за одно подстрекательство, независимо отъ осуществленія преступленія: „Подговорщики или подстрекатели приговариваются къ высшей мѣрѣ наказанія, опредѣленнаго за преступленіе, *къ коему они подговаривали или подстрекали*". Но это только кажущаяся отдѣльность подстрекателей отъ выполненія преступленія. Ст. 11-я, служащая введеніемъ къ обозначенію участвующихъ всѣхъ разрядовъ, сговоритъ: „*въ преступленіи, содѣянномъ* нѣсколькими лицами . . . ; ст. 13: „Въ *преступленіяхъ, учиненныхъ* нѣсколькими лицами по предварительному согласію признаются: зачинщиками . . . , сообщниками . . . . . подговорщиками, подстрекателями . . . . . , пособниками . . . " Очевидно, что для того чтобы были подстрекатели, зачинщики, и такъ далѣе—необходимо, что бы *было преступленіе*: гдѣ нѣтъ преступленія. т. е. когда не было совершено наказуемое дѣяніе, тогда нѣтъ виновныхъ, нѣтъ совершителей, а потому нѣтъ и подстрекателей, пособниковъ и тому подобное. Подтвержденіе этому мы находимъ въ ст. 243: законъ, желая наказать подстрекательство къ преступленію противъ Особы Государя Императора и тогда, когда не было еще преступнаго дѣйствія,—прямо это сказалъ.

Мы говорили до сихъ поръ только о подстрекателяхъ и пособникахъ. Они никогда не находятся на мѣстѣ преступленія, при совершеніи его поэтому съ нихъ надобно было начать. Зачинщики и сооообщники могутъ находиться и не находиться при совершеніи преступленія, не теряя своего характера. Ясно, что все сказанное о подстрекателяхъ и пособникахъ относится и къ зачинщикамъ и сообщникамъ. Относительно сообщниковъ не можетъ быть и тѣни сомнѣнія: трое сговорились „убить; двое явились на мѣсто преступленія, третій не явился. Явившіеся однако не совершили преступленія;—они не наказуемы; за чтоже будетъ наказанъ неявившійся? Мало того, законъ наказываетъ неявившагося, хотя бы по обстоятельствамъ независѣвшимъ отъ его воли, одною степенью ниже и тогда, когда совершено было преступленіе. Слѣдовательно неявка, хотя бы случайная, смягчаетъ наказаніе,—можетъ ли она создавать виновность въ преступленіи, когда явившіеся не наказываются, когда нѣтъ преступленія? Что *зачин-*

щики не отдѣляются въ наказаніи отъ прямыхъ исполнителей преступленія (сообщниковъ), когда преступленіе не совершено—это ясно изъ слѣдующаго соображенія: зачинщики могутъ быть и не быть при совершеніи преступленія; имъ одинаково идетъ высшая мѣра той степени наказанія, которое вообще закономъ за сіе преступленіе положено. Но если они были въ сообществѣ и по какимъ либо причинамъ преступленіе не совершено, то и наказанія нѣтъ никому изъ участвующихъ. Почему же они должны быть наказаны, если преступленіе не состоялось, когда они были въ отсутствіи? Зачинщикъ есть только главный изъ сообщниковъ. Это обстоятельство усиливаетъ размѣръ наказанія, — но не измѣняетъ системы.

2) Законъ опредѣляетъ наказанія лицамъ, участвующимъ какимъ бы то нибыло образомъ въ преступленіи, или непосредстввенно (напримѣръ говоритъ: высшей мѣрѣ наказанія положеннаго за сіе преступленіе), или чрезъ посредство наказанія, опредѣленнаго другой категоріи участвующихъ, напримѣръ (въ ст. 117): „мѣра наказанія *участниковъ* опредѣляется .... одною или двумя степенями *ниже того, коему подвергаются главные виновники*"; ст. 119: „тѣ изъ (*сообщниковъ*), которые ... не находились на мѣстѣ преступленія, приговариваются къ наказанію одною степенью *ниже противъ тѣхъ, кои были при содѣяніи онаго* .... ; ст, 121: тѣ изъ пособниковъ, которыхъ содѣйствіе не было необходимо приговариваются „къ наказанію одною степенью *ниже бывшихъ при преступленіи участниковъ онаго*".

Очевидно, что здѣсь пониженіе берется относительно наказанія, слѣдующаго по закону за преступленіе, а не *фактическаго*, то есть не того, которому въ дѣйствительности подверглось лицо, съ которымъ дѣлается сравненіе. Такъ: 1) *зачинщикъ* или *сообщникъ* убійства, то есть тотъ кто совершаетъ преступленіе, можетъ быть вовсе не наказанъ, если напримѣръ онъ былъ сумасшедшій, или дитя моложе 10 лѣтъ (часто случается, что для произведенія поджога употребляютъ дѣтей); изъ этого не слѣдуетъ, чтобы пособники этого преступленія были также не наказаны;—имъ опредѣлится наказаніе то, которое назначено по закону за поджогъ, или степенью ниже. Далѣе, учинившій преступленіе можетъ быть не наказанъ вслѣдствіе неотъисканія его, или смерти: этимъ и уничтожается наказуемость пособника. 2) Зачинщикъ, или вообще совершившій преступленіе, можетъ получить смягчающія обстоятельства, вслѣдствіе чего судъ долженъ понизить ему наказаніе на одну или двѣ степени; а пособникъ, котораго содѣйствіе было необходимо,—не получившій этой милости, будетъ приговоренъ къ тому наказанію, которое слѣдуетъ по закону за преступленіе, слѣдовательно фактическій пособникъ можетъ быть наказанъ гораздо строже зачинщика. 3) Главный виновный можетъ

получить наказаніе большее, нежели высшая мѣра слѣдуемаго за преступленіе, если онъ находился въ состояніи рецидива: естественно, что для участниковъ это не можетъ служить отягченіемъ наказанія *). Но вопросъ усложняется, если главный виновный подлежитъ наказанію высшему вслѣдствіе личныхъ отношеній къ жертвѣ, напримѣръ жертва былъ отецъ или братъ главнаго виновнаго: онъ наказывается не какъ за простое убійство, а какъ за отцеубійство или братоубійство—вѣчной каторжной работой. Спрашивается: участники получатъ наказаніе одной или двумя степенями ниже отцеубійства, или простаго убійства? Вопросъ этотъ принадлежитъ къ числу спорныхъ въ наукѣ права. Можно сказать, что тотъ кто участвуетъ въ отцеубійствѣ другаго, дѣлаетъ болѣе преступное дѣло, чѣмъ тотъ кто участвуетъ въ простомъ убійствѣ. Но противъ этого можно сказать, что за отцеубійство положено болѣе строгое наказаніе, чѣмъ за простое убійство, потому, что виновный сверхъ общихъ обязанностей и чувствъ, попралъ еще особенныя—сыновнія, налагаемыя природой; тотъ же, кто помогалъ ему, участвовалъ съ нимъ, не попиралъ этихъ чувствъ,—онъ не отцеубійца. Возьмемъ другой примѣръ: жена подговариваетъ любовника убить своего мужа; здѣсь можетъ быть четыре разныхъ рѣшенія: жена и любовникъ оба будутъ наказаны какъ за мужеубійство (вѣчная каторга), или оба какъ за простое убійство (срочная каторга), или жена какъ за мужеубійство, а любовникъ какъ за простое убійство, или жена какъ за простое убійство, любовникъ какъ за мужеубійство. Все зависитъ отъ точки отправленія: пріурочимъ ли мы преступленіе вполнѣ къ личности того или другаго дѣятеля. Еще болѣе рѣзкимъ примѣромъ могутъ служить начальническія отношенія: мѣщанинъ подстрекнулъ солдата ударить во фронтѣ своего офицера. За это преступленіе солдатъ по военнымъ законамъ будетъ наказанъ смертью или каторжной работой. Подговорщикъ, для котораго офицеръ былъ постороннимъ человѣкомъ, будетъ ли разстрѣлянъ, или посаженъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьму, какъ за подговоръ на нанесеніе личной обиды дѣйствіемъ?

---

*) Эти начала признаны Кассаціоннымъ Сенатомъ: «Очевидно, что для опредѣленія наказанія должно соображаться съ тѣмъ наказаніемъ, которое положено въ законѣ за то преступленіе, въ которомъ обвиняются главные виновники, а не съ тѣмъ, которое опредѣлено въ извѣстномъ дѣлѣ главнымъ виновникамъ по судебному приговору, ибо наказаніе главнымъ виновникамъ можетъ быть увеличено или уменьшено противъ того, которое положено въ законѣ, по различнымъ обстоятельствамъ, уменьшающимъ или увеличивающимъ вину, и не имѣющимъ никакого соотношенія къ прочимъ участникамъ. Такой случай встрѣчается именно въ настоящемъ дѣлѣ относительно наказанія главнаго виновника Соколова. Слѣдовавшее ему за рас-

Тексты нашего закона недостаточно ясны для вывода положительныхъ отвѣтовъ на эти вопросы.

Объ участникахъ законъ говоритъ, что они подвергаются наказанію одною или двумя степенями ниже того, коему подвергаются главные виновные. Это выраженіе можетъ быть тоже удобно истолковано въ пользу возвышенія участникамъ наказанія, когда главнымъ виновнымъ оно возвышается вслѣдствіе ихъ личныхъ отношеній къ жертвѣ, какъ и въ противоположную сторону.—Подговорщики и подстрекатели подвергаются „высшей мѣрѣ наказанія, опредѣленнаго за преступленіе, къ коему они подговаривали или подстрекали". Здѣсь кажется всего ближе къ буквѣ закона будетъ такое разрѣшеніе: подговорщикъ наказывается высшей мѣрой наказанія, которое слѣдуетъ совершителю, какъ будто онъ совершилъ безъ всякаго подговора. Тогда жена, подговорившая любовника убить мужа, будетъ наказана высшей мѣрой наказанія слѣдующаго за простое убійство, т. е. 15-лѣтней каторжной работой; наоборотъ, любовникъ, подговорившій жену убить мужа, будетъ подвергнутъ безсрочной каторжной работѣ: мѣщанинъ, подговорившій солдата ударить начальника — смертной казни или каторжной работѣ, а солдатъ, подкупившій мѣщанина ударить офицера — наказанію за побои постороннему человѣку. Таково, повторяемъ, разрѣшеніе наиболѣе согласное, по нашему мнѣнію, съ текстомъ закона: замѣтимъ, какую бы точку отправленія ни избрать, все-таки представится много недоразумѣній.

Третій вопросъ—*о солидарности между участвующими въ преступленіи лицами*. Эта солидарность между всѣми сговорившимися лицами существуетъ на то только преступленіе, о которомъ былъ уговоръ. Ст. 123: „Когда кто-либо изъ участвовавшихъ въ преступленіи, при содѣяніи онаго учинилъ еще другое, на которое не было между нимъ и прочими сообщниками предварительнаго согласія, то онъ подвергается наказанію по правиламъ о совокупности преступленій", — т. е. отвѣчаетъ одинъ, а другіе не отвѣчаютъ за него. Статья 123 продолжаетъ: „на семъ же основаніи опредѣляется мѣра наказанія и тѣмъ изъ сообщниковъ его (т. е. совершившаго другое преступленіе), которые, сверхъ предна-

---

трату чужаго имущества по закону наказаніе, окружной судъ долженъ былъ уменьшить, во первыхъ потому, что преступникъ былъ несовершеннолѣтній и обязался вознаградить потерпѣвшаго убытокъ, но обстоятельства эти не были признаны присяжными засѣдателями относительно Өеоктистова (соучастника), и, слѣдовательно, онъ долженъ быть осужденъ сообразно тому наказанію, которое положено въ законѣ за участіе въ растратѣ чужаго имущества; а не тому, къ которому на основанія уменьшающихъ вину обстоятельствъ, приговоренъ главный виновникъ въ рас тратѣ—Соколовъ.» (Кассац 1867 г., № 247).

мѣреннаго преступленія, участвовали и въ содѣяніи сего другаго, или же завѣдомо не препятствовали совершенію его".

Но если другое преступленіе не было положительно условлено, а представлялось однако всѣми участвующими возможнымъ, допускалось ими? Напримѣръ, нѣсколько человѣкъ сговорилось ограбить магазинъ, не дѣлая убійства; но еслибы прислуга прибѣжала на шумъ и захотѣла захватить кого-либо изъ нихъ, тогда условлено было выручать другъ друга оружіемъ,—и убійство дѣйствительно произведено однимъ изъ нихъ, выручавшимъ товарища. Мы полагаемъ, что въ этомъ убійствѣ всѣ солидарны, т. е. что достаточно того, что извѣстное, прибавочное къ затѣянному преступленію зло допускалось, какъ возможное.

Далѣе. Солидарность между дѣйствующими и не дѣйствующими бываетъ полная и неполная: зачинщики, подговорщики, хотя бы сами и не были на мѣстѣ преступленія по случайнымъ обстоятельствамъ, наказываются степенью ниже.

Эта солидарность такъ велика, что даже отступленіе отъ преступнаго замысла до его выполненія не разрушаетъ ея. Для разрушенія солидарности надобно, чтобы сговорившійся или предупредилъ собственными силами совершеніе преступленія, или бы донесъ полиціи. Безъ этого условія не только пассивное состояніе — объявленіе соучастниками о нежеланіи участвовать, но даже и убѣжденіе ихъ оставить затѣянное, не избавляютъ отъ наказанія, а только понижаютъ его: „Строгость наказанія зачинщиковъ уменьшается одною степенью *противъ высшаго наказанія* за то преступленіе опредѣленнаго, когда они отступили отъ исполненія своего намѣренія, но однакоже не взяли мѣръ для предупрежденія исполненія онаго и не донесли объ умышляемомъ надлежащему или иному ближайшему начальству" (ст. 118). Мы говорили, что когда законъ выражается: „опредѣлить высшую мѣру наказанія, за преступленіе положеннаго"—это не значитъ непремѣнно дать наибольшее изъ нѣсколькихъ наказаній, если за преступленіе положено ихъ нѣсколько. Такъ, именно, законъ выражается о *главныхъ виновныхъ* (въ техническомъ смыслѣ) въ ст. 117. Но въ ст. 118 объ уменьшеніи имъ наказанія въ случаѣ отступленія отъ преступнаго замысла, онъ говоритъ, что въ этомъ случаѣ понижается наказаніе на одну степень *противъ высшаго наказанія,* за преступленіе положеннаго. Здѣсь очевидное противорѣчіе между 117 и 118 статьей.

Положеніе подговорщиковъ и подстрекателей еще хуже: „Если они впослѣдствіи старались остановить приведеніе преступнаго замысла въ дѣйствіе, но не донесли о томъ своевременно начальству, то подвергаются наказанію одною степенью ниже" (ст. 120). И такъ, ихъ раскаянье, ихъ отказъ, ихъ убѣжденія имѣютъ значеніе на пониженіе наказанія только на одну степень.

Къ сообщникамъ законъ мягче. Если сообщникъ не явился, даже по независѣвшимъ отъ него обстоятельствамъ—наказаніе смягчается одною степенью; если онъ уклонился добровольно, но не донесъ, — двумя степенями.

И такъ: лицо, разъ согласившись участвовать въ преступленіи, связано по рукамъ и ногамъ; оно не иначе можетъ избавиться отъ наказанія, какъ доносомъ на сотоварищей. При этомъ только для сообщниковъ принимаются въ нѣкоторое соображеніе обстоятельства, затруднявшія донесеніе; въ этомъ случаѣ наказаніе смягчается ему тремя степенями; но для зачинщиковъ, подговорщиковъ и подстрекателей это обстоятельство не принимается въ уваженіе. А если были такія обстоятельства, которыя не просто затрудняли донесеніе,—но дѣлали его невозможнымъ безъ опасности для собственной жизни? Такъ напримѣръ, сотоварищи объявили отказавшемуся участвовать, что они будутъ за нимъ наблюдать и, при попыткѣ донести, убьютъ его, или сожгутъ его домъ и тому подобное. Не выполнилъ ли такой человѣкъ своихъ обязанностей къ обществу? Онъ отказывается участвовать въ преступленіи, онъ отказываетъ во всякой матерьяльной или моральной поддержкѣ,—онъ не можетъ донести, не подвергая себя величайшей опасности: не значитъ ли идти слишкомъ далеко, объявляя его преступникомъ? Или: человѣкъ въ минуту яростнаго раздраженія даетъ негодяю кошелекъ, чтобъ онъ убилъ его врага или поджегъ его домъ; тотъ соглашается. Но на другой годъ подкупатель приходитъ въ себя, совѣсть и разсудокъ заговорили въ немъ, онъ призываетъ подкупленнаго, говоритъ ему, что онъ раздумалъ, оставляетъ ему кошелекъ, но требуетъ, чтобъ тотъ не смѣлъ совершать преступленія. Подкупленный говоритъ, что ему еще и лучше взять деньги безъ грѣха. Но потомъ онъ убиваетъ для своихъ цѣлей, напримѣръ грабежа, или потому, что и самъ питаетъ ненависть къ тому, на убійство котораго его сначала подстрекали. По буквѣ закона нашего, давшій кошелекъ будетъ сосланъ въ каторжную работу:—онъ не донесъ начальству.

Цѣль такихъ строгихъ постановленій, состоитъ въ желаніи захватить сборища злодѣевъ. Но не отрѣзывается ли этими мѣрами отступленіе, не дѣлается ли разъ данное обѣщаніе участвовать безвозвратнымъ?

Законъ ничего не говоритъ о томъ случаѣ, когда донесеніе было физически невозможнымъ, напримѣръ, когда согласившійся участвовать и потомъ отказавшійся, былъ связанъ сообщниками, запертъ подъ карауломъ. Мы полагаемъ, что физическая невозможность должна освобождать отъ вмѣненія: отказавшагося наказываютъ за то, что онъ не донесъ,—но онъ физически не могъ этого сдѣлать. Законъ можетъ выставить требованіе, чтобы сообщникъ, или другой участвующій рисковалъ своею жизнію, если хочетъ быть не наказанъ, — это требованіе строго, но оно не противно

смыслу; требовать же, чтобы дѣйствовалъ тотъ, кто физически не можетъ,—никакой законъ не въ правѣ.

Отдѣлъ лицъ, которыхъ связь съ преступленіемъ чисто пассивная, или начинается *послѣ* его совершенія, состоитъ изъ: укрывателей, попустителей, недоносителей.

Укрыватели по закону суть тѣ, „которые, не имѣвъ участія въ самомъ содѣяніи преступленія, только по совершеніи уже онаго завѣдомо участвовали въ сокрытіи или истребленіи слѣдовъ его, или же въ сокрытіи самихъ преступниковъ, или также взяли къ себѣ или приняли на сбереженіе, или же передали, или продали другимъ похищенныя, или отняты у кого либо или же инымъ противозаконнымъ образомъ добытыя вещи“ (ст. 14). И такъ укрывательство состоитъ не въ помощи къ совершенію преступленія, а въ дѣйствіяхъ, имѣющихъ цѣлью *парализировать юстицію.* Эта цѣль достигается: а) сокрытіемъ лицъ, учинившихъ преступленіе. Это сокрытіе, какъ показываютъ выраженія закона, состоитъ не только въ даваніи убѣжища, но и во всякой помощи къ сокрытію, напримѣръ, если кто укажетъ бѣгущему преступнику дорогу, перевезетъ его, дастъ ему лошадь; б) сокрытіемъ компрометирующихъ вещей (слѣдовъ преступленія), напримѣръ зарытіе трупа убитаго, вымытіе окровавленнаго бѣлья убійцы, храненіе и сбытъ добычи преступленія. Во всѣхъ этихъ случаяхъ укрывательство существуетъ только тогда, когда оно дѣлается *завѣдомо*, то есть съ знаніемъ того обстоятельства, что лицо совершило преступленіе или что вещи служили при произведенія преступленія, или составляютъ его добычу. Замѣтимъ, что законъ не ставитъ въ число условій укрывательства—полученіе матерьяльной или иной какой либо выгоды укрывателемъ. Законъ опредѣляетъ (ст. 124) укрывателямъ наказаніе одной степенью ниже тѣхъ пособниковъ, содѣйствіе которыхъ не было необходимо для совершенія преступленія, слѣдовательно двумя степенями ниже того, которое положено за совершеніе преступленія. Но такъ какъ за преступленіе полагается не однообразное наказаніе, а различныя, смотря по условіямъ, съ какими оно было совершено, напримѣръ, была ли это простая кража, или кража со взломомъ, было ли это убійство съ обдуманнымъ намѣреніемъ, или въ запальчивости, былъ ли поджогъ жилаго строенія или нежилаго, и такъ далѣе,—то естественно, что укрыватель тогда подвергается назначенному въ законѣ наказанію, когда онъ не только зналъ, что укрываемый совершилъ такое-то преступленіе, напримѣръ кражу, но зналъ и то, что это была кража со взломомъ, или что это былъ грабежъ. Законъ приравниваетъ укрывателей къ пособникамъ: но пособники заранѣе условились помогать такому-то именно преступленію, а укрыватель является послѣ совершенія преступленія, слѣдовательно, чтобы привести его въ полную связь съ преступленіемъ, необходимо, чтобъ онъ

зналъ, что укрываетъ человѣка, сдѣлавшаго извѣстное преступленіе, чтобъ онъ зналъ—далѣе самую степень этого преступленія. Къ торговцу старымъ платьемъ является человѣкъ, предлагающій ему купить крайне дешево вещи, даже не скрывающій, что онѣ достались ему изъ нечистаго источника. Купецъ полагаетъ, что эти вещи составляютъ результатъ кражи, а между тѣмъ онѣ добыты, не кражей, а разбоемъ. Ясно, что купецъ можетъ быть наказанъ только какъ за укрывательство въ кражѣ, а не въ разбоѣ.

Переходимъ къ разбору укрывательства.

Можно ли ставить укрывателя участникомъ преступленія, хотя и въ низшей степени? Какимъ образомъ можно назвать убійцей того, кто изъ сожалѣнія далъ убійцѣ ночлегъ у себя, указалъ ему дорогу, — а тѣмъ болѣе, если онъ это сдѣлалъ изъ страха его мщенія за отказъ? Можно назвать это слабостью, недостаткомъ гражданскаго мужества, даже можно сдѣлать изъ укрывательства преступленіе sui generis (какъ это и дѣлаютъ другіе кодексы), наказуемое, легкими исправительными наказаніями: оно и есть дѣйствительно преступленіе—*препятствіе ходу правосудія*. Но дѣлать убійцей того, кто узналъ объ убійствѣ только послѣ совершенія, кто можетъ быть съ содраганіемъ отвергнулъ бы всякое предложеніе объ участіи въ немъ, — очевидно, значитъ идти далѣе требованій справедливости. Укрывающій убійцу, вора и такъ далѣе виновенъ не въ убійствѣ или кражѣ, а въ помѣхѣ правосудію открыть виновнаго. Его вина не много болѣе вины того, кто отказывается дать свидѣтельское показаніе. Говорятъ: укрыватели весьма опасны, ибо они поощряютъ преступленія; разбойникъ, надѣясь найти убѣжище, сбыть награбленное, смѣло идетъ по дорогѣ преступленія. Но если и допустить силу этого довода, то онъ относится или къ укрывателямъ по ремеслу, что составляетъ спеціальное преступленіе—*пристанодержательство,* или къ такому укрывателю, который условился съ преступникомъ до преступленія, но тогда это уже не укрыватель, въ техническомъ смыслѣ это слова, а пособникъ, какъ это прямо сказано въ опредѣленіи пособничества.

Изъ этой системы укрывательства многіе ученые и кодексы дѣлаютъ два исключенія: въ политическихъ преступленіяхъ и въ преступленіяхъ противъ близкихъ родственниковъ укрывателя. Политическія преступленія грозятъ такими неисчислимыми бѣдствіями, что онѣ вездѣ стоятъ внѣ общей системы. Нашъ законъ укрывателей политическихъ преступниковъ наказываетъ также какъ и главныхъ виновниковъ (ст. 243, 249, 254). Впрочемъ западная судебная практика показываетъ, наоборотъ, что во время борьбы политическихъ партій укрыватели пользовались наибольшимъ снисхожденіемъ судовъ. Что касается до втораго ограниченія, неизвѣстнаго нашему закону, то справедливость его не можетъ быть отри-

цаема: сынъ укрывающій убійцу своего отца, жена помогающая скрыть слѣды убійства своего мужа, являются совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ, чѣмъ тѣ, которые укрываютъ, совершившихъ преступленіе надъ чуждыми имъ людьми.

Нашъ законъ хотя и подводитъ укрывательство подъ одну категорію съ пособничествомъ, но вслѣдъ затѣмъ мы встрѣчаемъ важное различіе. По ст. 128 наказаніе за укрывательство вовсе отмѣняется (кромѣ государственныхъ преступленій), если укрываемый находился въ близкомъ родствѣ съ укрывателемъ; таковы: отецъ или сынъ и вообще восходящій или нисходящій, родной братъ или сестра, мужъ или жена. А если они находились въ свойствѣ до второй степени включительно, или если укрыватель былъ благодѣтельствованъ укрываемымъ, то укрыватель подвергается одному изъ второстепенныхъ исправительныхъ наказаній по усмотрѣнію суда (отъ выговора и ареста до заключенія въ крѣпости); если же укрываемый совершилъ преступленіе, не подвергающее его смертной казни или каторжной работѣ, то здѣсь наказаніе вовсе отмѣняется. Во всѣхъ этихъ случаяхъ укрыватели сравниваются не съ пособниками, а съ недоносителями о совершенномъ преступленіи. Посмотримъ, что выходитъ изъ двухъ постановленій объ укрывательствѣ (ст. 124 и 128). Предположимъ, что убійца есть братъ укрывателя,—послѣдній не подвергается вовсе наказанію; но если убѣжище дано племяннику, дядѣ, другу дѣтства—укрыватель будетъ наказанъ, какъ злодѣй, ссылкой въ каторжную работу.

Безъ сомнѣнія есть разница между братомъ и племянникомъ или дядей. Но такая ли это разница, какая между полной безнаказанностью и ссылкой въ каторжную работу! Въ недонесеніи, какъ мы увидимъ, эта система не имѣетъ ничего особенно рѣзкаго: за недоносъ о преступленіи, учиненномъ близкимъ родственникомъ нѣтъ наказанія, а за недоносъ о постороннемъ — дается одно изъ исправительныхъ наказаній втораго разряда (не выше заключенія въ крѣпость). Но въ укрывательствѣ разница громадная, безмѣрная: одинъ идетъ въ каторжную работу, какъ великій преступникъ, другой остается на свободѣ, потому что первый укрылъ родственника одною степенью ближе, чѣмъ второй?

Освобожденіе отъ наказанія близкихъ родственниковъ существуетъ только относительно сокрытія лица преступника, но не слѣдовъ преступленія и добычи. Этотъ буквальный смыслъ закона подтвержденъ и кассаціоннымъ сенатомъ (Касс. 1868 г. № 161). Конечно есть разница въ этихъ двухъ видахъ укрывательства (о чемъ мы сейчасъ будемъ говорить), но логика и справедливость требуютъ, чтобы близкимъ родственникамъ за второй видъ укрывательства назначалось половинное наказаніе, если не меньшее того.

Такимъ образомъ легальная теорія укрывательства, выраженная въ

124 статьѣ, совершенно подрывается 128 статьей. Очевидно, что укрывательство гораздо ближе сходится съ недонесеніемъ о совершенномъ преступленіи, чѣмъ съ пособничествомъ на совершеніе преступленія, то есть оно составляетъ незначительное преступленіе sui generis. Это тѣмъ справедливѣе, что законъ называетъ ихъ не участвующими, а *прикосновенными къ дѣлу и преступленію*.

Между этими двумя формами укрывательства существуетъ качественное различіе: въ укрывательствѣ лица болѣе смягчающихъ обстоятельствъ, чѣмъ въ укрывательствѣ вещей, а въ особенности въ содѣйствіи къ уничтоженію слѣдовъ преступленія. Во времена патріархальныя обычай гостепріимства былъ такъ силенъ, что хозяинъ считалъ святыней и преступника, пришедшаго къ его очагу; выдать его было величайшимъ позоромъ. И впослѣдствіи мы встрѣчаемъ установленіе азиля (неприкосновеннаго убѣжища для преступниковъ) самимъ закономъ; такъ Моисей назначилъ нѣсколько городовъ, которые были азилемъ; у Римлянъ храмы, статуи боговъ и императоровъ также считались убѣжищемъ; въ средніе вѣка церкви и монастыри давали также широкое убѣжище, что вокругъ нихъ жили толпы преступниковъ. Нельзя сказать, чтобъ это чувство совершенно погасло въ сердцѣ современнаго человѣка, въ особенности если преступленіе было слѣдствіемъ страстей высшаго разряда. Защитникъ одного изъ обвиняемыхъ въ укрывательствѣ политическаго преступника, во времена реставраціи, сказалъ, между прочимъ, присяжнымъ: „Нѣкогда народъ Афинскій осудилъ на смерть молодаго человѣка за то, что онъ оттолкнулъ преслѣдуемаго орломъ голубя, который сѣлъ къ нему на грудь. Афиняне сказали что человѣкъ такой жестокосердый не можетъ не быть злодѣемъ.“ Эти слова нашли отголосокъ въ сердцѣ присяжныхъ. Замѣтимъ, что въ нашемъ отечествѣ находятся еще цѣлыя массы инородцевъ на степени патріархальнаго быта, у которыхъ право гостепріимства священно; у нѣкоторыхъ сектантовъ считается гнуснымъ дѣломъ не укрыть собрата по вѣрѣ.

Когда укрываются вещи, то есть сбывается или скрывается добыча, а въ особенности когда уничтожаются слѣды преступленія, тогда нѣтъ тѣхъ умягчающихъ приглась, о которыхъ мы только что говорили.

Второй видъ укрывательства состоитъ во-первыхъ, въ сокрытіи или истребленіи слѣдовъ преступленія. Эти слѣды могутъ быть буквально слѣдами: такъ напр. если отъ мѣста, гдѣ лежитъ трупъ убитаго, были слѣды ступней убійцы, ведшія въ его домъ и слѣдственно прямо указывавшія на него, то естественно, что уничтоженіе ихъ поведетъ къ сокрытію виновнаго. Преступники, подобно хищнымъ звѣрямъ, знаютъ необходимость „заметать“ слѣды. Затѣмъ подъ слѣдами преступленія разумѣются орудія, которыми оно совершено, и вообще всякаго рода поличное, напр. окро-

вавленное бѣлье (т. е. сокрытіе его или замытіе). Но во всякомъ случаѣ всѣ эти предметы должны быть „слѣдами“ преступленія, слѣдственно такими, которые были при произведеніи преступленія, или образовались самимъ преступленіемъ (кровавое пятно, слѣдъ), на которые оно наложило свою проклятую печать. Трупъ убитаго, естественно, есть слѣдъ преступленія; сокрыть трупъ, т. е. бросить его въ воду, закопать въ уединенномъ мѣстѣ, составляетъ укрывательство, равно какъ и всякое дѣйствіе. которымъ уничтожается возможность распознать на трупѣ насильственную смерть. Такъ напр. помѣщица, заподозрѣнная въ нанесеніи смерти своей крѣпостной сѣченіемъ, уговорила одно лицо лить горячую воду на могилу съ цѣлью ускорить разложеніе трупа. Такое дѣйствіе есть также укрывательство. Во-вторыхъ, укрывателями признаются тѣ, которые „завѣдомо взяли къ себѣ или приняли на сбереженіе, или же передали, или продали другимъ похищенныя или отнятыя у кого-либо, или же инымъ противозаконнымъ образомъ добытыя вещи“. И такъ для бытія этого вида укрывательства нѣтъ надобности въ полученіи какой-либо матерьяльной выгоды; надобно только, чтобы добыча преступленія поступила въ руки и была оставлена въ своемъ обладаніи или передана другому лицу. Но необходимо: во-первыхъ, чтобы принятіе было „завѣдомо“, т. е. съ знаніемъ того, что вещи были добыты преступленіемъ; гдѣ нѣтъ знанія злаго дѣла, тамъ нѣтъ преступленія, а только гражданская сдѣлка (купля, принятіе на сохраненіе); во-вторыхъ необходимо, чтобы принятіе было слѣдствіемъ уговора съ преступникомъ или его уполномоченнымъ. Выраженія закона, приведенныя нами, прямо на это указываютъ. Сверхъ того и смыслъ наказанія укрывателей состоитъ въ томъ, что они сознательно помогаютъ преступникамъ избавиться отъ вещей ихъ компрометирующихъ. Воръ, который крадетъ у убійцы часть добычи, хотя и зная, что вещи эти добыты преступленіемъ, не дѣлается укрывателемъ убійства, а просто виновникомъ въ кражѣ. Это слѣдуетъ, повторяемъ, изъ текста 14 ст., гдѣ говорится о дѣйствіяхъ по соглашенію съ преступникомъ, а не о кражѣ у него и вообще не о добытіи у него вещей помимо его воли; воръ не вступаетъ въ соглашеніе съ преступникомъ, чума преступленія не переходитъ къ нему. Прибавимъ къ тому, что противное мнѣніе можетъ повести къ практическимъ несообразностямъ: если кто нападетъ на вора съ оружіемъ, зная, что онъ несетъ украденныя вещи, отыметъ ихъ у него и присвоитъ себѣ, то по этой теоріи онъ долженъ быть наказанъ не за разбой, а за укрывательство кражи!

Но Кассаціонный Сенатъ, по знаменитому Гусевскому дѣлу (убійство Ашмаренкова и другихъ въ Гусевомъ переулкѣ), далъ толкованіе укрывательства противоположное выраженному нами мнѣнію: „Ст. 14 Улож., говоритъ Сенатъ, опредѣляющая, какія изъ прикосновенныхъ къ дѣлу и преступленію лицъ могутъ быть признаны укрывателями, не требуетъ для

признанія укрывателемъ, чтобы похищенныя, отнятыя у кого-либо или иными противозаконнымъ образомъ добытыя вещи были получены укрывателями или взяты имъ отъ участниковъ въ преступленіи. По точному смыслу означенной статьи укрывателями должны быть признаваемы всѣ тѣ, которые, не имѣвъ никакого участія въ самомъ содѣяніи преступленія, по совершеніи онаго, завѣдомо участвовали или въ сокрытіи и истребленіи слѣдовъ его, или въ сокрытіи самихъ преступниковъ, или, съ какою бы ни было цѣлью, завѣдомо взяли или приняли къ себѣ добытыя преступленіемъ вещи. По настоящему дѣлу, Соколова признана виновною въ томъ, что она, бывъ свидѣтельницею смертоубійствъ, совершенныхъ для ограбленія, не только не донесла объ этомъ, но еще взяла и присвоила себѣ вещи, принадлежавшія убитымъ и находившіяся, по объясненію Соколовой, въ мѣшкѣ, въ который онѣ были сложены убійцами. Въ этихъ дѣйствіяхъ Соколовой есть всѣ признаки укрывательства, а именно взятіе изъ видовъ корысти вещей, добытыхъ преступленіемъ, совершеніе котораго происходило при ней!!.. (Касс. 1869 г. № 411).

Относится ли къ укрывательству не сокрытіе лица или вещи, а измѣненіе ихъ вида? Въ отношеніи измѣненія вида лица могутъ быть слѣдующія дѣйствія: переодѣваніе его и сокрытіе той одежды (хотя и незапятнанной), въ которой онъ былъ при совершеніи преступленія, въ которой его видѣлъ свидѣтель и по которой можетъ быть доказано тождество преступника съ извѣстнымъ лицомъ; далѣе, измѣненіе физіономіи, наприм. сбритіе бороды очень часто употребляется. Если цирюльникъ зналъ, что сбриваетъ бороду преступника, что эту операцію преступникъ предпринимаетъ именно съ цѣлью, то укрывательство существуетъ. Если вещамъ, добытымъ преступленіемъ, данъ иной видъ, напр. шуба, добытая грабежемъ, была покрыта другимъ сукномъ, серьгамъ дана иная форма; кто сдѣлалъ это по предложенію преступника или полагалъ ему сдѣлать, зная что вещь добыта преступленіемъ, то совершаетъ укрывательство. Сущность укрывательства состоитъ въ томъ, что вещь укрывается, т. е. на извѣстное время или навсегда исчезаетъ, такъ что вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаетъ и улика; но вещь, получившая иную форму, это другая вещь, настоящая, бывшая добычей преступленія уничтожена въ ея индивидуальности, — точно такое переодѣваніе или сбритіе бороды, какъ бы уничтожаетъ извѣстный индивидуумъ и дѣлаетъ другой, но однако въ томъ случаѣ, когда оно именно имѣло такой существенный результатъ, или когда борода или извѣстный костюмъ были единственными указаніями для лица преступника, съ уничтоженіемъ которыхъ разрывалась для слѣдователя нить.

Изъ опредѣленія закона слѣдуетъ, что уничтоженіе предметовъ, которые могли бы уличить въ преступленіи, если они попали въ руки тому,

который ихъ уничтожилъ, прежде преступленія, составляетъ не укрывательство, а недонесеніе.

Объ орудіяхъ преступленія не упомянуто въ 14 статьѣ. Сокрытіе окровавленнаго ножа есть укрывательство, потому что кровь есть слѣдъ преступленія. Но если на орудіи не осталось слѣда преступленія, напр. когда убійство совершено было выстрѣломъ изъ ружья,—то сокрытіе кѣмъ-либо этого ружья не составляетъ по буквѣ закона укрывательства: ружье не слѣдъ преступленія и не добыча. Между тѣмъ какъ во многихъ случаяхъ присутствіе извѣстнаго орудія или инструмента въ рукахъ такого-то лица составляетъ полное доказательство его виновности. Очевидно, что въ опредѣленіи закона объ укрывательствѣ сдѣланъ въ этомъ случаѣ пропускъ.

Для бытія укрывательства, какъ юридическаго понятія, вовсе не требуется полнаго осуществленія того житейскаго понятія, которое выражаетъ это слово: такъ, укрывателемъ будетъ тотъ, кто завѣдомо принялъ къ себѣ одну изъ тысячи добытыхъ преступленіемъ вещей, — хотя бы преступленіе раскрылось по другимъ даннымъ, по массѣ другихъ вещей, и присутствіе или отсутствіе одной изъ нихъ на дѣлѣ ничего не значило.

Составляетъ ли укрывательство преступника одно дозволеніе ему войти въ домъ на нѣсколько минутъ для отдыха, или снабженіе его пищей, что нерѣдко дѣлается жителями Сибири. Хотя такія дѣйствія также могутъ парализировать погоню, но онѣ не составляютъ, по нашему мнѣнію, укрывательства.

Укрывательство лица преступника вовсе не означаетъ непремѣнно сокрытія его отъ глазъ въ тайномъ мѣстѣ.

Такъ Сенатъ призналъ, что дозволеніе похитителю дѣвицы пребыванія въ домѣ, хотя и не тайно, такъ что его видѣли другіе гости, составляетъ укрывательство *).

Такъ, если кто приметъ къ себѣ на жительство завѣдомо преступника съ фальшивымъ паспортомъ, или выдастъ его за другаго человѣка, словомъ создастъ ему такое положеніе, въ которомъ тотъ можетъ жить свободно и безопасно, тотъ совершаетъ укрывательство, потому что этимъ „сокрываетъ“ преступника.

Укрывательство начинается не съ того момента, когда начато преслѣдованіе противъ преступника; для бытія его по буквѣ закона вполнѣ достаточно одного знанія, что онъ совершилъ преступленіе, что вещи, которыя у него берутся составляютъ добычу преступленія. Приведенныя нами выраженія Сената въ рѣшеніи по дѣлу Андрониковыхъ, что укрывательство состоитъ, между прочимъ, въ предоставленіи преступнику убѣжища,

*) Что касается и со взломомъ. Кассац. 1867 г. № 135; 1866 г. № 40).

въ которомъ онъ можетъ „хотя на первое время укрыться отъ преслѣдованія законной власти", не противорѣчитъ сказанному нами,—такъ какъ преслѣдованіе здѣсь представляется не непремѣнно существующимъ, а возможнымъ; таковая же возможность всегда существуетъ для преступника.

Законодательство наше изъ недонесенія сдѣлало преступленіе sui generis, какъ увидимъ ниже, сравнительно неважный; но въ отношеніи укрывательства оно остановилось въ нерѣшительности; оно признало укрывательство лица преступника вовсе ненаказуемымъ для близкихъ родственниковъ, но затѣмъ оставило во всей строгости старую систему, по которой укрыватели наказываются, какъ участники преступленія, въ отношеніи другихъ лицъ и укрывательства вещей. Изъ этого положенія сдѣлано одно исключеніе: покупка или принятіе въ закладъ завѣдомо краденнаго или полученнаго чрезъ обманъ имущества наказывается не какъ укрывательство, а какъ самостоятельный проступокъ, за который идетъ наказаніе—арестъ до 3 мѣсяцевъ или пеня до 300 руб. (Мир. Уст. ст. 180) *). Замѣтимъ, что для принятія на сохраненіе краденнаго имущества не сдѣлано исключенія. Сенатъ ограничилъ исключеніе, положенное въ законѣ для покупки завѣдомо краденнаго. По его толкованію оно только тогда имѣетъ мѣсто, если покупщикъ знаетъ только, что вещь краденная, и ничего больше; когда же „покупщикъ вещей знаетъ не только о способѣ ихъ похищенія, но и самый случай совершившейся кражи, знаетъ лицо, у котораго похищены вещи, то въ этомъ случаѣ, въ дѣйствіяхъ виновнаго, слѣдуетъ признавать не преступленіе, предусмотрѣнное въ 180 ст. Уст. о нак. налаг. Мир. Суд., но настоящее укрывательство, а именно сокрытіе слѣдовъ извѣстнаго преступленія" (Касс. 1868 г. № 174).

Попустители. Попустителями называются въ статьѣ 14 „тѣ, которые, имѣвъ власть или возможность предупредить преступленіе, съ намѣреніемъ или завѣдомо допустили содѣяніе онаго". Изъ этого опредѣленія выводимъ слѣдующіе признаки попустителя: 1) попуститель есть *пассив-*

---

*) Кассац. 1869 г. № 298. Дѣло кн. Андронникова: «...употребленное въ этой статьѣ (14-й Улож.) выраженіе: «сокрытіе преступника» нельзя ограничивать понятіемъ объ утаиваніи, т. е. содержаніи его въ какомъ-либо потаенномъ мѣстѣ, а должно понимать въ смыслѣ предоставленія ему такого убѣжища, въ которомъ онъ можетъ или воспользоваться плодами содѣяннаго имъ преступленія, или, хотя на первое время, укрыться отъ преслѣдованія законной власти; слѣдственно указываемый защитникомъ фактъ о томъ, что кн. С. Андронниковъ, во время своего пребыванія въ домѣ кн. Макаева, находился въ общихъ съ бывшими тутъ гостями комнатахъ, самъ по себѣ, недостаточенъ еще для оправданія его кліента по обвиненію въ укрывательствѣ».

ный дѣятель, его участіе въ преступленіи состоитъ не въ томъ, что онъ присоединяетъ свои силы для его совершенія, а въ томъ, что онъ не употребляетъ силъ для его разрушенія; 2) попуститель—тотъ кто *имѣетъ а) власть* или *b) возможность* предупредить преступленіе. Если онъ не имѣетъ власти или возможности предупредить преступленіе и остается празднымъ, тогда онъ перестаетъ быть попустителемъ, а относится къ разряду недоносителей, которые знали о умышляемомъ преступленіи. И такъ: полицейскій чиновникъ, знавшій о готовящемся преступленіи и не захватившій злоумышленниковъ—попуститель. „*Возможность*" конечно относится къ людямъ, не облеченнымъ властью. 3) Необходимо, чтобы допущеніе преступленія было съ намѣреніемъ, (то есть чтобы лицо, могущее предупредить, желало преступленія, сочувствовало ему), или, по крайней мѣрѣ, *завѣдомое*, то есть что бы лицо заранѣе знало о готовящемся преступленіи.

Попустители подвергаются тому же наказанію, какъ и укрыватели, т. е. степенью ниже пособниковъ втораго разряда (ст. 125), но съ тѣмъ различіемъ, что относительно попустителей нѣтъ смягченія, или уничтоженія наказанія въ случаѣ близкихъ родственныхъ связей съ преступниками.

Попуститель рѣзко отличается отъ пособника: онъ не условливался съ виновниками преступленія, онъ не участвовалъ въ произведеніи преступленія ни прямо, ни косвенно, на него не разсчитывали преступники,— словомъ, онъ стоитъ въ сторонѣ, нисколько не вліяя на ходъ преступнаго дѣйствія. Чиновникъ, имѣющій власть предупредить преступленіе, и вообще всякое лицо, имѣющее таковую возможность, если оно *заранѣе условится* съ преступниками не мѣшать имъ, быть въ бездѣйствіи,— уже не попуститель, а *пособникъ* въ техническомъ смыслѣ слова.

Существуетъ ли поэтому достаточное основаніе дѣлать попустителей пособниками, хотя низшаго разряда? Если чиновникъ, облеченный законной властью, данной ему для предупрежденія преступленія, *съ намѣреніемъ* бездѣйствуетъ, то его можно, по всей справедливости, считать пособникомъ низшаго разряда; если же онъ бездѣйствуетъ безъ намѣренія, т. е. безъ желанія не мѣшать совершенію преступленія, а только *завѣдомо*, т. е. зная, что преступленіе готовится совершиться или совершается,— то едва ли во всѣхъ случаяхъ его можно сравнить съ тѣмъ, кто бездѣйствуетъ намѣренно: онъ могъ растеряться, онъ могъ по малодушію желать уклониться отъ могущей быть опасности. Это, конечно, съ его стороны дурной поступокъ, заслуживающій нѣкотораго наказанія, но нельзя за это считать его пособникомъ, напримѣръ, убійства, и отправить въ каторжную работу.

Что касается до частнаго человѣка, то, очевидно, что недостаточно

имѣть *возможность* предупредить преступленіе, для того, чтобы быть попустителемъ; надобно, полагаемъ, чтобы эта возможность не сопрягалась ни съ какой опасностью для него. Никто не обязанъ рисковать для другаго жизнью или здоровьемъ. Эта мысль прямо выражена въ 1521 ст.: „Кто видя человѣка погибающаго и имѣя возможность подать ему помощь *безъ явной для себя опасности* . . . не приметъ никакихъ для спасенія его мѣръ, то за сіе, если онъ христіанинъ, и отъ сей нечувствительности или небреженія оставленному безъ помощи послѣдуетъ смерть . . . предается церковному покаянію". Кажется, имѣя въ виду эту статью, можно заключить что тамъ, гдѣ предупрежденіе сопряжено съ явной опасностью, тамъ не можетъ быть преступленія, не можетъ быть попущенія. Но если существуетъ опасность предупредить преступленіе пресѣченіемъ чрезъ дѣйствительное вмѣшательство, то остается еще средство: сказать объ опасности угрожаемому или полиціи;—кто не исполнитъ этого, тотъ подходитъ подъ категорію недоносителей, о которой будетъ рѣчь дальше.

Но и помимо этого вытекающаго изъ закона ограниченія, можно ли дѣлать преступленіемъ для лица одно равнодушіе къ участи ближняго, одно эгоистическое желаніе не вмѣшиваться въ чужое дѣло, не предпринимать ничего для предупрежденія преступленія, хотя бы это предупрежденіе не сопряжено было съ опасностью? Преступленіе заключается въ намѣреніи, въ волѣ сдѣлать зло, нарушить право другаго и въ осуществленіи этого злаго намѣренія. Тамъ, гдѣ нѣтъ этихъ двухъ факторовъ, тамъ нѣтъ преступленія. Въ попустительствѣ нѣтъ этихъ двухъ факторовъ: попуститель не производитъ преступленія, онъ, даже, не имѣетъ намѣренія произвести его. За одинъ эгоизмъ нельзя отправлять человѣка на каторгу, за исключеніемъ чрезвычайныхъ случаевъ, именно, преступленій государственныхъ. Въ государственныхъ преступленіяхъ существуетъ положительная обязанность, вслѣдствіе присяги подданства, предупреждать, не щадя жизни, всякое злоумышленіе противъ Государя и Государства,—но присяги оберегать частнаго человѣка не существуетъ. Притомъ очень часто здѣсь дѣйствуетъ не одинъ эгоизмъ, а боязнь мщенія со стороны тѣхъ, кому помѣшали въ преступленіи, боязнь впутаться въ уголовный процессъ и тому подобное.

Государственная власть имѣетъ въ настоящее время многочисленные и сильно организованные органы, не только для преслѣдованія предъ судомъ открытыхъ преступленій, но и для открытія и пресѣченія всякихъ плановъ и приготовленій къ преступленію; полиція явная и тайная весьма многочисленна во всѣхъ европейскихъ государствахъ. Но какъ бы многочисленна и хорошо устроена ни была полиція, безъ пособія общества, она не можетъ успѣшно дѣйствовать. Вотъ почему обществу не только дается

право, но и налагается подъ страхомъ наказанія обязанность помогать полиціи въ предупрежденіи приступленій и въ отысканіи преступниковъ.

При нормальномъ состояніи общественной жизни, полиція есть только стражъ и слуга общества, содержащаго ее; съ учрежденіемъ постоянныхъ полицейскихъ агентовъ общество вовсе не отрекается отъ важнѣйшихъ полицейскихъ обязанностей—предупрежденія преступленій, открытія преступниковъ. Если я знаю, что такой-то собирается убить моего согражданина, сжечь его домъ,—то я обязанъ предупредить угрожаемое лицо, или полицію, не только по чувству человѣколюбія, но и вслѣдствіе той солидарности, которая существуетъ между гражданами одного государства; если я знаю виновника преступленія, то, по тѣмъ же причинамъ, я обязанъ открыть его,—иначе преступленіе останется не наказаннымъ — великое зло, или будетъ наказанъ не тотъ кто совершилъ его, а невинный,—зло еще большее. „Дѣло общества есть дѣло личное каждаго гражданина"—такова формула личной дѣятельности въ цивилизованномъ государствѣ. Въ Англіи и Америкѣ считается не только обязанностью, но долгомъ чести донести объ узнанномъ злоумышленіи. Въ Америкѣ для отысканія важнаго преступника составляются митинги, назначаются обществомъ преміи открывателю, нанимаются искусные люди въ помощь полиціи. Но на материкѣ Европы мы видимъ прискорбное явленіе: антагонизмъ между обществомъ и полиціей. Явленіе это имѣетъ свои историческія причины, такъ что скрыть преступника считается чуть ли не великодушнымъ дѣломъ, донести—дѣломъ, по крайней мѣрѣ, не рыцарскимъ: выходитъ, что общество беретъ въ борьбѣ полиціи съ преступникомъ сторону послѣдняго, тогда какъ полиція призвана защищать интересы общества. Не вдаваясь въ подробный разборъ этого явленія замѣтимъ, что на западѣ оно, главнымъ образомъ, объясняется вообще долгой исторической борьбой общества съ правительствомъ, занесеніемъ въ кодексы, какъ важныхъ преступленій такихъ дѣяній, которыя общество или вовсе не признаетъ за преступленія, или находитъ, что наказанія за нихъ жестоки, и т. д. У насъ не было борьбы общества съ правительствомъ, какъ это было на Западѣ, гдѣ правительство часто есть только господствующая партія, но другія причины имѣли значеніе и у насъ. Въ наше время, съ реформой судовъ и полиціи, съ постепеннымъ улучшеніемъ уголовнаго законодательства, надобно ожидать быстраго возрожденія общественнаго чувства, сознанія долга гражданина въ пресѣченіи и преслѣдованіи преступленій

Законъ знаетъ два рода недоноса: 1) недоносъ о готовящемся преступленіи, 2) недоносъ о лицѣ, совершившемъ преступленіе. Недоносъ перваго рода справедливо считается болѣе преступнымъ: недоноситель дѣлается косвеннымъ участникомъ преступленія; онъ можетъ однимъ словомъ сохранить жизнь или имущество другаго, сказавши ему или полиціи

о грозящей опасности;—онъ этого не сдѣлалъ,—поэтому на немъ лежитъ отчасти тяжесть преступленія. Недоносъ втораго рода менѣе важенъ: преступленіе уже совершено, доноситель не можетъ предотвратить главнаго зла. Остается предотвращеніе другаго меньшаго — безнаказанности злодѣя, или возможности совершенія имъ другаго преступленія.

Различіе между двумя видами недоноса велико, не только по наказаніямъ, но состоитъ и въ принципѣ. Недоносъ о готовящемся преступленіи есть одинъ изъ видовъ участія въ немъ; такихъ недоносителей законъ сравниваетъ съ укрывателями и попустителями, т. е. угрожаетъ двумя степенями ниже положеннаго въ законѣ наказанія за совершеніе того преступленія, которое они не хотѣли предупредить донесеніемъ: „Равнымъ съ укрывателями наказаніямъ подвергаются и попустители, и тѣ, которые, знавъ о умышляемомъ преступленіи и имѣвъ возможность довести о томъ до свѣдѣнія правительства или угрожаемаго онымъ лица, не исполнили сей обязанности“ (ст. 125). Если нельзя защищать безнаказанности недоноса, то съ другой стороны слишкомъ строго положеніе, ставящее недоносителя соучастникомъ преступленія.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это наказаніе повышается, въ другихъ понижается. Такъ, въ преступленіяхъ противъ особы Государя Императора и членовъ Императорскаго дома, означенныхъ въ 243 ст., и въ бунтѣ, недоносители подвергаются наказанію наравнѣ съ участниками преступленія, т. е. смертной казни (ст. 243, 244, 249); но недоносители о тайномъ обществѣ подвергаются наказаніямъ, не двумя степенями ниже наказанія участниковъ, а низшаго рода наказаніямъ, именно, заключенію въ тюрьмѣ; недоносители о приготовленіи фальшивой монеты, фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ—подвергаются отдачѣ въ арестантскія роты, а не ссылкѣ въ Сибирь (ст. 560, 574).

Но недонесеніе о совершившемся преступленіи составляетъ преступленіе sui generis: „Виновные въ недонесеніи о содѣянномъ уже преступленіи приговариваются, смотря по важности и обстоятельствамъ дѣла, или къ заключенію болѣе или менѣе продолжительному въ крѣпости (отъ 4 недѣль до 4 лѣтъ), или заключенію въ тюрьмѣ, или къ аресту, или къ выговору, замѣчанію, внушенію, или къ денежному взысканію (ст. 126). Такимъ образомъ даются всѣ исправительныя наказанія отъ внушенія до заключенія въ крѣпости включительно, исключая, неизвѣстно почему, заключенія въ смирительный домъ. Суду дается обширное право—прилагать наказанія четырехъ различныхъ родовъ, „смотря по важности и обстоятельствамъ дѣла“. Впрочемъ, можно вывести нѣкоторые предѣлы для суда: 1) судъ не можетъ положить за недоносъ наказанія высшаго нежели то, которое полагается за самое преступленіе. Напримѣръ, если за преступленіе положено заключеніе въ смирительный домъ, то судъ не можетъ

за недоносъ о совершившемся преступленіи назначить заключеніе въ крѣпости,—потому что это значило бы недоносителя признать болѣе преступнымъ, чѣмъ виновника въ преступленіи, тогда какъ законъ недоносителей такого рода не считаетъ даже второстепенными участниками, а только *прикосновенными* къ дѣлу (ст. 13). Хотя это правило и не высказано въ Уложеніи, но оно, по нашему мнѣнію, прямо изъ него вытекаетъ; мало того: несоблюденіе его будетъ разрушеніемъ основныхъ положеній Уложенія о мѣрѣ наказанія по степени участія въ преступленіи; 2) такъ какъ недоносъ о совершившемся преступленіи менѣе важенъ чѣмъ о приготовляемомъ,—то слѣдуетъ заключить, что наказаніе недоносителямъ перваго рода не можетъ быть болѣе того, которое слѣдуетъ недоносителямъ втораго рода, т. е. должно быть во всякомъ случаѣ двумя степенями ниже положеннаго, учинившимъ его. Въ самомъ дѣлѣ: если за преступленіе слѣдуетъ заключеніе въ крѣпости по 1 степени этого наказанія (отъ $2^3/_4$ до 4 лѣтъ), то можно ли недонесшаго о совершившемся таковомъ преступленіи приговорить ко 2-ой степени этого наказанія, т. е. къ заключенію отъ $1^1/_3$ года до $2^2/_3$ лѣтъ съ потерею правъ, тогда какъ недонесшій о готовившемся преступленіи, слѣдовательно болѣе виновный, будетъ приговоренъ къ 3-й степени, т. е. къ заключенію отъ 8 мѣсяцевъ до $1^1/_3$ года и главное—безъ лишенія правъ? Намъ кажется, что эти два вывода могутъ быть съ большимъ успѣхомъ развиваемы адвокатомъ.

Хотя обязанность доносить условливается требованіями нравственности и общественнаго порядка, но законодатель признаетъ, что отношенія кровныя и брачныя устанавливаютъ между людьми такія священныя связи, что требовать донесенія, т. е. подводить недоносъ подъ уголовное наказаніе, значило-бы требовать величайшаго гражданскаго мужества, между тѣмъ какъ наказаніе должно слѣдовать только за нарушеніе такихъ условій общественной жизни, соблюденіе которыхъ подъ силу каждому, даже слабому человѣку. Кромѣ того, обязанность доносить, наложенная на членовъ семьи, естественно разрушила бы ту искренность, то тѣсное общеніе, которыя составляютъ ея существенную принадлежность. Законъ нашъ установляетъ въ этомъ отношеніи двѣ категоріи: 1) лица, находящіяся въ родствѣ по прямой линіи (дѣти на родителей и вообще восходящимъ и обратно, супруги, родные братья и сестры). Лица этой категоріи за недонесеніе другъ на друга не подвергаются вовсе наказанію, такъ что для нихъ донесеніе составляетъ только нравственную обязанность. 2) Свойство первой и второй степени: лица этой категоріи, отношенія которыхъ не такъ тѣсны, какъ въ первой категоріи, освобождаются отъ наказанія за недоносъ другъ на друга, только въ томъ случаѣ, когда виновный въ преступленіи не подвергается смертной казни

или каторжной работѣ; а въ прочихъ случаяхъ наказаніе „уменьшается по усмотрѣнію суда",—на сколько именно—законъ не говоритъ, да и не могъ сказать, потому что, какъ мы видѣли, за недонесеніе о совершившемся преступленіи нѣтъ одного опредѣленнаго наказанія, а цѣлая масса ихъ. 3) Сюда же причислены и нравственныя отношенія, порождаемыя воспитаніемъ и благодѣяніями. но онѣ имѣютъ не обоюдное, а одностороннее значеніе, — т. е. когда недонесшій былъ одолженъ воспитаніемъ или благодѣяніями учинившему преступленіе, но не обратно.

Что касается до другаго рода недонесенія, т. е. недонесенія о приготовляемомъ преступленіи, то относительно лицъ двухъ означенныхъ категорій сказано: „на семъ же основаніи смягчается, но только въ меньшей мѣрѣ, наказаніе за недонесеніе о извѣстномъ зломъ умыслѣ". Какъ понимать это положеніе въ приложеніи къ тѣмъ видамъ недонесенія, за которые не полагается наказанія? Напр. если лицо не донесло о злоумышленіи роднаго брата, — значитъ ли, что въ этомъ случаѣ судъ долженъ положить одно изъ исчисленныхъ въ 126 статьѣ наказаній? Но смягчить *въ меньшей мѣрѣ противъ* чего нибудь, — предполгаетъ, что за *это что нибудь* идетъ какое либо наказаніе, которое есть само смягченіе противъ нормы; увеличеніе малую и уменьшеніе предполагаетъ какую либо величину, хотя самую малую, въ томъ, противъ чего дѣлается оно; а отсутствіе наказанія есть нуль.

Постановленія объ отмѣнѣ и смягченіи наказанія за недонесеніе лицъ связанныхъ родствомъ и свойствомъ другъ на друга не распространяется на виновныхъ въ недонесеніи въ преступленіяхъ злоумышленія и преступнаго дѣйствія противъ Государя и членовъ Императорскаго дома (ст. 241, 244), бунта (249), государственной измѣны (253).

Другая система принята въ отношеніи лицъ, которыя принимали участіе въ приготовленіи преступленія. Если кто либо изъ нихъ, — зачинщикъ, подговорщикъ, сообщникъ, пособникъ — отсталъ отъ преступнаго намѣренія и не только не принималъ участія въ совершеніи преступленія а даже отговаривалъ другихъ, — но не донесъ начальству, или не принялъ мѣръ къ предупрежденію исполненія,—то наказаніе ему смягчается на одну степень, — а для сообщниковъ на двѣ и даже на три, если особенныя обстоятельства затрудняли донесенія. При этомъ не берутся въ расчетъ узы родства, напр. что другой сообщникъ былъ родной братъ или сынъ того, который отсталъ отъ преступнаго намѣренія.

Сдѣлаемъ сводъ всѣхъ видовъ участвующихъ и прикосновенныхъ къ преступленію, раздѣливъ ихъ на разряды по ихъ важности, т. е. по степени наказанія.

1 разрядъ.	Высшая мѣра наказанія за преступленія положеннаго.	Главные виновные, зачинщики, подговорщики или подстрекатели.
2 разрядъ.	Наказаніе за преступленіе положенное.	Сообщники, пособники, которыхъ дѣйствіе было необходимо.
3 разрядъ.	Наказаніе одной степенью ниже положеннаго за преступленіе.	Участники наиболѣе важные, пособники, содѣйствіе которыхъ не было необходимо.
4 разрядъ.	Наказаніе двумя степенями ниже положеннаго за преступленіе.	Участники менѣе важные, укрыватели-попустители, недоносители о вящемся приступленіи.
5 разрядъ.	Различныя исправительныя наказанія не выше заключенія въ крѣпости.	Недоносители о содѣянномъ преступленіи,—и недоносители о готовящемся на близкихъ родственниковъ укрыватели родственныхъ опредѣленныхъ степеней.
6 разрядъ.	Ненаказуемость.	Укрыватели и недоносители о содѣянномъ преступленіи ихъ ближайшимъ родственникомъ.

ГЛАВА VIII.

РЕЦИДИВЪ И СОВОКУПНОСТЬ ПРЕСТУПЛЕНІЙ.

Опредѣленіе рецидива. Причины, по которымъ рецидивъ служитъ отягощеніемъ вины. Рецидивъ общій, спеціальный, сложный. Повышается ли наказаніе въ сложномъ рецидивѣ. Отличіе рецидива отъ совокупности преступленій. Объ интервалѣ времени между двумя преступленіями, послѣ котораго второе считается рецидивомъ. Нашъ законъ признаетъ рецидивъ и общій и спеціальный. Какой смыслъ имѣетъ выраженіе закона, что рецидивъ есть повтореніе *преступленія?* Какое значеніе имѣетъ прощеніе перваго преступленія для втораго. Значеніе рецидивовъ для малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ. Система рецидива по нашему закону. Случаи спеціальнаго рецидива, наказываемые особеннымъ образомъ. Наказанія малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ рецидивистовъ.

***Совокупность преступленій.* Разборъ мнѣнія о суммѣ наказаній за совокупность преступленій. Система нашего законодательства: поглощеніе высшимъ преступленіемъ низшаго, усиленіе наказанія при равныхъ преступленіяхъ. Важная особенность преступленія кражи. Распространяется ли систеа совокупности и на частное вознагражденіе. Отличіе совокупности отъ преступленій продолжающихся и длительныхъ.—**

а) Рецидивъ.

Совершеніе преступленія во второй разъ, притомъ или того же самаго, которое было учинено въ первый разъ, или другаго, называется технически *рецидивомъ* (отъ латинскаго re-caedere. вновь упасть), а лицо виновное въ немъ, *рецидивистомъ*. Наше законодательство не имѣетъ соотвѣтственнаго термина, и для двухъ видовъ рецидива употребляетъ отдѣльныя и притомъ весьма длинныя названья: „повтореніе преступленій“, „учиненіе другого послѣ суда и наказанія за первое“.

Рецидивъ, по всѣмъ современнымъ кодексамъ, служитъ обстоятельствомъ для большаго или меньшаго увеличенія наказанія. Основаніе для этого заключается въ томъ, что повтореніе того же самаго преступленія показываетъ, что обыкновенное наказаніе не усмирило преступника, что оно для него было легко, поэтому общество, и въ видахъ исправленія его и

въ видахъ собственной безопасности, должно прибѣгнуть къ болѣе строгимъ мѣрамъ. Ничто такъ не потрясаетъ общественнаго спокойствія, довѣрія къ силѣ закона и наказанія, какъ рецидивъ. Совершеніе другаго преступленія, во всякомъ случаѣ, показываетъ въ преступникѣ волю, рѣшившуюся твердо идти по пути преступленія.

Противъ увеличенія наказанія за рецидивъ существуетъ одно возраженіе: человѣкъ получаетъ отягченіе наказанія не вслѣдствіе ообеннаго качества содѣланнаго имъ зла, а вслѣдствіе обстоятельства совершенно независимаго отъ послѣдняго преступленія, именно, вслѣдствіе того, что онъ прежде совершилъ преступленіе. Но онъ уже былъ наказанъ за это преступленіе:—увеличивать наказаніе за второе, это все равно, что этой прибавкой вновь наказывать первое, — слѣдовательно, это прямо противорѣчитъ основному началу *non bis in idem*. — Но это разсужденіе уничтожается слѣдующими соображеніями: наказаніе должно соразмѣряться не только со степенью сдѣланнаго зла, но и съ степенью безнравственности преступниковъ. Идеальное требованіе справедливости и состоитъ въ томъ, чтобы наказаніе соразмѣрять съ степенью безнравственности преступниковъ; для большей части ихъ наказаніе положенное въ законѣ достаточно, —но существуютъ люди такой натуры, что для нихъ оно маловажно слѣдовательно, на основаніи принципа внутренняго равенства въ наказаніяхъ, имъ слѣдуетъ давать усиленное наказаніе. Это идеальное требованіе чрезвычайно трудно осуществить на практикѣ,—какъ узнать степень нравственности чувства подсудимаго? — Но когда представляется эта возможность, надобно пользоваться ею. Рецидивъ и составляетъ одинъ изъ несомнѣнныхъ признаковъ этой большей безнравственности.

Рецидивы весьма стары. Эта древность ихъ служитъ также подтвержденіемъ ихъ годности. Рецидивы были извѣстны еще въ римскомъ правѣ. Наше законодательство съ древнихъ временъ знало спеціальный рецидивъ —въ кражѣ: псковская грамота XV вѣка опредѣляетъ вору за первое и второе преступленіе легкое наказаніе, за третье—смертную казнь; тоже самое повторено и въ двинской грамотѣ. Судебникъ В. К. Ивана III весьма строгъ къ рецидивистамъ: „вѣдомый воръ, вѣдомый лихой человѣкъ", т. е. лица, попадавшіяся не однажды въ преступленіяхъ не только наказывались строже, но относительно ихъ существовали исключительныя формы суда, не дававшія имъ никакихъ гарантій.

Изъ опредѣленія рецидива видно, что онъ бываетъ двухъ родовъ: a) повтореніе одного и того же преступленія, напримѣръ, кражи, — что называется *спеціальнымъ рецидивомъ*; онъ всего чаще случается; b) совершеніе другаго различнаго преступленія: это *рецидивъ общій*; напримѣръ человѣкъ наказанный за нанесеніе ранъ, совершаетъ кражу. Далѣе, рецидивъ бываетъ простой,—когда совершается второе преступленіе, или во

второй разъ тоже самое; — сложный, когда преступленіе, или во второй разъ тоже самое; — сложный, когда преступленіе совершается въ третій четвертый разъ и такъ далѣе. Слѣдуетъ ли повышать наказаніе постоянно, то есть за третій разъ давать большее чѣмъ за второй, за четвертый большее чѣмъ за третій? По высказаннымъ нами принципамъ это будетъ вполнѣ логически. Но противъ этого справедливо замѣчаютъ, что такая система представляетъ — съ одной стороны, печальное зрѣлище какой то ожесточенной борьбы общества съ человѣкомъ, что частое повтореніе преступленія показываетъ отчасти и на вину общества, не устроивпаго системы наказанія болѣе дѣйствительной, — а главное, что при такимъ частомъ повышеніи можно дойти до того, что измѣнится и родъ наказанія и даже разрядъ: воръ будетъ наказанъ, какъ убійца.

Большая часть кодексовъ, въ томъ числѣ и нашъ, придаютъ особенное значеніе спеціальному рецидиву, — хотя нельзя отрицать, какъ мы видѣли, основанія для усиленія наказанія и общаго рецидива; вообще законодательство сначала знаетъ только спеціальный рецидивъ появленіе же общаго принадлежитъ позднѣйшей эпохѣ развитія права. Установимъ границы рецидива: его не надобно смѣшивать ни съ продолжающимся преступленіемъ, ни съ совокупностью преступленій. Рецидивъ тѣмъ отъ нихъ отличается, что онъ есть совершеніе новаго преступленія *послѣ суда* и *наказанія* за первое. Это его существенная черта. Тогда есть рецидивъ, когда между двумя послѣдовательными дѣяніями лежитъ судъ и наказапіе (или, по нѣкоторымъ законодательствамъ, по крайней мѣрѣ, судъ). Кромѣ того нѣкоторыя законодательства, въ томъ числѣ и наше, въ одномъ случаѣ, опредѣляетъ еще и количество времени, которое должно протечь между двумя преступными фактами, чтобы второй считать рецидивомъ. Если человѣкъ наказанный за кражу совершитъ чрезъ 20 лѣтъ второе преступленіе противъ собственности, то здѣсь нельзя заключать о недостаточности для него нормальнаго наказанія: онъ 20 лѣтъ велъ себя хорошо. Мы сказали, что нашъ законъ въ одномъ только случаѣ устанавливаетъ срокъ для рецидива. Нѣкоторые криминалисты полагаютъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда законъ не установилъ особеннаго срока, слѣдуетъ прилагать сроки, положенные для давности: если самое преступленіе погашается протеченіемъ извѣстнаго числа лѣтъ, то тѣмъ болѣе слѣдуетъ по прошествіи таковаго же числа лѣтъ забыть о понесенномъ прежде наказаніи. Мы увидимъ, что нашъ законъ не даетъ права дѣлать такого заключенія.

Переходимъ къ анализу нашего закона.

Ст. 131: „Къ числу обстоятельствъ, увеличивающихъ вину и наказаніе, принадлежитъ и повтореніе того же преступленія или учиненіе дру-

того послѣ суда и наказанія за первое, и впаденіе въ новое преступленіе, когда прежнее, не менѣе важное, было прощено виновному вслѣдствіе общаго милостиваго манифеста, или по особому Монаршему снисхожденію".

Ст. 132: „Въ случаяхъ, когда законъ не назначаетъ именно наказанія за повтореніе преступленія, или же за учиненіе онаго въ третій или четвертый разъ и такъ далѣе, судъ назначаетъ всегда самую *высшую мѣру* наказанія за то преступленіе, или за повтореніе онаго, или за учиненіе въ третій разъ опредѣленнаго".

Ст. 133: „За новое преступленіе, содѣянное во время или прежде суда, но по изобличеніи въ первомъ, виновный подвергается наказанію по правиламъ о совокупности преступленій".

Миров. Уст. ст. 14: „Обстоятельствами, увеличивающими вину подсудимаго, преимущественно [признаются.... 3) повтореніе того же, или совершеніе однороднаго проступка до истеченія года послѣ присужденія къ наказанію".

Изъ этихъ статей выводимъ слѣдующія заключенія: 1) Рецидивомъ признается, какъ совершеніе во второй разъ тогоже преступленія, такъ и другаго, т е. законъ нашъ признаетъ и спеціальный и общій рецидивъ.

Мы видѣли, что общій рецидивъ имѣетъ свое основаніе; къ установленію его должно идти законодательство, но соблюдая извѣстную мѣру: такъ, рецидивъ отъ преступленія (въ тѣсномъ смыслѣ слова) къ преступленію, отъ проступка къ проступку, отъ преступленія къ проступку вполнѣ основателенъ, Но едвали можно сказать тоже самое о рецидивѣ отъ маловажнаго проступка къ преступленію. Такъ напримѣръ человѣкъ, наказанный однажды за кражу, совоpшаетъ убійство, По нашему закону онъ разсматривается какъ рецидивистъ и долженъ подвергнуться высшей мѣрѣ наказанія, слѣдуемаго за родъ совершеннаго имъ убійства. Положимъ, что это такое убійство, за которое назначена каторжная работа отъ 12 до 15 лѣтъ. Не будь обстоятельство рецидива, онъ былъ бы приговоренъ положимъ къ 13 лѣтней каторгѣ. Но обвинитель представляетъ, что онъ уже однажды былъ наказанъ за воровство, и судья присуждаетъ его къ пятнадцатилѣтней каторжной работѣ. И такъ человѣку прибавляется два года тяжкой каторжной работы за то, что онъ нѣкогда совершилъ преступленіе, которое наказывается нѣсколькими мѣсяцами тюремнаго заключенія! Текстъ закона гласитъ, что рецидивомъ считается „повтореніе того же *преступленія* или учиненіе другаго послѣ суда за первое". И такъ не проступка, а *преступленія*, — но что теперь считать преступленіемъ и что проступкомъ? Мы разсматривали этотъ вопросъ, а потому и отсылаемъ читателя ко второй главѣ.

Для малолѣтнихъ отъ 10 до 14 лѣтъ и для несовершеннолѣтнихъ рецидивъ бываетъ тогда, когда они совершатъ вторично или тоже самое, или равное, или болѣе тяжкое преступленіе. Слѣдовательно система здѣсь опять нѣсколько отличная отъ предшествовавшихъ.

Такимъ образомъ по нашему закону рецидивъ бываетъ: 1) отъ преступленія вообще къ преступленію вообще (ст. 131, первая половина), 2) отъ преступленія къ *равному* преступленію для прощенныхъ (ст. 131, вторая половина), 3) отъ проступка къ *такому же* или *однородному* проступку (Миров. Уст.) 4) отъ преступленія къ преступленію *такому же*, или *равному*, или *болѣе тяжкому* — для несовершеннолѣтнихъ (ст. 146).

2) Если первое преступленіе было прощено по общему или спеціальному помилованію, т. е. за него не послѣдовало наказанія, то второе будетъ все таки рецидивомъ: помилованіе не уничтожаетъ нравственныхъ послѣдствій преступленія.

Въ этомъ случаѣ Уложеніе даетъ другое положеніе для рецидива: „впаденіе въ новое преступленіе, когда прежнее, *не менѣе важное* было прощено виновному“... Слѣдовательно для прощеннаго слѣдующее преступленіе будетъ, только тогда разсматриваться какъ рецидивъ, когда оно не менѣе важно, чѣмъ первое. „Не менѣе важно“ не можетъ значить чего либо другаго, кромѣ рода наказанія: „если за второе преступленіе слѣдуетъ тотъ же родъ наказанія, какъ и за первое.“ И такъ, здѣсь законодатель требуетъ для рецидива не только того, чтобы прежде было совершено какое либо преступленіе (какъ въ первой части той же 131 ст.), не только того, чтобы второе преступленіе было однородное съ первымъ (какъ въ Миров. Уст.), но непремѣнно того, чтобы оба они были равны по положеннымъ наказаніямъ. И такъ для того, кто перенесъ наказаніе за преступленіе, всякое другое, которое онъ совершитъ, будетъ наказано строже обыкновеннаго, какъ рецидивъ; а тотъ, кто вслѣдствіе прощенія не подвергся наказанію, находится въ болѣе выгодномъ положеніи,—конечно потому, что наказаніе есть исправленіе, онъ не испыталъ его, и съ нимъ обращаются мягче, чѣмъ съ тѣмъ, кто испыталъ. Здѣсь рождается другой вопросъ: если по милостивому манифесту лицо было освобождено не только отъ наказанія, но и отъ суда, т. е. прощеніе застало его до начала суда, или въ то время, когда хотя и состоялся приговоръ, но еще не окончательный,—то при совершеніи новаго преступленія такой же важности, какъ то, въ которомъ онъ обвинялся прежде будетъ ли онъ наказанъ какъ рецидивистъ? Отвѣтъ не представляетъ затрудненій. Тогда только существуетъ рецидивъ, когда прежде было *со-*

вершено преступленіе; но никто не можетъ быть признанъ *совершившимъ преступленіе*, если не послѣдовало объ этомъ окончательнаго судебнаго приговора.

3) Для того чтобы былъ рецидивъ, надобно чтобы существовало „повтореніе или учиненіе новаго преступленія *послѣ суда и наказанія*". Достаточно ли одного суда? Т. е. если виновный въ преступленіи былъ осужденъ напримѣръ за кражу, но наказаніе еще не приведено въ исполненіе, а до приведенія въ исполненіе онъ вновь учинилъ кражу,—то будетъ ли онъ вновь судимъ за вторую кражу и подвергнутъ за нея новому усиленному наказанію, какъ за рецидивъ — (напримѣръ за первую кражу онъ былъ осужденъ къ заключенію въ тюрьму на 8 мѣсяцевъ, за вторую на 1 годъ,—всего на 1 годъ и 8 мѣсяцевъ), или онъ будетъ судиться по правилу о стеченіи преступленій и подвергнутъ тюремному заключенію не свыше 1 года? Французская теорія не требуетъ выполненія или даже начала наказанія за первое преступленіе, для того, чтобы второе было рецидивомъ; достаточно, если состоялся судебный приговоръ, но только окончательный; если же судебный приговоръ еще можетъ быть подвергнутъ апеляціи, тогда второе преступленіе не составитъ рецидива, потому что апеляціонный судъ судитъ дѣло вновь, такъ что второе преступленіе можно присоединить къ первому, и оба ихъ разбирать какъ одно цѣлое — совокупность или стеченіе преступленій. Нельзя не согласиться, что эта теорія вполнѣ соотвѣтствуетъ основнымъ началамъ права: коль скоро судъ конченъ, дѣло не подлежитъ апеляціи, то наказаніе является неизбѣжнымъ послѣдствіемъ. Какимъ образомъ можно соединить съ нимъ второе преступленіе? Рѣшеніе одного суда является со всѣми его послѣдствіями независимымъ отъ дѣйствія другаго. Но нашъ законъ, какъ мы видѣли, положительно требуетъ и *суда, и наказанія*. Но 133-я статья подкапываетъ это положеніе. Она говоритъ, что лицо подвергается наказанію, не какъ за рецидивъ, а по правилу о совокупности преступленій „за новое преступленіе, содѣянное *во время или прежде суда*":—слѣдственно выходитъ, что содянное послѣ суда,—хотя и до выполненія или до начала наказанія,—будетъ уже рецидивъ. Согласить 131 и 133 ст. невозможно.

Какъ понимать выраженіе: „послѣ.... наказанія за первое преступленіе". Требуется ли этимъ, для бытія рецидива, чтобы наказаніе было вполнѣ окончено,—или достаточно, чтобъ оно было начато,—и стало быть въ послѣднемъ случаѣ должна быть система сложенія, или другая ей равная? Вопросъ этотъ, не разрѣшаемый прямо 131 статьей, уясняется въ XIV т. (Уст. о ссыльныхъ и содержащихся подъ стражей). Если че-

ловѣкъ, находясь въ каторжной работѣ, или ссылкѣ на поселеніи, учинитъ преступленіе,—то онъ наказывается по системѣ строжайшей, чѣмъ рецидивъ. Такъ, напримѣръ, ссыльно-поселенецъ, совершившій преступленіе, за которое полагается каторжная работа на заводахъ (отъ 4—6 и отъ 6 — 8 лѣтъ) подвергается не этому послѣднему наказанію, а высшему—каторжной работѣ въ рудники отъ 10—12 лѣтъ и сверхъ того наказанію плетьми отъ 70—80 ударовъ; за такое же преступленіе каторжные третьяго разряда (т. е. находящіеся на заводахъ) подвергаются страшному наказанію шпицрутенами отъ 2000 до 3000 ударовъ и обращаются на работу въ рудники съ прибавкою къ прежнимъ годамъ еще 10 — 15 лѣтъ, — и т. д. О подвергшихся другимъ наказаніямъ — арестантскимъ ротамъ, сказано, что они предаются военному суду, заключены въ рабочихъ и смирительныхъ домахъ судятся общими судами за новыя преступленія, кромѣ маловажныхъ, которыя разбираются тюремнымъ начальствомъ (Уст. о содержащихся подъ стражей ст. 302, 1078). Но какъ поступать долженъ въ этомъ случаѣ судъ: — считать ли ихъ послѣднее преступленіе за рецидивъ, постановить особенное наказаніе, которое, если будетъ того же рода, какъ и первое,—то приложить годы его къ годамъ перваго,—или послѣднее преступленіе соединить съ первымъ по правиламъ о совокупности преступленій—на это нѣтъ указанія закона. По аналогіи съ ссыльными, слѣдуетъ разрѣшить этотъ вопросъ въ пользу рецидива, т. е. подвергнуть суммѣ обоихъ наказаній по скольку это возможно. Не можетъ быть затрудненія въ прибавкѣ новаго наказанія къ первому, если они однородны, т. е. въ обоихъ случаяхъ арестантскія роты, или въ обоихъ случаяхъ смирительный домъ. Если второе преступленіе подвергаетъ большему наказанію, напримѣръ ссылкѣ на поселеніе для содержащагося въ арестантскихъ ротахъ, отдачѣ въ арестантскія роты того, кто находился въ смирительномъ домѣ, — то здѣсь нельзя положить суммы, потому что цифры въ этомъ случаѣ разныхъ наименованій, какъ говорится въ ариѳметикѣ: система, принята для ссыльныхъ и каторжныхъ, т. е. назначеніе еще высшаго рода наказаній, не можетъ быть приложена по той простой причинѣ, что законъ не уполномочиваетъ на нее судъ;—слѣдовательно остается система рецидива или просто одного высшаго наказанія. Система рецидива для тѣхъ, которые не выполнили наказанія за первое преступленіе, невозможна въ томъ случаѣ, когда за второе преступленіе слѣдуетъ наказаніе болѣе легкое, чѣмъ за первое, потому что тогда, назначивъ maximum втораго наказанія съ уничтоженіемъ перваго, вышло бы въ сущности уменьшить наказанія.

4) Законъ признаетъ и усиленный рецидивъ, т. е. совершеніе преступленія въ третій, четвертый и такъ далѣе разы, — но только въ нѣкоторыхъ прямо обозначенныхъ преступленіяхъ и проступкахъ.

шимъ важное преступленіе: изъ двадцати кражъ все таки не выйдетъ одного убійства.

Признаніе этихъ доводовъ устанавливаетъ систему, которую римляне охарактеризовали формулой poena major absorbet paenam minorem, т. е. большее наказаніе поглощаетъ меньшее, другими словами: при совокупности преступленій слѣдуетъ положить виновному только одно то наказаніе, которое слѣдуетъ за важнѣйшее изъ совершенныхъ имъ преступленій, оставляя прочія безъ вниманія.

Но эта система имѣетъ свои практическія невыгоды. Не значитъ ли часто дать открытый листъ преступнику совершать другія преступленія одной величины съ первымъ? Хуже ему не будетъ,—остановится ли онъ на первой кражѣ, на первомъ поджогѣ, или совершитъ еще 10 такихъ же преступленій. Это оправданіе воровской поговорки: „семь бѣдъ одинъ отвѣтъ". Словомъ, эта система весьма опасна для общественнаго порядка.

Очевидно, что лучше всего—по сколько возможно, соединить обѣ системы.

Этого именно начала и держится наше законодательство. Оно приняло систему отягченія наказанія за совершеніе нѣсколькихъ преступленій, но отягченія небольшаго, состоящаго въ назначеніи высшей мѣры слѣдуемой за самое тяжкое изъ совершенныхъ преступленій, да и то только въ томъ случаѣ, когда другія преступленія подвергаются наказаніямъ *равнымъ, въ отношеніи пораженія правъ, съ главнымъ.*

Статья 152-я Уложенія опредѣляетъ: 1) въ случаѣ совокупности законнопреступныхъ дѣяній, подвергающихъ виновнаго наказаніямъ уголовнымъ, судъ приговариваетъ къ тягчайшему изъ нихъ и въ самой высшей мѣрѣ. Слѣдственно лицо наказывается за главное изъ уголовныхъ преступленій, а другія имѣютъ только значеніе на повышеніе наказанія до maximum'а; 2) тоже самое начало принято и въ случаѣ совершенія такихъ преступленій, изъ которыхъ каждое ведетъ къ наказанію исправительному, соединенному съ лишеніемъ правъ, или такимъ, изъ которыхъ каждое соединено съ ограниченіемъ правъ; 3) если же въ числѣ преступленій находится одно, за которое слѣдуетъ уголовное наказаніе, и одно или нѣсколько такихъ, за которыя слѣдуетъ наказаніе исправительное, какого бы рода ни было,—то назначается уголовное наказаніе, такъ какъ бы лицо совершило только одно то преступленіе, за которое оно положено, — другія вовсе въ счетъ не берутся; тоже самое наблюдается, если виновный совершилъ нѣсколько преступленій, наказываемыхъ исправительными наказаніями различныхъ группъ. Эти группы здѣсь слѣдующія: а) наказанія влекущія лишеніе всѣхъ особенныхъ правъ, b) наказанія влекущія потерю нѣкоторыхъ правъ, с) не влекущія за собою лишенія или ограниченія правъ. Такъ, напримѣръ, человѣкъ совершилъ: 1) убійство

(каторжнаяр абота отъ 12—15 лѣтъ), поджогъ обитаемаго зданія (каторжная работа отъ 8—10 лѣтъ) и разбой на дорогѣ—за всѣ эти преступленія онъ будетъ приговоренъ къ каторжной работѣ на 15 лѣтъ; 2) онъ совершилъ убійство (каторга отъ 12—15 лѣтъ), кражу со взломомъ (арестантскія роты), нанесеніе легкихъ ранъ (арестантскія роты или тюрьма),—онъ будетъ подвергнутъ каторжной работѣ до 15 лѣтъ, смотря по другимъ обстоятельствамъ; 3) преступникъ признанъ виновнымъ въ кражѣ со взломомъ (арестантскія роты отъ $2^1/_2$ до 3 лѣтъ), простомъ грабежѣ (тоже наказаніе), нанесеніи легкихъ ранъ (арестантскія роты отъ 1 до $1^1/_2$ года): онъ будетъ приговоренъ къ арестантскимъ ротамъ на 3 года,—и такъ далѣе.

Наконецъ, въ случаѣ совокупности проступковъ, изъ которыхъ ни одинъ не ведетъ къ ограниченію правъ, опредѣляется высшее изъ наказаній, но не непремѣнно въ высшей мѣрѣ; совокупность имѣетъ здѣсь значеніе увеличивающаго вину обстоятельства.

Эта система самая кроткая. Понятно почему законодатель не постановилъ назначенія высшей мѣры уголовнаго наказанія слѣдуемаго за главное преступленіе, когда другія подвергаются исправительному наказанію: потому что это часто значило бы дать болѣе даже, чѣмъ сумму наказаній. Такъ, напримѣръ, положимъ: за главное преступленіе слѣдуетъ каторжная работа отъ 12 до 15 лѣтъ, и судъ по обстоятельствамъ находитъ достаточнымъ 12 лѣтъ работы, а за другія слѣдуетъ арестантскія роты на 1 годъ, тюрьма на 3 мѣсяца, смирительный домъ на 6 мѣсяцевъ. Если бы существовало и въ этомъ случаѣ положеніе о наибольшей мѣрѣ наказанія, то судъ долженъ былъ бы назначить вмѣсто 12 лѣтней каторжной работы пятнадцатилѣтнюю, — слѣдовательно за совершеніе трехъ второстепенныхъ преступленій, за которыя въ сложности слѣдуетъ одинъ годъ и 9 мѣсяцевъ заключенія въ тюремныхъ заведеніяхъ, было бы положено 3 года самой тяжкой изъ работъ—каторжной.

Но далеко нельзя того сказать въ томъ случаѣ, когда слѣдуютъ исправительныя наказанія разныхъ категорій, по крайней мѣрѣ, не во всѣхъ случаяхъ. Если въ третьей степени арестантскихъ ротъ, или въ первой степени заключенія въ крѣпость разница между меньшей и большей мѣрой довольно значительна, именно годъ и болѣе, которую было бы несправедливо сравнять и съ тремя тюремными заключеніями на 3 мѣсяца, то нельзя того же сказать о нѣсколькихъ заключеніяхъ первой степени въ смирительный домъ, а тѣмъ болѣе нельзя этаго сказать относительно другихъ степеней арестанскихъ ротъ, гдѣ разница между minimum и maximum всего полгода. Очевидно, что занонодатель принялъ это положеніе только вслѣдствіе желанія, весьма основательнаго, сдѣлать различіе между такой группой, гдѣ находится нѣсколько преступленій одинаковой важности

и той гдѣ всѣ, кромѣ главнаго, сравнительно маловажны. Но тогда не лучше ли было высказать относительно группъ преступленій и проступковъ, состоящихъ изъ фактовъ, подвергающихся наказаніямъ различнаго рода, то положеніе, которое высказано относительно одной группы, состоящей въ проступкахъ, за которые не слѣдуетъ ограниченія правъ, именно, что „совокупность проступковъ считается во всякомъ случаѣ обстоятельствамъ *отягчающимъ* вину". Вспомнимъ, что между отягчающимъ обстоятельствомъ, и обстоятельствомъ, условливающимъ maximum наказанія, есть разница.

Безъ сомнѣнія, эта система, такая мудрая и кроткая, все таки далека отъ того, чтобы удовлетворить всѣмъ требованіямъ справедливости и общественнаго интереса: убійца получаетъ все таки безнаказанность на кражу всякаго рода, совершившій разбой или грабежъ на простую кражу и на кражу со взломомъ. Но здѣсь регламентація закона невозможна: надобно отступить предъ естественной невозможностью.

Впрочемъ, если наказаніе, полагаемое за совокупность преступленій, часто составляетъ слишкомъ маловажную прибавку, а часто и вовсе никакой не составляетъ, то надобно сказать, что существуютъ другія косвенныя условія, которыя могутъ удержать преступника отъ совершенія новыхъ преступленій, которыя дѣлаютъ для него выгоднымъ остановку на первомъ преступленіи, хотя бы оно было важнѣйшее въ сравненіи съ тѣми, которыя онъ имѣетъ въ виду совершить. Эти причины суть: 1) надежда на покрытіе давностью. Коль скоро онъ свободенъ послѣ перваго преступленія, это должно подать ему надежду на возможность неоткрытія до истеченія давности, т. е. на законную безнаказанность. Совершая чрезъ нѣсколько времени другое, третье преступленіе,—онъ выходитъ изъ этого положенія: надобна для этихъ послѣднихъ новая давность; 2) надежда на смягчающія обстоятельства,—т. е. на пониженіе наказанія на одну, двѣ степени, а—можетъ быть—по ходатайству суда и болѣе. Естественно, что если при судѣ за первое преступленіе и были бы въ пользу преступника условія для дарованія смягчающихъ обстоятельствъ, то надежда на нихъ сильно понижается и даже вовсе уничтожается при совершеніи новыхъ преступленій.

Тому же принципу слѣдуетъ законъ и относительно денежныхъ штрафовъ: „Въ случаѣ совокупности проступковъ, влекущихъ за собою денежныя взысканія, судъ приговариваетъ не къ суммѣ оныхъ, а къ наибольшему по количеству взысканію" (ст. 152, пун. 8). Въ примѣчаніи прибавлено, что пени за нарушеніе уставовъ казеннаго управленія не покрываются при совокупности преступленій или проступковъ другими высшими наказаніями; это единственный случай наказанія отдѣльно за каждое противозаконное дѣяніе.

Но въ томъ случаѣ, когда виновнымъ совершено нѣсколько дѣяній, за кототорыя слѣдуютъ денежные штрафы въ пользу различныхъ учрежденій, онъ приговаривается къ суммѣ ихъ, когда штрафъ составляетъ не только наказаніе, но и вознагражденіе казеннаго управленія *).

Но отъ денежныхъ взысканій, какъ наказанія, надобно отличать *частное вознагражденіе* за вредъ и ущербъ отъ преступленія. Очевидно, что при совокупности преступленій частное вознагражденіе присуждается за каждое изъ нихъ отдѣльно, потому что принципъ его иной чѣмъ уголовнаго наказанія, оно не связано неразрывно съ судьбой послѣдняго: наказаніе можетъ быть прощено, смягчено, соединено съ другимъ,—а частное вознагражденіе стоитъ неизмѣннымъ.

Совокупность преступленій надобно отличать: 1) отъ рецидива, 2) отъ преступленія *продолжающагося*, 3) отъ преступленія *длительнаго*.

Первый вопросъ былъ нами разсмотрѣнъ. Здѣсь слѣдуетъ повторить только то, что нашъ законъ считаетъ совокупностью преступленій такое соединеніе преступныхъ дѣяній, которыя не были дотолѣ *наказаны*: „Въ случаѣ *совокупности* преступленій, т. е. когда подсудимый признанъ виновнымъ въ учиненіи нѣсколькихъ, въ одно или разное время дотолѣ *еще не наказанныхъ*, и давностью или же общимъ, или особеннымъ прощеніемъ не покрытыхъ дѣяній. . ." Слѣдовательно, если виновный былъ судимъ и окончательно осужденъ, но успѣлъ скрыться до наказанія, — то онъ будетъ не въ состояніи рецидива, а въ состояніи совокупности преступленій. (Кассац. 1869 года № 583). Разумѣется, что слѣдующій судъ не судитъ вновь того изъ преступленій, о которомъ былъ уже судебный приговоръ. Мы указывали на тѣ сомнѣнія, которыя возбуждаетъ 133 статья. Но французская система, болѣе согласная съ принципомъ права, имѣетъ гораздо важнѣйшіе недостатки. По французской системѣ окончательный судебный приговоръ достаточенъ, по-

*) Кас. 1869 г. № 652:... Хотя въ восьмомъ п. 152 ст. Улож. и установлено общее правило, что при совокупности проступковъ, влекущихъ за собою денежныя взысканія, судъ приговариваетъ не къ суммѣ оныхъ, а къ наибольшему по количеству взысканію; но это правило, очевидно, относится къ такого рода взысканіямъ, которыя налагаются исключительно въ видѣ наказанія, не заключая въ себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ и вознагражденія за нанесенный казенному управленію ущербъ, чрезъ нарушеніе устава казеннаго управленія... Допустивъ другое толкованіе, пришлось бы присужденіе двухъ или болѣе нарушеній противъ уставовъ различныхъ казенныхъ управленій, постановлять опредѣленіе объ удовлетвореніи только однаго изъ этихъ управленій, по невозможности, въ большинствѣ случаевъ, отдѣлить сумму вознагражденія отъ количества штрафа, присуждаемаго въ наказаніе».

этому во Франціи, если бы осуженный за одно преступленіе, укрылся отъ наказанія, и совершилъ потомъ нѣсколько другихъ, ему полагается сумма наказаній, такъ что бываютъ осужденные къ срочной каторжной работѣ на 80 лѣтъ, въ тюрьму на 20 лѣтъ и т. под.

Но если подсудимый былъ приговоренъ къ ссылкѣ и сопряженному съ этимъ наказаніемъ лишенію правъ и совершилъ новое преступленіе до отправленія его на мѣсто ссылки, то слѣдуетъ ли ему наложить за это преступленіе новое наказаніе, или сдѣлать постановленіе на основаніи совокупности? Такой вопросъ представился по дѣлу жены канцеляриста Маншилиной. Она была осуждена за кражу къ лишенію правъ и ссылкѣ въ Сибирь на житье, какъ лице, привилегированнаго званія. Вслѣдъ затѣмъ она, до отправленія въ ссылку, совершила новую кражу. Екатеринославскій окружной судъ приговорилъ: заключить ее за новую кражу въ рабочій домъ на $3^1/_2$ года (какъ лице непривилегированное), и по отбытіи этого наказанія выполнить первый приговоръ, т. е. отправить ее въ ссылку. Уголовный кассаціонный департаментъ нашелъ этотъ приговоръ правильнымъ на слѣдующихъ основаніяхъ:... „Лишеніе всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, коему подсудимая Маншилина за совершенныя ею прежде кражи, подверглась, по случаю не достиженія ею только мѣста ссылки, не можетъ не считаться наказаніемъ, коего послѣдствіемъ есть ссылка, потому что упомянутая потеря правъ исключала ее изъ числа лицъ, привилегированныхъ сословій, главнѣйшимъ послѣдствіемъ чего является то, что за совершенныя ею кражи послѣ сего, она подлежитъ совершенно иному наказанію, именно для лицъ непривилегированныхъ сословій опредѣленному; если же не считать, какъ домагается повѣренный подсудимой, означенную потерю правъ наказаніемъ, а послѣднія кражи повтореніемъ преступленія, то пришлось бы за оныя присудить Маншилину къ лишенію тѣхъ же правъ, которыхъ она уже лишена, что очевидно невозможно". (Кассац. 1869 г. № 1047).

Съ этимъ рѣшеніемъ вполнѣ согласиться нельзя. Только въ одномъ пунктѣ мы согласны съ нимъ, именно въ томъ, что лишеніе правъ есть наказаніе, что лице понесшее его находится при совершеніи новаго преступленія въ состояніи повторенія, а не совокупности. Но чтобы за всякое новое преступленіе лишеннаго всѣхъ правъ, но еще не сосланнаго слѣдовало бы судить его вновь, какъ лице непривилигированное, это несогласно съ закономъ: это лишеніе его ставитъ или въ положеніе каторжнаго или ссыльно-поселенца или сосланнаго на житье въ Сибирь, или сосланнаго также на житье въ губерніи европейской Россіи. Слѣдственно его слѣдуетъ судить и наказывать на основаніи Уст. о Ссыльныхъ, а не на основаніи Уложенія. Иначе, присужденному въ каторжную работу, если онъ не захочетъ туда отправиться, стоитъ послѣдовательно дѣлать рядъ

проступковъ, за которые слѣдуетъ арестъ, и тогда главное наказаніе надъ нимъ никогда не будетъ выполнено. Кромѣ того, принявши теорію кассаціоннаго сената, слѣдовало бы осужденнаго въ каторжную работу приговорить за особое преступленіе къ ссылкѣ на поселеніе въ Сибирь, если оно подлежитъ по Уложенію этому послѣднему наказанію, и по отбытіи поселенія, отправить въ каторжныя работы, т. е. никогда не отправить, такъ какъ ссылка на поселеніе есть вѣчное наказаніе.

Преступленіемъ *продолжающимся* мы называемъ такое, которое по натурѣ своей продолжается во времени. Такъ, напримѣръ, принятіе чужой фамиліи, званія, ношеніе ордена, кровосмѣшеніе (тѣхъ же лицъ), пристанодержательство, и т. под. — они обыкновенно состоятъ изъ цѣлаго ряда дѣйствій одного и того же рода, изъ которыхъ каждое въ отдѣльности взятое есть полное преступленіе, — тѣмъ не менѣе всѣ онѣ вмѣстѣ разсматриваются какъ одно преступленіе, а не какъ совокупность,—потому что каждое новое дѣйствіе есть только продолженіе того же дѣянія, зло здѣсь предпринимается не для одного раза, повтореніе составляетъ существенный элементъ преступленія.

Длительнымъ мы называемъ преступленіе, совершенное въ нѣсколько пріемовъ, причемъ каждый пріемъ, въ томъ числѣ и первый, въ отдѣльности составляетъ полное преступленіе. Напримѣръ воръ дѣлаетъ подкопъ подъ магазинъ и крадетъ товаръ въ теченіи нѣсколькихъ ночей. Здѣсь опять не совокупность преступленій, а одно и тоже; человѣкъ рѣшился на одно зло — обокрасть магазинъ; силъ его не хватило сдѣлать это въ одну ночь, — и онъ дѣлаетъ въ нѣсколько пріемовъ.

ГЛАВА IX.

ОБСТАНОВКА ПРЕСТУПЛЕНІЯ.

1. *Жертва преступленія:* возрастъ, полъ, умственное состояніе, физическіе недостатки, политическое положеніе, гражданское положеніе жертвы, ея кровныя и брачныя отношенія, какъ обстоятельства вліяющія на наказаніе. 2. Качества *дѣятеля* преступленія, вліяющія на наказаніе. 3. Качества вещей, вліяющія на наказаніе: вещи и предметы церковные, вещи подвижимыя и движимыя, малоцѣнныя. 4. *Мѣсто* совершенія преступленія: иностранная територія, публичное мѣсто, церковь, кладбище, присутственное мѣсто, карантинная линія. Различіе совершенія преступленія въ публичномъ мѣстѣ отъ совершенія его публично. 5. *Время* совершенія преступленія: ночь, продолжительность времени, время свирѣпствованія чумы время военное, мирное время. 8. *Способъ совершенія преступленія:* ядъ, оружіе, взрывъ пороха, огонь, вода, печать, письмо, слово, насильственное дѣйствіе, шайка и вообще соединеніе силъ, взломъ, подкопъ.

Зло, составляющее то или другое преступленіе, наказуется не одинаково: убійство, кража, обида, преступленія противъ государства, раздѣляются по наказаніямъ, не только на различныя степени, смотря по качеству зла, но также смотря и по тому лицу, вещи на которыя обращено преступленіе, смотря по орудіямъ, которыми оно произведено, словомъ, по той атмосферѣ, среди которой происходило осуществленіе зла. Эта атмосфера составляется: 1) изъ того лица, на которое обращено преступленіе, если оно такого рода, что для осуществленія своего требуетъ лицо; 2) изъ того предмета (вещи), на который было обращено преступленіе,— если оно принадлежитъ къ числу имущественныхъ; 3) изъ орудія или средства, которыми оно было произведено; 4) изъ времени и мѣста, — когда и гдѣ совершено преступленіе. Не во всѣхъ преступленіяхъ эти четыре условія, то есть различіе лицъ, времени, орудій и проч. играетъ роль для наказуемости: въ однихъ преступленіяхъ законодатель даетъ при наказаніи значеніе времени, въ которое онѣ были совершены, въ другихъ

беретъ въ соображеніе различныя качества лица и такъ далѣе; наконецъ въ многихъ для него все равно, надъ кѣмъ именно, когда, гдѣ и какъ совершено преступленіе.

Въ 1 раздѣлѣ Уложенія высказано въ отдѣлѣ увеличивающихъ обстоятельствъ только общее положеніе, что наказаніе увеличивается въ мѣрѣ: чѣмъ болѣе нарушено было преступникомъ особыхъ личныхъ обязанностей въ отношеніи къ мѣсту, въ коемъ совершено преступленіе, и въ отношеніи къ лицамъ, противъ коихъ оно предпринято (ст. 129, п. 6). Особенное значеніе этихъ обстоятельствъ, а равно и другихъ, въ отдѣльныхъ преступленіяхъ изложено въ Уложеніи при каждомъ изъ этихъ преступленій. Тѣмъ не менѣе мы нашли полезнымъ обозрѣть къ совокупности всѣ эти обстоятельства, останавливаясь болѣе на тѣхъ, которыя имѣютъ болѣе общее значеніе, т. е. повторяются при нѣсколькихъ преступленіяхъ, чѣмъ на другихъ, имѣющихъ только спеціальное значеніе для одного какого либо преступленія. Такой обзоръ имѣетъ одно неудобство, именно, онъ поведетъ къ нѣкоторымъ повтореніямъ того, что будетъ сказано въ этой главѣ, при обозрѣніи отдѣльныхъ преступленій. Но этотъ недостатокъ неважный, можетъ быть, даже и недостатокъ при практическомъ значеніи нашего курса; здѣсь нельзя скупиться па повторенія, когда онѣ ведутъ къ полнотѣ пониманія, освѣщая предметъ съ разныхъ точекъ..

А. Лицо какъ жертва (объектъ преступленія).

Наказаніе, въ весьма многихъ преступленіяхъ, различается смотря по тому, какое было лицо, или абсолютно, или по отношенію къ преступнику. Теперь мы не найдемъ ни въ одномъ европейскомъ кодексѣ различія наказаній за одно и тоже преступленіе, будь оно направлено противъ знатнаго, или противъ нищаго. Но этотъ принципъ равенства лица, какъ объекта, т. е. одинаковое уваженіе жизни, чести, свободы, имущества всѣхъ гражданъ, существуетъ не абсолютно, — а осталось еще много случаевъ, когда свойство и природа лица, какъ жертвы, либо усиливаетъ, либо смягчаетъ наказаніе. Но здѣсь современное законодательство выходитъ вовсе не изъ средневѣковаго начала различія сословій, а изъ того принципа, что преступленіе, совершенное противъ извѣстной категоріи лицъ, обнаруживаетъ болѣе безнравственности, болѣе опасности для общественнаго порядка. Далеко не во всѣхъ преступленіяхъ существуетъ эта *аристократія* объекта, — притомъ и въ тѣхъ, гдѣ она существуетъ, не всегда она состоитъ изъ тѣхъ же элементовъ, т. е. одно зло считается болѣе тяжкимъ, если оно обращено, напримѣръ, на малолѣтняго, въ другомъ преступленіи возрастъ не имѣетъ значенія, а важно, напримѣръ, государственное положеніе лица.

Въ отношеніи лица, какъ объекта преступленія, наше законодательство знаетъ множество сторонъ: 1) возрастъ, 2) полъ, 3) умственное состояніе, 4) физическіе недостатки, 5) политическое положеніе, 6) брачныя и родственныя отношенія.

1) *Возрастъ* жертвы преступленія играетъ довольно видную роль въ различіи степеней преступленія, а, слѣдственно, и въ различіи наказаній. Даже болѣе: нѣкоторыя дѣянія считаются преступленіями только потому, что онѣ направлены на малолѣтняго; направленныя на взрослаго онѣ ненаказуемы.

Къ послѣдней категоріи принадлежитъ: 1) связь безъ насилія, 2) оставленіе на произволъ, 3) нѣкоторыя преступленія противъ религіи и нравственности.

Слѣдующія степени возраста человѣка, какъ объекта, различаетъ наше законодательство: a) ребенокъ только что рожденный, b) малолѣтніе вообще, c) несовершеннолѣтные, d) ребенокъ до 3 лѣтъ, ребенокъ отъ 3-хъ до семи лѣтъ.

Въ преступленіяхъ противъ вѣры мы встрѣчаемъ наказаніе—лицъ духовныхъ иностранныхъ христіанскихъ исповѣданій за преподаваніе катехизиса *малолѣтнимъ* православнаго исповѣданія (ст. 194); родителей или воспитателей *малолѣтнихъ* христіанъ — за допущеніе ихъ производить духовные обряды по жидовской вѣрѣ или иной какой либо ереси, или участвовать въ оныхъ (ст. 199); родителей и опекуновъ православныхъ дѣтей за крещеніе приведеніе къ прочимъ таинствамъ, и воспитаніе по обрядамъ другого христіанскаго исповѣданія (ст. 190)—наказаніе легчайшее, чѣмъ за совращеніе совершеннолѣтнихъ (тюрьма или ссылка на житье въ Сибирь); опекуны, учители и другія лица, имѣющія надзоръ за *малолѣтними* или *несовершеннолѣтними* за сводничество послѣднихъ подвергаются ссылкѣ на житье въ Сибирь,—между тѣмъ какъ сводничество чужихъ совершеннолѣтнихъ вовсе не составляетъ преступленія; опекуны, учители, воспитатели за распространеніе между *малолѣтними*, ввѣренными ихъ надзору, сочиненій или соображеній, явно противныхъ добрымъ нравамъ и благопристойности, подвергаются тюремному заключенію (ст. 1002). Статья 1407 и 1408 наказываетъ каторжной работой или ссылкой въ Сибирь на житье, похищеніе или подмѣнъ *младенцевъ*. 1409 ст. подвергаетъ исправительнымъ наказаніямъ удержаніе безъ объявленія полиціи заблудившагося дитяти болѣе трехъ дней. Оба эти преступленія возможны только въ отношеніи дѣтей самаго ранняго возраста. Замѣтимъ, что если слово *младенецъ* не можетъ представить сомнѣній на практикѣ, то нельзя того же сказать относительно слова *дитя* (до 3-хъ или до 7 лѣтъ, или болѣе?).

Въ убійствѣ, изувѣченьи и другихъ преступленіяхъ противъ здоровья озрастъ жертвы не имѣетъ значенія за однимъ исключеніемъ: убійство матерью незаконорожденнаго *младенца при самомъ рожденіи* (слѣдовательно младенца нѣсколькихъ минутъ или часовъ), при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ наказывается гораздо слабѣе, чѣмъ убійство дѣтей не младенцевъ, (ссылкой въ Сибирь на поселеніе вмѣсто каторжной работы безъ срока). Сюда же относится 1460 ст., наказывающая такую мать только ссылкой на житье въ Сибирь за смерть *младенца* чрезъ оставленіе его безъ помощи.—Подкинутье и оставленіе на произволъ въ уединенномъ мѣстѣ есть преступленіе только относительно малолѣтнихъ. Здѣсь законъ различаетъ три степени возраста: a) ребенокъ менѣе 3 лѣтъ, b) болѣе трехъ, но менѣе семи. Оставленіе на произволъ существуетъ какъ преступленіе и относительно имѣющаго болѣе семи лѣтъ, но *не достигшаго еще того возраста, въ коемъ онъ можетъ собственными силами снискивать себѣ пропитаніе*, если сдѣлано тѣми, которые имѣли долгъ заботиться о немъ. Очевидно, что количество лѣтъ въ послѣднемъ случаѣ будетъ различно для составленія преступленія, смотря по здоровью ребенка и воспитанію. Крестьянскій мальчикъ 12 лѣтъ, даже и менѣе, оставленный воспитателемъ, не пропадетъ, онъ найдетъ себѣ работу, онъ пріученъ къ ней; возьмите наоборотъ—дѣвочку 12 лѣтъ нѣжно воспитанную—она растеряется, пропадетъ, она вполнѣ безпомощна, беззащитна. Поэтому законодатель и предоставляетъ рѣшеніе вопроса на усмотрѣніе судьи.

Въ преступленіяхъ противъ цѣломудрія женщинъ возрастъ имѣетъ чрезвычайное значеніе: связь съ дѣвицею *недостигшей 14-ти лѣтняго возраста*, бывшая хотя бы съ ея согласія, наказывается какъ изнасилованіе (ст. 1524). Далѣе, 1532 ст. говоритъ: „Если *несовершеннолѣтняя*, хотя и достигнувшая 14 лѣтъ отъ роду, обольщена опекуномъ, или учителемъ, или другимъ лицомъ, имѣющимъ власть надъ ней“ то обольститель подвергается такому-то наказанію. Что разумѣетъ здѣсь законъ подъ несовершеннолѣтіемъ? Изъ того, что въ этой статьѣ говорится объ *опекунѣ*, а не о попечителѣ, можно заключить что идетъ рѣчь о недостигшей 17 лѣтъ, но другія выраженія „или инымъ лицамъ, имѣющимъ по званію своему или особымъ обстоятельствамъ надзоръ за нею и большую или меньшую степень власти надъ нею“ даютъ возможность продолжить этотъ возрастъ до 21 года, то есть до того термина, съ котораго начинается гражданское совершеннолѣтіе. Въ преступленіи мошенничества, отягчающимъ обстоятельствомъ служитъ *малолѣтство* обманутаго (ст. 1671, 5; Миров. уст. ст. 175, п. 5).

Почтенныя *лѣта* жертвы были отягчающимъ обстоятельствомъ въ преступленіи личной обиды по Св. Зак. 1857 г. (Т. XV ст. 2088): „Наказаніямъ въ предшедшихъ 2086 и 2087 ст. опредѣленнымъ, но всегда

одною степенью выше, подвергаются виновные въ нанесеніи..... личной обиды лицу, которое... *по лѣтамъ*. имѣло право и на особенное отъ него (обидчика) уваженіе". Въ Мировомъ уставѣ это обстоятельство не взято въ расчетъ; оно также пропущено, неизвѣстно почему, въ новомъ изданіи (1866 года) Уложенія. Престарѣлость жертвы есть отягчающее обстоятельство въ мошенничествѣ (ст. 1671, п. 5; Мир. уст. ст. 175, п. 5). Текстъ закона ясно показываетъ, что здѣсь престарѣлость означаетъ старческое разслабленіе, потому что престарѣлый стоитъ на ряду съ малолѣтнимъ.

Кромѣ обозначенныхъ въ законѣ спеціальныхъ случаевъ значенія возраста жертвы, само собою разумѣется, что и во многихъ другихъ преступленіяхъ возрастъ можетъ имѣть значеніе, но неодинаковое, напримѣръ въ убійствѣ: иногда убійство старика или ребенка возбуждаетъ болѣе отвращенія къ преступнику, показывая въ немъ болѣе подлости, чѣмъ въ убійствѣ взрослаго;—иногда наоборотъ, убійство человѣка въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ, опоры семейства, полезнаго члена общества оставляетъ болѣе потрясенія, возбуждаетъ болѣе состраданія, чѣмъ убійство старика, стоящаго одною ногой въ гробѣ, или мальчика. Словомъ, въ убійствѣ и другихъ преступленіяхъ, направленныхъ противъ лица, тотъ или другой возрастъ, въ томъ или другомъ случаѣ, можетъ быть обстоятельствомъ, вслѣдствіе котораго дана будетъ высшая мѣра наказанія на основаніи пункта 7-го ст. 129-й, т. е. тотъ или другой возрастъ жертвы можетъ показывать въ преступникѣ болѣе жестокости, гнусности или безнравственности.

Наконецъ, законъ знаетъ въ отношеніи жертвы два такіе фазиса человѣческаго бытія, въ которыхъ существо не составляетъ человѣка, ни въ юридическомъ, ни въ физическомъ смыслѣ, въ которыхъ онъ не можетъ быть субъектомъ уголовнаго права,—именно: 1) эмбріона, 2) умершаго.

Изгнаніе плода есть важное уголовное преступленіе, произведено ли оно самой беременной, или кѣмъ либо другимъ (ст. 1461, 1462, 1463). Слѣдовательно за эмбріономъ признаются права человѣческой личности; онъ имѣетъ по закону право на существованіе и рожденіе, независимо отъ матери. Но законъ не сравниваетъ его съ полнымъ человѣкомъ, т. е. рожденнымъ, назначая за изгнаніе его наказаніе четырьмя степенями ниже, чѣмъ за убійство въ настоящемъ смыслѣ слова. Говоря объ эмбріонѣ, законъ употребляетъ выраженіе „плодъ", чѣмъ показываетъ, что преступленіе существуетъ одинаково въ какомъ бы періодѣ роста не находился эмбріонъ, въ періодѣ ли растительнаго существованія, или въ періодѣ движенія, жизни. Между тѣмъ эти фазисы имѣли большое значеніе въ

церковномъ правѣ и нельзя сказать, чтобъ они были безразличны въ нравственномъ смыслѣ.

Замѣтивъ еще одно обстоятельство. Законъ при наказаніи за изгнаніе плода не дѣлаетъ различія, какъ при убійствѣ незаконно-рожденнаго, было ли оно произведено женщиной забеременившей отъ незаконной связи, волнуемой стыдомъ и страхомъ. Такъ, что незамужняя женщина, убившая, при самомъ рожденіи, незаконнорожденнаго младенца, будетъ наказана гораздо мягче (ссылкой въ Сибирь на поселеніе), нежели если она лишитъ его жизни, когда онъ еще былъ въ состояніи плода, то есть, не имѣлъ человѣческаго бытія (каторжная работа отъ 4 до 6 лѣтъ).

Разъясненіе причинъ этого должно найти мѣсто при разборѣ постановленій объ убійствѣ.

Человѣкъ мертвый, несуществующій, трупъ, земля — въ нѣкоторыхъ случаяхъ признается закономъ какъ годный объектъ для нѣкоторыхъ преступленій, прямо указанныхъ закономъ.

Законъ знаетъ мертваго въ двухъ видахъ: 1) непогребеннаго, 2) погребеннаго. Мертвый непогребенный признается объектомъ только въ одномъ преступленіи—кражѣ, и притомъ такъ, что кража съ мертваго наказывается строже, чѣмъ кража у живаго (ст. 1659). Мертвый погребенный признается объектомъ весьма важнаго и притомъ спеціальнаго, для него существующаго, преступленія: поруганіе погребенныхъ, ограбленіе ихъ, взятіе трупа или частей его для произведенія суевѣрныхъ обрядовъ—наказаніе каторжной работой или ссылкой на поселеніе (ст. 234). Правда законъ называетъ это преступленіе: „разрытіемъ могилъ для ограбленія мертвыхъ или для поруганія надъ погребенными". Но могила есть мѣсто, гдѣ лежитъ погребенный, слѣдовательно характеръ земли, какъ могилы, зависитъ не отъ чего другаго, какъ отъ погребеннаго, который сообщаетъ этому клочку земли особенное значеніе;—притомъ же здѣсь разрытіе могилы, хотя и постановлено главнымъ членомъ преступленія, въ сущности есть только необходимое условіе ограбленія или поруганія погребеннаго. Разрытіе могилы не для поруганія и ограбленія погребеннаго или суевѣрныхъ дѣйствій надъ нимъ, составляетъ незначительный проступокъ.—

2) *Полъ*. Если женщина признается въ уголовномъ правѣ такимъ же субъектомъ, какъ мущина, если законъ признаетъ за нею туже степень отвѣтственности, какъ за мущиной, то естественно, что это равенство двухъ половъ должно простираться и на положеніе ихъ, какъ объекта. Только во времена варварскія жизнь женщины цѣнилась меньше мущины.

Женщина, какъ жертва преступленія, пользуется, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, привиллегіей предъ мущиной, то есть зло считается болѣе сильнымъ, если оно обращено на женщину. Такъ, личная обида женщинѣ на-

казывается строже, чѣмъ обида мущинѣ, потому что обнаруживаетъ болѣе низости въ виновномъ, потому что репутація женщины должна быть строже охраняема (Миров. уст. ст. 131). Далѣе, существуетъ одинъ разрядъ преступленій, гдѣ объектомъ признается только женщина, а не мущина; этотъ разрядъ и названъ въ законѣ: „преступленія противъ чести и цѣломудрія женщинъ" (ст. 1523, 1532). Сюда относится: 1) изнасилованіе, 2) похищеніе, 3) нѣкоторые виды обольщенія. Хотя изнасилованіе можетъ быть и противъ мущины женщиной, въ особенности взрослой женщиной можетъ быть произведено (что доказываетъ много процессовъ) развращеніе малолѣтнихъ,—но законъ нашъ, какъ мы сказали, не признаетъ мужчины за объектъ этого преступленія. Между тѣмъ какъ, напримѣръ, французскій законъ ставитъ въ этомъ случаѣ мущину и женщину въ одинаковое положеніе и въ самое названіе преступленія не вносится слово женщина (Viol, outrage à la pudeur),—нашъ законъ не дѣлаетъ исключенія даже для мальчика моложе 14 лѣтъ. Конечно, это не значитъ, что развращеніе мальчика не можетъ быть наказуемо вовсе по нашему закону; оно можетъ быть наказуемо какъ вредъ здоровью,—разумѣется тогда, когда этотъ вредъ дѣйствительно существуетъ, — но наказанія здѣсь будутъ весьма слабыя, сравнительно съ оскверненіемъ малолѣтней дѣвицы. Въ изнасилованіи законъ различаетъ слѣдующіе виды женщины: 1) до 14 лѣтъ— состояніе невѣденія; мы уже говорили прежде объ этомъ состояніи; 2) дѣвицу *невинную*, хотя и старше 14 лѣтъ. Связь съ невинной имѣетъ даже въ законѣ особенный терминъ „растлѣніе". Растлѣніе есть отягчающее обстоятельство при изнасилованіи (Ст. 1528); 3) *замужнюю* женщину: за изнасилованіе ея полагается наказаніе степенью выше, чѣмъ за изнасилованіе незамужней, хотя бы невинной. Обольщеніе женщины, то есть вступленіе въ связь съ женщиной, имѣющей болѣе 14 лѣтъ съ ея согласія, наказывается только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ статьями 1531 и 1532, — но опять таки обольщеніе является преступленіемъ, совершеннымъ только противъ женщины,—что совершенно понятно. Естественно также, что увозъ съ цѣлью обезславить скандаломъ (ст. 1530) можетъ быть преступленіемъ только относительно женщины, потому что ея репутація составляется часто изъ такихъ условій, которыя не имѣютъ мѣста въ отношеніи мущины. Похищеніе *замужней* наказывается строже, чѣмъ похищеніе *вдовы* или *дѣвицы*.—

Убійство *беременной* женщины наказывается степенью выше, чѣмъ убійство мущины или небеременной женщины, потому что обнаруживаетъ въ убійствѣ высшую степень жестокости: видъ беременной женщины внушаетъ особенное чувство участія и уваженія.

Въ нашемъ законѣ существуютъ и спеціальныя преступленія для *му-*

щины, какъ объекта. Это—преступленіе мужеложства; содомія съ женщиной (конечно безъ насилія) не предусмотрѣна закономъ (ст. 995).

3) *Физическіе и умственные недостатки лица.* Въ этомъ отношеніи законъ различаетъ: 1) урода, 2) глухонѣмаго, 3) слѣпаго, 4) слабоумнаго, 5) сумасшедшаго.

Уродъ, какъ объектъ, умаляется предъ нормальнымъ человѣкомъ, но только въ первое время по рожденіи. Убійство урода (младенецъ чудовищнаго вида) наказывается несравненно слабѣе, чѣмъ убійство нормальнаго ребенка, именно: вмѣсто каторжной работы полагается ссылка на житье въ Сибирь (ст. 1469). Причины этого должны быть разъяснены при разборѣ убійства.

Сумасшедшіе и безумные и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, глухонѣмые не могутъ быть субъектомъ уголовнаго права, они стоятъ внѣ вмѣненія, но объектомъ они признаются наравнѣ съ нормальными людьми. Въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣяніе составляетъ преступленіе только вслѣдствіе несогласія того лица, на которое оно обращено, естественно оно всегда будетъ существовать, если объектомъ былъ сумасшедшій или глухонѣмый, не имѣющій понятія о правѣ и обязанности. Нашъ законъ указываетъ только одинъ случай: „тотъ кто воспользуется сумасшествіемъ или признаннымъ по установленному порядку слабоуміемъ какого либо лица для склоненія его къ вступленію въ бракъ" (Ст. 1551), — наказывается также, какъ за вступленіе въ бракъ чрезъ обманъ въ лицѣ, только одной степенью ниже (ссылкой въ Сибирь на поселеніе). Естественно что вступленіе въ связь съ сумасшедшей есть изнасилованіе. Законъ считаетъ изнасилованіемъ вступленіе въ связь съ лицомъ, воля и сознаніе котораго были парализированы напр. какими-либо составами (приведеніе въ состояніе безпамятства или неестественнаго сна). Но сумасшедшая находится постоянно въ томъ состояніи, когда человѣкъ не имѣетъ сознанія и разумной воли. Нельзя однако не сказать, что необозначеніе закономъ сумасшедшей въ преступленіи изнасилованія—важный пропускъ; законодатель нашелъ нужнымъ упомянуть особенно о сумасшедшихъ и слабоумныхъ въ преступленіи о насильственныхъ бракахъ,—этимъ онъ какъ будто показываетъ, что въ другихъ случаяхъ, гдѣ онъ этого именно не оговариваетъ, они подчиняются общему правилу (таково одно изъ главныхъ началъ юридическаго истолкованія закона). Затрудненіе увеличивается, еще во первыхъ тѣмъ, что ст. 1551 приложима какъ къ мущинѣ, такъ и къ женщинѣ, а изнасилованіе только къ женщинѣ, во вторыхъ—неодинаковая степень воли и согласія требуется для законности брака и для наказуемости плотской связи.

Мы держимся того мнѣнія, что взятіе какой-либо вещи у сумасшедшаго, хотя бы съ его согласія, есть кража или мошенничество, — хотя

законъ и не говоритъ объ этомъ обстоятельствѣ. Это предположеніе подкрѣпляется между прочимъ тѣмъ, что по ст. 1671 считается отягчающимъ обстоятельствомъ при мошенничествѣ, когда обманутъ былъ *глухонѣмой*. Здѣсь глухонѣмой поставленъ на ряду съ малолѣтнимъ и престарѣлымъ, слѣдственно имѣется въ виду глухонѣмой съ волей и сознаніемъ, хотя и неполными, а не тѣ глухонѣмые, которые вовсе не имѣютъ сознанія о правѣ и обязанности. Глухонѣмые послѣдняго рода равняются безумнымъ и сумасшедшимъ. Законъ, не обозначивши обманъ сумасшедшаго отягчающимъ обстоятельствомъ для мошенничества тѣмъ самымъ косвенно показываетъ, что относительно его обманъ не можетъ существовать; обмануть можно только того, у кого есть воля и разумъ, слѣдовательно относительно сумасшедшаго всякое взятіе у него вещи есть грабежъ или кража, хотя бы не было употреблено никакого насилія, а напр. только просьба.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что всѣ постановленія относительно сумасшедшаго, какъ жертвы, относятся и къ глухонѣмому, не получившему ни чрезъ воспитаніе, ни чрезъ сообщество съ другими, никакого понятія о обязанностяхъ и законѣ (ст. 98). Что касается до *слабоумнаго*, то ст. 1551-я даетъ разумѣть, что только тѣ изъ нихъ сравниваются съ сумасшедшими, слабоуміе которыхъ было признано *по установленному порядку*.

Слабоумные другого рода, т. е. тѣ, которые не были признаны въ установленномъ порядкѣ *), или другими словами, слабоуміе которыхъ не такъ велико, чтобы повести запрещеніе дѣйствовать и распоряжаться, пользуются привилегіей въ мошенничествѣ: слабоуміе жертвы есть одно изъ отягчающихъ обстоятельствъ (ст. 1671; Мир. уст. ст. 175).

Глухіе, слѣпые, нѣмые пользуются важною льготой въ преступленіи бродяжничества: они вовсе не подвергаются наказаніямъ (ссылкѣ на водвореніе въ Сибирь), а обращаются въ приказы общественнаго призрѣнія (въ настоящее время — земскія благотворительныя заведенія) или отдаются обществамъ (Ул. ст. 953).

Сумасшедшій и вообще *„лишенный умственныхъ способностей человѣкъ“* сравнивается съ трехлѣтнимъ ребенкомъ въ преступленіи оставленія безъ помощи (ст. 1516). Конечно здѣсь разумѣется и такой лишенный умственныхъ способностей, который не былъ таковымъ объявленъ по освидѣтельствованію и приговору компетентной власти.

Больной только въ одномъ преступленіи пользуется, какъ жертва, особымъ преимуществомъ. Именно: оставленіе безъ помощи (т. е. на про-

*) Разъясненіе этого различія сдѣлано въ главѣ о вмѣненіи.

изволъ самому себѣ) больнаго считается по закону равнымъ съ таковымъ же оставленіемъ трехлѣтняго ребенка (ст. 1616, 1517). Конечно здѣсь имѣются въ виду, какъ это доказываютъ разныя выраженія статьи закона, только такіе больные, которые не въ состояніи двигаться, дѣйствовать — если оставленіе сдѣлано проводникомъ, снискивать себѣ пропитаніе,—если оставленіе сдѣлано лицемъ, обязаннымъ имѣть о больномъ попеченіе. Слѣдственно, только извѣстныя болѣзни могутъ поставить взрослаго наравнѣ съ ребенкомъ.

Естественно, что нѣкоторыя преступленія по своей природѣ не могутъ быть совершены надъ сумасшедшимъ, глухимъ, нѣмымъ, слѣпымъ, *безобразнымъ*. Такъ лишеніе умственныхъ способнослей (ст. 1487), не можетъ быть относительно сумасшедшаго; глухаго нельзя лишить слуха, слѣпаго зрѣнія, нѣмаго языка, человѣку съ обезображеннымъ отъ природы лицомъ нельзя причинить „неизгладимаго на лицѣ обезображенія" (ст. 1477).

4) *Политическое положеніе лица.* a) *Государь Императоръ и члены Императорскаго дома.* Преступныя дѣянія противъ особы Государя и членовъ Его фамиліи наказываются несравненно строже, чѣмъ тѣ же дѣянія противъ частныхъ лицъ, вслѣдствіе чрезвычайной опасности для государственнаго спокойствія, нарушенія особенныхъ обязанностей подданнаго, высочайшаго политическаго и религіознаго характера особы Государя. Даже такія дѣянія, какъ личная обида, которыя въ отношеніи частныхъ лицъ составляютъ незначительный проступокъ, наказываемый кратковременнымъ арестомъ или денежной пеней, подвергаютъ виновнаго каторжной работѣ или и смертной казни (ст. 241—248). Произнесеніе заочно оскорбительныхъ словъ относительно частнаго человѣка, какое бы высокое положеніе онъ ни занималъ, вовсе ненаказуемо; совершенное же противъ особы Государя Императора или членовъ Императорскаго дома, оно наказывается каторжной работой. Именованіе себя непринадлежащимъ званіемъ или именемъ другой фамиліи составляетъ незначительный проступокъ, наказываемый денежнымъ взысканіемъ; но выдаваніе себя за одного изъ членовъ царствующаго дома, хотя безъ всякихъ политическихъ цѣлей, подвергаетъ виновнаго каторжной работѣ (ст. 1415).

b) *Иностранный Государь.* Преступныя дѣянія противъ лица иностраннаго государя наказываются внѣ общаго права въ томъ случаѣ, когда иностранное государство заключило съ Россіей трактатъ о взаимности въ этомъ вопросѣ (ст. 160).

c) *Дипломатическій агентъ.* Оскорбленіе его наказывается особеннымъ образомъ только въ томъ случаѣ, когда цѣлью было оказать неуваженіе его правительству (ст. 261).

d) *Лицо облеченное законною властью.* Лицо это является въ двухъ видахъ: а) должностное лицо, b) начальникъ. Оба эти вида обозначаютъ одно и то же лицо — облеченное законной властью; но первый обозначаетъ его въ отношеніи ко всѣмъ гражданамъ, второй—въ отношеніи къ подчиненнымъ по службѣ. Оскорбленія и насилія противъ лицъ, облеченныхъ законной властью, наказываются гораздо строже, чѣмъ тѣ же дѣйствія противъ частныхъ лицъ. Но эти лица пользуются такимъ преимуществомъ не всегда, а только тогда, когда оскорбленія насилія нанесены имъ при отправленіи должности. Привилегія должностнаго лица, какъ жертвы, существуетъ постоянно (пока онъ находится въ должности) только относительно подчиненныхъ. Эта привилегія существуетъ однако не во всѣхъ преступленіяхъ, а только въ личныхъ обидахъ (364, 395, 396). *Начальникъ* является въ большомъ числѣ случаевъ. За обиду *начальника* дѣйствіемъ подчиненный подвергается не аресту (какъ это положено за оскорбленіе дѣйствіемъ частнаго человѣка), а ссылкѣ въ Сибирь на житье и даже на поселеніе (ст. 395). Убійство начальника наказывается наравнѣ съ отцеубійствомъ (ст. 1451). За вызовъ его на поединокъ (ст. 396), угрозы ему (ст. 1547), лишеніе его свободы (ст. 1544), наказаніе возвышается не только въ степени, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и въ родѣ.

5) Изъ сферы гражданскихъ отношеній законъ выдѣляетъ: а) *помѣщика:* оскорбленіе, нанесенное крестьяниномъ *помѣщику, на землѣ котораго онъ водворенъ, или члену его семейства,* сравнивается по наказаніямъ съ оскорбленіемъ начальника подчиненнымъ (ст. 394, примѣчаніе). Хотя теперь между помѣщикомъ и поселеннымъ на землѣ его крестьяниномъ существуютъ только гражданскія отношенія, но законъ, въ видахъ охраненія общественнаго порядка при великой реформѣ освобожденія крестьянъ, придалъ и договору между землевладѣльцемъ и крестьяниномъ государственный характеръ (ст. 262, примѣчаніе) и въ личныхъ отношеніяхъ далъ начальническую привилегію помѣщику; b) *хозяина* или *мастера:* убійство этихъ лицъ находящимся у нихъ въ услуженіи, работѣ или ученіи, наказывается, строже обыкновеннаго; c) *господина и членовъ его семейства*: убійство ихъ наказывается также усиленно.

Что такое значитъ господинъ? Законъ не прибавляетъ—кѣмъ учинено его убійство, точно также, какъ, говоря объ убійствѣ начальника, не прибавляетъ названія дѣйствователя. Причина понятна. Слово „господинъ", при существованіи крѣпостнаго права, было техническимъ; оно означало лицо владѣющее въ отношеніи его крѣпостнаго,—то что на старомъ нашемъ юридическомъ языкѣ называлось „государемъ". Правда, въ разговорномъ языкѣ оно придавалось и придается вообще каждому дворянину и чиновнику, а изъ вѣжливости и всякому не простолюдину,—но въ законѣ оно имѣло опредѣленное, вышеуказанное значеніе. Какое же значе-

ніе слѣдуетъ теперь, по уничтоженіи крѣпостнаго права, соединять съ этимъ словомъ, перешедшимъ изъ ст. 2000 Улож. о преступленіяхъ изданія 1857 года, въ ст. 1457 изд. 1866 года? Слѣдуетъ ли его отнести къ лицу, на землѣ котораго водворенъ крестьянинъ, въ отношеніи этого крестьянина? Въ пользу этого мнѣнія говоритъ, во 1-хъ, то обстоятельство, что обида, нанесенная такому лицу крестьяниномъ, сравнивается, какъ мы видѣли, съ обидой начальника подчиненнымъ, слѣдовательно естественно продолжить тоже равенство и на убійство; во 2-хъ, если слово „господинъ" не отнести къ означенному лицу, то оно будетъ празднымъ: нѣтъ никого другаго, къ кому его можно приложить. Законъ прямо говоритъ, что лицо, нанимающее слугу, въ отношеніи послѣдняго, называется хозяинъ, а не господинъ. Но противъ этого толкованія можно привести именно примѣчаніе къ статьѣ 394-й, въ которой землевладѣлецъ относительно крестьянина названъ не господиномъ, а „помѣщикомъ" („крестьяне, виновные въ оскорбленіи *помѣщика,* на землѣ котораго водворены, или члена его семейства"). Сравнивая эти аргументы, мы приходимъ къ заключенію, что подъ „господиномъ" должно разумѣть помѣщика относительно водвореннаго крестьянина. Недоразумѣніе происходитъ отъ того, что примѣчаніе къ 394 взято изъ закона 19 февраля 1861 г. объ отмѣнѣ крѣпостнаго права, гдѣ слово господинъ, какъ несоотвѣтствующее новому порядку вещей, замѣнено другимъ; а статья 1451 изданія 1866 составляетъ перепечатку 2000 статьи изданія 1857, причемъ упущена была изъ виду потребность замѣны слова „господинъ".

Господинъ, какъ объектъ, является съ тѣмъ же значеніемъ, какъ начальникъ,—т. е. въ угрозахъ (ст. 1547), въ лишеніи свободы (ст. 1544). Но въ личныхъ обидахъ и въ вызовѣ на дуэль господинъ не упоминается въ числѣ привилегированныхъ лицъ,—и понятно почему: при крѣпостномъ правѣ господинъ имѣлъ такую власть надъ крѣпостнымъ, что не нуждался въ защитѣ закона въ этомъ отношеніи; онъ могъ отдать его въ смирительный домъ, даже сослать въ Сибирь по произволу. О вызовѣ на дуэль было смѣшно и подумать.

Въ преступленіи кражи обстоятельство, что обокраденный былъ *хозяинъ или мастеръ* преступника, усиливаетъ наказаніе (ст. 1659 п. 7).

6) Религіозный характеръ лица, какъ объекта, есть отягчающее обстоятельство въ нѣсколькихъ преступленіяхъ: въ убійствѣ, нанесеніи ранъ, оскорбленіи (ст. 211, 212, 214, 215, 216). Но это преимущество дано только въ такомъ случаѣ, когда преступленіе совершено надъ священнослужителемъ при отправленіи божественной службы или съ цѣлью оскорбить церковь; при томъ оно относится только къ священнослужителямъ христіанскихъ исповѣданій, а въ случаѣ, предусмотрѣнномъ 216 статьей,—только къ священнослужителямъ православнымъ.—

7) Иностранцы, пребывающіе въ Россіи, по отношенію къ уголовнымъ законамъ, совершенно сравниваются съ русскими: та же отвѣтственность, если они преступники, та же защита, если они жертва. Но существуютъ два дѣянія, которыя составляютъ преступленіе только тогда, когда они направлены противъ *русскаго подданнаго*, а если обращены на иностранца, пребывающаго въ Россіи, то ненаказуемы, именно: 1) подговоръ къ переселенію за границу („кто будетъ подговаривать какихъ-либо *подданныхъ Имперіи* къ переселенію за границу".... Ст. 328); 2) совращеніе инородцевъ изъ одной нехристіанской вѣры въ другую нехристіанскую (ст. 936.... „пользуясь простотою и невѣжествомъ кого-либо изъ инородцевъ *русскихъ подданныхъ*, приведетъ его изъ одной нехристіанской вѣры въ другую...").

8) *Отношенія родства, свойства, супружества* жертвы къ преступнику усиливаютъ наказаніе въ убійствѣ, если жертвой были родители, дѣти, вообще восходящіе или нисходящіе, братья, сестры. Слѣдовательно, здѣсь полное взаимное равенство даже такихъ лицъ, которыя стоятъ въ неравномъ отношеніи, какъ напр. убійство дѣдомъ внука наказывается также, какъ убійство внукомъ дѣда, убійство дѣтей родителями также, какъ и убійство родителей дѣтьми. Но есть и различіе: убійство роднаго дяди или тетки наказывается какъ отцеубійство, но не наоборотъ, т. е. убійство дядей племянника наказывается какъ простое убійство (ст. 1449, 1451). Но въ другихъ преступленіяхъ это равенство не соблюдается,—что, какъ мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, совершенно справедливо. Такъ, въ изувѣченіи и нанесеніи тяжкихъ ранъ родители, какъ жертва, выдѣляются изъ всѣхъ другихъ родственниковъ: наказаніе здѣсь 3-мя степенями выше наказанія за тоже преступленіе, совершенное надъ постороннимъ; изувѣченье родителями дѣтей наказывается только двумя степенями выше обыкновеннаго. Другія же родственныя отношенія жертвы изувѣченья, т. е. прочіе восходящіе и нисходящіе, братья, сестры, дядя, тетка,—ведутъ къ повышенію наказанія также двумя степенями (ст. 1491).

Родственники вообще и *близкіе свойственники* различаются въ преступленіи противозаконнаго задержанія: наказаніе возвышается двумя степенями. Но *родители* и здѣсь имѣютъ преимущество: наказаніе за такое преступленіе, направленное противъ нихъ, возвышается тремя степенями. Съ родителями въ этомъ преступленіи сравниваются нѣкоторые изъ свойственниковъ: тесть, теща, свекръ, свекровь. Такъ что, слѣдовательно эти свойственники стоятъ выше дѣда, брата, дяди (ст. 1544). Въ преступленіяхъ: угрозъ, личной обиды и клеветы, изъ всѣхъ родственниковъ выдѣляются только *восходящіе* по прямой линіи: наказаніе за угрозы имъ и клевету возвышается тремя степенями (ст. 1547, 1533); а въ личныхъ обидахъ дѣйствіемъ измѣняется даже родъ наказанія: вмѣсто смиритель-

наго дома, идетъ ссылка на житье въ Сибирь или арестантскія роты (ст. 1534; Мир. уст. ст. 132). Наконецъ, существуютъ два преступленія, возможныя только противъ родственниковъ въ тѣхъ степеняхъ родства и свойства, въ которыхъ воспрещенъ бракъ: кровосмѣшеніе (ст. 1593—1597) и вступленіе въ бракъ съ ними (ст. 1559, 1560, 1561, 1562).

Разсматривая родственника, какъ объектъ преступленія, мы должны обратить вниманіе на слѣдующія обстоятельства: А) Родители не отличаются вообще отъ другихъ восходящихъ, а иногда и отъ другихъ родственниковъ. Между тѣмъ узы родительства самыя священныя по природѣ. При томъ же законъ знаетъ только власть родительскую, только родителямъ дается власть надъ дѣтьми, а дѣду она не дается надъ внуками; даже для вступленія въ бракъ не требуется, за неимѣніемъ родителей, согласія восходящихъ. Наше древнее право не смѣшивало родителей съ другими восходящими. Впрочемъ, нашъ законъ не въ степени наказаній, а въ послѣдствіяхъ, все таки отличаетъ убійство *отца и матери* отъ убійства другихъ близкихъ родственниковъ: а) хотя за это убійство (отцеубійство) полагается тоже наказаніе, какъ и за убійство другихъ близкихъ родственниковъ, т. е. безсрочная каторжная работа, но отцеубійцы никогда не переводятся въ разрядъ исправляющихся, и даже въ дряхлости не освобождаются отъ содержанія въ острогѣ (ст. 1449); в) отцеубійство—единственное изъ убійствъ и другихъ преступленій личныхъ, не покрывается давностью, тогда какъ напр. братоубійство покрывается. (ст. 161).

Б) Тесть и теща, свекръ и свекровь, стоятъ наравнѣ съ отцемъ и матерью выше всѣхъ другихъ родственниковъ, какъ мы видѣли въ преступленіи незаконнаго задержанія. Дозволительно сильное сомнѣніе въ томъ, чтобы наши нравы ставили тестя, тещу, свекра и свекровь выше брата, сестры, дѣда, дяди. Но здѣсь мы не разбираемъ этого вопроса. Насъ занимаетъ другое обстоятельство. Если законодатель считаетъ эти отношенія (зятя къ тестю и тещѣ, невѣстки къ свекру и свекрови) такъ важными, что сравниваетъ ихъ съ отношеніями дѣтей къ родителямъ, то почему же онъ это дѣлаетъ только въ одномъ преступленіи незаконнаго задержанія, между тѣмъ какъ въ другихъ преступленіяхъ противъ личности— въ убійствѣ, изувѣченьи, угрозахъ, обидѣ, клеветѣ—онъ не упоминаетъ объ нихъ не только на ряду съ родителями, но и на ряду съ близкими родственниками, считаетъ ихъ чужими? Между тѣмъ, какъ принципъ предпочтенія родителей и восходящихъ въ обидѣ, клеветѣ, угрозахъ, близкихъ родственниковъ въ убійствѣ,—тотъ же самый, который выдѣляетъ родителей, тестя, свекра, тещу, свекровь въ незаконномъ задержаніи отъ другихъ лицъ, т. е. здѣсь нарушеніе, сверхъ общаго права личной свободы, особенныхъ отношеній почтенія. Понятно почему братъ, какъ объ-

ектъ, выдѣляется въ преступленіи убійства и изувѣченья, и не выдѣляется, не служитъ обстоятельствомъ, увеличивающимъ вину и наказаніе, въ личной обидѣ, клеветѣ, задержаніи. Законъ совершенно справедливо полагаетъ, сообразно съ народными нравами, что пролить кровь брата дѣло болѣе ужасное чѣмъ посторонняго; но ударить, обругать,—во многихъ случаяхъ показываетъ даже менѣе грубости, потому что жертва чувствуетъ себя менѣе оскорбленной. Но совсѣмъ другое относительно тестя и тещи: здѣсь, на оборотъ, въ самомъ важномъ преступленіи они не выдѣляются отъ чужихъ, а въ одномъ изъ менѣе важныхъ вдругъ ставятся наравнѣ съ родителями.

В) Супружескія отношенія объекта также имѣютъ значеніе, какъ обстоятельство возвышающее наказаніе: въ убійствѣ и изувѣченьи качество объекта, какъ *мужа* или *жены*, есть отягчающее обстоятельство, наравнѣ съ братоубійствомъ (ст. 1451, 1355, 1492); „жестокое обращеніе" есть спеціальное преступленіе для супруга, какъ объекта, разборъ котораго не относится къ настоящей главѣ (ст. 1583); сводничество есть преступленіе относительно *жены* (ст. 999); наказаніе за лишеніе свободы мужемъ *жены* или женою *мужа* возвышается тремя степенями: здѣсь супругъ, какъ объектъ, сравнивается съ родителями. (ст. 1544). Г) Въ нѣкоторыхъ преступленіяхъ законъ на ряду съ родственниками ставитъ *благодѣтеля*, притомъ съ тѣмъ различіемъ, что отношенія родственныя условливаютъ взаимность, по крайней мѣрѣ, до извѣстной степени: если отцеубійство особенно важное преступленіе, то и дѣтоубійство не многимъ меньшее; но отношенія, проистекающія изъ благодѣянія, односторонни, т. е. зло, направленное противъ *благодѣтеля* облагодѣтельствованнымъ, представляется болѣе сильнымъ, но не наоборотъ. Въ преступленіяхъ убійства (ст. 1451), изувѣченья (ст. 1492), лишенія свободы (ст. 1544) законъ употребляетъ различныя выраженія для обозначенія лица, къ которому преступникъ долженъ былъ питать особенное уваженіе вслѣдствіе добра отъ него полученнаго: въ 1451 ст. онъ называетъ его „человѣкомъ, которому виновный *былъ одолженъ воспитаніемъ своимъ или содержаніемъ*"; въ 1455 ст., тоже самое лицо названо состоящимъ къ виновному въ связяхъ по *полученнымъ отъ него благодѣяніямъ;* въ ст. 1544-ой лицомъ, *коимъ виновный былъ облагодѣтельствованъ.* Такъ какъ несомнѣнно, что статьи 1455 и 1544 говорятъ о томъ самомъ лицѣ, которое означено въ 1451-ой (что доказывается положительно и ссылкой на эту послѣднюю статью при статьѣ 1455-ой), то стало быть выраженія „получить благодѣнія", „быть облагодѣтельствованнымъ" означаютъ не всякую полученную помощь, добро,—хотя въ общежитіи называютъ благодѣтелемъ и того, кто устроилъ судьбу доставленіемъ хорошаго мѣста, выдачей за мужъ, помощью въ несчастіи,—а

того, кто воспиталъ или содержалъ: первое выраженіе указываетъ на благодѣяніе, полученное въ дѣтствѣ, второе относится равно и къ совершенному возрасту. Кажется, что „воспитаніе“ здѣсь равнозначуще съ выраженіемъ, употребленнымъ въ гражданскихъ законахъ: „былъ вскормленъ въ домѣ.“ Содержаніе также означаетъ благодѣяніе матерьяльное и при томъ продолжающееся въ то время, когда совершено преступленіе. Естественно, оно означаетъ, что денежныя средства для жизни были даваемы изъ чистаго источника. Любовница, убившая того, у кого она была на содержаніи, не можетъ быть подведена подъ 1451 статью.

Въ заключеніе ученія о значеніи родственныхъ отношеній объекта къ субъекту, надо припомнить, что нашъ законъ не признаетъ enfants naturels; родственныя отношенія проистекаютъ только изъ законнаго брака. Убійство незаконной матери будетъ обыкновенное убійство; оскорбленіе ея, клевета на нее, лишеніе свободы опять таки составляютъ только общее преступленіе. Разумѣется, если незаконная мать или незаконный отецъ воспитали сына,—тогда они благодѣтели, и пользуются всѣми преимуществами, которыя даетъ уголовный законъ благодѣтелю, какъ жертвѣ преступленія. Подчиненіе незаконныхъ родителей общему праву не противорѣчитъ нравственному началу. Коль скоро въ глазахъ общества незаконность рожденія составляетъ что-то вѣчно позорящее для дѣтей, то нельзя отъ нихъ и требовать къ родителямъ того нравственнаго чувства, какъ отъ дѣтей законныхъ *).

---

*) Алфавитный указатель различныхъ видовъ лицъ, какъ жертвъ преступленія:

Бабка родная
Беременная
Благодѣтель
Больной
Братъ
Внукъ
Внучка
Восходящіе
Глухой
Глухонѣмой
Господинъ
Государь Императоръ
Государь иностранный
Двоюродные братья и сестры
Дипломатическій агентъ
Дитя
Дѣдъ
Дядя
Жена
Женщина
Замужняя
Зять
Инородцы
Малолѣтніе вообще
» до 3-хъ лѣтъ
» до 7-ми лѣтъ
» до 14-лѣтъ
Мать
Мастеръ
Младенецъ
Мертвый
Мужъ
Мущина
Начальникъ

Д) Кромѣ спеціальнаго значенія разнаго рода лицъ, законъ даетъ на усмотрѣніе судьи увеличить мѣру наказанія, когда нарушены были и другія отношенія къ лицамъ въ преступленіи (ст. 129, пунктъ 6: „чѣмъ болѣе нарушено обязанностей въ отношеніи къ лицу").

Качество *дѣятеля* (субъекта) преступленія также имѣетъ вліяніе на степень наказанія. Вопросъ этотъ почти весь исчерпанъ при разборѣ жертвы преступленія: такъ, если то обстоятельство, что жертвой убійства былъ отецъ преступника, есть отягчающее обстоятельство, то это всеравно что сказать: качество дѣятеля преступленія, именно, что онъ сынъ жертвы, есть отягчающее обстоятельство. Качество жертвы—незаконнорожденность есть, при извѣстныхъ условіяхъ, обстоятельство, уменьшающее наказаніе. Это все равно что сказать: качество дѣятеля, именно то что онъ мать—дѣвица, есть уменьшающее обстоятельство; если убійство начальника наказывается строже обыкновеннаго убійства, то одинаково вѣрно сказать: то качество жертвы, что она была начальникомъ преступника, отягощаетъ его вину, или—то качество дѣятеля преступленія, что онъ былъ подчиненнымъ жертвы, отягощаетъ его вину. Впрочемъ, встрѣтится нѣсколько случаевъ, когда качество дѣятеля существуетъ абсолютно, безъ отношенія къ жертвѣ. Таковы, напримѣръ, званія медика, акушера, повивальной бабки, аптекаря, которыя составляютъ отягчающее обстоятельство для дѣятеля въ преступленіи изгнанія плода (ст. 1463), слесаря, при кражѣ посредствомъ поддѣлыванія ключей (ст. 1748), и вообще отягчаетъ вину то обстоятельство, что преступникъ имѣлъ вслѣдствіе предоставленной по закону власти, дѣятельности (чиновникъ, почтальонъ и ямщикъ при почтовыхъ нарушеніяхъ; лица, служащія при фабрикаціи кредитныхъ бумагъ — въ случаѣ поддѣлки и т. под.), или пользовался

Несовершеннолѣтніе
Невинная
Нисходящіе
Нѣмой
Отецъ
Погребенный
Помѣщикъ
Плодъ
Престарѣлый
Родственники вообще
Русскіе подданные
Свекръ
Свекровь
Свойственники
Священнослужители
Сестра
Слабоумный
Слѣпой
Сноха
Сумасшедшій
Тесть
Тетка
Теща
Хозяинъ
Члены Императорскаго дома
Чиновникъ
Чудовище

по частному занятію необходимымъ довѣріемъ (напр. слуга — въ преступленіяхъ кражи, изнасилованія, обольщенія).

B) Вещи.

Въ тѣхъ преступленіяхъ, которыя требуютъ для своего осуществленія, чтобы зло было обращено не прямо на лицо, а на вещь, — степень зла, степень наказанія, зависитъ иногда отъ качества вещи. Различаются: 1) *вещи или предметы церковные*, которые при томъ раздѣляются на: a) священные, b) освященные чрезъ употребленіе и c) въ тѣсномъ смыслѣ церковные. Похищеніе этого рода вещей составляетъ особенное, отличное отъ кражи, преступленіе—святотатство (ст. 219—233); ругательство надъ церковными предметами первыхъ двухъ разрядовъ составляетъ важнѣйшую степень особеннаго преступленія, оскорбленія святыни (ст. 210). d) Къ этой же категоріи вещей относятся гробницы (могилы) и памятники надъ могилами (ст. 234, 235). 2) Вещи *недвижимыя* и *движимыя* рѣзко различаются въ преступленіи поджога, потопленія и вообще истребленія имущества. Наказанія за истребленіе недвижимыхъ вещей несравненно строже, чѣмъ за истребленіе движимыхъ, какъ вслѣдствіе природы ихъ, такъ вслѣдствіе опасности, происходящей для людей. Изъ недвижимыхъ различаются: рудники, обитаемыя (жилыя) строенія, нежилыя строенія, лѣсъ, жатва, сады, огороды, хмѣльники, торфяныя земли. Корабль, въ гражданскомъ правѣ движимое имущество, въ уголовномъ считается какъ недвижимое перваго разряда, т. е. какъ жилое строеніе. Въ разрядѣ обитаемыхъ зданій различаются: церковь, дворецъ, общественное зданіе, какъ такія, за поджогъ которыхъ наказаніе увеличивается. За истребленіе огнемъ и тому подобными средствами недвижимаго имущества идетъ важное уголовные наказаніе: отъ ссылки на поселеніе въ Сибирь до вѣчной каторжной работы, смотря по роду недвижимаго имущества (1-й разрядъ —обитаемое строеніе и рудники, 2-й разрядъ нежилое, 3-й—лѣсъ, сады и проч.). За истребленіе же огнемъ движимаго имущества идетъ только легкое исправительное наказаніе—тюрьма до 8 мѣсяцевъ. Впрочемъ, изъ разряда движимыхъ (кромѣ корабля) выдѣляются склады дровъ, сѣна, жизненныхъ припасовъ, которые сравниваются въ недвижимостью. (Ст. 1606—1620).

Разбой, грабежъ, кража, мошенничество суть преступленія, направленныя на *движимость;* завладѣніе насиліемъ чужой недвижимостью не составляетъ грабежа или разбоя, а спеціальное, гораздо слабѣйшее преступленіе (ст. 1601), которое можетъ обратиться въ разбой или грабежъ только въ такомъ случаѣ, когда при этомъ насильственно захвачена была движимость (ст. 1603). Остается сомнительнымъ: насильственное завладѣніе кораблемъ (не на морѣ) будетъ разбой, грабежъ, или подходитъ подъ

1603 ст., т. е. считать ли корабль и въ этомъ случаѣ недвижимымъ имуществомъ?

Въ движимости различается иногда *цѣнность* ея: степень наказанія за кражу и мошенничество простое, между прочимъ, зависитъ отъ цѣнности украденнаго имущества. Законъ признаетъ три вида цѣнности: до 50 коп. (Миров. Уст. ст. 171); до 300 руб., свыше 300 руб. (ст. 1655; Миров. Уст. ст. 169). Далѣе: *мелочныя порубки*, сдѣланныя проѣзжающими въ лѣсу для необходимой въ пути починки, за исключеніемъ лишь деревъ посѣянныхъ и посаженныхъ, вовсе не вмѣняются въ вину. (Миров. Уст. ст. 157).

Г) Мѣсто преступленія.

Мѣсто, гдѣ совершено преступленіе, имѣетъ значеніе для опредѣленія степени и даже рода наказанія въ нѣкоторыхъ преступленіяхъ, означая или болѣе дерзости въ преступникѣ, или нарушеніе уваженія, которое должны внушать извѣстныя мѣста. Въ числѣ вообще отягчающихъ вину обстоятельствъ законъ ставитъ (ст. 129; п. 6): „чѣмъ болѣе было нарушено обязанностей къ мѣсту, въ коемъ совершено преступленіе". Но кромѣ того, существуютъ спеціальные случаи значенія мѣста. Существуютъ случаи, когда фактъ считается наказуемымъ только тогда, когда онъ совершенъ въ извѣстномъ мѣстѣ, напр. появленіе пьянымъ въ публичномъ мѣстѣ. Бываютъ и обратные случаи: фактъ, считаемый вообще преступленіемъ, перестаетъ быть таковымъ, если онъ совершенъ въ извѣстномъ мѣстѣ, или наказывается легче.

Законъ уголовный различаетъ слѣдующія мѣста: 1) *иностранную територію*. а) Преступленіе, совершенное русскимъ за границей, въ нѣкоторыхъ случаяхъ наказывается у насъ легче, нежели еслибъ оно совершено было въ Россіи: это въ томъ случаѣ, когда по законамъ того государства, гдѣ оно совершено, оно подлежитъ болѣе легкому наказанію, чѣмъ по русскимъ (ст. 164); б) но нападеніе открытой силою на жителей иностранныхъ государствъ составляетъ спеціальное важное преступленіе (ст. 269), наказываемое гораздо строже, чѣмъ таковыя же нападенія, произведенныя въ предѣлахъ Имперіи.

2) *Мѣста публичныя*. Подъ именемъ публичнаго мѣста слѣдуетъ разумѣть такое, которое открыто для *публики*, т. е. для всѣхъ желающихъ, съ платой или безъ платы, но безъ всякихъ другихъ условій. Въ этомъ смыслѣ улица, проѣзжая дорога, вагонъ желѣзной дороги, трактиръ, театръ и т. под. суть мѣста публичныя. Нѣкоторыя мѣста бываютъ толь-

ко въ извѣстное время публичными, напр. залъ университета— во время *публичныхъ* актовъ и диспутовъ *).

Клубъ не можетъ быть названъ публичнымъ мѣстомъ, если онъ не открытъ для всѣхъ только за внесеніе платы. Тамъ, гдѣ требуется баллотировка, гдѣ число членовъ ограничено уставомъ, тамъ нѣтъ публичнаго мѣста.

Законъ нашъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, знаетъ вообще „публичное мѣсто", а въ другихъ указываетъ на нѣкоторые особенные роды публичныхъ мѣстъ, напр. дорогу, открытое море, и проч. Разсмотримъ сначала значеніе и случаи вообще публичнаго мѣста, а потомъ отдѣльные роды публичныхъ мѣстъ.

Прежде всего надобно замѣтить, что выраженія „*публичное мѣсто*" и „*публично*" вовсе не тождественны, хотя часто совпадаютъ. Такъ напр. оскорбить кого *публично* можно и въ частномъ домѣ, лишь бы при этомъ было достаточное число людей. Наоборотъ, преступленіе можетъ быть совершено въ публичномъ мѣстѣ, напр. оскорбленіе на улицѣ, хотя бы въ это время былъ тамъ всего одинъ или два человѣка, и даже если и ни одного не было, напр. грабежъ на желѣзной дорогѣ. Между тѣмъ, нашъ законъ смѣшиваетъ эти два выраженія, употребляя часто безразлично то одно, то другое, считая ихъ одинаковыми. Такъ напр. въ статьѣ 246 объ оскорбленіи особы Государя Императора, между прочимъ, признаются виновными въ этомъ преступленіи тѣ, которые будутъ повреждать или истреблять выставленные въ *публичномъ мѣстѣ* портреты, статуи или бюсты Его. А въ статьѣ 248, въ которой повто-

---

*) Кассац. 1870 г. № 68:

«Публичнымъ можетъ быть мѣсто, во первыхъ, по самому его существу, совершенно независимо отъ того, находится или не находится кто либо, въ данное время, въ такомъ мѣстѣ; къ этого рода публичнымъ мѣстамъ принадлежатъ: улицы, площади, проѣзжія дороги, общественные сады и т. п.: во вторыхъ, мѣсто можетъ быть публичнымъ по его назначенію, именно, когда оно, не будучи публичнымъ по своему существу, обращается въ мѣсто публичное вслѣдствіе положительно опредѣленнаго назначенія; къ такимъ публичнымъ мѣстамъ можно отнести церкви, судебныя установленія, театры, гостинницы и т. п.; мѣста сіи, публичныя по данному имъ назначенію, различаются преимущественно тѣмъ отъ мѣстъ публичныхъ по ихъ существу, что въ извѣстное время, когда публика въ нихъ не допускается, они теряютъ характеръ публичности; въ третьихъ, мѣсто по существу и назначенію своему не публичное, можетъ, по случайнымъ обстоятельствамъ, обратиться на нѣкоторое время, въ публичное; напримѣръ, когда въ квартирѣ частнаго лица дается публичное представленіе, или публичный концертъ, то эта квартира, на время таковаго представленія или концерта, дѣлается мѣстомъ публичнымъ.»

рены тѣ же самыя преступленія въ отношеніи членовъ Императорскаго дома, сказано: „виновные... въ умышленномъ *публичномъ* оскорбленіи ихъ изображеній". Анализъ этихъ двухъ статей покажетъ намъ, что законодатель во второй изъ нихъ хотѣлъ сказать то же самое, что въ первой. Но существуютъ статьи, изъ которыхъ видно, что законодатель различаетъ выраженіе *публично*, т. е. въ присутствіи многихъ лицъ, отъ выраженія „публичное мѣсто". Такъ напр. для личной обиды — отягчающее обстоятельство, если она нанесена *въ публичномъ мѣстѣ* или *въ многолюдномъ собраніи* (Миров. уст. ст. 131); ст. 176: „когда сіи преступленіе (богохульство) учинено... *въ публичномъ мѣстѣ* или *при собраніи болѣе или менѣе многолюдномъ.*" Очевидно, что законодатель, требуя здѣсь, для увеличенія степени преступленія, или публичности (многолюдное собраніе), или публичнаго мѣста, или того, или другого обстоятельства, тѣмъ самымъ сознаетъ различіе этихъ условій, возможность для каждаго изъ нихъ отдѣльнаго существованія. Но вслѣдъ затѣмъ, во второй части ст. 178-й, онъ видимо сливаетъ ихъ въ выраженіи „публичное собраніе", придавая, какъ кажется, послѣднему двойное значеніе публичнаго мѣста и публичности (многолюднаго собранія.)

Еще яснѣе раздѣленіе публичнаго мѣста отъ публичности видно изъ 277-й статьи, гдѣ законодатель прямо признаетъ, что фактъ, совершенный въ публичномъ мѣстѣ, можетъ быть и сопровождаемъ и не сопровождаемъ публичностью: „кто . . . . раздеретъ, отброситъ или вычернитъ или инымъ образомъ повредитъ или исказитъ выставленные въ опредѣленномъ *публичномъ мѣстѣ* гербы или надписи, тотъ за сіе. . . . смотря потому, учинено ли имъ сіе *публично* при стеченіи народа или при многихъ свидѣтеляхъ, или же безъ сихъ увеличивающихъ вину обстоятельствъ. . . "

Есть случаи, когда законодатель требуетъ только публичности, умалчивая о публичномъ мѣстѣ, или наоборотъ, требуетъ чтобы фактъ былъ совершенъ въ публичномъ мѣстѣ, умалчивая о публичности, или, какъ мы видѣли, требуетъ или того или другого и наконецъ иногда требуетъ и того и другого вмѣстѣ. Обстоятельство совершенія дѣянія въ публичномъ мѣстѣ имѣетъ важность въ преступленіи порицанія христіанской вѣры и православной церкви (ст. 178, 179, 180, въ заочномъ оскорбленіи особы Государя Императора (ст. 246), въ личныхъ обидахъ (Мир. уст. ст. 131), появленіи пьянымъ и совершеніи безстыдныхъ дѣйствій (Мир. уст. ст. 42, 43). Обстоятельство *публично*, отдѣльно и самостоятельно и при томъ какъ существенное обстоятельство преступленія, приводится въ одномъ видѣ богохульства (ст. 176: „кто дерзнетъ *публично*. . . . возложитъ хулу". . .); оскорбленіе дипломатическаго агента составляетъ особенное преступленіе, когда оно совершено *публично* (ст. 261). Проповѣдованіе ма-

лаканами и лицами другихъ особенно вредныхъ сектъ своего ученія православнымъ составляетъ важное уголовное преступленіе, когда оно совершается *публично* (2-я часть ст. 197); далѣе: законъ говоритъ, какъ о наказуемомъ дѣяніи, объ устройствѣ *публичной* лотереи (Миров. уст. ст. 47), о *публичномъ* выставленіи соблазнительныхъ издѣлій (Мир. уст. ст. 45), о *публичномъ* произнесеніи рѣчей, вредныхъ въ политическомъ или нравственномъ смыслѣ (ст. 252, 274, 1063), о *публичномъ* уничтоженіи указовъ (ст. 276, 277).—

Конечно, невозможно опредѣлить, присутствіе сколькихъ людей необходимо для того, чтобы дѣяніе имѣло характеръ публичный. Это зависитъ и отъ рода дѣянія и отъ другихъ обстоятельствъ. Наше законодательство признаетъ, кромѣ общей публичности, еще разныя степени ея: 1) *Публично, при стеченіи народа* (ст. 277), *при собраніи болѣе или менѣе многолюдномъ* (ст. 178), или просто въ *многолюдномъ собраніи* (Мир. уст. ст. 131). Если законодатель говоритъ „стеченіе народа", то надобно полагать, что онъ разумѣетъ не только значительную массу, но и вмѣстѣ съ тѣмъ площадь, улицу. Гораздо труднѣе положить границу между собраніемъ менѣе многочисленнымъ и совершеніемъ факта при свидѣтеляхъ (въ особенности „при многихъ свидѣтеляхъ", какъ выражается 277 ст.). А между тѣмъ этотъ вопросъ важенъ въ практическомъ отношеніи, потому что отъ разрѣшенія его въ томъ или другомъ смыслѣ зависитъ иногда не только степень, но и родъ наказанія (напримѣръ ст. 178). Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ заключить, что если „собраніе народа" и „собраніе болѣе или менѣе многолюдное" составляютъ высшій разрядъ публичности, то для существованія публичности въ простомъ смыслѣ, низшей степени, все-таки недостаточно присутствія нѣсколькихъ свидѣтелей. Мудрости судьи и обвинителя, искуству защитника предоставляется въ этомъ случаѣ закономъ широкое поле.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ письменное сочиненіе, изображеніе, составляетъ преступленіе, когда оно было *распространяемо* (ст. 251, 252, 280), „распространено и получило гласность" (ст. 1535). Очевидно, что эти выраженія однозначущи съ выраженіемъ: „дать публичность." Законъ говоритъ также *о разглашеніи:* „за разглашеніе съ намѣреніемъ оскорбить свѣдѣній, сообщенныхъ въ тайнѣ." (Мир. уст. ст. 137). Замѣтимъ, что въ одномъ случаѣ законъ признаетъ качество публичности за вещью: ст. 278 и ст. 33 Миров. устава говорятъ о поруганіи и порчѣ *публичныхъ памятниковъ*.... Смыслъ этого выраженія будетъ разъясненъ въ своемъ мѣстѣ.

Отъ публично совершаемаго дѣянія надобно различать *явное* совершеніе. *Явное* совершеніе означаетъ дѣйствіе прямо заявляемое, ничѣмъ не прикрываемое: ст. 263 говоритъ *о явномъ* возстаніи противъ властей,

ст. 271, 277 о *явномъ* насиліи противъ законной власти; но ст. 1592, давая родителямъ безсудное право на заключеніе дѣтей за *явные* пороки, кажется, имѣетъ въ виду пороки гласные, извѣстные сосѣдямъ. Обстоятельство явности имѣетъ чрезвычайное значеніе въ преступленіяхъ противъ собственности: тайное взятіе вещи составляетъ кражу, а явное или открытое составляетъ грабежъ (ст. 1637: „Грабежемъ признается ... всякое, хотя безъ угрозъ и насилія, но *открытое* похищеніе, какого либо имущества, въ присутствіи самого хозяина или другихъ людей").

Невозможно понять требованія законодателя въ одномъ случаѣ, чтобы фактъ былъ совершенъ вмѣстѣ и явно и публично: „Кто осмѣлится *явно и публично...* оскорбить иностраннаго посла..." (ст. 261). Развѣ можно сдѣлать что либо публично и тайно? Не употреблено ли здѣсь слово „публично" вмѣсто: „въ публичномъ мѣстѣ"?

Наоборотъ: существуютъ случаи, когда *тайное* совершеніе составляетъ существенное условіе преступленія, напримѣръ *тайный* проходъ мимо карантиновъ (ст. 835), *тайный* провозъ и вывозъ товаровъ изъ заграницы или заграницу (ст. 744—803); лица, занимающіяся этимъ, какъ ремесломъ, называются въ законѣ *тайнопромышленниками* (ст. 802); кража можетъ происходить только тайно, иначе это будетъ или грабежъ или мошенничество (ст. 1644: „кражею признается всякое, какимъ бы то нибыло образомъ, но *въ тайнѣ* похищеніе чужихъ вещей..."). Существуетъ одно важное преступленіе, въ которомъ тайна составляетъ такой существенный элементъ, что это понятіе вошло въ его названіе:—составленіе *тайныхъ* обществъ. Но разборъ этого преступленія покажетъ намъ, что элементъ тайны вовсе не существенъ въ немъ, по крайней мѣрѣ въ томъ общемъ смыслѣ, какой придается слову „тайна".

Переходимъ къ тѣмъ особеннымъ разрядамъ публичныхъ мѣстъ, которые признаетъ нашъ законъ. Таковы: 1) улица, проѣзжая дорога, пристань, открытое море и другіе судоходные пути,—они имѣютъ значеніе въ преступленіяхъ разбоя и грабежа (ст. 1630, 1643); 2) гостинницы и постоялые дворы: кража здѣсь составляетъ важное отягчающее обстоятельство, но только для содержателей и слугъ (ст. 1650). Въ противоположность мѣстамъ публичнымъ, въ нѣкоторыхъ преступленіяхъ имѣетъ существенное значеніе мѣсто *уединенное*, именно, въ преступленіи оставленія человѣка въ опасности. Это мѣсто опредѣляется въ законѣ выраженіями: „въ такомъ мѣстѣ, гдѣ нельзя было ожидать, что онъ (ребенокъ) будетъ найденъ другими"; „въ такомъ мѣстѣ, въ коемъ жизнь его (взрослаго) подвергалась опасности" (ст. 1513—1519). Для разбоя, напротивъ того, совершеніе *въ уединенномъ мѣстѣ* есть смягчающее обстоятельство (ст. 1631).

Кромѣ мѣстъ публичныхъ значеніе имѣютъ: 1) мѣста церковныя—цер-

ковь, молитвенныя зданія, кладбища. Слово „церковь" въ нашемъ законѣ употребляется только для обозначенія храма христіанскаго. Такой же смыслъ имѣютъ и выраженія: часовня, ризница, церковное хранилище. Весьма сомнительно, чтобы раскольничьи часовни подходили также подъ эту категорію. Выраженіе „молитвенное зданіе" относится одинаково и ко всѣмъ другимъ (нехристіанскимъ) исповѣданіямъ, т. е. подъ нимъ надобно разумѣть не только церковь, но и мечеть, синагогу, языческое капище. До 1864 г. зданія, посвященныя не христіанскому культу, не пользовались привилегіей мѣста: кража совершенная въ синагогѣ, была простой кражей. Въ первый разъ онѣ вошли съ отягчающимъ значеніемъ въ Уставѣ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, а вслѣдъ за тѣмъ и въ изданіе 1866 г. уголовнаго Уложенія. Эти разряды церковныхъ мѣстъ впрочемъ неодинаково стоятъ: одни изъ нихъ имѣютъ больше случаевъ приложенія, другіе меньше, одни имѣютъ большее значеніе, другія—меньшее, хотя также отягчающее, потому что напримѣръ церковь имѣетъ большее религіозное значеніе, чѣмъ часовня, въ которой не совершается литургія.

Слѣдующія преступленія совершенныя въ церкви наказываются гораздо строже, нежели еслибъ они были произведены въ другомъ мѣстѣ: богохульство (176), оскорбленіе святыни (ст. 210), святотатство (ст. 220 и пр.), неуваженіе къ святынѣ (ст. 213), разбой (ст. 1628), грабежъ (ст. 1638) кража, хотя бы и не священныхъ и не церковныхъ вещей, (ст. 1659), нарушеніе должнаго благоговѣнія (Мир. уст. ст. 35). Часовня, ризница и церковныя хранилища имѣютъ важное значеніе, хотя и меньшее чѣмъ церковъ, въ преступленіи святотатства (ст. 520 и слѣд.); часовня, молитвенное зданіе, кладбище—для кражи (ст. 1659, пунктъ 1; Миров. уст. ст. 170, пунктъ 1). Замѣтимъ, что во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ имѣется въ виду только мѣсто совершенія преступленія, независимо отъ объекта: т. е. разбой наказывается вѣчной каторжной работой за одно то, что онъ произведенъ въ церкви, хотя бы и не былъ направленъ на церковное имущество. *Грабежъ въ церкви* отличается отъ *ограбленія* церкви; ограбленіе часовни подлежитъ самому высшему наказанію, положенному за грабежъ,—а то обстоятельство, что грабежъ произведенъ въ часовнѣ не составляетъ увеличенья вины. Словомъ, въ законѣ церковь и часовня имѣютъ значеніе и какъ мѣсто совершенія преступленія, и какъ объектъ. Не слѣдуетъ смѣшивать этихъ двухъ значеній, потому что послѣдствія различныя, будутъ ли церковь и часовня мѣстомъ или будутъ объектомъ преступленія.

Слѣдуетъ ли разумѣть подъ кражей на кладбищѣ похищеніе денегъ и вещей у лицъ, которыя будутъ тамъ находиться, подобно кражѣ въ церкви, или спеціально кражу *вещей кладбищенскихъ*,—другими словами: выраженіе „на кладбищѣ" для кражи означаетъ мѣсто или объектъ? Грамматическій смыслъ выраженія и сравненіе съ другими подобными („въ церкви, въ ча-

совнѣ„) говоритъ въ пользу перваго толкованія. Но другія соображенія ведутъ къ принятію втораго. Именно, Сводъ 1857 г. не зналъ обстоятельства „на, кладбищѣ", какъ отягчающаго для кражи. Въ первый разъ оно введено въ Уставѣ о наказаніяхъ налагаемыхъ мировыми судьями (ст. 170). Затѣмъ оно введено въ Уголов. Улож. изд. 1866 (ст. 1659). Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ изданіи выпущена третья часть статьи 269-й изд. 1857 г. (соотвѣтствуетъ 235 ст. изд. 1866 г.): „За похищеніе надгробнаго памятника или наружныхъ онаго украшеній виновные, на основаніи правилъ о совокупности преступленій подвергаются высшей мѣрѣ наказаній, опредѣленныхъ за воровство кражу." Такъ какъ изданіе 1866 году не имѣло въ виду вводитъ что либо новое а только согласить Уложеніе съ новыми Судебными уставами, то исключеніе третьей части ст. 269 (по изд. 1857 г.) и для кражи „на кладбищѣ" показываетъ, что именно это введеніе сдѣлало излишнимъ третью часть,— другимъ словами: выраженіе „на кладбищѣ" равнозначуще кражѣ памятниковъ и наружныхъ оныхъ украшеній, и даже шире, потому что, въ немъ заключаются бесѣдка, скамейка, рѣшотка и другіе подобные предметы, которые трудно отнести къ украшеніямъ.

Само собою разумѣется, что и всѣ тѣ преступленія, при которыхъ стоитъ отягчающимъ обстоятельствомъ совершеніе ихъ публично, въ публичномъ мѣстѣ, въ многолюдномъ собраніи, наказываются также усилено при совершеніи въ церкви вообще, которая есть публичное мѣсто, или когда въ ней находилось значительное число молящихся.

2) *Присутственныя мѣста.* Кража въ присутственномъ мѣстѣ наказывается гораздо строже, чѣмъ въ обыкновенномъ (ст. 1659, п. 6, Мир. Уст. ст. 170, пунктъ 6). Особенную важность имѣетъ *камера* присутственнаго мѣста, т. е. комната, гдѣ засѣдаютъ лица, составляющія присутствіе, и въ которой находится зерцало. Но эту важность камера имѣетъ только тогда, когда происходитъ засѣданіе: оскорбленіе члена присутствія въ самой камерѣ наказывается въ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ случаяхъ ссылкою въ Сибирь на поселеніе (ст. 282); оскорбленіе и постороннихъ лицъ въ камерѣ во время засѣданія наказывается гораздо строже обыкновеннаго (ст. 287). Съ судебной реформой всѣ судебныя мѣста сдѣлались публичными,—слѣдовательно все то, что говоритъ законъ о разныхъ преступленіяхъ, совершаемыхъ въ публичныхъ мѣстахъ, относится и къ судебнымъ мѣстамъ. Все же, что сдѣлано во время публичнаго засѣданія суда, есть во первыхъ дѣяніе, совершенное *публично*, во вторыхъ — *въ камерѣ*, потому что публика находится въ той самой комнатѣ, въ которой засѣдаютъ судьи.

Далѣе, за всякаго рода безпорядки, шумъ и вообще несоблюденіе должнаго приличія въ залѣ засѣданія суда (камерѣ), виновные могутъ

быть не только выведены силою, но и подвергнуты предсѣдателемъ безъ судебнаго разбирательства задержанію не болѣе однако какъ на 24 часа (Учрежд. Суд. уст. ст. 155), а мировой судья имѣетъ право подвергнуть денежному взысканію отъ 25 коп. до 3 руб. (Учреж. Суд. Уст. ст. 67).

3) „*Мѣста, гдѣ учреждена карантинная линія*". Въ этихъ мѣстахъ, даже и не во время существованія чумы, составляютъ важное уголовное преступленіе, наказываемое ссылкой на поселеніе въ Сибирь, факты, которые, будучи совершены въ другихъ мѣстахъ, вовсе не наказуемы, какъ то: взятіе вещей, выброшенныхъ на берегъ, лодокъ, шлюбокъ и проч. (ст. 836). *Карантинъ, мѣста оцѣпленныя, мѣста сомнительныя, мѣста зачумленныя*—имѣютъ большое значеніе въ преступленіяхъ карантинныхъ (ст. 831—853).

4) *Домъ.*—Всякого рода зло—раны, увѣчья, убійство—не вмѣняется вовсе, если совершено надъ лицомъ, вторгнувшемся съ насиліемъ (ст. 101). Любопытно, что нашъ законъ даетъ въ этомъ случаѣ неприкосновенности дома болѣе значенія, чѣмъ нѣкоторыя западныя законодательства, по которымъ (напр. по французскому) только насильственное вторженіе ночью можетъ служить обстоятельствомъ невмѣненія для находящихся въ домѣ, а денное только смягчаетъ на много степеней (извиняетъ) наказаніе.

5) *Дилижансы, транспорты, повозки.* Кража изъ нихъ чемодановъ, тюковъ и иныхъ вещей составляетъ усиленную кражу (ст. 1650, 1651).

Замѣчательно, что по Своду 1857 г. законодатель признавалъ нѣкоторыя публичныя мѣста какъ бы презрѣнными; совершеніе нѣкоторыхъ маловажныхъ преступленій въ этихъ мѣстахъ наказывалось *легче*, чѣмъ въ мѣстахъ обыкновенныхъ,—таковы были для преступленія личной обиды словами: питейные дома, трактиры, корчмы, ярмарки, рынки. (Св, Зак. Т. XV, ст. 2094, изд. 1857 г.). Но ни въ Мировомъ уставѣ, ни въ Уложеніи изд. 1866 г. нѣтъ этого постановленія, которое, впрочемъ, было взято прямо изъ нашихъ нравовъ. Теперь всѣ эти мѣста относятся къ разряду *публичныхъ*, слѣдовательно нанесеніе обиды въ нихъ есть обстоятельство отягчающее, а не смягчающее, какъ было до изданія Судебныхъ уставовъ. Сомнительно, чтобы такое измѣненіе взгляда на означенныя мѣста, въ особенности на питейные дома, обусловливалось дѣйствительностью *).

---

*) Мѣсто совершенія преступленія имѣетъ большое значеніе въ уголовномъ судопроизводствѣ; имъ опредѣляется подсудность. Но вопросъ этотъ находится внѣ предѣловъ настоящей главы.

Д) Время совершенія преступленія.

Время при преступленіи имѣетъ значеніе или а) какъ періоды сутокъ, б) въ смыслѣ большей или меньшей продолжительности — день, недѣля, мѣсяцъ и пр., д) какъ особенная эпоха, напр. во время чумы.

а) Законъ уголовный придаетъ особенное значеніе *ночи*. Для преступленія кражи и грабежа обстоятельство совершенія *ночью* есть отягчающее (ст. 1659, п. 2, 1643 Миров. Уст. ст. 170); такое же усиливающее значеніе имѣетъ ночь для поджога (ст. 1607). Совершеніе кражи ночью наказывается сильнѣе, потому, между прочимъ, что представляетъ болѣе опасности, возбуждаетъ больше тревоги, чѣмъ кража днемъ, когда до извѣстной степени пострадавшій долженъ упрекать самаго себя въ недостаткѣ осмотрительности. Ночной поджогъ представляетъ особенную опасность, какъ для распространенія пожара, такъ и для людей, живущихъ въ подозженномъ зданіи. Днемъ пожаръ можетъ быть легко замѣченъ, легче можно прекратить его распространеніе, наконецъ, опасность для жизни людей весьма незначительная,—всегда почти могутъ они спастись. Совсѣмъ другое дѣло ночью.—Но мы не можемъ понять, почему ночь есть отягчающее обстоятельство для грабежа: для этого преступленія, напротивъ того, то обстоятельство, что оно совершено *днемъ*, должно бы быть отягчающимъ, потому что показываетъ болѣе дерзости и отваги въ преступникѣ, а въ преступленіи грабежа это послѣднее обстоятельство именно и составляетъ отягченіе вины, напр. грабежъ на дорогѣ. Замѣтимъ, что въ этомъ случаѣ и смыслъ нашего народа видитъ большую опасность и большую вину въ грабежѣ днемъ, а не ночью: „*денной грабежъ*“ на нашемъ языкѣ означаетъ самую сильную степень грабежа, а выраженія „ночной грабежъ“ вовсе не существуетъ. Языкъ много значитъ для юриста: когда существуетъ особенное слово или особенное выраженіе, тогда существуетъ особенное понятіе, особенное преступленіе, или особенная степень его.

Въ другихъ преступленіяхъ законъ смотритъ одинаково на зло, совершено ли оно днемъ, или ночью. Дѣйствительно, убійство въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ быть гнуснѣе, когда совершено ночью, въ другихъ — ковда днемъ. Человѣкъ ночью убиваетъ другого, чтобы ограбить;—другой для той же цѣли, среди бѣлаго дня, входитъ въ магазинъ, стрѣляетъ въ хозяина и беретъ кассу. Во второмъ случаѣ болѣе дерзости, болѣе преступной рѣшимости. Возьмемъ другой примѣръ. Человѣкъ, жестоко оскорбленный, подкрадывается ночью къ кровати оскорбителя и рѣжетъ его;— или среди дня, въ присутствіи свидѣтелей, высчитываетъ обидчику оскорбленія и потомъ поражаетъ его. Въ обоихъ случаяхъ это — злодѣйство, но въ первомъ гораздо больше подлости, отвратительности. Тоже самое слѣ-

дуетъ сказать и о многихъ другихъ преступленіяхъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, разуму судей и присяжныхъ предстоитъ взвѣсить, когда день, или когда ночь должны усиливать мѣру наказанія, или уничтожать возможность смягченія. Защитникъ, конечно, также долженъ старательно разсмотрѣть, не говоритъ ли время совершенія и въ случаяхъ, не указанныхъ закономъ, на что-либо въ пользу обвиняемаго. Мы видѣли въ другомъ мѣстѣ, что нашъ законодатель въ преступленіи нападенія на жилище не обращаетъ вниманія, когда оно было сдѣлано: днемъ, или ночью, хотя здѣсь это существенно важно. Вообще нашъ законодатель даетъ этому обстоятельству мало приложенія, сравнительно съ западными кодексами, напр. онъ не различаетъ его при нохищеніи плодовъ.

Что слѣдуетъ разумѣть въ уголовномъ законѣ подъ словомъ *ночь*, ночь астрономическую, т. е. время отъ заката до восхода солнца, или другую? Если законодатель подъ словомъ ночь разумѣлъ, главнымъ образомъ, состояніе темноты, то такая ночь наступаетъ, спустя нѣсколько времени послѣ заката солнца, а въ Петербургѣ, въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, такой ночи почти вовсе не бываетъ. Если же подъ ночью законодатель разумѣлъ ночь, такъ сказать, общественную, т. е. то время, когда люди преданы сну, то такая ночь совершенно не совпадаетъ съ астрономической и различается въ городахъ и въ деревняхъ: такъ, въ Петербургѣ, въ ноябрѣ и въ декабрѣ, въ 4 часа по полудни совершенно темно, а между тѣмъ это пора дѣятельности, для многихъ—пора предобѣденная; въ тоже время въ 8 часовъ утра еще нужны свѣчи. Кажется, какъ съ этимъ согласна западная практика, ночь надобно разумѣть въ общественномъ смыслѣ. Никто изъ жителей Петербурга, котораго обокрали въ 4 часа пополудни, не скажетъ, что воръ зашелъ къ нему ночью. Наоборотъ, если происшествіе случится въ $3^1/_2$ часа пополуночи, когда солнце въ іюнѣ ярко сіяетъ, никто не скажетъ, чтобъ это было днемъ. Замѣтимъ, что въ нашемъ законѣ въ одномъ случаѣ существуетъ однообразное для всѣхъ мѣстностей опредѣленіе ночи. Именно, законодатель, желая сказать, что несостоятельный должникъ не можетъ быть взятъ ночью, говоритъ, что должникъ не можетъ быть арестованъ отъ *восьми часовъ вечера до восьми часовъ утра* (Уст. Гражд. Судопр. ст. 1246, п. 1).

б) *Время въ количественномъ значеніи (количество времени)* т. е. количество времени, въ которое продолжалось преступленіе, находится въ числѣ существенныхъ условій для преступленій: 1) незаконнаго лишенія свободы, 2) удержанія малолѣтняго. Незаконное лишеніе свободы наказывается различно, смотря потому, продолжалось ли оно не болѣе недѣли, отъ одной недѣли до трехъ мѣсяцевъ, болѣе трехъ мѣсяцевъ (ст. 1540). Похищеніе младенцевъ, безъ намѣренія скрыть ихъ происхожденіе, наказывается тремя различными родами наказаній (арестантскими

1) *Ядъ.* Убійство посредствомъ яда—отравленіе—наказывается строже, чѣмъ посредствомъ ножа, пули и другаго орудія, потому что здѣсь есть почти всегда предумышленіе, болѣе низости, менѣе шансовъ предупредить зло и т. д. (ст. 1453, п. 5). Разстройство здоровья посредствомъ яда наказывается, какъ тяжкое увѣчье въ высшей мѣрѣ (ст. 1486). Истребленіе чужихъ животныхъ отравою также отягчаетъ наказаніе (ст. 1624).

Къ этому же разряду относится сообщеніе заразительныхъ болѣзней людямъ и животнымъ (ст. 854, 855, 862).

2) *Оружіе.* Въ тѣхъ преступленіяхъ противъ личности, общественнаго порядка и собсвенности, которыя могутъ быть совершены и безъ употребленія оружія, то обстоятельство, что виновный былъ вооруженъ, хотя бы и не употреблялъ оружія, есть обстоятельство болѣе или менѣе отягчающее вину, потому что оно вселяетъ болѣе страха, парализируетъ защиту, и показываетъ, что рѣшимость виновнаго совершить преступленіе такъ велика, что онъ, по всей вѣроятности, не отступилъ бы при сопротивленіи и отъ пролитія крови. Не надобно смѣшивать употребленія оружія въ дѣло съ обстоятельствомъ бытія оружія въ рукахъ преступника. Употребленіе оружія—это нанесеніе ранъ или смерти, которое можетъ составлять цѣль преступленія, и можетъ быть также средствомъ для достиженія другаго, сопровождать его,—въ послѣднемъ случаѣ законъ видитъ здѣсь стеченіе двухъ преступленій. Иное разумѣетъ законъ, выражаясь: „если при совершеніи такого-то преступленія, преступникъ былъ вооруженъ“ не употребленіе, а только бытіе оружія. — Обстоятельство вооруженія имѣетъ значеніе, какъ отягченіе вины и степени наказанія, въ слѣдующихъ преступленіяхъ: при возстаніи противъ законныхъ властей (ст. 263), нападеніи съ насиліемъ на дома и другую недвижимую собственность (ст. 1601, ч. 2), при кражѣ (ст. 1653). При насильственномъ или явномъ отнятіи имущества, обстоятельство вооруженія, одно, безъ всякихъ другихъ, дѣлаетъ изъ грабежа высшее преступленіе—разбой (ст. 1601).

Что разумѣетъ законодатель подъ словомъ *вооруженный*, человѣкъ, *имѣвшій оружіе*? Что разумѣется въ Уложеніи подъ оружіемъ: то ли, что разумѣется въ войскѣ,—т. е. оружіе въ тѣсномъ и прямомъ смыслѣ слова, сабли, пики, ружья, пистолеты,—или и другія острыя орудія, которыми легко нанесть смерть—топоръ, большой ножъ, или наконецъ всякое орудіе, которымъ можно нанести смерть,—хотя и не легко,—складной карманный ножъ, большія ножницы, палки и т. подобное? Французскій законъ дѣлаетъ исчисленіе тѣхъ инструментовъ, которые составляютъ оружіе въ легальномъ смыслѣ. Нашъ законъ не приводитъ подобнаго постановленія, но изъ самыхъ выраженій законодателя видно, что онъ отличаетъ *оружіе* отъ *орудія*. Именно, въ ст. 1643 сказано: „Грабежъ, учиненный... такимъ человѣкомъ, который не имѣлъ при себѣ *не только оружія, но и никакого инаго*

орудія, коимъ онъ могъ бы устрашить подвергшагося нападенію"... Здѣсь различается оружіе отъ орудія. Подъ послѣднимъ разумѣется все таки не всякая вещь въ рукахъ, напр. отмычка, прутъ, а такая, которой *можно устрашить*, напр. дубина. Если у виновнаго было въ рукахъ оружіе—это разбой, если было орудіе, которымъ онъ могъ устрашить,—это грабежъ. Если въ грабежѣ оружіе отличается отъ орудій, которыми можно устрашить, то нельзя ли отсюда заключить, что и во всѣхъ другихъ случаяхъ, гдѣ законъ говоритъ о человѣкѣ *вооруженномъ*, слѣдуетъ понимать человѣка, имѣвшаго при себѣ *оружіе*, а не какое либо другое орудіе? Этотъ вопросъ, намъ кажется, долженъ быть разрѣшаемъ отдѣльно при каждомъ преступленіи, и при томъ сообразно съ той обстановкой, среди которой совершалось преступленіе. Тѣмъ болѣе, что и законъ обстоятельство вооруженія не всегда описываетъ одними и тѣми же выраженіями. Такъ, въ ст. 264, 1601, 1604 онъ говоритъ только *вооруженные*, а въ ст. 263—вооруженные *чѣмъ либо*, въ ст. 1653: „*виновный имѣлъ при себѣ какое либо оружіе*"... Нельзя отрицать и того, что если законъ говоритъ объ *орудіи, коимъ можно устрашить*, то здѣсь въ опредѣленіе входитъ въ извѣстной степени не одно абсолютное, но и относительное значеніе орудія, т. е. въ чьихъ рукахъ оно было, и противъ кого направлялось: большая палка въ рукахъ сильнаго чеговѣка есть орудіе сильно устрашающее старика, женщину, ибо онъ можетъ ихъ уничтожить нѣсколькими ударами. Сверхъ того сюда подходитъ и всякая вещь, хотя по существу неспособная къ нанесенію вреда, не имѣющая видъ оружія или опасности орудія; такъ напр. пистолетъ незаряженный, потому что имъ также можно *устрашить*, какъ и настоящимъ, такъ какъ терпящій нападеніе не можетъ знать этого обстоятельства. Уголовная практика знаетъ много случаевъ, гдѣ отнятіе имущества совершалось безъ сопротивленія, единственно чрезъ угрозу фиктивнымъ оружіемъ. Но это обстоятельство (фиктивное оружіе) можетъ имѣть полное значеніе только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ говорится объ устрашеніи; тамъ же гдѣ говорится о вооруженіи оно не можетъ имѣть значенія; пистолетъ имѣетъ значеніе только, когда онъ заряженъ; слѣдовательно насильственное отнятіе имущества человѣкомъ, который имѣлъ даже на виду пистолетъ незаряженный, будетъ грабежъ, а не разбой.

Другой вопросъ: для того, чтобы считать преступника вооруженнымъ, требуется ли, чтобъ оружіе было у него на виду, или подъ качество вооруженнаго подходитъ и тотъ, кто имѣлъ при себѣ оружіе *скрытое*, напр. пистолетъ въ карманѣ. Вопросъ этотъ не разрѣшается прямо законодательствомъ. Онъ разрѣшается различно при разныхъ преступленіяхъ какъ на основаніи того или другаго оборота выраженій закона, такъ и на основаніи той цѣли, которую имѣлъ законодатель въ извѣстномъ слу-

чаѣ, или могъ имѣть, при установленіи отягчающимъ обстоятельствомъ вооруженія. Такъ, если онъ въ вооруженіи видѣлъ элементъ устрашенія жертвы, то ясно, что тогда необходимо, чтобъ оружіе было на виду; скрытное оружіе въ этомъ случаѣ все равно, что и неимѣніе вовсе оружія. Если же онъ въ вооруженіи хотѣлъ строже наказать высшую рѣшимость преступника,—то въ такомъ случаѣ оружіе явное и тайное имѣютъ значеніе одинаковое. Мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, что эти двѣ цѣли весьма трудно ясно разграничить. Вообще, если бы текстъ закона и дозволялъ думать, что явное оружіе отличается отъ тайнаго, то все таки, мы не видимъ значительнаго практическаго приложенія этого различія. Гдѣ его можно допустить? Тамъ, какъ мы видѣли, гдѣ вооруженіе преимущественно есть обстоятельство устрашенія. Но для чего же преступникъ имѣлъ тогда оружіе? Два объясненія возможны: 1) случайно безъ всякой цѣли; это для защиты представляетъ почти неодолимыя трудности, и во всякомъ случаѣ это такое обстоятельство, которое доказывается, а не предполагается: onus probandi лежитъ весь на защитникѣ, тогда какъ для обвиненія достаточно одно констатированіе; 2) для своей защиты. Но, не отрицая моральнаго значенія этого послѣдняго обстоятельства, надобно сказать, что юридически оно ничего не значитъ: оборона имѣетъ огромное значеніе въ уголовномъ правѣ, но только тогда, когда она *законная*. Преступникъ, который имѣетъ въ карманѣ пистолетъ единственно для того, чтобы устрашить лицъ, замѣтившихъ его и желающихъ схватить, совершаетъ незаконное употребленіе оружія.

Относится ли отягчающее обстоятельство вооруженія къ тѣмъ лицамъ, которыя по обязанности всегда вооружены, или были вооружены не для совершенія преступленія, а для другой невинной цѣли. Такъ напр. солдатъ на походѣ, при саблѣ, пойманъ въ кражѣ сѣна; или: человѣкъ, возвращавшійся въ селеніе съ охоты, принимаетъ участіе въ сопротивленіи распоряженіямъ судебной власти. Очевидно, что эти лица не брали оружія для совершенія преступленія; оно у нихъ было для другаго дѣла; они не думали дѣлать изъ него употребленія при своихъ незаконныхъ дѣйствіяхъ. Но все это, съ юридической точки зрѣнія, ничего не значитъ: *оружіе обязываетъ*. Кто вооруженъ, тотъ долженъ болѣе другаго остановиться предъ преступленіемъ; право носить оружіе налагаетъ и особенныя обязанности. Но, конечно, при всемъ этомъ защитникъ можетъ не безъ пользы развивать тезисъ различія вооруженія ad hoc, отъ того, которое въ мысляхъ и намѣреніяхъ виновнаго не имѣло никакой связи съ совершеннымъ преступленіемъ.

3) *Порохъ, взрывъ газовъ, огонь, вода.* Употребленіе одного изъ этихъ средствъ для истребленія имущества имѣетъ огромное значеніе. Тогда какъ истребленіе имущества топоромъ (напр. порубка лѣса, изрубленіе

телѣги), ломомъ и т. под. составляетъ незначительное преступленіе,— истребленіе означенными способами недвижимаго имущества, а относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ и движимаго, составляетъ одно изъ важныхъ уголовныхъ преступленій. Изъ этихъ средствъ сильнѣе всего наказуемо— порохъ и иные удобовоспламеняемые газы (ст. 1616), за тѣмъ слѣдуетъ огонь (поджогъ, 1606 и слѣд.) потомъ вода (ст. 1617 и слѣд.). Порохъ и газъ имѣютъ одинаковое значеніе, были ли они употребляемы относительно недвижимаго или движимаго имущества, — но значеніе другихъ средствъ истребленія (огня и воды) различно, относительно недвижимостей и относительно движимостей.—

4) *Дѣйствіе, печать, письмо, слово.* Въ преступленіяхъ богохульства, оскорбленія святыни, личной обиды—важность преступнаго дѣйствія соразмѣряется, между прочимъ, и съ способомъ выраженія злой воли. *Дѣйствіе* въ этомъ случаѣ имѣетъ не общее значеніе, а спеціальное, т. е. то, что французы называютъ vois de fait, — ударъ рукою (но нетяжелый, который будетъ составлять рану, тяжкіе побои и пр.), разломаніе, брошеніе священной вещи и т. под.

Три означенные способа не всегда имѣютъ равное значеніе. Такъ, въ преступленіи богохульства высшей, т. е. наиболѣе наказуемой формой считается *слово* (ст. 176 и 180); богохуленіе и оскорбленіе святыни въ печатныхъ сочиненіяхъ наказывается слабѣе (ст. 181); форма *дѣйствія* вовсе неприложима къ богохуленію и порицанію вѣры и церкви по природѣ преступленій; въ личныхъ обидахъ нанесеніе ихъ *дѣйствіемъ* наказывается строже, чѣмъ на словахъ или на письмѣ (ст. 287, 1534; Миров. уст. ст. 130—135). Въ преступленіи оскорбленія святыни, дѣйствіе стоитъ выше слова (ст. 210: „Если же безбожіе его дойдетъ до такой степени, что онъ будетъ ругаться и *самымъ дѣйствіемъ* надъ св. Таинствами. . .")

Изъ дѣйствій различаются: а) *явно насильственныя дѣйствія* (ст. 285), о которыхъ говорится при оскорбленіи чиновника и которыя сравниваются съ побоями; эти же дѣйствія, подъ именемъ *насилія*, имѣютъ чрезвычайное значеніе въ преступленіяхъ противъ собственности, служа пограничной линіей между грабежемъ и кражей (ст. 1637: „Грабежемъ признается... всякое у кого либо отнятіе принадлежащаго ему имущества *съ насиліемъ*..."; ст. 1644: „Кражею признается всякое,... *безъ насилія* похищеніе чужихъ вещей"...). При нападеніи на чужую собственность, обстоятельство насилія есть существенный элементъ; безъ него не можетъ и быть преступленія (ст. 1601: „нападеніе съ насиліемъ", „насильственное завладѣніе чужою собственностью", ст. 1602: „насильственное нападеніе). Въ ст. 1591 говорится *о насильственномъ дѣйствіи* дѣтей противъ родителей, несостоящихъ въ побояхъ, а тѣмъ болѣе въ на-

несеніи ранъ, но по наказаніямъ это насильственное дѣйствіе сравнивается съ *оскорбительнымъ дѣйствіемъ* (ст. 1534), такъ что трудно опредѣлить въ этомъ случаѣ предѣлы насильственнаго дѣйствія; b) *жестокое обращеніе*—сумма дѣйствій болѣе чѣмъ оскорбительныхъ, но качество которыхъ, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, не можетъ быть опредѣлено абсолютно. Оно встрѣчается только въ одной сферѣ — супружескомъ союзѣ (ст. 1583). c) *Дѣйствія безстыдныя или соединенныя съ соблазномъ* составляютъ сами по себѣ преступленіе (Миров. уст. ст. 43); d) *оскорбительное обхожденіе* составляетъ отягчающее обстоятельство при незаконномъ лишеніи свободы (ст. 1541); естественно, что оно можетъ проявляться въ дѣйствіяхъ, словахъ, манерѣ. Тоже самое слѣдуетъ сказать о *грубомъ и неприличномъ обхожденіи*, составляющемъ преступленіе въ отношеніи къ начальнику (ст. 394). Разумѣется ли подъ дѣйствіемъ—*жестъ*? Какъ форма выраженія воли, жестъ менѣе опредѣлителенъ, чѣмъ слово, но несомнѣнно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ значитъ болѣе слова. Но весьма сомнительно, чтобы законодатель разумѣлъ во всѣхъ преступленіяхъ жестъ подъ дѣйствіемъ. Это, впрочемъ должно быть разсмотрѣно при каждомъ изъ тѣхъ преступленій, гдѣ упоминается „дѣйствіе". Замѣтимъ, что одинъ изъ жестовъ — *поднятіе руки* упоминается въ законѣ и ставится на ряду съ дѣйствіемъ: „подчиненный, осмѣлившійся нанести начальнику своему оскорбленіе дѣйствіемъ, или хотя только *поднять на него руку или какое нибудь орудіе*"... (ст. 395). Изъ этой статьи, по выраженію „или хотя только", можно заключить, что поднятіе руки или орудія вообще не составляетъ еще *дѣйствія*. Между тѣмъ, какъ изъ 2086-й ст. изд. 1857 г. можно сдѣлать совершенно другое заключеніе: „кто нанесетъ другому личную обиду, болѣе или менѣе тяжкую, ударивъ его съ намѣреніемъ, или *замахнувшись на него* (тоже что поднять руку), или инымъ образомъ погрозивъ рукою или какимъ либо орудіемъ, или же дозволивъ себѣ другое *неприличное, оскорбительное для него дѣйствіе*, тотъ..." Здѣсь поднятіе руки или орудія прямо названо однимъ изъ *дѣйствій*. Эта 2086-я ст. не вошла вовсе въ изданіе 1866 года, потому что личныя обиды вошли въ Мировой уставъ, но въ этомъ уставѣ обида дѣйствіемъ не описывается видами дѣйствій (Мир. уст. ст. 134), да и вообще онъ избѣгаетъ всякихъ опредѣленій.

Что касается до способа совершенія преступленія *словомъ*, то, кромѣ слова въ тѣсномъ смыслѣ законъ различаетъ *рѣчь* и *проповѣдь*, но при нихъ требуется всегда качество публичности: „Произнесеніе публично рѣчей" (ст. 252), „публично говорить рѣчи" (ст. 274). „проповѣдывать лжеученіе публично" (ст. 197).

Письмо встрѣчается въ двухъ видахъ: a) въ тѣсномъ смыслѣ, т. е.

въ видѣ бумаги, написанной къ одному лицу,—напримѣръ обида на письмѣ, b) *письмо распространенное, письменныя распространяемыя сочиненія.* Законъ говоритъ объ этомъ распространеніи: „какимъ бы нибыло образомъ", но въ 273 ст. указаны нѣкоторые изъ способовъ: *подкидываніе* и *выставленіе* въ публичныхъ мѣстахъ. Первый видъ имѣлъ громкую извѣстность въ нашей исторіи: это—подметныя письма, которыя были бросаемы на площадяхъ и другихъ подобныхъ мѣстахъ, гдѣ бываетъ стеченіе народа. Затѣмъ, сюда относятся другіе способы распространенія: чрезъ списываніе и разсылку, чрезъ показываніе одного и того же экземпляра и проч. Особенный видъ составляютъ *бумаги, поданныя въ присутственныя мѣста* (ст: 283, 1535); оскорбленіе какого либо присутственнаго мѣста или должностнаго лица въ такой бумагѣ, подвергается наказанію болѣе строгому, чѣмъ на простомъ письмѣ; клевета, въ такой бумагѣ выраженная, считается какъ клевета въ печатномъ сочиненіи. c) *Печатныя сочиненія.* Печатныя сочиненія сравниваются, какъ способъ, съ письмомъ распространеннымъ, и встрѣчаются въ тѣхъ же преступленіяхъ, гдѣ дѣйствуетъ и послѣдняя форма. Но печать кромѣ того есть форма для диффамаціи и цѣлой массы преступленій своего рода по нарушеніяхъ постановленій о печати" (ст. 1004—1048); къ этому же разряду слѣдуетъ отнести и форму поруганія чрезъ *изображеніе* (ст. 183).

5) Способъ дѣйствія *публичный,* (публично) *явный, тайный.* Мы говорили объ этихъ способахъ при разсмотрѣніи вопроса о публичномъ мѣстѣ, по тѣсной связи этихъ двухъ обстоятельствъ.

6) Способъ дѣйствія *массою,* собраніемъ людей (коалиція). Если преступленіе совершается нѣсколькими сговорившимися лицами, то здѣсь открывается приложеніе различной степени наказанія, сообразно съ значеніемъ той роли, которую игралъ каждый изъ нихъ—главную, второстепенную, третьестепенную. Но этотъ вопросъ (о мѣрѣ наказанія по степени участія въ преступленіи не относится къ настоящей главѣ. Здѣсь мы разсмотримъ сборище лицъ,какъ способъ совершенія преступленія.

Этотъ способъ считается законодательствами самымъ преступнымъ, самымъ опаснымъ. Важность его проявляется въ томъ: 1) что нѣкоторые факты дѣлаются преступленіемъ и притомъ важнымъ, когда приводятся въ дѣйствіе массою лицъ уговорившихся, 2) что въ нѣкоторыхъ преступленіяхъ то обстоятельство, что они были совершены не однимъ человѣкомъ, а многими сговорившимися, служитъ важнымъ отягощеніемъ ихъ значенія, т. е. степени и рода наказанія. Изъ этого видно, что вопросъ о массѣ лицъ, какъ о способѣ совершенія преступленія, совершенно независимъ отъ вопроса о мѣрѣ наказанія нѣсколькихъ лицъ, совершившихъ по уговору извѣстное преступленіе, сообразно степени ихъ участія.

Прежде всего замѣтимъ, что существуютъ преступленія, которыя иначе

и не могутъ быть приведены въ дѣйствіе, как многими уговорившимися людьми (коалиціей). Таковы: бунтъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, который опредѣляется закономъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „возстаніе *скопомъ* и *заговоромъ* противъ Государя и государства" (ст. 249); далѣе, — возстаніе противъ власти (но не сопротивленіе чиновникамъ). Въ послѣднемъ случаѣ хотя законъ не говоритъ о скопѣ и заговорѣ, даже не говоритъ о согласіи лицъ, но самыя выраженія его показываютъ достаточно ясно, что онъ не представляетъ себѣ этого преступленія (что согласно и съ природой его) возможнымъ къ существованію иначе, какъ собраніемъ многихъ людей: „За явное противъ власти ... возстаніе ... вооруженными чѣмъ либо людьми" ... (ст. 263): „За противодѣйствіе такого рода, произведенное хотя невооруженными *людьми*"... (ст. 264). Сюда же относится отчасти и нападеніе съ насиліемъ на недвижимыя имущества: „За всякое нападеніе съ насиліемъ... виновники, если они не были вооружены... Но когда нападеніе учинено *людьми вооруженными*"... (ст. 1601). Нападеніе съ насиліемъ можно себѣ представить произведеннымъ и однимъ человѣкомъ, но текстъ закона какъ бы не допускаетъ этого, — обстоятельство, подробное разсмотрѣніе котораго, относится къ изложенію преступленія о нападеніи съ насиліемъ на недвижимыя имущества.

Собраніе и приготовленіе средствъ къ приведенію преступнаго намѣренія въ дѣйствіе составляетъ приготовленіе къ преступленію. Приготовленіе въ принципѣ вовсе не наказуемо; но если орудіемъ избрано собраніе лицъ, масса, тогда одинъ такой способъ, независимо отъ того зла, которое было цѣлью, составляетъ самъ по себѣ важное преступленіе: 1) составленіе шаекъ для разбоя, зажигательства, дѣланія фальшивой монеты, кражи и мошенничества (ст. 924, 925); 2) составленіе общества (тайнаго), сборища, кружка и проч. не только для государственныхъ преступленій, въ тѣсномъ смыслѣ слова, но вообще съ вредной цѣлью (Указ. 1867 г., въ замѣнъ 318—324 ст. Уложенія).

Соединеніе нѣсколькихъ лицъ есть отягчающее обстоятельство въ слѣдующихъ преступленіяхъ: 1) при сопротивленіи исполненію судебныхъ опредѣленій или иныхъ распоряженій властей и чиновнику при отправленіи должности (ст. 270, 272); 2) при неисполненіи распоряженій правительства (ст. 273: „Если и безъ всякаго явнаго возстанія или сопротивленія властямъ, *нѣсколько человѣкъ* согласятся не исполнять какое либо предписаніе сихъ властей"); 3) поджогѣ (ст. 1607, послѣдній пунктъ;) 4) разбоѣ (ст. 1632); 5) грабежѣ (ст. 1639); 6) кражѣ (ст. 1645), — здѣсь это обстоятельство совершенно измѣняетъ видъ преступленія: вмѣсто легкихъ исправительныхъ наказаній, идетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже ссылка въ Сибирь на поселеніе; 7) мошенничествѣ (ст. 1671, п. 2). Законъ различаетъ два рода соединенія лицъ для совершенія преступленія:

шайку и другой родъ, для котораго нѣтъ положительнаго опредѣленія, а только отрицательное: „нѣсколько сговорившихся лицъ, хотя и безъ составленія настоящей для того шайки". Слѣдственно, чтобы опредѣлить послѣдняго рода соединеніе, надобно точно и опредѣлительно знать составные элементы шайки. А это, какъ мы увидимъ при разборѣ преступленія составленіе шайки, сдѣлать точно — очень трудно, потому что законодатель вовсе не опредѣляетъ, въ противность своему обыкновенію, что такое шайка. Мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ сколько темноты находится въ законѣ относительно „шайки", „*настоящей* шайки" въ отличіе отъ собранія уговорившихся людей. А между тѣмъ разрѣшеніе этого вопроса чрезвычайно важно для практики. Одно составленіе *шайки* есть, какъ мы видѣли, важное преступленіе, а уговоръ нѣсколькихъ лицъ вовсе не составляетъ самъ по себѣ преступленія, кромѣ нѣсколькихъ исключительныхъ случаевъ, именно, въ преступленіяхъ государственныхъ въ тѣсномъ смыслѣ слова. При совершеніи преступленія шайка и собраніе лицъ по уговору безъ составленія шайки иногда разсматривается опять различно—въ разбоѣ (ст. 1633, 1632), грабежѣ (ст. 1639, 1643), а въ особенности различіе проявляется рѣзко въ кражѣ: за кражу шайкою—идетъ главнымъ виновнымъ ссылка въ Сибирь на поселеніе (ст. 1645), а кража, „учиненная по уговору нѣсколькихъ лицъ", составляетъ только отягчающее обстоятельство простой кражи, слѣдовательно подвергаетъ виновныхъ наказанію не свыше годичнаго тюремнаго заключенія (ст. 1659, п. 5. Миров. уст. ст. 170, п. 5). Въ преступленіяхъ возстанія противъ властей, нападенія съ насиліемъ законодатель не знаетъ шайки, а только одно обстоятельство—совершеніе ихъ многими людьми, даже не прибавляетъ условія предварительнаго уговора.

Другой вопросъ. Сколько нужно лицъ, чтобы составить шайку и вообще сборище? Достаточно ли двухъ, трехъ? При анализѣ различныхъ преступленій въ особенности шайки, мы подробно разсмотримъ этотъ вопросъ. Здѣсь же замѣтимъ слѣдующее: законодатель вообще не даетъ цифры минимума,—онъ говоритъ только „шайка", „нѣсколько лицъ" и даже безъ слова „нѣсколько" выражается однимъ множественнымъ числомъ: „вооруженными людьми, невооруженными людьми"; а множественное число относится также хорошо къ двумъ какъ и къ двадцати. Нѣкоторую помощь при разрѣшеніи этого вопроса оказываетъ ст. 270: „За сопротивленіе исполненію судебныхъ опредѣленій или иныхъ постановленій и распоряженій властей, правительствомъ установленныхъ. . . ., когда оно будетъ учинено *не многими лицами, а лишь двумя или тремя человѣками*"... Слѣдуетъ ли изъ этого заключать, что и въ другихъ преступленіяхъ, гдѣ говорится о соединеніи лицъ, о нѣсколькихъ лицахъ, о лицахъ во множественномъ числѣ, а тѣмъ болѣе о шайкѣ,—также надобно разумѣть не

менѣе четырехъ лицъ? Конечно, хорошій адвокатъ можетъ съ пользою развивать этотъ тезисъ, но, какъ мы увидимъ, утвердительный отвѣтъ сомнителенъ. Кромѣ того, въ старомъ уставѣ уголовнаго судопроизводства, находилось постановленіе (Св. Зак. т. XV, кн. II, ст. 436, п,, 3, изд. 1857 г.), что дѣла о лицахъ простаго званія переносятся изъ уголовныхъ палатъ на ревизію въ сенатъ, „когда по одному и тому же дѣлу„ присуждаются къ тѣлесному наказанію болѣе *девяти* человѣкъ. Эта статья также полезна при изученіи смысла закона о шайкѣ и собраніяхъ лицъ.

7) Наконецъ, упомянемъ, какъ объ отягощающихъ преступленіе способахъ: о *взломѣ, подкопѣ, разбитіи, поврежденіи, проломѣ* воротъ, стѣнъ, кровли, дверей, сундуковъ, *влѣзаніи въ окно, перелѣзаніи* чрезъ *стѣну*, о шулерствѣ въ преступленіи мошенничества (ст. 1670), о *приведеніи въ состояніе безпамятства или неестественнаго сна* въ преступленіи изнасилованія (ст. 1526, п. 4). Анализъ значенія этихъ способовъ относимъ къ изслѣдованію тѣхъ преступленій, при которыхъ они встрѣчаются.

ГЛАВА X.

ПОКУШЕНІЕ.

Сравнительное значеніе двухъ элементовъ преступленія, воли и матеріальнаго факта. Спиритуализмъ, какъ господствующее начало новыхъ кодексовъ во взглядѣ на матеріальный фактъ. Принципъ нашего законодательства. Движеніе воли до совершенія преступленнія мысль, рѣшимость, приготовленіе, покушеніе. Случаи наказуемости проявленной чѣмъ либо мысли и рѣшимости. Почему приготовленіе вообще ненаказуемо. Случая наказуемости приготовленія. Покушеніе, отличіе его отъ приготовленія и совершившагося преступленія. Покушеніе, остановленное по собственной волѣ и остановленное по обстоятельствамъ, независѣвшимъ отъ воли виновнаго. Покушеніе оконченное или неудавшееся преступленіе. Средства негодныя абсолютно и относительно. Покушеніе на негодный объектъ.

Преступленіе состоитъ изъ двухъ элементовъ: внутренняго—воли, намѣренія, и внѣшняго—матеріальнаго дѣйствія. Поэтому для полнаго понятія о преступленіи необходимо бытіе обоихъ этихъ элементовъ, такъ что напримѣръ убійство, кража тогда будутъ преступны, когда съ одной стороны была воля, намѣреніе убить или украсть, а съ другой, когда для этой цѣли произведено извѣстное матеріальное дѣйствіе, т. е. совершено лишеніе жизни или похищеніе вещи.

Слѣдовательно отсутствіе одного изъ элементовъ производитъ дѣйствіе или не преступное или преступленіе неполное.

Всѣ законодательства сознали, что безъ воли, намѣренія одно матеріальное дѣйствіе, хотя бы и имѣло весьма важныя послѣдствія, все-таки не можетъ произвести преступленія, а будетъ не болѣе какъ несчастный случай, такъ напримѣръ убійство, совершенное въ сумасшествіи или случайно; человѣкъ можетъ сжечь цѣлый городъ, лишить жизни цѣлую толпу и не будетъ подлежать отвѣтственности какъ убійца, или поджигатель если это совершено имъ безъ злаго намѣренія, безъ воли.

Значеніе воли для бытія преступленія было нами разсмотрѣно. Если безъ воли нѣтъ преступленія, то слѣдуетъ ли обратное заключеніе, имен-

но, что безъ матеріальнаго факта, при одной волѣ, также нѣтъ преступленія.

Такое состояніе, когда преступное намѣреніе достаточно осязаемо, но матеріальнаго факта преступленія не произошло, называется *приготовленіемъ и покушеніемъ*. Послѣднее выраженіе употребляется и какъ общее. Въ древнемъ мірѣ, а также и въ новомъ, въ эпоху грубости законодательства, волѣ, намѣренію, желанію почти не придавали значенія и наказывали преступника за матеріальныя послѣдствія. У насъ только въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича, въ статьяхъ объ убійствѣ, появилось отличіе преступленій, совершенныхъ умышленно, отъ случайныхъ, или происшедшихъ—какъ тамъ сказано, грѣшнымъ дѣломъ, но и то намъ указано лишь 2, 3 случая. Древнее германское и русское право также не придавало значенія волѣ преступника, а смотрѣло на преступленіе, какъ на вредъ гражданскій, матеріальный,—и назначало наказаніе, состоявшее въ вирѣ, такъ напримѣръ человѣку отрубили руку, лишили этимъ возможности работать:—виновный присуждался къ уплатѣ денежной пени, достаточной для матеріальной замѣны утраченной руки.

Съ появленіемъ христіанства, воззрѣніе на значеніе воли должно было измѣниться, потому что по христіанской религіи, однѣ внѣшнія дѣйствія, обряды, безъ внутренняго сознанія, не имѣютъ значенія. Въ этомъ отношеніи, христіанское ученіе, признавая внѣшнія дѣйствія сами по себѣ безъ внутренняго, духовнаго участія воли человѣка ничтожными, прямо указывало на безнаказанность дѣйствій, совершенныхъ грѣшнымъ дѣломъ, случайно. По мѣрѣ развитія обществъ съ одной стороны путемъ религіи, съ другой цивилизаціи, принципъ значенія воли, намѣренія въ преступныхъ дѣйствіяхъ выяснился и утвердился такъ, что въ современномъ правѣ внѣшнія дѣйствія признаются преступными только тогда, когда онѣ были направлены злою волею человѣка для достиженія извѣстной цѣли.

Однако нельзя не замѣтить, что въ видѣ исключенія, въ нашемъ кодексѣ есть и такого рода постановленія, гдѣ какъ бы и внѣшности придано значеніе. Такъ напр. за побои слѣдуетъ такое-то наказаніе, но если слѣдствіемъ этихъ побоевъ была смерть, хотя бы и безъ намѣренія виновнаго, то наказаніе усиливается. Тоже самое въ личномъ задержаніи соединенномъ съ истязаніемъ: если отъ послѣдняго произошла смерть,—наказаніе возрастаетъ до каторги. Подобное возвышеніе наказанія здѣсь имѣетъ тотъ смыслъ, что по мѣрѣ развитія преступленія — виднѣе становятся злость, безнравственность виновнаго, поэтому то новое наказаніе прибавляется только къ преступленію, т. е. плюсъ присоединяется къ величинѣ, но никогда къ нулю, — на томъ основаніи, что гдѣ нѣтъ преступленія хотя бы и были послѣдствія, не можетъ быть наказанія.—

Юридическая сфера разсматриваетъ только однѣ внѣшнія дѣйствія, а потому абстрактное начало не можетъ имѣть того значенія, тѣхъ послѣдствій въ этой сферѣ, какія оно имѣетъ въсферѣ религіозной. Государство существуетъ для внѣшней опредѣленной цѣли; цѣль государства состоитъ въ томъ, чтобы былъ миръ, спокойствіе, чтобы общественная жизнь текла ненарушимо. Карать же мысль, какъ первую ступень къ совершенію въ будущемъ преступленія, не возможно, ибо между волею и исполненіемъ факта—разстояніе необъятное, притомъ только фактъ матеріальный можетъ нарушить общественную жизнь и спокойствіе.

Извѣстно, что когда честному человѣку приходитъ первая мысль о преступленіи, она возбуждаетъ въ немъ ужасъ, отвращеніе; но ежели онъ не имѣетъ столько силы, чтобы изгнать ее изъ головы, онъ съ нею свыкается, перестаетъ ужасаться, и невольно вдается въ обдумываніе послѣдствій и взвѣшиваніе выгодъ отъ преступленія.—Являются соображенія, какъ лучше его совершить, какъ избѣжать наказанія, избираются средства, и по мѣрѣ того, какъ преступная мысль овладѣваетъ человѣкомъ, чувства его грубѣютъ, воля къ совершенію дѣлается тверже, человѣкъ постепенно двигается впередъ по пути ко злу, и наконецъ доходитъ до самаго факта. Если эти переходы отъ мысли къ дѣлу обнаружены, является преступленіе умышленное, заранѣе обдуманное, если же нѣтъ—то по внезапному побужденію, а это значитъ, что мысль была, и она пустила корни,—пришелъ случай, она и осуществилась.

Начиная отъ мысли о преступленіи до выполненія ея, т. е. до совершенія матеріальнаго факта, идетъ длинная цѣпь проявленій и дѣйствій, когда преступная воля все ближе и ближе подходитъ къ цѣли. Слѣдить всѣ эти фазы движенія преступной воли во всѣхъ ея оттѣнкахъ невозможно для закона. Онъ можетъ только различить главныя кольца этой цѣпи. Именно, нашъ законъ различаетъ послѣдовательно: 1) мысль, 2) рѣшимость, 3) приготовленіе, 4) покушеніе, при томъ болѣе или менѣе близкое къ исполненію. Вопросъ о наказуемости или ненаказуемости этихъ ступеней проявленія преступной воли разрѣшается на основаніи философскихъ и уголовно-политическихъ началъ, принятыхъ извѣстнымъ законодательствомъ; онъ заключаетъ въ различныхъ своихъ видахъ множество трудностей, которыя не иначе могутъ быть разрѣшимы, какъ при точномъ сознаніи тѣхъ принциповъ, которыхъ держится законодатель.

Два главныхъ воззрѣнія проходятъ въ законодательствахъ относительно вопроса о наказуемости различныхъ проявленій преступной мысли до ея осуществленія. Воззрѣніе спиритуальное обращаетъ вниманіе на одно начало воли, намѣренія; тамъ гдѣ эта злая воля въ чемъ бы то ни было проявилась, оно видитъ преступленіе. Воззрѣніе реалистическое держится необходимости матеріальнаго факта для бытія преступленія; тамъ гдѣ нѣтъ

этого факта, нѣтъ жертвы, нѣтъ нарушенія права, нѣтъ вреда, тамъ и нѣтъ преступленія.

Древнія законодательства стояли на чисто реальной точкѣ зрѣнія. Въ римскомъ правѣ вопросъ о покушеніи былъ почти вовсе неизвѣстенъ. Вліяніе христіанскихъ началъ мало по малу стало преобладающимъ въ уголовныхъ кодексахъ новыхъ народовъ; различныя проявленія воли на пути къ преступленію стали наказуемы, и наконецъ покушеніе, остановленное не по собственной волѣ, совершенно сравнено съ преступленіемъ. Нашъ Сводъ законовъ и Угол. Улож. также усвоили себѣ вполнѣ спиритуальную точку зрѣнія. Но законъ 9 марта 1864 г. составляетъ великій переломъ въ этомъ воззрѣніи; онъ поворотилъ отъ крайностей спиритуализма къ болѣе реальному взгляду, установивши за покушеніе, неимѣвшее успѣха по обстоятельствамъ, независѣвшимъ отъ воли дѣятеля, въ нѣкоторыхъ случаяхъ ненаказуемость, а въ другихъ уменьшеніе наказанія. Этотъ законъ, выражающій новый взглядъ законодателя, долженъ служить ключемъ къ разрѣшенію спорныхъ случаевъ покушенія въ духѣ удаленія отъ начала крайняго спиритуализма.

При критическомъ разборѣ наказуемости различныхъ фазисовъ проявленія злой воли, мы не должны терять изъ виду того начала, что въ преступленіи главнымъ образомъ заключается опасность для общества, что наказаніе главнымъ образомъ есть оборона общества. Затѣмъ мы должны всякой разъ задавать два вопроса: можетъ ли быть вообще наказуемо то или другое проявленіе воли, а если можетъ, то какъ — наравнѣ съ преступленіемъ, къ совершенію котораго шла воля, менѣе его, или наконецъ какъ delictum sui generis? Эти вопросы разрѣшаются сообразно началамъ справедливости и уголовной политики.

Мы сказали, что первый фазисъ роста преступленія есть мысль о немъ. Мы можемъ говорить только о мысли чѣмъ-либо выраженной, во внѣ, — на словахъ, на письмѣ, въ какомъ-либо дѣйствіи: мысль невыраженная вовсе неосязаема.

Между первой мыслью о преступленіи и ея выполненіемъ громадное разстояніе; выраженіе мысли на словахъ или иныхъ образомъ не только не нарушаетъ чьихъ либо правъ, безопасности общества, но даже не заключаетъ въ себѣ ничего опредѣлительнаго: мысль также легко уходитъ, какъ и приходитъ. Но когда человѣкъ кончилъ внутри себя колебанія, устранилъ сомнѣнія и возраженія, словомъ, когда мысль достигла той степени зрѣлости, которую нашъ законъ называетъ *злымъ умысломъ*, тогда выраженіе ея можетъ, если она направлена на важное преступленіе, произвести нѣкоторыя опасенія въ обществѣ. Но разстояніе между рѣшимостью произвести преступленіе и самымъ преступленіемъ все-таки безконечно велико; эта рѣшимость можетъ пасть при первой попыткѣ къ осу-

ществленію, когда образъ преступленія представится въ своемъ отвратительномъ видѣ, наказаніе съ своимъ спасительнымъ страхомъ. Общество достаточно успокоивается, если противъ человѣка, выразившаго преступный умыселъ, будутъ приняты мѣры наблюденія (ст. 7 и 111). Нашъ законъ знаетъ однако одинъ случай наказуемости простой мысли и нѣсколько случаевъ наказуемости голаго умысла. Мысль наказуема, и при томъ наказуема наравнѣ съ самымъ тѣмъ преступленіемъ, котораго касалась, въ одномъ случаѣ, именно, когда она направлена противъ Государя Императора и членовъ Императорскаго дома (ст. 241, 242, 244). Смертной казнію наказывается „всякое злоумышленіе" противъ жизни, здравія или чести Государя. Злоумышленіемъ въ этомъ случаѣ называется между прочимъ „словесное или письменное изъявленіе своихъ о томъ мыслей и предположеній". Голая рѣшимость составляетъ полное законопреступное дѣяніе также въ преступленіи государственной измѣны („кто *умыслитъ* предать государство или какую-либо часть его другому государю или правительству", ст. 253), и бунта: „за бунтъ противъ власти верховной... равно и за *умыселъ* ниспровергнуть правителъство во всемъ государствѣ". (ст. 249). Только въ этихъ трехъ случаяхъ мысль и умыселъ наказуемы, какъ самое преступленіе. Во всѣхъ же другихъ случаяхъ выраженная рѣшимость — „похвальба" не наказывается. Посмотримъ на другіе случаи, гдѣ какъ будто бы наказывается одинъ выраженный на словахъ или письмѣ умыселъ. Сюда относится, во первыхъ, угроза Но это только кажущееся исключеніе Угроза наказывается не какъ шагъ къ преступленію, а какъ преступленіе sui generis, потому что она заключаетъ въ селѣ оскорбленіе и нарушеніе спокойствія. 2) Далѣе, мысль, выраженная на словахъ, письмѣ или въ печати наказуема тогда, когда эти слова, письмо, печать составляютъ полное и совершенное выполненіе преступленія. Таково значеніе этихъ формъ въ богохуленіи, личныхъ обидахъ, въ преступленіяхъ печати. Наконецъ 3) слово имѣетъ особенное значеніе, когда оно составляетъ подстрекательство къ преступленію: если это преступленіе произошло, то подстрекавшій становится главнымъ виновнымъ.

Слѣдующій фазисъ выраженія преступнаго намѣренія составляетъ *приготовленіе* къ преступленію. Законъ такимъ образомъ опредѣляетъ приготовленіе (ст. 8): „пріисканіе или пріобрѣтеніе средствъ для совершенія преступленія". Напр. кто хочетъ отравить, тотъ покупаетъ ядъ; кто хочетъ обокрасть,—пріобрѣтаетъ отмычки и т. д.

Анализируя приготовленіе, нельзя не замѣтить, что хотя по закону оно и составляетъ одну ступень отъ мысли къ дѣйствію, но на самомъ дѣлѣ въ немъ заключается множество переходовъ. И дѣйствительно: человѣкъ, задумавъ убить, досталъ ружье: это приготовленіе; купилъ по-

рохъ, пули, зарядилъ ружье — опять приготовленіе; съ ружьемъ пошелъ на дорогу, чтобы встрѣтить того, кого желаетъ убить—тоже приготовленіе. Между тѣмъ, здѣсь цѣлая послѣдовательная цѣпь дѣйствій; въ человѣкѣ колебаніе постепенно уменьшается, преступная воля крѣпнетъ когда онъ переходитъ отъ одного дѣйствія къ другому и такимъ образомъ шагъ за шагомъ, постепенно подвигается къ преступленію. Или напр человѣкъ, задумавъ бунтъ, уговорилъ 2 или 3 человѣкъ—приготовленіе. но этого недостаточно для произведенія преступленія; черезъ мѣсяцъ уже онъ успѣлъ подговорить 100 ч., и идетъ дальше, собираетъ оружіе, пріобрѣтаетъ порохъ, пули и т. д. Чѣмъ важнѣе преступленіе, тѣмъ болѣе надо пріобрѣсти и пріискать способовъ, поэтому нерѣдко приготовленіе продолжается нѣсколько мѣсяцевъ и сопряжено съ большими трудностями, но человѣкъ, постепенно подаваясь впередъ по преступному пути, постепенно преодолѣваетъ препятствія, постепенно утверждается въ преступномъ намѣреніи, и наконецъ подходитъ такъ близко, что можетъ покуситься на исполненіе. Очевидно, что человѣкъ съ каждымъ шагомъ все дѣлается болѣе виновнымъ, поэтому и наказаніе должно бы возрастать пропорціонально. Но ни прослѣдить всѣ переходы, ни уловить всѣ моменты, ни усиливать постепенно наказаніе, по величайшей разнообразности дѣйствій въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, нѣтъ никакой возможности, — поэтому законъ всѣ предварительныя дѣйствія совокупляетъ въ одно общее начало и даетъ ему названіе приготовленія.

Конечно, могутъ быть и такіе случаи, когда едва только зародилась мысль на преступленіе въ головѣ человѣка, онъ быстро перескакиваетъ всѣ послѣдовательныя дѣйствія и вдругъ приходитъ къ совершенію факта, но такіе случаи бываютъ не часто.

Обращаясь къ опредѣленію приготовленія по нашему Улож. о нак., мы видимъ, что оно совершенно удовлетворительно обнимаетъ собою всѣ дѣйствія, входящія въ область приготовленія; слова „пріисканіе или пріобрѣтеніе средствъ" даютъ возможность съ достаточною отчетливостью опредѣлить все то, что входитъ въ составъ приготовленія;—такимъ образомъ покупка оружія, пороха, пуль, яда и пр., если ружье есть—пріобрѣтеніе пороха, яда есть приготовленіе, точно также, какъ подговоръ живущаго въ томъ домѣ къ соучастію и проч. Слѣдовательно, когда пріобрѣтены или пріисканы средства, приготовленіе осуществлено.

Какъ понимать выраженія: „пріисканіе или пріобрѣтеніе средствъ?" И съ грамматикой („пріис*каніе*", а не „пріиски*ваніе*") и съ логикой согласно, что здѣсь требуется обладаніе дѣйствительныхъ или лучше сказать полныхъ средствъ къ совершенію. Если пріобрѣтено ружье, но нѣтъ ни пуль, ни пороха, то здѣсь нѣтъ приготовленія въ техническомъ смыслѣ слова, потому что однимъ ружьемъ ничего нельзя сдѣлать. Но законъ

нашъ для бытія приготовленія и наказуемости его не требуетъ, чтобъ непремѣнно были въ рукахъ средства, вполнѣ достаточныя для произведенія преступленія, т. е. ружье заряженное, ядъ, всыпанный въ напитокъ или кушанье. Это доказывается ст. 1,457: „За всякія, принимаемыя для совершенія убійства мѣры, каковы суть пріобрѣтеніе или приготовленіе *нужныхъ для того оружія,*... или яда".

Легальное понятіе о приготовленіи приложимо не ко всѣмъ преступленіямъ. По дѣлу Г-ва сенатъ сказалъ: „Приготовленіемъ къ преступленію признается пріисканіе или пріобрѣтеніе средствъ для совершенія преступленія, и къ числу таковыхъ средствъ не могутъ быть причислены дѣйствія, непосредственно касающіяся личности человѣка, который можетъ быть только имъ предметомъ преступленія, лицомъ пострадавшимъ или участникомъ въ преступленіи; а не средствомъ для совершенія преступленія" *). На этомъ основаніи у насъ къ себѣ на квартиру для цѣли мужеложства мальчика и обнаженіе частей его тѣла, признано выходящимъ изъ *сферы* приготовленія.

При обсужденіи наказуемости приготовленія, представляется вопросъ— можетъ ли оно быть вообще наказуемо, или наказуемо какъ преступленіе sui generis, или, наконецъ, какъ полное преступленіе, къ которому сдѣлано приготовленіе.

По нашему Уложенію о наказаніяхъ приготовленіе совершенно совпадаетъ съ исполненіемъ, въ преступленіи поддѣлки монеты, ибо законъ, не допуская и самую поддѣлку, опредѣляетъ совершеніе преступленія въ одной поддѣлкѣ, тогда какъ въ юридическомъ отношеніи поддѣлка составляетъ только приготовленіе.

Приготовленіе въ преступленіяхъ государственныхъ, по нашему Уложенію, подлежитъ наказанію, какъ преступленіе вполнѣ совершеное.

Оно наказывается и въ нѣкоторыхъ особенно важныхъ преступленіяхъ противъ правъ частныхъ лицъ, именно: убійствѣ и отчасти поджогѣ, но, во первыхъ, гораздо слабѣе чѣмъ исполненное преступленіе, а во вторыхъ, только при извѣстныхъ условіяхъ. Такъ, приготовленіе къ убійству наказывается не каторжной работой, а ссылкой на поселеніе, и то только въ случаѣ, когда доказано, что только обстоятельства помѣшали виновному перейти къ совершенію; если же это не доказано, то онъ подвергается тюремному заключенію (ст. 1457). Приготовленіе къ поджогу наказывается не уголовнымъ, а исправительнымъ наказаніемъ (ст. 1611).

Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ приготовленіе, въ принципѣ, не наказуемо.

---

*) Кассац. 1870 г. 30 окт.

Это потому, что въ приготовленіи къ преступленію важному есть уже вредъ, хотя бы и не было преступнаго факта, — тогда какъ въ преступленіяхъ неважныхъ приготовленіемъ никому вреда не дѣлается; такъ напр. у повара нашли ядъ — онъ сознался что хотѣлъ отравить; хотя отравленіе и не совершилось, но такой человѣкъ наводитъ страхъ, общество останется неуспокоеннымъ, если подобное дѣйствіе сойдетъ съ рукъ; притомъ же и тотъ, кого хотѣли отравить все таки пострадалъ; великая опасность, отъ которой онъ избавился, естественно потрясаетъ его, онъ дѣлается недовѣрчивымъ къ прислугѣ, мысль о возможности повторенія опасности портитъ его жизнь. Напротивъ, у человѣка, приготовлявшагося украсть, нашли отмычки—очевидно, это извѣстіе проходитъ, не оставляя почти и слѣда въ нормальномъ положеніи общества.

Наказаніе же приготовленія, какъ самаго преступленія, въ общемъ правилѣ немыслимо, одного внутренняго факта для полнаго понятія о преступленіи недостаточно; тогда только возможно видѣть полное преступное развитіе, когда человѣкъ или совершаетъ преступленіе, или уже покусился его совершить. Поваръ имѣлъ ядъ, хотѣлъ отравить, въ чемъ и сознался,—но видно ли, что его воля достигла зрѣлости? Есть ли ручательство, что преступленіе неминуемо бы совершилось? Злая воля могла бы только тогда вполнѣ проявиться, когда бы поваръ приступилъ къ исполненію, а сколько препятствій могло быть встрѣчено! Нужно было выбрать время всыпать ядъ,—могли подсмотрѣть; нужно было подать отраву,—и вдругъ кто нибудь слѣдившій, схватилъ бы его,— словомъ онъ могъ рѣшиться, но еще далеко нерѣшено, чтобы у него достало духу дойти до конца. Часто одинъ думаетъ оскорбить другаго самымъ тяжкимъ образомъ, а когда сойдется съ нимъ лицемъ къ лицу, все представится въ другомъ свѣтѣ, и дѣло окончится обыкновеннымъ разговоромъ. Въ большинствѣ преступленій тяжкихъ, человѣкъ до тѣхъ поръ и не имѣетъ полнаго понятія о задуманномъ преступленіи, пока не сдѣлаетъ послѣдняго шага, и тутъ оно ему представится со всѣми ужасающими послѣдствіями. Тутъ то наиболѣе просыпается совѣсть, а взглядъ на жертву, ея мольбы, возбуждаютъ чувство жалости; вся эта обстановка колеблетъ рѣшимость, обдаетъ человѣка холодомъ, опускаются руки и онъ отступаетъ,—слѣдовательно наказать человѣка за начало весьма далекое, имѣя въ виду конецъ весьма сомнительный, было бы въ общемъ правилѣ несправедливостью, вредною еще и въ томъ отношеніи, что когда отрѣзывается возможность отступленія, то это служитъ не къ уменьшенію числа преступленій, а напротивъ, ихъ увеличиваетъ.—И такъ приготовленіе, за исключеніемъ случаевъ, спеціально указанныхъ въ законѣ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть наказуемо, какъ полное, дѣйствительно совершенное преступленіе.

Какъ поступить въ такомъ случаѣ, когда приготовленіе, само по себѣ составляетъ преступленіе, напр. кто нибудь, желая воровать, заказалъ себѣ фальшивые ключи, или, думая взорвать домъ, пріобрѣлъ порохъ въ запрещенномъ количествѣ, или, умысливъ убить укралъ бы деньги на покупку пистолета, укралъ бы даже и со взломомъ ружье? Весьма естественно, что подобныя дѣйствія, хотя и служили только приготовленіемъ, но въ тоже время могутъ составлять нарушеніе полицейскихъ правилъ, и, какъ таковыя, подлежатъ наказанію. Это начало выражено въ 112 ст. Улож:. „За приготовленіе къ совершенію преступленія, виновный подвергается наказанію смотря потому, во первыхъ, употребляемыя имъ для сего средства были ль противозаконныя, во вторыхъ, самое пріобрѣтеніе сихъ средствъ не было ль соединено съ опасностью для какого либо частнаго лица, или многихъ, или и всего общества. Наказаніе за одно безъ сихъ увеличивающихъ вину обстоятельствъ, приготовленіе къ преступленію опредѣляется въ особыхъ, именно означенныхъ законами, случаяхъ."

Въ ст. 9-й Уложенія сказано: „покушеніемъ на преступленіе признается всякое дѣйствіе, коимъ начинается или продолжается приведеніе злаго намѣренія въ исполненіе."

Чтобы ясно понять, что такое покушеніе, необходимо указать отличіе его отъ приготовленія и отъ полнаго преступленія.

Опредѣлить точно границу, гдѣ кончается приготовленіе и гдѣ начиначинается покушеніе,—весьма трудно. Граница эта есть, она ощущается и установить ее на практикѣ чрезвычайно важно, такъ какъ въ законѣ приготовленіе отъ покушенія отличается совершенно по наказуемости; но тѣмъ не менѣе, точное разграниченіе чрезвычайно трудно, потому что въ нѣкоторыхъ случаяхъ нашъ законъ приготовленіе смѣшиваетъ съ покушеніемъ. Гораздо легче отличить покушеніе отъ полнаго преступленія или отъ преступленія неудавшагося; тамъ гдѣ есть возможность поворота, отступленія, — будетъ покушеніе; нѣтъ этого признака — преступленіе исполненное.

Разница между приготовленіемъ, теоретически вытекаетъ изъ самаго опредѣленія закона: приготовленіе есть собраніе орудій, средствъ, слѣд. матеріала, необходимаго для совершенія преступленія: покушеніе же по нашему закону начинается съ того момента, кагда человѣкъ двинулъ эти орудія, средства, матеріалы по пути къ исполненію. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, руководствуясь этими признаками, установить различіе не представляется особеннаго затрудненія. Напр. человѣкъ пріобрѣлъ ядъ—это приготовленіе; всыпалъ его въ стаканъ затѣмъ онъ несетъ этотъ стаканъ съ тѣмъ, чтобы подать; кому слѣдуетъ; наконецъ ядъ данъ въ руки жертвѣ. Послѣднее дѣйствіе несомнѣнно будетъ покушеніемъ, т. е. началомъ исполненія. Но два предшествовавшія дѣйствія, куда отнести къ приготовленію или

покушенію? Но въ другихъ случаяхъ границу между приготовленіемъ и покушеніемъ установить нѣтъ почти возможности; западные ученые и практики указали много такихъ случаевъ; напр. воръ приставляетъ къ окну лѣстницу чтобы обокрасть, лѣзетъ по ней, разламываетъ окно, и въ это время его схватили: что это было приготовленіе или покушеніе? Въ изнасиловании — что будетъ приготовленіе и что покушеніе, рѣшить еще труднѣе.

Нашъ законъ колеблется и даетъ опредѣленіе весьма искуственное, какъ для приготовленія и покушенія, такъ и для совершенія въ этомъ послѣднемъ преступленіи; напр. человѣкъ схватываетъ и увозитъ дѣвицу изъ саду, гдѣ она гуляла, и ѣдетъ съ нею на приготовленную квартиру. Что это, приготовленіе къ изнасилованію или уже покушеніе? Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, на практикѣ, подобный фактъ признаютъ приготовленіемъ, потому что еще ничего не было кромѣ страха. Нашъ законъ, между тѣмъ, колеблется признать это за приготовленіе и видитъ въ похищеніи два зла, двѣ цѣли—либо изнасилованіе, либо намѣреніе гласностью скандала повредить чести; поэтому необходимо розыскивать подробныя причины, было ли намѣреніе повредить чести, или было желаніе убѣдить женщину вступить въ связь, имѣть случай быть съ нею наединѣ, выразить свои чувства, свою рѣшимость.

Нашъ законъ говоритъ (ст. 1529), что тотъ, кто увезъ дѣвушку или женщину для изнасилованія, даже если это не состоялось по обстоятельствамъ отъ него независящимъ, то и тогда онъ долженъ быть наказанъ, какъ за покушеніе, но ежели онъ отсталъ отъ своего намѣренія по своей волѣ или ея убѣжденію,—то наказывается только за скандалъ, за намѣреніе повредить чести. Законъ здѣсь нерѣшителенъ, онъ не говоритъ прямо, что слѣдуетъ признать за приготовленіе и что за покушеніе, а между тѣмъ можетъ быть и такой случай: она его убѣждаетъ оставить ее, онъ еще не далъ отвѣта, какъ вдругъ ихъ захватили—онъ будетъ наказанъ какъ за покушеніе; минуту спустя, когда бы онъ далъ согласіе,—какъ за скандалъ. Словомъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, различіе между этими фазисами движенія къ преступленію установить такъ трудно, что законодатель, во избѣжаніе недоразумѣній, во многихъ преступленіяхъ спеціально указываетъ, что будетъ приготовленіе и что покушеніе.

Обращаясь къ опредѣленію покушенія по нашему Уложенію, нельзя не замѣтить, что оно весьма неточно, такъ какъ покушеніемъ признается такое дѣйствіе, коимъ начинается или продолжается приведеніе *злаго намѣренія* въ исполненіе. Стало быть этимъ опредѣленіемъ поглащается приготовленіе, — такъ какъ имъ начинается приведеніе злаго

намѣренія въ исполненіе заготовкою всего для совершенія преступленія необходимаго.

Очевидно, что нашъ законъ, давая разныя опредѣленія приготовленію и покушенію, вполнѣ сознавалъ существующее между ними различіе, но выразилъ это не точно.

Французскій Code pénal, говоря что покушеніемъ называется «tentative du crime, qui aura été manifestée par un commencement d'execution» выразился точнѣе, потому что дѣйствительно, когда оканчивается приготовленіе и наступаетъ начало совершенія — дѣйствіе изъ приготовленія переходитъ въ покушеніе. Нѣмецкіе кодексы прусскій и баварскій заимствовали свое опредѣленіе также у французовъ, сказавъ, что покушеніе есть «Handlug, welche den Anfang der Ausführung enthält».

Такимъ образомъ, теоретическое опредѣленіе покушенія, т. е. когда средства орудія приводятся въ движеніе, весьма много можетъ содѣйствовать къ правильному приложенію закона на практикѣ; анализируя покушеніе, мы увидимъ, что отъ приведенія въ движеніе орудій и средствъ до полнаго совершенія преступленія, остается еще довольно длинный промежутокъ, остается еще нѣсколько ступеней весьма между собою различныхъ; дѣйствія могутъ быть окончательныя и неокончательныя, существенно связанныя съ преступленіемъ и несущественно, поэтому захватить преступника на одномъ изъ этихъ оттѣнковъ дѣйствія весьма важно; имъ опредѣлится довольно точно намѣреніе виновнаго въ данную минуту, а слѣдовательно и тотъ фазисъ, въ который онъ вступилъ на пути къ исполненію. — Напр. человѣкъ съ пистолетомъ въ рукѣ вошелъ въ спальню женщины, которую хочетъ застрѣлить, взвелъ курокъ, хотѣлъ стрѣлять, его схватили: что это—приготовленіе или покушеніе? Мы ясно сознаемъ, что это покушеніе, мы можемъ сказать утвердительно, что это дѣйствіе было неразрывно связано съ преступленіемъ. Или: человѣкъ рѣшился на поджогъ, собираетъ въ кучу горючіе матеріалы и для того, чтобы ихъ зажечь, онъ взялъ спичку, потеръ ее объ стѣну, она загорѣлась—его схватили:—очевидно это было дѣйствіе, существенно связанное съ преступленіемъ; онъ досталъ огонь, котораго только и недоставало для произведенія поджога, поэтому всѣ приготовленія имъ уже были окончены и онъ перешелъ къ покушенію. Далѣе, напр., человѣкъ задумалъ убить другаго, ему былъ нуженъ ножъ, но у него его нѣтъ подъ рукой, поэтому онъ бросается, валитъ жертву на землю и связываетъ, затѣмъ беретъ ножъ со стола. Или, другой случай: онъ беретъ палку—его схватили въ ту минуту, какъ онъ связаннаго ударилъ по спинѣ палкою, или когда онъ только замахнулся, чтобы ударить по головѣ.—Очевидно, что первое дѣйствіе было неокончательное, тогда какъ второе окончательное; разница въ положеніи огромная: въ первомъ случаѣ есть полная возмож-

ность поворота, отступленія, — во второмъ ея почти нѣтъ; первое, послѣ нѣсколькихъ ударовъ по спинѣ, могло сдѣлаться покушеніемъ, прерваннымъ по своей волѣ, второе могло быть остановлено въ большей части случаевъ только по обстоятельствамъ, отъ воли виновнаго независящимъ; въ первомъ случаѣ виновный подвергается наказанію исправительному (1489), какъ за побои, во второмъ, за покушеніе на убійство — каторга въ крѣпостяхъ отъ 8—10 лѣтъ. Когда же онъ взялъ ножъ, то о побояхъ рѣчи быть не можетъ.

Что такое дѣйствія окончательныя или неокончательныя,—это совершенно понятно, но въ разграниченіи дѣйствій существенно необходимыхъ отъ несущественно необходимыхъ могутъ встрѣтиться затрудненія. Дѣйствіе признается существенно необходимымъ тогда, когда его иначе нельзя объяснить какъ въ связи съ преступленіемъ; несущественно необходимое,— коль скоро связи съ преступленіемъ мало или вовсе нѣтъ, это будетъ шагъ преступный, который однакожъ можетъ вести на ту или другую дорогу. Существенное дѣйствіе ведетъ прямо къ цѣли, несущественное идетъ окольнымъ путемъ, кружится, выказываетъ отсутствіе рѣшимости. Въ существенномъ дѣйствіи видно прямо, что совершеніе преступленія неминуемо, напротивъ въ несущественномъ нужно привести полное доказательство, что преступленіе могло быть совершено, иначе дѣйствіе кажется необъяснимымъ.

Теперь перейдемъ къ анализу слѣдующаго положенія; что такое покушеніе и накуемо оно или нѣтъ?

Если приготовленіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ подлежитъ наказанію, то тѣмъ болѣе покушеніе, ибо оно въ особенности на преступленіе важное, сильно волнуетъ общество и нарушаетъ его спокойствіе; кромѣ того покушеніе сильно поражаетъ то лицо, на которое было направлено. Представимъ себѣ человѣка, котораго случай избавилъ отъ отравленія: естественно онъ задумается и его жизнь будетъ отравлена дѣйствительно.

Кромѣ того уголовная политика требуетъ, чтобы покушеніе было наказуемо, въ противномъ случаѣ люди не будутъ бояться дѣлать покушенія, и преступленія неменуемо усилятся. Законъ не долженъ давать человѣку возможности безнаказаннаго искушенія на покушенія, — что было бы совершенно не политично. И такъ, съ какой бы точки зрѣнія мы ни взглянули на покушеніе, оно наказуемо—какъ со стороны нравственной и юридической, такъ и политической, потому что государство главнымъ образомъ существуетъ съ цѣлію общественной безопасности, и если законодательство этотъ важнѣйшій интересъ оставляетъ необезпеченнымъ, то общество распадается.

Убѣдившись въ необходимости наказанія за покушеніе, опредѣлимъ основанія, на которыхъ должно быть наказываемо покушеніе.

Этотъ вопросъ можетъ быть разбитъ на слѣдующія категоріи: подлежитъ ли наказанію покушеніе какъ преступленіе sui generis или какъ фактъ равный тому преступленію, для котораго оно предпринято, или наконецъ какъ низшая его степень?

При опредѣленіи наказанія за покушеніе встрѣчается много затрудненій, и по этому предмету существуетъ два воззрѣнія, двѣ системы: спиритуалистовъ и реалистовъ.

Первые говорятъ, что покушеніе должно быть наказано, какъ полное преступленіе, потому что человѣкъ задумалъ сдѣлать преступленіе и волю свою преступную вполнѣ выказалъ, и если нѣтъ на лицо матеріальнаго факта, то это произошло по обстоятельствамъ отъ лица независящимъ, при томъ же по ученію спиритуалистовъ отсутствіе матеріальнаго факта ничего не значитъ—была бы только видна преступная воля.

Съ точки зрѣнія реалистовъ, прежде опредѣленія наказанія необходимо взвѣсить и степень опасности для общества и степень вреда произведеннаго дѣйствіемъ, и такими комбинаціями вывести наказаніе пропорціональное вреднымъ послѣдствіямъ, поэтому по ученію реалистовъ нельзя наказать за полное преступленіе, когда его еще несовершена еще и половина.

Высказавъ два противоположныхъ воззрѣнія на наказуемость покушенія, обратимся къ выводу: какое же дѣйствителтно наказаніе соотвѣтствуетъ покушенію?

Покушеніе можетъ быть двухъ родовъ: 1) остановленное по собственной волѣ и 2) оставленное по независящимъ отъ воли виновнаго обстоятельствамъ.

Между первымъ и вторымъ видомъ покушенія огромная разница. Покушеніе остановленное по своей волѣ будетъ тогда, когда напр. человѣкъ взвелъ курокъ, чтобы убить, прицѣлился и вдругъ отступилъ по движенію своей совѣсти; или: подалъ ядъ,—и коъда жертва поднесла къ губамъ чтобы выпить,—вырвалъ его назадъ. Ясно, что человѣкъ насиловалъ себя совершить преступленіе, но нравственныя п бужденія или страхъ наказанія восторжествовали. Въ покушеніи же остановленномъ по независѣвшимъ отъ покушавшагося обстоятельствамъ (напр. онъ подалъ ядъ, а другой видѣлъ какъ онъ былъ всыпанъ, и предупредилъ жертву—или, онъ прицѣлился, чтобы убить, а другой толкнулъ его руку, и пуля пролетѣла мимо; воръ разламываетъ замокъ а бара, и въ это время его захватили сторожа) есть полное проявленіе злой воли; преступленіе совершилось бы еслибы этому не помѣшали посторонія обстоятельства.

Различные кодексы, во взглядахъ своихъ на наказуемость покушенія, во многомъ расходятся. Вообще, покушеніе остановленное по собственной волѣ, не наказуемо, кромѣ особенно важныхъ случаевъ.

Что касается до покушенія, остановленнаго по независящимъ отъ воли виновнаго обстоятельствамъ, то французское законодательство облагаетъ его полнымъ наказаніемъ, какъ за дѣйствительно совершенное преступленіе; законодательство Луизіаны наказываетъ какъ за половинное преступленіе; наше Уложеніе прилагаетъ къ нему наказаніе, слѣдующее за полное совершеніе, но смягчаетъ его 2, 3 или 4 степенями, смотря по большей или меньшей близости покушенія къ исполненію, и это смягченіе введено только по закону 1864 г., а до того времени смягченіе возможно было только на одну или двѣ степени. Очевидно, что дѣлая постепенное смягченіе въ наказаніи за покушеніе, наше законодательство отходитъ отъ спиритуализма. Затѣмъ покушеніе, остановленное по собственной волѣ, по нашему Уложенію, ст. 113, не наказуемо. Но когда покушеніе само по себѣ составляетъ преступленіе, тогда наказаніе налагается только за это преступленіе, безъ всякаго отношенія къ тому, что хотѣлъ совершить виновный. Напримѣръ, желавшій убить кого-либо, бросаетъ свое намѣреніе послѣ перваго удара,—онъ не наказуемъ за покушеніе на убійство, но будетъ наказанъ за нанесеніе побоевъ или ранъ. Или: желавшій совершить преступленіе двоебрачія, подскабливаетъ свой документъ; но послѣ приготовленія къ браку отказывается отъ своего намѣренія,—онъ будетъ наказанъ за подскобленіе документа. Встрѣчается однако одинъ случай наказуемости покушенія, остановленнаго по собственной волѣ, именно по 1529: „кто, похитивъ женщину или дѣвицу для изнасилованія, отступитъ отъ сего преступнаго намѣренія по собственному побужденію или по убѣжденію похищенной, приговаривается только къ заключенію въ тюрьмѣ“.... Конечно, можно сказать, что и здѣсь покушеніе eo ipso составляетъ преступленіе—скандалъ, безпокойство, оскорбленіе, но тогда зачѣмъ же было говорить о наказаніи, когда самостоятельное преступленіе само собою подразумѣвается. Далѣе, въ ст. 1610 говорится о наказаніяхъ „за покушеніе на зажигательство“, остановленное по собственной волѣ. Но разборъ этой статьи покажетъ, что здѣсь нѣчто большее, чѣмъ покушеніе.

Мы видѣли, что существуютъ преступленія, въ которыхъ самое приготовленіе наказуемо. Наказывается ли въ этихъ преступленіяхъ покушеніе, остановленное по собственной волѣ, напримѣръ, въ убійствѣ? Покушеніе есть дальнѣйшій шагъ сравнительно съ приготовленіемъ, слѣдовательно, казалось бы, что первое должно быть наказуемо, когда второе наказывается. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла, отвѣтъ будетъ отрицательный. Приготовленіе наказывается, когда доказано, что виновный не оставилъ своего намѣренія. Коль скоро оставлено намѣреніе совершить преступленіе, тогда нѣтъ виновности, на какомъ бы шагѣ къ преступленію ни послѣдовала эта рѣшимость, — на приготовленіи или покушеніи.

Главное и существенное — сохраненіе воли, намѣренія совершить преступленіе, или несохраненіе.

Переходимъ къ покушенію, невыполненному по обстоятельствамъ, независѣвшимъ отъ воли преступника. Ст. 114 говоритъ: „Наказаніе за покушеніе на преступленіе, когда оно остановлено не собственною волею подсудимаго, а другими независѣвшими отъ него обстоятельствами, опредѣляется по большей или меньшей близости такого покушенія къ совершенію преступленія, двумя, тремя или четырьмя степенями ниже противъ наказанія, постановленнаго за самое совершеніе преступленія".

Нельзя не согласиться съ справедливостью воззрѣнія нашего законодательства, ибо стоитъ только представить себѣ, какъ покушеніе происходитъ, чтобы убѣдиться, что полное за него наказаніе, какъ за совершеніе, было бы черезъ чуръ строго, и вполнѣ несправедливо во многихъ случаяхъ. И дѣйствительно — человѣкъ налилъ въ стаканъ ядъ, подноситъ его, тотъ беретъ; что это? покушеніе? — Да. Если въ это время вбѣгаетъ другой и останавливаетъ — получается покушеніе, прерванное не по волѣ виновнаго. Спрашивается: было ли время самому виновному остановиться? — Было. Спиритуалисты говорятъ, что человѣкъ въ этомъ положеніи сдѣлалъ все, и остальное отъ него уже не зависѣло; а мы видимъ, напротивъ, что еще былъ интервалъ, было время поворота,—и кто можетъ знать, на чтобы рѣшился покусившійся. Какъ бы ни былъ малъ интервалъ между покушеніемъ и исполненіемъ, онъ все таки достаточенъ для поворота, — иначе это не было бы покушеніе. Ядъ уже былъ поднесенъ къ губамъ, пистолетъ приставленъ къ груди, топоръ занесенъ на жертву,—но здѣсь остается еще полная возможность не совершить преступленіе, т. е. вырвать стаканъ съ ядомъ, опустить дуло пистолета. Нерѣдко человѣкъ цѣлый годъ и болѣе обдумываетъ преступленіе, ему остается одна секунда, чтобы достигнуть цѣли, но у него мгновенно является чувство, просыпается совѣсть—онъ бросаетъ. Слѣдовательно, въ ту минуту, когда его остановили, и когда законъ его наказываетъ какъ за покушеніе, остановленное не по своей волѣ, можемъ ли мы утвердительно сказать, что субъектъ дошелъ бы до конца, хотя бы только изъ 100 шансовъ одинъ былъ противный? Возможно ли тутъ наказаніе какъ за полное преступленіе, когда у него еще оставалось время самому отступить? Естественно, если смотрѣть на покушеніе съ этой точки зрѣнія, то приложить къ нему наказаніе, какъ за полное преступленіе, нѣтъ основанія. Посмотримъ съ другой стороны. Два человѣка сдѣлали одно и тоже покушеніе, но одинъ изъ нихъ былъ остановленъ въ то время, когда взводилъ курокъ и готовился выстрѣлить, а другой самъ остановился тогда уже, когда дуло пистолета было приставлено къ груди жертвы. Первый изъ нихъ будетъ наказанъ, второй не подвергнется вовсе наказанію. Не бу-

детъ ли первый имѣть право сказать, что ему еще оставалось сдѣлать цѣлый шагъ впередъ, на которомъ бы онъ остановился? Если онъ и долженъ быть наказанъ, то все таки не такъ, какъ дѣйствительный убійца. И такъ во всякомъ покушеніи есть спасительный промежутокъ и покушеніе, по обстоятельствамъ независящимъ отъ лица остановленное, никогда не можетъ быть смѣшиваемо съ полнымъ преступленіемъ, и несправедливо поступаютъ тѣ законодательства, которыя назначаютъ за покушеніе полное наказаніе, слѣдуемое за совершеніе, какъ напримѣръ французское. Но впрочемъ, когда во Франціи была послѣдняя ревизія кодекса, многіе члены законодательной палаты заявили требованіе о смягченіи наказанія за покушеніе. Новое Сѣверо-Германское Уложеніе идетъ еще дальше нашего въ смягченіи наказуемости покушенія: если за преступленіе слѣдуетъ смертная казнь или вѣчное заключеніе въ цухтгаузъ, то полагается срочное заключеніе въ цухтгаузѣ на время отъ 3 лѣтъ. Во всѣхъ другихъ случаяхъ судьѣ предоставлено понижать наказаніе до четверти, положеннаго за исполненное преступленіе.

Уложеніе, какъ мы видѣли, для смягченія наказанія при покушеніи остановленномъ по независящимъ отъ воли виновнаго обстоятельствамъ, на 2, 3 или 4 степени ввело принципъ большей или меньшей близости покушенія къ исполненію, потому что чѣмъ оно ближе къ исполненію, тѣмъ менѣе надежды на отступленіе. Когда, напримѣръ, ядъ уже поднесенъ къ губамъ, остается очень мало надежды на поворотъ, поэтому и наказаніе должно быть строже; когда же стаканъ съ ядомъ только поставленъ,—надежды къ отступленію много, и наказаніе должно быть, двумя или тремя степенями ниже того, которое слѣдуетъ дать за высшее покушеніе. Другой примѣръ: человѣкъ приставилъ лѣстницу къ окну, чтобы влѣзть, убить и ограбить; его схватываютъ въ то время, когда онъ только сталъ на первую ступень, или въ то время, когда онъ разломалъ окно и влѣзъ въ комнату. Понятно, что послѣднее положеніе, даетъ менѣе надежды на отступленіе, ибо главное препятствіе, требовавшее наибольшей энергіи преодолѣно, поэтому за него должно быть и наказаніе строже.

Кромѣ этого различія покушенія, остановленнаго по обстоятельствамъ, независѣвшимъ отъ виновнаго, отъ полнаго преступленія,—различія, заключающагося въ самой волѣ, которая не представляется еще безвозвратно опредѣлившеюся, существуетъ и другое важное различіе. Мы говоримъ о матеріальномъ фактѣ:—нѣтъ жертвы преступленія. А это вовсе не маловажный вопросъ. Если никто не пострадалъ, общественное чувство менѣе взволновано, чѣмъ при дѣйствительно происшедшемъ преступленіи. Сказать, что все равно лежитъ ли трупъ позади преступника, или нѣтъ, ограбленъ ли человѣкъ, или его состояніе цѣло,—противно общему чувству и смыслу. Только крайній спиритуализмъ можетъ утверждать равен-

ство двухъ такихъ различныхъ состояній. Нашъ законъ, установивши за покушеніе, остановленное не по волѣ виновнаго, наказаніе на 2, 3 или 4 степени ниже противъ того, которое слѣдуетъ за исполненное преступленіе, сдѣлалъ только то, что требуется строгой справедливостью.

Мы видѣли, какое глубокое, безконечное различіе въ отношеніи наказуемости находится между покушеніемъ, остановленнымъ по собственной волѣ дѣятеля, и тѣмъ, которое остановлено по обстоятельствамъ, отъ него независѣвшимъ. А между тѣмъ, часто не легко раздѣлить эти два вида покушенія. Такъ напримѣръ человѣкъ, оставившій кражу или убійство вслѣдствіе того, что услыхалъ шаги приближающихся людей, будетъ ли считаться оставившимъ покушеніе по собственной волѣ? Разумѣется, положеніе его иное, чѣмъ того, котораго схватили за руки, накрыли на мѣстѣ преступленія. Другой, рѣшившійся на преступленіе во что бы то ни стало, могъ бы совершить его, могъ бы пожалуй и спастись. Законъ, говоря о наказуемости покушенія, остановленнаго по собственной волѣ, не обусловливаетъ этой воли непремѣнно раскаяньемъ; страхъ наказанія, который вдругъ представится покушающемуся при шумѣ приближающихся людей, не лишаетъ оставленіе покушенія его характера. Этотъ вопросъ, впрочемъ, весьма труденъ для разрѣшенія. Несомнѣнно, что большая или меньшая близость опасности быть захваченнымъ опредѣляетъ здѣсь характеръ покушенія, дѣлая его или остановленнымъ по собственной волѣ,—когда возможность совершить преступленіе и спастись была весьма вѣроятна, или наоборотъ, прерваннымъ не по собственной волѣ.

Разрѣшить этотъ вопросъ въ каждомъ данномъ случаѣ, сообразно обстоятельствамъ,—дѣло суда и присяжныхъ.

Но если покусившійся оставилъ покушеніе вслѣдствіе ложнаго страха, паники, то покушеніе ненаказуемо. По 114 ст., покушеніе наказуемо, когда оно остановлено не собственною волею подсудимаго, а другими незавиcѣвшими отъ него обстоятельствами. Но страхъ, не условливаемый дѣйствительной и неизбѣжной опасностью захвата, есть произведеніе собственной воли.

Третій вопросъ: воръ вошелъ въ домъ, чтобы похитить серебро, но находитъ двери столовой запертыми на ключъ; у него нѣтъ ни лома, ни отмычки, и онъ бросаетъ покушеніе по невозможности исполнить. Составляетъ ли поворотъ вслѣдствіе того, что преступникъ встрѣтилъ препятствіе, котораго не предполагалъ, ненаказуемое покушеніе? По нашему мнѣнію, отвѣтъ долженъ быть утвердительный. Подсудимый шелъ на простую кражу, поэтому и не запасся отмычкой или ломомъ; по обстоятельствамъ, для кражи надобно было сдѣлать взломъ,—онъ его не сдѣлалъ потому что не могъ и не намѣренъ былъ сдѣлать, а потому остановив-

шись предъ кражей со взломомъ, онъ остановился и вообще предъ кражей.

При разрѣшеніи этихъ и подобныхъ вопросовъ, не надобно упускать изъ виду идей законодателя о покушеніи. Нашъ законодатель, какъ показываетъ законъ 9 марта 1864 г., во взглядѣ на покушеніе сдѣлалъ отступленіе отъ начала крайняго спиритуализма. Этимъ самымъ онъ намъ показываетъ, что разрѣшеніе всѣхъ сомнительныхъ случаевъ должно происходить не по системѣ крайняго спиритуализма, а ближе къ реализму.

Между покушеніемъ и дѣйствительнымъ, полнымъ преступленіемъ лежитъ нѣчто переходное, — это то, что французы очень мѣтко называютъ неудавшимся преступленіемъ, crime manqué, а нѣмцы—оконченнымъ покушеніемъ, beendigter Varsuch. Нашъ законъ опредѣляетъ это положеніе слѣдующимъ образомъ: „когда при покушеніи на преступленіе, подсудимымъ сдѣлано все, что онъ считалъ нужнымъ для приведенія своего намѣренія въ исполненіе, и преднамѣренное имъ зло не совершилось только по особеннымъ, непредвидѣннымъ имъ обстоятельствамъ или вслѣдствіе безвредности употребленныхъ средствъ, то онъ подвергается, смотря по обстоятельствамъ дѣла, наказанію одною, двумя или тремя степенями ниже противъ наказанія, постановленнаго за самое совершеніе преступленія.

Такого рода преступленія безъ послѣдствій случаются нерѣдко. Ядъ былъ выпитъ, но во время данное противоядіе уничтожило его дѣйствіе; преступникъ наноситъ жертвѣ нѣсколько ударовъ кинжаломъ, онъ удаляется только тогда, когда убѣдился въ смерти, а между тѣмъ удары не были смертельны, и при искуствѣ врачей пораженный выздоровѣлъ; воръ похищаетъ портфель съ деньгами, и теряетъ его при выходѣ изъ комнаты, владѣлецъ находитъ его. Во всѣхъ этихъ случаяхъ была не только до самаго конца преступная воля, но она и осуществилась вполнѣ въ дѣйствіи, которое необходимо было; послѣдствій преступленія не было, но совершенно независимо отъ намѣренія преступника, даже противъ его воли. По спиритуалистскому воззрѣнію здѣсь должно быть полное наказаніе. На какомъ основаніи, говоритъ это ученіе, смягчить виновному наказаніе, когда счастливый исходъ вовсе не зависѣлъ отъ него? Онъ сдѣлалъ все, что считалъ нужнымъ для совершенія преступленія и что дѣйствительно было нужно, поэтому и долженъ получить полное наказаніе. Но между полнымъ преступленіемъ и оконченнымъ покушеніемъ, или неудавшимся преступленіемъ, существуетъ все-таки разница для всякаго непредубѣжденнаго доктриной человѣка. Во первыхъ—нѣтъ жертвы, нѣтъ матеріальнаго вреда. Во вторыхъ—общественное чувство менѣе взволновано. Когда мы узнаемъ, что убитъ одинъ изъ нашихъ согражданъ, наше чувство взволно-

вано въ высшей степени: мы потеряли согражданина; семья его—отца, мужа, брата. Но когда мы узнаемъ, что была только опасность поте ять его, которая однако прошла благополучно,—радость наша и его семьи значительно смягчаетъ негодованіе. Конечно, все это произошло противъ воли преступника, но мы чувствуемъ, чтобы ни говорили спиритуалисты, что есть разница между человѣкомъ, позади котораго лежитъ трупъ, и тѣмъ, преступленіе котораго не оставило вредныхъ послѣдствій. Далѣе, обратимся къ самому преступнику. Нельзя отнять отъ наказанія одного изъ его значеній—примиренія совѣсти преступника. Представимъ теперь случай: человѣкъ убиваетъ; если онъ несовершенно падшій въ нравственномъ отношеніи,—совѣсть его мучитъ, тѣнь убитаго грозно стоитъ передъ нимъ, онъ принимаетъ наказаніе какъ вполнѣ должное; если онъ не захваченъ. онъ все-таки будетъ терзаться всю жизнь преступленіемъ. Но если онъ узнаетъ, что преступленіе не имѣло никакихъ послѣдствій,—его совѣсть значительно успокоивается. И такъ, съ какой бы стороны мы ни посмотрѣли на дѣло, вездѣ ясно отличіе неудавшагося преступленія отъ вполнѣ удавшагося. Если говорятъ, что благополучный исходъ былъ дѣломъ провидѣнія, то почему не приложить и къ преступнику милосердія провидѣнія: провидѣніе не желало смерти жертвы, но оно также было милостиво и къ преступнику, не допустивши его сдѣлаться настоящимъ убійцей. Почему же не дать ему хотя нѣсколько воспользоваться счастливымъ исходомъ дѣла?

Уложеніе двухъ первыхъ изданій опредѣляло за неудавшееся преступленіе тоже наказаніе, которое положено за полное преступленіе (Улож. изд. 1857 г. ст. 127). Но закономъ 9 марта 1864 года, какъ мы видѣли, положено различіе—на одну, двѣ и три степени ниже, что вполнѣ согласно съ требованіями справедливости.

До сихъ поръ мы разсуждали только объ одной сторонѣ 115 статьи, именно о преступленіи неудавшемся „по особеннымъ непредвидѣннымъ (преступникомъ) обстоятельствамъ“. Но въ ней находится и другое положеніе о преступленіи, неудавшемся вслѣдствіе *безвредности употребленныхъ средствъ*. Что разумѣть подъ этими безвредными средствами? Существуютъ средства или относительно или абсолютно безвредныя. О какихъ здѣсь говорится? Примѣчаніе, въ высшей степени важное, къ 115 ст. уясняетъ вопросъ. Въ немъ сказано: „Если при покушеніи на преступленіе подсудимымъ, по крайнему невѣжеству или суевѣрію, употреблены были только средства вполнѣ и очевидно недѣйствитель ыя для совершенія преступленія, какъ то: нашептыванія, наговоры, заклинанія и т. п., то онъ подвергается наказанію, какъ за преступный умыселъ, по статьѣ 111 сего Уложенія“.

Такимъ образомъ законодатель признаетъ два разряда средствъ 1) одни

просто безвредныя,—при употребленіи ихъ оконченное покушеніе наказывается одною, двумя или тремя степенями ниже полнаго преступленія; 2) другія *вполнѣ и очевидно недѣйствительныя*, при употребленіи которыхъ вовсе нѣтъ наказанія, потому что голый умыселъ наказуемъ только въ исключительныхъ случаяхъ, о которыхъ было говорено. Законодатель, говоря о средствахъ второго разряда, обусловливаетъ ихъ „невѣжествомъ или суевѣріемъ". Это ни сколько не мѣшаетъ ясности дѣла: невѣжество естественно обозначаетъ здѣсь не только отсутствіе всякаго образованія, но и непониманія въ значенія средствъ. Человѣкъ можетъ быть очень неглупымъ и даже образованнымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не знать, что пуля и пистонъ не могутъ произвести выстрѣла безъ пороха. Къ сожаленію, темноту наводятъ примѣры, представленные закономъ: нашептыванія, наговоры, заклинанія. Всѣ эти примѣры относятся только къ суевѣрію, хотя слова, слѣдующія за ними, „и т. п." и расширяютъ ограниченный выборъ примѣровъ, но все таки остается сомнѣніе: не понималъ ли законодатель въ числѣ средствъ вполнѣ и очевидно недѣйствительныхъ только средства суевѣрныя. Мы не можемъ знать, что думалъ законодатель, но другія выраженія не дозволяютъ намъ ограничивать силу важнаго положенія, заключающагося въ примѣчаніи къ 115 ст., одними суевѣрными средствами. Мы встрѣчаемъ здѣсь выраженія: „по невѣжеству или суевѣрію"; слѣд. дѣло идетъ не объ одномъ суевѣріи; далѣе выраженіе: „средства вполнѣ и очевидно недѣйствительныя" означаетъ понятіе гораздо обширнѣйшее, чѣмъ „средства суевѣрныя". Однимъ словомъ, примѣры, приведенные закономъ, затемняютъ, но не уничтожаютъ смысла положенія лучше, еслибы ихъ вовсе не было, но и при ихъ существованіи вопросъ достаточно понятенъ, въ особенности въ виду того положенія, что темнота уголовнаго закона не можетъ быть обращена во вредъ подсудимому.

Разсмотримъ вопросъ о неудавшемся преступленіи по негодности средствъ. Сюда же присоединяется и вопросъ о негодности объекта, пропущенный Уложеніемъ. Напр., нѣкто желая отравить другаго, получилъ изъ аптеки по ошибкѣ безвредный порошокъ вмѣсто мышьяка, и, всыпавъ его въ стаканъ, подалъ своему противнику; или: N рѣшился убить въ 12 часовъ ночи своего врага, который, между тѣмъ, умеръ въ 9 часовъ, такъ что онъ пронзилъ трупъ; или: отецъ уѣзжая, изъ недовѣрія къ единственному своему сыну, заперъ деньги въ шкатулкѣ; сынъ сломалъ шкатулку, положимъ, 10-го іюня, деньги вынулъ и истратилъ, а между тѣмъ отецъ его умеръ 5-го числа, слѣдовательно, наслѣдуя по закону послѣ отца, онъ сломалъ свою шкатулку и вынулъ и истратилъ свои деньги. Или вотъ другой случай изъ практики: работникъ задумалъ украсть у хозяина гостиницы поросенка, и замѣтилъ въ какомъ сараѣ онъ былъ запертъ; ночью услышали ужасные крики, зовущіе на помощь, и когда прибѣжали,

что едва спасли этого работника отъ смерти. Хозяинъ гостинницы вечеромъ закололъ поросенка для своихъ посѣтителей, въ числѣ которыхъ былъ вожакъ медвѣдей; такъ какъ онъ остался ночевать, то медвѣдя заперли въ тотъ сарай, гдѣ былъ поросенокъ, чего умыслившій украсть не зналъ, и, отворивъ двери сарая, попалъ прямо въ лапы къ медвѣдю. Или, ружье, которымъ одинъ хотѣлъ застрѣлить другаго, хотя и было заряжено, но изъ него выкатилась пуля, или на немъ не было пистона и пр. и пр.

Разсмотримъ всѣ эти случаи послѣдовательно; начнемъ съ негодности оружія и средствъ.

Оружія и вообще средства, приготовленныя для совершенія преступленія, могутъ быть или абсолютно негодны, или только относительно. Если покушеніе произведено орудіями или средствами, абсолютно негодными, то можетъ ли быть такое дѣйствіе наказуемо? Такъ какъ преступленіе было невозможно, слѣдовательно не могло быть и покушенія. Если держаться тѣхъ условій, коими мы руководствовались при разсмотрѣніи вообще приготовленія и покушенія, то рѣшеніе окажется незатруднительнымъ, а именно: покушеніе есть начало исполненія; оно наказывается тогда, когда постановлено другими, потому что иначе преступленіе было бы совершено. Но когда человѣкъ, желая отравить другаго, подноситъ ему сахарную воду,—ясно что въ подобномъ случаѣ невозможно начало исполненія, потому что невозможенъ конецъ. Хотя такія дѣйствія не представляютъ никакой опасности, но такъ какъ виновнымъ однако же выказана злая воля, преступное намѣреніе обнаружено, поэтому такого человѣка можно отдать подъ надзоръ полиціи. Не слѣдуетъ ли такого человѣка посадить въ исправительное заведеніе? Говорятъ, что такъ какъ человѣкъ выказалъ злую волю, свою безнравственность, и можно ожидать, что при удобномъ случаѣ, онъ сдѣлаетъ новую попытку, и уже лучше приготовленную, то слѣдуетъ ему дать—хотя и сравнительно легкое—наказаніе: надобно удерживать людей и отъ покушеній. Мы не отрицаемъ основательности такого положенія; но сильное наказаніе, хотя бы и низшее того, которое слѣдуетъ за преступленіе, было бы несправедливостью. Наказаніе назначается за прошедшее, уже совершенное преступленіе; сказать же, не только съ достовѣрностью, но даже и съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ, что задумавшій разъ преступленіе совершитъ его вновь, положительно невозможно; это было бы тоже, что видѣть въ каждомъ играющемъ въ карты будущаго шулера, въ каждой женщинѣ, кокетничающей въ обществѣ, будущую распутницу. Наказаніе въ этомъ случаѣ противорѣчило бы началамъ уголовнаго правосудія. Поэтому за покушеніе средствами абсолютно негодными, наказаніе если и возможно, то только какъ за приготовленіе, въ указанныхъ закономъ случаяхъ, или какъ за проступокъ sui generis. Такого рода покушеніе нельзя сравнивать не только съ полнымъ преступленіемъ, но

съ дѣйствительными покушеніями на преступленіе; послѣдними должны быть почитаемы только тѣ дѣйствія, послѣдствіемъ коихъ было бы самое совершеніе преступленія, еслибы стремившійся къ нему преступникъ не остановился по собственной волѣ или по обстоятельствамъ, отъ него независѣвшимъ. Слѣдовательно дѣйствіе, которое не только не произвело, но и не могло произвести преднамѣреннаго зла, не есть покушеніе, а скорѣе приготовленіе или умыселъ. Покушеніе есть начало исполненія; но тамъ, гдѣ абсолютно не можетъ быть исполненія, не можетъ быть и начала его. Спиритуалисты обращаютъ вниманіе не на свойство средствъ, употребляемыхъ въ дѣло, но на свойства заблужденій преступника относительно ихъ дѣйствительности, на томъ основаніи, что то можетъ быть вмѣнено въ вину, что есть плодъ сознательной злой воли, и ошибка въ выборѣ средствъ не извиняетъ преступника, такъ какъ еслибы не было ошибки, было бы совершено преднамѣренное преступленіе. Уложеніе, какъ мы видѣли, признаетъ ненаказуемымъ покушеніе абсолютно негодными средствами.

Но нѣтъ такого безвреднаго и даже суевѣрнаго средства, которымъ нельзя было бы, при извѣстныхъ условіяхъ, произвести преступленія. Напр. я знаю, что такой то человѣкъ чрезвычайно суевѣренъ, боится колдовства и пр.; я положилъ ему подъ подушку руку мертвеца, съ цѣлію лишить его жизни. Хотя я и употребилъ средство вообще вполнѣ и очевидно недѣйствительное, но между тѣмъ на суевѣрнаго человѣка оно можетъ оказать не только поразительное вліяніе, но и вызвать осуществленіе моего злого намѣренія. Такая то, напр., женщина чрезвычайно боится покойниковъ; я одѣваюсь въ саванъ и, ночью, при нѣкоторой фантастической обстановкѣ, являюсь ей; развѣ не можетъ быть, что она отъ сильнаго испуга сойдетъ съ ума или умретъ; а развѣ нельзя убить человѣка словомъ, сообщеніемъ ложнаго горестнаго извѣстія. Очевидно, можно. И это потому, что внутренній міръ человѣка, до того господствуетъ надъ его физическими силами, что состояніе послѣднихъ положительно зависитъ отъ перваго. Такимъ образомъ, если духовныя силы, чѣмъ либо потрясены, хотя бы дѣйствіемъ и вполнѣ безвреднымъ, тѣло человѣка подвергается страданію пропорціональному, которое, конечно, иногда можетъ быть такъ велико, такъ важно, что повлечетъ за собою смерть Спрашивается: будетъ ли это убійство? Конечно будетъ. Въ ст. 1487 Уложенія предусмотрѣна возможность лишенія умственныхъ способностей, не употребляя для сего ядовитыхъ или сильно дѣйствующихъ веществъ, *но какимъ либо другимъ средствомъ*, слѣдовательно, если подобными средствами, хотя бы и суевѣрными, можно лишить умственныхъ способностей, можно также лишить и жизни; законъ, говоря объ убійствѣ, не обозначаетъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы орудіемъ были ножъ, ружье или

ядъ.—Достаточно для бытія преступленія намѣренія совершить его и матеріальнаго результата. Каково бы ни было орудіе, оно оказывается годнымъ, если въ данномъ случаѣ и на данный субъектъ оно произвело преступленіе. И такъ, преступленіе возможно и негодными *вообще* средствами, если результатъ показалъ, что онѣ годны въ данномъ случаѣ. Но покушеніе наказуемое здѣсь не возможно, такъ какъ 1) это положительно отвергаетъ примѣчаніе 115 ст.; 2) успѣхъ подобнаго дѣйствія имѣетъ особый спеціальный характеръ, вполнѣ зависящій отъ образа мыслей, натуры, образованія, физическаго состоянія лица, на которое направлено дѣйствіе; чѣмъ бы кончилось затѣянное мы не знаемъ; нелѣпость можетъ случиться, но никогда не предполагается закономъ.

Обращаясь вновь къ 115 ст., предложимъ вопросъ, — какъ надо понимать слова: „вслѣдствіе безвредности средствъ, преднамѣренное зло не совершалось"? По всей вѣроятности, законодатель разумѣлъ средства безвредныя, но не имѣющія характера невѣжественности; примѣчаніе къ 115 ст. обнимаетъ собою покушеніе абсолютно негодными средствами, негодными по общему человѣческому смыслу, выборъ которыхъ показываетъ въ покушающемся отсутствіе здраваго смысла; а текстъ—покушеніе средствами относительно негодными, т. е. которыя вообще годны, но недѣйствительны только въ данномъ случаѣ, напр. одинъ задумалъ убить другаго изъ ружья, но, не зная съ какого разстоянія это можно исполнить, прицѣливается въ своего врага на разстояніи 1000 шаговъ, а ружье бьетъ только на 100 шаговъ: что это будетъ, покушеніе на убійство или нѣтъ? Мы въ сомнѣніи. Но между 100 и 1000 шаговъ есть интервалъ, съ разстоянія котораго еслибы кто-нибудь сталъ цѣлиться, отвѣтъ уже не былъ бы отрицательнымъ, ибо хотя виновный и прицѣлился напр. съ 1200 шаговъ, но онъ могъ ошибочно принять это разстояніе за то, которое нужно, такъ какъ глазомѣръ не у всѣхъ развитъ одинаково, и пуля можетъ быть долетѣла бы до цѣли рикошетомъ,—словомъ, въ подобномъ покушеніи есть извѣстные предѣлы когда нельзя не признать покушенія, и есть предѣлы когда его возможность сомнительна. Или: кто нибудь задумалъ отравить другаго, и положилъ ядъ въ такую жидкость, въ которой теряются его зловредныя свойства, или хотя и имѣлось достаточное количество яда, но оно разведено въ такомъ количествѣ воды, что его вредныя дѣйствія утратались; или кто нибудь хотѣлъ убить и забылъ положить въ зарядъ пулю и пр.

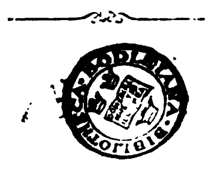
Понятно, что всѣ эти средства не абсолютно негодныя; они сдѣлались негодными только случайно. Поэтому всѣ подобныя покушенія, произведенныя негодными средствами, которыя не имѣютъ характера всегдашней, вполнѣ очевидной безвредности или крайней невѣжественности,

т. е. не составляютъ средствъ абсолютно негодныхъ, — подходятъ подъ текстъ 115 ст.

Переходимъ къ разсмотрѣнію покушенія на негодный объектъ, напр. лишеніе жизни того, кто мертвъ; выстрѣлъ въ дерево, которое было принято за человѣка; похищеніе своей вещи вмѣсто чужой; употребленіе средства для изгнанія плода, когда женщина не была беременна и пр. Относительно этого рода покушенія въ нашемъ Уложеніи нѣтъ никакихъ указаній; но если наше законодательство, принявъ реальное направленіе, признало ненаказуемымъ покушеніе абсолютно негодными средствами,—слѣдовательно и покушеніе, направленное на абсолютно негодный предметъ не можетъ быть также наказуемо, ибо если предметъ покушенія мнимый, т. е. такой, который, по своему существу, никакихъ правъ имѣть не можетъ, то очевидно, если нѣтъ правъ, то не можетъ быть и ихъ нарушенія, ни даже посягательства на нихъ. Покусившійся только выкажетъ свою злую волю, но не въ силахъ совершить преступленія, такъ какъ оно невозможно по негодности объекта. Покушеніе есть начало преступленія, но начинается только то, что возможно; слѣдовательно если было абсолютно не возможно исполненіе преступленія, то не возможно и покушеніе.

Повторяемъ, что при разрѣшеніи всѣхъ подобныхъ вопросовъ о покушеніи, основою для нашего сужденія долженъ быть принципъ, высказанный законодателемъ. Этотъ принципъ ясенъ изъ закона 9 марта 1864 г.; это—поворотъ къ реальному взгляду, отступленіе отъ крайняго спиритуализма. Этотъ принципъ долженъ быть путеводительною нитью въ томъ лабиринтѣ, который не рѣдко создается покушеніями.

Ст. 116 говоритъ: „кто при покушеніи на какое либо преступленіе, учинитъ другое, тотъ наказывается по правиламъ о совокупности преступленій, кромѣ лишь тѣхъ особенныхъ случаевъ, въ какихъ законами за сіе опредѣляется строжайшее наказаніе.“ Разумѣется, здѣсь говорится о наказуемомъ покушеніи, т. е. остановленномъ по обстоятельствамъ, независѣвшимъ отъ воли виновнаго. Въ этомъ случаѣ, дѣйствительно, два преступленія, слѣд. правило о совокупности имѣетъ полную силу.

ГЛАВА XI.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ НАКАЗАНІЯ СУДОМЪ И ИСТОЛКОВАНІЕ ЗАКОНА.

(Ст. 147—151).

Значеніе власти суда въ опредѣленіи наказанія. Права нашего суда до— и послѣ изданія Судеб. Уставовъ. Правила о назначеніи мѣры наказанія, о выборѣ наказанія, когда за преступленіе назначено нѣсколько наказаній, о переходѣ изъ одного рода наказаній въ другой. Истолкованіе закона.

Судебная власть вездѣ строго ограничена однимъ обсужденіемъ факта, т. е. разсмотрѣніемъ—составляетъ-ли онъ преступленіе, предусмотрѣнное закономъ, и затѣмъ приложеніемъ къ нему наказанія, опредѣленнаго тѣмъ же закономъ. Она не можетъ имѣть права объявлять наказуемыми такія дѣянія, которыя прямо не предусмотрѣны уголовнымъ закономъ, или наказуемыми иначе, какъ не по закону, потому что тогда судья сдѣлался бы законодателемъ и даже давалъ-бы своему закону обратную силу. Таково основное положеніе судебной власти.

Но сила этого положенія не вездѣ принимается одинаково. Англичане придаютъ ему буквальное значеніе; они доводятъ его до странности: такъ напр. троеженецъ не былъ наказанъ, потому что въ законѣ было сказано о двоеженствѣ. Исходная точка англичанъ превосходна. Они говорятъ, что нѣтъ большой бѣды въ томъ, если одинъ злодѣй избѣгнетъ наказанія, вслѣдствіе неполноты буквы закона; только одинъ первый совершитель такого преступленія избѣгнетъ наказанія, потому что вслѣдъ за тѣмъ можетъ быть изданъ дополнительный законъ. Зло было-бы несравненно большее, ни кто не могъ бы быть спокоенъ за свою жизнь и свободу, если-бы буква закона могла быть расширяема по усмотрѣнію суда. Это въ сущности небольшая жертва, требуемая тѣмъ чувствомъ личной свободы, которое составляетъ основу учрежденій и могущества Англіи. Но въ другихъ странахъ Европы, бывшихъ подъ вліяніемъ римскаго права, власть суда истол-

ковывать законъ, расширять его буквальный смыслъ, признавалась и признается въ большей или меньшей силѣ.

Наше законодательство съ XVIII вѣка стояло за букву закона. Екатерина II въ знаменитомъ Наказѣ говоритъ: „нѣтъ ничего опаснѣе, какъ общее сіе изреченіе: надлежитъ въ разсужденіе брати смыслъ или разумъ законовъ, а не слова. Сіе ничто иное значитъ, какъ сломити преграду, противящуюся стремительному людскихъ мнѣній теченію". (наказ. ст. 153). Въ Основ. Зак. выражено слѣдующее положеніе: „Законы должны быть исполняемы по точному и буквальному смыслу оныхъ, безъ всякаго измѣненія или распространенія. Всѣ безъ изъятія мѣста, не исключая и высшихъ правительствъ, во всякомъ случаѣ должны утверждать опредѣленія свои на точныхъ словахъ закона, не перемѣняя въ нихъ безъ доклада Императорскому Величеству ни единой буквы и не допуская обманчиваго непостоянства самопроизвольныхъ толкованій. Но еслибы гдѣ либо, по различію буквальнаго смысла узаконеній, встрѣтилось затрудненіе въ избраніи и приложеніи закона къ разсматриваемому дѣлу, въ такомъ случаѣ, по невозможности согласить буквальный смыслъ одного закона съ таковымъ же другого, самая необходимость предписываетъ, особенно въ высшихъ мѣстахъ, слѣдовать общему духу законодательства и держаться смысла, наиболѣе оному соотвѣтствующаго". (Осн. Зак. ст. 65). „Въ случаѣ неясности или недостатка закона, каждое мѣсто и правительство имѣетъ право и обязанность представлять о томъ по порядку своему начальству. Если встрѣченное сомнѣніе не разрѣшается прямымъ смысломъ закона, тогда начальство обязано представить Правительствующему Сенату или министерству, по принадлежности". (Осн. Зак. ст. 52).

Но на практикѣ мы видимъ, что Государственный Совѣтъ часто дополнялъ букву уголовнаго закона и кромѣ случая, указаннаго въ ст. 65 Осн. Зак. Такъ напр. въ Уложеніи (ст. 1524) говорится только о растлѣніи малолѣтней дѣвицы до 14 лѣтъ, а слово „растлѣніе" означаетъ лишеніе невинности; представился случай связи съ такой малолѣтней, которая однако небыла невинна. Госуд. Совѣтъ объявилъ, что при составленіи закона неприходила мысль о томъ, что дѣвица, имѣющая менѣе 14 лѣтъ, могла быть лишена невинности до судимаго преступленія, — а поэтому связь съ ней, хотя не соединенная съ растлѣніемъ, остается преступленіемъ.

Далѣе, самъ законъ долженъ былъ предоставить суду нѣкоторую часть истолкованія. Именно, въ нашихъ уголовныхъ законахъ, до изданія Уложенія, очень часто обозначались преступленія безъ опредѣленія наказанія, или съ опредѣленіемъ его въ такихъ общихъ выраженіяхъ (какъ напр.: „поступить какъ съ нарушителемъ законовъ"), которыя равнялись неопредѣленію. Поэтому въ Свод. Зак. Уголов. и вы-

ражено было постановленіе, что въ случаѣ такой неопредѣленности, „судъ прежде всего опредѣляетъ съ точностью существо преступленія, сравниваетъ его съ другими однородными и къ нему, по свойству ихъ, ближайшими, а потомъ полагаетъ за оное наказаніе, и представляетъ свое мнѣніе въ высшее мѣсто, по порядку подчиненности." (Св. Зак. изд. 1642 г. т. XV, ст. 119). Хотя Уложеніе пріурочило каждому преступленію, каждому виду его, извѣстный родъ и степень наказанія, но тѣмъ не менѣе и оно оставило 119 ст. Свода (Улож., изд. 1857 г., ст. 164): „Если въ законѣ за подлежащее разсмотрѣнію суда преступное дѣяніе нѣтъ опредѣленнаго наказанія, то судъ приговариваетъ виновнаго къ одному изъ наказаній, предназначеннаго за преступленія, по важности и роду своему, наиболѣе съ оными сходныя; но, не приводя сего приговора въ дѣйствіе, представляетъ о томъ безъ замедленія, по установленному порядку подчиненности, на разсмотрѣніе Правительствующаго Сената."

Текстъ этого положенія, взятый въ его прямомъ буквальномъ смыслѣ, даетъ судьѣ только право опредѣленія наказанія по аналогіи, но вовсе не даетъ права подводить по аналогіи подъ опредѣленное закономъ преступленіе такіе факты, которые не обозначены прямо въ законѣ. Въ 151 ст. говорится: „Если въ законѣ за подлежащее разсмотрѣнію суда *преступное дѣяніе* нѣтъ опредѣленнаго наказанія." И такъ, дѣяніе должно быть преступнымъ, слѣд. прямо обозначеннымъ въ уголовномъ законѣ (срав. ст. 1 и 2); притомъ оно иначе и не можетъ подлежать разсмотрѣнію суда, какъ въ томъ случаѣ, когда напередъ предусмотрѣно закономъ.

Ст. 151 при опредѣленіи наказаній Уложеніемъ за всякое преступленіе, могла имѣть слѣдующее значеніе: могло случиться, что фактъ, имѣвшій всѣ признаки опредѣленнаго въ законѣ преступленія, напр. святотатства или повреждения здоровья, являлся съ такими признаками, которые буквально не соотвѣтствовали ни одному изъ видовъ этихъ преступленій, предусмотренныхъ закономъ, такъ что судья по аналогіи относилъ его къ тому виду, признаки котораго наиболѣе сходствовали съ его признаками.

Но практика постоянно принимала 151 ст. въ болѣе широкомъ смыслѣ. Государственный Совѣтъ, по представленіямъ судебныхъ мѣстъ, дѣлалъ интерпретацію уголовнаго закона не только въ смыслѣ опредѣленія точнаго наказанія, но и въ смыслѣ подведенія факта подъ то или другое опредѣленіе извѣстнаго преступленія.

У насъ, по свойству нашихъ, уголовныхъ законовъ, не можетъ быть истолкованія въ томъ объемѣ, въ какомъ оно существуетъ, напримѣръ, во Франціи: тамъ законъ опредѣляетъ преступленія въ общихъ чертахъ, между тѣмъ, какъ нашъ законъ стремится опредѣлить всѣ подробности.

Судебные уставы дали судамъ право истолковывать законъ: „Всѣ судебныя установленія обязаны рѣшать дѣла по точному разуму существу-

ющихъ законовъ, а въ случаѣ неполноты, неясности или противорѣчія законовъ, коими судимое дѣяніе воспрещается подъ страхомъ наказанія, должны основывать рѣшеніе на общемъ смыслѣ законовъ". „Воспрещается останавливать рѣшеніе подъ предлогомъ неполноты, неясности или противорѣчій законовъ". (Уст. Угол. Суд. ст. 12, 13),

Эти постановленія составляютъ великій шагъ развитія судебной власти. Онѣ существенно отличаются отъ 65 ст. Осн. Закон. и 264 ст. Улож., изданія 1857 г. Тамъ говорилось о судебномъ истолкованіи только въ случаѣ противорѣчія въ различныхъ законахъ, касающихся того же вопроса, или объ такомъ истолкованіи видоваго значенія факта, по которому къ нему прилагается опредѣленое наказаніе, когда таковое не было для него постановлено закономъ. А теперь истолкованіе суда распространено и на *неполноту и неясность законовъ*. Слѣдовательно судебная власть имѣетъ право пополнять и разъяснять законъ, — распространять его на такіе факты, которые буквально не подходятъ подъ опредѣленные закономъ виды, но имѣютъ основныя черты преступленія.

Новое постановленіе отличается отъ прежнихъ, не только со стороны объема истолковательной власти суда, но и степени. Прежде судья могъ составить только проектъ истолкованія, но не приводилъ его въ дѣйстіе безъ разрѣшенія Сената, который обыкновенно препровождалъ дѣло въ Государственный Совѣтъ. Теперь каждый судъ имѣетъ право истолкованія и, истолковавши законъ, постановить рѣшеніе. Верховнымъ блюстителемъ правильности толкованія закона поставленъ кассаціонный судъ (кассаціонные Правительствующаго Сената департаменты); истолкованія, имъ даваемыя, должны служить руководствомъ для судовъ (Уст. Уг. Судопр. ст. 933). Такимъ образомъ вопросы объ истолкованіи закона оканчиваются въ кассаціонномъ судѣ.

Не смотря на такое различіе власти суда по истолкованію уголовнаго закона, на основаніи судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г., отъ той, которая имъ прежде была присвоена, редакція Уложенія 1866 г. не увидѣла здѣсь ничего другаго, кромѣ уничтоженія обязанности представлять толкованіе на разсмотрѣніе Сената: она поэтому перепечатала 164 ст. Уложенія изданія 1857 г. (по новому изданію 151), опустивши въ текстѣ послѣднюю фразу: „но не приводя сего приговора въ дѣйствіе"...

Кассаціонный сенатъ, въ рѣшеніи по дѣлу Павленкова (Суд. Вѣст. 1869 г.) далъ слѣдующее разъясненіе 151 статьѣ:

„Постановленное въ 151 ст. Улож. правило, по источникамъ его, допускало опредѣленіе по аналогіи только наказанія, а непреступности факта, которая должна быть установлена закономъ. Но на практикѣ примѣненіе закона по аналогіи допускалось и въ тѣхъ случаяхъ, когда факту приписывались всѣ признаки опредѣленнаго въ законѣ преступленія не по

буквальному смыслу закона, а по его разуму, т. е. по основаніямъ и цѣли закона. За расширеніемъ Судебными Уставами власти суда въ толкованіи закона, въ настоящее время судебныя установленія распространяютъ законъ и на такіе факты, которые не вполнѣ подходятъ подъ опредѣленные закономъ виды преступленій, но имѣютъ основныя черты преступленія или, лучше сказать, имѣютъ характеръ той группы преступленій, подъ которую подводится фактъ. Простирать примѣненіе закона по аналогіи далѣе этого значило-бы присвоить суду законодательную власть и уничтожить всякую опредѣленную черту въ томъ разграниченіи между судебною властью и властью законодательною, которое постановлено было во главѣ основныхъ положеній преобразованія судебной части (ст. 1). Не слѣдуетъ думать, что 12 ст. Уст. Уг. Суд., опредѣляющая власть суда въ примѣненіи уголовнаго закона, не поставляетъ въ этомъ отношеніи никакихъ предѣловъ для суда; и что такъ какъ по 13 ст. того же Устава воспрещается останавливать рѣшеніе дѣла подъ предлогомъ неполноты, неясности или противорѣчія законовъ, то судъ, при неимѣніи въ виду закона, воспрещающаго судимое дѣяніе подъ страхомъ наказанія, можетъ примѣнить къ этому дѣянію законъ о другомъ преступленіи, не стѣсняясь неправильностью аналогіи между судимымъ дѣяніемъ и предусмотрѣннымъ въ законѣ. Такой выводъ изъ вышеозначенныхъ законовъ былъ бы совершенно несогласенъ съ ихъ разумомъ, какъ потому, что вмѣсто съ ними дѣйствуютъ 90, 147 и 151 ст. Улож. о наказ., которыхъ смыслъ опредѣленъ выше, такъ и потому, что Уставъ Уголовн. Судопр., воспрещая останавливать рѣшеніе дѣла за какими либо недостатками въ законѣ, вовсе не предписываетъ подвергать тому или другому наказанію всякаго, кто признанъ будетъ въ судимомъ дѣяніи, а напротивъ того, прямо указываетъ въ 1 п. 771 ст., что судъ постановляетъ приговоръ объ оправданіи подсудимаго, когда дѣяніе, въ коемъ онъ обвиненъ, не воспрещено законами подъ страхомъ наказанія. Уставъ Уголовнаго Судопроизводства расширяетъ власть суда въ толкованіи законовъ лишь въ томъ отношеніи, что онъ дозволяетъ суду, въ примѣненіи къ данному случаю, разъяснять недомолвки и неточное изложеніе закона, а также соглашать кажущееся или и дѣйствительное въ законахъ противорѣчіе, но и затѣмъ остаются непоколебимыми основныя правила толкованія законовъ судебною властью, правила, состоящія въ томъ, что судъ можетъ подводить, по аналогіи, подъ извѣстную статью Улож. о наказ. лишь такое дѣяніе, которое несомнѣнно подходитъ подъ эту статью по разуму закона и только въ ней именно не упомянуто, и что ясные пробѣлы въ кодексѣ можетъ пополнить только законодатель, а не судья".

Оберъ-прокуроръ Ковалевскій былъ противнаго мнѣнія. Онъ утверж-

далъ, что безъ самой широкой аналогіи 151 ст. останется мертвой буквой. Впрочемъ, сенатъ самъ отступалъ отъ высказанныхъ имъ началъ по вопросу объ интерпретаціи. Такъ онъ призналъ, что 1476 ст., наказывающая родителей, которые притѣсненіями довели дѣтей до самоубійства, распространяется и на тотъ случай, когда притѣсняемыя дѣти посягнули на другое преступленіе, напр. поджогъ *).

Западная юриспруденція собрала значительное число правилъ для истолкованія закона, такъ-называемыхъ адажей, или брокардъ. Они теперь имѣютъ значеніе юридическихъ поговорокъ. Для насъ гораздо важнѣе брокардъ установленія духа и основныхъ началъ для истолкованія русскаго уголовнаго закона.

Первое правило: толкованіе уголовнаго закона не должно быть расширительное. Законъ уголовный ограничиваетъ свободу дѣйствія, а всякое ограниченіе должно быть точно выражено, и не можетъ быть распространяемо. Это правило высказано и нашимъ кассаціоннымъ сенатомъ **).

Второе правило: Савиньи вѣрно замѣтилъ, что цѣль толкованія есть возстановленіе смысла закона. Когда буква закона темна, тогда слѣдуетъ возстановить мысль законодателя на основаніи исторіи, разсужденій законодательныхъ учрежденій, аналогіи, грамматики. Для толкованія Уст. Угол. Суд. мы имѣемъ богатый источникъ въ изданномъ собраніи разсужденій коммисій и Государственнаго Совѣта. Для толкованія Уложенія остается Полное Собраніе Законовъ и небольшая объяснительная записка къ проекту Уложенія, не находящаяся въ обращеніи публики. Для грамматическаго толкованія, т. е. толкованія словъ и выраженій, мы не имѣемъ такого авторитетнаго источника, каковъ лексиконъ французской академіи; нашъ академическій словарь и кратокъ и устарѣлъ.

Третье правило: толкованіе Уголовнаго Закона не должно идти въ разрѣзъ съ основными политическими, нравственными и религіозными началами, признанными законодательствомъ.

Переходимъ къ вопросу о силѣ судебнаго истолкованія. Истолкованія, даваемыя окружными судами и судебными палатами, не обязательны; онѣ, конечно имѣютъ практическое значеніе, стороны могутъ ссылаться на нихъ, но суды, ихъ давшіе, не связаны. Другое значеніе имѣютъ истолкованія кассаціоннаго сената. Въ ст. 933 Уст. Уг. Суд. сказано: „рѣше-

*) Кассац. 1868. г. № 160.

**) Кассац. 1867 г. № 491; 1869 г. № 319:... «расширять случаи его (Уложенія) примѣненія и вообще давать ему распространительное толкованіе, было бы не согласно, какъ съ началами уголовнаго права, такъ и съ правилами, установленными судебной практикой.

нія сената печатаются во всеобщее свѣдѣніе для руководства къ единообразному исполненію и примѣненію законовъ. „Эту статью сенатъ понимаетъ въ томъ смыслѣ, что суды *обязаны* слѣдовать его толкованіямъ, и отступленія влекутъ не только кассаціи, но и замѣчанія. Не то значеніе имѣютъ кассаціонныя рѣшенія во Франціи, послужившей для насъ типомъ при устройствѣ кассаціоннаго порядка. Тамъ, судъ, въ который дѣло обращено послѣ кассаціи, можетъ рѣшить его и несогласно съ толкованіемъ верховнаго судилища; послѣ этого, дѣло вносится на разсмотрѣніе общаго собранія всѣхъ департаментовъ кассаціоннаго суда, и истолкованіе, ими данное, обязательно,—но только для того суда, куда перенесено разрѣшеніе дѣла послѣ второй кассаціи и для этого дѣла. Разумѣется, за рѣшеніями кассаціоннаго суда остается нравственная сила; онѣ обязательны, non ratione auctoritatis, sed auctoritate rationis. Наше законодательство не приняло этой сложной системы, которая едва ли была бы подъ силу только что созданному правильному судебному устройству. Но система обязательности кассаціонныхъ рѣшеній наровнѣ съ закономъ имѣетъ глубокіе недостатки. Судебныя толкованія никогда не бываютъ чисто научными; онѣ высказываются по поводу извѣстнаго казуса: фактическія обстоятельства дѣла могущественно вліяютъ и на кассаціонныя рѣшенія; и у насъ, и на Западѣ нерѣдко случалось, что кассаціонный судъ обходитъ букву закона вслѣдствіе фактическихъ обстоятельствъ. Представляется тотъ же вопросъ, по другому дѣлу, при другой фактической обстановкѣ и рѣшеніе колеблется. Кассаціонный судъ не связываетъ себя своими рѣшеніями; даже и наша еще недавняя практика кассаціоннаго сената представляетъ не мало примѣровъ разнорѣчія.

Истолкованіе нашего уголовнаго закона въ различныхъ видахъ, т. е. истолкованіе грамматическое—словъ, въ особенности техническихъ, истолкованіе смысла статей, началось только съ введеніемъ новыхъ судебныхъ установленій. Прежнія толкованія Государственнаго Совѣта были немногочисленны и рѣдко публиковались. Толкованія нашего Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента, по глубинѣ и силѣ, могутъ стать на ряду съ лучшими западными. На западѣ, все жизненное значеніе права опредѣлено судебнымъ толкованіемъ (jurisprudence des arrêts), подобно тому, какъ въ христіанскомъ ученіи кодексъ его былъ истолкованъ постановленіями соборовъ. При истолкованіи закона для судьи недостаточно одной логики, историческаго и практическаго знанія кодекса; онъ долженъ имѣть твердый исходный пунктъ для своего мышленія; этотъ пунктъ составляетъ политическія и нравственныя начала жизни народа, выразившіяся въ его законодательствѣ. Авторитетъ ученыхъ (jurisprudence des auteurs), имѣвшій такое великое значеніе въ древнемъ Римѣ, и имѣющій и теперь значительную силу въ западной Европѣ, въ особен-

ности въ Англіи,—у насъ не былъ вовсе извѣстенъ, можетъ быть и потому, что знаніе науки права у насъ еще въ младенчествѣ; только при международныхъ сношеніяхъ наше правительство признавало, подобно другимъ, авторитетъ такихъ писателей, каковы Гуго Гроцій или Ваттель. Теперь, когда суды, въ особенности кассаціонный, получили широкое право истолкованія, — несомнѣнно будетъ признаваемъ ими авторитетъ европейскихъ и отечественныхъ юристовъ-писателей.

Статьи 147, 148, 149 говорятъ собственно о власти суда въ опредѣленіи наказанія: суду предоставляется избирать мѣру наказанія въ предѣлахъ той же степени, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда въ законѣ прямо опредѣлена за судимое преступленіе высшая или низшая мѣра опредѣленной степени наказанія.

Выборъ мѣры, когда она прямо неопредѣлена закономъ, предоставляется судьѣ безъ ограниченія какими либо единицами, т. е. онъ можетъ опредѣлять ее, если разница между низшей и высшей мѣрой состоитъ въ нѣсколькихъ годахъ, годами, мѣсяцами, днями. Напримѣръ, когда слѣдуетъ по закону которжная работа отъ 4 до 6 лѣтъ, онъ можетъ назначить $4^1/_2$ года, 5, $5^1/_2$ или $4^1/_3$, $4^1/_4$ и т. д.; ничто не препятствуетъ ему опредѣлить, напримѣръ, 5 лѣтъ и нѣсколько дней.

Какъ понимать выраженіе „высшая мѣра". Когда напр. наказаніе за извѣстное преступленіе слѣдуетъ по закону каторжная работа отъ 4 до 6 лѣтъ, можетъ ли судья дать ровно 6 лѣтъ? Мы сомнѣваемся въ этомъ. Въ самомъ дѣлѣ, 6 лѣтъ ровно составляютъ низшую мѣру слѣдующей высшей (6-й) степени каторжной работы; слѣдовательно выйдетъ, что судья даетъ высшую степень наказанія, а не ту, которая назначена закономъ. Законъ говоритъ: отъ 4 *до* 6 лѣтъ,—слѣдовательно 6 лѣтъ составляютъ *предѣлъ,* т. е. грань, предъ которой слѣдуетъ остановиться. Въ тѣхъ случаяхъ, когда цифра высшаго предѣла одной степени наказанія не составляетъ цифры низшаго предѣла высшей степени, можно еще давать толкованіе въ пользу включительности, напр. когда положенъ штрафъ до 1200 рублей, можно назначить и 1200 руб. Но когда высшій предѣлъ одной степени составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ низшій предѣлъ высшей степени, тогда, какъ мы видѣли, толкованіе въ пользу включительности, влечетъ къ важнымъ затрудненіямъ. Замѣтимъ, что вообще нашъ уголовный законъ не вполнѣ точенъ при опредѣленіи числовыхъ предѣловъ. Такъ напр. ст. 138 говоритъ: „наказаніе имѣющимъ отъ 10 *до 14 лѣтъ*", а въ 139: „несовершеннолѣтніе, имѣющіе отъ роду *болѣе 14 лѣтъ*". Если несовершеннолѣтіе бываетъ тогда, когда лицу *болѣе* 14 лѣтъ, то, слѣдовательно, самый день исполненія 14 лѣтъ относится еще къ малолѣтству, и выраженіе „до 14 лѣтъ" означаетъ включительно съ днемъ выполненія 14 лѣтъ. Но другой случай не разрѣшается такъ удобно,

именно: въ преступленіи изнасилованія говорится (ст. 1524) о наказаніи за изнасилованіе дѣвицы, *недостигшей 14 лѣтъ*,—слѣдовательно здѣсь, не можетъ быть и рѣчи о самомъ днѣ исполненія 14 лѣтъ, прямо сказано: „недостигшей" 14 лѣтъ. А вслѣдъ затѣмъ говорится (ст. 1525) объ изнасилованіи имѣющей *болѣе* 14 лѣтъ, т. е. 14 лѣтъ и хотя бы одинъ день. Куда же отнести дѣвицу, надъ которой совершено преступленіе въ самый день исполненія 14 лѣтъ?

Мы говорили, что вслѣдствіе легальныхъ, уменьшающихъ обстоятельствъ, суду предоставляется теперь право не ограничиваться мѣрой, но и понижать наказанія на одну или двѣ степени. Какъ ни желалъ нашъ законъ ограничить судью опредѣленіемъ за каждый видъ преступленія степени наказанія, но нѣкоторые преступные факты представляютъ, вслѣдствіе различія обстановки, послѣдствій и другихъ, чисто индивидуальныхъ обстоятельствъ, которыхъ напередъ опредѣлить нельзя, такое глубокое различіе, что законодатель за одно и тоже преступленіе полагаетъ нѣсколько различныхъ наказаній, не только одного рода, но даже различныхъ разрядовъ: такъ напр., за сопротивленіе исполненію судебныхъ рѣшеній (ст. 270) полагается каторжная работа, или ссылка на поселеніе, или ссылка на житье; за оскорбленіе присутственныхъ мѣстъ полагаются постоянно наказанія разныхъ родовъ (ст. 276 и слѣд.); за превышеніе власти (ст. 341)—отъ отрѣшенія отъ должности до ссылки на житье въ Сибирь. Судья избираетъ одно изъ этихъ различныхъ наказаній, принимая „въ соображеніе важность вины, состояніе подсудимаго и обстоятельства, сопровождавшія его преступленіе". Разумѣется, что въ томъ случаѣ, когда законодатель, полагая за извѣстное преступленіе нѣсколько наказаній, указываетъ при этомъ судьѣ на болѣе опредѣлительныя условія для выбора наказанія, онъ долженъ слѣдовать этому указанію. Такъ напр., за поджогъ складовъ дровъ, хлѣба и т. п. опредѣляется три рода наказанія: ссылка на поселеніе, на житье, тюремное заключеніе. Законъ предоставляетъ судьѣ выбрать одно изъ этихъ наказаній, „смотря по тому, когда учиненъ поджогъ, днемъ или ночью, не было ли отъ того опасности для обитаемыхъ строеній или находящихся въ сосѣдствѣ людей, и по другимъ обстоятельствамъ дѣла". Законодатель не стѣсняетъ вполнѣ судью въ этомъ случаѣ, онъ не говоритъ ему, что напр. въ случаѣ, когда такой поджогъ учиненъ ночью, то слѣдуетъ опредѣлить ссылку на поселеніе. Словомъ, онъ только рекомендуетъ судьѣ сообразоваться съ указанными условіями, но не опредѣляетъ ихъ вѣса при выборѣ наказанія. Судья остается свободнымъ, хотя, конечно, не въ той мѣрѣ, какъ еслибъ не было вовсе подобнаго указанія; тогда онъ оставался бы только подъ дѣйствіемъ общихъ выраженій 149 статьи.

Выборъ одного изъ нѣсколькихъ наказаній совершенно независимъ

отъ легальныхъ уменьшающихъ или увеличивающихъ обстоятельствъ и отъ снисхожденія, объявляемаго присяжными. Судья выбираетъ одно изъ нѣсколькихъ наказаній, руководствуясь или общими указаніями 149-й статьи или же специальными, находящимися въ нѣкоторыхъ случаяхъ, — а затѣмъ уже понижаетъ наказаніе, если существуютъ легальныя уменьшающія обстоятельства, или если присяжные объявили обвиняемаго заслуживающимъ снисхожденія. Такимъ образомъ, вслѣдствіе нашей сложной системы уменьшенія наказаній, можетъ произойти двойное пониженіе. Далѣе, могутъ быть обстоятельства легальныя, увеличивающія вину, или даже такія, при существованіи которыхъ, законъ прямо предписываетъ дать высшую мѣру или даже возвысить степень наказанія,—этого опять не надобно смѣшивать съ правомъ судьи выбрать одно изъ нѣсколькихъ наказаній, опредѣленныхъ за извѣстное преступленіе: онъ можетъ выбрать самое меньшее изъ нихъ, а потомъ, вслѣдствіе легальныхъ увеличивающихъ обстоятельствъ, дать высшую мѣру его, или возвысить степень, смотря по требованію закона. Точно также, если присяжные объявятъ подсудимаго заслуживающимъ снисхожденія, это нисколько не уничтожаетъ права судьи выбрать высшее изъ нѣсколькихъ наказаній, опредѣленныхъ закономъ за данное преступленіе, но затѣмъ вслѣдствіе объявленія присяжныхъ, онъ долженъ понизить его по крайней мѣрѣ на одну степень. Такъ напр., возьмемъ вышеприведенный случай поджога. Подсудимый совершилъ его съ отягчающими обстоятельствами, напр. во второй разъ, и присяжные отказали ему въ снисхожденіи, а судъ все-таки можетъ приговорить его только къ тюремному заключенію, если найдетъ, что поджогъ былъ совершенъ при такихъ обстоятельствахъ, когда не было опасности для людей, или почему-либо другому увидитъ незначительность внѣшней стороны преступленія; затѣмъ рецидивъ будетъ имѣть только то значеніе, что судъ долженъ положить maximum наказанія, т. е. годъ и 4 мѣсяца тюремнаго заключенія. Наоборотъ, въ пользу подсудимаго могутъ быть легальныя уменьшающія обстоятельства, или присяжные объявятъ, что онъ заслуживаетъ снисхожденія, — а судъ можетъ присудить его къ отдачѣ въ арестантскія роты: онъ выберетъ для него высшее изъ положенныхъ въ законѣ наказаній за это преступленіе — ссылку на поселеніе, а затѣмъ, вслѣдствіе объявленія присяжныхъ, понижаетъ наказаніе на одну степень, если не желаетъ больше, т. е. опредѣляетъ арестантскія роты 1-й степени (отъ $3^1/_2$ до 4 лѣтъ).

Ст. 149-я возбуждала много сомнѣній на судебной практикѣ. Нѣкоторые суды даже смѣшивали обстоятельства, въ ней выраженныя, съ общими обстоятельствами увеличенія мѣры наказанія, выраженными въ 114 статьѣ. Такъ поступилъ московскій окружный судъ въ одномъ дѣлѣ о приложе-

ніи наказанія за поддѣлку актовъ правительственнато установленія *). Употребленное въ этой статьѣ выраженіе „по важности вины", даетъ поводъ предполагать, что въ ней идетъ рѣчь не объ одной внѣшней обстановкѣ преступленія, но и о субъективномъ началѣ. Сверхъ того, петербургскій окружный судъ (по дѣлу о подложномъ завѣщаніи Андреева), основываясь на томъ, что въ 149 ст. говорится о субъективномъ началѣ, считалъ правильнымъ, при опредѣленіи наказанія нѣсколькимъ соучастникамъ, избрать для каждаго изъ нихъ различное изъ положенныхъ въ законѣ, единственно на этомъ основаніи. Кассаціонный сенатъ далъ (Кас. 1870 г. № 295) по этому дѣлу слѣдующее подробное толкованіе 149-й статьи:

„Очевидно, что здѣсь предусмотрѣны два различные случая: во 1-хъ тотъ, когда въ законѣ опредѣленъ только родъ наказанія, и во 2-хъ тотъ, когда за одно преступленіе постановляется нѣсколько, одно другое замѣняющихъ, наказаній. Въ первомъ случаѣ, для опредѣленія степени наказанія въ томъ родѣ уголовной кары, который указанъ закономъ, можно и должно принимать въ соображеніе не только фактическую, внѣшнюю сторону преступленія, но также и внутреннюю его сторону, т. е. обнаруживающіяся въ преступномъ дѣяніи личныя свойства каждаго изъ виновныхъ въ немъ. Почему слова закона (149 ст. Улож. о наказ.)—принимаетъ въ соображеніе важность вины, состояніе подсудимаго и обстоятельства, сопровождавшія его преступленіе, — относятся вполнѣ къ этому случаю. То же должно сказать и о второмъ случаѣ, но лишь тогда, когда положенныя за преступленіе нѣсколько, одно другое замѣняющихъ, наказаній относятся къ одному и тому же роду наказанія. Но отнюдь нельзя сказать того же, когда означенныя наказанія суть различнаго рода. Для убѣжденія въ этомъ стоитъ только обратиться къ тѣмъ соображеніямъ, которыми руководствовался законодатель при приведеніи преступленія и наказанія въ надлежащую соотвѣтственность. Изъ краткаго обозрѣнія хода работъ и предположеній по составленію Уложенія о наказаніяхъ (Записка, изданная II-мъ Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи въ 1846 году) видно, что началомъ этихъ работъ и предположеній послужила синоптическая таблица, въ коей были показаны,

*) Дѣло Григорьева и Батракова. Замѣчательно, что московскій судъ избралъ высшее изъ наказаній, означенныхъ въ ст. Улож., между прочимъ, на томъ основаніи, что присяжные не признали подсудимаго заслуживающимъ снисхожденія. Такимъ образомъ, отсутствіе такого обстоятельства, которое влечетъ обязательное смягченіе наказанія, принято было судомъ за основаніе для выбора тягчайшаго наказанія. (Кассац. 1868 г. № 859).

съ одной стороны, преступленія одно за другимъ, по мѣрѣ ихъ важности и по главнымъ ихъ родамъ, а съ другой стороны,—слѣдующія за нихъ наказанія съ подраздѣленіями, основанными на обстоятельствахъ, увеличивающихъ или уменьшающихъ вину. По этой общей картинѣ системы наказаній приступлено было къ обсужденію, всѣ ли роды, виды и степени предполагаемыхъ наказаній въ точности соразмѣрены какъ съ преступленіями, такъ и между собою. При опредѣленіи рода наказанія, по роду преступленія или проступка, принято было въ соображеніе: а) что наказанія уголовныя должны быть назначаемы за тягчайшія преступленія, доказывающія безнадежность на исправленіе виновныхъ, какъ не признающихъ никакихъ законовъ и никакой святыни, и потому подлежащихъ, если не физической, то гражданской смерти, т. е. изверженію изъ общества и лишенію на всегда всѣхъ правъ состоянія; б) что ссылка въ Сибирь на житье и арестантскія роты должны составлять высшее исправительное наказаніе, соотвѣтствующее преступленіямъ, непосредственно слѣдующимъ за преступленіями уголовными, а именно преступленіямъ разрушающимъ честь виновнаго, и въ особенности высшимъ видамъ кражи, мошенничества и подлога; в) что ссылка въ отдаленныя губерніи и рабочій домъ соотвѣтствуютъ преступленіямъ, того же характера, и въ особенности, низшимъ видамъ кражи, мошенничества и, такъ называемыхъ, лживыхъ поступковъ; г) что главнымъ назначеніемъ смирительныхъ домовъ есть исправленіе виновныхъ въ такихъ преступленіяхъ, которыя хотя и доказываютъ испорченную нравственность, но однакожъ не могутъ быть почитаемы совершенно лишающими чести каковы, напримѣръ: оскорбленіе родителей и неповиновеніе имъ, разные виды развратной и порочной жизни и т. п.; д) что заключеніе въ крѣпости съ удобностью и пользою можетъ быть принято на случаи нѣкоторыхъ особаго рода преступленій, имѣющихъ политическое значеніе, каковы суть: участіе въ тайныхъ обществахъ, сопротивленіе распоряженіямъ правительства, поединки и т. п.; е) что заключеніе въ тюрьмѣ соотвѣтствуетъ тѣмъ преступленіямъ и проступкамъ, которыя хотя заслуживаютъ довольно строгаго наказанія, но не принадлежатъ къ числу преступленій, разрушающихъ честь виновнаго, или доказывающихъ высшую степень безнравственности, или же имѣющихъ какую либо политическую важность; ж) что арестомъ должны быть наказываемы проступки, меньшей важности: ослушаніе законной власти, по легкомыслію и невнимательности, или нерадѣніе въ исполненіи того, что предписано закономъ; з) что денежныя взысканія должны быть назначаемы, между прочимъ, въ такихъ дѣлахъ, когда, судя по вѣроятнымъ побужденіамъ виновнаго, можно заключить, что взысканіе денежное будетъ для него чувствительнѣе всякаго другаго легкаго наказанія, а къ такимъ дѣяніямъ принадлежатъ всего болѣе проступки противъ уставовъ казеннаго управленія; и) что выговоры въ при-

сутствіи суда въ особенности приличны въ тѣхъ случаяхъ, когда вина была послѣдствіемъ не злаго умысла, а неразумія и незнанія обязанностей, и когда виновнаго нужно только предостеречь, для того, чтобы онъ впредь не дозволялъ себѣ подобнаго нарушенія порядка. Изъ этого видно, что при опредѣленіи рода наказанія по роду преступленія, законодатель принималъ въ основаніе, главнымъ образомъ, характеръ каждаго рода преступленій. По этому, чтобы дѣйствовать въ духѣ Уложенія о наказаніяхъ въ томъ случаѣ, когда за одно преступленіе полагается въ законѣ нѣсколько, одно другое замѣняюшихъ, родовъ наказанія, надлежитъ, при избраніи за норму того или другаго рода наказанія, руководствоваться соображеніями, относящимися къ опредѣленію значенія и объема нарушеннаго права, а не къ личнымъ свойствамъ виновнаго, проявившимся въ данномъ преступномъ дѣяніи. Нѣтъ сомнѣнія, что это относится только къ избранію рода наказанія, какъ нормы, по которой должна быть опредѣлена отвѣтственность виновнаго по правиламъ, постановленнымъ 104, 146 и 150 ст. Улож. о наказ.; отсюда слѣдуетъ, что при участіи нѣсколькихъ подсудимыхъ въ одномъ и томъ же преступленіи, и именно въ такомъ, за которое полагается нѣсколько, одно другое замѣняющихъ и различныхъ въ родѣ, наказаній, нормою, по которой должно быть опредѣлено наказаніе каждому изъ нихъ, можетъ служить только одинъ и тотъ же родъ наказанія для всѣхъ виновныхъ, хотя въ окончательномъ выводѣ они могутъ быть подвергнуты наказаніямъ различнаго рода.

Мы не можемъ согласиться, чтобы выраженіе „важность вины" имѣло значеніе субъективное, т. е. равнялось бы „важность степени виновности". Здѣсь слово „вина", по нашему мнѣнію, употреблено въ смыслѣ „преступленіе," т. е. въ объективномъ значеніи. Уложеніе не разъ употребляетъ слово „вина" въ смыслѣ преступленіе, такъ напр. въ ст. 162 и 163 говорится именно въ этомъ объективномъ смыслѣ о винѣ судей, о винѣ перешедшихъ изъ православія въ иное исповѣданіе.

Объ обстоятельствахъ, выраженныхъ въ 149 ст., не ставится вопроса присяжнымъ, такъ какъ въ нихъ не заключается опредѣленныхъ фактовъ, а только указанія законодателя судьѣ на тотъ путь, по которому онъ долженъ идти при выборѣ наказаній въ извѣстныхъ исключительныхъ случаяхъ *).

Эта сложная система, введенная нашимъ новымъ закономъ (Суде-Уст.), при приложеніи часто очень затруднительна. Относительно подсудимаго могутъ существовать вмѣстѣ и нѣкоторыя изъ легальныхъ уменьшающихъ обстоятельствъ и нѣкоторыя изъ легальныхъ увеличивающихъ

*) Это подробно разъяснено Сенатомъ, въ рѣшеніи 1870 г., № 295.

обстоятельствъ. Какъ поступать въ такомъ случаѣ судьѣ? Нельзя сказать, что совмѣстное существованіе этихъ юридическихъ плюсовъ и минусовъ взаимно другъ друга уничтожаетъ, потому что величины эти не равны: увеличивающее обстоятельство можетъ повести не болѣе, какъ къ назначенію высшей мѣры наказанія, опредѣленнаго за извѣстное преступленіе, а уменьшающее можетъ вести къ пониженію на двѣ степени, слѣдовательно, сила его больше. Правило здѣсь, кажется, должно быть такое: судья имѣетъ право понижать наказаніе даже на двѣ степени, но не можетъ назначить меньшей мѣры этого крайняго пониженія. Такъ, напримѣръ, человѣкъ, уличенный въ поддѣлкѣ монеты (каторжная работа отъ 8—10 лѣтъ), принадлежитъ къ образованному классу (отягчающее обстоятельство), но обнаружилъ полное раскаянье (уменьшающее обстоятельство): судъ можетъ понизить ему наказаніе на двѣ степени, т. е. спуститься до каторжныя работы отъ 4—6 лѣтъ, но не можетъ назначить ровно 4 лѣтъ, а 5, $5^1/_2$, 6 лѣтъ. Кромѣ того между увеличивающими и уменьшающими обстоятельствами существуетъ большая процессуальная разница: объ уменьшающихъ обстоятельствахъ ставится на судѣ вопросъ, а объ увеличивающихъ не ставится (Уст. Угол. Судопр. ст. 755, 763).

2) Можетъ случиться, что подсудимый обвиненъ въ такомъ преступленіи, за которое слѣдуетъ по закону высшая мѣра извѣстнаго наказанія, напримѣръ, арестантскія роты 1-й степени, т. е. отъ $3^1/_2$ до 4 лѣтъ. Какъ долженъ поступить судья, когда присяжные объявятъ подсудимаго, заслуживающимъ снисхожденія? Онъ долженъ понизить наказаніе на одну или двѣ степени, но при этомъ долженъ ли дать все-таки высшую мѣру избранной степени, или нѣтъ? Для буквальнаго выполненія закона, дѣйствительно, онъ долженъ дать высшую мѣру. Между тѣмъ, весьма легко можетъ случиться, что вслѣдствіе этого осужденный получитъ большее уменьшеніе наказанія, чѣмъ то, которое желалъ бы дать судья. Судья желалъ бы дать ему наказаніе одной степенью ниже и притомъ въ средней или низшей мѣрѣ его, но такъ какъ онъ послѣдняго не можетъ сдѣлать, а высшую мѣру считаетъ слишкомъ тяжкимъ наказаніемъ, то спустится еще на одну степень.

Ст. 150 опредѣляетъ правила, которыми долженъ руководствоваться судья въ томъ случаѣ, когда при предписанномъ законѣ пониженіи, или повышеніи наказанія на одну, двѣ и болѣе степени, въ наказаніи, слѣдуемомъ за извѣстное преступленіе, представится невозможность буквальнаго исполненія, т. е. не будетъ столько степеней выше или ниже, на сколько требуется повысить или понизить наказаніе, напримѣръ, за преступленіе слѣдуетъ отдавать въ арестантскія роты по 3-й степени, а судъ, вслѣдствіе уменьшающихъ обстоятельствъ, или вслѣдствіе рѣшенія при-

сяжныхъ, опредѣляетъ понизить наказаніе на двѣ степени;—понизивъ на одну степень, онъ исчерпаетъ всѣ предѣлы арестантскихъ ротъ,—какъ же поступить далѣе, перейти къ рабочему дому или нѣтъ? Тоже самое можетъ встрѣтиться и при увеличивающихъ вину обстоятельствахъ, т. е. не тѣхъ общихъ, обозначенныхъ въ ст. 129, а спеціальныхъ, вслѣдствіе которыхъ наказанія за нѣкоторыя преступленія увеличиваются на нѣсколько степеней. Напримѣръ, нѣкто обвиненъ въ заключеніи своего тестя, сопровождавшемся оскорбительнымъ обращеніемъ. Преступленіе это само по себѣ можетъ представиться въ такомъ видѣ, что судъ по 1540 ст. опредѣляетъ виновному арестантскія роты по 4 ст., такъ какъ заключеніе сопровождалось оскорбительнымъ обращеніемъ, то, по силѣ 1541 ст., наказаніе должно быть повышено на одну степень, т. е. виновный долженъ быть осужденъ къ отдачѣ въ арестантскія роты по 3-й степени; а такъ какъ жертвой преступленія былъ тесть, то по 1544 ст., наказаніе должно быть повышено 3 степенами,—но выше 3-й степени въ арестантскихъ ротахъ находятся только двѣ: переходить ли къ ссылкѣ на поселеніе или нѣтъ?

Уложеніе (первыхъ изданій) разрѣшало этотъ вопросъ слѣдующимъ образомъ: 1) при пониженіи наказаній уголовныхъ должно переходить въ слѣдующій низшій родъ и даже отъ уголовнаго къ исправительному наказанію, т. е. отъ каторжной работы къ ссылкѣ на поселеніе, а отъ этой послѣдней къ ссылкѣ на житье; 2) при пониженіи исправительныхъ наказаній, въ нѣкоторыхъ случаяхъ разрѣшенъ переходъ въ низшій родъ, въ другихъ не разрѣшенъ. Такъ, отъ ссылки на житье въ Сибирь или арестантскихъ ротъ разрѣшено переходить къ ссылкѣ на житье въ губерніи европейской Россіи и къ отдачѣ въ рабочій домъ но отъ этихъ наказаній, соединенныхъ съ лишеніемъ сословныхъ правъ, запрещено переходить къ низшимъ исправительнымъ; также запрещено переходить отъ заключенія къ крѣпости или смирительномъ домѣ, къ заключенію въ тюрьмѣ. Въ этихъ случаяхъ предписано останавливаться на меньшей мѣрѣ низшей степени наказанія. Въ случаѣ возвышенія наказанія, принята система перехода въ наказаніе высшаго рода съ большими ограниченіями, именно разрѣшено переходить только отъ ареста къ тюрьмѣ, отъ рабочаго дома или соотвѣтствующей ему ссылки на житье къ арестантскимъ ротамъ, или ссылкѣ на житье въ Сибирь, отъ ссылки на поселеніе къ каторжной работѣ. Всѣ другіе переходы положительно воспрещены, а вмѣсто перехода предписано увеличивать сроки заключенія въ высшей степени опредѣленнаго въ законѣ наказанія на 1, 2, 3 года, смотря потому, на сколько степеней слѣдовало возвысить наказаніе. Изъ этого исключаются только преступленія противъ родителей или иныхъ родственниковъ по восходящей линіи (означенныя въ ст. 1492, 1539, 1544 и 1547, т. е. нанесеніе имъ

18*

увѣчья и ранъ, клевета, насильственное задержаніе, оскорбленіе дѣйствіемъ, угрозы): здѣсь допускается переходъ не только въ высшій родъ, но даже отъ исправительнаго къ уголовному наказанію. О переходѣ отъ каторжной работы къ смертной казни законъ умалчиваетъ, потому что нѣтъ такого случая, когда бы безсрочная каторжная работа должна была быть возвышена на одну или двѣ степени.

Такое ограниченіе въ повышеніи наказанія необходимо для того, чтобы побочныя обстоятельства не могли совершенно измѣнить сущность опредѣленнаго за преступленіе наказанія. Эта система нѣсколько измѣнена Судебн. Уст. и другими законоположеніями. Такъ, закономъ 19 марта 1864 г. предписано при наказаніи за покушеніе не стѣсняться при пониженіи 163-ей статьей, т. е. разрѣшено переходить отъ ссылки въ отдаленныя губерніи и отъ заключенія въ крѣпости и смирительномъ домѣ къ наказаніямъ низшаго рода. Уст. Угол. Суд., ст. 774, распространилъ это положеніе на всѣ случаи: „при опредѣленіи наказанія на основаніи законовъ, суду предоставляется право по обстоятельствамъ, уменьшающимъ вину подсудимаго, смягчать наказаніе одною или двумя степенями, *переходя притомъ и къ ближайшему низшему роду наказаній, если въ высшемъ, по уложенію о наказаніяхъ нѣтъ степени ниже назначенной въ законѣ за преступное дѣяніе подсудимаго*". Постановленіе это выражено не точно, слѣдовало бы сказать: „если для сдѣланнаго судомъ пониженія не находится степени въ томъ наказаніи". Иначе можно подумать, что если за преступленіе слѣдуетъ отдача въ арестантскія роты по 3-й степени, то судъ не можетъ перейти къ рабочему дому, потому что имѣется еще степень низшая 3-й, четвертая. Хотя въ 828 ст. при опредѣленіи послѣдствія объявляемаго присяжными снисхожденія и не повторено постановленіе вышеприведенной 774, статьи о переходѣ къ низшему роду наказаній, но ясно, что это сдѣлано только по забывчивости. Такъименно это было понято редакціею Уложенія 1866 г. Въ 150 ст. этого изданія, замѣнившей 163-ю изданія 1857 г., заключаются слѣдующія положенія: 1) при уменьшеніи судъ переходитъ къ низшему роду наказаній, когда въ слѣдующемъ за преступленіе высшемъ не будетъ соотвѣтствующей степени. При этомъ пониженіи всѣ исправительныя наказанія, высшія тюремнаго заключенія, кромѣ арестантскихъ ротъ, считаются какъ одно наказаніе, т. е. отъ рабочаго дома слѣдуетъ переходить не къ заключенію въ крѣпости, и отъ послѣдняго не къ заключенію въ смирительномъ домѣ, а прямо къ тюремному заключенію. Понятно, постановленіе о не переходѣ отъ рабочаго дома къ заключенію въ крѣпости: послѣднее наказаніе, какъ мы видѣли, имѣетъ не общій, а спеціальный характеръ, — законъ не ставитъ вообще въ преступленіяхъ вслѣдъ за рабочимъ домомъ заключеніе въ крѣпость. Но почему отъ ра-

бочаго дома запрещено переходить къ смирительному дому, — а указано прямо къ тюрьмѣ? — это трудно понять, потому что смирительный домъ составляетъ наказаніе общее, и притомъ оно составляетъ въ порядкѣ пораженія правъ естественную переходную ступень отъ рабочаго дома (или ссылки на житье въ губерніи не сибирскія) къ тюрьмѣ. Такъ, если за преступленіе слѣдуетъ рабочій домъ, положимъ, третьей степени и съ тѣмъ вмѣстѣ лишеніе всѣхъ особенныхъ правъ, то при пониженіи на двѣ степени вслѣдствіе уменьшающихъ обстоятельствъ, слѣдовало бы перейти къ первой степени смирительнаго дома и соединенному съ ней ограниченію нѣкоторыхъ правъ, — что вполнѣ удовлетворяетъ значенію уменьшающихъ обстоятельствъ. А при предписанномъ закономъ переходѣ прямо къ тюрьмѣ не послѣдуетъ никакого ограниченія правъ, слѣдовательно произойдетъ переходъ черезъ цѣлый важный родъ наказанія. 2) Другое нововведеніе новаго изданія Уложенія, какъ нельзя болѣе вѣрное, состоитъ въ томъ, что когда при пониженіи наказанія надобно перейти къ тюремному заключенію, то срокъ заключенія не можетъ быть болѣе продолжительнымъ, какъ въ низшей степени высшаго рода. Такъ напримѣръ, если за преступленіе слѣдовала отдача въ рабочій домъ на время отъ 2—4 мѣсяцевъ (4 степени), то при переходѣ къ заключенію въ тюрьму, назначается не срокъ 1-й степени этого наказанія, т. е. отъ 8 мѣсяцевъ до 1¹/₃ года, а на срокъ не болѣе 4 мѣсяцевъ. Это измѣненіе вполнѣ справедливо. Главная тяжесть заключенія состоитъ не столько въ большей или меньшей суровости его, а въ продолжительности, такъ что лицо, которому вслѣдствіе уменьшающихъ обстоятельствъ опредѣляли вмѣсто заключенія на 4 мѣсяца въ смирительномъ домѣ, 16 мѣсяцевъ заключенія въ тюрьмѣ проигрывало, а не выигрывало. Прежній порядокъ остался и теперь при арестантскихъ ротахъ, т. е. не сказано, чтобы въ случаѣ перехода отъ арестантскихъ ротъ къ высшей степени рабочаго дома продолжительность заключенія не была больше низшей степени заключенія въ арестантскихъ ротахъ, — между тѣмъ, какъ существуетъ разница: низшая степень заключенія въ арестантскихъ ротахъ въ низшей мѣрѣ 1 годъ, а высшая степень рабочаго дома 1¹/₃ до 2 лѣтъ.

Какой срокъ тюремнаго заключенія назначается для лицъ высшихъ классовъ, подвергающихся ссылкѣ на житье въ не сибирскія губерніи? Также не высшей, а низшей степени рабочаго дома, т. е. 2—4 мѣсяцевъ? Хотя законъ умалчиваетъ объ этомъ, но по аналогіи, отвѣтъ долженъ быть утвердительный. Въ законѣ сказано:.. „если срокъ содержанія въ означенныхъ выше исправительныхъ заведеніяхъ“... Ссылку на житье нельзя назвать исправительнымъ заведеніемъ. Нельзя также полагать, что срокъ тюремнаго заключенія не долженъ въ этомъ случаѣ превышать срока заключенія на мѣстѣ жительства, полагаемаго при ссылкѣ

на житье въ не сибирскія губерніи; срокъ несовпадающій съ срокомъ соотвѣтствующей степени рабочаго дома, уже по одному тому, что при низшей степени этой ссылки вовсе не полагается заключеніе, слѣдовательно выходило бы, что при пониженіи наказанія до тюремнаго заключенія, послѣднее обращалось бы въ нуль.

Въ отношеніи повышенія наказанія, новое изданіе Уложеніе, оставило безъ измѣненія постановленіе Уложенія изданія 1857 года. Въ Миров. Уст. не принято раздѣленіе родовъ наказаній на степени, а потому и не принято увеличеніе или уменьшеніе наказанія на одну или нѣсколько степеней: постановляется только уменьшеніе или увеличеніе мѣры положеннаго наказанія неопредѣленно, въ случаѣ общихъ увеличивающахъ или уменьшающихъ обстоятельствъ (ст. 12, 13, 14), или полагается опредѣленное уменьшеніе — на половину срока слѣдуемаго наказанія (11, 171, 176).

Если подсудимый обвиняется въ нѣсколькихъ преступленіяхъ, и присяжные признаютъ его заслуживающимъ снисхожденія по одному, а по другимъ не признаютъ, то судъ обязанъ понизить наказаніе по первому, а за тѣмъ, постановивъ наказанія по остальнымъ, опредѣлить окончательно наказаніе по совокупности. Такое начало признано кассац. сенатомъ *).

---

*) Въ законѣ сказано (ст. 814 Уст. Угол. Суд.), что присяжные имѣютъ право признавать подсудимыхъ, по обстоятельствамъ дѣла, заслуживающими снисхожденія; но этотъ законъ не воспрещаетъ присяжнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда подсудимый судится одновременно за нѣсколько преступленій, признавать подсудимаго по однимъ преступленіямъ заслуживающимъ снисхожденія, а по другимъ нѣтъ, а какъ изъ отвѣтовъ присяжныхъ по настоящему дѣлу видно, что они признали подсудимую заслуживающею снисхожденія только по второму преступленію, а не по всѣмъ преступленіямъ, о которыхъ были предложены вопросы, то судъ, уменьшивъ наказаніе лишь за одно это преступленіе и опредѣливъ за тѣмъ наказаніе по совокупности преступленій, поступилъ совершенно правильно». (Кассац. 1868 г. № 406).

ГЛАВА XII.

ОТМѢНА НАКАЗАНІЙ.

(Улож. ст. 155—167; Мир. Уст. ст. 22).

---

1) *Смерть.* Нѣкоторыя послѣдствія наказанія, неотмѣняемыя смертью. Возстановленіе памяти умершаго. 2) *Примиреніе.* Достаточно ли одностороннее примиреніе. Возможно ли примиреніе послѣ начала наказанія. Послѣдствіе смерти обиженнаго. 3) *Давность.* Основанія для ея существованія въ уголовномъ правѣ. Процессуальный характеръ давности по нашему праву. Преступленія, непокрываемыя давностью. Сроки давности по Уложенію и по Мир. Уст. Давность за карантинныя преступленія. Нѣсколько спорныхъ вопросовъ о давности. Недостатки настоящей системы давности. 4) *Прощеніе.* Христіанская идея прощенія и ея вліяніе на уголовное право. Различные роды прощеній—полное и неполное. Прощеніе по трактатамъ. Послѣдствія прощеннаго преступленія.

Наказаніе, опредѣленное за преступленіе, должно быть исполнено во чтобы то ни стало. Только при этомъ условіи народъ сохраняетъ вѣру въ святость закона; только при этомъ условіи парализируется преступная воля. Какъ бы строги ни были законы, но коль скоро граждаже видятъ возможность избѣгнуть наказанія, то цѣль правосудія никогда не можетъ быть достигнута. У древнихъ народовъ наказаніе представлялось какъ необходимое удовлетвореніе божества, которое мстило всему народу великими бѣдствіями за нарушеніе этого долга. У грековъ и римлянъ цѣлыя арміи осуждались на смерть за бѣгство съ поля сраженія. Pereat mundus, sed fiat justitia—поговорка средневѣковыхъ юристовъ—выражаетъ рельефно это античное понятіе о святости закона.

Неизмѣнность закона, слѣдовательно и наказанія за преступленіе, признается всѣми цивилизованными законодательствами основою порядка и правосудія. Новыми законодательствами, въ томъ числѣ и нашимъ, признаются только четыре причины отмѣны наказанія: 1) давность, 2) про-

щеніе, 3) смерть преступника, 4) примиреніе съ обиженнымъ. Но надо замѣтить, что эти послѣднія два начала совершенно разнятся отъ двухъ первыхъ. Такъ, чрезъ смерть преступника наказаніе не отмѣняется, а является только невозможность его исполнить. Впрочемъ и по смерти преступника наказаніе все таки до нѣкоторой степени выполняется. Хотя въ настоящее время уже вывелся варварскій обычай вѣшать или терзать трупы преступниковъ, но тѣмъ не менѣе позорное клеймо остается на могилѣ преступника, безчестную память его наслѣдуютъ дѣти. Отсюда происходитъ такъ называемое „возстановленіе доброй памяти" умершаго преступника, когда откроются обстоятельства, доказывающія его невинность. Право искать этого возстановленія предоставляется родственникамъ умершаго (Уст. Уг. Суд. ст. 939). У насъ бывали примѣры разрѣшенія перемѣны фамиліи родственникамъ казненнаго. Замѣтимъ, что въ новомъ (1861 г.) кодексѣ Сардинскомъ сдѣлано постановленіе: если лицо, осужденное на смертную казнь, прекратитъ жизнь свою самоубійствомъ, то казнь совершается надъ его изображеніемъ. Наконецъ, если преступленіе состояло не только въ нарушеніи общественнаго порядка, но и частнаго интереса, то изъ имѣнія преступника дѣлается вознагражденіе лицу пострадавшему. Слѣдовательно наказаніе до нѣкоторой степени выполняется и послѣ смерти преступника.

Второй поводъ отмѣны наказанія — *примиреніе*: „Когда преступленіе или проступокъ такого рода, что оные на основаніи законовъ, не иначе могутъ подлежать вѣдѣнію и разсмотрѣнію суда, какъ вслѣдствіе жалобы, обиженнымъ или оскорбленнымъ чрезъ то противозаконное дѣяніе частнымъ лицомъ приносимой, то приговоръ о наказаніи виновнаго отмѣняется, если принесшій жалобу примирится съ виновнымъ прежде исполненія приговора. Изъ сего исключаются лишь означенные въ статьяхъ 495, 1523, 1530, 1532, 1542, и 1545—1561 сего Уложенія случаи" (Улож. ст. 157).

Преступленіе потеряло частный характеръ; оно признается нарушеніемъ общественнаго интереса; оно поэтому преслѣдуется общественною властью и помимо жалобы или желанія потерпѣвшаго лица. Это одно изъ важнѣйшихъ отличій между новой и старой эпохой уголовнаго права. Изъ этого общаго положенія исключаются два рода преступныхъ дѣяній, преслѣдованіе которыхъ начинается не иначе, какъ по жалобѣ частнаго лица, прямо или косвенно потерпѣвшаго отъ преступленія, а именно: 1) правонарушенія, состоящія въ оскорбленіи чести: эти нарушенія, во первыхъ, маловажны, а во вторыхъ, самое существованіе нарушенія обусловливается личными отношеніями, въ которыхъ обиженный—лучшій судья; таковы: личныя обиды (ст. 1534), клевета (ст. 1539), угрозы (1548), легкія раны и неважное поврежденіе здоровья (1496), похищеніе женщины,

жестокое обращеніе одного супруга съ другимъ (ст. 1549) и слѣдовательно прелюбодѣяніе лица, состоящаго въ супружествѣ, (1583); 2) важное преступленіе изнасилованія, потому что оно является преступленіемъ только при отсутствіи согласія женщины; если женщина не жалуется, то стало быть и не было изнасилованія.

Разсмотрѣніе всѣхъ этихъ случаевъ, когда общественный интересъ уступаетъ частному, относится къ уголовному судопроизводству, а потому мы ограничиваемся только простымъ исчисленіемъ ихъ.

Но коль скоро лицо потерпѣвшее довело дѣло до суда, и постановленъ приговоръ, тогда примиреніе можетъ остановить выполненіе наказанія не во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ инщіатива преслѣдованія предоставлена потерпѣвшему лицу. Именно примиреніе не можетъ имѣть мѣста въ преступленіи изнасилованія, потому что это значило бы предоставить судьбу одного лица во власть другаго, въ задержаніи, сопровождавшимся истязаніями, въ похищеніи женщинъ.

Что слѣдуетъ разумѣть подъ *примиреніемъ*,—дѣйствительное обоюдное примиреніе, или достаточно односторонняго заявленія потерпѣвшей стороны, что она примиряется? Очевидно, что въ послѣднемъ случаѣ это будетъ не примиреніе, а прощеніе. Право же прощенія не можетъ быть предоставлено частному лицу—это верховное право. Притомъ же главное основаніе отмѣны наказанія въ незначительныхъ преступленіяхъ, каковы обиды, клевета и т. под., именно заключается въ томъ, что вражда уступила миру и согласію, слѣдовательно интересъ общественный не пострадалъ; уже однимъ объявленіемъ наказанія достигнута цѣль закона. Когда же со стороны виновнаго нѣтъ раскаянья, вражда его не затихла, будетъ ли согласно съ интересами общества отпускать его безъ наказанія? Но законъ не постановилъ никакихъ условій для доказательства примиренія, и практика наша постоянно довольствовалась однимъ заявленіемъ обиженнаго или потерпѣвшаго. Петербургская Судебная Палата долго держалась мнѣнія, что для прекращенія дѣла требуется прошеніе о мирѣ, подписанное обѣими сторонами. Но Сенатъ всегда принималъ просьбу обиженной стороны о прекращеніи дѣла достаточной. (Кассац. 1867 г. № 201).

Но если обиженный послѣ произнесенія приговора объявляетъ о прекращеніи дѣла, то несомнѣнно что осужденный сохраняетъ право не принять этого прекращенія и требовать новаго разсмотрѣнія въ апелляціонномъ или кассаціонномъ порядкѣ. Даже производство въ апелляціонной и кассаціонной инстанціи не можетъ быть прекращено безъ удостовѣренія въ согласіи стороны обвиняемой, принести жалобу.

Другой вопросъ. Право требовать отмѣны наказанія вслѣдствіе примиренія сохраняется ли во все продолженіе наказанія, или существуетъ только до начала выполненія послѣдняго. Напр., если лицо было подвергнуто за

печатную клевету заключенію въ тюрьмѣ на 6 мѣсяцевъ, можетъ ли оклеветанный чрезъ два мѣсяца послѣ начала наказанія объявить о примиреніи съ клеветникомъ и требовать его освобожденія? Мы полагаемъ что нѣтъ основанія отказать въ этомъ правѣ. Законъ даетъ право требовать вслѣдствіе примиренія отмѣны наказанія, т. е. всего наказанія, а слѣдственно и той части, которая еще не выполнена. Но предъявлять съ самого начала процесса или впослѣдствіи до окончанія наказанія требованіе, чтобы виновному было наказаніе уменьшено, пострадавшій не имѣетъ права, потому что примиреніе есть полный недробимый актъ' иначе это не примиреніе, а милостивое смягченіе наказанія, которое давать можетъ только судъ. Законъ только въ крайне немногихъ случаяхъ предоставляетъ это право частнымъ лицамъ, напр. при похищеніи незамужней для вступленія въ бракъ (1549): „по просьбѣ приносившихъ жалобу родителей или опекуновъ время заключенія виновныхъ можетъ быть сокращено". Слѣдовательно и въ этомъ случаѣ даетъ только право просить о сокращеніи, и отъ суда зависитъ уважить или неуважить просьбу Но совершенно другое дѣло объявить о примиреніи, когда часть наказанія уже выполнена; здѣсь все таки существуетъ полное примиреніе, хотя совершившееся при выполненіи части наказанія.

Если лицо, начавшее дѣло, могущее быть оконченнымъ чрезъ примиреніе, умретъ до произнесенія приговора, выполняется ли наказаніе, или отмѣняется? Вопросъ этотъ принадлежитъ къ числу спорныхъ. По буквальному смыслу нашего закона, онъ разрѣшается отрицательно: законъ говоритъ, что наказаніе отмѣнятся вслѣдствіе примиренія, но такъ какъ примиренія не послѣдовало, хотя бы только вслѣдствіе смерти обиженнаго, то не можетъ быть и отмѣны наказанія.

Третій поводъ къ отмѣнѣ наказанія—*давность*, т. е. погашеніе преступленія и наказанія протеченіемъ извѣстнаго, закономъ опредѣленнаго времени. Обращеніе факта въ право чрезъ протеченіе извѣстнаго времени составляетъ одно изъ важнѣйшихъ основаній имущественныхъ правъ; давность въ гражданскомъ правѣ состаставляетъ „коренной" законъ Имперіи. Значеніе ея въ уголовной сферѣ также весьма велико, и распространяется, за немногими исключеніями, на всѣ преступленія.

Давность въ уголовномъ правѣ можетъ быть двухъ родовъ: или дѣйствіе ея распространяется только за вчинаніе процесса, или на самый приговоръ, т. е. можетъ быть постановлено, что если преступленіе оставалось безгласнымъ въ теченіи извѣстнаго числа лѣтъ, напр. 10, то прокуроръ лишается права поднимать слѣдствіе; или другое: что если осужденный скрылся, то по прошествіи давности наказаніе къ нему не прилагается.

Нашъ законъ признаетъ только давность перваго рода, да притомъ

въ ограниченномъ видѣ: „Когда со времени учиненія какого либо. . . . преступленія . . . прошло (10, 8, и проч.) лѣтъ, и когда во все сіе время то преступленіе не сдѣлалось гласнымъ, т. е. когда по оному не было никакого дѣлопроизводства, или слѣдствія, ниже донесенія или жалобы, извѣта или инаго показанія, или же когда въ теченіе того же времени виновный въ ономъ, не смотря на произведенное слѣдствіе, не былъ обнаруженъ“ (ст. 158).

По смыслу этой статьи, давность имѣетъ мѣсто въ двухъ случаяхъ: 1) когда преступленіе оставалось въ теченіи опредѣленнаго времени безгласнымъ; 2) когда оно хотя и сдѣлалось гласнымъ и начато было слѣдствіе, но виновный остался не открытымъ въ теченіи того же опредѣленнаго времени. Ясно, что первое условіе совершенно излишнее; достаточно было сказать объ одномъ послѣднемъ, потому что оно шире перваго. При настоящей редакціи выходитъ совершенная темнота: по первому положенію надобно заключать, что если былъ извѣтъ о преступленіи, если было начато разслѣдованіе, словомъ если огласилось преступленіе, то давность не имѣетъ мѣста; но второе положеніе именно опровергаетъ первое; оно говоритъ, что произведеніе слѣдствія еще не препятствуетъ бытію давности, если виновный не былъ обнаруженъ; слѣдственно, надобно было бы вмѣсто двухъ положеній дать одно послѣднее. Сенатъ истолковалъ выраженіе „не было никакого производства“ въ томъ смыслѣ, что не было производства, направленнаго противъ извѣстнаго лица, а оно имѣло вообще цѣлью обнаруженіе виновнаго и цѣль эта не была достигнута въ теченіи установленнаго срока. (Кассац. 1868 г. № 129).

Опредѣленіе давности прямо показываетъ, что она не относится: 1) къ судебному приговору, 2) даже къ такому слѣдствію, которымъ виновный былъ обнаруженъ. Сколько бы лѣтъ ни прошло послѣ слѣдствія, которымъ виновный былъ обнаруженъ, если онъ будетъ захваченъ, онъ долженъ быть преданъ суду; наказаніе надъ бѣжавшимъ осужденнымъ можетъ быть исполнено во всякое время.

Изъ этого слѣдуетъ, что мѣсто для ученія о давности не въ Уложеніи о преступленіяхъ и наказаніяхъ, а въ Уставѣ Уголов. Судопр. Постановленіями о давности опредѣляются права прокурора вчинать искъ только въ теченіи опредѣленнаго времени по совершеніи преступленія,— вопросъ чисто процессуальный. Но съ одной стороны давность принадлежитъ и къ ученію о преступленіи: именно въ нѣкоторыхъ преступленіяхъ давность имѣетъ значеніе только смягчающаго обстоятельства.

Главное основаніе давности заключается въ трудности произвести процессъ, когда преступленіе открылось чрезъ 10 или 20 лѣтъ: свидѣтелей или нѣтъ въ живыхъ, или нѣтъ на мѣстѣ, слѣды преступленія по большей части исчезаютъ. Кромѣ того въ пользу ея приводятъ и другое осно-

ваніе: всякое право теряется, когда имѣющій его долгое время не обнаруживалъ желанія пользоваться имъ, онъ какъ бы молча отказывался отъ него; это можно приложить и къ праву государства преслѣдовать преступника. Притомъ же наказаніе человѣка, совершившаго преступленіе 10 или 20 лѣтъ тому назадъ, лишено одного изъ главныхъ основаній всякаго наказанія, т. е. охраны общества, угрозы. Когда совершено преступленіе, совѣсть общества, чувство безопасности взволнованы; оно требуетъ наказанія преступника. Но чрезъ много лѣтъ перемѣняется поколѣніе; старые люди забыли о бывшемъ когда то преступленіи, молодые и не знали о немъ. Наказаніе преступника едва ли будетъ имѣть тогда спасительное дѣйствіе; оно въ большой части случаевъ возбудитъ только сожалѣніе. Къ тому же справедливо замѣчаютъ, что нѣкоторыя цѣли наказанія достигаются сами собою протеченіемъ долгаго времени: преступникъ во все это время страдалъ, тяжко страдалъ; онъ не могъ быть спокоенъ ни одного дня, ожидая съ трепетомъ открытія преступленія; это томленіе само по себѣ часто бываетъ хуже строгаго наказанія; случается, что преступникъ не выдерживаетъ его и является съ повинною. Конечно, давность имѣетъ и дурныя стороны: она парализируетъ страхъ наказанія у замыслившаго преступленіе; видъ злодѣя, пользующагося безнаказанностью, когда преступленіе его еще незабыто, производитъ скандалъ. Но въ этомъ случаѣ давность имѣетъ свойство многихъ другихъ установленій: она принята потому, что хорошія стороны ея перевѣшиваютъ дурныя, а не потому, что въ ней вовсе нѣтъ дурныхъ сторонъ.

Нашъ законъ признаетъ, какъ мы говорили, два значенія давности, какъ погашенія наказанія, или, правильнѣе, погашенія права прокурора производить слѣдствіе, и какъ смягченіе наказанія.

Давность втораго рода постановлена только для величайшихъ преступленій, каковы: злоумышленія противъ жизни, здравія, чести и правъ Государя Императора или членовъ августѣйшаго дома, бунтъ, измѣна, убійство отца или матери. Если преступникъ былъ обнаруженъ по истеченіи 20 лѣтъ, то смертная казнь или каторжная работа ему смягчается на ссылку на поселеніе (ст. 161). За всѣ другія преступленія существуетъ погашающая, т. е. дѣйствительная давность. Изъ этого исключаются только тѣ преступленія, которыя по природѣ своей продолжаются постоянно; напр. вѣроотступничество, вступленіе въ противозаконный бракъ, присвоеніе званія, чина или ордена. (Ст. 162). Само собою разумѣется, что если присвоившій себѣ незаконно титулъ или орденъ, пересталъ черезъ нѣсколько лѣтъ употреблять ихъ, то давность и для него наступаетъ со дня этого прекращенія; то же самое слѣдуетъ сказать относительно вступившаго въ противозаконный бракъ, когда умретъ лицо, состоявшее съ нимъ въ этомъ бракѣ, т. е. когда этотъ бракъ прекратится, съ того момента и начи-

нается исчисленіе срока давности. Впрочемъ, мы не считаемъ правильнымъ непокрытіе давностью всего преступленія противъ законнаго брака, о чемъ будетъ сказано при разборѣ этого преступленія. Кромѣ того, существуютъ и другія продолжающіяся по природѣ своей преступленія, хотя онѣ неизвѣстно почему не исчислены въ ст. 162, таковы: личное задержаніе, переходъ въ иностранное подданство и нѣкоторыя другія. Здѣсь давность естественно должна считаться не со дня перваго совершенія преступленія, а съ того, въ который оно прекратилось.

Законъ нашъ признаетъ нѣсколько сроковъ давности сообразно важности совершеннаго преступленія. Это вполнѣ справедливо: чѣмъ важнѣе преступленіе, тѣмъ болѣе нужно времени, чтобъ о немъ забыли, тѣмъ болѣе слѣдуетъ дать страданія, состоящаго въ страхѣ открытія, преступнику. Сроки эти слѣдующіе: (Улож. 158).

Срокъ давности.	Наказанія за преступленія.
1) 10 лѣтъ . . .	Каторжная работа и ссылка на поселеніе.
2) 8 —— . . .	Арестантскія роты и ссылка на житье въ Сибирь.
3) 5 —— . . .	Рабочій домъ и всѣ другіе виды заключенія, высшія тюрьмы.
4) 2 года . . .	Тюремное заключеніе.
5) ½ — . . .	Арестъ, денежные штрафы, выговоры.

По Миров. Уст. существуетъ еще годичная давность за лѣсоистребленіе. Въ Миров. Уст. давность пріурочена не къ наказанію, а къ преступленію: двухгодичная для кражи и мошенничества и полгодичная за всѣ прочіе проступки, кромѣ лѣсоистребленія. (Мир. Уст. ст. 21). За кражу и мошенничество слѣдуетъ тюремное заключеніе, слѣд. въ этомъ случаѣ Мир. Уст. полагаетъ срокъ давности согласно съ Уложеніемъ. Но за прошеніе милостыни, присвоеніе находки съ отягчающими обстоятельствами, а также за растрату ввѣреннаго имущества, по Мир. Уст. также слѣдуетъ тюремное заключеніе (Мир. Уст. ст. 50, 51, 177, 178), а давность только полугодовая.

Мы видимъ, что въ опредѣленіи сроковъ давности, пропущены преступленія, за которыя слѣдуетъ смертная казнь. Изъ нихъ—о государственныхъ преступленіяхъ первой важности существуетъ, какъ мы говорили, особое постановленіе. Но остаются еще преступленія карантинныя; онѣ не обозначены въ числѣ тѣхъ, за которыя идетъ по прошествіи 20 лѣтъ только смягченіе наказанія, и не обозначены въ числѣ тѣхъ, на которыя распространяется погашающая давность. Какая же ихъ судьба, какая для нихъ давность? Такъ какъ законодатель пропустилъ сказать объ нихъ, но не обозначилъ ихъ въ числѣ непокрываемыхъ давностью, то мы полагаемъ, что онъ воспрещаетъ производить объ нихъ слѣдствіе, какъ только прекратится чума.

Сроки, установленные для давности, возбуждаютъ слѣдующіе вопросы:

Если за преступленіе слѣдуетъ нѣсколько наказаній, покрываемыхъ давностью различныхъ сроковъ, напр. ссылка на поселеніе или арестантскія роты и смирительный домъ, какъ это нерѣдко случается, то срокъ давности считается по большему или меньшему наказанію? Выраженія 158 ст. показываютъ, что основаніемъ для счета надобно принимать высшее наказаніе. Но если судъ найдетъ, сообразно обстоятельствамъ, достаточнымъ меньшее наказаніе, или и въ томъ случаѣ, когда за преступленіе слѣдуетъ одно наказаніе, напр. ссылка на поселеніе, покрываемое 10 лѣтней давностью, а вслѣдствіе объявленія присяжными снисхожденія, наказаніе будетъ понижено до арестанстскихъ ротъ (наказаніе, покрываемое 8 лѣтней давностью), а преступникъ захваченъ спустя 9 лѣтъ по совершеніи преступленія, то будетъ ли онъ подвергнутъ наказанію? Этотъ вопросъ рѣшенъ французскимъ кассаціоннымъ судомъ утвердительно. Нашъ законъ пріурочиваетъ давность не къ преступленію, не къ убійству, грабежу и т. под., а къ наказанію: „со времени учиненія преступленія, за которое въ законахъ опредѣляется лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылка“... И такъ, здѣсь идетъ дѣло только о наказаніи опредѣляемомъ въ законѣ, а не о томъ, которое можетъ получить виновный вслѣдствіе смягченія. Но если наказаніе положено меньшее, именно такое, которое покрывается истекшими до суда годами, не вслѣдствіе смягченія, а по самимъ фактическимъ обстоятельствамъ, составнымъ элементамъ преступленія, тогда надобно считать давность по наказанію, полагаемому судомъ. Что нашъ законодатель держится именно такого мнѣнія и притомъ не только относительно послѣдняго, но и перваго случая, это показываетъ 823 ст. Уст. Уг. Суд., въ которой сказано, что и послѣ обвинительнаго приговора присяжныхъ, подсудимый можетъ доказывать, что законъ не можетъ имѣть примѣненія за давностью. Это можно понять и въ томъ смыслѣ, что преступленіе, за которое по закону слѣдуетъ наказаніе, непокрываемое протекшими годами, послѣ объявленія присяжныхъ, является въ другомъ видѣ, напр. вмѣсто разбоя кражей, вмѣсто умышленнаго убійства — убійствомъ въ дракѣ, — и въ томъ смыслѣ, что вслѣдствіе смягчающихъ обстоятельствъ оно потеряло свой первоначальный характеръ дѣянія, наказуемаго, напр., уголовнымъ наказаніемъ, а сдѣлалось наказуемымъ исправительнымъ наказаніемъ. Въ результатѣ, наше мнѣніе; что въ этомъ вопросѣ надобно рѣшительно склоняться на сторону того наказанія, которое *дѣйствительно* послѣдовало за преступленіе.

Въ видѣ исключенія, ст. 160 постановляетъ что „наказанія, опредѣляемыя законами сообщникамъ и пособникамъ въ преступленіяхъ, совершенныхъ по предварительному согласію нѣсколькихъ лицъ, и участниками

въ преступленіяхъ, учиненными нѣсколькими лицами, безъ предварительнаго на то соглашенія, отмѣняются за давностью не прежде, какъ по истеченіи срока давности, для самихъ зачинщиковъ или главныхъ виновныхъ опредѣленнаго." Такимъ образомъ здѣсь давность для виновнаго исчисляется не по наказанію, именно ему, за его роль въ преступленіи слѣдуемому, а по наказанію, слѣдуемому, главнымъ виновникамъ. Замѣтимъ. что въ 160 ст. вовсе неупомянуто о лицахъ, *прикосновенныхъ къ преступленію*, т. е. попустителяхъ, укрывателяхъ—недоносителяхъ. Изъ этого молчанія слѣдуетъ заключить, что давность для нихъ сущеструетъ, соотвѣтственно съ накозаніемъ которое пріурочено къ ихъ винѣ; таат напр. недонесеніе объ убійствѣ покрывается пятилѣтней давности.

Цифры, установленныя для давности, имѣютъ весьма невыгодную сторону: онѣ безъ всякихъ переходныхъ ступеней; эта рѣзкость вредна въ уголовной сферѣ. Представимъ, что человѣкъ совершилъ предумышленное убійство 14 марта 1856 года. Если преступленіе его будетъ обнаружено 13 марта 1866 года, то онъ будетъ отправленъ въ каторжную работу, а если днемъ позже, то онъ не подвергнется никакому наказанію. Не составляетъ ли это вопіющей крайности? Какимъ образомъ въ нѣсколько часовъ изъ злодѣя, котораго повезутъ въ позорной колесницѣ, и отправятъ въ каторгу, можетъ безъ всякаго подвига съ его стороны явиться человѣкъ, со всѣми правами гражданина? Очевидно, что установленіе переходныхъ ступеней, т. е. такого времени, когда давность понижаетъ наказаніе, лучше удовлетворило бы чувство справедливости. Если бы постановлено было, что въ тѣхъ преступленіяхъ, въ которыхъ давность погашающая наступаетъ чрезъ 10 лѣтъ, по прошествіи 5 лѣтъ дается наказаніе не полное, а уменьшенное, напр. вмѣсто каторжной работы ссылка на поселеніе, а по прошествіи 8 лѣтъ еще болѣе смягченное, напр. вмѣсто той же каторжной работы арестантскія роты,—тогда система давности имѣла бы болѣе правильный видъ.

Если слѣдствіе было начато, но по недостатку уликъ прекращены, а потомъ вновь возобновлено, и виновный преданъ суду,—съ какого момента начинается давность? По нашему мнѣнію, не съ момента совершенія преступленія, а съ момента прекращенія перваго слѣдствія, такъ какъ было дѣлопроизводство, направленное противъ опредѣленнаго лица.

Четвертый случай отмѣны наказанія — *прощеніе*, „помилованіе и прощеніе." Ст. 165 говоритъ, что прощеніе, какъ изъятіе изъ общихъ законовъ, можетъ быть даруемо только Государемъ Императоромъ, что оно можетъ состоять или въ „совершенномъ прощеніи", или только въ смягченіи участи виновнаго.

Прощеніе преступниковъ есть установленіе христіанское. Одно изъ главныхъ началъ христіанской религіи составляетъ ученіе о первородномъ

грѣхѣ, объ искупленіи человѣчества Іисусомъ Христомъ, о прощеніи грѣховъ и вѣчной жизни по милосердію Божію. Естественно, что это чувство общей преступности предъ Богомъ должно было могущественно отразиться надъ человѣческимъ правосудіемъ: помилованіе преступниковъ стало считаться дѣломъ богоугоднымъ, необходимымъ для полученія небеснаго милосердія. Въ древней Россіи помилованіе преступниковъ было узаконено. На Стоглавомъ соборѣ постановлено выпускать изъ темницъ ко дню свѣтлаго воскресенья всѣхъ преступниковъ, кромѣ убійцъ, разбойниковъ и зажигателей. Цари наши не довольствовались этимъ. Въ дни великихъ торжествъ они освобождали преступниковъ цѣлыми массами. Борисъ Годуновъ во время болѣзни жениха своей дочери далъ обѣтъ освободить 5000 преступниковъ. Кромѣ того, духовенство въ лицѣ патріарха имѣло право „печалованія", т. е. право просить у царя помилованія преступникамъ, и такъ какъ царь по тогдашнимъ обычаямъ не могъ отказать въ этомъ, то печалованіе въ сущности обратилось въ право прощенія. Царь Иванъ Грозный выставлялъ печалованіе духовенства одной изъ причинъ своего удаленія отъ правительственныхъ дѣлъ. Петръ Великій представляетъ въ вопросѣ прощенія самую рѣзкую противоположность съ прежними понятіями. Для него не было ничего выше правосудія, а прощеніе онъ считалъ грѣхомъ предъ Богомъ и нарушеніемъ обязанностей къ государству; печалованія прекратились послѣ грознаго объясненія царя съ патріархомъ. Но послѣ Петра, прощенія продолжались и въ видѣ отдѣльной милости и въ видѣ „милостивыхъ манифестовъ", которыми въ торжественные дни вступленія на престолъ, заключенія мирныхъ трактатовъ и т. под. давалось прощеніе или смягченіе наказанія всѣмъ преступникамъ или только совершившимъ менѣе важныя преступленія. Послѣдній такого рода милостивый манифестъ состоялся въ 1856 г. при коронованіи царствующаго Государя. Съ той поры Россія въ торжественные дни видѣла манифесты другаго рода: дарованія великихъ общественныхъ льготъ.

Въ старое время, когда уголовныя наказанія были жестоки, когда законъ не обращалъ вниманія на обстоятельства, измѣняющія преступность, прощеніе имѣло основаніе, какъ средство исправить законъ. Но теперь, когда законодатель различаетъ всѣ оттѣнки преступленія, когда наказанія сведены къ возможной мягкости, когда при системѣ уменьшающихъ обстоятельствъ и объявленія снисхожденія присяжными возможно соразмѣрить наказаніе съ степенью нравственнаго паденія преступника,—прощеніе, казалось бы, теряетъ прежнее значеніе. Частыя прощенія потрясаютъ чувство законности въ народѣ, преступленія усиливаются въ надеждѣ на часто повторяемое прощеніе, исполненіе наказанія представляется тогда не дѣломъ правосудія, а жестокостью; наказываемый считаетъ, что съ нихъ поступлено несправедливо, потому что другихъ про-

щали, а его нѣтъ. При всемъ томъ прощеніе существуетъ во всѣхъ государствахъ, и при томъ какъ монархическихъ, такъ и республиканскихъ; президентъ Сѣверо-Американскихъ штатовъ имѣетъ право прощать, подобно монархамъ. Это доказываетъ, что существованіе права прощенія, и въ настоящее время не безполезно. Въ самомъ дѣлѣ, бываютъ такіе чрезвычайные случаи преступленій, такое несчастное стеченіе обстоятельствъ, предугадать которыя заранѣе небыло возможности законодателю. Здѣсь прощеніе въ полной или ограниченной формѣ является только мѣрой поправить недостатокъ закона въ чрезвычайномъ случаѣ. Далѣе, когда въ преступленіяхъ, въ особенности политическихъ, бунтѣ и возстаніи противъ властей, оказывается виновныхъ нѣсколько тысячъ или даже десятковъ тысячъ людей. Возможна ли казнь такой массы людей? Не побуждаетъ ли не только человѣколюбіе, но и государственный интересъ пріостановить дѣйствіе закона, по крайней мѣрѣ для менѣе виновныхъ. Такъ, не говоря о прежнихъ временахъ, въ 1863 г., во время вооруженнаго возстанія въ царствѣ польскомъ и западныхъ губерніяхъ, изданъ былъ Высочайшій манифестъ, объявлявшій полное прощеніе всѣмъ виновнымъ въ возстаніи, которые положатъ оружіе въ назначенный срокъ. Далѣе, употребительно и нисколько не вредно прощеніе за нарушеніе законовъ, впослѣдствіи отмѣненныхъ или измѣненныхъ, т. е. признанныхъ неудовлетворительными. Вообще здравый политическій тактъ указываетъ необходимость прощенія въ тѣхъ случаяхъ, когда оно, не колебля вѣры въ правосудіе, можетъ произвести болѣе успокоенія для общества, чѣмъ выполненіе наказанія.

ГЛАВА XIII.

ПРЕСТУПЛЕНІЯ ПРОТИВЪ ВѢРЫ.

Мѣсто, занимаемое преступленіями противъ вѣры, и вообще о расположеніи преступленій въ Уложеніи.—I. *Богохуленіе,* порицаніе вѣры христіанской и церкви православной. Спеціальное значеніе этаго преступленія. Существенный элементъ—публичность. Особенное значеніе пьянства, невѣжества и неразумія. Формы этого преступленія: слово, печать и письмо, изображеніе, — и ихъ значеніе для степени наказанія. II. *Оскорбленіе святыни.* Элементы этого преступленія. Прерваніе богослуженія. Оказаніе неуваженія къ святынѣ и къ православному духовенству. III. *Вѣроотступничество и совращеніе.* Въ какой мѣрѣ признана у насъ свобода вѣры. Изъ какой религіи въ какую возможенъ переходъ. Наказанія совратителямъ и совращеннымъ. Наказуемость покушенія на совращеніе. Возрастъ, въ которомъ можно перемѣнить вѣру иновѣрцамъ. Пріемъ безъ совращенія изъ высшей религіи въ низшую. IV. *Расколъ.* Особенное религіозное и политическое значеніе раскола объясняетъ постановленія Уложенія. Секты изувѣрныя.—V. Уклоненія отъ исполненія постановленій православной церкви.—VI. *Святотатство.* Смѣшанный характеръ этого преступленія. Значеніе въ этомъ преступленіи—мѣста, различнаго религіознаго характера предметовъ похищенія и способа похищенія. Обще-христіанскій характеръ преступленія. — *Разрытіе могилъ* и поврежденіе надгробныхъ памятниковъ. — VII. *Лжеприсяга.* Совпаденіе этого преступленія съ ложнымъ свидѣтельскимъ показаніемъ. Степени преступности свидѣтельскаго показанія по его послѣдствіямъ. Что считать ложнымъ свидѣтельствомъ. Свидѣтельство ложное безъ присяги.—VIII. *Колдовство,* религіозное самозванство, кликушество и другія суевѣрія.

Предыдущей главой оканчивается разборъ 1-го раздѣла Уложенія; содержаніе его заключаетъ въ себѣ то, что въ нѣмецкихъ учебникахъ называется вполнѣ справедливо *общей частью* уголовнаго права, потому что начала, здѣсь высказанныя, прилагаются ко всѣмъ преступленіямъ. Дальнѣйшіе раздѣлы Уложенія занимаются отдѣльными преступленіями, — что называется въ учебникахъ *особенною частью* уголовнаго права.

Вся масса преступныхъ дѣяній раздѣлена Уложеніемъ на 11 группъ: 1) преступленія противъ вѣры, 2) государственныя, 3) противъ порядка

управленія, 4) по службѣ государственной и общественной, 5) противъ постановленій о повинностяхъ государственныхъ и земскихъ, 6) противъ имущества и доходовъ казны, 7) противъ общественнаго благоустройства и благочинія, 8) противъ законовъ о состояніяхъ, 9) противъ жизни здравія, свободы и чести частныхъ лицъ, 10) противъ правъ семейныхъ, 11) противъ собственности частныхъ лицъ. Въ основаніе этого раздѣленія положенъ порядокъ томовъ Свода Законовъ. Такъ какъ уголовные законы составляютъ санкцію всѣхъ другихъ, то во первыхъ, сборникъ ихъ помѣщенъ былъ въ самомъ послѣднемъ томѣ (XV-мъ) Свода, а во вторыхъ—самые уголовные законы, по мнѣнію редакторовъ Уложенія, должны быть расположены въ томъ порядкѣ, въ которомъ слѣдуютъ томы Свода. Впрочемъ, эта система не вполнѣ выдержана, такъ напр. преступленія противъ частной собственности поставлены въ послѣднемъ раздѣлѣ, а преступленія противъ законовъ о состояніяхъ въ восьмомъ, хотя права имущественныя изложены въ X-мъ, а права состояній въ IX томѣ Свода. Преступленія противъ вѣры поставлены прежде всѣхъ другихъ вслѣдствіе того, что религіозные интересы у насъ издавна получили первостепенное значеніе и въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича къ первой главѣ помѣщено „о богохульникахъ и церковныхъ мятежникахъ“.

Раздѣлъ преступленій противъ вѣры заключаетъ въ себѣ нарушенія двухъ родовъ: 1) чисто религіозныя, именно: богохуленіе и порицаніе вѣры и церкви, оскорбленіе святыни, совращеніе; 2) смѣшаннаго характера, каковы: святотатство, убійство и оскорбленіе священнослужителей, отчасти разрытіе могилъ и лжеприсяга. Въ преступленіяхъ втораго рода религіозный элементъ имѣетъ значеніе отягчающаго обстоятельства.

I. *Богохуленіе и порицаніе вѣры и церкви.* Въ до-христіанскомъ мірѣ, какъ на Востокѣ, такъ и у Грековъ и Римлянъ, религія была національнымъ и государственнымъ установленіемъ. Вслѣдствіе этого всякое оскорбленіе національнаго божества или его изображеній было величайшимъ государственнымъ преступленіемъ. Христіанство дало иное понятіе о божествѣ. Но древнее воззрѣніе на богохуленіе съ теченіемъ времени проникло въ законодательства христіанскихъ народовъ. Судъ надъ этимъ преступленіемъ предоставленъ былъ духовенству, которое, въ особенности на Западѣ, расширило понятіе о немъ до крайнихъ предѣловъ: всякое отступленіе отъ признанной церковью догмы, колдовство, всякаго рода суевѣрія подводимы были подъ богохуленіе и вмѣстѣ съ тѣмъ подъ страшную казнь—сожженіемъ. Въ правленіе царевны Софіи былъ сожженъ въ Москвѣ мистикъ, почти сумасшедшій, Квиринъ Кульманъ, потому что его мистическое ученіе признали богохуленіемъ; извѣстные начальники раскольничьяго движенія, священники Лазарь и Аввакумъ, были также сожжены какъ богохульники. Котошихинъ говоритъ, что въ его время (вторая по-

ловина XVII вѣка) жгли не только собственно за богохульство, но и за „книжное преложеніе, кто учнетъ воровски толковать противъ святыхъ отецъ“.

Богохуленіе въ наше время въ нѣкоторыхъ кодексахъ вовсе не существуетъ, какъ уголовное преступленіе. Въ нашемъ уголовномъ законѣ остались еще случаи наказанія богохуленія, даже каторжной работой, но, какъ мы увидимъ, чисто исключительные. Наука уголовнаго права признаетъ, что только тогда, когда богохуленіе совершается публично,—въ немъ несомнѣнны признаки преступленія: 1) Оно составляетъ самый тяжкій видъ *оскорбленія людей*. Законы признаютъ за личное оскорбленіе не только брань, относящуюся прямо къ извѣстному лицу, но и къ его родителямъ, женѣ и вообще лицамъ, соединеннымъ съ нимъ священными узами. Представимъ случай, что кто нибудь въ присутствіи людей религіозныхъ начинаетъ ругаться надъ Богомъ—предметомъ ихъ величайшихъ упованій, любви и надежды: развѣ это не будетъ самое глубокое оскорбленіе для нихъ, потрясеніе ихъ нравственнаго чувства? 2) Когда богохуленіе совершается публично, тогда оно представляетъ большую опасность для общественнаго порядка. 3) Прибавимъ къ этому, что въ нашемъ отечествѣ, гдѣ верховная власть признаетъ своимъ основаніемъ религіозное начало (Основ. Зак. ст. 1), гдѣ религія православная есть символъ русской національности, гдѣ бракъ и весь семейственный союзъ основаны не на гражданскомъ, а на религіозномъ принципѣ—богохуленіе имѣетъ отчасти значеніе косвеннаго колебанія началъ общественнаго устройства.

Съ этой точки смотритъ на богохуленіе наше современное законодательство. Именно: 1) оно признаетъ его преступленіемъ только въ томъ случаѣ, когда оно совершается публично; публичность есть необходимый элементъ богохуленія, какъ преступленія; 2) оно признаетъ за преступленіе не богохуленіе вообще, а только хуленіе Бога въ смыслѣ христіанскомъ, или даже тѣснѣе—въ православномъ, слѣдовательно даетъ этому преступленію значеніе не общее.

Что касается до сохраненія тяжкихъ наказаній за богохуленіе, то мы увидимъ, что эти наказанія могутъ быть приложены только въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ, а во всѣхъ другихъ замѣняются легкими исправительными.

Въ Уложеніи нѣтъ статьи спеціально посвященной опредѣленію богохуленія; оно начинаетъ съ важнѣйшаго вида богохуленія, и здѣсь опредѣляетъ и богохуленіе вообще: „кто дерзнетъ . . . . возложить хулу на славимаго въ Единосущной Троицѣ Бога, или на Пречистую Владычицу нашу Богородицу и Приснo-Дѣву Марію, или на честный крестъ Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, или на безплотныя силы небесныя, или на святыхъ угодниковъ Божіихъ и ихъ изображенія, тотъ“ . . . . (Улож.

ст. 176). Статья эта составляетъ воспроизведеніе, съ нѣкоторыми измѣненіями и пополненіями, первой статьи Уложенія царя Алексѣя Михайловича: „будетъ кто иновѣрцы какія нибудь вѣры, или и русскій человѣкъ возложитъ хулу на Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, или на родшую Его Пречистую Владычицу нашу Богородицу и Присно-Дѣву Марію, или на честный крестъ, или на святыхъ его угодниковъ, и про то сыскивати всякими сыски накрѣпко, да будетъ сыщется про то до прямо, и того богохульника, обличивъ, казнити, сжечь".

Всѣ выраженія 176 ст. и ея происхожденіе показываютъ, что богохуленіе, какъ преступленіе, существуетъ только тогда, когда хула возлагается на Бога въ христіанскомъ смыслѣ. Если мусульманинъ будетъ публично хулить Аллаха, еврей—Іегову, тунгузъ—Будду,—это вовсе не составляетъ преступленія, предусмотрѣннаго 176 статьей; это только нарушеніе порядка въ молитвенномъ зданіи, т. е. проступокъ, предусмотрѣнный 35 ст. Мир. Уст. и наказываемый арестомъ. Богохульство состоитъ въ возложеніи хулы не только на Святую Троицу, но также на Богородицу. Въ этомъ случаѣ преступленіе сохраняетъ общій христіанскій характеръ. Но „честный" крестъ, святыя угодники и ихъ изображенія, имѣютъ, по всей вѣроятности, только православное значеніе. Доказательствомъ этому служитъ, во первыхъ, происхожденіе 176 статьи, которая есть воспроизведеніе 1-й статьи Уложенія царя Алексѣя. Далѣе, мы имѣемъ въ подкрѣпленіе нашего мнѣнія и другія соображенія. „Честный крестъ" у насъ всегда назывался только крестъ православный; предки наши называли крестъ католическій латинскимъ крыжемъ; въ особенности ярко выступало это значеніе „честнаго креста" во время борьбы православія съ расколомъ: раскольничій крестъ, и какъ знаменіе, и въ видѣ изображенія, не назывался честнымъ крестомъ. Святые угодники признаются въ церквахъ православной, католической, армянской, и кромѣ того въ нехристіанскихъ исповѣданіяхъ—магометанскомъ и буддистскомъ. О какихъ святыхъ говоритъ 176 статья? Законодатель русскій—христіанскій и при томъ православный, слѣдовательно, говоря о святыхъ угодникахъ, онъ разумѣетъ только тѣхъ, которые признаны православною церковью. Допустить иное толкованіе невозможно и въ виду только что приведенной причины и въ виду исторіи 178 ст., но и вслѣдствіе тѣхъ противорѣчій, которыя таковое толкованіе могло бы породить. Такъ напримѣръ, католическая церковь признаетъ святымъ Іосафата Кунцевича, одного изъ важнѣйшихъ гонителей православія: какимъ образомъ русскій законодатель могъ бы считать тяжкимъ уголовнымъ преступленіе, наказываемымъ каторжной работой или ссылкой на поселеніе, хуленіе такого лица?—Почитаніе иконъ, хотя и не занесенное въ символъ вѣры, составляетъ одинъ изъ догматовъ православія, изъ за котораго оно вело долгую и кровавую борьбу

съ иконоборцами. Замѣтимъ неточность редакціи 176 статьи; въ ней сказано по вопросу объ иконахъ „кто дерзнетъ возложить хулу . . . , или на святыхъ угодниковъ Божіихъ и ихъ изображенія"... Отсюда слѣдуетъ по грамматическому смыслу и по принятой системѣ поставленія знаковъ препинанія, что слова „и ихъ изображенія", неотдѣленныя запятой отъ непосредственно предшествовавшихъ „угодниковъ Божіихъ" — относятся только къ нимъ однимъ. Отсюда можетъ быть выведено другое заключеніе: что хула изображеній св. Троицы или Богородицы не предусмотрѣна Уложеніемъ. Очевидно, что это только неточность выраженія. Теперь намъ остается еще опредѣлить, какъ надобно понимать самое слово богохуленіе,—въ чемъ должна состоять хула? Мы упоминали, что въ старое время церковные суды считали хулой не только собственно произнесеніе противъ Бога бранныхъ словъ, или отрицаніе его бытія, но и отрицаніе въ Богѣ или святыхъ тѣхъ качествъ, которыя церковное ученіе признаетъ за ними, словомъ, выраженіе еритическаго мнѣнія. Разумѣется въ наше время богохуленію должно быть придано тѣсное, буквальное значеніе — порицанія.

Наравнѣ съ богохуленіемъ законъ ставитъ: 1) „порицаніе вѣры христіанской", 2) порицаніе „церкви православной", 3) ругательства надъ священнымъ писаніемъ или святыми таинствами: „кто . . . дерзнетъ . . порицать христіанскую вѣру или православную церковь, или ругаться надъ священнымъ писаніемъ, или святыми таинствами, тотъ"... ст. 178. Слѣдовательно наказуемо не порицаніе всякой вѣры, а только вѣры христіанской, не всякой церкви, а только церкви православной. Различіе порицанія вѣры отъ богохуленія состоитъ въ томъ, что первый фактъ шире втораго.

Въ 178 ст. говорится также о ругательствѣ надъ „священнымъ писаніемъ или святыми таинствами". Эти слова имѣютъ техническое значеніе: святыя таинства признаются законодателемъ нашимъ только у христіанъ. Но подъ словомъ „священное писаніе" разумѣется вся библія, слѣдовательно и ветхій завѣтъ. Поэтому ругательство надъ библіей еврейской въ синагогѣ или другомъ публичномъ собраніи можетъ быть подведено подъ 178 ст.

Переходимъ къ степенямъ преступленія богохуленія и порицанія вѣры христіанской и церкви православной. Преступленіе это распадается на разныя степени, сообразно качеству трехъ условій: 1) большей или меньшей публичности, 2) степени сознанія, 3) способу совершенія.

Богохуленіе и порицаніе вѣры не существуетъ, какъ преступленіе, если оно совершено на единѣ. Преступленіе признается только тогда, когда богохуленіе и порицаніе вѣры учинено „при свидѣтеляхъ", слѣдовательно по крайней мѣрѣ при двухъ человѣкахъ и притомъ тогда, когда при

этомъ было „намѣреніе поколебать ихъ вѣру или произвести соблазнъ". (Ст. 177, 2-я часть ст. 178). Ясно, если порицаніе христіанской вѣры производится въ присутствіи однихъ иновѣрцевъ, то здѣсь не можетъ быть преступленія, потому что не можетъ быть поколебанія ихъ вѣры; или: если порицаніе православной церкви происходитъ въ присутствіи исключительно не православныхъ, хотя бы и христіанъ, то также нѣтъ преступленія. Богохуленіе присвидѣтеляхъ тогда только составляетъ преступленіе когда оно касается Бога, во святой Троицѣ славимаго и т. д., сообразно съ 176 ст. — За преступленіе богохульства, порицаніе вѣры христіанской и церкви православной, совершенное при сказанныхъ обстоятельствахъ, полагается ссылка въ Сибирь на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ.

Вторая, высшая степень этого преступленія обозначена не въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ для двухъ его видовъ—богохуленія и порицанія, а наконецъ самая высшая существуетъ только для богохуленія. Именно, — самая высшая его степень, за которую слѣдуетъ каторжная работа на 12—15 лѣтъ, существуетъ только для богохуленія, когда оно произнесено „публично въ церкви". Слѣдовательно надобно чтобы богохуленіе было совершено не только публично, т. е. при стеченіи народа (см. гл. „Обстановка преступленія"), но и въ церкви. Обстоятельство мѣста — церковь — является отягчающимъ на томъ основаніи, что богохуленіе въ въ мѣстѣ, посвященномъ служенію Богу, показываетъ болѣе безнравственности въ преступникѣ, производитъ болѣе потрясенія въ присутствующихъ. Церковь иначе нельзя понять, какъ храмъ христіанскій, даже, кажется, точнѣе — православный; храмы лютеранскіе называются у насъ кирхами, католическіе костелами. Богохуленіе, напримѣръ въ часовнѣ не относится къ этому высшему разряду, о которомъ теперь идетъ рѣчь. Трудно понять, почему не сказано въ законѣ о порицаніи вѣры въ церкви.

Вторая степень богохуленія и порицанія вѣры, наказываемая каторжной работой на 6—8 лѣтъ, выражена относительно богохуленія такимъ образомъ: „когда сіе преступленіе учинено не въ церкви, но въ публичномъ мѣстѣ *или* при собраніи болѣе или менѣе многолюдномъ" (ст. 176, ч. 2). А относительно порицанія вѣры христіанской и церкви православной сказано (ст. 178): „кто въ публичномъ мѣстѣ, при собраніи болѣе или менѣе многолюдномъ." Разница здѣсь та, что для богохуленія требуется *или* публичное мѣсто, *или* многолюдное собраніе (публично), а для порицанія вѣры требуются совмѣстно два эти обстоятельства, т. е. публичное мѣсто *и* многолюдное собраніе. Мы полагаемъ, что частица *или* при богохуленіи поставлена по ошибкѣ. Если держаться буквы, то выйдетъ, что богохуленіе, учиненное въ публичномъ мѣстѣ (напримѣръ на улицѣ, въ вагонѣ и пр.), когда въ немъ нѣтъ ни души, будетъ наказуе-

мо каторжной работой, между тѣмъ какъ для высшей степени того же преступленія, именно богохуленія въ церкви, требуется непремѣнно условіе публичности, т. е. присутствіе публики. Наконецъ, чѣмъ объяснить въ такомъ случаѣ различное положеніе богохуленія и порицанія вѣры?

Намѣреніе и вообще умственное состояніе виновнаго имѣетъ чрезвычайно важное значеніе въ преступленіи богохуленія и порицанія. Ст. 180: „Если будетъ доказано, что дозволившій себѣ въ публичномъ мѣстѣ произнести слова, имѣющія видъ богохуленія, или поношенія Святынь Господнихъ, или же порицанія вѣры и церкви православной, учинилъ сіе *безъ умысла оскорбить Святыню*, а единственно *по не разумію, невѣжеству или пьянству,* то онъ подвергается заключенію въ смирительный домъ на $^2/_3$—$1^1/_3$ года или $^1/_3$—$^2/_3$ года, или въ тюрьму на $^1/_3$—$1^1/_3$ года." Неразуміе и невѣжество надобно здѣсь принимать въ самомъ широкомъ смыслѣ, какъ это вытекаетъ изъ существа преступленія богохуленія,—т. е. что большая часть случаевъ должна подходить подъ 180 ст. Пьянство, и въ той степени, когда сознаніе существуетъ, всегда ведетъ къ наказанію только по 180 статьѣ, потому что преступленіе состоитъ въ *произнесеніи словъ,* а здѣсь то именно пьяный не въ состояніи строго слѣдить за собою, пьяный именно лишается возможности строго взвѣшивать свои слова.

Статья 180 представляетъ слѣдующее недоразумѣніе. Въ ней говорится о значеніи пьянства, неразумія и невѣжества для богохуленія и порицанія вѣры, когда это преступленіе произведено въ *публичномъ мѣстѣ.* А если оно произведено въ *церкви?* Вторая часть 176 ст., какъ мы видѣли, говоря: „когда... учинено *не въ церкви*, а въ публичномъ мѣстѣ", какъ будто бы хочетъ сказать, что церковь и публичное мѣсто два разныя понятія; она не говоритъ: „учинено не въ церкви, а въ *иномъ* публичномъ мѣстѣ." Но все-таки этого недостаточно, чтобы сказать, что тамъ, гдѣ говорится только о публичномъ мѣстѣ, тамъ не разумѣется церковь. Допустимъ на минуту, что 180 ст. не относится къ богохуленію въ церкви, на томъ основаніи, что церковь и публичное мѣсто будто-бы два разныя понятія; тогда выйдетъ, какъ мы уже указывали, что порицаніе христіанской вѣры въ церкви при стеченіи народа не наказуемо, а совершенное просто въ публичномъ мѣстѣ, оно наказуемо ссылкой на поселеніе.

Ст. 179 подвергаетъ тюремному заключенію того, кто, слыша въ публичномъ мѣстѣ богохуленіе или порицаніе вѣры, не даетъ о томъ знать начальству „для прекращенія соблазна". Здѣсь мы видимъ смягченіе начала о недоносѣ, выраженномъ въ 125 ст. Преступленіе еще продолжается, его можно пресѣчь,—поэтому недоносители здѣсь могли бы быть легко подведены подъ постановленія 125 ст., по которой имъ слѣдуетъ наказаніе двумя

степенями ниже противъ виновныхъ, слѣдовательно въ данномъ случаѣ могла бы быть ссылка на поселеніе или на житье. Замѣтимъ, что и 179 ст. говоритъ о недоносѣ на разсматриваемое преступленіе, когда оно учинено въ публичномъ мѣстѣ, не прибавляя „или въ церкви."

До сихъ поръ законъ говорилъ только объ одномъ способѣ совершенія богохуленія и порицанія—словомъ. Ст. 181 говоритъ о другомъ способѣ—посредствомъ „печатныхъ или хотя и письменныхъ, но какимъ либо образомъ распространяемыхъ сочиненіяхъ". Наказаніе за эту форму преступленія положено ниже, чѣмъ за публичное богохуленіе и порицаніе вѣры, именно ссылка въ Сибирь на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ, т. е. наравнѣ съ совершеніемъ того же преступленія словами только при свидѣтеляхъ. Форма печати болѣе опасна, чѣмъ слово, потому что печать можетъ дѣйствовать на безконечное число людей, на будущія времена, тогда какъ дѣйствіе слова ограничивается во всякомъ случаѣ нѣсколькими десятками или сотнями и только на непродолжительное время. Причина того, что законодатель считаетъ форму печати въ этомъ преступленіи менѣе опасной, чѣмъ словесную, надобно искать, во 1-хъ, въ томъ что печать можетъ обращаться только къ людямъ развитымъ, мыслящимъ, во 2-хъ, что печать не представляетъ опасности народнаго волненія, взрыва страстей. Важное смягчающее значеніе обстоятельствъ пьянства, невѣжества и неразумія не находится при этой формѣ совершенія преступленія. Что пьяный не можетъ напечатать или написать и распространять сочиненія,—совершенно понятно; но едвали можно тоже сказать о невѣждѣ и неразумномъ. Всѣми признано, что большинство раскольничьихъ учителей—невѣжды; посланія Аввакума. имѣвшія такое сильное значеніе на распространеніе раскола, суть произведенія грубаго невѣжества.

Ст. 181-я представляетъ большое затрудненіе при практическомъ примѣненіи. Если, напримѣръ, лютеранскій пасторъ напишетъ сочиненіе, въ которомъ будетъ доказывать, что только евангелическая церковь есть истинная, а другія, въ томъ числѣ и православная, удалились отъ истины,—подойдетъ ли онъ подъ дѣйствіе 181 статьи? Ему могутъ сказать, что онъ поносилъ православную церковь, слѣд. къ нему примѣнима 181 статья. Но онъ можетъ возразить, что имъ былъ только исполненъ долгъ лютеранскаго священника, что онъ обязанъ утверждать свою паству въ правилахъ своей церкви. Выйдти изъ этого затрудненія возможно только при толкованіи слова „порицаніе" въ смыслѣ брани. Если толковать 181 ст. строго, то распространеніе, напримѣръ, корана и вообще всякой иновѣрческой книги полемическаго содержанія можетъ быть подведено подъ 181 ст. вопреки мысли нашего закона. Нѣкоторыя другія разъясненія 181 ст. будутъ приведены при разборѣ преступленій печати.

Третья форма богохуленія и порицанія—чрезъ *изображеніе:* „кто съ

умысломъ поколебать уваженіе къ святынѣ, будетъ выдѣлывать, или же продавать, или инымъ какимъ либо образомъ распространять писанныя, гравированныя, рѣзныя или отлитыя въ *соблазнительномъ видѣ* иконы и другія изображенія предметовъ, относящихся къ вѣрѣ и богослуженію, тотъ за сіе подвергается наказанію, опредѣленному въ 177 ст. за богохуленіе" (т. е. ссылкѣ на поселеніе). Что здѣсь говорится только о христіанской святынѣ,—доказательствомъ служитъ не только христіанскій характеръ законодателя, который никогда не признаетъ святыней предметовъ нехристіанскаго культа, но и вторая часть той же 183 ст. „Если однако сіе учинено имъ..... *не по ненависти къ вѣрѣ христіанской и церкви православной*"...

У насъ существуютъ особенныя, установленныя церковью, правила для писанія иконъ. Нѣкоторыя общія распоряженія по этому предмету изложены въ Уст. о Предуп. и Пресѣч. Прест. ст. 123—133.—Изъ текста 183 ст. видно, что преступленіе богохуленія и порицанія чрезъ изображеніе существуетъ только тогда, когда эти изображенія имѣютъ соблазнительный видъ. Если иконы изображены только несогласно съ правилами церковными, то они, на основаніи Уст. Предупр., отбираются. Далѣе, другое необходимое условіе этого преступленія — умыселъ „поколебать уваженіе къ святынѣ." Такъ напр., иногда изображеніе святой, написанное въ духѣ итальянской школы, можетъ возбуждать въ человѣкѣ грубомъ какія либо нечистыя чувства; но когда художникъ вовсе не имѣлъ этого въ виду, тогда онъ не подлежитъ наказанію. Вторая часть этой статьи показываетъ, что должно разумѣть здѣсь подъ этимъ умысломъ. Въ ней сказано, что если такія изображенія сдѣланы единственно „по неразумію или невѣжеству", то виновный подвергается только тюремному заключенію или аресту. Подъ невѣжествомъ и неразумѣніемъ здѣсь должно разумѣть и грубое неискуство живописи: вслѣдствіе котораго изображенія производитъ напр. смѣхъ. Почему здѣсь все таки полагается наказаніе, хотя у маляра не было преступнаго намѣренія, въ противность коренному началу уголовнаго права, что безъ намѣренія нѣтъ преступленія? Безъ сомнѣнія потому, что маляръ виновенъ въ несоблюденіи правилъ иконописаніи и въ недостаткѣ должнаго отношенія къ такому предмету.

Съ какого момента существуетъ преступленіе чрезъ изображеніе? Достаточно ли одного изготовленія или необходимо распространеніе? Обращаемся къ тексту 183 ст. „кто... будетъ выдѣлывать, или же продавать или инымъ какимъ либо образомъ распространять". . . . Грамматическое толкованіе этой фразы ближе ведетъ къ тому заключенію, что выдѣлываніе и безъ распространенія, т. е. фабрикація, составляетъ полное преступленіе, и что выраженіе „или инымъ какимъ либо образомъ распро-

странять" есть дополненіе только къ „продавать", а не къ „выдѣлывать". Но взявъ въ соображеніе общій характеръ преступленія богохуленія, которое не существуетъ безъ публичности, наединѣ,—мы должны заключить, что подъ „выдѣлывать" разумѣется фабрикація на заказъ, фабрикація распространяемая.

Кощунство, или язвительныя насмѣшки доказывающія „явное неуваженіе къ правиламъ или обрядамъ церкви православной или вообще христіанства", наказывается тюремнымъ заключеніемъ, а при облегчающихъ обстоятельствахъ неразумія, невѣжества или пьянства—арестомъ (182). Естественно, что кощунство не можетъ существовать, какъ преступленіе, иначе какъ въ формѣ печати или—если на словахъ, —то публично. Это доказывается общимъ характеромъ преступленія богохуленія и въ частности второй частью той же 182 ст.:"Если однако будетъ признано, что виновный не имѣлъ намѣренія *произвести соблазнъ*"..... Слѣд. „соблазнъ" предполагается какъ необходимое условіе, а соблазнъ физически не возможенъ безъ присутствія нѣсколькихъ лицъ.

II. *Оскорбленіе святыни и нарушеніе церковнаго благочинія* (ст. 210—218). Оскорбленіе святыни въ сущности тоже, что нѣкоторые виды богохуленія, т. е. ругательство надъ священными предметами, словами или дѣйствіемъ: „Если кто либо, забывъ страхъ божій и должное благоговѣніе къ Таинствамъ и обрядамъ вѣры, придетъ или же насильно ворвется въ церковь и будетъ ругаться надъ священными или освященными чрезъ употребленіе въ богослуженіи предметами, тотъ за сіе подвергается—каторжной работѣ на 12—15 лѣтъ. Если безбожіе его дойдетъ до такой степени, что онъ будетъ ругаться и самымъ дѣйствіемъ надъ Св. Таинствами или другими священными предметами, то за сіе онъ приговаривается—къ каторжной работѣ безъ срока" (ст. 210).

Статья эта имѣетъ значеніе только христіанское, а не общее: въ ней говорится о церкви, о Таинствахъ, о Св. Таинствахъ, о предметахъ *священныхъ и освященныхъ*, а всѣ эти выраженія употребляются законодателемъ только въ приложеніи къ христіанскому культу.

Переходимъ къ анализу первой части 210 статьи. Для того, чтобы существовало преступленіе, въ ней опредѣляемое, нужно: 1) чтобы виновный пришелъ или ворвался въ церковь,—слѣдовательно внѣ церкви оно невозможно. Самый фактъ ругательства надъ таинствами и священными предметами возможенъ и внѣ церкви. Крещеніе напр. можетъ совершаться на дому, также какъ и нѣкоторые виды богослуженія, при которыхъ употребляются священные и освященные предметы. Но фактъ этотъ не подойдетъ подъ 210 ст.; иногда онъ можетъ быть подведенъ подъ 178 ст., по которой наказывается ругательство надъ Св. Писаніемъ и Святыми Таинствами, внѣ церкви, но не каторжной работой, а ссылкой на поселеніе. Но если

это будетъ ругательство внѣ церкви не надъ Св. Писаніемъ или Св. Таинствами, а надъ какимъ либо освященнымъ предметомъ, —то такой фактъ не подходитъ ни подъ одну изъ приведенныхъ статей. 2) Ругательство это должно быть обращено на *священные* или *освященные предметы*. Эти выраженія имѣютъ техническое значеніе, опредѣленное въ ст. 221, 222, 230.—Вторая часть 210 ст. говоритъ о совершеніи того же преступленія *дѣйствіемъ*, напр. если изуверъ вырветъ изъ рукъ священника въ церкви чашу и повергнетъ ее. За этотъ видъ полагается каторжная работа безъ срока. Во второй части говорится о ругательствѣ дѣйствіемъ только надъ Св. Таинствами или другими священными предметами, но не прибавлено, какъ въ первой части, „или освященными чрезъ употребленіе при богослуженіи". Отсюда слѣдуетъ, что ругательство дѣйствіемъ надъ освященными предметами наказуемо по первой, а не по второй части 210 статьи. Замѣтимъ, что извиняющія обстоятельства при богохуленіи—неразуміе, невѣжество и пьянство,—не приложены къ фактамъ, предусмотрѣннымъ 210 статьей.

Въ 217 ст. опредѣляется другой родъ преступленія противъ святыни, названный не оскорбленіемъ ея, а оказаніемъ неуваженія,—именно, истребленіе и поврежденіе изображеній Спасителя, Богородицы и св. угодниковъ или ангеловъ, *постановленныхъ въ публичныхъ мѣстахъ*. За это преступленіе полагается только заключеніе въ смирительномъ домѣ, а при облегчающихъ обстоятельствахъ, неразумія или пьянства—арестъ. Такого рода преступленія нерѣдки у насъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ живетъ смѣшанное населеніе: православное и католическое, православное и раскольническое, христіанское и еврейское. Воспрещеніе выставлять священныя изображенія публично, въ особенности на дорогахъ, въ мѣстностяхъ смѣшаннаго населенія—было бы раціональной мѣрой для предупрежденія этого рода проступковъ.

Прерваніе богослуженія наказывается весьма различно, смотря по способамъ, которыми оно совершено: если побоями и другими насильственными дѣйствіями противъ священнослужителей, то ссылкой въ Сибирь на поселеніе (ст. 211), а если словесными оскорбленіями, то заключеніемъ въ тюрьмѣ или въ смирительномъ домѣ (ст. 214).—Въ ст. 212 постановляется за убійство священника во время богослуженія или исправленія требъ—безсрочная каторжная работа, а за нанесеніе увѣчья и ранъ—каторжная работа на срокъ отъ 4 до 6 или отъ 8 до 10 лѣтъ, смотря по степени умысла. Убійство и и нанесеніе увѣчья и ранъ сами по себѣ важныя уголовныя преступленія; обстоятельство, что они нанесены священнику при богослуженіи или исправленіи требъ, служитъ только сильнымъ отягченіемъ вины.

Въ ст. 213 полагается наказаніе (заключеніе въ тюрьму или въ сми-

рительный домъ) за оказаніе неуваженія къ святынѣ во время богослуженія *въ церкви* (о другихъ мѣстахъ ничего не сказано) непристойными словами или дѣйствіями. Въ ст. 216 полагается тюремное заключеніе за оскорбленіе лицами иностранныхъ исповѣданій священнослужителя православной церкви съ намѣреніемъ оказать неуваженіе къ церкви (въ смыслѣ—исповѣданія). Здѣсь только нѣсколько возвышено наказаніе, слѣдующее вообще за личныя обиды. Но раскольниковъ за тоже самое подвергаютъ ссылкѣ въ Сибирь (ст. 196, часть 2-я).

Въ Мировомъ Уставѣ находятся слѣдующія постановленія по этому же предмету: 1) „За нарушеніе благоговѣнія въ церкви, часовнѣ, или иномъ молитвенномъ домѣ, непристойнымъ крикомъ и шумомъ или неблаговидными поступками, однако безъ оскорбленія святыни, виновные подвергаются аресту не свыше одного мѣсяца или денежному взысканію не свыше ста рублей;“ 2) „За нарушеніе внѣ молитвенныхъ зданій благочинія во время священнослуженія общенародными забавами и увеселеніями или какими либо безчинствами, препятствующими божественной службѣ, виновные, когда ими не совершено при томъ оскорбленія святыни, подвергаются аресту не свыше 15 дней, или денежному взысканію не свыше 50 рублей. Тому же взысканію подвергаются виновные въ нарушеніи порядка при торжественныхъ шествіяхъ или празднествахъ“. (Уст. ст. 35 и 36). Въ Уст. о Предупрежд. ст. 18 сверхъ того находятся распоряженіе, воспрещающее строить подмостки для смотрѣнія на крѣстные ходы; такіе подмостки велѣно ломать и виновныхъ лишать матеріала. (Тамъ же, ст. 20).

Вопросъ объ оказаніи благоговѣнія къ церковной службѣ и церковнымъ процессіямъ отсутствіемъ различныхъ внѣшнихъ дѣйствій содержанія невиннаго, существенно связанъ съ вопросомъ о празднованіи воскресныхъ и другихъ торжественныхъ дней, имѣющемъ вмѣстѣ и церковное и соціальное значеніе.

По закону Моисея назначенъ былъ одинъ день въ недѣлю—суббота—для полнаго прекращенія всякихъ работъ. Это воспрещеніе соблюдалось съ величайшей строгостью, и до сихъ поръ также соблюдается евреями: Цѣль его была, во первыхъ, религіозная — побудить людей отсутствіемъ земныхъ попеченій, предаваться богопочитанію, во вторыхъ—соціальная: дать облегченіе рабамъ и вобще зависимымъ людямъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, седьмой день разсчитанъ былъ вѣрно въ разсужденіи силъ человѣка. Когда, во время французской первой революціи, недѣли замѣнены были декадами и освобожденіе отъ работъ назначалось на десятый день, то тотчасъ замѣтили несоразмѣрность этого постановленія съ силами человѣка. Въ христіанскомъ мірѣ суббота замѣнена была воскресеньемъ, и сверхъ того явилось празднованіе великихъ эпохъ христіанской исторіи.

У насъ, въ Россіи, Стоглавый соборъ опредѣлилъ празднованіе, т. е. прекращеніе работъ, не только въ воскресенье, но и въ субботу. По уложенію царя Алексѣя постановлено закрытіе присутственныхъ мѣстъ по воскресеньямъ, двунадесятымъ праздникамъ, на сырной, первой и послѣдней недѣлямъ великаго поста, святой недѣлѣ и въ дни рожденія и именинъ царя и царицы. При Петрѣ Великомъ къ этому присоединились дни празднованія великихъ побѣдъ.

Въ настоящее время, только въ Англіи празднованіе воскресенья обязательно прерываетъ всѣ работы и всякія даже домашнія увеселенія. Прерваніе соціальной жизни по праздникамъ не только вредно, невыгодно для массъ, но часто совершенно не возможно. Съ уничтоженіемъ рабства и вообще несвободной зависимости, прекратилась и прежняя цѣль закона—охранить рабовъ отъ эксплуатаціи господъ. Нашъ законъ устанавливаетъ прекращеніе по праздникамъ казенныхъ работъ, ученья въ казенныхъ и общественныхъ школахъ, засѣданій и дѣйствій правительственныхъ и судебныхъ мѣстъ, фабрикъ. Но въ частную жизнь онъ не вмѣшивается. Осталось только ограниченіе весьма нетяжелое: неоткрывать питейныхъ домовъ и лавокъ до окончанія божественной службы и ненарушать должнаго къ ней уваженія играми, музыкой, плясками вблизи церкви или возлѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ проходятъ церковныя процессіи.

Сходство преступленій, предусмотрѣнно 214 215 ст. Улож. и 35 ст. Миров. Уст., подаетъ на практикѣ часто поводъ къ недоразумѣніямъ. Поэтому и считаемъ не лишнимъ привести извлеченіе изъ рѣшенія Угол. Кассац. Департамента по дѣлу Сергѣевой (1869 года № 101), разъясняющаго эти статьи. Сергѣева, какъ видно изъ приговора мироваго съѣзда, обвинена въ томъ, что по отказѣ священника удостоить ее принятія св. даровъ подняла шумъ и стала кричать: „господа старички, попъ не даетъ мнѣ причастія за то, что сынъ мой не поѣхалъ привезти для него дровъ,“ и затѣмъ произнесла другія дерзкія слова, такъ что священникъ долженъ былъ уговаривать ее замолкнуть и кончилъ литургію подъ ея говоръ и упреки. За это Сергѣева приговорена, на основаніи 35 ст. Уст. о нак., къ аресту. Разсматривая это дѣло, сенатъ нашелъ, что на основ. 35 ст. Уст. о наказ. нал. мир. суд., опредѣленному въ оной взысканію подвергаются виновные въ нарушеніи благоговѣнія въ церкви, часовнѣ или въ иномъ молитвенномъ домѣ непристойнымъ крикомъ и шумомъ, или неблаговидными поступками, однако безъ оскорбленія святыни, а по силѣ 214 и 215 ст. Улож. о наказ. приговаривается къ болѣе или менѣе строгому наказанію тотъ, кто съ умысломъ, или же и безъ умысла, а по неразумѣнію или въ пьянствѣ, оскорбитъ дерзкими или грубыми словами священнослужителя во время отправленія имъ службы Божіей, и тѣмъ прерветъ или остановитъ продолженіе оной. Съ перваго взгляда на

сіи постановленія, нельзя не замѣтить существеннаго различія между преступными дѣйствіями ими преслѣдуемыми, и не признать, что постановленіе Уст. о наказ. нал. мир. суд. преслѣдуетъ нарушеніе благоговѣнія въ церкви, а статьи Улож. о наказ. опредѣляютъ взысканіе за оскорбленіе священно-служителя во время отправленія имъ службы Божіей, о чемъ въ ст. Уст. о наказ. вовсе и неупоминается, съ тою, безъ сомнѣнія, цѣлію, что преступленіе это, по важности своей, подлежитъ сужденію не мировыхъ, а общихъ судебныхъ установленій. За симъ, вникая глубже въ смыслъ 214 ст. Улож. о наказ., невозможно не придти къ убѣжденію, что существенный признакъ преступленія, ею предусматриваемаго, есть именно оскорбленіе священно-служителя во время отправленія имъ службы Божіей; обстоятельство же прерванія или остановки продолженія оной составляетъ лишь признакъ случайный, коего отсутствіе или присутствіе можетъ имѣть вліяніе только на опредѣленіе мѣры наказанія, какъ обстоятельство увеличивающее или уменьшающее вину подсудимаго. Подобное толкованіе означенной статьи подкрѣпляется слѣдующими соображеніями: ст. 35 Уст. о наказ., нал. мир. суд., какъ видно изъ сравнительнаго указателя къ Улолож. 1866 года, замѣнила собою между прочими статьями Уложенія 1857 года и ст. 243, которая, опредѣляя наказаніе за нарушеніе благочинія во время богослуженія, усиливала это наказаніе, когда при томъ происходила остановка въ совершаемомъ богослуженіи; но это послѣднее, увеличивающее вину обстоятельство, не вошло вовсе въ ст. 35 Уст. о наказ., очевидно, потому, что таковымъ считалъ оное самъ законодатель. Кромѣ того, противное сему толкованіе помянутыхъ статей закона привело бы къ явной несообразности въ двухъ отношеніяхъ: во 1-хъ, къ оставленію безъ наказанія виновныхъ въ прерваніи или остановкѣ богослуженія не при оскорбленіи священнослужителя, а при нарушеніи благоговѣнія непристойнымъ крикомъ и шумомъ, такъ какъ 35 ст. Уст. о наказ. сего не предусматриваетъ, и во 2-хъ,—къ наказанію виновнаго въ оскорбленіи священно-служителя во время отправленія имъ службы Божіей, когда притомъ не произошло ни прерванія, ни остановки оной, не по силѣ 214 и 215 ст. Улож. о наказ., а по общимъ законамъ объ оскорбленіяхъ чести частныхъ лицъ. Въ настоящемъ дѣлѣ приговоромъ мироваго судьи, утвержденнымъ и мировымъ съѣздомъ, признано, что взведенное на крестьянку Сергѣеву обвиненіе вполнѣ подтвердилось; обвиненіе же это состоялось въ томъ, что Сергѣева, по отказѣ священника удостоить ее принятія св. даровъ, подняла шумъ, начала кричать: „господа старички, попъ не даетъ мнѣ причастія за то, что сынъ мой не привезъ дровъ", и затѣмъ произносила другія дерзкія слова, такъ что священникъ долженъ былъ уговаривать ее умолкнуть. Для признанія сего обвиненія подходящимъ подъ дѣйствіе 214 и 215 ст. Улож., необходимо опредѣлить точно: заключается ли въ озна-

ченныхъ словахъ Сергѣевой оскорбленіе священника, такъ какъ вопросъ о томъ: было ли при этомъ прервано или пріостановлено богослуженіе, согласно съ вышеизложенными соображеніями, не можетъ считаться существеннымъ; хотя Сергѣева своею рѣчью обратилась къ народу, но какъ справедливо замѣчаетъ и мировой судья, слова ея относились къ священнику, и по самому смыслу своему, какъ грубыя и дерзкія, не могутъ не быть признаны прямо для него оскорбительными, всякое сомнѣніе въ томъ, подходитъ ли поступокъ Сергѣевой подъ 214 и 215 ст. Улож. устраняется, если принять въ соображеніе источники этихъ статей. Въ проектѣ Улож. сказано: что 214 ст. основана на 223 ст. т. XV Св. Зак. изд. 1842 г., которая преслѣдовала виновныхъ въ произнесеніи къ лицу духовной особы, во время богослуженія, даже не грубыхъ и дерзкихъ словъ о которыхъ упоминается въ 214 ст. Улож., а личныхъ непристойныхъ рѣчей". Вслѣдствіе этого сенатъ призналъ дѣло Сергѣевой не подсуднымъ мировымъ установленіямъ.

III. Вѣроотступничество и совращеніе. Подъ свободой вѣры разумѣется: 1) свободное исповѣданіе вѣры и отправленіе богослуженія 2) свободная перемѣна вѣры по внутреннему убѣжденію; 3) свобода пропаганды, т. е. проповѣданія другимъ того ученія, которое мы считаемъ истиннымъ; 4) основаніе новаго вѣроученія. У насъ существуетъ для всѣхъ подданныхъ только первый видъ свободы, — второй и третій существуютъ только въ пользу православной вѣры.

У насъ въ Россіи былъ тотъ же взглядъ на вѣроотступничество, какъ и на западѣ Европы. По Уложенію Алексѣя Михайловича назначена была смертная казнь совратителю, а совращенныхъ велѣно отсылать къ духовнымъ отцамъ для исправленія. Но на дѣлѣ и совращенные сожигались. Такъ, при открытіи жидовской ереси при В. К. Василіѣ IV, сожгли и совращенныхъ, хотя они покаялись. Уложеніе царя Алексѣя постановило: „а будетъ кого бусурманъ какими нибудь мѣрами насильствомъ или обманомъ русскаго человѣка къ своей бусурманской вѣрѣ принудитъ и по своей бусурманской вѣрѣ обрѣжетъ, а сыщется про то до пряма, и того бусурмана по сыску казнить, сжечь огнемъ безъ всякаго милосердія, а кого онъ русскаго человѣка обусурманитъ, и того русскаго человѣка отослать къ патріарху, или ко иной власти, и велѣть учинити указъ по правиламъ Св. Апостолъ и Св. Отецъ" (гл. XXII, ст. 24). Хотя здѣсь и выражена уголовная ненаказуемость совращенныхъ, но на дѣлѣ ихъ также жгли. Такъ, даже въ срединѣ XVIII вѣка при Аннѣ Іоанновнѣ былъ сожженъ какъ еврей Борохъ (совратитель), такъ и офицеръ Возницынъ, совращенный имъ въ юдаизмъ. Послѣдняго сенатъ въ своемъ приговорѣ подвелъ подъ постановленіе о богохульствѣ: такъ какъ онъ при

перемѣнѣ вѣры долженъ былъ хулить христіанство, то слѣдовательно совершилъ, по мнѣнію сената, преступленіе богохульства.

Въ уголовномъ Уложеніи осталось это постановленіе Уложенія царя Алексѣя, но со слѣдующими измѣненіями: 1) наказаніе смягчено, 2) Уложеніе царя Алексѣя имѣло въ виду только православіе, а новое Уложеніе запрещаетъ и переходъ изъ другихъ христіанскихъ исповѣданій въ нехристіанскія.

Уложеніе раздѣляетъ всѣ вѣроученія на 4 класса: 1) православіе, 2) другія христіанскія религіи, 3) расколъ, 4) нехристіанскія религіи (магометанская, языческая, еврейская). О расколѣ существуютъ особенныя постановленія, поэтому мы его разсмотримъ отдѣльно.

Переходъ изъ низшаго разряда въ высшій не только дозволенъ, но и поощряется; самая пропаганда здѣсь пользуется покровительствомъ правительства. Но не наоборотъ. Здѣсь наказанія идутъ строже, смотря потому, изъ какого класса, изъ 1-го или 2-го, сдѣланъ былъ переходъ. Наказанія существуютъ какъ для совратителей, такъ и для совращенныхъ, хотя далеко не одинаковыя.—Для совратителей существуютъ слѣдующія наказанія: 1) изъ христіанства въ нехристіанство—каторжная работа на 8—10 лѣтъ (ст. 184).

2) Изъ православія въ другую христіанскую религію — ссылка на житье. (ст. 187).

3) Изъ православія въ расколъ — ссылка на поселеніе.—Насиліе составляетъ важное отягчающее обстоятельство: въ первомъ случаѣ совратителю идетъ каторжная работа на 12—15 лѣтъ, во второмъ ссылка на поселеніе.

Что касается до перехода изъ одной религіи въ другую, принадлежащую къ тому же разряду, то переходъ изъ одной христіанской, неправославной, въ другую, напр. изъ католизма въ лютеранизмъ, свободенъ, но съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ. А о переходѣ изъ одной нехристіанской въ другую такую же есть постановленіе въ другомъ отдѣлѣ уголовныхъ законовъ, именно въ преступленіяхъ противъ общественнаго благоустройства,—ст. 936: „Магометанинъ, еврей или язычникъ, который, пользуясь также простототою и невѣжествомъ кого либо изъ инородцевъ, русскихъ подданныхъ, приведетъ его изъ одной нехристіанской вѣры въ другую нехристіанскую, чрезъ обольщенія, подговоры и внушенія, или же открытымъ проповѣданіемъ своего лжеученія, подвергается заключенію въ тюрьмѣ на 2—4 мѣсяца или въ смирительный домъ",—слѣдовательно одному изъ легкихъ исправительныхъ наказаній. Въ статьѣ этой находятся выраженія: „пользуясь также простотой и невѣжествомъ." Слово „также" является связью и указаніемъ на предшествующую статью о колдовствѣ, слѣдовательно здѣсь мысль закоподателя состоитъ въ томъ, что подоб-

ныя совращенія тогда преступны, когда для нихъ употребляется обманъ. Здѣсь законъ опасается только нарушенія общественнаго порядка, если одни иновѣрцы будутъ дѣлать пропаганду у другихъ, или можетъ быть опасается, чтобъ это не помѣшало христіанской пропагандѣ. Пріемъ же добровольно пристающихъ, вслѣдствіе собственнаго убѣжденія или проповѣди не открытой, дозволенъ.

Что касается до совращенныхъ, то законъ, повидимому, не полагаетъ для нихъ наказанія. Онъ говоритъ, что эти лица отсылаются къ духовнымъ лицамъ своей вѣры для исправленія и до исправленія, если они перешли изъ православія въ другое христіанское исповѣданіе (ст. 188), имѣніе ихъ, берется въ опеку, и имъ запрещается въ немъ жительство (это относится къ населеннымъ имѣніямъ во избѣжаніе соблазна для крестьянъ или насилія со стороны помѣщика при существоваіи крѣпостнаго права, теперь же за упраздненіемъ онаго это постановленіе излишне) и пріостанавливается ихъ семейная власть, для огражденія дѣтей; а при переходѣ изъ христіанства въ нехристіанство (ст. 185) сверхъ того пріостанавливается пользованіе вообще правами состоянія (напр. вступать дворянамъ въ государственную службу, участвовать на выборахъ и пр.).

Разсматривая внимательно эти постановленія, мы увидимъ, что они составляютъ тяжкое наказаніе: 1) срокъ исправленія не опредѣленъ; отъ произвола духовной власти зависитъ признать обращеніе или усомниться въ искренности, слѣдовательно лицо можетъ многіе годы быть въ отдаленномъ монастырѣ (куда обыкновенно отсылаютъ для исправленія), а это мало чѣмъ разнится отъ тюремнаго заключенія; 2) если же перемѣнившій вѣру остается твердымъ, тогда ясно, что онъ всю жизнь будетъ находиться въ заключеніи и притомъ съ лишеніемъ или нѣкоторыхъ, или даже всѣхъ правъ состоянія.

Не только совращеніе, но и покушеніе на него (въ формѣ пропаганды, если она обращена на православныхъ) запрещено подъ страхомъ исправительнаго наказанія: въ первый разъ—смирительный домъ, во 2 разъ—крѣпость, въ третій разъ—ссылка на житье въ Сибирь.

„Кто въ проповѣди или сочиненіи будетъ усиливаться привлекать и совращать православныхъ въ иное, хотя и христіанское, вѣроисповѣданіе или еретическую секту, или раскольничій толкъ, тотъ . . “ (ст. 189). Замѣтимъ странность: законъ говоритъ о такомъ покушеніи къ совращенію православныхъ въ иное христіанское исповѣданіе или расколъ, и ничего не говоритъ, если проповѣдь направлена къ совращенію въ нехристіанское исповѣданіе.

Для предохраненія отъ совращенія запрещено католическимъ духовнымъ лицамъ имѣть въ услуженіи православныхъ, а евреямъ вообще хри-

стіанъ, и преподаваніе катехизиса малолѣтнимъ православнымъ духовными лицами иностранныхъ исповѣданій.

Мы видѣли, что обращеніе изъ всѣхъ религій въ православную, а изъ нехристіанскихъ въ христіанскую не только дозволено, но и поощряется. Впрочемъ, правомъ открытой пропаганды лица иностранныхъ исповѣданій не пользуются и надъ нехристіанами. Это право принадлежитъ только православію. „Одна господствующая церковь имѣетъ право въ предѣлахъ государства убѣждать непринадлежащихъ къ ней подданныхъ къ принятію ея ученія о вѣрѣ“ (Св. Зак. т. xiv, Уст. Предупр. ст. 97). Бывали случаи, когда по особымъ Высочайшимъ дозволеніямъ миссіонерамъ иностранныхъ христіанскихъ исповѣданій дозволялась пропаганда сибирскимъ инородцамъ. Причину этого ограниченія надобно искать въ томъ, что у насъ каждая религія пріурочена къ національности: католицизмъ къ польской, лютеранизмъ къ нѣмецкой и т. д. Вслѣдствіе этого обращеніе въ массѣ какого либо инородческаго племени въ католицизмъ вело бы къ палонизаціи,—въ лютеранизмъ къ германизированію его. Пропаганда православія находится въ полномъ завѣдываніи архіереевъ; безъ ихъ разрѣшенія никто изъ православныхъ не можетъ заниматься ею. Въ послѣднее время учреждены для этой цѣли два православныя миссіонерскія общества—для Кавказа и для Сибири.

Весьма важное обстоятельство: въ Уложеніи не постановлено никакого наказанія за *насильственное* обращеніе иновѣрца—христіанина въ православіе, и иновѣрца нехристіанина въ какое либо христіанское исповѣданіе. Мало того, вопросъ о возрастѣ, съ котораго можно обращать, не вполнѣ разрѣшенъ. Религія у насъ, какъ и вездѣ, признается наслѣдственной: дѣти воспитываются въ религіи родителей. Но можно ли дѣтей (несовершеннолѣтнихъ) обращать въ православіе или другое христіанское исповѣданіе безъ согласія родителей? Этотъ важный вопросъ, какъ мы сказали, не вполнѣ опредѣленъ. Въ примѣчаніи къ 115 ст. Уст. Предупр. Прест. (Св. Зак. Т. XIV) сказано: „Министру внутреннихъ дѣлъ разрѣшено дозволять малолѣтнимъ евреямъ присоединеніе къ терпимымъ въ государствѣ вѣроисповѣданіямъ, безъ истебованія согласія ихъ родителей“. Но о другихъ иновѣрцахъ—малолѣтнихъ ничего не сказано. Вообще до послѣдняго времени бывали случаи крещенія цѣлыми массами малолѣтнихъ евреевъ—кантонистовъ. Въ 1862 г. 4 дек. изданъ новый законъ, вслѣдствіе нѣсколькихъ печальныхъ фактовъ, но только относительно принятія православія иновѣрцами—нехристіанами. Въ этомъ законѣ опредѣлено, что до 14 лѣтняго возраста они могутъ быть принимаемы въ православіе не иначе, какъ съ письменнаго согласія родителей или опекуновъ; съ 14 лѣтъ они имѣютъ право на присоединеніе и безъ согласія родителей. Хотя въ этомъ законѣ ничего не сказано о присоединеніи

малолѣтнихъ нехристіанъ въ другое христіанское исповѣданіе, но очевидно, что постановленное въ немъ правило о 14 лѣтнемъ возрастѣ имѣетъ общее значеніе, потому что ни католическая, ни другая церковь не могутъ имѣть больше правъ, чѣмъ православная, а вслѣдствіе этого примѣчаніе къ 115 ст. Уст. Предупр. надобно считать отмѣненнымъ. Если законъ признаетъ право перемѣны вѣры въ извѣстныхъ предѣлахъ, то препятствіе къ пользованію этимъ правомъ должно составлять преступленіе. Но въ ст. 191 полагается наказаніе (тюремное заключеніе или смирительный домъ) только „за препятствованіе кому либо присоединиться добровольно къ православной церкви".

Подъ совращеніемъ слѣдуетъ понимать только дѣйствія *активныя*, когда лицо отвлекающее убѣждаетъ, совѣтуетъ, угрожаетъ, даетъ деньги или иныя выгоды. Если же, кто либо по своимъ убѣжденіямъ, основаннымъ на чтеніи, размышленіи, примѣрахъ перейдетъ въ иную вѣру, и будетъ совершать религіозную практику по этой послѣдней, то духовныя лица иностраннаго исповѣданія или ереси, непрепятствующія ему въ этомъ, вовсе не подходятъ подъ дѣйствіе постановленій о совращеніи.

Кромѣ совращенія законъ признаетъ и другой видъ дѣйствій, направленныхъ къ отвлеченію отъ вѣры. Сюда относится: 1) „Допущеніе священнослужителемъ христіанскаго иностраннаго вѣроисповѣданія завѣдомо православныхъ къ исповѣди, причащенію, елеосвященію, а дѣтей ихъ къ крещенію или миропомазанію по своимъ обрядамъ" (ст. 193). Здѣсь со стороны священнослужителя нѣтъ ни убѣжденія, ни проповѣди: лицо само по себѣ желаетъ перейти изъ православія въ другое исповѣданіе, т. е. желаетъ исполненія таинствъ и обрядовъ надъ собою или дѣтьми своими по другому христіанскому исповѣданію. Законъ видитъ въ этомъ случаѣ со стороны священнослужителя не совращеніе православнаго, а только нарушеніе постановленій о положеніи въ Россіи иностранныхъ исповѣданій и опредѣляетъ церковно-административныя наказанія: удаленіе отъ должности на срокъ до 1 года, а при повтореніи—лишеніе духовнаго сана. Если же это совершено священникомъ не завѣдомо, а по неосмотрительности, то онъ подвергается строгому выговору. Это постановленіе нашихъ законовъ вызвало одну изъ статей папскаго протеста 1866 года. Замѣтимъ, что подобнаго постановленія не существуетъ относительно духовныхъ лицъ нехристіанскихъ исповѣданій. Такъ, еслибы открылся случай, что христіанинъ отправляетъ всѣ обряды еврейской или магометанской религіи, словомъ, присоединился къ этой религіи, но еврейскій раввинъ или магометанскій мулла не совращали его, а только завѣдомо допустили желающаго, то они не могутъ быть подведены подъ 193 ст., потому что въ ней говорится только о священнослужителяхъ христіанскихъ исповѣданій. Въ старое время эти случаи подводились подъ совращеніе;

но теперь, когда законъ сдѣлалъ, хотя въ одномъ случаѣ, различіе между отвлеченіемъ и допущеніемъ,—этого сдѣлать нельзя.

2) Дѣйствія иновѣрныхъ супруговъ или родителей. Браки между лицами разныхъ вѣръ у насъ дозволены, именно христіанъ съ евреями и магометанами только для лицъ евангелическаго исповѣданія,—между христіанами всѣхъ исповѣданій безъ ограниченія; но при этомъ дѣти должны быть воспитываемы въ первомъ случаѣ—въ евангелической вѣрѣ, во второмъ случаѣ, если одинъ изъ супруговъ православный—въ православномъ исповѣданіи. Послѣднее постановленіе не дѣйствуетъ въ трехъ прибалтійскихъ губерніяхъ. Ст. 186 опредѣляетъ ссылку въ Сибирь на поселеніе магометанамъ или евреямъ, которые дѣтей своихъ отъ смѣшанныхъ браковъ будетъ воспитывать не въ христіанской вѣрѣ, а супруговъ „угрозами и обольщеніями" приводить къ своей вѣрѣ. Въ 190 ст. говорится о наказаніяхъ родителей, которые будутъ крестить дѣтей своихъ или приводить къ другимъ таинствамъ другаго христіанскаго исповѣданія, „бывъ по закону обязаны воспитывать дѣтей своихъ въ православной вѣрѣ." Они подвергаются тюремному заключенію и власть ихъ надъ дѣтьми пріостанавливается наложеніемъ опеки. Это относится къ дѣтямъ, рожденнымъ въ православномъ бракѣ, хотябы родители впослѣдствіи и перешли въ расколъ.

IV. Ереси и расколы. Расколъ и ересь не опредѣлены точно въ уголовномъ законѣ. Раскольниками у насъ называли сначала тѣхъ православныхъ, которые не признали правильнымъ исправленіе книгъ и нѣкоторыхъ обрядовъ при патріархѣ Никонѣ. Великій соборъ 1667 отлучилъ ихъ отъ церкви, и на вопросъ правительства: слѣдуетъ ли раскольниковъ предавать „градскимъ казнямъ"? отвѣчалъ утвердительно. Съ того времени открылась борьба правительства и духовнаго начальства противъ раскольниковъ. Смѣнилось нѣсколько поколѣній, но потомковъ отпадшихъ отъ православной церкви продолжали разсматривать, какъ „церковныхъ мятежниковъ". Тогда какъ иновѣрцы, даже нехристіане, пользовались свободой богослуженія, раскольники были лишены этого и даже многихъ гражданскихъ и политическихъ правъ. Бывали періоды терпимости и періоды усиленной строгости въ теченіи двухвѣковаго существованія раскола; но никогда терпимость не доходила до признанія раскола, какъ исповѣданія, до признанія раскольничьей іерархіи.

Подъ расколомъ, какъ мы видѣли, сначала разумѣлось одно старобрядчество. Но впослѣдствіи подъ то же названіе подводили не только разныя ереси, образовавшіяся изъ старобрядчества, каковы напр. безпоповщина, филиповщина, федосѣевщина, но и на ученія, неимѣющія ничего общаго съ старобрядчествомъ — малаканское, духоборческое и т. под., и даже чудовищныя тайныя общества противообщественнаго характера, каковы скопчество, хлыстовщина, душильщики и пр. Въ ст. 196—206 мы

въ скопческую ересь кр-на Югана Абрамова отъ уголовнаго преслѣдованія, по непреступности, будто бы, его поступка":

Статья 203 заключаетъ въ себѣ слишкомъ много произвола для судебнаго преслѣдованія и чрезмѣрную тяжесть въ наказаніяхъ, сравнительно съ тѣмъ, что постановлено въ Уложеніи за близко подходящія къ ней преступныя дѣйствія. Выраженія „противонравственныя, гнусныя дѣйствія" не могутъ считаться достаточно опредѣленными въ томъ случаѣ, когда назначается ссылка на поселеніе. Далѣе, покушеніе на самоубійство подвергается по Уложенію лишь церковному покаянію (ст. 1473), а послѣдователи ереси, соединенной съ покушеніемъ на свою жизнь, подвергаются ссылкѣ на поселеніе. Конечно, можно сказать, что въ первомъ случаѣ законъ имѣетъ дѣло съ случайнымъ фактомъ, съ отчаяньемъ или малодушіемъ, а во второмъ—съ системой, съ догматомъ, который увлекаетъ другихъ. Но это различіе не до такой степени важно, чтобы установить такую безмѣрную разницу въ наказаніяхъ. Впрочемъ, кажется, что въ 203 ст. подъ „посягательствомъ" разумѣется не покушеніе, а существованіе догмата о самоубійствѣ и убійствѣ, какъ дѣяніяхъ ведущихъ къ спасенію въ тѣхъ сектахъ, къ которымъ принадлежатъ обвиняемые. Если же считать, что для подведенія подъ ст. 203 необходимо дѣйствительное покушеніе,—то такое требованіе выходило бы страннымъ. Покушеніе наказывается потому, что захваченный на немъ имѣлъ намѣреніе довести дѣло до конца, выполнить задуманное преступленіе. Но если къ догматамъ и практикѣ какой нибудь секты принадлежитъ только дѣйствіе, имѣющее видъ покушенія вовсе безъ намѣренія довести дѣло до исполненія, то это будетъ сценическое представленіе, а не преступное дѣяніе. Подъ противонравственными, гнусными дѣйствіями слѣдуетъ разумѣть напр. „свальный грѣхъ", существующій въ нѣкоторыхъ нашихъ сектахъ. Но само собою разумѣется, что если дѣйствія будутъ не только противонравственныя и гнусныя, но такія, которыя составляютъ особенныя преступленія, наказуемыя строже, чѣмъ постановленно по 203 ст., то сектанты, конечно, только тѣ, которыя дѣйствительно совершили эти дѣянія, подвергаются наказаніямъ, за это установленнымъ. Такъ напр., у насъ существуютъ секта, въ которой причастіе замѣнено вкушеніемъ крови закалываемаго младенца. Тѣ, которые умертвили этого младенца, будутъ наказаны не по 203 ст., а какъ за предумышленное убійство, по 1454 ст.; остальные, или какъ за недонесеніе о готовившемся совершиться преступленіи, или по другимъ началамъ. У насъ были секты, въ которыхъ самоубійство проповѣдывалось, а именно, въ нѣкоторыхъ крайнихъ отдѣлахъ безпоповства самосожженіе и заморенie голодомъ (запощеванцы) были сильно развиты. При Петрѣ Великомъ въ Сибири за одинъ разъ сожглось болѣе 1000 человѣкъ. Но это самоубійство основывалось на одномъ — нежеланіи впасть въ руки

начальства. Такъ что фанатики жаждали преслѣдованія для того, чтобы принять, по ихъ мнѣнію, мученическій вѣнецъ. Послѣдній извѣстный случай самосожженія былъ въ 1860 г. въ Каргопольскомъ уѣздѣ.

Ст. 205 подвергаетъ денежнымъ штрафамъ или заключенію тюрьмѣ виновныхъ въ изданіи старопечатныхъ книгъ не въ установленныхъ для сего типографіяхъ, а равно и распространителей такихъ книгъ, служащихъ основаніемъ старообрядства.

Въ отдѣлѣ о ересяхъ и расколѣ помѣщено въ 196-й ст. преступленіе—явное оскорбленіе раскольниками, по заблужденію фанатизма, православной церкви или *духовенства* оной. За это полагается лишеніе всѣхъ правъ и ссылка на поселеніе. Это постановленіе представляетъ два недоумѣнія. По 178 ст. оскорбленіе (порицаніе) православной церкви влечетъ за собою каторжную работу, когда произведено въ публичномъ мѣстѣ, и ссылку на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ, когда совершено при свидѣтеляхъ; слѣдовательно раскольники наказываются за такое преступленіе мягче, чѣмъ другіе иновѣрцы. Но за оскорбленіе православнаго духовенства иновѣрцы подвергаются только тюремному заключенію (ст. 216), тогда какъ раскольники—ссылкѣ на поселеніе. Нельзя объяснить такого противорѣчія въ наказаніяхъ.

Отдѣлъ о расколѣ представляетъ два уклоненія отъ общей системы наказаній, два спеціальныя наказанія. Во первыхъ—ссылка въ отдаленный край Восточной Сибири, *безъ лишенія правъ состоянія*, и таковая же ссылка въ Закавказскій край. Этому наказанію подвергаются раскольники, скрывшіе свою принадлежность къ расколу, и вслѣдствіе этого приписавшіеся къ городскому обществу въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ это воспрещено, или занявшіе выборныя должности, *давши подписку* о непринадлежаніи къ расколу (ст. 198). Замѣтимъ, что при выборахъ въ земскія учрежденія не требуется таковой подписки. Во вторыхъ—малолѣтніе, которые были приводимы къ совершенію обрядовъ по жидовской вѣрѣ или иной ереси, „отсылаются на казенныя фабрики". Какія послѣдствія этого наказанія или мѣры—въ законѣ неопредѣлено. Могутъ ли они, по достиженіи совѣршеннолѣтія, избрать родъ жизни? По прежнимъ постановленіямъ (до 1860 г.) они отдавались въ баталіоны кантонистовъ.

Оканчивая разборъ статей Уложенія о совращеніи изъ православія и отступленія отъ вѣры христіанской, слѣдуетъ замѣтить еще, что судебное преслѣдованіе за этого рода преступленія можетъ быть начато не иначе, какъ по инціативѣ духовнаго начальства. Это правило, существовавшее и въ прежнихъ законахъ, выражено положительно въ 1006 ст. Уст. Угол. Суд., разъясненной въ рѣшенія Угол. Касс. Д-та по дѣлу Курдюкова (1868 г. за № 233), въ которомъ, между прочимъ, изложено слѣдующее: „На основ. ст. 1006 Угол. Уст., предварительное слѣдствіе по дѣламъ о

питки и составы были такого рода, что ихъ употребленіе „могло или должно было“ разстроить здоровье, то виновный подвергается заключенію въ смирительный домъ до 1 года. Если же эти напитки и составы дѣйствительно разстроили здоровье или причинили смерть, то здѣсь будетъ совокупность преступленій.

4) *Кликушество.* Въ древней Россіи оно было сильно распространено. Тогда вѣрили, что одинъ человѣкъ чрезъ союзъ съ дьяволомъ можетъ испортить другаго, т. е. наслать на него дьявольскую силу, вслѣдствіе которой тотъ бѣснуется, не можетъ подойти къ святынѣ, во время пѣнія въ церкви молитвъ падаетъ, трясется, кричитъ голосомъ разныхъ животныхъ, *кличетъ.* На кого онъ кликалъ, что тотъ его испортилъ, того брали и подвергали пыткѣ. Въ особенности оно сильно было развито въ XVII вѣкѣ. Изъ одного акта этой эпохи намъ извѣстно, что въ небольшомъ городѣ Шуѣ въ одно время было болѣе 70 кликушъ, которыя повергли въ отчаянье жителей. Кликушами бывали исключительно женщины. Причину развитія кликушества надобно искать въ нервныхъ болѣзняхъ, соединенныхъ съ религіозной экзальтаціей. Очень часто кликушество было притворное, съ цѣлью погубить кого либо изъ мщенія или корыстолюбія. Петръ Великій велѣлъ начинать розыскъ съ самыхъ кликушъ: ихъ начали сѣчь плетьми, допытываясь, кто ихъ подучилъ наговаривать, и всѣ онѣ стали виниться.

Кликушество и теперь существуетъ среди простого народа. Оно и теперь подвергаетъ того, кого обвиняютъ въ порчѣ, непріятностямъ: на него начинаютъ (конечно въ средѣ необразованнаго общества) смотрѣть непріязненно, прерываютъ съ нимъ сношенія, такъ что человѣку дѣлается невозможной жизнь въ извѣстномъ мѣстѣ. Поэтому, во всякомъ случаѣ, кликушество есть злостное и тяжкое оскорбленіе ближняго, нарушеніе его спокойствія, его положенія въ обществѣ. Законъ подвергаетъ кликушъ, по одному факту кликанья на кого нибудь, заключенію въ смирительный домъ на 4—8 мѣсяцевъ. (Ст. 937).

Въ старое время церковь преслѣдовала остатки языческихъ суевѣрій. Народъ нашъ, и спустя много вѣковъ послѣ принятія христіанства, продолжалъ соблюдать нѣкоторые языческіе обряды, хотя смыслъ ихъ былъ затерянъ. Таковы были плесканія наканунѣ Иванова дня, „кликанія“ Авсея, Коляды; качели также преслѣдовались. По дѣйствующему законодательству всѣ эти игры и суевѣрія давно не наказываются. Но, впрочемъ, въ Уст. Предупрежд. сохранились еще слѣдующія постановленія: „Запрещается въ навечеріи Рождества Христова и въ продолженіи святокъ заводить, по нѣкоторымъ стариннымъ идолопоклонническимъ преданіямъ, игрища и, наряжаясь въ кумирскія одѣянія, производить по улицамъ пляски и пѣть соблазнительныя пѣсни.“ (Уст. Пред. ст. 34). „Запрещается

лита, какъ не заключающее въ себѣ положительнаго требованія о возбужденіи уголовнаго преслѣдованія противъ Курдюкова, не могло ни въ какомъ случаѣ, за силою какъ прежде существовавшихъ правилъ, такъ и 1006 ст., служить основаніемъ для производства слѣдствія, по обвиненію Курдюкова во вторичномъ совращеніи въ расколъ; 3) что московская судебная палата, въ которую поступило произведенное о Курдюковѣ слѣдствіе, предавая Курдюкова суду по обвиненію, предусмотрѣнному въ 206 ст. Ул., не имѣла никакого права, за силою вышеприведенной 1006 ст., безъ положительнаго требованія епархіальнаго начальства, предавать Курдюкова суду и по обвиненію во вторичномъ совращеніи въ расколъ и ересь".

V. Объ уклоненіи отъ исполненія постановленій церкви. Мы видѣли, что для православныхъ нѣтъ свободы въ перемѣнѣ вѣры. Въ старое время духовное начальство, кромѣ того, имѣло строгое наблюденіе, чтобы не было тайнаго отпаденія отъ церкви и вообще охлажденія набожности. Въ Уложеніи сохранился остатокъ этой власти духовенства въ трехъ статьяхъ: 207, 208, 209. Важнѣйшая изъ нихъ 208: „Лица православнаго исповѣданія, уклоняющіяся отъ исповѣди и причащенія Св. Таинъ, по нерадѣнію или небреженію, подвергаются церковнымъ наказаніямъ по усмотрѣнію и распоряженію духовнаго эпархіальнаго начальства, съ наблюденіемъ токмо, чтобъ при семъ не были надолго отлучаемы должностные отъ службы, а поселяне отъ домовъ и работъ своихъ". На основаніи 1002 ст. Уст. Уг. Суд., это преступленіе подсудно только духовному суду и самое слѣдствіе объ немъ начинается, по ст. 1006 того же Устава, по инпціативѣ духовнаго начальства. Дополненіемъ къ разбираемой статьѣ Уложенія служитъ 27 ст. Уст. предупрежд. (Св. Зак. т. XIV). Въ ней сказано, что священникъ обязанъ доносить архіерею о лицахъ, небывшихъ два или три года у исповѣди и причастія, такъ какъ законъ установилъ въ видѣ гражданской обязанности ежегодную исповѣдь (Уст. предупр. ст. 23). Архіерей вразумляетъ его и налагаетъ на него эпитимью. Кромѣ того, въ той статьѣ сказано, что если въ присутственныхъ мѣстахъ по дѣламъ обнаружится небытность у исповѣди и св. причастія, то виновные подвергаются публичной эпитимьѣ.

Ст. 207 опредѣляетъ, что „новообращенные въ православную вѣру, которые, не исполняя уставовъ церкви, будутъ придерживаться какихъ либо иновѣрческихъ обычаевъ,—отсылаются къ духовному начальству, для вразумленія ихъ и поступленія по правиламъ церковнымъ". Въ нашемъ старомъ правѣ „новокрещены" находились подъ особенной опекой церкви и правительства. Ихъ обыкновенно даже выселяли въ коренныя русскія области изъ опасенія совращенія. Наблюденіе за новокрещенными предоставлено не только духовенству, но и всѣмъ кореннымъ православнымъ („русскимъ людямъ"), живущимъ съ ними въ однихъ селеніяхъ. (Уст.

предупр. ст. 56). Надъ новокрещенными надзоръ и власть духовнаго начальства шире, чѣмъ надъ коренными православными. Оно наблюдаетъ не только за ежегоднымъ бытіемъ ихъ у исповѣди, но и вообще за исполненіемъ ими уставовъ церкви, слѣдовательно постовъ, бытія на литургіи и проч.

Ст. 209 опредѣляетъ родителямъ, неприводящимъ дѣтей съ семилѣтняго возраста къ исповѣди, внушеніе духовнаго и замѣчаніе гражданскаго начальства.

VI. Колдовство и другія суевѣрія. Въ теченіи среднихъ вѣковъ, и даже до половины 18 вѣка, было общее убѣжденіе не только въ массѣ народа, но и у людей правительственныхъ, даже ученыхъ, въ возможности союза человѣка съ дьяволомъ; что человѣкъ можетъ продать душу дьяволу, получивши въ замѣнъ этого власть дѣлать сверхъ-естественныя дѣла, направленныя на зло. Безъ сомнѣнія, колдовство было остаткомъ языческихъ религій, такъ что бывшее поклоненіе языческимъ божествамъ съ христіанской точки зрѣнія сдѣлалось поклоненіемъ дьяволу. Изъ нашей исторіи извѣстны появленія волхвовъ въ XI вѣкѣ, которые будто бы дѣлали необычайныя дѣла, и волновали цѣлыя области; была въ ходу даже въ XVI и XVII вѣкахъ цѣлая литература чернокнижія, заклинаній отъ болѣзни, отъ любви и проч. и проч.; книги эти были прокляты на Стоглавомъ соборѣ. Еще въ царствованіе Алексѣя Михайловича и Федора Алексѣевича придворные чины присягали не изводить царя чарами; одинъ колдунъ былъ казненъ, въ концѣ XVII вѣка, за то, что вынималъ слѣдъ царицы Натальи Кириловны и царя Петра. Самые колдуны не столько бывали мошенниками, сколько жертвами глупости и невѣжества, потому что часто сами вѣрили въ силу чаръ. Колдовство, какъ союзъ съ дьяволомъ на гибель людей, наказывалось во всей Европѣ сожженіемъ. У насъ, въ древней Россіи, также бывали утопленія и сожженія колдуновъ, хотя несравненно рѣже, чѣмъ на Западѣ, вслѣдствіе меньшаго развитія фанатизма.

Петръ Великій, при всемъ своемъ умѣ, вѣрилъ въ колдовство, но кликушество считалъ обманомъ. Успѣхи философіи XVIII вѣка разрушили вѣрованіе въ колдовство (хотя масса народа до сихъ поръ убѣждена въ немъ), и изгнали постановленія объ немъ изъ законодательства. Позднѣе; другихъ законодательствъ оно сохранилось въ шведско-финляндскомъ, гдѣ существовало еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Императрица Екатерина II объявила, что колдовство есть глупость и невѣжество, и всѣ дѣла о немъ повелѣла судить въ совѣстномъ судѣ, какъ дѣла малолѣтнихъ или малоумныхъ.

Въ Уложеніи колдовство, кликушество и т. под. суевѣрія отнесены не къ религіознымъ преступленіямъ (какъ было въ сводѣ 1-го изданія), а

къ преступленіямъ противъ общественнаго порядка (ст. 933 и слѣд.). Но такая система не соотвѣтствуетъ всѣмъ этимъ преступленіямъ; нѣкоторыя изъ нихъ прямо относятся къ мошенничеству. А такъ какъ во всѣхъ ихъ болѣе или менѣе заключается антирелигіозный элементъ, то при систематическомъ изложеніи ихъ мѣсто въ разрядѣ преступленій противъ вѣры.

Къ разряду этихъ преступленій относятся: 1) ложныя чудеса, 2) религіозное самозванство, 3) колдовство, 4) кликушество. Два первые вида имѣютъ прямую связь съ религіозными преступленіями, потому что ихъ существенный элементъ *оскорбленіе христіанской святыни* обманомъ 3 и 4-й виды заключаютъ въ себѣ отчасти этотъ элементъ, но главнымъ образомъ другой—мошенничество или оскорбленіе лица.

1) Ст. 933: „Кто, ради корысти, суетной славы или другой личной выгоды, будетъ разглашать или велитъ разгласить подложно о какомъ либо будто бы случившемся чудѣ, или же, посредствомъ подлога, какое либо свое или по распоряженію его приготовленное дѣйствіе выдавать легковѣрнымъ за чудо....“ Подъ ложными чудесами разумѣются: а) объявленіе чудесами своихъ дѣйствій, напримѣръ, кто нибудь объявляетъ, что онъ исцѣлилъ слѣпого, даже дѣлаетъ это въ присутствіи свидѣтелей, разумѣется, употребляя обманъ, т. е. сговорясь съ зрячимъ сыграть фокусъ; цѣль этого — выдавши, такимъ образомъ, себя за чудотворца, пріобрѣсть деньги или славу въ народѣ; б) разглашеніе подложное о какомъ либо *будто бы* случившемся чудѣ. Наша церковь вѣруетъ въ чудеса чрезъ посредство мощей святыхъ и образовъ. Но объявленіе святыми мощей производится послѣ долгаго испытанія Св. Синодомъ, съ разрѣшенія Государя. Архіереи, со временъ Петра I, даютъ присягу, что невѣдомыхъ и непризнанныхъ церковью гробовъ за святыни не будутъ почитать. Но, конечно, коль скоро допускается признаніе святыми и чудотворными мощей на основаніи предшествовавшихъ фактовъ исцѣленія, то тѣмъ самымъ признается возможность чудесъ и отъ необъявленныхъ еще святыми мощей. Поэтому, законъ нашъ считаетъ преступленіемъ не вообще объявленія о чудѣ, а только о *ложномъ чудѣ*, и при томъ, когда это было сдѣлано для личной выгоды разглашателя, и, наконецъ, когда разглашеніе сдѣлано „подложно“, т. е. съ сознаніемъ лжи, а слѣдовательно не по невѣжеству, экзальтаціи, и вообще по добросовѣстному убѣжденію. Равнымъ образомъ, законодатель объявляетъ преступленіемъ только дѣланіе ложныхъ чудесъ, потому что православная вѣра допускаетъ возможность появленія и въ наше время людей, одаренныхъ чудотворной силой. Въ этомъ преступленіи два элемента: 1) оскорбленіе религіознаго чувства вѣрующихъ („..тотъ, за сей, до предметовъ святыни касающійся, обманъ..“) выдаваніемъ за святое то, что не свято; 2) обманъ людей съ

цѣлью корыстной или полученія какой либо другой выгоды, т. е. мошенничество.

Законъ полагаетъ за это преступленіе — заключеніе въ смирительный домъ, срокомъ отъ 4 до 8 мѣсяцевъ, слѣдовательно близко подходящее къ тому, которое назначено за маловажное мошенничество. Наказаніе возвышается на одну степень при совершеніи преступленія въ 3-й разъ. Здѣсь опять сходство съ наказаніями за мошенничество, но нѣтъ лишенія правъ для лицъ привилегированныхъ классовъ.

Мягкость наказаній за это преступленіе весьма благоразумна. Нѣтъ такого грубаго обмана, дѣлаемаго во имя религіи, который бы не находилъ въ массѣ народа многихъ вѣрующихъ. Строгое наказаніе возвышало бы обманщиковъ въ глазахъ простодушныхъ людей на степень мучениковъ.

2) Ст. 938. Иначе смотритъ законъ на религіозное самозванство если цѣль его—нарушеніе общественнаго порядка, произведеніе тревоги, волненія, унынія, неповиновенія законной власти. Послѣднее понятно; это возбужденіе къ бунту сильнымъ для народа средствомъ. Но три другія качества этого преступленія шатки и неопредѣленны; напримѣръ, возбудить тревогу въ нашемъ народѣ очень легко, какъ показываетъ исторія, разглашеніемъ о скоромъ приходѣ антихриста, свѣтопредставленіи и т. п. Часто такія разглашенія волнуютъ массу народа, который бросаетъ работы и приготовляется къ смерти. Но, съ другой стороны, уныніе можно возбудить и обыкновенной проповѣдью о нашихъ грѣхахъ, о наказаніяхъ за нихъ на землѣ и т. д. Поэтому законъ ставитъ для бытія этого преступленія не одинъ результатъ — произведеніе тревоги, унынія но еще другой элементъ: выдаваніе себя за лицо, одаренное святостью или сверхъестественною силою. Если кто произвелъ тревогу, волненіе или уныніе но не выдалъ себя за подобное лицо, а просто неразумно проповѣдывалъ, то нѣтъ еще преступленія; также, если кто себя и выдалъ за лицо, одаренное особенною святостью, но не произвелъ сказаннаго результата и не покушался его производить — также не подходитъ подъ 938 ст.

Наказаніе за это преступленіе, какъ за всякое нарушеніе общественнаго порядка, — ссылка въ Сибирь на поселеніе. Но если при томъ цѣлью волненія было — совершеніе государственнаго преступленія въ тѣсномъ смыслѣ слова (т. е. противъ власти Государя, цѣлости государства и т. д.), то и наказаніе идетъ то же, какое установлено за это послѣднее преступленіе.

3) *Колдовство* (ст. 935) разсматривается въ теперешнихъ законодательствахъ какъ мошенничество, потому что совершающій его имѣетъ всегда цѣль — исторгнуть такимъ способомъ деньги. Сюда относятся: продажа талисмановъ, напитковъ и составовъ, имѣющихъ

будто бы сверхъ-естественную силу, представленіе видѣній. Къ этому же слѣдуетъ присоединить не упомянутыя въ 935 ст.—гаданіе за деньги о будущемъ или для открытія покражи и т. п., далѣе, леченіе посредствомъ нашептыванія—весьма употребительныя какъ у насъ, такъ и въ цѣломъ свѣтѣ въ средѣ малообразованныхъ людей, напримѣръ, заговоръ отъ зубной боли. Эти гаданія часто, кромѣ мошенническаго пріобрѣтенія денегъ, имѣютъ и болѣе гнусныя цѣли; напримѣръ, въ Парижѣ, какъ доказываютъ полицейскіе отчеты, ворожеи часто служатъ орудіемъ для обольщенія суевѣрныхъ дѣвушекъ. Подкупленная развратнымъ человѣкомъ ворожея говоритъ суевѣрной, что въ такой-то день, въ такомъ-то мѣстѣ она встрѣтитъ человѣка такъ-то одѣтаго, который ей скажетъ то-то и то-то,—это и есть ея суженый. Она встрѣчаетъ подкупившаго ворожею развратителя и дѣлается его жертвою. Часто онѣ разстраиваютъ свадьбы, семейныя отношенія. Вообще это разрядъ людей весьма вредный. У насъ это суевѣріе сильно распространено. Всего лѣтъ пять тому назадъ умеръ въ Москвѣ сумасшедшій Иванъ Яковлевичъ (Корейша), который былъ оракуломъ московскихъ купчихъ.—*Магнетическіе сеансы*, гдѣ намагнетизированные открываютъ прошедшее и будущее, сокровища, скрытыя подъ землею, вызываютъ тѣни и т. п., суть или забавные фокусы или прямое мошенничество, смотря по обстоятельствамъ, т. е., если при этомъ не было цѣли—получить деньги, или если они дѣлались за деньги, но прямо объявлялось, что это фокусъ, тогда, конечно, нѣтъ преступленія. Впрочемъ, текстъ 935 ст. не обозначаетъ ясно пріобрѣтеніе денегъ, какъ существенный элементъ этого преступленія; изъ него можно заключить, что всякое выдаваніе себя за чародѣя, всякое представленіе видѣній и т. п., составляетъ преступленіе, какъ волненіе христіанскаго чувства: „Тѣ, которые... будутъ... выдавая себя за колдуновъ или чародѣевъ, представлять мнимыя видѣнія, или же приготовлять и раздавать или продавать мнимо-волшебные напитки... или же какія либо вещи подъ названіемъ талисмановъ...“. У насъ, въ Россіи, существуютъ язычники ламайской вѣры и другихъ вѣроученій, гдѣ шаманство, колдовство, чары входятъ въ составъ религіи и отправляются духовенствомъ. Законъ (примѣчаніе къ ст. 935), конечно, долженъ былъ исключить этихъ лицъ изъ числа преступниковъ.

Наказаніе за колдовство легкое—арестъ до 3-хъ мѣсяцевъ. Рецидивъ усиливаетъ, потому что тогда ясно, что подобныя плутни составляютъ ремесло. Здѣсь наказаніе возвышается до заключенія въ смирительный домъ до 8 мѣсяцевъ. Послѣднему наказанію подвергается это преступленіе и въ 1 разъ, если есть отягчающее обстоятельство: оскорбленіе святыни, т. е., когда для чаръ, гаданій будутъ употребляться предметы, посвященные христіанскому богослуженію (ст. 934). Если эти на-

а специальный, уголовная привилегія, поэтому истолкованіе его не должно быть расширяющее.

Похищеніе денегъ, данныхъ отъ кого либо на свѣчи, или вообще на церковь или монастырь, но *еще не поступившихъ въ церковное имущество* (ст. 229), также изъ столбовъ или кружекъ, выставленныхъ безъ образовъ для сбора не на церкви, а на благотворительное употребленіе, или хотя и на церкви, но когда похититель не зналъ о назначеніи сбора, и наконецъ, вещей, принадлежащихъ церкви, но не священныхъ и не освященныхъ, находившихся не въ церкви или церковномъ хранилищѣ, а въ иномъ мѣстѣ (ст. 232, 233),—разсматривается какъ кража.

Нѣкоторую трудность представляетъ разрѣшеніе вопроса: съ какого момента считать деньги поступившими въ церковное имущество? Такъ напр., если кто похититъ деньги съ блюда, которое носится въ церкви для сбора приношеній, считать ли это святотатствомъ, т. е. считать ли, что деньги поступили въ церковное имущество? По Своду 1832 и 1842 годовъ, утайка денегъ, поданныхъ на свѣчи, считалась святотатствомъ. Уложеніе отмѣнило это постановленіе, чѣмъ и показало, что хочетъ ограничить предѣлы этого преступленія. На этомъ основаніи, вполнѣ согласно съ мыслью законодателя, похищеніе денегъ съ блюда должно считать обыкновенной кражей, потому что онѣ еще не вложены въ церковный ящикъ.

Въ заключеніе разбора постановленій о святотатствѣ, считаемъ необходимымъ представить слѣдующій вопросъ: относятся ли всѣ эти постановленія къ похищеніямъ изъ старообрядческихъ и вообще раскольничьихъ церквей и часовень? У старообрядцевъ и послѣдователей нѣкоторыхъ другихъ раскольничьихъ сектъ священные и освященные предметы тѣже самые, что у православныхъ; ихъ образа, хотя и стараго письма, но не отвергаются нашей церковью; всѣ другіе предметы при богослуженіи тѣже самые, которые употребляются въ православномъ богослуженіи. Но такъ какъ нашъ законъ не признаетъ расколъ за православное ученіе, и 230 ст. говоритъ о распространеніи постановленій о святотатствѣ только на христіанскія исповѣданія, „признанныя и покровительствуемыя законами Имперіи", а законъ Имперіи не только не покровительствуетъ, но и не признаетъ права гражданства за расколомъ, то въ отношеніи похищенія разныхъ религіозныхъ предметовъ изъ раскольничьихъ молеленъ выходятъ противорѣчія между ст. 219—227 и 230. Во всякомъ случаѣ, постановленія о святотатствѣ не могутъ относиться къ раскольничьимъ часовнямъ и молельнямъ, существующимъ тайно; кража, въ этомъ случаѣ, будетъ кражей священныхъ или освященныхъ вещей изъ частнаго дома; но если притомъ эти вещи такого рода, что не могутъ быть признаны православной церковью правильными, напр. иконы, на которыхъ написаны расколо-

учители, признаваемые за святыхъ сектантами,—тогда похищеніе ихъ будетъ считаться кражей профанныхъ вещей. Нѣтъ сомнѣнія, что кража вещей, принадлежащихъ къ культу ересей, признанныхъ особенно вредными, хотя бы эти вещи были по виду сходны съ употребляемыми въ православномъ богослуженіи, не можетъ считаться святотатствомъ.

Разрытіе могилъ.

Тѣло умершаго, погребеннаго, вмѣстѣ съ его могилой, составляетъ предметъ культа у всѣхъ народовъ, — у язычниковъ, магометанъ, евреевъ, христіанъ. У христіанъ это почитаніе особенно велико, потому что надъ тѣлами умершихъ совершаются священные обряды, и притомъ существуетъ догматъ о воскресеніи мертвыхъ. Само по себѣ тѣло умершаго есть прахъ, и надъ нимъ, какъ надъ вещью неодушевленной, не можетъ быть совершено преступленія. Если законъ наказываетъ, и наказываетъ строго, поруганіе погребенныхъ, то не въ томъ смыслѣ, что они сами потерпѣли, потому что оскорбить можно только живое лицо. Здѣсь законодателемъ руководятъ начала религіозныя, особенно сильныя у нашего народа, который еще въ языческія времена оказывалъ особенное поклоненіе могиламъ и тѣнямъ предковъ; во вторыхъ, — въ этомъ фактѣ заключается тяжкое оскорбленіе живыхъ родственниковъ погребеннаго, возмущаются самыя святыя ихъ чувства и воспоминанія; въ третьихъ,—здѣсь есть оскорбленіе общественной нравственности. Замѣтимъ, впрочемъ, что хотя у народа нашего сильно развито чувство уваженія къ мертвымъ, законъ нашъ еще недостаточно опредѣлилъ положеніе мертваго тѣла. Западныя законодательства признаютъ мертвое тѣло священнымъ наслѣдствомъ родственниковъ; даже тѣла казненныхъ преступниковъ выдаются родственникамъ для погребенія; о перенесеніи тѣлъ ведутся процессы, и судъ опредѣляетъ — кто изъ родственниковъ имѣетъ право распоряженія относительно мѣста погребенія; могилы пріобрѣтаются, какъ всякая недвижимость, въ полную собственность фамилій. Поддержаніе этого уваженія къ могиламъ, неприкосновенности ихъ, весьма важно; оно ведетъ къ развитію въ народѣ чувствъ религіозныхъ, духа преданія, поддерживаетъ поэзію воспоминанія и сожалѣнія, лучшую изъ всѣхъ. У насъ, какъ мы сказали, законъ недостаточенъ въ этомъ отношеніи. Мертвое тѣло не признано неотъемлемымъ и священнымъ наслѣдствомъ дѣтей и родственниковъ—и тогда какъ нашъ народъ считаетъ даже анатомическое вскрытіе грѣхомъ, казенныя больницы присвоили себѣ право собственности надъ мертвыми тѣлами, чѣмъ и объясняется антипатія народа къ этимъ учрежденіямъ. Могилы не могутъ быть пріобрѣтаемы въ частную собственность семействъ; кладбища считаются принадлежащими церквамъ, хотя земли подъ нихъ отводятся городомъ.

Законъ нашъ, относительно мертвыхъ тѣлъ, представляетъ много ори-

гинальнаго. Во первыхъ,—онъ ограждаетъ строгими уголовными законами неприкосновенность только погребеннаго тѣла, а не вообще мертваго. Такъ, кража съ мертваго есть простая кража; поруганіе мертваго тѣла непогребеннаго, а лежащаго на столѣ, или во время переноса на кладбище вовсе не предусмотрѣно закономъ. Во вторыхъ—и разрытіе могилъ само по себѣ не составляетъ преступленія; оно тогда только является преступленіемъ, когда совершено для цѣли, опредѣленной закономъ какъ преступной; законъ не знаетъ преступленія вообще разрытія могилъ, а знаетъ; 1) разрытіе могилъ для ограбленія, 2) для поруганія погребенныхъ, 3) для суевѣрныхъ обрядовъ. Собственно, это не только разрытіе могилъ, т. е. насыпей, но и поврежденіе гробницъ.

За первые два вида опредѣляется тяжкое уголовное наказаніе—каторжная работа отъ 12 до 15 лѣтъ, т. е. то же, которое назначено за предумышленное убійство, а эти два преступленія, конечно, далеко не равны. За разрытіе могилы для суевѣрныхъ дѣйствій надъ погребенными полагается ссылка въ Сибирь на поселеніе (ст. 234). Эти суевѣрія до сихъ поръ продолжаютъ жить въ средѣ крестьянъ. Такъ напримѣръ, существуетъ суевѣріе, что рука мертваго избавляетъ отъ пули. Впрочемъ, подъ букву закона не подходитъ вырытіе погребеннаго *вслѣдствіе* суевѣрія. Такъ напр., крестьяне одной мѣстности вырыли изъ кладбища и бросили въ ровъ тѣло скоропостижно умершаго, приписывая ему скотскій падежъ.

У насъ нерѣдко случалась кража мертвыхъ тѣлъ изъ церкви. Православное духовенство, при содѣйствіи полиціи, брало силою въ церковь для отпѣванія и погребенія тѣла тайныхъ раскольниковъ; родственники послѣднихъ похищали ихъ и тайно предавали ихъ землѣ по обрядамъ раскола. Такое дѣяніе вовсе не предусмотрѣно закономъ.

Есть одинъ родъ могилъ, разрытіе которыхъ не только не воспрещается, но даже поощряется, это—курганы: „Постановленія сей статьи, говоритъ примѣчаніе къ 234 ст., не относятся къ разрытію старинныхъ могилъ или кургановъ, предпринимаемому для отысканія древностей или же съ цѣлью обработанія земли, на коей они находятся, или же съ иною равно не противозаконною." Что разумѣть подъ „старинными могилами?" Только такія могилы, память о погребенныхъ въ которыхъ совершенно исчезла среди живыхъ людей. Никто не творитъ надъ ними моленій, никто не помнитъ объ нихъ. Количествомъ времени измѣрять невозможно могилу: могила не дѣлается общимъ достояніемъ, хотя бы прошло 500 лѣтъ со смерти погребеннаго въ ней, если память о немъ хранится у живыхъ. Разумѣется, неприкосновенность могилъ вообще не можетъ быть вѣчною, иначе не было бы на землѣ мѣста живымъ; но до тѣхъ поръ, пока длится воспоминаніе о погребенныхъ, онѣ неприкосновенны. Въ

случаѣ открытія новыхъ кладбищъ, старыя повелѣно ограждать заборами и не распахивать. Но, конечно, когда онѣ поростутъ травой, когда никто не является изъ живыхъ посѣщать могилы, тогда это кладбище дѣлается „стариннымъ," его можно распахивать.

За разрытіе могилъ „безъ всякаго злаго намѣренія, а по шалости или въ пьянствѣ" полагается заключеніе въ смирительный домъ на 4—8 мѣсяцевъ.

Кромѣ того, есть еще случаи разрытія могилъ и тревоги погребеннаго, совершенно отличные отъ всѣхъ предшествовавшихъ, именно съ научною цѣлью для анатомическихъ и другихъ изслѣдованій. Законъ молчитъ объ этомъ случаѣ. Конечно, онъ не можетъ быть безнаказаннымъ, потому что ни ка какая цѣль, самая благородная, не можетъ служить оправданіемъ въ нарушеніи чужаго права, но если въ этомъ случаѣ и было дѣяніе преступное, то все-таки безконечно различное отъ святотатства. Здѣсь нѣтъ ни отвратительнаго чувства поруганія, ни глубокаго оскорбленія родственниковъ и общественной нравственности: это только проступокъ. Нашъ законъ совершенно умалчиваетъ объ этомъ видѣ, но такъ какъ по закону только судебные слѣдователи, и то по важнымъ причинамъ, для удостовѣренія въ преступленіи, могутъ выкапывать тѣла, то ясно, что частный человѣкъ не можетъ остаться безнаказаннымъ.

Наконецъ, можетъ быть случай разрытія могилы для перенесенія погребеннаго въ другое мѣсто родственниками или другими лицами. Перенесеніе погребенныхъ можетъ происходить только съ разрѣшенія административныхъ властей, въ видахъ предупрежденія вредныхъ для народнаго здравія послѣдствій. Самовольное перенесеніе подвергаетъ лишь денежному взысканію не свыше 100 руб. (Мир. Уст. ст. 108).

VIII. Лжеприсяга. Лживая присяга составляетъ тяжкій грѣхъ. Въ дополнительныхъ статьяхъ къ Судебнику царя Ивана Васильевича Грознаго сказано, что если даже плѣнный дастъ присягу татарину не убѣгать, и нарушитъ ее, то подвергается десятилѣтнему отлученію отъ церкви и тяжкой эпитимьѣ. Западные кодексы знаютъ лжеприсягу только въ смыслѣ ложнаго свидѣтельства на судѣ, даннагою подъ присягою. Здѣсь присяга имѣетъ только то значеніе, что свидѣтельское показаніе, принятое безъ нея, считается только свѣдѣніемъ, а если оно дано подъ присягою, то имѣетъ великое значеніе, именно потому, что за лживость его слѣдуетъ тяжкое наказаніе. Такимъ образомъ, на Западѣ все различіе ложнаго показанія подъ присягой и безъ присяги заключается въ той отвѣтственности, которую принимаетъ на себя дающій ее, чѣмъ измѣряется степень достовѣрности показанія.

Нашъ законъ ставитъ лжеприсягу не въ числѣ преступленій противъ лица, а противъ вѣры.

Ст. 236-я: „За лживую присягу, данную съ обдуманнымъ намѣреніемъ или умысломъ, виновный подвергается . . .“.

Итакъ, лживая присяга есть самостоятельное преступленіе. Но ближайшее разсмотрѣніе покажетъ намъ, что въ дѣйствительности и у насъ лжеприсяга совпадаетъ съ лжесвидѣтельствомъ подъ присягой. Присяга дается не только на судѣ въ подтвержденіе свидѣтельскаго показанія, но и на вѣрность подданства, на вѣрность службы военнослужащими и чиновниками, наконецъ, она можетъ быть дана и въ какомъ нибудь частномъ дѣлѣ, по собственному желанію. Напр., жена присягнетъ мужу въ очищеніе отъ подозрѣнія, слуга хозяину и проч. Всѣ эти виды, если клятва дана ложно, предъ церковью составляютъ грѣхъ лжеприсяги, но не могутъ быть подведены подъ преступленіе лжеприсяги, означенное въ 236 и слѣдующихъ статьяхъ. Нарушеніе вѣрности подданства составляетъ особенное преступленіе — измѣну или бунтъ; чиновникъ, берущій взятки или нарушающій законъ при отправленіи правосудія, адвокатъ, нарушающій уваженіе къ судамъ или неохраняющій интересы своихъ довѣрителей (см. прилож. къ ст. 381 Учр. Суд. Уст.)—всѣ они виновны въ лжеприсягѣ, понимаемой въ широкомъ смыслѣ. Но законъ подводитъ эти нарушенія не подъ лжеприсягу, а подъ другія преступленія; такъ что лжеприсяга, какъ спеціальное преступленіе, состоитъ только въ ложномъ показаніи, данномъ подъ присягой на судѣ, или предъ судебнымъ слѣдователемъ, въ опредѣленной закономъ формѣ и съ соблюденіемъ узаконенныхъ обрядовъ. Никакая другая власть, кромѣ судебной, не можетъ опредѣлять приведенія къ присягѣ.

Законъ нашъ устанавливаетъ, что каждый приводится въ присягѣ духовнымъ лицомъ; но въ случаѣ, когда нѣтъ духовнаго лица извѣстнаго вѣроисповѣданія, то къ присягѣ приводитъ предсѣдатель суда, и, такимъ образомъ, ей дается гражданскій характеръ (Уст. Уг. Суд. ст. 715). Нѣкоторыя лица освобождаются отъ присяги, именнно: священнослужители и монашествующіе христіанскихъ исповѣданій и лица, принадлежащія къ вѣроученіямъ, непріемлющимъ присяги (Уст. Уг. Суд. ст. 712), но за ложное показаніе безъ присяги они подвергаются тому же наказанію, какое постановлено за лжеприсягу. Такимъ образомъ, лжеприсяга все болѣе и болѣе совпадаетъ съ лжесвидѣтельствомъ на судѣ въ торжественной формѣ (Улож. ст. 942). Нѣкоторыя лица не допускаются къ подачѣ свидѣтельскаго показанія подъ присягою; наконецъ, показанія на предварительномъ слѣдствіи отбираются безъ присяги, и только въ крайнихъ случаяхъ слѣдователь можетъ приводить свидѣтеля къ присягѣ. (Уст. Уг. Суд. ст. 442). Ложь въ этомъ случаѣ ведетъ вообще къ легкимъ исправительнымъ наказаніямъ.

Итакъ, лжеприсяга есть не болѣе и не менѣе какъ ложное свидѣ-

тельское показаніе, данное на судѣ, съ соблюденіемъ или безъ соблюденія религіознаго обряда,—но съ строгой отвѣтственностью за ложь.

Разсмотримъ составные элементы этого преступленія. Законъ (ст. 236) указываетъ на первый существенный элементъ ея: она тогда только составляетъ преступленіе, когда дана съ обдуманнымъ намѣреніемъ или умысломъ. Свидѣтельство можетъ оказаться ложнымъ — давшій его перепуталъ обстоятельства, перемѣшалъ лица по слабости памяти, наконецъ впалъ въ ошибку, напр. принявши одно лицо за другое. Рѣшеніе дѣла въ противность показанію, данному свидѣтелемъ подъ присягою, вовсе не означаетъ еще того, что этотъ свидѣтель виновенъ въ лжеприсягѣ. Для бытія преступленія мало противоположнаго показанію судебнаго рѣшенія, а нуженъ новый процессъ, доказательство того, что такое показаніе дано было вслѣдствіе подкупа, ненависти, и вообще съ обдуманнымъ намѣреніемъ, т. е. съ полнымъ сознаніемъ лжи. Очевидно, что это преступленіе трудно доказать; показаніе очень часто есть субъективное убѣжденіе.

Второй вопросъ — что считать ложнымъ показаніемъ? Если свидѣтель въ своемъ показаніи сказалъ *отчасти* правду, отчасти ложь (разумѣется обдуманную, сознательную), какъ считать его — виновнымъ въ лжеприсягѣ или нѣтъ? Если онъ сказалъ правду относительно главной существенной части своего показанія, и ложь относительно побочныхъ обстоятельствъ, немогущихъ имѣть значенія для подсудимаго, то показаніе его не теряетъ характера правды. Очень часто случается, что свидѣтель лжетъ въ побочныхъ обстоятельствахъ, не желая себя въ чемъ либо компрометировать. Напр. женщина, видѣвшая убійство въ загородномъ домѣ, куда она пришла на любовное свиданіе, сочиняетъ разсказъ о причинахъ и обстоятельствахъ своего присутствія. Впрочемъ, свидѣтель долженъ помнить, что ему трудно знать, что̀ въ его показаніи будетъ существенно важнымъ; очень часто, въ особенности на судѣ присяжныхъ, обстоятельство повидимому неважное рѣшаетъ дѣло въ пользу или противъ обвиняемаго.

Наоборотъ, показаніе свидѣтеля можетъ быть ложнымъ, хотя бы онъ не сказалъ ни одной лжи; именно, когда онъ будетъ говорить только правду, но объ обстоятельствахъ неважныхъ, а о важномъ умолчитъ. Напр., онъ будетъ подробно разсказывать о томъ, какъ слышалъ крики въ домѣ убитаго, что̀ послѣдній дѣлалъ въ теченіе дня совершенія преступленія и т. под., но умолчитъ, что онъ видѣлъ, какъ такой-то человѣкъ вышелъ тайкомъ изъ дому, гдѣ совершено убійство, въ забрызганномъ кровью платьѣ. Если онъ умолчалъ о такомъ обстоятельствѣ не по непониманію его важности, или слабости памяти, а сознательно, тогда, конечно, онъ далъ лжеприсягу. Отсюда у французовъ существуетъ прекрасная формула присяги свидѣтелей: „я клянусь сказать правду, всю

правду, ничего кромѣ правды." Эта формула введена и у насъ новыми судебными уставами, но безъ величественной краткости французскаго образца. И у насъ свидѣтель клянется „не утаивать ничего ему извѣстнаго." Значеніе умолчанія не выяснено въ постановленіяхъ о лжеприсягѣ; но въ другомъ раздѣлѣ Уложенія, въ постановленіяхъ о несправедливомъ показаніи при повальныхъ обыскахъ, оно прямо отнесено къ несправедливымъ показаніямъ: „Тѣ, которые, показывая истину, умолчали однакожъ объ обстоятельствахъ, имъ извѣстныхъ, приговариваются къ аресту отъ 7 дней до 3 недѣль" (ст. 945). Само собою разумѣется, что если свидѣтель умолчитъ о такомъ обстоятельствѣ, которое его самого обвиняетъ въ преступленіи, то это не можетъ быть поставлено ему въ вину, потому что никто не обязывается говорить противъ себя. Уст. Уг. Суд. (ст. 722) призналъ это начало.

Переходимъ къ вопросу о степеняхъ преступленія лжеприсяги. Естественно, если принимать лжеприсягу равною сознательному ложному показанію, то степени этого преступленія должны соразмѣряться съ тѣмъ, какія послѣдствія имѣла или могла имѣть ложная присяга. На этомъ основаніи, французскій законъ кладетъ разныя наказанія: каторжную работу, исправительныя наказанія и простое ограниченіе публичныхъ правъ (dégradation), смотря по тому, дана ли присяга въ дѣлѣ важномъ, судимомъ съ присяжными, или въ дѣлѣ, за которое назначены исправительныя наказанія, или, наконецъ, на гражданскомъ судѣ. Далѣе, между лжесвидѣтельствомъ, даннымъ съ цѣлью спасти обвиняемаго и даннымъ съ цѣлью погубить невиннаго или увеличить вину, конечно, существуетъ различіе. Въ первомъ случаѣ нѣтъ ни той гнусности, ни того общественнаго вреда, какъ во второмъ: общество болѣе страдаетъ отъ наказанія невиннаго, чѣмъ отъ освобожденія виновнаго. Въ особенности заслуживаетъ снисхожденія перваго рода лжеприсяга, когда давшій ее былъ другомъ обвиняемаго, а тѣмъ болѣе—близкимъ родственникомъ. Законъ не допускаетъ къ свидѣтельству подъ присягой близкихъ родственниковъ или по ихъ желанію, или по отводу противной стороны (Уст. Уг. Суд. ст. 705, 707), слѣдовательно не абсолютно. Законъ нашъ почти вовсе не принялъ этихъ началъ для раздѣленія лжеприсяги на степени; но въ лжесвидѣтельствѣ безъ присяги они имѣютъ видное мѣсто.

Нашъ законъ устанавливаетъ только двѣ степени преступленія лжеприсяги: 1) когда она была дана въ подтвержденіе такого показанія по уголовному дѣлу, вслѣдствіе коего обвиняемый долженъ былъ понесть наказаніе уголовное, т. е. не менѣе ссылки на поселеніе; тогда такой свидѣтель подвергается ссылкѣ въ каторжную работу на 8 — 10 лѣтъ (ст. 237); 2) всѣ прочіе виды лжеприсяги подвергаютъ виновнаго одинаково ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе (ст. 236). Впрочемъ,

ст. 238 ослабляетъ эти наказанія въ такомъ случаѣ, когда лжеприсяга дана „безъ обдуманнаго намѣренія, а по замѣшательству въ трудныхъ обстоятельствахъ и слабости разумѣнія о святости присяги". Въ этомъ случаѣ полагается ссылка въ Сибирь на житье (ст. 238).

Хотя ложныя показанія безъ присяги и не относятся къ преступленію лжеприсяги, а потому и изложены въ другомъ отдѣлѣ Уложенія, но по связи матеріи мы разсмотримъ здѣсь это преступленіе.

Такъ какъ показаніе безъ присяги дается или на предварительномъ слѣдствіи, или хотя и на судѣ, но оно не можетъ имѣть того рѣшительнаго дѣйствія, какъ показаніе подъ присягой, потому что и присяжные и судьи знаютъ, что дающій его не принимаетъ тяжкой отвѣтственности, то, независимо отъ отсутствія нарушенія религіознаго начала, это преступленіе не можетъ считаться важнымъ. За него полагается арестъ или тюремное заключеніе не свыше четырехъ мѣсяцевъ (ст. 943), а въ томъ случаѣ, когда цѣлью этой лжи было желаніе спасти близкаго родственника, то наказаніе уменьшается до ареста не свыше трехъ дней. За несправедливыя показанія при повальныхъ обыскахъ полагается также арестъ или тюрьма (ст. 945).

Но когда ложное показаніе безъ присяги сдѣлано вслѣдствіе подкупа, то виновный подвергается тому же наказанію, какъ за лжеприсягу, т. е. каторжной работѣ или ссылкѣ на поселеніе (ст. 943). Невозможно объяснить эту строгость наказанія. Почему ложное показаніе, данное бѣднякомъ изъ-за денегъ, безнравственнѣе того, которое дается изъ мщенія, желанія угодить сильному человѣку или другого гнуснаго чувства? Допустимъ, что такое дѣйствіе болѣе безнравственно (чего, однако мы не думаемъ), то неужели это различіе также велико, какъ то, которое существуетъ между каторжной работой или ссылкой на поселеніе и арестомъ или восьмимѣсячнымъ тюремнымъ заключеніемъ?

Лица, склонившія другихъ дать ложное свидѣтельство подкупомъ, убѣжденіями и т. под., естественно должны быть наказаны какъ подстрекатели преступленія (ст. 942, ч. 3).

Если лжеприсяга составляетъ тяжкое уголовное преступленіе, то справедливость требуетъ, чтобы никто не былъ принуждаемъ къ показанію подъ присягой страхомъ тяжкаго наказанія. Нельзя ставить человѣка въ такое положеніе, чтобы ему былъ выборъ только одного изъ двухъ: или погубить справедливымъ показаніемъ дорогое для него лицо, или совершить лжеприсягу. Но нельзя также оставить на произволъ каждаго давать или не давать свидѣтельскія показанія, потому что отъ этого можетъ пострадать ходъ правосудія, судъ можетъ сбиться съ истиннаго пути, осудить другое, невинное лицо. Легкія исправительныя наказанія или, что еще лучше, лишеніе почетныхъ гражданскихъ правъ (участія въ выборыхъ и т. под.)

могутъ быть вполнѣ соотвѣтственными наказазаніями за такое равнодушіе къ общественной пользѣ.

Законъ опредѣляетъ за этотъ фактъ наказаніе только въ одномъ случаѣ: именно за упорный отказъ въ дачѣ показанія при повальныхъ обыскахъ арестъ до 3 мѣсяцевъ (ст. 945, п. 2), но о послѣдствіяхъ отказа дать показаніе на судѣ подъ присягой — нѣтъ постановленія. Существуютъ еще постановленія о денежномъ штрафѣ безъ суда и о приводѣ силою лица, неявившагося по вызову къ свидѣтельству (Уст. Уг. Суд. ст. 438). Но этотъ фактъ отличенъ отъ отказа дать показаніе въ самомъ судѣ подъ присягой или безъ присяги.

ГЛАВА XIV.

ПРЕСТУПЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫЯ.

Характеръ этихъ преступленій. Чисто-политическія и смѣшанныя преступленія. I. Преступленія *противъ особы Государя*. II. *Бунтъ*. Количество лицъ для бытія этого преступленія. Два вида возбужденія къ бунту. III. *Измѣна*. Различные виды измѣны въ тѣсномъ смыслѣ слова. Въ какихъ случаяхъ иностранный подданный подвергается и въ какихъ не подвергается постановленіямъ объ измѣнѣ. Въ какихъ случаяхъ русскій подданный освобождается отъ дѣйствій постановленій объ измѣнѣ. Опубликованіе плановъ крѣпостей. Сношенія тайныя съ правительствомъ невраждебнаго государства и переписка съ подданными враждебныхъ государствъ. Нападеніе на жителей мирныхъ государствъ. Оскорбленіе дипломатическихъ агентовъ. Процессуальныя отличія государственныхъ преступленій отъ другихъ. Спеціальныя наказанія за государственныя преступленія. Конфискація. Смертная казнь. Вопросъ о смертной казни вообще и о приложеніи ея къ политическимъ преступленіямъ.

Въ разрядѣ преступленій противъ государства первое мѣсто занимаютъ тѣ, которыя направлены противъ его существованія, цѣлости и безопасности; нашъ законъ называетъ ихъ „преступленіями государственными", отдѣляя строго отъ преступленій противъ мѣстнаго управленія Этихъ преступленій три вида: противъ особы государя, бунтъ и измѣна. Со временъ Петра Великаго эти преступленія были извѣстны на практикѣ подъ именемъ „преступленій противъ первыхъ двухъ пунктовъ" — названіе, отчасти удержанное за ними и Сводомъ Законовъ, но Уложеніе и новые Судебные Уставы не упоминаютъ объ этомъ терминѣ.

Въ древней Россіи, всѣ эти три преступленія сливались въ одно — преступленіе противъ Государя, которое чаще всего называлось „измѣной". Такъ какъ въ старой Россіи понятіе о государствѣ сливалось съ понятіемъ о государѣ, то и не было никакой надобности въ раздѣленіи преступленій собственно противъ государя отъ преступленій противъ государства. Въ странахъ, гдѣ существуетъ конституціонное правленіе, такое раздѣленіе имѣетъ рѣзкія разграничивающія черты, оно вытекаетъ

неуваженіе къ Верховной Власти, или же къ личнымъ качествамъ Государя, или къ управленію его государствомъ, приговариваются, какъ оскорбители Величества, къ каторжной работѣ на 10 — 12 лѣтъ" (ст. 245). Для бытія этого преступленія необходима опредѣленная цѣль: возбужденіе неуваженія къ Верховной Власти. Сужденія о дѣйствіяхъ правительства, обсужденіе выходящихъ законовъ у насъ дозволены въ приличной формѣ.

Какой матеріальный фактъ необходимъ для существованія этого преступленія? Въ ст. 245 сказано: „составленіе и распространеніе". Но изъ 3-й части той же статьи видно, что для бытія его достаточно одного распространенія, а составленіе безъ распространенія составляетъ особенное преступленіе, наказуемое исправительнымъ наказаніемъ: „Виновные въ составленіи сочиненій или изображеній сего рода, но *неизобличенные въ злоумышленномъ распространеніи оныхъ*, приговариваются за сіе, какъ за преступный умыселъ, къ заключенію въ крѣпости на время отъ 1$^1/_3$ до 2$^2/_3$ года, съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ". Здѣсь прямо выражено, что составленіе такихъ сочиненій, безъ распространенія, составляетъ особенное, низшее преступленіе, — и косвенно, что злоумышленное (т. е. съ знаніемъ содержанія и цѣли) распространеніе этихъ сочиненій или изображеній составляетъ преступленіе, равное составленію и распространенію, т. е. подвергаетъ виновнаго каторжной работѣ. И дѣйствительно, такъ какъ вся преступность дѣйствія состоитъ въ возбужденіи неуваженія къ особѣ Государя, то преступленіе тогда только существуетъ, когда сочиненіе распространено, пущено въ оборотъ посредствомъ продажи, даровой разсылки, подбрасыванія въ публичныхъ мѣстахъ и т. п., а одно составленіе, къ которому надобно отнести и напечатаніе экземпляра, представляемаго въ цензурное учрежденіе. есть только умыселъ.

Во второй части 245 ст. говорится о наказаніи участниковъ: „Участвовавшіе въ составленіи *или* злоумышленномъ распространеніи такихъ сочиненій или изображеній, подвергаются каторжной работѣ на 12—13 лѣтъ". По буквальному ея смыслу, участіе въ одномъ составленіи безъ распространенія или въ одномъ распространеніи ведетъ къ каторжной работѣ. Но мы видѣли, что одно составленіе, безъ распространенія, совершенно отличается отъ составленія и распространенія или отъ распространенія, обозначеннаго въ 1 части 245 ст. Слѣдовательно, выходитъ, что настоящій составитель сочиненія противъ особы Государя (не распространившій его) подвергается заключенію въ крѣпости на срокъ не болѣе 2$^1/_3$ года, а тотъ кто участвовалъ, т. е. помогалъ ему въ составленіи—осужденъ будетъ на каторжную работу. Очевидно, что здѣсь просто обмолвка закона: во 2 ч. 245 ст. вмѣсто *или* слѣдовало сказать *и*.

Въ послѣдней части 245 ст. опредѣляется кратковременный арестъ

тѣмъ, которые, не будучи составителями и распространителями сказанныхъ сочиненій или изображеній, держали ихъ у себя.

Изъ текста 245 ст. можно заключить, что если сочиненіе было распространено противъ воли составителя, напр. тѣмъ, кому оно случайно попало въ руки, вмѣстѣ съ другими бумагами, или было похищено, то составитель его наказывается только за одно составленіе, но не за распространеніе.

Третій видъ преступленія противъ Величества составляютъ: а) произнесеніе, хотя заочно, оскорбительныхъ словъ, б) умышленное поврежденіе, искаженіе или истребленіе выставленныхъ *въ присутственномъ или публичномъ мѣстѣ* портретовъ, статуй, бюстовъ Государя. За это преступленіе назначена каторжная работа на 6—8 лѣтъ (ст. 246). Подъ именемъ поврежденія портретовъ и пр. „съ умысломъ" надобно разумѣть — съ умысломъ оказать неуваженіе къ особѣ Государя. Такое поврежденіе составляетъ преступленіе только тогда, когда совершено надъ изображеніями, выставленными въ публичномъ мѣстѣ. Заочное произнесеніе оскорбительныхъ словъ относительно частнаго человѣка не наказуемо; относительно начальника — подвергаетъ виновнаго выговору или аресту только тогда, когда учинено публично; а въ отношеніи къ особѣ Государя наказывается каторжной работой даже и тогда, когда учинено не публично.

Во второй части 246 ст. сказано: „Если виновный дозволилъ себѣ сіи дерзкія слова или поступки (т. е. искаженіе портретовъ и пр.) въ пьянствѣ, безъ предначѣреннаго на то умысла, то онъ подвергается заключенію въ смирительномъ домѣ на 4—8 мѣсяцевъ". Впрочемъ, на практикѣ въ текущемъ столѣтіи и въ этомъ преступленіи не только пьянство, но и невѣжество принималось въ уваженіе. Императоръ Александръ I, по поводу дѣла о произнесеніи на его особу оскорбительныхъ словъ однимъ крестьяниномъ, на приговорѣ, осуждавшемъ виновнаго на каторжную работу написалъ: „Быть по сему. А крестьянина Ермолаева, объявя ему приговоръ, простить". (Пол. Св. Зак. № 2 7705) По свидѣтельству автора *Исторіи Государственнаго Совѣта*, г. Даневскаго, Императоръ Николай I постоянно прощалъ всѣхъ осужденныхъ за словесное оскорбленіе его особы.

Ст. 244 и 248 опредѣляютъ за преступныя дѣйствія и оскорбленія „наслѣдника престола, или супруги Государя Императора, или прочихъ членовъ Императорскаго дома" тѣ же самыя наказанія, какія положены за тѣ же преступленія противъ особы Государя.

Нѣкоторое затрудненіе встрѣчается въ выраженіи „члены Императорскаго дома". Въ Основныхъ Законахъ Имперіи оно неясно опредѣлено. Изъ одной статьи ихъ можно заключить, что оно обозначаетъ

всѣхъ лицъ, происшедшихъ отъ крови Императорской и имѣющихъ право на наслѣдіе престола, т. е. какъ происшедшихъ отъ мужскаго, такъ и женскаго колѣна, а по другой — только происходящихъ отъ мужскаго колѣна, т. е. Великихъ Князей, Князей крови Императорской, Великихъ Княженъ и Княженъ крови (Осн. Зак. ст. 82, 89, 91, 100). Нѣсомнѣнно, что въ Уложеніи это выраженіе употребляется въ послѣднемъ тѣсномъ смыслѣ, иначе въ ст. 260, о преступленіяхъ противъ иностранныхъ государей, сказано было бы особенно о тѣхъ изъ нихъ, которые по женскому колѣну происходятъ отъ русскаго Императорскаго дома.

Всѣ выраженія 245—248 ст. показываютъ, что въ нихъ говорится только о царствующемъ Государѣ и о находящихся въ живыхъ членахъ Императорскаго дома. Дѣла и свойства умершихъ государей подлежатъ суду исторіи. Конечно, чѣмъ ближе къ намъ по времени умершій государь, тѣмъ болѣе сдержанности и приличія слѣдуетъ наблюдать въ выраженіяхъ уже по одному тому, что онъ близокъ къ царствующему Государю. Въ XVIII столѣтіи у насъ считался преступленіемъ всякій рѣзкій отзывъ даже о давно умершихъ государяхъ; исторія была дѣломъ оффиціальнымъ. Девятый томъ исторіи Карамзина, въ которомъ онъ заклеймилъ царя Ивана Грознаго, былъ громовымъ событіемъ въ исторіи русской литературы. Въ послѣднее время цензурная практика выработала правило о полной свободѣ сужденій о государяхъ до императрицы Елисаветы включительно. Вообще объ этомъ вопросѣ нѣтъ никакихъ указаній въ законодательствѣ; очевидно, что законодатель не дѣлаетъ преступленія изъ сужденій, какъ бы они ни были рѣзки, объ умершихъ государяхъ. Сенатъ призналъ по дѣлу Павленкова, что такого рода печатныя сочиненія должны подлежать уничтоженію. (Суд. Вѣст. 1869 г. № 161).

Практика прежняго времени разсматривала, какъ государственное преступленіе, выдуманные разсказы о заговорахъ. Такъ, въ царствованіе Александра I, поручикъ Шубинъ донесъ, что противъ Государя составленъ заговоръ, что онъ случайно былъ въ средѣ заговорщиковъ, и что одинъ изъ нихъ прострѣлилъ ему руку. Шубинъ сознался, что выдумалъ всю эту исторію, и самъ прострѣлилъ себѣ руку; цѣль Шубина была получить великую награду. Шубинъ былъ приговоренъ къ смертной казни, которая была смягчена государемъ на ссылку на поселеніе.

II. Второе государственное преступленіе — *бунтъ*. Уложеніе опредѣляетъ его слѣдующимъ образомъ: „Возстаніе скопомъ и заговоромъ противъ Государя и государства, а равно и умыселъ ниспровергнуть правительство во всемъ государствѣ или въ нѣкоторой онаго части, или же перемѣнить образъ правленія или установленный законами порядокъ наслѣдія престола, и составленіе на сей конецъ заговора или принятіе уча-

стія въ составленномъ уже для того заговорѣ, или въ дѣйствіяхъ онаго, съ знаніемъ цѣли сихъ дѣйствій, или въ сборѣ, храненіи, или раздачѣ оружія и другихъ приготовленіяхъ..“ (ст. 249). Бунтъ можетъ быть произведеніемъ только многихъ лицъ, что доказываютъ выраженія: „скопомъ и заговоромъ“, „составленіе заговора“. Преступленіе бунта существуетъ вполнѣ, когда было возстаніе или когда только составленъ заговоръ для возстанія. Одинъ голый умыселъ одного человѣка произвести возстаніе составляетъ ли преступленіе бунта? Хотя законъ говоритъ, что подъ бунтомъ разумѣется „и умыселъ ниспровергнуть правительство“, но сейчасъ же къ этому прибавляетъ: „и за составленіе на сей конецъ заговора“, чѣмъ ставитъ эти два выраженія въ тѣсную связь. Это подтверждается еще и тѣмъ, что самое воззваніе къ бунту считается преступленіемъ низшимъ, чѣмъ бунтъ въ собственномъ смыслѣ слова (ст. 251).

Цѣль преступленія подробно опредѣлена закономъ: ниспроверженіе правительства, перемѣна образа правленія, или главнаго основнаго закона—о престолонаслѣдіи.

Сводъ Законовъ опредѣлялъ бунтъ какъ преступленіе, производимое *многими* людьми; а такъ какъ по указу 1818 г. 20 февр. *многими* людьми велѣно считать не менѣе девяти, то и бунтъ требовалъ для бытія своего участія этого числа людей.

За бунтъ полагается—смертная казнь. Подобно, какъ въ преступленіяхъ противъ Величества, и здѣсь подвергаются тому же наказанію, наравнѣ съ главными виновными, и всѣ лица, принимавшія какое либо участіе, а также и недоносители. О недоносителяхъ, впрочемъ, сказано здѣсь нѣсколько различно, чѣмъ въ преступленіяхъ противъ Величества. Именно, здѣсь сказано: „Тѣ, которые, знавъ о таковомъ злоумышленіи и приготовленіи къ приведенію онаго въ дѣйствіе...“; а въ 243 ст. поставлено только одно знаніе о злоумышленіи.

Но 250 ст. дѣлаетъ весьма важное ограниченіе постановленіямъ 249-й ст. Она говоритъ, что если бунтъ былъ захваченъ на одномъ заговорѣ, такъ что не было произведено покушенія къ приведенію плана въ исполненіе, то виновные подвергаются не смертной казни, а каторжной работѣ на 10—12 лѣтъ, смотря по важности предпріятія и степени участія.

Въ ст. 251 и 252 говорится о возбужденіи къ бунту: въ 251 о *явномъ* возбужденіи, въ 252 о *косвенномъ*. За первое положена каторжная работа на 8—10, за второе на 4—6 лѣтъ. Орудіемъ перваго преступленія признана форма письма, печати, слова, изображенія: „Виновные въ составленіи и распространеніи письменныхъ или печатныхъ объявленій, воззваній или же сочиненій или изображеній, съ цѣлью возбудить къ

бунту или явному неповиновенію Власти Верховной...", а во второмъ нѣтъ формы — изображенія: „За составленіе и распространеніе письменныхъ или печатныхъ сочиненій и за произнесеніе публично рѣчей, въ коихъ, хотя и безъ прямаго и явнаго возбужденія къ возстанію противъ Верховной Власти, усиливается оспаривать или подвергать сомнѣнію неприкосновеенность правъ ея, или же дерзостно порицать установленный государственными законами образъ правленія, или порядокъ наслѣдія Престола...". Замѣтимъ, что форма слова обозначена въ первомъ видѣ этого преступленія не въ основной первой части 251 ст., а во второй, гдѣ говорится объ участникахъ преступленія.

Разбирая вопросъ объ участіи въ преступленіи, мы доказывали, что подстрекатели тогда только наказуемы, когда преступленіе къ которому они возбуждали, дѣйствительно совершено. Постановленія о бунтѣ наглядно подтверждаютъ такое толкованіе. Въ 249 ст. сказано что всѣ виновные въ бунтѣ, въ томъ числѣ и подстрекатели, подвергаются смертной казни. Но какъ законодатель хотѣлъ наказать подстрекателей и въ случаѣ неуспѣха ихъ подстрекательства, т. е. когда бунта не произошло, то онъ ввелъ особенное постановленіе, установилъ преступленіе sui generis— голое подстрекательство къ бунту, за которое наказаніе идетъ гораздо меньшее, чѣмъ за дѣйствительное, т. е. сопровождавшееся успѣхомъ, подстрекательство, именно: каторжная работа на 8—10 лѣтъ.

Ст. 252 должна обращать самое серьезное вниманіе законовѣда. Такъ какъ на основаніи ея подвергаются каторжной работѣ виновные *въ разсужденіяхъ*, неимѣющихъ характера яснаго возбужденія возстанія противъ Верховной Власти, слѣдовательно и такіе, которые въ своихъ разсужденіяхъ не вышли изъ идеальной сферы общихъ идей, то всякое слово ея должно быть взвѣшено. Въ ней означено три пункта: a) оспариваніе или подверженіе сомнѣнію неприкосновенности правъ русскаго Государя на тотъ объемъ власти, который принадлежитъ ему въ сферѣ законодательной, правительственной, судебной, церковной. Но общія философскія разсужденія о государственной власти, о ея лучшемъ видѣ и т. под. допускались у насъ даже въ правительственныхъ актахъ, напр. въ Правдѣ Воли Монаршей, въ Наказѣ Екатерины II; b) порицаніе образа правленія и c) порядка наслѣдія престола. Законъ выражается объ этомъ видѣ словами: „*дерзостно* порицать... образъ правленія". Этимъ самымъ онъ достаточно опредѣляетъ качество сочиненія или рѣчи, составляющей государственное преступленіе.

Преступленіе возбужденія къ бунту посредствомъ письма поставлено подъ тѣ же условія, какъ и оскорбленіе Величества (ст. 245), т. е. оно существуетъ только тогда, когда было *распространено:* „составленіе и распространеніе, или одно распространеніе, или участіе въ немъ". Одно

составленіе и участіе въ немъ, безъ распространенія, подвергаетъ виновныхъ заключенію въ крѣпость на время отъ $1^1/_3$—$2^2/_3$ года, или отъ $^2/_3$ до $1^1/_3$ года, смотря по тому, къ которому изъ двухъ разрядовъ принадлежитъ сочиненіе или воззваніе. Одно храненіе подвергаетъ аресту. Но здѣсь нѣтъ той ошибки, которую мы указали въ въ 245 ст., при опредѣленіи наказанія участникамъ. Нѣтъ частицы „или", нѣтъ: „въ составленіи или распространеніи".

Мы видѣли, что въ ст. 251 и 252 говорится о возбужденіи къ бунту посредствомъ распространенія письменныхъ или печатныхъ сочиненій и воззваній и посредствомъ рѣчей *публично*. Этимъ не исчерпывается преступленіе. Въ другомъ раздѣлѣ Уложенія мы находимъ важное дополненіе. Ст. 932 гласитъ: „За распространеніе съ умысломъ имѣющихъ политическую зловредную цѣль, или же явно оскорбительныхъ для верховнаго правительства *слуховъ*, виновные подвергаются наказаніямъ, опредѣленнымъ въ ст. 252 и 274". По 252 ст. слѣдуетъ, какъ видѣли, наказаніе—каторжная работа на 4—6 лѣтъ; въ 274 говорится, какъ увидимъ въ одной изъ слѣдующихъ главъ, о противодѣйствіи властямъ, причемъ и въ самомъ текстѣ ея находится выраженіе „распускать слухи". Такимъ образомъ, съ преступленіемъ возбужденія къ бунту сравнено распространеніе слуховъ, имѣющихъ „зловредную политическую цѣль". Въ 251 и 252 ст. выраженія законодателя опредѣлительны: цѣль преступленія—явное воззваніе къ бунту, или оспариваніе правъ Верховной Власти и т. д. Въ 932 ст. нѣтъ этой конкретной формы: достаточно, чтобы слухи были политическіе, зловредные. Въ 932 ст. выражено „за распространеніе *съ умысломъ*.... слуховъ". Надобно принять, что выраженіе „съ умысломъ" здѣсь означаетъ „съ умысломъ произвести бунтъ или возстаніе противъ властей". Только въ такомъ случаѣ можно согласовать 932 ст. съ постановленіями о бунтѣ.

Нельзя, конечно, отрицать значенія умышленно распространяемыхъ вредныхъ политическихъ слуховъ. Но ихъ значеніе безконечно различно, смотря по обстоятельствамъ: кѣмъ, въ какой средѣ, въ какое время они распущены. Если среди крестьянскаго населенія, неграмотнаго, легковѣрнаго, лишеннаго средствъ провѣрить извѣстіе, лицо чиновное распространяетъ такой слухъ, особенно во времена тревожныя, какъ напр. это было при крестьянской реформѣ, или во время войны и т. под., то такое средство, для возмущенія вполнѣ годное, конечно, гораздо лучше, чѣмъ печать. Перемѣнимъ условія, и дѣло представится совершенно въ другомъ видѣ. Обязанность суда—взвѣсить всѣ эти условія.

Распространеніе слуховъ, неимѣющихъ политическихъ цѣлей, „но возбуждающихъ безпокойство въ умахъ", наказывается арестомъ не свыше 15 дней или денежной пеней до 50 руб. (Мир. Уст. ст. 37). Замѣтимъ

что здѣсь наказуемо только распространеніе *ложныхъ* слуховъ, тогда какъ въ 932 ст. не находимъ этого прилагательнаго.

III. Третье государственное преступленіе—*государственная измѣна*. Самое прилагательное показываетъ, что измѣна есть преступленіе только противъ государства, противъ его интересовъ.

Законъ (ст. 253) подробно исчисляетъ всѣ факты, составляющіе государственную измѣну. Факты эти сгруппированы въ пять разрядовъ; изъ нихъ третій составляетъ спеціальный родъ измѣны — военную измѣну, четвертый и пятый—дипломатическую, два первые—измѣну вообще. За измѣну во всѣхъ этихъ случаяхъ полагается смертная казнь.

Первый видъ измѣны состоитъ въ томъ: „когда кто либо умыслитъ предать государство или какую либо часть онаго другому государю или правительству". Преданіе цѣлаго государства въ руки другаго государя въ настоящее время почти немыслимо; преданіе части государства можетъ быть совершено только въ военное время, потому что твердость началъ международнаго права дѣлаетъ невозможнымъ, чтобы какое либо правительство согласилось воспользоваться измѣной противъ государства, съ которымъ находится въ мирныхъ сношеніяхъ. Притомъ, такого рода измѣна можетъ быть совершена только правителемъ области, или вообще лицомъ, имѣющимъ обширную власть надъ ней. Законъ считаетъ измѣну этого рода полнымъ преступленіемъ, когда существуетъ только одинъ умыселъ: „кто умыслитъ".

Второй видъ измѣны „когда подданный россійскій будетъ возбуждать какую либо иностранную державу къ войнѣ или инымъ непріязненнымъ дѣйствіямъ противъ Россіи, или съ тѣмъ же намѣреніемъ сообщитъ государственныя тайны иностранному правительству". Здѣсь требуется не одинъ голый умыселъ, т. е. сообщеніе своихъ мыслей о томъ, что надобно вооружить противъ Россіи какую либо иностранную державу, а дѣйствительный фактъ—возбужденіе. Такъ, подъ эту статью подходитъ то лицо, которое будетъ возбуждать или иностраннаго государя къ войнѣ противъ Россіи, или чрезъ газеты возбуждать для того же публику, потому что въ государствахъ конситуціонныхъ объявленіе войны въ сущности зависитъ отъ большинства въ палатахъ, т. е. отъ общественнаго мнѣнія. Но если такія газетныя статьи или книги по своему содержанію могутъ возбудить въ иностранныхъ государствахъ ненависть, презрѣніе или ложное опасеніе, то какъ бы ни были безнравственны такіе факты, они не составляютъ измѣны, если въ нихъ нѣтъ прямаго возбужденія къ войнѣ, хотя они и могутъ иногда косвенно вести къ войнѣ.

Сообщеніе государственныхъ тайнъ составляетъ измѣну въ собственномъ смыслѣ слова только тогда, когда цѣль состояла въ возбужденіи къ войнѣ („...или съ тѣмъ же намѣреніемъ сообщитъ государственныя

тайны...“). Если же не было этого намѣренія, то такое преступленіе наказывается по 256 ст., о чемъ увидимъ ниже. Но возбужденіе ненависти или ложнаго опасенія къ Россіи въ иностранныхъ государствахъ, безъ прямаго возбужденія къ войнѣ, не предусмотрѣно Уложеніемъ.

Во второмъ видѣ измѣны субъектомъ преступленія можетъ быть только русскій подданный („когда подданный россійскій будетъ возбуждать...“). Измѣна есть преступленіе политическое, вытекающее изъ нарушенія обязанностей подданнаго къ государству, а не общее, поэтому она и можетъ быть приложена только къ подданному. То самое дѣйствіе, которое для русскаго составляетъ измѣну, для иностранца будетъ актомъ патріотизма. Невозможно даже ставить вопросъ объ отвѣтственности предъ нашими законами иностранца, возбуждавшаго свое отечество къ войнѣ противъ Россіи, хотя бы онъ впослѣдствіи прибылъ въ Россію. Этимъ и отличаются политическія преступленія отъ общихъ — убійства, кражи. Если иностранный подданный, живя въ Россіи, совершитъ дѣйствіе, обозначенное во 2 пунктѣ 253 ст., то онъ также не подлежитъ наказанію: онъ не русскій подданный; вступая въ предѣлы Россіи, онъ не слагаетъ съ себя обязанностей къ своему отечеству, также какъ и русскій, вступая въ иностранную землю. Если бы какимъ нибудь образомъ онъ, напр., узналъ государственную тайну, важную для своего отечества, то открытіе ея—долгъ его. Изъ этого положенія существуетъ исключеніе для тѣхъ иностранцевъ, которые находятся въ русской государственной службѣ, хотя законъ прямо и не говоритъ объ этомъ. Такое исключеніе вытекаетъ изъ присяги, даваемой при вступленіи на службу: жертвовать жизнью для защиты интересовъ государства. Это подтверждается однимъ постановленіемъ отдѣла преступленій по службѣ: чиновникъ за сообщеніе государственныхъ тайнъ иностраннымъ державамъ подвергается наказанію, какъ за измѣну (ст. 425). А подъ чиновниками разумѣются безъ различія и русскіе и иностранные подданные, находящіеся въ классныхъ должностяхъ.

Выраженіе „подданный русскій“ надобно принимать въ томъ смыслѣ, что лицо состояло въ русскомъ подданствѣ въ эпоху совершенія преступленія. Нашъ законъ вообще не признаетъ права экспатріаціи, такъ что, если бы русскій, бѣжавши изъ Россіи, вступилъ въ иностранное подданство, и совершилъ бы противъ Россіи одинъ изъ фактовъ, обозначенныхъ во 2 пунктѣ 253 ст., то къ нему, когда онъ будетъ захваченъ, примѣняется вполнѣ это постановленіе. Въ видѣ исключенія нашъ законъ допускаетъ экспатріацію: 1) иностранецъ, принявшій русское подданство, можетъ сложить его; 2) русская подданная, чрезъ бракъ съ иностранцемъ, вступаетъ въ положеніе своего мужа; 3) по Высочайшему соизволенію иногда бывали освобожденія отъ русскаго подданства; кромѣ отдѣльныхъ случаевъ, въ послѣднее время были увольненія изъ подданства цѣлыхъ

массъ крымскихъ татаръ. Если лицо, бывшее русскимъ подданнымъ, но законнымъ образомъ уволенное и вступившее въ подданство другой державы, совершитъ фактъ, означенный во 2 пунктѣ 253 ст., въ своемъ новомъ отечествѣ или по возвращеніи въ Россію, то оно также не можетъ подлежать дѣйствію этой статьи.

Съ другой стороны, существуетъ случай, когда дѣйствія, обозначенныя подъ военной измѣной, не могутъ быть вмѣнены и русскому подданному. Именно, если одно воюющее государство завладѣетъ частью территоріи другаго, тогда, по началамъ международнаго права, для жителей наступаетъ новое положеніе: они перестаютъ временно быть подданными своего правительства, не дѣлаясь подданными завоевателя. Послѣдній не можетъ производить въ занятой странѣ рекрутскихъ наборовъ и вообще не имѣетъ права требовать отъ жителей того, къ чему обязаны подданные; область сохраняетъ свои общественныя начальства подъ надзоромъ военной власти; жители обязываются къ взносу въ пользу завоевателя контрибуцій, доставки ему фуража и съѣстныхъ припасовъ и т. под. Такія дѣйствія жителей не считаются измѣной. Въ настоящее время война ведется арміями и правительствами, а не всею массою народа. Въ этомъ взаимная выгода: война не ведетъ къ сожженію городовъ и селъ, истребленію запасовъ, плѣну мирныхъ жителей. Но если правительство признаетъ нужнымъ объявить народную войну, издастъ прямое повелѣніе, чтобы всѣ жители приняли въ ней участіе, сжигали бы жилища и удалялись предъ приближеніемъ непріятеля, какъ это было въ 1812 г., тогда занятіе непріятелемъ области не разрываетъ обязанностей жителей къ отечеству. Но подобные случаи — рѣдкая крайность; народная война — послѣднее средство, къ которому государство прибѣгаетъ въ самую крайнюю минуту. Наконецъ, не надобно забывать, что постановленіе о невмѣненіи, когда опасность угрожаетъ жизни, точно также приложимо къ измѣнѣ, какъ и къ другимъ преступленіямъ; слѣдовательно, давшій непріятелю припасы, указавшій ему дорогу и т. под., когда это имъ сдѣлано подъ страхомъ лишенія жизни, не можетъ быть обвиненъ въ измѣнѣ. Мы чтимъ память Сусаниныхъ, какъ героевъ, но это самое и показываетъ, что подвиги такого рода гораздо болѣе, чѣмъ простое исполненіе долга, и что, во всякомъ случаѣ, отсутствіе самопожертвованія не можетъ быть тяжкимъ уголовнымъ преступленіемъ. Законъ уголовный пишется не для героевъ, а для обыкновенныхъ людей.

Третій видъ государственной измѣны—военная, т. е. совершаемая во время войны („Когда... во время войны..."). Въ законѣ исчислено нѣсколько десятковъ способовъ совершенія измѣны этого рода. Общая характеристика ихъ выражена въ началѣ 3-го пункта 253 ст.: „Когда онъ, (подданный россійскій) во время войны будетъ способствовать или благо-

пріятствовать непріятелю въ военныхъ или другихъ враждебныхъ противъ отечества или союзниковъ Россіи дѣйствіяхъ, чрезъ явное въ сихъ дѣйствіяхъ участіе, или же совѣтомъ, открытіемъ тайнъ, или сообщеніемъ какихъ либо свѣдѣній, или будетъ стараться препятствовать успѣхамъ россійскаго оружія или союзниковъ Россіи...". Итакъ, и здѣсь субъектомъ преступленія можетъ быть только русскій подданный. Во время войны, иностранцы—подданные противной стороны, должны выѣхать. Но если они остаются съ дозволенія правительства государства, воюющаго съ ихъ отечествомъ, то они, конечно, подчиняются всѣмъ постановленіямъ объ измѣнѣ, касающимся русскихъ подданныхъ; они тогда находятся внѣ покровительства своего отечества. Какой смыслъ имѣетъ выраженіе „противъ союзниковъ Россіи"? Всѣ державы, не находящіеся въ войнѣ, называются на дипломатическомъ языкѣ союзниками. Разумѣется, здѣсь говорится не объ этихъ союзникахъ, а о союзникахъ ad hoc, ведущихъ съ нами сообща одну войну.

Затѣмъ слѣдуетъ исчисленіе способовъ произведенія военной измѣны. Какъ ни много ихъ исчислено, но, разумѣется, могутъ быть пропуски. Законъ, впрочемъ, и не думаетъ, что всѣ они исчислены; онъ только хотѣлъ указать на главные виды и способы: „*и въ особенности*, если онъ..." Къ этимъ особеннымъ способамъ отнесены: a) сдача непріятелю города, крѣпости, отряда, и т. под.; b) сообщеніе ему плановъ крѣпостей, лагерей, мѣстъ, гдѣ происходятъ военныя дѣйствія, извѣстій о состояніи арміи и ея движеніяхъ и т. под.; c) возмущеніе войскъ и жителей: d) распространеніе непріятельскихъ манифестовъ и изданіе сочиненій, утверждающихъ *мнимыя* права враждебной державы на какую либо область Имперіи; e) доставленіе непріятелю оружія, денегъ, съѣстныхъ и и другихъ припасовъ; f) укрывательство непріятельскихъ отрядовъ и лазутчиковъ и вступленіе въ непріятельскіе шпіоны; наборъ войскъ для непріятеля и вступленіе въ его службу. Относительно второй категоріи надобно замѣтить, что не всякое сообщеніе извѣстій о состояніи арміи подойдетъ подъ измѣну: надобно, чтобы былъ умыселъ оказать вредъ отечеству. Такъ напр., если русскій, будучи захваченъ непріятелемъ, на вопросъ его о числѣ нашихъ войскъ, преувеличитъ ихъ число, чѣмъ внушитъ страхъ врагамъ и заставитъ ихъ отказаться отъ нападенія, то онъ совершаетъ не измѣну, а патріотичиское дѣло. Очень часто и сообщеніе истинныхъ свѣдѣній способно оказать большую пользу, а не вредъ государству: возбудить уныніе и раздоры въ непріятельской арміи. Что касается до доставленія непріятелю съѣстныхъ и другихъ припасовъ, то по нѣкоторымъ законодательствамъ, это дѣйствіе составляетъ измѣну, когда были доставляемы цѣлые транспорты; если же кто либо изъ подданныхъ продалъ бы непріятелю незначительное количество муки или дру-

гихъ припасовъ, изъ желанія получить хорошую прибыль, то здѣсь не видятъ измѣны, а только проступокъ, потому что такая продажа не могла имѣть никакого вліянія на ходъ войны. Тѣмъ болѣе, это не можетъ имѣть мѣста въ томъ случаѣ, когда, по чувству человѣколюбія, кто либо накормитъ, дастъ обувь и т. п. отдѣльнымъ непріятельскимъ солдатамъ. Доставленіе денегъ непріятелю надобно понимать въ томъ смыслѣ, что фонды были доставлены непріятельскому правительству или военному управленію. Сюда слѣдуетъ отнести и подписку на заемъ враждебной державы, принятіе въ уплату ея долговыхъ обязательствъ и т. под., если это дѣлается съ сознаніемъ значенія дѣянія. Какъ бы невелика была денежная сумма, такимъ образомъ внесенная, она, во первыхъ — наноситъ моральный вредъ Россіи, показывая воюющей державѣ, что часть русскихъ равнодушна къ участи отечества, а во вторыхъ—изъ тысячи отдѣльныхъ небольшихъ подписокъ составляется значительная сумма. Но, очевидно, если бы кто либо доставилъ нѣсколько денегъ одному изъ непріятельскихъ воиновъ, съ которымъ былъ лично знакомъ, въ уплату долга, или просто по пріязни, то въ такомъ фактѣ нельзя видѣть страшнаго преступленія измѣны. Вообще во всѣхъ этихъ случаяхъ, для бытія измѣны, кажется, необходимо намѣреніе измѣнническое—принести вредъ отечеству и благопріятствовать непріятельской державѣ, или дѣйствіе вслѣдствіе сношенія и уговора съ непріятельскимъ правительствомъ или его военнымъ начальствомъ, или чтобы количество доставленныхъ предметовъ, хотя бы и не начальству непріятельскому, а отдѣльнымъ лицамъ, напр., фуражирамъ, уничтожало бы сомнѣніе въ сознаніи виновнымъ значенія предпринятаго дѣйствія. Распространеніе непріятельскихъ манифестовъ и объявленій тогда только составляетъ измѣну, когда эти документы были приняты отъ непріятеля, и когда они по содержанію возмутительны: „...принявъ отъ непріятеля возмутительные манифесты или объявленія, будетъ распространять оные въ Россіи или въ областяхъ ея союзниковъ...“. Такъ напр., газеты переводятъ и печатаютъ, слѣдовательно распространяютъ, во время войны всякаго рода манифесты и объявленія непріятельскаго правительства. Въ наше время такого рода гласность въ образованныхъ странахъ не считается опасною. Такое дѣйствіе не можетъ быть подведено, ни по духу, ни по буквѣ, подъ статью объ измѣнѣ. Даже еслибъ такимъ или другимъ образомъ распространенный манифестъ былъ возмутительнаго содержанія, но если онъ не былъ принятъ отъ непріятеля, т. е., если распространеніе не было слѣдствіемъ уговора и сообщества съ непріятелями, то такое дѣйствіе само посебѣ не составляетъ измѣны, если, разумѣется, при этомъ не было цѣли—произвести возмущеніе. Но нельзя сказать того же о пріемѣ отъ непріятеля и распространеніи манифестовъ хотя бы невозмутительнаго содержанія, потому что та-

кое дѣйствіе показываетъ уговоръ съ непріятелемъ, службу ему, благопріятство, т. е. измѣну. Пунктъ 6-й выраженъ въ законѣ словами: „будетъ принимать къ себѣ, сопровождать или укрывать непріятельскихъ лазутчиковъ (шпіоновъ), или отряды ихъ войскъ, посланныхъ для рекогносцированія, или же давать имъ въ чемъ либо помощь, или и самъ сдѣлается непріятельскимъ лазутчикомъ.“ Подъ „непріятельскими лазутчиками“ одинаково разумѣются какъ непріятельскіе подданные, посланные для шпіонства, такъ и русскіе измѣнники, служащіе непріятелю шпіонами. Далѣе, съ укрывательствомъ шпіоновъ сравнено укрывательство отрядовъ, *посланныхъ для рекогносцированія*, потому что назначеніе этихъ отрядовъ то же, что и отдѣльныхъ лазутчиковъ. Но укрывательство нѣсколькихъ непріятельскихъ солдатъ, больныхъ или раненныхъ, или дезертировъ, не подходитъ подъ опредѣленіе этого рода измѣны. Законъ говоритъ какъ объ измѣнѣ о вступленіи въ непріятельскую военную службу: „самъ перейдетъ въ ряды непріятелей, или же, вступивъ въ службу иностранной державы, хотя и прежде разрыва ея съ Россіею, будетъ участвовать въ ея военныхъ противъ Россіи или иныхъ враждебныхъ ей дѣйствіяхъ.“ Здѣсь не говорится о вступленіи въ гражданскую службу непріятеля. Между тѣмъ, хорошій министръ или губернаторъ можетъ оказать непріятельской странѣ несравненно болѣе пользы, чѣмъ тысяча солдатъ. Въ морскомъ муждународномъ правѣ такія лица признаны за военную контрабанду наравнѣ съ солдатами. Нашъ законъ не предусмотрѣлъ этаго факта, который нельзя подвести подъ общую часть 3-го пункта 253 статьи. Мало того, если бы русскій остался въ непріятельской землѣ и не на службѣ тамошняго правительства, а напр. на фабрикѣ, гдѣ изготовляются военные снаряды, аммуниція и т. под. то такой фактъ также слѣдовало бы считать измѣной, хотя опять объ немъ не упомянуто въ законѣ. Во время послѣдней восточной войны, англійское правительство издало особый актъ, по которому объявлены виновными въ измѣнѣ тѣ англійскіе подданные, которые находились механиками на русскихъ заводахъ для изготовленія военныхъ снарядовъ.

Четвертый родъ измѣны — дипломатическій: „когда дипломатическій или иной чиновникъ, уполномоченный на заключеніе трактата съ иностранною державою, употребитъ съ умысломъ сіе довѣріе въ явный вредъ для отечества.“ Хотя въ наше время, при улучшенныхъ путяхъ сообщеній и электрическихъ телеграфахъ, дипломатическіе агенты далеко не получаютъ при заключеніи трактатовъ такихъ полномочій, какъ въ былыя времена—они увѣдомляютъ свое правительство о каждомъ шагѣ переговоровъ и ждутъ разрѣшенія,—но все-таки имѣютъ возможность нарушить интересы своего отечества. Здѣсь говорится только о злостныхъ дѣйствіяхъ дипломатическаго агента при заключеніи трактата. Но и по-

2) другія преступленія противъ него, 3) оскорбленіе дипломатическихъ агентовъ.

Первое преступленіе выражено въ 259 ст.: „Если кто либо изъ россійскихъ подданныхъ въ мирное время нападетъ открытою силою на жителей государствъ сосѣдственныхъ или иныхъ иностранныхъ, и чрезъ то подвергнетъ свое отечество опасности разрыва съ дружественною державою, или по крайней мѣрѣ такому же со стороны подданныхъ сей державы на россійскія области нападенію. . . .“ Наказаніе за это преступленіе — каторжная работа на 8 — 10 лѣтъ.

Мы видѣли, что измѣну въ тѣсномъ смыслѣ слова составляетъ, между прочимъ, возбужденіе иностранной державы къ войнѣ или непріязненнымъ дѣйствіямъ противъ Россіи (ст. 253, п. 2). Какое же дѣйствіе можетъ скорѣе всего возбудить къ войнѣ или репресаліямъ, какъ не нападеніе открытою силою на жителей иностраннаго государства, нарушеніе неприкосновенности территоріи, произведеніе на ней грабежей и насилій? Такое дѣйствіе разсматривается въ важнѣйшихъ иностранныхъ кодексахъ какъ измѣна. Сопоставляя 259 ст. съ 253, мы приходимъ къ тому заключенію, что по 253 ст. требуется непремѣнно прямое намѣреніе возбудить иностранную державу къ войнѣ; а въ 259 ст. разсматривается тотъ случай, когда у нападающаго не было намѣренія возбудить войну: цѣль его была произвести грабежъ или подобное частное преступленіе. Такъ, напримѣръ, въ прошломъ столѣтіи наши разбойники часто грабили персидскія селенія и суда на Каспійскомъ морѣ. Несомнѣнно, что если при такомъ насильственномъ нападеніи будетъ совершено убійство или другое какое либо преступленіе, за которое слѣдуетъ по нашимъ законамъ наказаніе, высшее 8—10 лѣтней каторжной работы, то къ виновнымъ будетъ приложено это, болѣе строгое наказаніе, на основаніи 174 статьи.

Ст. 260: „Въ случаѣ учиненія одного изъ означенныхъ выше сего въ ст. 241, 242, 243, 249, 250 и 253 преступленій противъ иностраннаго государства, съ которымъ, на основаніи трактатовъ, или обнародованныхъ о томъ узаконеній, постановлена надлежащая въ семъ отношеніи взаимность, или же противъ верховной того государства власти, виновные, буде къ сему не присоединяется и преступленіе, подлежащее другому болѣе тяжкому наказанію, приговариваются къ ссылкѣ на житье въ Сибирь; когда же сіе преступленіе учинено съ увеличивающими вину обстоятельствами, то къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе“.

Здѣсь говорится о преступленіяхъ политическихъ—покушеніе на особу иностраннаго государя (241, 242, 243 ст.); но оскорбленія его въ сочиненіяхъ или заочно словами, а также дѣйствія, направленныя противъ членовъ его семейства, не упомянуты въ этой статьѣ. Далѣе, здѣсь озна-

время отъ 4 до 8 мѣсяцевъ." Очевидно, что и въ 256 ст. говорится объ открытіи государственной тайны съ намѣреніемъ, т. е. съ намѣреніемъ оказать услугу иностранному государству во вредъ отечеству.

По 256 ст. поставлено на одну доску сообщеніе плановъ крѣпостей, гаваней и т. под. иностранному государству и опубликованіе ихъ безъ дозволенія правительства. Замѣтимъ, что хотя матеріальный вредъ можетъ быть одинаковъ, но эти два факта могутъ быть весьма неравны въ нравственномъ отношеніи: первый показываетъ прямо волю преступную, направленную въ ущербъ отечеству, словомъ, измѣну, тогда какъ во второмъ ничего этого не видно, а видна только неосмотрительность.

Сношенія съ непріятельскимъ правительствомъ для сообщенія ему полезныхъ для него свѣдѣній составляютъ измѣну въ тѣсномъ смыслѣ слова. Но бытіе тайнымъ агентомъ иностраннаго правительства, состоящаго съ нами въ мирныхъ отношеніяхъ, притомъ когда эта переписка не клонится къ вреду Россіи (иначе это можетъ быть возбужденіемъ къ войнѣ), подвергаетъ виновнаго только заключенію въ смирительномъ домѣ на 4—8 мѣсяцевъ (ст. 257). Если же таковая переписка будетъ не съ правительствомъ, а напр. газетная кореспонденція, то она ненаказуема. Тайная корреспонденція *съ подданными* (а не съ правительствомъ) непріязненныхъ государствъ, „хотя и безъ намѣренія вредить своему отечеству, но однако же столь неосторожно и нескромно, что непріятель можетъ собщаемыми въ сей перепискѣ свѣдѣніями воспользоваться для успѣха своихъ предпріятій противъ Россіи" подвергаетъ виновнаго заключенію въ крѣпости на 4—8 мѣсяцевъ (ст. 258). Во время войны, по общему правилу, прерываются всякія частныя сношенія между подданными воюющихъ державъ. Впрочемъ, въ послѣднее время это постановленіе не соблюдается слишкомъ строго. Такъ напр., нѣкоторыя наши ученыя общества состояли въ сношеніяхъ съ французскими во время послѣдней восточной войны. Связи родственныя, торговыя и другія между подданными различныхъ европейскихъ державъ такъ многочисленны, что совершенный перерывъ письменныхъ сношеній во время войны былъ бы весьма вреденъ. По нашимъ законамъ такая корреспонденція вообще ненаказуема; наказывается она тогда, когда производится тайно и притомъ, когда въ ней будутъ по неосторожности сообщаемы свѣдѣнія, которыми можетъ воспользоваться враждебное правительство, напр. свѣдѣнія о повальныхъ болѣзняхъ, недостаткѣ въ деньгахъ, народномъ ропотѣ на войну и т. под. Извѣстно, какъ много извлекаютъ полководцы изъ захвата частной кореспонденціи, которая описываетъ состояніе непріятельской страны.

Въ одномъ отдѣлѣ съ измѣной изложены и преступленія противъ народнаго права. Сюда отнесено: 1) нападеніе на иностранное государство,

дипломатіи агенты перваго разряда, послы, считаются представителями особы своего государя, но въ оскорбленіи, какъ мы видѣли, они не отличаются отъ другихъ дипломатическихъ агентовъ. Оскорбленіе консуловъ, секретарей и совѣтниковъ посольства, хотя бы сдѣлано было съ цѣлью оказать неуваженіе къ ихъ правительству, составляетъ обыкновенную личную обиду, потому что они не представляютъ своего правительства.

Преступленія государственныя (подъ которыми разумѣются и преступленія противъ народнаго права) отличаются отъ другихъ:

1) По судопроизводству. Еще въ древней Россіи эти преступленія вѣдались особымъ порядкомъ; грозное „слово и дѣло" или „государево великое слово" вело къ раздѣлкѣ въ тайномъ приказѣ, а со временъ Петра В. до Петра III — въ тайныхъ канцеляріяхъ, гдѣ порядокъ судопроизводства былъ такой, что одно имя этихъ учрежденій наводило ужасъ. По Уложенію царя Алексѣя каждый имѣлъ право убить измѣнника. Въ XVII-мъ столѣтіи о бѣжавшихъ или изгнанныхъ важныхъ измѣнникахъ публиковались манифесты съ приглашеніемъ убивать ихъ. Въ настоящее время эти преступленія судятся съ соблюденіемъ общихъ судебныхъ гарантій, напередъ въ законѣ обозначенными судьями, но съ нѣкоторыми измѣненіями отъ общей формы уголовнаго судопроизводства (Уст. Уг. Суд. ст. 1030—1065).

2) По наказаніямъ. За важнѣйшія изъ нихъ существуютъ спеціальныя наказанія — конфискація всего имущества и смертная казнь. Хотя смертная казнь существуетъ и за нѣкоторыя карантинныя преступленія, но только во время чумы, и притомъ при такихъ условіяхъ, что ее можно считать здѣсь скорѣе экстренной мѣрой, чѣмъ регулярнымъ наказаніемъ; какъ послѣднее она существуетъ только за важнѣйшія политическія преступленія.

Постановленіе о конфискаціи выражено въ ст. 283 слѣдующимъ образомъ: „За участіе въ бунтѣ или заговорѣ противъ Верховной Власти или же въ государственной измѣнѣ, въ какомъ бы то ни было изъ означенныхъ выше сего видовъ сихъ преступленій, сверхъ опредѣляемыхъ виновнымъ статьями 269, 272, 277 — 280 и 282 наказаній; въ нѣкоторыхъ особенныхъ обстоятельствахъ и вслѣдствіе особыхъ о томъ постановленій или распоряженій правительства, дѣлаемыхъ повсюду или токмо въ одной какой либо части Имперіи, предъ началомъ войны, или при внутреннихъ смятеніямъ, или же на случай возобновленія или возбужденія оныхъ, полагается и конфискація всего родоваго и благопріобрѣтеннаго виновыхъ имущества, на основаніи устанавливаемыхъ въ то время для сего подробныхъ правилъ".

Изъ самыхъ ссылокъ, заключающихся въ этой статьѣ, слѣдуетъ, что конфискація можетъ быть приложена за бунтъ во всѣхъ случаяхъ и ви-

дахъ. даже и за составленіе и распространеніе сочиненій, колеблющихъ Верховную Власть, но за преступленія противъ Величества, т. е. Государя Императора и членовъ Его Дома только въ томъ случаѣ, когда они состояли въ матеріальныхъ дѣйствіяхъ или покушеніяхъ на нихъ, а не въ распространіи возмутительныхъ сочиненій или въ оскорбительныхъ словахъ, и притомъ когда это было не изолированное преступленіе, а слѣдствіе заговора или самый заговоръ; за измѣну же — только въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. за тотъ видъ ея, за который слѣдуетъ смертная казнь, и притомъ только въ военное время или при смятеніяхъ. Конфискація существуетъ не какъ непремѣнное наказаніе, а какъ законная возможность правительства: оно можетъ объявить ее за государственныя преступленія. Безъ этого спеціальнаго объявленія она не можетъ быть прилагаема. Впрочемъ, такъ какъ во время вооруженнаго бунта область обыкновенно объявляется на военномъ положеніи, то конфискація происходитъ и безъ особыхъ постановленій, на основаніи военно-уголовнаго Свода.

Конфискація была весьма употребительна въ старое время какъ у насъ, такъ и на Западѣ. Въ древней Россіи, при особенномъ характерѣ дворянскаго имущества, вотчинъ и помѣстій, которыя, въ особенности послѣднія, были скорѣе арендой съ обязательствомъ вѣчной службы, чѣмъ полной собственностью, и вообще при слабомъ развитіи принципа собственности, конфискація не представлялась чѣмъ либо выходящимъ изъ ряду. Она употреблялась безпрерывно не только за преступленія государственныя, но и за преступленія по службѣ, и поражала какъ недвижимое, такъ и движимое имущество. Слово конфискація не было извѣстно; вмѣсто него употреблялось: отнять вотчины и помѣстья, отписать на Государя и т. п.; а иногда лѣтописецъ выражается о конфискаціи просто: „и князь великій такого-то пограби". Въ наше время конфискаціи вообще признана вредной: говорятъ, что тяжесть этого наказанія большей частью обрушивается на невинныхъ дѣтей преступника, потому что послѣдній подлежитъ смертной казни или другому тяжкому наказанію, при которомъ не можетъ пользоваться собственностью; далѣе, конфискація колеблетъ принципъ собственности, одного изъ главныхъ камней цивилизаціи: въ тѣхъ странахъ, гдѣ она часто употребляется, трудъ дремлетъ, нѣтъ главнаго двигателя для него; она поражаетъ невинныхъ — жену и дѣтей преступника; наконецъ, и это главное, конфискація бросаетъ неблагопріятную тѣнь на достоинство правительства. Во время господства системы конфискаціи, нѣкоторыя правительства запятнали себя злоупотребленіями; такъ напр. нѣкоторые римскіе императоры взводили чрезъ ложныхъ свидѣтелей политическія преступленія на богатыхъ людей, чтобы воспользоваться ихъ имуществомъ. Въ нѣкоторыхъ государствахъ

она отмѣна вполнѣ, и притомъ отмѣна ея занесена въ конституціонныя хартіи.

Мы видѣли, что у насъ конфискація почти отмѣнена; она оставлена только на случай крайности—обширнаго бунта и заговоровъ, и притомъ когда эти преступленія выразились въ формѣ дѣйствительнаго вооруженнаго возстанія, или когда заговоръ объ измѣнѣ приводится въ дѣйствіе во время войны, — и наконецъ только тогда, когда правительство по обстоятельствамъ найдетъ эту мѣру необходимой. При такихъ ограниченіяхъ нельзя отвергать пользы конфискаціи, какъ крайней мѣры, цѣль которой—побудить, въ особенности людей, пристающихъ къ мятежу изъ временныхъ разсчетовъ или боязни (а такихъ бываетъ всегда большая часть), къ энергическому сопротивленію инсургентамъ. Словомъ, она существуетъ въ нашемъ правѣ какъ военно-политическая мѣра. Въ этомъ видѣ конфискація была употреблена въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ правительствомъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ во время послѣдней междоусобной войны. При этомъ Штатами было сдѣлано изъятіе изъ конфискаціи—собственности малой и средней, потому что тогда бы государство произвело тысячи нищихъ, и притомъ только богатый можетъ существенно способствовать матеріальными средствами мятежу.

У насъ конфискація прилагалась только къ такимъ бунтамъ, которые имѣли характеръ отторженія отъ государства, именно къ бунтамъ въ западныхъ (бывшихъ польскихъ) губерніяхъ. Въ Св. Зак., т. XV, ст. 243, даже и постановлено было, что конфискація употребляется только во время бунта въ губерніяхъ пограничныхъ. Редакторы Уложенія нашли эту статью недостаточной и замѣнили ее вышеприведенной, на слѣдующемъ основаніи: „ . . Выраженіе: губерніи пограничныя—весьма неопредѣлительно, ибо оно можетъ относиться не только къ западному краю Имперіи, но и къ Бессарабіи, и къ Курляндіи, и къ Закавказскимъ областямъ; кажется и справедливѣе и благоразумнѣе принятіе сей чрезвычайной мѣры наказанія предоставить только на случаи чрезвычайные, какъ въ практикѣ было и доселѣ, означивъ съ тѣмъ вмѣстѣ, что конфискація всего имѣнія преступника и въ самыхъ необыкновенныхъ обстоятельствахъ предписывается только за бунтъ или за возстаніе противъ Власти Верховной или же за государственную измѣну."

Впрочемъ, при приложеніи конфискаціи и въ такихъ чрезвычайныхъ случаяхъ бывали смягченія. Въ нынѣшнее царствованіе два раза были издаваемы указы о возвращеніи конфискованныхъ имѣній, которыя окончательно не поступили въ составъ государственныхъ имуществъ.

Переходимъ къ другому наказанію за государственныя преступленія—къ смертной казни.

Смертная казнь занимаетъ первое мѣсто въ лѣстницѣ наказаній. Это

наказаніе стоитъ внѣ общей системы: оно направлено не на свободу, а на жизнь. Это одно обстоятельство заставляетъ останавливаться на ней болѣе, чѣмъ на всякомъ другомъ наказаніи.

Понятно, что особенность и грозность этого наказанія должны были вызвать много противниковъ. И въ самомъ дѣлѣ, едва ли можно найти по какому либо другому вопросу уголовнаго права такую богатую литературу; не только криминалисты, но и публицисты, философы, богословы, поэты, писали объ ней, и писали много и хорошо. Знаменитый юристъ Беккарія первый вооружился въ прошломъ столѣтіи противъ смертной казни. Его сочиненіе произвело сильное впечатлѣніе не только на публику, но и на законодателей, въ томъ числѣ на Екатерину II. Идеи Беккаріи раздѣляетъ въ настоящее время большая часть писателей по уголовному праву. Съ цѣлью ввести ихъ въ сознаніе общества учреждены разныя ассоціаціи, издаются даже спеціальные журналы. Эти усилія сдѣлали то, что въ большей части случаевъ смертая казнь отмѣнена; она осталась только за важнѣйшія преступленія, а у насъ и совсѣмъ отмѣнена за общія преступленія при Елисаветѣ и осталась только: по военному суду, за политическія преступленія, и за нѣкоторыя карантинныя. Въ Англіи она употребляется по закону за большое число случаевъ и, несмотря на частыя прощенія, все-таки производится гораздо чаще, чѣмъ въ остальной Европѣ; во Франціи число случаевъ смертной казни не превышаетъ 50 въ годъ. Но совершенная отмѣна смертной казни не принята ни однимъ западнымъ законодательствомъ. Примѣръ Тосканы, Луизіаны и нѣкоторыхъ мелкихъ германскихъ государствъ, уничтожившихъ смертную казнь, не можетъ служить доказательствомъ того, что безъ нея можно обойтись. Въ небольшихъ государствахъ число великихъ преступленій естественно бываетъ ничтожно—въ нѣсколько лѣтъ одно. Замѣтимъ, что нѣкоторыя американскія государства, уничтожившіи смертную казнь, снова возстановили ее въ послѣднее время. Въ Бельгіи въ послѣднее время случаи смертной казни стали чаще: присяжные, объявлявшіе прежде весьма охотно смягчающія обстоятельства въ нѣкоторыхъ преступленіяхъ, стали скупы на нихъ и даже отказывали въ нихъ въ преступленіи убійства матерью незаконнорожденнаго младенца. Трудно сказать, чтобы состояніе нравственности въ наше время было благопріятно для полной отмѣны смертной казни. Замѣчаютъ на Западѣ, что распространеніе матеріализма, привязывающаго къ животной жизни, неблагопріятно для отмѣны смертной казни. Для юриста-практика споры о смертной казни имѣютъ также интересъ: какъ адвокатъ, онъ можетъ, зная слабыя стороны этого наказанія, дѣйствовать въ пользу своего кліента на совѣсть судей и присяжныхъ; какъ обвинитель, онъ долженъ твердо сознавать причины, по которымъ законодатель удерживаетъ смертную казнь, не

только для защиты закона въ случаѣ надобности, но и для уничтоженія сомнѣнія въ судьяхъ.

Прежде всего замѣтимъ, что этотъ вопросъ далеко не имѣетъ для насъ, русскихъ, того значенія, какое имѣетъ для англичанъ, французовъ и большей части народовъ Европы и Америки. У насъ смертная казнь полагается только за важнѣйшія политическія преступленія и за нѣкоторыя карантинныя во время чумы, слѣдовательно, въ случаяхъ весьма рѣдкихъ; между тѣмъ какъ въ большей части европейскихъ государствъ она полагается и за убійство и за нѣкоторыя другія общія уголовныя преступленія. И тогда какъ у насъ проходятъ часто годы безъ смертной казни, на западѣ она совершается въ большихъ государствахъ по нѣскольку десятковъ разъ въ годъ.

Возраженія противъ смертной казни можно раздѣлить на двѣ главныя группы: 1) одни отрицаютъ самую законность ея, говоря, что она обсолютно несправедлива и что государство не имѣетъ права налагать ея; 2) другіе ограничиваются доказательствами ея нецѣлесообразности, т. е., что она дурное наказаніе, противное здравой уголовной системѣ.

Доводы перваго рода исходили изъ разныхъ системъ—религіозныхъ, политическихъ, юридическихъ, и пускались въ ходъ со временъ Беккаріи, перваго великаго борца противъ смертной казни, смотря потому, какія начала были господствующими въ извѣстное время.

Съ точки зрѣнія религіозной, обыкновенно представляютъ, что жизнь принадлежитъ Богу, что человѣкъ не вправѣ отнимать того, что онъ не далъ и т. под. Эти возраженія не заслуживаютъ особеннаго вниманія. Если справедливо, что жизнь принадлежитъ Богу, что ни одинъ волосъ съ головы человѣка не падаетъ безъ Его воли, то также справедливо, что судъ человѣческій есть отраженіе божьяго суда, что если человѣкъ гибнетъ на плахѣ, то это входило въ планъ Провидѣнія. Если бы государство не имѣло права отнимать жизнь у преступника потому только, что оно ея не дало, то оно не могло бы налагать и всякаго другаго наказанія: оно не дало свободы, какъ же оно можетъ отнять ее, заперевъ въ тюрьму? Слѣдственно, ни одно наказаніе не было бы возможно. Далѣе, по этому аргументу, человѣкъ не въ правѣ убить другаго въ состояніи необходимой обороны; война для защиты отечества была бы также дѣломъ безбожнымъ.

Съ политической точки зрѣнія приводятъ обыкновенно доводъ, вытекающій изъ системы contrat social. По этой системѣ, которая со временъ Руссо сдѣлалась господствующей въ большей части Европы, государство образовалось изъ свободнаго договора людей; договоръ можетъ распространяться только на тѣ предметы, которыми договаривающіяся стороны вправѣ располагать, слѣдовательно не можетъ касаться жизни; что, на-

конецъ, человѣкъ не согласился бы никогда дать другому такого права надъ собою.

Не разбирая здѣсь теоріи contrat social, который, какъ доказано, вовсе никогда не существовалъ, остановимся на послѣдствіяхъ ея относительно смертной казни. Если-бы государство имѣло надъ человѣкомъ только тѣ права, которыя онъ самъ надъ собой имѣетъ, т. е., другими словами, если-бы оно могло налагать только тѣ наказанія, которыя человѣкъ самъ на себя налагалъ бы въ воображаемомъ безгосударственномъ (естественномъ) состояніи, тогда оно не могло бы вовсе наказывать, потому что человѣкъ самъ на себя не наложитъ наказанія; наказаніе иначе и не понимается, какъ дѣйствіе другаго лица надъ преступникомъ. Далѣе, надобно различать человѣка, какъ преступника, отъ человѣка, какъ участника въ законодательствѣ. Если законъ издается всѣмъ народомъ, и будетъ имъ издано постановленіе о смертной казни, то значитъ каждый прямо или косвенно согласился, что въ случаѣ такого-то преступленія онъ долженъ быть лишенъ жизни; если законъ издается не народомъ, то все-таки власть дѣйствуетъ какъ уполномоченная цѣлой страной принимать всѣ необходимыя мѣры для защиты внутренняго порядка; если человѣкъ не уходитъ изъ государства, то этимъ самымъ онъ подписываетъ свое согласіе на всѣ законы, слѣдовательно и на тотъ законъ, которымъ опредѣляется смертная казнь за извѣстныя преступленія. Вообще, ставить предѣлы для власти государства невозможно: эта власть ограничивается только силою вещей, но никогда не было, ни въ монархіяхъ, ни въ республикахъ, постановленія объ ограниченіи верховной государственной власти (т. е. суммы всѣхъ властей). Мы не можемъ понять — по какой это логикѣ государство должно обезоружить себя, объявить себя неимѣющимъ права на высшую мѣру защиты. Оно можетъ найти, что такая мѣра не необходима; но это совсѣмъ иное, чѣмъ объявить, что такую мѣру оно не смѣетъ, не имѣетъ права употреблять.

Вопросъ о смертной казни, взятый въ принципѣ, обусловливается рѣшеніемъ двухъ другихъ: справедлива ли она, т. е. чувство справедливости требуетъ ли ея употребленія? Какъ ни неопредѣленно начало чувства, но кажется несомнѣннымъ, что существуютъ такія злодѣянія, когда всякая непредубѣжденная совѣсть отвѣчаетъ, что смертная казнь за нихъ не составляетъ чрезмѣрнаго, слѣдовательно несправедливаго, наказанія. Другой вопросъ: требуетъ-ли безопасность общества смертной казни? Это вопросъ практическій, разрѣшаемый въ каждомъ государствѣ сообразно состоянію нравовъ и особеннымъ внутреннимъ и внѣшнимъ обстоятельствамъ.

Возраженія противъ цѣлесообразности смертной казни. Эти возраженія гораздо основательнѣе. Говорятъ: 1) *смертная казнь вредна*,

потому что при ней невозможно исправленіе судебной ошибки; 2) *она излишня, потому что и безъ нея государство можетъ избавить общество отъ злодѣя заключеніемъ его въ темницу;* 3) *она вредна, потому что видъ ея развращаетъ народъ, пріучаетъ его къ кровожадности*; 4) *при ней нельзя достигнуть одной изъ важнѣйшихъ цѣлей наказанія: исправленія преступника*; 5) *она по страданію ниже каторжной работы.*

1) Судъ человѣческій можетъ ошибиться: при всей кажущейся несомнѣнности уликъ случается, что невинный приговаривается къ наказанію; если ошибка откроется впослѣдствіи, можно ее исправить, освободивши осужденнаго изъ заключенія и наградивши его. А смертная казнь *безвозвратна.* Поэтому, въ виду возможности ошибки, слѣдуетъ ее отмѣнить. Это возраженіе имѣетъ много справедливаго, но оно все-таки не имѣетъ окончательной силы. Случается, что осужденный въ каторжную работу также оказывается невиннымъ, а между тѣмъ ошибка открывается тогда, когда онъ отъ изнуренія и страданій уже умеръ. Слѣдовательно, и каторжная работа и всякое другое наказаніе могутъ быть безвозвратными. Кромѣ этого случая всякое наказаніе до извѣстной степени безвозвратно: можно выпустить человѣка изъ заключенія, но развѣ можно возвратить ему потерянные годы, разстроенное здоровье, уничтожить претерпѣнныя муки? Слѣдовательно, исходя съ этой точки зрѣнія, слѣдовало бы уничтожить всякое наказаніе, а не одну смертную казнь, т. е. уничтожить всѣ основанія общественнаго порядка. Противъ судебныхъ ошибокъ одно средство—хорошее устройство суда. И дѣйствительно, въ странахъ, гдѣ судъ устроенъ хорошо, случаи наказанія невинныхъ, особенно смертной казнью, составляютъ величайшую рѣдкость, подобно чрезвычайнымъ явленіямъ природы. Чѣмъ тяжелѣе преступленіе, въ которомъ человѣкъ обвиняется и, слѣдовательно, чѣмъ тяжелѣе наказаніе, тѣмъ съ большей осмотрительностью и осторожностью долженъ поступать судъ. Наконецъ, уничтоженіе смертной казни только на томъ основаніи, что возможна судебная ошибка, совершенно не логично. Ошибка возможна, т. е. вы не убѣждены, что человѣкъ вполнѣ виновенъ и по этому предлагаете вмѣсто смертной казни—каторжную работу; но какое же вы имѣете право налагать каторжную работу, когда вы не убѣждены вполнѣ въ виновности?

2) Если бы цѣль наказанія была обезопасить общество отъ извѣстнаго, опредѣленнаго преступника, тогда, конечно, смертная казнь не нужна; не нужна и каторжная работа и всякое тяжелое заключеніе; достаточно было-бы подвергнуть преступника изгнанію или поселить его въ какомъ нибудь уединенномъ мѣстѣ, откуда бы возвращеніе было ему отрѣзано. Но это составляетъ очевидную нелѣпость для самаго простаго ума. Цѣль наказанія—обезопасить общество не отъ такого-то убійцы, а отъ убійства

вообще. Если убійца можетъ жить спокойно и привольно, тогда убійства будутъ самымъ обыкновеннымъ явленіемъ. Практика доказываетъ, что преступники очень хорошо думаютъ о послѣдствіяхъ преступленія, и смертная казнь заставляетъ ихъ останавливаться предъ важнѣйшими преступленіями. Съ наказаніемъ неразлучна идея о страданіи — это требованіе совѣсти человѣческой, которое раздѣляетъ и самъ преступникъ. Случается что лица, на которыхъ не падало подозрѣніе, являются, сознаются въ преступленіи и требуютъ себѣ наказанія. Чѣмъ сильнѣе преступленіе, тѣмъ сильнѣе должно быть страданіе—это есть требованіе совѣсти.

3) Видъ смертной казни дѣйствительно развращаетъ народъ. Самое тяжкое преступленіе есть убійство. Надобно поэтому отучать, а не пріучать людей къ зрѣлищу крови. У человѣка есть множество животныхъ чувствъ и самое страшное изъ нихъ—жажда крови, которая можетъ развиться до того, что люди находятъ наслажденіе въ терзаніи другаго. Въ древнемъ Римѣ звѣринныя травли пріучили народъ къ тому, что онъ находилъ наслажденіе въ бояхъ на смерть гладіаторовъ, въ киданіи на съѣденіе звѣрямъ христіанъ. Замѣчаютъ и теперь, что на смертныя казни сходится множество народа, даже нервныхъ женщинъ, какъ на интересное зрѣлище. Послѣдствія бываютъ тѣ, что государство пріучаетъ людей къ операціи убійства, производитъ загрубѣніе чувствъ, а у другихъ, болѣе чувствительныхъ, возбуждаетъ сожалѣніе къ преступнику, вредное чувство — что законъ суровъ и безчеловѣченъ.—Это возраженіе самое вѣское. Но замѣтимъ, что всѣ указанныя здѣсь вредныя послѣдствія смертной казни только тогда бываютъ, когда смертная казнь совершается *часто.*

4) Нельзя сказать, чтобъ смертная казнь уничтожала возможность исправленія. Можетъ быть она даже больше способствуетъ къ нему, чѣмъ каторжная работа. Осужденному вседа дается нѣсколько дней и даже недѣль для примиренія своего съ совѣстью. И очень рѣдки случаи, когда преступникъ остается до конца ожесточеннымъ. Перспектива страшной катастрофы, мысль, что для него все оканчивается въ жизни, ведутъ его къ размышленію о прежней жизни, къ религіознымъ чувствамъ и обѣтованіямъ, и онъ почти всегда является на казнь очищеннымъ.

5) Совершенно несправедливо, что смертная казнь не есть величайшее наказаніе, будто бы ниже каторжной работы. Это мнѣніе было впервые высказано Беккаріей. Онъ говоритъ, что смертная казнь — одна минута страданія, тогда какъ каторжная работа — страданіе многихъ лѣтъ и даже вѣчное. Еслибъ это было такъ, то почему же осужденный на смерть обыкновенно считаетъ величайшей милостью, когда ему смягчается смертная казнь на каторжную работу?

Это ошибочное мнѣніе произошло отъ того, что въ смертной казни

видѣли только внезапное лишеніе жизни. Но въ смертной казни есть и нѣчто другое. Не даромъ осужденные на смертную казнь прибѣгаютъ къ самоубійству, и за ними обыкновенно внимательно наблюдаютъ. Въ смертной казни самое страшное — *агонія*. Время, отъ той минуты, когда преступника начинаютъ одѣвать, чтобы везти на казнь, до совершенія казни — ужасное, самое мучительное. Самыя крѣпкія натуры ослабѣваютъ, дрожатъ. Самый проѣздъ въ позорной колесницѣ, выставка на позоръ народу, минуты совершенія казни: восхожденіе на эшафотъ, трели барабана, слова команды (при разстрѣляніи)—все это производитъ ужаснѣйшее мученіе. Такъ что смертная казнь справедливо признается страшнымъ наказаніемъ.

Изъ всего сказаннаго мы выводимъ слѣдующее заключеніе: смертная казнь—самое мучительное наказаніе и надобно желать, чтобы оно было отмѣнено. Но эта отмѣна возможна только тогда, когда она совмѣстима съ безопасностью общества. Если въ обществѣ находятся чудовищные злодѣи, злодѣи неисправимые, совершающіе такія преступленія, отъ которыхъ волосы становятся дыбомъ, если находятся люди, которымъ нипочемъ каторжная работа, то смертная казнь должна остаться, какъ печальная необходимость. Оттого она и осталась въ самыхъ просвѣщенныхъ законодательствахъ—французскомъ, германскомъ, итальянскомъ. Во Франціи до 1832 г. смертная казнь полагалась за разныя преступленія: убійство, фальшивую монету, бунтъ, заговоръ противъ государства и пр. Съ тѣхъ поръ она осталась только за убійство и то только за важнѣйшій родъ его, именно за убійство съ обдуманнымъ намѣреніемъ и отцеубійство. Притомъ же надобно замѣтить, что изъ десяти преступниковъ послѣдняго рода, едва два или три въ дѣйствительности подвергаются смертной казни: если находится хотя что нибудь въ ихъ пользу, напримѣръ, раскаянье, прежняя хорошая жизнь, страданія отъ нищеты, то присяжные даютъ смягчающія обстоятельства, вслѣдствіе чего смертная казнь замѣняется каторжной работой. Нѣкоторые французскіе юристы полагаютъ, что въ ихъ отечествѣ можно въ настоящее время ограничить смертную казнь еще меньшимъ числомъ случаевъ, напримѣръ, отцеубійствомъ, повтореннымъ убійствомъ, убійствомъ цѣлой массы людей и другими чудовищными случаями. Все это зависитъ отъ состоянія народной нравственности. Словомъ, вопросъ о смертной казни есть вопросъ *практическій*.

Въ Россіи смертная казнь была отмѣнена императрицей Елисаветой. Кажется, это доказываетъ, что безъ смертной казни государство можетъ обойтись. Но если мы внимательно разсмотримъ дѣло, то увидимъ, что именно наша исторія наказаній не доказываетъ этого. У насъ вмѣсто смертной казни употреблялась каторжная работа, сопровождаемая на-

казаніемъ кнутомъ (или впослѣдствіи плетьми). Число ударовъ было велико, а до Александра I оно даже не опредѣлялось: „били нещадно". Князь Щербатовъ, писатель временъ Елисаветы и Екатерины II, говоритъ справедливо: у насъ отмѣненъ только легкій видъ смертной казни, состоящій въ повѣшеніи или обезглавленьи, а самый тяжкій—засѣченіе, оставленъ. Въ послѣдующее время многіе также не переносили наказанія плетьми. Слѣдовательно, смертная казнь для многихъ существовала. Далѣе, неоднократно предавали за тяжкія преступленія лицъ гражданскаго вѣдомства военному суду; въ царствованіе Императора Николая шайки поджигателей повелѣно всегда предавать военному суду, который опредѣлялъ наказаніе палками въ такомъ количествѣ, что это было прямое засѣченіе. Въ 1862 г. повелѣно судить поджигателей военнымъ судомъ по полевому уложенію, слѣдовательно, предавать смертной казни разстрѣляніемъ, чему и было нѣсколько примѣровъ. Постановленіе это отмѣнено въ 1867 г., когда поджоги потеряли политическій характеръ. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ весьма нерѣдки были случаи преданія полевому суду и смертной казни и за другія преступленія, выдѣлявшіяся изъ ряду по жестокости и дерзости. Наконецъ, если ожесточенные и загрубѣлые злодѣи выдерживали плети, то нельзя сказать, чтобъ каторжная работа предохраняла общество: они совершали снова преступленія, бѣгали изъ рудниковъ и наводили ужасъ на окрестность.

Смертная казнь не противна ни требованіямъ справедливости, ни требованіямъ общественной безопасности. Наше законодательство пошло въ вопросѣ о смертной казни далѣе почти всѣхъ другихъ, отмѣнивши ее даже за предумышленное убійство, отцеубійство, сожженіе городовъ и селеній и тому подоб. потрясающія преступленія. Оно сохранило ее, какъ мы говорили, только за важнѣйшіе виды политическихъ преступленій и нарушеніе карантинныхъ правилъ во время чумы. Оно пошло такъ далеко, что даже и каторжные, даже безсрочные, за совершеніе новыхъ убійствъ не казнятся смертью. Но вмѣсто того имъ дается даже до 6000 ударовъ шпицрутенами палками и они на нѣсколько лѣтъ приковываются къ тачкѣ или къ стѣнѣ.

Съ введеніемъ въ повсемѣстное дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ 1864 года, отдача подъ военный судъ лицъ гражданскаго вѣдомства не будетъ имѣть болѣе мѣста, кромѣ того случая, когда извѣстная область будетъ объявлена на военномъ положеніи. Съ тѣмъ вмѣстѣ и смертная казнь не будетъ болѣе поражать въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ она не положена Уложеніемъ. Итакъ, только въ будущемъ намъ открывается возможность показать Европѣ, что общество можетъ обойтись безъ смертной казни за величайшія злодѣянія. Когда смертная казнь будетъ уничтожена вслѣдствіе того, что развитіе общества сдѣлаетъ каторжную ра-

боту достаточно грознымъ наказаніемъ за величайшія преступленія, это будетъ явленіемъ самымъ отраднымъ.

Смертная казнь, какъ мы видѣли, осталась у насъ почти исключительно за политическія преступленія, между тѣмъ, употребленіе ея оспаривается преимущественно за эти преступленія. Такъ, французское законодательство, оставивши смертную казнь за предумышленное убійство, отмѣнило ее въ 1848 г. за политическія преступленія, впрочемъ такія, которыя не соединены съ общимъ преступленіемъ. Эта отмѣна основана на нѣкоторыхъ общихъ соображеніяхъ и на частностяхъ положенія французскаго общества. Говорятъ, что страсти здѣсь другаго, высшаго разряда, чѣмъ въ тяжкихъ преступленіяхъ противъ личности; нельзя отрицать, что часто лица, участвующія въ вооруженномъ востаніи, руководятся, хотя и ложно понятымъ, но все таки чувствомъ патріотизма, желаніемъ блага отечеству. Гизо, въ своемъ знаменитомъ сочиненіи о смертной казни, замѣчаетъ, что въ наше время она въ политическихъ преступленіяхъ не вынуждается необходимостью, потому что теперь, не такъ какъ въ прежнее время, нельзя казнью предводителя убить политическую партію:: партіи живутъ своими принципами, предводитель всегда найдется въ данное время. Во Франціи, къ этому присоединяется еще частая смѣна правительствъ, вооруженная борьба политическихъ партій со временъ революціи 1789 года, борьба, которая не могла развить слишкомъ сильно чувство политической законности, и, наконецъ, самое начало народной воли, признаваемое верховнымъ закономъ.

Въ этихъ доводахъ есть много справедливаго. Замѣтимъ, что Екатерина II пришла къ результату, совершенно противоположному тому, который вывелъ Гизо, именно вслѣдствіе различія состоянія общества въ ея время отъ современнаго французскаго. Въ ея время партіи именно сосредоточивались въ какомъ нибудь лицѣ—незаконномъ искателѣ престола. Поэтому она въ своемъ Наказѣ предполагаетъ оставить смертную казнь только за политическія преступленія на томъ основаніи, что сохраненіе въ живыхъ предводителя возстанія не прекратитъ волненія: приверженцы его будутъ изыскивать средства къ его освобожденію, будутъ дѣйствовать, пока знамя существуетъ. Англійскіе криминалисты несогласны видѣть въ большей высотѣ страстей причину отмѣны смертной казни за политическія преступленія, на томъ основаніи, что ихъ послѣдствія несравненно бѣдственнѣе для государства всякаго обыкновеннаго преступленія. Наконецъ, замѣтимъ, что у насъ въ новое время постановленія о бунтѣ и нѣкоторыхъ другихъ политическихъ преступленіяхъ никогда не прилагались буквально: смертная казнь постигала только главнѣйшихъ виновныхъ, предводителей вооруженнаго возстанія, и т. под. Такъ напр., во время послѣдняго вооруженнаго мятежа въ западныхъ губерніяхъ

смертной казни подверглось нѣсколько десятковъ лицъ, тогда какъ въ бунтѣ участвовали тысячи. Это, впрочемъ, составляетъ не только требованіе человѣколюбія, но и политическую необходимость.

Смертная казнь бываетъ двухъ видовъ: 1) простая: повѣшеніе, отрубленіе головы, разстрѣляніе; 2) квалифицированная: сожженіе, четвертованіе, колесованіе, залитіе горла, разорваніе лошадьми, распятіе и проч. Квалифицированная смертная казнь нигдѣ не употребляется въ настоящее время; она была въ общемъ ходу не только во времена варварства, но и въ XVIII вѣкѣ. Сожженіе употреблялось еще въ концѣ XVIII вѣка; страшная казнь Даміена произошла во времена Людовика XV, среди высокаго развитія образованія во Франціи. У насъ не только въ древней Россіи, но и въ новой, до временъ Елизаветы, особенно при Петрѣ I, были въ общемъ употребленіи колесованіе и другія мучительныя казни. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы по буквѣ закона квалифицированная казнь вовсе была отмѣнена у насъ, Законъ говоритъ, что „виды смертной казни опредѣляются судомъ въ его приговорѣ“ (ст. 18), предоставляя слѣдственно видъ казни усмотрѣнію суда. Въ приговорѣ верховнаго уголовнаго суда 1825 г. надъ декабристами, нѣкоторымъ изъ нихъ назначено было четвертованіе, смягченное Государемъ на простую смертную казнь.

Квалифицированная смертная казнь противна чувству справедливости. „Всякое наказаніе, говоритъ Императрица Екатерина II въ Наказѣ, которое не по необходимости налагается, есть тираническое“. Государство можетъ чувствовать необходимость—лишать жизни нѣкоторыхъ преступниковъ. Но какая необходимость терзать ихъ? При современныхъ нравахъ общества, одна мысль объ квалифицированной казни возбуждаетъ содраганіе.

Изъ видовъ простой смертной казни, разстрѣляніе вездѣ употребляется надъ военными; повѣшеніе—единственный видъ смертной казни въ Англіи и Сѣверной Америкѣ; обезглавленье посредствомъ машины (гильотинированіе, изобрѣтенное докторомъ Гильотеномъ въ концѣ прошлаго столѣтія) употребляется во Франціи. У насъ употребляются разстрѣляніе и повѣшеніе; отрубленіе головы, часто употреблявшееся въ прежнее время, теперь оставлено. Изъ двухъ этихъ видовъ, повѣшеніе считается болѣе мучительнымъ и болѣе позорнымъ. Послѣднее обстоятельство приписывается ему по историческимъ и религіознымъ преданіямъ: въ средніе вѣка простолюдиновъ вѣшали, а дворянамъ рубили головы; по Моисееву закону повѣшеніе—проклятая казнь. Во время послѣдняго мятежа въ западныхъ губерніяхъ повѣшеніе опредѣлялось болѣе виновнымъ, а разстрѣляніе менѣе виновнымъ.

ГЛАВА XV.

ПРЕСТУПЛЕНІЯ ПРОТИВЪ УПРАВЛЕНІЯ.

Виды и общее значеніе этихъ преступленій. I. *Возстаніе противъ властей и сопротивленіе.* Что разумѣется потъ властями въ Уложеніи. Значеніе термина «чиновникъ при отправленіи должности». Мнѣніе о законности сопротивленія въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Степени преступленія возстанія. Особенная легкость въ наказаніи сообщниковъ и покушенія. II. *Оскорбленіе властей.* Неуваженіе къ власти. Поруганіе монументовъ. III. *Самовольное присвоеніе власти.* Составленіе фальшивыхъ правительственныхъ бумагъ. Подделка печатей. IV. *Похищеніе бумагъ* и *вещей изъ присутственныхъ мѣстъ* V. *Взломъ тюремъ.* Важное различіе одиночнаго дѣйствія отъ общаго. Укрывательство бѣжавшихъ изъ заключенія или изъ ссылки. VI. *Тайныя общества* и вообще противозаконныя сообщества. Существенное условіе противозаконнаго сообщества. Злонамѣренныя *шайки.* VII. *Оставленіе отечества.* Историческій характеръ этого преступленія. Фактическія ограниченія его. Вопросъ объ экспатріаціи.

Подъ общимъ названіемъ преступленій *противъ порядка управленія* въ IV раздѣлѣ Уложенія заключаются преступленія политическаго характера и притомъ весьма разнообразныя, именно: 1) возстаніе противъ властей, сопротивленіе имъ, 2) оскорбленіе ихъ, 3) присвоеніе власти, 4) похищеніе правительственныхъ бумагъ, 5) взломъ тюремъ, 6) составленіе тайныхъ обществъ, 7) недозволенное оставленіе отечества. Къ двумъ послѣднимъ весьма мало идетъ названіе преступленій противъ порядка управленія.

Сравнивая этотъ раздѣлъ съ преступленіями государственными, мы находимъ, что это также преступленія политическаго характера, но меньшей важности. Такъ, возстаніе противъ властей соотвѣтствуетъ бунту съ тою разницей, что бунтъ направленъ къ потрясенію государства, къ измѣненію формы правленія, непосредственно противъ верховной власти, а возстаніе противъ властей не имѣетъ этого характера; незаконное

оставленіе отечества соотвѣтствуетъ измѣнѣ, оскорбленіе властей—оскорбленію Величества.

I. Возстаніе противъ властей и сопротивленіе имъ. Ст. 262. „Всякій явно и упорно неповинующійся или сопротивляющійся какой либо власти, правительствомъ установленной, подвергается за сіе, смотря по свойству и важности сего неповиновенія или сопротивленія, наказаніямъ въ нижеслѣдующихъ статьяхъ опредѣленнымъ". Прежде разбора этихъ различныхъ свойствъ сопротивленія или неповиновенія, намъ надобно установить твердое понятіе о сущности этого преступленія.

Сопротивленіе, чтобы быть преступленіемъ, должно быть направлено противъ власти, *правительствомъ установленной.* Это понятіе, въ сущности простое, въ нашемъ правѣ далеко не ясно. У насъ существуютъ, кромѣ общихъ для всѣхъ жителей властей, различныя сословныя начальства, напр. выборныя крестьянскія волостныя и сельскія власти. Законъ счелъ необходимымъ (ст. 267) именно обозначить, что возстаніемъ противъ властей, правительствомъ установленныхъ, почитается и „всякое возмущеніе крестьянъ противъ волостныхъ и общественныхъ управленій". Слѣдовательно только движеніе *крестьянъ* противъ этихъ управленій будетъ возстаніемъ, но не лицъ другихъ классовъ; послѣдній случай, хотя рѣдкій, но все-таки возможный. Эта мысль законодателя подтверждается еще тѣмъ, что до послѣдняго времени (до 1865 г.) оскорбленіе должностныхъ лицъ крестьянскихъ управленій было особеннымъ преступленіемъ—противъ порядка управленія только тогда, когда совершалось крестьянами, а если лицами другихъ сословій, то разсматривалось какъ проступокъ противъ частнаго лица. Далѣе, въ духовномъ вѣдомствѣ существуютъ свои власти для одного сословія духовенства, каковы: настоятели монастырей, благочинные. Въ древнее время въ Россіи бывали возстанія крестьянъ, приписныхъ къ монастырямъ, противъ настоятелей; бывали возстанія горожанъ противъ архіерейскихъ *десятильниковъ.* Теперь духовенство не имѣетъ полицейской власти надъ мірянами, поэтому такія возстанія невозможны; но возможны возстанія монаховъ противъ настоятеля; возможны оскорбленія духовныхъ властей мірянами. Мы полагаемъ, что такое оскорбленіе нельзя подвести подъ оскорбленіе властей. Впрочемъ, архіереи и консисторіи—это дѣйствительныя власти, потому что по различнымъ дѣламъ они вѣдаютъ и мірянъ. Сюда же относятся и консисторіи иностранныхъ исповѣданій, и магометанскія духовныя правленія,—это присутственныя мѣста со всѣми аттрибутами.

При существованіи крѣпостнаго права, возстаніе крестьянъ противъ помѣщиковъ сравнено было съ возстаніемъ противъ властей, правительствомъ установленныхъ. Положеніе о крестьянахъ измѣнило это постановленіе; въ примѣчаніи къ 262 ст. сказано: „Общимъ положеніемъ о крестья-

нахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, повѣлено подвергать суду и наказаніямъ на основаніи сей 262 ст. тѣхъ, кои будутъ изобличены *въ возбужденіи* крестьянъ къ неисполненію обязанностей, возложенныхъ на нихъ означеннымъ положеніемъ." Итакъ, только возбудители подводятся подъ постановленіе о возстаніи; сами же крестьяне, возбужденные къ неисполненію этихъ обязанностей, подлежатъ дѣйствію общихъ гражданскихъ постановленій о неисполненіи условій договора. Причина этой строгости закона къ возбудителямъ заключается въ великой общественной опасности и въ политическомъ характерѣ такого возбужденія массы, тогда только что вышедшей изъ крѣпостнаго состоянія и до 1870 г. еще находившейся въ переходномъ положеніи къ полной свободѣ; цѣль и результаты такого возбужденія—произвести раздоры и волненія въ средѣ народныхъ массъ, поставить одно сословіе противъ другаго. Законъ ничего не говоритъ о возбужденіи напр. наемщиковъ квартиръ къ неплатежу домохозяевамъ денегъ, въ первыхъ потому, что наемщики цѣлаго города не составляютъ между собою одного плотнаго класса, подобно крестьянамъ, гдѣ рѣшимость нѣсколькихъ можетъ поколебать и увлечь тысячи, поставить судъ и полицію въ физическую невозможность приводить въ исполненіе постановленія о взысканіяхъ платы, а во вторыхъ—такія движенія у насъ никогда не существовали, тогда какъ уплата крестьянами денегъ или выполненіе повинностей владѣльцамъ земель, вслѣдствіе различныхъ причинъ, представлялись крестьянамъ не какъ гражданское отношеніе, а какъ государственная тягость, слѣдовательно люди безпорядка не лишены въ этомъ отношеніи надежды на нѣкоторый успѣхъ при возбужденіи.

Наравнѣ съ правительственною властью поставленъ начальникъ купеческаго корабля относительно матросовъ и другихъ лицъ, находящихся на кораблѣ. Купеческій корабль имѣетъ флагъ, слѣдовательно считается до извѣстной степени принадлежностью государства; въ открытомъ морѣ онъ считается частью его территоріи, и капитанъ его имѣетъ полицейскую и даже судебную власть надъ экипажемъ; капитанъ лицо патентованное, какъ бы правительственное. Ст. 1262 говоритъ: „Корабельные служители и водоходцы и вообще лица, находящіяся на купеческомъ кораблѣ, которыя, возставъ противъ корабельщика, лишать его управленія надъ кораблемъ и овладѣютъ онымъ, или же принудятъ корабельщика къ какому либо дѣйствію, требуя, чтобы онъ увеличилъ отпускаемыя или же отпускалъ лишнія порціи, или же перемѣнилъ путь безъ необходимости и законной причины, или вошелъ въ пристань, или зашелъ къ берегу и тому подобное,—подвергаются за сіе, каждый по мѣрѣ принятаго въ томъ участія... наказаніямъ, опредѣленнымъ за возстаніе противъ властей, правительствомъ установленныхъ." Всѣ выраженія этой статьи показываютъ,

что здѣсь идетъ дѣло о возстаніи противъ капитана въ открытомъ морѣ или, по крайней мѣрѣ, вообще во время плаванія, но едва ли это приложимо къ такому возстанію въ гавани или на берегу. Притомъ это постановленіе относится только къ морскимъ судамъ, а не къ рѣчнымъ, такъ какъ оно заключается въ отдѣлѣ о нарушеніи постановленій о торговомъ *мореплаваніи*. Другой случай приравненія сопротивленія частнымъ лицамъ къ возстанію означенъ въ ст. 618: рабочіе при частныхъ золотыхъ, серебряныхъ и платиновыхъ промыслахъ на казенныхъ земляхъ за явное неповиновеніе хозяину, повѣренному его или прикащику, оказанное цѣлою артелью подвергаются наказанію, какъ за возстаніе или сопротивленіе законной власти. Это постановленіе нѣсколько объясняется тѣмъ, что у насъ горные заводчики прежде считались чѣмъ то въ родѣ феодальныхъ владѣтелей; они и теперь имѣютъ право, котораго никакому другому лицу не дано—держать собственные вооруженные отряды казаковъ. Къ этому надобно присоединить громадныя разстоянія, отдѣляющія въ Сибири кочевыя артели на пріискахъ отъ мѣстныхъ властей. Замѣтимъ, что законъ здѣсь требуетъ, во первыхъ, возстанія *цѣлою артелью*, а не нѣсколькихъ рабочихъ, а во вторыхъ, чтобы это возстаніе было произведено на пріискахъ, находящихся на *казенныхъ* земляхъ. Послѣднее условіе показываетъ, что интересъ казны руководилъ законодателемъ.

Что касается до состава власти, то она у насъ бываетъ коллегіальная и одноличная; всѣ власти чисто исполнительныя—одноличныя, поэтому возстаніе и сопротивленіе преимущественно бываютъ противъ послѣдняго рода властей. Уложеніе разумѣетъ одноличную власть подъ общимъ названіемъ власти, правительствомъ установленной, а когда говоритъ о ней отдѣльно, то выражается: „чиновникъ при отправленіи должности.“ Въ сопротивленіи власти есть одинъ случай, гдѣ, какъ мы увидимъ, спеціально указанъ „чиновникъ при отправленіи должности,“ а въ оскорбленіи различено оскорбленіе чиновника при отправленіи должности отъ оскорбленія присутственнаго мѣста (коллегіи). По этому необходимо опредѣлить здѣсь смыслъ этого термина. Чиновникомъ и въ законахъ о состояніяхъ, и во всѣхъ другихъ постановленіяхъ называется лицо, имѣющее одинъ изъ классныхъ чиновъ по табели о рангахъ. Въ томъ ли именно смыслѣ разумѣетъ это слово Уложеніе въ преступленіяхъ возстанія, оскорбленія правительственныхъ лицъ, преступленіяхъ по службѣ? И при прежнихъ порядкахъ классныя должности могли быть занимаемы лицами, неимѣющими перваго офицерскаго чина, но по происхожденію и образованію имѣвшими право вступленія въ государственную службу. Становой приставъ, квартальный надзиратель—лица имѣющія исполнисельную власть и безпрерывныя столкновенія съ народомъ, могли и не имѣть чина. Въ настоящее время судебные пристава, мировые судьи также могутъ быть изъ

лицъ, не только не имѣющихъ чиновъ, но и податнаго званія. Очевидно что законъ разумѣлъ подъ словомъ чиновникъ — лицъ, состоящихъ въ классныхъ должностяхъ. Иначе законъ не покрывалъ бы тѣхъ, которые чаще всего нуждаются въ его защитѣ, которымъ ввѣрены значительные общественные интересы. Распространяется ли понятіе — чиновникъ, и на тѣ должности, которыя соединены съ властью, но не поставлены въ классѣ? Таковы, напр., должности членовъ земскихъ управъ. Сопротивленіе члену управы или оскорбленіе его при отправленіи должности составитъ ли преступленіе, совершенное надъ „чиновникомъ при отправленіи должности." Такъ какъ законъ (ст. 288) различаетъ волостныхъ старшинъ въ этомъ отношеніи отъ чиновниковъ даже и въ томъ случаѣ, когда оскорбленія нанесены имъ крестьянами, то едва ли возможенъ утвердительный отвѣтъ. Но возстаніе противъ всей земской управы и сопротивленіе ей составляютъ несомнѣнно сопротивленіе власти, потому что, на основаніи Положенія о земскихъ учрежденіяхъ, управы сравнены съ присутственными мѣстами. — Лица низшихъ званій, находящіяся на службѣ правительства, не охраняются одинаково съ чиновниками. Такъ, ослушаніе полицейскимъ служителямъ и оскорбленіе ихъ, а также полевымъ и лѣснымъ сторожамъ наказывается по Миров. Уст. (ст. 31, 142), денежнымъ штрафомъ или арестомъ.

Но если понятіе о „чиновникѣ при отправленіи должности" съ одной стороны должно расширяться за предѣлы табели о рангахъ, съ другой стороны оно должно сокращаться; такъ напр. чиновникъ, т. е. лицо, имѣющее классный чинъ, часто занимаетъ не классную должность — писца въ присутственномъ мѣстѣ, волостнаго писаря и т. под. Оскорбленіе такого лица при отправленіи служебныхъ обязанностей не будетъ оскорбленіемъ чиновника при отправленіи должности, препятствіе ему отправлять должность не будетъ сопротивленіемъ власти. Въ преступленіяхъ возстанія, сопротивленія законнымъ дѣйствіямъ, оскорбленія при отправленіи должности законъ имѣетъ въ виду поразить колебаніе достоинства правительства, нападеніе на его органы. Этого нѣтъ въ только что приведенныхъ случаяхъ.

Ограничивая понятіе о „чиновникѣ при отправленіи должности" лицами имѣющими и неимѣющими чиновъ, но занимающими классныя должности, все еще мы встрѣтимся съ сомнительными явленіями. Нашъ законъ не различаетъ двухъ разрядовъ правительственныхъ агентовъ: magistrat — т. е. лицо, имѣющее власть прямую надъ гражданами, представляющее государственную силу, имѣющее право употреблять военную силу для приведенія въ исполненіе своихъ распоряженій,—отъ employé, чиновника на канцелярской части. У французовъ напр. эти понятія строго раздѣлены: полицейскій коммисаръ, меръ маленькой сельской общины (сельскій стар-

шина по нашему), это — власть magistrat, лицо, представляющее общественную силу, наравнѣ съ префектомъ и министромъ; но директоръ министерскаго департамента, хотя очень важное лицо, все таки только emloyé, наравнѣ съ писцами. У насъ оба эти разряда слиты въ одномъ понятіи—чиновникъ. Не только столоначальникъ правительственной канцеляр, но и городской врачъ, учитель уѣзднаго училища, городской архитекторъ — всѣ чиновники одинаково съ губернаторомъ и исправникомъ. При вопросѣ объ оскорбленіи чиновниковъ при отправленіи должности такое смѣшеніе двухъ разрядовъ агентовъ и такое распространеніе понятія объ агентахъ правительства не представляетъ большихъ невыгодъ: законъ хочетъ одинаково защитить какъ столоначальника, такъ и исправника; можно сказать, что эти факты далеко не одинаковы по впечатлѣнію на массу; вредныя ихъ послѣдствія различны, но такъ какъ наказаніе не превышаетъ заключенія въ смирительномъ домѣ (ст. 285 и 286) и можетъ быть по власти суда понижено, то особенныхъ невыгодъ нѣтъ здѣсь. Другое дѣло при сопротивленіи и при удержаніи чиновника отъ исполненія обязанностей его по дѣламъ службы угрозами (ст. 270, 272); здѣсь полагается ссыла на житье и даже каторжная работа. Какое важное значеніе можетъ имѣть удержаніе отъ исполненія служебныхъ обязанностей, напр. учителя уѣзднаго училища? Во всякомъ случаѣ это далеко не равно съ удержаніемъ исправника или судебнаго слѣдователя.

Переходимъ къ другому вопросу, болѣе трудному и важному. Возстаніе и сопротивленіе противъ законной власти всегда ли составляетъ преступленіе? Если дѣйствія этой власти незаконныя, можно ли оказать ей сопротивленіе, не совершивъ преступленія. Этотъ вопросъ величайшей юридической и политической важности. При разрѣшеніи его мы встрѣчаемъ на Западѣ двѣ системы. Одна система, получившая законную силу во время первой французской республики, система также хорошо извѣстная англичанамъ, которая повела къ легальному отпаденію Сѣверо-Американскихъ Штатовъ отъ Англіи—это система признающая власть за законную и сопротивленіе ей преступленіемъ только тогда, когда эта власть дѣйствовала *законно*, т. е. въ предѣлахъ предоставленнаго ей по закону права и безъ нарушенія закономъ утвержденныхъ правъ гражданина. Другая теорія совершенно противоположная—безусловнаго подчиненія власти, съ тѣмъ что если дѣйствіе ея было незаконное, то можно жаловаться суду и получить удовлетвореніе впослѣдствіи. Эта послѣдняя система утверждена въ принципѣ французскими судами, которые нѣсколько разъ опредѣляли: „Достаточно, чтобы агенты власти являлись съ тѣмъ характеромъ, который имъ данъ закономъ и при исполненіи тѣхъ правительственныхъ дѣйствій, которыя имъ предоставлены, чтобы всякое насиліе противъ нихъ было недозволительно: существуетъ законное предположеніе

(презумція), что они дѣйствуютъ на основаніи закона; если они дѣлаютъ незаконное употребленіе изъ своей власти, они за это будутъ отвѣчать; но эта отвѣтственность не освобождаетъ гражданъ отъ должнаго повиновенія и ни въ какомъ случаѣ не даетъ имъ права сопротивленія съ насиліемъ противъ мѣръ, которыя всегда предполагаются, до тѣхъ поръ, пока противное не будетъ доказано, исходящими отъ законной и компетентной власти.“ Фостенъ Эли и Шово находятъ эту систему слишкомъ суровой. „Возможно ли, говорятъ они, чтобы теорія сопротивленія, бывшая въ силѣ въ теченіе вѣковъ, провозглашенная древними законами, принятая новыми законодательствами, за которую стоятъ великіе законовѣдцы, была бы противна порядку или оскорбленіемъ закона? Нѣтъ, общество не ставится въ опасность, если законъ полагаетъ предѣлы дѣйствію властей, если онъ перестаетъ ихъ покровительствовать, когда онѣ сами его нарушаютъ а предаются самовольнымъ дѣйствіямъ; нѣтъ, законъ не оскорбленъ, когда агенты, уполномоченные исполнять его, не знаютъ своего долга. Опасность существуетъ дѣйствительно, когда станутъ смѣшивать право съ злоупотребленіемъ и покрывать ихъ равной защитой; будетъ оскорбленіемъ закона давать предварительно силу незаконнымъ дѣйствіямъ предъ законнымъ представленіемъ. Надобно поставить ясно вопросъ: дѣло вовсе не въ томъ, чтобы положить въ зернѣ принципъ сопротивленія власти; если такое толкованіе можетъ быть дано этимъ строкамъ, мы отъ нихъ отступаемся; агентъ перестаетъ быть представителемъ власти въ тотъ моментъ, когда онъ уклоняется отъ своихъ обязанностей, потому что власть — это законъ, это право. Весь вопросъ состоитъ въ томъ, долженъ ли законъ поддерживать его даже въ тѣхъ нарушеніяхъ, которыя онъ сдѣлаетъ? Но если могутъ быть различныя разрѣшенія этого вопроса, во всякомъ случаѣ надобно, по крайней мѣрѣ, признать, что общественный порядокъ нисколько не замѣшанъ въ этомъ вопросѣ, потому что для порядка вовсе не нужно поддерживать злоупотребленія властей: порядокъ основывается на законѣ, а не на произволѣ. Но въ этой матеріи всякое абсолютное правило неточно. Опасность перестанетъ быть воображаемою, если право сопротивленія будетъ почерпаться безразлично изъ всякихъ незаконностей, которыми могутъ сопровождаться дѣйствія властей. Невозможно, даже было бы смѣшно, отказывать этимъ агентамъ въ покровительствѣ закона, какъ только они уклонятся даже неумышленно отъ того законнаго круга, въ которомъ должны двигаться. Судебный приставъ не можетъ разсматривать законности исполнительнаго листа; если онъ неправиленъ, то все-таки нельзя возложить на него отвѣтственность за ошибку, которая не имъ сдѣлана; точно также и гражданинъ не имѣетъ права опредѣлять ничтожность этого акта: онъ можетъ только протестовать предъ судомъ. Предоставить сторонамъ право обсуждать акты, вы-

данные для исполненія надъ ними, значило бы лишить пристава или другаго исполнителя той силы, которую даетъ ему законъ. Безъ сомнѣнія, всякая неправильность при исполненіи законовъ и правительственныхъ актовъ есть лишеніе какой-либо гарантіи; но сопротивленіе составляетъ крайнюю мѣру, которая можетъ быть законной только при отраженіи явнаго нападенія на право".

Разрѣшеніе этого важнаго вопроса по нашему законодательству не можетъ много различаться отъ того результата, къ которому пришелъ Западъ: Россія отличается отъ западныхъ государствъ формой правленія, но всѣ власти, высшія и нисшія, поставлены у насъ, какъ и на Западѣ, въ опредѣленный закономъ кругъ; онѣ отвѣтственны за всякое нарушеніе закона.

При разрѣшеніи вопроса о сопротивленіи дѣйствіямъ властей, необходимо отыскать исходный пунктъ въ духѣ законодательства, въ общей политической системѣ государства и разсмотрѣть, согласно ли съ ней безусловное повиновеніе всякому распоряженію властей? Такое повиновеніе въ извѣстныхъ случаяхъ вовсе немыслимо, оно поведетъ къ полному нравственному паденію, наконецъ, оно противно государственнымъ интересамъ. По всему этому невозможно отвергать сопротивленіе абсолютно, т. е. считать его преступленіемъ во всякомъ случаѣ. Трудность состоитъ въ опредѣленіи случаевъ, когда оно законно, когда незаконно, потому что предоставить разрѣшеніе вопроса благоусмотрѣнію каждаго, притомъ того, на кого направлено дѣйствіе власти, слѣдственно стороны заинтересованной и немогущей хладнокровно разсуждать, значило бы ввести полную анархію. Постараемся вывести хотя нѣкоторыя правила. Законность сопротивленія обусловливается: 1) содержаніемъ дѣйствія власти, 2) характеромъ власти, 3) способомъ или формою проявленія ею своихъ дѣйствій. Что касается до перваго пункта, то вполнѣ справедливо мнѣніе знаменитаго Барбейрака: „надобно различать несправедливости сомнительныя и сносныя, отъ явныхъ и невыносимыхъ; первыя должно снести, вторыя никто не обязанъ переносить." Если напр. какой бы ни было сановникъ прикажетъ безъ суда казнить гражданина смерью,— ясно, что здѣсь гражданинъ находится въ состояніи необходимой обороны; такъ какъ гражданинъ можетъ быть лишенъ жизни только по суду, то онъ вправѣ считать безсудное распоряженіе беззаконнымъ насиліемъ; смѣшно было бы сказать ему, что ему остается жалоба: зло, которое угрожаетъ ему—лишеніе жизни, невознаградимо. Кромѣ такого рѣзкаго случая, который въ наше время съ трудомъ можно даже вообразить, существуетъ много аналогическихъ. Напр. всѣ женщины освобождены отъ тѣлеснаго наказанія къ какому бы сословію не принадлежали. Дозволительно ли сопротивленіе женщины, которую уѣздный исправникъ велитъ сѣчь?

Отвѣтъ долженъ быть утвердительный: нѣтъ никакого сомнѣнія, что гражданинъ находится въ случаѣ въ состояніи необходимой обороны; незаконность дѣйствія ясна, неисправимость вреда также. Но если дѣло идетъ о незаконномъ арестѣ, то такъ какъ зло здѣсь незначительно и не невознаградимо при томъ же полиція имѣетъ право арестовывать съ отвѣтственностью за злоупотребленія, то сопротивленіе будетъ преступно. Нельзя прилагать къ агенту власти вполнѣ систему необходимой обороны: разница между частнымъ человѣкомъ и агентомъ власти чрезвычайно большая. Когда меня захватываетъ на дому частный человѣкъ, я имѣю право обороны; если онъ приходитъ, чтобъ взять мое имущество—также; но совсѣмъ другое положеніе относительно агента власти: онъ *извѣстенъ*, я знаю съ кого взыскать впослѣдствіи деньги, я знаю, что, арестуя, онъ меня посадитъ въ общественную тюрьму, гдѣ я могу чрезъ нѣсколько ча- объявить о его ошибкѣ или самопроизволѣ, и получить свободу. Характеръ, власти, т. е, компетентность играетъ весьма важную роль въ вопросѣ сопротивленія: власть, хотя и законная, совершаетъ дѣйствіе явно и безусловно некомпетентное, напр., если въ мѣстахъ, гдѣ введены въ дѣйствіе новые Судебные Уставы, полицейскій чиновникъ явился бы производить формальное слѣдствіе, или военный начальникъ приказалъ бы арестовать лицо гражданскаго видомства. Наконецъ, самый способъ дѣйствія много значитъ въ сомнительныхъ вопросахъ: когда напр. въ дѣлѣ о задержаніи за долги судебный приставъ явится безъ исполнительнаго листа, или и съ такимъ листомъ, но безъ опредѣленнаго знака (цѣпи съ медалью), тогда гражданинъ вправѣ считать его дѣйствіе самовольнымъ, или не признавать въ немъ судебнаго пристава. Вообще, чѣмъ важнѣе предпринимаемый актъ, тѣмъ строже должно соблюдать предписанные закономъ формы и обряды; самый костюмъ, т. е. форменное платье и установленные знаки должности необходимо соблюдать особенно въ дѣйствіяхъ противъ неграмотныхъ простолюдиновъ, которые не прочтутъ исполнительнаго листа или другой бумаги; для нихъ мундиръ служитъ полнымъ доказательствомъ и личности власти и законности дѣйствія.

Законъ, ни въ 262-й, ни въ другихъ статьяхъ, ничего не говоритъ о случаяхъ законности сопротивленія. Но выраженіе: „Всякій явно и упорно неповинующійся или сопротивляющійся какой либо власти, правительствомъ установленной. . . .“ очень удобно объясняется, что здѣсь идетъ дѣло о власти, дѣйствующей согласно съ установленіемъ ея, т. е. компетентной, законной, невыходящей изъ своего круга. Законъ и не могъ сказать яснѣе, потому что невозможно, какъ мы видѣли, опредѣлить заранѣе всѣ тѣ случаи, когда сопротивленіе будетъ законное. Законъ отдаетъ сопротивленіе на собственный страхъ сопротивляющагося: въ случаѣ. если найдено будетъ, что власть дѣйствовала законно, или что нарушенія бы-

ли маловажныя, сопротивлявшійся не можетъ отговарится тѣмъ, что онъ думалъ, что власть дѣйствовала незаконно. За властью всегда существуетъ презумція законности и компетентности. Думать иначе и сопротивляться можно тогда только, когда потеря невознаградима, когда незаконность дѣйствія очевидна; въ этомъ случаѣ, т. е. когда по суду будетъ подвергнутъ уголовному наказанію самъ агентъ, не можетъ быть и рѣчи о наказаніи сопротивлявшагося—онъ жертва, а не преступникъ. Если же найдено будетъ противное, тогда сопротивлявшійся долженъ понести наказаніе, хотя бы у него и были сомнѣнія о законности дѣйствія власти. Чѣмъ неопредѣленнѣе бываетъ законъ о кругѣ власти агентовъ правительстьства, въ особенности, если онъ ихъ уполномочиваетъ, какъ напр. начальниковъ полиціи, принимать всякія мѣры въ важныхъ и нетерпящихъ отлагательства случаяхъ и помимо предписанныхъ формъ и гарантій, подъ собственной отвѣтственностью, тѣмъ кругъ сомнѣній для гражданина о законности дѣйствія этихъ агентовъ есетственно съуживается до безусловнаго подчиненія

Между возстаніемъ и сопротивленіемъ та разница, что первое обозначаетъ дѣйствіе наступательное, второе—оборонительное, слѣдовательно менѣе опасное, показывающее меньшую степень дерзости и безнравственности. Но эти два вида не различены строго въ законѣ. Правда, сопротивленіе является какъ менѣе преступный фактъ, но только съ атрибутомъ небольшаго количества лицъ; если же число лицъ было значительное, то сопротивленіе не различается отъ возстанія (ст. 270).

Въ этомъ преступленіи степень наказанія бываетъ различна, смотря по слѣдующимъ условіямъ: 1) количеству лицъ, 2) были ли они вооружены ил нѣтъ, 3) по обстоятельствамъ, сопровождавшимъ возстаніе, т. е. совершено ли оно было съ насиліемъ и безпорядками или нѣтъ.

Что касается до перваго условія, то важность его ощутительна. Возстаніе, совершенное цѣлою массою въ нѣсколько сотъ или тысячъ человѣкъ, ставитъ въ опасность общественный порядокъ, заставляетъ власть принимать чрезвычайныя мѣры, двигать войска, производить перерывъ правильнаго теченія не только правительственныхъ но и общественныхъ дѣлъ. Другое дѣло, когда оно произведено лишь немногими лицами. Правительственныя власти, даже уѣздныя, имѣютъ подъ рукой достаточную вооруженную силу разсѣять такое движеніе. Но какъ опредѣлить количество возставшихъ опасное отъ неопаснаго? Очевидно, что трудно положить опредѣленную цифру, потому что разрядъ преступности будетъ зивисить отъ одной единицы; но если и принять цифру, то она не можетъ быть одинакова при дѣйствіи противъ различныхъ властей: исправникъ, находящійся въ городѣ, обезпеченъ военной командой; въ селеніи у него нѣтъ этой гарантіи; губернское начальство имѣетъ гораздо больше средствъ, чѣмъ

уѣздное и т. д. Вооруженіе весьма важно: оно, во первыхъ, показываетъ высшую степень преступной рѣшимости, угрозу перейти къ кровопролитію; во вторыхъ, степень опасности здѣсь бльшая—десять хорошо вооруженныхъ людей представляютъ больше опасности, чѣмъ сотня невооруженныхъ; агентъ правительства съ небольшою военною командою спокойно владычествуетъ надъ тысячью невооруженныхъ гражданъ; другое дѣло, когда противъ него выступаютъ вооруженные люди — ему грозитъ битва, часто сомнительная. Нашъ законъ ставитъ число людей возставшихъ, именно болѣе трехъ не вооруженныхъ, одинъ или болѣе вооруженныхъ (ст. 270) только въ одномъ случаѣ различіемъ въ степени преступленія, именно при сопротивленіи чиновнику при отправленіи должности. Но такъ какъ возстаніе, въ тѣсномъ смыслѣ слова, требуетъ болѣе силъ, чѣмъ сопротивленіе, то къ нему, во всякомъ случаѣ, приложимо постановленіе объ этихъ нормахъ.

Что касается до наказаній за преступленіе возстанія, то система здѣсь весьма замѣчательна въ отношеніи различія главныхъ виновныхъ отъ второстепенныхъ; разница въ наказаніяхъ здѣсь не въ мѣрѣ, какъ слѣдуетъ по общему началу (ст. 118—128), и не въ степени, а въ родѣ. Это одно изъ рѣзкихъ различій преступленія возстанія отъ бунта и другихъ. Другая оригинальность его—не наказуемость для участниковъ не только приготовленія но и покушенія, не имѣвшаго успѣха по причинамъ, независѣвшимъ отъ виновныхъ. Ст. 269 гласитъ: „Тѣ изъ участвовавшихъ въ преступномъ противодѣйствіи властямъ законнымъ, которые безъ принятія особыхъ необыкновенныхъ мѣръ для ихъ усмиренія или же хотя и по надлежащемъ приготовленіи къ принятію такихъ мѣръ, по сдѣланному за тѣмъ воззванію начальства разойдутся и оставятъ свое намѣреніе, освобождаются отъ всякаго наказанія, если они притомъ не учинили никакого другаго преступленія. Но бывшіе въономъ зачинщиками или подговорщиками, даже и въ семъ случаѣ подвергаются, смотря по обстоятельствамъ дѣла,—ссылкѣ на житье въ Сибирь, или заключенію въ смирительный домъ отъ 8 мѣсяцевъ до $1^1/_2$ года“. Въ 1862 г. изданы были правила для произведенія воззванія. Военная сила выступаетъ по требованію гражданскаго начальства, артиллерію запрещено употреблять. Когда войско выстроится противъ возставшихъ, тогда передъ фронтомъ выѣзжаетъ гражданскій начальникъ и дѣлаетъ троекратное воззваніе: „Именемъ Его Императорскаго Величества, приказываю разойтись“. Въ третій разъ къ этому присоединяются слова: „въ послѣдній разъ“. Затѣмъ, когда возставшіе останутся непреклонны, гражданскій начальникъ отходитъ, и начинаетъ дѣйствовать военная сила.

Эта мягкость закона въ наказаніи соучастниковъ во всѣхъ случаяхъ, и главныхъ виновныхъ въ случаѣ покушенія и начала исполненія— объя

сняется тѣмъ, что у насъ почти всегда возстанія противъ властей не только были чужды политическаго характера, но возставшіе, обыкновенно крестьяне, добросовѣстно полагали, что воля и приказанія Верховной Власти иныя, чѣмъ тѣ, которыя провозглашались мѣстными властями. Далѣе, въ этихъ бурныхъ движеніяхъ, обыкновенно къ нѣсколькимъ зачинщикамъ пристаетъ масса людей, отчасти не знающихъ настоящей цѣли движенія, отчасти даже просто изъ любопытства, и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе ростетъ толпа: шумное движеніе имѣетъ притягательную силу въ особенности для праздныхъ людей. Наконецъ, правительству не можетъ быть желательно подвергать тяжкимъ наказаніямъ массы гражданъ: такое наказаніе приноситъ вредъ государству, раззоряя мѣстности, производя множество безпомощныхъ сиротъ, сохраняя въ памяти потомства день и причины движенія, словомъ, порождая непріязненныя силы. Мы упоминали, что и въ политическомъ бунтѣ обыкновенно подвергаются опредѣленному въ законѣ наказанію только главные виновные, массы же, смотря по ихъ числу,— или исправительному наказанію, или получаютъ прощеніе. Въ возстаніи законодатель нашелъ возможнымъ занести это различіе въ самый законъ.

Первая степень преступленія возстанія описана въ 263 ст. словами: „явное противъ властей, правительствомъ установленныхъ, возстаніе съ намѣреніемъ или воспрепятствовать обнародованію Высочайшихъ указовъ, манифестовъ, законовъ, или другихъ постановленій и объявленій правительства, или же не допустить исполненія указовъ, или предписанныхъ правительствомъ распоряженій и мѣръ, или принудить сіи власти къ чему либо несогласному съ ихъ долгомъ . . .“ Степени наказанія для главныхъ виновныхъ: 1) каторжная работа отъ 15 до 20 лѣтъ, когда возстаніе было произведено вооруженными людьми и сопровождалось насиліемъ и безпорядками; 2) каторжная работа на 12—15 лѣтъ, когда возстаніе произведено съ однимъ изъ этихъ отягчающихъ обстоятельствъ, т. е. или вооруженными людьми, но безъ насилія, или не вооруженными, но съ насиліямъ (ст. 264); 3) каторжная работа на 4—6 лѣтъ — безъ этихъ двухъ отягчающихъ условій (ст. 265). Этимъ наказаніямъ подвергаются только главные виновные, зачинщики и подговорщики; прочіе же виновные (участники, сообщники, пособники) раздѣляются на двѣ группы— болѣе и менѣе виновныхъ; первые подвергаются ссылкѣ въ Сибирь на житье (различныхъ степеней, смотря по важности возстанія), а вторые только заключенію въ смирительномъ домѣ на 4—8 мѣсяцевъ (ст. 266). Такимъ образомъ за одно и то же преступленіе главные виновные подвергаются каторжной работѣ даже на 20 лѣтъ, а сообщники и другіе второстепенные виновные—только кратковременному заключенію въ сми-

рительный домъ, тогда какъ по общему началу Уложенія они также должны были бы быть подвергнуты каторжной работѣ. Попустители и укрыватели подвергаются только заключенію въ смирительномъ домѣ. Если при возстаніи было учинено смертоубійство или зажигательство (ст. 268), то наказаніе возвышается до каторжной работы безъ срока. Но это наказаніе постигаетъ только тѣхъ, которые возбудили, или дѣйствительно учинили убійство или поджогъ; другіе участники несолидарны съ ними. Въ этомъ случаѣ законодатель дѣйствуетъ строже тѣхъ началъ, которыя положены въ общей части Уложенія о совокупности преступленій (ст. 152, п. 1),

Ст. 270: „За сопротивленіе исполненію судебныхъ опредѣленій или иныхъ постановленій и распоряженій властей, правительствомъ установленныхъ, а равно и законнымъ дѣйствіямъ чиновника въ отправленіи его должности, когда оно будетъ оказано *не многими*, а лишь *двумя или тремя человѣками, или даже и однимъ*, но съ оружіемъ и съ употребленіемъ какого либо съ его стороны насилія, виновный или виновные подвергаются, смотря по обстоятельствамъ дѣла: каторжной работѣ на 4—6 лѣтъ, или ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе, или токмо ссылкѣ въ Сибирь на житье по 2-ой степени„.

Выраженіе: „съ оружіемъ или съ употребленіемъ насилія“ несомнѣнно относится только къ тому случаю, когда сопротивленіе было оказано однимъ лицомъ, потому что прибавлено „съ его стороны.“ И такъ, если сопротивленіе чиновнику оказано было невооруженными людьми, въ числѣ не болѣе трехъ, или однимъ вооруженнымъ, употреблявшимъ притомъ насиліе, тогда оно наказывается легче, чѣмъ возстаніе въ тѣсномъ смыслѣ слова. Слѣдовательно, возстаніе существуетъ тогда, когда невооруженныхъ было болѣе трехъ, а вооруженныхъ, по крайней мѣрѣ, два. Цифры эти слишкомъ низки; французскій законъ считаетъ движеніе только тогда возстаніемъ, когда виновныхъ было болѣе семи человѣкъ вооруженныхъ. Если сопротивленіе производилъ одинъ невооруженный человѣкъ, „но однако же позволилъ себѣ притомъ побои или иное явное дѣйствіями насиліе“, то онъ подвергается, смотря по роду насилія и другимъ сопровождавшимъ оное обстоятельствамъ, одному изъ трехъ наказаній: ссылкѣ на житье въ Сибирь, заключенію въ смирительномъ домѣ, или заключенію въ тюрьмѣ на срокъ отъ 2 мѣсяцевъ до 1½ года (ст. 271). Наконецъ, если сопротивленіе было оказано, безразлично однимъ или нѣсколькими людьми, съ угрозами, но безъ насилій („кто удержитъ чиновника отъ законнаго исполненія обязанностей его по службѣ угрозами такого рода, что сей чиновникъ могъ и долженъ былъ въ самомъ дѣлѣ считать себя въ опасности“), то наказаніе слѣдуетъ—ссылка на житье въ

Сибирь по 4 степени (ст. 272). Мы полагаемъ, что подъ выраженіемъ „кто удержитъ“ можно разумѣть и одного и нѣсколькихъ людей, дѣйствующихъ угрозами, но невооруженныхъ; если же они перешли къ наступленію, и ихъ было болѣе трехъ, то это будетъ возстаніе, хотя бы они не были вооружены.

Въ 273 ст. говорится объ особенномъ родѣ пассивнаго сопротивленія: о соглашеніи нѣсколькихъ людей не исполнять какія либо предписанія власти, или уклониться отъ исправленія государственныхъ или общественныхъ повинностей. Неисполненіе постановленій о повинностяхъ подвергаетъ отдѣльнаго человѣка лишь денежнымъ пенямъ, предписанія властей — также легкимъ исправительнымъ наказаніямъ. Но когда это неисполненіе дѣлается заговоромъ многихъ лицъ, тогда общественный порядокъ нарушается; это вызовъ власти, которая расчитываетъ силы своихъ агентовъ на немногіе случаи сопротивленія, а встрѣтясь разомъ съ цѣлою массою ихъ, можетъ оказаться безсильною для принужденія къ исполненію; наконецъ, самое невыполненіе требованія правительства массою лицъ можетъ поставить отправленіе его дѣятельности въ затруднительное положеніе. Если, напр., одинъ домохозяинъ или одно крестьянское общество не внесетъ податей, это не произведетъ большихъ затрудненій; но если всѣ домохозяева города или всѣ общества цѣлаго уѣзда согласятся не платить, тогда власти могутъ быть поставлены въ затруднительное положеніе. Очевидно, что дѣяніе получаетъ различное значеніе, сдѣлано ли оно однимъ человѣкомъ, или многими. А потому и положено за него наказаніе—заключеніе въ смирительный домъ или въ тюрьму. Непонятно почему здѣсь не различены, подобно тому, какъ это сдѣлано при возстаніи, зачинщики отъ сообщниковъ.

Законъ нашъ ничего не говоритъ о коалиціи чиновниковъ не исполнять какого либо закона или мѣры правительства—фактъ болѣе опасный, чѣмъ коалиція частныхъ лицъ.

Возбужденіе къ противодѣйствію или сопротивленію властямъ чрезъ сочиненія, рѣчи и распространеніе *ложныхъ слуховъ* подвергаетъ виновныхъ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе, а когда послѣдствіемъ было важное нарушеніе порядка, то и каторжной работѣ на 4—6 лѣтъ (ст. 274). Подобно тому, какъ въ бунтѣ, и здѣсь наказывается распространеніе сочиненій; а одно составленіе подвергаетъ только заключенію въ тюрьмѣ на 2—4 мѣсяца (ст. 275).

Изъ постановленій о сопротивленіи властямъ составляетъ нѣкоторое изъятіе—сопротивленіе лѣснымъ чинамъ, которые у насъ состоятъ изъ коронныхъ чиновниковъ; ст. 823 опредѣляетъ „за угрозы лѣснымъ чи-

намъ и стражѣ, сопровождаемыя поднятіемъ оружія, топора или инаго орудія, виновный подвергается заключенію въ тюрьмѣ на 2—8 мѣсяцевъ", тогда какъ за угрозы чиновнику при отправленіи должности, по 272 ст., положена ссылка на житье въ Сибирь. Но при нанесеніи побоевъ и ранъ виновные подводятся подъ статьи 271 и 285. Далѣе. Сопротивленіе лѣснымъ чинамъ и стражѣ, произведенное скопищемъ вооруженнымъ и сопровождавшееся насиліемъ, подвергаетъ главныхъ виновныхъ ссылкѣ въ Сибирь на житье, а прочихъ заключенію въ смирительномъ домѣ; а когда скопище не было вооружено, но произвело насилія, или было вооружено но не произвело насилія, то идутъ тѣже наказанія, но низшихъ степеней (ст. 824), между тѣмъ, какъ такое сопротивленіе другимъ властямъ и чиновникамъ влечетъ для главныхъ виновныхъ ссылку въ каторжную работу (ст. 263, 264, 270). Это различіе подтверждаетъ предположеніе о томъ, что законъ въ главѣ о противодѣйствіи властямъ и чиновникамъ имѣлъ въ виду только судъ и полицію. Приведенныя постановленія заключаются въ главѣ *о нарушеніи постановленій о казенныхъ лѣсахъ*, слѣдовательно, законъ имѣлъ въ виду только лѣсныхъ чиновниковъ и стражей коронныхъ. Но по закону 15 мая 1867 г. и частные лѣсовладѣльцы получили право содержать лѣсную стражу. На основаніи этого закона, лѣсные стражи частныхъ лѣсовъ пользуются „въ отношеніи преслѣдованія нарушителей узаконеній о частныхъ лѣсахъ *и защиты* отъ нихъ" тѣми же правами, которыя предоставлены стражѣ казенныхъ лѣсовъ (пунк. 7). Притомъ, чины корпуса лѣсничихъ, завѣдующіе частными лѣсами считаются въ государственной службѣ. (Тамъ же, пунк. 2). Отсюда можно вывести заключеніе, что ст. 823 и 824 Улож. относятся теперь также и къ сопротивленію лѣсной стражѣ частныхъ владѣльцевъ.

II. *Оскорбленіе и явное неуваженіе правительственныхъ мѣстъ и чиновниковъ.* Оскорбленіе правительственныхъ мѣстъ и чиновниковъ составляетъ преступленіе не частное, а противъ государства, потому что въ ихъ лицѣ оскорбляется государственная власть, которой они представители. Въ отношеніи присутственныхъ мѣстъ вопросъ этотъ простъ, потому что мѣсто нельзя смѣшать съ частнымъ человѣкомъ по самой природѣ его; но въ отношеніи чиновниковъ дѣло не такъ ясно.

Мы разъяснили выше, кого надобно разумѣть подъ чиновниками вообще въ преступленіяхъ противъ порядка управленія. Оскорбленіе чиновника составляетъ преступленіе означеннаго разряда когда чиновникъ былъ оскорбленъ: 1) при отправленіи должности, или 2) вслѣдствіе исполненія обязанностей службы, какъ объ этомъ прямо говоритъ 285 статья. Такъ

напр., если кто оскорбилъ члена суда въ то время, когда онъ сидѣлъ на судейскихъ креслахъ, или когда принималъ прошенія, акцизнаго чиновника когда онъ осматривалъ на заводѣ выкуренный спиртъ, или оскорбилъ то же лицо на бульварѣ, но изъ мщенія за то, что судья рѣшилъ дѣло не въ его пользу, или что акцизный чиновникъ представилъ о наложеніи на заводчика штрафа за неисправность,—это будетъ спеціальное преступленіе: оскорбленіе чиновника. Если же эти лица были оскорблены кѣмъ либо не при отправленіи должности и не въ слѣдствіе ея, тогда это будетъ частное преступленіе: личная обида. Конечно, очень трудно бываетъ часто доказать, было ли оскорбленіе нанесено чиновнику вслѣдствіе исполненія имъ обязанностей службы, или какъ частному человѣку: оскорбитель можетъ для виду привязаться къ чему нибудь, чтобы подвести свое преступленіе подъ болѣе мягкій разрядъ. Но это — трудность слѣдствія, а не пониманія закона. Трудность рождается въ отношеніи чиновниковъ, должности которыхъ непрерывны, напр. чиновниковъ полиціи или мировыхъ судей: чиновникъ полиціи, даже находясь въ частномъ обществѣ, не теряетъ своего характера, по крайней мѣрѣ во всякую минуту можетъ войти въ служебную роль. Должность мироваго судьи есть также непрерывная, потому что онъ можетъ, по личному усмотрѣнію, возбуждать отвѣтственность (Уст. Уг. Суд. ст. 42). Нельзя поставить мундиръ знакомъ бытія при отправленіи должности, потому что законъ дозволяетъ носить мундиръ и внѣ служебныхъ занятій; съ другой стороны, по распространившемуся въ послѣднее время обыкновенію, многіе чиновники отправляютъ и обыденныя служебныя занятія въ партикулярномъ платьѣ. Мы полагаемъ, что послѣдняго рода отступленіе отъ предписанныхъ закономъ правилъ употребленія форменной одежды не желательно уже потому, что можетъ подать поводъ къ печальнымъ недоразумѣніямъ, даетъ, во всякомъ случаѣ, оскорбителю право сказать, что онъ и не думалъ въ лицѣ такого-то оскорбить представителя власти, не считалъ его таковымъ, потому что чиновники при отправленіи служебныхъ занятій должны быть въ форменномъ платьѣ. Введеніе особенныхъ знаковъ—цѣпей съ медалями для чиновниковъ, находящихся въ безпрерывномъ столкновеніи съ гражданами по дѣламъ службы, какъ это сдѣлано у насъ относительно мировыхъ посредниковъ, мировыхъ судей и судебныхъ приставовъ, весьма полезно; желательно было бы распространеніе этого постановленія и на полицейскихъ чиновниковъ, какъ это существуетъ у французовъ. Такіе чиновники, находясь напр. въ обществѣ, на улицѣ, какъ только усматриваютъ, что имъ надобно употребить власть, войти въ служебную роль, растегиваютъ сюртукъ—и ихъ цѣпь или другой знакъ показываютъ всякому съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло; когда знакъ скрытъ, то это значитъ, что чи-

новникъ дѣйствуетъ только какъ частное лицо. Эта мѣра въ высшей степени полезна какъ для гражданъ, такъ и для власти. *)

Естественно, что оскорбленіе чиновника вслѣдствіе обязанностей службы можетъ существовать и послѣ выхода его въ отставку. Если кто нибудь оскорбилъ напр. отставнаго судью, или полицейскаго чиновника, за данный когда либо противъ него судебный приговоръ или за принятую мѣру, то онъ оскорбляетъ все-таки не частнаго человѣка, а власть, вслѣдствіе которой чиновникъ дѣйствовалъ.

Первый видъ разбираемаго преступленія—оказаніе неуваженія къ власти, второй—оскорбленіе, въ тѣсномъ смыслѣ слова.

Оказаніе неуваженія состоитъ (ст. 276) въ истребленіи или поврежденіи присланныхъ для обнародованія или выставленныхъ въ опредѣленномъ мѣстѣ *указовъ*, если оно учинено, во первыхъ — „публично, при стеченіи народа или, по крайней мѣрѣ, при многихъ свидѣтеляхъ," а во вторыхъ—когда это произведено съ умысломъ и притомъ для оказанія неуваженія въ правительству.

Наказаніе за это преступленіе—ссылка въ Сибирь на поселеніе; „когда же не будетъ вышеозначенныхъ, увеличивающихъ важность вины обстоятельствъ," т. е. когда фактъ будетъ совершенъ безъ свидѣтелей, или въ присутствіи одного, двухъ человѣкъ, слѣдовательно не можетъ произвести на народъ вреднаго впечатлѣнія, и въ самомъ виновномъ не обнаруживаетъ цѣли—произвести волненіе, тогда наказаніе состоитъ въ ссылкѣ на житье въ Сибирь, или въ заключеніи въ смирительномъ домѣ. Если же не было умысла оказать неуваженіе къ правительству, а фактъ совершенъ въ пьянствѣ или по невѣжеству, то слѣдуетъ тюремное заключеніе, арестъ, или денежный штрафъ.

Мы видѣли, что 276 ст. имѣетъ въ виду только указы, а не другія правительственныя объявленія. Указы отъ имени Его Величества даются только судебными и правительственными коллегіальными установленіями; одноличная власть, какъ бы высока она не была, не можетъ давать указовъ, хотя иногда такая власть имѣетъ право давать предписанія установленіямъ, дающимъ указы. Понятно, что большая разница въ публичномъ истребленіи указа отъ такого же дѣйствія надъ объявленіемъ полиціймейстера или другаго правительственнаго лица: и важность акта, и са-

*) На этомъ основаніи, нѣкто, пришедшій къ одному изъ московскихъ мировыхъ судей для объясненія по поводу принятой послѣднимъ противъ него мѣры и ударившій этого судью, когда тотъ не имѣлъ на себѣ знака, былъ присужденъ какъ за оскорбленіе чиновника *вслѣдствіе* исполненія имъ служебныхъ обязанностей, а не *при исполненіи* этихъ обязанностей.

мая формула (первый начинается словами: „указъ Его Императорскаго Величества") иныя. Въ ст. 33 Миров. Уст. сказано, что за истребленіе или поврежденіе *объявленій*, выставленныхъ по распоряженію законныхъ властей, *безъ намѣренія оказать неуваженіе* къ симъ властямъ, виновные подвергаются аресту или денежному взысканію до 100 рублей. Но если при этомъ было намѣреніе оказать неуваженіе къ власти? Такой фактъ не подходитъ подъ 33 ст. Миров. Уст., но также и подъ 276 ст. Уложенія.

Ст. 277 говоритъ объ истребленіи или поврежденіи, съ умысломъ оказать неуваженіе къ властямъ, выставленныхъ въ публичномъ мѣстѣ *гербовъ или надписей*. Наказаніе за это преступленіе: заключеніе въ тюрьму или въ смирительный домъ. Надобно полагать, что истребленіе объявленій властей съ цѣлью оказать имъ неуваженіе должно быть по аналогіи отнесено къ этой же статьѣ, тѣмъ болѣе, что 33 ст. Мир. Уст., составляющая прямое дополненіе къ 277 ст. Улож., говорящая о тѣхъ же фактахъ, но совершенныхъ безъ намѣренія оказать неуваженіе къ властямъ, на ряду съ гербами и надписями приводитъ и объявленія. Выставленіе публично объявленій весьма распространилось съ введеніемъ новыхъ судебныхъ установленій (Уст. Уг. Суд. ст. 848). Одинаково съ истребленіемъ гербовъ наказывается поруганіе или искаженіе памятниковъ, воздвигнутыхъ по распоряженію или съ разрѣшенія правительства (ст. 278). Поруганіе или искаженіе этихъ памятниковъ наказуемо по 278 ст., когда оно учинено „съ намѣреніемъ оказать неуваженіе властямъ." Но если оно сдѣлано съ намѣреніемъ наругаться надъ памятью великаго человѣка, надъ воспоминаніемъ народа о великомъ событіи? Безнравственности здѣсь еще болѣе, оскорбляется вся страна, но выраженія закона недостаточно опредѣлительны для наказуемости этого факта. Впрочемъ, такъ какъ публичные памятники у насъ могутъ быть воздвигнуты только съ разрѣшенія правительства, то всегда можно видѣть въ ихъ поруганіи—неуваженіе власти. Въ нѣкоторыхъ законодательствахъ на ряду съ искаженіемъ монументовъ поставлено истребленіе или порча статуй и другихъ художественныхъ произведеній, выставленныхъ на площадяхъ или въ публичныхъ музеяхъ. Нашъ законъ не сдѣлалъ изъ этого акта особеннаго преступленія, конечно, потому, что у насъ музеи великая рѣдкость, а выставка на площадяхъ художественныхъ произведеній почти неизвѣстна.

Прямое оскорбленіе властей наказывается различно, смотря 1) по рангу ихъ, т. е. относится ли оно къ высшимъ въ государствѣ правительственнымъ мѣстамъ и лицамъ, или къ другимъ; 2) по формѣ оскорбленій—дѣйствіемъ или словомъ и на письмѣ; 3) по мѣсту. Высшій родъ этого преступленія — ругательства и въ особенности поднятіе руки на

членовъ присутственнаго мѣста въ самой камерѣ во время засѣданія; наказаніе здѣсь — ссылка въ Сибирь на житье и даже на поселеніе. Всѣ другіе виды оскорбленія наказываются не свыше двухгодичнаго заключенія въ смирительномъ домѣ (ст. 279, 280, 281, 285, 286). Оскорбленіе, нанесенное должностному лицу подчиненнымъ, составляетъ особенное преступленіе противъ дисциплины; оскорбленіе частнаго человѣка въ присутственномъ мѣстѣ считается также дѣйствіемъ, оскорбительнымъ для власти (ст. 287).

III. *Самовольное присвоеніе власти; составленіе подложныхъ указовъ.* Самовольное присвоеніе власти надобно строго отличать отъ ея превышенія—преступленія меньшей важности и притомъ относящагося къ другому разряду — преступленій по службѣ. Присвоеніе власти можетъ быть произведено или съ составленіемъ подложныхъ указовъ и другихъ правительственныхъ документовъ, которыми утверждаются права лица на извѣстную должность и власть, или и безъ такого подлога. Послѣдній случай, если однако лицо не выдавало себя подложно за другое, дѣйствительно власть имѣющее, наказывается различно, смотря по тому, сдѣлано ли было чрезъ это дѣйствіе безвредное или преступное. За первый видъ слѣдуетъ заключеніе въ тюрьмѣ или даже только денежное взысканіе до 50 рублей, а за второй—высшая мѣра наказанія, положеннаго за то преступленіе, которое совершено съ помощью присвоенія власти (ст. 289). Если же для присвоенія власти былъ употребленъ обманъ—выдача себя за другое властное лицо, или словесное объявленіе полученія порученія отъ правительства, то наказаніе возвышается до ссылки на житье въ Сибирь (ст. 290). Составленіе подложныхъ указовъ и т. под. актовъ можетъ быть произведено какъ для присвоенія власти съ цѣлью совершить преступленіе, или даже и безъ этой цѣли, а изъ суетнаго желанія воспользоваться почестями, сопряженными съ властью, такъ и для извлеченія какой либо выгоды, напр. для полученія денегъ по подложному предписанію, для освобожденія преступника.

Подлогъ указовъ принадлежитъ къ общей системѣ преступленія подлога, куда относится и подлогъ книгъ маклерскихъ, купеческихъ, ложное банкротство и т. под. Законъ нашъ не разсматриваетъ подлога во всѣхъ его видахъ, какъ одного преступленія; онъ разсѣялъ постановленія объ немъ по различнымъ разрядамъ Уложенія, смотря по его видовымъ признакамъ: относится ли онъ къ сферѣ государственнаго управленія, торговой, имущественной (подлогъ при совершеніи обязательствъ и договоровъ), и т. д. Разсмотримъ здѣсь первый его видъ. Составленіе подложныхъ указовъ, постановленій, опредѣленій и другихъ оффиціальныхъ бумагъ раздѣляется на три степени: 1) подлогъ указовъ за собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ, 2) указовъ сената и бумагъ министерства,

3) остальныхъ видовъ указовъ и правительственныхъ бумагъ. За первый видъ подлога полагается каторжная работа безъ срока (ст. 291), за второй—ссылка въ Сибирь на поселеніе по 1 степени (ст. 292, 293), за третій—или ссылка на поселеніе по 2 степени или ссылка на житье въ Сибирь (ст. 294). Такое различіе въ наказаніяхъ вытекаетъ изъ существа дѣла, изъ степени дерзости, опасности для общественнаго порядка, и для интересовъ частныхъ лицъ. Указъ за подписью Государя распространяется на всякаго рода дѣла первой важности: новые законы, государственные займы, пожалованіе высшими должностями, чинами и другими наградами, объявленіе войны, производство рекрутскаго набора, наложеніе податей и проч.; притомъ онъ безусловно исполняется. Слѣдовательно преступникъ можетъ чрезъ такой подложный указъ совершить неисчислимыя и неисправимыя бѣдствія. Указъ сената не можетъ касаться важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ, имъ не могутъ быть отмѣнены существующіе законы, наконецъ, лицо, котораго права незаконно имъ нарушены, имѣетъ право жалобы. Предписаніе министра хотя имѣетъ важное значеніе, но, разумѣется, касается только предметовъ второстепенныхъ. Наконецъ, кругъ дѣйствія губернскихъ и другихъ властей весьма ограниченъ закономъ, право протеста и жалобы существуетъ въ широкомъ видѣ.

Ст. 291 возбуждаетъ слѣдующій вопросъ: выраженія ея „За составленіе подложныхъ, будто-бы за подписаніемъ Государя Императора, указовъ, манифестовъ, грамотъ, рескриптовъ или иныхъ бумагъ"—относятся ли только къ царствующему Государю? Въ самомъ дѣлѣ, если кто нибудь составитъ какой нибудь подложный указъ отъ имени Императора Петра Великаго, — это будетъ не болѣе, какъ историческій подлогъ (которыхъ бывало не мало), если на такомъ указѣ не основано какое либо процессуальное требованіе. Но если такой указъ составленъ съ цѣлью доказать дворянское происхожденіе, какое либо имущественное право, то это, по нашему мнѣнію, составитъ преступленіе, предусмотрѣнное 1412 ст. или 1677 ст., но не 291. Только въ томъ случаѣ ст. 291 можетъ быть примѣнена къ поддѣлкѣ актовъ отъ имени умершаго Государя, когда таковой актъ касается не частнаго интереса, а имѣетъ общій характеръ. При существующей системѣ обнародованія актовъ, исходящихъ за подписью Государя Императора, подлогъ такого рода отъ имени умершаго Императора можно допустить лишь въ первые дни царствованія послѣдующаго Государя. Для доказательства дворянскихъ правъ одинаковую силу съ грамотами русскихъ государей имѣютъ грамоты польскихъ королей или грузинскихъ царей. Подложное составленіе таковыхъ безусловно относится къ 1412 ст. Уложенія.

Преступленіе подлога состоитъ въ составленіи и употребленіи бумагъ, или въ одномъ употребленіи; одно составленіе, даже и въ томъ случаѣ,

когда составившій подложный указъ или сдѣлавшій въ немъ подчистки явится съ повинною прежде употребленія, также подвергаетъ наказанію, хотя меньшему. Именно, когда составившій подложный указъ за подписаніемъ Государя Императора, прежде употребленія явится съ повинною, то наказаніе ему „можетъ быть, по усмотрѣнію суда, смягчено“ и онъ приговаривается къ ссылкѣ на поселеніе; если же это было съ указами сената, то тюремному заключенію, а съ прочими указами и бумагами—лишь аресту. Если онъ хотя и не явится съ повинною но „раскается и не сдѣлаетъ изъ бумаги никакого употребленія,“ то подвергается ссылкѣ на житье въ Сибирь въ случаѣ составленія бумагъ 2-го и 3-го разряда, но при составленіи бумагъ 1-го разряда не пользуется смягченіемъ.

Трудно понять строгость наказаній за одно составленіе подложныхъ бумагъ, когда дознано, что виновный не сдѣлалъ употребленія, не по обстоятельствамъ независѣвшимъ отъ него, а по раскаянью. Это, въ первыхъ, только приготовленіе; во вторыхъ, зачѣмъ раскаявшемуся хранить ихъ или являться съ повинною, когда онъ можетъ просто сжечь эти бумаги? Могутъ сказать, что истребленіе неудобно въ случаѣ подчистокъ, потому что бумага извѣстна, записана, слѣдовательно скрыть ее безслѣдно нельзя. Но и въ этомъ случаѣ, истребленіе бумаги, когда виновный заявилъ бы о потерѣ ея, не можетъ для него повлечь ссылки на житье, а тѣмъ болѣе на поселеніе: за это могутъ быть только дисциплинарныя наказанія.

Мы видѣли, что, по ст. 294, поддѣлка оффиціальныхъ бумагъ отъ имени второстепенныхъ и низшихъ начальствъ подвергаетъ виновныхъ ссылкѣ на поселеніе или на житье. Но ст. 300 дѣлаетъ исключеніе изъ этого постановленія: „За представленіе подложнаго, будто бы выданнаго присутственнымъ мѣстомъ или употребленнымъ отъ правительства лицомъ, свидѣтельства о болѣзни, бѣдности, хорошемъ поведеніи и другихъ тому подобныхъ, виновный подвергается заключенію въ тюрьмѣ на время отъ 2 до 8 мѣсяцевъ“. Предѣлы 294 и 300 статей неясно опредѣлены. Кассаціонный сенатъ разсматривалъ этотъ вопросъ по слѣдующему дѣлу: нѣкто представилъ подложное полицейское свидѣтельство о томъ, что его строеніе сгорѣло будто бы послѣ застрахованія, съ цѣлью получить страховую премію. Московскій окружный судъ подвелъ это преступленіе подъ 294-ю статью. Сенатъ нашелъ такое подведеніе правильнымъ по слѣдующимъ соображеніямъ: „294 ст. Улож. предусматриваетъ вообще всѣ виды подложнаго составленія для какихъ либо дѣлъ или видовъ оффиціальныхъ документовъ отъ имени судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ или начальствъ; сравнивая эту статью съ ст. 300, нельзя не прійти къ убѣжденію, что первая изъ нихъ представляется общимъ правиломъ, а послѣдняя указываетъ исключительные случаи подложнаго составленія такихъ незначительныхъ документовъ, употребленіе коихъ можетъ принесть

пользу виновному, но не угрожаетъ такою опасностью имуществу или личности другихъ, какая можетъ быть послѣдствіемъ нарушенія 294 ст. Очевидно, что подъ 300 ст. Улож. невозможно подвесть настоящій случай, состоящій въ поддѣлкѣ акта, который при достиженіи виновными цѣли, причинилъ бы имущественный ущербъ страховому обществу." (Дѣло Батракова и Григорьева. Кассац. 1868 г. № 859). Чертой различія между 294 и 300 ст. положенъ сдѣсь размѣръ могущаго послѣдовать имущественнаго ущерба. Но такая черта не можетъ быть признана правильною уже по одному тому, что за нарушеніе 294 ст. постановлено два наказанія: ссылка на поселеніе и ссылка на житье, выборъ которыхъ, на основаніи 149 ст., именно зависитъ отъ большаго или меньшаго размѣра; слѣдственно признакъ, который по, мнѣнію сената, разграничиваетъ 294 ст. отъ 300-ой заключается въ послѣдней. Точнѣе выразилъ сенатъ свою мысль въ рѣшеніи по дѣлу Хитрова (Кассац. 1869 г. № 117), который составилъ фальшивое свидѣтельство волостнаго правленія и собиралъ по нему пожертвованія будто бы для погорѣвшихъ, постановивъ чертою различія *обязательное* или необязательное значеніе документа: „Правительствующій сенатъ находитъ, что вопросъ, возбужденный въ этомъ отношеніи протестомъ, отчасти уже разъясненъ рѣшеніемъ по дѣлу Григорьева и Батракова, коимъ признано, что ни 294 ст., ни 300 ст. не исчисляютъ всѣхъ тѣхъ случаевъ подложнаго составленія оффиціальныхъ документовъ, которые могутъ быть подводимы подъ эти статьи, но что во всякомъ случаѣ, при примѣненіи ихъ слѣдуетъ принимать за исходную точку важность поддѣланнаго документа и степень опаснасти, угрожавшей или цѣлому обществу, или отдѣльнымъ лицамъ, отъ употребленія его; отличіе это прямо указано въ мотивахъ къ Уложенію 1845 г., въ коихъ между прочимъ сказано, что 300 ст. (по издан. 1866 года) примѣняется къ такимъ случаямъ употребленія подложныхъ оффиціальныхъ документовъ, которые не могутъ вести за собою важныхъ послѣдствій. Въ настоящемъ дѣлѣ, Хитровъ признанъ виновнымъ въ томъ, что употреблялъ два подложныя свидѣтельства отъ имени волостнаго правленія, данныя ему будто бы для сбора подаянія, въ пользу погорѣвшихъ крестьянъ; свидѣтельства эти по содержанію своему близко подходятъ къ предусмотрѣннымъ въ 300 ст. Улож. свидѣтельствамъ о бѣдности, такъ какъ предъявленіе ихъ не требовало ни съ чьей стороны непремѣннаго исполненія содержащагося въ нихъ распоряженія начальства и не налагало ни на кого никакой юридической обязанности; свидѣтельства эти не могли имѣть иныхъ послѣдствій, кромѣ сбора подаянія, и употребленный подсудимымъ подлогъ могъ служить удостовѣреніемъ только того, что онъ имѣетъ нѣкоторое основаніе разсчитывать на благотворительность общества. Въ такомъ же смыслѣ разрѣшенъ настоящій вопросъ и въ рѣшеніи по дѣлу Батракова

и Григорьева, обвинявшихся въ составленіи подложнаго удостовѣренія отъ имени полицейскаго управленія о сгорѣвшемъ домѣ, съ цѣлію полученія вознагражденія отъ страховаго общества; преступленіе это правительствующій сенатъ призналъ подходящимъ подъ 294 ст. Улож. на томъ основаніи, что предъявленіе этого свидѣтельства налагало на страховое общество юридическую обязанность удовлетворить владѣльца сгорѣвшаго дома за понесенные имъ убытки".

Отягчающее обстоятельство при подложномъ составленіи бумагъ—если слѣдствіемъ его было понесеніе невиннымъ уголовнаго наказанія. Въ этомъ случаѣ составитель подвергается каторжной работѣ на 8—10 или 6—8 лѣтъ (ст. 298). Если старшина присяжныхъ засѣдателей напишетъ и провозгласитъ умышленно осуждающій вердиктъ, когда въ дѣйствительности данъ былъ освобождающій, или секретарь сдѣлаетъ въ немъ поддѣлку, то хотя буквально такого рода подлогъ не составляетъ подлога правительственнаго акта, но значеніе одно и тоже, потому что вердиктъ присяжныхъ, хотя написанный однимъ ихъ старшиной, составляетъ окончательный приговоръ. Впрочемъ, законъ, устанавливая публичное объявленіе вердикта, отымаетъ почти всякую возможность подлога. Во всѣхъ другихъ случаяхъ, т. е. когда слѣдствіемъ было совершеніе другаго преступленія, виновный подвергается наказанію на основаніи правилъ о совокупности преступленій (ст. 299).

Одинъ родъ актовъ, весьма важный, именно о рожденіи, бракосочетаніи, смерти, составляется у насъ не правительственными установленіями въ тѣсномъ смыслѣ слова, а духовными учрежденіями. Въ этомъ случаѣ священно — и — церковнослужители, очевидно, имѣютъ общій правительственный характеръ. Посему законъ сравниваетъ поддѣлку этихъ актовъ съ поддѣлкой постановленій губернскихъ мѣстъ (ст. 1441).

Мы видѣли, что употребленіе подложнаго акта (конечно завѣдомое) подвергаетъ виновнаго тому же наказанію, какъ и составителя Изъ этого исключаются: представленіе подложнаго свидѣтельства о болѣзни, бѣдности и т. под., за что положено только заключеніе въ тюрьмѣ на 2—8 мѣсяцевъ (ст. 300). Подложное составленіе или переправка частныхъ актовъ, совершаемыхъ, у крѣпостныхъ дѣлъ, у маклеровъ, а также домашнимъ порядкомъ, подвергаетъ виновныхъ ссылкѣ на поселеніе или на житье (ст. 1090—1092).

Поддѣлка печатей наказывается одинаково съ поддѣлкой бумагъ: поддѣлка большой государственной печати сравнена съ поддѣлкой именныхъ указовъ (ст. 295); поддѣлка печатей и штемпелей другихъ правительственныхъ мѣстъ и лицъ наказывается ссылкой въ Сибирь на житье (ст. 206). Замѣтимъ различный способъ выраженія закона о двухъ родахъ этой поддѣлки. Въ ст. 295 сказано: „за поддѣлку большой госу-

дарственной печати.... *и* употребленіе сей фальшивой печати...". Слѣдовательно преступленіе состоитъ изъ совокупности двухъ дѣйствій, подделки и употребленія. А въ 206 ст. (о поддѣлкѣ другихъ печатей) сказано, что и одна поддѣлка безъ употребленія подвергаетъ виновнаго наказанію тремя степенями низшему, чѣмъ за поддѣлку и уп.требленіе. Если законодатель счелъ нужнымъ наказывать за поддѣлку, хотя и безъ употребленія, печатей присутственныхъ мѣстъ, то несомнѣнно онъ не думалъ оставить безнаказанной поддѣлку печати (безъ употребленія) важнѣйшаго рода—большой государственной, которая прикладывается толькокъ величайшимъ актамъ внутреннимъ и внѣшнимъ. Но вмѣсто того, чтобы сказать: „за поддѣлку большой государственной печати *или* за употребленіе сей фальшивой печати", или (этотъ оборотъ особенно любитъ „Уложеніе) за поддѣлку, а равно и за употребкеніе"; сказано *и*—что совершенно измѣняетъ смыслъ. Судъ не можетъ поправить буквы закона, его прямаго грамматическаго смысла, тѣмъ болѣе, что въ этомъ случаѣ противъ подведенія одной поддѣлки подъ 295 ст. можно привести то обстоятельство, что хотя одна поддѣлка печатей втораго рода наказывается, но другимъ низшимъ наказаніемъ, чѣмъ поддѣлка и употребленіе. Слѣдовательно судьѣ пришлось бы не только насиловать грамматическій смыслъ закона но и сочинить новый. Печать, въ старое время, и у насъ, и въ другихъ земляхъ, имѣла великое значеніе. Цари наши до Петра В. не подписывали указовъ; подлинность ихъ удостовѣрялась печатью. Отъ того дьякъ „печатникъ", хранившій печать, былъ приближенный къ государю человѣкъ. Онъ не разставался съ печатью ни днемъ, ни почью: носилъ ее на шеѣ. Точно также бояре-судьи и намѣстники не подписывали опредѣленій—печать удостовѣряла подлинность. Это происходило отъ безграмотства какъ начальникомъ, такъ и народа. И теперь еще народъ смотритъ только, есть ли печать на бумагѣ. Въ Англіи до сихъ поръ король не подписываетъ актовъ: подпись его замѣняется приложеніемъ печати; отъ того лордъ „хранитель печати"—первый сановникъ. Хотя теперь печать далеко не имѣетъ прежняго значенія, такъ напр. предписанія министровъ даются безъ приложенія печати, и вообще печать безъ подписа не даетъ акту никакого значенія, тогда какъ подпись безъ приложенія печати не лишаетъ его характера законности—тѣмъ не менѣе существуютъ многіе роды правительственныхъ актовъ: свидѣтельства, отпуски и проч., гдѣ она необходима, по крайней мѣрѣ. для безпрепятственнаго дѣйствія подложнаго акта.

Поддѣлка печатей и штемпелей частныхъ лицъ для противозаконныхъ цѣлей наказывается ссылкой на житье въ Сибирь (ст. 1692). Поддѣлка фабричныхъ клеймъ или знаковъ нназывается ссылкой на житье въ отдаленныя губерніи (ст. 1354).

IV. *Похищеніе бумагъ или вещей изъ присутственныхъ мѣстъ; сорваніе печатей и уничтоженіе поставленныхъ правительствомъ знаковъ.* Изъ пяти статей (303—307), обозначенныхъ этимъ заглавіемъ, ст. 304—сорваніе печатей, относится къ неуваженію къ властямъ; 306—уничтоженіе пограничныхъ знаковъ—къ государственной измѣнѣ; 307—уничтоженіе маяковъ—къ преступленіямъ противъ жизни и имущества. Остается ст. 303—похищеніе или умышленное истребленіе въ присутственномъ мѣстѣ „документовъ или иныхъ какого либо рода бумагъ или вещей... которыя служили или долженствовали служить къ изслѣдованію преступленій.... или же доказательства какихъ либо правъ....“

Въ этой статьѣ разсматривается не кража, потому что означенныя вещи сами по себѣ большею частью не имѣютъ цѣнности, и цѣль преступленій,—не обращеніе предмета въ свою собственность для корысти, а другая: лишитъ кого либо возможности доказать свое право состоянія, или право на искъ, напр. уничтоженіе векселя, или доказательства преступленія уничтоженіемъ поличнаго или какого нибудь документа и т. д. Слѣдовательно, здѣсь разсматриваются преступленія противъ правъ состоянія, личности, имущества и проч. Законъ здѣсь не имѣетъ дѣла съ какимъ либо самостоятельнымъ преступленіемъ, а только увеличиваетъ наказанія за разныя преступленія, вслѣдствіе отягчающаго условія мѣста ихъ совершенія—зданія присутственнаго мѣста. Въ самомъ дѣлѣ, законъ постановляетъ за это преступленіе три разныя наказанія, „смотря по важности похищенія и другимъ обстоятельствамъ“, а именно: ссылку въ Сибирь на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ, ссылку на житье въ отдаленнѣйшія не сибирскія губерніи. Выраженіе „смотря по важности похищенія“ очевидно отсылаетъ судью къ наказаніямъ за похищенія, сдѣланныя не въ присутственномъ мѣстѣ. Такъ напр., за похищеніе актовъ состоянія (съ намѣреніемъ лишить кого либо правъ), не изъ присутственнаго мѣста, виновный подвергается по 1405 ст. ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе. Естественно, что если это преступленіе учинено въ присутственномъ мѣстѣ, то судья не можетъ за него назначить ссылку на житье, а долженъ опредѣлить высшее изъ наказаній, положенныхъ по 303 ст. Если былъ украденъ изъ дѣла въ присутственномъ мѣстѣ вексель, то надобно взять въ соображеніе ст. 1644—64 и сообразно съ обстоятельствами кражи, т. е. была ли она произведена шайкою, со взломомъ или безъ этихъ обстоятельствъ, опредѣлить, по сравненію съ наказаніями за кражи, одно изъ трехъ исчисленныхъ 303 ст. наказаній, т. е. если похищеніе сдѣлано было шайкою—ссылку на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ, если ни шайкой, но со взломомъ—ссылку на житье въ Сибирь, а если безъ взлома и не шайкою—ссылку на житье въ отдаленныя губерніи Европейской Россіи.

Похищеніе вещей или бумагъ съ цѣлью скрыть преступленіе очевидно дѣлаетъ виновнаго укрывателемъ преступленія (ст. 14), и слѣдовательно, на основаніи 124 ст. подвергаетъ его наказанію двумя степенями ниже того, которое назначено за то же преступленіе, содѣявшимъ оное. Но законъ за такое преступленіе, учиненное въ присутственномъ мѣстѣ, полагаетъ наказаніе болѣе строгое, именно какъ пособникамъ, т. е. или то же самое, которое назначено виновнымъ, или на одну степень ниже. Впрочемъ, это постановлено только относительно похищенія, направленнаго на сокрытіе слѣдовъ преступленія, за которое слѣдуетъ лишеніе всѣхъ правъ состоянія (ст. 303, част. 2): во всѣхъ другихъ случаяхъ прилагается постановленіе 1 части 303 ст., т. е. одно изъ трехъ наказаній: ссылка въ Сибирь на поселеніе и оба рода ссылки на житье. Конечно, судья долженъ соображаться съ тѣмъ наказаніемъ, которое слѣдуетъ за преступленіе, слѣды котораго сокрыты похищеніемъ, и не налагать за сокрытіе большаго наказанія, чѣмъ то, которое слѣдуетъ за совершеніе преступленія.

За сорваніе, снятіе, истребленіе или поврежденіе печатей и другихъ знаковъ, приложенныхъ по распоряженію правительственныхъ мѣстъ или начальствъ, виновные подвергаются заключенію въ смирительномъ домѣ на 4—8 мѣсяцевъ (Уст. 304). Кассаціонный сенатъ объяснилъ, что подъ эту статью подходитъ и сорваніе частной печати чиновника, напр. казеннаго пріемщика, дѣйствующаго по порученію правительства и не имѣющаго печати по должности. *)

---

*) Кассац. 1868 № г. 152: «Правительствующій Сенатъ находитъ, что въ рѣшеніи присяжныхъ достаточно выяснено, что ящики, заключавшіе въ себѣ принятыя отъ Тулякова папахи, были запломбированы печатью пріемщика Барсукова, и что Туляковъ, вскрывъ эти ящики безъ вѣдома Барсукова, подменилъ доброкачественныя папахи забракованными, а ящики вновь запломбировалъ поддѣльною печатью Барсукова. Соображая это рѣшеніе съ законами, по коимъ въ подрядѣ съ казною пріемщиками назначаются лишь должностныя лица, подлежащія отвѣтственности за упущенія и злоупотребленія при пріемѣ вещей, какъ за проступки и преступленія по службѣ (Т. X. ст. 1353—1963 и 1968, Улож. ст. 492—497); а между тѣмъ не всякое должностное лицо имѣетъ присвоенную его должности печать,—нельзя не признать, что и частная печать, наложенная на принятыя вещи такимъ казеннымъ пріемщикомъ, который не имѣетъ присвоенной его должности казенной печати, охраняется отъ нарушенія тѣмъ же закономъ, въ которомъ предусмотрѣно самовольное истребленіе, снятіе, сорваніе или поврежденіе печатей или иныхъ знаковъ, приложенныхъ по распоряженію правительства или судебныхъ мѣстъ, или иныхъ начальствъ (Улож. ст. 304). Это заключеніе подтверждается еще и тѣмъ соображеніемъ, что хотя законъ различаетъ поддѣлку казенныхъ печатей отъ поддѣлки частныхъ, полагая

V. Взломъ тюремъ, уводъ и побѣгъ находящихся подъ стражею или надзоромъ. Невозможно видѣть преступленія въ томъ фактѣ, когда заключенный, пользуясь оплошностью стражи, бѣжитъ. Чувство свободы до того присуще человѣку, что требовать, чтобы осужданный на многіе годы заключенія или тотъ, кто въ ожиданіи тяжкаго уголовнаго наказанія сидитъ въ тюрьмѣ подъ судомъ, не двинулся бы, когда ворота отворяются передъ нимъ, — значило бы требовать великодушія. Конечно, человѣкъ съ возвышенными чувствами удержится отъ побѣга сознаніемъ справедливости наказанія за преступленіе, а еще болѣе нежеланіемъ подвергнуть тяжкому наказанію стражу. Но изъ этого только слѣдуетъ, что бѣгущій не имѣетъ возвышенныхъ чувствъ, но преступленія здѣсь нѣтъ. На этомъ основаніи, ст. 312 опредѣляетъ, что противъ бѣжавшаго изъ заключенія принимаются только болѣе строгія мѣры надзора. Послѣ вторичнаго побѣга слѣдуетъ, однако, отягощеніе своего рода, именно, срокъ заключенія считается тогда со дня доставки виновнаго въ тюремное заведеніе послѣ поимки. Такъ, если кто либо, будучи посаженъ въ смирительный домъ на два года, учинитъ второй побѣгъ на 23-мъ мѣсяцѣ заключенія, то послѣ вторичной поимки онъ будетъ сидѣть не два мѣсяца, а полныхъ два года, считая этотъ срокъ со дня доставленія, а не со дня поимки. Сосланные на житье за побѣгъ подвергаются заключенію въ тюрьмѣ (ст. 313). Безъ этого легкаго наказанія невозможно было бы существованіе ссылки на житье. Здѣсь осужденный не заключается въ тюремное заведеніе, ему только воспрещается выѣздъ изъ опредѣленнаго района; окружить стражей этотъ районъ, подобно тюрьмѣ, просто немыслимо. За побѣгъ изъ ссылки на поселеніе или каторжной работы существуютъ особенныя наказанія по уставу о ссыльныхъ.

Но если заключенный для своего освобожденія употребитъ насиліе противъ стражи, тогда онъ подвергается ссылкѣ на житье въ Сибирь, а если онъ, будучи арестантомъ подъ слѣдствіемъ, будетъ судимъ за другое высшее преступленіе, то наказывается по правиламъ о совокупности. Давать возможность бѣжать преступнику, значитъ искушать его; но когда онъ сдѣлалъ насиліе противъ стражи, то искушенія не было, и онъ совершаетъ преступленіе.

Иначе смотритъ законъ на самоосвобожденіе заключенныхъ, когда оно

за первое преступленіе болѣе строгое наказаніе (Улож. ст. 296), чѣмъ за второе (ст. 1692), однако въ постановленіи о самовольномъ истребленіи или снятіи печатей, наложенныхъ присутственными мѣстами и должностными лицами, объ этомъ различіи вовсе не упоминается, а отвѣтственность обусловливается лишь тѣмъ, чтобы печати наложены были по служебному дѣлу, или при отправленіи должности.

совершается не отдѣльно, а заговоромъ, общими силами. За таковое освобожденіе полагается ссылка въ Сибирь на поселеніе; а если оно сопровождалось насиліемъ противъ стражи и разломаніемъ дверей и оконъ, то каторжная работа на 15—20 лѣтъ; если же при этомъ было совершено убійство, то наказаніе слѣдуетъ не по началу совокупности преступленій, а высшее—каторжная работа безъ срока (ст. 309). Законъ видитъ здѣсь возстаніе противъ властей. Текстъ закона представляетъ много неясностей, а потому заслуживаетъ внимательнаго разбора. „Если заключенные сами, съ общаго согласія и совокупными силами, разломавъ въ мѣстѣ своего заключенія двери, окна, или что либо другое, и употребивъ насиліе противъ стражей, учинятъ побѣгъ . . . ". Третья часть той же 309 статьи гласитъ: "Если бѣжавшіе изъ заключенія не употребили никакого насилія противъ стражи, то . .". Что значатъ слова „съ общаго согласія?" Грамматическій смыслъ ихъ: коалиція *всѣхъ* заключенныхъ въ тюремномъ мѣстѣ, или, по крайней мѣрѣ, въ комнатѣ. Если же часть заключенныхъ сговорилась и совершила означенное преступленіе, то они не подходятъ подъ 309 ст., а также и подъ 312-ю, въ которой говорится объ одиночномъ побѣгѣ. Очевидно, здѣсь недомолвка закона или, можетъ быть, пропускъ. Послѣднее вѣроятнѣе, потому что заговоръ нѣсколькихъ и всѣхъ арестантовъ представляетъ не одинаковую опасность. Этотъ пропускъ или недомолвка очень важны, потому что дѣло идетъ о безнаказанности или объ уголовномъ наказаніи. Другая неясность въ словахъ: „. . . разломавъ двери, окна или что либо иное . ..". Заключается ли въ нихъ и освобожденіе чрезъ подкопъ, не рѣдко случающееся въ нашихъ тюрьмахъ? Далѣе, 309 ст. опредѣляетъ каторжную работу при существованіи двухъ условій, и ссылку на поселеніе, если самоосвобожденіе было безъ насилія. Должно полагать, что если оно было безъ насилія, хотя и съ разломомъ, то все-таки наказаніе будетъ ссылка, а не каторжная работа, потому что для подвергнутія каторжной работѣ, кромѣ разлома, необходимо еще и насиліе. Но если наоборотъ было насиліе противъ стражи, но не было разлома? Этотъ фактъ рѣшительно не подходитъ подъ 3-ю часть 309 ст. (ссылка на поселеніе), но его нельзя, строго говоря, подвести и подъ первую ея часть. Замѣтимъ еще одно. Третья часть 309 ст. говоритъ: „Когда бѣжавшіе изъ заключенія . . ." не прибавляя ничего не только о разломѣ, но и объ общемъ согласіи, т. е. заговорѣ. Но послѣднее условіе непремѣнно къ ней относится; иначе выходило бы, что когда бѣжитъ одинъ арестантъ, то ему нѣтъ наказанія, а если въ это же время совершенно независимо отъ него бѣгутъ и другіе, то онъ и всѣ прочіе подвергаются уголовному наказанію.

Подъ стражами надобно разумѣть не только часовыхъ солдатъ, но и

всякую охраняющую силу, напримѣръ, крестьянъ, содержащихъ караулъ въ волостной тюрьмѣ.

Значеніе преступленія увеличивается, когда взломъ тюрьмы, для освобожденія заключенныхъ, совершается посторонними лицами. Такое преступленіе большею частью бываетъ во время политическихъ смутъ, съ цѣлью получить въ преступникахъ контингентъ. Такое преступленіе заключаетъ въ себѣ великую общественную опасность: оно прерываетъ дѣйствіе правосудія, оно разомъ вноситъ въ общество элементы, удаленіе которыхъ было необходимо для его спокойствія. Если такое освобожденіе совершается съ насиліемъ противъ стражи, то къ этому присоединяется возстаніе противъ властей. Наказаніе за этотъ видъ преступленія сильнѣе чѣмъ за самоосвобожденіе, потому что въ послѣднемъ случаѣ естественное желаніе свободы смягчаетъ нѣсколько преступность дѣйствія. Именно, когда взломъ и уводъ произведены безъ насилія противъ стражи — каторжная работа на 8—10 лѣтъ, съ насиліемъ—на 15—20 лѣтъ, а когда къ этому присоединилось смертоубійство или зажигательство — безсрочная каторжная работа (ст. 308).

Наравнѣ съ взломомъ тюремъ и побѣгомъ изъ нихъ стоитъ насильственное освобожденіе арестантовъ или побѣгъ безъ насилія изъ подъ стражи во время пересылки изъ одного мѣста въ другое; здѣсь цѣпь солдатъ замѣняетъ тюремныя стѣны (ст. 310, 311, 312).

Дополненіе къ побѣгу заключенныхъ составляетъ укрывательство бѣжавшихъ и препятствіе къ ихъ поимкѣ. Укрывательство раздѣляется на двѣ степени, смотря по важности укрытыхъ преступниковъ: 1) укрывательство *присужденнаго* къ исправительнымъ наказаніямъ, начиная съ смирительнаго дома; оно подвергаетъ виновнаго заключенію въ тюрьмѣ или аресту; 2) укрывательство присужденнаго къ уголовному наказанію; за это слѣдуетъ ссылка въ Сибирь на житье или на поселеніе (т. 316). Здѣсь говорится объ укрывательствѣ *присужденныхъ* къ извѣстному наказанію, т. е. тѣхъ, которые были осуждены и частью выполнили наказаніе, или по крайней мѣрѣ, осуждены. Укрывательство людей, совершившихъ преступленіе, но еще незахваченныхъ и неосужденныхъ, составляетъ преступный фактъ другаго рода; именно, такіе укрыватели считаются пособниками въ томъ преступленіи, которое совершено укрытымъ (ст. 14, 124). Внутреннее различіе между этими двумя видами укрывателей то, что при укрытіи лицъ совершившихъ преступленіе, но незахваченныхъ и неосужденныхъ, можно сбить съ толку юстицію, повести къ захвату и осужденію невиннаго, чего не можетъ быть при укрытіи осужденнаго. Къ какой изъ двухъ категорій слѣдуетъ отнести укрывательство бѣжавшаго изъ заключенія до судебнаго приговора? Оно, очевидно, не подходитъ подъ 316 статью, потому что въ ней прямо говорится объ „осужденныхъ“,

притомъ же и самое наказаніе укрывателю зависитъ отъ того, къ которому былъ присужденъ укрытый; оно едва-ли относится и къ первой, общей категоріи укрывателей, потому что укрытый былъ найденъ и захваченъ, слѣдовательно юстиція не можетъ поразить невиннаго: самое бѣгство есть подтвержденіе правильности подозрѣнія.

Наказаніе, опредѣленное въ 316 ст., поражаетъ только того, „кто будетъ *завѣдомо* укрывать..“, т. е. съ знаніемъ того, что судебный приговоръ поразилъ укрываемаго, и притомъ приговоръ извѣстнаго разряда — къ исправительному или уголовному наказанію. Такъ, если кто укрылъ присужденнаго къ ссылкѣ на поселеніе въ убѣжденіи, что онъ былъ осужденъ только къ ссылкѣ на житье, то такой укрыватель можетъ быть подвергнутъ тому наказанію, какъ если бы онъ укрывалъ присужденнаго къ ссылкѣ на житье.

Укрыватели лицъ, присужденныхъ къ тюремному заключенію или аресту, подвергаются, на основаніи ст. 64 Миров. Уст., аресту или денежному взысканію до 100 рублей.

Еще два замѣчанія о 316 статьѣ. Въ ней ничего не говорится объ укрывателяхъ лицъ, присужденныхъ къ смертной казни. Конечно, наказаніе ихъ не можетъ быть менѣе того, которое положено укрывателямъ присужденныхъ къ каторжной работѣ. Другое замѣчаніе: распростр'няется ли на укрывателей лицъ присужденныхъ постановленіе, существующее для укрывателей преступниковъ неоткрытыхъ, о ненаказуемости въ томъ случаѣ, когда укрытый былъ близкимъ родственникомъ укрывателя? Въ пользу такого распространенія говоритъ то существенное обстоятельство, что нравственныя начала, на основаніи которыхъ укрыватели освобождены отъ наказанія въ одномъ случаѣ, въ той же силѣ существуютъ и въ другомъ. Мало того: укрывательство осужденныхъ вообще считается по закону преступленіемъ меньшей важности, чѣмъ укрывательство незахваченныхъ преступниковъ, слѣдовательно, нѣтъ никакой причины отказывать этимъ укрывателямъ въ той льготѣ, которая существуетъ для укрывателей высшаго рода. Но противъ этого распространенія существуетъ непреоборимое препятствіе—молчаніе закона. Постановленіе, существующее для укрывателей, какъ пособниковъ преступленія. не можетъ быть примѣнено при молчаніи законодателя къ тому случаю, когда укрывательство составляетъ спеціальное преступленіе.

Изъ общаго правила о наказаніяхъ укрывателей осужденныхъ лицъ существуетъ одно, не вполнѣ объяснимое исключеніе по ст. 317. „Шкиперъ, завѣдомо принявшій къ себѣ на корабль преступника, въ намѣреніи увезти его съ собою, приговаривается къ заключенію въ тюрьмѣ отъ 4 до 8 мѣсяцевъ, или въ крѣпости отъ 8 мѣсяцевъ до 1 года, смотря по обстоятельствамъ, сопровождавшимъ принятіе имъ преттупника на свой

корабль и сокрытіе его отъ росканій полиціи. Сверхъ сего и во всякомъ случаѣ онъ за сіе подвергается денежному взысканію не свыше тысячи рублей, и корабль, на который былъ принятъ бѣжавшій, подвергается секвестру до взноса опредѣленной судомъ ко взысканію суммы".

Въ первоначальной редакціи этой статьи стояло: „шкиперъ *иностраннаго* корабля". Въ этомъ случаѣ, постановленіе за укрывательство болѣе легкаго наказанія, чѣмъ то, которое опредѣлено по ст. 316, весьма понятно. Главная причина та, что купеческій корабль до нѣкоторой степени все-таки признается частью того государства, флагъ котораго на немъ развѣвается; мѣстная полиція имѣетъ право входа на корабль и ареста своихъ сокрытыхъ подданныхъ; но отъ иностраннаго шкипера нельзя требовать исполненія во всей строгости постановленій, существующихъ для подданныхъ, въ особенности объ укрывательствѣ (см. нашъ курсъ, гл. 1). Далѣе, шкиперъ иностраннаго корабля, который принималъ преступника „въ намѣреніи увести его съ собою", т. е. за границу, совершалъ меньшее зло: онъ освобождалъ Россію отъ преступника, а не впускалъ его въ наше общество, какъ дѣлаетъ обыкновенный укрыватель. Но теперь, когда исчезло выраженіе „иностраннаго корабля", слово шкиперъ, а слѣдовательно и вся 317 ст., также хорошо относятся къ начальнику русскаго купеческаго судна, какъ и иностраннаго. Въ такомъ положеніи дѣла статью 317 чрезвычайно трудно объяснить. Почему, напримѣръ, хозяинъ дома, стоящаго на берегу, укрывшій осужденнаго къ каторжной работѣ, подвергается ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе, а шкиперъ судна, стоящаго возлѣ его дома, если сдѣлаетъ то же самое то будетъ подвергнутъ только непродолжительному заключенію и денежному штрафу. Нельзя возразить, что шкиперъ увезетъ преступника за границу. Во первыхъ, онъ можетъ увезти его въ другой русскій городъ; въ законѣ не сказано: „шкиперъ, принявшій преступника, чтобы увезти съ собою за границу", а только „чтобы увезти съ собою", слѣдовательно хотя бы въ другой русскій городъ, куда онъ отправляется. Во вторыхъ, еслибы сокрытіе съ цѣлью выпроводить преступника за границу имѣло такое важное значеніе, то почему же это обстоятельство не приложено и къ другимъ лицамъ, кромѣ шкиперовъ. Очень часто случается, что укрывающій преступника въ домѣ, дѣлаетъ это съ цѣлью выпроводить его за границу моремъ или сухимъ путемъ. Замѣтимъ, что несмотря на исчезновеніе выраженія „шкиперъ иностраннаго корабля", вся физіономія, всѣ выраженія 317 ст. такія, что онѣ прямо указываютъ, что законодатель имѣлъ здѣсь въ виду именно такого шкипера. Такъ напр., выраженіе „въ намѣреніи увезти съ собою" показываетъ, что дѣло идетъ объ увозѣ за границу, иначе не было бы смысла считать какимъ то важнымъ обстоятельствомъ, что шкиперъ высадитъ преступника не въ томъ городѣ, гдѣ взялъ, а въ другомъ русскомъ. Да-

лѣе, до уплаты денежнаго взысканія корабль подвергается секвестру. Къ чему эта мѣра, когда бы дѣло шло о взысканіи съ русскаго шкипера? Онъ подвергался бы общимъ постановленіямъ Уставовъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства о способахъ произведенія денежныхъ взысканій. Но если дѣло идетъ о шкиперѣ иностраннаго корабля, тогда секвестръ понятенъ: шкиперъ можетъ въ нѣсколько часовъ уйти въ открытое море, и тогда мы ничего не можемъ съ нимъ сдѣлать по началамъ международнаго права; надобно будетъ вести съ нимъ процесъ, сопряженный съ величайшими затрудненіями, въ его отечествѣ.

VI. *Тайныя общества и запрещенныя сборища.* Постановленія Уложенія по этому предмету, ст. 318—324, замѣнены новымъ закономъ 27 марта 1867, который, главнымъ образомъ, отличается тѣмъ, что имъ предусмотрѣны, съ особенною строгостью, не только общества, имѣющія политическій характеръ, но и соціальный, нигилистическій, атеистическій, также и уклоненія отъ назначенія обществъ, дозволенныхъ правительствомъ. Эти мѣры были вызваны распространившимися въ послѣднее время кружками, явными и тайными, съ цѣлью практики и проповѣданія началъ, признанныхъ вредными.

Новый законъ подъ общимъ именемъ „противозаконныхъ сообществъ“ признаетъ: 1) всѣ тайныя общества, съ какою бы цѣлью онѣ ни были учреждены; 2) всѣ преслѣдующія вредную цѣль сборища, собранія, сходбища, товарищества, кружки, артели и проч.; 3) всѣ тѣ общества, которыя, по исходатайствованіи надлежащаго разрѣшенія, уклонятся отъ цѣли своего учрежденія, или станутъ прикрывать благовидными дѣйствіями такое направленіе, которое въ какомъ либо отношеніи вредно для государственнаго благоустройства или общественной нравственности.

Такимъ образомъ, составленіе тайныхъ обществъ во всякомъ случаѣ составляетъ преступленіе. У насъ не существуетъ права свободы ассоціацій, которое имѣетъ такое могущественное значеніе въ западной Европѣ. Всякое общество, даже благотворительное, не иначе можетъ существовать, какъ съ разрѣшенія правительства, когда статутъ его одобренъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. На этомъ основаніи по Уложенію, ст. 224, подвергалось денежному штрафу учрежденіе общества и съ цѣлью непротивозаконною, но безъ разрѣшенія правительства. Въ новомъ законѣ мы не находимъ такого постановленія. Отсюда можно заключить, что составленіе нетайныхъ обществъ съ цѣлями непротивозаконными ненаказуемо. Но во всякомъ случаѣ такое общество не можетъ имѣть характера и правъ юридическаго лица. Тѣмъ не менѣе новымъ закономъ совершенъ шагъ къ свободѣ ассоціацій. Дѣло состоитъ не въ одной отмѣнѣ денежнаго штрафа, а въ томъ, что денежный штрафъ все таки наказаніе по суду, слѣдовательно по прежнему порядку составители непротивозакон-

ныхъ обществъ подвергались суду, преслѣдовались полиціей, общества эти уничтожались.

Что надобно разумѣть подъ именемъ тайнаго общества и другихъ сообществъ? Непремѣнныя условія такихъ обществъ: 1) онѣ должны имѣть организацію, т. е. начальника, совѣтъ, собранія, кассу и т. п. признаки,— иначе это не будетъ общество или сообщество; 2) онѣ должны имѣть періодическія собранія; 3) у нихъ долженъ быть свой уставъ, опредѣленная цѣль. Если люди собираются безъ всякаго порядка, сегодня говорятъ объ одномъ, завтра о другомъ, сегодня одни лица, завтра другія,— въ этомъ нельзя видѣть общества, т. е. чего-то продолжительно существующаго съ опредѣленной физіономіей. Это будетъ уговоръ нѣсколькихъ лицъ, что либо сдѣлать, и если они совершатъ противозаконное, то и будутъ наказаны на основаніи постановленій о совершеніи преступленій многими лицами по предварительному соглашенію. Потому и преслѣдуетъ законъ тайныя общества и другія сообщества, что хотя это только приготовленіе къ преступленію, но приготовленіе въ высшей степени опасное для спокойствія общества, вслѣдствіе того, что множество лицъ, множество волей соединяются въ одно цѣлое посредствомъ организаціи, такъ что законъ поражая одного или нѣсколькихъ изъ нихъ не можетъ еще убить всего тѣла, а все тѣло захватить не легко. Далѣе, цѣль этихъ обществъ непремѣнно должна быть политическая или соціальная. Если общество имѣетъ цѣль производить общія преступленія — убійства, поджоги, кражи и т. под.—это шайка, и составленіе такихъ шаекъ предусмотрѣно другими постановленіями (Улож. ст. 922—931). Можетъ случиться что тайное политическое общество для достиженія своихъ цѣлей постановитъ произведеніе убійствъ и поджоговъ. Но въ этомъ случаѣ политическая цѣль не изъемлетъ его изъ разряда злодѣйскихъ шаекъ, кромѣ, конечно, того случая, когда за составленіе извѣстнаго политическаго общества слѣдуетъ наказаніе высшее. Далѣе, тайное общество надобно отличать отъ соглашенія нѣсколькихъ лицъ произвести какое либо политическое преступленіе или отъ заговора, хотя, впрочемъ, эти виды очень часто совпадаютъ. Въ тайномъ обществѣ и противозаконномъ сообществѣ есть отличительный признакъ—пропаганда, дѣйствіе на умы, медленное и расчитанное, а заговоръ имѣетъ цѣлью непосредственное дѣйствіе, совершеніе извѣстнаго политическаго преступленія. Наконецъ, составленіе общества съ характеромъ религіознымъ, тайнаго и нетайнаго, относится къ другому разряду преступленій — составленію расколовъ и новыхъ сектъ,—разумѣется, когда оно направлено въ ущербъ православія или общечеловѣческой нравственности.

Наказанія за составленіе противозаконныхъ сообществъ бываютъ различны, смотря по большей или меньшей преступности цѣли. Далѣе, раз-

личіе въ наказаніяхъ между главными виновными (учредителями, основателями, начальниками и главными распорядителями) и второстепенными также велико, какъ и въ преступленіи возстанія противъ властей, и на томъ же основаніи. т. е., что большинство увлекается учредителями, часто не зная конечныхъ цѣлей, прельщаясь самою таинственностью, тѣснымъ братствомъ, въ особенности молодые люди. Притомъ такое различіе въ наказаніяхъ имѣетъ вѣрную уголовно-политическую цѣль, именно заставить пораздумать о принятіи роли начальника или распорядителя; а когда не найдутся охотники на это, то и преступное общество разрушается само собою, потому что оно, какъ всякое людское общество, не можетъ существовать безъ власти, главы.

Наказанія эти слѣдующія: 1) Если цѣль сообщества была посредствомъ дѣйствій или распространенія ученія произвести ниспроверженіе существующаго государственнаго устройства: главные виновные подвергаются каторжной работѣ на 12—15 лѣтъ, а прочіе одному изъ трехъ наказаній — каторжной работѣ на 6 — 8 лѣтъ, ссылкѣ на житье въ Сибирь, тюремному заключенію. Такимъ образомъ, суду предоставлено почти безграничное право наказанія, что можетъ быть объяснено только безконечнымъ различіемъ преступности участниковъ, смотря по ихъ дѣятельности, умственнымъ способностямъ, общественному положенію. 2) Вторую категорію преступныхъ сообществъ составляютъ тѣ изъ нихъ, которыя дѣйствуютъ „въ направленіи, противномъ истинамъ и правиламъ христіанской вѣры, или нарушающихъ общественную нравственность, или же преподающихъ ученія, противныя благочестію или нравственности". Главные виновные подвергаются въ этомъ случаѣ ссылкѣ въ отдаленныя губерніи, а прочіе— заключенію въ тюрмѣ. Выраженія, описывающія эту категорію, несовсѣмъ опредѣлены: напр. что значитъ—ученія, противныя благочестію? Выраженіе: „сообщества, преподающія ученія, противныя общественной нравственности" представляется довольно опредѣлительнымъ, потому что существуетъ въ Уложеніи отдѣлъ преступленій противъ общественной нравственности. Но нѣтъ такого преступленія—нарушенія благочестія, нѣтъ наказанія за отсутствіе благочестія. Равнымъ образомъ, мы знаемъ выраженіе „правила церкви", но не знаемъ, что слѣдуетъ здѣсь разумѣть подъ „правилами христіанской вѣры". Смыслъ приведеннаго постановленія о сообществахъ второй категоріи дополняется указаніями закона. Опредѣливши наказанія виновныхъ въ составленіи такихъ обществъ, законъ прибавляетъ: „буде они не учинили другихъ преступленій, влекущихъ за собою болѣе строгое наказаніе (ст. 176 — 178, 181, 183, 184, 185, 187, 189, 995 — 1000)." Указываются обыкновенно тѣ преступленія, въ которыя чаще всего переходитъ описываемое. Что же это за преступленія? Богохуленіе, отвлеченіе въ нехристіанскую вѣру или ересь, мужеложство, ско-

толожство, сводничество родителями и другими имѣющими власть лицами.

Суду предоставлено право смягчать наказаніе нѣсколькими степенями и даже вовсе не подвергать наказанію, слѣдовательно право прощенія тѣхъ изъ членовъ преступныхъ сообществъ, которые раскаявшись донесутъ правительству объ организаціи.

Самое покушеніе на образованіе противозаконнаго общества также наказывается—въ первый разъ заключеніемъ въ тюрьму, во второй—ссылкой на житье въ Сибирь. Такъ какъ за образованіе противозаконнаго общества второй категоріи высшее наказаніе—ссылка на житье въ отдаленныя губерніи, то выходитъ, что покусившійся вторично на составленіе такого общества наказываются строже, чѣмъ дѣйствительно составившій таковое.

Шайка также тайное общество, но не съ политической или соціальной цѣлью, она преслѣдуетъ не идеи: цѣль ея — совершеніе общихъ преступленій – грабежа, поджога и т. под. Совершеніе преступленія шайкою во всякомъ случаѣ считается отягчающимъ обстоятельствомъ. Но почему наказывается, и притомъ весьма строго, одно составленіе шайки, когда еще она не совершила предположеннаго преступленія? Составленіе шайки есть только приготовленіе, а приготовленіе вообще не наказуемо. Но законодатель вполнѣ вѣрно видитъ самостоятельное преступленіе въ одномъ составленіи шайки для преступной цѣли, во первыхъ потому, что такое дѣйствіе показываетъ высшую степень безнравственности и дерзости — сгруппироваться для произведенія войны противъ собственности и другихъ личныхъ правъ; во вторыхъ, что это такое приготовленіе, отъ котораго къ совершенію преступленія ничтожное разстояніе: когда много людей устроили правильную организацію, то при переходѣ къ совершенію преступленія трудно предполагать колебаніе—одинъ поддерживаетъ другаго, совершеніе представляется легкимъ дѣломъ.

Законъ не опредѣляетъ, что именно слѣдуетъ понимать подъ шайкой. Но такъ какъ соединеніе нѣсколькихъ лицъ, заранѣе условленное, для совершенія одного какого либо преступленія, для убійства такого-то лица, для кражи въ такомъ-то домѣ, не составляетъ спеціальнаго преступленія, а служитъ только къ усиленію наказанія при совершеніи для главныхъ виновниковъ, и законъ называетъ въ этомъ случаѣ такое преступленіе „учиненнымъ нѣсколькими лицами по предварительному ихъ на то соглашенію,“ а не „учиненнымъ шайкою“ (ст. 13), то съ понятіемъ шайки необходимо соединить условіе, что цѣль ея — произведеніе цѣлаго ряда преступленій, занятіе совершеніемъ преступленій, какъ ремесломъ. Это подтверждается и выраженіями закона въ постановленіяхъ о составленіи шаекъ: шайки для разбоевъ, зажигательствъ и пр., а не для разбоя, зажигательства; хотя и послѣдняя форма не означаетъ непремѣнно единич-

наго преступленія, но первая безусловно обозначаетъ рядъ преступленій. Но 1645 ст. противорѣчитъ этому опредѣленію. Въ ней сказано: „За кражу, когда *оная* (т. е. единичный фактъ) учинена составившеюся *для сего, или вообще для воровства*, шайкою...“ Слѣдовательно, законъ предполагаетъ, что шайка можетъ существоть и тогда, когда цѣль ея— произведеніе одного только преступленія, а не цѣлаго ряда ихъ. Далѣе въ 1654 ст. говорится: „когда кража учинена нѣсколькими сговорившимися на то лицами, хотя и безъ составленія *настоящей* для *того шайки*...“ Изъ этихъ двухъ статей видно, что хотя законъ и допускаетъ возможность шайки съ цѣлью совершенія одного преступнаго факта, но все-таки отличаетъ ее отъ уговора нѣсколькихъ лицъ. Отсюда мы должны заключить, что различіе шайки отъ уговора нѣсколькихъ лицъ надобно искать въ другомъ условіи. Это другое условіе, характеристическій признакъ шайки—правильная организація. Законъ говоритъ *о начальникахъ* (атаманахъ), *основателяхъ и составителяхъ* шаекъ и о лицахъ, вступившихъ въ шайку, слѣдовательно этими словами указываетъ на организацію; въ шайкѣ должно быть не только устройство въ родѣ того, которое существуетъ въ военныхъ отрядахъ или законныхъ ассоціаціяхъ, но и своего рода договоръ—о дѣлежѣ добычи и т. под. Всѣ признаки опредѣлить заранѣе довольно трудно. Но историческое понятіе о шайкѣ, образовавшееся изъ перваго извѣстнаго ея вида—разбойничьей шайки, которыя и во второй половинѣ прошлаго столѣтія нападали даже на города, заключаетъ коренное условіе о твердой организаціи. Этотъ ли признакъ 1654 ст. считаетъ демаркаціонной линіей между шайкой и простымъ уговоромъ нѣсколькихъ лицъ? Можно усомниться въ этомъ, потому что такой признакъ весьма трудно опредѣлить, и онъ вовсе неопредѣленъ положительнымъ образомъ въ законѣ. По нашему мнѣнію, онъ недостаточенъ, нужна все-таки еще цѣль—воевать съ обществомъ, жить преступленіемъ, т. е. постоянно или продолжительное время производить его. Статьи 1645 и 1654 не могутъ разрушить этого понятія; онѣ, надобно полагать, имѣютъ значеніе только для кражи, а не общее. Во всякомъ случаѣ эта неопредѣленность закона въ высшей степени прискорбна, потому что отъ того или другаго понятія зависитъ часто—сослать ли въ каторжную работу или оставить вовсе безъ наказанія сборище, составившееся для преступленія. Впрочемъ, ст. 1645 и 1654 говорятъ о совершившемся преступленіи, о приведенной въ исполненіе кражѣ, поэтому до извѣстной степени допустима сбивчивость выраженій закона въ этомъ случаѣ о шайкѣ.

Какое число людей необходимо для составленія шайки? Если два человѣка условились производить постоянно грабежи, будетъ ли это шайка? Отрицательный отвѣтъ несомнѣненъ. Законъ при постановленіяхъ о шайкѣ говоритъ о начальникахъ, основателяхъ, вступившихъ въ шайку, слѣ-

довательно рисуетъ понятіе о многихъ лицахъ, но о скольких именно, невозможно опредѣлить. Надобно полагать, по сравненію съ 270 ст., что ихъ должно быть не менѣе четырехъ. Сенатъ по дѣлу Ефимова далъ слѣдующее толкованіе шайки. (Касс. 1869 г. № 613):

„Правительствующій Сенатъ находитъ, что шайкою, въ общепринятомъ значеніи этого слова, называется нѣсколько людей, собравшихся для общаго преступнаго дѣла или промысла.—Въ Уложеніи о наказаніяхъ нѣтъ точнаго опредѣленія шайки, но есть только указанія на то, что подъ шайкою разумѣется преступное сообщество, составленное нѣсколькими лицами для какого либо преступленія въ особенности, и что въ составѣ шайки, какъ и во всякомъ сообществѣ лицъ, предварительно согласившихся, различаются: 1) въ качествѣ зачинщиковъ или подговорщиковъ— составители или начальники шайки; 2) въ качествѣ сообщниковъ — доставляющіе завѣдомо шайкѣ оружіе или иныя средства для содѣянія преступленій; 4) въ качествѣ укрывателей — пристаносодержатели (Улож. о наказ. ст. 922—931, 1607, 1633, 1639 и 1645). Изъ этихъ указаній, какъ они ни кратки, можно вывести заключеніе, что по Уложенію о наказаніяхъ преступное сообщество, именуемое шайкою, имѣетъ два главные вида: во первыхъ, оно можетъ существовать какъ сообщество, составленное для совершенія *нѣсколькихъ* преступленій, опредѣленныхъ только въ родѣ ихъ, или въ данныхъ случаяхъ, и во вторыхъ, оно можетъ существовать какъ сообщество, составленное для совершенія *одного или нѣсколькихъ преступленій*, опредѣленныхъ заранѣе въ данныхъ случаяхъ. Какимъ числомъ лицъ обусловливается составъ шайки о томъ нашъ уголовный законъ умалчиваетъ, но въ общепринятомъ понятіи о шайкѣ обыкновенно высказывается требованіе, чтобы въ шайкѣ было по крайней мѣрѣ *трое сообщниковъ*. Изъ этого видно, что для опредѣленія Судомъ наказанія за составленіе шайки перваго вида достаточно, чтобы присяжными засѣдателями былъ признанъ главный отличительный признакъ этого преступнаго сообщества, состоящій въ предварительномъ соглашеніи на совершеніе какого либо рода предступленій, безъ предварительнаго опредѣленія отдѣльныхъ случаевъ. Напротивъ того, для установленія различія между шайкою втораго вида и простымъ сговоромъ нѣсколькихъ лицъ на совершеніе извѣстнаго преступленія, необходимо положительное признаніе присяжными засѣдателями тѣхъ фактическихъ данныхъ, которыми обусловливается организація шайки, а именно что между сговорившимися лицами опредѣлено было заранѣе назначеніе начальниковъ, распредѣленіе дѣйствій между сообщниками, раздѣлъ, по извѣстнымъ правиламъ, добычи, и тому подобные признаки соединненнаго въ своихъ частяхъ преступнаго сообщества". Мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ сената, что одно соглашеніе нѣсколькихъ лицъ, не менѣе трехъ, на совершеніе

нѣсколькихъ индивидуально неопредѣленныхъ преступленій составляетъ шайку. Мы считаемъ организацію, злодѣйскую конституцію необходимымъ элементамъ. Шайка не есть только отягчающее обстоятельство преступленія; она составляетъ самостоятельное важное преступленіе. Небольшая разница въ томъ условилось ли нѣсколько лицъ совершить одно опредѣленное преступленіе или нѣсколько неопредѣленныхъ; важно то—составили ли они массу *организованную*. Уложеніе поставило составленіе шаекъ въ раздѣлѣ преступленій противъ общественнаго благоустройствія, въ главѣ „о нарушеніи общественнаго спокойствія", слѣдственно на шайку надобно смотрѣть только съ точки общественнаго спокойствія; для общественнаго спокойствія имѣетъ важное значеніе организованное общество именно потому, что организація твердо связываетъ отдѣльныя силы, направляетъ ихъ обдуманно, и, наконецъ, главное, организація есть нѣчто вѣчное или по крайней мѣрѣ способное долго существовать: умретъ, погибнетъ или отстанетъ одинъ изъ членовъ, на мѣсто его будетъ найденъ другой. Извѣстно, какъ живучи разбойническія или шулерскія шайки; какъ они быстро вновь организуются послѣ преслѣдованія; уцѣлѣетъ изъ шайки два человѣка и они, съ ихъ преступной опытностью, преданіями, представляютъ надежный кадръ для составленія новой шайки. Уговоръ нѣсколькихъ людей совершить даже рядъ преступленій самъ по себѣ не представляетъ большой опасности для общественнаго спокойствія: могутъ ли они дѣйствительно совершить все задуманное безъ твердой организаціи. Наконецъ, такъ какъ постановленія о шайкѣ составляютъ исключеніе изъ общаго начала о приготовленіи къ преступленію, то и слѣдуетъ объяснить ихъ не расширительно.

Наказанія за составленіе шаекъ зависятъ отъ важности того преступленія, которое предполагала совершать шайка. Законъ раздѣляетъ въ этомъ случаѣ всѣ преступленія на двѣ категоріи. Къ первой онъ относитъ шайки для разбоевъ, зажигательствъ, дѣланія или привоза фальшивой монеты или фальшивыхъ ассигнацій; ко второй—для кражи, мошенничества, дѣланія фальшивыхъ документовъ, кромѣ лишь государственныхъ бумагъ, для контрабанды, провоза питей, подлежащихъ акцизу, запрещенной игры, подкупа чиновниковъ и т. под.

Было бы правильнѣе, если бы законъ не входилъ въ исчисленія, а обозначилъ бы разряды преступленій, для которыхъ составилась шайка, общими выраженіями: за которыя положено уголовное наказаніе, за которыя положено исправительное наказаніе. Этимъ бы законъ избавилъ отъ многихъ затрудненій. Такъ напр., пропущено какому наказанію подлежитъ составленіе шаекъ для убійства. Нельзя сказать, что подобныя шайки немыслимы, что убійство входитъ только какъ средство, а цѣль—грабежъ. Такъ въ Англіи бывали шайки для произведенія убійства съ цѣлью продажи труповъ для медицинскихъ изслѣдованій; могутъ быть

шайки, и къ несчастью бывали при мятежахъ и послѣ ихъ окончанія, для убійства лицъ, преданныхъ правительству. Далѣе можно представить шайку для изнасилованія женщинъ. Если подобнаго примѣра у насъ еще не случалось, это не избавляетъ законъ отъ обязанности предусмотрѣть возможность. При строгомъ, буквальномъ приложеніи уголовнаго закона составленіе послѣдняго рода шайки можетъ остаться безнаказаннымъ, хотя на первый разъ.

Замѣтимъ еще одно недоразумѣніе. Законъ (ст. 925) говоритъ о составленіи шаекъ для дѣланія *фальшивой* монеты. Отсюда слѣдуетъ, что составленіе шайки для дѣланія монеты настоящаго достоинства, хотя бы низкопробной серебряной, ненаказуемо. Между тѣмъ, какъ по Уложенію наказывается одинаково поддѣлка монеты, какъ настоящаго достоинства, такъ и ненастоящаго.

Наказаніе за составленіе шаекъ перваго разряда: составителямъ и начальникамъ — каторжная работа на 4—6 лѣтъ, прочимъ—ссылка на поселеніе; втораго разряда — ссылка на житье въ Сибирь. Недоносители въ обоихъ случаяхъ подвергаются: въ первомъ случаѣ—ссылкѣ на житье въ Сибирь, а во второмъ—въ отдаленныя губерніи (ст. 924, 924), слѣдовательно, наказаніямъ высшимъ тѣхъ, которыя опредѣлены вообще за недоносъ по ст. 126.

Замѣтимъ, что составленіе шайки для кражи и мошенничества наказывается, строже чѣмъ дѣйствительное произведеніе большей части видовъ этого преступленія однимъ человѣкомъ. Но это еще можетъ быть объяснено: законодатель считаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ составленіе шайки для преступленія важнѣе произведенія преступленія однимъ лицомъ; можетъ быть это строго, но здѣсь нѣтъ логическаго противорѣчія. Совсѣмъ другое въ наказаніи за составленіе шаекъ для зажигательства. Это наказаніе состоитъ по 924 ст. для главныхъ виновныхъ въ ссылкѣ въ каторжную работу на 4 — 6 лѣтъ. Законъ говоритъ вообще: шайка для зажигательствъ, не опредѣляя вида зажигательства — жилыхъ или нежилыхъ строеній и проч. Между тѣмъ, по ст. 1613 за поджогъ лѣса, учиненный шайкою, назначена только ссылка въ Сибирь на поселеніе, а за истребленіе огнемъ садовъ, жатвъ и т. под. на основаніи 1614 и 1607 ст. можетъ быть назначена ссылка на житье и даже только тюремное заключеніе. Итакъ, если будетъ захвачена шайка, условившаяся поджигать лѣса или жатвы, то по 922 ст. главные виновные будутъ посланы въ каторжную работу, а если она будетъ захвачена при дѣйствительномъ совершеніи преступленія, то эти лица не могутъ подлежать наказанію высшему ссылки на поселеніе. Здѣсь, очевидно, противорѣчіе въ законѣ.

Укрыватели лицъ, составляющихъ шайку, составляютъ особенный раз-

рядъ *пристанодержателей.* Они подвергаются наказаніямъ наравнѣ съ основателями, когда дали обѣщаоіе укрывать предъ составленіемъ шайки, или, если производитъ укрывательство безъ этого отягчающаго обстоятельства—наравнѣ съ лицами, вступившими въ шайку (ст. 929). Но если шайка совершила преступленіе, то само собою разумѣется, что они подвергнутся наказанію какъ укрыватели на основаніи ст. 124, т. е. двумя степенями ниже виновныхъ, если такое наказаніе будетъ выше слѣдуемаго за составленіе шайки для произведенія его.

Ст. 930 опредѣляетъ то же наказаніе, которое положено для вступившихъ въ шайку, тѣмъ, которые принимаютъ на сохраненіе или продаютъ вещь или иное какое либо имущество, добытое шайкою, а 931 ст.—ссылку на житье въ Сибирь тѣмъ, которые занимаются скупомъ и перепродажею предметовъ *завѣдомо* краденыхъ или противозаконно привезенныхъ, хотя бы они не только не имѣли сношеній съ шайкою, но даже и не знали о ея существованіи. Эти двѣ статьи находятся не на должномъ мѣстѣ. Первая говоритъ не объ участіи въ составленіи шайки, а объ участіи въ преступленіи уже совершенномъ шайкою. Вторая статья составляетъ спеціальное преступленіе; скупъ вещей завѣдомо похищенныхъ, т. е. участіе въ кражѣ, а вовсе не участіе въ составленіи шайки.

VII. *Недозволенное оставленіе отечества.* Экспатріація провозглашалась знаменитыми публицистами со временъ Гуго Гроція, какъ одно изъ естественныхъ правъ человѣка. Ни въ одномъ западномъ государствѣ мы не найдемъ запрещенія ея; экспатрировавшійся подлежитъ нѣкоторымъ наказаніямъ по возвращеніи, но только въ томъ случаѣ, когда онъ не выполнилъ лежавшей на немъ военной повинности. Временное пребываніе за границей тѣмъ болѣе считается на Западѣ такимъ же правомъ, какъ и переѣздъ въ другой городъ отечества. Самые заграничные паспорты постепенно отмѣняются. Конечно, бываетъ несомнѣнный вредъ для государства, когда достаточные люди цѣлыми массами удаляются изъ отечества и проживаютъ за границей. Но этотъ *абсентизмъ* можетъ условливать наложеніе пошлины на вывозимые капиталы и другія подобныя мѣры, но никакъ не насильственное удержаніе.

Право экспатріаціи имѣетъ дѣйствительно за себя много началъ самой высшей важности. Во первыхъ — оно неразрывно связано съ свободой человѣка; тамъ, гдѣ оно не признано, гражданинъ разсматривается какъ бы въ родѣ рабочей силы, матеріала для правительства. Чувство личнаго достоинства требуетъ признанія этого права, только при немъ самый патріотизмъ получаетъ дѣйствительное значеніе. Во вторыхъ—признанія этого права требуетъ достоинство государства и правительства. Государство, разумно устроенное, гордится своими учрежденіями; оно не-

скоро и нелегко даетъ иностранцу право своего гражданства, оно требуетъ, чтобы онъ сначала доказалъ, что достоинъ этой чести. Если оно не выпускаетъ своихъ подданныхъ, то не показываетъ ли этимъ, что быть гражданиномъ его есть тягость, родъ крѣпостнаго состоянія, въ особенности, если при этомъ иностранцы принимаются въ подданство съ открытыми руками, если имъ даютъ всякаго рода льготы, изъятія изъ общихъ законовъ и денежныя пособія. Мы можемъ смотрѣть дурно на человѣка, который рѣшается разорвать всѣ связи съ отечествомъ, дѣлается гражданиномъ другаго государства; но тѣмъ строже будетъ нашъ взглядъ, тѣмъ болѣе мы не должны желать принудительнаго оставленія его: какая польза будетъ государству отъ такихъ гражданъ? Мы взяли этотъ вопросъ съ его общей стороны; замѣтимъ, что бываютъ случаи, когда человѣкъ, сохраняя все свое достоинство и любовь къ родинѣ, можетъ вступить въ другое подданство, даже именно вслѣдствіе желанія принести ей и цивилизаціи наибольшую пользу.

Наконецъ, съ свободой экспатріаціи связывается нравственное значеніе повиновенія законамъ. Что можетъ отвѣтить судья человѣку, нарушившему законъ, когда тотъ ему скажетъ, что этотъ законъ противенъ его совѣсти, религіознымъ или политическимъ убѣжденіямъ? одно: если вамъ не нравятся законы Россіи, уходите, мы васъ не держимъ, но если вы живете въ Россіи, то тѣмъ самымъ, молча, изъявляется согласіе на существующіе законы.

Въ нашемъ законодательствѣ существованіе преступленія недозволеннаго оставленія отечества есть живой остатокъ старины; въ послѣднее время фактически ослаблены строгія постановленія объ экспатріаціи, какъ мы ниже скажемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, условія принятія въ русское подданство поставлены сходныя съ тѣми, которыя существуютъ въ западныхъ государствахъ.

Во время удѣловъ дворянство имѣло право свободы перехода изъ одного княжества въ другое. Московскіе самодержцы стали смотрѣть, какъ на измѣну, на всякую отлучку за границу своихъ подданныхъ. Этотъ взглядъ былъ поддерживаемъ духовенствомъ, которое выражало опасеніе за церковный миръ. Въ Уложеніи царя Алексѣя Россія представляется запертымъ государствомъ; въ главѣ „о проѣзжихъ грамотахъ въ иныя государства" дозволяются съ большимъ трудомъ краткія отлучки за границу только купцамъ для торговыхъ дѣлъ. О путешествіяхъ съ научной цѣлью, для здоровья, для удоволствія, не было и рѣчи; единственныя путешествія русскихъ людей не съ торговою цѣлью за границу были—въ Іерусалимъ и на Афонъ. Экспатріація считалась измѣной. Запрещеніе экспатріаціи осталось въ силѣ до нашего времени, но временныя отлучки за границу со времени Петра В. дозволяются. И въ этомъ вопросѣ бы-

вали періоды льготъ и періоды затрудненій: бывали періоды почти полнаго запрещенія заграничныхъ путешествій (1848—1855 года), и наоборотъ — что всего любопытнѣе — насильственнаго отправленія за границу: при Петрѣ В. былъ родъ рекрутскаго набора для посылокъ молодыхъ дворянъ за границу.

Ст. 325 постановляетъ объ экспатріаціи слѣдующее: „Кто, отлучась изъ отечества, войдетъ въ иностранную службу безъ позволенія правительства, или вступитъ въ подданство иностранной державы, тотъ за сіе нарушеніе вѣрноподданническаго долга и присяги подвергается лишенію всѣхъ правъ состоянія и вѣчному изъ предѣловъ государства изгнанію или, въ случаѣ самовольнаго потомъ возвращенія въ Россію—ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе.“

Съ перваго взгляда кажется, что это наказаніе только безсильная угроза; оно не можетъ поразить того, кто находится внѣ нашихъ предѣловъ. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи въ немъ заключается кара. Во первыхъ, человѣкъ лишается права пріѣхать въ Россію, когда бы то ни было, какія бы семейныя или имущественныя дѣла ни призывали его. Далѣе, лишеніе правъ влечетъ потерю имущества, которое онъ оставилъ въ Россіи, права наслѣдованія, правъ семейныхъ.

Право вступленія въ иностранную службу даровано дворянству по жалованной грамотѣ. Но изъ 325 ст. видно, что оно не можетъ быть осуществляемо иначе, какъ съ дозволенія правительства. Въ 1867 г. разрѣшено вступать въ персидскую службу нашимъ телеграфистамъ, — это первый примѣръ не индивидуальнаго разрѣшенія. Вступленіе въ иностранное подданство иногда разрѣшалось. Такъ, въ царствованіи Николая I одинъ остзейскій дворянинъ получилъ разрѣшеніе вступить въ прусское, а одинъ помѣщикъ западныхъ губерній въ австрійское подданство. Финляндія и Польша считаются какъ бы отдѣльными государствами, существуетъ финляндское подданство, польское подданство, но русскіе имѣютъ право вступать въ эти подданства.

Бракомъ жена получаетъ политическое состоянія мужа. На бракъ съ иностранцемъ русская подданная должна имѣть разрѣшеніе правительства, потому что этимъ фактомъ она вступаетъ въ иностранное подданство. Въ 1853 году одна русская, вступившая въ супружество съ иностранцемъ безъ разрѣшенія правительства, была по возвращеніи въ Россію подведена подъ 325 статью и присуждена къ ссылкѣ въ Сибирь! Она была помилована, но все-таки потеряла право наслѣдства въ Россіи.

Такъ какъ иностранцы, вступившіе въ наше подданство, имѣютъ право во всякое время выдти изъ него, то ст. 325 не можетъ къ нимъ относиться.

Въ послѣдніе годы, правительство наше въ двухъ случаяхъ выразило

совершенно иной взглядъ на экспатріацію. Именно, оно разрѣшило цѣлымъ массамъ крымскихъ татаръ и кавказскихъ горцевъ, изъ которыхъ первые были коренными подданными Имперіи, переселиться въ Турцію. Тѣмъ не менѣе, законъ о переселеніи за границу не отмѣненъ. Ст. 328 опредѣляетъ за подговоръ къ переселенію за границу „какихъ либо подданныхъ Имперіи"—ссылку на житіе въ Сибирь. Конечно, здѣсь законъ имѣетъ въ виду подговоръ цѣлыхъ массъ крестьянъ или инородцевъ. Въ XVIII вѣкѣ раскольники бѣжали тысячами въ тогдашнюю Польшу, Австрію и Турцію, казаки нѣсколько разъ уходили массами въ Турцію, въ особенности было сильно движеніе ихъ подъ предводительствомъ Некрасова; до сихъ поръ потомки ихъ подъ именемъ Некрасовцевъ (по турецки Игнатъ-казакъ)живутъ въ Турціи; въ царствованіе Екатерины II калмыки въ числѣ нѣсколькихъ сотъ тысячъ человѣкъ ушли въ Китай. Въ настоящее время, къ счастью, трудно себѣ представить возможность такого переселеніи массами.

Другой видъ недозволеннаго оставленія отечества — пребываніе заграницей долѣе дозволеннаго срока „безъ особенныхъ признаваемыхъ достаточными для сего причинъ": лицо считается безвѣстно-отсутствующимъ и имѣніе его берется въ опекунсное управленіе (ст. 327). Въ настоящее время. срокъ заграничнаго паспорта пятилѣтній, а для купцовъ семилѣтній (Уст. о паспортахъ, ст. 463, 466). Въ Миров. Уст. ст. 62 постановлено: за отлучку за границу безъ взятія установленнаго паспорта, виновный подвергается денежному взысканію не свыше тройной платы за паспортъ. Сравнивая эти два постановленія, мы не можемъ объяснить себѣ — почему просрочка паспорта подвергаетъ послѣдствіямъ болѣе суровымъ, чѣмъ отлучка безъ паспорта.

Ст. 326 говоритъ о наказаніи тѣхъ, которые не явятся въ отечество по требованію правительства. Это не подходитъ собственно подъ недозволенное оставленіе отечества, а составляетъ неповиновеніе власти. Наказаніе состоитъ въ слѣдующемъ: судъ назначаетъ срокъ, въ который невозвратившійся по требованію правительства, долженъ представить доказательства, что это учинено имъ по независѣвшимъ отъ него или, по крайней мѣрѣ, уменьшающимъ вину обстоятельствамъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, его имѣніе берется въ опекунское управленіе, а онъ считается какъ безвѣстно отсутствующій. По прошествіи назначеннаго времени, онъ приговаривается къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ вѣчному изгнанію изъ предѣловъ государства. При этомъ однако, не сказано, какъ въ 325 ст., что онъ въ случаѣ самовольнаго возвращенія ссылается на поселеніе. Но какъ же съ нимъ будетъ поступлено при возвращеніи?

Постановленія о недозволенномъ оставленіи отечества заключаютъ, между прочимъ, важный вопросъ судопроизводства. Мы видѣли, что за

нѣкоторыя изъ нихъ полагается лишеніе всѣхъ правъ состоянія, какъ самостоятельное и единственно осуществимое наказаніе. Это наказаніе — уголовное, по новому Уставу Уголовнаго Судопроизводства, налагаемое по суду съ присяжными засѣдателями. Нашъ законъ не знаетъ заочныхъ уголовныхъ приговоровъ. Ст. 852 Уст. Уг. Суд. опредѣляетъ, что судъ можетъ въ случаѣ бѣгства обвиняемаго, поступить съ имѣніемъ его по правиламъ о безвѣстно отсутствующихъ, но сужденіе о немъ отлагаетъ до его задержанія. Какимъ же образомъ можетъ быть постановленъ приговоръ о лишеніи всѣхъ правъ состоянія о лицѣ, остающемся за границей? А если нельзя постановить о немъ приговора, то наказаніе лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія останется мертвой буквой для того, кто навсегда поселится за границей.

ГЛАВА XVI.

ПРЕСТУПЛЕНІЯ ПО СЛУЖБѢ.

---

1. *Неправосудіе.* Виды его: гражданское и уголовное неправосудіе. Лица, которыя могутъ совершать преступленіе неправосудія. Присяжные засѣдатели, судебные слѣдователи и секретари по отношенію къ неправосудію. 2. *Взяточничество и вымогательство.* Различіе мздоимства отъ лихоимства. Три элемента взяточничества: субъектъ — должностное лицо, цѣль—служебное дѣйствіе, объектъ—цѣнный предметъ. Степени этого преступленія. Обоюдность его. Принятіе подарковъ безъ опредѣленной индивидуальной цѣли. Вымогательство. Составляетъ ли вымогательство взятіе излишнихъ поборовъ въ пользу казны? 3 *Общія преступленія по службѣ:* а) относительно гражданъ, в) относительно служебной дисциплины и постановленій о службѣ. Преступленія по нѣкоторымъ родамъ службы.

Въ шестомъ раздѣлѣ Уложенія, подъ заглавіемъ: „о преступленіяхъ и проступкахъ по службѣ государственной и общественной", приведены какъ тѣ преступленія, которыя могутъ быть совершены *только* чиновникомъ противъ гражданъ, каковы: неправосудіе, взяточничество, или противъ порядка службы, т. е. нарушеніе служебной дисциплины, такъ и нѣкоторыя общія, т. е. такія, которыя могутъ совершать и частныя лица, но гдѣ званіе чиновника служитъ отягчающимъ обстоятельствомъ.

1. *Неправосудіе* (ст. 366—371), „Преступленіе умышленной несправедливости вслѣдствіе подкупа, безъ сомнѣнія, самое низкое, какое только можетъ совершить судья. Это также одно изъ самыхъ опасныхъ для общества. Можно до извѣстной степени защититься отъ вора и убійцы, но нельзя защититься отъ судьи, который поражаетъ мечемъ закона и убиваетъ васъ въ своей камерѣ. Получивши власть судить, онъ долженъ отправлять ее безпристрастно и не взирая на лица. Онъ выполняетъ великое назначеніе, родъ священнослуженія; общество ввѣряетъ ему самую благородную обязанность, и оно ожидаетъ отъ него своего спокойствія. Но если онъ забываетъ первую изъ своихъ обязанностей — безпристра-

сіе, если онъ спускается съ той высоты, на которую его поставило назначеніе государя, и дѣлается безчестнымъ сообщникомъ несправедливости, которую онъ долженъ преслѣдовать, если онъ открываетъ свое сердце для порчи и руки для взятки, онъ становится послѣднимъ человѣкомъ и общество должно немедленно изгнать его изъ своей среды". Этими словами охарактеризовалъ преступленіе неправосудія докладчикъ проекта французскаго уголовнаго кодекса. Законъ нашъ опредѣляетъ неправосудіе слѣдующими словами: „кто изъ корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ, рѣшитъ съ явнымъ нарушеніемъ законовъ и вопреки положительному оныхъ смыслу, какое либо подлежащее его разсмотрѣнію дѣло..." (ст. 366).

Уложеніе отдѣляетъ злостное неправосудіе отъ взяточничества, тогда какъ въ другихъ кодексахъ эти два вида служебныхъ преступленій смѣшаны въ одно (concussio). Это раздѣленіе имѣетъ оправданіе въ томъ, что взяточничество (лихоимство, мздоимство, вымогательство), заключаетъ необходимый элементъ—корысть, полученіе денегъ или другой матеріальной выгоды. Между тѣмъ, какъ неправосудіе, какъ видно изъ приведеннаго текста закона, существуетъ и тогда, когда оно сдѣлано не только изъ корыстной цѣли, но и *изъ иныхъ личныхъ видовъ*. Что слѣдуетъ разумѣть подъ этимъ послѣднимъ выраженіемъ? Безъ сомнѣнія, сюда слѣдуетъ отнести приговоръ, данный злоумышленно по ненависти къ подсудимому, изъ мщенія, изъ желанія угодить третьему лицу, уничтожить соперника по службѣ, чтобы получить наслѣдство и т. п. Кромѣ того, выраженіе „изъ корыстныхъ цѣлей", неодинаково съ полученіемъ денегъ; оно показываетъ, что судьей руководило не чувство справедливости, а желаніе имѣть матеріальную выгоду отъ разрѣшенія дѣла извѣстнымъ образомъ; эта матеріальная выгода можетъ состоять и въ полученіи наслѣдства, когда несправедливо будетъ присужденъ къ уголовному наказанію ближайшій наслѣдникъ.

Ст. 366, одинаково относится, какъ собственно къ судьямъ, такъ и къ тѣмъ административнымъ чиновникамъ, которые имѣютъ власть *рѣшать* дѣла, разумѣется, сопряженныя съ непосредственнымъ интересомъ для частныхъ лицъ.

Для бытія преступленія злостнаго неправосудія, требуется: 1) кромѣ цѣли—„изъ корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ" — еще, 2) чтобы рѣшеніе было дано „съ явнымъ нарушеніемъ законовъ и вопреки положительному оныхъ смыслу". Безъ этихъ двухъ условій нѣтъ означеннаго преступленія, хотя можетъ быть другое. Такъ, судья, получившій деньги за подсудимаго и оправдавшій его, когда при этомъ не было явнаго нарушенія закона, виновенъ во взяточничествѣ, а не въ неправосудіи, и будетъ наказанъ по ст. 376-й. Съ другой стороны, если бы судья въ рѣшеніи и нарушилъ явный смыслъ закона, но совершилъ это не изъ ко-

рыстныхъ или другихъ личныхъ видовъ, а неумышленно, „отъ ошибки или неправильнаго лишь по недоразумѣнію толкованія законовъ“, то онъ подвергается только дисциплинарному наказанію — замѣчанію или выговору (ст. 370). Законъ умалчиваетъ объ одномъ видѣ неправосудія, среднемъ между ошибкой и злостнымъ неправосудіемъ, именно, когда неправосудное рѣшеніе съ явнымъ нарушеніемъ закона, послѣдовало не отъ недоразумѣнія, а отъ полной небрежности и лѣности. Сюда же относятся и тѣ грубыя ошибки, которыя римляне называли Culpa lata, dolo proxima (грубая ошибка, близкая къ злоумышленной).

Преступленіе неправосудія, является болѣе или менѣе важнымъ, смотря по тому, какія послѣдствія оно имѣло. Такъ, неправосудіе въ уголовномъ судѣ болѣе преступно, чѣмъ въ гражданскомъ, потому что интересы жизни, чести и свободы важнѣе имущественныхъ. Въ сферѣ уголовной, естественно опять различіе неправосудія: состояло ли оно въ пользу или во вредъ обвиняемому, состояло ли оно въ присужденіи невиннаго къ уголовному наказанію, или къ исправительному, или въ отягченіи виновному наказанія, притомъ въ степени, или въ родѣ, или, наконецъ, въ разрядѣ.

Неправосудіе въ уголовной сферѣ можетъ имѣть, какъ мы видѣли, множество степеней; такъ, напр. одинъ видъ его — приговоръ невиннаго къ наказанію, самъ по себѣ можетъ имѣть столько же степеней, сколько существуетъ родовъ и степеней наказаній. Но законъ именно различаетъ только главные фазисы неправосудія уголовнаго: 1) приговоръ (конечно, съ умысломъ изъ корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ) невиннаго къ уголовному наказанію—за это полагается ссылка въ каторжную работу отъ 6 до 8 лѣтъ; 2) опредѣленіе виновному вмѣсто исправительнаго, уголовнаго наказанія —за это назначена ссылка въ Сибирь на поселеніе; 3) опредѣленіе наказанія высшей степени или высшаго рода, чѣмъ то, которое слѣдовало по закону — ссылка на житье въ Сибирь (ст. 367); 4) избавленіе виновнаго вовсе отъ наказанія или назначеніе низшаго рода наказанія — ссылка на житье въ Сибирь (ст. 368).

Ст. 366, текстъ которой былъ приведенъ, опредѣляетъ за рѣшеніе дѣла съ явнымъ нарушеніемъ закона и прочее, два наказанія: или ссылку на житье въ Сибирь, или ссылку на поселеніе. Эта статья относится къ неправосудію въ дѣлахъ гражданскихъ и къ постановленію рѣшеній властями несудебными. Но не имѣетъ ли она и общаго значенія, т. е. не относится ли она и къ тѣмъ видамъ уголовнаго неправосудія, которые не поименованы въ 367 ст., т. е. не относится ли 366 ст. къ 367-й, какъ общее къ частному? Такъ, въ 367 ст. не упомянуто о присужденіи невиннаго къ исправительному наказанію, а въ 368-ой о неправильномъ уменьшеніи наказанія въ степени. Вопросъ этотъ, по нашему мнѣнію, разрѣшается утвердительно. Конечно, можно сказать, что наказаніе за при-

сужденіе невиннаго къ исправительному наказанію, не можетъ быть меньше того, которое назначено за увеличеніе виновному наказанія въ родѣ, но безъ опредѣленія уголовнаго наказанія. Но это будетъ натяжка, потому что два приведенные факта вовсе неравны по значенію. А незаконное уменьшеніе наказанія въ степени даже никакой натяжкой нельзя подвести ни подъ одно изъ положеній 367 и 368 статей. Слѣдовательно, одинъ остается исходъ — признать 366 статью за общее постановленіе о неправосудіи, 367 и 368 за особенныя изъятія. Но такое разрѣшеніе также не безъ трудностей: если 367 и 368 заключаютъ въ себѣ относительно уголовнаго неправосудія постановленія объ особенно важныхъ случаяхъ, то какъ допустить пропускъ опредѣленія наказанія за присужденіе невиннаго къ исправительному наказанію? Наконецъ, какое наказаніе слѣдуетъ опредѣлить за этотъ случай? По 366 ст. существуетъ два наказанія — ссылка на житье и ссылка на поселеніе. Слѣдуетъ ли опредѣлить первое или второе наказаніе? За постановленіе виновному уголовнаго наказанія вмѣсто исправительнаго положена по 367 ст. ссылка на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ. Считать ли назначеніе невинному исправительнаго наказанія болѣе важнымъ случаемъ, или менѣе важнымъ, чѣмъ увеличенье виновному наказанія въ разрядѣ.

Наказанія за неправосудіе не основаны теперь, какъ это было въ старину на системѣ talionis. Онѣ иногда ниже, иногда и выше того, къ которому несправедливо былъ присужденъ другой. Такъ напримѣръ, за присужденіе невиннаго къ безсрочной каторжной работѣ положена каторжная работа на 6—8 лѣтъ, слѣдовательно наказаніе на нѣсколько степеней низшее, но и за присужденіе невиннаго къ ссылкѣ на поселеніе идетъ тоже самое, слѣдовательно, высшее наказаніе. Въ этой системѣ можно указать на два случая, гдѣ наказаніе непропорціонально важности преступленія. Законъ не говоритъ прямо о наказаніи за злостное присужденіе къ смертной казни; такъ какъ смертная казнь принадлежитъ къ уголовнымъ наказаніямъ, то статьи о наказаніи за присужденіе невиннаго къ уголовному наказанію и о присужденіи къ уголовному наказанію того, кому слѣдовало исправительное, вполнѣ приложимы и въ случаѣ присужденія къ смертной казни. Именно злостное присужденіе невиннаго къ смертной казни влечетъ каторжную работу на 6—8 лѣтъ; между тѣмъ, какъ это настоящее убійство съ самыми отягчающими обстоятельствами, слѣдовательно болѣе соотвѣтственнымъ было бы постановить здѣсь каторжную работу на 12—15 лѣтъ. Еще рѣзче является непропорціональность въ наказаніи ссылкой на житье за присужденіе къ смертной казни того, кому по закону слѣдовало бы назначить ссылку на поселеніе. Не объясняется ли это тѣмъ, что законодатель какъ бы забылъ о смертной казни, полагаемой въ чрезвычайныхъ случаяхъ?

Преступленіе неправосудія тогда только подвергаетъ виновныхъ опредѣленнымъ наказаніямъ, когда данные ими приговоры были окончательные: „Тѣ, которые *окончательными* судебными приговорами...". Въ Уст. Уг. Суд. точно опредѣлены окончательные приговоры: таковы приговоры мироваго судьи на арестъ не свыше трехъ дней, а мироваго съѣзда о всѣхъ преступленіяхъ, предоставленыхъ суду мировой юстиціи; таковы рѣшенія окружнаго суда съ присяжными засѣдателями о всѣхъ преступленіяхъ, за которыя слѣдуютъ наказанія, соединенныя съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ; а для прочихъ уголовныхъ дѣлъ приговоры палаты. Впрочемъ, каждый приговоръ мироваго судьи и окружнаго суда безъ присяжныхъ, если онъ не обжалованъ въ установленный срокъ, дѣлается окончательнымъ.

Если подсудимый не апеллировалъ по апатіи, или другимъ какимъ либо причинамъ, то это одно, конечно, не дѣлаетъ правымъ судью, постановившаго приговоръ изъ корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ; но, съ другой стороны, такой судья, зная, что приговоръ его неокончательный и не зная, что несправедливо осужденный подчинится ему, дѣлаетъ проступокъ гораздо менѣе безнравственный, чѣмъ постановившій окончательный приговоръ. Все это ведетъ, по нашему мнѣнію, къ необходимости установленія и за неокончательный приговоръ наказанія болѣе строгаго, чѣмъ за лихоимство, въ особенности когда отягченіе наказанія было слишкомъ велико.

Относятся ли постановленія 367 и 368 статей къ присяжнымъ засѣдателямъ, къ прокурорамъ, а также къ судебнымъ слѣдователямъ и секретарямъ?

Постановленія о неправосудіи составлены до изданія Судебныхъ Уставовъ 1864 г., когда присяжныхъ засѣдателей не было. Впрочемъ, текстъ этихъ постановленій не противится подведенію подъ нихъ присяжныхъ. Въ статьяхъ этихъ не употреблено выраженіе судьи, а отвлеченное „кто рѣшитъ...", „тѣ, которые окончательными судебными приговорами..", „виновные...". Присяжные засѣдатели составляютъ часть судебной власти и притомъ важнѣйшую. Они положительно признаны должностными лицами судебнаго вѣдомства: въ ст. 1073 Уст. Уг. Суд. сказано, что присяжные засѣдатели предаются суду палаты „за нарушеніе ими обязанностей по сему ихъ званію". Въ присягѣ ими даваемой говорится объ отвѣтственности предъ закономъ (Уст. Уг. Суд. ст. 666). Но трудность заключается въ томъ, что присяжные произносятъ вердиктъ по внутреннему убѣжденію, такъ что выраженіе „съ явнымъ нарушеніемъ законовъ и вопреки положительному оныхъ смыслу" къ нимъ неприложимо; наконецъ, говоря технически, они не постанавливаютъ окончательнаго приговора; они рѣшаютъ только вопросъ о фактѣ, приговоръ же постановляетъ судъ, ко-

торый имѣетъ право пріостановки, когда увидитъ, что осуждается невинный. Но главное затрудненіе состоитъ въ томъ, что голосъ судьи извѣстенъ—судьи подписываютъ приговоръ,—а голосъ того или другаго присяжнаго оффиціально неизвѣстенъ; старшина сосчитываетъ голоса, онъ объявляетъ рѣшеніе присяжныхъ, и затѣмъ остается неизвѣстнымъ, кто изъ присяжныхъ подалъ голосъ за или противъ обвиняемаго, имѣлъ ли этотъ голосъ рѣшительное значеніе или нѣтъ. По всѣмъ этимъ причинамъ приложеніе 366—368 статей къ присяжнымъ засѣдателямъ сопряжено съ величайшими затрудненіями; необходима новая редакція этихъ статей. Впрочемъ, присяжный, принявшій деньги для подачи голоса, всегда можетъ быть наказанъ на основаніи постановленій о лихоимствѣ.

Относительно лицъ прокурорскаго надзора и секретарей законъ прямо говоритъ, что къ нимъ относятся статьи о неправосудіи: „Должностныя лица, коимъ ввѣренъ надзоръ за правильностью и законностью судебныхъ рѣшеній и приговоровъ, прокуроры, стряпчіе, чиновники скрѣпляющіе судебныя опредѣленія (секретари) и т. п., смотря по важности ихъ упущеній и по мѣрѣ ихъ участія въ неправосудіи, обнаруженномъ по дѣламъ, бывшимъ въ ихъ разсмотрѣніи, подвергаются: или наказаніямъ въ предшедшихъ статьяхъ опредѣленнымъ, или же тѣмъ, которыя опредѣляются общими объ участіи въ преступленіи правилами". При старомъ судопроизводствѣ секретарь былъ самымъ дѣятельнымъ членомъ судебнаго мѣста: онъ составлялъ докладъ, онъ приводилъ всѣ статьи законовъ, относящихся къ дѣлу, съ отвѣтственностью за пропускъ, онъ долженъ былъ, въ случаѣ когда судъ принималъ рѣшеніе противозаконное, указать ему на это и оговорить въ протоколѣ свое заявленіе. При новомъ судопроизводствѣ роль секретаря чисто канцелярская, онъ не имѣетъ никакого участія въ рѣшеніи дѣла, но соучастникомъ въ преступленіи онъ, конечно, легко можетъ сдѣлаться—уничтоживши документы, приложенные къ дѣлу, матеріальныя улики преступленія и т. п. Прокуроръ можетъ быть виновенъ въ преступленіи неправосудія, когда умышленно, изъ корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ, не опротестуетъ неправильнаго рѣшенія, или представитъ дѣло, изъ тѣхъ же видовъ, въ своей обвинительной рѣчи въ превратномъ видѣ.

Законъ ничего не говоритъ о судебныхъ слѣдователяхъ въ статьяхъ о неправосудіи. Постановленія о злоупотребленіяхъ слѣдователей отнесены къ особенному отдѣленію преступленій чиновниковъ при слѣдствіи. Между тѣмъ, слѣдствіе составляетъ дѣйствительный, хотя и начальный, судебный актъ; отъ слѣдствія очень часто зависитъ вся судьба дѣла.

Замѣтимъ одну особенность въ постановленіи наказаній за неправосудіе. Въ Уложеніи постоянно приводятся сба карательныя наказанія: ссылка на житье въ Сибирь или арестантскія роты, ссылка на житье въ губер-

нія не сибирскія или отдачѣ въ рабочій домъ. Но при неправосудіи говорится только о ссылкѣ, и не прибавляются замѣняющія ее наказанія для непривиллегированныхъ лицъ. Это произошло отъ того, что редакторы не могли представить себѣ судьи иначе, какъ чиновника.

Но такъ ли это? Развѣ постановленія о неправосудіи не распространяются, напримѣръ, на крестьянъ, членовъ волостнаго суда?

II. *Мздоимство, лихоимство, вымогательство* (ст. 372—382). Мздоимство и лихоимство извѣстны въ общежитіи подъ именемъ взяточничества; законъ не устанавливаетъ различія между этими двумя терминами; онъ приводитъ ихъ только въ заглавіи, но не въ текстѣ статей, такъ что остается догадываться, что подъ мздоимствомъ онъ разумѣетъ принятіе взятки для совершенія дѣла законнаго, а подъ лихоимствомъ—для дѣла незаконнаго. Вымогательство же опредѣлено 378 статьей, какъ вытребованіе насиліемъ или обманомъ денегъ.

Взяточничество не составляетъ вовсе преступленія противъ имущества частнаго человѣка, потому что взятка дается свободно, по крайней мѣрѣ по формѣ, а во многихъ случаяхъ и въ дѣйствительности. Человѣкъ, которому хочется получить то, что по закону ему не слѣдуетъ, охотно даетъ часть ожидаемой прибыли тому чиновнику, отъ котораго зависитъ дѣло. Конечно, бываютъ случаи, когда взятка дается свободно только по формѣ: человѣкъ, ищущій законнаго, видя что его намѣрены всего лишить или что ему откажутъ въ удовлетвореніи, даетъ взятку. Но, во всякомъ случаѣ, съ формальной стороны, существуетъ свободное согласіе. Основной характеръ этого преступленія—униженіе достоинства правительства его агентами, нарушеніе ими условій съ правительствомъ о вознагражденіи за службу, а если они, принявши взятку, учинили дѣло незаконное, то къ этому еще присоединяется преступленіе, состоящее въ этомъ незаконномъ дѣяніи, и часто еще нарушеніе правъ и интересовъ третьяго лица.

Вслѣдствіе этого различія взяточничества отъ преступленій противъ частной собственности, съ которыми оно имѣетъ видимое сходство, проистекаетъ то, что во взяточничествѣ нѣтъ жертвы, или, правильнѣе, жертвою является государство, что въ немъ всегда двое виновныхъ — получившій взятку и давшій ее. Давшій взятку виновенъ въ томъ, что заключилъ договоръ преступный, оскорбительный для государства, и часто направленный прямо противъ интересовъ третьяго лица. Такъ смотрятъ на это дѣло многія иностранныя законодательства, такъ смотрѣлъ и нашъ законъ до послѣдняго (1866 г.) изданія Уложенія. Именно, Уложеніе изд. 1857 г. подвергало лиходателей наказаніямъ, хотя слабѣйшимъ, чѣмъ взяточниковъ. (Улож. изд. 1857 г. ст. 425, 426). Въ изданіи Улож. 1866 г. эти статьи пропущены. Можно ли теперь лиходателя подвести

подъ наказаніе на основаніи общаго закона о сообщникахъ и пособникахъ? По нашему мнѣнію, отвѣтъ долженъ быть въ одномъ случаѣ отрицательный, въ другомъ—положительный, во первыхъ потому что самое существованіе въ прежнемъ изданіи Улож. ст. 425 и 426 показываетъ, что, по мнѣнію законодателя, система сообщничества здѣсь неприложима, во вторыхъ, у насъ, къ несчастію, взятки такъ были распространены, что трудно было винить тѣхъ, которые давали ихъ чиновникамъ. Наконецъ, солидарность дающаго и берущаго взятки ослабляла возможность обнаруженія и преслѣдованія ихъ. Но если взятка была дана для учиненія чего либо незаконнаго, составляющаго преступленіе или проступокъ, то лиходатель вполнѣ подходитъ подъ разрядъ подстрекателей.

Наказуемость лиходателей сохранилась только въ одномъ случаѣ (ст. 382): „Лиходатели, изобличенные въ склоненіи чиновниковъ похитить, скрыть, или же въ чемъ либо измѣнить бумагу, принадлежащую къ дѣлу, или сдѣлать другой подлогъ, подвергаются высшей мѣрѣ наказаній, опредѣленныхъ за подлоги въ 362 и 364 статьяхъ." Но этотъ фактъ не относится къ взяточничеству; это подстрекательство къ преступленію подлога, такъ что эта статья излишняя.

Ст. 372 опредѣляетъ взяточничество: „Если чиновникъ или иное лицо, состоящее на службѣ государственной или общественной, по дѣлу или дѣйствію, касающемуся до обязанностей его по службѣ, приметъ... подарокъ, состоящій въ деньгахъ, вещахъ или въ чемъ-бы то ни было иномъ"... Законъ здѣсь прямо обозначаетъ, что виновнымъ во взяточничествѣ можетъ быть не только чиновникъ, но и всякое лицо, состоящее на службѣ государственной или общественной, слѣдовательно, и въ неклассныхъ должностяхъ. Такъ напр. волостной голова можетъ быть виновенъ во взяточничествѣ. Но такъ какъ взяточничество есть преступленіе *по службѣ*, то необходимо, чтобы должность принявшаго взятку была хотя и не классная, но установлена закономъ. Такъ напр., если у должностнаго лица находится домашній секретарь, которому онъ поручаетъ приготовленіе бумагъ и отъ котораго можетъ зависѣть поворотъ дѣла въ ту или другую сторону, то если такое лицо приметъ отъ просителя деньги для себя,—оно не можетъ быть обвинено во взяточничествѣ. Подъ лицомъ, находящимся въ службѣ общественной, можно разумѣть здѣсь опять таки такое лицо, должность котораго установлена закономъ, хотя и замѣщается по выбору. Члены правленія акціонернаго общества могутъ брать деньги для совершенія чего либо должнаго или не-должнаго, но это опять таки не преступленіе взяточничества. Взяточничество потому есть преступленіе, не смотря на свободный взносъ, что лицо берущее облечено правительственнымъ характеромъ, который уничтожаетъ дѣйствительную свободу отношеній, и что принятіемъ взятки компрометируется правительство. Рѣз-

кій существенный признакъ лица, состоящаго на службѣ—присяга. У насъ въ послѣднее время весьма многія низшія должности исключены изъ штата и занимаются по найму. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти наемныя лица не приводятся къ присягѣ. Такое лицо не считаетъ себя на службѣ правительства. Не говоря о томъ, что отсутствіе присяги уничтожаетъ одну изъ моральныхъ гарантій для общества, этимъ пресѣкается возможность подвергать такихъ лицъ наказаніямъ, установленнымъ за взяточничество.

Государство предоставляетъ власть, и часто весьма значительную, лицамъ, несостоящимъ на службѣ, даже цѣлымъ общественнымъ классамъ. Таково положеніе гражданина, какъ избирателя. Продажа голоса при выборахъ и покупка его, конечно, часто болѣе компрометируютъ государственный интересъ, чѣмъ взяточничество чиновника. Но такого рода факты составляютъ не взяточничество, а спеціальное преступленіе, которое, впрочемъ, неизвѣстно почему, отнесено къ разряду преступленій противъ законовъ о состояніяхъ. Въ ст. 1425 сказано: „кто при выборахъ дворянскихъ, или же городскихъ или сельскихъ обществъ, будетъ чрезъ подкупъ, подарки, обѣщанія или угрозы склонять кого либо къ поданію голоса въ его пользу, или въ пользу или противъ другого лица, тотъ за сіе подвергается исключенію изъ собранія навсегда и, сверхъ того, денежному взысканію, съ дворянъ и городскихъ обывателей не свыше 150 р., а съ обывателей сельскихъ не свыше 10 рублей, или же и заключенію въ тюрьмѣ на время отъ 3 недѣль до 4 мѣсяцевъ“. Такимъ же образомъ называется и тотъ, кто дозволилъ себѣ принять деньги или подарокъ для поданія голоса въ чью либо пользу, или противъ кого либо, или же и требовать и просить оныхъ“. Ст. 1440 Уложенія распространяетъ на земскіе выборы постановленія о безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ при выборахъ городскихъ и дворянскихъ.

Взяточничество составляетъ какъ-бы договоръ, поэтому если принявшій взятку возвратитъ ее не позднѣе какъ чрезъ три дня, то этимъ самымъ онъ разрушаетъ преступный договоръ и освобождается отъ наказанія (ст. 372).

Итакъ, первый элементъ преступленія взяточничества заключается въ субъектѣ—лицо, состоящее на государственной или общественной службѣ. Второй элементъ—чтобы подарокъ былъ принятъ для опредѣленнаго служебнаго дѣйствія: „по дѣлу или дѣйствію, касающемуся до обязанности его по службѣ.“ Если подарокъ данъ чиновнику по пріязни, внѣ всякаго служебнаго дѣйствія, то, конечно, это не взяточничество; здѣсь является не чиновникъ, а просто человѣкъ. Какъ смотрѣть на тѣ подарки, которые и до сихъ поръ по исконному обычаю даются мѣстными жителями полицейскимъ властямъ, на именины, къ празднику Рождества и т. под., составляющіе остатокъ существовавшихъ до Петра В. по закону сборовъ?

Ихъ нельзя подвести буквально подъ взяточничество: они даются не для *опредѣленнаго* дѣйствія со стороны чиновника, а, такъ сказать, безлично. Наконецъ, какъ мы говорили, они установлены обычаемъ. Начальство, конечно, можетъ запрещать чиновникамъ пріемъ такихъ безличныхъ приношеній, можетъ исключать принимающихъ изъ службы; такія приношенія во всякомъ случаѣ дѣлаются изъ цѣли получить, въ случаѣ надобности, законную защиту, слѣдовательно, составляютъ родъ страховой преміи для обывателей. Но буквально они не подходятъ подъ взяточничество. Такія приношенія существовали даже въ Петербургѣ до послѣдняго времени, съ вѣдома начальства *).

---

*) Въ 1866 г., с.-петербургскій оберъ-полиціймейстеръ, генералъ Треповъ, воспретилъ полицейскимъ чиновникамъ пріемъ такихъ обычныхъ подарковъ. Замѣчательный приказъ его показываетъ какъ причины существованія такого рода подарковъ, такъ и то, что они все-таки не составляютъ взятки. Представляемъ этотъ приказъ:

«Во всеподданнѣйшемъ докладѣ моемъ о необходимости и способахъ преобразованія столичной полиціи я счелъ долгомъ, между прочимъ, представить Его Императорскому Величеству, что чины полиціи, получая скудное содержаніе, по необходимости существуютъ приношеніями отъ частныхъ лицъ, извѣстными подъ именемъ праздничныхъ денегъ. При этомъ выражено мною, что такой порядокъ вознагражденія служащихъ роняетъ достоинство полиціи въ общественномъ мнѣніи, стѣсняетъ чиновъ ея въ преслѣдованіи нарушеній закона, поставляя ихъ въ зависимое отъ частныхъ лицъ положеніе, словомъ, составляетъ неизбѣжную причину нравственнаго растлѣнія полиціи и источникъ глубокаго зла.

«Государь Императоръ, признавъ этотъ взглядъ на праздничныя деньги вполнѣ основательнымъ, Высочайше соизволилъ на увеличеніе содержанія чиновъ полиціи въ такой мѣрѣ, что скромное, безбѣдное существованіе на службѣ сдѣлалось для нихъ возможнымъ и, потому самому, безукоризненное исполненіе долга безусловно обязательнымъ. Такимъ образомъ, не одно вымогательство, но и принятіе ими добровольныхъ отъ частныхъ лицъ приношеній, становится уже въ настоящее время преступленіемъ и будетъ преслѣдуемо мною со всею строгостью.

«Я надѣюсь, что сами чины полиціи, дорожа своимъ достоинствомъ, сознаютъ вполнѣ все превосходство настоящаго служебнаго своего положенія и не пожелаютъ снова подчиняться тяжелой зависимости отъ частныхъ лицъ служить выгодамъ лицъ, и притомъ только достаточныхъ, а не дѣлу. Поэтому настоящій приказъ мой предназначается не для всѣхъ чиновъ ввѣренной мнѣ полиціи, а только для тѣхъ изъ нихъ, котрые могутъ, какъ и во всякой другой средѣ, явиться въ составѣ полиціи, какъ прискорбное исключеніе изъ общаго состава служащихъ. Приказъ этотъ еще болѣе предназначается для того, чтобы, по объявленіи его во всеобщее свѣдѣніе, всѣ обыватели столицы могли знать, что чины санктпетербургской полиціи поставлены нынѣ въ такое положеніе, что не нуждаются болѣе въ особыхъ неоффиціальныхъ средствахъ къ своему существованію, и что поэтому всякое, по слу-

Третій элементъ преступленія взяточничества—полученіе какой либо *цѣнности*, въ общемъ рыночномъ смыслѣ слова. Взятка по нашему Уложенію есть подарокъ, состоящій въ деньгахъ, вещахъ или въ *чемъ бы то ни было иномъ*". Здѣсь, хотя законъ и не вполнѣ опредѣляетъ, что можетъ быть взяткой, но для понятія *подарокъ* нужно, чтобъ данное чиновнику было *что нибудь матеріальное, имѣющее извѣстную цѣнность*,—хотя чиновника можно обольстить и многимъ другимъ, напр. рекомендательными письмами,обѣщаніемъ протекціи по службѣ, обѣщаніемъ устроить выгодный для него бракъ. Все это трудно уловимо и въ томъ случаѣ, когда чиновникомъ нарушены были обязанности, а если обязанности не были нарушены, то исчезаетъ всякая возможность судебнаго преслѣдованія. Разумѣется, такой чиновникъ можетъ быть подвергнутъ дисциплинарному наказанію начальствомъ, можетъ быть уволенъ изъ службы, какъ подозрительный, какъ нарушающій должное къ ней уваженіе, но взяточничества здѣсь нѣтъ по буквѣ закона. Законодатель долженъ былъ во взяточничествѣ остановиться на матеріальной сторонѣ—принятіи денегъ или вещей. Иначе, гдѣ бы былъ предѣлъ взяточничества? Можно было бы обвинить во взяточничествѣ того, кому хорошенькая женщина-просительница окажетъ особенную любезность, когда проситель самолюбивому чиновнику будетъ расточать лесть и т. под., потому что нельзя отвергать того, что изъ за этого иногда не только ускоряется теченіе дѣлъ законныхъ но и допускаются незаконности.

Лихоимство можетъ быть совершено не только прямымъ принятіемъ подарка, но и другими болѣе тонкими и благовидными способами, какъ-то: передачею чиновнику, или кому либо другому съ его вѣдома, денегъ подъ предлогомъ проигрыша, продажи, мѣны, или другой какой либо мнимо-законной и благовидной сдѣлки. Хотя добросовѣстный чиновникъ и не долженъ входить въ какія либо сдѣлки съ лицомъ, чье дѣло онъ разсматриваетъ, но все же нельзя запретить ему входить съ нимъ во всѣ, безъ изъятія, сношенія по имуществу, потому что такое запрещеніе иногда не выполнимо (напр. запретить полицейскому чиновнику покупать изъ ближней мелочной лавки купца, который имѣетъ дѣло въ полиціи); по крайней мѣрѣ, у насъ всякія сдѣлки запрещены только чиновникамъ казенныхъ управленій съ лицами, вступающими въ подряды и поставки по тому вѣдомству, о чемъ мы будемъ говорить ниже, о прочихъ же постановлено, что если чиновникъ пріобрѣтетъ самъ или чрезъ подставленное имъ

чаю наступающихъ праздниковъ, предложеніе имъ подарковъ будетъ служить не только явнымъ признакомъ неуваженія къ высокому назначенію полицейской дѣятельности, но и прямымъ оскорбленіемъ лица, избравшаго это поприще».

лицо, имущество, составляющее предметъ дѣла, по которому онъ производитъ слѣдствіе или которое подлежитъ его сужденію, или же хотя принадлежащее одному изъ лицъ, прикосновенныхъ къ тому слѣдствію или дѣлу, то онъ отрѣшается отъ должности; слѣдовательно уже за самое совершеніе такого подозрительнаго договора наказывается такъ, какъ и лихоимство, но за послѣднее иногда идетъ большее наказаніе, чѣмъ отрѣшеніе отъ должности и тогда, слѣдовательно, нужно будетъ рѣшить: былъ ли это простой договоръ или онъ только прикрывалъ лихоимство? и конечно трудно доказать послѣднее. Что подъ формою купли-продажи скрывалось лихоимство, это можно сказать положительно тогда только, когда разница между дѣйствительною стоимостью вещи и цѣною, данною за нее чиновникомъ, такъ велика, что всякому бросается въ глаза, и цѣна эта такъ низка, что никто бы, даже и по нуждѣ, не отдалъ за нее вещь, или, по крайней мѣрѣ, очень трудно это предположить; тутъ ужь очевидно, что договоръ купли-продажи только замаскировываетъ лихоимство. Или напр. когда проситель мѣняется съ чиновникомъ своею, очень дорогою и хорошею вещью на его дешевую или дурную, такъ что здѣсь цѣнностная разница вещей весьма замѣтна, то это также будетъ взятка; напр., если лицо даетъ чиновнику превосходную, дорогую лошадь, получая отъ него взамѣнъ плохую, старую кобылу. Еще труднѣе доказать лихоимство при проигрышѣ: его признать взяткой можно лишь тогда, когда онъ былъ слишкомъ великъ въ сравненіи съ обыкновенными проигрышами лиходателя, и когда ясно видны старанія его проиграть, словомъ, если онъ никогда обыкновенно такимъ образомъ не игралъ и столько не проигрывалъ, какъ въ этотъ разъ.

Лихоимствомъ же считается: а) когда деньги или вещи были еще не отданы, а только обѣщаны чиновнику, или выдано было ему заемное обязательство, ибо послѣднее представляетъ само по себѣ извѣстную цѣнность и можетъ быть продано, такъ что чрезъ него можно получить деньги еще до срока платежа; и б) когда взятку онъ принялъ не самъ, а черезъ другого, или же дозволилъ принять оную своей женѣ, дѣтямъ родственникамъ, домашнимъ или кому-либо иному (ст. 376).

Мы видѣли, что собственно взяточничество (т. е. принятіе чиновникомъ добровольно даннаго просителемъ подарка) есть только нарушеніе чиновникомъ своего договора съ правительствомъ и, какъ таковое, наказывается не болѣе какъ денежнымъ штрафомъ и развѣ еще лишеніемъ должности, какъ неоправдавшаго довѣрія и неблагонадежнаго чиновника. Наказаніе возвышается лишь тогда, когда взятка была принята для нарушенія обязанностей службы. Лихоимство простое имѣетъ два случая: а) когда взятка взята до исполненія того, за что она дана, и b) послѣ того.

a) Очевидно, что первый случай лихоимства легче втораго, потому что здѣсь нѣтъ никакого подкупа чиновника. такъ какъ подарокъ данъ ему уже послѣ окончанія дѣла, онъ беретъ только такъ называемую *благодарность* за окончаніе дѣла и за труды, что у насъ, по нашимъ нравамъ, долгое время не считалось предосудительнымъ, а напротивъ, при недостаточности жалованья, извинительнымъ; дать подарокъ была совершенно добрая воля просителя, такъ какъ этого чиновникъ не требовалъ ни прямо, ни косвенно. Поэтому, со стороны закона вполнѣ достаточно ограничить наказаніе за эту самую низшую ступень взяточничества только денежнымъ взысканіемъ вдвое противъ цѣны подарка.

b) Но когда взятка была дана до исполненія того, за что она была предназначена, то хотя бы это дѣйствіе и было вполнѣ законно, все-таки это бросаетъ тѣнь подозрѣнія на чиновника въ томъ, что онъ исполняетъ свои обязанности не по долгу службы, а за деньги, и потому, сверхъ того же денежнаго штрафа, онъ подлежитъ еще и отрѣшенію отъ должности.

Но если кто приметъ въ даръ деньги, вещи или что иное (сколько бы, впрочемъ, сумма денегъ или цѣна вещей, имъ полученныхъ, ни была малозначительна) *для учиненія или допущенія чего либо противнаго обязанностямъ службы*, тотъ за сіе приговаривается къ ссылкѣ на житье въ Томскую или Тобольскую губернiи, если за это наруше і обязанностей службы не положено въ законѣ большаго наказанія". Здѣсь лихоимство уже совпадаетъ съ неправосудіемъ, и возвышеніе наказанія вполнѣ справедливо, такъ какъ чиновникъ прямо нарушаетъ свою присягу и законъ, и причиняетъ своими неправильными дѣйствіями вредъ или ущербъ другимъ лицамъ. Если, однакожъ, получившій такую взятку прежде какого либо, вслѣдствіе оной, нарушенія своихъ по службѣ обязанностей, объявитъ о томъ съ раскаяніемъ своему начальству, то хотя послѣднее обязано предать этого чиновника за лихоимство суду, но судъ можетъ ограничить его наказаніе исключеніемъ изъ службы, или удаленіемъ отъ должности, или же однимъ строгимъ выговоромъ, со внесеніемъ или безъ внесенія въ послужной списокъ, а полученный подарокъ отсылается въ пользу благотворительныхъ учрежденій (ст. 373).—Тѣмъ же наказаніямъ (ссылкѣ на житье и проч.) должностное лицо подвергается и въ томъ случаѣ, когда имъ учинено или допущено что-либо противное обязанностямъ службы, хотя и не для собственной корысти, но для доставленія другому незаконной прибыли, или изъ иныхъ противозаконныхъ видовъ (ст. 374).

Вымогательство есть, по опредѣленію Уложенія, всякое требованіе чиновникомъ подарковъ или же неустановленной закономъ платы, или ссуды или же какихъ либо услугъ, прибылей и иныхъ выгодъ, по касающемуся до службы или должности виновнаго дѣлу или дѣйствію, или всякіе

неустановленные закономъ, или въ излишнемъ противъ опредѣленнаго количества поборы деньгами, вещами или чѣмъ либо инымъ. Вымогательствомъ также признаются: 1) всякіе незаконные наряды властями обывателей на свою или же чью либо работу, ибо работа есть также цѣнность; чиновникъ употребляетъ здѣсь насиліе, пользуясь своей властью, ослушаться которой обыватели не смѣютъ, слѣдовательно, это будетъ вымогательство, и 2) всякая прибыль или иная выгода, пріобрѣтаемая по дѣламъ службы притѣсненіемъ или же угрозами и вообще страхомъ притѣсненія, т. е. дань, получаемая начальствомъ съ подчиненныхъ или зависимыхъ, которымъ грозятъ въ противномъ случаѣ притѣсненіемъ по службѣ, что у насъ нерѣдко бывало, напр. крѣпостные писцы платили секретарю гражданской палаты, содержатели станцій—почтмейстеру, откупщики—разнымъ финансовымъ чиновникамъ.

Мы говорили, что вымогательство по тяжести своей стоитъ гораздо выше простого лихоимства, потому что: 1) заключаетъ въ себѣ прямое и наглое нарушеніе обязанностей чиновника и 2) есть прямая кража или даже грабежъ просителя, ибо здѣсь чиновникъ требуетъ отъ него денегъ, угрожая въ противномъ случаѣ рѣшеніемъ дѣла не въ его пользу, слѣдовательно дѣлаетъ надъ нимъ насиліе для полученія денегъ. Проситель, чтобъ не потерпѣть ущерба и не терять своихъ правъ вслѣдствіе несправедливыхъ дѣйствій чиновника, въ случаѣ отказа, рѣшается *ублаготворить* его, какъ у насъ говорятъ, т. е. дать ему требуемое, слѣдовательно дѣйствуетъ здѣсь вслѣдствіе принужденія и моральнаго насилія со стороны чиновника. Поэтому, и наказаніе за вымогательство довольно строгое: ссылка въ Сибирь на житье или на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири, какъ и за грабежъ. Еще болѣе преступно вымогательство, когда чиновникъ для полученія денегъ употреблялъ не только сказанныя угрозы, но и истязанія или иное явное (физическое) насиліе; это уже чистый грабежъ, съ отягчающимъ еще обстоятельствомъ—нарушенія своихъ обязанностей и долга но службѣ, и наказаніе за это идетъ—ссылка въ каторжную работу отъ 6—8 лѣтъ.

Изъ этого общаго правила есть только одно исключеніе: волостныя и сельскія должностныя лица, а также писаря и ихъ помощники за противозаконный сборъ съ обывателей денегъ или чего-либо инаго (что, какъ мы видѣли, признается вымогательствомъ), если этотъ сборъ былъ сдѣланъ на подарки и угощенія чиновниковъ (въ Уложеніи прибавлено еще къ этому: и *другаго званія людей,* что совершенно непонятно — какихъ это людей?), въ такомъ случаѣ, они приговариваются только къ тюремному заключенію на 4—8 мѣсяцевъ. Это объясняется тѣмъ, что волостные и сельскіе старшины, головы, писаря и т. п. хотя и начальники по отношенію къ крестьянамъ, но относительно высшаго начальства напр. исправ-

никовъ, становыхъ и проч., они были такими же безправными подчиненными какъ и другіе крестьяне; они собираютъ деньги не для себя, а для угощенія и подарковъ своему начальству, что у насъ вошло въ обычай; если полицейскій чиновникъ пріѣдетъ въ деревню, то крестьяне понимаютъ это такъ, что ему нужны деньги, а съ тѣмъ вмѣстѣ, конечно, и закуска; старосты заранѣе собираютъ деньги и все нужное для угощенія, такъ что они тутъ служатъ только передатчиками собраннаго.

Будетъ ли вымогательствомъ, если чиновникъ соберетъ деньги въ излишнемъ противъ постановленнаго закономъ не въ свою пользу, а въ пользу казны, т. е. въ цѣлости представитъ ихъ, не оставляя ничего для себя? Если это сдѣлано имъ по недоразумѣнію, по невѣрному пониманію закона, то, конечно, здѣсь не будетъ преступленія. Но если сборы или—что чаще случается—незаконные наряды на рабору дѣлаются изъ желанія выслужиться, а тѣмъ болѣе, если такое взыманіе сопровождалось истязаніями?

Хотя законъ въ опредѣленіи того вида вымогательства, который состоитъ во взятіи излишнихъ налоговъ, не говоритъ, что деньги обращаются взыскателемъ въ свою пользу („Подъ симъ (вымогательствомъ) разумѣется: "... 3) всякіе неустановленные закономъ или въ излишнемъ противъ опредѣленнаго количествѣ поборы деньгами, вещами или чѣмъ либо инымъ"),—но элементъ своекорыстія—существенный этого во всѣхъ видахъ преступленія лихоимства, такъ что безъ него не можетъ быть этого преступленія, хотя конечно можетъ быть другое. Разъясненіе этого вопроса мы находимъ въ другомъ раздѣлѣ Уложенія, въ нарушеніяхъ постановленій о повинностяхъ земскихъ. Ст. 544 говоритъ: „Если кто либо изъ мѣстныхъ начальниковъ, безъ особаго законнаго на то разрѣшенія отъ высшаго правительства, дозволитъ себѣ установить новыя повинности, или же замѣнить повинности натуральнымъ денежнымъ сборомъ, или же допуститъ какіе либо на сей предметъ сборы, подряды, складки или другіе налоги неопредѣленные закономъ или неутвержденные смѣтами и особыми отъ надлежащихъ начальствъ разрѣшеніями, то онъ за сіе удаляется отъ службы и присуждается къ вознагражденію понесенныхъ отъ неправильнаго распоряженія частными лицами или обществами убытковъ. Когда же притомъ будетъ доказано, что сіи сборы или часть оныхъ обращены имъ въ свою пользу, то онъ сверхъ сего подвергается наказаніямъ, постановленнымъ за вымогательство." Въ этой статьѣ положительно высказано, что только обращеніе незаконнаго сбора въ свою пользу составляетъ для должностнаго лица вымогательство. Хотя это сказано только относительно земскихъ повинностей, но конечно не можекъ быть иной мѣрки и относительно государственныхъ налоговъ и другого рода сборовъ,—но недостатокъ опредѣлительности въ законѣ сохраняетъ все свое значеніе.

Что надобно разумѣть подъ требованіемъ *услугъ*, составляющихъ вымогательство? Не иначе, какъ услугъ, составляющихъ рыночную цѣнность: напр., если чиновникъ полицейскій потребуетъ, чтобы маляръ даромъ окрасилъ ему квартиру.

Слѣдуетъ ли разумѣть подъ излишними поборами взятіе напр. почтовымъ чиновникомъ излишнихъ денегъ на посылку, станціоннымъ смотрителемъ за лошадей и т. под.? Слово „поборъ" нельзя отнести къ этимъ сборамъ, это не обязательный взносъ, подобно подати; каждый подчиняется ему свободно, каждый можетъ провѣрить его, потому что тарифъ извѣстенъ. По этимъ причинамъ нельзя смѣшивать такихъ неправильностей или плутней съ важнымъ дѣломъ государственнаго или земскаго налога, за невыполненіе котораго положены строгія взысканія, гдѣ чиновникъ является требователемъ, облеченнымъ властью, гдѣ контроль отдѣльныхъ плательщиковъ очень затруднителенъ. Почтовый чиновникъ въ въ дѣлѣ сбора за письма и посылки не болѣе, какъ коммерческій агентъ правительства. Но если они всѣ собранныя такимъ образомъ деньги или часть ихъ присвоили себѣ, то они виновны въ мошенничествѣ, а не въ вымогательствѣ.

Сообщниками въ лихоимствѣ, по 380 ст. Уложенія, признаются: 1) принимавшіе вмѣсто чиновника взятку или служившіе посредниками при требованіяхъ, передачѣ или полученіи взятокъ; 2) начальники, которые, зная достовѣрно о подаркахъ или взяткахъ, получаемыхъ подчиненными ихъ, или же о чинимыхъ ими, или допускаемыхъ вымогательствахъ, не принимали никакихъ мѣръ для прекращенія сихъ злоупотребленій, изобличенія и наказанія виновныхъ, или даже явно имъ потворствовали, и 3) судьи, которые изобличенныхъ въ мздоимствѣ или лихоимствѣ преступниковъ, будутъ стараться оправдать, вопреки законамъ и обстоятельствамъ дѣла.

Второй пунктъ этой статьи составляетъ исключеніе изъ общаго постановленія о попустительствѣ, выраженнаго въ 14 ст. Начальникъ, знающій достовѣрно о лихоимствѣ подчиненныхъ, подходитъ подъ дѣйствіе 14 ст., и слѣдственно долженъ быть наказанъ на основаніи 125 ст. двумя степенями ниже совершившихъ преступленіе; но 380 ст. говоритъ прямо, что они подвергаются наказанію, какъ сообщники.

Лихоимство, по самой сущности этого преступленія очень трудно доказать: оно совершается безъ свидѣтелей, матеріальныхъ слѣдовъ послѣ себя не оставляетъ, такъ что безъ признанія взяточника или лиходателя чрезвычайно трудно доказать совершеніе лихоимства, а тѣмъ болѣе потворства ему начальства; поэтому, чтобы имѣть возможность осудить взяточника, необходимо употреблять судъ присяжныхъ, которые рѣшаютъ дѣло по внутреннему своему убѣжденію.

Чиновникамъ запрещаются всякія сдѣлки съ лицами, вступающими въ

подряды и поставки по тому вѣдомству, гдѣ они служатъ, потому что предполагается, что эта сдѣлка или договоръ только прикрываетъ собою взятку для того, чтобы чиновникъ незаконно благопріятствовалъ подрядчику при сдачѣ вещей или работѣ въ ущербъ казнѣ, и за совершеніе такихъ сдѣлокъ обѣ стороны (т. е. поставщикъ и чиновникъ) подвергаются взысканію, равному цѣнѣ заключенной сдѣлки, а чиновникъ, сверхъ того, исключается изъ службы. Если же чиновникъ имѣлъ съ поставщикомъ еще прежде сдѣлки и не объявилъ о томъ своему начальству, то также подвергается этому денежному взысканію. За пріемъ въ казну по сдѣлкѣ съ поставщикомъ негодныхъ и дурныхъ вещей чиновники наказываются какъ за лихоимство, съ нарушеніемъ обязанности службы (т. е. ссылкой на житье). Наконецъ, за вступленіе подъ своимъ именемъ или чрезъ подставныя лица въ торги и обязательства съ казною, чиновники того самаго мѣста, которое эти предпріятія производитъ, наказываются какъ за подлоги по службѣ, т. е. ссылкой въ Сибирь на житье или на поселеніе (ст. 485 и слѣд.).

III. Неисполненіе указовъ и предписаній начальства подвергаетъ чиновника дисциплинарнымъ наказаніямъ не свыше исключенія изъ службы, если учинено по легкомыслію или недостатку вниманія; если же сдѣлано изъ корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ, то виновный подвергается каторжной работѣ на 10—12 лѣтъ за неисполненіе именныхъ указовъ и Высочайшихъ повелѣній (ст. 329), и ссылкѣ на житье и на поселеніе въ Сибирь за неисполненіе прочихъ указовъ и предписаній.

IV. *Превышеніе власти и противозаконное оной бездѣйствіе.* Превышеніе власти отличается отъ самовольнаго присвоенія оной тѣмъ, что въ послѣднемъ случаѣ лицо вовсе не имѣло никакой власти, не состояло на службѣ, или его служебная дѣятельность вполнѣ исключала ту сферу, въ которую онъ самовольно вторгнулся; а въ превышеніи—чиновникъ только не удержался въ отмѣренныхъ ему по его рангу предѣлахъ. Такъ, мировой судья умышленно, а не по недоразумѣнію, рѣшившій дѣло, подсудное окружному суду, напр. судившій дворянина за кражу; губернаторъ давшій разрѣшеніе издавать газету, смѣнившій такого чиновника, который можетъ быть уволенъ только министромъ и т. под.,—совершаютъ превышеніе власти. Законъ подробно и точно опредѣляетъ предѣлы власти каждаго должностнаго лица и присутственнаго мѣста въ самыхъ уставахъ. Изъ этого опредѣленія существуютъ два важныхъ изъятія: 1) министры уполномочены въ важныхъ случаяхъ принимать и такія мѣры, на которыя, по закону, имъ не дано права, безъ высшаго разрѣшенія, и всѣ мѣста и власти обязаны имъ повиноваться; это право преимущественно принадлежитъ министру внутреннихъ дѣлъ при замѣшательствахъ въ государствѣ и другихъ чрезвычайныхъ случаяхъ (Св.

Зак. т. I, Учр. Мин., ст. 195, 1372); 2) каждое должностное лицо въ чрезвычайныхъ случаяхъ можетъ принять рѣшительную мѣру на свою отвѣтственность. Ст. 340 гласитъ, что оно должно доказать необходимость такой мѣры въ видахъ государственной пользы и невозможность отложить ее до полученія разрѣшенія компетентной власти. Начальники уѣздной полиціи преимущественно могутъ находиться въ такомъ положеніи. Такъ напр., уѣздный исправникъ, находясь или среди волнующагося населенія, или при извѣстіи о появленіи чумы, при наводненіи и тому подобныхъ дѣйствіяхъ, можетъ быть поставленъ въ такое положеніе, когда малѣйшее колебаніе въ принятіи самыхъ рѣшительныхъ мѣръ, можетъ причинить неисчислимыя бѣдствія не только краю, но и цѣлому государству. Если онъ не учинитъ этого, то можетъ быть обвиненъ въ противозаконномъ бездѣйствіи власти. Естественно, что чиновникъ, учинившій превышеніе власти безъ должнаго основанія не можетъ быть подвергнутъ тому же наказанію, какъ частное лицо самовольно присвоившее власть или безъ присвоенія власти учинившее то нарушеніе правъ личныхъ или собственности, которое учинилъ чиновникъ. Чиновникъ стоитъ на законной почвѣ, но въ жару отправленія должности онъ перешелъ предѣлъ; часто онъ не въ состояніи измѣрить степени уклоненія своихъ дѣйствій отъ закона. Притомъ же, слишкомъ строгое наказаніе за превышеніе власти, въ особенности чиновниковъ исполнительной части, можетъ совершенно подавить въ нихъ энергію, и произвести другое зло — бездѣйствіе власти. А такъ какъ бездѣйствіе власти наказывается одинаково съ превышеніемъ, то при строгихъ наказаніяхъ нельзя было бы найти лицъ для занятія извѣстныхъ должностей.

Законъ различаетъ слѣдующіе роды превышенія и бездѣйствія власти: 1) когда виновный учинилъ это „съ намѣреніемъ или сдѣлать, или попустить преступленіе,“ то онъ наказывается или какъ главный виновникъ, или какъ участникъ этого преступленія (ст. 342). Это вполнѣ вытекаетъ изъ свойства преступленія: употребленія для содѣйствія преступленію власти, данной закономъ, усугубляетъ вину, потому что опасность для общественнаго спокойствія и частныхъ лицъ неизмѣримо возрастаетъ, когда разбойникъ, воръ, фальшивый монетчикъ скрываются въ тѣхъ самыхъ лицахъ, которымъ государство поручило и дало средства преслѣдовать преступленія. Эта 342 ст. составляетъ не преступленіе превышенія власти, а просто постановленіе, что званіе должностнаго лица возвышаетъ наказаніе за содѣянное съ злоупотребленіемъ власти преступленіе, слѣдователельно мѣсто ея въ общей части, т. е. въ 1 раздѣлѣ Уложенія. 2) Превышеніе и бездѣйствіе власти безъ этой этой цѣли, т. е. въ собственномъ смыслѣ слова, влечетъ или дисциплинарныя наказанія—выговоръ, отрѣшеніе отъ должности и пр., или заключеніе въ

крѣпости до $1^{1}/_{3}$ года, или, наконецъ, въ случаяхъ особенно важныхъ— ссылку на житье въ Сибирь (ст. 341, 343). При наложеніи наказаній берется въ основаніе: были ли или могли ли быть важны послѣдствія превышенія или бездѣйствія, и въ какой мѣрѣ важны. Здѣсь, по необходимости, законодатель долженъ былъ предоставить судьѣ значительный произволъ.

Въ ст. 341—343 изложено преступленіе превышенія и бездѣйствія власти въ общемъ его видѣ, направлено ли оно было во вредъ частнаго лица или во вредъ государства. Въ слѣдующихъ 344—350 ст. означены нѣкоторые спеціальные виды этого преступленія: 1) препятствіе однимъ должностнымъ лицомъ законнымъ дѣйствіямъ другаго. Это — превышеніе власти, направленное противъ государства. Различаются три вида этого преступленія: когда оно произведено съ оружіемъ — тогда слѣдуетъ виновному высшая мѣра наказанія, опредѣленнаго за сопротивленіе чиновнику по 270 ст. Законъ умалчиваетъ объ одномъ отягчающемъ обстоятельствѣ такого сопротивленія, именно, если одинъ чиновникъ употребитъ противъ другаго военную силу. Въ этомъ случаѣ, который въ настоящее время едва ли возможенъ, происходитъ родъ междоусобной войны. 2) Если препятствіе было безъ употребленія оружія, но однако съ угрозами или насиліемъ, то виновный можетъ быть подвергнутъ не только наказаніямъ, означеннымъ въ 271 ст. за таковое же дѣйствіе, совершенное частнымъ лицомъ, т. е. смирительному дому или ссылкѣ въ Сибирь на житье, но и ссылкѣ на поселеніе (ст. 344). 3) Во всѣхъ другихъ случаяхъ, т. е. когда препятствіе не было сопряжено съ насиліемъ или угрозами, чиновникъ подвергается или одному изъ дисциплинарныхъ наказаній или заключенію въ крѣпости до $1^{1}/_{3}$ гола.

II) Другой видъ служебныхъ преступленій не противъ частныхъ лицъ составляетъ нарушеніе дисциплины. Это преступленіе въ гражданской службѣ имѣетъ далеко не такое значеніе, какъ въ военной, но все-таки законъ ставитъ оскорбленіе начальника гораздо выше, чѣмъ оскорбленіе частнаго человѣка. Такъ, грубое или неприличное обхожденіе съ начальникомъ и оскорбленіе его словами наказывается строгимъ выговоромъ съ внесеніемъ въ послужной списокъ или арестомъ до трехъ недѣль, а когда совершено въ присутственномъ мѣстѣ, то заключеніемъ въ тюрьмѣ или въ смирительномъ домѣ до 4 мѣсяцевъ. Тому же наказанію подвергается и заочная брань на начальника, произнесенная публично (ст. 394).

Подъ начальникомъ разумѣть должно всякое лицо, къ которому виновный находится въ подчиненномъ отношеніи по службѣ, а не по частному соглашенію. Кромѣ того, законодатель приравнялъ къ начальнику помѣщика и членовъ его семейства въ отношеніи обидъ, наносимыхъ крестьянами, поселенными на его землѣ.

Въ обидѣ дѣйствіемъ различіе наказанія между подчиненнымъ и частнымъ человѣкомъ гораздо сильнѣе, именно: виновный подвергается не денежной пенѣ или аресту, а ссылкѣ на житье и даже на поселеніе въ Сибирь (ст. 395). При этомъ возникаетъ важный вопросъ: такое наказаніе постигаетъ ли виновнаго во всѣхъ случаяхъ, или только тогда, когда онъ оскорбилъ начальника при отправленіи должности или вслѣдствіе его служебнаго дѣйствія? Нельзя отрицать, что между этими двумя видами чрезвычайное различіе. Конечно, начальникъ остается начальникомъ и внѣ отправленія должности, но въ той ли мѣрѣ? Подчиненный, ударившій своего начальника, напримѣръ, при ссорѣ за картами, на охотѣ и т. под., и совершившій то же преступленіе при докладѣ дѣлъ, или при другомъ отправленіи должности, не могутъ быть поставлены на одну доску. Коль скоро служебныя отношенія прервались, начинаются частныя; особенное уваженіе къ начальнику остается нравственнымъ долгомъ, не болѣе. Порядокъ службы, интересъ государства очень мало замѣшаны въ послѣднемъ случаѣ. Въ особенности это слѣдуетъ сказать о тѣхъ родахъ службы, гдѣ отношенія по природѣ своей не непрерывны, напр. по службѣ учебной. Кромѣ того, въ гражданской службѣ можетъ случиться, что чиновникъ, стоящій къ извѣстному лицу въ отношеніи подчиненности по одному мѣсту службы, стоитъ къ нему какъ начальникъ по другому мѣсту. Это можетъ быть по службѣ учебной, или при соединеніи коронной службы съ выборной. Какъ же въ этомъ случаѣ прилагать законъ при оскорбленіи между такими лицами внѣ службы? Если и считать оскорбленіе внѣ службы, нанесенное начальнику, болѣе важнымъ преступленіемъ, чѣмъ оскорбленіе частнаго лица, то это можетъ условливать нѣкоторое повышеніе наказанія, напр. заключеніе въ тюрьму, но не вести въ Сибирь. Петръ Великій, опредѣлившій такъ строго принципъ чиноначалія, постановилъ однако, что всѣ эти правила не относятся „до частныхъ компаній", т. е. до обхожденія въ частной жизни. Мы полагаемъ, что 395 ст. относится только до оскорбленія по службѣ или вслѣдствіе службы, иначе свобода частной жизни была бы совершенно уничтожена. Это мнѣніе подтверждается отчасти и 392 ст., составляющей введеніе въ преступленія противъ начальника. „За всякое нарушеніе обязанности *повиноваться* своимъ непосредственнымъ и главнымъ начальникамъ, какъ поставленнымъ надъ ними по закону властямъ, всѣ состоящія въ службѣ государственной и общественной лица подвергаются опредѣляемымъ въ слѣдующихъ 393—397 статьяхъ наказаніямъ и взысканіямъ." Итакъ, общій характеръ разбираемаго преступленія составляетъ нарушеніе обязанности *повиноваться*. Но эта обязанность, за исключеніемъ нѣкоторыхъ родовъ службы, напр. полицейской, во всѣхъ остальныхъ (гражданскихъ) существуетъ только во время отправленія долж-

ности, или только по предметамъ, входящимъ въ сферу той или другой должности.

Наконецъ, замѣтимъ, что въ гражданской службѣ слово начальникъ не имѣетъ той опредѣлительности, какъ въ военной. Такъ напр., предсѣдатель судебнаго мѣста или совѣта, хотя имѣетъ различныя функціи начальника, не можетъ считаться имъ вполнѣ въ отношеніи членовъ. Существеннымъ признакомъ начальника считается право приказывать или, по крайней мѣрѣ, аттестовать.

Начальникъ за оскорбленіе подчиненнаго подвергается тѣмъ же наказаніямъ, которыя установлены за оскорбленіе частныхъ лицъ (ст. 400). За взысканіе съ подчиненныхъ сверхъ положенной закономъ мѣры, или, наоборотъ, за слабый надзоръ за ними, за принужденіе къ занятію дѣлами, неотносящимися къ ихъ обязанностямъ, начальники подвергаются дисциплинарнымъ наказаніямъ (ст. 398, 401, 404, 405). Тѣмъ же наказаніямъ подвергаются чиновники за медленность, нерадѣніе и несоблюденіе установленнаго порядка въ отправленіи должности (ст. 410—422), и начальники за нарушеніе порядка при опредѣленіи на службу и увольненіи отъ нея (ст. 388—391); впрочемъ, разглашеніе дѣлъ, подлежащихъ тайнѣ, въ случаяхъ особенно важныхъ, подвергаетъ виновнаго заключенію въ смирительномъ домѣ (ст. 423). Самовольное прерваніе отправленія должности наказывается денежной пеней до 500 руб., а когда отъ этого произошли упущенія по службѣ или вредъ казнѣ или частнымъ лицамъ, то арестомъ или заключеніемъ въ тюрьмѣ съ исключеніемъ изъ службы. Но если такой чиновникъ былъ облеченъ властью и чрезъ самовольное прерваніе должности могли произойти или произошли вредныя послѣдствія, то онъ подвергается наказанію какъ за противозаконное бездѣйствіе власти (ст. 384).

Въ слѣдующихъ главахъ V-го раздѣла Уложенія изложены преступленія чиновниковъ по нѣкоторымъ особеннымъ родамъ службы, именно: при производствѣ слѣдствій, по дѣламъ межевымъ, по полицейской службѣ, по нотаріальной части, по казначейской части, по подрядамъ. Эти постановленія не заключаютъ въ себѣ ничего замѣчательнаго ни въ теоретическомъ, ни въ практическомъ отношеніяхъ. Боольшая часть изъ нихъ составляютъ нарушенія неважныя разныхъ формъ, наказуемыя дисциплинарными взысканіями; другія составляютъ общія преступленія, изложенныя въ различныхъ частяхъ Уложенія, какъ-то: подлогъ, вымогательство, обиду, противозаконное лишеніе свободы, мошенничество. Такъ напр. 436 ст. говоритъ, что землемѣры наказываются за требованіе подарковъ, на основаніи 347 и 378 ст., какъ за вымогательство, въ чемъ не могло быть сомнѣнія и безъ этой статьи; 447 ст. говоритъ, что полицейскій чиновникъ, умышленно старавшійся скрыть слѣды преступленія или обвиняемаго

въ немъ, подлежитъ наказанію какъ за укрывательство, по 124 ст., въ чемъ опять не могло быть сомнѣнія; то же самое слѣдуетъ сказать о 460 ст., въ которой говорится, что чиновники крѣпостныхъ дѣлъ, за совершеніе завѣдомо отъ чьего либо имени подложныхъ крѣпостей, подвергаются наказанію, опредѣленному за подлоги по службѣ.

При внимательномъ разборѣ также не представляются оригинальными статьи 457 и 458. Въ первой изъ нихъ говорится, что чиновникъ полиціи „за смягченіе наказанія, вопреки судебному приговору, при исполненіи онаго, по ошибкѣ, снисхожденію или слабости“ подвергается выговору или удаленію отъ должности, а если это сдѣлано имъ изъ корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ, то ссылкѣ на житье въ Сибирь; во второй — объ усиленіи наказанія, за что идетъ, въ случаѣ, когда оно допущено изъ корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ—ссылка на житье, на поселеніе и даже каторжная работа отъ 6 до 8 лѣтъ. Это преступленіе полицейскихъ чиновниковъ совершенно сравнено съ неправосудіемъ (ст. 567, 568), что вполнѣ справедливо, потому что послѣдствія для осужденнаго одинаковыя—произошло ли для него смягченіе или отягченіе участи по винѣ судьи или по винѣ исполнителя судебнаго приговора. Впрочемъ, эти статьи могутъ имѣть приложеніе только при тѣлесномъ наказаніи. Въ другихъ случаяхъ трудно представить, какимъ образомъ полицейскій чиновникъ можетъ уменьшить или увеличить наказаніе, напр. срокъ тюремнаго заключенія, перемѣнить заключеніе въ арестантскія роты на смирительный домъ и т. под., потому что приговоръ судебный всегда бываетъ письменный, полицейскій чиновникъ только приводитъ осужденнаго въ назначенное мѣсто.

ГЛАВА XVII.

ПРЕСТУПЛЕНІЯ ПРОТИВЪ ПОВИННОСТЕЙ.

Неисполненіе требованій по денежнымъ повинностямъ. Значеніе рекрутской повинности. Членовредительство и другіе способы уклоненія отъ этой повинности. Укрывательство бѣглыхъ рекрутъ и солдатъ.

Государство не можетъ существовать безъ администраціи, суда и арміи; а для этого ему нужны деньги, или деньги и люди, если военная сила составляется не по добровольному найму, а обязательной службой.

Невыполненіе денежныхъ повинностей, т. е. неплатежъ установленныхъ податей и сборовъ не можетъ влечь за собою ничего другаго, кромѣ взысканія принудительнаго, продажи имущества неисправнаго плательщика и тому подобныхъ гражданскихъ средствъ, съ прибавкой денежной пени (Улож. ст. 540, 541, Миров. Уст. ст. 29). Гражданинъ въ этомъ случаѣ должникъ государства, и оно вправѣ употребить противъ него всѣ тѣ мѣры, на которыя законъ уполномочиваетъ кредитора. Конечно, все сказанное относится только къ отдѣльнымъ, несвязаннымъ между собою фактамъ. Если же неплатежъ многими лицами происходитъ вслѣдствіе уговора, то здѣсь является уже, хотя въ маломъ видѣ, преступленіе противъ государства: этимъ дѣйствіемъ высказывается намѣреніе поставить управленіе въ затруднительное положеніе. Такого рода дѣйствіе и отнесено, какъ мы видѣли, къ преступленіямъ противъ управленія.

Въ старое время неплатежъ податей и невыполненіе повинностей вели къ страшнымъ экзекуціямъ. Въ XVII вѣкѣ одинъ воевода въ донесеніи царю выставлялъ, какъ свою заслугу, то, что онъ съ посадскихъ людей взыскивалъ недоимки „всякими сысками накрѣпко, засѣкалъ на

смерть". Во времена бировщины домо ный приказъ мучилъ и раззорялъ крестьянъ.

Земскія повинности остались еще отчасти натуральными для крестьянскаго населенія, но онѣ, мало по малу, перелагаются на денежныя. Изъ государственныхъ повинностей только одна остается во всей силѣ натуральной, притомъ самая значительная — это рекрутская. Это, впрочемъ, вовсе не особенность нашей страны; она въ томъ же видѣ существуетъ во всѣхъ европейскихъ государствахъ, кромѣ Англіи.

Рекрутская повинность обусловливаетъ четыре вида преступленій: 1) со стороны лица, подлежащаго ей—незаконное уклоненіе, 2) со стороны обществъ, представляющихъ рекрутъ—незаконную отдачу, 3) со стороны правительственныхъ лицъ, назначенныхъ для испытанія годности людей, представляемыхъ въ рекруты — злоупотребленія, т. е. пріемъ негодныхъ людей, 4) со стороны всѣхъ вообще лицъ—укрывательство бѣглыхъ рекрутъ.

Важнѣйшее преступленіе первой категоріи—самоизувѣченье, или технически „членовредительство". Самоизувченье ненаказуемо по нашему закону; единственное исключеніе изъ этого положенія—когда оно произведено лицомъ, подлежащимъ отдачѣ въ военную службу. Справедливость такого постановленія не подлежитъ сомнѣнію: такое самоизувѣченье составляетъ злостный отказъ въ выполненіи необходимой повинности, мошенническое отклоненіе повинности отъ себя на другаго. Впрочемъ, уклоненіе чрезъ самоизувѣченье во всякомъ случаѣ показываетъ, что эта повинность организована слишкомъ тяжело; если человѣкъ рѣшается на такое противоестественное дѣло, каково самоизувѣченье, значитъ онъ имѣетъ на это слишкомъ важныя причины. Самоизувѣченье у насъ было весьма нерѣдко въ прежнее время, когда крестьянинъ или мѣщанинъ отрывался на всю жизнь отъ семьи и роднаго очага, попадалъ подъ жестокую дисциплину и на всѣ возможныя лишенія. Но съ тѣхъ поръ, какъ срокъ солдатской службы сокращенъ, когда солдаты не составляютъ наслѣдственной касты, а остаются членами крестьянскаго или мѣщанскаго сословія, и по отбытіи срока службы, не весьма продолжительнаго, возвращаются снова къ своимъ семействамъ и занятіямъ, а главное, когда вмѣстѣ съ тѣмъ возвышено нравственное и матеріальное ихъ положеніе,—военная служба перестала быть чѣмъ-то ужасающимъ, и самоизувѣченья стали рѣдки. Членовредители, оказавшіеся негодными къ военной службѣ, подвергаются спеціальному наказанію: отдачѣ на 4 года въ арестанскія роты, а послѣ этого срока ссылкѣ въ Сибирь на водвореніе (ст. 520). Такимъ образомъ, здѣсь, во-первыхъ — опредѣляется цифра срока заключенія неизмѣнно, безъ низшей и высшей мѣры, а во-вторыхъ — по отбытіи одного наказанія, начинается другое. Кромѣ того, въ этомъ случаѣ нѣтъ лишенія правъ. Впрочемъ, это толь-

ко недомолвка закона: положеніе такихъ водворенныхъ въ Сибири хуже, чѣмъ сосланныхъ на житье, и для нихъ не можетъ быть возможости пользоваться полными гражданскими правами. Законъ здѣсь не говоритъ о ссылкѣ на житье, потому что рекрутская повинность падаетъ только на классы непривиллегированные.

Наравнѣ съ самоизувѣченьемъ наказывается растравленіе ранъ или другое поврежденіе здоровья (ст. 522).

Виновный въ изувѣченьи другаго, по его желанію, для воспрепятствованія пріему его въ рекруты, подвергается заключенію въ смирительномъ домѣ отъ 1⅓ до 2 лѣтъ (ст. 523). Здѣсь законодатель отступаетъ отъ общаго положенія о соучастіи въ преступленіи: изувѣчившій въ этомъ случаѣ есть сообщникъ преступленія — уклоненія отъ рекрутства чрезъ увѣчье, и по 119 ст. долженъ былъ бы подлежать тоту же наказанію, какъ изувѣченный, т. е. отдачѣ въ арестантскія роты на 4 года.

Другой способъ уклоненія отъ рекрутской повинности — бѣгство при наборѣ, или неявка законно отлучившихся въ свой участокъ при объявленіи о наборѣ. Такія лица, хотя бы были захвачены послѣ набора, отдаются въ рекруты и, сверхъ того, подвергаются заключенію въ тюрьмѣ до 4 мѣсяцевъ (ст. 526, 527).

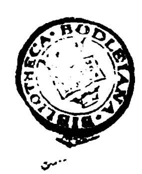
Важнѣйшее преступленіе со стороны обществъ или рекрутскихъ участковъ—отдача подлогомъ въ рекруты лица, непринадлежащаго къ этимъ обществамъ, разумѣется, помимо его желанія. Виновные въ этомъ подвергаются ссылкѣ въ Сибирь на житье.

Члены рекрутскихъ присутствій за пріемъ въ рекруты людей, несоотвѣтствующихъ установленнымъ правиламъ по лѣтамъ, физическимъ и умственнымъ (безумные) недостаткамъ, подвергаются денежнымъ взысканіямъ до 150 рублей, а за отказъ въ пріемѣ годныхъ людей—выговорамъ или удаленію отъ должности (ст. 533—539).

Укрывательство лицъ, состоящихъ на рекрутской очереди, бѣглыхъ рекрутъ, солдатъ и матросовъ подвергаетъ виновныхъ пенѣ до 600 и даже до 1200 рублей за каждаго укрытаго; этотъ сильный штрафъ взыскивается за каждаго укрытаго отдѣльно, слѣдовательно, не на основаніи правила о совокупности преступныхъ дѣяній. Если бѣглый проживалъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, то каждый укрыватель платитъ отдѣльно постановленный штрафъ. Впрочемъ, укрывательство состоящихъ на рекрутской очереди наказуемо только тогда, когда оно продолжалось болѣе 10 дней со дня объявленія набора. Замѣчательно, что штрафъ падаетъ на цѣлое селеніе; онъ падаетъ непосредственно на укрывателя только въ томъ случаѣ, когда бѣглецъ былъ задержанъ и выданъ самимъ сельскимъ обществомъ. Такимъ образомъ, все сельское или городское податное общество считается солидарнымъ при укрывательствѣ (ст. 528, 529). Евреи

за укрывательство своихъ единовѣрцевъ наказываются гораздо строже, именно: укрыватель отдается въ арестантскія роты срокомъ до $1\frac{1}{2}$ года а съ общества взыскивается пеня до 300 рублей (ст. 530).

Съ пограничными и нѣкоторыми другими державами заключены нами трактаты о взаимной выдачѣ дезертировъ. При обязательной военной службѣ существуетъ взаимная опасность, что войска, стоящія на границѣ, растроятся отъ побѣговъ въ другое государство; притомъ же, отказъ отъ выполненія военной повинности считается нарушеніемъ гражданскаго обязательства. Эти причины условливаютъ существованіе тректатовъ о выдачѣ дезертировъ. Наравнѣ съ военными дезертирами стоятъ и матросы купеческихъ кораблей: они выдаются и безъ трактатовъ, по международному обычаю, потому что безъ таковой выдачи невозможно правильное существованіе морской торговли (Св. зак. т. XIV, Уст. о паспорт., ст. 663—687).

ГЛАВА XVIII.

ПРЕСТУПЛЕНІЯ ПРОТИВЪ ОБЩЕСТВЕННАГО БЛАГОУСТРОЙСТВА И БЛАГОЧИНІЯ.

Общій характеръ этихъ преступленій. a. Нарушеніе постановленій, ограждающихъ общественное спокойствіе: 1) *Бродяжничество.* Различіе взгляда нашего законодательства на бродяжничество отъ другихъ законодательствъ. Причины наказуемости бродяжничества. Оригинальность въ наказаніяхъ. 2) *Нищенство.* Важность вопроса о нищенствѣ. Стороны наказуемости нищенства. Строгая наказуемость нищаго за приготовленіе къ преступленію (поддѣльные ключи). 3) *Ябеда и доносы.* 4) *Противузаконная выдѣлка оружія.* 5) *Запрещенныя игры и лотереи.* b. Преступленія противъ общественной нравственности: 6) *непотребство, противоестественные пороки* и пр. Предѣлы вмѣшательства государства въ поведеніе гражданъ. Нѣкоторые виды преступленій противъ общественной нравственности объясняются только вліяніемъ церковнаго воззрѣнія. Вопросъ о публичныхъ домахъ. c. 7) *Нарушеніе постановленій о воспитаніи юношества.* d. Нарушеніе постановленій о народномъ здравіи: 8) *незаконное врачеваніе.* Измѣненіе взгляда законодателя на этотъ вопросъ съ изданіемъ Мир. Устава. 9) *Карантинныя преступленія.* Важность карантиновъ. Причина строгости наказаній, Различіе въ наказаніяхъ, смотря по тому совершено ли нарушеніе во время чумы, или въ другое время. 10) Другія нарушенія медицинскихъ охранительныхъ мѣръ 11) Нарушеніе постановленій *о продовольствіи.*

Подъ этимъ заглавіемъ помѣщены въ VIII раздѣлѣ Уложенія нарушенія мѣръ, установленныхъ для безопасности общественной, т. е. для предупрежденія тѣхъ бѣдствій, которыя могутъ произойти для спокойствія, жизни, здравія, имущества, нравственности. Сюда относятся: бродяжничество, какъ фактъ, грозящій возможностью всякаго рода бѣдствій; нищенство, которое, съ одной стороны, представляетъ опасность для общественной нравственности, съ другой — для частной собственности, какъ видъ мошенничества; то же значеніе имѣютъ игорные дома и публичныя лотереи; непотребство и т. под. явленія поражаютъ общественную нравственность и также здоровье; въ огражденіе народнаго здравія существуютъ

постановленія о правильномъ врачеваніи и фармаціи, а также мѣры огражденія отъ повальныхъ болѣзней. Далѣе, въ этомъ же раздѣлѣ изложены нарушенія постановленій торговыхъ, фабричныхъ, почтовыхъ, телеграфныхъ, о путяхъ сообщенія, о цензурѣ. Всѣ эти послѣднія постановленія кромѣ цензурныхъ, имѣютъ не отрицательный характеръ, а выражаютъ положительную роль государства для развитія матеріальнаго благосостоянія. Мы ихъ не будемъ разбирать на томъ основаніи, что большая часть ихъ въ уголовномъ отношеніи не представляетъ никакого интереса; нарушенія ихъ имѣютъ самый маловажный характеръ, денежный штрафъ — почти единственное наказаніе. Нѣкоторыя изъ нихъ, правда, подлежатъ значительнымъ уголовнымъ наказаніямъ, но онѣ найдутъ мѣсто въ другихъ главахъ нашего курса, потому что заключаютъ прямыя преступленія противъ жизни или имущества, а не одно нарушеніе мѣръ, ограждающихъ эти блага. Преступленія печати составляютъ особый самостоятельный разрядъ.

I. *Бродяжничество.* Ст. 950 опредѣляетъ бродяжничество слѣдующимъ образомъ: „Бродягами признаются какъ жительствующіе, такъ и переѣзжающіе изъ мѣста въ мѣсто, не только безъ вѣдома надлежащихъ полицейскихъ начальствъ и безъ установленныхъ на то видовъ, но и безъ всякихъ средствъ доказать настоящее свое состояніе или званіе, или же упорно отъ сего отказывающіеся“. Такимъ образомъ, единственнымъ элементомъ этого преступленія является неимѣніе паспорта или, по крайней мѣрѣ, невозможность доказать свою гражданскую личность. Совершенно иначе ставитъ этотъ вопросъ французское законодательство. Оно признаетъ бродягой лишь того, кто не имѣетъ опредѣленнаго мѣстожительства, квартиры, средствъ существованія, и не занимается какимъ либо ремесломъ или промысломъ. По нашему закону, имѣющій паспортъ, хотя бы онъ шлялся постоянно изъ мѣста на мѣсто, не имѣлъ бы ни занятія, ни средствъ существованія—не бродяга; наоборотъ, онъ можетъ быть человѣкомъ съ капиталомъ или имѣть большіе промыслы, но если у него нѣтъ паспорта и онъ не можетъ доказать своей личности, то считается бродягой. Французскій признакъ бродяжничества вѣрнѣе нашего, потому что при нашемъ признакѣ остается безъ преслѣдованія масса дѣйствительныхъ бродягъ, людей самыхъ вредныхъ; но основанія наказуемости, принципъ преступленія одни и тѣ же.

Преступленіе состоитъ не въ одномъ только нарушеніи нравственнаго закона; это только одно изъ основаній уголовнаго закона; — но государство, кромѣ того, имѣетъ обязанность охранять порядокъ. Съ этой точки зрѣнія, положеніе человѣка, не имѣющаго ни занятія, ни средствъ существованія, ни жилища, представляетъ большую опасность для общественнаго порядка. Оно имѣетъ поэтому право заботиться о прекращеніи та-

кого порядка вещей. Одна праздность еще не составляетъ проступка, если человѣкъ имѣетъ средства существованія, потому что въ этомъ положеніи онъ не представляетъ опасности для общества, того вѣроятія, что онъ существуетъ средствами незаконными. Тысячи людей богатыхъ ведутъ въ наше время не только праздную, но и кочевую жизнь. Другое дѣло — когда у такого ковевника нѣтъ ни занятія, ни средствъ существованія. Эта бродячая масса, родъ кочеваго состоянія въ цивилизованномъ обществѣ, представляла всегда и въ политическомъ и въ общественномъ отношеніяхъ элементы самые опасные. Les gens sans aveu—люди безъ очага и промысла, составляютъ одну изъ болѣзней западныхъ обществъ, готовую армію для революцій. Впрочемъ, какова бы ни была опасность отъ этого рода людей, уголовный законъ не долженъ идти далеко, чтобы не произвести болѣе близкой, болѣе значительной опасности—посягнуть на свободу. Поэтому, французскій законъ благоразумно ограничилъ вмѣшательство власти и уголовнаго закона въ этомъ случаѣ тремя условіями: отсутствіе средствъ существованія (200 фраоковъ въ карманѣ считается достаточнымъ средствомъ) или занятія и непремѣнно отсутствіемъ очага. Въ другихъ законодательствахъ, напр. въ шведскомъ, мы встрѣчаемъ самыя суровыя мѣры не только противъ бродягъ, но и вообще противъ лицъ низшихъ классовъ, не занимающихся работой: они поступаютъ въ полное распоряженіе властей, которыя отдаютъ ихъ въ работу, какъ крѣпостныхъ. Въ Англіи великія политическія льготы не примѣняются къ этому классу: Нашъ законъ, какъ мы видѣли, считаетъ бродяжничествомъ только безпаспортность, что далеко не одно и то же. Система внутреннихъ паспортовъ введена у насъ Петромъ Великимъ. По закону, каждый обязанъ имѣть постоянное мѣстожительство; это мѣстожительство опредѣляется не только по волѣ лица, но и по закону: для купца и мѣщанина — городомъ, гдѣ онъ записанъ, для чиновника — мѣстомъ службы, для священно и церковно-служителей—ихъ церковью, для крестьянина — селеньемъ, гдѣ онъ записанъ въ ревизію, и т. д. Безъ письменнаго вида или паспорта можно отлучаться не далѣе 30 верствъ отъ своего мѣстожительства. Строгая паспортная система въ видахъ охраненія порядка давно уже признана несостоятельной; она, напротивъ того, служитъ только стѣсненіемъ для жизни. Съ улучшеніемъ путей сообщенія, въ особенности съ развитіемъ желѣзныхъ дорогъ, когда разстоянія стали исчезать, когда торговля, промыслы, тысячи жизненныхъ отношеній, требуютъ свободы передвиженія, безъ которой желѣзныя дороги и пароходы не могутъ имѣть значенія, невыгода этой системы сдѣлалась вполнѣ ощутительной. У насъ она существуетъ еще вслѣдствіе того явленія, что повинности рекрутская и подушная отправляются обществами на началѣ круговой поруки. Притомъ же еще недавво было крыпостное состояніе,

для охраны котораго паспортная система была необходима: Вотъ почему законъ нашъ ударялъ на паспортъ: въ безпаспортномъ онъ видѣлъ бѣглаго, желающаго уйти отъ крѣпостнаго ярма, мѣщанина, желающаго уйти отъ рекрутской очереди, солдата, не вынесшаго прежней тяжкой доли. Общественное состояніе Россіи 15 лѣтъ тому назадъ было таково, что она была наполнена бродячими массами. Все изъ простолюдья, что не могло вынести прежняго ярма, слѣдовательно болѣе смѣлое и энергическое, дѣлалось бродягами, какъ въ старой Россіи казаками. Улучшеніе политическихъ и экономическихъ отношеній одно только въ состояніи положить конецъ бродяжничеству.

Нашъ законъ чувствовалъ, что легальное опредѣленіе бродяжничества далеко не совпадаетъ съ дѣйствительнымъ явленіемъ. Отъ того наше законодательство предоставляетъ обширныя права администраціи надъ отставными военными и гражданскими чиновниками, неимѣющими недвижимой собственности, надъ отставными и безсрочно-отпускными солдатами, исключенными изъ духовнаго званія и подобными людьми, которые хотя и имѣютъ паспорты, но если не имѣютъ осѣдлости и правильныхъ средствъ существованія, то представляютъ, по его мнѣнію, опасность для порядка.

Одно проживательство безъ вида не дѣлаетъ еще бродягой; если лицо докажетъ свое званіе и постоянное мѣстожительство, т. е. тотъ городъ или селеніе, гдѣ оно приписано, тогда оно подвергается только денежному штрафу (Мир. Уст. ст. 61). Но если оно отказывается указать свое званіе и законное мѣстожительство („непомнящій родства") или показаніе его по справкѣ окажется ложнымъ, то оно подвергается заключенію въ арестантскія роты (женщины, по общему правилу — въ рабочій домъ) на 4 года, а затѣмъ ссылкѣ въ Сибирь на водвореніе. Водвореніе бродягъ за Кавказомъ отмѣнено въ 1867 году. Кромѣ того, давшіе ложное показаніе подвергаются наказанію розгами отъ 30 до 40 ударовъ (Улож. ст. 951, 952). Иностранцы послѣ двукратной высылки заграницу, а также и такіе изъ нихъ, которые послѣ высылки не будутъ приняты никакимъ правительствомъ, признаются бродягами и подлежатъ вышеприведеннымъ наказаніямъ (ст. 954, 955) Въ постановленіяхъ о бродяжничествѣ останавливаютъ вниманіе два обстоятельства. Во-первыхъ, наказанія чрезмѣрно велики. Одно подозрѣніе, что такой человѣкъ скрывается отъ преслѣдованія за преступленія, или бѣжалъ отъ рекрутской повинности, не можетъ условливать такого тяжкаго наказанія. Бывали случаи скитальчества вслѣдствіе семейныхъ обстоятельствъ: захваченный, не желая попасть подъ суровое иго отца, дочь, имѣвшая незаконную связь, не желая позорить семью, объявляли себя непомнящими родства или упорно отказывались объявить о своемъ мѣстожительствѣ и званіи. Бывали случаи скитальчества вслѣдствіе религіознаго настроенія, вслѣдствіе раскольничьяго фанатизма: существуютъ секты, считающія паспорты печатью антихриста,

а скиталничество—богоугоднымъ дѣломъ. Во-вторыхъ, нельзя считать безусловно, что непомнящій родства лжетъ; могутъ быть, хотя, конечно, рѣдко, дѣйствительныя явленія такого рода: малолѣтній могъ быть похищенъ, водимъ по цѣлой Россіи какимъ либо нишимъ, и, наконецъ, послѣ его смерти, самъ бродитъ, не зная своего рода и племени, какъ это и было разъяснено однимъ изъ сенатскихъ рѣшеній.

По закону жена и дѣти должны жить неразлучно съ мужемъ и отцомъ; поэтому жена, бродящая вмѣстѣ съ мужемъ, не можетъ, быть наказана, какъ бродяга; она не можетъ имѣть отдѣльнаго вида. Тѣмъ не менѣе, однакэ, прежняя практика подвергала и женъ наказанію, даже малолѣтнія дѣти отдавались въ батальоны кантонистовъ. Законъ 1861 г. измѣнилъ эти суровыя и несправедливыя постановленія 613 ст. Уст. Предупр. Теперь малолѣтнія дѣти бродягъ отдаются родственникамъ или обществамъ до совершеннолѣтія. (Продолж. Св. Зак. т. XIV). Въ этомъ же законѣ постановлено важное изъятіе изъ общаго положенія о вмѣненіи относительно бродягъ, а именно: наказаніе за бродяжничество примѣняется только къ имѣющимъ свыше 17 лѣтъ.

Въ видахъ пресѣченія бродяжничества переселеніе крестьянъ, даже свободныхъ, въ особенности цѣлыми селеніями, дозволялось только по особымъ разрѣшеніямъ. Законъ объ освобожденіи крѣпостныхъ людей также ограничилъ на 9 лѣтъ свободу переселенія ихъ. Въ прежнее время случалось неоднократно, что крестьяне, по разсказамъ какого нибудь пройдохи объ отличныхъ земляхъ и льготахъ переселенцевъ гдѣ нибудь на крайнемъ востокѣ или въ Крыму, подымались цѣлыми массами. Такимъ подговорщикамъ къ недозволенному переселенію опредѣлено наказаніе—заключеніе въ смирительномъ домѣ или ссылка на житье въ Сибирь (ст. 947). Это постановленіе, впрочемъ, указываетъ на состояніе людей несвободное или крайне грубое, когда власть опекаетъ ихъ, не признаетъ въ нихъ способности взвѣсить собственныя выгоды.

Ст. 1448 постановляетъ, что лица, причисленныя къ податнымъ обществамъ безъ согласія послѣднихъ (постановленія о таковомъ причисленіи находится въ законахъ о состояніяхъ), за самовольную отлучку свыше трехъ лѣтъ или за вторичную отлучку, „наказываются какъ за бродяжничество." Но за бродяжничество само по себѣ нѣтъ наказанія, кромѣ отсылки на мѣстожительство. Бродяжничество, какъ мы видѣли, наказуемо только тогда, когда бродяга отказывается дать показаніе о своемъ званіи и происхожденіи. По всей вѣроятности, законодатель хотѣлъ сказать, что означенные люди подвергаются заключенію въ арестантскихъ ротахъ, подобно непомнящимъ родства. Но такъ какъ онъ не сказалъ этого, и даже не сослался на 951 ст., то приложеніе опредѣленнаго въ ней наказанія трудно допустить. Въ Уложеніи постоянно наблюдается правило:

какъ скоро законодатель приравниваетъ какой какой либо фактъ по наказаніямъ къ другому, о которомъ прежде говорилъ, то ссылается на статью, въ которой опредѣлено это наказеніе. Напр., въ 460 ст. чиновникъ крѣпостныхъ дѣлъ за совершеніе подложныхъ крѣпостей подвергается „наказаніямъ, постановленнымъ *выше сего въ ст. 362* за подлоги при отправленіи должности.“ Въ разбираемомъ случаѣ онъ не сдѣлалъ такой ссылки на статью, опредѣляющую наказаніе, и даже не описалъ вполнѣ того преступленія. къ которому приравниваетъ самовольную отлучку, поэтому о намѣреніи его можно только догадываться.

II. *Нищенство.* Можно-ли считать преступленіемъ тотъ фактъ, когда человѣкъ обращается къ состраданію общества? Онъ этимъ не нарушаетъ ничьихъ правъ: кто желаетъ, тотъ даетъ ему. Однако, разсматривая глубже это явленіе, мы найдемъ справедливость его наказанія не только въ системѣ предупрежденія, но и прямо въ системѣ караніи преступленій. Но наказуемость можетъ быть приложена къ публичному прошенію милостыни только тогда, когда, во-первыхъ, человѣкъ здоровъ и въ состояніи работать, во-вторыхъ—и въ этомъ случаѣ—когда онъ проситъ милостыню въ видѣ ремесла, по лѣни, а не вслѣдствіе недостатка работы или временныхъ несчастныхъ обстоятельствъ; наконецъ, если въ обществѣ существуютъ въ достаточномъ количествѣ благотворительныя заведенія, то прошеніе милостыни больными, увѣчными, неспособными къ работѣ, также должно быть наказуемо.

Съ точки зрѣнія предупрежденія государство не можетъ быть равнодушнымъ къ тому отвратительному явленію, когда тысячи лѣнтяевъ, вмѣсто работы, занимаются прошеніемъ милостыни. Чего можно ожидать отъ такой массы? Развратъ и преступленіе находятъ въ ней всегда готовый контингентъ. Не всякое занятіе можетъ быть терпимо въ государствѣ: никто не станетъ утверждать, что публичный развратъ составляетъ правильную профессію; то же самое слѣдуетъ сказать и о нищенствѣ. Мало того, въ немъ мы встрѣчаемъ элементы преступленія, съ одной стороны, нищенство нарушаетъ спокойствіе общественной жизни: если нельзя пройти по улицѣ безъ того, чтобы десятки нищихъ не преслѣдовали васъ, если нельзя заниматься дома безъ того, чтобы къ окну не подходили съ причитаніемъ о подаяніи, то нельзя сказать, чтобы прошеніе милостыни не нарушало правъ гражданина на спокойствіе, на свободу движенія и занятій. Далѣе, тотъ, кто будучи здоровъ и имѣя возможность получить работу, проситъ милостыню—совершаетъ родъ мошенничества: ему даютъ, считая его не въ состояніи пріобрѣсть себѣ кусокъ хлѣба, слѣдовательно только вслѣдствіе его обмана. Если же просящій милостыню имѣетъ значительную сумму денегъ, то онъ совершаетъ дѣйствительное мошенничество. Кромѣ того, нищіе, выставляющіе на показъ изуродованные члены

или раны, не только разстроиваютъ проходящихъ, но не рѣдко бываютъ причиной для женщинъ нервныхъ припадковъ или несчастныхъ родовъ.

Ст. 49 Мир. Уст. опредѣляетъ: „за прошеніе милостыни по лѣни и привычкѣ къ праздности" — заключеніе въ тюрьмѣ отъ 2 недѣль до 1 мѣсяца. Слѣдовательно, не случайное прошеніе, а когда оно составляетъ родъ ремесла. Отягчающимъ обстоятельствомъ служитъ прошеніе съ дерзостью и грубостью, или „съ употребленіемъ обмановъ" (Мир. Уст. ст. 50). Подъ обманами слѣдуетъ разумѣть разсказы о постигшемъ будто-бы несчастіи. о несуществующемъ семействѣ, притворное увѣчье и т. под.

Родители или другія лица, обязанныя имѣть попеченіе о малолѣтнихъ, за допущеніе ихъ къ прошенію подаянія подвергаются аресту, а если они изъ этого дѣлаютъ ремесло для себя, то заключенію въ тюрьмѣ до 2 мѣсяцевъ (Мир. Уст. ст. 51). По Сельск. Суд. Уст. ст. 499 и 500 государственные крестьяне за прошеніе милостыни или допущенія къ тому дѣтей, подвергаются наряду на общественныя работы. Условіемъ наказанія въ этомъ случаѣ служитъ: нарушеніе обязанности содержать дѣтей и пріучать ихъ къ честному ремеслу, а не развращать, и тѣмъ болѣе не обращать ихъ развращенія въ прибыль для себя.

Одно обстоятельство дѣлаетъ изъ нищенства преступленіе, наказуемое лишеніемъ правъ и ссылкой на житье или заключеніемъ въ рабочій домъ, именно: когда у нищаго найдены будутъ оружіе, поддѣльные ключи, или отмычки (Улож. ст. 984). Пріобрѣтеніе поддѣльныхъ ключей указываетъ только на приготовленіе къ кражѣ, а такое приготовленіе по общему началу ненаказуемо; присутствіе оружія не можетъ считаться само по себѣ приготовленіемъ къ убійству — надобно еще доказать это; но присутствіе у нищаго этихъ предметовъ подвергаетъ его строгому наказанію; слѣдовательно, здѣсь исключеніе изъ общей системы о приготовленіи. Исключеніе это оправдывается тѣмъ, что нищій бродитъ по домамъ — это его занятіе; поэтому законодатель видитъ въ присутствіи подобныхъ орудій у человѣка, не имѣющаго правильнаго занятія, доказательство того, что имъ совершены были кражи. Наконецъ, и помимо этого весьма справедливаго предположенія, такой фактъ показываетъ, во всякомъ случаѣ, дѣйствительнаго мошенника: человѣкъ, который отправляется вымаливать общественное состраданіе съ поддѣльными ключами въ карманѣ, показываетъ прямо, что онъ обманывалъ людей, что онъ думалъ не о милостынѣ, а о преступленіи.

Французскій законъ усиленно наказываетъ нищенство цѣлыми ватагами. Дѣйствительно, появленіе такихъ ватагъ возлѣ уединенныхъ сельскихъ домовъ, или въ селеніяхъ въ то время, когда все взрослое и здоровое населеніе находится въ полевыхъ работахъ, дѣлаетъ подачу милостыни не свободнымъ дѣломъ, а скорѣе окупомъ изъ страха вооружить

ватагу. Къ сожалѣнію, это обстоятельство не предусмотрѣно Уложеніемъ; въ старинныхъ нашихъ уставныхъ грамотахъ встрѣчаются мѣры противъ нищенскихъ ватагъ; и теперь слышатся частыя жалобы на такое явленіе.—По нашему мнѣнію, какъ мы уже упоминали, выставленіе нищими изуродованныхъ членовъ или отвратительныхъ ранъ должно также служить отягчающимъ обстоятельствомъ, что, впрочемъ, не предусмотрѣно закономъ.

Существованіе нищенства составляетъ великое зло въ нравственномъ и экономическомъ отношеніяхъ. Изслѣдованіе причинъ этого зла и мѣръ къ его прекращенію составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ общественныхъ вопросовъ, котораго мы не касаемся, какъ лежащаго внѣ нашего предмета.

III. Къ преступленіямъ противъ общественнаго спокойствія отнесены Уложеніемъ также возбужденіе къ *начатію противозаконныхъ исковъ и тяжебъ*, *лживые доносы*, *лжесвидѣтельство*. Первый видъ этихъ преступленій имѣетъ дѣйствительно характеръ нарушенія спокойствія, когда цѣлыя общества возбуждаются къ противозаконнымъ, т. е. неосновательнымъ, процессамъ, потому что у насъ, вслѣдствіе бывшей до послѣдняго времени нетвердости закона, ябедникъ могъ легко убѣдить простодушныхъ крестьянъ въ возможности выиграть самое неосновательное дѣло, получить невозможныя по законамъ права; онъ, какъ это часто случалось, обманывалъ ихъ представленіемъ несуществующихъ законовъ и распоряженій правительства. Только такимъ положеніемъ дѣлъ можно объяснить существованіе этого преступленія въ Уложеніи. Самъ по себѣ фактъ возбужденія не заключаетъ вовсе преступленія: истецъ долженъ самъ понимать что законно, что незаконно, а если возбудитель употребилъ обманы, то это можетъ повлечь для него обязанность вознаградить пострадавшаго. Текстъ закона прямо выясняетъ мысль законодателя: „Кто изъ корыстныхъ или иныхъ зловредныхъ видовъ будетъ побуждать какія либо лица или цѣлыя общества къ начатію или продолженію явно противозаконныхъ исковъ, или же сочинять ябедническія для сего просьбы или иныя недозволенныя бумаги, или принимать другимъ какимъ бы то ни было образомъ участіе въ дѣлахъ сего города...“ Классъ *ябедниковъ* у насъ былъ всегда весьма многочисленъ; еще въ Судебникѣ царя Ивана Грознаго противъ него были приняты сильныя мѣры. Существованіе крѣпостнаго права въ особенности давало большую поживу ябедникамъ. При извѣстномъ состояніи законовъ, суда и общественнаго развитія, ябеда процвѣтала и ябедники были язвою общества. Наказаніе за возбужденіе къ противозаконнымъ искамъ полагается: когда оно направлено на подачу такихъ бумагъ самому Государю Императору — ссылка на житье въ Сибирь, а въ прочихъ случаяхъ, въ первый разъ—

денежному взысканію, во второй разъ къ этому присоединяется арестъ, въ третій—заключеніе въ тюрьму. По прежнему уставу уголов. судопроизв. лица, уличенныя въ ябедѣ, сверхъ того, лишались права писать по дѣламъ другихъ какія либо бумаги, — чего нѣтъ въ новомъ Уст. Угол. Судопр. Нарушившіе такое запрещеніе подвергаются ссылкѣ въ одну изъ отдаленныхъ губерній (Ул. ст. 939).

Мы видѣли въ главѣ о соучастіи въ преступленіи, что законъ поставляетъ каждому въ обязанность доносить объ увѣданномъ имъ преступленіи, совершившемся или приготовляемомъ, подъ страхомъ наказанія. Простой извѣтъ отличается отъ доноса: первый есть только сообщеніе начальству свѣдѣнія или даже подозрѣнія безъ всякаго принятія на себя доказательства справедливости; доносъ же есть формальное обвиненіе, обставленное доказательствами, какъ это и признано рѣшеніемъ Государственнаго Совѣта 1850 г. 8 марта. Естественно, что извѣтъ не можетъ влечь для сдѣлавшаго его никакихъ послѣдствій, въ случаѣ, когда бы извѣщеніе оказалось неосновательнымъ. Если кто нибудь извѣщаетъ полицію, что въ сосѣдней квартирѣ происходятъ по ночамъ какіе-то таинственныя работы, что онъ успѣлъ разслышать слова, относящіяся къ фабрикаціи фальшивыхъ ассигнацій, такъ что онъ имѣетъ подозрѣніе о совершеніи этого важнаго преступленія, — а по дознанію полиціи оказывается, что происходила невинная работа, и разговоръ, отдѣльныя слова котораго разслышалъ сосѣдъ, былъ просто бесѣдой о происходившемъ въ судѣ процессѣ, — то сообщившій свѣдѣніе не можетъ быть ни въ чемъ обвиненъ, развѣ въ нѣкоторомъ легкомысліи: онъ исполнилъ лежавшій на немъ долгъ гражданина. Но ложный доносъ дѣло другое; въ немъ приводятся доказательства выдуманныя. „За лживые доносы, говоритъ 940 ст., виновный, смотря по важности обвиненія и роду средствъ, употребленныхъ для вовлеченія начальства въ заблужденіе, а равно и по мѣрѣ причиненнаго симъ обвиняемому вреда, подвергается заключенію въ тюрьмѣ до 8 мѣсяцевъ, заключенію въ смирительномъ домѣ до 1⅓ года, ссылкѣ въ Сибирь на житье, ссылкѣ на поселеніе." Итакъ наказаніе соразмѣряется: a) важностью обвиненія, т. е. родомъ наказанія, слѣдуемаго по закону за то преступленіе о которомъ сдѣланъ доносъ; b) по роду средствъ, употребленныхъ для завлеченія начальства въ зеблужденія, — напр. если доносчикъ подбросилъ обвиняемому ту самую вещь, въ похищеніи которой обвинялъ его; c) по важности вреда причиненнаго обвиняемому, — напр. былъ ли послѣдній подвергнутъ аресту, или нѣтъ. Но если начальство и не было вовлечено въ заблужденіе и обвиняемый не потерпѣлъ вреда, то лживый доносъ все таки остается преступленіемъ, потому эти обстоятельства служатъ только для большаго или меньшаго повышенія наказанія. Замѣтимъ, что по Сел. Суд. Уст. ст. 519

за лживый доносъ положено тоже самое наказаніе, которое слѣдуетъ за то преступленіе, въ коемъ обвинялся невинный.

Доносъ долженъ быть непремѣнно именной, т. е. доноситель прямо указываетъ на лицо, совершившее преступленіе, называя его по имени, или по крайней мѣрѣ сообщая признаки его. Здѣсь открывается важный пропускъ въ нашемъ законодательствѣ, именно о такъ называемомъ подвохѣ, подбрасываніи. Совершено убійство; слѣдственная власть начинаетъ дѣлать осмотръ жилища подозрѣваемаго лица; врагъ послѣдняго подбрасываетъ ему окровавленный ножъ, или часть одежды убитаго; или нашедши трупъ убитаго подкладываетъ его въ сарай того, кого хочетъ погубить; или если слуга, беретъ вещь господина и кладетъ ее въ сундукъ своего товарища, и потомъ проситъ обыскать всѣхъ. Такого рода дѣйствія могутъ погубить невиннаго вѣрнѣе лживаго доноса, потому что здѣсь является матеріальная улика (поличное); эти факты случаются очень часто среди нашего общества, въ особенности въ крестьянскомъ быту. А между тѣмъ эти дѣйствія не подходятъ ни подъ ложный доносъ, потому что виновный не дѣлаетъ никакого заявленія слѣдственной власти, ни подъ лжесвидѣтельство, ни подъ какое другое преступленіе, хотя по натурѣ своей они сходны съ ними и съ подлогомъ.

Куда отнести сообщеніе начальству выдуманнаго преступленія безъ положительнаго обвиненія кого либо въ его совершеніи? Полиція все таки можетъ дѣлать дознанія и по простому сообщенію о совершившемся будто бы преступленія, слѣдственно напрасно терять время и обезпокоивать людей. Такого рода факты также не предусмотрѣны закономъ.

Лживый доносъ есть преступленіе противъ личности; обращеніе составленія лживыхъ доносовъ въ родъ занятія, съ тѣмъ чтобы губить ли, по крайней мѣрѣ, безпокоить другихъ, конечно, одно изъ величайшихъ бѣдствій для общественнаго спокойствія. Въ тѣ времена, когда уголовное судопроизводство было варварское, когда доносъ велъ къ пыткѣ оговариваемаго, лживые доносчики, въ особенности о мнимыхъ политическихъ преступленіяхъ, составляли грозу общества. Они даже составляли родъ организованной корпораціи. Въ нашей исторіи, въ особенности во времена Грознаго, Годунова и въ первой половинѣ XVIII вѣка, лживые доносчики играли весьма видную роль. Но при теперешнемъ состояніи нравовъ, общественнаго мнѣнія, въ особенности при теперешнемъ порядкѣ уголовнаго судопроизводства, почти немыслимо существованіе обществъ лживыхъ доносчиковъ. Теперь лживый доносъ можетъ существовать только какъ изолированный фактъ. Но какой доносъ слѣдуетъ признавать лживымъ? Ст. 941 говоритъ: „Доносъ не признается лживымъ и сдѣлавшій его не подвергается наказанію, когда въ разныхъ судахъ были различные о справедливости извѣта приговоры“. Эта статья,

указывающая на ходъ дѣла по нѣсколькимъ инстанціямъ, не приложима къ существующему теперь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ введены новые Судебные Уставы, къ суду съ присяжными засѣдателями, который имѣетъ только одну степень. Притомъ же освобожденіе обвиняемаго присяжными не всегда показываетъ, что доносъ былъ ими признанъ лживымъ: они могли признавать доносъ вполнѣ или отчасти справедливымъ, но освободили обвиняемаго на основаніи другихъ соображеній, о которыхъ они не даютъ отчета. На судѣ безъ присяжныхъ, если лживость доноса обнаружится на судебномъ слѣдствіи, то судья можетъ предать доносчика въ распоряженіе прокурора. Постановленія 941 ст. слишкомъ строги. Еслибы и всѣ судебныя инстанціи признали доносъ лживымъ, но доноситель учинилъ его по добросовѣстному убѣжденію, то онъ неможетъ быть наказанъ; онъ исполнялъ, или лучше сказать думалъ, что исполняетъ долгъ, наложенный закономъ подъ страхомъ назначенія.

Замѣтимъ особенность въ выраженіяхъ 940 статьи: „За лживые доносы виновный.... подвергается....“ Субъектъ обозначенъ въ единственномъ числѣ, а предметъ поступленія во множественномъ, такъ что по буквальному толкованію выходитъ, что для бытія преступленія недостаточно одного доноса, а нужно нѣсколько.

(Постановленія о лжесвидѣтельствѣ были изложены нами при *лжеприсягѣ*).

IV. Обезоруженіе народа составляетъ одну изъ важнѣйшихъ мѣръ цивилизаціи. Во времена варварства, всякій свободный человѣкъ былъ вооруженъ; въ средніе вѣка право вооруженія принадлежало дворянству; въ новое время вооруженіе считается правомъ, исключительно принадлежащимъ государству: оружіе носятъ, какъ обязанность, только тѣ лица, которыхъ уполномочиваетъ государство. Вооруженіе народа или, лучше сказать, среднихъ классовъ, въ видѣ національной гвардіи, назначенной для охраненія конституціи, въ нѣкоторыхъ государствахъ запада было введено для противовѣса правительству, имѣющему въ своихъ рукахъ регулярную армію. Такимъ образомъ, вопросъ объ обезоруженіи массы имѣетъ политическій характеръ — безопасность правительства; но, кромѣ того, съ нимъ до извѣстной степени связанъ и вопросъ о частной безопасности.

Фабрикація нѣкоторыхъ родовъ *оружія*, наиболѣе важныхъ, какъ-то: литье пушекъ, а также изготовленіе пороха и разныхъ огнестрѣльныхъ снарядовъ производится самимъ правительствомъ, а частными лицами только съ особаго разрѣшенія правительства,—чему у насъ еще не было примѣровъ. Нарушеніе этого постановленія подвергаетъ виновнаго заключенію въ тюрьмѣ до 4 мѣсяцевъ или въ крѣпости до 1⅓ года (Улож. ст. 986). За храненіе *запрещеннаго* оружія и пороха въ недозволенномъ

количествѣ, и за ношеніе оружія тамъ, гдѣ это запрещено, виновные подвергаются денежному штрафу и отобранію запрещеннаго оружія и пороха (Мир. Уст, ст. 117, 118). Запрещеннымъ оружіемъ считаются трости съ вдѣланными въ нихъ потаенными кинжалами, клинками и другими орудіями (Уст. Предупр. ст. 341). Что касается до того, въ какихъ мѣстахъ запрещено носить оружіе, то въ настоящее время, наоборотъ, дозволеніе носить оружіе дается въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ. Впрочемъ, нигдѣ не запрещено носить оружіе для какой либо особой надобности, напр. во время путешествія, на охотѣ и т. под. (Уст. Предупр. ст. 346).

Г. Запрещенныя игры. Азартныя игры на деньги запрещены закономъ. Азартными играми называются такія, которыя основаны на случаѣ (Св. Зак. т. XIV, Уст. Предупр. ст. 444), т. е. такими, при которыхъ не можетъ быть ни расчета, ни искусства, ни безпрерывно мѣняющихся шансовъ успѣха. Всякая игра на деньги, конечно, вредна въ экономическомъ отношеніи: люди тратятъ время не для увеличенія массы общаго богатства; деньги только переходятъ изъ рукъ въ руки, не оставляя ничего производительнаго, никакой новой цѣнности. Поэтому, законодатель не признаетъ за игрой характера и послѣдствій законнаго договора: онъ не даетъ права иска долговъ по игрѣ, мало того, онъ не признаетъ даже законнымъ долгъ, заключенный *для* игры. Азартныя игры представляютъ гораздо большую опасность для общественной нравственности. Надежда сдѣлаться богатымъ въ нѣсколько часовъ, чего не представляетъ коммерческая игра, завлекаетъ людей преимущественно недостаточныхъ; оставляется трудовая жизнь, честный способъ составлять достатокъ; тысячи людей раззоряются, одинъ обогощается, но и тому обыкновенно идетъ не впрокъ случайно пріобрѣтенное состояніе. Даже принципъ собственности колеблется азартными играми: коль скоро богатство является результатомъ случая, оно теряетъ всякое нравственное значеніе. Распространеніе въ народѣ азартныхъ игръ всегда вело къ общей бѣдности и деморализаціи, увеличивало число преступленій. Вотъ тѣ достаточныя основанія, по которымъ государство имѣетъ право и обязанность запрещать публичныя азартныя игры. Противъ такого запрещенія приводятъ обыкновенно великое начало личной свободы: каждый имѣетъ право тратить свои деньги, какъ ему угодно. Но этотъ аргументъ не силенъ. Публичная азартная игра—это болѣе чѣмъ невмѣшательство правительства въ частную жизнь: это одобреніе, поданіе способа, приманка для вреднаго и безнравственнаго дѣянія. То, что дѣлается публично, прямо входитъ въ сферу государственной дѣятельности. Государство не должно посягать на свободу частной дѣятельности, даже на ея злоупотребленія, коль скоро онѣ не вредятъ другому лицу—оно не вмѣшивается напр. въ поведеніе женщины,

но когда она дѣлаетъ изъ своего разврата профессію, когда ея развратъ дѣлается публичнымъ, тогда выступаетъ право государства. Англія—классическая страна личной свободы, но и въ ней, однако, строго запрещены публичныя азартныя игры.

За открытіе дома для азартной игры полагается самый тяжкій денежный штрафъ—до 3,000 рублей; во второй разъ къ этому присоединяется арестъ, а въ третій—тюремное заключеніе до восьми мѣсяцевъ (Улож. ст. 900). Если же подобныя игры „были устроены не въ видѣ игорнаго дома", т. е., надобно полагать, въ кругу лицъ, знакомыхъ между собою, то виновные подвергаются аресту не свыше одного мѣсяца или денежному взысканію не выше 100 рублей (Мир. Уст. ст. 46). Въ обѣихъ приведенныхъ статьяхъ говорится только объ устроителяхъ азартныхъ игръ и хозяевахъ квартиръ: „кто въ своемъ домѣ или иномъ какомъ либо мѣстѣ *устроитъ* или *дозволитъ устроитъ* родъ заведенія для запрещенныхъ игръ..." (ст. 990), „За *устройство* запрещенныхъ игръ..." (Мир. Уст. ст. 46). Подвергаются-ли наказанію принимавшіе участіе въ такой игрѣ? По Уложенію 1857 года они положительно подвергались наказанію, но отличному отъ устроителей, именно: денежному штрафу отъ 100 до 500 руб., а во второй разъ—удвоенному штрафу, въ третій, сверхъ того, и аресту (Улож. изд. 1857 г. ст. 1329). Уставъ Предупр. преступленій, ст. 449, предписываетъ забирать всѣхъ участвовавшихъ въ игрѣ. Въ указателѣ къ изданію Уложенія 1866 г. ст. 1329 показана не отмѣненной, а замѣненной 46 ст. Мир. Уст. Но съ этимъ невозможно согласиться, ибо 46 ст. составляетъ новое постановленіе; она опредѣляетъ фактъ, пропущенный Уложеніемъ, именно: устройство азартной игры не въ видѣ игорнаго дома, напр. если у кого нибудь происходитъ на вечерахъ постоянно азартная игра въ кругу знакомыхъ, слѣдовательно не для всѣхъ открыто, безъ той организаціи, которая характеризуетъ игорный домъ. Далѣе въ ней говорится объ „устройствѣ" игры. Слово „устройство" на юридическомъ языкѣ означаетъ именно организацію. Неточность указателя обнаруживается еще ярче изъ того, что въ немъ означена и 1330 ст. Улож. изд. 1857 г. также замѣненною 46 ст. Мир. Уст. Но въ 1330 ст. говорилось не о запрещенныхъ играхъ, а о наказаніи государственныхъ крестьянъ за участіе во всякой игрѣ на деньги.

Лотереи принадлежатъ къ числу самыхъ опасныхъ азартныхъ игръ, потому что болѣе другихъ проникаютъ въ массу народа. Онѣ, однако, могутъ быть дозволяемы администраціей только для людей бѣдныхъ, которые этимъ способомъ могутъ скоро и выгодно сбыть вещи: „Дозволенія на розыгрываніе лотерей, по извѣстному вреду отъ нихъ, должны быть даваемы сколь можно рѣже и притомъ только для людей бѣдныхъ" (Уст. Предупр. ст. 453). При этомъ производится полиціей оцѣнка ро-

выигрываемыхъ вещей, съ тѣмъ, чтобъ сумма, собранная за билеты, не превышала стоимости этихъ вещей, и самый розыгрышъ производится подъ наблюденіемъ полиціи. Далѣе, разныя благотворительныя общества имѣютъ право по своимъ уставамъ устроивать лотереи. Польза такого сбора на благотворительныя учрежденія весьма сомнительна: лотереи отвлекаютъ отъ труда, слѣдовательно производятъ нищету, производятъ разстройство въ небогатыхъ хозяйствахъ, что въ результатѣ даетъ новое бремя для благотворительныхъ учрежденій; на каждый рубль, собранный лотереей, эти учрежденія должны имѣть въ виду расходъ въ 10 рублей на новыхъ бѣдныхъ, производимыхъ лотереей. Въ послѣднее время рядомъ мѣръ ограничены лотереи благотворительныхъ обществъ; между прочимъ воспрещено ставить въ число выигрышей денежныя суммы. Отъ лотереи надобно отличать вошедшіе въ обыкновеніе у насъ государственные и общественные займы съ выигрышами, потому что при этомъ не разоряются невыигрывшіе: они сохраняютъ капиталъ и проценты, хотя, впрочемъ, раздраженіе страстей и здѣсь существуетъ, съ его дурными послѣдствіями.

За устройство безъ надлежащаго разрѣшенія *публичной* лотереи, виновные подвергаются взысканію не свыше двадцати процентовъ со всей суммы, вырученной за проданные билеты, а если сумма неизвѣстна, то до 200 рублей. Тому же взысканію подвергаются виновные въ раздачѣ билетовъ иностранной лотереи (Мир. Уст. ст. 47).

VI. *Преступленія противъ общественной нравственности.* Подъ этимъ заглавіемъ изложены въ Уложеніи какъ дѣйствительныя преступленія противъ общественной нравственности, такъ и такія, которыя составляютъ нарушеніе правъ лица, а не общества, и наконецъ такія, которыя не составляютъ ни того, ни другаго, а суть остатокъ древняго религіознаго взгляда на преступленія.

Общество, какъ и отдѣльный человѣкъ, имѣетъ права, въ томъ числѣ и право на нравственное чувство, которое можетъ быть оскорблено. Но для бытія преступленія противъ общественной нравственности необходимо, чтобы оно имѣло характеръ публичности, иначе оно не существуетъ, потому что иначе общество не можетъ быть оскорблено. Сюда относятся: публичный развратъ, пьянство, сводничество, распространеніе безнравственныхъ сочиненій или картинъ и т. под.

Публичный развратъ, именно въ формѣ публичнаго дома разврата, конечно, составляетъ фактъ, скандализирующій общество. Но невыгоды воспрещенія публичныхъ домовъ въ большихъ городахъ, гдѣ скопляются массы рабочихъ, военныхъ, служащихъ людей, по большей части холостыхъ, слишкомъ ощутительны: развратъ проникаетъ въ семейства, семейная жизнь разстроивается, распространяются противоестественные пороки.

По этимъ причинамъ, въ большей части государствъ подобные дома разрѣшаются полиціей съ тѣмъ, чтобы въ нихъ строго исполнялись гигіеническія мѣры. Но это разрѣшеніе не имѣетъ легальнаго характера; эти дома и называются „домами терпимости" (maisons de tolerance), такъ что администрація во всякое время можетъ закрыть ихъ. Такому же надзору администраціи подлежитъ и публичный развратъ женщинъ, живущихъ по одиночкѣ. Въ Улож. изд. 1857 г. постановлены были наказанія за открытіе дома для непотребства постояннаго и временнаго (ст. 1337, 1338, 1339), за обращеніе непотребства къ ремесло (1342), за явное и соблазнительнымъ образомъ происходящее посѣщеніе непотребныхъ женщинъ (ст. 1341), за непотребное поведеніе, доказанное безстыдными или соблазнительными дѣйствіями въ публичномъ мѣстѣ (ст. 1336). Послѣдняя статья замѣнена 43 ст. Мир. Уст. гласящей: „За безстыдныя или соединенныя съ соблазномъ для другихъ дѣйствія въ публичномъ мѣстѣ, виновные подвергаются аресту не свыше одного мѣсяца или денежному взысканію не выше 100 рублей." Эта статья гораздо лучше опредѣляетъ предметъ, чѣмъ прежняя, 1336-я, потому что въ ней положено наказаніе за оскорбленіе чувства общественнаго приличія всякаго рода безстыдными дѣйствіями, хотя бы они и не показывали прямо непотребства. Всѣ остальныя, приведенныя нами, статьи замѣнены одной 44 ст. Мир. Уст.: „За неисполненіе распоряженій правительства, относящихся къ предупрежденію непотребства и пресѣченію вредныхъ отъ онаго послѣдствій, виновные подвергаются аресту не свыше одного мѣсяца или денежному взыскаю не свыше 100 рублей." Эта статья указываетъ на цѣлую систему мѣръ *предупрежденія* и пресѣченія непотребства. Мѣры эти предоставляются распоряженіямъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Къ нимъ относятся или могутъ быть отнесены, по представленію начальства, и открытіе публичныхъ домовъ, и обращеніе разврата въ ремесло, а также и множество другихъ, каковы: явка публичныхъ женщинъ на срочное освидѣтельствованіе, правила о возрастѣ женщинъ, содержимыхъ въ публичныхъ домахъ, о времени ихъ открытія, о наблюденіи чистоты и т. под. Въ комментаріи на 44 ст. сказано, что публичный развратъ признанъ во многихъ государствахъ зломъ терпимымъ, и прибавлено: „слѣдуя этому же взгляду, какъ наиболѣе соотвѣтствующему требованіямъ справедливости и необходимости исполненія извѣстныхъ предписаній, ст. 44 не опредѣляетъ наказанія за открытіе публичныхъ домовъ и за обращеніе непотребства въ ремесло, но, вмѣсто того, постановляетъ взысканія за несоблюденіе распоряженій правительства, относящихся къ предупрежденію непотребства и пресѣченію вредныхъ отъ него послѣдствій." Изъ этихъ словъ можно заключить, что ст. 1337 — 39 и 1342 отмѣнены, между тѣмъ какъ редакція Уложенія 1866 г. считаетъ ихъ не отмѣнен-

ными, а только замѣненными 44 ст. Мир. Уст. Въ самомъ дѣлѣ, если наказуемо неисполненіе распоряженій правительства относительно предупрежденія и пресѣченія непотребства, то можно-ли считать, что открытіе публичныхъ домовъ и обращеніе непотребства въ ремесло дозволены закономъ? Что дозволено, того нельзя предупреждать и пресѣкать. Ст. 44 слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что по ней наказываются, по представленію полиціи, открывающіе публичные дома безъ дозволенія, или незакрывающіе ихъ по требованію полиціи, а также занимающіяся непотребствомъ какъ ремесломъ, если они не исполняютъ тѣхъ мѣръ, которыя предписываетъ администрація. Другими словами, эти дома и этотъ промыселъ могутъ быть терпимы администраціей, какъ неизбѣжное зло, но въ томъ размѣрѣ и при такихъ условіяхъ, какія она находитъ необходимыми. Наблюденіе за публичнымъ развратомъ предоставлено общей полиціи, а въ Петербургѣ, Москвѣ и Вильнѣ особымъ медико-полицейскимъ комитетамъ. Замѣтимъ, что по полицейскимъ постановленіямъ публичныя женщины и содержательницы публичныхъ домовъ могутъ быть подвергаемы полиціей не только денежному штрафу, но и заключенію рабочій домъ, за нарушеніе правилъ порядка и гигіеничекихъ мѣръ постановленія эти не только не вошли въ Уложеніе, но даже неопубликованы, притомъ же они находятся въ дисгармоніи съ новымъ Уст. Угол. Суд., по которому никто не можетъ быть наказанъ иначе какъ по суду.

Сводничество существуетъ какъ преступленіе и притомъ весьма значительное, наказываемое лишеніемъ правъ и ссылкой на житье въ Сибирь, только въ томъ случаѣ, когда производится родителями, мужьями, а также опекунами или вообще лицами, надзирающими за малолѣтними и несовершеннолѣтними (Улож. ст. 998 — 1000), слѣдовательно, когда сопряжено съ злоупотребленіемъ власти и нарушеніемъ важнѣйшихъ обязанностей. Впрочемъ, и въ этомъ случаѣ, кажется, что подъ сводничествомъ надобно разумѣть не отдѣльный фактъ, а цѣлый рядъ ихъ. Сводничество, какъ ремесло, во всякомъ случаѣ вредно для общественной нравственности; сводни принадлежатъ къ самому гнусному классу общества,—но, какъ мы видѣли, законъ оставляетъ этотъ фактъ безъ наказанія, кромѣ исчисленныхъ случаевъ, потому что иначе произошло бы вторженіе въ сферу частной жизни и притомъ въ такомъ дѣлѣ, гдѣ послѣдствія для спокойствія семействъ и репутаціи женщины были бы неисчислимы.

Развращеніе несовершеннолѣтнихъ составляетъ преступный фактъ: лицо такое еще слишкомъ неопытно, не знаетъ часто послѣдствій для умственнаго и физическаго здоровья отъ разврата; оно не вполнѣ свободно избираетъ его. Законъ, впрочемъ, и въ этомъ случаѣ подвергаетъ

наказанію только лицъ, „имѣющихъ надъ несовершеннолѣтними или малолѣтними надзоръ“, а также слугъ. Виновные подвергаются заключенію въ тюрьмѣ на 2—4 мѣсяца и лишаются права имѣть впредь надзоръ за несовершеннолѣтними (Улож. ст. 993). Безъ сомнѣнія и родители также подходятъ подъ эту статью. Въ ст. 993 сказано: „...будутъ благопріятствовать склонности сихъ малолѣтнихъ или несовершеннолѣтнихъ къ непотребству и *другимъ порокамъ*“. Послѣднее выраженіе слишкомъ неопредѣлительно: ложь, скупость, расточительность, гордость, все это — пороки. Надобно полагать, что здѣсь идетъ дѣло о порокахъ только физическаго разврата, напримѣръ, объ ананизмѣ, потому что ст. 993 помѣщена въ отдѣлѣ, озаглавленномъ: „о соблазнительномъ и развратномъ поведеніи, о противоестественныхъ порокахъ и сводничествѣ“.

Въ ст. 993 и 1000 говорится о способствѣ къ разврату и о сводничествѣ *малолѣтнихъ* и несовершеннолѣтнихъ. Связь съ дѣвицей моложе 14 лѣтъ наказывается каторжной работой (ст. 1524) даже и тогда, когда состоялась безъ насилія. Сводничество и развращеніе въ этомъ случаѣ будутъ пособничествомъ или подстрекательствомъ, и виновные, по общему началу, подвергнутся также ссылкѣ въ каторжныя работы. Характеръ опекуна или лица надзирающаго, а тѣмъ болѣе отца или матери, долженъ служить отягчающимъ обстоятельствомъ. Поэтому, полагать, что ст. 993, 998 и 1000 приложимы и въ томъ случаѣ, когда сводничество и наущеніе къ разврату имѣли предметомъ и дѣвочекъ моложе 14 лѣтъ, было бы разрушеніемъ одного изъ важнѣйшихъ постановленій уголовнаго права. Какимъ образомъ родители, опекуны, надзирающія лица могутъ быть подвергнуты исправительнымъ наказаніямъ за такое дѣяніе, за которое посторонніе, неимѣющіе нравственныхъ и юридическихъ обязанностей къ жертвамъ, подвергнутся каторжной работѣ? Отсюда прямо слѣдуетъ, что въ вышеприведенныхъ статьяхъ подъ малолѣтними разумѣются мальчики, а дѣвочки, только имѣющіе отъ 14 до 17 лѣтъ.

Оскорбленіе общественной нравственности посредствомъ изданія и распространенія сочиненій, изображеній, издѣлій, имѣющихъ цѣлью развращеніе нравовъ, или произнесеніе въ публичныхъ собраніяхъ рѣчей, въ которыхъ будутъ находиться выраженія, противныя добрымъ нравамъ и благопристойности, предусмотрѣно 1001—1003 ст. Улож. и 45 ст. Мир. Уст. Уложеніе въ 1001 ст. гласитъ: „Если кто будетъ тайно отъ цензуры печатать или инымъ образомъ издавать въ какомъ бы то ни было видѣ или же распространять подлежащія цензурному разсмотрѣнію сочиненія, имѣющія цѣлію развращенія нравовъ или явно противныя нравственности и благопристойности, или клонящіяся къ сему соблазнительныя изображенія, тотъ подвергается за сіе денежному взысканію не свыше

500 руб. или аресту отъ 7 дней до 3 мѣсяцевъ; всѣ сочиненія или изображенія сего рода уничтожаются безъ всякаго за оныя вознагражденія". Ст. 45 Мир. Уст.: „За публичное выставленіе или распространеніе явно соблазнительныхъ издѣлій или изображеній, виновныя, сверхъ уничтоженія сихъ предметовъ, подвергаются—аресту не свыше 7 дней или денежному взысканію не свыше 25 руб." Проступки, предусмотрѣнные 45 ст. Мир. Уст. почти тѣже, которыя означены въ 1001 ст. Улож. Разница между ними въ способѣ изготовленія: Уложеніе предусматриваетъ распространеніе печатныхъ сочиненій или изображеній, слѣдственно во множествѣ экземплярахъ; а въ Мир. Уст. говорится не о сочиненіяхъ, а только изображеніяхъ, очевидно не печатныхъ, а существующихъ въ одномъ или нѣсколькихъ экземплярахъ, изъ которыхъ каждый сдѣланъ отдѣльно, напр. соблазнительныхъ статуеткахъ, издѣліяхъ, состоящихъ въ рѣзбѣ на кости. По дѣлу Чекушкина сенатъ призналъ (кассац. 1868 г. № 610), что распространеніе соблазнительной книги, состоявшее въ томъ, что одинъ экземпляръ ея былъ показываемъ и даваемъ для прочтенія многимъ лицамъ, должно быть наказуемо не по 1001 ст. Улож., а по 45 ст Мир. Уст.

Ст. 1001 составлена до изданія закона о прессѣ 6 апрѣля 1865 года, въ то время, когда ни одинъ печатный листъ не могъ выйдти въ свѣтъ безъ разрѣшенія цензурнаго управленія; въ настоящее время она представляетъ важное практическое затрудненіе, такъ какъ дозволено книги, заключающія болѣе 10 листовъ, печатать безъ разрѣшенія цензуры, представляя ее по отпечатаніи, при чемъ она не иначе можетъ пріостановить выпускъ, какъ предавши автора и издателя суду. Но что дѣлать суду, если онъ и найдетъ, что такая книга явно соблазнительная? Приложить 1001 ст. нельзя, потому что книга не была распространена и печаталась на основаніи льготы, дарованной закономъ. Сенатъ разрѣшилъ этотъ вопросъ по дѣлу Павленкова, о которомъ мы нѣсколько разъ упоминали, въ томъ смыслѣ, что здѣсь нѣтъ преступленія, но такого рода книга или мѣста изъ нея подлежатъ уничтоженію. Произнесеніе на улицѣ или въ другомъ публичномъ мѣстѣ непристойныхъ словъ, или пѣніе безстыдныхъ пѣсенъ, конечно, также составляетъ преступленіе противъ общественной нравственности; каждый вправѣ требовать, чтобы на улицѣ, и вообще въ мѣстѣ, открытомъ для всѣхъ, онъ могъ двигаться безъ оскорбленія своего нравственнаго чувства; иначе онъ долженъ отказаться отъ движенія, какъ это часто бываютъ принуждены дѣлать порядочныя женщины. Уложеніе и Миров. Уст. прямо не упоминаютъ объ этихъ фактахъ. Въ Уст. Предупр. преступ., ст. 368, п. 2, сказано, что полиція наблюдаетъ, „чтобы бранныя и непотребныя слова въ общенародномъ мѣстѣ и при людяхъ благородныхъ и

женскомъ полѣ отнюдь употребляемы не были...". Слѣдовательно, непрекращеніе произнесенія такихъ словъ по замѣчанію полиціи можетъ быть наказано, какъ ослушаніе законнымъ распоряженіямъ, или какъ нарушеніе „общественной тишины", по 38 ст. Мир. Устава.

Пьянство наказуемо въ томъ случаѣ, когда человѣкъ появляется „въ публичномъ мѣстѣ пьянымъ до безпамятства или въ безобразномъ отъ опьяненія видѣ"—арестомъ до 7 дней или денежнымъ взысканіемъ до 25 рублей (Мир. Уст. ст. 42). Такой видъ пьянства составляетъ дѣйствительно преступленіе, т. е. нарушеніе правъ, потому что видъ пьянаго до безобразія и шатающагося возбуждаетъ чувство отвращенія, наконецъ, даже просто мѣшаетъ движенію по тротуарамъ и улицамъ. Кромѣ этого случая пьянство не наказуемо; оно — порокъ, но государство не имѣетъ задачи вмѣшиваться въ частную жизнь и исправлять людей отъ пороковъ. Впрочемъ, и въ отношеніи такого пьянства, непроявляемаго въ публичныхъ мѣстахъ, существуютъ нѣкоторыя стороны, которыя даютъ достаточное основаніе для вмѣшательства закона. Такъ, въ нѣкоторыхъ странахъ, человѣкъ, предающійся постоянному пьянству, ограничивается въ семейной власти. Нельзя предоставить малолѣтнихъ дѣтей въ жертву произвола пьяницы. Отеческая власть, хотя вытекаетъ изъ природы, но все-таки — юридическій институтъ, и какъ таковая должна подлежать ограниченію, если обладающій ею не представляетъ гарантій для пользованія безъ вреда другимъ. Кромѣ того, постоянное пьянство до безпамятства служитъ весьма частымъ источникомъ важныхъ преступленій, въ особенности убійства и поджога. Вотъ, какъ намъ кажется, достаточныя причины не оставлять предающагося постоянно пьянству до безпамятства безъ ограниченія въ нѣкоторыхъ правахъ. Преступленіе, совершенное въ пьянствѣ до безпамятства, не наказывается. Это справедливо въ принципѣ. Но можно-ли оставлять такого человѣка совершенно свободнымъ, если существуетъ полное вѣроятіе, что онъ будетъ продолжать пьянствовать, слѣдовательно опять можетъ учинить поджогъ или убійство? Сумасшедшаго, совершившаго покушеніе на жизнь или на зажигательство, предписано не оставлять у родственниковъ, а заключать въ домъ умалишенныхъ на нѣсколько лѣтъ, и выпускать только по излеченіи. Вполнѣ справедливо было бы принятіе подобныхъ мѣръ и относительно пьяницы, совершившаго преступленіе. Къ сожалѣнію, на этотъ вопросъ не обращено вниманія въ нашемъ законодательствѣ, а между тѣмъ у насъ онъ имѣетъ болѣе значенія, чѣмъ въ какой либо другой странѣ. Въ Россіи выпивается спирта и вина меньше, чѣмъ въ Англіи и даже въ Германіи, но у насъ человѣкъ изъ простолюдья рѣдко пьетъ по немногу, регулярно: онъ пьетъ рѣдко, но до безпамятства. Въ особенности сибирскіе дикари и полудикари отъ водки приходятъ въ совершенное бѣшенство. Въ

послѣднее время пьянство усилилось. Все это должно заставить серьезно подумать о пользѣ карательныхъ мѣръ, или, по крайней мѣрѣ, ограниченія правъ и полной свободы пьяницъ, часто напивающихся до безпамятства.

По уставу о предупрежденіи преступленій (Св. Зак. т. XIV), мѣщанскія и крестьянскія общества имѣютъ право, по своимъ приговорамъ, безъ суда, исключать людей порочныхъ, въ томъ числѣ и пьяницъ; эти исключенные передаются въ распоряженіе правительства — родъ древнерусскаго предоставленія князю *на потокъ*—и отдаются въ солдаты или, въ случаѣ неспособности, ссылаются въ Сибирь на водвореніе. Помѣщики, при существованіи крѣпостнаго права, имѣли власть отдавать порочныхъ людей въ смирительные дома и даже ссылать въ Сибирь. Наконецъ, администрація имѣла чрезвычайныя права надъ отставными чиновниками, предающимися пьянству и развратной жизни. Духовное начальство могло исключать вовсе изъ духовнаго вѣдомства и предоставлять въ распоряженіе правительства тѣхъ членовъ своего сословія, которые изобличены въ развратномъ поведеніи. Такимъ образомъ, наказаніе безъ суда существовало за пьянство и развратное поведеніе. Но, во-первыхъ, эти мѣры не обнимаютъ всего населенія, во-вторыхъ, ими устанавливаются тяжкія наказанія безъ суда, а въ третьихъ, съ введеніемъ Судебныхъ Уставовъ 1864 года, они, въ отношеніи лицъ гражданскаго вѣдомства, должны считаться отмѣненными, потому что никто не можетъ быть лишенъ правъ безъ судебнаго приговора. Притомъ и военная служба теперь получила другое устройство; она перестала быть средствомъ наказанія для развратныхъ людей. Замѣтимъ 496 ст. Сельск. Суд. Уст.: „Кто злообыченъ въ пьянствѣ, или болѣе времени въ году бываетъ пьянъ, нежели трезвъ, того наказывать розгами".

Изъ противоестественныхъ пороковъ Уложеніе подвергаетъ наказанію только два: мужеложство и скотоложство, именно—ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе (Улож. ст. 985, 997). Мужеложство было сильно распространено въ древней Россіи вслѣдствіе безпрерывныхъ войнъ, когда мужскому населенію приходилось жить часто цѣлые годы безъ сообщенія съ женщинами. Старые законы, какъ наши, такъ и другихъ европейскихъ народовъ, считали эти пороки величайшими преступленіями; виновныхъ наказывали обыкновенно сожженіемъ. Но въ наше время многія законодательства уничтожили вовсе наказаніе за эти пороки. Уложеніе поставило мужеложство и скотоложство въ разрядъ преступленій противъ общественной нравственности. Такое постановленіе было бы вѣрнымъ, еслибъ эти пороки подвергались наказанію только въ томъ случаѣ, когда они проявлялись публично. Но по Уложенію они наказываются во всякомъ случаѣ, слѣдовательно нельзя ихъ считать преступленіями противъ обще-

ственной нравственности. Теоретически эти дѣйствія именно и могутъ быть наказуемы только тогда, когда совершаются при такой обстановкѣ, что скандализируютъ общество. Какъ они ни гнусны, но все таки въ нихъ, когда они совершаются на единѣ, нѣтъ существенныхъ элементовъ преступленій; два лица распоряжаются тѣлесными дѣйствіями, никому отъ этого нѣтъ вреда, а слѣдовательно, и нѣтъ повода къ уголовной карѣ.

Само собою разумѣется, что мужеложство, сопряженное съ насиліемъ, составляетъ тяжкое преступленіе. Уложеніе подвергаетъ мужеложство при такихъ обстоятельствахъ, именно: когда оно совершено съ насиліемъ, или надъ лицами, неимѣющими разумѣнія, т. е. надъ малолѣтними или слабоумными, усиленному наказанію — каторжной работѣ на 10 — 12 лѣтъ (ст. 996). Въ мужеложствѣ, кромѣ только что приведеннаго случая, двое виновныхъ: и дѣйствующій, и пассивный субъекты.

Самое слово мужеложство показываетъ, что это преступленіе можетъ быть совершено только надъ мужчиной. Старые русскіе законы, впрочемъ, наказывали одинаково съ мужеложствомъ и противоестественное совокупленіе съ женщиной; мужеложство называется тогда „содомскимъ дѣломъ". Но кассаціонный сенатъ призналъ, что насильственно совокупленіе съ женщиной содомскимъ способомъ составляетъ преступленіе, предусмотрѣнное ст. 996 (Касс. 1869, № 642).

По этимологіи слѣдуетъ, что скотоложство есть преступленіе, состоящее въ чудовищномъ совокупленіи со скотами. Слово „скотъ" не означаетъ животнаго вообще, а только четвероногихъ; въ такомъ значеніи оно употребляется въ переводѣ Библіи, и теперь на народномъ говорѣ (скотина) и въ сложномъ словѣ—скотоводство.

Для яснаго понятія преступленія мужеложства необходимо установить его исходный пунктъ. Въ Греціи и Римѣ мужеложство не считалось не только преступленіемъ, но и безнравственнымъ дѣяніемъ. Въ наше законодательство оно перешло послѣ принятія христіанства чрезъ библію. Одинъ изъ основныхъ принциповъ библейско-еврейскаго воззрѣнія состоялъ въ обязанности человѣка распространять родъ свой на землѣ; безбрачіе было воспрещено; всякое пролитіе сѣмени считалось проклятымъ дѣломъ; Ананъ былъ умерщвленъ за порокъ, который до сихъ поръ носитъ его имя; жители Содома были сожжены за порокъ, который вездѣ сохранилъ названіе этого города, и только въ нашемъ Уложеніи названъ мужеложствомъ. Отсюда понятно, почему наше законодательство, карая совокупленіе мужчины съ женщиною, умалчиваетъ о совокупленіи женщины съ женщиною (лесбійская любовь), равнопротивоестественномъ порокѣ. Хотя ананизмъ имѣетъ для физическаго и нравственнаго здоровья послѣдствія гораздо больше пагубныя, чѣмъ мужеложство, но наказанія за него никогда не было занесено въ наше право.

Постановленія о мужеложствѣ (мы здѣсь не говоримъ о мужеложствѣ втораго разряда—надъ малолѣтними и безумными) и скотоложствѣ должны быть прилагаемы только въ буквальномъ, ограниченномъ смыслѣ, такъ какъ они составляютъ исключенія изъ общей теоріи преступленія. Вслѣдствіе этого всякое другое противоестественное сообщеніе мужчины съ мужчиною, мужчины съ животнымъ, кромѣ скота (четвероногихъ), мужчины съ женщиной, женщины съ женщиной не должно быть наказуемо свѣтскимъ закономъ. На этомъ основаніи мы не можемъ согласиться съ взглядомъ сената, что насильственное совокупленіе съ женщиной содомскимъ образомъ составляетъ мужеложство втораго разряда, т. е. усиленное. Это противорѣчитъ во первыхъ буквѣ закона; а во вторыхъ таковое признаніе требуетъ необходимо другаго: что таковое противоестественное совокупленіе мужчины съ женщиной безъ насилія составляетъ преступленіе мужеложства 1-го разряда (низшаго); но это было бы вопіющимъ расширеніемъ понятія мужеложства, неоправдываемымъ даже исторій. Вышеприведенное толкованіе сената имѣетъ, впрочемъ, за себя весьма важное основаніе — недостатокъ нашего законодательства по преступленіямъ противъ цѣломудрія женщинъ,—о чемъ мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ.

Мужеложство и скотоложство названы въ Уложеніи не преступленіями, какъ въ Сводѣ Зак. изд. 1835 и 1842 г., а „порокомъ". Но подъ порокомъ разумѣется неоднократное повтореніе безнравственнаго дѣйствія.

Вліяніемъ церковнаго начала объясняется ст. 994, по которой подвергаются церковному покаянію неженатый за „незаконное сожительство" съ незамужней. Слово „сожительство ясно показываетъ, что здѣсь идетъ рѣчь не о мимолетной связи, а о продолжительной, при которой оба лица живутъ вмѣстѣ, какъ бы въ супружествѣ. Во второй части этой 994 ст. сказано, что „когда послѣдствіемъ такой порочной жизни было рожденіе младенца, то отецъ обязанъ, сообразно съ состояніемъ своимъ, обезпечить приличнымъ образомъ содержаніе матери и младенца". Существуетъ ли это обязательство и въ томъ случаѣ, когда мать имѣетъ достаточныя средства существованія? Мы не полагаемъ этого. Законодатель имѣлъ въ виду не вознагражденіе матери, не поощреніе женщины къ незаконному сожитію, а только избавленіе ея и невиновнаго младенца отъ нищеты, — потому что женщина съ незаконнымъ ребенкомъ находится въ трудномъ положеніи относительно прінсканія занятій.

Далеко не всѣ законодательства держатся этого начала; нѣкоторые нѣмецкіе кодексы налагаютъ на отца обязанность только въ томъ случаѣ, когда онъ соблазнилъ невинную дѣвицу. Французскій кодексъ рѣшительно отвергаетъ всякую обязанность отца — онъ запрещаетъ *отыскивать* отца: la recherche de la paternité est défendue. Онъ считаетъ подобный розыскъ безнравственнымъ и полагаетъ, что женщина должна

нести всѣ послѣдствія незаконной связи, иначе для разврата будетъ всегда приманка.

VII. *Нарушеніе постановленій о воспитаніи юношества.* У насъ дѣло воспитанія вполнѣ принадлежитъ правительству. Вопросъ о принадлежности воспитанія одинъ изъ важнѣйшихъ политическихъ. Въ Англіи правительство не вмѣшивается въ дѣло воспитанія, школы утверждаются общинами, ассоціаціями, частными людьми, и существуютъ независимо. Но на континентѣ вообще принята совершенно другая система. Правительства считаютъ, что безъ обладанія дѣломъ воспитанія, порядокъ не будетъ прочен, что необходимо воспитывать молодое поколѣніе въ духѣ извѣстной правительственной системы. У насъ, болѣе чѣмъ въ какой либо другой странѣ, воспитаніе имѣетъ правительственный характеръ, что объясняется между прочимъ и историческими причинами, именно, что у насъ первыя школы заведены правительствомъ; образованіе вышло не изъ народныхъ потребностей, а вслѣдствіе историческихъ обстоятельствъ. Правительство, со временъ Петра Великаго, должно было вести молодое поколѣніе въ школу, и притомъ долгое время школа служила вполнѣ только для потребностей правительства: къ образованію людей для государственной службы.

Всѣ высшія и большая часть среднихъ учебныхъ заведеній у насъ чисто казенныя. Частныя школы допускаются, но не иначе какъ съ разрѣшенія правительства, предметы и распорядокъ ученія, учебныя руководства—утверждаются правительственною властью; къ преподаванію допускаются въ нихъ только лица, патентованныя учебнымъ вѣдомствомъ; школы эти вполнѣ подчинены постоянному надзору учебныхъ правительственныхъ учрежденій, такъ что, въ сущности, частныя школы тѣ же правительственныя. Право учреждать низшія начальныя училища предоставлено только министерству просвѣщенія и духовному вѣдомству. Домашнее воспитаніе находится также подъ наблюденіемъ правительства: домашними учителями и учительницами могутъ быть только лица, удостоенныя этого званія по экзамену; они обязаны отчетами училищному начальству, и за хорошее прохожденіе своей должности получаютъ отъ правительства награды и пенсіи.

Вслѣдствіе этой системы являются слѣдующія нарушенія: а) учрежденіе безъ дозволенія правительства учебнаго или воспитательнаго заведенія; наказаніе за это — закрытіе заведенія и денежный штрафъ до 200 руб. (ст. 1049); б) преподаваніе въ частномъ домѣ или училищѣ лицами, неимѣющими должныхъ дипломовъ; въ этомъ случаѣ подвергаются штрафу до 75 руб., какъ лица преподающія, такъ и содержатели пансіоновъ, или родители и опекуны (ст. 1051). Сверхъ того, подвергаются отдачѣ подъ назоръ полиціи или высылкѣ за границу, если они

иностранцы, содержатели пансіоновъ и учители, въ случаѣ повторенія означенныхъ проступковъ (ст. 1050, 1052).

VIII. *Незаконное врачеваніе.* Врачебный уставъ вводитъ двѣ привиллегированныя профессіи — врача и аптекаря. Лечить можетъ только тотъ, кто получитъ на это право по экзамену. Это начало принято въ видахъ охраны народнаго здравія отъ шарлатановъ и невѣжественныхъ знахарей, и принято не только у насъ, но и въ большей части европейскихъ государствъ. На этомъ основаніи въ Улож., изд. 1857 г., ст. 1115 постановлены за незаконное врачеваніе, даже еслибъ отъ этого не послѣдовало вреда, арестъ до трехъ мѣсяцевъ или денежное взысканіе до 100 руб. Исключеніе положено только для тѣхъ, „которые по необходимости и человѣколюбію *безмездно* помогаютъ больнымъ своими совѣтами и сообщеніемъ извѣстныхъ имъ медикаментовъ и иныхъ средствъ". Въ случаѣ же вреда здоровью отъ незаконнаго врачеванія виновные подвергались наказаніямъ, установленнымъ за нанесеніе вреда здоровью. Аптечный промыселъ по Врачебному уставу не стоитъ какъ частная промышленность; аптекарями, т. е. лицами, завѣдующими приготовленіемъ лекарствъ, могутъ быть только окончившіе фармацевтическое образованіе и получившіе установленный дипломъ. Аптекари считаются нѣкоторымъ образомъ въ родѣ лицъ, состоящихъ на государственной службѣ: они подвергаются за неисправности по приготовленію, отпуску и храненію лекарствъ административнымъ наказаніямъ, состоятъ подъ отчетностью правительственныхъ медицинскихъ установленій; открытіе аптеки происходитъ не иначе, какъ съ разрѣшенія медицинскаго начальства. На этомъ основаніи лица, которыя безъ разрѣшенія правительства, занимались приготовленіемъ для продажи лекарствъ, подвергались по 1132 ст. Улож., изд. 1857 года, денежному штрафу отъ 10 до 50 рублей и всѣ найденные у нихъ матеріалы отбирались въ пользу мѣстнаго Приказа общественнаго призрѣнія.

Въ Улож., изд. 1866 г., статьи 1115 и 1132 выпущены; въ указателѣ значится, что онѣ замѣнены 104 и 106 ст. Мир. Устава. Но въ ст. 104 постановлено наказаніе лицамъ, неимѣющимъ права заниматься врачебною практикою, „за врачеваніе изъ корыстныхъ видовъ, *въ случаѣ послѣдовавшаго отъ того вреда*". Такимъ образомъ, если лицо, неимѣющее права на врачебную практику, будетъ заниматься ею, хотя бы за деньги, то оно не подвергается наказанію. Этой статьей произведенъ полный переворотъ въ Врачебномъ уставѣ: врачеваніе дѣлается свободнымъ промысломъ. Переворотъ этотъ произведенъ незамѣтно, вставкою выраженія „въ случаѣ послѣдовавшаго отъ того вреда". Замѣтимъ притомъ, что этого рода вредъ, производимый врачеваніемъ больнаго, очень трудно доказать, исключая самыхъ грубыхъ ошибокъ. Подобнаго же рода пере-

воротъ произведенъ и относительно аптечнаго промысла. Ст. 106 Мир. Уст. постановляетъ наказаніе „за приготовленіе для продажи, а также за продажу, безъ надлежащаго разрѣшенія, лекарственныхъ вещей и составовъ, *въ случаѣ послѣдовавшаго* отъ того вреда". Слѣдовательно, таковая продажа дозволительна, или, что то же самое, не наказуема; наказаніе постигаетъ только тогда, когда купившій понесъ вредъ, т. е. получилъ разстройство здоровья. Но открытіе безъ дозволенія цѣлой аптеки наказуемо и теперь: такая аптека закрывается и вся посуда и припасы отбираются въ пользу мѣстнаго Приказа общественнаго призрѣнія (Улож. ст. 881). Относительно ядовитыхъ и сильно дѣйствующихъ веществъ остались въ силѣ прежнія постановленія, по которымъ продажа ихъ предоставлена только аптекарямъ, и притомъ не всѣмъ, а только или по рецепту врачей, или для фабрикантовъ и лицъ извѣстныхъ. Нарушеніе этихъ правилъ подвергаетъ виновныхъ денежному взысканію или заключенію въ тюрьму (Улож. ст. 866—869).

IX. *Нарушеніе уставовъ карантинныхъ*. Страшныя опустошенія, которыя производила чума, побудили европейскія государства, прилегающія къ Средиземному и Черному морямъ и къ сухопутнымъ границамъ Турціи и Персіи, къ учрежденію постоянныхъ карантиновъ. Впрочемъ, въ настоящее время, когда въ самой Турціи приняты хорошія карантинныя мѣры, и когда санитарные вопросы Оттоманской имперіи разрѣшаются международными коммиссіями въ Константинополѣ, наши карантинныя учрежденія и мѣры представляются только заботливостью на крайніе случаи. Наказанія за нарушенія карантинныхъ правилъ существенно различаются по тому—происходили-ли они во время свирѣпствованія чумы, во время сомнительное, или, наконецъ, во время спокойное. Во время чумы, наказывается смертной казнью всякое дѣйствіе, которымъ можетъ быть распространена чума, хотя бы и не послѣдовало такого распространенія: выходъ изъ карантинной черты или оцѣпленнаго дома, перебрасываніе вещей за черту оцѣпленія, сокрытіе больныхъ чумою, непредставленіе къ очищенію вещей, оставшихся послѣ умершаго отъ чумы, входъ корабля, вышедшаго изъ мѣстъ, гдѣ свирѣпствуетъ чума, мимо карантиновъ, въ мѣста „благополучныя" (такія, гдѣ нѣтъ чумы), выходъ его до срока очищенія (ст. 832, 834, 835, п. 1). Строгость наказанія оправдывается тѣми ужасающими бѣдствіями, которыя причиняетъ чума. Нарушеніе этихъ мѣръ не во время свирѣпствованія чумы, но однако при существующемъ о распространеніи ея сомнѣніи, или нарушеніе постановленій кораблемъ, вышедшимъ изъ мѣста зачумленнаго, а также взятіе вещей, выброшенныхъ на берегъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ учреждена карантинная линія, и пріемъ вещей съ корабля, плывущаго изъ сомнительнаго или неизвѣстнаго мѣста, подвергаютъ виновныхъ ссылкѣ на поселеніе или въ каторжную

работу, равно какъ и неповиновеніе содержащихся въ карантинѣ чиновникамъ и стражѣ въ томъ, что относится къ соблюденію предосторожностей (ст. 834, 835, 836).

Смертной казни подвергаются виновные въ сопротивленіи открытою силою распоряженіямъ начальства для предупрежденія распространенія чумы. Ясно, что эти распоряженія дѣлаются въ то время, когда чума оказалась, или когда она свирѣпствуетъ вблизи (ст. 831, п. 1). Далѣе, подвергаются смертной казни виновные „въ насиліи, причиненномъ карантинной стражѣ съ намѣреніемъ прорваться чрезъ карантинную черту, а равно и самовольный входъ въ карантинный портъ судна, неостановившагося по требованію брантвахты, если, впрочемъ, сіе не послѣдовало отъ особенныхъ важныхъ причинъ, какъ-то: бури или преслѣдованія непріятеля и тому подобныхъ случаевъ, коихъ начальникъ судна или шкиперъ и экипажъ были не въ состояніи предотвратить“ (ст. 831, п. 2). Это постановленіе не ограничивается временемъ свирѣпствованія чумы. Зажженіе карантинныхъ зданій и оцѣпленныхъ домовъ подвергается также смертной казни. Здѣсь двойное преступленіе: съ одной стороны — явная опасность сгорѣть находящимся въ карантинѣ, съ другой—опасность распространенія чумы отъ бѣгства заключенныхъ.

Полицейскіе чиновники за непринятіе мѣръ пресѣченія при появленіи чумы подвергаются, смотря по обстоятельствамъ, или дисциплинарному наказанію, или ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе (ст. 850).

Мѣры предупрежденія распространенію чумы, порядокъ очищенія, правила, которыя должны наблюдать капитаны кораблей, изложены въ Уставѣ о карантинахъ, составляющемъ часть Устава медицинской полиціи (Св. Зак. т. XIII).

X. При появленіи другихъ опасныхъ эпидемій, наказанія за нарушеніе мѣръ предосторожности противъ ихъ распространенія опредѣляются въ издаваемыхъ на каждый случай постановленіяхъ (Улож. ст. 858).

Нарушеніе другихъ мѣръ, ограждающихъ народное здравіе, подвергаетъ виновныхъ денежнымъ штрафамъ или аресту. Сюда относятся: запрещеніе устроивать бойни въ городахъ, учреждать фабрики и заводы, могущіе портить воду и распространять зловоніе, вблизи городовъ, вверхъ по теченію рѣкъ, устроивать кладбища въ близкомъ разстояніи отъ жилыхъ строеній и вообще внутри городовъ, вырытіе не надлежащимъ образомъ могилъ, запрещеніе засоривать рѣки, продажа испорченныхъ съѣстныхъ припасовъ и напитковъ и т. п. (Улож. ст. 863; Мир. Уст. 102—116).

XI. Для предотвращенія голода и происходящихъ отъ того бѣдствій для общественнаго спокойствія существуетъ одна установленная закономъ мѣра — общественные запасные магазины хлѣба; польза этой мѣры

весьма сомнительна. Неисполненіе постановленій о содержаніи запасныхъ магазиновъ и о правильномъ расходованіи хлѣба подвергаетъ виновныхъ денежнымъ взысканіямъ, аресту и другимъ наказаніямъ, установленнымъ за преступленія по службѣ (ст. 901—912). Сюда же относятся: запрещеніе стачекъ торгующихъ съѣстными припасами для непомѣрнаго возвышенія цѣнъ, подъ страхомъ тюремнаго заключенія (ст. 913), постановленіе о запрещеніи охоты въ извѣстное время года, о правильной рыбной ловлѣ. Нарушеніе этихъ постановленій подвергаетъ виновныхъ денежнымъ пенямъ (Улож. ст. 915—921; Мир. Уст. ст. 57).

ГЛАВА XIX.

ПРЕСТУПЛЕНІЯ ПРОТИВЪ ИМУЩЕСТВА И ДОХОДОВЪ КАЗНЫ.

---

1. Поддѣлка монеты и другихъ денежныхъ знаковъ. Значеніе этого преступленія; различные взгляды на него. Четыре элемента преступленія выдѣлки фальшивой монеты. Существенное различіе фабрикаціи фальшивой монеты отъ поддѣлки монеты настоящаго достоинства. Важныя недоразумѣнія, возбуждаемыя 556 статьей. Поддѣлка иностранной монеты должна составлять преступленіе, глубоко различное отъ поддѣлки русской. Количество и степень искуства въ поддѣльной монетѣ. Переплавка монеты, объясняемая только финансовыми обстоятельствами. Порча монеты, позлащеніе и посеребреніе ея составляютъ только усиленное мошенничество. Оригинальность преступленія поддѣлки монеты: a) въ отношеніи участниковъ-доносителей, b) въ отношеніи второстепенныхъ участниковъ, c) въ отношеніи начала осуществленія преступленія.—Поддѣлка государственныхъ бумагъ. Смѣшеніе бумагъ разнаго рыночнаго достоинства. Значеніе большаго или меньшаго искуства въ поддѣлкѣ бумагъ. Поддѣлка билетовъ общественныхъ и частныхъ банковъ, гербовой бумаги, почтовыхъ марокъ. *2. Нарушенія регалій, горной, соляной, винной, таможенной:*

Въ VII раздѣлѣ Уложенія разсматриваются преступленія противъ имуществъ и доходовъ казны. Въ настоящее время казенное имущество охраняется тѣми же законами, какъ и частное (ст. 548). Различія сохранились, однако, въ нарушеніи регалій—монетной, горной, соляной, таможенной; но онѣ неважны, за исключеніемъ нарушеній монетной регаліи.

Поддѣлку монеты и кредитныхъ знаковъ Уложеніе относитъ къ преступленіямъ противъ казны. Но въ этомъ преступленіи найдется весьма мало сторонъ, оправдывающихъ такую классификацію. Казна не принимаетъ фальшивой монеты и фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ, слѣдовательно ея имущество не терпитъ ущерба: казначеи слишкомъ свѣдущи, чтобъ принять такіе знаки, а еслибъ они и приняли ихъ, то отвѣтственность лежитъ на нихъ. Только при хорошей поддѣлкѣ биллона и мѣдной монеты одинаковаго достоинства

съ настоящими казна дѣйствительно можетъ потерпѣть ущербъ. Слѣдовательно, фабрикація фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отнесена къ преступленіямъ противъ имущества казны, а фабрикація монеты—въ весьма рѣдкихъ случаяхъ. Впрочемъ, классификація преступленія фальшивой монеты весьма трудна. Нельзя его относить вообще, какъ увидимъ, къ преступленіямъ противъ частной собственности; не всегда удобно его отнести и къ преступленіямъ противъ общественнаго спокойствія и благосостоянія. Въ этомъ преступленіи много сторонъ: по одной оно можетъ быть отнесено къ такой группѣ, по другой къ иной.

Римляне разсматривали это преступленіе, какъ преступленіе противъ величества; того же взгляда держались долго всѣ законодательства, въ томъ числѣ и наше. Основаніе для такого взгляда заключалось въ слѣдующемъ: право чеканить монету было однимъ изъ важнѣйшихъ, принадлежавшихъ государю, на монетѣ изображался гербъ и портретъ государя; слѣдовательно, фальшивой монетчикъ непремѣнно поддѣлыватель герба, печати. Но, кромѣ всего этого, важнѣйшей причиной было то, что чеканка монеты доставляла правительству огромныя выгоды; нерѣдко выпускалась правительствами даже фальшивая монета. Вслѣдствіе этого значенія монеты, наказанія за поддѣлку ея были страшныя. По Уложенію царя Алексѣя, фальшивымъ монетчикамъ заливали горло расплавленнымъ металомъ; оно поставило поддѣлку монеты рядомъ съ преступленіями противъ Государя, внѣ общихъ уголовныхъ. Въ настоящее время наказанія за поддѣлку монеты во всѣхъ почти законодательствахъ ограничиваются строгими исправительными; притомъ, различные виды этого преступленія — поддѣлка въ настоящемъ достоинствѣ и въ ненастоящемъ, поддѣлка безъ выпуска и съ выпускомъ и т. под., строго различены. Только наше и въ особенности французское законодательства въ отношеніи этого преступленія все еще весьма суровы.

Коренной видъ преступленія поддѣлки монеты—фабрикація фальшивой. Въ этомъ преступленіи ясно можно различить четыре элемента. Первый элементъ—кража или мошенничество. Тотъ, кому обманомъ даютъ кусокъ свинца, нестоющій и одной копѣйки, вмѣсто рубля, лишается своей собственности. Этотъ элементъ несомнѣнный, но онъ не единственный.

Другой элементъ—нарушеніе права, принадлежащаго государству, чеканить монету. Государство можетъ извлекать изъ чеканки выгоду, и дѣйствительно имѣетъ нѣкоторый, впрочемъ, незначительный, доходъ; оно можетъ и не извлекать никакой выгоды, — преступленіе все-таки существуетъ, именно, нарушеніе монополіи; въ первомъ случаѣ къ этому еще присоединится лишеніе государства извѣстнаго дохода; впрочемъ, это имѣетъ мѣсто только тогда, когда поддѣлана монета въ настоящемъ до-

стоинствѣ: фальшивая монета не имѣетъ и не можетъ имѣть законнаго хода, слѣдовательно не лишаетъ государства дохода отъ чеканки, не конкурируетъ съ его монетой. Право чеканки монеты вездѣ принадлежитъ только государству. („Право чеканить государственную монету, выпускать ее въ обращеніе, переливать и передѣлывать, назначать монетѣ вѣсъ, пробу, раздѣленіе и наименованіе, принадлежитъ къ числу правъ государственныхъ". Св. Зак. т. VII, Уст. Монет. ст. 57). Это право разсматривается не какъ доходъ казны, а какъ защита интересовъ общества. Появленіе монеты было первымъ шагомъ выхода изъ варварства, изъ состоянія мѣны товара на товаръ. Торговыя и ежечастныя жизненныя сдѣлки ведутъ къ безпрерывному передвиженію монеты изъ рукъ въ руки. Только государство можетъ пользоваться такимъ общимъ довѣріемъ, что его надпись или знакъ на кускѣ металла, обозначающіе, что въ немъ такой-то вѣсъ, принимается всѣми безконтрольно. Это основано и на довѣріи къ государству, и еще на томъ обстоятельствѣ, что ему, посредствомъ налоговъ, ежегодно выплачиваютъ значительную часть монеты: оно общій кредиторъ. Если бы каждое частное лицо выпускало монету, то всѣ жизненныя сдѣлки были бы парализированы; ее принимали бы, какъ товаръ, на вѣсъ и съ испробованіемъ. Итакъ, монополія государства чеканить монету важна въ отношеніи интересовъ всѣхъ и каждаго, и поэтому нарушеніе ея нельзя считать маловажнымъ.

Третій элементъ въ поддѣлкѣ монеты—поддѣлка и употребленіе правительственнаго штемпеля. На монетѣ существуетъ или государственный гербъ, или другой штемпель. Впрочемъ, нашъ законъ не заключаетъ въ себѣ положительно опредѣленнаго наказанія за поддѣлку клеймъ и штемпелей вообще. Ст. 554 говоритъ о наказаніи за поддѣлку клеймъ и штемпелей „съ намѣреніемъ чрезъ то присвоить себѣ или похитить какое либо казенное имущество, или же причинить оному ущербъ". Такъ какъ при поддѣлкѣ монеты штемпель не имѣетъ цѣлью похищенія казеннаго имущества, то эта статья можетъ быть приложена развѣ только къ поддѣлкѣ монеты настоящаго достоинства, въ особенности мѣдной, которая можетъ дойти въ казначейство, и этимъ будетъ нанесенъ дѣйствительный ущербъ имуществу казны. При поддѣлкѣ кредитныхъ билетовъ существуетъ не только поддѣлка штемпеля, но и подписей.

Четвертый элементъ самый важный—колебаніе общественнаго кредита. Когда появляется въ обращеніи фальшивая монета или фальшивыя ассигнаціи, то рынкомъ овладѣваетъ паническій страхъ; всѣ боятся принимать монету и ассигнаціи, а если и принимаютъ, то послѣ тщательной провѣрки, что, во всякомъ случаѣ, парализируетъ быстроту оборота денежныхъ знаковъ, а слѣдовательно вредно вліяетъ на экономическій бытъ.

По силѣ первыхъ трехъ элементовъ, фабрикація фальшивой монеты можетъ быть наказана только высшими исправительными наказаніями. Только послѣдній элементъ придаетъ этому преступленію высшее значеніе.

Впрочемъ, большинство криминалистовъ и уголовныхъ кодексовъ не даютъ большаго значенія послѣднему элементу. Говорятъ, что колебаніе общественнаго кредита можетъ быть только тогда, когда выпущены цѣлыя массы фальшивыхъ денегъ или ассигнацій, когда существуютъ цѣлыя фабрики этихъ предметовъ,—но это въ наше время немыслимо, такъ что фальшивые денежные знаки являются производствомъ отдѣльныхъ лицъ, ихъ вообще такъ мало въ сравненіи съ массой настоящихъ денегъ, находящихся въ оборотѣ, что онѣ не могутъ произвести чувствительнаго вліянія на кредитъ. Мы согласны съ этимъ мнѣніемъ въ томъ, что слѣдуетъ различать — что совершенно упущено Уложеніемъ — производство фальшивыхъ ассигнацій и монеты въ видѣ организованной фабрики, на огромную сумму, отъ поддѣлки отдѣльнымъ человѣкомъ нѣсколькихъ рублей. Но нельзя отвергать того, что въ каждой отдѣльной поддѣлкѣ, хотя и въ маломъ видѣ, существуетъ колебаніе общественнаго кредита. Изъ множества частныхъ поддѣлокъ составляется одна большая; если преслѣдовать слишкомъ слабо выдѣлку фальшивыхъ денегъ отдѣльнымъ лицомъ, не признавать въ ней колебанія общественнаго кредита, то тогда нельзя видѣть послѣдняго элемента и при фабрикаціи массы такихъ денегъ.

Основная статья о поддѣлкѣ монеты — 556-я: „За поддѣлку монеты золотой, серебряной, платиновой и мѣдной россійскаго чекана, хотя бы и въ настоящемъ оной достоинствѣ, виновные подвергаются каторжной работѣ на 8—10 лѣтъ". Такимъ образомъ, фабрикація фальшивой монеты и поддѣлка въ настоящемъ достоинствѣ наказываются одинаково. Но между этими двумя фактами, когда поддѣлана золотая или серебряная монета, а не биллонъ, разница чрезвычайная. Кто поддѣлываетъ золотую или серебряную монеты въ настоящемъ достоинствѣ, тотъ не колеблетъ кредита, не нарушаетъ частной собственности; онъ виновенъ только въ нарушеніи монополіи казны, въ поддѣлкѣ и употребленіи казеннаго штемпеля. Соображаясь съ другими однородными постановленіями Уложенія, мы полагаемъ, что за этотъ видъ поддѣлки наказаніе ссылкой на житье въ Сибирь было бы вполнѣ соотвѣтственнымъ. Если же поддѣлка въ настоящемъ достоинствѣ обращена на монету мѣдную или низкопробную серебряную (размѣнную), такъ называемый биллонъ, то преступность увеличивается: такая монета имѣетъ значеніе ассигнацій: дѣйствительная металлическая цѣнность мѣдной монеты ничтожна въ сравненіи съ нарицательною, а въ низкопробной серебряной она почти вдвое меньше на-

рицательной. Но все-таки нельзя сравнить и этой подделки съ выпускомъ фальшивой монеты или подделкой кредитныхъ билетовъ. Этого рода монета обязательна къ прiему въ частныхъ платежахъ только на незначительную сумму — на три рубля, следовательно большаго выпуска ея и большаго вреда отъ нея трудно ожидать; наконецъ, и главное, такой выпускъ не колеблетъ кредита и не нарушаетъ частной собственности.

У насъ, въ старое время, преследовались только „воровскiя деньги“ — фальшивая монета въ тесномъ смысле слова. Еще при Императоре Павле I былъ освобожденъ отъ наказанiя заводчикъ, делавшiй серебряные рубли настоящаго достоинства.

При составленiи Уложенiя, кажется, не было въ виду сравнивать подделку монеты настоящаго достоинства съ фальшивой, даже более: перваго рода фактъ не думали наказывать вовсе. Въ объясненiяхъ при представленiи на утвержденiе проекта Уложенiя, о 556 ст. (571 по первому изданiю) сказано: „Въ первоначальной редакцiи сей статьи, согласно съ означенными здесь статьями Свода (614 XV т., 179 Уст. Монет.), было просто сказано: „за подделку монеты россiйскаго чекана“. Но департаментъ горныхъ и соляныхъ делъ полагаетъ необходимымъ прибавить: золотой, серебряной, платиновой и медной, дабы определенному въ статье наказанiю подвергались и те, которые будутъ подделывать медную монету нынешняго чекана *для полученiя прибыли отъ нарицательной* цены сей монеты, весьма превышающей ея внутреннее достоинство.“ Это объясненiе недостаточно определительно. Въ Св. Зак. было сказано: „за подделку монеты россiйскаго чекана,“ следовательно не только безъ исчисленiя разрядовъ монеты, но, что всего важнее, безъ прибавленiя: „хотя бы въ настоящемъ достоинстве.“ Надобно думать, что департаментъ горныхъ и соляныхъ делъ требовалъ не только исчисленiя разрядовъ монеты, но и этого прибавленiя. Мы сейчасъ увидимъ почему такое предположенiе необходимо. Въ такомъ случае выходитъ, что выраженiе: „хотя бы въ настоящемъ *оной* достоинстве“ относится только къ последнему слову, после котораго стоитъ эта фраза, т. е. къ монете медной. Во первыхъ, по граматическому смыслу ближе отнести „оной“ къ одному последнему разряду, чемъ ко всемъ четыремъ; во вторыхъ, еслибы фраза: „хотя бы въ настоящемъ оной достоинстве,“ относилось ко всемъ исчисленнымъ разрядамъ, то къ чему было упоминать все эти разряды? Разве не проще было сказать въ такомъ случае: „за подделку монеты россiйскаго чекана, хотя бы въ настоящемъ оной достоинстве.“ Далее, если бы выраженiе: „хотя бы въ настоящемъ оной достоинстве,“ относилась ко всемъ четыремъ родамъ монеты, то департаментъ горныхъ делъ не выставилъ бы приведеннаго аргумента, имеющаго значенiе только отнсительно медной монеты, а не ка-

кой либо другой, общій. Наконецъ, въ преступленіи составленія злонамѣренныхъ шаекъ, говорятъ только о шайкахъ для выдѣлки *фальшивой* монеты (ст. 924), чѣмъ подтверждается то обстоятельство, что законодатель имѣлъ въ виду въ преступленіяхъ монетныхъ— выдѣлку фальшивой монеты, а не поддѣлку настоящей. Иначе онъ бы сказалъ въ 924 ст. о наказаніи за составленіе шайки для поддѣлки монеты, „хотя бы и въ настоящемъ ея достоинствѣ." Это тѣмъ важнѣе, что постановленій о составленіи шаекъ не было въ Свод. Зак., они составлены вновь Уложеніемъ. Какимъ же образомъ согласить, что Улож. въ одномъ случаѣ считаетъ фабрикацію монеты настоящаго достоинства преступленіемъ, равнымъ выдѣлкѣ фальшивой монеты, а въ другомъ случаѣ знаетъ только одну фальшивую монету? Не подтверждаетъ ли это, что въ 556 статьѣ идетъ дѣло о фабрикаціи въ настоящемъ достоинствѣ только одной мѣдной монеты?

По всѣмъ этимъ основаніямъ, толкованіе 556 статьи должно было быть то, что наказанію, въ ней опредѣленному, подвергается только выдѣлка фальшивой монеты золотой, серебряной и платиновой, и выдѣлка въ настоящемъ достоинствѣ новой мѣдной монеты. Мы, однако, не рѣшаемся принять токого толкованія по той причинѣ,что во 1-хъ, въ ст. 558 говорится о наказаніи „за поддѣлку монеты иностраннаго чекана, хотя бы и въ настоящемъ ея достоинствѣ," слѣдовательно золотой и серебряной. Если поддѣлка иностранной монеты въ настоящемъ достоинствѣ наказуема наравнѣ съ выдѣлкой фальшивой, то какое основаніе отличать въ поддѣлкѣ монеты русскаго чекана фальшивую отъ настоящаго достоинства? Во 2-хъ, если бы 556 ст. воспрещала только поддѣлку мѣдной монеты въ настоящемъ ея достоинствѣ, тогда, послѣ введенія въ послѣднее время низкопробной серебряной размѣнной монеты, состоялась бы новая редакція этой статьи, или издана была бы новая о наказаніи за поддѣлку низкопробной серебряной монеты въ настоящемъ ея достоинствѣ. Этого сдѣлано не было, именно потому, что практика понимала въ 556 ст. воспрещеніе выдѣлки всякаго рода монеты, хотя бы и въ настоящемъ ея достоинствѣ. Въ 3-хъ, если бы по 556 ст. наказывалась только выдѣлка фальшивой золотой и серебряной монеты, то была бы другая статья, по которой опредѣлялось хотя бы исправительное наказаніе за выдѣлку этого рода монеты въ настоящемъ ея достоинствѣ, потому что во всякомъ случаѣ такая выдѣлка заключаетъ нарушеніе прерогативы короны и употребленіе фальшиваго штемпеля.

Во всякомъ случаѣ, неясность 556 статьи можетъ быть весьма полезна для защиты обвиняемаго. Но случай обвиненія въ поддѣлкѣ русской золотой и серебряной банковой монеты настоящаго достоинства трудно себѣ представить. Отъ выдѣлки этой монеты казна не извлекаетъ

не только выгоды, но и терпитъ убытокъ, потому что принимаетъ на свой счетъ всѣ расходы фабрикаціи, сохраняя въ монетѣ тотъ самый вѣсъ серебра и золота, который на ней значится (Уст. монетн. ст. 62, 68). Говорятъ, что бывали случаи такого рода въ прежнее время: когда сибирскихъ золотопромышленниковъ, обязанныхъ представлять добытый металлъ для передѣлки въ монету на монетный дворъ, заставляли слишкомъ долго ждать возврата своего продукта въ монетѣ, то они, опасаясь остаться безъ средствъ къ началу работъ слѣдующаго года, дѣлали монету даже высшаго противъ казенной достоинства.

Количество поддѣльной монеты или кредитныхъ билетовъ не имѣетъ никакого значенія въ законѣ; конечно, судья можетъ дать меньшую мѣру наказанія, можетъ уменьшить его на одну или двѣ степени въ случаѣ, когда выпущено было ничтожное количество такихъ денежныхъ законовъ, но это вполнѣ зависитъ отъ его благоусмотрѣнія. Между тѣмъ, какъ опасность для общества, такъ и степень безнравственности весьма различны въ томъ случаѣ, когда человѣкъ поддѣлалъ нѣсколько гривенниковъ, или когда шайка учредила цѣлую фабрику для выдѣлки фальшивой монеты или кредитныхъ билетовъ.

Законъ также не кладетъ разницы въ наказаніяхъ по степени искуства поддѣлки, между тѣмъ, это обстоятельство немаловажное: чѣмъ искуснѣе поддѣлка, тѣмъ легче сбыть фальшивую монету. Но во всякомъ случаѣ, слово поддѣлка не должно имѣть безпредѣльнаго значенія. Смыслъ его опредѣляется самыми общими житейскими понятіями. Если мы говоримъ о поддѣльномъ или фальшивомъ алмазѣ, янтарѣ, коралѣ, то разумѣемъ такую композицію, которая видомъ, цвѣтомъ, блескомъ и другими свойствами близко подходитъ къ настоящей, такъ что человѣкъ малознающій или невнимательный можетъ легко обмануться и принять имитацію за настоящій предметъ. Если разница между настоящимъ предметомъ и тѣмъ, который стараются выдать за него, слишкомъ явная, то никто не приметъ эту грубую работу за поддѣлку, это—неудачное покушеніе на поддѣлку. Точно также, если бы кто нибудь нарѣзалъ нѣсколько пластинокъ свинца, нацарапалъ на нихъ что-то въ родѣ надписи и герба, и старался сбывать ихъ за серебряную монету,—и успѣлъ бы въ этомъ, вслѣдствіе того, что получившій въ темнотѣ не могъ разсмотрѣть, или бросилъ въ ящикъ вовсе не смотря, то такой человѣкъ виновенъ въ мошенничествѣ. а не въ приготовленіи и выпускѣ фальшивой монеты. Онъ успѣлъ сбыть свои безобразные куски только по особенному нерадѣнію получавшаго. Дальнѣйшаго хода они имѣть не могутъ. Но положить границу, гдѣ оканчивается грубѣйшая работа и гдѣ начинается настоящая поддѣлка, гдѣ оканчивается мошенничество и гдѣ начинается важное преступленіе фальшивой монеты или фальшивыхъ кредитныхъ

билетовъ, заранѣе нельзя; это вопросъ факта, совершенно зависящій отъ усмотрѣнія суда. Нѣтъ сомнѣнія, что во всякомъ случаѣ неискусной поддѣлки защитникъ можетъ просить постановить вопросъ о мошенничествѣ.

За поддѣлку иностранной монеты, хотя бы и въ настоящемъ достоинствѣ, положено наказаніе только двумя степенями ниже, чѣмъ за поддѣлку русской, именно—каторжная работа отъ 4 — 6 лѣтъ (ст. 558). Это постановленіе поражаетъ своею строгостью. Иностранная монета по нашимъ законамъ разсматривается какъ товаръ, принимаемый по добровольному соглашенію; слѣдовательно, врученіе кому нибудь такой фальшивой монеты составляетъ простое мошенничество: ни общественный кредитъ, ни казна, ничего не теряютъ при впускѣ такой монеты. Если же такая фальшивая монета назначена была для впуска въ то государство, котораго клеймо на ней находится, то, вопервыхъ, степень наказуемости такого факта должна быть опредѣлена трактатами о взаимности; во-вторыхъ, здѣсь между фабрикаціей и выпускомъ лежитъ еще таможня того государства, въ которое онъ назначенъ; слѣдовательно, фабрикація рѣзко представляется въ формѣ одного покушенія.

Преступленіе поддѣлки монеты заключаетъ въ себѣ двѣ важныя особенности: необыкновенная строгость для участниковъ вообще и необыкновенная мягкость для нихъ же въ одномъ опредѣленномъ случаѣ. Тѣ, которые принимали какое либо участіе въ поддѣлкѣ монеты, или же завѣдомо дѣлали, доставляли или покупали штемпели, формы и другія орудія для сей поддѣлки, наказываются наравнѣ съ настоящими поддѣлывателями. Что разумѣть подъ выраженіемъ „какое либо участіе?" Относятся ли сюда и укрыватели, которымъ, по общему правилу, слѣдуетъ наказаніе двумя степенями ниже, чѣмъ содѣлавшимъ преступленіе (Улож. ст. 124, 125)? Законъ хотя признаетъ ихъ только „прикосновенными къ дѣлу", но помѣстилъ постановленія о нихъ въ отдѣлѣ „объ участіи въ преступленіи". Въ данномъ случаѣ отвѣтъ долженъ быть тѣмъ болѣе утвердительнымъ, что въ 529 ст. сказано не только объ участіи, но съ прибавкою „какое либо" („...которые принимали какое либо участіе..."). Недоносители подвергаются наказанію высшему, чѣмъ то, которое назначено по общему постановленію (ст. 156) за недоносъ, именно—ссылкѣ въ Сибирь на житье (ст. 560).

Совершенно другаго характера постановленіе объ участникахъ-доносителяхъ. Ст. 559, ч. 2-я: „Но тѣ изъ участниковъ въ семъ преступленіи, которые откроютъ правительству о своихъ соумышленникахъ и симъ дадутъ средство обнаружить и пресѣчь преступныя ихъ дѣйствія, освобождаются отъ всякаго наказанія; имена ихъ сохраняются въ тайнѣ". Итакъ, здѣсь идетъ не смягченіе наказанія, какъ постановлено въ 1 пунктѣ 153

ст. общей части Уложенія для такихъ доносителей, но полное освобожденіе отъ наказанія. Человѣкъ совершилъ преступленіе, но все таки освобождается отъ наказанія. Причина такой льготы заключается въ томъ страхѣ, какой внушала организованная шайка фальшивыхъ монетчиковъ, и въ стремленіи законодателя разрушить, во что бы то ни стало, такую преступную организацію. Постановленіе о ненаказуемости участника-доносителя можетъ посѣять недовѣріе другъ къ другу между членами шайки; каждый будетъ подозрѣвать другаго въ намѣреніи благовременнымъ доносомъ получить освобожденіе отъ наказанія; это взаимное недовѣріе будетъ парализировать предпріятіе и вести къ его разрушенію. Но такое постановленіе имѣетъ и оборотную сторону: коль скоро человѣкъ знаетъ, что можно нажиться фабрикаціей фальшивой монеты, а потомъ купить себѣ безнаказанность цѣною доноса на сотоварищей, то онъ можетъ поддаться искушенію. Словомъ, это постановленіе можетъ имѣть въ нѣкоторомъ родѣ значеніе приманки. Впрочемъ, текстъ постановленія показываетъ, что ненаказанностью пользуются только тѣ изъ доносителей, доносъ которыхъ даетъ средства „обнаружить и пресѣчь" дѣйствія ихъ сообщниковъ, слѣдовательно, когда полиція еще не успѣла напасть на слѣдъ преступниковъ. Если же полиція узнала и напала на слѣдъ преступниковъ, то донесеніе одного изъ участниковъ не можетъ имѣть значенія „обнаруженія". Тѣмъ болѣе это непримѣнимо къ тому случаю, когда одинъ изъ участниковъ былъ захваченъ, и въ это время сдѣлалъ донесеніе. Его показанія могутъ быть драгоцѣнны—при его упорствѣ сотоварищи его могутъ скрыться, и въ другомъ мѣстѣ продолжать свое преступное занятіе—но въ этомъ случаѣ онъ пользуется только льготами 153 ст., а не 559-й. Вопросъ о томъ, какое значенія имѣетъ открытіе соумышленниковъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ принадлежитъ слѣдственной, а не судебной власти.

Болѣе важное отличіе преступленія фальшивой монеты отъ другихъ состоитъ въ томъ, что такое дѣйствіе, которое собственно не болѣе, какъ приготовленіе, считается полнымъ преступленіемъ. Преступленіе считается вообще совершившимся, „когда въ самомъ дѣлѣ послѣдовало преднамѣренное виновнымъ, или же иное отъ его дѣйствія зло". Зло отъ фальшивой монеты существуетъ только тогда, когда она выпущена; изготовленіе ея составляетъ собственно только приготовлеленіе къ преступленію. Обыкновенно говорятъ, что такъ какъ вся трудность состоитъ въ приготовленіи фальшивой монеты и ассигнацій, то этимъ самымъ преступникъ совершилъ уже почти все преступленіе — нельзя думать, что онъ остановится выпускомъ. Безъ всякаго сомнѣнія, приготовленіе къ преступленію фальшивой монеты, т. е. изготовленіе ея, нельзя ставить на одну доску съ приготовленіемъ къ другимъ преступленіямъ,—такъ много въ

немъ обнаружилось преступной воли, такъ легокъ переходъ къ выполненію. Въ другихъ преступленіяхъ приготовленіе—только первый шагъ; исполненіе требуетъ наибольшихъ усилій, сопряжено съ опасностью, съ борьбою; но выпускъ монеты или ассигнацій весьма не труденъ и примѣры попавшихся при первомъ опытѣ выпуска чрезвычайно рѣдки. Но все это недостаточно, чтобы сравнять изготовленіе денежныхъ знаковъ съ выпускомъ ихъ; во первыхъ, какъ мы говорили, при изготовленіи еще не совершено дѣйствительное зло; во-вторыхъ, все еще остается надежда поворота, хотя и очень слабая, что фальшивая монета будетъ истреблена самимъ изготовителемъ. — Выпускъ монеты завѣдомо фальшивой, съ знаніемъ поддѣлывателей, или привозъ завѣдомо фальшивой монеты изъ за границы справедливо приняты за полное преступленіе, хотя бы лицо и не участвовало въ поддѣлкѣ ея (ст. 563, 564, 567).

Отягчающимъ обстоятельствомъ при поддѣлкѣ монеты служитъ званіе виновныхъ, именно, если они были изъ числа лицъ, употребляемыхъ правительствомъ для приготовленія монеты, и выдѣлка монеты изъ краденыхъ, принадлежащихъ казнѣ, металловъ (ст. 557).

Мы видѣли, что выпускъ фальшивой монеты съ знаніемъ поддѣлывателей или лицъ, занимающихся переводомъ ея, наказывается какъ участіе, Но, если „кто, получивъ случайно фальшивую монету и узнавъ достовѣрно, что она есть фальшивая, не представитъ оной начальству, а вмѣсто сего передастъ ее подъ видомъ настоящей другому, тотъ приговаривается къ наказанію, опредѣленному за мошенничество“. Эта статья составляетъ важный шагъ къ облегченію строгихъ постановленій о фальшивой монетѣ. Уложеніе различило два вида впуска въ обращеніе завѣдомо фальшивой монеты. Одинъ видъ — когда тотъ, кто впускаетъ, знаетъ поддѣлывателей; въ этомъ случаѣ онъ является ихъ сообщникомъ; онъ знаетъ объ нихъ и не доноситъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ впускаетъ въ обращеніе ихъ издѣліе; слѣдовательно, прямо обнаруживаетъ свое участіе. Но когда человѣкъ случайно получилъ монету, которая оказалась фальшивою, и старается сбыть ее, то въ этомъ случаѣ нѣтъ его участія въ поддѣлкѣ; но онъ нарушаетъ имущественныя права другаго, давая ему сознательно за настоящую монету другую. Впрочемъ, по мнѣнію многихъ криминалистовъ и по взгляду, господствующему въ обществѣ, даже приравненіе такого дѣянія къ мошенничеству слишкомъ строго. Въ обыкновенномъ мошенничествѣ человѣкъ исторгаетъ часть собственности другаго единственно для полученія незаконной прибыли. А въ разсматриваемомъ случаѣ человѣкъ старается только оттолкнуть отъ себя то лишеніе, которому онъ незаконно подвергается; онъ можетъ даже успокоивать себя тѣмъ, что тотъ, кому онъ сдастъ фальшивую монету, ничего не потерпитъ, что онъ ее передастъ другому, тотъ третье-

му, и то лицо, которе, наконецъ, потерпитъ, у кого признана будетъ фальшивая монета при сдачѣ въ казначейство или въ другихъ подобныхъ случаяхъ, представляется естественно неопредѣленнымъ, отдаленнымъ,—когда-то еще это случится. Нельзя также не взять въ расчетъ и мнѣнія массы общества: сбыть полученную фальшивую монету или ассигнацію не считается мошенничествомъ; многіе честные люди, особенно изъ круга малообразованныхъ и небогатыхъ, которымъ пришлось бы чрезъ предъявленіе полиціи потерять часто плодъ долгихъ трудовъ, не задумываются столкнуть съ себя на другихъ постигшее несчастіе. Имъ не приходитъ въ голову того, что они могутъ этимъ подвергнуть другое лицо не только имущественной потерѣ, но и тяжкимъ непріятностямъ уголовнаго слѣдствія.

Ст. 567 и соотвѣтствующая ей 576 подала поводъ къ важному недоразумѣнію. Въ первой ея части сказано: „Кто будетъ выпускать монету, завѣдомо поддѣльную, въ обращеніе, зная и поддѣлывателей оной или лица, занимающіяся переводомъ фальшивой монеты, тотъ подвергается наказанію, какъ сообщникъ сей поддѣлки"; по второй части этой же статьи подвергается наказанію, какъ за мошенничество, тотъ, кто „получивъ случайно фальшивый билетъ государственнаго казначейства, или кредитный, или одного изъ государственныхъ кредитныхъ установленій, и, узнавъ достовѣрно, что сей билетъ фальшивый, не представитъ оный начальству, а передастъ, подъ видомъ настоящаго другому". Разница въ наказаніи чрезвычайная: за 1-й видъ каторжная работа, за второй тюремное заключеніе или арестантскія роты. Но куда отнести случай, весьма часто бывающій, пріобрѣтенія завѣдомо фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ или монетъ безъ знанія, однако, поддѣлывателей? Кассаціонный сенатъ разрѣшилъ этотъ вопросъ по дѣлу Маурина. (Кас. 1867, № 335):

„Вникнувъ въ смыслъ означенной (576) статьи закона, нельзя не убѣдиться, что преступленіе подсудимаго, какъ оно опредѣлено рѣшеніемъ присяжныхъ, не подходитъ въ точности ни подъ первую его часть, предусматривающую выпускъ въ обращеніе фальшивыхъ государственныхъ кредитныхъ бумагъ лицомъ, знающимъ поддѣлывателей или переводителей такихъ бумагъ, ни подъ вторую часть этой статьи, указывающую на случайное полученіе кѣмъ либо фальшивой государственной кредитной бумаги и на передачу ея подъ видомъ настоящей, по узнаніи достовѣрно, что она фальшивая. Ясно, что въ опредѣленіи виновности подсудимаго соотвѣтственно первому виду преступности не достаетъ одного условія, именно знанія виновнымъ поддѣлывателей или переводителей фальшивыхъ государственныхъ кредитныхъ бумагъ, условія, которымъ и объясняется наказаніе виновнаго въ этомъ преступленіи, какъ сообщника въ поддѣлкѣ такихъ бумагъ. Но не менѣе ясно и то, что въ опредѣленіи виновности

подсудимаго соотвѣтственно второму виду преступности не достаетъ еще болѣе важнаго условія — случайнаго полученія той фальшивой кредитной бумаги, которая передана была другому лицу подъ видомъ настоящей, несмотря на полученіе удостовѣренія въ ея фальшивости. Хотя защитникъ подсудимаго Маурина выводитъ, что понятіе о случайномъ полученіи фальшивой кредитной бумаги не исключаетъ условія извѣстности получателю о фальшивости такой бумаги; однако не подлежитъ сомнѣнію, что разсматриваемый законъ разумѣетъ случайность полученія фальшивой кредитной бумаги совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, а именно въ смыслѣ добросовѣстнаго полученія такой бумаги не завѣдомо фальшивой. Это явствуетъ изъ словъ закона: „кто получивъ случайно фальшивый билетъ и узнавъ достовѣрно, что сей билетъ фальшивый“. Грамматической смыслъ этихъ словъ положительно указываетъ на преемственность въ дѣйствіяхъ случайнаго пріобрѣтенія фальшивой бумаги и достовѣрнаго узнанія потомъ о ея фальшивости.

Кромѣ того, легко понять изъ самаго разума этого закона, почему уголовное наказаніе, назначенное за выпускъ въ обращеніе фальшивыхъ государственныхъ кредитныхъ бумагъ, замѣняется только легкимъ исправительнымъ наказаніемъ, когда какая либо изъ этихъ бумагъ, случайно полученная пріобрѣтателемъ, была передана другому лицу подъ видомъ настоящей, по узнаніи имъ о фальшивости ея. Причина такого снисхожденія закона объясняется тѣмъ, что побужденія къ означенному преступленію, не столь противозаконны и безнравственны въ томъ случаѣ, когда виновный руководился не алчностію обогащенія себя ко вреду государства и частныхъ лицъ, имъ обманутыхъ, но только желаніемъ перенести на другое лицо тотъ убытокъ, который онъ самъ понесъ при принятіи поддѣльнаго билета вмѣсто настоящаго. Сколь ни предосудителенъ и этотъ поступокъ, законъ однако не могъ не принять во вниманіе, что несправедливо было бы слишкомъ строго карать за такой поступокъ, который въ понятіяхъ необразованныхъ людей, не получившихъ нравственнаго развитія, не только не имѣетъ особенной важности, но и нерѣдко оправдывается замѣчаніемъ: „за что получилъ, за то и передалъ“. Само собою разумѣется, что такое снисхожденіе закона можетъ относиться только къ тому случаю, когда не подлежитъ сомнѣнію, что виновный въ передачѣ фальшиваго билета, подъ видомъ настоящаго, самъ получилъ его не завѣдомо фальшиваго; въ противномъ же случаѣ и въ особенности, когда поддѣльные билеты пріобрѣтены завѣдомо фальшивыми въ значительномъ количествѣ, какъ это было въ настоящемъ дѣлѣ, передача этихъ билетовъ другимъ лицамъ, подъ видомъ настоящихъ, имѣетъ характеръ выпуска ихъ въ обращеніе, хотя не съ знаніемъ виновныхъ поддѣлывателей или переводителей такихъ билетовъ, и по-

водитъ его вину къ меньшей степени преступности. Такимъ образомъ, если преступленіе Маурина, какъ оно опредѣлено рѣшеніемъ присяжныхъ, не имѣетъ всѣхъ признаковъ преступнаго дѣянія, предусмотрѣннаго въ первой части ст. 576 Уложенія, то по крайней мѣрѣ оно близко къ нему подходитъ по своему характеру; съ проступкомъ же, предусмотрѣннымъ во второй части той статьи, оно не совпадаетъ ни по признакамъ преступнаго дѣянія, ни по его характеру. По общему правилу нашего уголовнаго законодательства, если въ законѣ за подлежащее разсмотрѣнію суда преступное дѣяніе нѣтъ опредѣленнаго наказанія, то судъ приговариваетъ виновнаго къ одному изъ наказаній, предназначенныхъ за преступленія, по важности и по роду своему наиболѣе съ онымъ сходныя, руководствуясь въ этомъ случаѣ общимъ смысломъ законовъ (Улож. о наказаніяхъ статья 151; Уставъ Уголовнаго Судопроизв. статья 12). Въ виду этого общаго правила, Правительствующій Сенатъ принялъ во вниманіе, что по закону выпускъ въ обращеніе фальшивыхъ кредитныхъ бумагъ, съ знаніемъ поддѣлывателей или переводителей такихъ бумагъ, подвергаетъ виновнаго наказанію, какъ сообщника въ поддѣлкѣ ихъ (Улож. о наказ. ст. 576, часть первая), и что хотя передача поддѣльныхъ кредитныхъ бумагъ, пріобрѣтенныхъ завѣдомо фальшивыми, но безъ знанія поддѣлывателей или переводителей, не имѣетъ вида такого сообщничества, какъ не мыслимаго безъ предварительнаго соглашенія между сообщниками (Улож. о наказ. ст. 13), однако указываетъ на прикосновенность виновнаго къ означенному преступленію, въ томъ видѣ укрывательства преступнаго дѣянія, который состоитъ въ передачѣ или продажѣ другимъ вещей, преступнымъ образомъ добытыхъ (Улож. о наказ. ст. 14) и который не теряетъ своего преступнаго свойства отъ того, что укрыватель не зналъ лицъ, непосредственно совершившихъ преступленіе, если только ему извѣстно было достовѣрно, что укрытыя имъ вещи добыты преступленіемъ. По этимъ соображеніямъ Правительствующій Сенатъ, призналъ, что согласно съ рѣшеніемъ присяжныхъ, подсудимому, если бы преступное дѣйствіе его вполнѣ совершилось, слѣдовало назначить наказаніе, примѣняясь къ первой части 576 ст. Улож. о наказ., но не какъ сообщнику, а какъ укрывателю поддѣлки пріобрѣтенныхъ имъ завѣдомо фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ, которые онъ покушался сбыть".

Мы не можемъ видѣть укрывательства въ такомъ дѣйствіи, гдѣ вовсе не было желанія укрыть преступника, о которомъ и не знаютъ, а самостоятельный фактъ—получить выгоду отъ сбыта фальшивыхъ билетовъ или монеты. Мы считаемъ, что необходимо изданіе новаго закона, который бы опредѣлилъ положеніе разбираемаго явленія въ уголовнемъ кодексѣ.

Сенатъ рѣшилъ, что закладъ фальшивыхъ билетовъ также долженъ

быть наказуемъ по 576 ст. (Кас. 1870, № 453), что вполнѣ справедливо, такъ какъ закладъ есть тоже сбытъ.

На степень усиленной кражи ставитъ Уложеніе „посеребреніе или позлащеніе, или натираніе ртутью или другимъ веществомъ, какой либо монеты, съ намѣреніемъ дать оной видъ большей цѣнности.“ Наказаніе въ этомъ случаѣ—ссылка въ Сибирь на житье (ст. 566). Такого рода измѣненіе монеты нельзя никакъ считать за фабрикацію фальшивой: ея сущность не измѣнена, остается надпись, означающая ея цѣнность, вѣсъ ее тотъ же; нѣтъ употребленія фальшиваго клейма; наконецъ, главное, она не можетъ долго быть въ обращеніи: при самомъ легкомъ вниманіи она распознается, слѣдовательно опасности для кредита не существуетъ.

„Обрѣзываніе монеты и всякое другое съ умысломъ отнятіе у нея настоящаго вѣса“ также разсматривается какакъ усиленная кража (ст. 565). Кромѣ обрѣзыванія можно лишить монету, напр. золотую, настоящаго вѣса посредствомъ кислотъ, тренія сукномъ и проч. Лица, занимающіяся завѣдомо скупомъ этихъ обрѣзковъ, подвергаются заключенію въ смирительномъ домѣ. Въ проектѣ Уложенія сказано, что это постановленіе введено вслѣдствіе того, что возможность сбывать обрѣзки порождаетъ нѣкоторымъ образомъ и самое обрѣзываніе. Но и безъ этого постановленія наказуемость скупщиковъ обрѣзковъ вытекаетъ изъ общихъ правилъ о соучастіи въ преступленіи.

Обрѣзаніе монеты заключаетъ дѣйствительно кражу съ отягчающимъ обстоятельствомъ: если кто либо обрѣжетъ полуимперіалъ, такъ что въ немъ останется вѣса не на 5 руб., а на $4^{1}/_{2}$, то ясно, что онъ крадетъ у принявшаго 50 коп., потому что такую обрѣзанную монету казначейство у него не приметъ. Но здѣсь представляется не маловажный вопросъ. Монетный уставъ допускаетъ извѣстную потерю вѣса золотой монеты, устанавливаетъ вѣсъ терпимый, и монета такого терпимаго вѣса принимается наравнѣ съ настоящей во всѣ платежи (Уст. Монет. ст. 378). Наказывается-ли умышленно отнявшій вѣсъ у золотой монеты, но не ниже терпимой разницы? Мы полагаемъ, что наказывается, потому что терпимая разница установлена какъ естественная потеря при обращеніи, а вслѣдствіе обрѣзанія до терпимаго предѣла, монета въ обращеніи станетъ уже ниже терпимой, слѣдовательно принявшій ее получитъ ущербъ; притомъ же въ 565 ст. сказано прямо: „отнятіе *настоящаго* вѣса.“ Впрочемъ, замѣтимъ, что Уложеніе напрасно ввело другое прилагательное, вмѣсто того техническаго, которое употребляется въ Монет Уст.„—истинный“ вѣсъ.

Относится-ли ст. 565-я и къ обрѣзыванію иностранной монеты? Во всѣхъ другихъ случаяхъ Уложеніе, говоря о монетѣ, различаетъ иностранную отъ россійской; но въ 565 ст. употреблено слово монета безъ вся-

каго прилагательнаго, такъ же какъ оно стояло въ Свод. Зак. 1832 и 1842 годовъ. Такъ какъ иностранная монета не обязательна къ пріему—ст. 183 Мон. Уст., разрѣшая къ пріему въ почтовые сборы и другіе доходы голландскіе червонцы, прибавляетъ, что они принимаются „вѣсомъ,“ и устанавливаетъ цѣну „полновѣснаго“ червонца — то можно заключить, что ст. примѣнима только къ русской монетѣ.

По 561 ст., переплавка россійской монеты наказывается ссылкой въ Сибирь на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ.

Это постановленіе объясняется только особенными финансовыми причинами. Монета составляетъ такую же собственность получившаго ее, какъ и всякій другой предметъ: это кусокъ металла, данный въ обмѣнъ за какое либо другое имущество или трудъ. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ никакого закона, который бы запрещалъ зарывать деньги въ землю, бросать ихъ въ воду. На томъ же основаніи, переплавить монету, чтобы сдѣлать изъ нея какую либо вещь, состаляетъ естественное послѣдсвіе права собственности. Этотъ принципъ былъ принятъ Уложеніемъ, изд. 1857 года. Оно оставило наказаніе только за переплавку мѣдной монеты стараго на ассигнаціи чекана (ст. 613, Улож. изд. 1857). Такое исключеніе, хотя несогласимое съ идеей справедливости, основывалось на томъ обстоятельствѣ, что въ западныхъ частяхъ государства мѣдь стояла дороже въ продажѣ, чѣмъ соотвѣтственнаго вѣса мѣдная монета, поэтому переплавъ ея производился въ огромныхъ размѣрахъ и народъ оставался безъ размѣнной монеты. Вслѣдствіе этого вѣсъ мѣдной монеты постояно уменьшался, а старую мѣдную, когда она поступала въ казначейство, переплавляли на новую съ значительной прибылью для казны. Это желаніе сохранить для казны прибыль отъ переплава старой мѣдной монеты на новую и было причиною установленія запрещенія частнымъ лицамъ переплавлять ее. Но переплавъ золотой и серебряной монеты по Улож. 1857 г. не былъ запрещенъ. Въ 1861 г. вновь былъ воспрещенъ переплавъ всякаго рода русской монеты, подъ страхомъ уголовнаго наказанія. Эта мѣра была вызвана сильнымъ паденіемъ курса нашихъ государственныхъ бумагъ, и запрещеніемъ переплава думали улучшить курсъ.

Кромѣ монеты у насъ имѣютъ наравнѣ съ ней обязательный ходъ государственные кредитные билеты (ассигнаціи), которые по закону составляютъ сохранную росписку, выдаваемую государствомъ съ обязательствомъ уплатить немедленно по предъявленіи звонкою монетою слѣдуемую сумму. Поэтому, всѣ постановленія о поддѣлкѣ монеты распространяются на поддѣлку кредитныхъ билетовъ, привозъ фальшивыхъ изъ-за границы, участіе въ сбытѣ и пр. Посеребренію и позлащенію монеты соотвѣтствуетъ измѣненію цвѣта кредитныхъ билетовъ. Само собою разумѣется, что преступленіе переплавки монеты не имѣетъ соотвѣтствующаго въ отношеніи

кредитныхъ билетовъ; истребленіе ихъ составляетъ выгоду для казны, какъ уничтоженіе долговаго документа.

Мы видѣли, что степень искусства поддѣлки монеты не имѣетъ значенія для наказанія. Но въ поддѣлкѣ кредитныхъ билетовъ различаются два вида: 1) поддѣлка самой бумаги и рисунковъ механическими средствами, и 2) поддѣлка на простой бумагѣ посредствомъ рисованія. За поддѣлку перваго рода положена каторжная работа на 8 — 10 лѣтъ, а втораго рода—степенью ниже, т. е. на 6—8 лѣтъ. Это различіе введено въ Уложеніе вслѣдствіе справедливаго замѣчанія канцеляріи министерства финансовъ по кредитной части, что большее искусство поддѣлки грозитъ большей опасностью. Но введенными двумя разрядами поддѣлки не исчерпывается вопросъ. Именно: къ какому разряду отнести поддѣлку кредитныхъ билетовъ механическими средствами, но на простой бумагѣ? Этого рода поддѣлка всего чаще встрѣчается; поддѣлать бумагу чрезвычайно трудно и во всякомъ случаѣ для этого требуется устройство особенной фабрики, заведенія, весьма сложнаго. Уложеніе, какъ мы видѣли, для перваго разряда поддѣлки требуетъ, чтобы два элемента—бумага и рисунки, были поддѣланы механическими средствами, для втораго оба эти элемента иные—бумага не поддѣлана, рисунки рисованы рукой. Мы держимся того мнѣнія, что поддѣлка на простой бумагѣ, когда одни рисунки были произведены механическими способами, должна быть отнесена по наказанію къ поддѣлкѣ втораго рода. Для того, чтобы подвести поддѣлывателя кредитныхъ билетовъ подъ первый разрядъ наказаній, надобно, чтобы въ его фабрикатѣ оба элемента—и бумага, и рисунки—были поддѣланы механическими средствами; коль скоро существуетъ одинъ только изъ этихъ элементовъ, то поддѣлку нельзя подвести подъ первый разрядъ, и остается для нея наказаніе, установленное для поддѣлки втораго разряда. Уголовный законъ нельзя расширять во вредъ преступнику; всякая неточность закона должна идти въ его пользу.

Но Кассаціонный Сенатъ рѣшилъ иначе: „Способъ поддѣлки рисунка, говоритъ онъ, имѣетъ преимущественное значеніе, потому что отъ большей или меньшей скорости и степени совершенства въ изображеніи на каждомъ отдѣльномъ листкѣ рисунка зависитъ съ одной стороны возможность заготовленія большаго количества билетовъ, а съ другой большая вѣроятность удобнаго и безнаказаннаго сбыта ихъ. Лица, принимающія билеты, обыкновенно обращаютъ вниманіе на наружный ихъ видъ, а качества бумаги подвергается тщательному изслѣдованію только при сомнѣніи, возбужденномъ неправильностью или несовершенствомъ рисунка. На основаніи сихъ соображеній Правительствующій Сенатъ призналъ, что поддѣлка рисунка кредитныхъ билетовъ механическими средствами, т. е. средствами, соотвѣтствующими тѣмъ, какія употребляются при дѣланіи

настоящихъ государственныхъ билетовъ, должна быть наказуема по первому пункту 571 ст. Улож., даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда рисунокъ оттиснутъ на простой бумагѣ". (Касс. 1867, № 406).

Наравнѣ съ поддѣлкой государственныхъ кредитныхъ билетовъ наказывается поддѣлка билетовъ государственнаго казначейства (серій), „а равно и всякихъ билетовъ кредитныхъ установленій, имѣющихъ въ общемъ обращеніи достоинство денегъ" (ст. 571), а также билетовъ сохранной казны, воспитательныхъ домовъ (ломбардные билеты), коммисіи погашенія долговъ (ст. 1149).

Такое смѣшеніе преступныхъ фактовъ различнаго качества не согласно съ общимъ началомъ уголовнаго законодательства. Серіи не то, что кредитные билеты,—это процентныя бумаги; онѣ не обязательны къ пріему въ сдѣлкахъ между частными лицами, слѣдовательно, не имѣютъ достоинства денегъ; а курсъ билетовъ государственнаго банка свободно устанавливается обществомъ; слѣдовательно, опасность отъ поддѣлки ихъ не такъ велика, какъ отъ поддѣлки кредитныхъ билетовъ; билетамъ сохранныхъ казенъ или теперешнимъ билетамъ казначейства до такой степени не придано значенія денегъ, что въ случаѣ утраты, черезъ годъ послѣ опубликованія, выдаются потерявшему новые. Передача выкупныхъ свидѣтельствъ, ренты и проч. даже не иначе можетъ происходить какъ актовымъ способомъ. Такое различіе въ оборотѣ этихъ разрядовъ государственныхъ бумагъ отъ кредитныхъ билетовъ должно было условливать и различіе наказаній: гдѣ меньше зла, меньше безправственности, меньше опасности для общества, тамъ должно быть и меньшее наказаніе.

За поддѣлку билетовъ банковъ общественныхъ и частныхъ слѣдуетъ наказаніе степенью ниже, чѣмъ за поддѣлку государственныхъ бумагъ (ст. 1150), а за поддѣлку акцій компаніи—ссылка въ Сибирь на поселеніе (ст. 1194), между тѣмъ какъ рыночное движеніе акцій свободнѣе, чѣмъ движеніе нѣкоторыхъ государственныхъ бумагъ.

Мы видѣли, что поддѣлка иностранной монеты, наказывается каторжной работой, одной степенью ниже, чѣмъ русской. Но о поддѣлкѣ иностранныхъ ассигнацій, акцій иностранныхъ компаній, или билетовъ иностранныхъ государственныхъ и другихъ банковъ, законъ нашъ умалчиваетъ. Между тѣмъ такія денежныя цѣнности, могутъ имѣть обращеніе и между русскими, конечно условное, какъ и иностранная монета. Конечно, если русскому сданъ былъ за настоящій фальшивый иностранный билетъ, то это будетъ во всякомъ случаѣ мошенничество. Но почему же такая разница между сбытомъ иностранной фальшивой монеты и иностранныхъ билетовъ? Далѣе,—одну фабрикацію въ Россіи иностранныхъ фальшивыхъ билетовъ (безъ сбыта) рѣшительно нельзя подвести ни подъ одну статью Уложенія. Между тѣмъ это фактъ не только безнравствен-

ный, но и требующій уголовнаго наказанія, по началамъ международной взаимности, — иначе поддѣлывателямъ будетъ великая льгота: прусскіе билеты будутъ безнаказанно поддѣлывать у насъ, а русскіе въ Пруссіи. Новое Сѣверо-Германское Уложеніе наказываетъ поддѣлку иностранныхъ бумажныхъ денегъ наравнѣ съ поддѣлкой отечественныхъ. Другія законодательства напр. французское, также подвергаютъ такое дѣяніе наказанію, хотя и меньшему.

Хотя право выпускать бумажныя деньги, какъ знакъ металическихъ принадлежитъ только государству, но у насъ одно время и частные люди пользовались отчасти такимъ правомъ. Именно, въ эпоху 1862—66 годовъ, вслѣдствіе сильнаго недостатка въ размѣнной монетѣ, въ большихъ городахъ банкиры и значительные купцы выпускали марки отъ своего имени; эти знаки имѣли ходъ въ извѣстномъ районѣ. Правительство не препятствовало этому; оно только установило, что каждый банкиръ долженъ внести въ казначейство сумму, равную съ выпущенными марками. Такое положеніе было отмѣнено закономъ 23 ноября 1870 г. Этимъ закономъ постановлено слѣдующее: „частнымъ лицамъ и обществамъ воспрещается выпускать въ обращеніе безъименные денежные знаки въ видѣ марокъ, квитанцій, ярлыковъ и всякихъ другихъ знаковъ или обязательствъ на предъявителя, содержащихъ въ себѣ обѣщаніе опредѣленной суммы деньгами, припасами или другими предметами. Изъ сего исключаются чеки, вкладные банковые билеты и всякія обязательства выпускаемыя обществами, товариществами и тому подобными учрежденіями на точномъ основаніи ихъ уставовъ. 2) Виновный въ выпускѣ въ обращеніе денежныхъ знаковъ, независимо отъ обязанности немедленнаго по предъявленіи обмѣна оныхъ на наличныя деньги и вознагражденія, за причиненные симъ выпускомъ убытки, подвергается тюремному заключенію: въ первый разъ, на время отъ двухъ до четырехъ мѣсяцевъ, а во второй и послѣдующіе разы—отъ четырехъ до восьми мѣсяцевъ. 3) Если денежные знаки выпущены товариществомъ, или обществомъ, то личной отвѣтственности подвергаются управляющіе дѣлами того товарищества, или общества, а имущественная отвѣтственность падаетъ на цѣлый составъ послѣдняго, съ соблюденіемъ приэтомъ правила изложеннаго въ ст. 2181-й Законовъ Гражданскихъ. 4) Лица, до изданія сего закона выпустившія денежные знаки, обязаны, по мѣрѣ предъявленія, обмѣнивать оные на деньги и вслѣдъ затѣмъ немедленно уничтожать, ни въ какомъ случаѣ не выпуская обмѣнныхъ знаковъ вновь въ обращеніе, подъ опасеніемъ отвѣтственности опредѣленной въ п. 2-мъ настоящихъ правилъ. На окончательное-же изъятіе изъ обращенія выпущенныхъ до изданія настоящаго закона денежныхъ знаковъ, опредѣляются Министромъ Финансовъ сроки, для каждаго случая отдѣльно.

Поддѣлка гербовой бумаги наказывается двумя степенями ниже поддѣлки кредитныхъ билетовъ, именно каторжной работой на 4 — 6 лѣтъ (ст. 579). Поддѣлка гербовой бумаги не имѣетъ рѣшительно никакого вліянія на кредитъ, на спокойствіе общества; это просто мошенничество, соединенное съ поддѣлкой штемпеля,за что по аналогіи болѣе соотвѣтственнымъ наказаніемъ была бы ссылка на житье въ Сибирь. Замѣтимъ, что этого рода поддѣлка чрезвычайно затруднительна, даже просто безцѣльна: гербовая бумага продается только въ казначействахъ, а если купцами, то съ особеннаго разрѣшенія правительства; слѣдовательно, сбыть такую поддѣльную бумагу некому. Сколько намъ извѣстно, практика не представляетъ случаевъ поддѣлки гербовой бумаги.

Почтовыя марки и штемпельные куверты имѣютъ значеніе, сходное съ гербовой бумагой. Но поддѣлка ихъ, согласно съ свойствомъ преступленія, наказывается не каторжной работой, а какъ присвоеніе казеннаго имущества, соединенное съ поддѣлкой штемпеля (ст. 555). Поддѣлка бандероля для табаку наказывается какъ поддѣлка гербовой бумаги; то же наказаніе положено и за употребленіе такихъ фальшивыхъ бандеролей (Улож. ст. 725). Но поддѣлка таможенныхъ клеймъ, непонятно по какой причинѣ, наказывается легче — ссылкой въ Сибирь на поселеніе (Улож. ст. 758, 776).

Горный промыселъ составляетъ регалію короны: она обладаетъ значительнѣйшими горными заводами, а частные заводчики должны вносить опредѣленную подать съ выплавляемаго или промываемаго металла. Грозныя постановленія, защищавшія въ старое время казенное имущество, остались еще отчасти въ отношеніи горнаго промысла. Такъ, за разработку на казенныхъ земляхъ золота, серебра или платины безъ дозволенія правительства, а на частныхъ безъ дозволенія владѣльца и правительства, что̀ собственно составляетъ незаконное пользованіе чужимъ имуществомъ, подвергаетъ виновнаго ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе (ст. 591); невѣрная записка добытаго металла въ шнуровыя книги подвергаетъ ссылкѣ на поселеніе или даже въ каторжную работу (ст. 598); тому же наказанію подвергается поддѣлка клеймъ и знаковъ для сокрытія похищеннаго золота, серебра или платины (ст. 603). По закону 24 мая 1870 г. Кража металовъ и камней съ казенныхъ пріисковъ наказывается какъ обыкновенная кража съ прибавкой денежнаго взысканія вдвое противъ цѣны похищеннаго. Но до этого времени виновные въ ней подвергались ссылкѣ на поселенія.

Но въ отношеніи нарушеній регалій: соляной, винной, табачной (Улож. ст. 623—655, 665—717, 718—735) взглядъ законодателя иной; онъ видитъ въ этихъ нарушеніяхъ только имущественный вредъ, и потому наказываетъ ихъ денежными пенями и въ нѣкоторыхъ, особенно важ-

ныхъ, случаяхъ при повтореніи—заключеніемъ въ тюрьмѣ (ст. 669, 670, 680, 682, 693). Когда провозъ незаконно добытой изъ казенныхъ источниковъ соли или тайной провозъ товаровъ помимо таможенъ производится цѣлымъ скопищемъ и особенно людьми вооруженными (ст. 633, 755), то главные виновные подвергаются ссылкѣ на житье въ Сибирь, а прочіе—ссылкѣ на житье въ отдаленныя губерніи; а за такой же привозъ неоплаченныхъ акцизомъ питей положено низшее наказаніе: для главныхъ виновныхъ—ссылка на житье въ отдаленныя губерніи, а для прочихъ—заключеніе въ смирительномъ домѣ до 2 лѣтъ (ст. 688). Въ провозѣ скопищемъ, и притомъ вооруженнымъ, законодатель справедливо видитъ угрозу общественной власти; такое скопище однимъ своимъ видомъ парализируетъ дѣйствіе отдѣльныхъ стражей. Если же это скопище оказало сопротивленіе, соединенное съ насиліемъ поимщикамъ, то виновные подлежатъ наказаніямъ, установленнымъ за возстаніе противъ властей (ст. 633, 688, 803). При существованіи прежней откупной системы нерѣдко бывали вооруженныя схватки корчемниковъ, такъ что дѣла такого рода судились тогда особеннымъ образомъ—или военнымъ судомъ, или губернскимъ правленіемъ. Такого рода вооруженныя схватки, часто кровавыя, происходятъ и въ наше время на прусской границѣ между контрабандистами и таможенной стражей.

Относительно нарушенія таможенныхъ постановленій существуетъ та же система (ст. 744—802), съ слѣдующей важной особенностью. Мы видѣли, что повтореніе нѣкоторыхъ нарушеній почасти соляной, табачнаго и виннаго акциза влечетъ не только къ усиленнымъ денежнымъ штрафамъ, но и къ тюремному заключенію. А при нарушеніи таможенныхъ постановленій повтореніе ведетъ къ уголовному наказанію. Именно за тайный провозъ иностранныхъ товаровъ виновный подвергается: въ первый разъ—денежному взысканію, во второй—сверъ того, заключенію въ смирительномъ домѣ, въ третій—ссылкѣ въ Сибирь на житье, въ четвертый—ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе; если же онъ добровольно не сознается, то и въ первый разъ подвергаеся заключенію въ смирительномъ домѣ до 8 мѣсяцевъ (ст. 749, 750). Такое чрезвычайное возвышеніе наказанія за повтореніе—единственный примѣръ въ Уложеніи—объясняется тѣмъ, что при повтореніи законодатель видитъ въ виновномъ контрабандиста по ремеслу. Дѣйствительно, для провоза помимо таможенъ товаровъ существуютъ и шайки и отдѣльныя лица, для которыхъ это преступленіе составляетъ ремесло, нерѣдко наслѣдственное. Чѣмъ строже тарифъ на иностранные товары, тѣмъ сильнѣе развивается это ремесло, такъ что государства должны содержать спеціальную вооруженную полицію, подъ именемъ таможенной стражи, для охраны отъ этихъ враговъ. Къ этому надобно прибавить, что контрабанда, производимая постоянно, какъ ремесло, и притомъ въ большихъ размѣ-

рахъ, ведетъ не только къ похищенію доходовъ казны, но и къ важному колебанію торговли: правильная торговля невозможна, когда на рынкѣ появляются цѣлыя массы контрабандныхъ товаровъ; банкротство, застой отечественныхъ фабрикъ, для поддержанія и развитія которыхъ, главнымъ образомъ, и существуютъ таможенныя пошлины, будетъ прямымъ слѣдствіемъ такого положенія. Но законъ постановляетъ означенныя наказанія не только тогда, когда контрабанда производилась шайкою и въ большихъ размѣрахъ, но и тогда, когда она была одиночнымъ дѣломъ; словомъ, здѣсь тотъ же недостатокъ, какъ и при впускѣ въ обращеніе фальшивой монеты: контрабанда имѣетъ нѣкоторое сходство съ послѣднимъ преступленіемъ. Впрочемъ, наказаніе ссылкой на поселеніе при повтореніи преступленія въ третій или четвертый разъ нельзя назвать чрезмѣрно строгимъ, когда за кражу шайкою постановлено (ст. 1645) такое же наказаніе.

Тайнопромышленники, т. е. контрабандисты по ремеслу, пойманные у сѣверо-восточныхъ береговъ Чернаго моря, подвергаются и въ первый разъ заключенію въ крѣпость до 2²/₃ лѣтъ (ст. 802). Это исключеніе вызвано было упорной борьбой, кототорую вели кавказскіе горцы противъ Россіи; вслѣдствіе чего приняты были строгія мѣры, чтобъ закрыть имъ сношенія съ Турками, подвозъ припасовъ и въ особенности оружія, а съ другой стороны, чтобы прекратить гнусный торгъ женщинами, для наполненія турецкихъ гаремовъ. Въ настоящее время, когда война кавказская совершенно покончена, 802 статья лишена прежняго значенія.

ГЛАВА XX.

ПРЕСТУПЛЕНІЯ ПРОТИВЪ ПРАВЪ СЕМЕЙСТВЕННЫХЪ.

Мѣсто, занимаемое этимъ родомъ преступленій. I. *Преступленія противъ условій заключенія брака*: a) отсутствіе свободнаго согласія: принужденіе, обманъ, бракъ съ сумасшедшими, b) многобрачіе; c) бракъ въ запрещенныхъ степеняхъ родства; d) возрастъ; e) четвертый бракъ;f)противъ согласія начальства и родителей. Смыслъ статьи объ увозѣ противъ согласія женщины для вступленія съ нею въ бракъ. II. *Преступленія противъ союза брачнаго:* а) жестокое обращеніе; в) прелюбодѣяніе. III. *Преступленія противъ союза дѣтей съ родителями*: права родителей на наказаніе; бракъ дѣтей безъ согласія родителей; обязанность дѣтей содержать родителей; обязанности родителей. IV. *Кровосмѣшеніе*. Значеніе его. Степени его, соотвѣтствующія степенямъ родства.

До сихъ поръ мы разсматривали преступленія, направленныя противъ государства или противъ общества, которыя какъ ни разнообразны, но имѣютъ то общее, что они не поражаютъ прямо отдѣльнаго какого либо человѣка. Другой разрядъ преступленій—противъ частнаго лица. Видовъ этого разряда преступленій столько, сколько есть главныхъ видовъ правъ право на жизнь и неприкосновенность тѣла, право на личную свободу, право на честь, право на извѣстное гражданское и политическое положеніе (состояніе), права семейственныя, право собственности и обязательствъ. Мы начнемъ разсмотрѣніе съ преступленій противъ правъ семейственныхъ, потому что они у насъ такъ поставлены, что заключаютъ въ себѣ не только нарушеніе личныхъ правъ, ни и правъ неличныхъ—государства, церкви, слѣдовательно составляютъ переходную ступень отъ нарушенія правъ неличныхъ къ нарушенію личныхъ.

I. Подъ именемъ правъ семейственныхъ, законъ разумѣетъ права супружескія, союзъ дѣтей съ родителями, союзъ родственный. Преступ-

ленія противъ союза родителей и дѣтей вообще сходны въ разныхъ законодательствахъ, но преступленія противъ союза брачнаго довольно различны, потому что бракъ, т. е. условія его заключенія и права супруговъ, опредѣляются въ разныхъ законодательствахъ неодинаково. Нашъ законъ признаетъ законнымъ только бракъ религіозный; такъ какъ бракъ есть таинство, то онъ остается въ силѣ и въ томъ случаѣ, когда былъ заключенъ безъ согласія родителей. Каждая религія имѣетъ свое положеніе о совершеніи и прекращеніи брака: одна признаетъ только единобрачіе, другая допускаетъ и многобрачіе; одна допускаетъ широкое право развода, другая не допускаетъ его ни въ какомъ случаѣ и т. д.; отсюда слѣдуетъ, что преступленія противъ союза брачнаго неодинаковы для всѣхъ русскихъ подданныхъ: то дѣяніе, которое будетъ преступленіемъ для христіанина, напр. двоебрачіе, для магометанина не наказуемо.

Но хотя законъ нашъ и признаетъ бракъ чисто религіознымъ установленіемъ, тѣмъ не менѣе имъ постановлены нѣкоторыя главныя основанія этого союза, обязательныя для всѣхъ исповѣданій, именно: 1) возрастъ—16 лѣтъ для дѣвицы (терпимость въ шесть мѣсяцевъ допускается) и 18 для мужчины; 2) свободное согласіе брачущихся; далѣе, согласіе родителей или опекуновъ и начальства требуется также для всѣхъ исповѣданій.

Свободное согласіе брачущихся признано великимъ закономъ Петра Великаго существеннымъ условіемъ брака; безъ него бракъ недѣйствителенъ, и, кромѣ того, принудитель подвергается уголовному наказанію. Въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ случаѣ былъ не бракъ, а изнасилованіе. Ст. 1550 опредѣляетъ каторжную работу на 4 — 6 лѣтъ тому, „кто чрезъ насиліе или угрозы такого рода, что угрожаемый или угрожаемая могли и должны были считать себя въ опасности, принудитъ кого либо къ вступленію съ собою въ бракъ, тотъ, по жалобѣ, принесенной на сіе лицомъ, противъ воли съ нимъ въ супружество вступившимъ, или же родителями онаго или опекунами, подвергается...“ Наказаніе, положенное за это преступленіе почти то же, что за изнасилованіе, оно и соотвѣтствуетъ преступному дѣянію, въ существѣ одинаковому съ изнасилованіемъ. Иногда оно обнаруживаетъ менѣе безнравственности, если сдѣлано вслѣдствіе сильной страсти, потому что принудитель не желалъ лишить женщину репутаціи, не желалъ удовлетворить только минутную похоть; а иногда показываетъ большую безнравственность, когда чрезъ насильственный бракъ онъ желалъ составить себѣ состояніе или положеніе въ обществѣ. Постановленіе это имѣетъ важное отличіе отъ изнасилованія, именно въ томъ, что принужденіе къ браку допущено одинаково, какъ въ отношеніе мужчины, такъ и въ отношеніе женщины, тогда какъ изнасилованіе по закону существуетъ только относительно женщины. Это

даетъ поводъ заключить, что законодатель въ насильственномъ бракѣ видѣлъ не родъ изнасилованія (мы употребляемъ здѣсь это слово, какъ техническое), а своеобразное преступленіе. Въ самомъ дѣлѣ, въ проектѣ Уложенія за насильственный бракъ положена была ссылка на поселеніе, т. е. тоже наказаніе, которому подвергается принужденіе къ дачѣ обязательствъ.

По разбираемой статьѣ наказанію за насильственный бракъ подвергается только то лицо, которое принудило къ вступленію съ собою въ бракъ: „Кто... принудитъ кого либо къ вступленію *съ собою* на бракъ..." Но принужденіе къ вступленію въ бракъ можетъ быть и со стороны другихъ лицъ, напр. не обвѣнчавшійся, а его отецъ принудилъ богатую дѣвицу вступить въ бракъ съ сыномъ. Это вовсе не недомолвка закона. Въ проектѣ прямо сказано: „....сіе (т. е. наказаніе за насильственный бракъ) относится лишь къ тѣмъ случаямъ, когда въ принужденіи.... виновенъ одинъ изъ сочетавшихся; о принужденіяхъ со стороны родителей, опекуновъ или господъ говорится въ другой главѣ." Дѣйствительно, мы встрѣчаемъ въ ст. 1586 наказаніе родителямъ за принужденіе дѣтей къ браку,—но только церковнымъ покаяніемъ. Но если въ прижужденіи виновенъ не отецъ или мать принуждаемаго лица, какъ мы привели примѣръ, а отецъ другой брачущейся стороны, или его другъ, родственникъ? Здѣсь ясенъ пропускъ закона; редакторы Уложенія упустили изъ виду такого рода случай, возможный даже безъ участія той стороны, въ пользу которой творится принужденіе.

Въ изнасилованіи приведеніе жертвы въ состояніе безпамятства составляетъ отягчающее обстоятельство, но въ принудительномъ бракѣ, напротивъ того, облегчающее. Если лицо не могло имѣть свободной воли, вслѣдствіе отсутствія разума, то бракъ съ нимъ считается преступленіемъ низшимъ, чѣмъ принудительный: законодатель здѣсь справедливо видитъ меньшую степень безнравственности; можно даже себѣ представить случай любви честной къ лицу вполнѣ слабоумному или помѣшанному (ст. 1551).

Свобода воли не существуетъ также, когда лицо было обмануто. Обманъ влечетъ къ недѣйствительности всякаго гражданскаго обязательства; но законъ считаетъ употребленіе обмана средствомъ гораздо менѣе безнравственнымъ, чѣмъ принужденіе (ст. 1686, 1688, ч. 2), что совершенно справедливо: въ виновномъ видно менѣе дерзости, и, наконецъ, жертва до извѣстной степени сама виновна въ недостаткѣ должной осторожности. Это же начало преложено и къ браку. Обстоятельство обмана въ бракѣ поставлено въ самыя тѣсныя границы: „кто.... чрезъ обманъ успѣетъ совершить бракъ.... лица не съ тѣмъ, которое было имъ избрано,.... Слѣдовательно, только подмѣнъ лица составляетъ

обманъ; это выраженіе несомнѣнно имѣетъ значеніе не только въ отношеніи третьяго лица, но и въ отношеніи того изъ брачущихся, который, какимъ бы ни было образомъ, успѣлъ выдать себя обманомъ за то лицо, которое было избрано другою стороною, напр, когда вѣнчаніе совершалось въ едва освѣщенной церкви и дѣвица, похожая на избранную невѣсту, скрывши притомъ свое лицо вуалемъ, устроила такъ, что женихъ считалъ ее за избранную невѣсту.

Но при бракѣ возможны обманы и помимо подстановки лица. Такъ напр., женихъ не ошибся — физическое лицо то самое, которое онъ избралъ; но невѣста выдавала ему себя за дѣвицу извѣстной фамиліи, имѣющей значительное положеніе въ обществѣ, а потомъ оказалось, что она другой фамиліи, или, что хуже, какая нибудь куртизанка, или новобрачная узнаетъ, что ея мужъ не богатый графъ, а бѣглый солдатъ. Французскій законъ не признаетъ дѣйствительнымъ бракъ, когда была ошибка въ лицѣ (erreur dans la personne), разумѣя подъ этимъ не только физическую подстановку, но и обманъ въ гражданскомъ состояніи, въ фамиліи, на томъ же основаніи, по которому каждый договоръ можетъ быть разрушенъ, когда откроется обманъ въ гражданскомъ положеніи лица. Нашъ законъ, какъ мы видѣли, прямо говоритъ объ обманѣ въ лицѣ только въ физическомъ смыслѣ. Это прямо вытекаетъ изъ характера нашего брака, какъ таинства. Впрочемъ, въ Уложеніи прежнихъ изданій въ одномъ случаѣ было преступленіемъ вступленіе въ бракъ съ обманомъ въ гражданскомъ состояніи лица,—именно, когда крѣпостной человѣкъ, присвоивъ себѣ непринадлежащія ему права состоянія, вступитъ въ бракъ съ такимъ свободнаго состоянія лицомъ, „которое безъ сего обмана не согласилось бы на оный бракъ" (Улож. изд. 1857 г., ст. 2141). Съ отмѣной крѣпостнаго состоянія статья эта исчезла.

Второе условіе христіанскаго брака — единобрачіе. Такъ какъ у насъ гражданскій бракъ не существуетъ, и законнымъ признанъ только религіозный, то естественно, что многоженство составляетъ преступленіе только для русскихъ христіанской вѣры. Двоебрачіе и вообще многоженство заключаетъ въ себѣ слѣдующіе преступные элементы: 1) оскорбленіе самое тяжкое невиннаго супруга: всѣ условія брака поруганы явно; 2) оскорбленіе таинства—преступленіе религіозное; 3) подлогъ гражданскій: бракомъ жена пріобрѣтаетъ фамилію и права состоянія мужа, происходитъ взаимное участіе въ наслѣдствѣ, слѣдовательно, при двоебрачіи пріобрѣтаются одной или обоими сторонами, чрезъ подлогъ, права гражданскія и политическія; наконецъ, дѣти отъ такого брака, пока подлогъ не открытъ, могутъ пользоваться незаконно не только сословными правами, но и имущественными, въ ущербъ законнымъ дѣтямъ или родственникамъ.

Наказаніе за двоебрачіе положено: ссылка на житье въ Сибирь, когда лицо, обязанное супружествомъ, не скрыло отъ другаго этого обстоятельства, и ссылка на поселеніе, когда скрыло свое положеніе (ст. 1554). Но какъ разсматривать въ первомъ случаѣ лицо, необязанное супружествомъ, т. е. когда такое лицо вступаетъ въ бракъ съ другимъ, завѣдомо для него обязаннымъ супружествомъ? По общему началу уголовнаго законодательства это лицо — сообщникъ, и притомъ необходимый, для совершенія преступленія, слѣдовательно, должно подвергнуться также ссылкѣ на житье въ Сибирь. Законъ дѣйствительно и назначаетъ это наказаніе, но неизвѣстно почему составлена для такого опредѣленія самостоятельная статья, 1555-я.

„Лица нехристіанской вѣры, за вступленіе въ новый или въ новые, при существованіи прежнихъ, браки, когда сіе противно законамъ ихъ вѣры... подвергаются заключенію въ смирительный домъ отъ 8 мѣсяцевъ до 1/3 года“ (ст. 1558). Это различіе въ наказаніяхъ нехристіанъ отъ христіанъ указываетъ, что въ глазахъ законодателя главный элементъ преступленія—поруганіе святыни.

Третье условіе брака—отсутствіе извѣстныхъ степеней родства между брачущимися. Такъ какъ степени родства, при существованіи которыхъ бракъ не можетъ быть заключенъ, опредѣляются каждой религіей различно, то естественно, что преступленіе это неодинаково для всѣхъ русскихъ гражданъ: тотъ бракъ, который для православнаго будетъ преступленіемъ, напр. между двоюродными, для лютеранъ — законный. Поэтому, въ выраженіи Уложенія: „лицо, исповѣдующее... вѣру, за вступленіе въ бракъ въ такой степени родства или свойства, въ которой *законъ* не дозволяетъ...“ — слово „законъ“ слѣдуетъ понимать въ смыслѣ закона религіи. За это нарушеніе полагается два рода наказаній: для православныхъ (1559 ст.)—тюремное заключеніе отъ 4 мѣсяцевъ до одного года и четырехъ мѣсяцевъ — слѣдовательно, въ противность общей системѣ наказаній (Улож. ст. 38), здѣсь двѣ степени соединены въ одну, а для другихъ христіанскихъ исповѣданій—меньшее наказаніе, именно: тюремное заключеніе отъ 2 до 4 мѣсяцевъ (ст. 1660). Это различіе наказаній условливается тѣмъ, что законъ здѣсь видитъ нарушеніе церковныхъ правилъ, а интересы православной церкви ему дороже.

Эти двѣ статьи возбуждаютъ важныя недоумѣнія. Законодатель, опредѣливши въ 1559 ст. наказаніе православнымъ за вступленіе въ бракъ въ запрещенныхъ степеняхъ родства, во второй части той же статьи прибавляетъ, что это наказаніе не распространяется на вступившихъ въ бракъ въ первой или второй степени родства, за что полагается наказаніе, опредѣленное за кровосмѣшеніе въ тѣхъ же степеняхъ родства, т. е. уголовное. Такимъ образомъ, имъ высказано начало, что связь въ первой

и второй степеняхъ родства, хотя бы и прикрытая бракомъ, остается кровосмѣшеніемъ, но браки въ прочихъ степеняхъ родства составляютъ особенное (sui generis) преступленіе. Но въ 1560 ст.—о бракахъ въ недозволенныхъ степеняхъ лицъ другихъ христіанскихъ исповѣданій — нѣтъ этой важной оговорки, что браки между лицами, состоящими въ 1 и 2 степеняхъ родства наказываются какъ кровосмѣшеніе. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что таковые браки христіанъ неправославнаго исповѣданія не считаются кровосмѣшеніемъ. Это противно логикѣ Уложенія, взгляду его на кровосмѣшеніе въ двухъ первыхъ степеняхъ родства, какъ на общее для всѣхъ гражданъ преступленіе, но такъ выходитъ изъ сравненія 1559 статьи съ 1560-ой. Далѣе. Мы не встрѣчаемъ постановленія о наказаніи нехристіанъ за браки въ запрещенныхъ степеняхъ родства. Это естественное послѣдствіе взгляда закона на такіе браки, какъ на грѣхъ, и его равнодушіе къ нехристіанскимъ исповѣданіямъ. Но что сказать о бракахъ нехристіанъ въ первой или второй степени родства? Взявъ въ соображеніе текстъ 1559 ст. и отсутствіе постановленій о бракахъ нехристіанъ въ запрещенныхъ степеняхъ, слѣдуетъ придти опять таки къ заключенію о томъ, что такія нарушенія не составляютъ не только кровосмѣшенія, но и никакого другаго наказуемаго дѣянія.

Четвертое условіе—возрастъ—общее для всѣхъ исповѣданій; независимо отъ постановленій той или другой религіи, этотъ возрастъ установленъ закономъ, какъ начало, необходимое въ видахъ нравственности и народнаго здравія. Наказаніе за эти нарушенія — тюремное заключеніе или арестъ (ст. 1563).

Запрещеніе вступленія въ четвертый бракъ составляетъ постановленіе только православной церкви, а поэтому оно наказуемо только для послѣдователей православной вѣры — заключеніемъ въ тюрьмѣ на 4 мѣсяца (ст. 1564). Условіе вѣроисповѣданія супруговъ также составляетъ одно изъ правилъ брачнаго союза: христіане могутъ вступить въ бракъ только съ христіанками, впрочемъ лица евангелическо-лютеранскаго исповѣданія могутъ вступать въ бракъ, съ соблюденіемъ разныхъ правилъ, съ евреями и магометанами. Нарушеніе этихъ постановленій подвергаетъ виновныхъ тюремному заключенію (ст. 1564, 1568). Принятіе христіанской вѣры супругомъ нехристіаниномъ однако покрываетъ преступленіе. Непонятно, почему это постановленіе о покрытіи проступка приведено только относительно брака съ православными (ст. 1564), и опущено при бракахъ христіанъ другихъ исповѣданій. Нарушеніе постановленій различныхъ нехристіанскихъ религіи объ исповѣданіи брачущихся не предусмотрѣно закономъ; это дѣло ихъ совѣсти.

Наконецъ, для вступленія въ бракъ требуется согласіе начальства для состоящихъ въ службѣ, но это одна формальность; наказаніе за не-

исполненіе -- выговоръ (ст. 1565). Далѣе требуется согласіе родителей, — это постановленіе мы разсмотримъ при преступленіяхъ дѣтей противъ родителей.

Въ 1549 ст. означены два преступленія: похищеніе незамужней женщины для вступленія съ нею въ бракъ противъ воли ея и похищеніе съ ея согласія. Второй видъ составляетъ оскорбленіе родителей. Первый видъ опредѣленъ въ слѣдующихъ словахъ: „Кто похититъ незамужнюю женщину для вступленія съ нею, противъ воли ея, въ бракъ, тотъ по принесенной на сіе отъ нея или же отъ родителей или опекуновъ ея жалобѣ подвергается — ссылкѣ на житье въ Сибирь". Для бытія этого преступленія нужно-ли чтобъ былъ совершенъ такой бракъ противъ воли, или достаточно одного похищенія противъ воли женщины съ цѣлью вступленія въ бракъ, хотя бы бракъ не былъ совершенъ вслѣдствіе несогласія женщины до вѣнчанія или во время его — другими словами: не наказуемъ ли по этой статьѣ одинъ скандалъ, причиненный женщинѣ, тѣ моральныя страданія, которыя она испытала, т. е. выраженіе „противъ воли ея" относится къ вступленію въ бракъ, или только къ слову „похититъ"? Мы стоимъ за толкованіе этой статьи, какъ за вступленіе въ бракъ, на слѣдующемъ основаніи: 1) законъ полагаетъ за насильственный бракъ каторжную работу, но въ томъ случаѣ, когда было насиліе дѣйствительное или важныя угрозы (ст. 1550); затѣмъ законодатель хотѣлъ наказать тотъ случай, когда человѣкъ похищаетъ женщину безъ ея согласія, и привозитъ вѣнчаться; женщина, въ особенности молодая дѣвица, потрясенная этимъ событіемъ, опасаясь, съ одной стороны, чего нибудь худаго въ случаѣ несогласія на бракъ, и не безъ основанія, потому что совершено было похищеніе, съ другой стороны — остаться предметомъ толковъ и пересудовъ въ обществѣ, не сопротивляется заключенію брака. Здѣсь нѣтъ насилія въ прямомъ смыслѣ слова, насилія физическаго, но существуетъ насиліе нравственное, существуетъ нѣчто среднее между свободнымъ согласіемъ и насиліемъ. Такіе увозы безъ согласія увезенной, которая однако, хотя со слезами и отчаяньемъ, не противилась браку, были въ большомъ ходу у насъ въ дворянскомъ кругу лѣтъ тридцать тому назадъ, и бывали причиною семейныхъ несчастій. Слѣдовательно, вступленіе въ бракъ съ увезенной насильно различается отъ насильственнаго брака, составляетъ своеобразное преступленіе, которое законодатель и изложилъ въ первой части 1549 статьи; 2) одинъ увозъ женщины, безъ согласія ея, для вступленія въ бракъ, когда брака не послѣдовало, не можетъ разумѣться подъ 1549 ст. потому что увозъ съ цѣлью обольщенія и огласки подвергается наказанію не выше заключенія въ смирительный домъ, а съ цѣлью изнасилованія, когда остался на покушеніи, прерванномъ по собственной волѣ, наказывается

арестомъ или тюремнымъ заключеніемъ (1529, 1530). Не могъ бы поэтому законодатель за одинъ увозъ противъ воли съ цѣлью не безнравственной, съ цѣлью вступленія въ бракъ, назначить наказаніе гораздо высшее, чѣмъ за увозъ съ цѣлями безнравственными.

Бракъ совершается духовными лицами. Естественно, что если они совершаютъ бракъ съ знаніемъ препятствія, напр. принужденія, существованія перваго нерасторгнутаго брака и т. д., то являются соучастниками преступленія. Но наказуемость ихъ опредѣляется не на основаніи общихъ началъ о соучастіи, изложенныхъ въ ст. 117—128 Уложенія, а особыми постановленіями. Такъ, священно и церковнослужители, совершившіе насильственный бракъ завѣдомо, подвергаются наказанію не какъ сообщники, а по церковнымъ правиламъ, и только тогда, когда „они въ чемъ либо содѣйствовали бывшему приономъ насилію или обману," то наказываются какъ сообщники (ст. 1552). Точно также они подвергаются церковнымъ наказаніямъ и за совершеніе втораго брака при существованіи перваго. Священники другихъ христіанскихъ исповѣданій подвергаются за послѣднее преступленіе тюремному заключенію, а когда они и способствовали чѣмъ либо виновному ввести въ обманъ другое лицо, то считаются соучастниками преступленія (ст. 1557). Законъ не говоритъ отдѣльно о наказаніяхъ священниковъ другихъ христіанскихъ иновѣрческихъ исповѣданій за завѣдомое совершеніе насильственнаго брака,—видно, что онъ ихъ разумѣлъ въ 1552 ст. наравнѣ съ православными. О винѣ духовныхъ лицъ нехристіанскихъ исповѣданій существуетъ только одно постановленіе: „За совершеніе брака прежде опредѣленнаго законами возраста или вслѣдствіе неправильныхъ разводовъ еврейскіе раввины подвергаются отдачѣ на 4 года въ арестантскія роты, а духовныя лица другихъ нехристіанскихъ исповѣданій заключенію въ тюрьмѣ." Но о наказаніи ихъ за завѣдомое совершеніе браковъ по насилію, обману, или съ сумасшедшимъ нѣтъ постановленій; надобно заключить, что они тогда наказываются, какъ соучастники, что законодатель только для христіанскихъ духовныхъ лицъ сдѣлалъ въ этомъ случаѣ исключеніе, т. е. подвергаетъ ихъ другимъ наказаніямъ, а не тѣмъ, которыя слѣдуютъ за соучастіе. Впрочемъ, наша прежняя судебная практика представляетъ примѣры, что свободное согласіе брачущихся не считалось общимъ положеніемъ для браковъ всѣхъ исповѣданій. (Сбор. Рѣш. Сен. т. 1, № 208).

II. Бракомъ устанавливается между супругами единеніе всей жизни; любовь является существеннымъ элементомъ этого союза. Но для закона доступны только самыя грубыя, осязательныя нарушенія правъ одного супруга надъ другимъ: жестокое обращеніе и прелюбодѣяніе.

Въ старое время мужъ имѣлъ почти неограниченное право надъ женой, вопреки христіанскому ученію, устанавливающему только главенство

мужа, но вмѣстѣ съ тѣмъ и признающему жену равнымъ съ мужемъ членомъ брачнаго союза. Еще въ концѣ XVII вѣка мужъ за убійст о жены, если она вела дурную жизнь, подвергался только исправительному наказанію. Право мужа наказывать жену тѣлесно было общепризнано; по нравамъ стараго времени даже увѣчье жены не наказывалось: плетка была символомъ власти мужа и занимала видное мѣсто при брачныхъ обрядахъ; мужья имѣли право закладывать женъ. Только съ XVIII вѣка, мало по малу, личность жены стала ограждаться законами, практикой, нравами. Но еще до сихъ поръ въ средѣ простолюдья право мужа на тѣлесное наказаніе жены считается несомнѣннымъ; сами жены нерѣдко полагаютъ, что въ этомъ высказывается любовь мужа. Вотъ почему законодателю трудно было опредѣлить границу наказуемости въ грубыхъ поступкахъ одного изъ супруговъ въ отношеніи другаго.

Личныя обиды между супругами не могутъ поддежать дѣйствію суда. (Кассац. 1869 г. Затѣмъ, законъ весьма искусно опредѣлилъ въ 1583 ст. наказуемость супруговъ за нарушеніе правъ личности: „За жестокое обращеніе съ женою, обстоятельствами доказанное, особливо въ случаѣ нанесенія ей увѣчья или ранъ, мужъ, по жалобѣ супруги или ея родителей, подвергается наказаніямъ, опредѣленнымъ за такіе побои, раны или увѣчья, съ возвышеніемъ оныхъ двумя степенями, и, сверхъ того, если онъ христіанинъ, предается церковному покаянію". Въ этой статьѣ признанъ важный принципъ, что насильственное дѣйствіе принимаетъ отягчающій характеръ, если оно совершено мужемъ, потому что сверхъ общаго нарушенія правъ личности, здѣсь еще приходитъ нарушеніе той любви, которую обязанъ мужъ питать къ женѣ.

Переходимъ къ разсмотрѣнію текста 1583 статьи. Законъ говоритъ: „за жестокое обращеніе...". Но что считать жестокимъ обращеніемъ, это онъ представляетъ усмотрѣнію суда, потому что это вполнѣ зависитъ отъ той степени развитія, на которой стоитъ чета. Такъ напр., если мужъ образованнаго круга будетъ держать жену на кухнѣ съ прислугой, если онъ будетъ преслѣдовать ее постоянно бранью, насмѣшками, позорить при постороннихъ—это всякимъ судомъ будетъ признано за жестокое обращеніе, потому что это можетъ свести жену въ могилу, хотя, бы онъ никогда не наносилъ ей удара. Наоборотъ, если крестьянинъ иногда бьетъ жену, разумѣется не тяжко, то, по нравамъ его среды, это не составляетъ жестокаго обращенія: такія дѣйствія считаются обыденной принадлежностью супружеской жизни. Въ рѣшеніи Кассаціоннаго Сената. только что приведенномъ жестокое обращеніе въ супружествѣ опредѣлено слѣдующимъ образомъ: „Цѣлый рядъ такихъ дѣйствій, которыя выражаютъ неуваженіе къ личности другаго супруга и его человѣческимъ правамъ. Это опредѣленіе вполнѣ подтверждаетъ нашу мысль. Законъ обозначилъ

поэтому жестокое обращеніе неопредѣленно, словами: „особливо въ случаѣ нанесенія ей увѣчья или ранъ", т. е. увѣчье и раны положительно составляютъ жестокое обращеніе; сюда же относятся и тяжкіе, подвергающіе жизнь опасности побои, потому что въ опредѣленіи наказанія сказано, что виновные подвергаются, съ увеличеніемъ двумя степенями, наказаніямъ, постановленнымъ въ III главѣ X-го раздѣла за „*такіе* побои, раны" и пр., а въ этой главѣ и по первымъ двумъ изданіямъ Уложенія и по послѣднему, 1866 года, обозначены только тяжкіе, подвергающіе жизнь опасности, побои, а прочіе отнесены къ личнымъ обидамъ. Слѣдовательно, нѣтъ никакого сомнѣнія о родѣ побоевъ, о которыхъ здѣсь говорится. Странно только выраженіе „за *такіе* побои", потому что въ опредѣлительной части 1583 ст. вовсе не упоминалось о побояхъ, а только объ увѣчьи и ранахъ. Въ первоначальномъ текстѣ Уложенія стояло „за *тяжкіе* побои". Не составляетъ-ли простой опечатки „такіе" вмѣсто „тяжкіе"? Но въ такомъ случаѣ должна была быть ссылка не только на III главу X раздѣла, но также и на VI-ю того же раздѣла, потому что въ этой послѣдней (ст. 1533) предусмотрѣны тяжкіе, не подвергающіе жизнь опасности, побои.

Итакъ, нанесеніе тяжкихъ побоевъ, увѣчья и ранъ положительно составляетъ жестокое обращеніе; все же что ниже этого — легкіе побои и прочее, чему примѣры мы приводили—предоставляется усмотрѣнію судьи принять и не принять за жестокое обращеніе. Ст. 1583, какъ мы видѣли, допускаетъ жестокое обращеніе и помимо нанесенія ранъ, увѣчья, тяжкихъ побоевъ. Но непреоборимая трудность состоитъ въ томъ, что судья не въ состояніи положить наказанія за таковое обращеніе, если не было ранъ, увѣчья, тяжкихъ побоевъ. Наказаніе опредѣляется не прямо, а сравнительно съ тѣмъ, которое положено за нанесеніе ранъ и увѣчья постороннему лицу; а жестокое обращеніе съ постороннимъ лицомъ не составляетъ самостоятельнаго преступленія, — оно можетъ быть обидой, истязаніемъ и т. д. Такимъ образомъ, законодатель, установивши особое преступленіе „жестокое обращеніе съ женою" не указалъ ни прямо, ни косвенно наказанія за него, помимо нанесенія увѣчья и ранъ. Въ III гл. X разд. говорится не только о нанесеніи увѣчья и ранъ, но и объ истязаніяхъ и мученіяхъ. Возвышается ли наказаніе для мужа и въ этомъ случаѣ на двѣ степени? Логически должно быть такъ, но при молчаніи закона повышеніе невозможно.

Во второй части 1583 ст. сказано: „Тѣмъ же наказаніямъ и на томъ же основаніи подвергается и жена, которая, пользуясь слабостью своего мужа, дозволитъ себѣ жестокое съ нимъ обращеніе и нанесетъ ему увѣчье, раны или побои". Разница здѣсь въ томъ, что слово „побои" стоитъ безъ всякаго ограниченія, такъ что можно заключить, что для жены наказуемо и нанесеніе легкихъ побоевъ мужу.

Супружеская вѣрность составляетъ существенное условіе брака, иначе онъ теряетъ всякій смыслъ. Поэтому и тѣ законодательства, въ которыхъ бракъ признанъ только гражданскимъ союзомъ, наказываютъ прелюбодѣяніе, какъ нарушеніе обязательства, даннаго при вступленіи въ бракъ, и какъ самое тяжкое изъ оскорбленій. Наказаніе за прелюбодѣяніе— заключеніе на срокъ отъ 4 до 8 мѣсяцевъ въ монастырѣ или въ тюрьмѣ, а для лица, съ которымъ учинено — также заключеніе въ тюрьмѣ на 2—4 мѣсяца, или арестъ и, сверхъ этого, церковное покаяніе (ст. 1585). Бѣгство жены отъ мужа съ постороннимъ мужчиной разсматривается какъ прелюбодѣяніе (ст. 1582).

Преступленіе прелюбодѣянія существуетъ совершенно одинаково какъ для мужа, такъ и для жены. Это вполнѣ логическое послѣдствіе брака, какъ церковнаго института. Но нравы вовсе не сравниваютъ прелюбодѣянія мужа съ прелюбодѣяніемъ жены. Во первыхъ, требованія нравственности всегда строже относительно женщины, чѣмъ относительно мужчины; это не несправедливость къ ней, а возданіе уваженія природѣ женщины. Развѣ одинаково смотрятъ на поведеніе молодой дѣвицы и юноши? То, что общество считаетъ для послѣдняго шалостью, для дѣвицы порокъ и безчестье. Далѣе, прелюбодѣяніе жены вноситъ чужихъ дѣтей въ семью, производитъ въ ней разладъ. Нашъ народъ хотя грубо, но вѣрно обозначаетъ разницу двухъ прелюбодѣяній въ поговоркѣ: „грѣхъ мужа на сторонѣ, грѣхъ жены въ дому". Французскій законъ напр. ближе къ нравамъ и убѣжденіямъ общества, полагая наказуемымъ прелюбодѣяніе мужа только въ томъ случаѣ, когда онъ держитъ любовницу въ одномъ домѣ съ женою.

Въ другихъ преступленіяхъ противъ личности — убійствѣ и лишеніи свободы — обстоятельство, что жертвой преступленія былъ супругъ или супруга служитъ отягченіемъ вины. Но дѣла о кражахъ между супругами начинаются не иначе, какъ по жалобѣ потерпѣвшаго (ст. 1664).

III. *Преступленія противъ союза родителей и дѣтей.* Власть родительская была въ старое время еще сильнѣе, чѣмъ супружеская; она простиралась на распоряженіе всей судьбой дѣтей; по Уложенію царя Алексѣя родители за убійство дѣтей подвергались только годичному заключенію въ тюрьму; дѣти подвергались наказанію кнутомъ за жалобу на родителей. Со временъ Петра Великаго эта грозная и безсудная власть была постепенно смягчаема. Это смягченіе обусловливалось не только нравственными началами, но и государственными интересомъ, потому что дѣти, находясь въ безусловной власти родителей, повинуясь имъ безпрекословно, тѣмъ самымъ выходили изъ власти государства: самодержавіе родителей парализировало самодержавіе верховной власти и закона. Теперь власть родителей сохранена закономъ въ предѣлахъ, требуемыхъ нравственностью, благомъ семьи, самихъ дѣтей и государства. Родители имѣютъ

еще безсудную власть не только домашняго наказанія, но и тюремнаго заключенія: „За упорное неповиновеніе родительской власти, развратную жизнь и другіе явные пороки, дѣти, по требованію родителей, *безъ особаго судебнаго разсмотрѣнія*, подвергаются заключенію въ смирительномъ домѣ отъ 2 до 4 мѣсяцевъ“ (ст. 1592). Кромѣ того, въ законѣ опредѣленъ одинъ спеціальный видъ оскорбленія родительской власти—это вступленіе въ бракъ безъ согласія родителей. Бракъ составляетъ важнѣйшій актъ жизни; дѣти, вступающія въ этотъ союзъ безъ согласія родителей, наносятъ имъ оскорбленіе, обнаруживаютъ неблагодарность. Кромѣ того, постановленіе о необходимости согласія родителей на бракъ прямо въ интересѣ дѣтей несовершеннолѣтнихъ. Совершеннолѣтіе брачное наступаетъ гораздо раньше гражданскаго—для дѣвицы въ 16, для мужчины въ 18 лѣтъ, когда они далеко не всегда могутъ серьезно взвѣсить всю важность брачнаго союза, могутъ легко сдѣлать такой выборъ, который составитъ несчастье ихъ жизни. Власть родительская принадлежитъ какъ отцу, такъ и матери; если въ живыхъ одинъ изъ родителей, то онъ ею обладаетъ всецѣло. Но если оба живы и несогласны во взглядѣ на дѣйствія дѣтей? Напр., отецъ считаетъ сына негодяемъ и желаетъ отправить его въ смирительный домъ, а мать, напротивъ того, считаетъ его добрымъ сыномъ, гонимымъ отцемъ. Такъ какъ ст. 1592 говоритъ о наказаніи безсудномъ дѣтей „по требованію родителей“, то мы полагаемъ, что, при разногласіи послѣднихъ, эта мѣра не можетъ быть приведена въ исполненіе, тѣмъ болѣе, что именно согласіе на нее обоихъ родителей и служитъ гарантіей противъ злоупотребленій. Что касается до вступленія въ бракъ безъ согласія родителей, то здѣсь вопросъ объ одностороннемъ или обоюдномъ несогласіи опредѣленъ яснѣе. Ст. 1566: „За вступленіе въ бракъ, явно или тайно, противъ рѣшительнаго запрещенія родителей, или безъ испрошенія согласія ихъ, виновные, по принесенной на сіе отъ родителей жалобѣ, подвергаются...“: мужчина заключенію въ тюрьмѣ, а женщина въ монастырѣ на 4—8 мѣсяцевъ, и, сверхъ того, „лишаются права наслѣдовать по закону въ имѣніи *того изъ родителей*, котораго они оскорбили своимъ неповиновеніемъ“. Соображая послѣднее постановленіе можно придти къ заключенію, что, при согласіи одного изъ родителей набракъ, едва-ли дѣти могутъ быть подвергнуты заключенію: для этого требуется чтобы такой бракъ былъ заключенъ противъ воли „родителей“, а не одного отца или одной матери; но имущественное послѣдствіе—лишеніе наслѣдства, существуетъ вполнѣ и при бракѣ съ согласія одного изъ родителей въ отношеніи имѣнія другаго. Родители, впрочемъ, могутъ впослѣдствіи возстановить наслѣдственныя права дѣтей, точно также, какъ и сократить срокъ заключенія.

Бѣгство дочери для вступленія въ бракъ составляетъ, конечно, преступленіе брака безъ согласія родителей, да еще притомъ съ отягчающимъ обстоятельствомъ скандала. Срокъ заключенія дѣйствительно опредѣленъ тотъ же самый, но странно, что постановленія о лишеніи наслѣдства не находится (ст. 1549). Далѣе, при такомъ увозѣ законъ признаетъ равно виновными и увезенную и похитителя, а когда дѣло было безъ увоза, говоритъ только о томъ изъ супруговъ, который не испросилъ согласія своихъ родителей.

Похищеніе невѣсты съ ея согласія было у насъ довольно распространено еще въ недавнее время; въ Сибири оно было общимъ обычаемъ, въ кругу горожанъ, такъ что и въ тѣхъ случаяхъ, когда согласіе родителей было несомнѣнно, влюбленные бѣжали—по какому то древнему преданію.

Что касается до другихъ важныхъ обстоятельствъ жизни, напримѣръ, вступленія въ службу, въ высшее учебное заведеніе и т. п. то по закону не требуется согласія родителей.

Власть родителей не ограничена лѣтами дѣтей: она по закону одинакова надъ 15 и 40-лѣтнимъ, что несогласно съ нравами; только вступленіе въ государственную службу, а для дѣвицы вступленіе въ замужество ограничиваетъ власть родителей. Замѣтимъ, что родительская власть принадлежитъ только родителямъ, но не другимъ восходящимъ родственникамъ, или воспитателямъ.

Законъ налагаетъ еще на дѣтей юридическую обязанность — содержаніе родителей: „За отказъ въ доставленіи нуждающимся родителямъ необходимыхъ для жизни пособій, дѣти ихъ, имѣющія достаточныя къ тому средства, подвергаются аресту не свыше 3 мѣсяцевъ, сверхъ того они обязываются къ производству родителямъ соразмѣрнаго съ ихъ средствами пособія“ (Мир. Уст. ст. 143). Эта статья весьма умѣренная: она караетъ жестокій эгоизмъ дѣтей, но, съ другой стороны не желаетъ дѣлать изъ дѣтей крѣпостныхъ для родителей: дѣти обязаны давать родителямъ такимъ, которые нуждаются въ необходимомъ, и пособіе опредѣляется по мѣрѣ средствъ дѣтей. Остальное предоставляется на совѣсть дѣтей.

Съ другой стороны, законы гражданскіе устанавливаютъ и обязанности родителей къ дѣтямъ: заботу о ихъ содержаніи и воспитаніи. Родители за принужденіе дѣтей къ браку или постриженію въ монашество подвергаются: православные — церковнымъ покаяніямъ, а прочіе—заключенію въ тюрьмѣ (ст. 1586). О развращеніи родителями дѣтей мы говорили уже въ другой главѣ, равно какъ о допущеніи дѣтей просить милостыню. Опекунъ за принужденіе ввѣреннаго его опекѣ къ вступленію въ бракъ или монашество подвергается тому же наказанію, какъ отецъ (ст. 1599), „кромѣ лишь церковнаго покаянія“.

Наказанія за преступленіе убійства, нанесенія ранъ, лишенія свобо-

ды, угрозы, личной обиды возвышаются не только на нѣсколько степеней, но иногда и въ родѣ наказанія, когда оно направлено противъ родителей, о чемъ мы указали въ главѣ „Обстановка преступленія", и еще будемъ имѣть случаи говорить въ слѣдующихъ главахъ. Но дѣла о кражахъ между родителями и дѣтьми начинаются только по жалобѣ потерпѣвшаго (ст. 1664).

IV. *Кровосмѣшеніе.* Незаконная плотская связь между родственниками и свойственниками въ тѣхъ степеняхъ, въ которыхъ запрещенъ бракъ, называется кровосмѣшеніемъ. А такъ какъ бракъ у насъ признанъ только религіозный, то степени родства, въ которыхъ онъ недопускается, а вмѣстѣ съ тѣмъ и преступленіе кровосмѣшенія, неодинаковы для русскихъ разныхъ вѣръ. Такъ напр., связь между двоюродными православными—кровосмѣшеніе, т. е. дѣяніе наказуемое, а между лютеранами—ненаказуемое. Впрочемъ, кровосмѣшеніе въ двухъ первыхъ степеняхъ родства во всякомъ случаѣ преступленіе, хотя бы существовали вѣроученія, которыя допускали браки въ этихъ степеняхъ. Съ точки зрѣнія права вообще нельзя допустить наказуемости кровосмѣшенія; это явленіе, особенно въ близкихъ степеняхъ, возбуждаетъ отвращеніе, какъ противное природѣ, но имъ не нарушаются права третьяго лица или государства, слѣдовательно оно не имѣетъ основнаго характера преступленія. Нѣкоторыя законодательства поэтому и выпустили кровосмѣшеніе изъ уголовнаго кодекса. Существованіе въ нашемъ Уложеніи этого преступленія объясняется историческимъ ходомъ законодательства, вліяніемъ церковнаго права. По церковному воззрѣнію кровосмѣшеніе одинъ изъ самыхъ страшныхъ грѣховъ.

Важность преступленія кровосмѣшенія естественно соразмѣряется съ степенью родства кровосмѣсителей. Законъ устанавливаетъ 4 степени кровосмѣшенія: 1) кровосмѣшеніе между восходящими и нисходящими по прямой линіи; 2) во второй степени родства, т. е. между родными братьями и сестрами; 3) кровосмѣшеніе въ третьей степени родства (дяди и племянницы, тетки и племянника) или въ первой степени свойства, т. е. тещи съ зятемъ, свекра съ снохою; 4) кровосмѣшеніе въ четвертой степени родства, т. е. между двоюродными, или во второй степени свойства (деверь и невѣстка, зять и свояченица); 5) въ прочихъ степеняхъ родства или свойства, въ которыхъ воспрещенъ бракъ.

За первые два рода кровосмѣшенія постановлено спеціальное уголовное наказаніе, именно: лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ Сибирь, вмѣсто поселенія, для заключенія въ тюрьмѣ: на 6 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ при кровосмѣшеніи между восходящими и нисходящими, на $3^1/_2$ года между родственниками второй степени, — а послѣ этого виновные „отдаются въ монастырь на всю жизнь, для употребленія на тяжкія въ

оноиъ работы" (ст. 1593, 1594). Если въ Сибири нѣтъ монастырей того исповѣданія, къ которому принадлежатъ виновные, то они осуждаются на поселеніе въ одномъ изъ малолюдныхъ округовъ Восточной Сибири. Эта оговорка непонятно почему находится только при постановленіяхъ о кровосмѣсителяхъ перваго разряда; но какъ поступать съ кровосмѣсителями втораго разряда, когда они принадлежатъ къ такимъ исповѣданіямъ, въ которыхъ нѣтъ монашествующихъ, ничего не сказано. Монашество существуетъ не только въ христіанскихъ исповѣданіяхъ, кромѣ лютеранскаго, но и въ языческомъ ламайскомъ, которое обладаетъ нѣсколькими монастырями въ Сибири.

Законъ при постановленіи наказаній за дѣянія, признаваемыя имъ преступными, не долженъ смѣшивать фактовъ, различныхъ по степени безнравственности. Мы видѣли, что имъ установлено одинаковое наказаніе за кровосмѣшеніе между восходящими и нисходящими по прямой линіи. Между тѣмъ какъ по нравственному чувству кровосмѣшеніе съ матерью стоитъ гораздо преступнѣе кровосмѣшенія съ отцомъ; народно-религіозныя легенды выставляютъ только первое какъ грѣхъ безъ числа и мѣры, такой, который, если даже и былъ невольнымъ, требуетъ необычайнаго искупленія; кровосмѣшенія съ отцемъ, какъ показываетъ уголовная практика, случались не рѣдко, но съ матерью — дѣло неслыханное. На этомъ основаніи была бы болѣе соотвѣтственнымъ съ справедливостью т. е. съ степенью безнравственности факта, раздѣлить по наказаніямъ эти два вида кровосмѣшенія. Замѣтимъ, что кровосмѣшеніе свекра съ снохою въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ у крестьянъ довольно сильно распространено. На этомъ основаніи, одно время были запрещены такіе браки, гдѣ жена многими годами была старше мужа, потому что старики женили сыновей-ребятъ на женщинахъ вдвое старшихъ для своихъ безнравственныхъ цѣлей.

Своеобразное наказаніе, постановленное за первые два разряда кровосмѣшенія, ставитъ въ затрудненіе, какъ слѣдуетъ поступить судьѣ въ случаѣ объявленія присяжныхъ, что подсудимый заслуживаетъ снисхожденія, или когда по обстоятельствамъ, уменьшающимъ вину, слѣдуетъ понизить наказаніе на одну или двѣ степени. Что во второмъ видѣ кровосмѣшенія (братьевъ съ сестрами) слѣдуетъ перейти къ ссылкѣ на житье, это не подлежитъ сомнѣнію, потому что своеобразность наказанія состоитъ въ замѣнѣ поселенія тюремнымъ и монастырскимъ заключеніемъ а сущность его все таки ссылка въ Сибирь съ лишеніемъ всѣхъ правъ. Но при кровосмѣшеніи перваго рода, когда надобно понизить на одну только степень, слѣдуетъ ли перейти къ ссылки на поселеніе въ мѣста не столь отдаленныя (2-я степень ссылки), или къ тому наказанію, которое установлено за кровосмѣшеніе между братьями и сестрами? Намъ кажется,

что послѣднее разрѣшеніе болѣе соотвѣтсвуетъ мысли законодателя — установить за важнѣйшіе виды кровосмѣшенія какъ бы особую систему наказаній, распредѣленную на двѣ степени. Но при смягченіи на двѣ степени и здѣсь естественно слѣдуетъ переходить къ ссылкѣ на житье въ Сибирь.

Кровосмѣшеніе третьяго разряда подвергаетъ ссылкѣ на житье въ Сибирь и церковному покаянію; слѣдовательно, здѣсь постановлено одно изъ общихъ наказаній. Но за кровосмѣшеніе четвертаго разряда идетъ опять особенное, полу-церковное, наказаніе — заключеніе въ монастырѣ на 4—8 мѣсяцевъ. Наконецъ, за кровосмѣшеніе въ дальнѣйшихъ степеняхъ родства и свойства, въ которыхъ, однако, по церковнымъ правиламъ воспрещено вступать въ бракъ, виновные подвергаются церковному покаянію (ст. 1597).

Такимъ образомъ, за кровосмѣшеніе существуетъ своя особая система наказаній, въ которой исключеніе производитъ ссылка на житье въ Сибирь, полагаемая за кровосмѣшеніе 3-го разряда.

Постановленія о кровосмѣшеніи не отличаются ясностью; законодатель не опредѣлилъ съ перваго раза, въ какой мѣрѣ онѣ относятся къ послѣдователямъ разныхъ религій, такъ что объ этомъ мы должны почерпать свѣдѣнія изъ выраженій различныхъ статей. Что постановленіе о кровосмѣшеніи перваго разряда, т. е. между восходящими и нисходящими, относится къ послѣдователямъ всѣхъ религій, это ясно слѣдуетъ изъ того, что въ 1593 ст., вслѣдъ за опредѣленіемъ наказанія виновнымъ, сказано: „тѣ изъ нихъ, которые исповѣдуютъ христіанскую вѣру, предаются, сверхъ того, церковному покаянію...“, чѣмъ прямо указывается на то, что исповѣдующіе нехристіанскую подвергаются всѣмъ установленнымъ наказаніямъ за этотъ видъ кровосмѣшенія, кромѣ покаянія. Далѣе. Кровосмѣшеніе во второй, третьей и четвертой степеняхъ родства и въ первой и второй степеняхъ свойства изложено въ одной статьѣ —1594-ой; послѣ изложенія наказаній за различные его виды, законодатель прибавляетъ: „Лица, принадлежащія къ другимъ христіанскимъ исповѣданіямъ, за кровосмѣшеніе во второй родства и въ первой степени свойства подвергаются наказанію на томъ же основаніи, какъ исповѣдующіе православную вѣру“. Отсюда выходятъ слѣдующія заключенія: 1) такъ какъ законодатель говоритъ о наказаніи только исповѣдующихъ христіанскую вѣру, то послѣдователи нехристіанскихъ религій не подвергаются наказаніямъ за всѣ эти виды кровосмѣшенія, начиная съ кровосмѣшенія между родными братьями и сестрами, — иначе бы законодатель прямо сказалъ, вмѣсто „принадлежащія къ другимъ *христіанскимъ* исповѣданіямъ“ просто „принадлежащія къ другимъ исповѣданіямъ“; 2) христіане неправославные не подвергаются наказаніямъ за кровосмѣшеніе въ 3-й и 4-й степеняхъ

родства. Въ концѣ 1594 ст. сказано объ этихъ христіанахъ, что наказаніямъ за кровосмѣшеніе „въ такихъ степеняхъ родства или свойства, въ которыхъ, по правиламъ церкви ихъ, можетъ быть дозволено вступленіе въ бракъ, они подвергаются въ такомъ лишь случаѣ, когда сіе преступленіе было соединено съ прелюбодѣяніемъ, или по какимъ либо причинамъ бракъ между виновными не можетъ быть совершенъ". Но какимъ наказаніямъ? Тѣмъ ли, какъ православные, или только церковному покаянію? А если было кровосмѣшеніе напр., въ третьей степени родства, и въ этой степени бракъ по извѣстной христіанской неправославной вѣрѣ недозволенъ? Объ этомъ ничего не сказано, такъ что мы и сдѣлали выводъ о ненаказуемости. Но въ этомъ случаѣ выходитъ запутанность: когда въ извѣстныхъ степеняхъ родства бракъ *недозволенъ*, то за кровосмѣшеніе неправославныхъ, кромѣ случаевъ между нисходящими и во второй степени родства, нѣтъ наказанія, а когда *дозволенъ*, то можетъ быть наказаніе.

Мы видѣли, что бракъ измѣняетъ кровосмѣшеніе въ другое менѣе важное преступленіе—бракъ въ недозволенныхъ степеняхъ родства; такъ напр. кровосмѣсительная связь между родственниками третьей степени наказывается ссылкой на житье въ Сибирь, а бракъ въ той же степени—только тюремнымъ заключеніемъ отъ 4 мѣсяцевъ до $1^1/_2$ года. Но кровосмѣшеніе двухъ первыхъ разрядовъ не видоизмѣняется бракомъ; оно наказывается и тогда какъ кровосмѣшеніе. Замѣтимъ, однако, неточность въ выраженіи закона. Кровосмѣшеніе перваго рода, по опредѣленію закона, бываетъ съ родственникомъ или родственницею въ прямой восходящей или нисходящей линіи, въ какой бы то ни было степени" (ст. 1593), а въ 1559 ст. о незаконныхъ бракахъ сказано: „постановленія сей статьи не распространяются на вступившихъ завѣдомо въ бракъ *въ первой* или второй степени родства", вмѣсто того, чтобъ сказать: въ какой бы ни было степени по прямой восходящей линіи и во второй степени по боковой.

Въ кровосмѣшеніи оба лица виновны — и мужчина и женщина. Но если было изнасилованіе, то, естественно, только одно. Такъ какъ изнасилованіе составляетъ самостоятельное и притомъ болѣе важное преступленіе, то виновный подвергается наказанію по правиламъ о совокупности преступленій (ст. 1596).

Мы видѣли, что преступленіе кровосмѣшенія состоитъ въ плотской связи между родственниками и свойственниками; степени его идутъ по степенямъ родства и свойства. Слѣдуетъ ли заключать, что кровосмѣшеніе существуетъ и между *незаконными* родственниками, напр. между естественными братомъ и сестрой? Нравственному чувству одинаково противна связь, какъ между законными, такъ и незаконными, конечно из-

вѣстными другъ другу. Но такъ какъ родство, хотя основано на природѣ, есть все таки закономъ признанное отношеніе, существующее между лицами, происходящими отъ законнаго брака, такъ какъ гражданское наше право не признаетъ никакихъ отношеній отъ незаконнаго сожитія, наконецъ, такъ какъ преступленіе кровосмѣшенія составляетъ исключеніе изъ общихъ юридическихъ началъ, и такъ какъ уголовный законъ не можетъ быть толкуемъ расширительно, то слѣдуетъ признать, что подобная кровосмѣсительная связь стоитъ внѣ уголовнаго закона. Впрочемъ, существуютъ три случая, когда родственныя отношенія отъ незаконной связи до нѣкоторой степени получаютъ признаніе закона. Такъ, мать, не бросившая незаконноприжитаго ребенка, извѣстна; по метрическому свидѣтельству ребенокъ знаетъ свою мать; далѣе, на основаніи ст. 994 можетъ быть искъ обольщенной, имѣющей ребенка, къ его отцу о содержаніи, если судъ признаетъ послѣдняго обязаннымъ давать содержаніе, то тѣмъ самымъ признаетъ его отцомъ; наконецъ, когда второй бракъ при существованіи прежняго былъ заключенъ по обману, то дѣтямъ дается обыкновенно, по Монаршей милости, фамилія и права состоянія ихъ матери, слѣдовательно, отношенія дѣтей другъ къ другу и къ ихъ матери нельзя никакъ назвать только фактическими, легально несуществующими. Эти случаи наводятъ сильное сомнѣненіе. Наконецъ, вспомнимъ, что расколъ у насъ не признанъ закономъ; по закону браки раскольниковъ дѣйствительны только тогда, когда повѣнчаны въ православной церкви. Между тѣмъ, безпоповцы и другіе сектанты не признаютъ вовсе таинства брака, и онъ совершается у нихъ въ формѣ простаго соглашенія. Но все таки ихъ семьи — союзъ регулярный; лица въ нихъ состоящія сознаютъ свои отношенія. Признавать ли родство и кровосмѣшеніе между лицами, происходящими отъ такихъ союзовъ? Если законъ отказываетъ въ признаніи юридическихъ отношеній между членами таковыхъ семействъ въ случаяхъ, когда это для нихъ выгодно, напр. въ наслѣдствѣ, то нельзя признавать ихъ только тогда, когда изъ такого признанія послѣдуетъ уголовное наказаніе.

ГЛАВА XXI.

ПРЕСТУПЛЕНІЯ ПРОТИВЪ СВОБОДЫ И ПРАВЪ СОСТОЯНІЯ.

1. Лишеніе свободы въ смыслѣ измѣненія свободнаго состоянія на несвободное. Незаконное задержаніе и заключеніе. Случаи, когда задержаніе, произведенное частнымъ человѣкомъ, не можетъ быть преступленіемъ. Удержаніе на мѣстѣ или препятствіе движенію. 2. Лишеніе правъ состоянія или происхожденія, чрезъ подлогъ документовъ, чрезъ похищеніе или подмѣнъ младенцевъ. Удержаніе заблудившихся дѣтей. Присвоеніе себѣ непринадлежащихъ правъ состоянія, титула, чина, ордена или имени другой фамиліи—чрезъ подлогъ документовъ и безъ такого подлога. Завѣдомое пользованіе фальшивыми документами.

Лишеніе свободы можетъ быть въ двухъ видахъ: или вѣчное обращеніе въ состояніе рабства, или временное лишеніе свободы располагать дѣйствіями, т. е. секвестръ лица. Перваго рода преступленіе имѣло у насъ еще недавно, при существованіи крѣпостнаго права, весьма значительное примѣненіе. Въ настоящее время оно возможно только какъ насильственная продажа русскаго въ рабство тѣмъ народамъ, у которыхъ оно существуетъ. „Кто продастъ въ рабство или и подъ другимъ какимъ либо предлогомъ передастъ азіятцамъ или другимъ иноплеменнымъ какое либо состоящее въ подданствѣ Россіи или подъ покровительствомъ россійскихъ законовъ лицо, тотъ за сіе подвергается каторжной работѣ на 8 — 10 лѣтъ." (ст. 1410). Что слѣдуетъ разумѣть подъ словами: „или инымъ иноплеменнымъ?" Конечно, тѣ африканскіе народы, у которыхъ существуетъ рабство, а никакъ не европейскіе. Съ продажей въ рабство сравнена передача инымъ способомъ такимъ иноплеменникамъ русскаго. Это потому, что жизнь переданнаго чужеземца у такихъ народовъ не лучше рабства.

Россія еще на Вѣнскомъ конгрессѣ 1815 г. объявила себя за уничтоженіе торга неграми, несмотря на то, что у насъ было крѣпостное состояніе, при которомъ существовала продажа людей. Впослѣдствіи Россія, трактатами съ Англіей и другими державами, приняла участіе въ мѣрахъ прекращенія торга неграми. Ст. 1411 опредѣляетъ за это преступленіе наказывать какъ за морской разбой и, сверхъ того, подвергаетъ конфискаціи суда, назначенные для такого торга. Редакторы Уложенія заимствовали изъ статута королевы Викторіи постановленіе о наказаніяхъ арматорамъ судовъ для торга неграми, что, впрочемъ, у насъ не могло имѣть приложенія, по неимѣнію верфей для постройки такихъ судовъ.

Другой видъ лишенія свободы — „задержаніе и заключеніе." Разница между задержаніемъ и заключеніемъ не выяснена въ законѣ; по всей вѣроятности, задержаніе состоитъ только въ препятствіи свободно двигаться, напр. когда запираютъ ворота дома, двери магазина и т. под., а заключеніе — усиленный способъ задержанія, когда насильственно ведутъ и запираютъ въ подвалъ, уединенную комнату и т. под. Ст. 1540 опредѣляетъ это преступленіе въ слѣдующихъ словахъ: „Кто, по какой бы то ни было причинѣ и съ какимъ бы то ни было намѣреніемъ, кромѣ лишь случаевъ, въ коихъ задержаніе и самое предварительное заключеніе, по уликамъ или подозрѣніямъ, или же въ видѣ наказанія, дозволено или предписано закономъ, самовольно и насильственно лишитъ кого-либо свободы...." Въ выраженіяхъ этой статьи много излишняго, противнаго экономіи уголовнаго закона; къ чему напр. было говорить, что не составляетъ преступленія заключеніе въ видѣ наказанія, предписанное закономъ? Текстъ статьи показываетъ, что преступленіе существуетъ и тогда, когда заключеніе совершено лицомъ, облеченнымъ властью, и тогда, когда произведено частнымъ человѣкомъ. Первый случай мы разсматривали въ отдѣлѣ преступленій чиновниковъ при отправленіи должности; мы видѣли, что оно существуетъ только тогда, когда произведено съ злымъ умысломъ, безъ всякаго основанія. Въ этомъ случаѣ чиновникъ подвергается высшей мѣрѣ наказанія, постановленнаго за личное задержаніе. Если же онъ имѣлъ нѣкоторое основаніе, но поступилъ опрометчиво, то подвергается только дисциплинарнымъ взысканіямъ.

Всегда-ли будетъ преступленіемъ задержаніе, произведенное частнымъ лицомъ? Если я поймалъ вора въ своей квартирѣ, связываю его и запираю до прибытія полиціи, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что меня не могутъ подвергнуть наказанію за личное задержаніе. То же самое, если я задерживаю подозрительнаго человѣка въ своемъ домѣ. Хотя законъ ничего не говоритъ прямо объ этомъ, но такое заключеніе вытекаетъ изъ

природы вещей, изъ права необходимой обороны, распространяющагося не только на защиту себя самаго, но и другихъ людей.

Степени преступленія задержанія и заключенія зависятъ отъ количества времени, впродолженіе котораго лицо было лишено свободы. Законъ устанавливаетъ три степени: 1) когда задержаніе продолжалось не болѣе недѣли, 2) не болѣе трехъ мѣсяцевъ, 3) болѣе трехъ мѣсяцевъ; въ первомъ случаѣ наказаніе—тюрьма на 2—4 мѣсяца, во второмъ — заключеніе въ смирительномъ домѣ до 1$^1/_3$ года, въ третьемъ — ссылка въ Сибирь на житье. Наказанія эти возвышаются на одну степень, когда съ задержанными обращались оскорбительно (ст. 1541).

Но если лишеніе свободы сопровождалось истязаніями или мученіями, или если послѣдствіемъ его была тяжкая болѣзнь, то виновный, независимо отъ срока задержанія, подвергается высшей мѣрѣ наказаній, постановленныхъ за причиненіе истязаній и мученій, т. е. ссылкѣ, въ Сибирь на житье. Важно въ этомъ постановленіи то, что тяжкая болѣзнь заключеннаго, хотя бы и не произведена была непосредственно задержавшимъ, а была бы слѣдствіемъ страха, оскорбленія, вмѣняется ему какъ предумышленно произведенная (ст. 1542). Если же послѣдствіемъ заключенія была смерть заключеннаго, хотя бы также безъ непосредственнаго дѣйствія задержателя, то послѣдній подвергается наказанію, равному съ убійствомъ безъ обдуманнаго намѣренія, т. е. каторжной работѣ на 8—10 лѣтъ (ст. 1543).

Всѣ эти наказанія возвышаются тремя степенями, если задержанію подвергнуты были отецъ, мать, свекръ, свекровь, тесть, теща, и двумя степенями, когда задержанные были родственники и близкіе свойственники въ восходящей или нисходящей линіи, или начальникъ, господинъ, благодѣтель (ст. 1544).

Въ Улож., издан. 1857 г., ст. 2108 былъ опредѣленъ особый видъ задержанія, состоящій не въ секвестрованіи особы, а въ отнятіи способовъ передвиженія посредствомъ увода лошадей, порчи экипажей и тому под. способами. Такого рода удержанія отъ движенія, или, лучше сказать, затрудненіе его, очень часто можетъ имѣть весьма важныя послѣдствія, напр. если удержать противника по гражданскому процесу, такъ что чрезъ это онъ пропуститъ срокъ явки въ судебное засѣданіе, или срокъ апелляціи, или удержать лицъ противной партіи отъ бытія на выборахъ и т. д. Эта статья, имѣющая весьма важное практическое значеніе, выпущена въ новомъ изданіи Уложенія, и въ указателѣ значится вошедшей въ 142 ст. Мир. Уст., гдѣ говорится о самоуправствѣ вообще, и постановляется за него наказаніе арестъ до трехъ мѣсяцевъ. Безъ сомнѣнія, означенное дѣйствіе подходитъ подъ понятіе самоуправства, но оно составляетъ такой жизненный видъ самоуправства, что

самостоятельное его обозначеніе далеко не лишнее, тѣмъ болѣе, что по 2108 ст. было положено, сверхъ наказанія, и вознагражденіе за убытки.

Свобода составляетъ первое естественное и вмѣстѣ политическое право человѣка. Другое политическое и естественное право человѣка — на принадлежность къ извѣстной семьѣ. Съ этимъ связываются слѣдующія права: законное рожденіе даетъ право именоваться фамиліей отца; это право само по себѣ цѣнится много — незаконнорожденность составляетъ, по неизгладившимся еще предразсудкамъ, пятно; далѣе, фамильное имя можетъ имѣть даже высокую цѣну: оно часто, по нравамъ общества, составляетъ своего рода капиталъ; наконецъ, принадлежность къ семьѣ доставляетъ права наслѣдства; кромѣ всего этого, въ тѣхъ государствахъ, гдѣ существуютъ наслѣдственныя сословныя права, фактъ законнаго рожденія даетъ человѣку титулы, политическое положеніе, часто весьма много цѣнимое. Сообразно съ этимъ можетъ быть лишеніе человѣка всѣхъ правъ, даваемыхъ рожденіемъ, или только политическихъ, т. е. въ тѣсномъ смыслѣ правъ состоянія.

Лишеніе правъ состоянія можетъ быть произведено двумя способами: подмѣномъ или похищеніемъ младенцевъ и уничтоженіемъ или порчей документовъ. Послѣдній родъ лишенія правъ состоянія наказывается ссылкой въ Сибирь на поселеніе (ст. 1405, 1406). Первый родъ наказывается строже: „За похищеніе или подмѣнъ младенцевъ, съ намѣреніемъ скрыть ихъ настоящее происхожденіе или состояніе, виновные подвергаются каторжной работѣ на 4 — 6 лѣтъ." Причина большей строгости наказанія заключается въ томъ, что младенецъ лишается не только своихъ правъ состоянія, но и попеченій своихъ родителей, и, кромѣ того, при похищеніи поражается еще и третье лицо—родители. Потеря ребенка, неизвѣстность о его судьбѣ, можетъ повлечь, въ особенности для матери, разстройство на всю жизнь и даже смерть. Цѣль такого похищенія обыкновенно бываетъ—желаніе получить наслѣдство. Цѣль подмѣна младенцевъ большей частью бываетъ — желаніе кормилицы доставить своему ребенку блестящее положеніе.

Если подмѣнъ младенца былъ произведенъ съ согласія матери—фактъ чудовищный, но все-таки возможный—то и она подвергается наказанію, какъ сообщница, потому что ребенокъ имѣетъ права по рожденію, независимо отъ воли матери.

Ст. 1408: „За похищеніе младенца, къ какому бы состоянію онъ ни принадлежалъ, хотя и безъ намѣренія скрыть его настоящее происхожденіе, виновный подвергается ссылкѣ на житье въ Сибирь, или заключенію въ смирительный домъ до 2 лѣтъ, или заключенію въ тюрьмѣ отъ двухъ мѣсяцевъ до года и четырехъ мѣсяцевъ, смотря по продолжительности времени задержанія похищеннаго младенца и по другимъ об-

стоятельствамъ дѣла". Такого рода похищеніе можетъ быть съ цѣлью нанести скорбь родителямъ, вынудить у нихъ деньги за доставленіе ребенка, выдать ребенка на время за своего, напр. когда женщина надѣется получить отъ покинувшаго ея любовника деньги, представивши ему ребенка, котораго должна содержать. Въ прежнее время такого рода похищенія дѣлались, и иногда дѣлаются также и теперь, нищими, акробатами и т. под. людьми.

Очевидно, что 1408 ст. говоритъ о похищеніи младенцевъ на время. Но если похититель, напр. нищій, держитъ ребенка продолжительное время, нѣсколько лѣтъ, если онъ его выдаетъ за своего воспитанника, хотя и не скрываетъ его настоящей фамиліи и происхожденія, а увѣрилъ его, что родители его давно умерли, если все доказываетъ, что онъ желалъ навсегда лишить ихъ дитяти, то онъ дѣлаетъ нѣчто гораздо большее временнаго удержанія ребенка; тѣмъ не менѣе, такого рода фактъ нельзя подвести подъ 1407 ст., потому что въ ней предусмотрѣно только похищеніе съ цѣлью скрыть настоящее происхожденіе похищеннáго.

Другой видъ удержанія ребенка составляетъ принятіе заблудившагося дитяти безъ объявленія мѣстному начальству. Здѣсь также видно намѣреніе лишить родителей ребенка, но здѣсь не было похищенія: словомъ, между этимъ фактомъ и похищеніемъ ребенка такая же разница, какъ между кражей и находкой. Степени наказанія прямо соразмѣряются съ количествомъ времени удержанія заблудившагося дитяти: денежный штрафъ когда удержаніе продолжалось не болѣе недѣли, а если болѣе этого времени, то, сверхъ денежнаго взысканія, идетъ и заключеніе въ тюрьмѣ на 2—4 мѣсяца. „Когда же заблудившееся дитя было ему извѣстно, и онъ, однакожъ, не возвратилъ его родителямъ, или имѣющимъ о немъ попеченіе, а съ какимъ либо намѣреніемъ оставилъ у себя, то за сіе, смотря по цѣли, для коей учинено имъ сіе дѣяніе; онъ подвергается наказаніямъ, опредѣленныхъ въ 1405 или 1408 статьяхъ" (ст. 1409). Способъ—удержаніе заблудившагося, далеко не такой безнравственный, какъ похищеніе или уничтоженіе актовъ, а потому и должно было бы быть и различіе въ наказаніяхъ.

Преступленіе, предусмотрѣнное въ 1407—1409 статьяхъ можетъ быть произведено только относительно младенца или дитяти: въ 1407 и 1408 ст.—похищеніе *младенца*, въ 1409 ст. говорится объ удержаніи заблудившагося *дитяти*. Если ребенокъ могъ заблудиться, то онъ былъ въ состояніи свободно ходить слѣдовательно, не могъ быть менѣе полутора года. Но до какого возраста человѣкъ считается по Уложенію дитятей? Уложеніе называетъ дѣтьми не только тѣхъ, которые менѣе 7 лѣтъ, но и тѣхъ, которые не достигли десятилѣтняго возразста (ст. 94, 137). Законодатель не разрѣшаетъ этого вопроса, слѣдовательно, предостав-

ляетъ его на усмотрѣніе суда. Если дѣло идетъ о такомъ заблудившемся дитяти, которое легко можно присвоить себѣ, то едва ли его можно предположить болѣе 4 или 5 лѣтъ. По аналогіи съ 1513 и 1514 статьями можно положить, что и въ ст. 1409 идетъ вопросъ только о ребенкѣ, имѣющемъ или до трехъ, или можетъ быть и до 7 лѣтъ, но никакъ не старѣе послѣдняго возраста.

Что касается до слова „младенецъ", стоящаго въ 1408 ст., то въ Уложеніи мы нигдѣ не находимъ основанія для опредѣленія возраста такого дитяти. На обычномъ языкѣ младенцами называются преимущественно грудныя дѣти, но часто это названіе расширяется и до семилѣтняго возраста; на церковномъ языкѣ дѣти до семи лѣтъ называются младенцами. Эта неопредѣленность термина „младенецъ" очень важна. Въ 1407 ст. говорится о „похищеніи и подмѣнѣ младенца". Подмѣнить можно только новорожденнаго или груднаго; впрочемъ, если дитя со дня рожденія было отдано матерью на кормленіе внѣ дома, то возможенъ подмѣнъ до того времени, пока мать не ознакомится съ ребенкомъ, или ребенокъ не освоится съ своимъ настоящимъ положеніемъ. Похищеніе же возможно не только грудныхъ младенцевъ, но и дѣтей 2, 3, 4 и даже болѣе лѣтъ, пока ребенокъ еще не въ состояніи твердо помнить свое настоящее происхожденіе. Похищеніе дѣтей выше семи или десяти лѣтняго возраста возможно только въ формѣ *насильственнаго* задержанія или заключенія, что составляетъ самостоятельное преступленіе. Похищеніе младенцевъ и удержаніе заблудившихся дѣтей тѣмъ и отличается отъ преступленія лишенія свободы, что послѣднее не иначе можетъ быть, какъ насильственное („кто... самовольно или насильственно лишитъ кого либо свободы..." ст. 1540), а первое бываетъ безъ насилія, потому что прилагается къ существамъ, немогущимъ выразить и защитить своихъ правъ, даже незнающимъ ихъ.

Мы видѣли, что лишеніе правъ состоянія или званія какого либо лица можетъ быть произведено и черезъ уничтоженіе, похищеніе или порчу документовъ, утверждающихъ его гражданское положеніе. Наоборотъ, можно поддѣлкой бумагъ присвоить себѣ права состоянія или вообще какое либо званіе, которое дается только по закону за заслуги, или наслѣдуется рожденіемъ.

Присвоеніе себѣ или другому такимъ способомъ непринадлежащаго состоянія, званія, чина, титула, знака отличія, подвергается ссылкѣ въ Сибирь на житье (ст. 1412, 1414), что составляетъ только низшее изъ наказаній, положенныхъ за подлоги документовъ (ст. 294) Но если такой подлогъ соединяется съ присвоеніемъ имени и фамиліи другаго лица, за которое виновный выдавалъ себя, то наказаніе можетъ быть положено и высшее, смотря по обстоятельствамъ дѣла—ссылка на поселеніе, потому

что въ такомъ подлогѣ не только нарушаются права государства на раздачу привиллегій и титуловъ, но и права третьяго лица, т. е. того семейства, имя котораго было присвоено, чрезъ что въ права наслѣдства и другія родовыя входитъ новый незаконный членъ. Пользованіе правами по подложнымъ документамъ, „по примѣру отца или инаго старшаго въ родѣ“, подвергаетъ меньшему наказанію — заключенію въ смирительный домъ на срокъ до 1½ года (ст. 1413). Естественно, что трудно человѣку, рожденному въ извѣстномъ званіи и титулѣ, самому себя лишить положенія и почестей объявленіемъ о подлогѣ документовъ, составленныхъ его отцомъ. Безъ сомнѣнія, эта статья прилагается и къ тому случаю, когда кто пользовался завѣдомо фальшивыми документами, составленными не отцомъ или старшимъ въ родѣ, а напр. его воспитателемъ, матерью и т. под., словомъ, смыслъ ст. 1413 не можетъ быть иной, кромѣ того, что лицо, пользующееся фальшивыми документами, не участвовало въ ихъ составленіи, принимало съ рожденія свои права за несомнѣнныя, и только впослѣдствіи, когда на основаніи этихъ документовъ получило положеніе въ обществѣ, узнало о подлогѣ.

Кромѣ того, хотя законъ и говоритъ: по примѣру „старшаго въ родѣ“, исторія и жизнь показываетъ, что существуетъ предѣлъ, когда можно подымать дѣло о пользованіи фальшивыми документами. Если бы кто нибудь пользовался фальшивыми документами, составленными 300 лѣтъ тому назадъ, неужели и онъ подлежитъ наказанію, если, увидѣвши подлогъ, не заявилъ о томъ? Законъ не полагаетъ, одного, срока, далѣе котораго не можетъ быть вчинаемъ искъ о пользованіи подложными документами.

Другой видъ присвоенія правъ—безъ употребленія фальшивыхъ документовъ. Законъ обозначаетъ это незаконное пользованіе словами: „будетъ именоваться“. Между тѣмъ какъ необходимо было различить: будетъ-ли онъ именоваться на словахъ только, выдавая себя при личномъ знакомствѣ, или въ гостинницѣ графомъ, генераломъ и т. под., или дѣлаетъ это въ публичномъ или коммерческомъ актѣ, напр. въ прошеніи къ правительственному мѣсту, при выдачѣ векселя и т. д. Въ первомъ случаѣ видна только пустота, но во второмъ дерзость велика. Притомъ же и послѣдствія присвоенія въ этихъ формахъ неодинаковы. Обыкновенно присвоиваютъ себѣ титулъ, чинъ, орденъ для того, чтобы втереться въ тотъ кругъ, который закрытъ, получить кредитъ въ обществѣ, устроить себѣ выгодную женитьбу. Если этотъ обманъ выражается въ оффиціальномъ актѣ, то тогда онъ получаетъ гораздо болѣе довѣрія, нежели на словахъ. Въ нѣкоторыхъ странахъ ложное присвоеніе себѣ титула или званія въ книгахъ, содержимыхъ по распоряженію полиціи въ гостинницахъ, или на визитныхъ карточкахъ наказывается строго, тогда

какъ такое присвоеніе на словахъ, если оно не имѣло цѣлью способствовать мошенничеству, ненаказуемо. Мы полагаемъ, что слова: „будетъ именоваться" имѣютъ значеніе не въ отношеніи хвастовства и лжи на словахъ, но, по крайней мѣрѣ, въ письмахъ, на визитныхъ карточкахъ и т. под. Наказаніе за таковое самозванство или незаконное ношеніе ордена: въ первый разъ—денежный штрафъ до 200, во второй—до 500, а въ третій—къ этому присоединяется арестъ и, сверхъ того, *опубликованіе* въ вѣдомостяхъ обѣихъ столицъ и мѣстныхъ губернскихъ (ст. 1416, 1417).

Одинъ видъ самозванства, даже только на словахъ, наказывается каторжной работой на 4—6 лѣтъ: „Кто хотя безъ всякаго злоумышленія противъ Государя, Престола или государства, а токмо изъ видовъ корысти или иныхъ подобныхъ, дерзнетъ выдавать себя за одного изъ членовъ Царствующаго Дома, находящихся въ живыхъ или уже скончавшихся" (ст. 1415).

ГЛАВА XXII.

УБІЙСТВО.

Раздѣленіе преступленій противъ физическаго бытія человѣка. Убійство. Виды и степени его сообразно четыремъ условіямъ: степени воли, качества жертвы, средства и способа совершенія цѣли. Убійство предумышленное и безъ предумышленія. Темнота нашего закона (1455-й ст.) въ опредѣленіи умышленнаго убійства. Значеніе гнѣва и раздраженія. Убійство родителей. Убійство близкихъ родственниковъ и другихъ лицъ, къ которымъ убійца находился въ особенныхъ отношеніяхъ. Убійство матерью незаконнорожденнаго младенца. Условія для смягченія наказанія за такое убійство. Убійство урода; причины смягченія. Изгнаніе плода. Противорѣчіе въ статьяхъ 1461 и 1462 во взглядѣ на моментъ полнаго совершенія этого преступленія. Средства совершенія, усиливающія наказаніе за убійство- Убійство средствами не матеріальными и средствами отрицательными. Особенный способъ совершенія. Убійство безъ прямаго намѣренія, но съ знаніемъ послѣдствій. Побои, имѣвшіе. слѣдствіемъ убійство. Убійство въ дракѣ. Убійство ненамѣренное при совершеніи проступка. Убійсгво по неосторожности и случайное. Убійство при необходимой оборонѣ. Условія необходимой обороны и превышеніе ея. Убійство при исполненіи обязанностей. Самоубійство. Оставленіе въ опасности.

Уложеніе раздѣляетъ преступленія, направленныя противъ тѣла, противъ физическаго бытія человѣка, на двѣ главныя группы: во первыхъ лишеніе жизни, во-вторыхъ всѣ другія нарушенія неприкосновенности тѣла, т. е. увѣчье, нанесеніе ранъ, нанесеніе вреда здоровью какими либо внутренними средствами, побои. Одинъ видъ побоевъ, именно — тяжкіе, но не подвергающіе жизнь опасности, отнесенъ къ усиленнымъ личнымъ оскорбленіямъ, а легкія побои — къ обыкновеннымъ оскорбленіямъ.

Лишеніе жизни Уложеніе называетъ безразлично убійствомъ и смертоубійствомъ. Первое выраженіе вполнѣ соотвѣтствуетъ употребленію въ теперешнемъ разговорномъ языкѣ. Но въ старое время слово „убить" означало то же, что поразить, такъ что лишеніе жизни обозначалось выраженіемъ: убить до смерти. Отсюда въ Уложеніи безразличное употребленіе двухъ выраженій: убійство и смертоубійство. Преступленіе убійства самое важное изъ всѣхъ общихъ, потому что жизнь есть величайшее благо; съ лишеніемъ ея человѣкъ теряетъ всѣ другія земныя блага. Оттого во всѣ времена это преступленіе стояло на первомъ планѣ; оно основное въ уголовныхъ кодексахъ; наказанія за другія преступленія соразмѣряются съ тѣми, которыя установлены за убійство.

Лишеніе жизни по существу своему есть преступленіе, недопускающее количественнаго дѣленія; оно въ этомъ смыслѣ недобримо. Степени важности этого преступленія зависятъ отъ слѣдующихъ элементовъ: 1) воли, т. е. степени ея развитія; 2) отъ качества лица убитаго, изъ абсолютнаго, или относительнаго, т. е. происходящаго отъ связей, соединявшихъ его съ убійцей; 3) отъ средствъ и способовъ совершенія преступленія; 4) отъ цѣли.

Степени воли во всѣхъ преступленіяхъ имѣютъ значеніе (ст. 105—110), но нигдѣ это значеніе не выражается такъ сильно и рельефно, какъ въ преступленіи убійства.

Высшая степень воли—намѣреніе, заранѣе обдуманное, на основаніи 105 ст., ведетъ къ высшей мѣрѣ наказанія, за преступленіе положеннаго. Но въ убійствѣ эта высшая степень воли, называемая законодателемъ, то „предумышленіемъ", „предумышленнымъ убійствомъ", то убійствомъ „съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ или умысломъ", ведетъ къ возвышенію наказанія въ степени. Впрочемъ, предумышленіе въ убійствѣ все таки не имѣетъ по нашему закону того значенія, которое ему придано въ другихъ иностранныхъ кодексахъ, напр. во французскомъ. Такъ убійство съ предумышленіемъ наказывается смертной казнью, а безъ предумышленія — вѣчной каторжной работой. Такъ какъ между этими двумя наказаніями различіе не количественное, а качественное — дѣло идетъ о жизни человѣка, то вопросъ о предумышленіи въ убійствѣ имѣетъ на западѣ чрезвычайное практическое значеніе; на юридическомъ языкѣ существуютъ даже особенные термины для двухъ видовъ убійства: assassinat — убійство съ предумышленіемъ, meurtre — безъ предумышленія.

Для бытія убійства „съ предумышленіемъ" или „обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ", какъ показываетъ буквальный смыслъ этихъ терминовъ, необходимо, чтобы намѣреніе убить родилось не предъ самымъ исполненіемъ преступленія, а за нѣсколько времени. Такъ, если человѣкъ, не-

имѣвшій съ другимъ прежней вражды, послѣ горячей ссоры схватываетъ со стола ножъ и поражаетъ его, если человѣкъ, пришедшій въ лавку покупать, видитъ при расчетѣ, что въ ящикѣ лежитъ много денегъ, схватываетъ за горло хозяина и задушаетъ его для грабежа, если извощикъ, замѣчая, что сѣдокъ пьянъ и видно при деньгахъ, внезапно убиваетъ его, — во всѣхъ этихъ случаяхъ есть умышленное убійство, но нѣтъ предумышленія, заранѣе обдуманнаго намѣренія. Но какой интервалъ необходимъ между намѣреніемъ и исполненіемъ, чтобы признать первое заранѣе обдуманнымъ? Это вопросъ факта, который въ каждомъ случаѣ разрѣшается сообразно его природѣ, и всѣ попытки положить опредѣленное количество времени—чистая схоластика. Если человѣкъ убилъ другого на другой день послѣ полученія обиды, и здѣсь нельзя сказать, безусловно, что онъ дѣйствовалъ съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ. Обида можетъ быть такъ велика, что человѣкъ не спалъ всю ночь, что онъ и въ теченіе сутокъ не могъ придти въ себя. Всякій разъ, когда интервалъ, раздѣляющіе намѣреніе убить отъ его исполненія, достаточно великъ для того, чтобы пришло размышленіе,—должно предполагать предумышленіе; вообще, такое предположеніе необходимо должно сообразоваться и измѣняться съ фактами; только старательно изучая ихъ, судья можетъ распознать признаки и дѣйствія, обнаруживающіе обдуманное дѣяніе, опредѣлить тотъ моментъ, когда воля, лишившись характера внезапности, остановилась твердо на намѣреніи, наконецъ выискать изъ массы обстоятельствъ тѣ, которыя характеризуютъ промышленіе. Коль скоро найдены будутъ матеріальные признаки приготовленія къ убійству, напр. будетъ доказано, что преступникъ за нѣсколько дней до убійства купилъ пистолетъ, то это составляетъ лучшее доказательство предумышленія, хотя все-таки несовершенное: преступникъ могъ запастись пистолетомъ только для угрозы, чтобы лучше совершить ограбленіе но въ минуту совершенія грабежа, встрѣтивъ сопротивленіе, убиваетъ. Другой вопросъ: предумышленіе главнаго виновника влечетъ ли за собою непремѣнно предумышленіе и сообщниковъ? Предумышленіе не составляетъ матеріальной части преступленія — это свойство воли, слѣдственно чисто субъективное начало, а потому вопросъ о немъ долженъ быть разрѣшенъ порознь для каждаго изъ обвиняемыхъ въ одномъ и томъ же преступленіи.

Основныя статьи въ преступленіи убійства — 1454 и 1455, впрочемъ только первыя ихъ части; въ нихъ разсматривается убійство съ предумышленіемъ и просто намѣренное, безъ другихъ отягчающихъ обстоятельствъ, заключающихся въ качествѣ жертвы, способѣ совершенія и пр. За убійство съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ полагается каторжная работа на 12 — 15 лѣтъ. Второй родъ убійства изложенъ весьма

неточно въ 1455 ст.: „Кто учинитъ убійство, хотя и безъ обдуманнаго заранѣе намѣренія или умысла, въ запальчивости или раздраженіи, но однакожъ и не случайно, а зная, что онъ посягаетъ на жизнь другаго, тотъ приговаривается къ каторжной работѣ на 10 – 12 лѣтъ.“

Послѣ обдуманнаго заранѣе намѣренія естественно слѣдуетъ простой умыселъ. Убійство же въ состояніи гнѣва и раздраженія должно занимать третье мѣсто, въ томъ, конечно, случаѣ, когда это раздраженіе имѣло справедливое основаніе, т. е. было вызвано обидой. Такъ и 134 ст. Улож. въ числѣ уменьшающихъ вину обстоятельствъ, послѣдствіемъ которыхъ является уменьшеніе наказанія не только въ мѣрѣ, но и на одну и даже на двѣ степени, ставитъ состояніе гнѣва и раздраженія, вслѣдствіе обидъ и притѣсненій. Между тѣмъ, въ 1455 ст. убійство „въ запальчивости или раздраженіи“ поставлено наравнѣ съ состояніемъ холоднаго умысла. Умыселъ безъ обдуманнаго намѣренія существенно отличается отъ запальчивости; это просто внезапное побужденіе; такъ что нельзя принять выраженіе „запальчивость и раздраженіе,“ какъ разъясненіе отрицательнаго опредѣленія убійства безъ обдуманнаго заранѣе намѣренія. Но въ такомъ случаѣ выходило бы, что ст. 1455 предусматриваетъ только убійство въ запальчивости, а убійство съ холоднымъ умысломъ, хотя и безъ предумышленія, вовсе не предусмотрѣно закономъ. Такой пропускъ немыслимъ. Въ проектѣ Уложенія сказано: „При изложеніи правилъ о наказаніи за всѣ другіе виды (т. е. кромѣ отцеубійства) умышленнаго убійства мы принимали основаніемъ постановленія общей части проэкта о мѣрѣ наказаній по мѣрѣ умышленности въ преступленіи. Злодѣй, который, имѣя намѣреніе совершить убійство, прежде исполненія онаго придумывалъ и приготовлялъ всѣ нужныя для того средства, избиралъ мѣсто и время, или же ожидалъ удобнаго къ тому случая, безъ сомнѣнія ожесточеннѣе и виновнѣе того, который совершаетъ убійство внезапно по первому на оное побужденію, можетъ быть нерѣдко и потому, что увлекаемый преступнымъ порывомъ страсти, овладѣвшей слабою душею его, онъ не успѣлъ почувствовать гнусности своего намѣренія и, такъ сказать, прислушаться къ гласу своей совѣсти. Посему мы вездѣ, и особенно въ статьяхъ объ убійствѣ, различаемъ преступленіе, совершенное съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ или умысломъ отъ тѣхъ, которыя учинены хотя и умышленно, но безъ обдуманнаго заранѣе намѣренія и за сіи послѣднія полагаемъ наказанія менѣе строгія.“ Вслѣдъ за тѣмъ къ объясненію на 1860 ст., по изданію 1866 года—1455-ю, сказано: „Въ сей статьѣ говорится объ умышленномъ, но не предумышленномъ убійствѣ, то есть совершенномъ безъ обдуманнаго заранѣе намѣренія.“ Изъ соображенія всего приведеннаго несомнѣнно слѣдуетъ, что въ ст. 1455 законодатель хотѣлъ опредѣлить

убійство умышленное; но не предумышленное, и выраженіе „въ запальчивости или раздраженіи" поставилъ только какъ примѣръ, но не какъ нѣчто, такое, что исчерпываетъ понятіе объ умышленномъ убійствѣ.

И такъ, 1455 ст. редактирована весьма обширно. Этого мало. Изъ нея оказывается, что запальчивость и раздраженіе сравнены съ холоднымъ умысломъ. Это, какъ мы уже указали, противорѣчитъ общему началу, выраженному въ ст. 134, гдѣ запальчивость и раздраженіе рѣзко отличены отъ холоднаго умысла, когда происходятъ отъ обидъ, такъ что, для соглашенія 1455 ст. съ 134-ою, надобно предположить, что въ первой (т. е. 1455-ой) говорится о раздраженіи, происшедшемъ не вслѣдствіе оскорбленія, а просто по пылкости характера, а если доказано было, что раздраженіе произошло вслѣдствіе оскорбленій, тогда наказаніе, положенное въ 1455 ст., слѣдуетъ смягчить на основаніи ст. 134-ой. Но можно дать и такое толкованіе, что законодатель въ постановленіи объ убійствѣ отступилъ отъ буквы 134-ой статьи; что онъ хотѣлъ подвести подъ одну рубрику всякаго рода раздраженіе, какъ то которое происходитъ отъ невоздержности характера, такъ и то, которое бываетъ слѣдствіемъ оскорбленій.

Мы видѣли, что по 134 ст. слѣдуетъ смягченіе наказанія, если преступленіе совершено вслѣдствіе раздраженія отъ полученныхъ обидъ. Въ буйствѣ и въ тѣлесныхъ поврежденіяхъ такого рода раздраженію необходимо дать болѣе широкое значеніе. Французскій кодексъ считаетъ *извиняемымъ* (excusable) убійство въ раздраженіи въ двухъ случаяхъ: когда мужъ засталъ жену на мѣстѣ прелюбодѣянія и убилъ ее и ея любовника тутъ же, и когда убійство послѣдовало непосредственно по полученіи тяжкихъ обидъ или побоевъ. Наказаніе существуетъ, но чрезвычайно уменьшенное, именно—заключеніе въ тюрьму на нѣсколько лѣтъ. Конечно, нашъ національный темпераментъ не такъ пылокъ, какъ французскій, поэтому нельзя у насъ давать такое значеніе убійству въ приведенныхъ случаяхъ, какое дано французскимъ законодателемъ. Но тѣмъ не менѣе, при всякомъ національномъ характерѣ, убійство вслѣдствіе справедливаго раздраженія неизмѣримо отличается отъ хладнокровно-умышленнаго. Человѣкъ, которому публично даютъ пощечину, или который застаетъ жену на измѣнѣ, естественно можетъ потерять разсудокъ: кровь приливаетъ, голова кружится, оскорбленный наноситъ смертельный ударъ, хотя и съ сознаніемъ, но внѣ себя; но какъ только жертва падаетъ, съ тѣмъ вмѣстѣ какъ *бы* срывается завѣса съ глазъ преступника; онъ по большей части нѣмѣетъ, съ ужасомъ смотритъ на свое дѣло. Нельзя не видѣть чрезвычайной разницы между такимъ убійствомъ и убійствомъ хладнокровнымъ. Наша практика показываетъ случаи, ког-

да по Высочайшей милости такого рода убійцы въ минуту полученія оскорбленія освобождались отъ уголовнаго наказанія.

Эти недоразумѣнія прекращены закономъ 3 апрѣля 1871 года статья 1455 получила слѣдующую редакцію: „За убійство *умышленное*, но безъ обдуманнаго заранѣе намѣренія виновные подвергаются: лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу въ рудникахъ на время отъ 15—20 лѣтъ, если убійство сопровождалось особенными, увеличивающими вину обстоятельствами, которыя означены въ предшедшихъ 1452 и 1453 статьяхъ.

„Если убійство учинено, хотя не случайно, но въ запальчивости или раздраженіи и особенно, когда раздраженіе вызвано было насильственными дѣйствіями или тяжкимъ оскорбленіемъ со стороны убитаго, виновный, по усмотрѣнію суда, подвергается: лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ или на заводахъ, или же ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе". За тѣмъ слѣдуетъ постановленіе о повышеніи наказанія за этотъ видъ убійства на одну степень въ томъ случаѣ, когда жертвою были лица, стоявшія къ убійцѣ въ особенныхъ отношеніяхъ.

Такимъ образомъ новымъ закономъ разграничены три вида убійства, сообразно тремъ видамъ преступной воли: съ обдуманнымъ намѣреніемъ, просто умышленное, въ раздраженіи. Замѣтимъ, что хотя состоянію раздраженія, происшедшему отъ тяжкихъ оскорбленій, и дано предпочтеніе предъ простымъ раздраженіемъ, но неопредѣленное („въ особенности когда раздраженіе вызвано было насильственными дѣйствіями или тяжкимъ оскорбленіемъ"), — тогда какъ таковому состоянію надобно было дать положеніе болѣе опредѣленное и менѣе наказуемое.

Новымъ закономъ произведено и важное измѣненіе въ наказаніяхъ за убійство; а именно наказанія значительно повышены: за убійство съ обдуманными заранѣе намѣреніемъ положена каторжная работа отъ 15 до 20 лѣтъ, безъ обдуманнаго намѣренія отъ 12 до 15 лѣтъ; такое же положеніе наказанія произведено и въ другихъ видахъ убійства, кромѣ тѣхъ, за которыя постановлена въ Уложеніи безсрочная каторжная работа. Повышеніе это требовалось гармоніей уголовнаго закона и чувствами справедливости.

Новый законъ заключаетъ еще одно нововведенія. Мы видѣли, что въ Уложеніи нерѣдко постанавливается два или даже и болѣе наказанія за одинъ и тотъ же видъ преступленія, причемъ просто исчисляются послѣдовательно эти наказанія. Выборъ изъ нихъ въ каждомъ данномъ случаѣ долженъ быть производимъ на основаніи началъ, изложенныхъ въ 149 ст. Между тѣмъ по новому закону объ убійствѣ, какъ мы видѣли, полагается за убійство въ раздраженіи или каторжная работа въ крѣпостяхъ, или на заводахъ, или ссылка на поселеніе, при чемъ сказано,

что выборъ производится „по усмотрѣнію суда“ безъ указанія на 149 ст.

Качество жертвы имѣетъ великое значеніе въ преступленіи убійства. На первомъ планѣ стоятъ родители. Этого рода убійство въ романскихъ языкахъ имѣетъ особенное слово, производное отъ латинскаго „parricidium“—у насъ „отцеубійство“. У всѣхъ народовъ и во всѣ эпохи это преступленіе разсматривалось какъ нарушеніе всѣхъ законовъ божескихъ и человѣческихъ. Въ древней Россіи отцеубійцъ топили въ мѣшкѣ, въ который клали кошку, змѣю и собаку, какъ для усиленія мученій, такъ и для показанія, что преступникъ оскорбилъ всю природу. Впослѣдствіи, по законамъ Петра Вел. была положена квалифицированная смертная казнь. Въ проектѣ Уложенія за отцеубійство положена была смертная казнь, что однако не было принято. Ст. 1449 опредѣляетъ за убійство отца или матери каторжную работу безъ срока, даже и тогда, когда это преступленіе не было предумышленнымъ. Притомъ отцеубійцы никогда не переводятся въ разрядъ исправляющихся, и даже, когда отъ дряхлости сдѣлаются неспособными къ работѣ, то содержатся въ острогѣ. При совершеніи казни надъ отцеубійцами употребляется особый обрядъ.

Мы имѣли случай нѣсколько разъ говорить, что подъ отцемъ и матерью слѣдуетъ разумѣть вообще только законныхъ родителей. Но въ преступленіи убійства, по крайней мѣрѣ, незаконная мать должна быть сравнена съ законной на томъ основаніи, что она извѣстна, и притомъ убійство незаконныхъ дѣтей разсматривается наравнѣ съ убійствомъ законныхъ, кромѣ одного точно опредѣленнаго случая.

Вторая категорія лицъ: мужъ или жена, сынъ или дочь, родные дѣдъ или бабка, внукъ, внука, и вообще родственники по прямой восходящей или нисходящей линіи, родные братья и сестры, дяди и тетки, начальникъ, господинъ, члены его семейства, вмѣстѣ съ нимъ живущіе, хозяинъ или мастеръ, благодѣтель. За такое убійство, когда оно совершено съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ, слѣдуетъ безсрочная каторжная работа, а если безъ предумышленія, то одной степенью выше (ст. 1455, ч. 2) сравнительно съ таковымъ же убійствомъ постороннихъ.

При этомъ замѣтимъ слѣдующее: всѣ родственныя отношенія въ убійствѣ обоюдно имѣютъ одинаковое значеніе, кромѣ одного вида: убійство дяди и тетки наказывается усиленно, а убійство племянника или племянницы составляетъ обыкновенное убійство. По древнему русскому праву убійство мужемъ жены или родителями дѣтей считалось маловажнымъ преступленіемъ; но теперь законъ совершенно сравниваетъ въ этомъ отношеніи мужа съ женою, и почти сравниваетъ родителей съ дѣтьми.

Третью категорію занимаетъ беременная женщина: убійство ея съ предумышленіемъ наказывалось степенью выше (ст. 1452), а по новому закону или степенью выше, т. е. бесрочной каторжной работой, или безъ увеличенія. Но при убійствѣ безъ предумышленія нѣтъ повышенія наказанія по Уложенію; по новому закону можетъ быть и здѣсь увеличено наказанія на одну степень по усмотрѣнію суда. Въ проектѣ это постановленіе объясняется тѣмъ, что „въ семъ случаѣ совершаются нѣкоторымъ образомъ два убійства вдругъ". Этотъ мотивъ можно было бы допустить только въ такомъ случаѣ, когда бы существовало постановленіе объ усиленномъ наказаніи за одновременное убійство двухъ лицъ,—чего, однако, нѣтъ. Настоящую причину надобно искать въ томъ естественномъ чувствѣ, которое возбуждаетъ беременная женщина, такъ что въ убійствѣ ея видно болѣе жестокости, чѣмъ въ обыкновенномъ. Само собою разумѣется, что обстоятельство беременности тогда только можетъ служить отягченіемъ вины, когда оно было или могло быть извѣстно виновному.

Мы видѣли, что убійство дѣтей наказывается усиленнымъ образомъ. Изъ этого законодатель дѣлаетъ одно исключеніе: убійство матерью незаконнорожденнаго ребенка, при совокупности разныхъ обстоятельствъ, наказывается, наоборотъ, гораздо слабѣе, чѣмъ убійство посторонняго.

Въ этомъ случаѣ нашъ законодатель разнится отъ многихъ западныхъ кодексовъ. По французскому напр. убійство новорожденнаго ребенка наказывается смертной казнью даже и тогда, когда не было предумышленія. Строгость этого постановленія объясняютъ тѣмъ, что ребенокъ въ первое время по рожденіи такъ слабъ, что жизнь его совершенно находится въ рукахъ матери, отчего законъ долженъ его строже охранять. Оттого тамъ и существуетъ особенный терминъ—infanticide.

Смягченіе наказанія за дѣтоубійство полагается Уложеніемъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ: „Когда убійство незаконнорожденныхъ сына или дочери совершено матерью отъ стыда или страха, при самомъ рожденіи младенца, если, однакожъ, при семъ не будетъ доказано, что она была уже прежде виновна въ томъ же преступленіи." Такимъ образомъ, смягченіе зависитъ отъ совокупности пяти условій. Во 1-хъ убитый долженъ быть незаконнорожденный; убійство законнорожденнаго ребенка составляетъ убійство съ отягчающими обстоятельствами, наказываемое безсрочной каторжной работой. Это постановленіе совершенно противоположно древнему русскому праву: по Уложенію царя Алексѣя Михайловича мать за убійство незаконнорожденнаго ребенка подвергалась смертной казни, а за убійство законнорожденнаго—годичному заключенію въ тюрьмѣ. Во 2-хъ, убійцей должна быть мать; если бы убійство сосовершено было отцомъ или постороннимъ, то нѣтъ смягченія. Въ 3-хъ,

убійство должно имѣть мотивомъ стыдъ или страхъ. По существующимъ понятіямъ общества незаконный ребенокъ для незамужней служитъ предметомъ стыда и укора, для замужней, сверхъ того, ведетъ къ разстройству семейной жизни. Но, разумѣется, это не всегда бываетъ; стыдъ и страхъ должны быть доказаны; иногда развратная женщина убиваетъ ребенка, чтобы освободить себя отъ тягостей содержанія его. Если прежняя жизнь женщины была безнравственная, то странно было бы предполагать, что мотивомъ убійства былъ стыдъ. Уложеніе обозначаетъ въ числѣ мотивовъ, кромѣ стыда, страхъ: этимъ указывается на положеніе дѣвицы, при строгой родительской власти, когда обнаруженіе ея слабости повлечетъ для нея рядъ проклятій и терзаній. Въ проектѣ Уложенія сказано: „Положеніе виновной въ томъ (т. е. въ убійствѣ незаконнорожденнаго ребенка) женщины есть необыкновенное и часто она, терзаема стыдомъ, страхомъ, угрызеніями совѣсти и изнуренная тѣлесными страданіями, почти лишается разсудка, слѣдственно, покушается на ужасное преступленіе безъ яснаго объ ономъ передъ самой собою сознанія.“ Замѣчаніе вѣрное; но оно во всей полнотѣ можетъ относиться только къ дѣтоубійству безъ предумышленія. Въ 4-хъ, убійство должно быть совершено „при самомъ рожденіи младенца.“ Этими словами довольно точно опредѣляется возрастъ ребенка; если мать убьетъ его на другой день, то это будетъ убійство безъ смягченія. Но на сколько часовъ продолжается эпоха „при самомъ рожденіи“? Вышеприведенный мотивъ проекта Уложенія даетъ объясненіе; въ немъ говорится о чрезвычайномъ состояніи матери, не только вслѣдствіе моральныхъ причинъ, но и физическихъ страданій, затемняющихъ разсудокъ. Очевидно, это относится только къ самому близкому времени отъ момента разрѣшенія; выраженіе Уложенія „при самомъ рожденіи младенца“ еще болѣе стѣсняетъ этотъ періодъ.—Наконецъ 5-ое условіе: „если однакожъ при семъ не будетъ доказано, что она была уже прежде виновна въ томъ же преступленіи.“ Здѣсь не сказано: наказана за таковое же преступленіе, а: виновна въ томъ же преступленіи. Слѣдовательно, еслибы первое дѣтоубійство было обнаружено только при судѣ о второмъ, то второе не будетъ пользоваться смягченіемъ. Принципъ этотъ справедливъ. Если женщина однажды имѣла незаконнаго ребенка,то нѣтъ никакаго основанія предполагать у ней того страха и волненія, того опасенія стыда, какъ у рождающей въ первый разъ. Для дѣвушки важенъ первый шагъ, первая ошибка и ея послѣдствія; только въ этомъ случаѣ снисхожденіе закона какъ нельзя болѣе справедливо. Но если она, послѣ первыхъ незаконныхъ родовъ, вступаетъ вновь въ любовнуюсвязь, она знаетъ хорошо всѣ послѣдствія.

За дѣтоубійство при исчисленныхъ условіяхъ полагается наказаніе,

если оно было предумышленное, тремя степенями ниже того, которое слѣдуетъ за убійство дѣтей безъ этихъ условій, т. е. каторжная работа на 10—12 лѣтъ, а если безъ предумышленія, то наказаніе смягчается даже на пять степеней сравнительно съ непредумышленнымъ убійствомъ дѣтей безъ означенныхъ условій, т. е. полагается ссылка въ Сибирь на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ. При послѣднемъ родѣ дѣтоубійства (т. е. безъ предумышленія) законодатель, сверхъ исчисленныхъ выше условій, полагаетъ еще два: чтобы виновная была незамужняя, и чтобы она разрѣшилась въ первый разъ. Но эти условія выставлены не какъ непремѣнныя: „когда же дѣтоубійство сего рода было непредумышленное, виновная въ ономъ женщина, *особенно* если она незамужняя и разрѣшилась отъ бремени въ первый разъ, подвергается только ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ."

Можно ли заключить изъ текста приведеннаго постановленія, что убійство незаконорожденнаго безъ предумышленія во всякомъ случаѣ подвергается только ссылкѣ на поселеніе, хотя бы и не сопровождалось тѣми обстоятельствами, которыя приведены при таковомъ убійствѣ съ предумышленіемъ? Отвѣтъ нашъ отрицательный: во первыхъ потому, что это постановленіе не только не составляетъ особой статьи, но даже и особой части 1451 статьи, слѣдовательно, къ нему относятся всѣ тѣ условія, которыя обозначены при дѣтоубійствѣ съ предумышленіемъ. Мало того, это постановленіе начинается выраженіемъ: „когда же дѣтоубійство *сего рода*....", — чѣмъ положительно описываются всѣ условія дѣтоубійства, обозначенныя пер(дъ этими словами.

Въ преступленіи убійства новорожденныхъ дѣтей нельзя не видѣть важнаго обстоятельства: дѣти эти еще не могли сдѣлаться предметомъ любви; они еще не входили въ отношенія съ окружающимъ міромъ; наконецъ, вспомнимъ, что у всѣхъ почти народовъ, въ первомъ періодѣ ихъ жизни, отецъ имѣлъ право оставить жизнь или выбросить новорожденнаго, и только когда онъ оставлялъ ему жизнь, когда ребенокъ принялъ пищу, тогда убійство его считалось преступленіемъ. Христіанство и цивилизація мало по малу уничтожили такое понятіе; но все-таки остается хотя слабая черта отличія убійства новорожденнаго ребенка отъ того, который вошелъ въ общество. Какъ ни мала эта разница, она все-таки условливаетъ нѣкоторое различіе и въ степени безнравственности.

Новая судебная практика показываетъ, что присяжные очень рѣдко произносятъ обвинительный приговоръ по дѣламъ объ убійствѣ новорожденныхъ незаконныхъ дѣтей въ особенности молодыми дѣвицами.

Убійство новорожденнаго урода разсматривается закономъ совершенно иначе, чѣмъ убійство нормальнаго человѣка: „Кто, въ случаѣ, когда ка-

кою либо женщиною будетъ рожденъ младенецъ чудовищнаго вида или даже неимѣющій человѣческаго образа, вмѣсто того, чтобы донести о семъ надлежащему начальству, лишитъ сего урода жизни, тотъ за сіе, по невѣжеству или суевѣрію, посягательство на жизнь существа, рожденнаго отъ человѣка и, слѣдственно, имѣющаго человѣческую душу, приговаривается—къ ссылкѣ на житье въ Сибирь." (ст. 1469).

Для разъясненія этой стати необходимо обратить вниманіе на выраженія: „уродъ", „по невѣжеству и суевѣрію", „донести начальству".

Мы упоминали о правѣ отца на жизнь новорожденнаго, существовавшемъ почти у всѣхъ народовъ въ первую эпоху ихъ исторіи. Дѣти съ тѣлесными недостатками, а тѣмъ болѣе уроды, умерщвлялись даже по закону въ нѣкоторыхъ республикахъ Греціи. Въ старой Россіи обыкновенно уродовъ бросали въ воду. Петръ Вел., учредивши кунсткамеру, издалъ указъ, въ которомъ говоритъ, что въ народѣ существуетъ обычай умерщвлять и бросать уродовъ, какъ произведеніе дьявола; онъ опровергаетъ это мнѣніе и приказываетъ уродовъ сохранять въ спиртѣ и представлять чрезъ начальство въ кунсткамеру, обѣщая за рѣдкіе экземпляры денежное вознагражденіе. Этимъ указомъ объясняются выраженія 1469 ст. „вмѣсто того, чтобы донести начальству", „по невѣжеству или суевѣрію", и ея критическая часть... „существа, рожденнаго отъ человѣка и, слѣдственно, имѣющаго человѣческую душу".

Существо, о которомъ говорится въ 1469 ст., должно быть не съ какими либо физическими недостатками или уродствами нечрезвычайными, напр. безъ одной руки, слѣпой, и. т. под., а „чудовищнаго вида„. Древніе юристы различала два рода уродовъ: тѣ, которые имѣютъ человѣческій видъ, но съ тяжкими недостатками, и тѣ, которые на половину люди, на половину звѣри. Послѣдній видъ существовалъ только въ воображеніи. Такъ что теперь подъ словомъ „чудовище" надобно разумѣть младенца, напр. съ двумя головами, т. е. два существа сросшіяся, изъ которыхъ одно недоразвито. Такого рода чудовища обыкновенно не могутъ жить болѣе одного или нѣсколькихъ дней. Во всякомъ случаѣ, различіе между уродствомъ нечрезвычайнымъ и чрезвычайнымъ. „чудовищнаго вида," не можетъ быть опредѣлено закономъ. Не говоря о народномъ суевѣрномъ воззрѣніи на такихъ уродовъ, то обстоятельство, что они не могутъ жить, что они естественно внушаютъ родителямъ не любовь, а ужасъ, достаточно объясняетъ важное измѣненіе наказанія. Но если такой уродъ будетъ лишенъ жизни не по невѣжеству или суевѣрію, а просто отъ ужаса, стыда имѣть такого ребенка, отъ страха содержать чудовище, то подойдетъ ли такого рода убійство подъ 1469 ст.? Мы полагаемъ—вполнѣ подойдетъ, потому что выраженія „по невѣжеству или суевѣрію" стоятъ

не какъ необходимое условіе, а только какъ украшеніе; законодатель не сказалъ: „если сіе учинено по невѣжеству или суевѣрію".

Убійство, какъ мы говорили, предполагаетъ для своего бытія объектъ—живаго человѣка. Поэтому истребленіе эмбріона, очевидно, выходитъ изъ предѣловъ этого преступленія. Тѣмъ не менѣе и римское и церковное право разсматривали это преступленіе наравнѣ съ убійствомъ дѣйствительнаго человѣка. Средневѣковые богословы, впрочемъ, раздѣляли въ этомъ случаѣ изгнаніе плода въ томъ періодѣ, когда, по ихъ мнѣнію, онъ имѣлъ уже душу, отъ того, когда не имѣлъ ея; періодъ этотъ опредѣлялся большей частью 40 дневнымъ развитіемъ. Нашъ Сводъ также смотрѣлъ на изгнаніе плода, какъ на умышленное смертоубійство, притомъ еще какъ высшаго разряда. Уложеніе отступило отъ этой системы по примѣру лучшихъ иностранныхъ кодексовъ. Въ проектѣ весьма вѣрно сказано объ изгнаніи плода (avortio): „Сіе преступленіе считается менѣе важнымъ, оттого что младенецъ, находящійся въ утробѣ матери, какъ будто не существуетъ, что онъ не могъ ни самъ имѣть привязанности къ жизни, ни быть предметомъ привязанности и нѣжности другихъ, что не желать его рожденія кажется многимъ, хотя и неосновательно, почти тѣмъ же, что не желать вообще имѣть дѣтей, и что о выкинутомъ случайно ребенкѣ самые нѣжные родители жалѣютъ не столько, какъ о умершемъ послѣ рожденія. Сверхъ того, къ изгнанію плода побуждаются обыкновенно желаніемъ скрыть слабость незаконно зачавшей его женщины, спасти ее отъ безчестья и всеобщаго презрѣнія, что, конечно, не измѣняетъ свойства преступленія, но можетъ быть поводомъ къ нѣкоторому снисхожденію." Ни въ какомъ случаѣ нельзя сравнить убійства новорожденнаго съ истребленіемъ плода. Плодъ составляетъ часть женщины; онъ еще не человѣкъ, не имѣетъ отдѣльнаго бытія; это человѣкъ только въ возможности: плодъ можетъ разрѣшиться мертворожденнымъ, можетъ произойти выкидышъ. Считать поэтому плодъ наравнѣ съ человѣкомъ, возможность наравнѣ съ дѣйствительностью, было бы несправедливо. Мать, убивающая новорожденнаго, совершаетъ дѣйствительное убійство; женщина, вытравляющая плодъ, можетъ иногда даже руководствоваться чувствомъ самосохраненія, напр. когда, при дурномъ сложеніи, рожденіе ребенка грозитъ ей величайшими страданіями и смертью. Поэтому Уложеніе, различивши изгнаніе плода отъ убійства, поступило вполнѣ согласно съ природой вещей.

Нельзя отрицать, что старинное различіе степени виновности, смотря по возрасту плода, имѣетъ нѣкоторое основаніе: чѣмъ ближе плодъ къ эпохѣ разрѣшенія, тѣмъ ближе истребленіе его подходитъ къ убійству; плодъ, который началъ движеніе въ утробѣ матери, подалъ знакъ жизни, имѣетъ болѣе права на сохраненіе своего бытія, чѣмъ плодъ еще

безжизненный. Но Уложеніе не ввело этого различія, впрочемъ, трудно констатируемаго. Но другое различіе: умерщвленъ ли былъ плодъ незаконный или законный?—имѣетъ положительное значеніе; между двумя этими видами та же разница, какая между убійствомъ законнаго младенца и незаконнаго новорожденнаго; признавши различіе въ послѣднемъ случаѣ, Уложеніе должно было выразить его и въ первомъ, чего оно, однакожъ, не сдѣлало.

Изгнаніе плода раздѣляется Уложеніемъ на два вида: когда оно учинено было съ согласія матери или ею самою, и когда безъ ея согласія. Очевидно, что второй видъ составляетъ болѣе тяжкое преступленіе, потому что здѣсь поражается не только будущій младенецъ, но и мать его: она желаетъ имѣть дѣтей, она ждетъ ребенка какъ счастья, а у нея отымаютъ эту радость, мало того, подвергаютъ опасности ея здоровье и даже жизнь, потому что искуственный выкидышъ очень часто причиняетъ женщинѣ разстройство здоровья, наконецъ, ее подвергаютъ опасности обвиненія въ умышленномъ изгнаніи плода. За изгнаніе плода съ вѣдома беременной слѣдуетъ ссылка въ Сибирь на поселеніе: для беременной—по второй степени, для другаго участника—въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ (ст. 1462). Наказаніе это для беременной почти то же, которое положено за убійство незаконнорожденнаго при извѣстныхъ условіяхъ; поэтому, въ томъ случаѣ, когда плодъ былъ незаконный и женщина дѣйствовала подъ вліяніемъ стыда и страха, такое наказаніе является непропорціональнымъ винѣ. За изгнаніе безъ вѣдома беременной назначена каторжная работа на 4 — 6 лѣтъ, а если слѣдствіемъ было и тяжкое повреждeніе ея здоровья, то наказаніе увеличивается на одну степень, а если смерть, то на двѣ (ст. 1461).

Въ способѣ опредѣленія двухъ видовъ изгнанія плода находится разница, которую необходимо замѣтить. Ст. 1461: „Кто безъ вѣдома и согласія беременной женщины, умышленно, какимъ бы то ни было средствомъ, *произведетъ изгнаніе* плода ея...". Ст. 1462: „Кто съ вѣдома и согласія самой беременной женщины, *употребитъ, съ умысломъ, какое либо средство для изгнанія* плода ея, тотъ...". Въ первомъ случаѣ преступленіе считается оконченнымъ только тогда, когда произошло изгнаніе плода; слѣдовательно, если даны были абортивныя средства, но ожидаемаго результата не послѣдовало, то будетъ только покушеніе, притомъ негодными средствами. Но во-второмъ случаѣ не требуется непремѣнно, для бытія полнаго преступленія, чтобы плодъ былъ изгнанъ, — достаточенъ для этого тотъ фактъ, чтобы абортивное средство было принято, чтобы операціи, напр. вставленіе въ матку иглы, была сдѣлана. Въ лучшихъ законодательствахъ принято, согласно съ природой вещей, что только результатъ, т. е. дѣйствительное изгнаніе плода, составляетъ

полное преступленіе; можно, конечно, принять и другую, болѣе строгую, систему; но непостижимо, какимъ образомъ въ одномъ видѣ преступленія слѣдовать одной системѣ, въ другомъ—другой, и притомъ въ видѣ менѣе важномъ слѣдовать системѣ болѣе суровой.

Наказаніе возвышается на одну степень въ случаѣ рецидива, и когда виновный, по званію своему, пользуется особымъ довѣріемъ, имѣетъ возможность запасаться абортивными средствами, производить операціи, слѣдственно присоединяетъ къ общимъ элементамъ преступленія еще нарушеніе долга и довѣрія,—таковы врачи, аптекари, повивальныя бабки (ст. 1463).

Переходимъ къ значенію способа совершенія въ преступленіи убійства.

Въ 1453 ст. опредѣлены тѣ особенные способы убійства, употребленіе которыхъ возвышаетъ наказаніе, потому что они возвышаютъ или опасность и для другихъ лицъ, кромѣ жертвы, или чрезвычайную жестокость. Наказаніе за этотъ видъ убійства состоитъ по закону 1871 года въ каторжной работѣ безъ срока, или на срокъ 15-ти — 20-ти лѣтъ. Впрочемъ, непонятно, почему эти способы имѣютъ значеніе только при убійствѣ предумышленномъ; было бы вполнѣ логичнымъ дать имъ значеніе и въ непредумышленномъ; конечно, большая часть ихъ такого рода, что можетъ существовать только при предумышленіи, даже именно и обнаруживаетъ его, но нѣкоторые могутъ быть и въ убійствѣ непредумышленномъ. Средства эти слѣдующія: 1) Поджогъ, взрывъ порохомъ или газомъ, или иное разрушеніе строенія, потопленіе, порча желѣзныхъ дорогъ, выстрѣлы въ толпу людей, хотя и для лишенія жизни одного только человѣка, и вообще такія дѣйствія, отъ коихъ подвергались гибели или опасности нѣсколько лицъ или цѣлое селеніе или городъ. Поджогъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ и самъ по себѣ ведетъ къ каторжной работѣ на 15—20 лѣтъ, а поджогъ и потопленіе рудниковъ, когда въ нихъ находились люди, хотя и безъ прямаго намѣренія на убійство, наказывается каторжной работой безъ срока (ст. 1608, 1618); ясно, что въ томъ случаѣ когда цѣлью поджога и потопленія рудниковъ будетъ убійство, виновный будетъ наказанъ по 1608 или 1618 ст., а не по 1453, потому что здѣсь совокупность двухъ преступленій, изъ которыхъ поджогъ будетъ высшимъ, слѣдовательно поглощающимъ убійство. 2) Когда убійство было сопровождаемо истязаніями или мученіями. 3) Когда убійца скрывался въ засадѣ или заманилъ убитаго въ такое мѣсто, гдѣ онъ удобнѣе могъ посягнуть на жизнь его. Въ этомъ способѣ видно болѣе обдуманности, болѣе подлости. 4) Отравленіе. Въ тѣхъ законодательствахъ, гдѣ за убійство съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ назначена смертная казнь, отравленіе подвергается тому же наказанію, даже если оно было и безъ предумышленія. Впрочемъ, случаи отравленія безъ пре-

думышленія чрезвычано трудно допустить, напр., какъ представляетъ Россіи, когда слуга, подавая господину питье, получитъ отъ него оскорбленіе, и тутъ же, увидѣвъ случайно на столѣ ядъ, высыпетъ его въ стаканъ. Нашъ законъ считаетъ, какъ мы видѣли, отравленіе отягчающимъ обстоятельствомъ предумышленнаго убійства. Такой взглядъ на отравленіе довольно общій. Еще римляне говорили: plus est hominem extinguere veneno quam occidere gladio. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ способъ исключаетъ возможность защиты; онъ скрываетъ почти всегда измѣну; употребляется лицами, пользующимися довѣріемъ; онъ часто поражаетъ цѣлое семейство; наконецъ, онъ опаснѣе другихъ потому, что болѣе удобенъ для исполненія, даетъ злодѣю болѣе шансовъ избѣгнуть наказанія. Замѣтимъ, что у насъ отравленіе имѣло особенный характеръ въ старину: оно судилось церковными судами, пототу что въ отравѣ видѣли не столько естественную силу веществъ, сколько дьявольскую; отравы обыкновенно приготовлялись съ заклинаніями.

Законъ не говоритъ о другихъ способахъ убійства, кромѣ тѣхъ, которые увеличиваютъ вину. Совершено ли оно топоромъ, пистолетомъ, веревкой, законъ, естественно, не можетъ видѣть разницы.

Здѣсь представляется важный вопросъ: достаточно ли для бытія убійства произведеніе смерти средствами не матеріальными, напр. испугомъ, сообщеніемъ ложнаго извѣстія, раздраженіемъ больнаго, когда извѣстно, что оно для него смертельно и т. п. Такъ какъ законъ ничего не говоритъ объ обыкновенныхъ средствахъ убійства, то для бытія его достаточно двухъ главныхъ элементовъ — намѣренія произвести убійство и матеріальнаго факта, т. е. смерти жертвы. Если бы даже было употреблено для произведенія убійства средство суевѣрное, но направленное на такого человѣка, который вѣритъ его силѣ, на котораго оно можетъ произвести дѣйствіе, и дѣйствительно произвело, то нѣтъ никакой причины не видѣть здѣсь дѣйствительнаго убійства. Правда во всѣхъ этихъ случаяхъ чрезвычайно трудно доказать волю, намѣреніе совершить убійство, а въ нѣкоторыхъ, болѣе тонкихъ, это бываетъ невозможно, но трудность и даже невозможность доказательства не уничтожаетъ общаго начала.

Другой вопросъ: достаточно ли для бытія преступленія убійства отрицательнаго средства. Такъ напр., если кормилица съ умысломъ не будетъ давать младенцу груди нѣсколько дней, если заключенному не будетъ носить пищи тотъ, на комъ лежитъ эта обязанность, если надзирающій за тяжко больнымъ съ умысломъ не будетъ давать ему предписанныхъ врачемъ лекарствъ, — и во всѣхъ этихъ случаяхъ смерть дѣйствительно произойдетъ. Что касается до послѣдняго случая, то онъ представляетъ величайшія затрудненія. Надобно для доказательства убій-

ства изслѣдовать въ какомъ положеніи былъ больной, какое дѣйствіе должны были произвести лекарства, т. е. можно ли навѣрное сказать, что онѣ возстановили бы его. Очень трудно найти случай, когда эксперты отвѣтили бы утвердительно, даже и зная въ точности положеніе больнаго, а если послѣднее обстоятельство неизвѣстно имъ (что почти всегда бываетъ — оно извѣстно только врачу, который пользовалъ), то всякая возможность доказательства уничтожается. Другіе приведенные нами случаи болѣе удобны для констатированія. Такъ какъ законъ нашъ ничего не говоритъ о средствахъ убійства, то нельзя исключать и отрицательныхъ.

Обстоятельство совершенія предумышленнаго убійства шайкою увеличиваетъ по усмотрѣнію суда наказаніе зачинщикамъ на одну степень, если не было другихъ увеличивающихъ условій, но при существованіи ихъ, наприм. отравленія, оно не имѣетъ значенія (ст. 1454, ч. 2).

Цѣль имѣетъ значеніе при предумышленномъ убійствѣ только въ одномъ слѣчаѣ: когда оно „учинено для ограбленія убитаго, или для полученія наслѣдства, или вообще для завладѣнія какою либо собственностью его или другаго лица,“ тогда наказаніе возвышается на одну степень (ст. 1453, п. 5). Убійство, какъ и многія другія преступленія, совершается для достиженія разныхъ видовъ: для удовлетворенія мщенія, ненависти, для безопасности отъ лица, могущаго донести о какомъ либо преступленіи, по политическимъ причинамъ, наконецъ, и всего чаще, изъ корыстныхъ побужденій. Въ нѣкоторыхъ кодексахъ отягчающимъ обстоятельствомъ признано совершеніе убійства вообще съ цѣлью облегчить исполненіе другаго преступленія. Нашъ законъ не принялъ этого положенія; онъ далъ особенное значеніе только корыстнымъ побужденіямъ, конечно потому, что онѣ презрѣннѣе другихъ.

До сихъ поръ мы разсматривали тѣ виды убійства, въ которыхъ виновный дѣйствовалъ съ положительнымъ, опредѣленнымъ намѣреніемъ нанести смерть. Переходимъ къ тѣмъ видамъ, когда у виновнаго не было такого опредѣленнаго намѣренія. Въ другихъ преступленіяхъ, напр. въ кражѣ, поджогѣ, нужно для бытія преступленія опредѣленное намѣреніе — безъ этого преступленіе не существуетъ. Но при лишеніи жизни законъ слѣдитъ шагъ за шагомъ волю человѣка, и устанавливаетъ много степеней этой воли безъ прямаго намѣренія, и соотвѣтственныя имъ наказанія.

Два главныхъ элемента руководятъ законодателя при установленіи этихъ степеней. Во первыхъ, берется въ расчетъ качество того дѣянія послѣдствіемъ котораго была смерть человѣка, т. е. было ли оно противозаконное само по себѣ и притомъ въ какой степени противозаконное, или было непротивозаконное. Во вторыхъ — та степень равноду-

шія къ участи ближняго, которую обнаружилъ виновный. Часто эти два начала сливаются, напр. когда дѣяніе было само по себѣ значительнымъ преступленіемъ, то вопросъ о вниманіи къ участи ближняго упраздняется.

На первомъ планѣ убійства безъ прямаго намѣренія лишить жизни извѣстное лицо стоитъ тотъ случай, когда „кто зная и предвидя, что отъ предпринимаего имъ какого либо противозаконнаго дѣйствія другое лицо или нѣсколько лицъ должны подвергнуться опасности: не смотря на то, исполнитъ преднамѣренное, и, хотя безъ прямаго умысла учинить убійство, лишитъ кого либо жизни, тотъ, смотря по роду и важности противозаконнаго дѣянія его, а равно и по роду большей или меньшей опасности, которую виновный не могъ не предвидѣть, и другимъ обстоятельствамъ дѣла подвергается ссылкѣ въ каторжную работу на 8—12 или на 12—15 лѣтъ (ст. 1458 и законъ 1871 г.). Итакъ, для бытія означеннаго преступленія необходимо, чтобы дѣйствіе было само по себѣ противозаконное, т. е. запрещенное подъ страхомъ наказанія; во вторыхъ, чтобы опасность для жизни или, по крайней мѣрѣ, здоровья отъ этого дѣйствія была очевидная („должны подвергнуться опасности“), и въ третьихъ, чтобы результатомъ было лишеніе жизни. Если не будетъ этого результата, то онъ можетъ быть наказанъ только за тотъ противозаконный актъ, который учинилъ, а не какъ за покушеніе на убійство; если результатомъ было не лишеніе жизни, а только поврежденіе здоровья, то онъ наказывается по 1494 ст.; другими словами, въ преступленіи, описанномъ 1458 ст., *не можетъ быть покушенія.* Здѣсь человѣкъ наказывается за послѣдствіе его дѣянія, послѣдствіе, котораго онъ прямо не желалъ, но которое должно было представляться ему весьма возможнымъ; не случилось того, что являлось весьма возможнымъ — нѣтъ и преступленія, означеннаго въ 1458 ст. Такъ напр., если кто нибудь броситъ въ колодезь ядовитыя вещества, безъ умысла лишитъ кого жизни, а только, чтобы отравить скотъ сосѣда, или просто, чтобы избавить себя отъ труда везти ихъ въ другое мѣсто, а между тѣмъ изъ колодца стали пить люди, прежде чѣмъ обнаружилось отравленіе, и умерли,—или если кто похититъ стропила моста съ цѣлью только продать ихъ или употребить на топливо, зная, впрочемъ, что подъ первымъ ѣдущимъ экипажемъ мостъ провалится, и послѣднее дѣйствительно случилось, и ѣхавшій въ немъ лишился при паденіи жизни, — то виновные будутъ наказаны, по 1458 ст., каторжной работой; если же послѣдствій не было, вслѣдствіе того, что порча воды или похищеніе стропилъ были замѣчены, то виновный подвергается только наказанію, за эти преступленія опредѣленному. Нѣкоторые виды такихъ дѣяній спеціально обозначены въ другихъ отдѣлахъ. Такъ, болѣе возможный случай—порча желѣзной дороги, наложеніе

камней на рельсы, когда долженъ пройти поѣздъ. Случай этотъ — когда цѣлью было не нанесеніе смерти ѣдущимъ, а просто кража рельсовъ, или ломка вагоновъ, что нередко случается при открытіи новыхъ желѣзныхъ дорогъ, и производится ямщиками или другими лицами, по злобѣ за ущербы—прямо подходитъ подъ 1458 статью, а между тѣмъ мы его встрѣчаемъ отдѣльно описаннымъ въ главѣ о нарушеніи постановленій о путяхъ сообщенія. Въ ст. 1081, принадлежащей къ этой главѣ, сказано: „За всякое съ умысломъ учиненное повреждение желѣзной дороги, когда оно *можетъ подвергнуть опасности* слѣдующій по сей дорогѣ транспортъ и виновный зналъ, что послѣдствіемъ сего должно быть несчастіе, онъ приговаривается, смотря по роду и важности сдѣланнаго имъ умышленно поврежденія, а равно по роду большей или меньшей опасности, которой онъ не могъ не предвидѣть, и по другимъ обстоятельствамъ дѣла: или къ ссылкѣ въ каторжную работу на 8—12, или къ ссылкѣ въ Сибирь на житье. Тѣмъ же наказаніямъ подвергаются тѣ, которые положатъ или бросятъ съ намѣреніемъ на желѣзную дорогу такіе предметы, отъ коихъ проходящій по оной транспортъ *можетъ* подвергнуться опасности". Сравнивая эту статью съ 1458 мы съ перваго раза видимъ сходство; различіе, однако, бросается въ глаза при наказаніяхъ: и здѣсь сначала сходство, и тамъ и тутъ оригинальная мѣра каторжной работы на 8—12 лѣтъ; но въ 1458 ст. постановлено только одно наказаніе, а по 1081 ст. судъ можетъ постановить и неизмѣрно меньшее — именно ссылку въ Сибирь на житье. Отчего такая видимая мягкость, когда дѣйнтвіе направлено на желѣзную дорогу, т. е. такой предметъ, гдѣ опасность грозитъ всегда большему числу людей, гдѣ катастрофа производитъ паническій страхъ. Но при внимательномъ разсмотрѣніи оказывается другое: по 1081 ст. наказывается порча желѣзной дороги, когда идетъ транспортъ, *хотя бы и не послѣдовало лишенія жизни*, за одну опасность этого дѣйствія, тогда какъ по 1458 ст. слѣдуетъ каторжная работа только въ такомъ случаѣ, когда произошло лишеніе жизни. Отсюда понятно, что законодатель постановилъ два различныя наказанія— каторжную работу на 8—12 лѣтъ и ссылку на житье. Ст. 1082 говоритъ, что если эта порча желѣзной дороги учинена „съ намѣреніемъ подвергнуть опасности слѣдующій по желѣзной дорогѣ транспортъ", то виновный подвергается наказанію по 1453 ст., т. е. какъ за предумышленное убійство съ отягчающими обстоятельствами (каторжной работѣ на 15—20 лѣтъ). По смыслу этой статьи означенное наказаніе прилагается и тогда, когда бы даже никто не поплатился жизнью, напр. когда машинистъ успѣлъ остановить транспортъ, или когда локомотивъ сбросилъ камень съ рельсовъ. Слѣдовательно, законъ, въ приложеніи къ дѣйствіямъ на желѣзной дорогѣ, особенно строгъ, а не мягокъ; причину этого

мы объясняли *). При этомъ мы видимъ, что законодатель предоставляетъ судьѣ—что онъ дѣлаетъ весьма рѣдко—обширную власть при наложеніи наказаній: судья можетъ дать исправительное наказаніе—ссылку на житье въ Сибирь, и одно изъ важнѣйшихъ уголовныхъ — каторжную работу на 8—12 лѣтъ. Но непонятно, почему законъ ставитъ судью въ необходимость дать или каторжную работу на 8—12 лѣтъ, или ссылку на житье въ Сибирь, почему отнята у него возможность дать промежуточныя между этими двумя наказанія?

По 1458 и 1081 ст. существуетъ наказаніе: каторжная работа на 8—12 лѣтъ. Между тѣмъ, въ общей таблицѣ наказаній (ст. 19) мы такой степени не находимъ; существуетъ каторжная работа на 10—12 лѣтъ (4-я степень) и на 8—10 лѣтъ (5-я степень). Такимъ образомъ, здѣсь слиты въ одно двѣ степени каторжной работы. Какъ долженъ поступить судья при смягченіи наказанія на двѣ степени, вслѣдствіе объявленія присяжныхъ? Слѣдуетъ ли тогда дать седьмую или шестую степень каторжной работы? Затрудненіе здѣсь въ томъ, что срокъ на 8—12 лѣтъ не составляетъ опредѣленной степени **).

Наказанію, опредѣленному въ 1458 ст., подвергается и тотъ, кто учинитъ убійство безъ прямаго намѣренія при совершеніи преступленія, соединеннаго съ насильственными дѣйствіями, какъ напр., взломъ тюремъ, возстаніе противъ властей; но если имъ совершенъ тотъ видъ этихъ преступленій, за который положено наказаніе большее того, которое назначено въ 1458 ст., то онъ подвергается этому большему наказанію въ высшей мѣрѣ, на основаніи совокупности (ст. 1459).

Законъ 1871 года нѣсколько измѣнилъ это постановленіе: положивъ каторжную работу на 8—12 лѣтъ. Это измѣненіе неважное. По 1459 ст. Улож. слѣдовало за убійство безъ прямаго на него намѣренія при

---

*) Редакторы новаго закона объ убійствѣ позабыли о 1081 ст. Измѣнивъ 1458 ст. Улож. допущеніемъ сверхъ постановленнаго въ ней наказанія 8—12 лѣтъ каторжной работы и высшаго—на 12—15 лѣтъ той же работы имъ слѣдовало произвести таковое же измѣненіе и въ 1081 ст. Этотъ пропускъ нарушаетъ гармонію уголовнаго закона.

**) Въ Уложеніи мы встрѣчаемъ нѣсколько случаевъ опредѣленія исправительныхъ наказаній въ такомъ размѣрѣ, гдѣ нѣсколько степеней слиты въ одну. или безъ minimum'а, въ одной высшей мѣрѣ, или, наконецъ, въ размѣрѣ, не подходящемъ къ какой либо опредѣленной общимъ положеніемъ степени. Такъ напр., по 1559 ст. положено тюремное заключеніе отъ 4 мѣсяцевъ до 1 года и 4 мѣсяцевъ, слѣдовательно двѣ степени слиты въ одну; по 1564—тюремное заключеніе на 4 мѣсяца; по 1568 ст.—на 2 мѣсяца и 20 дней; по 1635—тюремное заключеніе отъ 2 мѣсяцевъ до года и четырыхъ мѣсяцевъ; по 1503 ст.—заключоніе въ крѣпости отъ 4 до $6^2/_3$ лѣтъ и нѣкот. друг.

совершеніи другихъ преступленій тоже наказаніе, которое опредѣлено въ 1458 ст., т. е. каторжная работа на 8—12 лѣтъ; новый законъ установилъ за преступленіе, предусмотрѣнное 1458 ст. сверхъ бывшаго наказанія и высшее на 15—20 лѣтъ; но при преступленіи, предусмотрѣнномъ 1459 ст. оставилъ одно прежде бывшее наказаніе. Сверхъ того въ новой редакціи 1459 ст. находится еще одно постановленіе: „Въ случаѣ же, когда при содѣяніи преступленія, виновный учинитъ смертоубійство *умышленно* для достиженія своей преступной цѣли или для избѣжанія поимки, то онъ, за исключеніемъ случаевъ, особо предусмотрѣнныхъ симъ Уложеніемъ, подвергается: лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу на время отъ 15 до 20 лѣтъ.“ Очевидно, что это постановленіе вовсе не у мѣста при 1450 ст., въ немъ говорится объ *умышленномъ* убійствѣ съ цѣлью совершенія иного преступленія. Слѣдственно его мѣсто при 1453 ст. Имъ дополняются постановленія о цѣли убійства, а именно: если убійство будетъ совершено умышленно (хотя и безъ предумышленія) для совершенія другаго преступленія (или для избѣжанія поимки), то за него полагается высшее изъ наказаній, установленныхъ по 1454 ст. (новой редакціи) за умышленное убійство.

Второй видъ убійства безъ прямаго намѣренія на него — нанесеніе побоевъ или иныхъ насильственныхъ дѣйствій, отъ которыхъ произошла смерть, безъ намѣренія. Наказаніе въ этомъ случаѣ—заключеніе въ смирительный домъ до 2 лѣтъ или въ тюрьму до 8 мѣсяцевъ (ст. 1464). Очевидно, здѣсь идетъ дѣло только о нанесеніи такихъ побоевъ, которые сами по себѣ не представляли опасности для жизни, но, по несчастному стеченію обстоятельствъ, причинили смерть, напр. если кто толкнулъ другаго, а тотъ, по слабости, не устоялъ, упалъ, ударился головой объ уголъ желѣзнаго сундука, и лишился жизни. Это доказывается тѣмъ, что за тяжкіе побои, подвергающіе опасности жизнь, когда не послѣдовало смерти, идетъ не тюрьма, а высшее наказаніе—ссылка на житье въ Сибирь, а когда послѣдовала смерть, то даже каторжная работа (ст. 1489, 1490), о чемъ увидимъ впослѣдствіи. Далѣе, сюда же относится убійство въ дракѣ, когда эта драка началась безъ всякаго намѣренія на убійство. Этого рода убійство тѣмъ болѣе заслуживаетъ снисхожденія, что здѣсь каждый одновременно и нападающій и защищающійся (су. 1465). Наказаніе здѣсь также смирительный домъ и тюрьма.

Третій видъ — когда дѣйствіе, ненамѣреннымъ слѣдствіемъ котораго было убійство, состояло только въ нарушеніи полицейскихъ постановленій („противное ограждающимъ личную безопасность и общественный порядокъ постановленіямъ“), причемъ убійство является не только ненамѣреннымъ слѣдствіемъ, но и „*неожиданнымъ*“, т. е. что его никакъ нельзя было ожидать. Напр., если кто не держитъ на привязи злую собаку, или

бодливаго быка, и эти животныя кинутся на вошедшаго во дворъ и причинятъ ему смерть; или если кто пуститъ вскачь лошадь по улицѣ и задавитъ проходившаго старика, который не могъ быстро уйти, а ѣздокъ не въ силахъ былъ вдругъ остановить лошадь. Наказаніе здѣсь—тюремное заключеніе.

Необходимо сравнить 1466 статью съ 1458-ой. Различіе въ наказаніяхъ безмѣрное: въ первомъ случаѣ—тюремное заключеніе на нѣсколько мѣсяцевъ, во второмъ каторжная работа на 8 — 12 лѣтъ. Въ чемъ же различіе преступленій той или другой статьи? Матеріальный результатъ ихъ одинаковъ — убійство, лишеніе жизни; въ первомъ случаѣ является дѣйствіе, противное постановленіямъ, во второмъ—„противозаконное дѣйствіе". Разницы опять нѣтъ, потому что и дѣйствіе, противное постановленіямъ, ограждающимъ личную безопасность, также есть противозазаконное. Разница состоитъ въ томъ. что по 1458-ой статьѣ виновный предпринималъ такое дѣйствіе, которое, какъ онъ *зналъ*, *должно* было подвергнуть опасности одно или нѣсколько лицъ, а по 1466 статьѣ онъ этого не зналъ, дѣйствіе вовсе не такое, котораго отъ *долженъ* былъ кто нибудь пострадать, такъ что убійство явилось *неожиданнымъ*. Итакъ, разница не въ большей или меньшей противозаконности предпринимаемаго дѣянія, а въ степени сознанія вѣроятныхъ послѣдствій его для жизни ближняго, т. е. въ большей безнравственности, въ большемъ приближеніи къ намѣренному убійству. Дѣяніе одного и того же разряда, причинившее смерть, можетъ быть подведено и подъ 1458 и подъ 1466 статьи, смотря по знанію послѣдствій, по степени вѣроятія ихъ. Такъ напр., непомѣрно скорая ѣзда можетъ причинить смерть другому лицу. Если кто пуститъ во весь опоръ лошадь по глухой улицѣ, по дорогѣ, и задавитъ прохожаго, то вина его, какъ мы говорили, подходитъ подъ 1466 статью: онъ не могъ думать, что въ состояніи кого либо умертвить; по дорогѣ не бываетъ сплошнаго движенія, каждый заблаговременно можетъ посторониться; но еслибъ онъ пустилъ бѣшенную тройку по улицѣ, наполненной народомъ, среди играющихъ дѣтей, гдѣ надобно проѣзжать шагомъ и съ постоянными предвареніями, то дѣяніе его подойдетъ подъ 1458 ст., когда онъ при этомъ лишитъ кого либо жизни. Другой примѣръ: стрѣльба изъ ружья въ глухомъ переулкѣ, и на площади, наполненной народомъ.

Четвертый видъ убійства безъ прямаго намѣренія — простая неосторожность: если дѣяніе было невоспрещенное закономъ, но явно неосторожное, и послѣдствіемъ его было причиненіе кому либо смерти. Напримѣръ, если мастеръ ставитъ крѣпкую водку на виду, въ штофѣ, рядомъ съ другими напитками и кто либо изъ посѣтителей или рабочихъ, думая, что это обыкновенная водка, выпиваетъ ее и умираетъ; или извощикъ

везетъ по слабому льду рѣки; кровельщикъ посылаетъ ученика починивать крышу, не подвязавши его веревкой и т. под. Если бы лицо приняло мѣры предосторожности, указываемыя здравымъ смысломъ, то несчастья не произошло, слѣдовательно онъ виновенъ въ равнодушіи къ участи ближняго. Наказаніе за этого рода убійство—заключеніе въ тюрьмѣ до 4 мѣсяцевъ (ст. 1466).

За тѣмъ слѣдуетъ убійство, хотя и намѣренное, но совершенное съ превышеніемъ необходимой обороны. Учиненіе же убійства безъ такого превышенія, убійство безъ всякой неосторожности или случайное, и, наконецъ, убійство по обязанности службы, какъ-то: часовымъ, карантинной, лѣсной и таможенной стражей, въ тѣхъ случаяхъ, когда закономъ предписано употребленіе оружія, естественно не подвергается вовсе наказанію (ст. 1470, 1471).

Необходимой обороной называется собственно то состояніе, когда человѣкъ не можетъ прибѣгнуть для защиты своихъ правъ отъ открытаго нападенія къ общественной власти; онъ тогда находится какъ бы въ состояніи внѣ-общественнаго союза и долженъ обратиться къ своимъ собственнымъ силамъ. Юридическое понятіе необходимой обороны отчасти расширяется, отчасти съуживается сравнительно съ первоначальнымъ представленіемъ о ней; притомъ это понятіе не во всѣхъ законодальствахъ опредѣлено одинаково. Мы замѣчаемъ ту существенную черту, что въ тѣхъ законодательствахъ она поставлена широко, гдѣ вообще самостоятельность гражданъ развита; тамъ же, гдѣ законодатель смотритъ подозрительно на самодѣятельность, онъ окружаетъ и необходимую оборону разными ограниченіями.

Постановленія Уложенія о необходимой оборонѣ заключаются въ трехъ статьяхъ общей части (1-го раздѣла)—101, 102, 103. Ст. 101. „При необходимой личной оборонѣ употребленіе силы и какихъ бы то ни было мѣръ для отраженія нападенія, равно и нанесеніе притомъ нападающему ранъ, увѣчья и самой смерти, не вмѣняется въ вину, когда отъ нападенія, при невозможности прибѣгнуть къ защитѣ мѣстнаго или ближайшаго начальства, дѣйствительно подвергались опасности жизнь, здоровье или свобода оборонявшагося, или же нападеніе сдѣлано воромъ или разбойникомъ, или нападающій вторгнулся съ насиліемъ въ жительство оборонявшагося. Необходимость обороны признается также и въ случаѣ, когда застигнутый при похищеніи или поврежденіи какого либо имущества преступникъ силою противится своему задержанію или прекращенію начатаго имъ похищенія или поврежденія. При семъ, однакожъ, постановляется общимъ правиломъ: 1) что въ каждомъ изъ вышеозначенныхъ случаевъ оборонявшійся обязанъ о всѣхъ обстоятельствахъ и послѣдствіяхъ своей необходимой обороны немедленно объявить сосѣднимъ жителямъ, а при

первой возможности и ближайшему начальству; 2) что всякій напрасный, сдѣланный нападающему послѣ уже отвращенія отъ него грозившей опасности, вредъ, признается злоупотребленіемъ обороны, и виновный въ томъ долженъ быть подвергнутъ наказанію, которое опредѣляется по мѣрѣ причиненнаго имъ вреда, по роду побужденія, коему онъ слѣдовалъ, и другимъ обстоятельствамъ дѣла."

Ст. 102. „Оборона также признается необходимою и со стороны женщины противъ посягающаго на ея цѣломудріе и честь".

Ст, 103. „Во всѣхъ случаяхъ, означенныхъ выше сего въ статьяхъ 101 и 102, употребленіе мѣръ необходимой обороны дозволяется не только для собственной своей защиты, но и для защиты другихъ, находящихся въ томъ же положеніи".

И такъ для необходимой обороны, какъ состоянія невмѣняемости, требуются слѣдующія условія: 1) она должна быть *обороной*, т. е. защитой отъ нападенія другого. Само собою разумѣется, что это нападеніе должно быть незаконное. Разбойникъ, котораго преслѣдуетъ полиція, или котораго защищавшійся повалилъ и занесъ на него ножъ, находится въ состояніи естественномъ необходимой обороны, но не въ юридическомъ; 2) это нападеніе должно быть сдѣлано при такихъ обстоятельствахъ, когда угрожаемому нельзя было обратиться къ законной защитѣ властей; 3) оборона только тогда законна, т. е. послѣдствія ея невмѣняемы, когда нападеніе грозило жизни, здоровью или свободѣ, а для женщины—ея цѣломудрію. Слѣдовательно, если бы кто нибудь напалъ на другого съ тѣмъ, чтобъ нанести ему обиду дѣйствіемъ, то угрожаемый не находится въ состояніи необходимой обороны, разумѣется въ такомъ случаѣ, если все доказывало, что нападеніе не перейдетъ границы оскорбленія, т. е. ограничится легкимъ ударомъ. Но если было сомнѣніе, то оно должно быть истолковано въ пользу угрожаемаго. Что касается права собственности, то нанесеніе смерти или ранъ только тогда невмѣняемо, когда похититель силою противится своему задержанію или прекращенію начатаго похищенія. Такимъ образомъ, если застигнутый при кражѣ воръ убѣгаетъ при появленіи хозяина, то послѣдній не имѣетъ права стрѣлять въ догонку. Это положеніе весьма невыгодно для хозяина: воръ убѣгаетъ, но хозяинъ можетъ думать, что онъ успѣлъ похитить всѣ его деньги, сдѣлалъ его нищимъ, и долженъ принести свое право въ жертву безопасности преступника. Эта невыгода еще увеличивается тѣмъ, что если воръ при появленіи не убѣжитъ, то хозяинъ не прежде можетъ употребить оружіе, какъ потребовавши отъ него прекращенія похищенія, или долженъ стараться захватить вора, и тогда только употребить оружіе, когда тотъ станетъ сопротивляться. Такимъ образомъ, у хозяина отнимается вся выгода внезапнаго нападенія на вора: его заставляютъ уступить первый

шагъ вору, выжидать, можетъ быть, смертельнаго удара. Конечно, мы взяли крайній случай. Въ другихъ случаяхъ, т. е. когда воръ застигнутъ въ такомъ мѣстѣ; гдѣ онъ не могъ найти большихъ цѣнностей, легко уносимыхъ, напримѣръ, въ конюшнѣ, когда ясно, что цѣль его была конокрадство, или когда онъ могъ захватить ничтожную вещь, было бы жестоко разрѣшить безнаказанно убить такого бѣгущаго вора. Но приведенные нами прежде случаи также весьма часты. Слѣдовательно, ограничивать общимъ отвлеченнымъ положеніемъ необходимую оборону очень трудно. 3) Необходимая оборона существуетъ тогда, когда „нападеніе сдѣлано воромъ или разбойникомъ". Здѣсь слово „воръ" употреблено не въ техническомъ смыслѣ, т. е. не въ смыслѣ человѣка, производящаго кражу, потому что коль скоро есть нападеніе, слѣдовательно употребленіе силы, тамъ уже является не кража а грабежъ. Грабитель и разбойникъ обыкновенно кидаются на хозяина имущества и, одолѣвши его, завладѣваютъ имуществомъ, слѣдовательно, оборона противъ нихъ входитъ въ положеніе о защитѣ своей жизни и здоровья. Но это постановленіе все таки не лишнее, потому что грабежъ и разбой могутъ быть и безъ прямаго нападенія на лицо,—достаточно, что похититель былъ вооруженъ и кинулся на вещи владѣлца въ его присутствіи, для бытія разбоя. 4) Необходимая оборона существуетъ, „когда нападающій вторгнулся съ насиліемъ въ жительство оборонявшагося". Подъ „жительствомъ". конечно, надобно разумѣть домъ или иное строеніе. Здѣсь законъ не требуетъ, чтобы ворвавшійся угрожалъ жизни и здравію, собственности или свободѣ хозяина. Одного факта насильственнаго врывательства достаточно для бытія необходимой обороны, для невмѣненія хозяину всѣхъ ея послѣдствій. Это постановленіе удивляетъ своею строгостью: наше законодательство ограждаетъ здѣсь неприкосновенность жилища болѣе, чѣмъ какое либо другое. Западные кодексы различаютъ нападеніе ночное и нападеніе денное, и только въ первомъ случаѣ нанесеніе нападающему смерти или ранъ невмѣняемо, а во второмъ ведетъ къ исправительному наказанію. Въ самомъ дѣлѣ, ночью хозяинъ не можетъ измѣрить степени опасности, не можетъ знать сколько врывающихся, вооружены ли они или нѣтъ; а днемъ онъ можетъ до извѣстной степени измѣрить степень опасности, наконецъ, (конечно, если онъ не живетъ въ уединенномъ домѣ), можетъ получить помощь. По нашему закону, если взять его въ буквальномъ смыслѣ, невмѣняемо убійство, сдѣланное хозяиномъ дома, у котораго въ комнатѣ находится нѣсколько слугъ, пьянаго, котораго онъ выгналъ, и который врывается силою съ одной цѣлью поругаться и побушевать,—когда, слѣдовательно, не было ни малѣйшей опасности отъ него.

Какъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ, такъ и во всѣхъ другихъ, касающихся необходимой, обороны, должно всегда быть предположеніе, что опас-

ность была серьезная. Сводъ Законовъ требовалъ даже равенства размѣра защиты съ размѣромъ нападенія. Онъ признавалъ необходимую оборону законною толко тогда, „когда она равна нападенію, посему защищаться оружіемъ дозволено токмо противъ насилія вооруженнаго; употреблять же оное противъ насилія безоружнаго можно только тогда, когда нападающій сильнѣе, когда нападеніе учинено наединѣ и притомъ съ опасностью жизни". Очевидно, что такое постановленіе шло слишкомъ далеко въ ущербъ тому, кто находится въ законномъ состояніи. Какимъ образомъ я могу всегда измѣрить силы нападающаго, какимъ образомъ законъ желалъ поставить бой между разбойникомъ и невинныхъ, зищищающимъ свою жизнь, почти на ту степень равенства, которая требуется при дуели?—этого мы понять не можемъ. Наконецъ, какимъ образомъ можно лишить защищающагося того шанса превосходства, который даетъ ему оружіе? Уложеніе весьма справедливо не приняло этого постановленія. Но изъ этого не слѣдутъ, чтобы оно признавало оборону съ ея послѣдствіями и тогда, когда опасность не была серьезная, когда неравенство силъ нападенія было чрезмѣрное. Если напр. ребенокъ или дряхлый старикъ кидается съ палкой на сильнаго мужчину и тотъ убиваетъ его изъ пистолета или топоромъ, то здѣсь не можетъ быть рѣчи о невмѣненіи. Въ самомъ дѣлѣ, законъ признаетъ невмѣняемость только тогда, когда оборона была *несбходима* для защиты жизни, здоровья и пр.; онъ и называетъ ее „необходимо обороною". Въ представленномъ случаѣ въ принципѣ существуетъ необходимость обороны—никто не обязанъ получать спокойно ударъ,—но размѣръ опасности былъ такой, который лишенъ основанія: достаточно было оттолкнуть этого ребенка или старика; защищавшійся имѣлъ полную возможность схватить его, вырвать у него палку, не подвергая себя никакой опасности. Законъ, какъ мы видѣли, не опредѣляетъ, до какихъ предѣловъ законна оборона въ извѣстныхъ случаяхъ. Ему этого и нельзя было сдѣлать, не вдаваясь въ безконечныя фактическія разслѣдованія, которыя къ тому же никогда не могутъ быть полны. Но судъ имѣетъ неотъемлемое право признать послѣдствія обороны соотвѣтствовавшими или несоотвѣтствовавшими степени опасности. Вѣсы должны быть наклоняемы постоянно въ пользу защищавшагося, но бываютъ случаи, когда, принявъ даже въ расчетъ и его волненіе и даже крайнюю робость характера, нельзя не видѣть, что убійство не было ничѣмъ оправдываемо. Онъ скажетъ, что въ данномъ случаѣ очевидно не было дѣйствительной опасности для жизни, или что эта опасность могла быть легко устранима и безъ убійства.

Другой вопросъ. Если опасность была и дѣйствительная, но тотъ, на кого учинено было нападеніе, могъ легко избавиться отъ нея бѣгствомъ или захлопнувши дверь, а вмѣсто того, пользуясь тѣмъ, что при немъ

было оружіе, ждетъ нападенія и убиваетъ противника, должно ли быть вмѣнено такое убійство? Этотъ случай сомнительный. Законъ не считаетъ оборону необходимой при бытіи опасности только тогда, когда не было возможности прибѣгнуть къ защитѣ начальства. Чувство храбрости имѣетъ совершенно законное мѣсто въ томъ случаѣ, когда дѣло идетъ объ уничтоженіи злодѣя. Но, признавая этотъ принципъ, нельзя, однако, не видѣть, что бываютъ случаи, когда эта храбрость въ сущности только вызовъ изъ звѣрскаго желанія поразить врага. Несомнѣнно, могутъ быть крайніе случаи, когда судъ можетъ признать дѣйствительное убійство, а не невольное слѣдствіе обороны. Но это вопросъ факта.

Законъ признаетъ оборону необходимою, когда есть опасность для жизни, здоровья, свободы. Онъ говоритъ, что всякій вредъ, сдѣланный послѣ отвращенія грозившей опасности, есть злоупотребленіе обороны, дѣяніе наказуемое. Естественно, что выраженіе „послѣ отвращенія грозившей опасности" надобно понимать въ самомъ широкомъ смыслѣ, т. е. отвращенія ея не на одну минуту, а полнаго, отвращенія не только отъ опасности наличной, но и той, которая представляется вѣроятною.

Представляемъ примѣры. Подъѣзжая къ мосту на глухой дорогѣ, я вижу, что тамъ засѣли двое вооруженныхъ враговъ моихъ; по ихъ положенію я не сомнѣваюсь, что они имѣютъ умыселъ на мою жизнь; у меня два пути: я храбръ и хорошо вооруженъ, такъ что увѣренъ, что прежде чѣмъ они мнѣ что нибудь сдѣлаютъ, я ихъ положу на мѣстѣ; другой путь—поворотить коня назадъ и ускакать отъ встрѣчи. Если я изберу первый путь и убью противниковъ, будетъ ли мое убійство невмѣнено, или я буду наказанъ, какъ убійца? По отвлеченнымъ началамъ права ясно, что здѣсь положеніе среднее, даже близкое къ невмѣненію, потому что поразить разбойниковъ, освободить отъ нихъ общество съ опасностью для себя, нельзя считать недостойной бравадой. По тексту нашего закона вопросъ можетъ быть разрѣшенъ, смотря по побочнымъ обстоятельствамъ, и въ ту и въ другую сторону. Законъ говоритъ, что необходимая оборона существуетъ, когда была невозможность прибѣгнутъ къ защитѣ начальства: когда я замѣтилъ враговъ, тогда я имѣлъ возможность прибѣгнуть къ защитѣ начальства, ускакавши отъ нихъ; но когда я подъѣхалъ къ мосту, и они на меня напали, я не могъ прибѣгнуть къ ней. Вопросъ заключается въ томъ, съ какого момента считать опасность: съ того ли, когда она мнѣ предстояла вѣроятной, или съ того, когда дѣйствительно наступила. Этотъ вопросъ совершенно выходитъ изъ сферы судебнаго разсмотрѣнія; здѣсь надобно положиться вполнѣ на убившаго; онъ можетъ всегда сказать, что хотя и замѣтилъ подозрительныхъ людей, не доѣзжая до моста, и принялъ мѣры предосторожности, т. е. вынулъ револьверъ, но положительно не могъ знать

степени угрожавшей ему опасности — нельзя въ самомъ дѣлѣ требовать чтобы человѣкъ, стоящій на законной почвѣ, обращался въ бѣгство при всякомъ вѣроятіи опасности,—и что настоящая опасность представилась ему только тогда, когда на него сдѣлали нападеніе. Наконецъ, онъ можетъ всегда предполагать, что обратившись въ бѣгство и, слѣдственно, тѣмъ самымъ показавши бывшимъ въ засадѣ, что онъ ихъ замѣтилъ и донесетъ о нихъ властямъ, онъ вызоветъ съ ихъ стороны преслѣдованіе, при которомъ положеніе его можетъ быть хуже.

На этотъ же основаніи надобно полагать, что необходимая оборона бываетъ и тогда, когда фактически есть нападеніе со стороны стоящаго на законной почвѣ. Если я находясь напр. на постояломъ дворѣ, былъ разбуженъ говоромъ внизу, и, сошедши тихо, разслышалъ разговоръ хозяина съ работниками, изъ котораго узналъ, что они чрезъ часъ придутъ убить меня,—было бы нелѣпо требовать, чтобы я отправился къ себѣ въ комнату и выжидалъ ихъ нападенія: все мое спасеніе зависитъ въ данномъ случаѣ отъ отваги; я беру саблю и нападаю на злодѣевъ. когда они пьютъ въ ожиданіи условленнаго часа, когда ихъ оружіе не подъ рукой у нихъ, и внезапностью нападенія успѣваю поразить на смерть ихъ всѣхъ. Хотя здѣсь фактически было съ моей стороны нападеніе, но оно въ сущности было защитой, такъ какъ напр. и наступательная война государства часто есть только оборона. Сводъ Зак. требовалъ, чтобы оборона происходила „въ минуту нападенія," и этимъ самымъ какъ бы запрещалъ всякое наступательное дѣйствіе предупредительнаго характера; въ Уложеніи нѣтъ этого выраженія.

Естественно, что необходимая оборона не можетъ существовать въ томъ случаѣ, когда опасность угрожаетъ моей жизни, свободѣ, или собственности отъ властей, дѣйствующихъ законно, напр. если арестованный законнымъ образомъ, убиваетъ полицейскаго стража, или человѣкъ, котораго наказываютъ тѣлесно по судебному приговору, убьетъ или ранитъ исполняющихъ надъ нимъ это наказаніе. Но если агенты власти дѣйствовали незаконно, возможна ли тогда необходимая оборона? Этотъ вопросъ мы разбирали при преступленіи—сопротивленія власти.

Если убійство произошло внѣ тѣхъ условій, которыя ставитъ законъ для бытія необходимой обороны, то оно будетъ простымъ умышленнымъ убійствомъ. Но если человѣкъ, бывшій въ состояніи законной необходимой обороны, убьетъ нападавшаго послѣ отвращенія грозившей отъ него опасности, то это будетъ самостоятельное и притомъ неважное преступленіе— злоупотребленіе необходимой обороны. За это преступленіе полагается наказаніе отъ выговора до заключенія въ тюрьмѣ на 4—8 мѣсяцевъ, „смотря по роду побужденія, коему онъ (виновный) слѣдовалъ, и другимъ обстоятельствамъ дѣла", (ст. 1467). Законодатель здѣсь беретъ въ расчетъ то

страстное состояніе, то справедливое негодованіе къ злодѣю, въ которомъ находится человѣкъ, только что освободившійся отъ опасности. Нельзя однако не замѣтить, что факты въ этомъ случаѣ могутъ быть такъ различны, что неисчерпываются разстояніемъ между выговоромъ и тюремнымъ заключеніемъ на нѣсколько мѣсяцевъ. Такъ напр. если кто схватилъ сопротивлявшагося вора, связалъ его, и потомъ убилъ, — или поразилъ связаннаго убійцу своихъ дѣтей, то между двумя этими фактами разница чрезвычайно велика; отчаянье въ послѣднемъ случаѣ весьма понятно — понятно и лишеніе жизни того, кто только что убилъ другихъ; но въ первомъ случаѣ, когда послѣ захвата вора не можетъ быть рѣчи даже объ имущественномъ ущербѣ, нѣтъ потери, не можетъ быть и особенной ненависти къ преступнику, покушавшемуся притомъ на неважное преступленіе.

Самоубійство представляетъ любопытный примѣръ вліянія религіозныхъ воззрѣній на уголовную сферу. Древній человѣкъ, подъ вліяніемъ языческихъ религій, смотрѣлъ на самоубійство, какъ на дѣло нравственное, достойное мужественнаго человѣка; онъ считалъ вполнѣ нравственнымъ возвратить богамъ ихъ даръ, когда онъ ему становился въ тягость. Много великихъ людей древности кончили жизнь самоубійствомъ; въ эпоху нравственнаго паденія римской имперіи, при господствѣ эпикуреизма, самоубійства были очень часты. Съ христіанства самоубійство является какъ величайшій, неотпускаемый грѣхъ, — и законодательства помѣстили самоубійство въ числѣ важныхъ уголовныхъ преступленій.

Такого же пониманія держатся и Сводъ Законовъ. Онъ постановилъ за покушеніе на самоубійство—ссылку въ Сибирь на поселеніе; а Военно-уголовный сводъ даже каторжную работу, какъ за умышленное убійство. Такъ какъ погибшихъ отъ самоубійства нельзя было подвергнуть обыкновеннымъ наказаніямъ, и это именно такое преступленіе, противъ котораго безсильны обыкновенныя наказанія, потому что оно имѣетъ цѣлью лишеніе себя жизни, то придуманы были такого рода особенныя наказанія, мысль о которыхъ еще при жизни должна была терзать рѣшившагося на самоубійство, именно—лишеніе христіанскаго погребенія. Для людей съ религіознымъ чувствомъ, мысль, что они будутъ лежать не на кладбищѣ, среди своихъ родныхъ, а будутъ зарыты вмѣстѣ съ падалью что ихъ безвѣстная могила не будетъ предметомъ культа для ихъ дѣтей и родственниковъ, составляетъ тяжкое страданіе. Въ XIII т. Свод. Зак. Уст. Врачеб. ст. 923 прибавлено даже, что тѣло самоубійцы отдается палачу для безчестнаго погрѣбенія. Но это постановленіе никогда не было исполняемо. Далѣе, завѣщанія самоубійцъ велѣно было считать недѣйствительными. А такъ какъ право наградить послѣ своей смерти людей, оказывавшихъ намъ преданность, обезпечить участь дорогихъ для насъ

существъ, составляетъ одно изъ тѣхъ, которыми въ особенности дорожитъ человѣкъ предъ смертью, но лишеніе его, конечно, производило страданія. Новые западные уголовные кодексы исключили вовсе самоубійство изъ числа преступленій. Уложеніе приняло тотъ же взглядъ съ нѣкоторыми измѣненіями: оно,—а это главное,—постановило за покушеніе на самоубійство, вмѣсто бывшей прежде ссылки на поселеніе, только церковное покаяніе (ст. 1473). Но оно оставило въ силѣ послѣдствія для самоубійцы, принимая въ соображеніе нравы народа. Впрочемъ оно не подвергаетъ этимъ карамъ тѣхъ, которые лишили себя жизни въ безуміи, сумасшествіи или въ безпамятствѣ отъ болѣзни (ст. 1472), а также тѣхъ, которые подвергаютъ себя смерти изъ великодушнаго патріотизма для сохраненія государственной тайны, или женщину, лишившую себя жизни для спасенія своей чести и цѣломудрія (ст. 1474). Вообще и въ послѣднее время начала преобладать въ сомнительныхъ случаяхъ презумпція безпамятства относительно самоубійцъ. Въ самомъ дѣлѣ, такое противное природѣ дѣйствіе, какъ лишеніе себя жизни, не показываетъ ли, что человѣкъ находился въ значительной степени умственнаго разстройства или помраченія?—и притомъ, такъ какъ эта степень не можетъ быть измѣрена послѣ смерти лица, то сомнѣніе должно быть истолковано въ его пользу.

Уложеніе въ вопросѣ о самоубійствѣ приняло, какъ мы видѣли, современный взглядъ на право человѣка располагать собою, на отдѣленіе грѣха отъ преступленія или нарушенія нравственныхъ и религіозныхъ законовъ отъ нарушенія законовъ общественныхъ, заключающаго въ себѣ вредъ другому лицу или государству. Церковныя кары — покаяніе и лишеніе христіанскаго погребенія, нельзя считать наказаніями, въ прямомъ смыслѣ этого слова.

Хотя самоубійство составляетъ свободный актъ лица, но законъ предусмотрѣлъ тотъ случай, когда оно совершается вслѣдствіе жестокихъ притѣсненій лицъ, имѣющихъ власть. „Родители, опекуны и другія облеченныя какою либо властью лица, которыя чрезъ явное, соединенное съ жестокостью, злоупотребленіе власти, побудятъ подчиненное имъ или ввѣренное ихъ попеченію лицо къ самоубійству, подвергаются заключенію въ смирительный домъ до $1^1/_3$ года“ (ст. 1476). Это постановленіе спеціальное; при другихъ преступленіяхъ, лица, имѣющія власть, не наказываются, хотя бы ихъ жестокое обращеніе довело виновныхъ до совершенія законопреступнаго дѣянія, напр. если сынъ крадетъ, потому что отецъ не даетъ ему необходимаго содержанія, если подчиненный присвоитъ себѣ казенныя деньги, потому что начальникъ несправедливо удерживаетъ слѣдующее ему жалованье. То обстоятельство, что лицо сдѣлало преступленіе вслѣдствіе притѣсненій, можетъ служить облегченіемъ его вины, но при-

тѣснители не подвергаются наказанію, если ихъ притѣсненіе само по себѣ не имѣло характера опредѣленнаго преступленія.

Но кассаціонный сенатъ по дѣлу Умецкихъ далъ этой статьѣ самое широкое и, по нашему мнѣнію несогласное съ буквальнымъ смысломъ закона, толкованіе (кассац. 1868 г., № 160). Несовершеннолѣтняя дочь Умецкихъ совершила поджогъ вслѣдствіе жестокаго обращенія родителей. Сенатъ призналъ, что родители должны быть наказаны по 1476 ст. на основаніи слѣдующихъ соображеній: „Такъ какъ этотъ законъ (1476 ст. Улож.) опредѣляетъ виновнымъ наказаніе не за умышленное побужденіе однимъ лицомъ другого къ самоубійству, что составляетъ особое, болѣе тяжкое преступленіе, предусмотрѣнное въ 1475 ст. улож. и подвергающее отвѣтственности за пособіе въ убійствѣ, а лишь караетъ виновныхъ за такое жестокое съ ввѣреннымъ ихъ попеченію лицомъ, обращеніе, которое довело его до отчаянія, выразившагося въ посягательствѣ на собственную свою жизнь, то затѣмъ нельзя не признать, что предусмотрѣнное этимъ закономъ преступленіе въ существенныхъ его чертахъ имѣетъ большое сходство съ образомъ дѣйствія Владиміра и Екатерины Умецкихъ, въ отношеніи къ малолѣтней дочери ихъ Ольгѣ, которая жестокимъ обращеніемъ съ нею родителей, какъ признали присяжные, также доведена была до отчаянія; разница только въ томъ, что въ виду закона было отчаяніе, выражающееся въ посягательствѣ на самоубійство, а въ настоящемъ случаѣ отчаяніе, происшедшее отъ тѣхъ же причинъ, выразилось впаденіемъ въ преступленіе несчастной жертвы злоупотребленія родительской власти; но очевидно, что разница эта вовсе несущественна, ибо она зависитъ не отъ образа дѣйствій виновныхъ родителей, а отъ обстоятельствъ отъ нихъ независѣвшихъ и въ особенности отъ характера малолѣтней. Поэтому хотя присяжные и признали недоказаннымъ посягательство Ольги Умецкой на самоубійство, однако это нисколько не воспрепятствовало окружному суду примѣнить вышеприведенный законъ къ преступнымъ дѣйствіямъ ея родителей на основаніи 151 ст. Улож. Такое воззрѣніе на дѣло было бы вполнѣ согласнымъ и съ прежнею нашею судебною практикою. Въ 1854 г. доходило до разсмотрѣнія государственнаго совѣта дѣло о вдовѣ гвардіи капитана Леонтьевой, судимой за жестокое обращеніе съ своимъ малолѣтнимъ сыномъ. Хотя малолѣтній Ѳедоръ Леонтьевъ, побоями и вообще жестокимъ обращеніемъ съ нимъ матери не былъ доведенъ до самоубійства, однако государственный совѣтъ находилъ, что къ преступленію Леонтьевой можетъ быть ближе всего примѣненъ вышеприведенный законъ, и только по особымъ уваженіямъ призналъ возможнымъ, не лишая Леонтьеву принадлежащихъ ей правъ и преимуществъ, помѣстить ее въ одинъ изъ отдаленныхъ монастырей, гдѣ можно дѣйствовѣть на ея совѣсть назиданіемъ и увѣща-

ніемъ и устранить ее отъ всякаго участія въ воспитаніи дѣтей. Мнѣніе государственнаго совѣта по этому дѣлу удостоено Высочайшаго утвержденія 17 ноября 1854 года."

Статья 1476 очевидно касается какъ несовершеннолѣтнихъ дѣтей, такъ и совершеннолѣтнихъ, если послѣдніе находятся на содержаніи родителей, и, неимѣя занятія или промысла вполнѣ отъ нихъ зависятъ; затѣмъ она примѣнима къ служебнымъ отношеніямъ, что буквально выражено въ ней. Хотя сенатъ при вышеприведенномъ толкованіи имѣлъ въ виду малолѣтнихъ, но нѣтъ никакихъ причинъ не распространять его и на совершеннолѣтнихъ и на состоящихъ въ служебныхъ отношеніяхъ, что подастъ поводъ къ нескончаемымъ недоразумѣніямъ.

Законъ нашъ не смотритъ теперь на самоубійство, какъ на преступленіе. Но пособники на самоубійство наказываются, какъ пособники не умышленное убійство; сюда относятся склоненіе къ самоубійству, т. е. чрезъ подговоры, совѣты, подстрекательство, далѣе доставленіе средствъ для самоубійства, напр. яда или оружія, и всякаго рода иное участіе (ст. 1475). Такимъ образомъ, участіе въ такомъ преступленіи, за которое положено церковное покаяніе, наказывается каторжной работой. Но это вовсе не составляетъ противорѣчія съ основными началами уголовнаго законодательства; здѣсь признано право человѣка располагать собою, своею жизнью, а участникъ является собственно посягателемъ на жизнь другаго лица, слѣдовательно, юридически онъ не пособникъ, а самостоятельный дѣятель другаго преступленія—убійства.

Впрочемъ, совершенное приравненіе пособника на самоубійство съ умышленнымъ убійцей, очевидно, слишкомъ строго; убійца тотъ, кто задумавъ лишить жизни другаго, отыметъ у него величайшее благо, помимо его воли; совѣсть же пособника на самоубійство не такъ отягчена, какъ совѣсть убійцы: онъ можетъ себя успокоивать, что и безъ его помощи рѣшившійся на самоубійство лишилъ бы себя жизни. Только въ томъ случаѣ, когда посягнувшій на самоубійство былъ въ помраченіи ума, пособничество является дѣйствительнымъ убійствомъ.

Вдумываясь въ постановленія Уложенія о самоубійствѣ и въ общія его начала, мы приходимъ къ заключенію, что ст. 1475 допускаетъ исключенія. Такъ, если кто помогалъ такому самоубійству, которое по закону не признается безнравственнымъ, напр. женщинѣ, рѣшившейся на это дѣйствіе для сохраненія цѣломудрія, когда избавить ее иначе отъ опасности онъ не могъ, или помогалъ самоубійству изъ великодушнаго патріотизма, то едва ли онъ, по нашему мнѣнію, можетъ быть подведенъ подъ эту статью. Далѣе, если напр. солдатъ на полѣ сраженія прикалываетъ своего смертельно раненнаго товарища по его мольбѣ, чтобы сократить его мученія, — что случается нерѣдко, или когда генералъ, окруженный

непріятелемъ, не желая попасться ему въ плѣнъ и доставить трофей, предлагаетъ своему адъютанту помочь ему въ самоубійствѣ. Никакой судъ не признаетъ подобныхъ поступковъ убійствомъ,—здѣсь нѣтъ главнаго элемента убійства—злостнаго лишенія жизни.

Также сомнителенъ случай обоюдо-условленнаго самоубійства. Если, напр. двое влюбленныхъ, не видя счасливаго исхода страсти уговариваются погибнуть вмѣстѣ; мужчина беретъ пистолетъ, застрѣливаетъ возлюбленную, а потомъ приставляетъ оружіе къ своей груди, но въ это время его схватываютъ, или онъ и выстрѣлилъ въ себя, но рана оказалась не смертельной. Или еще болѣе: они вмѣстѣ достали ядъ, вмѣстѣ приготовили питье, вмѣстѣ выпили, но только одинъ умеръ, а другаго успѣли спасти противоядіемъ. Здѣсь существуетъ въ первомъ примѣрѣ и убійство и самоубійство вмѣстѣ, но при такихъ условіяхъ, что весьма сомнительно признаніе убійства. Впрочемъ, французскій кассаціонный судъ призналъ этотъ случай подходящимъ къ убійству. Во второмъ случаѣ выдѣлить убійство отъ самоубійства и дать ему отдѣльное значеніе, чрезвычайно трудно.

Оставленіе въ опасности. Это преступленіе въ высшихъ его видахъ составляетъ или родъ убійства умышленнаго, или родъ убійства безъ прямаго намѣренія; въ другихъ видахъ оно представляется своеобразнымъ.

Оставленіе въ опасности раздѣляется на два вида: оставленіе малолѣтнихъ и взрослыхъ.

Подкинутіе младенцевъ бываетъ нерѣдко въ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ воспитательныхъ домовъ; оно бываетъ какъ относительно незаконно-рожденныхъ, такъ и законно-рожденныхъ, когда родители по бѣдности не могутъ содержать ребенка. Преступность состоитъ въ томъ, что никто не можетъ сваливать на другаго или на общество тяжесть, лежащую на немъ по законамъ естественнымъ и гражданскимъ; а такъ какъ содержаніе и воспитаніе дѣтей лежитъ по закону на обязанности родителей, то нарушеніе этой обязанности составляетъ проступокъ въ юридическомъ смыслѣ, а въ нравственномъ — одно изъ тяжкихъ дѣяній. Кромѣ подкидыванія грудныхъ дѣтей, можетъ быть съ тѣми же цѣлями совершенно и оставленіе малолѣтнихъ. Цѣли могутъ быть и болѣе гнусныя: оставить ребенка безъ помощи, чтобы онъ погибъ. Законъ различаетъ поэтому слѣдующіе виды этого преступленія: 1) покинутіе или оставленіе ребенка въ такомъ мѣстѣ, гдѣ можно ожидать, что онъ будетъ найденъ, — слѣдовательно, когда ясно видно намѣреніе подкинувшаго только избавиться отъ тягостей содержанія, но не погубить ребенка. За это постановлено легкое исправительное наказаніе—арестъ не свыше трехъ мѣсяцевъ (Мир. Уст. ст. 144). 2) Оставленіе или подкинутіе ребенка въ такихъ мѣстахъ,

гдѣ нельзя было ожидать, что онъ будетъ найденъ другими. Здѣсь очевидно было желаніе погубить его; но все-таки нельзя это дѣйствіе сравнить съ умысломъ на убійство; ребенка все-таки могли найти, будь даже это въ лѣсу; это — оставленіе его по народному выраженію „на волю Божію". Наказаніе за это преступленіе различается, смотря по возрасту оставленнаго ребенка: а) когда ему было менѣе 3 лѣтъ, b) болѣе трехъ, но менѣе семи лѣтъ, с) болѣе 7 лѣтъ, но когда онъ не достигъ еще „того возраста, въ коемъ онъ можетъ собственными силами снискивать себѣ пропитаніе". Возрастъ оставленнаго, конечно, весьма важенъ: если ребенокъ можетъ ходить и говорить, то у него существуютъ шансы спасенія отъ опасности, которые увеличиваются съ лѣтами. Въ первомъ случаѣ слѣдуетъ ссылка въ Сибирь на поселеніе или на житье по первой степени (ст. 1503), во второмъ и третьемъ случаяхъ — ссылка на житье въ Сибирь по 2 степени. Мы видѣли, что въ третьемъ случаѣ возрастъ неопредѣленъ въ цифрѣ, но лицо все-таки названо „малолѣтнимъ", слѣдовательно неимѣющимъ 14 лѣтъ, а можетъ быть и неимѣющимъ 17 лѣтъ, если взять цифры гражданскихъ законовъ, но первое вѣрнѣе, по смыслу статьи. Въ ней не безусловно признано преступленіемъ оставленіе малолѣтняго свыше семилѣтняго возраста, а только въ томъ случаѣ, когда онъ недостигъ того возраста, въ коемъ можетъ собственными силами снискивать себѣ пропитаніе. Законодатель не могъ здѣсь обозначить цифрой такого возраста, потому что это зависитъ отъ происхожденія, воспитанія и пола ребенка. Крестьянскій мальчикъ 13 лѣтъ можетъ снискать себѣ пропитаніе работой, къ которой онъ пріученъ; но дѣвочка того же возраста, воспитанная въ достаточномъ семействѣ и брошенная, остается совершенно безъ возможности снискать себѣ пропитаніе: къ черной работѣ она не пріучена и неспособна, а снискивать себѣ пропитаніе либеральной профессіей не можетъ потому, что воспитаніе ея неокончено; ей предстоятъ бѣдствія всякаго рода.

Одинъ видъ оставленія младенца безъ помощи, притомъ на вѣрную смерть и, наконецъ, когда смерть дѣйствительно послѣдовала, наказывается, однако, гораздо легче: „Женщина, которая отъ стыда или страха, хотя и не умертвитъ незаконно-рожденнаго своего младенца, но оставитъ его безъ помощи и младенецъ отъ того лишится жизни, приговаривается къ ссылкѣ на житье въ Сибирь" (ст. 1460). Это постановленіе составляетъ необходимое слѣдствіе ст. 1451, ч. 2.

При подкинутіи младенца не приведено ослабляющимъ вину то обстоятельство, что это совершено матерью незаконнорожденнаго. Отсюда вытекаетъ та странность, что женщина, которая въ волненіи отъ стыда и страха оставитъ незаконнорожденнаго въ глухомъ мѣстѣ, но, однако, перевязавши его, можетъ подвергнуться и въ томъ случаѣ, когда

младенецъ былъ найденъ живымъ, ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе (ст. 1513), а когда она оставитъ его возлѣ себя безъ всякой помощи, безъ перевязки, и допуститъ умереть, то подвергается, какъ мы видѣли, ссылкѣ въ Сибирь на житье по 4-й степени.

Ст. 1515 говоритъ, что наказаніямъ, опредѣленнымъ за подкинутіе или оставленіе чужаго ребенка, подвергаются не только родители и лица, обязанныя по закону имѣть о немъ попеченіе, но также и тѣ, которые учинятъ это дѣйствіе съ согласія родителей. Эта статья не излишняя; могло быть сомнѣніе считать ли подкинувшихъ ребенка по желанію родителей участниками преступленія, такъ какъ подкинутіе можно было разсматривать какъ нарушеніе только родительской обязанности. Но ст. 1515 прямо указываетъ, что въ этомъ дѣяніи заключается не только нарушеніе спеціальной обязанности, но и важная опасность для жизни малолѣтняго.

Оставленіе въ опасности взрослаго бываетъ въ двухъ случаяхъ 1) относительно больнаго и по инымъ причинамъ лишеннаго силъ (напр. отъ дряхлости) или умственныхъ способностей, если его оставятъ безъ помощи тѣ лица, которыя по природѣ или по данному обѣщанію обязаны были заботиться о немъ (ст. 1516); 2) когда проводникъ оставитъ кого „въ такомъ мѣстѣ или въ такомъ положеніи, въ коихъ жизнь его *должна была непремѣнно* и именно отъ сего подвергнуться опасности" (ст. 1517), или если путешественникъ оставитъ самовольно попутчика „въ такомъ мѣстѣ или въ такомъ положеніи, въ коихъ жизнь его также *могла или же и должна была* отъ сего оставленія подвергнуться опасности" (ст. 1518).

Во второмъ случаѣ законъ употребляетъ иныя выраженія, чѣмъ въ первомъ и въ оставленіи малолѣтнихъ; онъ не говоритъ только о возможности опасности для жизни, но о неизбѣжности этой опасности: „должна была непремѣнно", „могла или же и должна была" жизнь быть въ опасности. Статья объ оставленіи проводникомъ или попутчикомъ, по мысли редакторовъ Уложенія, должна была имѣть спеціальное значеніе. Въ проектѣ Уложенія сказано: „Въ законахъ великаго княжества Финляндскаго означенъ случай покинутія проводникомъ человѣка въ пустыняхъ Лапландіи. Какъ въ Россіи много мѣстъ, въ коихъ такое оставленіе человѣка безъ проводника можетъ имѣть пагубныя для него послѣдствія, то мы признали нужнымъ сіе правило помѣстить въ нашъ проектъ Уложенія".... Но такое оставленіе представляетъ опасность для жизни не только въ пустынѣ, но и вблизи мѣстъ населенныхъ, если сдѣлано ночью, во время зимней вьюги, когда незнающему мѣстности предстоитъ опасность замерзнуть или быть занесеннымъ снѣгомъ даже у деревенской околицы. Впрочемъ, выраженіе: „оставить его.... или *въ такомъ поло-*

женія" достаточно для того, чтобы подвести указанный нами фактъ подъ 1517 статью. Наказанія за означенныя преступленія: ссылка на житье въ Сибирь — за оставленіе больнаго, или за покинутіе проводникомъ, а за оставленіе попутчика — заключеніе въ смирительномъ домѣ. Облегчающимъ вину обстоятельствомъ служатъ самоупорныя дѣйствія самаго оставленнаго или затѣянная имъ ссора; наказаніе тогда понижается: вмѣсто ссылки на житье—смирительный домъ, вмѣсто заключенія въ смирительный домъ—заключеніе въ тюрьму или арестъ.

Во всѣхъ случаяхъ оставленія малолѣтняго и взрослаго нѣтъ повышенія наказанія — когда бы дѣйствительно оставленный лишился жизни; между тѣмъ какъ при нанесеніи ранъ и увѣчья или при незаконномъ задержаніи таковой результатъ, даже и тогда, когда бы преступникъ не имѣлъ его въ виду, служитъ важнымъ отягчающимъ началомъ. Но если самовольное оставленіе человѣка въ опасности было слѣдствіемъ намѣренія лишить его жизни, тогда виновный, по 1519 ст., подвергается наказанію какъ за предумышленное убійство. Это постановленіе слишкомъ строго въ томъ случаѣ, когда лишенія жизни не послѣдовало; оно противорѣчитъ общему началу, выраженному въ 115 ст., по которому, если покусившимся на преступленіе сдѣлано все нужное для приведенія намѣренія въ исполненіе, а зла не послѣдовало по особымъ непредвидѣннымъ имъ обстоятельствамъ, то онъ подвергается наказанію одною, двумя или тремя степенями ниже противъ наказанія, постановленнаго за самое совершеніе преступленія. Оставленіе человѣка съ намѣреніемъ лишить его жизни въ такомъ мѣстѣ и при такихъ обстоятельствахъ, гдѣ жизни его грозитъ вѣрная опасность, нельзя считать иначе, какъ одинъ изъ способовъ выполненія намѣренія убійства; слѣдовательно, если результата не послѣдовало, хотя бы независимо отъ воли преступника, то наказаніе должно быть смягчено на 1, 2 или 3 степени; мы не видимъ причины, почему этотъ способъ хуже и безнравственнѣе напр. отправленія или выстрѣла въ упоръ; здѣсь, во всякомъ случаѣ даже больше шансовъ счастливаго исхода.

Той же строгостью отличается и 1520 ст.: „Если кто либо изъ какихъ бы то ни было видовъ, хотя и безъ рѣшительнаго намѣренія на смертоубійство, но завѣдомо и съ умысломъ заведетъ или поставитъ другаго въ такое положеніе, въ коемъ, *по всей вѣроятности*, жизнь его должна была подвергнуться опасности, то виновный въ семъ приговаривается къ наказаніямъ, опредѣленнымъ выше сего, въ ст. 1458, за смертоубійство безъ прямаго на оное намѣренія," т. е. къ каторжной работѣ на 8—12 или 12—20 лѣтъ. Мы видимъ, однако, большую разницу въ преступленіи, означенномъ въ 1458 ст., отъ описаннаго въ ст. 1520: и тамъ и здѣсь предпринимается преступное дѣйствіе, отъ котораго мо-

жетъ человѣкъ лишиться жизни, но ст. 1458 имѣетъ приложеніе тогда, когда дѣйствительно кто либо лишился жизни,—это и есть убійство, дѣйствительное убійство безъ прямаго на оное намѣренія, а по 1520 ст., вовсе не требуется, чтобы поставленный въ опасное положеніе дѣйствительно лишился жизни. Эта разница должна была выразиться и въ различіи наказаній.

Къ разряду разбираемаго преступленія относятся еще слѣдующія дѣянія, помѣщенныя въ отдѣлѣ нарушенія постановленій о торговомъ мореплаваніи: 1) оставленіе корабельщикомъ судна въ опасности, — за это онъ подвергается ссылкѣ въ Сибирь на житье или на поселеніе (ст. 1225); 2) если онъ въ случаѣ опасности сойдетъ съ корабля прежде, нежели всѣ прочіе его оставятъ,—то подвергается заключенію въ тюрьмѣ или въ смирительномъ домѣ (ст. 1226) и 3) если онъ, отлучившись съ корабля, не сдѣлаетъ нужныхъ на время отсутствія распоряженій, съ порученіемъ штурману надъ судномъ начальства,—то подвергается денежному взысканію или заключенію въ тюрьмѣ (ст. 1224).

Къ оставленію въ опасности относится и неподаніе помощи погибающему, когда лицо, по званію своему, обязано было этой помощью. Разница между этимъ дѣйствіемъ и оставленіемъ въ опасности та, что первое есть дѣяніе отрицательное, второе — положительное; при первомъ лицо желаетъ только избавить себя отъ безпокойствъ, при второмъ оно употребляетъ усилія, чтобы поставить жизнь другаго въ опасность. Къ этому относятся: 1) неявка врача на помощь больному, безъ особенныхъ законныхъ причинъ, когда онъ зналъ объ опасности,—за это врачъ подвергается аресту и денежному взысканію (ст. 1522); 2) неподаніе помощи кораблю, находящемуся въ опасности, прибрежнымъ или портовымъ лоцманомъ,—наказаніе за это: заключеніе въ тюрьмѣ и запрещеніе быть когда либо лоцманомъ (ст. 1256) и 3) бездѣйствіе власти, когда чиновникъ могъ употребленіемъ ея спасти жизнь лица отъ опасности со стороны преступника, составляетъ особый родъ преступленій, наказуемый или дисциплинарными наказаніями, или заключеніемъ въ крѣпости, или даже ссылкой въ Сибирь на житье (ст. 341).

Если же лицо, необязанное по должности подавать помощь, откажетъ въ ней погибающему, когда оно могло это сдѣлать безъ всякой для себя опасности, то оно подвергается только церковному покаянію (ст. 1521). Законъ не могъ сдѣлать большаго, потому что въ этомъ случаѣ есть только безнравственный эгоизмъ. Но если отказъ въ помощи при такихъ обстоятельствахъ былъ сдѣланъ родителямъ, супругу, или вообще близкимъ родственникамъ, то здѣсь будетъ нѣчто больше эгоизма. Законъ, однако, не предусмотрѣлъ этого случая. Во всякомъ случаѣ, по примѣру нѣкоторыхъ иностранныхъ законодательствъ, слѣдовало бы неоказавшаго помощи лишать права наслѣдства послѣ погибшихъ.

ГЛАВА XXIII.

ТѢЛЕСНЫЯ ПОВРЕЖДЕНІЯ.

Увѣчья, ихъ опредѣленіе и раздѣленіе. Раны и ихъ раздѣленіе на тяжелыя и легкія. Основанія такого дѣленія. Вопросъ этотъ предоставленъ усмотрѣнію суда. Побои, ихъ раздѣленіе на три вида. Истязанія и мученія. Разстройство здоровья и умственныхъ способностей. Условія, опредѣляющія наказанія за тѣлесныя поврежденія: матеріальная ихъ тяжесть, степень воли, качество жертвы, послѣдствія, хотя и независѣвшія отъ намѣренія дѣятеля. Таблица наказаній за тѣлесныя поврежденія.

Второй разрядъ преступленій противъ физической природы человѣка составляетъ всякаго рода поврежденія безъ лишенія жизни. Эти поврежденія безконечно разнообразны. Уложеніе сводитъ ихъ къ пяти главнымъ видамъ: 1) увѣчья, 2) раны, 3) побои, 4) разстройство здоровья, 5) разстройство умственныхъ способностей. Различіе первыхъ четырехъ разрядовъ почти исключительно внѣшнее: изувѣченье есть отнятіе члена; рана — поврежденіе съ разрывомъ оболочекъ, преимущественно острымъ или огнестрѣльнымъ оружіемъ; побои — удары, наносимые тупымъ орудіемъ или рукой; разстройство здоровья производится внутренними средствами: оно соотвѣтствуетъ отравленію. Вывихи и фрактуры (поломы) не обозначены Уложеніемъ, такъ что ихъ надобно относить или къ побоямъ или къ разстройству здоровья.

Различіе качественное заключается не въ способѣ нанесенія поврежденія и не въ формѣ его а въ важности его, — такъ, существуютъ разряды побоевъ, нанесеніе которыхъ наказывается строже, чѣмъ нанесеніе легкихъ ранъ; даже изувѣченье невсегда считается важнѣйшимъ изъ всѣхъ тѣлесныхъ поврежденій: нѣкоторые виды его наказываются легче, чѣмъ высшій разрядъ ранъ и побоевъ.

Уложеніе раздѣляетъ изувѣченье на двѣ степени: первую оно называетъ болѣе тяжкой, вторую менѣе тяжкой. Смыслъ этихъ выраженій подробно опредѣленъ Уложеніемъ. Изувѣченье болѣе тяжкое состоитъ по 1477 ст.: „въ лишеніи зрѣнія, языка, слуха или руки, ноги или дѣтородныхъ частей, или въ произведеніи неизгладимаго на лицѣ обезображенія". Всѣ другіе роды изувѣченья относятся ко второй категоріи причемъ Уложеніе не занимается исчисленіемъ ихъ.

Лишеніе зрѣнія прямо показываетъ, что здѣсь идетъ дѣло не объ одномъ выкалываніи глаза: лишить зрѣнія можно и такъ, что глазныя яблоки останутся цѣлыми; далѣе, если будетъ у нормальнаго человѣка выколотъ одинъ глазъ, онъ не лишенъ зрѣнія, — это будемъ, впрочемъ, неизгладимое обезображенье. „Языкъ" употребленъ въ двоякомъ смыслѣ: и какъ органъ слова и какъ органъ вкуса; если и у нѣмаго будетъ отрѣзанъ языкъ — это также изувѣченье первой степени, хотя онъ не лишенъ дара слова, потому что не имѣлъ его; наоборотъ, если нормальнаго человѣка побоями, или испугомъ, — напр. если бросятъ внезапно въ воду человѣка нервнаго или робкаго, или суевѣрному представятъ появленіе мертвеца,—лишатъ способности говорить—это будетъ также лишеніе языка. Рука и нога должны быть принимаемы въ широкомъ смыслѣ, какъ части тѣла, необходимыя для дѣйствія и ходьбы. Такъ напр. приведеніе руки или ноги въ паралитическое состояніе также будетъ „лишеніе" ихъ, что согласно и съ употребленіемъ этого слова: когда говорятъ про кого нибудь, „онъ лишился руки" — подъ этимъ разумѣютъ одинаково, какъ отрубленіе руки, такъ и приведеніе ея въ полную неспособность дѣйствовать. (Касац. 1868 г., № 716). Отнятіе кисти руки или ступни ноги также равно ихъ полному лишенію. Но отрубленіе руки парализированной, точно также какъ лишеніе глаза слѣпаго, не будетъ лишеніемъ руки или лишеніемъ зрѣнія, а только раной. Лишеніе дѣтородныхъ частей надобно понимать преимущественно въ смыслѣ лишенія производительной силы, способности дѣторожденія. Такое лишеніе можетъ быть произведено и безъ отнятія дѣтородныхъ частей, напр. прокалываніемъ мошенки и разрывомъ сѣменныхъ нитей. Но отнятіе дѣтородныхъ частей у старика неспособнаго къ дѣторожденію или импотента или даже у оскопленнаго также подходитъ подъ 1477 ст., п. ч. дѣтородный членъ служитъ органомъ и мочеиспусканія, лишеніе мошенки производитъ болѣзненное разстройство физическое и умственное.

Произведеніе „неизгладимаго на лицѣ обезображенія" изъ всѣхъ поврежденій самое неопредѣленное; признаніе его вполнѣ есть дѣло факта, оно зависитъ отъ пола и возраста лица и другихъ обстоятельствъ. Наружность имѣетъ для женщины несравненно болѣе цѣны, чѣмъ для мужчины, для молодаго болѣе, чѣмъ для стараго. Если бы молодой и кра-

сивой дѣвицѣ былъ нанесенъ по лицу острымъ орудіемъ ударъ, который бы навсегда оставилъ разбитыми ея губы, или лицо было ей облито купоросомъ или другой такого рода жидкостью, вслѣдствіе чего у ней явились бы вѣчныя багровыя пятна, то всякій судья признаетъ здѣсь важное преступленіе — нанесенія неизгладимаго обезображенья. Но представимъ, что то же самое произведено на лицѣ стараго солдата, на которомъ легла печать лѣтъ, трудовъ, боевой жизни или пьянства: шрамъ на щекѣ или пятно не безобразятъ его, они или исчезаютъ, или даже придаютъ ему болѣе воинственный видъ, да, наконецъ, онъ и не думаетъ о красотѣ наружности. И вообще: не можетъ быть обезображенья безобразнаго лица. Словомъ, одно и то же поврежденіе лица можетъ быть признано для одного субъекта неизгладимымъ обезображеніемъ, для другаго—нанесеніемъ легкой раны или побоевъ. Лишеніе носа, — онъ не исчисленъ 1477 ст. въ ряду членовъ тѣла, — во всякомъ случаѣ есть нанесеніе неизгладимаго обезображенья. Но отрубленіе уха, если притомъ человѣкъ не лишился слуха, нельзя отнести къ неизгладимому обезображенью, и сомнительно отнести къ увѣчью.

Раны раздѣляются Уложеніемъ на тяжкія и легкія. Различіе между тѣми и другими не опредѣлено ни Уложеніемъ, ни Уставомъ судебной медицины. Законъ предоставляетъ вполнѣ усмотрѣнію суда признаніе раны тяжелой или легкой. Вообще нѣтъ твердаго начала для различія этихъ двухъ категорій. Если взять за начало, какъ дѣлаютъ нѣкоторыя законодательства, неспособность болѣе или менѣе продолжительную къ работѣ или другимъ обыкновеннымъ занятіямъ, — напр. если эта неспособность продолжалась болѣе 20 дней, то считать рану тяжелой, — откроется много произвольнаго, степень наказанія не будетъ зависѣть отъ главнаго элемента — намѣренія, степени безнравственности. Такъ одна и та же рана на человѣка крѣпкаго сложенія произведетъ неважное разстройство, а на болѣзненнаго — важное. Болѣе раціональнымъ представляется различеніе легкой и тяжелой раны по роду орудія и части тѣла, на которую оно направлено, потому что это, по крайней мѣрѣ, обнаруживаетъ большую или меньшую преступность намѣренія. Уложеніе признаетъ родъ орудія и большую или меньшую важность части тѣла, подвергшейся ранѣ, и продолжительность болѣзни, отъ того преисшедшей, но не какъ начало различія тяжелой раны отъ легкой, а какъ обстоятельства, условливающія мѣру и степень наказанія при нанесеніи тяжелой раны. Въ такомъ же смыслѣ, т. е. какъ обстоятельство, вліяющее на мѣру наказанія, поставлено при увѣчьи менѣе важномъ (ст. 1478): большая или меньшая продолжительность неспособности „къ обычнымъ занятіямъ и работамъ. Законъ прибавилъ при занятіяхъ и работахъ прилагательное „обычныя“. Слѣдовательно продолжительность неспособ-

ности зависитъ столько же отъ тяжести страданія, сколько и отъ свойства обычныхъ занятій лица: была ли напр. повреждена нога сапожнику или танцовальному учителю, была ли повреждена рука ученому или землекопу, или, наконецъ, какой бы ни было членъ человѣку, ничѣмъ незанимающемуся. Слѣдовательно, не воля, не степень безнравственности имѣютъ здѣсь значеніе, а постороннія обстоятельства. Кажется, болѣе согласнымъ съ духомъ Уложенія будетъ признать тяжелой раной такую, которая была направлена на опасную часть тѣла и, вмѣстѣ съ тѣмъ, причинила большія страданія, долгое время удерживала человѣка въ постели, или надолго лишила его возможно заниматься обычной работой.

Но различіе тяжелой раны отъ легкой предоставляется усмотрѣнію суда, по выслушаніи заключенія медиковъ.

Въ проектѣ Уложенія сказано: „Въ постановленіяхъ о наказаніи за нанесеніе ранъ мы сохранили существующее различіе ранъ на тяжкія и легкія, ибо въ нихъ нѣтъ такихъ отличительныхъ наружныхъ признаковъ, какъ въ увѣчьяхъ и, слѣдственно, нельзя съ такою точностью опредѣлить ихъ важность. Оная должна быть опредѣляема особо въ каждомъ случаѣ, и сіе по необходимости надлежитъ предоставить усмотрѣнію судьи“.

Побои Уложеніе раздѣляетъ на три степени: 1) „тяжкіе, подвергающіе жизнь опасности“, 2) „тяжкіе, но неподвергающіе жизнь опасности“, 3) „обыкновенные, легкіе побои“. Здѣсь Уложеніе устанавливаетъ признакъ для различія двухъ первыхъ степеней побоевъ, именно: опасность для жизни; но этотъ признакъ видимо зависитъ не отъ части тѣла, которая подвергалась побоямъ, а есть только усиленіе, высшая степень тяжести побоевъ: побои были столь тяжки, что подвергали жизнь опасности. Побои втораго и третьяго разрядовъ отнесены не къ тѣлеснымъ поврежденіямъ, а къ личнымъ оскорбленіямъ, что, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи тяжкихъ побоевъ, нельзя назвать правильнымъ.

На ряду съ побоями перваго разряда Уложеніе ставитъ „истязанія и мученія“.

Подъ истязаніями надобно разумѣть нанесеніе орудіями физической боли, но не ранъ, увѣчья, побоевъ, — напр. сѣченіе розгами, повѣшеніе за волосы, давленіе, и т. под. Мученія не отличаются рѣзко отъ истязаній; кажется, что подъ этимъ словомъ надобно разумѣть причиненіе физическихъ страданій не орудіями, а напр. мореніе голодомъ, держаніе на морозѣ, —одна изъ употребительныхъ пытокъ состояла въ накормленіи селедкой и въ держаніи послѣ этого въ банѣ для возбужденія мучительной жажды. Мученія, по употребленію разговорному этого слова,

могутъ состоять и въ моральныхъ страданіяхъ, напр. въ постоянныхъ упрекахъ, оскорбленіяхъ, и т. под. Они бываютъ такъ значительны, что сводятъ въ могилу. Но этого рода факты недоступны дѣйствію уголовнаго закона, какъ они ни возмутительны, и подъ мученіями въ Уложеніи надобно разумѣть только физическія страданія, причиненныя матеріальными причинами.

Значеніе истязаній и мученій не точно опредѣлено Уложеніемъ. Ст. 1489 говоритъ: „За причиненіе кому либо... тяжкихъ, подвергающихъ жизнь его опасности, побоевъ или иныхъ истязаній или мученій...“. При другихъ же видахъ побоевъ ничего не говорится о соотвѣтственныхъ истязаніяхъ и мученіяхъ (ст. 1533). Отсюда рождается вопросъ: выраженіе, находящееся въ 1489 ст. „тяжкихъ, подвергающихъ жизнь опасности“, относится ли къ одному непосредственно слѣдующему за симъ слову „побоевъ“, или также и къ другимъ: „истязаній или мученій“; другими словами, всякія ли истязанія и мученія наказываются наравнѣ съ побоями перваго разряда, или только таковыя изъ нихъ, которыя подвергаютъ жизнь опасности.

Кассаціонный сенатъ разъяснилъ, что выраженіе „подвергающихъ жизнь опасности“ не относится къ истязаніямъ и мученіямъ; что послѣдніе подводятся подъ 1489 ст. и тогда, когда не угрожали жизни опасностью; это выведено сенатомъ изъ грамматическаго толкованія 1489 ст. и изъ того обстоятельства, что если считать подходящими подъ 1489 ст. только истязанія и мученія, угрожающія опасностью жизни, то всѣ другія истязанія и мученія оставались бы ненаказуемыми, потому что о нихъ не говорится въ законѣ *). Но такое толкованіе имѣетъ другую опасность, а именно, что нанесеніе всякаго незначительнаго страданія, несостоящаго въ побояхъ или ранахъ, напр. дранье за волосы, за уши—можно будетъ подвести подъ грозную 1489 статью. Поэтому сенатъ поспѣшилъ разъяснить, что „хотя выраженіе, мученіе и жестокость“ не представляетъ собою опредѣлительныхъ признаковъ, ибо всякое физическое насиліе болѣе или менѣе сопровождается и физическимъ страданіемъ, но очевидно, что при истязаніи, какъ болѣе тяжкомъ преступленіи, мученіе и жестокость должны представлять собою высшую и притомъ болѣе продолжительную степень, нежели при обыкновенномъ насиліи и побояхъ, *хотя бы тяжкихъ*“. (Кассац. 1870 г. № 1413). Такимъ образомъ истязанія и мученія, по толкованію сената,

*) Кассац. 1869 г. № 552. «Изъ разсмотрѣнія всѣхъ статей Уложенія, въ коихъ упоминается объ истязаніяхъ, нельзя не прійти къ убѣжденію въ томъ, во 1-хъ, что истязанія не имѣютъ ничего общаго съ обидой дѣйствіемъ, такъ какъ подъ истязаніями слѣдуетъ понимать вообще посягательство на личную неприкосновенность, сопровождающееся мученіями и

составляетъ такое физическое страданіе, которое стоитъ (по крайней мѣрѣ) между тяжкими побоями и тяжкими побоями, грозящими опасностью жизни. По одному частному дѣлу сенатъ нашелъ, что поступокъ, заключающійся въ томъ, что нѣкто, надѣвъ на шею жены своей петлю и привязавъ конецъ веревки къ ножкѣ стола, давилъ жену петлею, не подвергая впрочемъ жизнь ея опасности, имѣетъ характеръ истязанія. Отсюда возникаетъ трудность рѣшенія дѣлъ объ истязаніяхъ и мученіяхъ.

При физическихъ насиліяхъ необходимо, чтобы присяжные опредѣлили всѣ положительныя качества того или другаго насилія; такъ недостаточно, чтобы они признали, что А. нанесъ В. рану, отъ которой тотъ долго страдалъ, а надобно, для подведенія подъ 1481 ст., чтобы они прямо признали, что рана была тяжелая; недостаточно для подведенія подъ

жестокостью и что истязанія являются или самостоятельнымъ преступленіемъ, или обстоятельствомъ, особо увеличивающимъ вину и наказаніе при совершеніи другихъ преступленій. Какъ о преступленіи самостоятельномъ объ истязаніяхъ говорится только въ ст. 1489—1592, а какъ объ обстоятельствѣ, особо увеличивающемъ вину и наказаніе, о нихъ упоминается въ разныхъ отдѣлахъ Уложенія, между прочимъ въ ст. 345, 378, 432, 1453, 1477, 1479, 1526, 1542 и др. Что истязанія и оскорбленіе дѣйствіемъ не считаются закономъ дѣйствіями однородными и подвергающими одинаковому наказанію, видно, между прочимъ, изъ сравненія 1541 съ 1542 ст. Улож.; въ обѣихъ этихъ статьяхъ оскорбленіе дѣйствіемъ и истязанія указаны какъ обстоятельства особо увеличивающія вину противузаконнаго задержанія и заключенія, но первое увеличиваетъ опредѣленное за это преступленіе наказаніе только на одну степень, между тѣмъ какъ второе измѣняетъ самый родъ наказанія, возводя его отъ одного изъ легкихъ до самой высшей мѣры строжайшаго изъ исправительныхъ наказаній, какъ это видно изъ сравненія 1542 съ 1489 ст. Улож. о наказ. Всѣ эти соображенія приводятъ къ несомнѣнному выводу, что истязанія представляютъ особый родъ преступленій противъ личности, совершенно отличный отъ обидъ дѣйствіемъ какъ по характеру преступленія, такъ и по степени отвѣтственности. Затѣмъ остается разрѣшить вопросъ о томъ, необходимо ли для измѣненія 1489 ст. Улож., чтобы истязанія, причиненныя извѣстному лицу, подвергали жизнь истязуемаго опасности. Для разрѣшенія этого вопроса необходимо принять во вниманіе, во первыхъ, что изъ одного уже грамматическаго смысла 1489 ст. нельзя не прійти къ убѣжденію, что слова «подвергающихъ жизнь опасности», относятся только къ побоямъ и не распространяются на предусмотрѣнныя въ этой статьѣ истязанія или мученія; это видно изъ употребленнаго въ ней слова «иныхъ», доказывающаго, что подвергающіе опасности жизнь побои приравниваются съ истязаніями и подвергаютъ одинаковой съ ними отвѣтственности; во вторыхъ, говоря объ истязаніяхъ, какъ о самостоятельномъ преступленіи, или какъ объ обстоятельствѣ, особо увеличивающемъ вину при совершеніи другихъ преступленій, законъ нигдѣ не упоминаетъ объ истязаніяхъ, подвергающихъ опасности жизнь истязуемаго, и наконецъ въ третьихъ, изъ сравненія вышеозначенныхъ 1542 и 1489 ст. видно, что по первой изъ нихъ истя-

1489 ст., чтобы они признали, что А. нанесъ В. тяжкіе побои напр. по головѣ, надобно, чтобъ они положительно признали, что при этомъ была опасность для жизни. Слѣдственно, для признанія поступка истязаніемъ или мученіемъ, предусмотрѣннымъ 1489 ст. необходимо, чтобы присяжными было признано не только давленіе веревное или сѣченіе розгами, но и то обстоятельство, что этими дѣйствіями причинено было страданіе высшее чѣмъ тяжкіе побои, неподвергающіе жизнь опасности. Такимъ образомъ присяжнымъ придется дѣлать сравненіе дѣйствительнаго факта съ воображаемымъ, а когда мученія состояли въ держаніи на морозѣ или въ мореніи голодомъ, то притомъ и съ фактомъ разнокачественнымъ.

Замѣтимъ, что съ словами „истязанія и мученія", не вяжется прилагательное „легкіе"; мученіе или истязаніе само по себѣ заключаетъ непремѣнно идею о тяжкомъ страданіи, подвергающемъ жизнь опасности. Дранье за волосы или за уши или оставленіе безъ обѣда нѣтъ надобности называть легкимъ мученіемъ, въ противность коренному смыслу этого слова; это – причиненіе боли, одинаковое съ неважными побоями, или иногда просто оскорбленіе дѣйствіемъ. Такъ, наша прежняя практика постоянно принимала неважное сѣченіе, какъ обиду дѣйствіемъ.

Разстройство здоровья раздѣляется на важное и менѣе важное. Объ этомъ вредѣ говорится въ нѣсколькихъ статьяхъ. Въ 1477 поставлено наравнѣ съ тяжкимъ увѣчьемъ — „важное въ здоровьи поврежденіе"; въ 1486 ст. говорится о такомъ разстройствѣ здоровья, которое производится ядовитыми веществами, и притомъ имѣетъ послѣдствіемъ — неизлечимую болѣзнь, — оно называется строже предшествовавшаго. Далѣе, въ этой же статьѣ говорится о причиненіи разстройства здоровья тѣми же средствами, но безъ такихъ тяжкихъ послѣдствій. Между тѣмъ, о менѣе важномъ разстройствѣ здоровья, производимомъ безъ употребленія ядовитыхъ и сильно дѣйствующихъ веществъ, не говорится отдѣльно. Разстройство умственное раздѣляется на неизлечимое и излечимое.

Наказанія за всѣ исчисленные виды поврежденій тѣлесныхъ и умствен-

---

занія и мученія, не подвергающія жизнь опасности при совершеніи упоминаемаго въ ней преступленія, приравниваются по послѣдствіямъ съ насильственными дѣйствіями, предусмотрѣнными въ 1489 ст.—Кассац. 1869 г. № 875: «Рѣшеніемъ Правительствующаго Сената отъ 5 іюня сего года уже разъяснено, что при опредѣленія преступленія, состоящаго въ причиненіи истязаній и мученій, опасность для жизни не должно считать необходимымъ условіемъ для примѣненія означенной 1489 ст. Ул., иначе пришлось бы заключить, что законодатель признаетъ непреступнымъ и ненаказуемымъ причиненіе истязаній или мученій, неподвергающихъ жизнь опасности, ибо въ семъ послѣднемъ видѣ о преступленіи этомъ нѣтъ особаго опредѣленія закона».

ныхъ, какъ мы говорили, опредѣляются по степени ихъ важности, т. е. по степени того физическаго разстройства, которое ими причинено. Кромѣ этого главнаго элемента для наказанія привходятъ почти всѣ другіе, признанные въ убійствѣ, и съ тѣмъ же значеніемъ, т. е. наказаніе повышается или понижается, смотря потому, было ли тѣлесное поврежденіе учинено съ обдуманнымъ намѣреніемъ, или безъ него, или по неосторожности: далѣе, были ли жертвой его близкіе родственники, начальники, хозяева, благодѣтели. Нанесеніе поврежденій беременной женщинѣ имѣетъ, впрочемъ, отягчающее значеніе только тогда, когда послѣдствіемъ этого будутъ несчастные преждевременные роды и смерть младенца (ст. 1491). Уродъ и незаконно-рожденный ребенокъ вовсе не упоминаются въ преступленіи тѣлесныхъ поврежденій, слѣдовательно, сравниваются съ прочими людьми.

Представляемъ на основаніи всѣхъ сказанныхъ началъ таблицу наказаній за тѣлесныя поврежденія:

Наказанія.	Родъ поврежденія.	Качество намѣренія.	Послѣдствія. хотя и не намѣренныя, и другія обстоятельства.
1 Каторжныя работы на 8—10 лѣтъ	Всякаго рода тѣлесныя поврежденія.	Предумышленно.	Смерть.
2 — на 6—8	Увѣчья 1 степени. тяжкое разстройство здоровья или умственныхъ способностей.	Предумышленно.	Съ истязаніями.
3 Каторжныя работы на 4—6	Побои 1 степени. Изтязанія и мученія.	Предумышленно.	Тяжкія раны увѣчья, разстройство умственныхъ способностей.
4 Каторжныя работы на 4—6 лѣтъ или ссылка въ Сибирь на поселеніе.	Увѣчья 1 степени и тяжкое разстройство здоровья.	Предумышленно	0
5 Въ Сибирь на поселеніе или въ Сибирь на житье.	Тяжелыя раны. Увѣчья 2 степени.	Предумышленно Предумышленно	0
6 Въ Сибирь на житье.	Побои 1 степени.	Предумышленно и безъ предумышленія.	
7 Въ Сибирь на житье или смирительный домъ или тюремное заключеніе.	Увчья 1 и 2 ст. Легкія раны. Тяжелыя раны.	Безъ предумышлен. Предумышленно. Безъ предумышлен.	Съ истязаніями и безъ нихъ
8 Заключеніе въ смирительномъ домѣ до $1^1/_3$ года или въ тюрьмѣ.	Побои 2 степени.	Предумышленно и безъ предумышлен.	

		Легкія раны.	
9	Тюремное заключеніе	Всякія тѣлесныя поврежденія въ дракѣ.	Безъ предумышлен.
10	Тюремное заключеніе, арестъ, выговоръ.	Всякія тѣлесныя поврежденія.	Превышеніе необходимой обороны или когда поврежденія были безъ намѣренія, но вслѣдствіе запрещеннаго дѣянія.

Кромѣ того, важное вліяніе на степень наказанія имѣетъ послѣдствіе, хотя бы происшедшее и безъ прямаго намѣренія, именно, если отъ тѣлеснаго поврежденія жертва лишилась жизни. Въ этомъ случаѣ за различные разряды насильственныхъ дѣйствій, увѣчья, тяжкія и легкія раны, побои (1-го разряда) и истязанія, полагается наказаніе — каторжная работа на 8—10 лѣтъ (ст. 1484, 1490).

Это послѣднее постановленіе, по которому приравниваются всѣ различнаго рода поврежденія и подводятся подъ одно изъ тяжкихъ наказаній, заслуживаетъ величайшаго вниманія.

Мы видѣли сколько искуственнаго есть въ раздѣленіи ранъ, побоевъ и поврежденія здоровья — на легкіе и тяжкіе. Во-первыхъ, нельзя установить вѣрнаго масштаба для различія тѣхъ и другихъ; во-вторыхъ, если и существуютъ случаи, когда мы не задумаемся назвать рану тяжкою, потому что она причинила тяжкія мученія, — это опять часто зависитъ отъ сложенія человѣка, отъ искуства врача, словомъ отъ обстоятельствъ внѣшнихъ, лежащихъ внѣ воли преступника. Но здѣсь случаю хотя дается значеніе, но все-таки не чрезмѣрное, потому что наказаніе не переходитъ за черту исправительныхъ. Вообще этотъ разрядъ преступленій отличается тѣмъ, что здѣсь послѣдствіе независимо отъ намѣренія имѣетъ главное значеніе. Человѣкъ колотитъ другаго палкой, — онъ имѣетъ одно намѣреніе, которое ясно — причинить боль, но удары его, и даже одинъ ударъ этой палкой можетъ причинить незначительный ушибъ, или тяжкій. Онъ будетъ наказанъ различно, смотря по этимъ послѣдствіямъ. Только при увѣчьи законодатель требуетъ во всякомъ случаѣ для наказанія знаніе виновнымъ послѣдствій („Кто нанесетъ кому увѣчье... безъ обдуманнаго заранѣе намѣренія, въ запальчивости или раздраженіи, но, однакожъ, и неслучайно, а *съ знаніемъ послѣдствія сего дѣянія*"... ст. 1480).

Но когда послѣдствіемъ была смерть, хотя и безъ намѣренія, то идетъ не исправительное, а, какъ мы видѣли, одно изъ тяжкихъ уголовныхъ наказаній. Человѣкъ поэтому за одно и то же дѣяніе, напр. за нанесеніе легкой раны, можетъ подвергнуться или тюремному заключенію на нѣсколько мѣсяцевъ или ссылкѣ въ каторжную работу на 10 лѣтъ, отъ случайнаго, совершенно независѣвшаго отъ него послѣдствія — что ра-

ненный умеръ. Это значитъ отнести на задній планъ существенный элементъ преступленія — намѣреніе, и дать полное значеніе послѣдствію, независѣвшему отъ воли дѣятеля. Такое положеніе, несогласное съ основными началами уголовнаго законодательства, существуетъ только для этого преступленія. Оно объясняется тѣмъ, что во всѣхъ другихъ преступленіяхъ характеръ намѣренія ясенъ изъ послѣдствія, — вопросъ можетъ быть только въ томъ, было ли намѣреніе дѣйствовать. Такъ, если кто подложитъ зажженныя вещества въ домѣ, то онъ несомнѣнно имѣлъ намѣреніе учинить поджогъ; кто стрѣляетъ въ упоръ — имѣлъ намѣреніе убить, и т. д. Но при нанесеніи ударовъ и ранъ дѣйствіе не объясняется вполнѣ намѣренія, степени его безнравственности. Поэтому, это преступленіе принадлежитъ къ числу самыхъ трудныхъ для законодательнаго опредѣленія. Но изъ этой трудности нельзя выходить поставленіемъ послѣдствія на мѣсто цѣли и намѣренія.

Такое же чрезмѣрное значеніе дано послѣдствіямъ и по 1490 ст. „Если послѣдствіемъ... (тяжкихъ, подвергающихъ жизнь опасности) побоевъ истязаній или мученій будутъ увѣчья или тяжкія раны... или же поврежденіе въ умственныхъ способностяхъ, то виновный, хотя бы онъ и не имѣлъ прямаго намѣренія нанести сіи увѣчья или раны, или повредить умственнымъ способностямъ оскорбленнаго имъ, подвергается ссылкѣ въ каторжную работу на 4—6 лѣтъ." За тяжкія раны слѣдуетъ ссылка на житье или ссылка на поселеніе въ Сибирь; за увѣчья менѣе тяжкія, только ссылка на житье въ Сибирь; слѣдовательно, такъ какъ въ преступленіи, означенномъ въ 1490 ст., по большей мѣрѣ существуетъ совокупность двухъ преступленій—истязаній и ранъ или увѣчья, то наказаніе, на основаніи общаго постановленія о совокупности преступленій, не должно было бы превышать ссылки въ Сибирь на поселеніе, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и ссылки на житье (кромѣ, разумѣется, того случая, когда произошли увѣчья перваго разряда). Даже видѣть и совокупность двухъ преступленій слишкомъ строго, потому что одно изъ нихъ было ненамѣренное. Если принять, что въ 1490 ст. законодатель хотѣлъ усилить наказаніе за увѣчья и тяжкія раны вслѣдствіе жестокости способовъ, то при этомъ точно также не понятна строгость опредѣляемаго наказанія. Въ убійствѣ жестокій способъ возвышаетъ наказаніе только на одну степень, почему же нанесеніе тяжкихъ ранъ, безъ прямаго намѣренія, происшедшее отъ нанесенія истязаній или важныхъ побоевъ (1-го разряда) ведетъ къ каторжной работѣ, тогда какъ за тяжкія раны (и увѣчья 2-го разряда) идетъ наказаніе не свыше ссылки на поселеніе, даже и тогда, когда онѣ нанесены съ предумышленіемъ, а если безъ предумышленія, то могутъ быть даны неважныя исправительныя наказанія. Слѣдовательно, по 1400 ст. способъ повышаетъ наказаніе не только въ степени и родѣ, но даже въ разрядѣ.

Важнымъ отличіемъ тѣлесныхъ поврежденій отъ убійства является значеніе воли. Въ убійствѣ различіе предумышленія отъ непредумышленія условливаетъ разницу въ наказаніяхъ только на одну степень. Но въ тѣлесныхъ поврежденіяхъ эта разница гораздо больше, однако, не одинакова для разныхъ видовъ поврежденій. Такъ, за увѣчье 1-го разряда съ предумышленіемъ полагается каторжная работа на 4—6 лѣтъ или ссылка на поселеніе, а безъ предумышленія — ссылка на житье, или заключеніе въ смирительномъ домѣ или даже только заключеніе въ тюрьмѣ на 8 мѣсяцевъ. Здѣсь законодатель слишкомъ мягокъ не только для холоднаго умысла, но и даже для раздраженія, необусловленнаго полученіемъ тяжкой обиды. Но за нанесеніе тяжкихъ ранъ безъ предумышленія положена все-таки ссылка на житье; между тѣмъ, какъ за нанесеніе ихъ съ предумышленіемъ назначена ссылка на поселеніе и ссылка на житье—наказанія низшія въ сравненіи съ тѣми, которыя слѣдуютъ за увѣчья перваго разряда. Непонятна такая непослѣдовательность закона.

Далѣе. При разстройствѣ здоровья и лишеніи умственныхъ способностей (ст. 1486) внутренними средствами, вовсе не встрѣчается различія предумышленія и непредумышленія. Это объясняется тѣмъ, что подобный способъ, какъ мы говорили въ предшествовавшей главѣ (вопросъ объ отравленіи), всегда, или почти всегда, заключаетъ въ себѣ предумышленіе. Но подобнаго различія нѣтъ и при нанесеніи побоевъ перваго разряда, истязаній и мученій (ст. 1489): „За причиненіе кому либо *съ умысломъ* *) тяжкихъ, подвергающихъ жизнь опасности побоевъ..." Здѣсь только и находится одно выраженіе „съ умысломъ". Почему при побояхъ нѣтъ различія между предумышленіемъ и состояніемъ запальчивости и раздраженія,

*) Выраженія «съ умысломъ» при побояхъ было разъяснено Сенатомъ слѣдующимъ образомъ (Кассац. 1868 г., № 430): «Законъ (ст. 1489 и 1490 Улож. о наказ.) различаетъ умышленность побоевъ отъ умысла причинить ими увѣчья или тяжкія раны. Можно наносить побои безъ прямаго намѣренія причинить увѣчья или раны, но нельзя наносить побои какому либо лицу, безъ намѣренія его побить. Если въ законахъ, опредѣляющихъ наказаніе за нанесеніе побоевъ (ст. 1489 и 1533), упоминается объ умыслѣ, то единственно въ тѣхъ видахъ, чтобы не подвергнуть незаслуженному наказанію, во первыхъ, такое лицо, которое, по состоянію въ то время его умственныхъ способностей, не могло имѣть понятія о свойствѣ своего дѣянія или не сознавало его, и во вторыхъ, такое лицо, которое, по случайной ошибкѣ, находилось въ невѣдѣніи, что наносимые имъ удары падаютъ на живое лицо, а не на какой либо иной предметъ. Но за исключеніемъ этихъ случаевъ нанесеніе побоевъ необходимо предполагаетъ намѣреніе или умыселъ, почему законъ предусматриваетъ ненамѣренное причиненіе увѣчья, ранъ или поврежденія въ здоровьѣ только посредствомъ неосторожныхъ дѣйствій или какой либо случайности, а отнюдь не посредствомъ побоевъ (ст. 1494 и 1495).»

и смѣшаннаго съ нимъ простаго умысла, имѣющаго такое значеніе при увѣчьяхъ и ранахъ,—этого ничѣмъ объяснять нельзя. Отсюда выходитъ поразительный результатъ; за нанесеніе самаго важнаго увѣчья въ запальчивости судья можетъ назначать заключеніе въ смирительный домъ и даже только въ тюрьму, а за нанесеніе побоевъ перваго разряда въ такомъ же состояніи духа, т. е. въ раздраженіи, не можетъ дать наказанія менѣе ссылки въ Сибирь на житье, — слѣдовательно при безпредумышленіи эти побои и истязанія являются преступленіемъ болѣе важнымъ, чѣмъ увѣчье перваго разряда, а при предумышленіи наоборотъ *).

Тѣлесныя поврежденія могутъ очень часто смѣшиваться съ покушеніемъ на убійство, не имѣвшимъ послѣдствій по обстоятельствамъ, не зависѣвшимъ отъ воли виновника. Такъ напр., если нанесенъ былъ ударъ, окончившій тяжкой раной,—рождается вопросъ, какъ слѣдуетъ наказать виновнаго: за покушеніе на убійство или за нанесеніе раны. Разница въ наказаніяхъ чрезвычайно велика. Знать въ чемъ именно состояло намѣреніе поражавшаго—рѣшился ли бы онъ ограничиться нанесеніемъ раны или инаго страданія или идти дальше, — вообще чрезвычайно трудно путемъ психологическаго анализа, разсмотрѣніемъ предшествовавшихъ обстоятельствъ. Вопросъ этотъ можетъ быть разрѣшенъ только способомъ совершенія преступленія: если способъ былъ такой, который обыкновенно ведетъ

---

*) Кассац. 1868 г. № 747:... «въ ст. 1489 Улож. определяется наказаніе за нанесеніе побоевъ съ умысломъ по Уложенію же въ преступленіяхъ и проступкахъ умышленныхъ различаются двѣ степени: 1-я когда противузаконное дѣяніе учинено вслѣдствіе не внезапнаго, а заранѣе обдуманнаго намѣренія или умысла; и 2-я, когда оно учинено хотя съ намѣреніемъ, но по внезапному побужденію безъ предумысленія (ст. 4), при чемъ состояніе запальчивости или раздражеія, при совершеніи только нѣкоторыхъ означенныхъ въ законѣ преступленій, имѣетъ, и то будучи противупоставлено преступленіямъ предумышленнымъ, особое значеніе, составляя въ прочихъ случаяхъ лишь обстоятельство, уменьшающее мѣру наказанія (ст. 134 и 5). Посему за умышленное преступленіе, предусмотрѣнное 1489 ст., хотя бы признано было, что оно совершено въ запальчивости или раздраженіи, о которыхъ зъ этой статьѣ не упоминается, наказаніе должно быть опредѣлено по этой именно статьѣ. Употребленное въ этой статьѣ выраженіе «съ умысломъ,» а не «по внезапному побужденію» соотвѣтствуетъ свойству преступленія, которое совершается не иначе какъ съ намѣреніемъ (бить кого либо), и указываетъ на то, что побои должны быть признаны нанесенными сознательно,—въ этихъ случаяхъ преступленіе, на учиненіе котораго требуется нѣкоторое время, предполагается совершеннымъ въ болѣе спокойномъ, нежели раздраженномъ состояніи, вслѣдствіе чего, безъ сомнѣнія, законъ и не упоминаетъ о раздраженіи и запальчивости.» Но мы не понимаемъ почему нельзя нанести въ запальчивости одного удара или нѣсколькихъ ударовъ, составляющихъ тяжкіе побои, подвергающіе жизнь опасности.

къ убійству, то за увѣчье и рану надобно наказывать, какъ за покушеніе нъ убійство, неудавшееся независимо отъ виновнаго. Такъ напр., если кто нибудь стрѣляетъ изъ ружья въ проходящаго, хотя бы и не въ упоръ, и наноситъ ему легкую рану, то очевидно, что онъ долженъ быть наказанъ какъ за покушеніе на убійство: выстрѣлъ изъ ружья—такого рода дѣйствіе, отъ котораго весьма вѣроятна смерть; тотъ, кто желаетъ нанести только рану, а не смерть, не изберетъ такого средства. Точно также, если ударъ нанесенъ топоромъ по шеѣ или головѣ, и послѣдствіемъ его была только рана или разстройство здоровья, потому что топоръ скользнулъ по волосамъ, — то это также покушеніе на убійство. Или если употреблено орудіе и не такое страшное, даже вовсе не опасное само по себѣ, напр. палка средней величины, но когда ударъ наносится по опасной части тѣла, напр. въ високъ, тогда ясно намѣреніе нанести смерть, а не побои.

ГЛАВА XXIV.

ПОЕДИНКИ.

Различные взгляды на это преступленіе. Эпоха поединковъ, какъ законнаго дворянскаго права. Система наказанія поединковъ, какъ политическаго преступленія и какъ общаго преступленія—убійства и нанесенія ранъ. Система наказуемости поединковъ, объясняемая правомъ личной свободы. Основанія и критика ихъ. Причины, по которымъ дуэль объявлена преступленіемъ sui generis. Опредѣленіе дуэли; наказанія за дуэли и ихъ начала. Обряды и обстановка дуэли. Вызовъ или картель; секунданты, врачи. Дуэль безъ свидѣтелей и дуэль съ условіемъ биться на смерть. Особенност. наказаній за дуэль

Поединки или дуэли, какъ ихъ обыкновенно называютъ на разговорномъ языкѣ, принадлежатъ къ числу такихъ преступленій, мѣсто и значеніе которыхъ различно въ разныхъ законодательствахъ и даже мѣняется съ теченіемъ времени въ одномъ и томъ же законодательствѣ. Такъ, мы встрѣчаемъ двѣ главныя системы. Во-первыхъ, поединки разсматривались смотря по ихъ послѣдствіямъ, какъ умышленное убійство, или умышленное нанесеніе увѣчья или ранъ, т. е. то обстоятельство, что смерть или раны были нанесены на поединкѣ, не принималось въ расчетъ. Во-вторыхъ, поединки разсматриваются, какъ преступленіе sui generis, т. е. убійство или нанесеніе ранъ на поединкѣ наказывается совершенно иначе, чѣмъ обыкновенное убійство или нанесеніе ранъ. Первая система долго господствовала во всѣхъ законодательствахъ; въ нашемъ она отмѣнеоа только съ изданія Уложенія; она и до сихъ поръ существуетъ во Франціи. Другая принята въ настоящее время почти всѣми извѣстными законодательствами. Кромѣ того, были эпохи полной безнаказанности поединковъ со всѣми ихъ послѣдствіями. Эта безнаказанность существовала въ средніе

вѣка во всѣхъ западныхъ государствахъ, бывшихъ подъ вліяніемъ рыцарства, и, кромѣ того, во Франціи со временъ первой революціи до 1837 г. Наконецъ, былъ даже одно время въ нѣкоторыхъ законодательствахъ взглядъ на поединки, какъ на политическое преступленіе—какъ на междоусобную войну и возстаніе противъ судебной власти государства. Каждая изъ этихъ системъ имѣла свои основанія, отчасти общія, исходившія изъ высшихъ началъ правъ и свободы, отчасти временныя и мѣстныя, истекавшія изъ идей вѣка, изъ принциповъ извѣстнаго государственнаго устройства. И господствующій теперь взгляда на поединки, какъ на преступленіе sui generis, имѣетъ много недостатковъ въ своихъ основаніяхъ.

Дуэль, какъ свободно условленный бой, съ оружіемъ въ рукахъ, за оскорбленіе чести, происхожденія чисто феодальнаго и рыцарскаго. Оттого у насъ она была не извѣстна до половины XVIII вѣка, когда чрезъ европейское образованіе въ нашъ высшій классъ проникли рыцарскія понятія о point d'honneur, условномъ чувствѣ чести.

Въ средніе вѣка феодальные бароны разбирались между собою во всѣхъ распряхъ вооруженнымъ боемъ; право войны принадлежало каждому изъ нихъ. Съ усиленіемъ государственной власти короли присвоили только себѣ право войны; они разрушили феодаьньные замки и потребовали, чтобы бароны подчинялись въ своихъ спорахъ королевекимъ судилищамъ. Рыцари уступили королямъ, но не вполнѣ: они согласились, чтобы распри ихъ объ интересахъ имущественныхъ разбирались королевскими судилищами, но не дѣла объ оскорбленіи чести. Этотъ point d,honneur, чувство условной чести, составлялъ главную нравственную черту отличія дворянства отъ буржуазіи и простолюдиновъ; это была его профессія; рыцари, по тогдашнему выраженію, были люди, qui font la profession expresse de l'honneur. Битвы за оскорбленія чести продолжались въ ужасающемъ размѣрѣ; въ одно царствованіе Генриха IV, во Франціи погибло болѣе 2,000 дворянъ на поединкахъ. Короли во всѣхъ западныхъ государствахъ, желая прекратить эти битвы, на которыя они смотрѣли какъ на присвоеніе государственнаго права войны, какъ на оскорбленіе своей власти,—издавали законы, воспрещавшіе подъ страхомъ смертной казни, поединки. Но ни казни, ни объявленія, что король принимаетъ на себя обиду того, кто отказался выйдти на поединокъ, ни учрежденіе особенныхъ судовъ чести или маршальскихъ, не унимали дворянство. Строгость законовъ вела только къ тому, что поединки приняли болѣе мрачный видъ: они происходили безъ свидѣтелей, въ глухихъ мѣстахъ, даже введся поединокъ — самоубійство, т. е. поссорившіеся бросали жребій и вынувшій несчастный—лишалъ себя жизни. Впрочемъ, прощенія виновныхъ въ поединкахъ были безпрерывныя. Это самое бывало и у насъ, когда за поединки полагалось то же наказаніе, какъ за убійство и нанесеніе ранъ. Сами каратели поединковъ со-

чувствовали имъ до извѣстной степени: бывали примѣры, что и короли вызывали другъ друга на поединокъ.

Такимъ образомъ, система полнаго права на поединки смѣнилась системой приравненія ихъ къ умышленному убійству и нанесенію ранъ. Эта послѣдняя оказалась безполезною и несправедливою; ее смѣнила система поставленія поединка, какъ преступленія sui generis. Но во Франціи былъ между двумя послѣдними системами промежутокъ — опять полный терпимости поединковъ. Въ уголовномъ кодексѣ, изданномъ во время революціи (1791 г.), дуэль была вовсе пропущена. Отсюда, по общему мнѣнію, слѣдовала безнаказанность убійства на поединкѣ,—притомъ съ тою разницею, что старое право рыцарей стало общимъ достояніемъ всего развитаго класса. Въ объясненіо этой системы приводили теперь не феодальныя права, не имѣвшія уже никакого смысла, а высшія начала справедливости и свободы: право располагать по произволу своею жизнью. Разумѣется, это объясненіе нельзя назвать вполнѣ годнымъ. Человѣкъ можетъ располагать собою; но, убивая другого на поединкѣ, онъ уже не только располагаетъ своею, но и чужою жизнью

Эта система безнаказанности на основаніи начала личной свободы была уничтожена во Франціи въ 1837 г., и замѣнена системой приравненія поединка къ умышленному убійству не путемъ законодательнымъ, а путемъ судебнаго толкованія. Главнымъ дѣятелемъ этого измѣненія былъ тогдашній генералъ-прокуроръ Дюпенъ. Укажемъ на тѣ главные его доводы противъ безнаказанности дуэли, которые имѣютъ общее значеніе:

„Вопровъ о дуэли понимался различно, смотря по времени, по формѣ правленія, по прогрессу идей, по различнымъ степенямъ цивилизаціи; одни смотрѣли на дуэль, какъ на право, какъ на какой-то палладіумъ личнаго достоинства, другіе, какъ на печальный предразсудокъ, который, однакожъ, должно щадить, третьи, какъ на остатокъ феодализма и варварства, какъ на явленіе противообщественное. Эти различныя мнѣнія господствовали въ разные періоды исторіи; они часто занимали и законодателей, и свѣтскихъ людей, и моралистовъ, и законовѣдовъ; но во всѣ времена люди самые добродѣтельные, самые мудрые и, смѣю сказать, самые твердые и независимые были того мнѣнія, что дуэли — безпорядокъ, который не можетъ быть терпимъ въ благоустроенномъ обществѣ, и что послѣдствія ихъ: убійства и раны—настоящія уголовныя преступленія, которыя должно наказывать. Ненаказуемость дуэли выводили изъ двухъ началъ: свободы соглашенія и одновременности нападенія и защиты. Но договариваться можно не обо всемъ: законы запрещаютъ договоры, противные добрымъ нравамъ и общественному порядку; договоръ о поступленіи въ пожизненное услуженіе, объ азартной игрѣ, о взаимномъ самоубійствѣ, никогда не будетъ признанъ законнымъ. Что касается до аргу-

мента одновременности защиты и нападенія, онъ также не можетъ имѣть, строго говоря, юридическаго значенія. По самой этой одновременности и не можетъ быть необходимой обороны, потому что въ то же время происходитъ отъ того жь лица и нападеніе, потому что здѣсь болѣе ищутъ убить соперника, чѣмъ защищаться. Нельзя признать здѣсь состоянія необходимой обороны въ особенности потому, что на дуэли человѣкъ самъ создаетъ себѣ опасность, вслѣдствіе заранѣе назначеннаго мѣста встрѣчи и притомъ съ полнаго своего согласія. А что сказать о тѣхъ дуэляхъ, гдѣ выдержавшій выстрѣлъ противника стрѣляетъ, въ свою очередь, хладнокровно, когда опасность для него миновалась, а существуетъ только для соперника? Если бы можно было принять, что договоръ и равенство нападенія и защиты уничтожаютъ вмѣняемость, тогда слѣдовало бы допустить дуэль не только на шпагахъ и пистолетахъ, но и на кинжалахъ, бой двухъ противъ двухъ, тысячи противъ тысячи, т. е. междоусобную войну. Тогда надобно было бы признать ненаказуемой и дуэль, состоящую въ выборѣ по жребію между двумя пистолетами, изъ которыхъ одинъ заряженъ, а другой нѣтъ; это даже единственное средство положить дѣйствительное равенство между такими соперниками, изъ которыхъ одинъ можетъ задѣть пулею фитиль свѣчи, не погасивъ ее, а другой никогда не бралъ пистолета въ руки. Признавать безнаказанность дуэли на томъ только основаніи, что она предразсудокъ, которому невольно подчиняются, — тогда надобно признать и всѣ другіе предразсудки: корсиканскую вендету, наслѣдственную месть у черкесовъ. Наконецъ, признать безнаказанность дуэли значитъ разрушить общественный порядокъ, отодвинуть назадъ его законы и суды; значитъ, дать каждому право творить самому судъ и расправу, дѣлать каждаго законодателемъ, судьей и палачемъ въ своемъ собственномъ дѣлѣ, давать ему право опредѣлять собственной властью смертную казнь за обиды, часто самыя легкія и ничтожныя.*

Всѣ эти доводы съ точки зрѣнія абсолютной, конечно, справедливы. Защитники этой системы отвергаютъ не только ненаказуемость дуэли, о чемъ не можетъ быть серьезно рѣчи, но даже и поставленія ея въ видѣ особеннаго преступленія, за которое слѣдуютъ наказанія болѣе мягкія, чѣмъ за обыкновенное убійство и нанесеніе ранъ. Они говорятъ, что подобная теорія есть сдѣлка между правомъ и не правомъ, что она тѣмъ самымъ косвенно оправдываетъ дуэль и увѣковѣчиваетъ существованіе ея въ обществѣ. Они, впрочемъ, допускаютъ, что бываютъ случаи, когда было бы вопіющей жестокостью видѣть въ убійцѣ на дуэли дѣйствительнаго умышленнаго убійцу. Но, по ихъ мнѣнію, присяжные могутъ исправить недостатокъ, давая смягчающія обстоятельства или въ крайнихъ случаяхъ объявляя невинность. При такой системѣ, по ихъ мнѣнію, все

приходитъ въ порядокъ, предразсудокъ дуэли будетъ тогда постепенно исчезать, какъ исчезли многіе другіе предразсудки.

Тѣмъ не менѣе, законодатели, поставившіе дуэль какъ особенное преступленіе, поступили мудро; уголовный кодексъ не можетъ слѣдовать однимъ абсолютнымъ началамъ; выражая собою дѣйствительную жизнь, со всѣми народными идеями, чувствами, слабостями, онъ долженъ все взвѣсить, все принять въ соображеніе. Если о безнаказанности дуэли не можетъ быть рѣчи (въ этомъ смыслѣ вполнѣ справедливы вышеприведенные аргументы), то нельзя также допустить и приравненія ея къ обыкновенному убійству.

Причины этого слѣдующія. Дуэль есть предразсудокъ,—это до извѣстной степени справедливо. Но законодатель не можетъ идти слишкомъ рѣзко противъ предразсудковъ, иначе онъ можетъ возбудить неуваженіе къ закону. Общество кладетъ чрезвычайное различіе между убійцей на дуэли и обыкновеннымъ убійцей. Если законодатель приравняетъ ихъ въ наказаніи, тогда самое это наказаніе, какъ бы оно ни было грозно, потеряетъ значеніе: не столько важно наказаніе, сколько голосъ совѣсти. Если совѣсть, истинно или ложно, говоритъ о дуэли иначе, чѣмъ объ убійствѣ, то и законодатель не можетъ не принять этого въ расчетъ при опредѣленіи наказаній.

Притомъ дуэль, какъ предразсудокъ, имѣетъ за собою великое начало—чувство чести, личной неприкосновенности и достоинства. При всѣхъ недостаткахъ и кровавыхъ послѣдствіяхъ этого условнаго чувства чести (point d'honneur), оно имѣетъ и великія достоинства. Оно даетъ человѣку нравственную силу, оно возвышаетъ его. Это чувство и его необходимое послѣдствіе—дуэль, могущественно содѣйствовали цивилизаціи. Вводя уваженіе къ самому себѣ, оно вводитъ его и къ другимъ. Тамъ, гдѣ человѣкъ знаетъ, что его за дерзость, или подлость поставятъ на барьеръ, тамъ онъ остерегается отъ такихъ поступковъ, которые по свойству своему недосягаемы для суда, а между тѣмъ нарушаютъ спокойствіе общества. Оттого Франція, классическая страна дуэлей, вмѣстѣ съ тѣмъ и страна наибольшаго развитія чувства личности; оттого французское общество служитъ образцомъ вѣжливости и мягкости нравовъ. Оттого, съ другой стороны, невыносима бываетъ часто жизнь среди общества, гдѣ не слыхана дуэль. Тамъ честный человѣкъ стоитъ безоружнымъ предъ клеветой, сплетнями и всякими мерзостями. Честь его и дорогихъ ему отдана на жертву презрѣнныхъ.

Говорятъ, что этотъ point d'honneur, условная честь, есть не болѣе, какъ идолъ; онъ требуетъ въ сущности только: пожалуй, дѣлай подлости, но стрѣляйся съ тѣмъ, кто назоветъ тебя подлецомъ. Но если бы и было такъ, то и такое чувство нельзя назвать не заслуживающимъ вниманія. Все-таки у такого человѣка есть нѣчто, вслѣдствіе чего онъ

станетъ свободно на барьеръ. Если на мѣсто этого идола будетъ поставлено что либо болѣе истинное и возвышенное — тогда дѣло другое. Но можно опасаться, что съ паденіемъ этого идола падетъ всякая узда, ограждающая честь и нравственное достоинство; одинъ уголовный законъ еще недостаточенъ.

На простое убійство общество смотритъ съ отвращеніемъ, но не такъ смотритъ на дуэль. Къ дуэлистамъ общество питаетъ иногда уваженіе, а потому понятно, что законодательство не можетъ смѣшивать этихъ двухъ фактовъ, ибо въ противномъ случаѣ оно пойдетъ въ разрѣзъ съ общественнымъ убѣжденіемъ, постановленія его будутъ противоположны чувству общества, а такое состояніе весьма опасно для достоинства закона. Могутъ сказать, что это предразсудокъ общества. Но если это и дѣйствительно такъ, то очевидно, какой бы онъ ни былъ, онъ все-таки долженъ быть до извѣстной степени принятъ въ соображеніе закономъ; развѣ другіе предразсудки не пользуются снисхожденіемъ законодателя? Законъ подвергаетъ мать, убившую незаконнорожденнаго ребенка отъ стыда и страха, наказанію несравненно низшему, чѣмъ то, которое положено за умышленное убійство, отчасти потому, что она опасается сдѣлаться жертвою предразсудковъ общества.

Второе основаніе, отличающее дуэль отъ убійства, обыкновенно составляетъ причина ея, — дуэль бываетъ всегда за оскорбленіе чести, за фактъ, который не всегда можетъ быть преданъ разсмотрѣнію суда, ибо онъ можетъ предстивлять до такой степени разнообразныя явленія, что уловить ихъ для суда нѣтъ никакой возможности: оскорбить другого можно наединѣ, безъ свидѣтелей, однимъ какимъ либо намекомъ, который можетъ быть понятенъ только оскорбленному, такъ что въ подобныхъ случаяхъ виновный можетъ остаться безнаказаннымъ, но оскорбленный, желая все-таки вознаградить себя наказаніемъ оскорбителя, прибѣгаетъ къ крайней мѣрѣ—поединку. Да, наконецъ, извѣстно еще и то, что посредствомъ огласки на судѣ нѣкоторыхъ фактовъ оскорбленія, оскорбленный можетъ еще болѣе потерять, нежели удовлетворить себя, поэтому понятно вслѣдствіе чего человѣкъ обращается не къ правосудію, а къ дуэли, — тѣмъ болѣе, что и общественное мнѣніе одобряетъ такое обращеніе.

Третье основаніе, выдѣляющее дуэль изъ общаго ряда убійствъ, есть обоюдное согласіе дуэлистовъ. Мы знаемъ, что убійство совершается безъ согласія жертвы, изъ за угла; убійца всегда старается всевозможными измѣнническими мѣрами избѣгнуть сопротивленія жертвы; въ дуэли же представляется совершенно противное: дуэль, во-первыхъ, совершается всегда по обоюдному согласію, слѣдовательно, вызванный приходитъ самъ, хотя очень понятно, что онъ могъ и не придти и, такимъ образомъ, избѣгнуть боя: разумѣется, нельзя считать, что здѣсь существуетъ необходимая обо-

рона; но все-таки является что-то неуловимое, но тѣмъ не менѣе понятное для насъ, которое говоритъ, что дуэль никакъ нельзя смѣшать съ обыкновеннымъ убійствомъ; во-вторыхъ дуэль, въ противоположность убійству, даетъ равные шансы сражающимся: и тотъ и другой бываютъ и нападающимъ и защищающимся; если дуэль на пистолетахъ — стрѣляютъ вмѣстѣ, если на шпагахъ — вмѣстѣ нападаютъ. Развѣ это бываетъ въ обыкновенномъ убійствѣ?

Четвертое основаніе — уваженіе къ чувству личной храбрости. Кто рискуетъ своею жизнью, слѣдуя, положимъ, глупому предразсудку, тотъ все-таки показываетъ, что онъ не трусъ, что онъ не задумается принести жизнь въ жертву отечеству въ случаѣ надобности. Политика заставляетъ щадить эту гордую энергію духа, которая бываетъ часто нужна государству. Оттого въ особенности дуэли между военными пользовались снисхожденіемъ и въ тѣ времена, когда законъ считалъ ихъ простымъ убійствомъ.

Такимъ образомъ, разсмотрѣвъ внутреннюю сторону дуэли, мы приходимъ къ убѣжденію, что понятіе о ней, существующее въ нашемъ уголовномъ кодексѣ, наиболѣе согласно съ справедливостью.

Въ нашемъ отечествѣ дуэль существуетъ недавно, потому что недавно еще развито особеннаго рода чувство чести: она существуетъ у насъ со времени близкаго знакомства съ Западомъ и его литературой. Но тотъ взглядъ на дуэль въ нашемъ законодательствѣ, который существуетъ теперь, явился только въ Уложеніи; до того же времени на дуэль русскіе законы смотрѣли какъ на убійство, хотя нельзя не замѣтить, что это было только угрозой, такъ какъ дуэлисты никогда не несли наказаній, опредѣляемыхъ за убійство. Если напр. офицера разжаловали за дуэль въ солдаты, то чрезъ какихъ нибудь полгода ему снова возвращали всѣ его права, и въ этомъ случаѣ играло не малую роль общественное мнѣніе Кромѣ того, такъ какъ и сами судьи члены общества, то, понятно, что они избѣгали полагать за дуэль каторжную работу, ибо знали, что, быть можетъ, не далѣе другаго дня сами будутъ судимы за это же преступленіе. Но съ изданіемъ уголовнаго Уложенія, у насъ о дуэляхъ составилось понятіе, какъ о преступленіи своеобразномъ, sui generis, и законы настоящаго времени различаютъ нѣсколько видовъ дуэли, которые обусловливаютъ различную тяжесть наказанія.

Подъ именемъ дуэли вообще нашъ уголовный кодексъ понимаетъ бой за оскорбленіе чести, бой свободный съ обѣихъ сторонъ, заранѣе условленный, на благородномъ оружіи, при одинаковыхъ шансахъ, при свидѣтеляхъ (секундантахъ) и съ соблюденіемъ извѣстныхъ формальностей, установленныхъ незапамятнымъ обычаемъ. Если не будетъ соблюдено этихъ условій, то поединокъ получаетъ характеръ убійства. И дѣйствительно,

не возможно, во 1-хъ, предположить дуэли за что либо другое, кромѣ оскорбленія чести, ибо въ прочихъ случаяхъ всегда можно найти защиту у правосудія. Во 2-хъ, невозможно предположить дуэль безъ обоюднаго согласія, ибо въ противномъ случаѣ это будетъ съ одной стороны необходимая оборона, а съ другой — злостное убійство. Въ 3-хъ, не возможно допустить дуэли безъ уравненія шансовъ защиты и нападенія, а потому необходимо, чтобы оружіе было непремѣнно одинаковое, даже, чтобы слишкомъ различное умѣнье стрѣлять было бы уравновѣшено болѣе или менѣе близкимъ разстояніемъ. Еслибы открылось, что убившій стрѣлялъ изъ пистолета, особенныя свойства котораго ему были хорошо извѣстны, а убитый не зналъ ихъ, то это не дуэль, а злостное убійство. Относительно оружія надо замѣтить, что вѣковой обычай и даже законъ предполагаютъ всегда оружіе благородное: шпагу, саблю или пистолетъ. Это видно изъ разныхъ мѣстъ Уложенія: оно говоритъ объ „обнаженіи оружія", слѣдовательно о шпагѣ и саблѣ; говоритъ о ранахъ, а не о переломахъ и побояхъ, которые могутъ быть нанесены палкою; о „пролитіи крови". Палка — оружіе простолюдина; въ средніе вѣка только дворяне носили мечъ или шпагу; оттого дуэли были только на этомъ оружіи, а впослѣдствіе присоединились пистолеты. Наконецъ, въ 4-хъ, что касается до формальностей, которыя должны быть соблюдены при дуэли, то это тоже относится къ уравненію шансовъ, такъ напр. или отмѣривается извѣстное пространство для стрѣльбы и противники стрѣляютъ въ одинъ данный моментъ, или ставится между ними барьеръ и въ извѣстномъ отъ него разстояніи стрѣляетъ сперва одинъ, и если онъ далъ промахъ, то другому предоставляется подойдти къ самому барьеру и, подозвавъ къ нему своего противника, стрѣлять на сокращенномъ разстояніи. Во всякомъ случаѣ, при дуэли необходимъ сначала вызовъ (cartelle), который долженъ быть принятъ свободно, безъ насилія; потомъ необходимы свидѣтели или секунданты, обязанность которыхъ, съ одной стороны, состоитъ въ томъ, чтобы стараться всевозможными мѣрами привести соперниковъ къ примиренію, съ другой стороны — когда примирить ихъ не успѣютъ, то наблюдать за соблюденіемъ всѣхъ формальностей дуэли. Законъ, какъ мы увидимъ, считаетъ ихъ присутствіе чрезвычайно полезнымъ, хотя условіе о секундантахъ не абсолютное,—и безъ нихъ еще возможна правильная дуэль, но такая дуэль наказывается болѣе строго.

Наше законодательство, какъ мы уже замѣтили, наказываетъ дуэль гораздо мягче, чѣмъ обыкновенное убійство и нанесеніе ранъ; наказанія эти идутъ отъ ссылки на поселеніе и десятилѣтняго заключенія въ крѣпости и ссылки на поселеніе до заключенія въ тюрьму на нѣсколько мѣсяцевъ.

Элементы, обусловливающіе степень тяжести этихъ наказаній, суть слѣдующіе:

Во 1-хъ, послѣдствіе дуэли, т. е. разсматривается чѣмъ кончилась дуэль: убійствомъ, увѣчьемъ, тяжелою раною или, наконецъ, легкою раною, и сообразно этимъ послѣдствіямъ полагаютъ различныя наказанія. Но многіе криминалисты, за исключеніемъ только случая, когда заранѣе условлено, что дуэль должна оканчиваться смертью одного изъ соперниковъ, говорятъ, что различія въ наказаніяхъ по послѣдствіямъ быть не должно, такъ какъ они зависятъ не отъ воли дуэлистовъ, а суть дѣло одного случая.

Во 2-хъ, сюда относится, какъ второстепенный элементъ, роль лица, сдѣлавшагося виновникомъ нанесенія смерти или ранъ: если это былъ оскорбитель, то наказаніе идетъ строже, нежели оскорбленному, еслибы виновникомъ былъ сей послѣдній. Но такъ какъ само же законодательство сознается, что не всегда есть возможность узнать, кто былъ оскорбителемъ, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда одинъ изъ соперниковъ убитъ на дуэли, то оно предписываетъ, если этого сдѣлать невозможно, раскрыть, кто сдѣлалъ вызовъ на дуэль и кто его только принялъ: первый опять наказывается строже противъ втораго, несмотря на то, что въ большей части случаевъ, даже можно сказать почти всегда, второй-то и есть оскорбитель, т. е. тотъ, кто принялъ вызовъ на дуэль, ибо ему самому нѣтъ никакого основанія вызвать оскорбленнаго. Обидой признается, и дѣлаетъ получившаго ее оскорбленнымъ, не только та, которая наносится непосредственно ему, но также его восходящимъ родственникамъ, женѣ, невѣстѣ, сестрѣ, дочери, невѣсткѣ, своячиницѣ и ввѣреннымъ его опекѣ лицамъ (ст. 1499).

Въ дуэли признаются виновными оба противника, такъ что если бы только одинъ изъ нихъ былъ раненъ, то все-таки и онъ долженъ подлежать наказанію. Но относительно этого вопроса у насъ въ уголовномъ кодексѣ находятся весьма оригинальныя положенія: при нанесеніи легкихъ ранъ на поединкѣ, виновными признаются какъ тотъ, такъ и другой, т. е. и нанесшій и получившій рану; между тѣмъ, какъ при нанесеніи ранъ тяжкихъ подлежитъ наказанію, по буквѣ закона, только нанесшій ихъ. Какимъ образомъ тамъ наказываются оба, а здѣсь только одинъ, тогда какъ всѣ условія и шансы дуэли были тѣ же самые, а результатъ былъ дѣломъ случая? Можетъ быть, законъ принялъ въ соображеніе, что тяжело раненный и безъ того наказанъ. Но если оба противника нанесли другъ другу тяжелыя раны, то они вполнѣ подлежатъ установленному наказанію. Понятно, что законъ говоритъ о наказаніи только одного лица, когда поединокъ окончится смертью, потому что мертваго не судятъ.

Итакъ, сообразно элементамъ, обусловливающимъ преступность дуэли по нашему законодательству, опредѣлено: когда послѣдствіемъ дуэли

было убійство оскорбленнаго оскорбителемъ, то — заключеніе въ крѣпости отъ 4 до $6^2/_3$ лѣтъ, а если наоборотъ, т. е. когда будетъ убитъ оскорбитель, то оскорбленный за это убійство подвергается также заключенію въ крѣпости, но только отъ 2 до 4 лѣтъ (ст. 1503). Причемъ, если еще при вызовѣ на дуэль было условлено, чтобы она непремѣнно окончилась смертью (ст. 1504), то вызвавшій подвергается, если смерть нанесена имъ, лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе, а если смерть нанесена принявшимъ это условіе, то онъ подвергается заключенію въ крѣпости отъ $6^2/_3$ до 10 лѣтъ.

Если послѣдствіемъ поединка будетъ нанесеніе тяжкихъ ранъ, то оскорбитель, когда онъ былъ виновникомъ этого преступленія, подлежитъ заключенію въ крѣпости отъ 2 до 4 лѣтъ, т. е. тому же наказанію, которому подвергается оскорбленный за дуэль, въ которой онъ нанесъ смерть своему оскорбителю; а если тяжкая рана нанесена оскорбленнымъ или принявшимъ вызовъ на поединокъ, то, на основаніи той же 1503 ст., онъ подвергается заключенію въ крѣпости отъ 8 мѣсяцевъ до 2 лѣтъ.

Наконецъ, если дуэль окончилась нанесеніемъ легкихъ ранъ, то виновный, если онъ оскорбитель, подвергается заключенію въ крѣпости или тюрьмѣ отъ 8 мѣсяцевъ до 1 года, а если онъ оскорбленный, то на 2 — мѣсяца (ст. 1505). Такимъ образомъ, оскорбитель, нанесшій легкую рану своему противнику, приговаривается почти къ такому же наказанію, какъ и оскорбленный, если бы онъ нанесъ оскорбителю тяжкую рану.

Итакъ, мы видимъ, что за поединокъ наше законодательство въ большей части случаевъ опредѣляетъ заключеніе въ крѣпость — наказаніе, которое кромѣ дуэли примѣняется еще къ оскорбленію чести посла и немногимъ другимъ преступленіямъ, имѣющимъ политическій характеръ; опредѣленіемъ этого наказанія уголовный кодексъ показываетъ особенное снисхожденіе къ дуэлистамъ, ибо заключеніе въ крѣпости считается наказаніемъ болѣе благороднымъ, нежели напр. заключеніе въ тюрьмѣ: въ крѣпости не содержатся воры, разбойники и т. п. низкіе преступники.

При дуэли наказаніе заключенія въ крѣпости имѣетъ двѣ важныя особенности: 1) оно не сопряжено и при срокахъ высшихъ — годъ и 4 мѣсяца въ противность 34 ст.; — съ ограниченіемъ правъ. Это еще одно доказательство снисхожденія законодателя къ дуэлистамъ; въ самомъ дѣлѣ, онъ не могъ объявить неспособными къ занятію должностей, сопряженныхъ съ довѣріемъ, тѣхъ, которые увлекаются гордымъ чувствомъ чести; 2) по ст. 34 высшая степень заключенія въ крѣпости простирается отъ $2^2/_3$ до 4 лѣтъ; между тѣмъ, въ дуэли, какъ мы видѣли,

существуютъ высшіе термины — на срокъ отъ 4 лѣтъ до 6²/з отъ 6²/з до 10 лѣтъ. Какъ поступать въ послѣднемъ случаѣ при смягчающихъ обстоятельствахъ, когда слѣдуетъ понизить наказаніе въ степени? Мы раздѣляемъ мнѣніе г. Таганцева *), что за поединки установлена специальная система наказаній, такъ что при пониженіи наказанія слѣдуетъ дѣйствовать сообразно лѣстницѣ наказаній, установленныхъ за это преступленіе, а не общее; такъ напримѣръ при смягченіи наказанія за убійство на поединкѣ вызвавшаго (или оскорбителя) слѣдуетъ полагать то наказаніе, которое пріурочено за причиненіе увѣчья при тѣхъ же обстоятельствахъ. Но при этомъ мы встрѣчаемся съ нѣкоторыми затрудненіями. Лѣстница наказаній за поединки слѣдующая:

1) Ссылка на поселеніе (нанесеніе смерти, когда условлено биться на смерть и виновный предложилъ это условіе).

2) Крѣпость отъ 6²/з — 10 лѣтъ (когда онъ только принялъ это условіе).

3) „ „ 4 — 6²/з „ (нанесеніе смерти вызванному или оскорбленному).

4) „ „ 2 — 4 „ (нанесеніе смерти оскорбителю или тяжелой раны оскорбленному).

5) „ „ ²/з — 2 „ (нанесеніе тяжелой раны оскорбителю).

6) „ „ ²/з — 1¹/з „ (нанесеніе легкой раны оскорбленному).

7) „ „ ¹/з — ²/з „ (секунданты при высшей винѣ).

8) Крѣпость или тюрьма отъ ¹/в — ¹/з года (нанесеніе легкой раны оскорбителю; секунданты при низшей винѣ).

Мы видимъ, что стройность таблицы прерывается на шестой степени; здѣсь низшая мѣра одинакова съ низшей мѣрой высшей степени (5-й).

Если дуэль происходила безъ секундантовъ и окончилась смертью или нанесеніемъ тяжелой раны, то виновный подвергается тому же наказанію, которое постановлено въ 1504 ст. за дуэль съ условіемъ биться непремѣнно на смерть (ст. 1509). Это положеніе во всей его широтѣ слишкомъ строго. Тяжелое наказаніе, назначенное по 1504 ст. (заключеніе въ крѣпости до 10 лѣтъ), постигаетъ виновнаго не за одно только условіе биться непремѣнно на смерть, но только тогда, когда одинъ изъ сражавшихся дѣйствительно былъ убитъ или получилъ смертельную рану. А по 1509 ст. то же тяжкое наказаніе постигаетъ виновнаго и тогда,

*) *О преступленіяхъ противъ жизни*, стр. 394 и слѣд.

когда послѣдствіемъ дуэли безъ секундантовъ было нанесеніе *тяжкой* раны. Трудно рѣшить: подвергается ли въ этомъ случаѣ наказанію получившій тяжкую рану; вѣрнѣе, что не подвергается, потому что въ текстѣ статьи сказано „виновный“, а не „виновные“.

Всѣ наказанія, которыя опредѣлены въ вышеприведенныхъ нами статьяхъ, примѣняются только къ лицамъ сражающимся. Но мы уже знаемъ, что есть еще лица, которыя также подвергаются наказанію, хотя бы сами и не вступали въ бой; это именно свидѣтели или секунданты. Въ прежнее время наши законы секундантовъ считали участниками преступленія, но съ измѣненіемъ взгляда на дуэль измѣнился взглядъ и на секундантовъ; съ того времени секунданты не подвергаются никакому наказанію, если они только соблюли всѣ условія, относящіяся до ихъ обязанностей, т. е. если они приняли всѣ зависящія отъ нихъ мѣры къ примиренію соперниковъ. Это изъятіе секундантовъ отъ наказанія сдѣлано на томъ основаніи, что въ противномъ случаѣ стали бы развиваться дуэли темныя, безъ свидѣтелей, которыя уже исключаютъ всякую возможность примиренія сражающихся и наблюденія за исполненіемъ правилъ равнаго боя, за предупрежденіемъ измѣны, такъ что во всякомъ случаѣ секунданты, если бы и не исполнили всѣхъ своихъ обязанностей, приговариваются къ весьма легкому наказанію, именно если они не исполнили нравственнаго долга, и если дуэль окончится смертью или тяжкою раною, то секунданты подвергаются по 1507 ст., заключенію въ крѣпости на 4 — 8 мѣсяцевъ, а во всѣхъ прочихъ случаяхъ — заключенію въ тюрьмѣ 2 — 4 мѣсяца. Законъ совершенно не признаетъ даже свидѣтелями поединка — врачей, призванныхъ для помощи раненымъ на дуэли. Но есть одно условіе, когда секунданты подвергаются довольно значительному наказанію, именно: крѣпостному заключенію отъ 2-хъ до 4-хъ лѣтъ—въ томъ случаѣ, когда они допустятъ бой на смерть (ст. 1504), или когда не только не будутъ принимать мѣръ къ примиренію соперниковъ, но еще болѣе будутъ подстрекать и уговаривать къ дуэли (ст. 1508).

Итакъ, мы видимъ, что наше уголовное право относительно секундантовъ отступаетъ отъ общаго начала, по которому всѣ участники преступленія должны быть наказаны, а слѣдовательно и секунданты, ибо, разсматривая значеніе ихъ при дуэли съ юридической точки зрѣнія, оказывается, что они виновны не только въ недоносѣ о преступленіи, но и въ помощи къ совершенію преступленія.

Преступленіе поединка имѣетъ важную особенность въ отношеніи подстрекательства и покушенія. По общему началу, выраженному въ ст. 120 подговорщики и подстрекатели подвергаются высшей мѣрѣ наказанія, положеннаго за преступленіе. Но подстрекатели къ поединку наказываются

не по послѣдствіямъ поединка, а какъ за самостоятельное преступленіе — заключеніемъ въ крѣпости отъ 1 года до 4 лѣтъ или въ тюрьмѣ отъ 4 мѣсяцевъ до 1½ года, „смотря по обстоятельствамъ дѣла" (ст. 1500), слѣдовательно въ нѣкоторыхъ случаяхъ наказываются гораздо строже, въ другихъ гораздо мягче, сравнительно съ высшей мѣрой наказанія, слѣдовавшаго за поединокъ по его послѣдствію. — По общему началу (ст. 114) покушеніе на преступленіе остановленное по обстоятельствамъ, независѣвшимъ отъ воли виновнаго, наказывается только 2 — 4 степенями ниже. Но за поединокъ, прекращенный по обстоятельствамъ, независѣвшимъ отъ виновныхъ, даже по обнаженіи оружія, они подвергаются только аресту не свыше 7 дней (ст. 1502), хотя бы даже условились биться на смерть, слѣдовательно совершили покушеніе на такое преступленіе, которое наказывается ссылкой на поселеніе или заключеніемъ въ крѣпости до 10 лѣтъ.

Вызовъ на поединокъ наказывается арестомъ (ст. 1497 — 1499, 1501).

Манифестъ о поединкахъ Императрицы Екатерины II, дѣлалъ обязанностью для каждаго, подъ страхомъ наказанія, предупрежденіе поединковъ (Св. Зак. 1842 г. т. XV, ст. 388). И теперь еще сохранились въ Уст. пред. прест. постановленія о примирительномъ разбирательствѣ, родъ суда чести, въ дѣлахъ о личныхъ обидахъ (Св. Зак. т. XIV, Уст. пред. ст. 353 — 365). Уложеніе опредѣляетъ только церковное покаяніе тому, кто, случайно находясь при поединкѣ, не будетъ стараться примирить дуэлистовъ (ст. 151).

ГЛАВА XXV.

ИЗНАСИЛОВАНІЕ.

Мѣсто этого преступленія. Свойство и размѣръ насилія при этомъ преступленіи. Необходимость серьезнаго сопротивленія. Случаи существованія изнасилованія безъ сопротивленія жертвы. Приведеніе въ неестественный сонъ. Значеніе обмана и угрозъ. Сонъ естественный. Малолѣтство жертвы, какъ обстоятельство, освобождающее ее отъ сопротивленія. Почему Уложеніе говоритъ только о растлѣніи малолѣтней. Обстоятельства, возвышающія наказанія за изнасилованіе. Пропускъ отца въ числѣ лицъ, имѣющихъ власть надъ малолѣтней. Наказанія. Изнасилованіе возможно по Уложенію только относительно женщины. Важный пропускъ изнасилованія малолѣтнихъ мальчиковъ. Возможно ли изнасилованіе надъ своей женой, любовницей, публичной женщиной? Въ чемъ состоитъ актъ преступленія изнасилованія. Значеніе, приданное практикою растлѣнію. Важный пропускъ въ Уложеніи о любострастныхъ насильственныхъ дѣйствіяхъ безъ половаго совокупленія. Обольщеніе; случаи наказуемости его. Процесуальныя особенности преступленій изнасилованія и обольщенія.

Уложеніе подъ общимъ названіемъ „преступленій противъ чести" разсматриваетъ не только личныя оскорбленія и клевету, но также и изнасилованіе, давая послѣднему видовой титулъ: „преступленія противъ чести и цѣломудрія женщинъ". Сопоставленіе въ одинъ разрядъ такихъ дѣяній нельзя оправдать ни съ практической, ни съ теоретической точки зрѣнія. Изнасилованіе совершенно не то, что оскорбленіе чести; если и говорятъ про изнасилованную, что она лишена чести („обезчещена", какъ выражается въ одномъ мѣстѣ законъ объ обольщеніи), то здѣсь честь понимается не въ общемъ смыслѣ, а въ условномъ, спеціальномъ — насильственнаго совокупленія. Безъ сомнѣнія, честь, достоинство женщины

страдаетъ при изнасилованіи, — но не одно это достоинство; не одна только обида наносится изнасилователемъ, онъ посягаетъ на другія блага высшей цѣны. При истязаніи также нарушается чувство уваженія къ достоинству ближняго, но законъ относитъ это преступленіе не къ оскорбленіямъ чести, а къ другому, высшему разряду, потому что оскорбленіе поглощается высшимъ зломъ. Изнасилованіе составляетъ преступленіе и противъ *цѣломудрія* женщинъ; эта прибавка слова „цѣломудріе" и показываетъ, что его мѣсто не среди преступленій противъ чести: оно есть преступленіе противъ нравственности женщины, противъ ея величайшаго блага.

Изнасилованіе представляетъ два существенныхъ, неразрывныхъ элемента: половое совокупленіе съ женщиной, соединенное съ насиліемъ. Само по себѣ половое совокупленіе, даже и внѣ брака, если было по взаимному согласію не составляетъ преступленія (кромѣ случаѣ прелюбодѣянія); только насиліе превращаетъ этотъ фактъ изъ ненаказуемаго въ одно изъ тягчайшихъ преступленій. Насиліе во многихъ преступленіяхъ составляетъ отягчающее обстоятельство, напр. при совращеніи зъ нехристіанскую вѣру, при похищеніи имущества; но здѣсь все-таки и безъ насилія существуетъ преступленіе, а при изнасилованіи насиліе не отягчающій, а существенный элементъ, безъ котораго нѣтъ преступленія; отъ него преступленіе получило и названіе (изнасилованіе). Отсюда — доказать въ этомъ процесѣ виновность подсудимаго значитъ доказать, что онъ дѣйствовалъ съ насиліемъ; напротивъ того, защита, когда нельзя отрицать факта совокупленія, сосредоточивается только на доказательствѣ отсутствія насилія. Понятно послѣ этого, какъ важно ясное представленіе объ этомъ элементѣ.

Насиліе есть употребленіе силы. Но въ чемъ должно состоять это употребленіе силы въ преступленія изнасилованія? Уложеніе не опредѣляетъ этого. Въ законахъ нашихъ, со временъ Петра Великаго до изданія Судебныхъ Уставовъ, размѣръ этой силы былъ строго опредѣленъ, но не положительно, а отрицательно—размѣромъ сопротивленія. Главное отличіе насилія въ преступленіи изнасилованіи отъ употребленія его по всѣмъ другихъ состоитъ въ томъ, что оно непремѣнно условливаетъ сопротивленіе жертвы. Мы признаемъ существованіе насилія въ похищеніи, хотя бы жертва не оборонялась; но въ изнасилованіи требуется непремѣнно сопротивленіе: если его не было, то не было и преступленія.

Наши законы до изданія новыхъ Судебныхъ Уставовъ требовали для бытія насилія самыхъ явныхъ доказательствъ энергическаго сопротивленія, именно: „когда свидѣтели будутъ, что изнасилованная крикомъ своимъ призывала на помощь постороннихъ; когда у ней, или у обвиняемаго, или у обоихъ окажутся кровавые знаки, синія пятна, или изорванное

платье, свидѣтельствующія о сопротивленіи; когда объявленіе о томъ подано будетъ тотчасъ, или до истеченія дня.“ (Св. Зак. изд 1857, т. XV, ч. II, ст. 312). Это постановленіе введено Воинскимъ Артикуломъ Петра Великаго. Въ объясненіи сказано, что эти требованія необходимы для пресѣченія развратнымъ женщинамъ вымогать деньги, угрозою обвиненія въ тяжкомъ уголовномъ преступленіи. Та же мысль занимала современныхъ ему законодателей и криминалистовъ. Требованія эти отъ женщины чрозвычайно строги. Возможно ли требовать непремѣнно представленія свидѣтелей, слышавшихъ крикъ, когда изнасилованіе есть именно такое преступленіе, которое соверша-тся въ уединеніи: изнасилователь залучаетъ женщину и принимаетъ всѣ мѣры къ тому, чтобы избѣжать свидѣтелей. Далѣе, наносить удары и синяки не всякая женщина способна. Чѣмъ развитѣе и стыеливѣе дѣвица, тѣмъ менѣе способна она къ такого рода сопротивленію; она обыкновенно бываетъ такъ потрясена грубымъ насиліемъ, такъ теряется, что не въ состояніи прибѣгать къ дракѣ. Одинъ моралистъ вѣрно замѣтилъ, что невинная и благовоспитанная дѣвица отъ внозапнаго объятія бываетъ даже физически парализирована: быстрый приливъ крови, общее сотрясеніе производятъ на нее впечатлѣніе, похожее на опьяніе. Наконецъ, если изнасилователь значительно сильнѣе жертвы, то онъ можетъ принять такія мѣры, что она не въ состояніи будетъ дѣйствовать руками. Условіе объ объявленіи въ теченіе дня дѣлаетъ часто ненаказуемымъ самый гнусный видъ изнасилованія — надъ малолѣтними дѣвочками, которыя не въ состояніи понять и взвѣсить всю силу совершеннаго надъ ними преступленія. Безпрерывно случается, что такая дѣвочка даже скрываетъ отъ родителей происшедшее, и только по усиленнымъ настояніямъ открываетъ истину. Нерѣдко бываетъ, что изнасилователь застращиваетъ молодую жертву, говоря ей, что въ случаѣ открытія она подвергнется страшнымъ наказаніямъ. Новый Уставъ Уголовнаго Судопроизводства выпустилъ эти стѣсненія. Но тѣмъ не менѣе причины, побудившія законодателя ввести ихъ, должны быть памятны судьѣ; онъ долженъ стремиться къ тому, чтобы не впасть въ ошибку, весьма возможную относительно дѣйствительности насилія.

Если законъ теперь уничтожилъ непремѣнное бытіе извѣстныхъ знаковъ сопротивленія, тѣмъ не менѣе ненарушимымъ остается слѣдующее положеніе: тогда только существуетъ при совокупленіи насиліе, когда было сопротивленіе; это сопротивленіе бываетъ различно, смотря по возрасту и силѣ жертвы и разнымъ другимъ обстоятельствамъ, но оно непремѣнно должно быть *серьезное и непрерывное.* Никакая женщина, кромѣ публичной, не предается мужчинѣ безъ нѣкотораго сопротивленія и тогда, когда раздѣляетъ его желанія; это сопротивленіе или бываетъ внушаемо чувствомъ женскаго достоинства, желаніемъ не внушить къ себѣ презрѣ-

нія мужчины, или просто желаніемъ придать себѣ большую цѣну; мужчина всегда беретъ женщину съ употребленіемъ нѣкоторыхъ усилій. Такого рода сопротивленіе, только формальное, разумѣется не дѣлаетъ мужчины изнасилователемъ. Если оно не было серьезнымъ, т. е. пропорціональнымъ съ силами женщины, исполненнымъ негодованія и отчаянья — это не сопротивленіе. Мало того, серьезное сопротивленіе должно быть непрерывное, до послѣдняго акта. Всякое колобаніе женщины дѣлаетъ ее участницей, а не жертвой, даетъ знать мужчинѣ, что ему сопротивляются только по формѣ, только по инстинктивному чувству стыда, а не серьезно, что его приглашаютъ продолжать усилія, чтобы имѣть отговорку предъ самой собою. Судья не долженъ даже слѣпо довѣряться искреннимъ слезамъ женщины. Когда дѣвица лишилась невинности, хотя бы и безъ серьезнаго сопротивленія, она послѣ этоге наклонна весьма искренно видѣть въ обольстителѣ изнасилователя. Тѣмъ болѣе нельзя видѣть изнасилованія въ томъ случаѣ, когда со стороны женщины былъ вызовъ, былъ сдѣланъ такой шагъ, который, по принятымъ въ извѣстномъ кругѣ обычаямъ, считается знакомъ ея желанія вступить въ связь, — напр., когда она назначаетъ свиданіе ночью въ своей спальнѣ и принимаетъ полураздѣтая, или является къ мужчинѣ ночью при такой же обстановкѣ. Ненадобно забывать, что между серьезнымъ и несерьезнымъ сопротивленіемъ женщины такая же разница, какая между ненаказуемостью и каторжной рнботой.

Возможно ли изнасилованіе безъ сопротивленія жертвы? Законъ признаетъ два случая такого рода: 1) когда жертва была приведена „въ состояніе безпамятства или неостественнаго сна самимъ насилующимъ или по его распоряженію" (ст. 1526, п. 4); 2) когда жертва была малолѣтняя, имѣющая менѣе 14 лѣтъ. Оба эти случаи не составляютъ исключенія изъ кореннаго начала преступленія изнасилованія: когда лицо не имѣло возможности обнаружить воли, слѣдовательно выразить сопротивленіе, вслѣдствіе естественныхъ причинъ, тогда дѣйствіе будетъ насиліемъ. Но законъ нашъ не даетъ этому правилу должнаго размѣра. Такъ, онъ признаетъ, какъ мы видѣли, изнасилованіе и безъ сопротивленія надъ сонной женщиной, но только въ томъ случаѣ, когда сонъ ея былъ *неестественный*, и притомъ когда онъ былъ произведенъ насилователемъ или по его распоряженію. Но если бы кто совершилъ совокупленіе съ женщиной, которую онъ нашелъ случайно въ состояніи безпамятства, напр. вслѣдствіе ушиба, угара, опьяненія, или неестественнаго сна вслѣдствіе принятаго ею лекарства по предписанію врача,—тогда виновный не подходитъ подъ 1526 ст. Наконецъ, если бы кто совершилъ тотъ же актъ надъ женщиной, находившейся въ состояніи естественнаго сна — онъ также не подходитъ подъ 1526 статью. Этотъ случай, хотя и рѣдкій

однако возможенъ. Далѣе, можетъ быть совокупленіе посредствомъ обмана. Такіе случаи бывали. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ изъ швейцарскихъ судовъ разбиралъ слѣдующій случай: двое крестьянъ ночью, сидя въ тавернѣ, поссорились; одинъ изъ нихъ ушелъ и, проходя мимо открытаго дома другаго, зашелъ прямо въ спальню; жена въ просонкахъ не сопротивлялась ему, принявши его за своего мужа. Судъ рѣшилъ, что обманъ равняется насилію. Наконецъ, законъ нашъ ничего не говоритъ о вступленіи въ связь съ сумасшедшей. Неужели всѣ эти случаи могутъ остаться безнаказанными? Мы этого не полагаемъ. Ст. 1526 говоритъ объ отягчающихъ обстоятельствахъ изнасилованія, и въ ряду ихъ ставитъ приведеніе въ состояніе безпамятства или неестественнаго сна. Но этимъ самымъ она не только не препятствуетъ, но какъ бы наводитъ на то, что всѣ остальные случаи, т. е. совокупленіе во время естественнаго сна, или неестественнаго, когда онъ произведенъ не совокупившимся и не по его распоряженію, совокупленіе съ сумасшедшей и посредствомъ обмана въ лицѣ, подходятъ подъ обыкновенное изнасилованіе. Впрочемъ, мы не скрываемъ и затрудненій такого толкованія. Обманъ вовсе не равенъ насилію. Такъ напр., похищеніе собственности посредствомъ насилія (разбой или грабежъ) наказывается несравненно строже, чѣмъ посредствомъ обмана (мошенничество); точно то же при выдачѣ обязательствъ (ст. 1686, 1688). При связи съ женщиной безъ ея согласія обманъ показываетъ меньшую степень дерзости и звѣрства, чѣмъ насиліе въ прямомъ смыслѣ; наконецъ, какъ мы увидимъ, въ преступленіи противъ малолѣтнихъ дѣвицъ законодатель даетъ положительно обману меньшее значеніе, чѣмъ насилію. Что касается до сумасшедшей, то нѣкоторые криминалисты даже считаютъ, что нѣтъ преступленія, когда было ея согласіе и когда она понимала хорошо значеніе дѣйствія. Этого въ принципѣ принять невозможно. Такое дѣйствіе часто внушаетъ къ виновному еще болѣе отвращенія; сумасшедшіе приравнены къ дѣтямъ и въ уголовномъ и въ граждаяскомъ правѣ. Законъ нашъ, какъ мы видѣли, подвергаетъ уголовному наказанію за вступленіе въ бракъ съ сумасшедшей (ст. 1551), но при томъ степенью ниже чѣмъ за вступленіе въ бракъ съ нормальнымъ лицомъ посредствомъ обмана. Отсюда прямо выходитъ наказуемость связи съ сумасшедшей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдовало бы ее по аналогіи съ 1551 ст. подвергать слабѣйшему наказанію.

Составляютъ ли угрозы замѣну физическаго насилія? Уложеніе приводитъ угрозы лишенія жизни какъ обстоятельство, отягчающее изнасилованіе: „когда жизнь изнасилованной была угрожаема“. Изъ этого можно заключить, что при такихъ угрозахъ ненужно другаго насилія — онѣ сами по себѣ составляютъ насиліе и притомъ тяжкое. Но если угрозы были другаго рода, напр. женщинѣ грозили оскорбленіями, непріятностя-

ми, то такого рода угрозы не могутъ замѣнить насилія; точно то же можно сказать о побояхъ: та, которая уступила такого рода угрозамъ, показываетъ, что немного дорожила своимъ цѣломудріемъ. Но если грозили изувѣченьемъ, смертью близкихъ людей и т. под. то судья признаетъ такого рода угрозу равною насилію. Во всякомъ случаѣ, однако, угроза должна быть не отдаленною, а такою, которая немедленно должна быть приведена въ дѣйствіе. Словомъ, требованія здѣсь должны близко подходить къ требованіямъ необходимой обороны.

Пропускъ въ Уложеніи этихъ случаевъ непостижимъ, потому что въ другомъ преступленіи, аналогическомъ съ изнасилованіемъ, оно именно о нихъ упоминаетъ. Мы говоримъ о насильственномъ бракѣ. За бракъ съ употребленіемъ насилія Уложеніе опредѣляетъ каторжную работу на 4—6 лѣтъ (ст. 1550), за бракъ противъ желанія, чрезъ обманъ—ссылку въ Сибирь на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ, а за бракъ съ сумасшедшей—степенью ниже. Слѣдовательно, мы видимъ, что здѣсь обманъ и сумасшествіе несравненны вполнѣ съ насиліемъ, — не вправѣ ли мы того же требовать и при изнасилованіи? Это требованіе естественно, логично. Но изъ него нельзя выводить заключенія, что совокупленіе съ сумасшедшей или чрезъ обманъ не можетъ быть подведено подъ постановленіе объ изнасилованіи. Это мы выводимъ изъ слѣдующаго обстоятельства: при изнасилованіи приведеніе въ состояніе безпамятства составляетъ отягчающее обстоятельство, между тѣмъ какъ бракъ чрезъ приведеніе въ безпамятство наказывается степенью ниже, чѣмъ бракъ съ насиліемъ (ст. 1551). Это показываетъ, что обстоятельство приведенія въ безпамятство, по мнѣнію законодателя, имѣетъ въ этихъ двухъ преступленіяхъ противоположное значеніе,—въ одномъ отягчающее вину, въ другомъ уменьшающее. Вслѣдствіе этого, мы можемъ заключить, что по мысли законодателя другія обстоятельства—обманъ и сумасшествіе, имѣютъ при бракѣ смягчающее значеніе, а при незаконномъ совокупленіи ни смягчающаго, ни отягчающаго, оттого онъ упомянулъ о нихъ при противозаконныхъ бракахъ, и не упомянулъ при изнасилованіи.

Мы не скрыли тѣхъ затрудненій, съ которыми сопряжено предлагаемое нами толкованіе, въ особенности относительно обмана, — но полагаемъ, что оно все-таки вѣрно. Недостатки могутъ быть исправлены дарованіемъ присяжными снисхожденія. Vitanda est interpretatio quae infames faciat legislatores, — нельзя допускать толкованія, которое сдѣлало бы законодательство безчестнымъ, — а это будетъ, если принять ненаказуемыми указанные нами случаи, когда буква, смыслъ и аналогія закона дозволяютъ сдѣлать толкованіе, согласное съ нравственностью.

Второй признанный закономъ случай изнасилованія и безъ сопротивленія — связь съ малолѣтней, имѣющей менѣе 14 лѣтъ. Справедливость

этого начала не подлежитъ сомнѣнію: малолѣтняя не имѣетъ сознанія, въ особенности о половыхъ отношеніяхъ. Но терминъ взятъ нѣсколько отдаленный: дѣвица и на 13 году достаточно развита, чтобы понимать, на что ее склоняютъ. Редакторы Уложенія предлагали ввести возрастъ до 12 лѣтъ. Другой, болѣе важный недостатокъ, — это опредѣленность цифровая между невмѣняемостью и каторжной работой: если такой дѣвицѣ было 14 лѣтъ, то соблазнитель не наказывается, а если 14 лѣтъ безъ одной недѣли и даже безъ одного дня, то онъ идетъ въ карторжную работу. Установленіе переходной ступени было бы весьма полезно.

Преступленіе изнасилованія одно изъ важнѣйшихъ уголовныхъ. Важность его заключается въ слѣдующемъ: изнасилованіе потрясаетъ всю нравственную сторону женщины; ея достоинство и цѣломудріе поруганы; вона обращена была въ орудіе животнаго сладострастія. Это потрясені и поруганіе такъ велики, что болѣзненный слѣдъ ихъ остается на всю жизнь въ характерѣ, чувствахъ; смерть, сумасшествіе, болѣзни бываютъ нерѣдко послѣдствіемъ. Далѣе, изнасилованіе влечетъ для женщины потери и несчастья другаго рода: она можетъ сдѣлаться матерью незаконнаго ребенка, она чрезъ это часто лишается возможности честнаго брака, а если она замужняя, то это обстоятельство по господствующимъ въ массахъ матеріальнымъ понятіямъ, можетъ разстроить ея семейную жизнь. Наконецъ, изнасилованіе и съ физической стороны очень часто производитъ сильныя страданія, въ особенности у молодыхъ дѣвушекъ.

За изнасилованіе положена каторжная работа на 4—8 лѣтъ. Здѣсь двѣ степени каторжной работы соединены въ одно. При опредѣленіи мѣры наказанія предписано принимать въ соображеніе какъ обстоятельства, сопровождавшія изнасилованіе, такъ степень образованія и возрастъ виновнаго и вѣроятныя послѣдствія его преступленія для жертвы (ст. 1526).

Отягчающими обстоятельствами, вслѣдствіе которыхъ наказаніе возвышается на одну степень, при изнасилованіи служатъ: 1) когда изнасилована была замужняя, 2) увозъ обманомъ, 3) побои или истязанія, угрозы лишенія жизни или таковая же опасность, 4) когда изнасилованіе учинено опекуномъ, попечителемъ или наставникомъ изнасилованной дѣвицы или женщины, или смотрителемъ тюрьмы или другаго заведенія въ коемъ она содержалась, или вообще лицомъ, имѣвшимъ какую либо, по званію его или по особымъ обстоятельствамъ, надъ нею власть. или же врачемъ, въ то время ее пользовавшимъ, или служителемъ изнасилованной, или родителей, или опекуновъ и воспитателей ея". (ст. 1526). Духовникъ, хотя именно и не обозначенъ въ числѣ лицъ, которымъ усиливается наказаніе, положительно относится къ категоріи лицъ, имѣющихъ власть. Слуги и врачи отнесены къ категоріи усиленныхъ виновни-

овъ, потому что они пользуются правомъ входа въ комнату женщины, что она остается часто одна съ ними, не можетъ принимать противъ нихъ тѣхъ мѣръ предосторожности, какъ противъ другихъ мужчинъ.

Восходящіе родственники не обозначены въ этой категоріи, между тѣмъ какъ отецъ имѣетъ болѣе власти надъ дочерью, чѣмъ какое бы то ни было другое лицо. Этотъ пропускъ произошелъ, какъ видно, оттого, что кровосмѣшеніе между восходящими и нисходящими само по себѣ преступленіе и притомъ тяжкое. Въ ст. 1596 сказано: „За кровосмѣшеніе съ изнасилованіемъ виновные подвергаются наказанію на основаніи правила о совокупности преступленій." Но такое постановленіе ведетъ къ неожиданнымъ результатамъ. По правиламъ о совокупности (ст. 152), когда за каждое изъ преступленій слѣдуетъ уголовное наказаніе, то назначается высшая мѣра важнѣйшаго изъ нихъ. Слѣдоватгльно, отецъ, изнасиловавшій дочь—невинную дѣвицу, подвергается каторжной работѣ на 8 лѣтъ, а попечитель за то же преступленіе, на основаніи 5-го пункта 1525 ст. и 1528 ст., подвергается 10-ти лѣтней каторжной работѣ! Это важный пропускъ въ законодательствѣ.

Мы видѣли, что дѣвица моложе 14 лѣнъ признается ве имѣющей разумѣнія при половомъ совокупленіи, такъ что этотъ актъ и безъ насилія разсматривается какъ изнасилованіе.

Растлѣніе, т. е. лишеніе дѣвства *), составляетъ обстоятельство, вслѣдствіе котораго дается за изнасилованіе высшая мѣра наказанія (ст. 1528). Наказаніе за взнасилованіе увеличивается двумя степенями, когда послѣдствіемъ его была смерть изнасилованной (ст. 1527).

Ст. 1524: „Если растлѣніе дѣвицы, недостигшей четырнадцатилѣтняго возраста, учинено безъ насилія, но по употребленію во зло ея невинности и невѣдѣнія, то виновный приговаривается къ каторжной ра-

*) Кассац., 1869 г. № 1018: «Законъ разумѣетъ слово «растлѣніе» въ тѣсномъ смыслѣ посягательства мужчины на дѣвство женщины посредствомъ половаго съ нею совокупленія, а не въ обширномъ смыслѣ посягательства одного лица на цѣломудріе другаго. Это видно изъ тото, во 1-хъ, что въ законѣ говорится не о растлѣніи, сопровождающемся или не сопровождающемся изнасилованіемъ, но объ изнасилованіи, соединенномъ или не соединенномъ съ растлѣніемъ, смотря потому, идетъ ли рѣчь о дѣвицѣ не достигшей или достигшей 14-ти лѣтняго возраста; во 3-хъ, что оскорбленіе цѣломудрія безъ половаго совокупленія можетъ происходить столь различнымъ образомъ и имѣть столько различныхъ степеней, что пѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы законодатель слилъ всѣ эти степени въ одну норму преступности, опредѣливъ за нее тяжкое уголовное наказаніе каторжными работами съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, и въ 3-хъ, что оскорбленіе цѣломудрія, безъ половаго совокупленія, можетъ имѣть мѣсто и въ отношеніяхъ между женщинами, о чемъ законодатель не преминулъ бы упомянуть, если бы придавалъ слову «растлѣніе» обширный смыслъ.»

ботѣ на 4—8 или 8—10 лѣтъ". Выраженія этой статьи заслуживаютъ внимательнаго разбора. Во-первыхъ, здѣсь говорится о *растлѣніи*, а не просто о плотской связи или объ обольщеніи. Растлѣніемъ называется лишеніе дѣвственности,—оно, слѣдовательно, можетъ быть и въ отношеніи малолѣтней и совершеннолѣтней, какъ прямо показываетъ 1528 статья („во всѣхъ случаяхъ, въ коихъ изнасилованіе было соединено съ растлѣніемъ"...). Но если бы кто вступилъ въ связь съ дѣвицей 13 лѣтъ, которая, однако, была уже прежде обольщена, то такъ какъ это уже не растлѣніе, онъ не можетъ быть подведенъ подъ 1524 ст. Но Государственный Совѣтъ, истолковалъ эту статью иначе; по его мнѣнію, законодатель естественно предполагалъ каждую малолѣтнюю дѣвицу нерастлѣнною, оттого, говоря объ ней, употребилъ выраженіе „растлѣніе", а потому блудъ съ малолѣтнею, хотя и растлѣнною прежде, подходитъ подъ 1524 ст. Но все-таки онъ призналъ это обстоятельство „заслуживающимъ со стороны судьи особеннаго вниманія" (Сбор. мнѣн. Госуд. Сов. ст. 78 — 80). Это мнѣніе выражено по случаю блуда съ 6 лѣтней дѣвочкой. Но едвали его можно распространять на всѣ случаи. Безъ всякаго сомнѣнія, если дѣвочка 6, 8, 10 лѣтъ была жертвой грубаго сладострастія, она чрезъ это не могла пріобрѣсти еще твердаго сознанія о важности сдѣланнаго надъ нею зла; было бы ужасно отдавать ее на жертву чудовищному сластолюбію, оставляя связь съ нею — столь губительную для нея не только въ нравственномъ, но и въ физическомъ отношеніи, безнаказанною. Но если ей было при изнасилованіи 13 лѣтъ, и потомъ чрезъ мѣсяцъ она соглашается вступить въ связь съ другимъ, то обстановка дѣла другая. Она могла уразумѣть важность совершеннаго надъ нею поруганія. Къ несчастью твердыя, данныя показываютъ, что бываютъ случаи, когда дѣвочки 12, 13 лѣтъ промышляютъ развратомъ. Не будетъ ли противно справедливости отправить на каторжную работу того, кто вступилъ въ связь съ дѣвушкой 13½ лѣтъ, которая предлагаетъ себя на улицѣ, про которую ему было извѣстно, что она продается. Здѣсь, кажется, должно имѣть мѣсто правило, аналогичное съ извѣстнымъ: malitia supplet aetatem. Обращаясь къ тексту закона, мы видимъ, что онъ благопріятствуетъ такому толкованію. Ст. 1524 говоритъ о наказуемости растлѣнія безъ насилія малолѣтней не абсолютно, а съ извѣстнымъ ограниченіемъ: „...по употребленію во зло ея невинности и невѣдѣнія". Принять ли эту фразу какъ реторическое украшеніе, или какъ дѣйствительное ограниченіе? При послѣднемъ толкованіи ея, конечно нельзя признать 13-лѣтнюю, которая была уже растлѣна, находящейся въ состояніи невинности и въ особенности невѣдѣнія. Историческій ходъ нашего законодательства также говоритъ въ пользу нашего мнѣнія. Сводъ Законовъ признавалъ преступленіемъ и въ отношеніи малолѣтнихъ только

насильственное растлѣніе. Уложеніе, опредѣливши наказаніе за таковой фактъ въ 1523 ст., ввело, какъ дополненіе къ ней, какъ родъ исключенія, и наказаніе за растлѣніе малолѣтней безъ насилія; что приведенное постановленіе только родъ исключенія, это доказывается самой формой 1524 статьи, начинающейся условнымъ союзомъ: „если растлѣніе"...

Высказанный нами взглядъ послѣ нѣкоторыхъ колебаній былъ принятъ кассаціоннымъ сенатомъ. Онъ призналъ, что связь съ малолѣтней, лишенной невинности и имѣющей болѣе 10 лѣтъ не составляетъ преступленія. Мы полагаемъ, однако, что этого мало; т. е. мало того, что лишенная невинности имѣла болѣе 10 лѣтъ при новой связи; надобно, чтобы лишеніе невинности произошло въ возрастѣ также ниже 10 или 7 лѣтъ *).

---

*) Кассац. 1870 г. № 1167 «Рѣшеніемъ Воронежскаго Окружнаго Суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей обвинены: Вяликовъ въ половомъ совокупленіи съ тринадцатилѣтнею крестьянкою Б., Акимова же въ пособничествѣ Вяликову, и вслѣдствіе того приговорены, на основ. 1524 ст. Улож. о нак., къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе. Защитники подсудимыхъ просятъ отмѣнить приговоръ Суда на томъ основаніи, что за освобожденіемъ Вяликова присяжными по обвиненію въ насиліи и растлѣніи Б., Судъ не имѣлъ основанія примѣнять къ поступку его, заключающемуся въ простомъ половомъ совокупленіи съ женщиной, наказанія, назначеннаго 1524 ст. Улож. о нак.—Изъ производства Окружнаго Суда в дно, что первый вопросъ по дѣлу Вяликова былъ предложенъ присяжнымъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: 1) виновенъ ли подсудимый Павелъ Тимофѣевъ Вяликовъ, 29 лѣтъ, въ томъ, что 30 мая 1866 г. ночью, въ имѣніи помѣщика Бунина, имѣлъ половое совокупленіе съ крестьянскою дѣвочкою. Пелагеею Б., имѣвшею отъ роду 13 лѣтъ, и лишилъ ее невинности, употребивъ для того насиліе? На этотъ вопросъ присяжные отвѣчали: нѣтъ, не виновенъ; второй вопросъ былъ предложенъ слѣдующій: если не виновенъ въ томъ подсудимый, то виновенъ ли онъ, Вяликовъ, въ томъ, что имѣлъ половое совокупленіе съ Б. и лишилъ ее дѣвственности, безъ насилія, употребивъ во зло ея невинность? На это присяжные отвѣтили: да, виновенъ въ половомъ совокупленіи, но не лишилъ дѣвственности и безъ употребленія во зло невинности.

Выслушавъ заключеніе и. д. Оберъ-Прокурора, Правительствующій Сенатъ находитъ, что крестьянинъ Вяликовъ обвиненъ рѣшеніемъ присяжныхъ въ половомъ совокупленіи съ крестьянкою Б., хотя и недостигшею 14-ти лѣтняго возраста, но уже лишенною прежде сего дѣвственности, и что при этомъ не было со стороны Вяликова ни насилія, ни употребленія во зло невинности и невѣдѣнія Б.; прибавкою къ своему отвѣту словъ «*и безъ употребленія во зло невинности*» присяжные еще яснѣе выразили ту мысль, что Б. во время происшествія дѣйствовала съ разумѣніемъ, и поэтому сама сдѣлалась сообщницею того проступка, въ которомъ обвиняла Вяликова. Присяжные имѣли законное основаніе сдѣлать такую прибавку, такъ какъ Б. перешла уже тотъ возрастъ, для котораго установлена закономъ безусловная невмѣняемость (ст. 137 Улож. о нак.). Имѣя въ виду, что

За растлѣніе малолѣтней съ насиліемъ слѣдуетъ наказаніе двумя степенями выше—каторжная работа на 10 — 12 лѣтъ (ст. 1523). Мы не видимъ, впрочемъ, существованія большой разницы въ блудѣ съ малолѣтней нѣжнаго возраста 7 — 10 лѣтъ, а тѣмъ болѣе назшаго,—будетъ ли онъ насиліемъ или безъ насилія. Такому же наказанію подлежитъ и соблазнитель малолѣтней (безъ насилія), когда имъ была употреблена во зло власть, предоставленная ему по званію или особой довѣренности родителей или родственниковъ.

Насильственное совокупленіе съ недостигшей 14-ти лѣтняго возраста, хотя и растлѣнной до того, за отсутствіемъ прямаго закона, по толкованію Сената должно быть наказано по 1524 ст. Улож., т. е. какъ за насильственное растлѣніе малолѣтней (Кассац., 1869 № 958).

Переходимъ теперь къ разсмотрѣнію тѣхъ затрудненій, которыя представляетъ преступленіе изнасилованія со стороны качества жертвы и самаго акта.

Изнасилованіе признается по нашему закону преступленіемъ только относительно женщины; оно и названо преступленіемъ „противъ чести и цѣломудрія женщины"; вездѣ, говоря о немъ, Уложеніе называетъ жертву только лицомъ женскаго пола. Медицина не отвергаетъ возможности насилія со стороны женщины надъ мужчиной для блуда. Конечно, цѣломудріе мужчины безконечно отличается отъ женскаго; но нельзя, однако, совершенно отказать и совершеннолѣтнему мужчинѣ въ томъ, что онъ можетъ высоко цѣнить свое цѣломудріе, — въ особенности, если онъ строгій аскетъ. Наконецъ, бываютъ случаи, когда мужчина, и неотличающійся особеннымъ цѣломудріемъ, можетъ быть глубоко потрясенъ и съ нравственной и съ физической стороны. Представляемъ случай, бывшій на одномъ изъ нашихъ горныхъ заводовъ: молодой разнощикъ былъ схваченъ шестью развратными женщинами, которыя искусственнымъ возбужденіемъ принудили его совершить блудъ со всѣми ими, и оставили его чуть живаго. По нашему закону здѣсь открывается только возможность иска объ оскорбленіи или о вредѣ здоровью, но не объ изнасилованіи.

Пропускъ въ Уложеніи такого рода фактовъ, впрочемъ, не можетъ быть чувствительнымъ: они составляютъ самое рѣдкое явленіе. Но совершенно другое слѣдуетъ сказать о склоненіи на блудъ малолѣтнихъ

при такихъ условіяхъ къ проступкамъ Вяликова и Акимовой не можетъ быть примѣнена 1524 ст. Улож. о наказ., Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: оставивъ рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей по настоящему дѣлу въ силѣ, приговоръ Воронежскаго Окружнаго Суда, за неправильнымъ назначеніемъ подсудимому наказанія, отмѣнить, передавъ дѣло для новаго разсмотрѣнія въ другое отдѣленіе того же Окружнаго Суда».

мальчиковъ. Если взрослая женщина, которой ввѣрено воспитаніе малолѣтняго, для удовлетворенія развратнаго каприза, научитъ 7 — 10-лѣтняго мальчика совершить съ нею блудъ, она этимъ губитъ его и нравственно и физически — онъ можетъ сдѣлаться импотентомъ, идіотомъ. Его нравственность должна быть также охраняема закономъ, какъ и дѣвочки.

Изнасилованіе не можетъ быть совершено мужемъ надъ женою. Если бы жена и сопротивлялась его желанію и онъ употребилъ насиліе для удовлетворенія, онъ все-таки не можетъ быть наказанъ какъ изнасилователь, на томъ основаніи, что совокупленіе есть конечная цѣль брака, и женщина, вступая въ супружество, тѣмъ самымъ отрекается въ отношеніи мужа отъ права неприкосновенности. Но если мужемъ были употреблены для достиженія желанія побои или другія важныя насильственныя дѣйствія, то онъ, конечно, подлежитъ наказанію, но только тому, которое опредѣлено за побои и другія насилія.

Вопросъ объ изнасилованіи публичной и вообще явно развратной женщины занималъ старинные уголовные кодексы. Они не видѣли въ насильственномъ совокупленіи съ такою женщиною преступленія изнасилованія. Уложеніе, подобно другимъ новымъ кодексамъ, умалчиваетъ объ этомъ вопросѣ, чѣмъ и показываетъ, что для него здѣсь нѣтъ вопроса, и что изнасилованіе надъ всякой женщиной составляетъ одинаковое преступленіе. Въ самомъ дѣлѣ, изъ того, что женщина ведетъ публично развратную жизнь, вовсе не слѣдуетъ, что всякій имѣетъ право на нее и помимо ея согласія, что она обречена на жертву, какъ животное. Она можетъ каждую минуту бросить развратъ и рѣшиться стать честною нщиною. Разумѣется, такой женщинѣ очень трудно вести искъ объ изнасилованіи; въ пользу мужчины будетъ всегда предположеніе, что онъ дѣйствовалъ безъ дѣйствительнаго насилія, что ея сопротивленіе было только торгомъ, и т. д. Но это вопросъ факта, который подлежитъ вѣдѣнію судьи, а не законодателя.

Но если насиліе было совершено надъ женщиной, бывшей прежде въ любовной связи съ насилователемъ, но потомъ прервавшей ее; или нѣсколько иначе поставимъ вопросъ, — можетъ ли любовница во всякое время отказать въ связи своему любовнику? Въ принципѣ отвѣтъ долженъ быть утвердительный. Любовная связь не имѣетъ тѣхъ послѣдствій для взаимныхъ отношеній, какъ законный бракъ; женщина здѣсь каждый разъ предается добровольно, мужчина не имѣетъ на нее никакихъ правъ, слѣдовательно она можетъ во всякое время и прервать отношенія. Но, здѣсь опять существуетъ въ пользу мужчины та же презумпція, о которой мы говорили выше.

Замѣтимъ, что не только наши старые законы, но даже Сводъ За-

коновъ защищалъ собственно только невинную дѣвицу, замужнюю женщину и вдову, а о дѣвицѣ, лишенной невинности, не говоря уже о явно развратной, вовсе умалчивалъ. Ст. 787 XV т. Свод. Зак., изд. 1842 г., гласила: „За изнасилованіе замужней женщины, вдовы и *насильное растлѣніе* дѣвицы совершеннолѣтней или малолѣтной виновные подлежатъ"... Уложеніе признаетъ растлѣніе отягчающимъ обстоятельствомъ при изнасилованіи, точно также какъ и замужество, — но признаетъ изнасилованіе и надъ неневинной: ст. 1525 говоритъ: „за изнасилованіе имѣющей болѣе 14 лѣтъ"..., слѣдовательно всякой женщины.

Въ чемъ состоитъ самый актъ преступленія изнасилованія? Конечно, въ половомъ совокупленіи. Всякое другое насиліе надъ женщиной, хотя бы съ сладострастными цѣлями, не будетъ изнасилованіемъ. Этотъ вопросъ важенъ практически только въ слѣдующемъ отношеніи. Наша практика, даже практика Государственнаго Совѣта, принимала за растлѣніе всякій механическій разрывъ знака дѣвственности, напр. пальцемъ. Такое понятіе произошло вслѣдствіе того матеріальнаго взгляда на дѣвичье цѣломудріе, котораго долго держалось законодательство, не признавая даже изнасилованія надъ дѣвицей безъ растлѣнія. При господствѣ такого взгляда одинъ и тотъ же фактъ, напр. насильственное введеніе пальца въ дѣторродныя части замужней или вдовы считался только оскорбленіемъ, а въ отношеніи невинной дѣвицы — изнасилованіемъ съ растлѣніемъ. Между тѣмъ, какъ растлѣніе есть только отягчающее обстоятельство изнасилованія, а изнасилованіе иначе никогда не понимается, какъ полное соединеніе съ женщиной. Разрывъ дѣвственной плевы безъ половаго совокупленія составляетъ нанесеніе раны или, если онъ совершенъ съ сладострастной цѣлью, то и другое преступленіе — оскорбленіе чувства стыдливости, но не изнасилованіе въ легальномъ смыслѣ *).

*) Кассац. 1869 г. № 1018: «Посягательство на цѣломудріе малолѣтней дѣвочки, состоящее въ уничтоженіи въ ея дѣторродныхъ частяхъ дѣвственной плевы посредствомъ блуднаго дѣйствія пальцемъ, причиняетъ ей не только нравственное зло, которое можетъ отозваться на всей ея жизни, но и такое тѣлесное повреждeніе, которое, по характеру своему, принадлежитъ къ разряду увѣчій, хотя и не столь тяжкихъ, какъ предусмотрѣнное въ 1477 ст. Улож. о наказ. лишенія дѣторродныхъ частей. Подъ увѣчьемъ разумѣютъ, смотря по тяжести увѣчья, или совершенное лишеніе какого либо тѣлеснаго органа, или приведеніе его въ состояніе, не соотвѣтствующее его назначенію, а въ этомъ послѣднемъ смыслѣ нельзя не признать легкимъ увѣчьемъ того дѣйствія, которымъ дѣторродный органъ малолѣтней дѣвочки приведенъ въ состояніе, не соотвѣтствующее ея возрасту и неестественное въ организмѣ дитяти. На этомъ основаніи, а также въ виду вредныхъ послѣдствій такого дѣянія для малолѣтней, оно должно занимать въ разрядѣ преступленій противъ цѣломудрія женщинъ такое же мѣсто, какое

Дѣвственность дѣйствительно много значитъ для дѣвицы; потерявшая ее даже по несчастному случаю, напр. отъ верховой ѣзды и т. под., можетъ быть несчастна, потому что мужъ сочтетъ ее развратной. Извѣстно, что въ старое время съ величайшей торжественностью показывались на другой день брака признаки, доказывающіе дѣвство молодой, что и теперь въ ходу у простолюдиновъ въ разныхъ мѣстностяхъ. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы законодатель наказывалъ каторжной работой лишеніе ея какимъ либо орудіемъ безъ половаго совокупленія. Притомъ, тогда бы пришлось наказывать и дѣвицу за растлѣніе дѣвицы, если одна ввела бы другой въ дѣтородныя части посторонній предметъ,— а этого допустить нельзя, потому что въ изнасилованіи необходимъ мужчина, какъ дѣятель.

Уложеніе пропустило другое важное, хотя и низшее изнасилованіе, преступленіе противъ цѣломудрія женщины—поруганіе ея нравственноэти сладострастными дѣйствіями, безъ половаго совокупленія. Такъ, по нашему закону человѣкъ, насильственно совершившій надъ обнаженнымъ тѣломъ женщины всевозможныя сладострастныя дѣйствія, кромѣ половаго совокупленія и содоміи, можетъ быть наказанъ только арестомъ, какъ за личную обиду. Между тѣмъ, такого рода поруганіе немного отличается отъ изнасилованія: нравственное чувство женщины взволновано, она унижена и поругана. Если это же совершается надъ малолѣтними, то ихъ воображеніе осквернено, чувства развращены, нравственное паденіе и физическій вредъ бываютъ прямыми послѣдствіями такихъ дѣйствій. По французскому закону такое преступленіе (attentat aux moeurs) наказывается арестантскими ротами (reclusion) отъ 5 до 8 лѣтъ. Это преступленіе признано возможнымъ и относительно мужчины; виновными въ немъ могутъ быть какъ мужчины, такъ и женщины. Тамошніе суды такъ строго охраняютъ нравственность, что для бытія этого преступленія не требуется даже непремѣнно прикосновенія къ тѣлу. Такъ напр., былъ признанъ виновнымъ въ attentat aux moeurs человѣкъ, который предавался онанизму въ присутствіи дѣвочекъ, видъ которыхъ возбуждалъ его. Женщины, раздѣвшія до гола другую и наругавшіяся надъ нею, были также признаны виновными въ этомъ преступленіи. Это преступленіе признано даже и для мужа въ отношеніи жены, на томъ основаніи, что цѣль брака не есть поруганіе. Нашъ законъ, какъ мы сказали, не знаетъ этого преступленія. Въ Уложеніи изданія 1857 г. ст. 2088 опредѣляла заключеніе въ тюрьмѣ отъ 1 года до 2 лѣтъ и даже въ смирительномъ домѣ отъ 2 до 3 лѣтъ „за тяжкую обиду дѣйствіемъ женщины, съ нарушеніемъ правилъ благопристойности и съ оскорб-

---

назначено закономъ легкому увѣчью въ разрядѣ преступленій противъ тѣлесной неприкосновенности».

леніемъ въ обиженной нравственнаго чувства стыдливости.“ Судья могъ давать высшую мѣру наказапія за насильственныя любострастныя дѣйствія надъ женщиной, и наказаніе, хотя и не вполнѣ соотвѣтствующее болѣе тяжкимъ изъ этихъ дѣйствій, все-таки было немаловажное. Но въ новомъ изданіи Уложенія это постановленіе выпущено и замѣнено 135 ст. Мир. Уст., по которой нанесеніе обиды дѣйствіемъ лицу женскаго пола наказывается арестомъ не свыше 3 мѣсяцевъ, и обстоятельство оскорбленія въ ней чувства стыдливости вовсе не упоминается, какъ отягчающее вину. Такимъ образомъ, по вопросу о насильственномъ поруганіи женщины наше законодательство сдѣлало въ послѣднее время шагъ назадъ.

О поруганіи нравственнаго чувства мужчины, даже малолѣтняго, нѣтъ постановленія; это простая обида. Въ отношеніи малолѣтнихъ обоего пола существуетъ постановленіе, подвергающее за развращеніе ихъ наказанію, но маловажному, именно: тюремному заключенію на 2 –4 мѣсяца, и притомъ только лицъ, имѣющихъ надзоръ за ними, а не постороннихъ (ст. 993; нашъ курсъ, стр. 410).

Весьма важно ученіе о покушеніи на изнасилованіе по Уложенію. Оно признаетъ за покушеніе даже похищеніе женщины съ цѣлью изнасиловать (ст. 1529).

Склоненіе совершеннолѣтнихъ женщинъ, т. е. имѣющихъ болѣе 14 лѣтъ, къ связи посредствомъ подарковъ, уговора и другими ненасильственными средствами, называется обольщеніемъ. Обольщеніе не можетъ быть наказуемо, потому что составляетъ свободный актъ совершеннолѣтняго лица. Уложеніе, однако, приводитъ два случая наказуемости обольщенія. Ст. 1531: „За обольщеніе несостоящей въ замужствѣ торжественнымъ обѣщаніемъ на ней жениться, виновный, если онъ не исполнитъ своего обѣщанія, подвергается заключенію въ смирительномъ домѣ отъ 1⅓ до 2 лѣтъ.“ Обѣщаніе это должно быть не простое и условное, а *торжественное*. Весьма трудно понять какого рода торжественность можетъ употреблять тотъ, кто склоняетъ къ блуду; если здѣсь требуется обѣщаніе при свидѣтеляхъ или на бумагѣ, въ видѣ обязательства, то заслуживаетъ ли снисхожденія законодателя женщина, которая предается беззаконной связи, заручившись такимъ обѣщаніемъ; договоръ для цѣли безнравственной не дѣйствителенъ, а ближайшая цѣль этого договора — блудъ. Такого рода постановленіе, которымъ законодатель хотѣлъ оградить неопытныхъ женщинъ отъ обольстителей, можетъ часто имѣть совершенно другія послѣдствія, тѣмъ болѣе, что законъ говоритъ здѣсь не только объ обольщеніи молодой и невинной дѣвицы, но вообще всякой женщины, хотя бы сорокалѣтней и сомнительнаго поведенія. Это постановленіе можетъ имѣть тѣ послѣдствія, что богатые и вообще представляющіе выгодную партію молодые люди будутъ завлекаемы разными авантюристками или ихъ безнравственными родите-

лями, готовыми на низость, для того чтобы пристроить выгодно дочь: у нихъ будутъ вырывать на письмѣ или при свидѣтеляхъ обѣщаніе жениться и потомъ брать богатый окупъ, пугая заключеніемъ въ смирительный домъ, или и побуждая къ женитьбѣ страхомъ этого наказанія.

Но главное—угроза закона тяжкимъ заключеніемъ въ случаѣ отказа вступить въ бракъ не можетъ быть соглашена съ идеею христіанскаго брака. Бракъ есть союзъ свободный, у жениха и невѣсты спрашиваютъ о согласіи среди вѣнчанія; бракъ есть таинство, требующее отъ брачущихся сердечной любви. Поэтому, угрожать за невступленіе въ бракъ наказаніемъ, это значитъ заставлять лгать предъ церковью. И наконецъ, какую будущность представляетъ такого рода принудительный бракъ? Условіе о свободномъ согласіи брачущихся такъ важно, что законодатель въ другомъ случаѣ признавалъ вреднымъ ограниченіе этой свободы опасеніемъ потери денегъ. Такъ, признаны незаконными бывшія во всеобщемъ употребленіи въ древней Россіи записи о вступленіи въ бракъ съ неустойкой въ случаѣ неисполненія (Св. Зак. т. X, ст. 1008). Свод. Зак. постановлялъ обязательнымъ исполненіе обѣщанія жениться только въ томъ случаѣ, когда женщина сдѣлалась беременною отъ обольстителя (Св. Зак. 1842 г. т. XV, ст. 782).

Другой случай наказуемости обольщенія. „Если несовершеннолѣтняя, хотя и достигнувшая 14 лѣтъ отъ роду дѣвица обольщена и обезчщена своимъ опекуномъ, или инымъ лицомъ, имѣющимъ по званію своему или особымъ обстоятельствамъ надзоръ за нею и большую или меньшую степень власти надъ нею, то виновный въ семъ подвергается ссылкѣ на житье въ Сибирь.“ (ст. 1532). Подъ несовершеннолѣтіемъ можно ли въ этомъ случаѣ разумѣть гражданское несовершеннолѣтіе, т. е. возрастъ, до 21 года? Это было бы слишкомъ строго; требовать напр. отъ учителя, чтобы онъ не соблазнился страстью 20-ти лѣтней дѣвицы и ссылать его за это въ Сибирь—не соотвѣтствуетъ справедливости. Такъ какъ въ числѣ лицъ, имѣющихъ власть, не поименованъ попечитель, тогда какъ онъ обозначенъ при изнасилованіи (ст, 1526, п. 5), то это, кажется даетъ право заключать, что здѣсь идетъ дѣло о такой несовершеннолѣтней, которая имѣетъ опекуна, а не попечителя, т. е. достигшей 17-ти лѣтъ. Замѣтимъ, что предложеніе женитьбы не покрываетъ въ этомъ случаѣ преступленія. Обольщенная подаетъ жалобу, обольститель предлагаетъ ей женитьбу, она отказывается, и наказаніе постигаетъ его. Наказаніе возвышается двумя степенями, если обольстителемъ былъ слуга несовершеннолѣтней, или слуга ея родителей, опекуновъ или родственниковъ. Конечно здѣсь разумѣется слуга такихъ опекуновъ и родственниковъ въ домѣ которыхъ живетъ несовершеннолѣтняя, который поэтому имѣетъ надзоръ за нею. Непонятно, почему отношенія слуги считаются болѣе важными, авто-

ритетъ его надъ несовершеннолѣтней сильнѣе, чѣмъ отношенія и авторитетъ опекуна. Въ изнасилованіи слуга стоитъ на одной степени съ опекуномъ. Замѣтимъ еще одну разницу въ разрядѣ лицъ, отношенія которыхъ считаются властными; въ изнасилованіи говорится о наставникѣ, а въ обольщеніи объ учителѣ. Эти слова имѣютъ не одинаковое значеніе: наставникъ предполагаетъ отношенія авторитетныя и продолжительныя, а учитель можетъ имѣть отношенія и кратковременныя, случайныя, безъ авторитета, напр. учитель танцевъ *).

Изнасилованіе и обольщеніе имѣютъ процесуальную особенность. Дѣла о нихъ начинаются не иначе, какъ по жалобѣ самой изнасилованной, растлѣнной, обольщенной, или же ея родныхъ, родственниковъ или другихъ лицъ, по званію своему обязанныхъ имѣть о ней попеченіе, а объ изнасилованіи замужней женщины только по собственной ея или мужа ея жалобѣ, но не по посредственной иниціативѣ обвинительной власти (ст. 1532, примѣч.). Это постановленіе выходитъ изъ самаго свойства преступленія: нѣтъ преступленія, когда было согласіе; слѣдовательно, отсутствіе частной жалобы лишаетъ прокурора возможности вчинать искъ; мало того, это бы повело къ вмѣшательству общественной власти въ тайны семейной жизни. Это положеніе, вполнѣ вѣрное въ принципѣ, требуетъ, однако, исключеній, пропущенныхъ въ законѣ, именно: изнасилованіе малолѣтней, если она не жалуется, что часто бываетъ вслѣдствіе того, что она запугана насилователемъ или даже не понимаетъ важности причиненнаго ей поруганія, или, наконецъ, не знаетъ куда обратиться съ жалобой. Законъ не исправляетъ вполнѣ этого недостатка, уполномочивая родителей и опекуновъ вчинать искъ. Родители могутъ находиться далеко: малолѣтная отдана въ услуженіе и тамъ изнасилована, что очень нерѣдко случается. Если изнасилователемъ будетъ самъ опекунъ малолѣтней сироты, и она имъ запугана и не жалуется, то хотя бы это преступленіе было извѣстно всѣмъ сосѣдямъ, общественная власть не можетъ вступиться. Наконецъ, опекунъ можетъ быть равнодушенъ къ участи питомицы, онъ, а также мать и отецъ, могутъ продать малолѣтнюю богатому сластолюбцу,—такіе ужасные факты бывали. Въ этихъ случаяхъ было бы вполнѣ согласно съ интересами нравственности и справедливости вчинаніе иска судебною властью. Если же опекунъ былъ вмѣстѣ и близкимъ родственникомъ малолѣтней,

*) Оффиціальная терминологія уставовъ министерства народнаго просвѣщенія нисколько не освѣщаетъ уголовнаго закона. Въ этихъ уставахъ существуютъ термины «домашній учитель» и «домашній наставникъ», но имъ придано только іерархическое значеніе: «домашній наставникъ» есть лицо окончившее курсъ университета и посвятившее себя домашнему преподаванію; для полученія же диплома на званіе домашняго учителя требованія гораздо меньше.

тогда вчинанія преслѣдованія судебной властью вполнѣ имѣетъ мѣсто, потому что въ этомъ случаѣ является не только изнасилованіе, но и кровосмѣшеніе, а послѣднее преступленіе не предоставлено вчинанію только по частной жалобѣ.

Въ нѣкоторыхъ законодательствахъ наказанія за изнасилованіе значительно смягчается въ случаѣ вступленія въ бракъ изнасилователя съ изнасилованной. Это заслуживаетъ полнаго вниманія законодателя въ такомъ преступленіи, каково изнасилованіе, гдѣ иниціатива преслѣдованія принадлежитъ потерпѣвшей, гдѣ слѣдовательно ея интересы не должны быть пренебрежены.

Другая процесуальная оригинальность этого преступленія происходитъ отъ того, что въ изнасилованіи дѣвица считается не имѣющей разумѣнія до 14 лѣтъ, а на основаніи общаго положенія Уложенія (ст. 138) вмѣненіе постигаетъ малолѣтнихъ, имѣющихъ отъ 10 до 14 лѣтъ, если они дѣйствовали съ разумѣніемъ. Вслѣдствіе этого различія двухъ положеній,— если мальчикъ 13 лѣтъ вступилъ въ связь съ дѣвочкой того же возраста, не только по согласію ея, но и по ея предложенію, то онъ долженъ быть наказанъ ссылкой въ Сибирь на поселеніе, если найдено будетъ, что онъ дѣйствовалъ съ разумѣніемъ, а въ этомъ возрастѣ, въ отношеніи такого преступленія, разумѣніе всегда почти бываетъ, когда было совершеніе; дѣвочка же останется ненаказанной, — она жертва.

Замѣтимъ еще одну несообразность. Въ Закавказскомъ краѣ возрастъ вступленія въ бракъ для дѣвицы опредѣленъ въ 13 лѣтъ, слѣдственно въ эти года она тамъ считается физически развитой и конечно не находящейся въ состояніи невѣдѣнія. А въ постановленіяхъ о возрастѣ при изнасилованіи не сдѣлано изъятія для этого края.

ГЛАВА XXVI.

ОСКОРБЛЕНІЯ ЧЕСТИ.

1. *Личныя обиды.* Опредѣленіе обиды; три формы выраженія ея; зависимость ея отъ степени образованія дѣятеля, отъ взаимныхъ отношеній между лицами, возраста, пола. Необходимость намѣренія обидѣть (animus injuriandi) Слова и дѣйствія, въ которыхъ это намѣреніе непремѣнно предполагается, и такія, гдѣ оно должно быть отыскиваемо. Тонкія формы обиды недоступны суду. Обида въ отрицательной формѣ. Обида лицу произнесеніемъ оскорбительныхъ словъ на близкихъ ему людей, Наказанія. Уничтоженіе наказанія вслѣдствіе взаимности обидъ. Условія, увеличивающія наказанія за обиду. Обида чрезъ составленіе подложныхъ писемъ. 2. *Клевета.* Отличіе отъ обиды. Виды ея. Наказанія. 3. *Диффимація.* Отличіе ея отъ клеветы. Причины наказуемости диффамаціи. Диффамація относительно лицъ, занимающихъ общественныя должности. Обиды въ формѣ печати. Наказанія. Отвѣтственность издателей, редакторовъ, типографщиковъ, книгопродавцевъ. 4. *Открытіе тайны.* 5. *Угрозы.* Точка зрѣнія, съ которой наказываются угрозы. Угрозы простыя. Угрозы съ требованіемъ отдать деньги или отказаться отъ какого либо права. 6. *Самоуправство.*

Оскорбленіе чести можетъ быть соединено съ другими преступленіями, какъ-то: истязаніями, изнасилованіемъ, личнымъ задержаніемъ, и тогда оно поглощается ими, потому что въ нихъ заключается высшее зло.

Въ простомъ видѣ, какъ самостоятельное преступленіе, оскорбленіе чести имѣетъ въ Уложеніи слѣдующіе виды: 1) личныя обиды, 2) клевета, 3) диффамація, 4) открытіе секрета, 5) угроза, 6) самоуправство. Личныя обиды раздѣляются на обиды дѣйствіемъ (реальныя), письмомъ, словомъ. Диффамація можетъ быть только въ печатной формѣ.

Чувство чести и достоинства составляетъ одно изъ качествъ человѣка; чѣмъ болѣе онъ развитъ, тѣмъ тоньше у него это чувство; самое развитіе человѣка въ сущности и есть развитіе чести и достоинства; степень развитія этого чувства составляетъ самую рельефную черту раздѣленія людей. Эта честь и достоинство нѣкогда понимались условно: было условлено высшими классами, что такія-то дѣянія были вовсе не противны дѣйствительному понятію о нравственномъ, вытекающему изъ разума, религіи, человѣческой природы,—и наоборотъ. Всякое выраженіе однимъ лицомъ другому, которымъ онъ заявляетъ, что считаетъ его не имѣющимъ этого качества, составляетъ обиду. Честь не можетъ быть отнята или умалена подобно имуществу: кто ее имѣетъ, она останется всегда при немъ, кто не имѣетъ — тотъ не получитъ ее, если бы никто и никогда не выражалъ ему, что не считаетъ его честнымъ. Но, тѣмъ не менѣе, обида имѣетъ элементы наказуемаго дѣянія: она производитъ болѣзненное впечатлѣніе на подвергшагося ей, она нарушаетъ миръ и тишину; ненаказуемость ея со стороны закона вызвала бы частное мщеніе, самоуправство, которое шагъ за шагомъ пріобрѣтало бы большіе размѣры.

Наше законодательство на личную обиду смотритъ съ двухъ сторонъ, даетъ о ней два рода иска: или гражданскій, т. е. право требовать денежнаго вознагражденія, или уголовный — по выбору лица. Въ старомъ нашемъ правѣ, со временъ Судебника царя Ивана Васильевича Грознаго, существовало имущественное вознагражденіе за личную обиду; подробная классификація его выражена въ Уложеніи царя Алексѣя,—плата за обиду соразмѣрялась съ рангомъ лица въ свѣтской или духовной іерархіи. Это же начало принято было законодательствомъ Екатерины II, и до послѣдняго времени плата за обиду опредѣлялась для лицъ, находящихся въ государственной службѣ ихъ годовымъ жалованьемъ, для лицъ податныхъ классовъ—годовою податью, для женъ—вдвое противъ того, что слѣдовало мужьямъ, для незамужнихъ дочерей — вчетверо противъ того, что слѣдовало отцамъ, для неотдѣльныхъ сыновей — въ половину противъ отцовъ. Эта система вытекла изъ чисто матеріальнаго взгляда на честь; въ X т. Св. Зак., въ одной и той же главѣ были помѣщены и право вознагражденія за ущербъ въ имуществѣ и за обиды. Эта система на практикѣ оказалась вредною: люди малонравственные или лишенные гордаго понятія о чести пользовались закономъ для личныхъ выгодъ; безнравственность доходила до того, что бывали частые примѣры умышленнаго подставленія себя подъ обиды. Этотъ развратъ былъ вполнѣ извѣстенъ, онъ неоднократно выставлялся даже въ беллетристикѣ; законодательство положило предѣлъ ему, отмѣнивши закономъ 21 марта 1851 года прежнюю систему вознагражденія по рангу и сословію оби-

женнаго, и постановило высшую мѣру денежнаго вознагражденія въ 50 рублей *).

Мы говорили, что степень чувствительности къ обидѣ зависитъ отъ высоты нравственнаго развитія, отъ тонкости чувства приличія. Тѣ слова и дѣйствія, которыя въ быту простолюдина не считаются обидой, а составляютъ безразличное дѣйствіе, даже шутку или любезность, составляютъ обиду въ кругу образованномъ; въ особенности это имѣетъ мѣсто въ отношеніи къ женщинамъ. Признаніе извѣстныхъ словъ и дѣйствій за обидныя или необидныя зависитъ также отъ отношеній между лицами: то, что со стороны близкаго пріятеля мы вовсе не считаемъ обиднымъ, будетъ таковымъ отъ посторонняго. Наконецъ, отношенія, проистекающія изъ лѣтъ, пола, общественнаго положенія, степени образованія, также имѣютъ сильное вліяніе на признаніе слова или дѣйствія обиднымъ или необиднымъ. Старость имѣетъ извѣстныя права: молодой человѣкъ не приметъ за обиду отъ старика то, чѣмъ оскорбится отъ лица одного съ нимъ возраста, и наоборотъ: старику надобно оказывать особенное почтеніе, и слѣдовательно въ отношеніи къ нему будетъ признано обиднымъ слово, которое можно позволить себѣ сказать сверстнику. Женщина пользуется особеннымъ уваженіемъ; обращеніе съ нею иное, чѣмъ съ мужчиной; съ другой стороны, тѣ слова, которыхъ не потерпитъ мужчина отъ мужчины, будутъ приняты имъ какъ безобидныя отъ женщины. Слуга не можетъ считать обидными такія слова отъ хозяина, которыми послѣдній вправѣ отъ него оскорбиться. Если слуга въ присутствіи господина сядетъ въ его гостиной — это высшая дерзость, такъ опредѣляетъ обычай. Степень образованія также имѣетъ вліяніе на сознаніе обиды: образованный человѣкъ естественно требовательнѣе отъ равнаго себѣ, чѣмъ отъ низшаго.

Для бытія обиды необходимо, какъ и для всякаго преступленія, намѣреніе, притомъ спеціальное намѣреніе оскорбить, animus injuriandi **).

---

*) По рѣшеніямъ сената можно возбудить въ обидѣ искъ уголовный или гражданскій, но не оба совмѣстно; если въ прошеніи прямо не обозначено, что обиженный ищетъ гражданскаго удовлетворенія, то слѣдуетъ давать дѣлу уголовный ходъ. (Кассац. 1867 г., № 266). Если изъ нѣсколькихъ обиженныхъ однимъ и тѣмъ же лицомъ, одни будутъ искать гражданскаго удовлетвореніе, другія уголовнаго, то судъ долженъ раздѣлить дѣло на два и разсматривать каждое изъ двухъ требованій отдѣльно въ свойственномъ ему порядкѣ (Кассац. 1869 г., № 198).

**) Это начало признано сенатомъ по дѣлу П — ва, который жаловался на осужденіе по 142 ст. Мир. Уст., какъ за насиліе, за нанесеніе удара по головѣ работнику. Сенатъ призналъ, что насиліе или нанесеніе побоевъ можетъ считаться обидой дѣйствіемъ лишь тогда, *когда въ дѣйствіяхъ этихъ выражается намѣреніе оскорбить* или оказать презрѣніе къ личности (Кассац. 1867 г. № 489).

Слово и дѣйствіе не всегда намъ открываютъ это намѣреніе. Вообще принято различать такія слова и дѣйствія, которыя представляются обидными по сознанію всего общества, всѣхъ классовъ, — въ этомъ случаѣ намѣреніе оскорбить всегда предполагается; судья не можетъ принимать въ оправданіе, что напр. матерная брань или безнравственное предложеніе незнакомой женщинѣ, не подавшей къ тому никакого повода, не заключали въ себѣ по степени развитія или, лучше сказать, нравственнаго неразвитія произнесшаго ихъ ничего оскорбительнаго. Замѣтимъ, что многія слова и дѣйствія, незаключающія въ себѣ ничего прямо оскорбительнаго, признаются такими, по условно приданному имъ значенію. Во многихъ мѣстностяхъ Россіи вымазать дегтемъ ворота дома, въ которомъ живутъ женщины, —самое сильное оскорбленіе. Судья долженъ непремѣнно знать обычаи извѣстной мѣстности при сужденіи объ обидахъ. Далѣе, слово различается по тону, которымъ оно произнесено: c'est le ton qui fait la musique (тонъ дѣлаетъ музыку), какъ справедливо говорятъ французы. Эта обида тономъ, напр. возвышеніемъ голоса, ироніей, бываетъ часто оскорбительнѣе самаго слова. Обида, часто очень сильная, можетъ состоять и въ намекѣ.

Мало того, часто слово, которое въ прямомъ своемъ значеніи составляетъ ласку или похвалу, бываетъ оскорбительно. Напр. если мущина, незнакомой дѣвицѣ образованнаго круга скажетъ „милочка“. Если онъ поцѣлуетъ ее — это будетъ оскорбленіе дѣйствіемъ. Словомъ въ обидѣ все или почти все зависитъ отъ намѣренія оскорбить отъ той обстановки при которой произнесено извѣстное слово или произведено дѣйствіе. По дѣлу Рубенштейна сенатъ призналъ, что какое бы невѣжество ни заключали слова, но если судья призналъ, что произнесшій ихъ не имѣлъ намѣренія оскорбить, то дѣяніе не составляетъ оскорбленія.

Судъ не можетъ входить во всѣ тонкости обиды; очень часто обиды самыя сильныя, должны остаться безнаказанными. Судъ все-таки долженъ имѣть осязаемое основаніе; тонъ и намекъ для него въ большей части случаевъ, хотя и не всегда, не имѣютъ положительности. Ему нужно слово или дѣйствіе все таки такое, которое, по своему смыслу, болѣе или менѣе обидно, независимо отъ тона и обстановки. Слово можетъ быть и справедливо, но все-таки сохраняетъ значеніе обиды, напр. если кто нибудь назоветъ въ лицо глупаго человѣка глупцемъ, женщину, имѣющую любовниковъ — развратною и т. д., все-таки это обида, потому что чувство приличія и уваженія къ особѣ ближняго не дозволяетъ лицу, неимѣющему на это никакого права, говорить непріятной правды. Точно также упрекъ въ такомъ происхожденіи, которое по общественному понятію безславно, также составляетъ обиду, если сказанъ съ намѣреніемъ оскорбить. Прежніе наши законы постановляли, что незаконнорожденный

не можетъ искать объ обидѣ, если кто назоветъ его такимъ. Но въ настоящее время едвали судья не признаетъ виновнымъ въ нанесеніи обиды того, кто съ намѣреніемъ говоритъ другому о таковомъ его происхожденіи.

Обида можетъ состоять и въ отсутствіи извѣстнаго дѣйствія. Монтескье справедливо замѣтилъ, что молчаніе часто бываетъ оскорбительнѣе всякаго слова. Если кто не отвѣчаетъ знакомому на поклонъ его,—это вездѣ считается обидой. Въ обществѣ принято считать обидой отсутствіе извѣстныхъ дѣйствій младшихъ родственниковъ въ отношеніи къ старшимъ; напр. непріѣздъ для поздравленія съ именинами и т. под. Но судья не можетъ давать хода невѣжливости: принуждать къ извѣстнымъ дѣйствіямъ вѣжливости не дѣло суда. Впрочемъ, въ отношеніи къ родителямъ, отсутствіе извѣстныхъ дѣйствій можетъ быть принято за обиду, потому что законъ устанавливаетъ почтеніе къ родителямъ, какъ положительную обязанность (Св. З. т. X ст. 177). Вообще въ вопросѣ объ обидахъ судья по необходимости долженъ ограничиваться только грубой стороной.

Наши прежніе законы положительно опредѣляли, что заочная брань не наказуема и вмѣняется въ поношеніе, произнесшему ее. Но намъ извѣстны рѣшенія нѣкоторыхъ новыхъ судовъ, которыми признано было наказуемымъ произнесеніе заочное оскорбительныхъ словъ въ присутствіи третьяго лица, которому была поручена передача этихъ словъ. Такъ одинъ помѣщикъ сказавшій на охотѣ слугѣ другого: „скажи твоему барину, что онъ дуракъ", былъ признанъ виновнымъ въ оскорбленіи. Этотъ взглядъ вполнѣ подтверждается рѣшеніями кассаціоннаго сената по оскорбленіямъ на письмѣ. Естественно, что оскорбленіе на письмѣ существуетъ тогда, когда это письмо адресовано къ лицу оскорбляемому, или когда оно выражено въ бумагѣ, хотя и не къ нему прямо адресованной, но которая по закону должна сдѣлаться ему извѣстной, напр. въ прошеніи, поданномъ въ присутственное мѣсто. (Кассац. 1870 г., № 310). Но вмѣстѣ съ тѣмъ, сенатъ призналъ, что употребленіе оскорбительныхъ выраженій въ письмѣ, написанномъ третьему лицу, съ просьбою передать содержаніе письма тому, къ которому относятся оскорбительныя выраженія, есть непосредственная личная обида. (Кассац. 1870 г. № 1,423).

Мы считаемъ таковой взглядъ несогласнымъ съ общими началами Уложенія. Въ приведенныхъ случаяхъ обида состоялась, т. е. извѣстное лицо получило страданіе, только потому, что третье лицо передало слова произнесенныя или заключающіяся въ письмѣ, къ нему адресованномъ; слѣдственно это лицо, исполняя порученіе, заключающее въ себѣ проступокъ, дѣлается само виновнымъ, какъ соучастникъ, если не какъ

главный виновный, и часто единственный. Никакія частныя отношенія не могутъ дѣлать обязательнымъ для одного лица передавать оскорбленія по порученію другого; оно должно съ негодованіемъ отвергнуть таковое порученіе, можетъ даже считать его за личное себѣ оскорбленіе. Мы полагаемъ, однако, что заочная обида должна быть наказуема при извѣстныхъ обстоятельствахъ, напр., когда тяжкія оскорбительныя слова произносятся хотя и заочно, но въ многолюдномъ собраніи, или при такихъ лицахъ, которые состоятъ въ отношеніяхъ близкихъ къ оскорбляемому. Но это недостатокъ закона, который трудно восполнить судебнымъ толкованіемъ.

Можетъ ли быть нанесена обида лицу произнесеніемъ въ его присутствіи оскорбительныхъ словъ не на его счетъ, а о близкихъ ему людяхъ? Улож., изд. 1857 г. (ст. 2091), положительно признавало это, и притомъ даже и въ отношеніи умершихъ родственниковъ: „Кто обидитъ другаго ругательными или иными оскорбительными на счетъ его или жены его или членовъ его семейства, *хотя бы уже умершихъ,* словами“... Хотя это постановленіе теперь не сохранено, но изъ этого не слѣдуетъ, что указанное въ немъ начало потеряло значеніе, тѣмъ болѣе, что оно признано въ постановленіяхъ о дуэли, ст. 1499. Законъ наказываетъ какъ за личную обиду, если при мнѣ произносятъ ругательства на членовъ моего семейства; если этимъ оскорбляютъ меня лично, то тѣмъ болѣе когда идетъ дѣло объ умершихъ близкихъ родственникахъ, доброе имя которыхъ составляетъ часть моего достоинства, въ особенности когда дѣло идетъ о родителяхъ. Человѣкъ, который дозволяетъ безнаказанно ругать при себѣ свою мать или жену, живую или умершую, будетъ презрѣннымъ въ глазахъ общества; поэтому законъ долженъ карать виновнаго, иначе онъ вызоветъ самоуправство. Это начало признано сенатомъ. (Кассац. 1869 г. № 44).

Законъ признаетъ три формы обиды: словомъ, письмомъ, дѣйствіемъ. Обида въ печати разсматривается съ иной точки зрѣнія, поэтому мы изложимъ отдѣльно обиду, клевету и диффамацію. Обида словомъ и на письмѣ считается одинаковою; разница формальная состоитъ въ томъ, что произнесеніе заочно оскорбительныхъ словъ ненаказуемо; обида словомъ должна быть лицомъ къ лицу, а обида на письмѣ по природѣ своей бываетъ не лицомъ къ лицу.

Обида на письмѣ или на словахъ наказывается арестомъ до 15 дней или денежнымъ взысканіемъ до 50 рублей (Мир. Уст. ст. 130); обида дѣйствіемъ до однаго мѣсяца, а если поводъ къ ней данъ былъ обиженнымъ, то подвергается тому же наказанію какъ и словесная (Мир. Уст. ст. 133, 134).

Отягчающими обстоятельствами въ видѣ обиды признаны: 1) публичное мѣсто; 2) нанесеніе ея восходящему родственнику, лицу имѣющему, по своимъ отношеніямъ къ обидчику, особенное право на его уваженіе, женщинѣ; 3) обдуманное намѣреніе. Болѣе всего имѣютъ значенія указанныя родственныя отношенія: наказаніе въ этомъ случаѣ возвышается при обидѣ на словахъ или на письмѣ до трехмѣсячнаго ареста (Мир. Уст. ст. 132), а если она нанесена дѣйствіемъ, то наказаніе возвышается на нѣсколько родовъ, именно: до ссылки на житье въ Сибирь (Улож. ст. 1534).

Обида дѣйствіемъ можетъ состоять въ ударѣ, но ударъ этотъ не долженъ быть тяжелый. Если кого нибудь ударяютъ рукою по лицу, или слегка хлыстомъ — это, по понятіямъ общества, обида, потому что въ этомъ дѣйствіи не видно у причинившаго его никакого другаго намѣренія, кромѣ намѣренія оскорбить. Но если его бьютъ сильно — это нанесеніе побоевъ; никто не считаетъ здѣсь оскорбленной свою честь, никто не вызоветъ за это дѣйствіе на дуэль. Исторія и практика показываютъ, что желавшій вызвать на дуэль обыкновенно только дотрогивался перчаткой до лица противника, — иначе общество не считало послѣдняго обязаннымъ выходить на поединокъ. У насъ, вслѣдствіе отсутствія рыцарскихъ понятій, подъ обидой дѣйствіемъ понимаются не только легкіе побои, но и тяжкіе, неподвергающіе жизнь опасности. Послѣдній родъ обидъ подвергаетъ, однако, виновнаго другому роду наказанія—заключенію въ смирительномъ домѣ до 1½ года (Улож. ст. 1633).

Подъ обидой дѣйствіемъ разумѣется не только прикосновеніе къ тѣлу, но и жестъ. Такъ разъяснилъ сенатъ, что согласно и съ прежними законами, по которымъ поднятіе руки причислялось къ этому разряду оскорбленій *). Сенатъ разъяснилъ, что постановленіе закона о взаимномъ покрытіи равныхъ обидъ вовсе не означаетъ, что всякая обида покрывается однородной, слово словомъ, дѣйствіе дѣйствіемъ; что судъ можетъ признать, что слово или дѣйствіе одного было оскорбительнѣе словъ или дѣйствій другаго и подвергнуть его наказанію: „Правительствующій сенатъ находитъ, что Уст. о наказ. различаетъ три рода оскорбленій чести: обиду на словахъ или письмѣ, обиду дѣйствіемъ и и клевету, и опредѣляя, что обиженный, нанесшій обидчику равную или болѣе тяжкую обиду, не можетъ требовать никакого удовлетворенія, не указываетъ при этомъ, чтобы всѣ обиды однородныя надлежало считать равными. Большая или меньшая тяжесть обиды не состоитъ въ исключительной зависимости отъ способа оскорбленія, и опредѣляется въ каждомъ данномъ случаѣ всѣми обстоятельствами, выражающими большую

*) Такъ напр. маханіе платкомъ предъ лицомъ женщины было признано за обиду дѣйствіемъ.

или меньшую степень презрѣнія или пренебреженія обидчика къ личности обиженнаго и большую или меньшую степень чувствительности послѣдняго къ нанесенному ему оскорбленію". (Кассац. 1868 г. № 91).

Можетъ ли обида словомъ покрываться обидой дѣйствіемъ, т. е. можетъ ли судья признать ненаказуемымъ ударъ, нанесенный обидчикомъ послѣ полученія словеснаго оскорбленія? Изъ выраженій только что приведеннаго сенатскаго рѣшенія, что „большая или меньшая тяжесть обиды не состоитъ въ исключительной зависимости отъ способа оскорбленія„ можно заключить, что сенатъ даетъ положительный отвѣтъ. Съ перваго взгляда этому противорѣчатъ, данное сенатомъ разъясненіе 135 ст. Уст. Миров.: что виновный по этой статьѣ (въ нанесеніи обиды дѣйствіемъ съ отягчающими обстоятельствами) наказывается независимо отъ того, былъ ли данъ поводъ къ обидѣ самимъ обиженнымъ или нѣтъ, и что признаніе судомъ существованія повода къ обидѣ при наказаніи по ст. 135, можетъ служить только обстоятельствомъ, уменьшающимъ вину подсудимаго. (Кассац. 1869, № 696). Дѣло въ томъ, что подъ поводомъ не слѣдуетъ разумѣть оскорбленія; онъ можетъ состоять въ простой невѣжливости. Итакъ, обстоятельство, что поводъ къ обидѣ дѣйствіемъ данъ былъ обиженнымъ служить къ смягченію наказанія; но это положеніе не можетъ противорѣчить ненакизуемости, когда обиженный дѣйствіемъ нанесъ прежде обиду словесную. Затрудненіе является въ самомъ законѣ. Ст. 138 Уст. Миров. говоритъ, что обиды всякаго рода ненаказуемы, „когда самъ обиженный нанесъ обидчику равную или болѣе тяжкую обиду". Равенство или неравность преступныхъ дѣяній иначе не можетъ измѣряться какъ по положеннымъ за нихъ наказаніямъ и притомъ высшаго ихъ размѣра. За словесную обиду полагается, какъ мы видѣли, денежный штрафъ до 50 руб. или арестъ до 15 дней; за обиду же дѣйствіемъ (въ ея нормальномъ видѣ) арестъ до одного мѣсяца. Очевидно, что обида дѣйствіемъ не равна обидѣ словомъ; и что также обида словомъ или обида дѣйствіемъ простыя не равны таковымъ же обидамъ при отягчающихъ обстоятельствахъ, исчисленныхъ въ 135 и 135 ст. Устава; а отсюда слѣдуетъ, что обида дѣйствіемъ всегда болѣе тяжкая, чѣмъ обида словомъ.

Постановленія о взаимномъ покрытіи равныхъ обидъ относятся и къ клеветѣ.

Обида на словахъ или на письмѣ не родственника въ восходящей линіи, но при другихъ исчисленныхъ отягчающихъ обстоятельствахъ наказывается вдвое строже, т. е. арестомъ до одного мѣсяца или денежнымъ штрафомъ до 100 рублей (Мир. Уст. ст. 131), а дѣйствіемъ при тѣхъ же обстоятельствахъ—арестомъ до трехъ мѣсяцевъ (Мир. Уст. ст. 135).

По Улож. изд. 1857 года уменьшающимъ вину обстоятельствомъ при

обидѣ было нанесеніе ея въ харчевняхъ, питейныхъ домахъ, на рынкахъ. Теперь это постановленіе исчезло: хотя оно вытекало изъ нравовъ. Мало того, сенатъ призналъ, что обида, нанесенная въ домѣ непотребныхъ женщинъ, есть квалифицированная, такъ какъ таковой домъ, куда каждый имѣетъ входъ, составляетъ публичное мѣсто. (Кассац. 1868 г. № 212). Публичное мѣсто служитъ важнымъ отягчающимъ обстоятельствомъ при обидѣ; изъ этого слѣдуетъ, что законодатель вовсе не думалъ давать привилегіи срамному мѣсту. Дома непотребныхъ женщинъ даже положительно воспрещены закономъ; они только терпимы администраціей. По этимъ основаніямъ мы не можемъ согласиться съ толкованіемъ сената.

Проступокъ обиды имѣетъ одну особенность, только ему свойственную, именно: виновный не подвергается наказанію, „когда самъ обиженный нанесъ ему обиду равную или болѣе тяжкую." (Мир. Уст. ст. 138) п. 2; Улож. ст. 1534, примѣч.) Это выраженіе не равно тому, что обида покрывается обидой, на основаніи правила—parva delicta mutua compensatione tolluntur. Тотъ, кто первый получилъ обиду, теряетъ право жалобы, если нанесъ равную или болѣе тяжкую, но получившій эту равную или болѣе тяжкую обиду сохраняетъ ли право иска? По буквальному смыслу текста приведеннаго закона слѣдуетъ, что сохраняетъ, хотя мысль законодателя, по всей вѣроятности, была, что взаимныя обиды покрываютъ другъ друга. Впрочемъ, если у законодателя была мысль объ обоюдномъ погашеніи права иска, то никакъ нельзя допустить, чтобы обидчикъ, получившій обиду несравненно болѣе тяжкую, лишился бы возможности жаловаться. Иначе бы выходило, что лицо, получивши словесную обиду, имѣетъ право наносить побои. Если лицо, которому были нанесены тяжкіе побои, отвѣчало ругательствами,— то текстъ закона не лишаетъ его права искать удовлетворенія.

Что касается до обиды дѣйствіемъ восходящимъ родственникамъ, то она тѣмъ болѣе не можетъ быть покрыта, даже и нанесеніемъ съ ихъ стороны, послѣ полученія ея, таковой же обиды. Родители имѣютъ право наказанія дѣтей, и употребленіемъ его они не лишаются права требовать судебнаго разбирательства и наказанія дѣтей за нанесеніе имъ послѣдними обиды. Дѣти не имѣютъ права жаловаться на родителей за обиды (Св. Зак. т. X, ст, 168). Обида дѣйствіемъ восходящихъ составляетъ значительное преступленіе, влекущее лишеніе особенныхъ правъ, — въ ней заключается нарушеніе основныхъ началъ нравственности и семейнаго союза. Естественно, что дѣти не могутъ получать оскорбленій отъ родителя: родители имѣютъ безконтрольное право наставлять дѣтей, подвергать ихъ домашнимъ наказаніямъ; равнымъ образомъ иски объ оскорбленіяхъ между супругами несовмѣстны съ отношеніями, возникающими изъ брачнаго союза. (Кассац. 1869 г. № 451, № 612).

Но если для оскорбленія лица будетъ поддѣлано отъ имени его письмо или какая либо бумага, то виновный подвергается заключенію въ смирительномъ домѣ на 4—8 мѣсяцевъ или даже до 2 лѣтъ. Такая поддѣлка, даже и безъ намѣренія оскорбить или вредить, все-таки считается нарушеніемъ личныхъ правъ и достоинства, и наказывается заключеніемъ въ смирительный домъ степенью ниже (Улож. ст. 1537, 1538).

Въ предшествовавшихъ главахъ мы видѣли, что нанесеніе обиды чиновнику при отправленіи должности, начальнику, дипломатическому агенту и въ нѣкоторыхъ случаяхъ православному священно-служителю составляютъ преступленіе или противъ государственнаго управленія или противъ церкви.

Второй видъ оскорбленій чести составляетъ *клевета.* Уложеніе опредѣляетъ клевету: обвиненіе какого-либо лица, или жены, или членовъ его семейства въ дѣяніи, противномъ *правиламъ чести.* Послѣднее выраженіе показываетъ, что судья долженъ сообразоваться съ существующими въ различныхъ классахъ общества понятіями о чести.

Различіе между клеветою и личною обидою заключается въ томъ, что во 1-хъ, обида можетъ быть нанесена какъ словомъ, такъ и дѣйствіемъ, между тѣмъ какъ клевета выражается только на словахъ или на письмѣ; важнѣйшее же различіе состоитъ въ томъ, что 2) обида наносится всегда прямо лицу: оскорбительныя слова говорятся ему въ лицо, письмо съ оскорбительными выраженіями посылается ему, а клевета дѣлается всего чаще заочно, 3) клевета должна указывать прямо на опредѣленное дѣяніе, противное чести, притомъ вымышленное, а въ обидѣ употребляется только слово выражающее презрѣніе, такъ напримѣръ: если бы кто нибудь говорилъ другому прямо въ лицо, что онъ глупый человѣкъ или произносилъ другія оскорбительныя слова, то это будетъ личная обида, но если онъ станетъ распускать про другаго слухъ, что въ такомъ-то дѣлѣ онъ принялъ взятку, то это будетъ клевета. Слѣдовательно, отличительные элементы клеветы — заочность и несоотвѣтствіе разсказываемаго факта съ дѣйствительностью. Необходимое условіе клеветы состоитъ въ томъ, чтобы лицу приписывалось ложно не какое нибудь дурное качество, а опредѣленное дѣяніе, противное правиламъ чести. Если же кто будетъ говорить про другаго, что онъ напр. подлый человѣкъ, не указывая примѣра его подлости, то это будетъ заочная брань, не подлежащая наказанію.

По своей сущности клевета можетъ вредить подвергшемуся ей еще болѣе личной обиды, такъ какъ тутъ о немъ ходитъ въ обществѣ не одинъ неопредѣленный дурной отзывъ, но сообщается отъ одного лица къ другому разсказъ о сдѣланномъ будто бы имъ подломъ фактѣ; въ такомъ случаѣ оклеветанному скорѣе запрутъ всѣ двери, скорѣе раз-

строятся его намѣренія и предпріятія, и часто онъ будетъ вынужденъ выѣхать изъ того мѣста, гдѣ жилъ. Сверхъ того, клевета высказываетъ въ виновникѣ болѣе злости и низости, чѣмъ въ обидчикѣ. Поэтому она и наказывается строже словесной обиды, именно: арестомъ до двухъ, а при отягчающихъ обстоятельствахъ—до трехъ мѣсяцевъ (Мир. Уст. ст. 136). Если клевета содержалась въ распространенныхъ сочиненіяхъ, хотя и рукописныхъ, или письмахъ, или въ поданной присутственному мѣсту бумагѣ, то виновный подвергается заключенію въ тюрьмѣ до 8 мѣсяцевъ (Улож. ст. 1535). Клевета на восходящихъ наказывается ссылкой на житье въ отдаленныя губерніи (Улож. ст. 1539).

Судебные приговоры объ изобличенномъ въ клеветѣ могутъ, по желанію подвергшагося ей, быть опубликованы въ столичныхъ, и въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ на счетъ виновнаго. Цѣль этого—заявить всѣмъ, кому сообщалъ виновный, что слова его ложны.

Клевета есть во первыхъ ложное обвиненіе. Не обиженный долженъ доказать эту ложь, а обидчикъ истину, послѣднему только дается exceptio veritatis (Кассац. 1869 г. № 582). Сенатъ призналъ, по дѣлу Каргера съ Аксаковымъ, что для ненаказуемости достаточно впрочемъ того, что обвиняемый *отчасти* доказалъ истину.

Естественно, что выраженіе „противное правиламъ чести" обнимаетъ собою и дѣянія, ненаказуемыя уголовнымъ закономъ, но непремѣнно подразумѣваетъ и всѣ наказуемыя, такъ какъ преступленія и проступки во всякомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ въ глазахъ закона, должны считаться дѣяніями противными правиламъ чести, кромѣ развѣ такихъ, которыя состоятъ въ несоблюденіи полицейскихъ мѣръ. Въ рѣшеніи по дѣлу Шатунова (Кассац. 1870 г. № 1384) сенатъ положительно высказалъ, что ложное обвиненіе въ дѣяніи, предусмотрѣнномъ Уложеніемъ, составляетъ клевету. При этомъ возникаетъ вопросъ: гдѣ граница между клеветой и лживымъ доносомъ? Представимъ примѣръ. Нѣкто говоритъ въ присутствіи многихъ лицъ, что такой-то умеръ не естественной смертью, а былъ отравленъ своей женой. Послѣдняя начинаетъ его преслѣдовать за клевету; обвиняемому законъ предоставляетъ право доказать справедливость взведеннаго обвиненія. Но можетъ ли судъ, судящій клевету, допустить его къ доказательству отравленія? Допустивши это, онъ стало быть можетъ объявить, что обвиняемый доказалъ справедливость взведеннаго упрека, — а таковое рѣшеніе не будетъ ли означать вмѣстѣ съ тѣмъ признанія истицы виновной въ отравленіи?

Лживый доносъ имѣетъ тотъ существенный признакъ, что онъ есть обвиненіе въ преступленіи, сообщаемое законной власти, уполномоченной на преслѣдованіе преступленій, т. е. полиція, своему начальству, судебному слѣдователю, прокурору. При этомъ надобно замѣтить, что та-

жовыя власти обязаны разъяснить дѣлающему доносъ его обязанность доказать справедливость, далѣе онѣ, если увидятъ, что доноситель по незнанію закона считаетъ дѣяніе ненаказуемое преступленіемъ, должны разъяснить ему ошибку. Если же таковое обвиненіе высказывается въ разговорѣ съ частными лицами, то по нашему мнѣнію лицо, противъ котораго оно взведено, должно прежде всего сообщить судебному слѣдователю, дабы послѣдній допросилъ оскорбителя, какія онъ имѣетъ улики. Только получивъ отъ слѣдователя бумагу, что обвиненіе оказалось совершенно неосновательнымъ, онъ можетъ начать преслѣдованіе за клевету. Противное толкованіе можетъ повлечь къ дурнымъ послѣдствіямъ; преступникъ будетъ преслѣдовать всѣхъ, кто заикнется о совершившемся преступленія. Замѣтимъ, что законъ предписываетъ слѣдователямъ дѣлать дознанія по слухамъ, „язычной молвѣ" о преступленіи. Этотъ общій говоръ о виновникѣ преступленія, весьма важный при слѣдствіи, не можетъ ли быть запуганъ искомъ о клеветѣ? Но кассаціонный Сенатъ принялъ иной взглядъ. Онъ рѣшилъ, что даже обвиненіе (на словахъ) въ сбытѣ или поддѣлкѣ кредитныхъ билетовъ составляетъ клевету (Кассац. 1867 г., № 408).

Наконецъ онъ сдѣлалъ окончательный шагъ въ рѣшеніи по дѣлу Кадомскаго (Кассац. 1870 г. № 1078) объявивъ, что обвиняемый въ оклеветаніи кого либо въ совершеніи преступленія не можетъ оправдывать себя возбужденіемъ противъ оклеветаннаго имъ уголовнаго преслѣдованія подачей жалобы, до постановленія объ немъ обвинительнаго приговора подлежащимъ судомъ. Мы держимся противнаго мнѣнія, именно: что разсмотрѣніе обвиненія въ клеветѣ должно быть отложено до произнесенія судебнаго приговора, или до признанія навѣта не заслуживающимъ уваженія. Иначе, каждаго разсказывающаго о совершенномъ преступленіи можно привлекать къ суду по обвиненію въ клеветѣ. Очень легко можетъ случится при этомъ, что человѣкъ будетъ наказанъ за оклеветаніе того, который чрезъ нѣсколько дней будетъ обвиненъ судомъ въ учиненіи того самаго преступленія, въ совершеніи котораго его упрекали.

Въ чемъ должна состоять опредѣленность дѣянія противнаго правиламъ чести? Сенатъ рѣшилъ, что необходимое условіе клеветы не есть указаніе на какое-либо опредѣленное по времени и мѣсту совершеніе противнаго правиламъ чести дѣянія; поэтому названіе женщины словомъ, съ которымъ связано понятіе о постоянномъ непотребствѣ и развратѣ въ видѣ ремесла, тождественно съ обвиненіемъ въ цѣломъ рядѣ противныхъ правиламъ женской чести дѣяніямъ, а потому и соотвѣтствуетъ вполнѣ понятію о клеветѣ. (Кассац. 1870 г. № 221, № 1,288). Принимая въ принципѣ это толкованіе нельзя не замѣтить, что судья дол-

женъ при каждомъ такого рода обвиненіи изслѣдовать дѣйствительный смыслъ, соединенный съ этимъ словомъ произнесшимъ его. Такъ, напр., если проѣзжій закричитъ человѣку необращавшему вниманія на предостереженіе посторониться: „куда ты лезешь мошенникъ“, то было бы страннымъ обвинять его не въ словесной обидѣ, а въ клеветѣ, потому-де, что подъ словомъ мошенникъ, разумѣется человѣкъ, совершившій одно или даже нѣсколько мошенничествъ. Если, напр., въ такомъ же положеніи назвать женщину извѣстнымъ словомъ, — то опять здѣсь нельзя видѣть клеветы. При принятіи неограничительномъ только что приведеннаго сенатскаго толкованія всякую матерную брань можно преслѣдовать какъ клевету.

Клеветою называется разглашеніе такого позорящаго факта, котораго лицо не совершало; если же опозоренный не желаетъ доказывать не справедливости разглашаемаго факта, то является новое преступленіе — *диффамація*. Слѣдовательно, диффамація есть обезславленіе лица разглашеніемъ въ печати совершеннаго или несовершеннаго имъ позорящаго факта. Теперь является вопросъ, почему диффамація составляетъ преступленіе и въ томъ случаѣ, когда публикуемые факты справедливы? Какъ запретить подъ страхомъ наказанія охуждать въ печати недостойные поступки гражданъ? И однакожъ въ западныхъ законодательствахъ, даже и въ англійскомъ, диффамація признается преступленіемъ, и какъ выразился одинъ англійскій судья, она тѣмъ болѣе преступна, чѣмъ болѣе въ ней правды. Западныя законодательства постановляютъ принципомъ, что никто не имѣетъ права разоблачать семейную и домашнюю жизнь лица, позорить его печатно за дѣянія, незапрещенныя закономъ. Лицо можетъ предостерегать другихъ отъ подлости кого-либо словесно или частными письмами, но опубликовывать факты, доказывающіе худыя качества другаго, значитъ наказывать его, иногда слишкомъ строго, позоромъ и разстройствомъ его предпріятій и отношеній, на что частному лицу не дано права; оно не можетъ быть судьею семейной, домашней жизни другихъ и если бы оставить диффамацію безъ наказанія, то обезславленные часто сами расправлялись бы съ обидѣвшими ихъ: происходили бы дуэли и проч., словомъ—самоуправство. Притомъ же въ большей части случаевъ нельзя предполагать въ диффаматорѣ и добраго намѣренія, особенно, если позорящій фактъ раглашенъ уже много времени спустя послѣ его совершенія, а только злостное желаніе повредить лицу, оскорбить его. Предостереженій другихъ отъ возможности стать жертвою какого либо негодяя можетъ быть совершено и безъ печатной диффамаціи. Поражать пороки всего лучше и плодотворнѣе можно въ тѣхъ литературныхъ произведеніяхъ, гдѣ выводятся типы, т. е. въ комедіяхъ, драмахъ, романахъ.

Если дозволеніе диффамаціи иногда и могло бы оказать нѣкоторую пользу, то она все-таки производитъ въ сто разъ больше вреда. Она производитъ цѣлый классъ литературныхъ корсаровъ, большею частью людей безъ чести и ума, которые, подъ личиною любви къ правдѣ, занимаются опозореньемъ людей изъ ищенія, изъ желанія льстить грубымъ инстинктамъ массы. Въ результатѣ дозволеніе диффамаціи ведетъ къ паденію нравственнаго значенія литературы. Во Франціи принципъ невмѣшательства въ частную жизнь доведенъ до того, что наказывается и диффамація умершихъ, по жалобѣ ихъ родственниковъ, потому что честное ихъ имя переходитъ къ нимъ по наслѣдству и честью своихъ предковъ потомки дорожатъ (особенно въ высшемъ кругу) почти такъ же, какъ своею собственною. Отсюда исключаются историческія личности, которыхъ дѣйствія обсуждаются въ сочиненіяхъ безъ намѣренія оскорбить ихъ родственниковъ, и судъ долженъ, если будетъ жалоба на авторовъ, разобрать: были ли эти факты выставлены какъ матеріалы, нужные для открытія исторической истины, или только для скандала и для оскорбленія родственниковъ умершаго историческаго лица.

Англійское законодательство позволяетъ диффамировать только слѣдующихъ лицъ, дѣлая изъятія изъ общаго правила наказуемости диффамаціи: 1) желающихъ быть избранными депутатами въ парламентъ или въ общественныя должности, на томъ основаніи, что лица, занимающія эти должности должны быть безукоризнены во всѣхъ этихъ отношеніяхъ и потому всякій можетъ представлять факты, доказывающіе нечестность и вообще дурныя качества баллотирующагося, не позволяющіе избрать его въ должность, и 2) министровъ и другихъ высшихъ чиновниковъ, на томъ же основаніи, т. е. что они поставлены такъ высоко, что не должны быть ничѣмъ занятнаны, и потому, для общаго блага, всякій имѣетъ право оглашать какія либо безчестныя и безнравственныя ихъ дѣйствія, конечно безъ ругательства.

Въ нашемъ законодательствѣ диффамація точно обозначена и опредѣлена въ вышедшемъ 6 апрѣля 1865 года законѣ о прессѣ.

Въ Уложеніи видны только зачатки этого преступленія, подъ именемъ: распространеніе ругательныхъ или иныхъ оскорбительныхъ для чести сочиненій, изображеній или слуховъ,—которое вообще оно приравниваетъ къ клеветѣ на словахъ. Видно, что оно признаетъ диффамацію преступленіемъ, но не ясно сознаетъ ее. Именно, Уложеніе изд. 1857 г. опредѣляетъ ее (ст. 2098) такъ: „Составленіе и распространеніе, какимъ бы то ни было образомъ, *хотя и не заключающихъ въ себѣ прямой клеветы*, но ругательныхъ или же почему либо иному оскорбительныхъ для чести какого либо частнаго лица сочиненій или изображеній". Вид-

но, что законодательство подъ этою статьею разумѣетъ, главнымъ образомъ, печатныя ругательства, хотя подъ нее можно подвести всякую диффамацію. Выраженіе: „прямой клеветы“ только затемняетъ смыслъ. Новое цензурное законоположеніе опредѣляетъ совершенно ясно: по ст. 10 диффамаціею признается „всякое оглашеніе въ печати о частномъ или должностномъ лицѣ или установленіи такого обстоятельства, которое можетъ повредить ихъ чести, достоинству и доброму имени.“ (Не совсѣмъ понятно, почему здѣсь употреблены два синонима: честь и доброе имя. прежде слово „честь“ относили къ дворянамъ, а „доброе имя“ къ лицамъ прочихъ сословій). Вмѣстѣ съ тѣмъ, новый цензурный уставъ разсматриваетъ диффамацію гораздо строже. Уложеніе изд. 1857 г. наказывало ее какъ за клевету на словахъ; по Уставу же виновные въ диффамаціи подвергаются тюремному заключенію до 1½ года и денежному штрафу до 500 рублей, или, по усмотрѣнію суда, однимъ изъ этихъ наказаній (ст. 1039).

Разумѣется, что диффаматору ни въ какомъ случаѣ недозволяется приводить доказательства справедливости напечатанныхъ имъ фактовъ, такъ какъ одно обнародованіе ихъ составляетъ уже преступленіе, и доказательство ихъ еще больше бы повредило оскорбленному. Исключеніе же изъ этого правила дѣлается только въ томъ случаѣ, когда напечатанное позорящее обстоятельство касается служебной или общественной дѣятельности обезславленнаго: тогда диффаматору дается право представить, въ подтвержденіе справедливости напечатаннаго, имѣющіяся у него въ рукахъ письменныя доказательства, но никакъ не свидѣтелей,—и если онъ представитъ ихъ, то освобождается отъ наказанія. Но и въ этомъ случаѣ диффаматоръ, если позволилъ себѣ брань или оскорбительныя выраженія противъ обезславленнаго лица, можетъ быть подвергнутъ наказанію какъ за личную обиду. Одиффамированному же предоставляется приводить всѣ возможныя доказательства въ опроверженіе позорящаго обстоятельства, въ томъ числѣ и свидѣтелей, которыхъ опровергать свидѣтелями же диффаматору запрещается.

Диффамація можятъ быть совершена только въ формѣ печати. Личная обида и клевета могутъ быть въ формѣ слова, письма и также въ печати. Мы разсматривали ихъ въ первой формѣ; когда онѣ совершены въ печати, то подвергаются наказаніямъ болѣе строгимъ, потому что чрезъ печать обида становится въ высшей степени публичной, даже вѣчной, и притомъ эта форма обнаруживаетъ высшую степень обдуманности,—именно: виновный подвергается денежному взысканію до 300 руб. и аресту отъ семи дней до трехъ мѣсяцевъ, или заключенію въ тюрьмѣ до 6-ти мѣсяцевъ (Улож. ст. 1040). Въ этой формѣ совершенія преступленія винов-

нымъ является не одинъ только оскорбитель; редакторъ періодическаго изданія несетъ отвѣтственность, какъ главный виновникъ, за все напечатанное въ изданіи, а въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ случаяхъ также издатель, типографщикъ и книгопродавецъ: первый — когда не извѣстно мѣстопребываніе ни сочинителя, ни издателя, третій — если, въ противность постановленіямъ о цензурѣ, не обозначено имени и мѣстожительства типографщика (Улож ст. 1040—1044). Издатель періодическаго изданія можетъ быть подвергнутъ, сверхъ назначенныхъ для оскорбителя и диффаматора наказаній, временному или совершенному прекращенію изданія и запрещенію принимать на себя, на срокъ не свыше 5-ти лѣтъ, званіе издателя или редактора повременнаго изданія (ст. 1046).

Угроза есть выраженіе однимъ лицомъ другому, на словахъ или письмѣ, что надъ нимъ будетъ совершено преступленіе, напр. убійство, увѣчье, побои, поджогъ, кража, насиліе. Спрашивается, какъ разсматривать этотъ фактъ? Ставить ли его въ связь съ преступленіемъ, которымъ угрожается, и наказывать какъ за ступень низшую, приготовленіе къ нему, или какъ особенное преступленіе?

Вникая въ сущность угрозы, нельзя не видѣть, что ее не слѣдуетъ ставить въ связь, хотя бы и отдаленную, съ составляющимъ предметъ ея преступленіемъ, потому что никакъ нельзя сказать, что угрозой выражается дѣйствительное намѣреніе совершить преступленіе; напротивъ, въ большей части случаевъ это только пустыя слова, служащія средствомъ устрашить и растревожить для извѣстныхъ цѣлей угрожаемое лицо; у лицъ необразованныхъ, грубыхъ, угроза даже необходимое присловье при раздраженіи. Да притомъ, еслибы угрожающій и въ самомъ дѣлѣ имѣлъ намѣреніе совершить преступленіе, то и въ этомъ случаѣ его нельзя наказывать какъ за приготовленіе, потому что отъ слова до дѣла еще далеко. Сверхъ того, нужно и то еще взять во вниманіе, что дѣйствительно намѣривающійся врядъ ли будетъ напередъ выражать свой замыселъ, да еще самому угрожаемому лицу, зная, что въ случаѣ совершенія преступленія на него перваго упадетъ подозрѣніе и онъ, вѣроятно, будетъ схваченъ и арестованъ. Притомъ же, если бы угрозу разсматривать какъ начало преступленія, какъ обнаруженіе преступной мысли, то такое обнаруженіе ненаказуемо, кромѣ государственныхъ преступленій (ст. 111).

Угроза разсматривается какъ преступленіе особенное, sui generis. Элементы, изъ которыхъ состоитъ это преступленіе, суть слѣдующіе:

1) Личная обида. Когда угрожающій прямо объявляетъ лицу, что совершитъ надъ нимъ преступленіе, то тѣмъ показываетъ, что онъ не признаетъ правъ этого лица, не уважаетъ его личности.

2) Обезпокоеніе, душевное разстройство угрожаемаго. Слыша, что ему готовится какое нибудь насиліе, лицо естественно теряетъ спокойствіе, тревожится, разстроивается, боясь подвергнуться насилію, оно стѣсняетъ себя, не выходитъ напр. на улицу,—словомъ, терпитъ много непріятностей, иногда даже принуждено бываетъ перемѣнить свое жительство. Очевидно, что это безпокойство тѣмъ сильнѣе, чѣмъ важнѣйшимъ угрожается зломъ; поэтому и тяжесть наказанія за угрозу соразмѣряется съ тяжестью преступленія, которымъ грозятъ. Въ этомъ отношеніи нашъ законъ раздѣляетъ угрозу на 2 разряда.

1. Угроза лишеніемъ жизни или поджогомъ имущества.

2. Угроза другими насильственными дѣйствіями.

Кромѣ этого главнаго элемента, возвышающаго наказуемость угрозы, есть еще два другіе: это—форма угрозы и угрожаемое лицо.

По формѣ угроза бываетъ или словесная или письменная. Очевидно, угроза въ письмѣ должна наказываться строже, такъ какъ слова могутъ сорваться съ языка нечаянно, необдуманно, и самъ угрожаемый можетъ не обратить на нихъ вниманія; угроза же на письмѣ во всякомъ случаѣ предполагаетъ болѣе обдуманности и поэтому должна болѣе обезпокоивать угрожаемаго. Впрочемъ, форма различается только въ угрозѣ перваго разряда. За угрозу лишеніемъ жизни или поджогомъ имущества полагается: за письменную — арестъ до 2-хъ мѣсяцевъ, или денежный штрафъ до 200 руб., а за словесную—арестъ до 1-го мѣсяца или штрафъ до 100 р.; за угрозу другими насильственными дѣйствіями—арестъ до 15 дней или штрафъ до 50 руб. (Мир. Уст. ст. 139—141). *).

---

*) Чѣмъ болѣе порядка въ обществѣ, чѣмъ лучше организована полиція, тѣмъ менѣе значенія имѣетъ угроза; угрожаемый хорошо знаетъ, что простымъ заявленіемъ полиціи онъ пріобрѣтаетъ безопасность отъ возможности переведенія угрозы въ дѣйствіе, п. ч. полиція будетъ неуклонно слѣдить за угрожателемъ; и послѣдній, зная что за нимъ слѣдятъ, будетъ парализованъ, мало того, онъ самъ будетъ заботиться о безопасности того, кому грозилъ, зная, что въ случаѣ какого либо несчастія съ нимъ, на него падетъ тяжесть подозрѣнія и уголовнаго слѣдствія. Наоборотъ, чѣмъ слабѣе организована полиція, чѣмъ слабѣе общественный духъ, тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ угроза. Такъ напр. и теперь крестьяне въ глухихъ мѣстахъ боятся угрозъ до такой степени, что иногда не рѣшаются выдавать преступниковъ. Въ Уложеніи царя Алексѣя (гл. X, ст. 133) опредѣлено: угрожаемый лишеніемъ жизни получалъ отъ правительства «опасную грамоту», по которой въ случаѣ приведенія угрозы въ исполненіе виновный сверхъ уголовнаго наказанія обязывался уплатить семейству убитаго чрезвычайную, по тогдашнимъ цѣнамъ пеню («заповѣдь») въ нѣсколько тысячъ рублей; не дворянъ за угрозу убійствомъ, велѣно сажать въ тюрьму на 3 мѣсяца. Выдача «опасныхъ грамотъ» прекращена указомъ 1816 года по дѣлу графа Вла-

Когда угроза имѣла цѣлью принудить угрожаемаго къ какому либо преступленію, то грозившій наказывается какъ за покушеніе на то преступленіе, если наказаніе за него выше наказанія за самую угрозу (Улож. ст. 1548).

Совершенно особый, отличающійся отъ другихъ, видъ угрозъ составляютъ угрозы преступленіемъ съ требованіемъ выдать или положить въ назначенное мѣсто извѣстную сумму денегъ, или вещь, или письменный актъ, или что либо иное, или же принять на себя какія либо невыгодныя обязательства, или отказаться отъ какого либо законнаго права (ст. 1545). Онѣ дѣлаются большею частью въ подметныхъ письмахъ. Въ особенности часты случаи такого рода угрозъ поджогомъ. Столь прямо выраженное требованіе, сопровождаемое сильной угрозой въ случаѣ неисполненія его, не можетъ не произвести въ большинствѣ лицъ большаго страха и безпокойства; многіе не посмѣютъ не удовлетворить этого требованія, и, такимъ образомъ, подобная угроза равнозначительна грабежу. Законъ, принимая во вниманіе тотъ страхъ, который подобныя угрозы наводятъ не только на самаго угрожаемаго, но и на другихъ, наказываетъ ихъ и въ томъ случаѣ, когда угрожаемый не исполнилъ требованія, не какъ за покушеніе на грабежъ, но даже строже низшихъ видовъ грабежа, именно, каторжной работой на 4 — 6 лѣтъ, когда была угроза лишеніемъ жизни или поджогомъ, ссылкой въ Сибирь на поселеніе — когда угроза состояла въ причиненіи другихъ насильственныхъ дѣйствій (Улож. ст. 1545, 1546) Улож. изд. 1857 г. ст. 2116 опредѣляло за всѣ виды угрозы возвышеніе наказанія тремя степенями, когда онѣ направлены были противъ восходящихъ родственниковъ, на одну степень — когда противъ начальника или благодѣтеля, т. е. повторило въ этомъ случаѣ постановленіе, существующее при личныхъ обидахъ, на томъ основаніи, что угроза также оскорбленіе. Это постановленіе, сохранено въ Улож. изд. 1866 г. (ст. 1547).

Но оно относится теперь только къ угрозамъ съ требованіемъ вы-

---

дисловича. Въ указѣ этомъ между прочимъ сказано: «Законъ, дозволявшій выдавать «опасную грамоту», изображенный въ 133-й и послѣдующихъ статьяхъ 10-й гл. Улож. существовалъ въ то время, когда мѣры правительства къ охраненію безопасности гражданъ были еще недостаточны и когда власть блюстительная соединялась съ властью судебною; впослѣдствіе же времени, когда мѣры сіи нарочито распространены, когда учреждены повсюду земскія и градскія полиціи, изданъ для нихъ уставъ, опредѣлены особые чиновники и даны имъ достаточныя средства и власть ограждать спокойствіе и безопасность всѣхъ и каждаго, несмотря ни на какое лицо помянутый законъ самъ по себѣ не могъ уже остаться въ полной прежней его силѣ...»

дать деньги, потому что только эти квалифицированныя угрозы остались въ Уложеніи; угрозы простыя перешли въ Миров. Уст., а также не обозначено отягчающимъ обстоятельствомъ направленіе угрозы на восходящихъ.

Нарушеніе тайны. Мир. Уст. ст. 137: „За разглашеніе, съ намѣреніемъ оскорбить чью либо честь, свѣдѣній, сообщенныхъ въ тайнѣ, или же узнанныхъ вскрытіемъ чужаго письма или другимъ противозаконнымъ образомъ, виновные подвергаются аресту не свыше 15 дней или денежному взысканію не свыше 50 рублей". Не понятно, почему разглашеніе свѣдѣній, сообщенныхъ въ тайнѣ, сравнено съ тѣмъ, которое добыто противозаконнымъ способомъ. Уложеніе изд. 1857 г. ст. 2097 ставило правильнѣе этотъ вопросъ: оно наказывало только такое разглашеніе свободно сообщенныхъ въ тайнѣ свѣдѣній, когда сообщеніе сдѣлано было лицу „по званію или особой къ нему довѣренности". Такъ, врачъ, судебный защитникъ принадлежатъ къ числу такихъ лицъ, котррымъ довѣряются тайны, и они обязаны ихъ хранить; слѣдователю и другимъ лицамъ также сообщаютъ свѣдѣнія, часто компретирующія лицъ, вслѣдствіе исполненія ихъ законныхъ требованій. Духовнику сообщаются на исповѣди всѣ дѣянія и помыслы; нарушеніе тайны исповѣди составляетъ особнное преступленіе, подсудное духовному суду.

Самоуправство и всякое насиліе, не сопровождаемое тяжкими побоями или другими высшими насильственными дѣйствіями, составляютъ также одинъ изъ видовъ оскорбленія. Такъ напримѣръ если кто нибудь, вмѣсто того, чтобы требовать чрезъ судъ или полицію возвращенія своей вещи отъ другаго, самъ возьметъ ее, или вытолкаетъ человѣка, зашедшаго къ нему на дворъ въ противность его запрещенія, или силою столкнетъ пассажира, сѣвшаго на его мѣстѣ въ вагонѣ, или не дождавшись пока кассиръ дастъ ему театральный билетъ, положитъ деньги и самъ возьметъ его изъ кассы.

За самоуправство и употребленіе насилія полагается арестъ до 3-хъ мѣсяцевъ (Мир. Уст. ст. 142).

Понятіе самоуправства было подробно разъяснено въ различныхъ рѣшеніяхъ кассаціоннаго сената. Онъ опредѣлилъ его слѣдующимъ образомъ: „самоуправство есть возстановленіе частнымъ лицомъ своего права такими дѣйствіями, которыя могутъ быть предпринимаемы лишь властью или съ разрѣшенія власти." (Кассац, 1870 года № 466). Подъ понятіе самоуправства, какъ мы говорили, подходятъ какъ дѣйствія, направленныя непосредственно на лицо, такъ и на вещь, безъ прикосновенія къ лицу, такъ и смѣшанныя. Когда дѣйствіе направлено исключительно на

лицо, тогда самоуправство называется насиліемъ, и граничитъ съ нанесеніемъ побоевъ. Разница его отъ послѣдняго проступка состоитъ въ томъ, что учинившій его считалъ себя въ правѣ на эти дѣйствія, или лучше сказать, что онъ охранялъ свое право употребленіемъ силы, впрочемъ невольной (не состоящей въ нанесеніи тяжкихъ побоевъ или ранъ), тогда, когда въ этомъ не было необходимости (въ противномъ случаѣ это была бы необходимая оборона). Такъ, признано самоуправствомъ нанесеніе легкихъ побоевъ извощику, который не отъѣхалъ отъ того мѣста, по которому надлежало проѣхать виновному. (Кассац. 1869 года, № 760). Вообще, нанесеніе легкихъ побоевъ, не имѣющихъ свойства обиды дѣйствіемъ, признано самоуправствомъ (Кассац. 1869 г., № 107). Самоуправство въ отношеніи личности можетъ быть и безъ насильственныхъ дѣйствій; такъ напр. отобраніе паспорта, или требованіе показать документы, лицомъ неимѣющимъ на то права, не пропускъ проѣхать чрезъ дорогу, (Кассац. 1868 г. № 108, 1870 г. № 466). Впрочемъ, употребленіе силы, и сверхъ случаевъ указанныхъ постановленіями о необходимости обороны, не всегда наказуемо; такъ, напр., Сенатъ призналъ, что хозяинъ квартиры, въ видахъ устранененія нарушенія порядка и благочинія, произведеннаго посторонними лицами, можетъ, не прибѣгая къ правительственной мѣрѣ, распорядится о выводѣ посѣтителей изъ квартиры, и если въ этомъ дѣйствіи нѣтъ признаковъ самоуправнаго мщенія, или самоуправнаго удовлетворенія за обиду, то его нельзя подводить подъ 142 ст. Мир. Уст. (Кассац. 1870 г., № 1398); равнымъ образомъ признано было ненаказуемымъ самоуправное дѣйствіе, имѣвшее цѣлью сохранить слѣды преступленія. (Кассац. 1870 г., № 1380). По вопросу о самоуправствѣ, направленномъ на имущество, Сенатомъ признаны были слѣдующія начала: лицо, берущее имущество, должно имѣть на него право, или, по крайней мѣрѣ, это лицо должно было находиться въ такомъ положеніи, что могло считать себя имѣющимъ на него право, чѣмъ и отличается самоуправство отъ грабежа (Кассац. 1869 г., № 122, 1870 г., № 1130); при этомъ, самоуправство существуетъ только тогда, когда взятіе вещи сопровождалось или насиліемъ, или ученено было въ присутствіи хозяина или лица, его заступившаго и при томъ вопреки выраженной имъ воли, въ противномъ случаѣ самоуправное распоряженіе чужимъ имуществомъ можетъ быть лишь основаніемъ иска объ удовлетвореніи за убытки (Кассац. 1870 г., № 1265). Далѣе, сенатъ призналъ, что нарушеніе правъ основанныхъ на договорѣ одной изъ сторонъ, не составляетъ самоуправства, и возстановляется въ порядкѣ гражданскаго суда (Кассац. 1869 г., № 726). Самовольное оставленіе въ свою пользу денегъ, ввѣренныхъ для какой либо цѣли, составляетъ самоуправство,

если взявшій ихъ имѣлъ основаніе считать, что хозяинъ ему долженъ *). При разборѣ преступленія грабежа мы будемъ имѣть случай еще нѣсколько разъяснить самоуправство.

---

*) Кассац. 1863 г., № 685. Мѣщанинъ Докунинъ признанъ былъ виновнымъ въ томъ, что получилъ отъ крестьянина Мартынова 3 руб. съ тѣмъ, чтобы удержать въ свою пользу 30 коп., а остальные возвратить Мартынову, но не возвратилъ ему всѣ три рубля, на томъ основаніи, что Мартыновъ ему долженъ эту сумму, что не подтвердилось. По возбужденному по этому случаю вопросу о примѣненія закона Сенатъ разъяснилъ, что поступокъ Д. могъ бы подходить подъ понятіе о самоуправствѣ, еслибы судомъ было признано, что Мартыновъ долженъ Д-у 3 руб., или еслибы послѣдній по крайней мѣрѣ *имѣлъ основаніе предполагать*, что Мартыновъ ему долженъ, и вмѣсто того, чтобы обратиться къ суду, самъ бы осуществилъ свое право. Но такъ какъ въ настоящемъ случаѣ этого не признано, то дѣйствіе Д: можетъ быть подведено подъ 177 ст. Мир. Уст. (о растратѣ).

ГЛАВА XXVII.

ИСТРЕБЛЕНІЕ ИМУЩЕСТВА.

Раздѣленіе преступленій, направленныхъ противъ имущественныхъ правъ. Различные способы истребленія имущества. Истребленіе огнемъ; различные термины обозначенія его въ Уложеніи. Степень опасности для жизни служитъ основаніемъ для установленія различныхъ видовъ поджога. Поджогъ обитаемыхъ и нежилыхъ строеній, лѣса, другихъ недвижимостей и движимостей. Покушеніе на зажигательство. Сожженіе собственнаго имущества Истребленіе взрывами газовъ. Потопленіе. Разрушеніе и поврежденіе имущества другими способами.

Преступленія противъ собственности раздѣляются Уложеніемъ на два главные разряда: истребленіе и похищеніе. Различіе ясно изъ самаго названія: въ первомъ нѣтъ цѣли обогатиться на счетъ другаго. Отъ этого низшіе виды истребленія имущества наказываются гораздо легче кражи въ нихъ не видно ничего безчестнаго. Но высшіе виды истребленія имущества наказываются гораздо строже не только кражи, но и всякаго другаго похищенія имущества. Все различіе степеней преступленія истребленія имущества основано, главнымъ образомъ, на элементѣ, лежащемъ внѣ имущества, даже внѣ прямаго намѣренія преступника,—на опасности для жизни человѣка.

По способу совершенія истребленіе имущества раздѣляется на 1) поджогъ, 2) взрывъ газами, 3) потопленіе, 4) всѣ другіе способы.

Поджогъ есть умышленное истребленіе чужаго имущества огнемъ. Это преступленіе называется въ Уложеніи зажигательствомъ, поджогомъ, учиненіемъ пожара, истребленіемъ огнемъ. Зажигательство стоитъ какъ общій заголовокъ; а въ отдѣльныхъ статьяхъ говорится о поджогѣ; по

граматическому смыслу эти слова однозначущи. Но „истребленіе огнемъ“ имѣетъ другое значеніе; оно есть результатъ, конечная цѣль поджога. Подобно тому какъ выстрѣлъ въ упоръ или взмахъ топора относится къ убійству, такъ и поджогъ къ истребленію огнемъ. Разница та, что при первыхъ способахъ—выстрѣлѣ и взмахѣ, результатъ является немедленнымъ; какъ только это минутное дѣйствіе достигло объекта — цѣль выполнена, убійство произведено. Но при дѣйствіи огнемъ между поджогомъ и истребленіемъ обыкновенно находится болѣе или менѣе продолжительный интервалъ. Какъ ни разрушительно дѣйствіе огня, но оно можетъ себѣ встрѣтить сильныя препятствія въ неудобовоспламенимости зданія или другаго предмета, въ дѣйствіи стихійныхъ силъ — противнаго вѣтра дождя. Словомъ, въ большей части случаевъ поджогъ и истребленіе огнемъ не одно и то же. „Учиненіе пожара“ составляетъ среднюю ступень между поджогомъ и истребленіемъ огнемъ. Полное преступленіе составляетъ истребленіе огнемъ извѣстнаго имущества, — вотъ та цѣль, которую предположилъ преступникъ, вотъ то великое зло, противъ кототораго долженъ былъ вооружиться законъ грозными карами. Поджогъ это собственно только покушеніе на настоящее преступленіе, но покушеніе, заключающее въ себѣ начало исполненія. „Учиненіе пожара“ еще не составляетъ истребленія огнемъ извѣстнаго имущества; оно показываетъ, что поджогъ пошелъ въ ходъ, что пламя обняло часть зданія, что зданіе отчасти уже повреждено.

Поджогъ, однако, не считается покушеніемъ на преступленіе сожженія; онъ считается полнымъ преступленіемъ, потому что довершеніе его составляетъ уже простой, естественный ходъ стихійной силы. Тѣмъ не менѣе, однако, законъ какъ мы видимъ, считаетъ поджогъ прекращеннымъ, т. е. когда онъ не произвелъ истребленія имущества, при извѣстныхъ обстоятельствахъ—преступленіемъ своеобразнымъ, наказуемымъ исправительными наказаніями. За этимъ исключеніемъ, вездѣ въ отношеніи недвижимостей законъ употребляетъ слово „поджогъ“ для означенія полнаго преступленія, т. е. было ли истребленіе имущества или нѣтъ, достаточно одного поджога для полнаго наказанія. „Истребленіе огнемъ“ приложено только къ движимостямъ и нѣкоторымъ особаго рода недвижимостямъ. Для общаго обозначенія разбираемаго преступленія мы будемъ употреблять безразлично слова „поджогъ“ и „зажигательство“.

Преступленіе поджога во всѣхъ кодексахъ считается однимъ изъ важнѣйшихъ уголовныхъ. Важность его состоитъ, во-первыхъ, въ опасности для имущества и, во-вторыхъ, для личности. Огонь чѣмъ болѣе пожираетъ, тѣмъ становится сильнѣе; преступникъ имѣетъ намѣреніе уничтожить одинъ извѣстный домъ, но пламя разливается и пожираетъ цѣлую улицу, селеніе, городъ. Жизнь людей подвергается при этомъ большей

или меньшей опасности; зданіе захвачено пламенемъ, и часто не всѣ могутъ выскочить; большіе пожары рѣдко обходятся безъ того, чтобы кто нибудь не поплатился жизнью. Наконецъ, этотъ способъ всегда заключаетъ предумышленіе, особенную низость и опасность, противъ которой трудно убречься. Разбойникъ и убійца рискуютъ встрѣтить энергическое сопротивленіе и поплатиться жизнью; противъ нихъ могутъ быть приняты мѣры предосторожности; противъ поджога принять ихъ невозможно: средство для него у всякаго подъ рукой, выполненіе не требуетъ ни отваги, ни силы,—отъ того очень часто поджоги совершаются женщинами и дѣтьми. По всѣмъ этимъ причинамъ необходимы строгія наказанія для такого опаснаго преступленія. Въ старое время поджигателей наказывали обыкновенно сожженіемъ,—родъ системы talionis. Но какъ ни важенъ поджогъ все-таки по преступности онъ ниже убійства, слѣдовательно и наказанія за него должны быть ниже тѣхъ, которыя положены за лишеніе жизни, кромѣ случаевъ чрезмѣрной важности, когда неизмѣримость имущественнаго зла и вѣроятность опасности для жизни многихъ людей естественно ведутъ къ усиленію наказанія. Поджогъ можетъ быть производимъ, какъ и всякое преступленіе, съ разными цѣлями, по разнымъ причинамъ: изъ мщенія, ненависти, изъ желанія произвести удобно грабежъ, для умерщвленія живущихъ, въ подожженомъ зданіи, съ цѣлями политическими. Если поджогъ дѣлается съ цѣлью убійства, напр. зажжена со всѣхъ сторонъ изба, чтобы погубить находящихся въ ней,—и результатъ этотъ достигнутъ, то это будетъ не поджогъ, а высшее преступленіе убійства, притомъ средствами жестокими (Уст. ст. 1453, п. 1); если цѣль не достигнута, то здѣсь будетъ стеченіе двухъ преступленій—покушеніе на убійство, не имѣвшее успѣха, по обстоятельствамъ независѣвшимъ отъ воли дѣятеля, и поджогъ.

Поджогъ съ политическими цѣлями не рѣдкое явленіе. Внутренніе враги желаютъ сильными пожарами возбудить въ массахъ волненіе, складывая вину на тѣ общественные классы, противъ которыхъ они дѣйствуютъ, желаютъ появленія множества людей безъ крова и средствъ существованія, слѣдовательно готовыхъ искать въ политическихъ переворотахъ улучшенія своей судьбы, иногда расчитываютъ этимъ нагнать страхъ на противниковъ. У насъ также не неизвѣстны поджоги съ политическими цѣлями со временъ Бориса Годунова, котораго упрекали враги въ сожженіи Москвы. Въ нашей странѣ поджогъ особенно опасенъ: западная Европа — каменная страна, а наше отечество деревянная, у насъ и въ столицахъ цѣлыя части застроены деревянными домами, наши селенія почти сплошь состоятъ изъ деревянныхъ домовъ, на югѣ даже крытыхъ соломой; уѣздные и губернскіе города по большей части деревянные.

Виды зажигательства и наказанія за нихъ зависятъ отъ той степени

опасности, которую оно представляетъ для имущества вообще, т. е. для имущества другихъ лицъ, кромѣ того, чье непосредственно поражается, и для жизни людей. Уложеніе различаетъ четыре вида зажигательства: 1) поджогъ *обитаемаго* зданія, 2) нежилаго, 3) лѣса, 4) другихъ недвижимостей и нѣкотораго рода движимостей, 5) остальныхъ движимостей.

Мы имѣли случай говорить, что нежилой не составляетъ противоположности обитаемаго. Жилой и нежилой означаютъ: способный для постояннаго жительства людей, и неспособный; а обитаемый и необитаемый указываютъ не на способность недвижимости, а на дѣйствительную эксплуатацію, и жилой домъ можетъ быть временно необитаемымъ. Такъ какъ въ законѣ употреблены телько эти два термина, съ одной стороны обитаемый, съ другой нежилой, то надобно полагать, что жилой, но необитаемый, относится также ко второму разряду.

Ст. 1606: „За поджогъ съ умысломъ какого либо обитаемаго зданія виновный подвергается каторжной работѣ на 8 — 10 лѣтъ". Слѣдующая ст , 1607-я, говоритъ о возвышеніи этого наказанія за сожженіе такихъ недвижимостей, которое представляетъ высшую степень опасности для людей, или когда эти имущества имѣютъ особенный религіозный или государственный характеръ. Въ разрядѣ этихъ имуществъ мы встрѣчаемъ даже и необитаемыя.

На первомъ планѣ стоятъ: а) церковь, — даже и въ томъ случаѣ, когда поджогъ совершенъ и не во время богослуженія; мало того, даже церковь закрытая сохраняетъ свое положеніе въ преступленіи поджога. Подъ церковью разумѣется только храмъ христіанскій. б) Дворецъ, принадлежашій Государю Императору или одному изъ членовъ Императорской фамиліи. Относится ли постановленіе объ отягченіи наказанія за сожженіе дворца и къ такимъ этого рода зданіямъ, въ которыхъ нѣтъ пребыванія членовъ Императорской фамиліи во время совершенія преступленія? Такъ какъ въ законѣ сказано просто о поджогѣ дворца, то никакихъ ограниченій дѣлать нельзя.

Въ 362 ст. Уст. Угол. Суд. говорится по поводу обысковъ объ особенномъ положеніи дворцовъ, но съ прибавленіемъ: „въ коихъ *имѣютъ пребываніе* Государь Императоръ, или члены Императорскаго дома". Притомъ, Высочайшимъ повелѣніемъ 27-го сентября 1866 г. нѣкоторые дворцы поставлены въ означенное положеніе даже и тогда, когда въ нихъ нѣтъ Высочайшаго присутствія. Хотя 362 ст. Уст. Угол. Суд. показываетъ нѣсколько иной взглядъ на дворецъ; чѣмъ тотъ, который былъ прежде, но, повторяемъ, расширять его невозможно; въ поджогѣ прямо сказано: „*принадлежащій* Государю Императору или одному изъ членовъ Императорской фамиліи дворецъ". в) Подожженіе города въ разныхъ мѣстахъ. Неизмѣримость бѣдствія для имущества и для жизни,

степень преступной отваги; выводятъ этотъ видъ преступленія изъ разряда обыкновенныхъ. д) Хранилище пороха. е) Больница, когда въ ней находились больные. Въ этомъ случаѣ опасность для жизни многихъ людей представляется неизбѣжной.

За всѣ эти виды поджога наказаніе возвышается тремя степенями, т. е. полагается каторжная работа на 15 — 20 лѣтъ, одинаковое съ убійствомъ при отягчающихъ обстоятельствахъ.

Ко второй категоріи привиллегированныхъ предметовъ, сожженіе которыхъ наказывается двумя степенями выше обыкновеннаго, т. е. каторжной работой на 12 –15 лѣтъ, относятся: а) присутственное мѣсто или вообще зданіе, въ коемъ помѣщается какая либо часть государственнаго управленія или суда, или архивы присутственныхъ мѣстъ. Этого рода поджогъ имѣетъ особенную важность: теченіе дѣлъ по управленію прерывается, происходятъ важныя замѣшательства и остановка; далѣе, въ судахъ хранятся при дѣлахъ документы, на которыхъ основаны права имущественныя и личныя множества лицъ, или документы, доказывающіе невинность обвиняемаго въ уголовномъ преступленіи или, наоборотъ, виновность его. б) Институты, учебныя, ученыя или иныя общественныя заведенія, библіотеки, кунсткамеры, музеумы. Учебныя заведенія не раздѣлены на тѣ, гдѣ живутъ воспитанники, и тѣ, гдѣ не живутъ они, и также не различенъ поджогъ ихъ во время пребыванія массы дѣтей, или внѣ учебныхъ часовъ, что представляетъ различную степень опасности для жизни. Такъ что здѣсь отягчающимъ элементомъ служитъ только то обстоятельство, что эти заведенія общественныя. Подходитъ ли частный пансіонъ подъ эту категорію? Буквально не подходитъ, хотя поджогъ такого заведенія, гдѣ живетъ много дѣтей, представляется въ высшей степени злостнымъ. Музеумы и публичныя библіотеки составляютъ національныя имущества, часто неоцѣненныя. Такъ напр. сожженіе Императорской публичной библіотеки было бы такимъ преступленіемъ, которое не только повело бы къ огромнымъ денежнымъ тратамъ, но и отозвалось бы прискорбно на умственномъ развитіи русскаго народа. Замѣтимъ, что въ Уложеніи по недосмотру оставлено слово „кунсткамеры“. У насъ была всегда одна кунсткамера, основанная Петромъ Великимъ, которая давно переименована въ музей академіи наукъ, такъ что теперь не существуетъ учрежденія съ подобнымъ именемъ.

Поджогъ тюрьмы отнесенъ также ко второй группѣ. Мы полагаемъ, что это преступленіе скорѣе должно бы отнести, подобно больницѣ, къ первой. Въ тюрьмѣ находится много людей скованныхъ, запертыхъ въ отдѣльныхъ комнатахъ, коридоры также запираются, въ тюрьмѣ только одни ворота, поэтому поджогъ тюрьмы представляетъ для жизни опасность во всякомъ случаѣ не меньшую, чѣмъ поджогъ больницы.

Далѣе, ко второй категоріи относится поджогъ театра, или другого подобнаго заведенія, но только въ то время, когда въ немъ было или долженствовало быть публичное собраніе, т. е. представленіе, концертъ, маскарадъ и т. под. Здѣсь опасносность для жизни многихъ людей очень велика; при значительномъ числѣ зрителей и незначительномъ числѣ выходовъ пожары въ такого рода заведеніяхъ обыкновенно оканчиваются гибелью многихъ людей. Кажется, что торговыя бани слѣдовало бы также отнести къ такимъ зданіямъ, поджогъ которыхъ долженъ наказываться строже обыкновеннаго.

Наконецъ, ко второй категоріи относится поджогъ селенія въ нѣсколькихъ мѣстахъ, корабля, на которомъ въ то время находились люди, или же поблизости коего были другія суда, и магазиновъ жизненныхъ припасовъ или военныхъ и морскихъ снарядовъ. Поджогъ корабля въ открытомъ морѣ представляетъ такую опасность для жизни людей, что такого рода преступленіе скорѣе относится къ первой категоріи. Что надобно разумѣть подъ выраженіемъ „магазины жизненныхъ припасовъ, военныхъ и морскихъ снарядовъ?“ Зданія, назначенныя для этихъ предметовъ, хотя бы во время поджога ихъ и не было на лицо, или только тѣ; въ которыхъ , дѣйствительно, хранились эти припасы и снаряды? Необходимо принять послѣднее толкованіе, потому что магазинъ, самъ по себѣ, относится къ нежилымъ строеніямъ, слѣдовательно, если законодатель поставилъ поджогъ означенныхъ магазиновъ на двѣ степени выше поджога обитаемаго зданія, то, конечно, только вслѣдствіе могущихъ быть бѣдствій отъ истребленія предметовъ, хранившихся въ этихъ магазинахъ, т. е. голода, замедленія въ снаряженіи арміи и флота. Разумѣется, если истребленіе магазиновъ военныхъ и морскихъ снарядовъ совершено было съ политической цѣлью — измѣны или бунта, — тогда это преступленіе относится къ разряду государственныхъ.

Три обстоятельства: ночь, шайка, рецидивъ увеличиваютъ наказаніе противъ нормальнаго, т. е. каторжной работы на 6—8 лѣтъ, ночь—на одну степень, шайка — на двѣ, но только для главныхъ преступниковъ, рецидивъ — на три степени. Такъ какъ это возвышеніе идетъ не отъ степени наказанія, которому подвергается виновный за видъ поджога, а отъ нормальнаго наказанія, установленнаго за поджогъ обитаемаго зданія, то отсюда слѣдуетъ, что обстоятельства ночи и шайки имѣютъ значеніе только тогда, когда были подожжены не привиллегированныя обитаемыя зданія, потому что въ случаѣ поджога послѣднихъ и безъ того наказаніе возвышается по крайней мѣрѣ на двѣ степени противъ нормальнаго, — а обстоятельство рецидива имѣетъ, сверхъ того, значеніе и при поджогѣ зданія второй категоріи.

Второй разрядъ поджога — поджогъ нежилаго строенія и лѣса. Къ

нежилымъ строеніямъ относятся конюшни, амбары, сараи, погреба и вообще всѣ такого рода строенія, гдѣ не можетъ быть постояннаго жительства людей, но въ которыхъ люди, однако, нерѣдко находятся по хозяйственнымъ надобностямъ, слѣдовательно, извѣстная мѣра опасности для жизни существуетъ, и преступникъ долженъ имѣть это въ виду; кромѣ того, такъ какъ эти строенія находятся обыкновенно не далеко отъ жилыхъ, то огонь легко переходитъ къ послѣднимъ. За этого рода поджогъ опредѣляется — ссылка въ Сибирь на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ (ст. 1609). Но если „нежилое строеніе было въ близкомъ сосѣдствѣ съ другими обитаемыми или такими, въ которыхъ въ то время находились люди“, или когда подожжены лавки и другія хранилища товаровъ, то наказаніе увиличивается на одну степень.

Выраженіе „въ близкомъ сосѣдствѣ“ надобно понимать въ томъ смыслѣ, что пламя легко могло перейти отъ подожженнаго строенія къ другому. „Когда же зажигателю *было извѣстно*, что въ подожженномъ имъ, хотя нежиломъ строеніи, находились въ то самое время люди“, то онъ приговаривается къ наказанію, какъ за поджогъ обитаемаго строенія. Въ первой части 1609 статьи сказано, что ссылка въ Сибирь на поселеніе полагается въ такомъ случаѣ, когда „*извѣстно было*“, что въ нежиломъ строеніи нѣтъ людей“. Этими двумя постановленіями не исчерпывается вопросъ. Человѣкъ подвергается за поджогъ нежилаго строенія каторжной работѣ на 8 — 10 лѣтъ, когда ему „извѣстно было“ о нахожденіи тамъ людей, и ссылкѣ на поселеніе, когда „извѣстно было“, что людей не находилось. Слѣдовательно, и въ томъ и въ другомъ случаѣ требуется положительное знаніе о нахожденіи, или ненахожденіи людей. Но если онъ поджогъ нежилое строеніе неосвѣдомившись и не зная положительно, были ли тамъ люди, или не было ихъ, а люди оказались, какому наказанію онъ будетъ подвергнутъ? Какъ ни туманны выраженія Уложенія, но мы полагаемъ, что въ этомъ случаѣ все-таки нельзя подвергнуть его каторжной работѣ, потому что ему не было извѣстно о нахожденіи людей.

Поджогъ лѣса наказывается наравнѣ съ поджогомъ нежилаго строенія — ссылкой въ Сибирь на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ (ст. 1613). Лѣсные пожары представляютъ часто бѣдствія для цѣлаго края, по той страшной быстротѣ, съ которой они распространяются. Это наказаніе возвышается на одну, двѣ и три степени, т. е. доходитъ до 8—10 лѣтъ каторжной работы, „когда вслѣдствіе засухи или сильнаго вѣтра должно было ожидать весьма быстраго распространенія пожара, или когда въ зажженномъ лѣсу находились люди, дома или иныя обитаемыя строенія, или же и цѣлыя селенія“. Мы видѣли, что при поджогѣ обитаемыхъ строеній обстоятельства — шайки, рецидива и ночи

возвышаютъ наказаніе. При поджогѣ нежилыхъ приводится, какъ возвышающее на одну степень нормальное наказаніе — ссылку на поселеніе— обстоятельство ночи; о шайкѣ и рецидивѣ не упоминается (ст. 1609, ч. 3); а при поджогѣ лѣса приводится обстоятельство шайки, но обстоятельства ночи и рецидива не упоминаются. Если поджогъ лѣса учиненъ шайкою, то наказаніе повышается не только для начальниковъ, какъ при поджогѣ обитаемаго зданія, но и для прочихъ участниковъ; притомъ это повышеніе можетъ быть по усмотрѣнію суда на одну, двѣ и даже три степени.

Третью категорію зажигательства составляютъ слѣдующія недвижимости и движимости: а) недвижимости — хлѣбъ на корню, фруктовые сады, хмѣльники, сѣнокосы, торфяныя земли; б) движимости — хлѣбъ въ снопахъ или скирдахъ, въ полѣ или въ гуммѣ, овинѣ или иномъ необитаемъ строеніи, скошенное сѣно, склады дровъ. Въ этомъ случаѣ законъ говоритъ не о поджогѣ, а объ истребленіи огнемъ: „за умышленное *истребленіе* огнемъ чужаго хлѣба...“ Отсюда слѣдуетъ, что преступленіе въ данномъ случаѣ считается оконченнымъ, когда достигнутъ результатъ, а не тогда, когда только учиненъ поджогъ.

За этотъ видъ зажигательства суду предоставлена чрезвычайная власть при наложеніи наказанія; именно, онъ можетъ дать одно изъ трехъ наказаній: ссылку въ Сибирь на поселеніе, на житье, или только тюремное заключеніе отъ 4 мѣсяцевъ до $1^1/_3$ года (ст. 1614). Законодатель рекомендуетъ судьѣ избирать одно изъ исчисленныхъ наказаній, „смотря потому, учиненъ ли поджогъ днемъ или ночью, не было ли отъ него опасности для обитаемыхъ строеній или находившихся въ сосѣдствѣ людей и по другимъ обстоятельствамъ дѣла“, — не стѣсняя, однако, судью опредѣленнымъ значеніемъ каждаго изъ этихъ обстоятельствъ порознь и всѣхъ ихъ вмѣстѣ.

Наконецъ, четвертую категорію составляетъ истребленіе огнемъ всякаго другаго имущества, кромѣ исчисленнаго въ предыдущихъ статьяхъ. Таково истребленіе чужихъ животныхъ, всякаго рода движимыхъ вещей, разумѣется, если онѣ не находятся въ связи съ недвижимостью, напримѣръ, если кто броситъ въ горящую печь платье другого, или сожжетъ стоящую на дорогѣ телѣгу, или истребитъ огнемъ лодку и т. п. За это преступленіе положено: заключеніе въ тюрьмѣ на 4 — 8 мѣсяцевъ, или арестъ до 3-хъ мѣсяцевъ, или денежный штрафъ до 100 рублей (ст. 1615).

Въ разрядѣ недвижимостей особенное положеніе занимаютъ рудники. Наказаніе за поджогъ ихъ чрезвычайно различается, смотря по тому, были ли въ рудникѣ люди, или нѣтъ, и если были, то могъ ли виновный легко предвидѣть опасность, которой подвергались эти люди: въ послѣд-

немъ случаѣ полагается каторжная работа безъ срока, а въ первомъ и второмъ—каторжная работа на 10—12 лѣтъ или ссылка въ Сибирь на поселеніе, причемъ судья долженъ имѣть въ виду еще и другія обстоятельства дѣла, сверхъ нахожденія или ненахожденія людей (ст. 1608).

Законъ не упоминаетъ о поджогѣ вагоновъ желѣзной дороги, когда они находятся на ходу. Здѣсь для жизни еще больше опасности, чѣмъ при поджогѣ жилаго строенія, потому что труднѣе выскочить. По аналогіи слѣдуетъ приравнять вагонъ на пути съ пассажирами къ обитаемому строенію или даже кораблю.

Сожженіе карантинныхъ зданій или оцѣпленныхъ домовъ наказывается смертной казнью (Улож. 831, п. 3).

Поджогъ есть истребленіе чужаго имущества; всякое преступленіе противъ собственности не можетъ быть направлено на свои права. Но въ поджогѣ есть, кромѣ истребленія имущества, другой важнѣйшій элементъ — опасность для жизни другихъ; кромѣ того, поджогъ есть такой способъ истребленія, который можетъ легко поразить и имущества другихъ лицъ.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что сожженіе своего имущества при такихъ условіяхъ, когда это не грозитъ жизни и имуществу другихъ лицъ, не можетъ быть наказано. Напримѣръ, владѣлецъ сожигаетъ принадлежащую ему рощу съ тѣмъ, чтобы расчистить землю подъ пашню; если онъ дѣлаетъ это принявши мѣры, чтобы огонь не распространился на чужой лѣсъ, то это вполнѣ законный способъ распоряженія своимъ имуществомъ Но если владѣлецъ городскаго дома, окруженнаго другими строеніями, или такого, въ которомъ находятся люди, подожжетъ его, то это сумасшедшій или преступникъ — поджигатель. Онъ принесъ въ жертву свое имущество, чтобы погубить людей или истребить имущество другихъ.

Уложеніе подвергаетъ наказанію, именно ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе (ст, 1612), за сожженіе собственнаго имущества, когда при этомъ не было опасности для жизни и имущества другихъ лицъ, если это имущество было застраховано. Это собственно не поджогъ, а мошенничество высшей мѣры; цѣль этого дѣйствія получить страховую премію, превышающую цѣнность имущества, т. е. ограбить страховое общество. Во второй части этой статьи сказано: „Когда-жъ, такимъ образомъ, подожжено строеніе, въ которомъ находились люди, или когда пожаръ сообщился чужимъ строеніямъ, или, наконецъ, когда подожженное строеніе находилось по близости другихъ строеній, то виновный въ томъ приговаривается къ наказанію по правиламъ объ умышленномъ поджогѣ строеній обитаемыхъ или необитаемыхъ". Хотя въ первой части 1612 статьи говорится о поджогѣ собственнаго имущества застрахованнаго, но ясно, что вторая часть относится и къ незастрахованнымъ имуществамъ. Ре-

дакція ея неудачная. Что значитъ: „когда же такимъ образомъ?“ Какимъ это образомъ? Въ первой части говорилось не объ образѣ или способѣ поджога, а о принадлежности подожженнаго имущества. Но эта неясность выраженія не можетъ служить препятствіемъ къ подведенію поджога собственнаго незастрахованнаго имущества подъ вторую часть 1612 статьи, если онъ произведенъ съ исчисленными въ ней обстоятельствами. Этому не можетъ быть препятствіемъ и титулъ главы, въ которой изложенъ поджогъ въ Уложеніи: „объ истребленіи и поврежденіи *чужого* имущества; поджогъ своего имущества, находящагося вблизи другихъ строеній, составляетъ средство для истребленія этихъ послѣднихъ, а когда въ немъ находятся люди, то опасность для ихъ жизни,—и, наконецъ, заголовокъ не всегда исчерпываетъ содержаніе.

Поджогъ считается такимъ важнымъ преступленіемъ, что приготовленіе къ нему наказывается ссылкой въ Сибирь на житье (ст. 1611).

Ученіе о покушеніи на поджогъ изложено въ Уложеніи очень сбивчиво; мало того, мы видимъ противорѣчіе въ различныхъ положеніяхъ по этому вопросу. Ст. 1610, въ которой изложенъ этотъ вопросъ, состоитъ изъ трехъ пунктовъ. Она начинается словами: „за покушеніе на зажигательство, виновные подвергаются наказаніямъ на слѣдующемъ основаніи“. Затѣмъ слѣдуетъ 1-й пунктъ: „когда пожаръ, учиненный чрезъ поджогъ, хотя уже и начался, но потушенъ въ самомъ началѣ стараніями самаго раскаявшагося въ этомъ зажигателя, или призванными имъ на помощь людьми, то виновный подвергается токмо заключенію въ смирительномъ домѣ до 1½ года или въ тюрьмѣ до 8 мѣсяцевъ“. Этотъ случай нельзя назвать покушеніемъ; пожаръ начался, слѣдовательно, покушеніе перешло въ дѣйствительное исполненіе, но только всѣхъ вредныхъ послѣдствій еще не случилось. По ст. 134, п. 8, то обстоятельство, что преступникъ „при самомъ содѣяніи преступленія почувствовалъ раскаяніе... и по сему побужденію не совершилъ всего предначертаннаго зла“, служитъ только для смягченія наказанія на одну или двѣ степени. Въ поджогѣ же это обстоятельство служитъ къ измѣненію тяжкаго уголовнаго наказанія на легкое исправительное. Эта мягкость объясняется природой преступленія зажигательства, въ которомъ, какъ мы говорили, между покушеніемъ и исполненіемъ находятся еще интервалъ — начало пожара, во время котораго поворотъ еще возможенъ. Это постановленіе въ высшей степени практическое: оно побуждаетъ преступника размыслить и отступить до послѣдней минуты, даже когда началось уже преступное дѣйствіе. Исправительное наказаніе все-таки необходимо, потому что преступное намѣреніе зашло слишкомъ далеко, тревога и нѣкоторый имущественный вредъ уже произведены.

Такова одна сторона этого положенія. Но другую трудно согласить

съ основными началами науки и Уложенія. Ненаказуемость или малая наказуемость покушенія основывается Уложеніемъ на нравственномъ началѣ — свободномъ отступленіи отъ преступленія. Между тѣмъ, какъ въ разбираемомъ положеніи о поджогѣ требуется не только это нравственное начало въ формѣ раскаянія, собственныхъ усилій и призыва на помощь людей, но непремѣнно еще и то, чтобы пожаръ былъ потушенъ при самомъ началѣ. Но послѣднее не всегда зависитъ отъ воли виновнаго; онъ чувствуетъ раскаяніе, онъ старается потушить пожаръ, онъ скликаетъ людей на помощь, но всѣ ихъ усилія не въ состояніи прекратить дѣйствія огня, домъ сгараетъ, и виновный идетъ въ каторжную работу; если на помощь прибудутъ люди съ хорошими пожарными трубами, и погода будетъ имъ благопріятствовать, то пожаръ будетъ прекращенъ въ самомъ началѣ, и виновный подвергнется только не важному исправительному наказанію. Слѣдовательно, судьба человѣка, вопросъ о томъ, быть ли ему на каторгѣ или нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьмѣ, зависитъ отъ обстоятельствъ случайныхъ, лежащихъ внѣ его воли. Это какъ мы сказали, несогласно съ основными началами Уложенія и науки. Второе условіе часто можетъ уничтожать вовсе мягкое начало, выраженное въ первомъ.

Еще болѣе оригиналенъ 2-й пунктъ 1610 ст.: „Когда-жъ пожаръ, учиненный чрезъ поджогъ, потушенъ при самомъ началѣ, однако-жъ не по извѣстію, данному самимъ зажигателемъ, и не призванными имъ на помощь людьми, то онъ, хотя бы потомъ и не препятствовалъ утушенію пожара приговаривается къ ссылкѣ на житье въ Сибирь“. Здѣсь полагается вмѣсто каторжной работы или ссылки на поселеніе исправательное наказаніе не за какое либо нравственное дѣяніе виновнаго, а единственно за то, что вредныхъ послѣдствій не было, по обстоятельствамъ отъ него независѣвшимъ. По общему началу, выраженному въ ст. 114 и 115, если виновный сдѣлалъ все, что считалъ нужнымъ для приведенія своего намѣренія въ исполненіе, но преднамѣренное зло не совершилось по непредвидѣннымъ или независѣвшимъ отъ его воли обстоятельствамъ, то наказаніе смягчается не болѣе, какъ на 4 степени. Поджогъ, между тѣмъ, болѣе чѣмъ покушеніе, а наказаніе для нѣкоторыхъ видовъ его (напр. для поджога церкви, больницы), смягчается, на основаніи 2 пункта 1610 ст., на 10 степеней. Кромѣ того, если зажигатель, хотя и не призвалъ людей на помощь, а дѣятельно способствовалъ прибывшимъ на помощь къ потушенію пожара, то наказаніе смягчается ему еще на одну или двѣ степени.

До сихъ поръ мы видѣли въ постановленіяхъ 1610 ст. одну особенность, именно полную зависимость важнаго смягченія наказанія отъ случайнаго обстоятельства. Но третій пунктъ совершенно противорѣчитъ

второму: „Наконецъ, когда учинивъ поджогъ или положивъ окончательно приготовленные уже для того горючіе или иные предметы, виновный скрылся, или, оставаясь на мѣстѣ, ничѣмъ не доказалъ раскаянія въ своемъ преступленіи, то, хотя бы пожаръ и былъ при самомъ началѣ потушенъ, или даже предупрежденъ усиліями другихъ или какими либо случайными обстоятельствами, зажигатель подвергается наказаніямъ въ предшедшихъ 1606 — 1609 ст. опредѣленнымъ такъ же какъ за совершенное въ полной мѣрѣ зажигательство". На основаніи этой статьи поджогъ наказывается какъ полное преступленіе, хотя бы вредныхъ послѣдствій не произошло. Слѣдовательно, оно даже нѣсколько строже начала 114 и 115 ст. Уложенія. Согласовать третій пунктъ 1610 ст. со вторымъ, нѣтъ никакой возможности: и тамъ и тутъ пожаръ былъ прекращенъ безъ всякаго участія со стороны виновнаго, и тамъ и тутъ онъ не обнаруживаетъ раскаянія; его душевное состояніе выражается во второмъ пунктѣ тѣмъ, что онъ стоитъ и не препятствуетъ потушенію пожара, но и не помогаетъ; а въ третьемъ — онъ скрывается, или, оставаясь на мѣстѣ не доказываетъ раскаянія; но только различныя выраженія одного и того же состоянія; а, между тѣмъ, по второму пункту ему слѣдуетъ только ссылка на житье въ Сибирь по 2 степени, а по третьему, ссылка на поселеніе (если подожжено необитаемое строеніе) или ссылка въ каторжную работу, даже до 20 лѣтъ (если подожжено жилое строеніе), и, наконецъ, безъ срока (если подожженъ рудникъ при особыхъ обстоятельствахъ). Когда дать то, когда другое наказаніе — мы рѣшительно не видимъ возможности объяснить. Подобное рѣзкое противорѣчіе въ одной и той же статьѣ и притомъ по важному вопросу — безпримѣрное явленіе въ Уложеніи.

Статья о наказаніи за неоконченный поджогъ помѣщена прежде поджога лѣса, садовъ и движимостей,—она 1610-я, а поджогъ означенныхъ предметовъ орредѣленъ въ 1613—1615 статьяхъ, Конечно, она должна быть приложена и къ поджогу лѣса, потому что нормальное наказаніе за него одинаково съ наказаніемъ за поджогъ необитаемыхъ строеній. Это только неудачный распорядокъ статей. Но къ поджогу движимостей, садовъ, сѣнокосовъ и прочихъ недвижимостей, означенныхъ въ 1614 ст., она не можетъ относится вполнѣ, потому что за этотъ видъ поджога хотя и можетъ быть положена ссылка на поселеніе, но можетъ быть также дано и тюремное заключеніе, слѣдовательно, наказаніе низшее, чѣмъ положенное по 2 пункту 1610 ст.; тѣмъ болѣе оно не можетъ имѣть мѣста при истребленіи огнемъ предметовъ, означенныхъ въ 1615 ст., гдѣ высшее наказаніе — заключеніе въ тюрьмѣ, слѣдовательно, много низшее того, которое назначено по 2 пункту 1610 ст. за неоконченный поджогъ. Но если неоконченность поджога имѣетъ такое важное значеніе при за-

жигательствѣ высшихъ разрядовъ, почему она останется безъ послѣдствій для низшихъ? Вопросъ этотъ разрѣшается просто: въ 1614 и 1615 ст. говорится не о поджогѣ, и объ истребленіи огнемъ, чѣмъ и показывается что поджогъ, прекращенный въ самомъ началѣ по обстоятельствамъ, независѣвшимъ отъ воли виновнаго, будетъ наказанъ 1, 2, 3 степенями ниже, на основаніи 115 ст , именно какъ неудавшееся покушеніе, — а зажигательство этихъ предметовъ, прекращенное по собственной волѣ, собственными стараніями, не будетъ вовсе наказано.

II. Истребленіе или поврежденіе имущества взрывомъ пороха, газа или инаго удобовоспламеняющагося вещества подвергается самой высшей мѣрѣ наказаній, опредѣленныхъ за поджогъ (ст. 1616).

Сила воды далеко не такъ губительна, какъ огонь. Впрочемъ, только потопленіе лѣса и необитаемыхъ строеній наказывается слабѣе, чѣмъ поджогъ этихъ предметовъ, именно ссылкой въ Сибирь на житье (ст. 1617), а прочіе виды потопленія наказываются почти также, какъ и поджогъ: потопленіе обитаемыхъ строеній каторжной работой на 8—10 лѣтъ, потопленіе садовъ, луговъ и пр. тюремнымъ заключеніемъ или ссылкой въ Сибирь на житье. Потопленіе города, селенія и рудниковъ наказывается также усиленно, какъ и поджогъ. (Ст. 1618, 1619). Но при потопленіи не приведены съ особеннымъ значеніемъ церковь, дворецъ и проч., равно какъ и обстоятельства ночи, шайки, рецидива. Впрочемъ, о преступномъ потопленіи городовъ и селеній у насъ никогда не было слышно, да едва-ли оно и возможно въ большей части Россіи.

Только огонь можетъ истребить совершенно имущество; другими средствами буквально нельзя истребить имущества: топоромъ можно разрушить строеніе, но матеріалъ остается, можно изрѣзать платье, разбить зеркало Впрочемъ, въ сущности со стороны экономической это также истребленіе— разбросанные куски стекла или клочки платья, не составляютъ цѣнности. Уложеніе, придерживаясь буквальнаго значенія дѣйствій, только при огнѣ и газѣ говоритъ объ уничтоженіи, а въ прочихъ объ разрушеніи и поврежденіи.

Истребленіе чужаго недвижимаго имущества всѣми другими средствами кромѣ поджога, взрыва, и потопленія, напр. топоромъ или другими орудіями, наказывается тюремнымъ заключеніемъ или ссылкой въ Сибирь на житье, потому что эти способы не представляютъ большой опасности для жизни людей, ни возможности распространенія на другія имущества. Впрочемъ, здѣсь говорится только о такомъ разрушеніи, которое предпринято безъ намѣренія лишить кого либо жизни. Но засыпаніе землею и разрушеніе другими средствами рудниковъ наказывается также, какъ поджогъ и потопленіе ихъ, потому что по свойству этихъ сооруженій оно заключаетъ одинаковую опасность для жизни (ст. 1621).

Повреждение движимостей этими же средствами наказывается денежнымъ штрафомъ до 25 руб., конечно, сверхъ вознагражденія владѣльца за убытки (Мир. Уст. ст. 152). Сюда же относится и повреждение канавъ и изгородей. Но истребленіе и повреждение (убой и увѣчье) чужихъ животныхъ наказывается строже: арестомъ до 1 мѣсяца и денежнымъ взысканіемъ до 100 рублей (Мир. Уст. ст. 153). Еще строже наказывается истребленіе чужихъ животныхъ посредствомъ отравы, такъ какъ этотъ способъ заключаетъ предумышленіе, особенную злость и особенную опасность, потому что можетъ поразить не только нѣсколькихъ животныхъ, принадлежащихъ извѣстному лицу, но и многихъ другихъ, и, наконецъ онъ заключаетъ даже опасность и для людей, если такія животныя будутъ по недосмотру употреблены въ пищу. Ст. 1624: „За отправленіе съ умысломъ чужаго скота или другихъ домашнихъ животныхъ, или же рыбы въ прудахъ и рѣкахъ, виновные подвергаются или заключенію въ смирительномъ домѣ до 4 мѣсяцевъ, или аресту до 3 мѣсяцевъ, или домашнему взысканію до 20 руб.

Другой способъ истребленія животныхъ, аналогическій съ отравою — сообщеніе заразительной болѣзни, считается опаснѣе, потому что болѣзнь легко можетъ перейти къ животнымъ цѣлаго околодка. „Кто нарочно и съ умысломъ сообщитъ заразительную болѣзнь чужому скоту, или же употребитъ какое либо средство для отравленія корма чужаго скота, тотъ, въ случаѣ, если зараза или смертность отъ сего въ самомъ дѣлѣ распространилась, подвергается заключенію въ смирительномъ домѣ до 2 лѣтъ а если болѣзнь не распространилась, то аресту отъ 3 недѣль до 3 мѣсяцевъ" (ст. 1623). Эта статья во многомъ темна и притомъ заключаетъ противорѣчіе съ приведенной 1624-й статьей. Во-первыхъ, къ чему выраженіе „съ умысломъ", когда неумышленныя дѣянія не наказываются, притомъ сверхъ этого выраженія поставлено еще другое „нарочно", какъ будто можно сдѣлать съ умысломъ и не нарочно. Далѣе, въ ней говорится о „скотѣ", тогда какъ въ 1624 ст., сверхъ того, и о другихъ домашнихъ животныхъ, слѣдовательно, подъ 1623 ст. подходятъ только лошади, рогатый скотъ, свиньи, но не домашнія птицы. Въ этой статьѣ, сверхъ сообщенія заразительной болѣзни, помѣщено и отравленіе корма чужаго скота. Здѣсь, во-первыхъ, недомолвка, почему только кормъ, а не пойло? Далѣе: отравленіе корма есть одинъ изъ способовъ отравленія вообще, даже почти единственный. Почему же о немъ говорится два раза именно въ ст. 1623—объ отравленіи корма, а въ ст. 1624—объ отравленіи вообще, и наказанія положены различныя?

Письменные акты или документы имѣютъ особенное положеніе въ ряду движимостей: истребленіе и повреждение ихъ наказывается заключеніемъ въ тюрьмѣ до 4 мѣсяцевъ, арестомъ до 3 недѣль или денежнымъ

взысканіемъ до 100 рублей. Но когда такое дѣйствіе учинено для доставленія себѣ или кому другому противозаконной выгоды, то виновный наказывается какъ за квалифицированную кражу ссылкой въ Сибирь на поселеніе или ссылкой на житье. Этотъ второй случай выходитъ изъ разряда истребленія имущества, потому что цѣль его не только нанесеніе ущерба, но и пріобрѣтеніе себѣ выгоды. Такъ напр, если кто истребитъ вексель, данный имъ другому лицу, найдя его на столѣ кредитора и, бросивъ въ печь, то этимъ самымъ онъ освобождаетъ себя отъ платежа долга, т. е. пріобрѣтаетъ въ свою пользу сумму долга, или если сынъ, найдя завѣщаніе умершаго отца, написанное въ пользу другаго лица, разрыветъ его, то этимъ самымъ дѣйствіемъ онъ дѣлается наслѣдникомъ, и пріобрѣтаетъ себѣ состояніе.

ГЛАВА XXVIII.

НАСИЛЬСТВЕННОЕ ПОХИЩЕНІЕ И ЗАВЛАДѢНІЕ ИМУЩЕСТВОМЪ.

Различіе разбоя отъ грабежа. Обстоятельства отягчающія вину при разбоѣ и грабежѣ: мѣсто—церкви, пути сообщенія; способъ—шайка, нападеніе на обитаемое зданіе; предумышленіе; рецидивъ; время—во время пожара и другихъ бѣдствій, ночью; соединеніе съ преступленіемъ убійства и нанесенія ранъ; предметъ ограбленія—почта и транспорты. Опредѣленіе втораго вида грабежа, его самостоятельность и независимость отъ условій отягченія наказаній, существующихъ при первомъ. Самоуправство и отличіе его отъ грабежа. Насильственное завладѣніе чужимъ недвижимымъ имуществомъ.

Второй видъ преступленій противъ имущества — похищеніе его, т. е. присвоеніе его себѣ хищническимъ образомъ. Это похищеніе распадается на двѣ главныя группы: похищеніе съ насиліемъ, куда относится разбой и грабежъ, похищеніе безъ насилія—кража и мошенничество. Преступленіе насилія измѣняетъ значеніе преступленія похищенія; оно въ этомъ случаѣ является и преступленіемъ противъ имущества и противъ личности, въ немъ видно несравненно большая степень дерзости, чѣмъ при тайномъ похищеніи.

Похищеніе съ насиліемъ раздѣлено въ Уложеніи на разбой и грабежъ но различіе между ними искусственное, такъ что было бы болѣе практичнымъ соединить ихъ въ одно преступленіе, причемъ то, что называется грабежомъ являлось бы низшимъ видомъ разбоя. И по наказаніямъ эти преступленія совершенно сходны, разница только въ степеняхъ: высшіе виды грабежа наказываются какъ средніе виды разбоя, средніе виды грабижа, какъ низшіе виды разбоя.

Ст, 1627: „Разбоемъ признается всякое на кого либо, для похищенія принадлежащаго ему или находящагося у него имущества, нападеніе, когда оное учинено открытою силою съ оружіемъ, или хотя и безъ оружія, но сопровождалось или убійствомъ или покушеніемъ на оное, или же нанесеніемъ увѣчья, ранъ, или другихъ тѣлесныхъ истязаній, или такого рода угрозами или иными дѣйствіями, отъ которыхъ представлялась явная опасность для жизни, здравія или свободы лица или лицъ, подвергшихся нападенію."

Въ этомъ длинномъ опредѣленіи много излишняго: нанесеніе смерти, хотя и безъ прямаго намѣренія, а также увѣчья и ранъ составляетъ, какъ видно изъ 1632 и 1634 ст., отягчающія обстоятельства при разбоѣ, а не нормальное его качество; притомъ, если тяжкія угрозы дѣлаютъ похищеніе разбоемъ, то ясно, что нанесеніе раны, а тѣмъ болѣе убійство, какъ осуществленіе этихъ угрозъ, не только дѣлаютъ похищеніе разбоемъ, но притомъ усиленнымъ. Затѣмъ, для опредѣленія нормальнаго разбоя относятся слѣдующіе элементы: 1) открытое нападеніе; 2) оружіе или угрозы, а тѣмъ болѣе дѣйствія, на жизнь, здоровье или свободу.

Ст. 1637: „Грабежемъ признается: во-первыхъ, всякое у кого либо отнятіе принадлежащаго ему или же находящагося у него имущества, съ насиліемъ или даже угрозами, но такого рода, что сіи угрозы и самое насильственное дѣйствіе не представляли опасности ни для жизни, ни для здравія, или свободы того лица, во-вторыхъ, всякое, хотя безъ угрозъ и насилія, но открытое похищеніе какого либо имущества въ присутствіи самаго хозяина или другихъ людей".

Сравнивая это опредѣленіе съ опредѣленіемъ разбоя мы находимъ слѣдующее различіе: 1) грабежъ состоитъ „въ отнятіи имущества съ насиліемъ", а разбой въ „нападеніи открытой силой для похищенія имущества". Но насильственное отнятіе тоже нападеніе открытой силой; различіе можетъ заключаться только въ размѣрѣ нападенія; притомъ же и при грабежѣ Уложеніе, какъ видно изъ ст. 1639: („за грабежъ... съ открытымъ нападеніемъ на домъ...") не исключаетъ нападенія въ прямомъ смыслѣ слова. 2) въ разбоѣ необходимо, чтобы нападеніе сопровождалось, по крайней мѣрѣ угрозами на жизнь, свободу, здоровье, или насильственными дѣйствіями, или чтобы нападающій былъ вооруженъ; въ грабежѣ также бываютъ угрозы и насильственныя дѣйствія, но меньшей важности, именно, такого рода, „что они не представляли опасности ни для жизни, ни для здоровья, ни для свободы лица". Мы понимаемъ дѣйствія такого рода, — напр., если повалили человѣка, и сняли съ него шубу или вынули кошелекъ;—но трудно себѣ представить угрозы, которыя бы не представляли опасности для жизни, здоровья или свободы;

если нападающій не грозитъ ни убійствомъ, ни даже побоями (это также опасность для здоровья), то чѣмъ же онъ другимъ можетъ грозить? Развѣ, если онъ опредѣлительно грозитъ легкими побоями. Но вообще, существенное условіе грабежа, чтобъ угрозы были обращены къ личности самаго ограбленнаго *).

---

*) Кассац. 1867 г. № 135.

Кассац. 1868 г. № 128: „Существенные признаки, отличающіе разбой отъ грабежа, и исчисленные въ 1627 ст. Улож. заключаются въ нападеніи съ оружіемъ, или хотя безъ онаго, но когда оно сопровождалось смертію, увѣчьями, ранами, побоями, истязаніями, или такого рода угрозами или иными дѣйствіями, отъ которыхъ представлялась явная опасность для жизни, здравія и свободы лицъ, подвергшихся нападенію. Хотя нападеніе съ насиліемъ есть признакъ и грабежа (ст. 1637, 1642), но насиліе это должно быть такого рода, чтобы отъ онаго не представлялось опасности для жизни, здравія и свободы подвергающихся нападенію. Когда обвиненіе заключается въ нападеніи съ оружіемъ, или же когда оно сопровождалось нанесеніемъ увѣчій, истязаній или побоевъ и ранъ тяжкихъ, тогда не можетъ возникнуть сомнѣнія о томъ, къ разбою или грабежу должно быть причислено нападеніе. Но при нападеніи безъ оружія, если оно сопровождалось нанесеніемъ побоевъ и ранъ легкихъ, разрѣшеніе вопроса о свойствѣ преступленія совершенно зависитъ отъ того, угрожало ли самое нападеніе опасностью для жизни, здоровья или свободы подвергающихся нападенію. На этомъ основаніи и ударъ, нанесенный кому либо при отнятіи имущества, если онъ ни самъ по себѣ не имѣлъ вліянія на здоровье, ни пріемы нападающаго не угрожали опасностью для жизни его, здоровья или свободы, составляетъ признакъ не разбоя, а грабежа.

Кассац. 1869. № 569: «Законъ признаетъ разбой однимъ изъ видовъ похищенія чужаго имущества (1626 ст. Улож. о наказ.), и различаетъ его отъ грабежа, какъ это видно изъ сопоставленія 1627 съ 1637 ст. того же Уложенія, только важностью или опасностью причиненныхъ или угрожавшихъ жертвамъ преступленія насильственныхъ дѣйствій; хотя въ силу 1627 ст. разбоемъ и признается всякое на кого либо, для похищенія принадлежащаго ему имущества, но такая разница въ редакціи не измѣняетъ сущности вещей, а ведетъ лишь къ заключенію, что законъ налъ каждое изъ сихъ преступленій характеризуетъ важнѣйшимъ его моментомъ, каковымъ при разбоѣ, безспорно, представляется угрожающее жизни и доходящее даже до убійства нападеніе, а при грабежѣ—открытое похищеніе собственности.»

Кассац. 1869. № 1099: «Нѣтъ сомнѣнія, что не всякіе побои и раны придаютъ нападенію характеръ разбоя, а только побои и раны, подходящіе подъ общій признакъ насильственныхъ дѣйствій, свойственныхъ разбою, т. е. побои и раны, угрожающіе явною опасностію для здравія. Поэтому въ сомнительныхъ случаяхъ необходимо предлагать присяжнымъ вопросъ о томъ, представлялась ли отъ побоевъ или ранъ явная опасность для жизни или здоровья подвергшагося нападенію лица. Но когда въ главномъ вопросѣ уже опредѣлено, что нападеніе сопровождалась нанесеніемъ увѣчья, истязаній или побоевъ и ранъ тяжкихъ, тогда нѣтъ уже никакой надобности въ предложеніи дополнительнаго вопроса о важности или свойствѣ насильственныхъ дѣйствій.»

Обстоятельство вооруженія наглядно отличаетъ разбой отъ грабежа: всякій, похитившій вещь съ насиліемъ, если онъ былъ вооруженъ, чинитъ не грабежъ, а разбой, хотя бы онъ не употреблялъ оружія даже для угрозъ (Ст. 1641). Впрочемъ, если онъ не грозилъ этимъ оружіемъ, то хотя Уложеніе и говоритъ, что это также разбой, но наказаніе полагаетъ какъ за грабежъ. Вооруженіе понимается здѣсь въ смыслѣ тѣсномъ, именно—оружія огнестрѣльнаго или холоднаго. Это прямо слѣдуетъ изъ 1643 ст.; въ ней говорится о второмъ видѣ грабежа, сравненномъ по наказаніямъ съ усиленной кражей: „за грабежъ, учиненный... такимъ человѣкомъ, который не имѣлъ при себѣ не только оружія, *но и никакого иного орудія*, коимъ онъ могъ бы устрашить подвергающагося нападенію..." Слѣдовательно, присутствіе орудія, могущаго устрашить, напр. большой палки не дѣлаетъ само по себѣ преступленіе разбоемъ; оно можетъ остаться грабежемъ, если другія обстоятельства не выводятъ его изъ этого круга. Насиліе и угрозы составляютъ существенную черту отличія разбоя и грабежа отъ кражи; но преступленіе существенно состоитъ въ отнятіи имущества; если имущество не было еще отнято, то каково бы ни было насиліе, фактъ будетъ только покушеніемъ на разбой или грабежъ. (Кассац. 1868 г., № 673; 1868 г., № 178).

О второмъ видѣ грабежа будемъ говорить отдѣльно.

Наказаніе за разбой, безъ особенныхъ отягтяющихъ обстоятельствъ— каторжная работа на 6 — 8 лѣтъ; а за грабежъ на 4 — 6 лѣтъ, или ссылка въ Сибирь на поселеніе въ отдаленныхъ мѣстахъ (Ст. 1631, 1642). Если разбой учиненъ съ обдуманнымъ зиранѣе намѣреніемъ, то наказаніе возвышается на одну степень. Трудно себѣ представить разбой безъ обдуманнаго намѣренія и, наконецъ, почему это обстоятельство стоитъ съ особеннымъ значеніемъ при разбоѣ, а при грабежѣ не упоминается?

Отягчающія обстоятельства для разбоя и грабежа отчасти одни и тѣже, отчасти различныя.

Въ разбоѣ Уложеніе признаетъ отягчающими обстоятельствами вопервыхъ мѣсто, во вторыхъ совершеніе его шайкой, въ третьихъ особенныя тяжкія насилія, въ четвертыхъ рецедивъ. Слѣдующія мѣста различаются: церковь, жилище, сухопутныя и водяныя сообщенія. Разбой въ церкви наказывается каторжной работой безъ срока, хотя бы при томъ и не было святотатства, т. е. еслибы нападеніе для похищенія сдѣлано было на людей, бывшихъ въ церкви (ст. 1628). За грабежъ въ церкви положено наказаніе тремя степенями ниже.

Въ главѣ о святотатствѣ находится статья, описывающая аналогическое преступленіе, именно 220: „За ограбленіе церкви однимъ или нѣ-

сколькими, съ насиліемъ ворвавшимися въ оную людьми, хотя бы при томъ и не было смертоубійства и не сдѣлано никому увѣчья, виновные подвергаются каторжной работѣ на 12 — 15 лѣтъ". Описанное здѣсь преступленіе можетъ быть и разбоемъ, потому что для бытія разбоя нѣтъ необходимости въ нанесеніи увѣчья или причиненія смерти, достаточно чтобы нападеніе было съ оружіемъ или сопровождалось важными насиліями или угрозами, чего вовсе не исключаетъ 220 статья; оно можетъ быть и грабежемъ, если насиліе и угрозы были маловажны и у виновнаго не было оружія. Но почему же разница въ наказаніи: если ограбленіе церкви будетъ имѣть признаки разбоя, то наказаніе по 220 статьѣ выходитъ гораздо мягче, чѣмъ по 1629. а если признаки грабежа, то строже, чѣмъ по 1638 статьѣ. Между 220 ст. съ одной стороны и 1628 и 1638 съ другой та разница, что въ первой говорится объ ограбленіи церкви, т. е. вещей, въ томъ числѣ и священныхъ, денегъ, принадлежащихъ церкви, а въ двухъ послѣднихъ — о похищеніи у лицъ, находившихся въ церкви, имъ принадлежащаго имущества. Но обстоятельство принадлежности предмета церкви по духу нашего законодательства составляетъ отягченіе, что выходитъ по сравненію 220 ст. съ 1639-ой, опредѣляющей грабежъ, —но чего не выходитъ по сравненію ея съ 1628, опредѣляющей разбой.

Вторую категорію мѣстъ составляетъ домъ или иное обитаемое зданіе или селеніе: „За разбой съ нападеніемъ на домъ или иное обитаемое зданіе или цѣлое селеніе, виновные приговариваются къ каторжной работѣ на 10—12 лѣтъ" (ст. 1629), т. е. степенью выше противъ обыкновеннаго предумышленнаго разбоя. Текстъ этой статьи показываетъ, что здѣсь не мѣсто важно, а размѣръ разбоя: нападеніе на домъ, на цѣлое селеніе. Такъ что слѣдовало бы заключать, что разбой въ домѣ безъ нападенія на него, напр. когда разбойникъ вошелъ въ открытыя двери, не подходитъ подъ эту статью. Между тѣмъ въ 1631 ст. гдѣ опредѣленъ простой разбой, сказано: „когда разбой учиненъ *не въ домѣ...*" Слѣдовательно, разбой въ домѣ, хотя и безъ нападенія, какъ выходитъ отсюда, составляетъ не простой, а квалифицированный разбой. Но мы полагаемъ, что выраженіе „не въ домѣ" только неудачное сокращеніе другого: не съ нападеніемъ на домъ. Разбой въ домѣ не представляетъ особенной дерзости. Но разбой съ нападеніемъ на домъ или селеніе переноситъ насъ во времена минувшія, когда разбойничьи шайки вели открытую войну съ обществомъ, когда онѣ не отступали предъ сопротивленіемъ цѣлаго селенія. Но сенатъ призналъ, что смыслъ закона— приравненіе разбоя въ домѣ разбою съ нападеніемъ на домъ *).

*) Кассац. 1870 г., № 334: „Хотя 1629 ст, говоритъ не о разбоѣ въ домѣ, а о нападеніи на домъ, но изъ сопоставленія текста 1629 ст. съ на-

Въ грабежѣ обстоятельство мѣста, т. е. учиненіе его на путяхъ сообщенія, составляетъ отягченіе только при второмъ его видѣ, а не при первомъ. Объяснить это ограниченіе ничѣмъ нельзя.

Если разбой былъ учиненъ шайкой, то главные преступники подвергаются каторжной работѣ на 12—15 лѣтъ, а прочіе на 10—12 лѣтъ (ст. 1633). Изъ сравненія этого постановленія съ предшествовавшими видно, что обстоятельство шайки имѣетъ не одинаковый результатъ для разныхъ видовъ разбоя: при разбоѣ въ церкви оно не имѣетъ значенія, потому что за эти виды и безъ того положена высшая степень каторжной работы; а при другихъ видахъ разбоя въ одномъ случаѣ оно увеличиваетъ наказаніе на одну, двѣ и даже три степени. Обстоятельство шайки имѣетъ важное значеніе и при грабежѣ, но только тогда, когда было нападеніе на обитаемое зданіе: главные преступники подвергаются каторжной работѣ на 10—12 лѣтъ, прочіе на 8—10 лѣтъ (Ст. 1639).

Наказаніе за разбой всѣхъ видовъ возвышается на одну степень (кромѣ разбоя въ церкви, за который положена самая высшая степень каторжной работы), если при этомъ нанесены были увѣчья, раны или другія истязанія (ст. 1631). По общему началу, выраженному въ 152 ст. о стеченіи преступленій, слѣдовало бы положить въ такомъ случаѣ только высшую мѣру, опредѣленнаго за извѣстный видъ разбоя наказанія.

„За разбой, соединенный съ смертоубійствомъ, хотя и безъ прямого на оное намѣреніе, или съ покушеніемъ на убійство“ слѣдуетъ каторжная работа на 8—12 лѣтъ (ст. 1634).

Здѣсь выходится странная несообразность. Убійство, даже и безъ прямаго на оное намѣреніе, наказывается строже, чѣмъ нанесеніе ранъ и другихъ телѣсныхъ поврежденій. Изъ соображенія же приведенныхъ статей выходитъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ разбой, сопровождавшійся нанесеніемъ ранъ, будетъ наказанъ строже того, который соединенъ съ смертоубійствомъ.

Такъ напр., если при разбоѣ съ нападеніемъ на домъ были нанесены раны, то, на основаніи 1632 ст., наказаніе должно быть возвышено на одну степень, т. е. вмѣсто каторжной работы на 10—12 лѣтъ должна быть опредѣлена та же работа на 12—15 лѣтъ. А если этотъ же самый разбой сопровождался смертоубійствомъ или покушеніемъ на убійство, то наказаніе не повышается вовсе.

Естественно, что при грабежѣ не можетъ быть отягчающаго обстоятельства — нанесенія тяжелыхъ ранъ и пр., потому что такое дѣйствіе прямо дѣлаетъ насильственное похищеніе разбоемъ.

чальными словами 1631 ст. „Когда разбой учиненъ не въ домѣ...“ видно, что разбой внутри дома приравнивается закономъ къ разбою съ нападеніемъ на домъ.»

[illegible]

[illegible] имѣетъ [illegible] значеніе въ разбоѣ: за всѣ виды его при повтореніи слѣдуетъ каторжная работа безъ срока (ст. [illegible]). По Уст. о ссыльныхъ, [illegible] для всѣхъ разрядовъ изъ [illegible] безсрочная работа при учиненіи преступленія [illegible] разбоя (Уст. о ссыл. ст. [illegible]). Притомъ же это постановленіе о наказаніи за повтореніе разбоя имѣетъ примѣненіе и въ томъ случаѣ, когда каторжный перейдетъ въ разрядъ ссыльнопоселенцевъ и даже въ разрядъ государственныхъ крестьянъ.

При грабежѣ рецидивъ не имѣетъ особеннаго значенія. Но наоборотъ, одно обстоятельство, не имѣющее значенія при разбоѣ, служитъ отягченіемъ наказанія при грабежѣ, именно: за грабежъ во время пожара, наводненія или при иномъ несчастномъ случаѣ возлагается каторжная работа за 6—8 лѣтъ, т. е. на одну или двѣ степени выше, чѣмъ за простой грабежъ. Надобно полагать, что это относится именно къ тому случаю, когда ограбленъ будетъ потерпѣвшій отъ пожара или наводненія, а не тѣ лица, которыя случайно находились при пожарѣ, потому что здѣсь отягченіе имѣетъ тотъ смыслъ, что лицо и безъ того терпитъ бѣдствіе, слѣдовательно, ограбленіе его обнаруживаетъ особенную безнравственность.

Ст. 1641 говоритъ, что „Если учинившій грабежъ былъ вооруженъ, хотя и не употреблялъ оружія, даже и для угрозъ ограбленному, то дѣяніе его признается однимъ изъ видовъ разбоя; однако, наказаніе положено степенью ниже того, которое слѣдуетъ за простой разбой, т. е. каторжная работа 4—6 лѣтъ. Эта неточность 1641 ст. не безъ значенія. Если напр. ограбившіе церковь были вооружены, но не употребляли оружія, и притомъ не произвели важныхъ насильственныхъ дѣйствій, то при признаніи этого обстоятельства за разбой ихъ слѣдуетъ приговорить къ каторжной работѣ безъ срока; а если считать выраженіе „признается однимъ изъ видовъ разбоя“ только за украшеніе, то они подвергнутся каторжной работѣ на 8—10 или 10—12 лѣтъ. Конечно, странно встрѣтить въ уголовномъ кодексѣ вышеприведенное выраженіе, въ которомъ говорится о техническомъ понятіи, какъ объ украшеніи, но противнаго допустить нельзя: если то обстоятельство, что грабитель имѣлъ оружіе, хотя не употреблялъ его даже для угрозъ, составляетъ буквально одинъ изъ

видовъ разбоя, какъ говоритъ объ этомъ 1641 ст., то почему же этотъ случай не былъ поставленъ въ отдѣлѣ о разбоѣ?

Переходимъ ко второму виду грабежа. Онъ описанъ такимъ образомъ: „всякое, хотя безъ угрозъ и насилія, но открытое похищеніе какого либо имущества въ присутствіи хозяина или другихъ людей". Въ этомъ случаѣ хотя нѣтъ насилія физическаго, но существуетъ все таки моральное: если при мнѣ, хозяинѣ, подходитъ человѣкъ и открыто беретъ мою вещь, этимъ онъ пряко показываетъ, что мое сопротивленіе, даже призывъ на помощь, вызоветъ съ его стороны насиліе; здѣсь угроза заключается въ самомъ характерѣ дѣйствія. Что касается до присутствія при похищеніи не хозяина, а другихъ людей, то надобно полагать, что это дѣйствіе будетъ грабежемъ только въ томъ случаѣ, когда они знали, что вещь принадлежитъ не тому, кто ее явно беретъ, и притомъ, когда это похищеніе дѣлается съ такою обстановкою, которая производитъ на нихъ страхъ, показываетъ имъ, что всякое ихъ вмѣшательство будетъ имъ стоить дорого. Если напр. кто нибудь войдетъ въ вагонъ желѣзной дороги и въ присутствіи одного изъ пасажировъ беретъ саквояжъ другого, вышедшаго въ это время на платформу, беретъ съ такимъ естественнымъ видомъ, какъ хозяинъ, и если притомъ этотъ пасажиръ не зналъ, что саквояжъ принадлежитъ не этому лицу, если поэтому онъ не чувствовалъ никакого страха, считалъ, что взявшій дѣйствительно хозяинъ этой вещи или дѣйствуетъ по порученію хозяина, то здѣсь кража, а не грабежъ (Кассац. 1869 г. № 877).

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что похищеніе вещи въ присутствіи хозяина соннаго, пьянаго, находящагося въ безпамятствѣ составляетъ кражу, а не грабежъ, потому что онъ не чувствуетъ моральнаго насилія. Равнымъ образомъ если вещь похищается хотя и въ присутствіи хозяина, но когда онъ не видитъ этого, такъ какъ смотрѣлъ въ другую сторону, или похититель такъ ловко и непринужденно беретъ чужую вещь, напр. сигарочницу со стола, что хозяинъ полагаетъ, что онъ взялъ свою, то это также будетъ кража, а не грабежъ *).

*) Кассац. 1868 г. № 178: «Вопросъ о томъ, составляетъ ли насиліе такой признакъ грабежа, что при отсутствіи его, само преступленіе необходимо признать кражею, разрѣшается ст. 1637 Улож., изъ коей видно, что наше законодательство различаетъ два вида грабежа: первый съ насиліемъ и угрозами, но такого рода, что сіи угрозы и самое насильственное дѣйствіе не представляли опасности ни для жизни, ни для здоровья или свободы ограбленнаго, и второй безъ угрозъ и насилія; существенный же признакъ какъ перваго, такъ и втораго рода грабежа составляетъ то, чтобы похищеніе было въ присутствіи самого хозяина и чтобы притомъ онъ вполнѣ сознавалъ, что лицо, отнимающее у него имущество, не имѣетъ на владѣніе имъ никакого законнаго права, и уступалъ только предъ насиліемъ или предъ возможностью онаго.»

Тоже самое слѣдуетъ сказать и о похищеніи, хотя и сопровождавшемся насиліемъ, но когда насиліе составляло въ глазахъ потерпѣвшаго самостоятельное дѣяніе, а похищеніе при этомъ произведено тайно*).

Ст. 1643, послѣдняя въ отдѣлѣ грабежа, говоритъ: „За грабежъ, учиненный безъ насилія и угрозъ такимъ человѣкомъ, который не имѣлъ при себѣ не только оружія, но и никакого инаго орудія, коимъ онъ могъ бы устрашить подвергшагося нападенію, виновный приговаривается къ ссылкѣ на житье въ Сибирь по 3-й степени. Это наказаніе возвышается одною степенью, когда грабежъ учиненъ на улицѣ или иномъ пути сообщенія и двумя степенями, когда ночью, т. е. виновный въ послѣднемъ случаѣ подвергается ссылкѣ на житье по 1 степени, „а когда въ немъ участвовало нѣсколько человѣкъ, хотя и не сговорившихся заранѣе и не составлявшихъ настоящей шайки", то оно возвышается еще на одну степень, т. е. виновные подвергаются ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе.

Грабежъ, обозначенный въ 1643 ст., стоитъ отдѣльно отъ другихъ видовъ того же преступленія; онъ различается рѣзко не только по наказаніямъ, но и по обстоятельствамъ, увеличивающимъ вину. Несомнѣнно, что въ этой статьѣ говорится о томъ самомъ грабежѣ, который опредѣленъ во второмъ отдѣлѣ 1637 статьи. Въ описаніи есть, правда, различіе: во второй половинѣ 1637 ст. сказано, какъ мы видѣли: „всякое, хотя безъ угрозъ и насилія, но открытое похищеніе какого либо имущества въ присутствіи хозяина или другихъ людей", а въ 1643 удержаны два первыя выраженія „безъ насилія и угрозъ", а остальныя отброшены, и вмѣсто ихъ поставлено, что грабитель не имѣетъ орудія, которымъ могъ бы устрашить. Не смотря на такую разницу въ выраженіи, это одинъ и тотъ же видъ, потому что существенный признакъ его, „безъ насилія и угрозъ", одинаково стоитъ и въ той и въ другой статьѣ, а различіе другихъ выраженій не имѣетъ значенія. Въ одномъ случаѣ ска-

---

*) Кассац. 1869, № 327. Похитители затѣяли драку и во время ея утащили кошель незамѣтно для хозяина. «Хотя такимъ образомъ, говоритъ Сенатъ, подсудимые и употребили ссору и драку какъ средство для совершенія задуманнаго ими похищенія чужаго имущества, но это, такъ сказать, побочное насиліе само по себѣ не составляетъ еще преступленія, называемаго грабежемъ, ибо существенный признакъ грабежа состоитъ въ отнятіи вещи или имущества у хозяина его съ насиліемъ или съ угрозами; между тѣмъ въ настоящемъ случаѣ ни мировой судья, ни съѣздъ не нашли такого признака въ совершенномъ подсудимыми похищеніи, признавъ только, что оно исполнено ими *во время* происходившей драки, но чтобы при этомъ имущество было отнято у хозяина его насильственно или даже при угрозахъ, того мировыя судебныя установленія не признали. Такимъ образомъ по выведеннымъ мировыми судьею и съѣздомъ фактамъ, съѣздъ правильно опредѣлилъ свойства преступленія подсудимыхъ, призвавъ оное кражею.»

зано: „открытое похищеніе въ присутствіи хозяина или другихъ людей", но еслибъ оно не было открытымъ похищеніемъ, то не было бы и грабежемъ; когда нѣтъ насилія или возможности его и похищеніе произведено тайно,то это кража. Въ другомъ случаѣ, ст. 1643, сказано послѣ тѣхъ же выраженій: „безъ насилія и угрозъ", что грабитель не имѣлъ орудія, которымъ могъ бы устрашить; но присутствіе орудія и сдѣлало бы похищеніе грабежемъ перваго разряда, описаннымъ въ первой части 1637 ст., потому что оно составляетъ угрозу для здоровья.

Такое разрѣшеніе этого вопроса очень важно въ слѣдующемъ отношеніи: оно даетъ намъ право заключать, что къ грабежу, описанному во второй части 1637 ст., не прилагаются отягчающія обстоятельства церкви и во время пожара; т. е., если бы кто нибудь, находясь въ церкви, взялъ открыто, въ присутствіи хозяина, вещь его, безъ угрозъ и насилія, то онъ будетъ наказанъ, по ст. 1643 ст., ссылкой на житье въ Сибирь, а не по 1638 ст. каторжной работой на 10—12 лѣтъ.

Сказанное нами подтверждается тѣмъ, что послѣ описанія грабежа въ церкви, при несчастномъ случаѣ, съ нападеніемъ на жилище, слѣдуетъ ст. 1642, въ которой сказано: „За грабежъ, хотя и безъ тѣхъ увеличивающихъ обстоятельствъ, о коихъ упоминается въ предшедшихъ 1638—1641 ст., *но соединенный* съ насиліемъ или угрозами..." Отсюда мы можемъ прямо заключить, что въ этихъ 1638—1641 ст. говорилось также о грабежѣ съ насиліемъ или угрозами, — такъ что обстоятельства похищенія въ церкви, при несчастномъ случаѣ и пр., только прибавочныя, „увеличивающія вину", къ коренному „съ насиліемъ и угрозами".

При этомъ толкованіи нѣкоторое затрудненіе представляетъ послѣдняя, приведенная нами въ подлинникѣ, часть 1643 ст., именно о томъ что грабежъ, означенный въ ней, наказывается ссылкой на поселеніе когда въ немъ участвовало нѣсколько человѣкъ, „хотя и не сговорившихся заранѣе и не составлявшихъ настоящей шайки". При этомъ естественно возникаетъ вопросъ: а если они составляли шайку, то какъ же они наказываются: не по 1639 ли статьѣ, гдѣ опредѣленъ грабежъ шайкою? Слѣдовательно, и всѣ другія обстоятельства, какъ-то: въ церкви и пр., приложимы къ грабежу, описанному въ 1643 статьѣ? Но это обстоятельство, хотя и затемняющее дѣло, не можетъ опровергнуть принятаго нами толкованія. Во-первыхъ, выраженіе: „хотя и не сговорившихся между собою на сіе заранѣе и не составлявшихъ настоящей шайки", вовсе не исключаетъ того, что этому же наказанію, т. е. ссылкѣ на поселеніе, а не другому какому либо, подвергаются и тѣ, которые составляли шайку при грабежѣ, описанномъ въ 1643 ст.; „хотя бы" означаетъ, что одно существованіе общества грабителей подвергаетъ участниковъ ссылкѣ на поселеніе, опредѣляетъ наказаніе за меньшую степень, соединенія, но тѣмъ самымъ

не показываетъ, что высшая изъята изъ дѣйствія этой статьи. Такъ слѣдуетъ логически, такъ обыкновенно и употребляетъ подобныя выраженія Уложеніе. Притомъ же въ 1639 ст. говорится не объ одномъ только грабежѣ шайкою, но также и съ нападеніемъ на жилище; а нападеніе есть насиліе, слѣдовательно, грабежъ, означенный въ 1643 ст., не можетъ сюда подходить, потому что онъ безъ насилія.

Наказанія.	Разбой.	Грабежъ.
1, Каторжн. раб. безъ срока.	Въ церкви. Всякаго рода во 2-й разъ.	0
2. » » 12—15 лѣтъ.	Шайкою — для начальниковъ. Съ нападеніемъ на обитаемое зданіе и нанесеніемъ ранъ.	Въ церкви шайкою.
3. » » 10—12 »	Шайкою—для участниковъ. Съ нападеніемъ на обитаемое зданіе. На путяхъ сообщенія, съ нанесеніемъ ранъ или съ ограбленіемъ почты.	Въ церкви. Шайкою съ нападеніемъ на обитаемое зданіе—для начальниковъ.
4. » » 8—10 »	На путяхъ сообщенія. Почта и транспорты. Безъ этихъ обстоятельствъ, но съ обдуманнымъ намѣреніемъ.	Шайкою съ нападеніемъ на обитаемое зданіе—для участниковъ.
5. » » 6—8 »	Безъ обдуманнаго намѣренія.	Во время пожара.
6. » » 4—6 »		} Всякій грабежъ съ насиліемъ.
7. Ссылка въ Сибирь на поселеніе по 1 ст.		
8. Ссылка въ Сибирь на поселеніе по 2 ст.		Грабежъ безъ насилія—многими людьми.
9. Ссылка въ Сибирь на житье по 1 ст.		Грабежъ безъ насилія — ночью.
10. Тоже, по 2 ст.		Грабежъ безъ насилія—на путяхъ сообщенія.
11. Тоже, по 3 ст.		Грабежъ безъ насилія — безъ означенныхъ обстоятельствъ.

Отъ грабежа надобно отличать *самоуправство*. Оно можетъ состоять и во взятіи вещи съ насиліемъ, но при такой обстановкѣ, которая показываетъ, что учинившій или имѣлъ право на вещь, или, по крайней мѣрѣ, предполагалъ за собою это право. Такъ напр., крестьянинъ нерѣдко, не получая долга, срываетъ съ должника шапку. Положимъ даже, что его долговая претензія окажется неосновательной; но если они знали другъ друга, если вся обстановка дѣйствія показываетъ, что здѣсь идетъ дѣло только объ удовлетвореніи себя, хотя несправедливомъ, что здѣсь нѣтъ намѣренія скрыться отъ потерпѣвшаго,— тогда это не грабежъ, а самоуправство. Въ грабежѣ есть атмосфера, ему свойственная, въ самоуправствѣ—другая; подробныхъ признаковъ различія обозначать невозможно, именно потому, что различіе заключается во всей совокупности дѣянія. Или если хозяинъ постоялаго двора считаетъ, что постоялецъ не вполнѣ съ нимъ расплатился, отнимаетъ у него чемоданъ въ видѣ обезпеченія долга, — это опять не грабежъ, а самоуправство, хотя бы претензія его оказалась несправедливою: достаточно, чтобъ онъ считалъ за собою право, имѣлъ какое либо основаніе; наконецъ, онъ извѣстенъ потерпѣвшему, онъ не убѣгаетъ съ захваченнымъ,—все это показываетъ, что нѣтъ тяжкаго преступленія грабежа *).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ самоуправство даже дозволено закономъ: такъ, въ случаѣ потравы дозволено захватить животныхъ, и подвергается взысканію не захватившій, а хозяинъ животныхъ, если будетъ сопротивляться удержанію ихъ, или самовольно уведетъ ихъ (Мир. Уст. ст. 151).

За самоуправство, кромѣ, конечно, тѣхъ случаевъ, когда оно дозволено, полагается арестъ до 3-хъ мѣсяцевъ (Мир. Уст. ст. 142).

Къ самоуправству относится случай, обозначенный въ 1604 ст. Уложенія: „Кто насильственнымъ или инымъ образомъ, или даже и случайно, отгонитъ въ себѣ съ чужой земли часть чужаго стада или табуна, или гурта птицъ или иныхъ домашнихъ животныхъ... и не возвратитъ ихъ по первому требованію хозяина, тотъ, сверхъ обязанности вознаградить его за убытки, подвергается денежному взысканію не свыше 30 рублей". Здѣсь мы видимъ, что насиліе, насильственный угонъ сравнивается съ ненасильственнымъ, даже случайнымъ,—именно потому, что выраженіе: „и не возвратитъ... по первому требованію хозяина", показываетъ, что дѣло

---

*) Сенатъ, не вполнѣ ясно выразилъ отличіе грабежа отъ самоуправства: «.... существенными признаками этихъ обоихъ видовъ грабежа слѣдуетъ считать отнятіе имущества въ присутствіи его законнаго владѣльца, совершенное открыто и при томъ съ цѣлью похищенія. Этотъ послѣдній признакъ отличаетъ грабежъ отъ граничащаго съ нимъ самоуправства, которое тоже можетъ состоять въ отнятіи имущества, но во всякомъ случаѣ съ цѣлью похищенія онаго (Кассац. 1869, № 43).

происходитъ между сосѣдями. знающими другъ друга, и что поэтому таковой угонъ произошелъ вслѣдствіе считаемаго за собою права. Если же стадо, или одно животное, напр. лошадь, будутъ угнаны невѣдомымъ человѣкомъ, при другой обстановкѣ, когда не можетъ быть рѣчи о какомъ либо правѣ, о добровольномъ возвращеніи по требованію, то это будетъ грабежъ или кража.

Грабежъ и разбой могутъ быть только относительно движимостей; недвижимость, по природѣ своей, не можетъ быть насильственно похищена, — ее унести и скрыть нельзя. Въ отношеніи недвижимости можетъ быть, однако, насильственное дѣйствіе,—это Уложеніе называетъ *насильственнымъ завладѣніемъ чужимъ недвижимымъ имуществомъ*. Ст. 1601 опредѣляетъ это преступленіе такимъ образомъ: „Нападеніе съ насиліемъ на чужіе земли, домы, или иное какое либо недвижимое имущество, съ намѣреніемъ завладѣть оными, вслѣдствіе присвоиваемыхъ, или даже и законныхъ, но еще не признанныхъ окончательнымъ судебнымъ рѣшеніемъ правъ, или же подъ какимъ бы то ни было другимъ предлогомъ, особливо если самъ хозяинъ или владѣлецъ того имѣнія, или живущіе въ немъ... изъ онаго изгнаны“. Ясно, что это преступленіе противъ личности, нарушеніе неприкосновенности очага; имущественнаго преступленія въ собственномъ смыслѣ здѣсь не можетъ быть, потому что законный владѣлецъ будетъ немедленно возстановленъ въ своихъ правахъ полиціей или судомъ. Виновный здѣсь дѣйствуетъ по законному или предполагаемому только имъ своему праву на имущество. Но онъ не хочетъ дождаться окончательнаго судебнаго рѣшенія или даже вовсе не желаетъ обращаться къ суду для отысканія своихъ правъ, и прибѣгаетъ къ силѣ для вступленія во владѣніе, хотя бы только моментальное, а главная цѣль его—изгнать хозяина. Это преступленіе, со всѣми описываемыми въ законѣ подробностями, бывало нерѣдко въ старое время, когда власть общественная и судебная были слабы и завладѣніе силою могло безъ большаго труда перейти въ спокойное обладаніе.

Наказаніе за это преступленіе различается, смотря по тому были ли виновные вооружены или нѣтъ. Если они были вооружены или хотя и не вооружены, но нанесли побои или другія насилія, то главные изъ нихъ подвергаются ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе или на житье, участники—заключенію въ тюрьмѣ или въ смирительномъ до 2-хъ лѣтъ; во второмъ случаѣ для главныхъ виновныхъ назначено то же наказаніе, которое въ первомъ для участниковъ, а для прочихъ—заключеніе въ тюрьмѣ или арестъ.

Если при такомъ нападеніи были нанесены увѣчья или раны, то наказаніе полагается по совокупности преступленій; а если при этомъ было унесено какое либо движимое имущество, то виновные наказываются какъ

за разбой или грабежъ, или приговариваются къ строжайшему изъ наказаній, постановленныхъ за насильственное нападеніе, т. е. къ ссылкѣ на поселеніе, еслибы за грабежъ само по себѣ слѣдовало болѣе легкое наказаніе.

Истребленіе граничныхъ межъ и другихъ знаковъ съ намѣреніемъ присвоить чужое недвижимое имущество, или съ другой противозаконной цѣлью, наказывается денежнымъ штрафомъ или заключеніемъ въ тюрьмѣ до 8-ми мѣсяцевъ (ст. 1605).

ГЛАВА XXIX.

КРАЖА.

Элементы этого преступленія. Кража шайкою, со взломомъ, съ экипажей, съ оружіемъ; кража слугами и живущими въ домѣ, содержателями гостинницъ, между дѣтьми и родителями, и между супругами; похищеніе документовъ; значеніе цѣнности вещи при кражѣ; значеніе рецидива. Простая кража; обстоятельства увеличивающія наказаніе за нее. Обстоятельства уменьшающія наказаніе за кражу. Захваты. Охота. Порубка лѣса.

Ст. 1644; „Кражею называется всякое, какимъ бы то ни было образомъ, но въ тайнѣ, безъ насилія, угрозъ и вообще безъ принадлежащихъ къ свойству разбоя или грабежа обстоятельствъ, похищеніе чужихъ вещей, денегъ, или иного имущества."

Итакъ, законъ опредѣляетъ для бытія кражи: 1) положительное условіе—тайну,—это существенный элементъ кражи (Кассац. 1869, № 877) и, кромѣ того, отрицательное: это похищеніе должно быть безъ насилія, угрозъ и другихъ обстоятельствъ, составляющихъ свойства разбоя или грабежа. Очевидно, что это отрицательное добавленіе излишне: коль скоро были насилія или угрозы или, наконецъ, похищеніе въ присутствіи хозяина (2-й видъ грабежа), то это не было дѣйствіе тайное, а явное, слѣдоватнльно одного опредѣленія „тайное похищеніе" совершенно достаточно; 2) второе условіе для бытія кражи—похищеніе, и 3) чтобы похищенная вещь была чужая. Что слѣдуетъ разумѣть подъ похищеніемъ, — одинъ актъ наложенія руки на вещь, или передвиженіе ея, взятіе ея съ мѣста, гдѣ она находилась, или, наконецъ, уносъ ея, прерваніе всякой связи ея съ собственникомъ? Наложеніе руки будетъ только покушеніе на кражу,

но не дѣйствительной кражей; но взятіе вещи съ мѣста составляетъ дѣйствительное похищеніе: всѣ послѣдующія дѣйствія, напр. уходъ изъ дома, служатъ уже не для довершенія кражи, а для избѣжанія опасности быть пойманнымъ, для извлеченія пользы изъ украденнаго. Теорію уноса нельзя принять: при ней выходило бы, что слуга, взявшій бумажникъ съ деньгами господина и спрятавшій его въ свой сундукъ, не совершилъ кражи; или тотъ, кто находясь въ толпѣ, вынетъ деньги изъ кармана другого и положитъ въ свой, также не совершилъ кражи, пока остается на мѣстѣ, — что противно здравому смыслу.

Другое, болѣе важное, затрудненіе по этому пункту лежитъ въ разграниченіи похищенія отъ истребленія и поврежденія движимаго имущества.

Мы видѣли, что законъ дѣлаетъ изъ истребленія движимаго имущества огнемъ, взрывомъ или потопленіемъ особенное преступленіе, наказанія за которое отличаются отъ положенныхъ за кражу — онѣ выйдутъ иногда болѣе легкими, иногда болѣе тяжелыми, но во всякомъ случаѣ это не кража, на виновныхъ не лежитъ того безславія и тѣхъ политическихъ послѣдствій, которыя существуютъ для вора. Что касается до другихъ средствъ истребленія — разлома, разбитія, изорванія и пр., то наказаніе за нихъ только денежный штрафъ. Но въ этомъ вопросѣ мы встрѣчаемъ нѣкоторую разницу выраженій въ прежнемъ законѣ и въ новомъ. Прежній законъ, 2202 ст. Улож. изд. 1857 г., говорилъ объ „истребленіи и поврежденіи“ движимаго имущества, а новый, 152 ст. Мир. Уст., говоритъ только о поврежденіи. Очевидно, что это только недомолвка, весьма естественная, потому что истребить движимость очень трудно въ буквальномъ смыслѣ слова иначе, какъ огнемъ, взрывомъ, потопленіемъ. Изъ этого постановленія ясно, что законодатель въ кражѣ видитъ не одно только лишеніе собственника вещи, а также и то, чтобы такое похищеніе сдѣлано было съ корыстной цѣлью, lucri faciendi causa, съ цѣлью обратить ее въ собственность, обогатиться на счетъ другого.

Конечно, этому началу нельзя давать слишкомъ широкаго значенія. Кто похититъ деньги другого и отдастъ ихъ нищимъ или благотворительному учрежденію, также совершаетъ кражу: онъ здѣсь не только изъялъ вещь изъ владѣнія собственника, но и распорядился ею для доставленія выгоды другому. Но могутъ представиться случаи, гдѣ затрудненіе въ классификаціи акта возрастаетъ. Если напр., кто нибудь беретъ тайно у другого драгоцѣнную вещь, и бросаетъ ее въ воду,—что это: кража или истребленіе? По духу нашего закона этотъ вопросъ разрѣшается въ пользу истребленія; не все ли равно бросить вещь въ огонь или въ воду? Если бы вещь была такого рода, что ее можно истребить огнемъ, и она была брошена въ печь, это буквально истребленіе; но если она брошена въ

воду и была такого рода, что не истребляется въ водѣ, можетъ ли это дѣлать разницу, обращать актъ въ кражу. Смыслъ закона тотъ, какъ мы видѣли, что при истребленіи нѣтъ корысти. Да притомъ бросить въ воду, почти то же, что истребить: что изъ того, что вещь осталась,—она изъята изъ человѣческаго обладанія, все равно, что нѣтъ ея вовсе. Точно также будетъ истребленіемъ имущества, выпускъ изъ клѣтки птицы, или изъ звѣринца или другого помѣщенія дикаго животнаго.

Такимъ образомъ, по духу нашего закона къ условіямъ кражи присоединяется еще одно: это есть похищеніе съ цѣлью доставить выгоду себѣ или другому.

Третье условіе кражи—вещь и вообще движимое имущество. Подобно разбою и грабежу, кража не можетъ быть направлена на недвижимость: недвижимости нельзя ни перемѣстить, ни унести: а главное — если кто завладѣетъ недвижимостью другого, то дѣйствительный собственникъ всегда можетъ возвратить ее чрезъ судъ или полицію, она не исчезнетъ изъ виду, какъ движимость.

Къ разряду вещей законъ относитъ и всякаго рода долговыя обязательства, но только въ томъ случаѣ, когда цѣль похитителя была доставить себѣ или другому выгоду матеріальную. Этотъ вопросъ будетъ разсмотрѣнъ въ своемъ мѣстѣ. Похищеніе другихъ документовъ, напр. актовъ, утверждающихъ права состоянія, если при этомъ не было корыстной цѣли, составляетъ особое преступленіе.

Не всякая вещь можетъ быть предметомъ кражи, а только такая, которая имѣетъ рыночную цѣнность. Это слѣдуетъ изъ общаго характера кражи, какъ преступленія противъ *имущественныхъ* правъ, и изъ того, что уменьшающее вину обстоятельство при этомъ преступленіи заключается въ цѣнности предмета ниже 50 коп., слѣдовательно, вещь все-таки предполагается имѣющей какую либо рыночную цѣну. Конечно, нѣтъ предмета, который не имѣлъ бы какой нибудь цѣны: всякій клочекъ исписанной бумаги, всякая щепка имѣютъ цѣну; но эта цѣна выразится въ такой величинѣ, которая не представляется монетой. Поэтому, такого рода вещи не могутъ составлять предметъ кражи, а тѣмъ болѣе, если взятіе ихъ имѣетъ другую цѣль, а не матеріальную выгоду. Такъ напр., если кто похититъ письма другаго съ цѣлью узнать его секреты или просто изъ любопытства,—это также не кража. Ст. 1100 подвергаетъ почтовыхъ чиновниковъ и служителей ссылкѣ въ Сибирь на житье за утайку или умышленное задержаніе письма, но это все-таки не кража, а преступленіе по службѣ.

Четвертое условіе кражи—чтобы похищенныя вещи были чужія. Нельзя украсть свою вещь. Это положеніе, вполнѣ ясное въ принципѣ, представляетъ нѣсколько затрудненій въ приложеніи.

Если лицо похищаетъ у закладчика свою заложенную вещь, совершаетъ ли оно кражу? Нѣкоторые криминалисты утверждаютъ, что здѣсь нѣтъ кражи, потому что взято свое, а не чужое; что существуетъ только нарушеніе договора, которое можетъ открыть гражданскій искъ со стороны потерпѣвшаго. Мы не раздѣляемъ этого мнѣнія. Если такое взятіе было явное,—это, конечно, не грабежъ, а только самоуправство, потому что въ пользу взявшаго существуетъ презумпція, что онъ считалъ себя вправѣ это сдѣлать. Но если взятіе совершено тайно, если взявшій скрывалъ и впослѣдствіи свое дѣйствіе, то здѣсь всѣ элементы кражи. Говорятъ, что отдавшій вещь въ закладъ все-таки остается ея собственникомъ. Но право его собственности существуетъ какъ возможность,—онъ предоставилъ другому владѣніе вещью, и, кромѣ того, право обратить ее въ свою собственность, если не уплатитъ въ срокъ взятыхъ денегъ, или право продать и вычесть изъ проданной суммы долгъ. Слѣдовательно, вещь заложенная принадлежитъ обоимъ—и залогодателю и залогопріемщику. Далѣе, дѣло здѣсь не въ тонкостяхъ гражданскаго права, а въ безнравственности, составляющей основу преступленія. Тотъ, кто похищаетъ свою вещь у закладчика, дѣлаетъ это съ тѣмъ, чтобы не выкупать ее, слѣдовательно, чтобы оставить въ своемъ карманѣ его деньги, или требовать у него, если вещь по цѣнѣ превышаетъ, какъ это обыкновенно бываетъ, взятую подъ закладъ сумму,—еще и разницу между этими цифрами. Наконецъ, если могутъ быть какія либо сомнѣнія о подведеніи этого факта подъ кражу, то его можно причислить къ мошенничеству.

Точно также, тотъ, кто похититъ вещь, данную другому на сохраненіе, напр. свою шубу. отданную мѣховщику для сбереженія на лѣтнее время, совершаетъ кражу.

Если кто нибудь похищаетъ вещи у вора, тотъ также совершаетъ кражу—онъ беретъ вещи чужія.

Для бытія кражи нужно только, чтобы вещи были чужія, т. е. непринадлежащія тому, кто ихъ беретъ. Если собственникъ вещей неизвѣстенъ, похищеніе ихъ все-таки кража, напр. если кто похищаетъ вещи, находящіяся въ полицейскомъ помѣщеніи, найденныя полиціей и неизвѣстно кому принадлежащія. На этомъ же основаніи и присвоеніе найденныхъ вещей собственно есть кража, но нашъ законъ разсматриваетъ это явленіе гораздо мягче,—о чемъ будемъ говорить впослѣдствіи. Только вещи никому непринадлежащія могутъ быть свободно взяты каждымъ нашедшимъ ихъ, напр. янтарь, выброшенный на берегъ, хищныя животныя и птицы на волѣ.

Вопросъ о границахъ покушенія и неисполненія при кражѣ былъ разъясненъ сенатомъ. Кассаціонный сенатъ призналъ принципъ, что кража

должна считаться совершившейся съ того момента, когда чужая вещь поставлена похитителемъ въ такое положеніе, въ которомъ она но законамъ гражданскимъ можетъ считаться принадлежащей ему. По законамъ же гражданскимъ владѣніе, даже незаконное, защищается полиціей, пока законный собственникъ не докажетъ своихъ правъ. Отсюда слѣдуетъ, согласно выраженному сенатомъ принципу, что если воръ положилъ бумажникъ въ карманъ, то онъ совершилъ вполнѣ кражу, хотя бы не вышелъ еще изъ дому или изъ комнаты обокраденнаго. Но если вещи были значительнаго объема, и воръ выбросилъ ихъ въ окно съ тѣмъ, чтобы вышедши, подобрать ихъ и унести, и былъ схваченъ при совершеніи процесса выбрасыванія, то онъ совершилъ только покушеніе на кражу, такъ какъ вещи, лежавшія безъ присмотра на улицѣ не могли считаться по законамъ гражданскимъ его собственностью. (Кассац. 1867 г. № 191). Но если сообщникъ такого вора стоялъ на улицѣ для принятія выбрасываемыхъ вещей, тогда и до уноса ихъ, кража совершилась, п. ч. вещи должны считаться принадлежащими стоявшему на улицѣ.

На этомъ же основаніи признано, что воръ, подбросившій хозяину украденную вещь, все таки виновенъ въ кражѣ; и возвращеніе въ формѣ подброса, составляетъ только уменьшающее вину обстоятельство. (Кассац. 1868 г. № 953). Но если воръ, взявши вещь, спрячетъ ее въ помѣщеніи хозяина, то онъ виновенъ только въ покушеніи на кражу, такъ какъ для совершенія кражи необходимо, чтобы онъ ее спряталъ или въ свой карманъ, или въ свое помѣщеніе. Въ данномъ случаѣ похитителю оставалось еще придти и взять ее изъ помѣщенія хозяина для совершенія кражи. Онъ здѣсь поставилъ только вещь въ такое положеніе, въ которомъ ему удобно было совершить, кражу, т. е. унести вещь, что и составляетъ покушеніе. Такъ сенатъ призналъ, что воръ, обокравшій церковь и унесшій покраденное на колокольню и тамъ захваченный былъ, признанъ совершившимъ вполнѣ кражу (Кассац. 1868 г. № 274). Но еслибъ онъ оставилъ покраденное на колокольнѣ, то былъ бы виновенъ въ покушеніи.

Но если слуга возьметъ вещь хозяина и спрячетъ въ свой сундукъ, то онъ виновенъ въ совершеніи кражи, такъ какъ сундукъ хотя и находится въ квартирѣ хозяина, составляетъ его собственность, вещь изъятую изъ владѣнія домохозяина.

Кража составляетъ преступленіе весьма различныхъ видовъ, наказуемое отъ ссылки въ Сибирь на поселеніе и даже каторжной работы до тюремнаго заключенія на нѣсколько мѣсяцевъ.

Условія, по которымъ наказаніе за кражу возвышается отъ тюремнаго заключенія до арестантскихъ ротъ и ссылки на каторгу заключаются: 1) въ способѣ совершенія. 2) въ качествѣ агента, 3) въ мѣ-

стѣ, 4) во времени, 5) въ цѣнности вещи, 6) въ рецидивѣ, 7) въ качествѣ и значеніи вещи. Въ первомъ отношеніи законъ различаетъ кражу шайкой, нѣсколькими сговорившимися лицами, со взломомъ, съ перелѣзаніемъ чрезъ заборъ и т. под.; во второмъ — кражу слугъ, содержателей гостинницъ, ямщиковъ; въ третьемъ — кражу съ дилижансовъ и повозокъ, на кладбищѣ, въ молитвенномъ домѣ; въ четвертомъ— кражу ночью, кражу во время пожара и другихъ бѣдствій; въ пятомъ— на сумму до 50 к., до 300 р., выше 300 рублей, въ шестомъ—кражу во второй, въ третій, въ четвертый разъ; въ седьмомъ — кражу документовъ, кражу вещей, необходимыхъ для пропитанія.

Изъ этихъ элементовъ не всѣ имѣютъ одинаковую силу; притомъ нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ значеніе сами по себѣ, другіе только въ соединеніи съ болѣе важными.

Представляемъ таблицу наказаній за кражу.

Наказанія.	Видъ кражи.	Въ который разъ.	Цѣна украденнаго.
1. Каторжная работа на 4—6 лѣтъ.	Кража сговорившимися вооруженными людьми.	0	0
2. Ссылка въ Сибирь на поселеніе.	Шайка — для главныхъ виновныхъ	0	
	Во время пожара и иныхъ бѣдствій	3 разъ	0
	Взломъ		
	Съ почтовыхъ экипажей. . .	2 разъ	
	Съ частныхъ экипажей . . .	3 разъ	
	Съ оружіемъ, однимъ человѣкомъ		
	Со взломомъ и безъ взлома .	3 разъ	
	Кража документовъ, какъ высшее наказаніе.	0	
	Кража слугами въ сообществѣ съ наведенными людьми . .	0	
3. Ссылка въ Сибирь на житье по 1 степени.	Шайка — для участниковъ .	0	0
	Во время пожара	2 разъ	
	Взломъ и съ оружіемъ . . .	2 разъ	
	Кража простая	4 разъ	Ниже 300 р.
	id.	2 разъ	Выше 300 р,

Наказанія.	Видъ кражи.	Въ который разъ.	Цѣна украденнаго
4. Ссылка въ Сибирь на житье по 2 степени.	Во время пожара и пр. . . .	1 разъ	
	Взломъ 1 разряда, слугой . .	1 разъ	
	Взломъ 1 разряда	2 разъ	0
	Взломъ 2 разряда, слесаремъ .	2 разъ	
	Съ оружіемъ, безъ взлома . .	1 разъ	
5. Ссылка въ Сибирь на житье по 3 степени.	Взломъ 1 разряда	1 разъ	
	Взломъ 2 разряда, слесаремъ или слугою	1 разъ	0
	Взломъ 2 разряда	2 разъ	
	Кража съ почтовыхъ экипажей	1 разъ	
	Кража съ частныхъ экипажей	2 разъ	0
	Съ оружіемъ и всякимъ взломомъ	1 разъ	
6. Ссылка въ Сибирь на житье по 4 степени.	Взломъ 2 разряда	1 разъ	
	Съ оружіемъ безъ взлома . .	1 разъ	0
	Кража документовъ, какъ среднее наказаніе	0	
	Кража простая . . . . , .	3 разъ	Ниже 300 р
	id.	1 разъ	Выше 300 р
7. Ссылка въ Сибирь на житье по 5 степени.	Кража съ частныхъ экипажей	1 разъ	
8. Ссылка на житье во внутреннія губ.	Кража документовъ, какъ низшее наказаніе.	0	
9. Тюрьма до 1 года.	Кража безъ особыхъ отягчающихъ обстоятельствъ . . .	1 и 2 разъ.	

Эта таблица показываетъ, что обстоятельства: шайка, время бѣдствій, взломъ, мѣсто (экипажи), и бытіе оружія, каждое порознь дѣлаютъ кражу квалифицированной.

Совершеніе преступленія *шайкою* представляетъ большую опасность для общества, въ особенности когда дѣйствія шайки направлены на похищеніе собственности. Здѣсь видна организованная война съ обществомъ. Законъ, впрочемъ, ставитъ на одну доску кражу, произведенную шайкою, составившеюся для произведенія похищеній, т. е. съ тѣмъ, чтобы

постоянно или продолжительное время заниматься похищеніями въ видѣ ремесла, — съ шайкою, составившеюся только для произведенія одной, опредѣленной кражи: „За кражу, когда оная учинена *составившеюся для того или вообще для воровства шайкою.....*" (ст. 1645).

Между этими двумя видами, однако, большая разница въ степени безнравственности и въ степени опасности для общества. Кромѣ того, приложеніе этого закона затруднительно. Если законъ называетъ шайкою и сборище для произведенія одной опредѣленной кражи, то что слѣдуетъ разумѣть подъ выраженіемъ, находящимся въ 5 п. 1659 ст.: „когда кража учинена по уговору нѣсколькихъ лицъ, однако безъ составленія особой шайки". Разница въ наказаніяхъ чрезвычайная: за кражу шайкою и безъ взлома и другихъ отягчающихъ обстоятельствъ слѣдуетъ ссылка на поселеніе или на житье; а если она учинена по уговору нѣсколькихъ лицъ, то это обстоятельство не имѣетъ самостоятельнаго значенія,—оно только отягчаетъ въ мѣрѣ или на 1 или 2 степени наказаніе, положенное за простую кражу. Такъ напр., нѣсколько сговорившихся лицъ украли товару цѣною на 200 р.: если принять ихъ сборище за шайку, то главные виновные подвергнутся ссылкѣ на поселеніе, другіе—ссылкѣ на житье; а если за уговоръ, то они подвергнутся заключенію въ тюрьмѣ не свыше одного года (Мир. Уст. ст. 170; Улож. ст. 1656). Найти границу между шайкою для одной кражи и предварительнымъ уговоромъ нѣсколькихъ лицъ—нельзя. Если считать, что характеристическія отличія шайки—организація, бытіе начальниковъ, распредѣленіе дѣйствій лицъ и т. под., то этого до извѣстной степени не исключаетъ и понятіе уговора нѣсколькихъ лицъ. Главное отличіе шайки отъ уговора заключается именно въ томъ, что первая имѣетъ цѣлью произведеніе ряда преступленій, занятіе преступленіями, а второй—одно какое либо опредѣленное преступленіе, напр. обокрасть такую-то лавку, по совершеніи котораго преступный договоръ разрушается. Но законъ допускаетъ возможность шайки и для одной опредѣленной кражи. Въ 1654 ст. выраженіе „нѣсколькими сговорившимися людьми" опредѣлено хотя и отрицательно, но нѣсколько подробнѣе: „хотя и безъ составленія настоящей для того шайки, подобной тѣмъ, о коихъ упоминается въ ст. 924 и 925....". Но въ этихъ статьяхъ говорится о составленіи шайки для произведенія цѣлаго ряда преступленій. Слѣдовательно, если законъ признаетъ шайку и въ сборищѣ, составившемся для произведенія единичной кражи, то отличіе такой шайки отъ дѣйствія по уговору нѣсколькихъ лицъ заключается только въ твердости организаціи,—признакъ, какъ мы видѣли, весьма шаткій.

Обстоятельство шайки считается такимъ важнымъ что главные виновники подвергаются ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе въ отдаленнѣй-

нихъ мѣстахъ, слѣдовательно тому же, которое назначено и за грабежъ безъ особенныхъ отягчающихъ обстоятельствъ (ст. 1642), и строже на нѣсколько степеней полагаемаго за грабежъ втораго рода. Участники подвергаются отдачѣ въ арестантскія роты. Взломъ, цѣнность похищенныхъ вещей и другія обстоятельства не имѣютъ значенія при кражѣ шайкою.

Взломъ обращаетъ кражу на какую бы ни было сумму въ квалифицированную. Взломъ самъ по себѣ не составляетъ преступленія; разбитіе замка есть только проступокъ истребленія имущества, если такова была цѣль виновнаго; далѣе взломъ можетъ быть сдѣланъ и для другихъ цѣлей, напр. нѣкто вошелъ въ необитаемый домъ сломавши замокъ на дверяхъ съ цѣлью укрыться отъ непогоды, или сломалъ запоръ отхожаго мѣста для естественной надобности. Эти дѣянія составляютъ незначительный проступокъ самоуправства или незаконнаго пользованія чужимъ имуществомъ. При кражѣ взломъ обращаетъ это преступленія въ квалифицированное, составляетъ какъ бы одно особое понятіе кража—со взломомъ, такъ что при постановкѣ вопроса присяжнымъ нѣтъ надобности отдѣлять взломъ въ особый вопросъ. (Кассац. 1867 г. № 429; 1869 г. № 574). Сенатъ прямо указалъ, что всегда надобно разбирать съ какою цѣлью сдѣланъ взломъ.

Если взломъ сдѣланъ съ цѣлью уйти съ покраденнымъ, напр. воръ влѣзъ въ открытое окно, захватилъ вещи, но уйти тѣмъ же путемъ не могъ, потому что въ эту комнату вошелъ хозяинъ, и уходитъ съ краденнымъ разбивши наружную дверь,—то онъ совершаетъ кражу со взломомъ! перваго рода, такъ какъ кража окончательно совершена уносомъ. Такъ рѣшено было Сенатомъ, что воръ, взявшій бѣлье изъ незапертаго чердака, и разбившій дверь для ухода, послѣ того когда она заперта была хозяиномъ, виновенъ въ кражѣ со взломомъ. Но если бы онъ ушелъ съ разбитіемъ двери, оставивъ нокрадененое, то былъ бы виновенъ только въ покушеніи на кражу безъ взлома, такъ какъ въ этомъ случаѣ взломъ не имѣлъ бы никакой связи съ кражей. Отсюда слѣдуетъ, что человѣкъ застигнутый при совершеніи взлома, предпринятаго имъ съ цѣлью кражи, виновенъ въ покушеніи на кражу со взломомъ (Кассац. 1868 г. № 447). Если въ взломанномъ хранилищѣ или помѣщеніи не оказалось той вещи, которую воръ имѣлъ въ виду, или даже вовсе никакой, то, по рѣшенію кассаціоннаго Сената, совершившій такой взломъ виновенъ въ покушеніи на кражу со взломомъ. Такимъ образомъ Сенатъ призналъ негодность или даже отсутствіе объекта въ преступленіи кражи за обстоятельство не упраздняющее преступленіе, а только измѣняющее его въ покушеніе. Мы держимся противнаго мнѣнія, которое развито нами въ главѣ о „покушеніи“

Впрочемъ, сенатъ небезусловно призналъ отсутствіе объекта въ кражѣ покушеніемъ, а только при кражѣ со взломомъ. „Основаніемъ къ этому

выводу, говоритъ сенатъ, то что во взломѣ, *какъ существенномъ признакѣ* кражи со взломомъ, заключается уже начало нарушенія права собственности владѣльца на принадлежащую ему вещь; случайное же отсутствіе той именно вещи, на которую было направлено преступленіе, не лишаетъ этого дѣйствія его преступнаго характера и не низводитъ на степень такихъ дѣяній, которыя не заключаютъ въ себѣ ничего противузаконнаго, и не подлежатъ наказанію" (Кассац. 1867 г., № 447; 1868 г., № 568). Замѣтимъ, что взломъ во всякомъ случаѣ наказуемое дѣяніе,— это есть уничтоженіе чужой вещи.

Уложеніе раздѣляетъ взломъ на двѣ степени—наружный и внутренній. Наружный состоитъ въ томъ, „когда сдѣланъ былъ подкопъ подъ домъ или иное зданіе, или же отбиты или разбиты ворота или наружныя двери зданія, или проломаны стѣны или кровля, или сдѣланъ иной проломъ". Во всякомъ случаѣ для взлома этого рода требуется поврежденіе или подкопъ. Разумѣется, что здѣсь не требуется непремѣнно разбитія всѣхъ воротъ, а достаточно и части ихъ. Такъ Сенатъ рѣшилъ, что разбитіе подворотни подходитъ подъ взломъ перваго рода, такъ какъ подворотня, когда она вложена на свое мѣсто, т. е. подъ воротами, съ цѣлью огражденія входа во дворъ, составляетъ часть воротъ. (Кассац. 1869 г. № 849) Сенатъ также опредѣлилъ, что взломъ замка на двери или поврежденіе печати на ней тождественъ съ разбитіемъ двери (Кассац. 1868 г. № 734; 1869 г. № 345). Вообще, по толкованію Сената, проломомъ должно быть признаваемо всякое отверстіе, сдѣланное въ стѣнѣ, кровлѣ или иной части зданія, или какого либо строенія, когда оно сдѣлано посредствомъ поврежденія стѣны, кровли или иной части зданія или строенія съ цѣлью проникнуть въ тѣ мѣста, изъ которыхъ виновный намѣренъ похитить чужое имущество. (Кассац. 1868 г. № 376). Такъ было рѣшено, что воръ, проникшій въ амбаръ посредствомъ раздвинутія составлявшаго потолокъ, ни къ чему ни прикрѣпленнаго очерета, который былъ прикрытъ незначительнымъ слоемъ земли, совершаетъ взломъ 1-го разряда. (Кассац. 1870 г. № 558). Подъ наружными дверями слѣдуетъ разумѣть не только выходящіе на улицу, но и двери надворнаго строенія. (Кассац. 1868 г. № 681). Если бы ворота заперты были не на замокъ, а, какъ обыкновенно у насъ водится, посреди ихъ наложена была перекладина, и воръ снялъ ее,— или если бы дверь гумна была заперта крючкомъ, и воръ снялъ его, то онъ совершаетъ также только простую кражу, такъ какъ онъ не сдѣлалъ поврежденія запора.

Взломъ втораго рода, состоитъ: въ поврежденіи оконъ или внутреннихъ въ зданіи дверей, шкаповъ, сундуковъ, ларцевъ или иныхъ хранилищъ, въ коихъ находились украденныя вещи или другіе предметы, или же въ отбитіи замковъ, бывшихъ на тѣхъ сундукахъ или иныхъ храни-

лищахъ, или же въ оторваніи приложенныхъ къ нимъ печатей. Взломъ этого рода не вполнѣ справедливо называютъ внутреннимъ, потому что повреждение окна, къ нему относимое, есть повреждение наружной части зданія. Къ этому же взлому по наказаніямъ приравнено похищеніе запертыхъ сундуковъ, ларцевъ или иныхъ хранилищъ какого либо движимаго имущества, а также открытіе ихъ посредствомъ поддѣльныхъ ключей или и настоящихъ украденныхъ, или посредствомъ другихъ какихъ либо орудій.

Взломъ этого разряда былъ разъясненъ сенатомъ въ широкомъ смыслѣ: вообще уничтоженія препятствія, существовавшаго для взятія вещи. Такъ напр. отогнутіе крышки сундука, прикрѣпленной лишь гвоздями, открытіе замка не ключемъ, а палочкой при совершеніи кражи было признано за взломъ втораго разряда. (Кассац. 1870 г. № 425; 1868 г. № 568).

Кража запертаго пустаго сундука будетъ ли простая, или квалифицированная? Законъ наказываетъ строго кражу со взломомъ потому, что воръ, для того чтобы добраться до предмета, составляющаго цѣль преступленія, не останавливается предъ сильнымъ препятствіемъ, преодолѣваетъ его, слѣдовательно, обнаруживаетъ сильное упорство и рѣшимость; наконецъ, хозяина нельзя упрекнуть въ томъ, что онъ самъ отчасти виновенъ въ кражѣ по своей небрежности, на основаніи поговорки: „не клади плохо, не вводи вора въ искушеніе". Онъ заперъ вещь, слѣдовательно, сдѣлавъ все возможное для ея охраны; онъ показываетъ этимъ, кромѣ того, что особенно дорожитъ вещью. Ничего этого нѣтъ при кражѣ пустыхъ сундуковъ; они сами по себѣ составляютъ цѣль кражи.

Если воръ похитилъ вещь, открывши запертый сундукъ ключемъ, который онъ нашелъ тутъ же въ комнатѣ, это будетъ простая кража, потому что законъ говоритъ, что открытіе настоящимъ ключемъ тогда только составляетъ кражу со взломомъ, когда этотъ ключь былъ украденъ, т. е. похищенъ у хозяина передъ кражей вещей. Точно также будетъ простой кражей, когда самъ хозяинъ отдалъ ключь вору, напр. для храненія, или когда хозяинъ поручаетъ кому нибудь открыть его сундукъ для того, чтобъ положить туда какую либо вещь, а этотъ послѣдній пользуется этимъ для похищенія лежавшаго въ этомъ хранилищѣ имущества. Если висячій замокъ былъ запертъ, но крючья, на которыхъ онъ держался, свободно вынимались, то снятіе его не составляетъ взлома: во-первыхъ, по буквѣ закона надобно отбить замокъ, а во-вторыхъ, смыслъ взлома — разрушеніе препятствія; въ представленномъ же случаѣ препятствія не было, — оно существовало только для виду. Если воръ пробилъ дыру въ запертомъ сундукѣ и вытащилъ вещи — это

кража со взломомъ, потому что сундукъ поврежденъ; но если онъ могъ просунуть въ скважину щипцы и ими вытащить что нибудь оттуда, это будетъ простая кража. Если воръ влѣзъ въ открытое окно, или чрезъ разбитое стекло, просунувши руку; отворилъ его, это также простая кража.

Относится ли выраженіе „оторваніе печатей", и къ пакетамъ съ деньгами? Мы этого не полагаемъ, потому что 1647 статья говоритъ о сундукахъ и „иныхъ хранилищахъ", а подъ этимъ нельзя разумѣть пакетовъ; во вторыхъ, нѣтъ никакой надобности для вскрытія конверта ломать печать, достаточно разрѣзать самый пакетъ.

Мы видѣли причины, по которымъ законодатель считаетъ взломъ важнымъ отягчающимъ обстоятельствомъ для кражи. Взломъ введенъ въ наше уголовное право только Уложеніемъ; Сводъ Законовъ не зналъ его. И теперь еще это понятіе не можетъ имѣть у насъ такого значенія, какъ на Западѣ. Оно напоминаетъ желѣзные запоры, крѣпкія ограды, тогда какъ нашъ сельскій людъ до сихъ поръ почти не знаетъ ни желѣзныхъ замковъ, ни твердыхъ оградъ. Мы видѣли, что проломъ крыши составляетъ взломъ перваго разряда. Это понятно при желѣзныхъ или каменныхъ крышахъ; но у насъ во многихъ губерніяхъ сельскіе дома крыты просто соломой. Крестьянинъ, засунувшій руку въ полусгнившую соломенную крышу, чтобы вытащить съ чердака какое-то тряпье, былъ осужденъ, какъ и слѣдовало по закону, за кражу со взломомъ высшаго разряда, тогда какъ и здѣсь никакихъ особенныхъ усилій не требовалось, преграда ничтожна. За кражу со взломомъ перваго рода полагается ссылка на житье въ Сибирь или отдача въ арестантскія роты по 3-й степени, а со взломомъ втораго рода—по 4-й степени (ст. 1647, 1648).

Мѣсто. Ст. 1651: „За кражу сундуковъ, чемодановъ или тюковъ съ почтовыхъ повозокъ, дилижансовъ, или другихъ, учрежденныхъ правительствомъ, обществами или частными людьми, для путешественниковъ или перевоза клади, транспортовъ, виновные приговариваются къ ссылкѣ на житье въ Сибирь по 3 степени. За кражу изъ повозокъ частныхъ лицъ идетъ наказаніе степенью ниже (ст. 1652). Но въ редакціи этой статьи находится нѣкоторое различіе съ предыдущей: въ ней говорится о кражѣ „чемодановъ или *иныхъ вещей*", слѣдовательно напр. зонтика, шинели—тогда какъ въ 1651-й только сундуковъ, чемодановъ, тюковъ. Кажется, что въ 1651 ст. просто недомолвка; иначе нельзя понять, почему бы кража вещей неупакованныхъ считалась во второмъ случаѣ квалифицированной а въ первомъ простой, когда почтовые и общественные экипажи пользуются большимъ вниманіемъ законодателя. Но можетъ быть это различіе объясняется иначе. Можно принять, что законодатель

имѣлъ въ виду въ обѣихъ статьяхъ только тюки, чемоданы и сундуки; въ 1651 ст. онъ прямо это сказалъ, а въ 1652 ст., сказавши—чемодановъ, тюковъ, онъ вмѣсто того, чтобы прибавить „сундуковъ", выразился „и иныхъ вещей"; разумѣя подъ этимъ—сундуки, ящики и подобныя хранилища, но не вещи, находящіяся на рукахъ. Такое объясненіе имѣетъ за себя еще и то соображеніе, что тюки, сундуки, чемоданы должны быть отличены отъ ручныхъ вещей: послѣднія всегда на виду, въ рукахъ путешественника, слѣдовательно если онъ ихъ оставилъ безъ присмотра, то отчасти самъ виновенъ.

Эти постановленія возбуждаютъ другое важное недоумѣніе. Законодатель, очевидно, хотѣлъ ими обезпечить безопасность дорогъ и путешествій: путешественникъ не можетъ постоянно наблюдать за вещами,—онъ долженъ довѣриться надзору власти за дорогами; очень легко отрѣзать сзади чемоданъ во время ѣзды, или когда усталый путешественникъ войдетъ на минуту въ станціонный домъ. Но законъ нашъ не сказалъ: за кражу на дорогахъ, — а говорить: за кражу съ повозокъ; такъ что по буквальному значенію словъ, выходитъ, что если у меня въ открытомъ сараѣ или на дворѣ стоитъ телѣга, то воръ, который украдетъ положенный къ ней хомутъ, будетъ наказанъ, какъ за квалифицированную кражу. Очевидно, что законодатель не могъ дать стоящей въ сараѣ или на дворѣ телѣгѣ большаго значенія чѣмъ дому, — что онъ говорилъ въ 1651 и 1652 статьяхъ объ экипажахъ въ движеніи, везущихъ путешественниковъ. Сенатъ рѣшилъ, что ст. 1652 изданы для огражденія безопасности путей сообщенія, а потому она относится только къ кражамъ изъ повозокъ во время пути или на станціяхъ, и не относится къ похищеніямъ изъ экипажей въ городѣ. На этомъ основаніи крестьянинъ. укравшій тулупъ изъ саней оставленныхъ хозяиномъ у дверей питейнаго дома, признанъ виновнымъ въ простой кражѣ. (Кассац. 1868 г. № 542). Самое выраженіе: „учрежденныхъ для перевозки путешественниковъ или клади", прямо указываетъ на эту мысль, но, къ сожалѣнію, форма его такая, что при буквальномъ приложеніи закона ведетъ къ инымъ послѣдствіямъ. Замѣтимъ, что притомъ происходитъ еще одна странность: воръ, уведшій лошадь съ телѣгой путешественника — совершаетъ простую кражу: онъ не крадетъ чемодана или какой либо вещи съ телѣги! Эта кража, т. е. угонъ лошадей съ телѣгой, у насъ нерѣдко случается.

Законъ говоритъ о дилижансахъ, транспортахъ, повозкахъ. Подходятъ ли подъ этотъ разрядъ вагоны желѣзныхъ дорогъ, почтовые и вообще совершающіе рейсы пароходы? Они также родъ транспортовъ для перевозки путешественниковъ и клади, притомъ нуждающіеся еще въ большемъ покровительствѣ закона. Естественно, что слово „повозка" упо-

требленно въ 1652 ст. въ общемъ смыслѣ экипажа, и что подъ нимъ разумѣются и кареты, и сани, и лодки. Въ Сѣверныхъ губерніяхъ напр. Олонецкой. во многихъ мѣстахъ земская почта идетъ на лодкахъ: по каналамъ движенія путешественниковъ совершаетъ въ этой губерніи на большихъ баркахъ (трешкотахъ). Мы полагаемъ, что по крайней мѣрѣ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ путешествія совершаются не иначе какъ верхомъ, кража чемодана съ вьючной лошади или верблюда также подходитъ по аналогіи подъ 1652 ст. Сказанное нами подтверждается рѣшеніемъ Кассаціоннаго Сената (1871 г. 4 февраля) которымъ кража изъ вагона желѣзной дороги признана квалифицированной: „Кража изъ повозокъ и вообще служащихъ для передвиженія путешественниковъ и клади экипажей, къ которымъ нельзя не причислить и вагоны желѣзныхъ дорогъ, составляетъ одинъ изъ видовъ квалифицированной кражи“:

Оружіе. Мы знаемъ, что при насильственномъ похищеніи то обстоятельство, что виновный имѣлъ оружіе, хотя бы не только не дѣйствовалъ имъ, но даже и не грозилъ, дѣлаетъ фактъ разбоемъ.

Если же похищеніе было въ видѣ кражи, т. е. тайное и безъ насилія, но виновный „имѣлъ при себѣ какое либо оружіе или иное орудіе, которымъ онъ могъ нанести смерть или увѣчье,“ слѣдовательно, орудіе сильное, напр. дубину, кистень, — то это одно обстоятельство дѣлаетъ кражу квалифицированной и подвергаетъ его ссылкѣ въ Сибирь на житье по 4 степени (ст. 1653). Если орудіе такого рода, напр. ломъ, было у вора только для произведенія кражи, то такое обстоятельство также подводитъ преступленіе подъ 1653 ст., потому что законъ вовсе не требуетъ, чтобы положительно было доказано намѣреніе вора употребить орудіе противъ лица; достаточно одного того, что орудіе могло нанести смерть или увѣчье. (Кассац. 1869 г. № 111).

Но если будетъ доказано, что оружіе или орудіе при кражѣ взято было именно съ цѣлью служить для угрозъ или нападенія (а не защиты) то преступленіе обращается въ грабежъ (Кассац. 1867 г., № 500).

Еще большее значеніе имѣетъ этотъ элементъ въ соединеніи съ другимъ отягчающимъ обстоятельствомъ—дѣйствіемъ по уговору нѣсколькихъ лицъ. Мы видѣли, что такой родъ дѣйствія составляетъ только отягченіе наказанія при простой кражѣ на одну или двѣ степени, но самъ по себѣ не дѣлаетъ ее квалифицированной; но если онъ соединяется съ оружіемъ, т. е. если хотя одинъ изъ уговорившихся былъ вооруженъ, тогда *всѣ* они подвергаются наказанію каторжной работѣ на 4—6 лѣтъ (ст. 1654), какъ за одинъ изъ видовъ грабежа. Такимъ образомъ, отъ соединенія при кражѣ двухъ элементовъ, изъ которыхъ порознь одинъ ведетъ къ арестантскимъ ротамъ по 4 степени, а другой только къ отягченію въ степени, получается иное важное преступленіе.

Само собою разумѣется, что если кража учинена шайкою, то присутствіе оружія имѣетъ то же самое значеніе, потому что уговоръ нѣсколькихъ лицъ—сборище низшаго рода въ сравненіи съ шайкой. Статья 1654 и выражена въ этомъ смыслѣ: „хотя и безъ составленія настоящей шайки". Два вопроса представляются здѣсь. Если оружіе было скрытное, напр. пистолетъ находился въ карманѣ вора, достаточно ли этого для подведенія преступленія подъ 1653 и 1564 статьи? Достаточно. Законъ говоритъ объ оружіи, „которымъ онъ (виновный) могъ нанести смерть или увѣчье," слѣдовательно, беретъ въ соображеніе только то, что воръ, взявшій оружіе, показываетъ тѣмъ, что въ случаѣ крайности, напр. появленія хозяина, преслѣдованія, онъ имѣетъ намѣреніе употребить его въ дѣйствіе. Другой вопросъ. Мы видѣли, какое чрезвычайное значеніе имѣетъ присутствіе оружія при кражѣ нѣсколькими сговорившимися лицами; мы видѣли также, что достаточно, чтобы одинъ изъ нихъ былъ вооруженъ для равнаго наказанія всѣхъ. Но эта солидарность распространяется ли и на тотъ случай, когда одинъ былъ вооруженъ, а всѣ другіе не знали объ этомъ? Если ихъ невѣденіе можетъ быть доказано, то, по общимъ началамъ уголовнаго права, солидарности здѣсь нѣтъ. Въ 1654 ст. говорится о людяхъ „вооруженныхъ". Сенатъ разъяснилъ, что здѣсь это выраженіе не означаетъ непремѣнно, что у вора было холодное или огнестрѣльное оружіе, но и всякое орудіе, о которомъ говорится въ 1653 ст. (Кассац. 1868 г. № 72, 1869 г. № 721).

Хотя взломъ имѣетъ гораздо большее значеніе, чѣмъ уговоръ нѣсколькихъ лицъ, потому что дѣлаетъ кражу квалифицированной независимо отъ другихъ условій, но соединеніе съ нимъ обстоятельства вооруженія не производитъ чувствительныхъ послѣдствій, именно: наказаніе возвышается на одну степень (ст. 1653, ч. 3).

Качество дѣятеля въ кражѣ имѣетъ значеніе, но только второстепенное. Законъ различаетъ кражу слугами, дѣтьми и супругами, почтарями.

Слуга пользуется довѣріемъ господина; онъ имѣетъ входъ во всѣ комнаты; кража можетъ быть совершена имъ не только легко, но даже и незамѣтно для хозяина; отъ домашняго вора уберечься нельзя, справедливо говоритъ народъ. Законъ, однако, не ставитъ этого обстоятельства самостоятельнымъ. Оно служитъ только для возвышенія наказанія на одну или двѣ степени или въ мѣрѣ при простой кражѣ (Улож. ст. 1659 п. 7; Мир. Уст. ст. 170 п. 7) и на одну степень при кражѣ со взломомъ (Ул. ст. 1649, п. 2). Иначе разсматриваетъ законъ кражу слугами въ соединеніи съ другимъ отягчающимъ обстоятельствомъ—уговоромъ съ посторонними людьми. Текстъ закона представляетъ много темнаго: „Если кража учинена слугами того, чье имущество украдено, то наказаніе за

ную опредѣляется на слѣдующемъ основанiи: 1) когда кража главнымъ виновнымъ учинена по уговору и въ сообществѣ съ наведенными имъ для сего на домъ или другое жилое или нежилое строенiе людьми и со взломомъ, то онъ подвергается ссылкѣ на поселенiе въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири; строгость наказанiя уменьшается одною степенью, если не было взлома" (ст. 1649, 1). Это строгое наказанiе, какъ видно изъ текста постигаетъ только главнаго виновнаго; „главный виновный" есть юридическiй терминъ; по 12 ст. этимъ именемъ называются распоряжавшiеся дѣйствiями другихъ и приступившiе къ дѣйствiямъ при самомъ началѣ или непосредственно совершившiе преступленiе,—когда преступленiе учинено нѣсколькими лицами *безъ предварительнаго ихъ на то согласiя*. Но въ 1649 ст. говорится о совершенiи кражи нѣсколькими лицами *по уговору*, слѣдовательно, по предварительному соглашенiю. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что выраженiе „главный виновный" въ 1649 ст. употреблено не какъ техническое, не въ томъ смыслѣ, какъ ему данъ 12 ст., а для обозначенiя слуги, работника и пр., которые въ этомъ сборищѣ въ глазахъ закона должны быть главными преступниками, потому что ими нарушены особенныя отношенiя къ обокраденному, такiя, которыхъ не имѣютъ другiе участвующiе въ кражѣ люди.

Подъ домашними ворами законъ считаетъ не только слугъ, но и работниковъ, подмастерьевъ и лицъ, проживающихъ у того, чье имущество украдено. Подъ работниками, конечно, надобно понимать такихъ людей, которые постоянно или временно занимаются работой въ домѣ, на фабрикѣ содержателя извощичьяго двора, а не тѣхъ, которые призываются для опредѣленной работы на нѣсколько часовъ, напр. полотеръ, приходящiй натирать полы, стекольщикъ для вставки стекла, и т. под., по той причинѣ, что такимъ случайнымъ рабочимъ не оказывается хозяиномъ довѣрiя, они не имѣютъ права и обязанности наблюдать за его имуществомъ. Подъ проживающими въ домѣ надобно разумѣть и тѣхъ, которымъ платятъ деньги за какую либо должность, напр. гувернеровъ, домашнихъ секретарей, такъ и тѣхъ, которые живутъ по знакомству (гостятъ) или изъ благодѣянiя, или, наконецъ, и такихъ, которые платятъ деньги хозяину за свое содержанiе, но не имѣютъ отдѣльнаго помѣщенiя, а пользуются всѣмъ хозяйскимъ наравнѣ съ членами семейства, потому что главное основанiе всего положенiя, опредѣляемаго 1649 ст.,—то довѣрiе, которое оказываетъ хозяинъ извѣстному лицу и которое онъ долженъ оказывать по необходимости.

Если слуга укралъ у своего товарища по услуженiю, то это будетъ кража безъ всякаго отягчающаго обстоятельства, потому что законъ прямо говоритъ въ 1649 ст. о кражѣ слугами имущества того лица, у котораго они живутъ. Но если слуга украдетъ у гостя своего хозяина

или у членовъ его семейства, то это все равно, что онъ у него укралъ: онъ слуга не только хозяина, но и его семейства, гостей и всѣхъ, кого онъ ставитъ на степень членовъ своего семейства. И при простой кражѣ то обстоятельство, что она учинена слугой, тогда только есть отягчающее, когда обокрадено имущество господина. Но нѣтъ непремѣннаго условія, чтобы кража совершена была въ домѣ: если слуга укралъ вещь своего господина, провожая его въ гости, то это все равно, что онъ укралъ въ домѣ.

Наравнѣ съ слугами и домашними людьми законъ ставитъ (ст. 1650) въ кражѣ содержателей гостинницъ, постоялыхъ дворовъ и другихъ подобныхъ заведеній и ихъ людей въ отношеніи лицъ, останавливающихся у нихъ. Путешественникъ долженъ довѣриться хозяину; хозяинъ заведенія, получая плату съ путешественника, дѣлается при этомъ какъ бы слугой его; прислуга, нанятая хозяиномъ дѣлается временно прислугой путешественника,—она съ тѣмъ и нанята хозяиномъ. Относится ли означенное постановленіе и къ трактирамъ и другимъ подобнымъ заведеніямъ, гдѣ не останавливаются путешественники, но куда заходятъ на короткое время для потребленія съѣстнаго и питей? Законъ выражается: ...„въ гостинницахъ, постоялыхъ дворахъ и другихъ подобныхъ заведеніяхъ". Кажется, что здѣсь имѣются въ виду только заведенія, гдѣ останавливаются путешественники съ багажемъ жить нѣкоторое время.

Званіе ямщика или почтаря служитъ отягчающимъ обстоятельствомъ при кражѣ съ почтовыхъ экипажей (ст. 1101).

Кражи между родителями и дѣтьми и между супругами, а равно и мошенничества, имѣютъ отличіе только процесуальное: дѣла о нихъ начинаются не иначе, какъ по жалобѣ потерпѣвшаго лица. Законъ беретъ въ соображеніе, во-первыхъ, то обстоятельство, что вещи одного члена семьи до нѣкоторой степени находятся въ общемъ пользованіи, а во-вторыхъ, онъ опасается непосредственнымъ вмѣшательствомъ обвинительной власти разстроить миръ въ семействѣ.

Римское право даже вовсе оставляло ненаказуемымъ кражу, совершенную дѣтьми, супругами, слугами, предоставляя расправу домовладыкѣ. Но съ паденіемъ древней организаціи семьи пало и древнее понятіе о домашнемъ ворѣ,—остатокъ его сохранился только въ отношеніи дѣтей и супруговъ. Законъ (ст. 1664, примѣч.) дѣлаетъ упомянутое процессуальное отличіе только въ отношеніи дѣлъ о кражахъ „между родителями и дѣтьми, и между супругами". Если братъ укралъ у сестры, живущей съ нимъ вмѣстѣ въ родительскомъ домѣ, то эта кража не пользуется льготой 1644 ст., потому что законъ не считаетъ отношенія въ боковыхъ линіяхъ на столько важными, какъ родительскія и супружескія. Сверхъ того сенатъ объяснилъ (Кассац. 1869 г. № 253), что кража дѣтьми у

родителей тогда только можетъ быть покрыта примиреніемъ, когда одни родители могутъ считаться лицами, потерпѣвшими отъ преступленія, и когда, слѣдовательно, отъ нихъ однихъ зависитъ приносить или не приносить по сему предмету жалобу; если же украденная вещь принадлежитъ не родителямъ, а другимъ лицамъ, и только случайно находилась у первыхъ (напр. была отдана имъ на сохраненіе), и собственникъ вещи возбудитъ противъ похитителя преслѣдованіе, то примиреніе не можетъ имѣть мѣста.

Предметъ кражи имѣетъ важное значеніе въ одномъ случаѣ—когда похищены были крѣпости и разнаго рода документы съ цѣлью доставить себѣ или другому противозаконную выгоду, — конечно, матеріальную; за это дѣяніе (ст. 1657) полагается ссылка на житье или въ Сибирь на поселеніе.

Этотъ родъ кражи стоитъ совершенно отдѣльно отъ другихъ; обстоятельства взлома и цѣны не имѣютъ при немъ значенія. Вопросъ о немъ весьма важенъ въ томъ отношеніи, что здѣсь кражѣ и истребленію придано одинаковое значеніе, слѣдственно для уясненія его необходимо твердое разграниченіе между этими двумя видами лишенія имущества.

Текстъ 1657 ст. гласитъ: „Кто похититъ или истребитъ принадлежащіе другому крѣпости или межевые планы, или книги, или другіе какого либо рода акты, документы или бумаги, въ намѣреніи доставить себѣ или другому противозаконную выгоду, тотъ за сіе, смотря по важности похищенныхъ имъ бумагъ, большей или меньшей предумышленности преступленія приговаривается..."

Существеннымъ элементомъ преступленія поставлено здѣсь похищеніе или истребленіе съ корыстною цѣлью, съ тѣмъ, чтобы доставить себѣ выгоду. Мы уже разъясняли, что выгода при кражѣ не иначе можетъ быть понимаема, какъ въ смыслѣ матеріальной прибыли. Впрочемъ и при другихъ преступленіяхъ, законодатель выгоду не матерьяльную отличаетъ отъ матеріальной, употребляя выраженіе: „изъ корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ."

Слѣдственно похищеніе вышеизложенныхъ предметовъ или истребленіе ихъ не съ корыстной цѣлью не составляетъ преступленія, предусмотрѣннаго въ 1657 ст. Такъ, если кто похитилъ у другого закладную не съ цѣлью передать ее заложившему имѣніе или истребить этотъ документъ, не съ цѣлью доставить ему выгоду, т. е. освободить отъ платежа, а съ цѣлью сдѣлать ущербъ, нанести безпокойство и хлопоты залогопріемщику, то его дѣяніе не подлежитъ наказанію по 1657 ст. Спрашивается, какъ же оно будетъ наказано? Если дѣло было въ истребленіи,—то какъ за истребленіе имущества, при чемъ естественно потерпѣвшій имѣетъ право на вознагражденіе,—но если оно состояло въ похищеніи? Мы полагаемъ, что

похищеніе этихъ предметовъ (безъ корыстной цѣли), хотя бы похитившій не уничтожилъ ихъ, а лишь спряталъ, одинаково съ уничтоженіемъ: предметъ вышелъ изъ оборота; здѣсь можетъ быть лишь возбужденъ вопросъ о томъ, что похитившій колебался, что у него еще было намѣреніе возвратить хозяину похищенное.

Для уясненія, какіе предметы составляютъ содержаніе 1657 ст. слѣдуетъ вспомнить основную статью (1644) о кражѣ. Въ этой статьѣ сказано, что кражей признается тайное похищеніе „чужихъ вещей, денегъ или инаго движимаго имущества." Очевидно, что два первыя слова излишни, такъ какъ понятіе о движимомъ имуществѣ обнимаетъ деньги и вещи. Итакъ кража есть тайное похищеніе движимаго имущества. По законамъ гражданскимъ (Св. Зак. т. X, ст. 401, 402, 403) движимыя имущества суть: мореходныя и рѣчныя суда всякаго рода, книги, рукописи, картины и вообще всѣ предметы, относящіеся къ наукамъ и искуствамъ, домовые уборы, экипажи, земледѣльческія орудія, всякаго рода инструменты и матеріалы, лошади, скотъ, хлѣбъ сжатый и молоченный, всякіе припасы, выработанныя на заводахъ наличныя руды, металлы и минералы, и все то, что изъ земли извлечено; наличные капиталы, заемныя письма, векселя, закладныя и всякаго рода обязательства, выкупныя свидѣтельства, билеты кредитныхъ установленій.

Отсюда слѣдуетъ, что такъ какъ заемныя письма, закладныя и вообще обязательства подразумѣваются подъ общимъ именемъ движимаго имущества въ ст. 1644, то въ статьѣ 1657 подъ выраженіемъ „или другіе какого либо рода акты, документы или бумаги", стоящемъ послѣ слова „крѣпости или межевые планы и книги", слѣдуетъ разумѣть не векселя, заемныя письма, обязательства, закладныя, рукописныя сочиненія, а во 1) такіе документы, которые по силѣ 390 ст. X т. составляютъ на равнѣ съ купчими крѣпостями и межевыми планами не имущества движимыя, а принадлежности недвижимыхъ имуществъ, какъ то: владѣнные указы, грамоты, вводные листы, раздѣльныя записи, данныя; во 2) документы, также не составляющіе движимаго имущества въ легальномъ смыслѣ слова, но могущіе служить доказательствомъ имущественныхъ правъ, напр. завѣщанія, письмо, заключающее сознаніе долга или принятаго обязательства, платежная росписка.

Границу между похищеніемъ и истребленіемъ опредѣлить чрезвычайно трудно; въ большей части случаевъ нельзя себѣ представить истребленія безъ похищенія: надобно прежде похитить вещь, а потомъ уже истребить; хотя могутъ быть и случаи противнаго, напр. разбиваютъ зеркало, не унося его, даже не переставляя. Но граница между похищеніемъ съ корыстной цѣлью и истребленіемъ опредѣляется въ принципѣ легко; но если вещь захвачена въ рукахъ взявшаго, тогда во всякомъ случаѣ на

немъ лежитъ тяжесть доказать, что онъ взялъ ее съ цѣлью истребить, но такимъ-то причинамъ не успѣлъ этого сдѣлать; въ противномъ случаѣ непремѣнно предполагается, что она похищена съ корыстной цѣлью, а не для истребленія. Вообще, 1644 ст. при опредѣленіи кражи не говоритъ о цѣли; она опредѣляетъ ее только тайнымъ похищеніемъ; цѣль— истребить составляетъ во всякомъ случаѣ исключеніе изъ общаго предположенія, что похищеніе служитъ въ пользу похитителю, и какъ исключеніе должна быть непремѣнно доказана.

Кража документовъ служащихъ доказательствомъ правъ состоянія составляетъ особенное преступленіе, предусмотрѣнное 1405 ст.; кража документовъ и оффиціальныхъ бумагъ изъ присутственныхъ мѣстъ составляетъ преступленіе противъ управленія. Впрочемъ, въ наказаніяхъ почти нѣтъ разницы, т. е. въ послѣднемъ случаѣ ссылка на житье или на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ (ст. 303), а въ случаѣ, предусмотрѣнномъ 1405-й статье — ссылка на поселеніе.

Истребленіе документовъ разсматривается наравнѣ съ кражей ихъ, если цѣль была доставить себѣ или другому противозаконную выгоду; но если цѣль была другая, то виновный подвергается наказанію, какъ за истребленіе движимаго имущества, т. е. болѣе легкому (ст. 1622. Нашъ курсъ, гл. XXVII).

Цѣнность украденныхъ вещей имѣетъ значеніе только при кражѣ безъ другихъ отягчающихъ обстоятельствъ (со взломомъ, шайкою и проч.); она въ нѣкоторыхъ возводитъ простую кражу на степень квалифицированной. Именно, когда цѣна украденной вещи выше 300 руб., то виновный подвергается ссылкѣ на житье въ Сибирь по 4-й степени. Если цѣна вещи ниже 50 коп., то наказаніе положенное за простую кражу, уменьшается на 1, 2 и 3 степени по Уложенію (ст. 1663, пун. 3-й), т. е. когда она подсудна общимъ судамъ, на половину по Мировому Уставу (ст. 171), т. е. когда подсудна мировымъ учрежденіямъ.

Въ Сводѣ Законовъ и въ Уложеніи прежнихъ изданій это условіе было болѣе развито: Сводъ различалъ кражу до $1^1/_2$, 3, $4^1/_2$, 6, 30 и выше 30 рублей; Уложеніе — до 30, 300 и выше 300 рублей.

Значеніе обстоятельства большей или меньшей цѣнности похищеннаго далеко не общепринятое; многіе кодексы его вовсе не знаютъ. Противъ принятія его за элементъ отягченія возражаютъ, что цѣна вещи часто вовсе неизвѣстна вору, напр. онъ вытаскиваетъ бумажникъ, не зная находится ли въ немъ 5 или 5,000 рублей, крадетъ серьги, не зная и приблизительно цѣны ихъ. Кромѣ того, говорятъ, что скорѣе заслуживаетъ снисхожденія тотъ, кто крадетъ на большую сумму, чѣмъ мелкій воришка. Американская нравственность держится правила, что кто крадетъ милліо-

онъ, тотъ хорошій финансистъ, но кто крадетъ одинъ долларъ, того слѣдуетъ повѣсить. Такое мнѣніе основывается на томъ, что укравшій большую сумму показываетъ, что онъ не устоялъ противъ искушенія составить себѣ обезпеченное положеніе на всю жизнь, а укравшій рубль обнаруживаетъ или вора по ремеслу, или вообще вполнѣ безчестнаго человѣка, который стяпетъ все, что попадется подъ руки.

Если иногда и можетъ случиться, что такой взглядъ до нѣкоторой степени оказывается вѣрнымъ, то въ огромномъ большинствѣ онъ ложный и безнравственный. Во-первыхъ, воръ на малую сумму не опасенъ для общества, вредъ, имъ нанесенный, ничтоженъ; во-вторыхъ, такой воръ показываетъ прежде всего, что онъ крадетъ только для необходимыхъ жизненныхъ потребностей, а воръ на большую сумму имѣетъ цѣлью зажить привольно на счетъ преступленія. Справедливѣе то возраженіе, что цѣна вещи неизвѣстна вору. Но это не всегда бываетъ: кассиръ, обокравшій банкира, знаетъ хорошо, сколько беретъ, также какъ и воръ, похищающій деньги изъ разломанной шкатулки. Если цѣна предметовъ и не можетъ быть точно извѣстна вору, то все-таки постановленіе о болѣе строгомъ наказаніи за кражу на большую сумму полезно въ томъ отношеніи, что заставляетъ его при возможности выбора избирать вещи малоцѣнныя. Только чрезмѣрное усиленіе наказанія въ томъ случаѣ, когда цѣна вещи не могла быть извѣстна вору даже и приблизительно, при невозможности выбора, является несогласнымъ съ принципами права.

Разрѣшеніе вопроса о томъ, превышала ли цѣна украденнаго 300 рублей, принадлежитъ присяжнымъ, такъ какъ это такое обстоятельство, которое существенно измѣняетъ наказаніе (кассац. 1870 г., № 87). На практикѣ замѣчено, что нѣкоторые судьи держатся того мнѣнія, что разрѣшеніе присяжными вопроса о цѣнѣ есть дѣло совѣсти, т. е. если воръ укралъ бумажникъ въ которомъ было 500 руб., тогда какъ онъ думалъ, что въ немъ всего 100 руб., то присяжные имѣютъ полное право объявить, что цѣна украденнаго ниже 300 руб. Это мнѣніе несогласно съ закономъ, который ничего не говоритъ о субъективномъ элементѣ въ этомъ случаѣ; сверхъ того, вознагражденіе ущерба гражданскаго истца зависитъ отъ разрѣшенія присяжными вопроса о цѣнѣ покражи. Но если неправильна такая практика судьи, то тѣмъ не менѣе присяжные полномочны отвѣтить и въ томъ случаѣ, когда украдено было безусловно 100,000 руб., что кража была на сумму менѣе 300 руб.,— и результатомъ этого будетъ то, что гражданскій истецъ будетъ ограбленъ, а воръ останется богачемъ. Вотъ практическое доказательство того, что цѣна кражи должна вліять только на мѣру, но не на степень или родъ наказанія. Сверхъ того значеніе цѣны при кражѣ, какъ она поставлена Уложеніемъ, представляетъ слѣдующія неудобства: 1) нерѣдко вещь, которая

стоила хозяину 500 руб., при продажѣ даетъ вору всего треть или даже десятую долю ея стоимости при покупкѣ; 2) когда вещь не найдется у вора, то цѣнность ея можетъ быть опредѣлена только по словамъ гражданскаго истца, слѣдовательно, нерѣдко отъ его корыстолюбія будетъ зависить родъ наказанія.

Рецидивъ имѣетъ въ кражѣ большое значеніе, чѣмъ въ какомъ либо другомъ преступленіи; обыкновенно даже здѣсь является съ особеннымъ значеніемъ и сложный рецидивъ—въ 3-й, 4-й разъ. Только при кражѣ шайкою и при кражѣ сговорившимися людьми, которые притомъ были вооружены (ст. 1645, 1649, 1654), рецидивъ не имѣетъ значенія, но это потому, что здѣсь и въ первый разъ идетъ каторжная работа или ссылка на поселеніе, Въ другихъ видахъ кражи рецидивъ возвышаетъ наказаніе различно — на одну или нѣсколько степеней и даже на цѣлый родъ; такъ, при кражѣ со взломомъ увеличивается наказаніе на одну степень (ст. 1647, 1648); при кражѣ съ частныхъ экипажей — на двѣ (ст. 1652), а съ казенныхъ и общественныхъ — на три съ переходомъ исправительнаго наказанія въ уголовное—ссылку на поселеніе; при кражѣ съ оружіемъ (однимъ человѣкомъ) —на двѣ степени; при кражѣ на сумму выше 300 руб.—на 3 степени (ст. 1655, ч. 3).

Совершеніе въ третій разъ кражи считается по старому преданію *) наиболѣе тяжкимъ, и здѣсь идетъ еще болѣе усиленное наказаніе, и степень усиленія болѣе между вторымъ и третьимъ разомъ, чѣмъ между вторымъ и первымъ, именно: за всѣ виды квалифицированной кражи идетъ въ 3-й разъ ссылка въ Сибирь на поселеніе.

Рецидивъ обращаетъ даже простую кражу на сумму ниже 300 руб. въ квалифицированную, но только сложный, именно: за совершеніе таковой кражи въ 3-й разъ назначена отдача въ арестантскія роты по четвертой степени, а въ четвертый разъ—по первой степени.

Замѣтимъ одну несообразность: за совершеніе въ первый разъ кражи со взломомъ высшаго разряда назначена отдача въ арестантскія роты по 3 степени, а во второй разъ — по 2-ой степени, на какую бы сумму ни было украдено; за совершеніе во второй разъ кражи безъ взлома на сумму выше 300 руб. назначается отдача въ арестантскія роты по первой степени, между тѣмъ какъ за совершеніе въ первый разъ только та же отдача по 4-й степени. Такимъ образомъ, вору выгоднѣе совершить во 2-й разъ высшую кражу — со взломомъ, нежели низшую безъ взлома (на сумму болѣе 300 руб.).

Особенный способъ наказанія за рецидивъ въ кражѣ состоитъ въ томъ,

---

*) По Псковской и Двинской Суднымъ Грамотамъ и по Судебникамъ за третью кражу полагалась смертная казнь.

что если кражи были разнаго качества, то при рецидивѣ послѣдняя, еслибъ даже она была низшаго разряда, чѣмъ предшествовавшія, наказывается какъ рецидивъ высшаго разряда. Такъ если воръ, совершившій въ 1-й разъ простую кражу, во второй совершитъ кражу со взломомъ, то онъ долженъ быть наказанъ какъ за совершеніе кражи со взломомъ во второй разъ (ст. 1660). На практикѣ возбужденъ былъ вопросъ: относится ли 1660 ст. только къ совершившейся кражѣ или также и къ покушенію? Сенатъ разрѣшилъ этотъ вопросъ утвердительно. Такъ имъ было рѣшено, что лицо, разъ наказанное за покушеніе на кражу со взломомъ, обвиненное вслѣдъ затѣмъ въ покушеніи на простую кражу, должно быть наказано какъ за повтореніе покушенія на кражу со взломомъ (Кассац. 1869, № 858). Мѣщанинъ Л. обвиненъ былъ въ кражѣ бумажника (простой) послѣ того, какъ онъ уже былъ наказанъ за покушеніе на кражу со взломомъ; судъ приговорилъ его къ наказанію какъ за второе покушеніе на кражу со взломомъ, т. е. онъ считалъ, что если вторичная простая кража и квалифицируется совершеніемъ прежде квалифицированной, но все таки не выше предѣла той мѣры совершенія, на которой стояла первая. Но сенатъ призналъ такое толкованіе неправильнымъ, такъ какъ, по его словамъ, въ основаніе увеличенія наказанія за повтореніе преступленія принимается не большая или меньшая степень зла, послѣдовавшаго отъ приведенія въ исполненіе преступникомъ своего намѣренія, на выразившееся въ повтореніи преступленія того же рода упорство злой воли и рѣшимость продолжать нарушеніе закона; при покушеніи же на преступленіе, остановленномъ не по волѣ виновнаго, злая воля представляется столь же преступною, какъ и въ самомъ совершеніи преступленія; поэтому, такъ какъ Л., совершая вторую кражу обнаружилъ тоже преступное намѣреніе, которое выразилъ въ покушеніи на кражу, то судъ обязанъ былъ приговорить его къ наказанію, опредѣленному за соверше іе кражи со взломомъ во второй разъ". (Кассац. 1868 г., № 314).

Похищеніе предмета цѣною ниже 300 руб., учиненное въ 1 и 2 разъ, составляетъ простую кражу, наказуемую тюремнымъ заключеніемъ. Здѣсь проявляется особенность преступленія кражи: дворяне, чиновники, почетные граждане и духовныя лица подвергаются въ этомъ случаѣ лишенію правъ, такому же, которое установлено при ссылкѣ на житье (Улож. ст. 1656, Мир. Уст 169—172). Причина этого нарушенія равенства наказаній по ихъ послѣдствіямъ для разныхъ сословій объясняется тѣмъ, что кража считается преступленіемъ низкимъ; оттого и въ дворянской грамотѣ она означена въ числѣ преступленій, разрушающихъ дворянское достоинство. Впослѣдствіи наше законодательство постоянно проводило положеніе, что лица привиллегированныхъ классовъ, т. е. изъя-

тыхъ отъ тѣлеснаго наказанія, лишались и за простую кражу особенныхъ правъ; а такъ какъ таковое лишеніе происходитъ при ссылкѣ на житье, то они за кражу и подвергались ссылкѣ на житье въ отдаленныя губерніи европейской Россіи, а лица другихъ званій—заключенію въ рабочій домъ на краткій срокъ. Мировой Уст. опредѣлилъ за простую кражу лицамъ непривиллегированныхъ классовъ тюремное заключеніе; вслѣдствіе этого нельзя было сохранить для привиллегированныхъ ссылку на житье, потому что это наказаніе соотвѣтствуетъ рабочему дому.

Въ Улож. изд. 1866 г. лица привиллегированныхъ классовъ подвергаются тому же тюремному заключенію, но съ лишеніемъ сословныхъ правъ, вслѣдствіе историческаго взгляда на кражу. Эти привиллегированные классы — дворяне, священнослужители, монашествующіе, почетные граждане (Улож. ст. 1656, Мир. Уст. ст. 181, п. 1). По прежнимъ постановленіямъ сюда относились и купцы первой и второй гильдіи, потому что они изъяты изъ тѣлесныхъ наказаній по правамъ состоянія, а не по особымъ постановленіямъ и не подвергаются заключенію въ рабочій домъ или арестантскія роты. Но теперь въ отношеніи кражи они исключены изъ этой категоріи, что, разумѣется, составляетъ выгоду, потому что они не лишаются особенныхъ правъ.

Отягчающими обстоятельствами при простой кражѣ и вообще при кражѣ безъ взлома, шайки, и другихъ особенныхъ обстоятельствъ, т. е. и при той простой, которая наказывается арестантскими ротами вслѣдствіе цѣнности и рецидива, служатъ: 1) эскалада (влѣзаніе чрезъ окно, перелѣзаніе чрезъ заборъ, стѣну или иную ограду); 2) мѣсто совершенія преступленія—церковь, часовня, молитвенный домъ, кладбище, присутственное мѣсто, многолюдное собраніе, 3) время—кража ночью; 4) уговоръ нѣсколькихъ лицъ, входъ въ домъ подъ вымышленнымъ предлогомъ; 5) качество дѣятеля—слуги и вообще проживающіе у потерпѣвшаго; о содержателяхъ гостинницъ не упоминается; 6) когда украдено необходимое для пропитанія того, кому оно принадлежало, и виновному это было извѣстно; 7) кража съ мертваго. По одному изъ этихъ обстоятельствъ наказаніе *можетъ быть* увеличено на одну или двѣ степени, а когда наказаніе налагается по Мировому Уставу, то полагается тюремное заключеніе до 1 года, слѣдовательно вдвое болѣе, чѣмъ за кражу безъ этихъ отягчающихъ обстоятельствъ (Улож. ст. 1659; Мир. Уст. ст. 170). Замѣтимъ, что законъ не предписываетъ непремѣнно увеличивать наказаніе по этимъ обстоятельствамъ, а только даетъ право судьѣ.

Наказаніе за кражу можетъ быть уменьшено на одну, двѣ даже три степени въ трехъ случаяхъ: 1) Если виновный въ кражѣ добровольно возвратилъ украденное хозяину. Подъ этимъ слѣдуетъ, конечно, разумѣть возвращеніе или самой вещи, или цѣны ея. 2) Если кража учинена въ

крайности и по неимѣнію средствъ къ пропитанію и работѣ. Въ прежнее время законы освобождали вовсе отъ наказанія того, кто кралъ въ крайности съѣстные припасы. Крайность, неимѣніе средствъ къ пропитанію по 134 ст. п. 7 служитъ для всѣхъ преступленій (напр. грабежа, убійства съ цѣлью похищенія, подлога) обстоятельствомъ, вслѣдствіе котораго наказаніе можетъ быть уменьшено, по усмотрѣнію суда, въ мѣрѣ или на одну или на двѣ степени; при кражѣ дано судьѣ въ этомъ случаѣ болѣе власти. 3) Если цѣна похищеннаго не превышаетъ пятидесяти копѣекъ (Ул. ст. 1663; Мир. Уст. ст. 171).

Ст. 1663 Уложенія, въ которой выражены эти постановленія стоитъ предпослѣдней въ главѣ о кражѣ; съ 1660 до 1664 статьи идутъ постановленія имѣющія приложеніе ко всѣмъ видамъ кражи, т. е. какъ квалицифированной, такъ и простой; слѣдовательно такое значеніе должно имѣть и 1663 ст., тѣмъ болѣе, что оно начинается словами: „слѣдующее виновному въ кражѣ наказаніе", а не такъ какъ 1659 ст: „опредѣляемыя за кражу безъ особо увеличивающихъ вину обстоятельства наказанія".... Не смотря на то послѣдній пунктъ 1663 ст. возбуждаетъ большія сомнѣнія. Только Мир. Уст. введено было начало, что кража ниже 50 коп. заслуживаетъ особеннаго снисхожденія. Редакторы Уложенія изданія 1866 г. цѣль котораго была согласовать Уложеніе съ Мир. Уст. приняли это положеніе за общее; но это едвали справедливо; цѣнность вещи всегда имѣла значеніе только при простой кражѣ. Мир. Уст. только измѣнилъ постановленія Улож. 1857 г. по этому предмету, введя вмѣсто прежнихъ рубрикъ до 30, до 300, выше 300 рублей, три другія—до 50 коп. до 300 р. выше 300 руб. Такъ какъ простая кража, учиненная лицомъ привиллегированныхъ классовъ, подсудна общимъ судамъ, а не мировымъ, то редакція, конечно должна была ввести это новое начало въ Уложеніе, но только для того вида кражи, для котораго оно существуетъ по Мир. Уст., т. е. для простой, учиненной въ 1 и 2 разъ. Но каковы бы ни были сомнѣнія о мысли законодателя относительно сказаннаго постановленія, коль скоро оно занесено въ 1663 ст. безъ оговорокъ, сила его должна распространяться на всѣ виды кражи.

Не всякое похищеніе чужой собственности считается кражей. Законъ дѣлаетъ изъятія изъ общаго начала вслѣдствіе народныхъ воззрѣній и обычаевъ относительно нѣкоторыхъ родовъ имущества; похищеніе ихъ также наказуемо, но наказаніями гораздо болѣе мягкими, чѣмъ кража, а главное, на виновномъ не лежитъ ни пятна, ни важныхъ юридическихъ послѣдствій, которыя влечетъ кража,—мы говоримъ о лишеніи правъ для лицъ привиллегированныхъ классовъ.

Такого рода присвоеніе чужаго имущества называлось въ Уложеніи прежнихъ изданій захватами и неправильнымъ пользованіемъ выгодами чу-

жаго имущества; въ Миров. Уст. оно названо самовольнымъ пользованіемъ чужимъ имуществомъ, что не соотвѣтствуетъ, какъ увидимъ, всѣмъ видамъ этого проступка, тѣмъ болѣе, что и Мир. Уст. для нѣкоторыхъ изъ нихъ употребляетъ выраженіе—похищеніе, срываніе, что, разумѣется, совсѣмъ другое, чѣмъ пользованіе. Сюда относится, во первыхъ, одинъ видъ похищенія лѣса. До изданія Мир. Уст. всякое похищеніе чужаго лѣса разсматривалось какъ кража. Уставъ раздѣлилъ этотъ проступокъ на два разряда: похищеніе дровъ и вообще срубленнаго, заготовленнаго и сложеннаго лѣса онъ отнесъ къ кражѣ (ст. 154), а порубку лѣса и вообще похищеніе стоющихъ деревъ (напр. чрезъ подкопъ корней), также буреломныхъ и валежника разсматриваетъ какъ своеобразный проступокъ, полагая за него только денежный штрафъ вдвое противъ цѣны похищеннаго; за совершеніе проступка въ третій разъ полагается, сверхъ того, еще и тюремное заключеніе до шести мѣсяцевъ, но все таки безъ тѣхъ послѣдствій, которыя влечетъ кража (Мир. Уст. ст. 155).

Это различіе двухъ видовъ похищенія лѣса основано на народномъ, правильнѣе—простонародномъ, воззрѣніи. Съ точки зрѣнія юридической въ обоихъ этихъ видахъ заключаются всѣ элементы кражи. Корень народнаго воззрѣнія заключается въ климатическихъ условіяхъ нашей страны. У насъ зима продолжается пять и даже семь мѣсяцевъ, и притомъ самая суровая; топливо также необходимо для жизни, какъ воздухъ; наше старое законодательство постоянно держалось того взгляда, что каждый русскій имѣетъ право на топливо: земля всегда жаловалась съ лѣсомъ; крестьяне всегда имѣли право *въѣзда* въ казенныя и помѣщичья лѣса; лѣсу было такое неизмѣримое количество, что возбранять пользованіе имъ для необходимыхъ жизненныхъ потребностей, было въ то время страннымъ. Существованіе въѣзжаго права для государственныхъ крестьянъ осталось и теперь, для помѣщичьимъ продолжалось до послѣдняго времени. Всѣ эти порядки естественно укореняли въ народѣ понятія, что порубка чужаго лѣса не то, что кража. Къ этому надобно прибавить, что въ лѣсныхъ мѣстахъ работа на приготовленіе лѣса, т. е. рубка его, складъ, сушеніе, а тѣмъ болѣе провозъ до пристаней или городовъ, стоитъ несравненно дороже, чѣмъ матеріалъ. Впрочемъ, въ настоящее время во многихъ губерніяхъ даже внутренней Россіи лѣсъ составляетъ весьма цѣнное имущество; безпрерывныя порубки, производимыя крестьянами въ помѣщичьихъ лѣсахъ, заставляютъ помѣщиковъ торопиться продажей лѣсовъ на срубъ въ ущербъ какъ себѣ, такъ и странѣ. Все это указываетъ, кажется на необходимость болѣе энергическаго противодѣйствія взгляду крестьянъ на порубки.

Второй видъ похищенія, разсматриваемый не какъ кража, составляетъ

срываніе плодовъ, овощей, цвѣтовъ, собираніе грибовъ или ягодъ. Послѣднее, т. е. собираніе грибовъ и ягодъ въ лѣсахъ, дѣйствительно отличается отъ кражи, потому что эти предметы существуютъ для владѣльца не въ опредѣленномъ видѣ: ихъ надобно найти; только тогда, когда бы они были найдены, сорваны и снесены владѣльцемъ, онѣ дѣлаются его имуществомъ; а до тѣхъ поръ это имущество существуетъ для него только въ возможности. Но срываніе овощей и плодовъ въ садахъ—дѣйствительная кража: владѣлецъ знаетъ эти предметы, они произведеніе и природы и его труда. Впрочемъ, законъ не изъемлетъ вообще всякаго срыванія плодовъ изъ разряда кражи. Ст. 145 Мир. Уст. говоритъ только о такомъ самовольномъ срываніи, которое было „не въ видѣ кражи". Чѣмъ отличается кража плодовъ отъ самовольнаго срыванія? Никакой опредѣленной черты провести нельзя; различіе состоитъ въ общемъ характерѣ дѣянія. Такъ, гдѣ сельскія произведенія имѣютъ на мѣстѣ мало цѣны, пользованіе ими, въ особенности не въ видѣ увоза, а для удовлетворенія голода, представляетъ такой ничтожный вредъ, что его нельзя [illegible] кражу. По Моисееву законодательству каждый имѣлъ право срывать виноградъ и другіе полевые плоды, но только для непосредственнаго утоленія голода и жажды. Это начало не чуждо и нашему крестьянскому быту. Уложеніе изд. 1857 г. (ст. 2173) опредѣляло различіе захвата отъ кражи плодовъ нѣсколько подробнѣе: „Кто самовольно, [illegible], и не въ видѣ кражи". Слѣдовательно, если хозяинъ застанетъ [illegible] человѣка, срывающаго его овощи или плоды, или и [illegible], но такого, который прокрался, въ тайнѣ [illegible] [illegible], [illegible]—тотъ поймалъ вора. Но если кто, проходя мимо [illegible] [illegible], или [illegible] саду, сорветъ нѣсколько [illegible], [illegible] и [illegible], этимъ онъ показываетъ, что дѣйствуетъ не [illegible], что и самъ хозяинъ, если бы тутъ случился, разрѣшилъ бы ему такое пользованіе. [illegible], судья [illegible] взять въ соображеніе всю обстановку акта, чтобы рѣшить вопросъ о кражѣ или захватѣ. [illegible] [illegible], что [illegible] [illegible] [illegible], не [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], составляетъ не кражу, а проступокъ, предусмотрѣнный 145 ст. Мир. Уст. (Кассац. 1870 г. № 1327). Въ тѣхъ странахъ, гдѣ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] на [illegible], такъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] кражу—[illegible]. Въ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] на чужой землѣ, сюда же слѣдуетъ отнести и [illegible] не только [illegible], но и вообще земли, если она составляетъ въ [illegible] [illegible] цѣнность.

За этотъ проступокъ [illegible] денежный штрафъ до 10-ти рублей (Мир. Уст. ст. 145).

Замѣтимъ, что законъ даже разрѣшаетъ отчасти пользованіе произведеніями чужаго имущества.

Такъ напр. мелочныя порубки проѣзжающими для необходимыхъ починокъ, и, полагаемъ, для разведенія огня, разрѣшены (Мир. Уст. ст. 157). Проѣзжающіе могутъ кормить лошадей, а гуртовщики прогоняемый скотъ нз чужихъ лугахъ съ 1-го сентября до Троицына дня (Св. Зак. т. X. ст. 436).

Охота и рыбная ловля на чужихъ земляхъ и водахъ наказываются, какъ захватъ, денежнымъ штрафомъ до 25 руб. (Мир. Уст. ст. 146).

Браконьерство въ старое время на Западѣ считалось важнымъ уголовнымъ преступленіемъ, потому что феодалы смотрѣли на охоту, какъ на свое драгоцѣнное право.

У насъ, вслѣдствіе безмѣрнаго количества лѣсовъ, охота была открытымъ для всѣхъ промысломъ. тѣмъ болѣе, что лѣса наши и теперь наполнены хищными животными. Хотя охота на чужихъ земляхъ и подвергается, какъ мы видѣли, также взысканію, но почти во всей средней и сѣверной Россіи никто изъ лѣсовладѣльцевъ не прибѣгаетъ къ иску за нарушеніе правъ охоты. Только около столицъ лѣсовладѣльцы стоятъ за свое исключительное право охоты. Любопытно, что еще недавно, они присвоивали себѣ право самовольнаго наказанія, именно: отымали ружья и собакъ у охотившихся безъ ихъ разрѣшенія, и даже публиковали о такихъ мѣрахъ въ газетахъ.

Право рыбной ловли, напротивъ того, одно изъ самыхъ старыхъ въ нашемъ отечествѣ; акты XV столѣтія, даже и ранѣе, устанавливали рыбную ловлю на извѣстныхъ частяхъ рѣкъ, по цѣлымъ рѣкамъ и озерамъ, какъ самостоятельное имущественное право, или какъ принадлежность земли.

Незаконную охоту и рыбную ловлю нельзя сравнить съ кражей; предметъ — ея звѣри, птицы, рыбы не составляютъ въ настоящемъ смыслѣ слова имущества владѣльца лѣса или воды,—они пока не пойманы, находятся внѣ человѣческаго обладанія; для поимки ихъ нужны трудъ и искуство, это для владѣльца имущество только въ возможности, т. е. предметъ, который можетъ стать и не стать его собственностью.

Римляне считали кражей даже и незаконное пользованіе чужимъ движимымъ имуществомъ. Но всѣ современныя законодательства даютъ въ этомъ случаѣ хозяину только право гражданскаго иска. Закладчикъ, который носитъ данное ему въ закладъ платье, или лицо, которое употребляетъ на работу лошадь, отданную ему на прокормъ, совершаютъ

нарушеніе гражданскаго договора, но не уголовное преступленіе; вещь попала къ нимъ по волѣ самого хозяина: послѣдній долженъ былъ принять мѣры огражденія отъ самовольнаго пользованія; если онъ этого не сдѣлалъ, то долженъ отчасти винить самого себя; наконецъ, вещь все-таки остается: она не утаена, не присвоена.

ГЛАВА XXX.

МОШЕННИЧЕСТВО И ОБМАНЫ.

Отличіе мошенничества отъ грабежа и кражи. Казусы, представляемые. Уложеніемъ. Шантажъ. Отличіе мошенничества отъ ненаказуемаго употребленія обмана. Обстоятельства отягченія при мошенничествѣ. Единство условій, опредѣляющихъ степени наказанія за простое мошенничество и кражу; различіе въ слѣдствіе другихъ условій. Присвоеніе и растрата имущества; отличіе ихъ отъ мошенничества. Присвоеніе литературной и художественной собственности. Плагіатъ. Присвоеніе находки и клада. Обманы при договорахъ. Лихва. Банкротство,

Когда движимое имущество похищено не съ насиліемъ и не тайно, а взято отъ самаго владѣльца, но чрезъ употребленіе обмана, то такое преступленіе называется мошенничествомъ. Оно сходно съ грабежемъ въ томъ отношеніи, что присвоеніе происходитъ открыто, а съ кражей въ томъ, что нѣтъ насилія. Эта своеобразность дѣлаетъ изъ него самостоятельный видъ преступленій противъ имущественныхъ правъ. Въ Уложеніи оно опредѣлено такимъ образомъ: „Мошенничествомъ признается всякое, посредствомъ какого либо *обмана* учиненное, похищеніе чужихъ вещей денегъ или инаго движимаго имущества". Итакъ, обманъ составляетъ существенный признакъ этого преступленія *). Мошенничество появляется позже

(* Кассац. 1867 г. № 135. По точному смыслу 1637 и 1665 ст. Уложенія существенное различіе между мошенничествомъ и грабежемъ заключается въ томъ: а) что при грабежѣ совершается насильственное, открытое похищеніе, такъ что лицо, у котораго имущество похищается, знаетъ, что похи

кражи; въ нашемъ законодательствѣ оно встрѣчается въ первый разъ въ Судебникѣ царя Ивана Васильевича, именно потому, что обманъ, хитрость не свойственны быту патріархальному: они показываютъ въ преступникѣ умственную ловкость. Этимъ объясняется, что мошенничество наиболѣе распространено въ большихъ городахъ; оно доходитъ до изумительной ловкости въ столицахъ; Парижъ и Лондонъ главныя мѣстопребыванія мошенниковъ высшихъ категорій. Въ наше время и кража и мошенничество, съ точки зрѣнія сыскной полиціи, раздѣляются на множество группъ; каждая изъ нихъ составляетъ особенный способъ похищенія; воры и мошенники въ большихъ центрахъ раздѣляются на классы, — каждый изъ нихъ занимается обыкновенно однимъ видомъ кражи или мошенничества, который онъ изучилъ.

Кромѣ приведеннаго общаго опредѣленія мошенничества, въ Уложеніи и Мировомъ Уставѣ находятся опредѣленія множества отдѣльныхъ его видовъ; эти опредѣленія важны въ томъ отношеніи, что даютъ болѣе точное понятіе о смыслѣ слова „обманъ". Такъ, Уложеніе говоритъ о шулерствѣ (ст. 1670); Мир. Уст. объ обмѣрѣ и обвѣсѣ при продажѣ товаровъ, объ обманѣ въ количествѣ и качествѣ товаровъ; далѣе онъ, въ ст. 174, считаетъ мошенничествомъ слѣдующіе факты: 1) „кто подмѣнитъ вещи, ввѣренныя ему для храненія, переноски, перевозки или инаго доставленія; 2) кто выманитъ у кого либо деньги или вещи чрезъ сообщеніе ложныхъ извѣстій, или подъ видомъ выгодныхъ предпріятій, мнимыхъ расходовъ по какому либо дѣлу, благотворительныхъ приношеній или инымъ мошенническимъ образомъ; 3) кто, получивъ уплату долга, не возвратитъ заемное письмо, вексель, росписку или подписанный покупателемъ счетъ, или не означитъ на нихъ о полученіи слѣдовавшихъ денегъ, съ намѣреніемъ вновь потребовать уплаченное; 4) кто при полной уплатѣ долга не возвратитъ данный въ обезпеченіе займа закладъ; 5) кто, не имѣя на то уполномочія, отдастъ въ наемъ или безмездное пользованіе чужое движимое имущество, съ намѣреніемъ присвоить себѣ слѣдующія за наемъ деньги, или извлечь изъ сего другую противозаконную выгоду".

Обманъ самъ по себѣ не составляетъ мошенничества; только тогда, когда цѣль его была присвоеніе себѣ чужаго движимаго имущества, является

титель не имѣетъ никакого права взять вещь и допускаетъ похищеніе ея невольно, уступая силѣ, или не имѣя возможности препятствовать похищенію, и б) что напротивъ того мошенническое похищеніе возможно только тогда, когда владѣлецъ, введенный въ обманъ, соглашается на передачу имущества похитителю, полагая, что на полученіе его похититель имѣетъ извѣстное право. Однимъ словомъ грабежъ совершается при посредствѣ насилія, мошенничество—обманомъ.

мошенничество; иначе будетъ или ненаказуемая ложь, или какое либо другое преступленіе.

Существуютъ обманы, совершенно дозволительные и даже похвальные такъ, напримѣръ бываютъ обманы или хитрости на войнѣ (стратагемы), въ дипломатіи; полицейскій чиновникъ, захватившій посредствомъ искуснаго обмана преступника, дѣлаетъ дѣло похвальное. Въ различныхъ жизненныхъ сдѣлкахъ эти хитрости и обманы бываютъ въ очень частыхъ случаяхъ также вполнѣ дозволительны и даже одобрительны; затѣмъ, есть другіе обманы, которые не могутъ быть одобряемы строгими требованіями нравственности, но все-таки не преслѣдуются закономъ. Такого рода обманами бываютъ всякаго рода ложь, лживые поступки или лживыя утвержденія; они бываютъ безпрерывно во всѣхъ жизненныхъ дѣлахъ и наиболѣе встрѣчаются въ торговлѣ, потому что большая часть торговцевъ основывается на правилѣ: дешевле купить—дороже продать. Поэтому продажа начинается прежде всего съ того, что продавецъ превозноситъ качества товара, говоритъ, что товаръ его перваго сорта (въ нашихъ лавкахъ очень рѣдко бываетъ товаръ втораго сорта), что онъ необыкновенной прочности, что онъ себѣ дороже стоитъ, и т. д. Конечно, еслибы торговцы слѣдовали строгимъ требованіямъ нравственности они достигли бы прочныхъ и большихъ выгодъ; конечно, желательно, чтобы этого рода лжей не было, но законъ за это не наказываетъ. Точно также законъ не наказываетъ за другіе лживые поступки, напр. когда человѣка обманываютъ въ дружбѣ, въ сообщеніи какихъ нибудь фактовъ, свѣдѣній и т. п. Все это отвергается строгою нравственностью, но въ то же время не составляетъ преступленія, и только тогда эти поступки могутъ вести къ какимъ-либо юридическимъ имущественнымъ послѣдствіямъ, если они наносятъ какую-либо невыгоду другимъ лицамъ. Еслибы кто нибудь чрезъ ложное сообщеніе, которое сдѣлалъ ему другой, предпринялъ путешествіе и вообще такого рода дѣйствіе, чрезъ которое получилъ напрасный матеріальный ущербъ, то здѣсь можетъ еще открыться предлогъ требовать вознагражденія, но не болѣе. Впрочемъ, человѣкъ лживый несетъ иногда и безъ прямаго наказанія послѣдствія вредныя. Законъ нашъ напр. даетъ право дворянскимъ собраніямъ исключать изъ своей среды членовъ, запятнавшихъ себя лживымъ поступкомъ (Св. Зак. т. IX ст. 128). Затѣмъ законъ признаетъ 3-й родъ обмановъ—наказуемые. Этотъ наказуемый обманъ, для котораго Римляне имѣли особый терминъ (Stelionatus), не имѣетъ у насъ особаго названія; у насъ называются одинаково обманомъ какъ военныя и дипломатическія хитрости и вообще всѣ такого рода обманы, которые хотя отвергаются строгою нравственностью, но не преслѣдуются закономъ, такъ и тѣ обманы, которые наказуются по уголовнымъ законамъ. Итакъ, законъ нашъ не признаетъ пре-

ступленіемъ вообще обмана, а какъ преступленіе онъ знаетъ обманъ окрашенный извѣстныхъ видовыхъ признакомъ; въ этомъ смыслѣ преступленія обмана чрезвычайно разнообразны, такъ напримѣръ, мы встрѣчаемъ обманы въ сферѣ религіозной, „до предметовъ святыни касающіеся", ложныя чудеса (Ул. ст. 933); кликушество также названо обманомъ (ст. 938); обманы при отправленіи рекрутской повинности, напр. ложное объявленіи о сокровенной болѣзни (ст. 525); обманъ при вступленіи въ бракъ: „кто... чрезъ обманъ успѣетъ совершить бракъ лица не съ тѣмъ, которое было имъ избрано" (ст. 1551); противъ правъ состоянія: лживое присвоеніе имени, чужой фамиліи, титула, званія (ст. 1416). Всѣ эти обманы суть преступленія, обозначенныя въ законѣ особыми признаками. Такимъ образомъ, если мы возьмемъ обманъ какъ дѣяніе наказуемое, то увидимъ, что особаго термина для него въ законѣ неимѣется и обманъ самъ по себѣ ничего не выражаетъ и выражаетъ преступленіе только тогда, когда съ нимъ соединенъ какой нибудь извѣстный видовой признакъ. Есть, наконецъ, обманы, наказуемые въ отношеніяхъ сферы имущественной; въ сферѣ имущественной, точно также какъ во всѣхъ другихъ сферахъ, могутъ быть обманы ненаказуемые и есть обманы наказуемые. Что касается до обмановъ наказуемыхъ, то они называются въ законѣ мошенничествомъ. Ст. 1665 Улож. говоритъ: „Мошенничествомъ признается всякое, посредствомъ какого-либо обмана учиненное похищеніе чужихъ вещей, денегъ или инаго имущества". Впрочемъ, иногда это преступленіе законъ называетъ и просто обманомъ; такъ, заголовокъ 4-го отдѣленія 13-й главы мир. Уст.: „о мошенничествѣ, обманахъ и присвоеніи чужаго имущества". Какую разницу законъ полагаетъ здѣсь между собственно мошенничествомъ и собственно обманомъ? Есть-ли мошенничество родовое понятіе или видовое, на ряду съ обманомъ? Въ законѣ нѣтъ объ этомъ положительнаго и яснаго отвѣта. Въ Улож. ст. 1665 мошенничество опредѣляется обманомъ: оно есть похищеніе посредствомъ обмана; а въ 174 ст. 2 п., при опредѣленіи различныхъ обмановъ, говорится: „опредѣленному въ ст. 173 наказанію подлежатъ и тѣ... кто выманитъ у кого либо деньги или вещи черезъ сообщеніе ложныхъ извѣстій, или подъ видомъ выгодныхъ предпріятій, мнимыхъ расходовъ по какому либо дѣлу, благотворительныхъ приношеній или *инымъ мошенническимъ образомъ*",—такъ что здѣсь обманъ опредѣляется словомъ „мошенничество". Но все это указываетъ только на нѣкоторую неопредѣленность нашей уголовной терминологіи и нисколько не затемнятъ существа дѣла. Во всякомъ случаѣ, сущность преступленія заключается здѣсь въ *похищеніи* имущества черезъ хитрость или обманъ. Съ 1665 Улож. положительно это гласитъ. Ст. 173 и 174 мир. Уст. помѣщены въ 13-й главѣ, носящей титулъ: „о проступкахъ про-

тивъ чужой собственности". Нашъ законъ преступленія противъ собственности раздѣляетъ на двѣ главныя категоріи; истребленіе имущества и похищеніе его. Похищеніе имущества дѣлится въ свою очередь на нѣсколько видовъ: разбой, грабежъ, кража и мошенничество; въ опредѣленіяхъ какъ разбоя, грабежа, такъ и кражи, вездѣ стоитъ слово „похищеніе": разбой и грабежъ есть похищеніе съ насиліемъ, кража есть тайное похищеніе безъ насилія,—словомъ, терминъ „похищеніе" есть необходимое опредѣленіе во всѣхъ этихъ трехъ видахъ преступленій противъ имущества. Точно такой же терминъ „похищеніе" составляетъ существенную часть опредѣленія мошенничества: мошенничествомъ признается всякое, посредствомъ какого либо обмана учиненное, *похищеніе* чужихъ вещей, денегъ или инаго движимаго имущества. Слѣдовательно, чтобы признать кого-либо виновнымъ въ мошенничествѣ, необходимо признать что онъ виновенъ въ похищеніи, а не въ одномъ обманѣ; обманъ не стоитъ на ряду съ похищеніемъ,—напротивъ того, только похищеніе дѣлаетъ обманъ преступленіемъ, а самый же обманъ есть только видовой признакъ извѣстнаго похищенія, отличающій его отъ другихъ видовъ того же разряда преступленія.

Эти начала были признаны кассаціоннымъ сенатомъ въ рѣшеніи по извѣстному дѣлу полковника К. о продажѣ лошадей не того достоинства, какъ было условлено (кассац. 1868 г. № 885):

„Подъ выраженіемъ, обманъ въ качествѣ товара должно разумѣть или простое умолчаніе продавца о незамѣченномъ или ускользающемъ отъ вниманія покупателя недостаткѣ товара, или положительное удостовѣреніе продавца въ наличности такого качества, которое не существуетъ, или же наконецъ особыя приготовленія, особыя дѣянія, которыя имѣли цѣлью скрыть отъ покупателя недостатки предмета и утвердить въ немъ убѣжденіе въ справедливости увѣренія продавца. Но подлежитъ сомнѣнію, что не всѣ исчисленныя дѣянія должны преслѣдоваться уголовнымъ судомъ, и что, слѣдовательно, 173 ст. Уст. о наказ. нал. мир. суд. не можетъ быть безусловно и буквально примѣняема ко всѣмъ случаямъ обмана въ качествѣ товара при продажѣ, ибо при такомъ пониманіи означенной статьи остались бы мертвою буквою и не имѣли никакого примѣненія постановленія законовъ гражданскихъ о передачѣ продавцомъ покупателю проданнаго имущества не той доброты, какъ было условлено, и о разбирательствѣ споровъ по сему предмету гражданскимъ порядкомъ (т. X. св. зак. гражд. ч. 1 ст. 1516 и 1517). Очевидно, что и въ передачѣ проданнаго имущества не условленной доброты заключаетст также обманъ, но однакоже обманъ этотъ, по силѣ самаго закона, не преслѣдуется судомъ уголовнымъ въ тѣхъ конечно видахъ, что отъ такого рода обмановъ, какъ преувеличеніе достоинства товара, умолчаніе о его недо-

статкахъ или удостовѣреніе въ такихъ качествахъ, которыхъ на самомъ дѣлѣ не существуетъ, всякій при обыкновенной осторожности и вниманіи легко можетъ уберечься. По симъ основаніямъ и имѣя притомъ въ виду, что распространительное толкованіе обмана можетъ имѣть вредное вліяніе на твердость и обязательность гражданскихъ сдѣлокъ, слѣдуетъ признать, что 173 ст. Уст. о наказ., нал. мир. суд. тогда только можетъ имѣть примѣненіе, когда обвиняемый въ обманѣ въ качествѣ товара при продажѣ употреблялъ особыя приготовленій, или совершилъ особыя дѣянія, съ цѣлію скрыть отъ покупателя недостатки продаваемаго предмета и при томъ съ цѣлію похищенія чужаго имущества."

Этотъ же взглядъ былъ подкрѣпленъ въ другомъ рѣшеніи (Кассац. 1869 г. № 456): „Для привлеченія виновнаго къ отвѣтственности по этой (173-ей) статьѣ закона, недостаточно того, что проданъ былъ предметъ не требуемаго или условленнаго качества. Необходимо, чтобы покупщикъ былъ введенъ въ обманъ какими либо со стороны продавца предварительными, тайными дѣйствіями, отъ которыхъ продаваемый предметъ получалъ бы мнимыя качества и достоинства, или скрывалъ имѣющіеся въ немъ недостатки. Эти тайныя приготовленія, составляя существенное условіе обмана, означеннаго въ 173 ст. Уст. о Наказ., въ соединеніи съ полученіемъ денегъ за мнимыя качества предмета, составляютъ дѣяніе, называемое мошенничествомъ."

Такимъ образомъ по теоріи сената для признанія мошенничества при вопросѣ о качествѣ проданнаго товара необходимо: 1) чтобы обманъ состоялъ въ выставленіи несуществующихъ достоинствъ или сокрытія существующихъ недостатковъ но съ тѣмъ, чтобы продавцемъ предприняты были тайныя дѣйствія для совершенія обмана; 2) чтобы чрезъ посредство этого обмана былъ нанесенъ имущественный ущербъ покупателю т. е. чтобы было доказано, что проданный товаръ не стоилъ тѣхъ денегъ за которыя купленъ, и что покупщикъ далъ эти деньги именно потому, что считалъ за вещью тѣ достоинства, въ существованіи которыхъ увѣрялъ его продавецъ, и по невѣдѣнію тѣхъ недостатковъ, существованіе которыхъ искусно было сокрыто продавцемъ. Мы полагаемъ, что такая система слишкомъ широка; при существованіи ея можетъ поколебаться всякое довѣріе покупателей; столь необходимое для быстроты купли-продажи. Мы полагаемъ, что если купецъ, продавая товаръ, указываетъ на опредѣленное его качество, особенно цѣнимое, напр., что сукно непромокаемое, или обманетъ въ натурѣ вещества, напр. продастъ набитый мочалою матрацъ за набитый конскимъ волосомъ, или издѣліе изъ накладнаго серебра за серебряное, то онъ совершаетъ мошенничество. Это положительно доказывается 356 ст. Уст. Ремесл. Свод. Зак. т. XI: „Мастера и продав-

щие, изобличенные въ выпускѣ или продажѣ издѣлій изъ аплике, бронзы, нейзильбера и другихъ сплавовъ, за настоящія золотыя, серебряныя, и платиновыя и т. п., лишаются права на продолженіе торговли, и подвергаются на основаніи ст. 1919 Улож. наказанію за мошенничество опредѣленному." Эта статья замѣнена въ Улож. изд. 1866 г. статьюе 1401, въ которой прибавлено, что такому же наказанію подвергаются и продающіе мишурныя издѣлій за серебрянныя и золотыя. При этомъ замѣчательно, что самое изготовленіе издѣлій такого рода съ цѣлію обмана наказывается какъ своего рода полное преступленіе: Такъ, если найдены будутъ въ мастерской или лавкѣ издѣлія золотыя или серебрянныя заклейменныя, но къ которымъ будутъ привѣшены украшенія, хотя изъ того же метала, но ниже установленной пробы, то виновные подвергаються въ 1 разъ денежной пени, во 2 и 3 разы сверхъ того тюремному заключенію, а въ 4 разъ ссылкѣ на житье въ Сибирь (Улож. ст. 1390). Точно также будетъ мошенничествомъ отрицаніе при продажѣ важныхъ недостатковъ предмета, вслѣдствіе которыхъ цѣнность чрезвычайно понижается, напр. кто продастъ слѣпую лошадь за зрящую. Во всѣхъ этихъ случаяхъ предѣлъ между допускаемымъ въ коммерціи обманомъ и такимъ, который становитсся мошенничествомъ, часто не легко найти; многое зависитъ отъ нравовъ и среды; то что въ одной средѣ, въ одной странѣ, даже въ одной вѣтви торговли считается дозволеннымъ, въ другой не дозволено.

Будетъ ли мошенничествомъ взятіе за товаръ чрезмѣрной цѣны, напр. втрое противъ настоящей? Законъ не стѣсняетъ свободы частныхъ сдѣлокъ; дѣло покупщика разузнать о нормальной цѣнѣ продукта. Впрочемъ, если взятая цѣна превышала втрое или вчетверо нормальную, и не было никакихъ особенныхъ причинъ, которыя бы объясняли уплату такой цѣны, напр. отсутствіе подобнаго товара въ другихъ лавкахъ, то, можетъ быть, покупщикъ еще вправѣ требовать возвращенія излишне переданныхъ денегъ, но не болѣе того. Такое начало признавало римское право. Замѣтимъ, что весьма важной предупредительной мѣрой въ отношеній обмана въ качествѣ и количествѣ товара, было бы поставленіе въ обязанность лавочнымъ торговцамъ давать подписной счетъ покупателямъ, — какъ это существуетъ почти повсемѣстно на Западѣ. Обманы въ качествѣ товара при оптовой торговли за границу могутъ имѣть важныя невыгодныя послѣдствія для всего государства, подрывая довѣріе вообще къ народу. Оттого у насъ учреждены для осмотра льна и пеньки, отправляемыхъ за границу, браковщики.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда вѣсъ предмета напередъ опредѣленъ, напр. когда по закону предписано чтобы въ хлѣбѣ такого-то вида было столько то вѣсу, или когда купецъ продалъ товаръ напередъ развѣшанный, то, конечно, мошенничество существуетъ, если окажется недочетъ, хотя-бы

покупщикъ и не требовалъ взвѣсить ихъ [illegible]. Но и здѣсь бываютъ явленія возбуждающія недоразумѣніе. Такъ на всероссійской мануфактурной выставкѣ 1870 г. обнаружено было, что помада продается въ баночкахъ, называемыхъ фунтовыми, полуфунтовыми и проч., а между тѣмъ въ нихъ находится не то количество вещества которое показано на этикеткѣ, а опредѣлительно меньшее, именно на одну четверть. Торговцы знаютъ это очень хорошо, слѣдственно не могутъ претендовать на фабрикантовъ; послѣдніе же завели этотъ обычай, чтобъ для виду не увеличивать цѣны на фабрикатъ.

Но если торговцы не могутъ претендовать, то покупатели могутъ. При томъ такое дѣйствіе хотя и общее между фабрикантами помады, можетъ существенно вредить новому фабриканту который не захочетъ прибѣгнуть къ такой лжи, а потому и долженъ будетъ продавать свою фунтовую банку, въ которой дѣйствительно находится фунтъ помады, дороже.

Еще труднѣе опредѣлить границу между дозволительнымъ обманомъ и мошенничествомъ, обозначеннымъ во 2-мъ пунктѣ 174 ст. Мир. Уст. Что значитъ выманить деньги „подъ видомъ выгодныхъ предпріятій?“ Если напр. нѣкто составляетъ компанію на акціяхъ, и потомъ оказывается, что предпріятіе было сумасброднымъ и всѣ собранныя деньги пропали безплодно, можетъ ли онъ быть обвиненъ въ мошенничествѣ? Во первыхъ, слово „выманить“ надобно разумѣть въ томъ смыслѣ, что онъ деньги другихъ обратилъ въ свою пользу—мошенничество по 1663 ст. есть похищеніе; если же онъ лично не воспользовался ими, то нельзя видѣть въ такомъ фактѣ мошенничества: онъ дѣйствуетъ безкорыстно, онъ самъ могъ вѣрить удобоисполнимости предпріятія, потерпѣвшіе—должны винить самихъ себя въ легковѣріи; но если онъ извлекъ изъ взносовъ какую либо выгоду для себя, напр. бралъ деньги за управленіе предпріятіемъ явно нелѣпымъ, и нелѣпость котораго онъ самъ сознавалъ, т. е. ни чѣмъ не можетъ доказать, что оно могло имѣть хотя какіе нибудь шансы успѣха,—то онъ совершаетъ мошенничество. Французскій законъ считаетъ мошенничествомъ даже полученіе денегъ чрезъ ложныя обѣщанія. Нашъ законъ не считаетъ этого обстоятельства за непремѣнное условіе мошенничества. Въ самомъ дѣлѣ, если кто собралъ деньги, напр. обѣщая выдать книгу или журналъ, а между тѣмъ злостнымъ образомъ присвоилъ ихъ себѣ, то онъ совершаетъ мошенничество, по силѣ 1665 ст. Улож. и также 2 пункта 184 ст. Мир. Уст. („или инымъ мошенническимъ образомъ выманитъ“). Но если онъ, собравши деньги, вслѣдствіе малаго числа подписчиковъ не могъ имъ выдать обѣщаннаго числа книжекъ, и прекращаетъ изданіе, то когда онъ не обратилъ деньги въ свою пользу, а всѣ ихъ истратилъ на изданіе, онъ можетъ подлежать предъ подписчиками только гражданской отвѣтственности. Если издатель журнала въ программѣ бу-

детъ обѣщать статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ лучшихъ ученыхъ, сообщеніе всѣхъ новостей и т. д., и вмѣсто того дастъ книги, составленныя безграмотно, то онъ можетъ подлежать гражданскому иску только въ крайнихъ случаяхъ, когда очевидна его недобросовѣстность; но если онъ убѣжденъ, что помѣщаемыя имъ статьи дѣйствительно превосходны, то съ его стороны даже нѣтъ недобросовѣстности, неисполненія обѣщанія.

Въ наше время, въ особенности акціонерныя компаніи, разнаго рода собранія денегъ по подпискѣ, часто скрываютъ дѣйствительное мошенничество.

Невозвращеніе долговаго документа послѣ уплаты только тогда является мошенничествомъ, когда можно доказать злостное намѣреніе вновь предъявить этотъ документъ. Безъ этого, фактъ не наказуемъ; на уплатившемъ лежитъ обязанность требовать возвращенія документа *).

Постановленіе это не иначе можно понимать, какъ въ томъ смыслѣ, что противная сторона имѣетъ въ рукахъ письменное доказательство уплаты долга вполнѣ или отчасти (платежную росписку), иначе поколеблено было бы вексельное и вообще долговое право, а ябедѣ дана была бы широкая почва. Сенатъ косвенно призналъ это начало постановивши, что уголовный процесъ не иначе начинается въ этомъ случаѣ, какъ послѣ обсужденія судомъ гражданскимъ значенія платежной росписки (Кассац. 1869 г. № 205; 1870 г. №№ 474 и 501).

Достаточно одного требованія о предварительномъ гражданскомъ разбирательствѣ, такъ какъ по силѣ ст. 410 Уст. Гражд. Суд. письменныя доказательства (слѣдственно и росписка или другой актъ о займѣ) не могутъ быть опровергаемы свидѣтельскими показаніями.

Законъ допускаетъ бытіе нѣкоторыхъ договоровъ въ словесной формѣ, напр. отдачи въ наймы квартиры; всякое излишнее послѣ уплаты требованіе денегъ въ этомъ случаѣ, а равно и въ томъ, когда въ исключительныхъ случаяхъ можетъ быть принято доказательство долговой пре-

*) Кассац. 1867 г., № 159. «Дѣйствіемъ, которое явно обнаруживаетъ такое намѣреніе, можетъ быть сочтено только представленіе долговаго обязательства ко взысканію, съ утайкой полученной уплаты, а не полученіе послѣдней уплаты безъ означенія ея на обязательствѣ, въ чемъ нельзя видѣть преступнаго намѣренія со стороны кредитора, оставляющаго долговой документъ въ своихъ рукахъ, впредь до полученія полнаго платежа и имѣющаго всегда возможность сдѣлать на томъ документѣ надлежащую надпись до расчета или при расчетѣ съ должникомъ.» Выраженіе «сдѣлать надпись» не слѣдуетъ понимать въ буквальномъ смыслѣ. Такъ, если кредиторъ получивъ уплату половины долга по векселю, представляетъ его ко взысканію безъ надписи въ платежѣ, но въ прошеніи о произведеніи взысканія сознаетъ сдѣланную уплату, и требуетъ только дѣйствительно должнаго, то онъ не совершаетъ проступка: обозначеніе въ прошеніи уплаты имѣетъ ту же силу, что и надпись на долговомъ документѣ».

тензія не письменное, не можетъ подводить должника подъ постановленіе 174 ст. Мир. Уст., такъ какъ по ней требуется неучиненіе надписи на долговомъ обязательствѣ, слѣдовательно безъусловно требуется бытіе письменнаго документа.

Въ 5 пунктѣ 174 ст. предусмотрѣна отдача въ пользованіе чужаго движимаго имущества безъ уполномочія, съ тѣмъ, чтобы получить изъ этого для себя противозаконную выгоду. Преступленіе это обусловливается во 1) тѣмъ, что отдача чужой вещи въ пользованіе третьему лицу приноситъ выгоду отдавшему; подъ выгодой здѣсь нельзя разумѣть ничего другого, кромѣ денежной или вообще матеріальной пользы, такъ какъ и разряды мошенничества зависятъ единственно отъ количества преступной матеріальной выгоды (выше или ниже 300 руб.); 2) чтобы отдавшій въ пользованіе не имѣлъ на то уполномочія. Первое условіе поколеблено самымъ текстомъ статьи; въ ней сказано, что преступленіе существуетъ и тогда, когда чужая вещь отдана въ безвозмездное пользованіе. Какимъ образомъ можно имѣть матеріальную выгоду чрезъ отдачу въ безвозмездное пользованіе? Что нибудь одно: если есть матеріальная выгода, то отдача была не безвозмездна, а если безвозмездна, то нѣтъ выгоды, слѣдственно нѣтъ мошенничества. Второе условіе также возбуждаетъ недоразумѣнія. Если, кто либо отдалъ чужую вещь, имѣя уполномочіе, но деньги за пользованіе обратилъ въ свою пользу, и все это произвелъ тайно, „мошенническимъ образомъ", то по буквѣ закона онъ не подходитъ подъ дѣйствіе 174 статьи. Напр. приказчикъ содержателя извозчичьяго двора отдаетъ въ наймы экипажы и лошадей, а деньги обращаетъ въ свою пользу, скрывъ отъ хозяина оборотъ, такого рода факты по логикѣ и внутреннему чувству составляютъ преступленіе. Между тѣмъ ихъ нельзя подвести ни подъ мошенничество въ тѣсномъ смыслѣ, ни подъ присвоеніе ввѣреннаго имущества, потому что наемная плата не ввѣрена была хозяиномъ. Но одно рѣшеніе сената уполномочиваетъ подводить эти факты подъ преступное присвоеніе. Этимъ рѣшеніемъ сенатъ призналъ виновнымъ въ преступномъ присвоеніи содержателя трактира, которому слуга вручилъ находку, а тотъ не отдалъ ее хозяину; сенатъ разсуждалъ при этомъ, что слуга отдалъ вещь трактирщику не съ тѣмъ, чтобы онъ присвоилъ ее себѣ, а чтобы возвратилъ потерявшему. Это разсужденіе вполнѣ примѣнимо и къ приведеннымъ нами фактамъ: наемщикъ лошадей отдаетъ деньги съ тѣмъ, чтобъ, онѣ пошли въ пользу хозяина лошадей. Такое расширеніе смысла 177-ой статьи, хотя и необходимое, вытекающее изъ недостатка закона, тѣмъ не менѣе противно ея буквальному смыслу.

Но если принявшій движимое имущество самъ имъ пользуется, то такое дѣяніе не подходитъ подъ, букву 174 ст. Такъ Сенатъ рѣшилъ, что

лицо, носившее платье, данное ему въ закладъ несовершаетъ мошенничества; „Правительствующій Сенатъ находитъ, что Ж. признанъ виновнымъ въ томъ, что носилъ заложенный ему С. сюртукъ, безъ разрѣшенія С., вслѣдствіе чего тотъ сюртукъ потерялъ часть своей стоимости, и дѣйствіе это подведено Съѣздомъ подъ 5 п. 174 ст. Уст. о наказ. Это примѣненія закона Правительствующій Сенатъ не можетъ признать согласнымъ съ точнымъ смысломъ его и съ признанными судомъ фактами. 5 п. 174 ст. Уст. о наказ. предусматриваетъ случай отдачи заложеннаго имущества въ пользованіе, съ цѣлью присвоить себѣ полученныя за это деньги, или извлечь другую противозаконную выгоду, т. е. тѣ случаи, когда лицо, принявшее залогъ, распоряжается имъ безъ согласія заложившаго его, съ корыстною цѣлью. Ничего подобнаго не представляется въ настоящемъ дѣлѣ, такъ какъ Ж. никому не отдавалъ заложеннаго ему сюртука въ пользованіе и не извлекалъ изъ этого выгоды, а только самъ имъ пользовался безъ согласія С., и если послѣдній потерпѣлъ вслѣдствіе этого какой либо ущербъ, то онъ можетъ быть опредѣленъ только разностью между цѣной сюртука во время заклада его и во время возвращенія его Ж-мъ". (Кассац. 1870 г. № 1171).

Но въ такомъ дѣяніи, по нашему мнѣнію, существуютъ элементы преступности: здѣсь есть незаконное извлеченіе выгоды въ свою пользу; нельзя сказать, что тотъ, кто *пользуется* чужою вещью, не извлекаетъ изъ нея выгоды; далѣе, здѣсь существуетъ злостное нарушеніе договора, п. ч. существо заклада состоитъ въ томъ, что вещь не должна быть употребляема а должна быть сохраняема въ цѣлости. Но таковое дѣяніе, дѣйствительно, не подходитъ подъ букву 174 ст. оно при томъ заключаетъ и менѣе преступности, менѣе дерзости чѣмъ отдача вещи въ пользованія третьему лицу. Словомъ, здѣсь обнаруживается недостатокъ закона. Согласно толкованію сената и слуга, который носитъ бѣлье и платье господина, подлежитъ только платежу ущербовъ. Но спрашивается возможно ли исчислить этотъ ущербъ въ большей части случаевъ?

Улож. изд. 1857 г., ст. 2256, признавало мошенничествомъ и тотъ случай, когда кто, чрезъ сообщеніе ложнаго извѣстія побудитъ другаго сдѣлать ему подарокъ, продать что либо за безцѣнокъ, или напротивъ, купить какой либо товаръ за непомѣрно дорогую цѣну. Этотъ случай теперь не обозначенъ ни въ Уложеніи, ни въ Миров. Уставѣ; изъ этого, впрочемъ, не слѣдуетъ, чтобы нѣкоторые виды его не подходили подъ мошенничество; кромѣ частныхъ опредѣленій отдѣльныхъ видовъ мошенничества, въ Улож. находится общая 1865 статья, и коль скоро фактъ имѣетъ обозначенные въ ней признаки, т. е. было похищеніе вещей или денегъ чрезъ обманъ, злостнымъ образомъ, тогда есть мошенничество. Но здѣсь необходима со стороны судьи большая осторожность; надобно

разобрать, не вѣрилъ ли самъ тотъ, который совершилъ непомѣрно выгодную покупку или продажу, въ дѣйствительность или вѣроятность извѣстія. Въ особенности случая этого сомнительнаго рода часто бываютъ при биржевой игрѣ. Политическія извѣстія быстро понижаютъ или повышаютъ цѣнность бумагъ, нерѣдко и запаса товаровъ; а онѣ сообщаются телеграммами, которыя часто допускаютъ самыя разнородныя толкованія, или даже въ видѣ слуховъ. Добросовѣстное легковѣріе здѣсь возможно въ самомъ широкомъ видѣ. Если извѣстіе или слухъ такого рода, что они составляютъ общее достояніе, и дѣятелю принадлежитъ только коментарій, то конечно, не можетъ быть и рѣчи о мошенничествѣ, хотя бы онъ злоумышленно далъ извѣстное толкованіе, — обманутый имѣлъ полную возможность не поддаться обману, а если увлекся, то самъ виноватъ въ недостаткѣ самостоятельнаго разумѣнія. Но если извѣстіе вполнѣ вымышленное, напр если кто, желая купить непомѣрно дешево приготовленный къ отпуску хлѣбъ, сообщаетъ, что война объявлена, или непремѣнно будетъ объявлена, и если оказывается, что прочитанныя имъ телеграммы или печатные документы не давали никакого повода къ такому заключенію, то онъ совершаетъ мошенничество. Если, впрочемъ, онъ такое вымышленное извѣстіе будетъ сообщать не какъ положительный фактъ, а какъ свое предложеніе, то мошенничества нѣтъ, потому что предъ фактомъ преклоняются, а предположенію вѣрятъ свободно.

Сенатъ призналъ *Шантажъ* однимъ изъ видовъ мошенничества. Шантажъ весьма распространенный на Западѣ въ высшей степени зловредное явленіе. Оно состоитъ въ слѣдующемъ: негодяй узнаетъ секреты, компрометирующіе какое нибудь богатое лицо, напр. незаконную связь замужней женщины, или оставшееся безгласнымъ преступное дѣяніе, и требуетъ денегъ за молчаніе; нерѣдко бываетъ, что получивши разъ деньги такой негодяй продолжаетъ вымогать постоянно и доводитъ свою жертву до разоренія, не говоря уже о мукахъ нравственныхъ; нерѣдко жертва доведенная до отчаянья оканчиваетъ жизнь самоубійствомъ. Существуетъ цѣлый классъ людей живующихъ этимъ мерзкимъ промысломъ. Знаменитый лордъ Пальмерстонъ, имѣвшій не мало любовныхъ связей, бывалъ жертвою шантажа. и переплатилъ огромныя суммы. Въ Америкѣ безчестные секреты продаются какъ товаръ. Французскія суды постоянно смотрѣли на шантажъ, какъ на мошенничество. У насъ вопросъ этотъ разсматривался въ уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ 21 января 1871 года. Дѣло это заключается въ слѣдующемъ: купеческій сынъ С. былъ привлеченъ къ отвѣтственности по обвиненію въ томъ, что, узнавъ стороною, что мѣстные чумаки, за два года передъ тѣмъ, растратили 2 четверти пшеницы купца П., угрожалъ возбудить противъ нихъ уголовное дѣло по предмету этой растраты, если они ему не дадутъ денегъ; вслѣдствіе этого, чумаки заплатили 150 руб. Чумаки впослѣдствіи при-

несли на С. жалобу мировому судьѣ. Елисаветградскій мировой судья и съѣздъ подвели проступокъ подъ 2 п. 174 ст. Уст. о Наказ., нал. мир. судьями и приговорили его къ заключенію въ тюрьмѣ на 3 мѣсяца. Въ кассаціонной жалобѣ обвиняемый между прочимъ, указывалъ на неправильное примѣненіе 174 ст.

Оберъ прокуроръ, въ виду того, что это преступленіе не предусмотрѣно нашимъ закономъ, признавалъ необходимымъ, во-первыхъ, разрѣшить общій вопросъ: составляетъ-ли подобное дѣйствіе преступленіе? Находя въ этомъ дѣйствіи всѣ элементы, которыхъ законъ требуетъ для признанія его преступнымъ, онъ полагалъ разрѣшить первый вопросъ утвердительно, т. е. признать дѣяніе преступленіемъ. Затѣмъ обращаясь къ разрѣшенію втораго вопроса:—подъ какую статью уголовнаго закона слѣдуетъ подводить это преступленіе? — оберъ - прокуроръ полагалъ подвести его подъ статью объ угрозахъ (ст. 1546 Улож.) Сенатъ, въ противность заключенію оберъ-прокурора, призналъ рѣшеніе правильнымъ. Мы согласны съ своей стороны съ мнѣніемъ оберъ-прокурора, что шантажъ не подходитъ ни подъ одно изъ опредѣленій закона о мошенничествѣ, такъ какъ деньги выманиваются здѣсь не посредствомъ обмана, а заявленіемъ о дѣйствительномъ готовящемся фактѣ напр. о представленія любовныхъ писемъ невѣрной жены ея мужу, но мы не видимъ здѣсь и угрозы въ ея легальномъ значеніи: кто грозитъ открыть преступное дѣяніемъ, тотъ заявляетъ о намѣренія учинить не только ненаказуемое, но даже требуемое закономъ дѣяніе. Впрочемъ выраженіе 2 пункта 174 ст. Мир. Уст., которымъ признано мошенничествомъ не только выманиваніе опредѣленными исчисленными способами,но „или инымъ мошенническимъ образомъ" такъ эластично,что даетъ судьѣ возможность подвести шантажъ подъ мошенничество. Мы не знаемъ мотивовъ сенатскаго рѣшенія, такъ какъ оно еще не напечатано.

Система наказаній за мошенничество та же, что и за кражу: лица привиллегированныхъ званій лишаются во всякомъ случаѣ особенныхъ правъ. Если сумма. добытая мошенничествомъ, выше 300 руб., то виновный подвергается ссылкѣ на житье въ Сибирь по 5-й степени. Рецидивъ имѣетъ также большое значеніе, но нѣсколько различное, чѣмъ въ кражѣ. Такъ, и простое мошенничество на сумму ниже 300 руб., совершенное въ 4 разъ, наказывается ссылкой въ Сибирь на поселеніе (ст. 1673), тогда какъ соотвѣтственная кража—только ссылкой на житье въ Сибирь по 1 степени; наоборотъ, мошенничество на сумму выше 300 руб. въ 1 разъ наказывается одной степенью ниже, чѣмъ соотвѣтственная кража (ссылка въ Сибирь на житье по 5 степени), во второй разъ даже тремя степенями ниже, а въ третій разъ сравнивается по наказанію съ кражей, совершенною во второй разъ.

При мошенничествѣ естественно не можетъ быть отягчающаго обсто-

ятельства — взлома; обстоятельства — учиненія слугами или при несчастномъ случаѣ не могутъ имѣть значенія. Но шайка также можетъ быть, и съ тою же опасностью, при мошенничествѣ, какъ и при кражѣ, — но Уложеніе упоминаетъ только о совершеніи мошенничества по уговору нѣсколькихъ лицъ, давая этому обстоятельству значеніе для повышенія наказанія на одну степень.

Мошенничество имѣетъ своеобразныя отягчающія обстоятельства: 1) Если мошенникъ выдалъ себя за лицо, дѣйствующее по порученію какого либо присутственнаго мѣста или начальства, или присвоилъ себѣ непринадлежащее званіе. Тотъ, къ кому онъ обращается, естественно опасается оказать недовѣріе, чтобы не подвергнуться обвиненію въ неисполненіи требованія должностнаго лица; а если мошенникъ принимаетъ непринадлежащее ему званіе, напр. называетъ себя значительнымъ сановникомъ, то этимъ располагаетъ къ полному довѣрію. За этотъ видъ мошенничества слѣдуетъ ссылка на житье въ Сибирь, на какую бы сумму не было оно и хотя бы въ первый разъ (ст. 1668); 2) Если оно произведено было въ игрѣ посредствомъ поддѣльныхъ картъ, передержки и т. под. За этотъ видъ слѣдуетъ также ссылка на житье въ Сибирь по пятой степени, или въ отдаленныя губерніи, кромѣ сибирскихъ (ст. 1670).

Обстоятельства, увеличивающія наказанія на одну степень за всѣ виды мошенничества, суть: 1) когда виновный выдалъ себя за чьего либо повѣреннаго, или слугу, или присвоилъ себѣ ложное имя, — конечно такое, которое должно было внушить особенное довѣріе; 2) когда жертвой былъ малолѣтній, престарѣлый, слѣпой или глухой: мошенникъ употребляетъ обманъ, а обманъ и безнравственнѣе, и опаснѣе, — потому что легче можетъ быть быть выполненъ, — когда обращенъ на лица, не могущія по своимъ лѣтамъ или недостаткамъ хорошо распознать его; 3) когда были употреблены суевѣрные обряды; 4) когда виновный по званію своему или мѣсту, или же по особымъ къ обманутому отношеніямъ внушалъ особое къ себѣ довѣріе, и 5) когда оно учинено нѣсколькими сговорившимися лицами, или во второй разъ, или когда для совершенія обмана сдѣланы были особыя приготовленія, т. е. когда обнаруживается наибольшая предумышленность (ст. 1671). Тѣ же самыя обстоятельства, которыя могутъ по усмотрѣнію суда понижать наказаніе за кражу на 1, 2, 3 степени, т. е. удовлетвореніе потерпѣвшаго, цѣнность менѣе 50 коп., крайность, имѣютъ таковое же значеніе и при мошенничествѣ (ст. 1672).

Переходимъ къ преступленіямъ, составляющимъ родъ мошенничества, имѣющимъ много сходнаго съ нимъ. Сюда относятся: 1) *Присвоеніе* и *растрата* чужаго движимаго имущества. Такъ какъ въ этомъ случаѣ

не было похищенія: имущество было въ рукахъ виновнаго законнымъ образомъ — или вручено самимъ хозяиномъ для храненія или отправки, или получено отъ третьяго лица по его довѣренности—то здѣсь нѣтъ одного изъ элементовъ мошенничества—взятія у хозяина обманомъ. И въ нравственномъ отношеніи преступленіе это менѣе важно чѣмъ настоящее мошенничество: виновный обнаруживаетъ меньше безнравственности — онъ не былъ нападающимъ, онъ введенъ былъ въ искушеніе самимъ хозяиномъ вещи, который неразумно оказалъ ему довѣріе, онъ только не вытерпѣлъ и употребилъ въ свою пользу то, что было въ его рукахъ. Очень часто случается, что лицо совершаетъ растрату безъ злаго намѣренія окончательно лишить хозяина принадлежащаго ему имущества; оно дѣлаетъ это въ увѣренности, что чрезъ нѣсколько дней будетъ въ состояніи возвратить растраченное. Такъ наприм. человѣкъ, который не имѣетъ чѣмъ заплатить за обѣдъ или купить теплое платье зимою, или котораго хозяинъ выгоняетъ съ квартиры за неплатежъ, и который удовлетворитъ эти потребности изъ ввѣренныхъ ему другимъ денегъ естественно не то, что воръ или мошенникъ. Часто нужно много мужества, чтобы не поддаться искушенію. По этому приравненіе по наказаніямъ растраты къ мошенничеству несправедливо. Впрочемъ и законъ нѣсколько поправляетъ эту неправильность. Онъ наказываетъ за растрату „по легкомыслію и когда виновные добровольно обязываются вознаградить потерпѣвшаго" только арестомъ до 3-хъ мѣсяцевъ. Замѣтимъ, что здѣсь не сказано „возвратятъ", а „обязываются возвратить", т. е. заявленія виновнаго, что онъ считаетъ себя должникомъ, — слѣдовательно, что растрата сдѣлана имъ не съ цѣлью лишить довѣрителя имущества, при признаніи существованія легкомыслія, достаточно для того, чтобъ дѣяніе было не мошенничествомъ. Но если было присвоеніе, т. е. обращеніе вещи въ свое обладаніе или растрата безъ всякаго намѣренія возвратить и безъ легкомыслія, тогда такой фактъ считается мошенничествомъ и подвергается тому же наказанію (Улож. ст. 1681, 1682; Миров. Уст. ст. 177) *).

Возвращеніе растраченныхъ вещей естественно можетъ имѣть значеніе только тогда, когда оно учинено до постановленія приговора. (Кассац 1869 г. № 560).

Преступленіемъ считается растрата или присвоеніе имущества, которое хотя и было во владѣніи виновнаго на законномъ основаніи, но на которое онъ не имѣлъ права собственности. Такъ, продажа въ свою

*) Кассац. 1867 г. № 267. Сенатъ призналъ, что для подведенія дѣянія подъ льготную вторую часть 177 ст. непремѣнно нужно признаніе и легкомыслія и обязательства удовлетворить, а не одного только котораго либо изъ этихъ обстоятельствъ.

пользу имущества, описаннаго для удовлетворенія долга и оставленнаго на храненіи должника составляетъ преступленіе растраты, потому что чрезъ опись имущество изъемлется изъ распоряженія бывшаго его собственника (Кассац. 1867 г. № 577; 1869 г. № 118); такое же значеніе имѣетъ и продажа вещей принятыхъ въ закладъ, конечно, когда учинена до истеченія срока, послѣ котораго принявшій закладъ по силѣ договора уполномоченъ на продажу (Кассац. 1868 г. № 434). Растрата вещей, взятыхъ самоуправно въ видѣ удовлетворенія за долгъ, составляетъ не самоуправство, а растрату, предусмотрѣнную 177 статьи Мир. Уст. (Кассац. 1868 г. № 969); закладъ имущества, отданнаго на сохраненіе, или для перевозки и тому подобныхъ цѣлей, составляетъ преступную растрату. (Кассац. 1868 г. № 77).

Для признанія растраты необходимо, чтобы между лицомъ, растратившимъ имущество и собственникомъ его состояло соглашеніе или условіе объ отдачѣ послѣднимъ первому имущества на сохраненіе или извѣстное употребленіе. По этому подъ понятіе о растратѣ не подходятъ случаи растраты имущества такимъ лицомъ, обязанность котораго охранять это имущество вытекаетъ не изъ спеціальнаго условія, а изъ самаго свойства существующихъ между владѣльцемъ имущества и охраняющимъ его отношеній. Прислуга обязана охранять имущество своихъ хозяевъ, но растрата его составляетъ не нарушеніе, предусмотрѣнное 177 ст. Мир. Уст., а кражу, если растраченное имущество не было ввѣрено прислугѣ для охраненія при условіяхъ, предусмотрѣнныхъ въ этой статьѣ. (Кассац. 1870 г. № 509).

Растрата, соприкасаясь съ одной стороны къ кражѣ, граничитъ съ другой съ гражданскимъ договоромъ и его гражданскими послѣдствіями. Хотя сенатъ призналъ, „что 177 ст. Уст. основана, какъ видно изъ Указателя къ Уложенію изд. 1866 г. на 2272 ст. Уложенія изд. 1857 г., которою признаками растраты признавались запирательство въ полученіи ея и ложное утвержденіе, что вещь уже возвращена, или передана, или употреблена по назначенію“ (Кассац. 1868 г. № 133), но эти признаки нельзя считать исчерпывающими понятіе о растратѣ, иначе пришлось бы, считать невиновнымъ, того кто не будетъ запираться, а прямо сознается въ растратѣ.

Мы видѣли, что дѣла о кражахъ между родителями и дѣтьми и между супругами начинаются неиначе, какъ по жалобѣ потерпѣвшаго; тоже самое постановлено и относительно мошенничества (ст. 1675 примѣч.). Но въ отношеніи присвоенія и растраты встрѣчается важное недоразумѣніе. Въ Миров. Уст. присвоеніе и растрата поставлены одинаково съ кражею: „Кража, мошенничесво и присвоеніе чужого имущества между супругами, а также между родителями и дѣтьми, подлежатъ наказанію не иначе

какъ по жалобѣ потерпѣвшаго убытокъ лица". (Мир. Уст. ст. 19); но въ Уложеніи въ постановленіяхъ о растратѣ на сумму свыше 300 руб. не находится таковаго ограниченія. Отсюда выходитъ по буквальному смыслу закона, что въ растратѣ на сумму свыше 300 руб. иное процессуальное начало, чѣмъ въ этомъ же проступкѣ на сумму ниже 300 р. Московская судебная палата, въ качествѣ обвинительной камеры, высказала, что допустить такое толкованіе закона едва ли было бы справедливо, потому что никакія другія преступленія не сопровождаются такою особенностью. Цѣнность имущества вліяетъ лишь только народъ наказанія; когда бы отъ цѣнности имущества зависѣла ненаказуемость въ одномъ случаѣ и наказуемость въ другомъ, это было бы противно духу всего уголовнаго законодательства, недопускающаго подобнаго положенія въ другихъ преступленіяхъ; признать преступленіе растраты исключеніемъ не представляется нравственныхъ оснований, такъ какъ болѣе важное преступленіе—кража между родителями и дѣтьми преслѣдуется только по жалобѣ потерпѣвшаго лица безъ различія суммы, на которую совершена кража. Мы вполнѣ раздѣляемъ это мнѣніе.

2) *Находка* составляетъ одинъ изъ способовъ пріобрѣтенія имущества. Находкою называется обрѣтеніе вещей, которыхъ владѣлецъ не извѣстенъ; сюда относятся вещи потерянныя, упавшія въ воду и т. под. (Св. Зак. т. X ст. 538, 539). Нашедшій получаетъ слѣдующія права: право пользованія до отысканія законнаго владѣльца, право обращенія находки въ собственность, если владѣлецъ послѣ заявленія и публикаціи не явится, право на третью часть ея стоимости въ случаѣ явки потерявшаго, а если были найдены деньги или вещи, потерянныя почтою, то на десятую часть. (Св. Зак. т. X ст. 537, 538; т. XI, Уст. Торг., ст. 1194 — 1212; т. XII, Уст. Почтов., ст. 417, 418). Изъ этихъ постановленій гражданскаго права слѣдуетъ, во-первыхъ, обязанность нашедшаго заявить мѣстному начальству о находкѣ, а во-вторыхъ, что незаявленіе нельзя сравнивать съ мошенничествомъ. Чрезъ незаявленіе нашедшій обнаруживаетъ рѣшимость обратить вещь въ свою собственность, но вещь и при заявленіи могла обратиться въ его собственность, именно въ случаѣ неявки владѣльца, а эта явка только вѣроятна, не болѣе; кромѣ того, онъ во всякомъ случаѣ имѣетъ надъ вещью и право срочнаго пользованія и право участія. Наконецъ, по нравамъ нашимъ не считается безчестнымъ присвоеніе находки: въ кражѣ и мошенничествѣ человѣкъ прямо отымаетъ собственность другаго; при находкѣ онъ беретъ то, что посылаетъ ему судьба, — онъ себя успокоиваетъ тѣмъ, что владѣлецъ могъ вовсе забыть о потерянномъ, что онъ самъ виноватъ въ небрежности, и наконецъ, часто тѣмъ, что еслибъ вещь не была имъ под-

нята, то она совершенно бы пропала, была бы растоптана, засыпана землею.

По этимъ причинамъ самовольное присвоеніе находки наказывается совершенно иначе, чѣмъ кража или мошенничество. За необъявленіе о найденныхъ вещахъ или деньгахъ, которыхъ владѣлецъ неизвѣстенъ, полагается денежное взысканіе не свыше стоимости находки; если же нашедшему былъ извѣстенъ хозяинъ найденнаго, то взысканіе возвышается до тройной суммы, и, наконецъ, когда ему было извѣстно, что о потерѣ объявлено установленнымъ порядкомъ, или когда хозяинъ явился требовать и находка не была отдана, слѣдовательно, онъ не можетъ отговориться предположеніемъ, что хозяинъ бросилъ вещь или позабылъ о ней, тогда виновный подвергается заключенію въ тюрьмѣ до полугода (Мир. Уст. ст. 178, 179).

Послѣднее постановленіе состоитъ въ противорѣчіи съ постановленіями гражданскихъ законовъ о находкѣ; по этимъ послѣднимъ, какъ мы видѣли, находкой признается только обрѣтеніе такихъ вещей, хозяинъ которыхъ неизвѣстенъ. Гражданскій кассаціонный департаментъ рѣшеніемъ 1869 г., №№ 73 и 562 разъяснилъ это важное противорѣчіе тѣмъ: „что хотя съ изданіемъ Уложенія законодательство наше начало признавать находкою обрѣтеніе между прочимъ и такихъ вещей, которыхъ хозяинъ лицу ихъ нашедшему былъ извѣстенъ, но эти узаконенія, опредѣляющія одну уголовную отвѣтственность за присвоеніе найденныхъ денегъ или вещей, при чемъ положено было наказывать строже того, кто не зналъ о хозяинѣ вещи, не имѣли и не могли имѣть никакого вліянія на опредѣленное въ гражданскихъ законахъ значеніе находки и установленныя этими законами юридическія послѣдствія находки въ имущественномъ отношеніи, такъ что, несмотря на измѣнившуюся мѣру отвѣтственности въ порядкѣ уголовномъ за утайку и присвоеніе находки, дѣйствіе закона гражданскаго о находкѣ осталось въ прежней силѣ и по 538 ст. X т. находкою, доставляющею нашедшему лицу права, означенныя въ этой и слѣдующей 539 ст. признается обрѣтеніе только такихъ вещей, владѣлецъ которыхъ неизвѣстенъ".

Будетъ ли находкою обрѣтеніе вещей оброненныхъ покупателемъ въ лавкѣ, или въ квартирѣ самаго хозяина, напр. когда вещь закатилась за диванъ, и хозяинъ тщетно искалъ ее, а слуга нашелъ ее? Сенатъ далъ отрицательный отвѣтъ; онъ призналъ, что присвоеніе вещей, найденныхъ въ квартирѣ хозяина, или невозвращеніе вещи, потерянной или забытой въ присутствіи нашедшаго ее, есть не находка, а кража (Кассац. 1867 г., № 167; 1870 г., № 1075).

Улож. изд. 1857 г. считало мошенничествомъ учиненіе присвоенія находки во второй разъ. Но Мир. Уст. считаетъ и рецидивъ не болѣе

какъ утайкою, подвергая виновнаго наказанію до 6-ти мѣсяцевъ тюремнаго заключенія и то только въ томъ случаѣ, когда ему былъ извѣстенъ хозяинъ найденнаго.

Улож. изд. 1857 г. ст. 2274 дѣлало обязательнымъ заявленіе о находкѣ только въ томъ случаѣ, когда цѣна ея не менѣе 10 руб., а для селеній не менѣе 1 руб. Положеніе это вполнѣ практическое: стоитъ ли заявлять о вещи ничтожной цѣны, о которой хозяинъ, по всей вѣроятности, забылъ, и когда хлопоты и расходы явокъ не окупаются цѣною вещи. Впрочемъ, размѣръ до 10 рублей (въ городахъ) былъ нѣсколько великъ. Это постановленіе не перешло въ Мир. Уставъ. Но общій смыслъ показываетъ, что никто не станетъ преслѣдовать нашедшаго и присвоившаго мелкую монету, карандашъ, пуговицу.

На основаніи гражданскихъ законовъ находка относится только къ деньгамъ или вещамъ, но не къ пригульному скоту.

Присвоеніе найденнаго золота и серебра на пріискахъ считается кражей и притомъ усиленной или подлогомъ (Улож. ст. 598, 599, 608). Такъ какъ съ добытыхъ металловъ платится пошлина и количество ихъ должно быть записано въ книги, то виновный заводчикъ наказывается какъ за подлогъ, а если виновны рабочіе, то они подвергаются каторжной работѣ на 4—6 лѣтъ.

Присвоеніе клада наказывается по Мир. Уст. только въ томъ случаѣ, когда хозяинъ его извѣстенъ: „За присвоеніе найденныхъ денегъ или вещей, *или же найденнаго въ чужой землѣ клада*, когда имъ (виновнымъ) извѣстенъ хозяинъ найденнаго...“ (ст. 178). Ст. 179, говоря объ утайкѣ найденныхъ вещей или денегъ, когда хозяинъ неизвѣстенъ, умалчиваетъ о кладѣ.

Здѣсь возникаетъ затрудненіе. Ст. 430 X т. Св. Зак. гласитъ: „Кладъ (сокрытое въ землѣ сокровище) принадлежитъ владѣльцу земли“. Такъ какъ ничьей земли быть не можетъ, потому что, по силѣ 406 ст. того же тома, всѣ имущества, не принадлежащія никому въ особенности, принадлежатъ къ составу имуществъ государственныхъ. Слѣдовательно, кладъ принадлежитъ или частному владѣльцу земли или государству, поэтому хозяинъ его не можетъ быть неизвѣстенъ. Нельзя думать, что выраженіе „когда хозяинъ извѣстенъ“ въ отношеніи кладовъ имѣетъ тотъ смыслъ, что извѣстно живое лицо, зарывшее деньги или вещь, потому что въ нашемъ гражданскомъ правѣ кладъ поставленъ, какъ принадлежность имущества; въ постановленіяхъ объ открытіи кладовъ рѣдкихъ монетъ на казенныхъ земляхъ сказано, что они должны быть представлены правительству, которое выдаетъ нашедшему приличное вознагражденіе, но если монеты не составляютъ рѣдкости, то „находка ихъ подчиняется общему закону о кладахъ“ (прилож. къ ст. 539, X т. Св. Зак.). Только

въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской нашедшій кладъ получаетъ половину его стоимости.

Этимъ объясняется пропускъ въ 179 ст. Мир. Уст. о нашедшихъ кладъ, потому что владѣлецъ всегда извѣстенъ. Но въ такомъ случаѣ лучше было бы постановленіе о кладахъ выразить въ особенной статьѣ Мир. Уст., подобно тому какъ въ гражданскихъ законахъ о нихъ сказано отдѣльно отъ находокъ въ тѣсномъ смыслѣ слова.

Наши гражданскіе законы опредѣляютъ, какъ видно изъ приведенной 430 статьи, кладъ: „сокровище, *закрытое въ землю*". Если при перестройкѣ дома въ стѣнѣ найдена будетъ рабочими шкатулка съ деньгами, то по буквѣ закона это и не кладъ, и не находка.

3) Литературная или, лучше сказать, умственная собственность (въ тѣсномъ смыслѣ литературная, ученая, художественная) своеобразна; она состоитъ въ правѣ воспроизведенія: для рукописи—печатью, для картины—гравированіемъ, фотографіею, для музыкальной пьесы—сверхъ воспроизведенія печатью нотъ, въ играніи на театрахъ и другихъ публичныхъ собраніяхъ, для драматическаго сочиненія—также сверхъ перепечатки, въ представленіи на театрахъ. Собственность этого рода у насъ недавно явилась и въ жизни и въ законодательствѣ; притомъ, въ законодательствѣ она у насъ мало развита; практика не помогала до сихъ поръ недостатку закона. Такъ напр. право балетмейстера на изобрѣтенные имъ танцы, постановку группъ, и т. подоб. несомнѣнно принадлежитъ къ художественной собственности, но законъ не упоминаетъ объ этомъ.

Противъ предметовъ умственной собственности можетъ быть совершена и обыкновенная кража, напр. кто похититъ картину, какъ вещь цѣнную саму по себѣ, тотъ совершаетъ обыкновенную кражу. Только тогда является литературная собственность и преступленія противъ нея, когда дѣло идетъ о воспроизведеніи. Многіе роды умственной собственности имѣютъ матеріальную цѣну только при воспроизведеніи; другіе, какъ напр. картина, статуя, имѣютъ цѣнность и безъ воспроизведенія, но послѣднее увеличиваетъ матеріальный результатъ труда для художника.

Уложеніе признаетъ слѣдующіе виды преступленій противъ литературной собственности:

а) *Контрафакцію* въ двухъ формахъ:

1) Изданіе чужаго произведенія словесности, наукъ, искуствъ или художествъ подъ своимъ именемъ. За это преступленіе, сверхъ вознагражденія автора, назначена ссылка на житье въ отдаленныя губерніи (ст. 1683). бб) Напечатаніе или вообще воспроизведеніе чужаго умственнаго труда, или представленіе чужой драматической пьесы, или публичное исполненіе чужаго музыкальнаго сочиненія въ публичномъ собраніи, но безъ выдаванія себя за автора его. За это преступленіе идетъ болѣе легкое

наказаніе,—заключеніе въ смирительный домъ до 8 мѣсяцевъ. Сюда же относится и напечатаніе безъ дозволенія автора новаго изданія его сочиненія.

Хотя это мошенническое присвоеніе выгодъ чужаго имущества, но оно не представляетъ тѣхъ послѣдствій и опасности для владѣльца, какъ настоящее мошенничество, т. е. похищеніе обманомъ денегъ или вещей: въ послѣднемъ случаѣ имущество исчезаетъ безвозвратно (если у похитителя нечѣмъ вознаградить, или если онъ не будетъ отысканъ), а въ первомъ имущество, т. е. выгода чрезъ воспроизведеніе, не исчезаетъ вполнѣ, потому что авторъ можетъ напечатать новое изданіе, и, кромѣ того, вредъ можетъ быть всегда отысканъ и прекращенъ вначалѣ; такъ какъ о выходѣ книги публикуется, издатель извѣстенъ правительственнымъ учрежденіямъ и типографіи, и продажа незаконно напечатанной книги можетъ быть прервана въ самомъ началѣ.

Первый случай, т. е. незаконное изданіе подъ своимъ именемъ наказывается строже втораго, потому что въ немъ не видно намѣренія присвоить себѣ вполнѣ и навсегда умственную собственность, и нѣтъ похищенія литературнаго имени.

2) *Плагіатъ* или перепечатка книги, журнальной статьи, музыкальнаго сочиненія не вполнѣ, а части въ своихъ изданіяхъ. Плагіатъ представляетъ много трудностей для судебнаго разбирательства. Законъ опредѣляетъ мѣру дозволенной перепечатки изъ книгъ въ одинъ печатный листъ, но если заимствованія сдѣланы въ видѣ ссылокъ, то дозволяется перепечатать до трети книги, впрочемъ только тогда, когда текстъ самого сочинителя вдвое болѣе противъ ссылокъ; для составителей хрестоматій не положено предѣла при перепечатаніи. За плагіатъ слѣдуетъ съ виновнаго денежное взысканіе не свыше двойной цѣны всѣхъ напечатанныхъ экземпляровъ.

б) Со стороны автора въ отношеніи къ издателямъ является преступленіе, когда онъ продаетъ право изданія разнымъ лицамъ, порознь безъ ихъ согласія, „если при семъ не было съ его стороны никакого подлога или обмана". Если же былъ обманъ, то такого рода фактъ подходитъ подъ мошенничество. За это преступленіе слѣдуетъ также заключеніе въ смирительномъ домѣ до 8 мѣсяцевъ. Впрочемъ здѣсь говорится объ одновременной продажѣ до истеченія срока, въ который авторъ пріобрѣтаетъ вновь право изданія на проданную рукопись. Срокъ этотъ положенъ пятилѣтній, если не сдѣлано иного условія при продажѣ; равнымъ образомъ авторъ можетъ продать право отдѣльнаго изданія статьи, помѣщенной въ журналѣ, если этому не препятствуютъ условія, заключенныя имъ съ журналистомъ; далѣе сочинитель имѣетъ право, несмотря ни на какія условія, напечатать книгу вторымъ изданіемъ, если въ ней прибавлены или перемѣнены по крайней мѣрѣ двѣ трети, или когда кни-

гѣ дана совершенно другая форма, такъ что она можетъ быть почитаемо за новое сочиненіе.

Право автора продолжается для него на всю жизнь; но для наслѣдниковъ оно ограничено 50-ти лѣтнимъ срокомъ. Этимъ срочнымъ характеромъ отличается литературная собственность отъ другихъ родовъ. Такимъ образомъ все сказанное о контрафакціи и плагіатѣ относится не только къ правамъ автора, но и наслѣдниковъ его въ теченіи 50 лѣтъ послѣ его смерти; и наоборотъ, напечатаніе вновь книги каждымъ и всякаго размѣра заимствованія свободны по истеченіи этого срока.

Законъ нашъ опредѣляетъ только рѣзкія стороны контрафакціи. Напечатаніе книги въ сокращенномъ видѣ, или всякаго рода передѣлка, при которой сохранены планъ и идеи автора, считается по западной практикѣ также контрафакціей.

Изобрѣтенія въ сферѣ промышленной составляютъ также родъ умственной собственности; но изобрѣтатель получаетъ право исключительнаго пользованія изобрѣтеніемъ (привиллегію) не иначе, какъ съ утвержденія правительства, и при томъ на срокъ, опредѣленный при выдачи привиллегіи. Нарушеніе привиллегіи на изобрѣтеніе подвергаетъ виновнаго сверхъ вознагражденія за убытки, денежному взысканію отъ 100 до 300 рублей (ст. 1353). Такое наказаніе слишкомъ слабо, чтобы гарантировать изобрѣтенія отъ нарушеній.

4) *Банкротство* составляетъ своеобразный видъ мошенничества. Оно составляетъ особенное преступленіе только для лицъ торговыхъ. По закону торговой несостоятельностью признается то положеніе, когда лицо занимающееся торговлею или промыслами, не имѣетъ не только наличныхъ денегъ для уплаты долговъ, на сумму свыше 1,500 р., но и сверхъ того существуютъ признаки, что всего его имущества недостаточно для ихъ уплаты (Уст. Торгов. ст. 1858). Несостоятельность раздѣляется на три вида—несчастную, неосторожную, злонамѣренную. Два послѣдніе вида называются банкротствомъ. Злонамѣренное банкротство бываетъ тогда, когда лицо для избѣжанія платежей скрываетъ свое состояніе, переводитъ его на имя другихъ людей, или выдаетъ безденежные векселя, чтобы при разверсткѣ не заплатить кредиторамъ должнаго. За это преступленіе полагается наказаніе болѣе тяжкое, чѣмъ за мошенничество—ссылка въ Сибирь на поселеніе. Даже неосторожный банкротъ можетъ быть подвергнуть, по требованію кредиторовъ заключенію въ тюрьму на срокъ до одного года и четырехъ мѣсяцевъ (Улож. ст. 1163, 1165). Причина этой строгости заключается въ томъ, что банкротство колеблетъ вообще торговлю; частыя или значительныя банкротства отзываются финансовымъ потрясеніемъ цѣлаго государства, потому что торговля основана на кредитѣ, купцы и фабриканты связаны другъ съ другомъ, банкротство

одного часто ведетъ банкротство многихъ другихъ. Оттого въ Уложеніи постановленія о банкротствѣ помѣщены въ разрядѣ преступленій противъ кредита.

Несостоятельность злостная, лицъ неторговаго званія не можетъ имѣть такихъ вредныхъ послѣдствій: виновный подвергается ссылкѣ въ Сибирь па житье (ст. 1166).

Наказаніямъ, постановленнымъ за злостное банкротство и злостную несостоятельность, подвергаются тѣ изъ несостоятельныхъ, которые безъ законныхъ причинъ отказываются сдѣлать передаточныя надписи на представленныхъ ими въ конкурсъ или въ присутственное мѣсто акціяхъ или билетахъ. Этимъ они обнаруживаютъ рѣшимость отнять у кредиторовъ возможность удовлетворенія (ст. 1668).

Преступленія по обязательствамъ, составляющія въ Уложеніи особенную главу, въ сущности родъ мошенничества, потому что цѣль ихъ — посредствомъ обмана или нарушенія закона присвоить себѣ имущество другаго.

Каждый договоръ тогда только законенъ и дѣйствителенъ, когда онъ совершенъ свободно, когда лицо имѣло законное обладаніе надъ имуществомъ, служащимъ предметомъ договора, и когда оно могло имъ распоряжаться. Если нарушена была свобода одного изъ договаривающихся принужденіемъ или обманомъ, если лицо не имѣло законнаго обладанія надъ имуществомъ, т. е. когда имущество было чужое, доставшееся чрезъ кражу или похищеніе, или по малолѣтству и несовершеннолѣтію, по взятію его имѣнія въ опеку или подъ секвестръ, тогда является преступленіе по обязательствамъ; здѣсь есть злостное похищеніе чужихъ денегъ, такъ какъ договоръ будетъ разрушенъ. Другія условія законности договоровъ, какъ напр. правоспособность покупщика, не могутъ вести къ уголовнымъ послѣдствіямъ, потому что несоблюдшій ихъ наказывается потерею затраченныхъ денегъ, не нанося другому имущественнаго ущерба.

Нѣкоторые договоры имѣютъ, сверхъ того, еще свои специальныя условія, нарушеніе которыхъ преслѣдуется уголовнымъ закономъ. Насиліе при заключеніи договоровъ, когда оно состояло въ употребленіи простаго принужденія или угрозъ къ выдачѣ обязательства или къ изъявленію согласія на невыгодную сдѣлку, подвергаетъ виновнаго ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе, т. е. низшему изъ наказаній, установленныхъ за грабежъ перваго разряда. Тому же наказанію подвергается и тотъ, кто насиліемъ или угрозами заставитъ другаго истребить актъ, служащій доказательствомъ его права на собственность (ст. 1636).

Но если насиліе сопровождалось побоями, истязаніями или жестокостями, или лишеніемъ свободы, или при этомъ подвергались опасности жизнь

или здоровье принужденнаго лица, тогда виновный наказывается какъ за разбой (ст. 1687).

Обманъ состоитъ при заключеніи обязательствъ во-первыхъ въ томъ, когда кто изъ корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ чрезъ сообщеніе съ умысломъ ложныхъ извѣстій, свѣдѣній, увѣреній, вовлечетъ другаго въ убыточныя или весьма неудобныя предпріятія (ст. 1688). Если такого рода маневры были употреблены для того, чтобы выманить деньги безвозвратно, то это, какъ мы видѣли, мошенничество. Но въ разбираемомъ случаѣ нѣтъ непосредственнаго присвоенія себѣ вещи или денегъ; цѣль здѣсь поправить свои дѣла привлеченіемъ другаго къ невыгодному предпріятію. Для бытія этого преступленія необходимо, чтобы завѣренія и свѣдѣнія были завѣдомо — ложныя, во-вторыхъ, чтобы лицо имѣло корыстные или иные личные виды. Если же оно дѣйствовало по увлеченію не для какихъ либо личныхъ видовъ, тогда нѣтъ преступленія. Третій составной элементъ этого преступленія весьма труденъ для доказательства: надобно, чтобы предпріятія или обороты, въ которые лицо было вовлечено, были „убыточные или по крайней мѣрѣ весьма неудобные“. Выраженіе „убыточные“ представляетъ мало осязательнаго. Нѣтъ такого выгоднаго предпріятія, которое по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, или по лѣности и неспособности дѣятеля, не могло бы сдѣлаться убыточнымъ. Развѣ мы не видимъ безпрерывно, что на одномъ и томъ же родѣ промышленности одинъ разоряется, а другой богатѣетъ. Западная практика считаетъ, что преступленіе въ данномъ случаѣ существуетъ только тогда, когда предпріятіе не могло имѣть шансовъ успѣха, и завлекшій зналъ это обстоятельство очень хорошо. Еще менѣе опредѣлительно выраженіе „весьма неудобныя предпріятія“. Преступность или непреступность зависитъ здѣсь отъ того, были ли предпріятія весьма неудобныя или просто неудобныя; но различіе между неудобнымъ и весьма неудобнымъ до такой степени шаткое, что класть его основаніемъ преступленія невозможно.

Притомъ убыточность, если она и зависитъ много отъ самаго дѣятеля, можетъ и должна быть доказана положительно — цифрами; а какое мѣрило можно принять для признанія удобства или важнаго неудобства?

Сенатъ разъяснилъ, что ложныя *обѣщанія*, хотя бы чрезъ нихъ лицо и было вовлечено [въ невыгодную сдѣлку не составляютъ преступленія. (Кассац. 1869 г. № 983). За это преступленіе полагается заключеніе въ смирительномъ домѣ до года и четырехъ мѣсяцевъ.

Если, однако, виновный для успѣха обмана присвоилъ себѣ званіе лица, состоящаго въ государственной службѣ, или представилъ подложные документы или торговыя письма, или употребилъ другаго рода под-

логи, то онъ подвергается ссылкѣ въ Сибирь на житье по 5-й степени, какъ за мошенничество.

Для законности договоровъ требуется не только свободное согласіе, но и совершеннолѣтіе. По этому за покупку имущества у несовершеннолѣтняго (1703) безъ разрѣшенія опекуна или попечителя слѣдуетъ, сверхъ уничтоженія договора, заключеніе въ тюрьмѣ до 4-хъ мѣсяцевъ.

Впрочемъ это постановленіе не можетъ быть прилагаемо буквально, во всей широтѣ. Несовершеннолѣтній, т. е. имѣющій менѣе 21 года, напр. девятнадцатилѣтній состоитъ нерѣдко въ государственной службѣ; онъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи движимость; было бы противнымъ и нравамъ и природѣ вещей посадить въ тюрьму человѣка, который купитъ у девятнадцатилѣтняго офицера шубу или пистолетъ, безъ разрѣшенія его попечителя. Даже и уничтоженіе сдѣлки, т. е. обязанность возвратить несовершеннолѣтнему вещь безъ вознагражденія, имѣетъ въ жизни предѣлъ. Дальнѣйшій разборъ этого положенія, разрѣшаемаго другими гражданскими кодексами иначе, чѣмъ нашимъ, выходитъ изъ предѣла нашего предмета.

Замѣтимъ, что хотя въ 1703 ст. говорится объ „имуществѣ“ несовершеннолѣтняго, подъ каковымъ выраженіемъ разумѣется и движимость и недвижимость, но во второй ея части употреблено другое выраженіе — „имѣніе“ (...„и обязанъ возвратить купленное имѣніе безъ всякаго за то вознагражденія“). Отсюда есть основаніе полагать, что въ 1703 ст. дѣло идетъ о покупкѣ недвижимыхъ имуществъ, что согласнѣе, какъ мы видѣли, съ жизнью. Это подтверждается и всей совокупностью 218 ст. X т. Св. Зак. и примѣчанія къ ней, на которой основана 1703 статья Уложенія.

Вступленіе съ несовершеннолѣтнимъ въ другія имущественныя сдѣлки, которыя ему воспрещены закономъ, кромѣ купли-продажи, поставлено иначе. Для бытія преступленія здѣсь требуются обманы и ложныя увѣренія притомъ, съ тѣмъ, чтобы виновный воспользовался „незнаніемъ закона или легкомысліемъ такого лица“. Мы полагаемъ, что также существенно необходимо и то, чтобы таковая сдѣлка была явно невыгодна для несовершеннолѣтняго. Слѣдственно при несуществованіи одного изъ этихъ обстоятельствъ не можетъ быть уголовныхъ послѣдствій. За это преступленіе положено заключеніе въ тюрьмѣ до 4 мѣсяцевъ или въ смирительномъ домѣ до 8 мѣсяцевъ. (Улож. ст. 1869).

Представленіе изъ корыстныхъ цѣлей слѣпому для подписанія не того обязательства, которое было согласно съ его желаніемъ и намѣреніями, злоупотребленіе бланковой подписью, т. е. написаніе другаго, явно убыточнаго для ввѣрившаго акта, или обращеніе бланка въ свою пользу, наказывается какъ подлогъ актовъ, составляемыхъ домашнимъ порядкомъ

т. е. ссылкой въ Сибирь на житье (ст. 1603, 1694). Повѣренный, совершившій сдѣлку, на основаніи довѣренности, объ уничтоженіи которой ему было извѣстно, наказывается какъ за подложное составленіе акта (1696). Само собою слѣдуетъ, что къ подлогамъ причислена продажа имѣнія уже проданнаго или находящагося подъ запрещеніемъ или опекою, съ сокрытіемъ этихъ обстоятельствъ (ст. 1699, 1700). Въ первомъ случаѣ слѣдуетъ ссылка на поселеніе, во второмъ — на житье въ отдаленныя губерніи. Залогъ вдвойнѣ недвижимаго имущества, залогъ чужаго имущества безъ уполномочія наказывается какъ и продажа такого имущества (ст. 1705). Лицо, которое продастъ или отдаетъ въ закладъ имущество, завѣдомо украденное или добытое чрезъ насиліе, подвергается наказанію, какъ пособникъ въ томъ преступленіи, которымъ оно пріобрѣтено (ст. 1701, 1705). Что касается до покупщиковъ, то тѣ изъ нихъ которые пріобрѣтаютъ недвижимое имѣніе завѣдомо отъ лица, неимѣющаго уполномочія, наказываются какъ участники въ противозаконной продажѣ (ст. 1702). Относительно движимостей покупка и принятіе въ закладъ тѣхъ изъ нихъ, которыя пріобрѣтены завѣдомо чрезъ насиліе (разбой или грабежъ), дѣлаютъ покупщика участникомъ того преступленія, которымъ онѣ пріобрѣтены (ст. 1702, 1705). Но если это имущество было пріобрѣтено чрезъ кражу или обманъ, то покупщикъ или закладчикъ подвергаются наказаніямъ, установленнымъ за эти преступленія только тогда, когда они занимаются этимъ въ видѣ ремесла, — а въ противномъ случаѣ подвергаются только аресту до 3-хъ мѣсяцевъ, или денежному взысканію до 300 рублей (Миров. Уст. ст. 180). Послѣднее постановленіе составляетъ важное изъятіе не только изъ системы преступленія покупки вещей завѣдомо доставшихся чрезъ преступленіе, но и изъ общаго положенія объ укрывательствѣ, изложеннаго въ 14 и 124 статьяхъ Уложенія.

Статья 180 была подробно разъяснена сенатомъ. Хотя въ ней говорится только о покупкѣ или принятіи въ закладъ завѣдомо краденнаго или полученнаго чрезъ обманъ имущества, но сенатъ разъяснилъ, что для бытія преступленія достаточно знанія, что вещь не могла законно принадлежать продававшему; между прочимъ признано было виновнымъ по этой статьѣ лицо, которое приняло въ закладъ вещи, зная, что онѣ даны были закладывавшему только для пользованія. (Кассац. 1867 г. № 76; 1868 г. № 77).

Для признанія кого либо виновнымъ въ покупкѣ или пріемѣ въ закладъ завѣдомо краденныхъ вещей въ видѣ ремесла, необходимо, чтобы дѣйствіе это совершено было обвиняемымъ не въ первый разъ. (Кассац. 1868 г. № 679). Въ рѣшеніи 1868 г. № 174, сенатъ говоритъ: „Для примѣненія 180 статьи нужно, чтобы покупщикъ не принималъ другаго

кромѣ покупки, участія въ преступленіи, т. е. не могъ считаться ни участникомъ въ преступленіи, ни прикосновеннымъ къ оному (отд. 3, гл. I, разд. I, Улож. о наказ.). По сему, если кто до совершенія кражи обѣобѣщался намѣревавшемуся похитить вещи, купить ихъ по совершеніи пъхищенія, то въ этомъ случаѣ, лицо купившее должно быть подвергнуто наказанію какъ пособникъ кражи, совершенной по предварительному соглашенію; точно также, ког а покупщикъ завѣдомо краденыхъ вещей знаетъ не только о способѣ ихъ похищенія, но и самый случай совершившейся кражи, знаетъ лицо, у котораго вещи похищены, то въ этомъ случаѣ въ дѣйствіяхъ виновнаго слѣдуетъ признавать не преступленіе, предусмотрѣнное въ 180 ст. Уст. о наказан., налаг. мир. суд., по настояшее укрывательство, а именно: сокрытіе слѣдовъ извѣстнаго ему преступленія".

Договоръ займа, сверхъ общихъ всѣмъ другимъ условій, имѣетъ еще одно, ограничивающее свободу договаривающихся, именно, что проценты, или плата за пользованіе, не должны превышать шести въ годъ. Нарушеніе этого постановленія — взятіе лихвенныхъ процентовъ — подвергаетъ виновнаго въ первый разъ взысканію не свыше тройнаго количества взятыхъ имъ лихвенныхъ процентовъ, во второй разъ — сверхъ того — и аресту, а въ третій и тюремному заключенію до одного года и четырехъ мѣсяцевъ (ст. 1707). Сильное увеличеніе наказанія при повтореніи, особенно въ третій разъ, объясняется тѣмъ же, чѣмъ и при кражѣ и мошенничествѣ, т. е. что законодатель видитъ въ этомъ случаѣ въ виновномъ ростовщика по ремеслу.

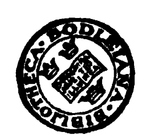
Въ настоящее время, во многихъ государствахъ отмѣнены узаконенные проценты: законодатели, согласно съ выводами политической экономіи, увидѣли, что деньги, какъ и всякій другой товаръ, могутъ отдаваться въ наемъ дороже и дешевле, сообразно соотношенію между спросомъ и предложеніемъ; что указные проценты, стѣсняя свободу сдѣлокъ, во первыхъ не достигаютъ цѣли, потому что взятіе лихвенныхъ существуетъ завѣдомо—они берутся подъ видомъ платы за храненіе заклада, наконецъ просто вычитаются впередъ изъ взятой суммы,—и, кромѣ того, запретъ идетъ въ положительную невыгоду нуждающихся въ займѣ: люди достойные и значительные капиталисты, которые согласились бы отдавать деньги въ займы, удаляются у насъ отъ такихъ предпріятій, какъ невыгодныхъ, потому что всякое другое даетъ большую выгоду, а нарушать законъ они не хотятъ, вслѣдствіе этого отдачей денегъ въ займы за лихвенные проценты промышляютъ вообще люди малонравственные, которые налагаютъ на должниковъ чудовищныя условія.

Договоръ довѣренности, въ особенности для веденія судебныхъ дѣлъ, требуетъ отъ довѣрителя величайшаго довѣрія къ повѣренному: послѣд-

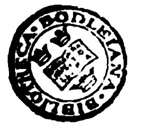
ній можетъ при недобросовѣстности всегда погубить его дѣло, такъ что тотъ не въ состояніи ничѣмъ доказать его преступности; довѣритель не можетъ указать ему ни основаній, ни средствъ судебной защиты, онъ во всемъ обязанъ вѣрить, не смѣетъ спорить и прекословить. Только грубыя, рельефныя нарушенія могутъ быть преслѣдуемы въ договорѣ о судебной довѣренности, какъ-то: сообщеніе документовъ своего довѣрителя противной сторонѣ, безъ его согласія и не по распоряженію суда. Если отъ таковаго сообщенія послѣдовалъ вредъ довѣрителю, то повѣренный сверхъ вознагражденія убытковъ подвергается заключенію въ тюрьмѣ до 4 мѣсяцевъ; а если оно совершенно имъ изъ корыстныхъ или иныхъ противозаконныхъ цѣлей, то ссылкѣ въ Сибирь на житье (ст. 1710). Далѣе, если повѣренный злонамѣрено (а не по ошибкѣ) преступитъ предѣлъ уполномочія, или войдетъ въ сношенія или сдѣлку съ противникомъ своего довѣрителя во вредъ ему, и управляющіе по довѣренностямъ имѣніями за нарушеніе уполномочія во вредъ довѣрителямъ, приговариваются къ наказаніямъ, положеннымъ за мошенничество (ст. 1709).

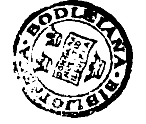
Учрежденіе организованной корпораціи присяжныхъ повѣренныхъ между прочимъ вызывается той возможностью множества злоупотребленій, долженствующихъ остаться ненаказанными, которою располагаетъ повѣренный въ судебныхъ дѣлахъ. Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ наблюдаетъ за нравственнымъ характеромъ членовъ своего сословія,—онъ не принимаетъ въ его среду людей, извѣстныхъ дурной репутаціей, и такимъ образомъ даетъ гарантіи довѣрителямъ. Совѣту присяжныхъ повѣренныхъ предоставлена власть налагать на нихъ за нарушенія принятыхъ обязанностей предостереженія, выговоры, запрещеніе отправлять обязанности повѣреннаго на срокъ до одного года, исключать вовсе изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ, а въ случаяхъ особенно важныхъ предавать уголовному суду (Учрежд. Суд. Установ. ст. 368). Присяжнымъ повѣреннымъ запрещается послѣдовательный переходъ отъ одной стороны къ другой и оглашеніе тайнъ довѣрителя; за пропускъ сроковъ и всякое нарушеніе установленныхъ формъ и правилъ тяжущійся имѣетъ право взыскать съ нихъ убытки (Учр. Суд. Уст. 402—405).

Конецъ.

СОКРАЩЕННОЕ ОГЛАВЛЕНІЕ.

BODLEIANA

193 VIII

